Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 27 — 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 6 Іюля 1875 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются въ конторѣ редакціи ежедневно отъ 10 утра до 8 часовъ вечера (кромѣ Воскресенья). Плата за строку **пятнадцать к. с.**

ПРИЛОЖЕНІЯ къ нумерамъ „Нивы" отъ торговыхъ домовъ принимаются въ количествѣ:
для Иногородныхъ 12.000
и для Городскихъ 4.000
Плата за каждую тысячу 5 руб.

ЗА ПЕРЕМѢНУ АДРЕСА редакція проситъ гг. подписчиковъ высылать:
1) за перемѣну С.-Петерб. на Иногородн. — 60 к.
2) „ „ Иногор. на С.-Петербург. — 50 „
3) „ „ Иногородн. на Иногородн. — 30 „

Отдѣльные нумера высылаются не иначе какъ по полученіи 20 к. за каждый.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА" на 1875 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.	На годъ.		На 6 мѣс.		На 4 мѣс.		На 3 мѣс.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Безъ доставки въ Петерб.	4	—	2	—	1	50	1	—
Съ доставкою въ Петерб.	5	—	3	—	2	—	1	50
Безъ доставки въ Москвѣ, чрезъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ, А. Ф. Живарева и Васильева	4	50	—	—	—	—	—	—
Съ пересылкою во всѣ города и мѣст. Русской Имперіи	5	50	3	—	2	—	1	50

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи «Нивы» въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9-й.

Новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1875 г. нумера.

СТАТЬИ, замѣтки, рисунки и стихи для „Нивы" должны быть доставляемы съ подписью и адресомъ автора, а также и съ обозначеніемъ условія гонорара. Безплатными считаются тѣ статьи, на которыхъ условія не обозначены.

Статьи по почтѣ не возвращаются. Большія статьи сохраняются три мѣсяца до востребованія; мелкія-же, признанныя неудобными къ печати, уничтожаются.

КОРЕСПОНДЕНЦІЮ, требованія, жалобы, перемѣны адресовъ и проч. и проч. просимъ адресовать прямо въ контору редакціи „Нивы" (А. Ф. Марксу), Большая Морская, домъ № 9, въ С.-Петербургѣ.

КЛИШЕ и гравюры имѣются въ редакціи въ большомъ выборѣ. Желающіе пріобрѣтать таковыя могутъ за условіями обращаться въ контору редакціи.

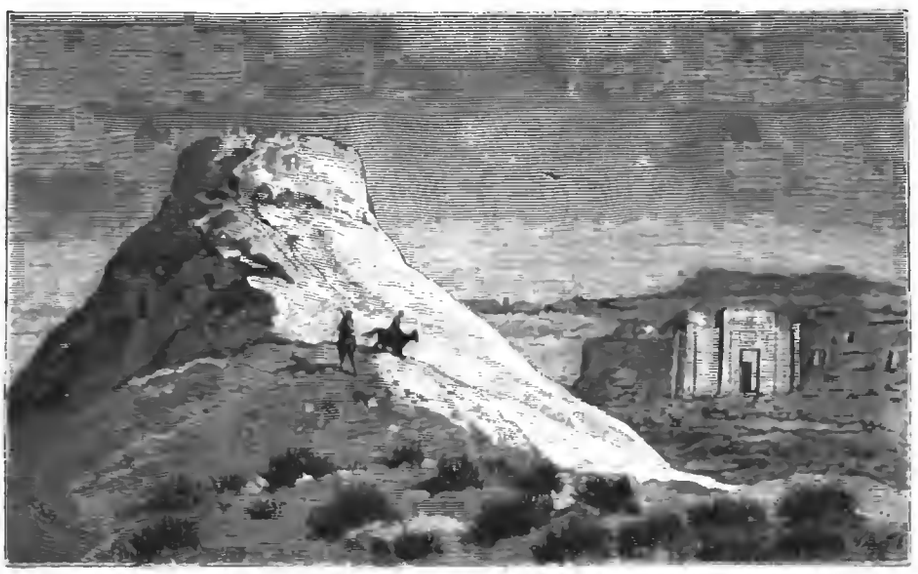
Аму-Дарьинская ученая экспедиція.

По своему географическому положенію—Аму-Дарьинская дельта занимала чрезвычайно важную роль въ исторіи Средней Азіи.

Окруженная со всѣхъ сторонъ громадными пустынями, мертвыми песчаными степями, лишенными вовсе воды, эта зеленая, цвѣтущая дельта, богатая растительностью, обильно орошенная водою, составляла единственную, естественную станцію, — мѣсто отдыха и остановки, для многочисленныхъ народныхъ массъ, проходящихъ пустынями...

Въ своемъ историческомъ стремленіи на западъ, а потомъ обратно на востокъ, эти массы — не зная (правильнѣе, не сознавая) своихъ конечныхъ цѣлей, приходя на Аму-Дарью, останавливались. Ихъ соблазняла эта свѣжесть и видимыя богатства страны,—они разсчитывали здѣсь именно покончить свое странствованіе, утвердиться прочно, осѣдлою ногою.. Они и останавливались, строились, воздвигали города, крѣпости... но приходили новыя массы, болѣе сильныя, вытѣсняли осѣвшихъ, занимали ихъ мѣста—снова строились уже по своему—и снова бросали все это, когда съ востока надвигались на нихъ опять новыя, еще болѣе сильныя массы.

Эти массы не были однородны, они говорили разными языками, имѣли разные обычаи, разное исповѣданіе, разно строились, разно хоронили своихъ умершихъ... и оставляя насиженное мѣсто, оставляли и разнообразные слѣды своего пребыванія, — такіе слѣды, которые долго не могли изгладиться и сохранились даже до сихъ поръ, и ждутъ только историка этнографа для ихъ разработки.



Аму-Дарьинская ученая экспедиція V. Гора Чалпыкъ и медрессе.
Рис. членъ экспедиціи Н. Каразинъ, грав. Скримовскій.

Въ пѣсняхъ, въ легендахъ, въ самомъ языкѣ обитателей дельты, въ разнообразныхъ типахъ ихъ лицъ—замѣтна эта пестрота, эта смѣсь разныхъ народностей, проходившихъ здѣсь и временно занимавшихъ дельту...

Разбойничій характеръ жизни оазиса послѣднихъ временъ—еще болѣе усилилъ эту пестроту. Тысячи плѣнныхъ рабовъ, привезенныхъ сюда изъ Персіи, изъ Россіи,—съ сѣвера и юга, тоже не могли не повліять на смѣшеніе расъ,—и на какомъ

Библиотека "Руниверс"

нибудь базарѣ туземнаго городка васъ удивляетъ встрѣча съ субъектомъ каракалпакомъ по костюму, языку и мѣсту рожденія, но такимъ, что если бы вы одѣли его въ русскую рубаху, то не отличили бы его отъ любаго нашего туляка или калужанина.

Современный каракалпакъ живетъ полукочевою, полуосѣдлою жизнью... У него легкая кибитка лѣтомъ и маленькая сакля зимою... Но въ ихъ селеніяхъ и поблизости вы часто встрѣчаете полуразрушенныя постройки и сооруженія, кажущіяся сломомъ между баранами—относительно современныхъ построекъ. То вы встрѣчаете развалины громаднѣйшихъ стѣнъ, огибающихъ значительное пространство, давно уже засыпанное пескомъ, одичалое, заросшее... То высоко въ небо поднимаются коническія башни, полуразрушенныя временемъ и непогодами—подрытыя снизу такъ, что удивляться надо, какъ онѣ еще не рухнули...

Это всѣ слѣды прежнихъ народностей—давно забытыхъ, неизвѣстныхъ, несохранившихся даже въ народныхъ сказаніяхъ и легендахъ.

Подобныя памятники сѣдой древности изображены на нашихъ рисункахъ: одинъ—развалины сторожеваго укрѣпленія на вершинѣ горы Чалпыкъ, близъ берега Аму, между Назаръ-ханомъ и Ходжейли, а другой—минаретъ Шабасъ-Вали, на развалинахъ близъ города того же имени.

Постройка эта возведена изъ плитнаго стеннаго кирпича, искусно и прочно сложена и свидѣтельствуетъ о хорошемъ состояніи зодчества и культуры древнихъ народовъ, оставившихъ намъ такіе долговѣчные памятники.

Н. Каразинъ.

Соборъ Св. Петра въ Римѣ.

Кто не знаетъ собора Св. Петра въ Римѣ, этого величайшаго изъ всѣхъ христіанскихъ храмовъ? Кто не видалъ площади Св. Петра на картинахъ, если только не видѣлъ ее въ дѣйствительности? Извѣстно что церковь Св. Петра возвышается возлѣ самаго Ватикана, громадной «тюрьмы» нынѣшняго папы, гдѣ этотъ высокій «плѣнникъ» имѣетъ въ своемъ распоряженіи не менѣе какъ 11,000 залъ, комнатъ и прочихъ помѣщеній, не считая большихъ и маленькихъ дворовъ и садовъ, которыя находятся внутри и внѣ ватиканскихъ владѣній и принадлежатъ ему. Какъ дворецъ, такъ и церковь во имя Св. Петра Ватиканскаго—получили это названіе отъ горы mons Vaticanus древнихъ римлянъ, подымающейся позади собора и папскихъ садовъ и носящей теперь названіе Монте Ватикано. Древняя церковь Св. Петра была построена первоначально въ неронономъ циркѣ на мѣстѣ мученичества святаго апостола Петра. Въ этой древней церкви императоръ Карлъ Великій короновался на императорскій престолъ. Папа Николай V первый возъимѣлъ мысль: на мѣстѣ почтеннаго древняго зданія, воздвигнуть новый, великолѣпный храмъ; но осуществилъ эту мысль только папа Юлій II. Первый камень нынѣшняго колоссальнаго собора былъ положенъ 18-го апрѣля 1506 года, а 18-го ноября 1626 послѣдовало торжественное освященіе новой церкви, сооруженіе которой обошлось въ 47 мильоновъ скуди. Храмъ этотъ образуетъ греческій крестъ, раздѣленъ на три отдѣла съ боковыми капеллами, поперечный отдѣлъ и хоры, и увѣнчанъ колоссальнымъ куполомъ. Средній отдѣлъ храма имѣетъ 622 фута, поперечный отдѣлъ 461 футъ длины. Куполъ имѣетъ 413 футовъ вышины, между тѣмъ какъ высота средняго отдѣла равняется 150 футамъ. Но, какъ говорятъ, все зданіе съ намѣреніемъ построено такимъ удивительнымъ образомъ, что размѣры его вовсе не кажутся такими колоссальными, каковы они въ дѣйствительности. Чтобы получить сколько нибудь правильное впечатлѣніе поражающей величины зданія, нужно смотрѣть на него изъ-подъ купола, отъ такъ-называемой Исповѣдальни, гдѣ находится гробница Св. Петра и вокругъ перилъ постоянно горитъ 89 лампадъ.

Въ этой исповѣдальнѣ, въ Страстную пятницу, по окончаніи знаменитой Tenebrae въ Сикстинской Капеллѣ, папа, въ сопровожденіи своей свиты, преклоняетъ колѣна и молится, въ то время когда показываются народу четыре драгоцѣннѣйшія святыни храма: копье Св. Лонгина, часть святаго Креста, саванъ Св. Вероники и голова Св. Андрея, которыя никто не можетъ видать вблизи кромѣ каноников Св. Петра. Святыни эти хранятся обыкновенно въ четырехъ громадныхъ пилястрахъ, поддерживающихъ куполъ: стоящія въ нишахъ огромныя статуи Св. Лонгина, Св. Елены, Св. Вероники и Св. Андрея указываютъ мѣста гдѣ хранятся святыни. Скажемъ кстати, что всѣ вообще скульптурныя и живописныя произведенія отличаются больше колоссальнымъ масштабомъ соотвѣтствующимъ размѣрамъ церкви, но не многія изъ нихъ имѣютъ дѣйствительный художественный интересъ. Въ церкви и въ капеллахъ разсѣяно двадцать семь алтарей и сорокъ пять монументовъ. На главномъ престолѣ, передъ которымъ совершается торжественная служба однимъ только папою, лежитъ мраморная доска около 15 футовъ длины, и на ней стоитъ дарохранительница изъ позолоченной бронзы, имѣющая не менѣе 186,000 фунтовъ вѣсу. Монументы большею частію состоятъ изъ надгробныхъ памятниковъ разныхъ папъ и коронованныхъ особъ, какъ напримѣръ послѣднихъ Стюартовъ, шведской королевы Христины и другихъ; исполнены они преимущественно изъ мрамора или бронзы.

Какъ между многочисленными архитекторами церкви, начиная съ Браманте, перваго, и кончая Вернини, послѣднимъ ея архитекторомъ, было много знаменитыхъ именъ,—такъ и многіе памятники принадлежатъ превосходнѣйшимъ мастерамъ; среди послѣднихъ довольно назвать Микель-Анджело, Канову, Торвальдсена. Въ такъ-называемыхъ ватиканскихъ катакомбахъ, прорытыхъ подъ церковью, и отворяемыхъ въ день Св. Петра для мужчинъ и въ день Св. Духа для женщинъ, есть также много интересныхъ статуй, саркофаговъ и надписей изъ старой церкви Св. Петра.

Фасадъ церкви построенъ Мадерно. Восемь колоннъ, четыре пилястра и шесть полу-пилястровъ заключаютъ обширный притворъ, 68-ми футовъ вышины; надъ нимъ находится галлерея съ лоджіей, откуда въ Великій четвергъ и въ Пасху папа благословляетъ народъ. Отсюда-же провозглашается имя новоизбраннаго папы, и здѣсь же происходитъ его коронованіе. Балюстрада надъ аттикой украшена огромными статуями Спасителя, Божіей Матери и апостоловъ кромѣ Петра. Статуи Петра и Павла стоятъ у подножія широкой лѣстницы, ведущей въ притворъ. Изъ пяти входныхъ дверей самая меньшая вправо—всегда запечатана и заложена кирпичами и отворяется разъ въ сто лѣтъ. Она называется Юбилейной. При совершеніи этого торжества, какъ это было до сихъ поръ, утромъ 24-го декабря, папа идетъ, въ сопровожденіи пышной свиты, въ церковь, и подойдя къ двери стучитъ въ нее серебрянымъ молоткомъ; она тотчасъ распадается, такъ какъ уже все заранѣе устроено для этого, и папа, черезъ обломки, входитъ въ церковь. Въ теченіи этого юбилейнаго года дается отпущеніе всѣхъ грѣховъ.

Среднія двери бронзовыя, работы Антоніо Филарете, которому они были заказаны въ 1440 году папою Евгеніемъ IV-мъ. Влѣво отъ входа находится крестильная капелла; вмѣсто купели употребляется порфировый саркофагъ, служившій нѣкогда гробницей Императору Оттону II-му, а вправо, возлѣ первой капеллы съ «Pietà» Микель Анджело, маленькая капелла della Colonna Santa съ колонной изъ Іерусалимскаго Храма; по преданію, Іисусъ Христосъ стоялъ передъ этой колонной когда спорилъ съ книжниками о священномъ писаніи.

Лежащая передъ церковью, площадь Петра имѣетъ форму эллипса соединеннаго съ квадратомъ; она ограничивается съ обѣихъ сторонъ крытыми тройными колоннадами, оставляющими выходъ только на Piazza Rusticucci. Посреди площади возвышается, окруженный четырьмя огромными канделябрами обелискъ, стоявшій нѣкогда въ храмѣ солнца въ Геліополисѣ и имѣющій 135 футовъ вышины. Въ 39 г. по Р. Х. Калигула велѣлъ перевезти его въ Римъ и поставить въ Ватиканскомъ циркѣ, гдѣ онъ и оставался, пока папа Сикстъ V не назначилъ ему теперешнаго его мѣста. Работы по перенесенію обелиска производились подъ руководствомъ архитектора Фонтана. Послѣ предварительныхъ церемоній посвященія обелиска святому кресту, который и былъ утвержденъ на его вершинѣ, 27-го сентября 1586 г., онъ былъ поставленъ на площади Св. Петра.

Во время поднятія обелиска, для чего было употреблено 40 воротовъ, 800 рабочихъ и 150 лошадей,—народу, подъ страхомъ смертной казни, запрещено было произносить какое либо восклицаніе чтобы не мѣшать передачѣ необходимыхъ распоряженій. Начали поднимать обелискъ, но слишкомъ сухія веревки скоро вытянулись—и вдругъ, среди тишины изъ толпы раздается крикъ: «Воды на канаты!» Это предостереженіе простаго матроса спасло все дѣло, такъ какъ вода, усиливъ упругость конопли, дѣйствительно дозволила системѣ веревокъ выдержать тяжесть до конца. Папа пожелалъ узнать, кто закричалъ: это былъ нѣкто Бреска изъ Санъ-Ремо, въ генуэзскомъ округѣ. Сикстъ не только на наказалъ его, но предложилъ еще награду. Бреска получилъ для себя и для своихъ потомковъ привилегію ежегодно снабжать въ Вербное воскресенье пальмами всѣ церкви въ Римѣ.

Церемонія освященія и раздачи пальмъ совершается самимъ папою въ церкви Св. Петра. Тотъ кому предназначается пальма—подходитъ къ папскому трону, преклоняетъ дважды колѣна, цѣлуетъ перстень папы, получаетъ изъ его рукъ пальму, цѣлуетъ ее и отходитъ. Пальму получаютъ кардиналы, епископы, высшіе духовные и свѣтскіе сановники, члены дипломатическаго корпуса, и нѣкоторые избранные, которымъ посчастливится достать отъ папскаго мажордома билетъ на эту церемонію.

Фонтаны по обѣимъ сторонамъ обелиска происходятъ со временъ папъ Павла V-го и Иннокентія XI-го; они получаютъ воду изъ Траянова акведука.

Площадь Св. Петра, въ Великій четвергъ и Пасху, представляла единственное зрѣлище въ мірѣ. Вся площадь бывала залита сплошной массой народа, ожидающаго благословенія свя-

Библиотека "Руниверс"

таго отца. На нижнихъ окраинахъ ея стояло отъ 1500 до 2000 роскошнѣйшихъ экипажей, принадлежавшихъ кардиналамъ, посланникамъ знатнымъ иностранцамъ и римскимъ аристократамъ. По серединѣ площади были расположены въ каре папскія войска, а кругомъ масса зрителей образовывала плотную, непроходимую, живую стѣну. Вдругъ звонъ всѣхъ колоколовъ, съ крѣпости Святаго Ангела, смѣшанный съ боемъ барабановъ и звуками трубъ, возвѣщалъ приближеніе папы. Съ тіарой на головѣ, несомый на сѣдіи, окруженный блестящей папской свитой, показывался онъ въ лоджіѣ, и послѣ обычныхъ молитвъ, вставалъ—и простирая надъ толпой руки произносилъ свое благословеніе. Всѣ съ обнаженными головами преклоняли колѣна; въ громадной массѣ народа, буквально покрывавшей площадь, царила мертвая тишина.

Не меньшее стеченіе народа, бываетъ на площади въ вечеръ Пасхи, во время большой иллюминаціи церкви Св. Петра. Величественный куполъ, возведенный при Сикстѣ V по плану Микель-Анджело, оканчивается фонаремъ, на которомъ покоится громадный шаръ съ возвышающимся на 14 футовъ золотымъ крестомъ; весь куполъ ярко освѣщается, также какъ и фасадъ собора. Больше 4400 плошекъ и отъ 683 до 791 факела заливаетъ все зданіе моремъ огня. Число зажигальщиковъ простирается слишкомъ до 250 человѣкъ; иллюминація зажигается мгновенно послѣ удара въ колоколъ, возвѣщающаго второй часъ послѣ солнечнаго заката.

Такое же несравнимое ни съ чѣмъ впечатлѣніе производитъ освѣщеніе плащаницы въ страстную пятницу, тогда какъ вся остальная церковь остается во мракѣ. Вообще церемоніи Страстной недѣли, своей необыкновенной торжественностью и пышностью, привлекали на эти дни въ Римъ отъ 60 до 70,000 иностранцевъ. Особенно много наѣзжаетъ англичанъ и американцевъ, чтобы присутствовать при богослуженіи въ среду, четвергъ и пятницу Страстной недѣли и слышать въ Сикстинской капеллѣ знаменитое Аллегріево «Miserere», исполняемое во время Tenebrae папскими пѣвчими, видѣть великолѣпную процессію, когда въ Великій четвергъ, папа переноситъ Святые Дары съ алтаря Сикстинской Капеллы въ Капеллу Св. Павлины, или церемонію умовенія ногъ, при чемъ двѣнадцать священниковъ изображаютъ апостоловъ, и наконецъ присутствовать въ Великую субботу въ Сикстинской Капеллѣ при исполненіи безсмертнаго творенія Палестрины «Мессы папы Марцелла.»

Въ ту минуту какъ раздаются звуки «Gloria in excelsis,» начинается звонъ во всѣ колокола, пальба изъ пушекъ крѣпости Св. Ангела, и весь городъ принимаетъ праздничный видъ. Улицы наполняются народомъ всѣ привѣтствуютъ другъ друга восклицаніемъ: «Buona Pasqua!», вездѣ раздаются крики и ружейная стрѣльба въ честь праздника.

Въ Свѣтлое Христово воскресенье папа обыкновенно самъ совершалъ торжественную службу въ храмѣ Св. Петра. По окончаніи службы, народу показывались реликвіи и папа благословлялъ народъ и давалъ полное отпущеніе грѣховъ.

Орелъ-дѣвка.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

Старикъ, видавшій виды на своемъ вѣку, осторожно раздѣлъ Валли и принялся оттирать ее снѣгомъ. Когда кожа стала оживляться и кровь задвигалась въ тѣлѣ, онъ тщательно вытеръ оживающую дѣвушку, хорошенько укуталъ ее и влилъ ей въ ротъ немного крѣпкой настойки изъ травъ.

Но вотъ она наконецъ очнулась, потянулась и, открывъ глаза, оглянула комнату. Взглядъ ея былъ мутенъ, ничего не выражалъ; пробормотавъ какія-то слова, Валли снова впала въ забытье.

— Больна она, сказалъ Никодимъ брату, когда тотъ вернулся съ здоровенной крестьянкой, уже успѣвшей въ сѣняхъ стряхнуть съ себя снѣгъ.

— Ну, Маріанна, обратился онъ къ женщинѣ (Маріанна была его замужней сестрой),—ты должна ужъ подсобить тутъ. Намъ неловко возиться съ дѣвкой. Вонъ—Леандръ только и глазѣетъ на нее, словно она его приворожила!

И Никодимъ хмуро взглянулъ на брата, который успѣлъ уже пробраться къ изголовью постели и плотоядно глядѣлъ на Валли.

Услышавъ слова эти, Леандръ смутился слегка и сталъ смотрѣть въ сторону.

Маріанна приблизилась къ постели и сейчасъ-же, разумѣется, полюбопытствовала узнать: откуда и кто эта дѣвушка?

— А Богъ ее вѣдаетъ, кто она! Видно изъ бродягъ, сказалъ Никодимъ.

— Какъ-бы не такъ! сердито отозвался Леандръ:—напротивъ, сейчасъ видно что не изъ такихъ!...

— Вотъ, вотъ—н-да! Красива она, по вкусу тебѣ пришлась—ну, значитъ, и „не изъ такихъ!“ Эхъ, братецъ, да развѣ мало смазливыхъ-то съ черной душонкой? Что лицо?.. Суть-то не въ красотѣ. Станетъ-ли хорошая дѣвушка зимою одна шляться до тѣхъ поръ, пока не кувырнется гдѣ нибудь?... Нѣтъ, тутъ что-то неладно... Богъ вѣсть, кого мы это еще въ домъ-то пустили!.. А впрочемъ, дѣло сдѣлано—и шабашъ, прибавилъ добродушный Никодимъ:—и то сказать: этакая стужа—не бросать же человѣка, пусть-де лежитъ въ снѣгу! Она вотъ больна теперь—ну и конечно намъ все равно, кто она такая.

— Ваша воля, сказала Маріанна,—что-жъ, ходить, смотрѣть за ней стану, а ужъ въ свой домъ—заранѣе говорю—не пущу ее.

— И не нужно! Она и у насъ можетъ остаться, не безъ раздраженія отвѣтилъ Леандръ.

Тутъ Валли начала что-то говорить несвязно. Онъ заботливо нагнулся къ ней и спросилъ самымъ нѣжнымъ голосомъ:

— А? Что? Чего тебѣ хочется?

Никодимъ и Маріанна взглянули другъ на друга.

— Знаешь что я тебѣ скажу, заговорилъ старшій братъ, обращаясь къ Леандру:—ужъ будь такъ добръ теперь—отдерни-ка лапу свою отъ этой залетной дичи, оставь ее, пока мы не узнаемъ, кто она такая. Ну, вотъ тебѣ Богъ, а вотъ—порогъ: уходи и не являйся сюда, если не хочешь, чтобы я выбросилъ вонъ дѣвчонку—даже больную. Раскусилъ—а?

— Развѣ ужъ и посмотрѣть-то нельзя? огрызнулся Леандръ.—Ну, не совсѣмъ и раскусилъ...

— Ладно, уходи, уходи лучше... Я хозяинъ тутъ, я и опекунъ твой!

Никодимъ взялъ брата за руку, вывелъ его за дверь въ другую комнату и вернулся.

Валли не приходила въ себя. Она вся была въ жару; шея ея опухла, все тѣло болѣло, не позволяло шевельнуться—ясно, что она крѣпко простудилась и кромѣ того дошла до изнеможенія. Никодимъ и Маріанна заботливо ухаживали за больной.

Леандръ былъ въ тревогѣ; ему какъ-то ничего не хотѣлось дѣлать, и онъ бродилъ въ сосѣдней комнатѣ изъ угла въ уголъ, подскакивая къ двери каждый разъ, какъ только братъ или сестра выходили оттуда на минутку, и спрашивая: „ну, что? какъ она?“...

Молодой человѣкъ былъ рѣшительно не въ своей тарелкѣ: очень ужъ ему желательно было самому быть сидѣлкой у такой хорошенькой больной!... Когда уже повечерѣло и снѣгъ пересталъ падать, Леандръ взялъ ружье и вышелъ изъ дома, однако почти сейчасъ возвратился и кликнулъ брата.

— Слушай-ка, произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ:—у насъ на крышкѣ орелъ сидитъ!.. и важный, я тебѣ скажу, орелъ, да какъ глядитъ преспокойно, не боязливо, словно тамъ его настоящее мѣсто!

— Вотъ такъ штука! замѣтилъ Никодимъ.

Библиотека "Руниверс"

— Пойдемъ-ка, самъ увидишь! (Леандръ вытащилъ брата на дворъ). Вонъ—смотри-ка: усѣлся и не двигается. И что̀ за орлина—прелесть! Жаль, чортъ возьми, пальнуть-то нельзя!...

— А почему-жъ это нельзя?

— Ну, вотъ, развѣ можно стрѣлять!... шумъ этакой дѣлать, когда больная тутъ-же въ домѣ?

И онъ даже ногой топнулъ.

— Ну, протури его, да слѣдомъ за нимъ и ступай, а потомъ пристрѣли гдѣ нибудь подальше.

— Жшт-жшт—ты-ы! сталъ Леандръ пугать птицу и швырнулъ въ нее комъ снѣга.

Орелъ встрепенулся, приподнялъ сердито перья, крикнулъ и взмахнулъ крыльями. Покружившись надъ домикомъ минуты двѣ-три, онъ плавно спустился на крышу и снова спокойно усѣлся на ней.

— Штука на удивленье! Не хочетъ улетать—и шабашъ! Да никакъ онъ ручной?

Еще разъ пугнулъ—та-же исторія.

— Да это—оборотень! мелькнуло въ головѣ Леандра, и онъ перекрестился, однако тутъ и крестъ не помогъ: значитъ, не бѣсовская сила пошаливаетъ.

— Мнѣ кажется—орелъ-то раненъ и летѣть не можетъ, сказалъ Никодимъ:—бѣды отъ него никакой не будетъ, нечего и возиться съ нимъ; оставь его, онъ и самъ съ крыши свалится... Ужъ подожди, коли не хочешь стрѣлять, чтобы не испугать больной.

— Постой-ка, я его теперь просто руками поймаю!...

Леандръ приставилъ лѣстницу къ крышѣ и осторожно взлѣзъ на нее. Птица сидѣла смирно и подпустила охотника близко къ себѣ. Вытащивъ изъ кармана платокъ, онъ хотѣлъ было набросить его на голову орла, но орелъ не позволилъ этого: тыкая клювомъ и ударяя крыльями, онъ принудилъ Леандра живо отретироваться.

Никодимъ фыркнулъ, глядя на эту сцену.

— Хе-хе, съ носомъ, братъ, остался! Вотъ онъ и доказалъ тебѣ, что такую птицу руками изловить нельзя!.. Я нарочно промолчалъ... Ну, думаю, полѣзай, попробуй!

— Въ толкъ не возьму, что̀ это за звѣрь такой! бормоталъ Леандръ, сердито потряхивая головой.—Ну-да ладно, погрозилъ онъ орлу,—погоди ужо, не уйдешь ты отъ меня!..

— Вотъ и погоняйся за нимъ завтра, коли онъ сегодня ночью не околѣетъ. Если силы у него хватитъ, онъ непремѣнно улетитъ, только не далеко—гдѣ нибудь тутъ по близости и сядетъ.

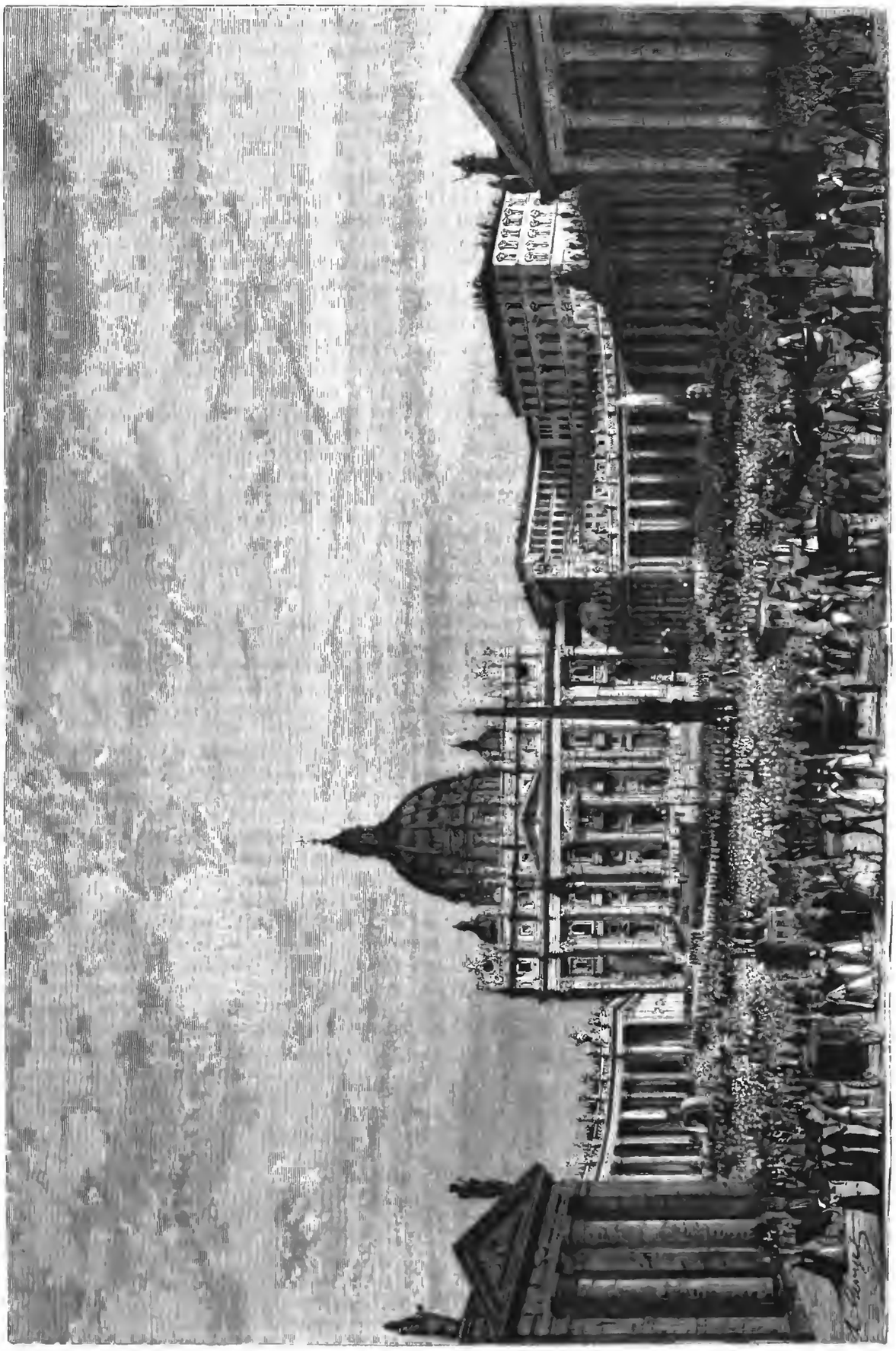
Почти совсѣмъ уже стало темно. Вышла Маріанна и объявила, что ей надо теперь домой отправиться, чтобы приготовить ужинъ мужу.

Братья вошли въ домъ. Старшій сходилъ въ кладовую за хлѣбомъ и сыромъ. Время было и имъ поужинать.

Леандръ, воспользовавшись отсутствіемъ брата, под-

Аму-Дарьинская ученая экспедиція V. Шахъ-абаръ-Вали. Древнія развалины крѣпости. Рис. членъ экспедиціи Н. Каразинъ, грав. Вольскій.

Библиотека "Руниверс"



Соборъ Св. Петра въ Римѣ въ день Пасхи.

Библиотека "Руниверс"

крался къ дверямъ спальни его, осторожно отворилъ ихъ настолько, чтобы можно было заглянуть туда, и сталъ глядѣть на Валли.

Дѣвушка спокойно теперь спала въ теплой постели Никодима; а давненько ей не приходилось лежать такъ удобно и мягко!... Замѣтно было, какъ такой отдыхъ благодѣтельно вліялъ на нее, какъ онъ былъ ей нуженъ: она увязла въ подушкахъ въ какой-то блаженной истомѣ...

— Храни тебя Боже, бѣдняжка! О, Господи помилуй! зашепталъ Леандръ и вдругъ живо притворилъ дверь, заслышавъ шаги Никодима. Когда старшій братъ вошелъ, неся ужинъ, Леандръ сидѣлъ уже у стола въ самой непринужденной, невинной позѣ.

— На сегоднешнюю-то ночь мы удобно устроимся, благо Бенедикта нѣтъ, заговорилъ Никодимъ:—я здѣсь лягу, на его кровати; ну, а завтра, ежели онъ вернется, какъ всѣ-то мы размѣстимся?—двѣ постели—только...

— Очень мнѣ нужна постель! Ну, ее! отрѣзалъ Леандръ.—Ради больной, я готовъ гдѣ угодно спать: хоть тутъ на скамейкѣ, хоть на сѣнѣ гдѣ нибудь... Все едино! Ужъ коли придется потѣсниться, такъ зачѣмъ тебѣ и Бенедикту терпѣть неудобство? Пусть ужъ это на меня падетъ!

— Ну, будь по твоему, потерпи неудобство, ежели это тебѣ даже пріятно; только, знаешь, потерпи тамъ... на сѣнѣ, а не тутъ, на скамейкѣ: скамейка-ка стоитъ ужъ больно близко къ нашей гостьѣ... Раскусилъ?

— Ничего... Раскусить можно! отвѣтилъ Леандръ и сильно поморщился, какъ будто вмѣсто куска сыра въ ротъ ему попало кислое яблоко.

Комната, гдѣ стояли кровати Бенедикта и Леандра, была рядомъ съ спальней Никодима, а потому послѣдній и рѣшилъ провести эту ночь на постели отсутствующаго брата. Онъ раза два ночью вставалъ, подходилъ къ дверямъ спальни своей и прислушивался—спитъ-ли Валли... Она спала, но сонъ ея былъ тревоженъ, она бредила. Никодимъ ясно слышалъ, какъ больная пробормотала что-то про орла.

— Эге, знать, птицу-то эту и она видѣла, подумалъ старикъ,—а вотъ теперь, съ испуга, во снѣ и бормочетъ о ней.

Рано утромъ, на другой день, Леандръ вышелъ изъ дома, не дождавшись даже завтрака. Онъ вообще не любилъ сидѣть долго на одномъ мѣстѣ, и на этотъ разъ только къ обѣду вернулся.

— Ну, какъ она—а? спросилъ онъ, переступивъ порогъ.

— Да также все—въ безпамятствѣ. Бредитъ; какіе-то люди все пугаютъ ее, изловить ее хотятъ...

Леандръ поскребъ у себя за ухомъ и произнесъ:

— Ну, стрѣлять значитъ и нельзя... Вообрази, орелъ-то опять на крышѣ—а?!..

— Н-ну? На крышѣ?

— Сидитъ—да̀! Выхожу это я утромъ—смотрю: нѣтъ его. Улетѣлъ, думаю; поискать надо, и отправился на поиски, да битыхъ три часа попапрасну прорыскалъ. Подошелъ къ дому-то, гляжу—а онъ сидитъ себѣ преспокойно на томъ-же мѣстѣ!..

— Хе! Человѣкъ суевѣрный, пожалуй, струсилъ-бы тутъ, замѣтилъ Никодимъ.

— Какъ не струсить! Можно подумать, что ужъ не „блаженныя-ли дѣвы“ это пошаливаютъ...

— Здорово, братцы! раздался зычный, густой басъ—и въ комнату вошелъ Бенедиктъ, средній изъ братьевъ, находившійся до сихъ поръ въ отлучкѣ.

— А, вотъ и ты! Здравствуй! привѣтствовали его братья.—Ну, какія новинки? Дѣло порѣшилъ?

— Много порѣшишь—какже! Въ земскомъ-то судѣ меня опять „препровождали“ отъ Понтія къ Пилату и обратно, да все журавлей въ небѣ сулили. Нѣтъ, прежде чѣмъ добьемся мы сооруженія порядочной дороги—пройдетъ три поколѣнія, и многимъ эцтальцамъ, однимъ словомъ—и людямъ, и скоту, придется еще порядкомъ поломать шеи и ноги!

Бенедиктъ сердито сбросилъ котомку съ плечъ и усѣлся на скамью около печки.

— Обѣдать-то скоро будемъ?

— А вотъ сейчасъ, отозвался Никодимъ, который самъ занимался стряпней.

Притащивъ миску съ супомъ, онъ взялъ кружку, наполнилъ ее молокомъ и понесъ къ больной; Леандръ завистливо поглядѣлъ ему вслѣдъ.

Проголодавшійся Бенедиктъ исключительно занялся супомъ, а потому и не видѣлъ, что̀ около него дѣлалось. Никодимъ не замѣшкался. Всѣ трое начали хлебать супъ, мѣрно, въ тактъ одинъ за другимъ опуская и поднимая ложки, что-бы каждому по-ровну досталось. Крестьянинъ за общимъ столомъ всегда ѣстъ та̀къ, молча. Ѣда для него—дѣло важное, онъ какъ-бы совершаетъ тутъ торжественный актъ. Такъ какъ ложку приходится опускать по очереди, то ужъ лучше помалчивать,—а то, разговорившись, какъ разъ дашь зѣвка въ пользу сосѣдней ложки.

Насытившись и чувствуя усталость, Бенедиктъ закурилъ трубку и растянулся на скамьѣ.

— Ну, не слышалъ-ли чего новаго? Поразскажи намъ, что̀ творится на бѣломъ свѣтѣ, обратился Леандръ къ брату, зная что иначе и слова отъ него не дождешься.

Бенедиктъ, держа трубку въ зубахъ, зѣвнулъ и процѣдилъ:

— Ничего не слыхалъ.

Однако, помолчавъ съ минуту, проговорилъ:

— Да вотъ, болтали, что у Штроммингера, богача-то съ Солнечной площадки, дочь, по прозванію *Орелъ-дѣвка*—чай, знаете?—ну, подожгла, говорятъ, сѣновалъ отцовскій, дала тягу, а теперь слоняется по всему околотку, кормится Христа-ради.

— О-хо! Да какъ же случилось-то? удивились Никодимъ и Леандръ.

— Дѣвка эта, говорятъ, самая что̀ ни на есть отчаянная, продолжалъ Бенедиктъ:—отецъ-то принужденъ былъ отослать ее на Гохъ-Іохъ, потому ничего не могъ съ ней подѣлать. Ну, побыла она тамъ, домой вернулась—и въ тотъ же день чуть было Гелльнера не убила, а потомъ дворъ подожгла.

— Ахъ, Боже мой!

— Ну, послѣ такого дѣла, конечно, тягу дала и стала скитаться по окрестностямъ. Въ Вентѣ, говорятъ, вчера была, совалась то къ одной, то къ другой двери, все работы искала... Да кто такую согласится въ домъ къ себѣ впустить? Мало этого: носится она повсюду съ большущимъ орломъ—сама, видите-ли, изловила его и воспитала! Мѣста ищетъ и желаетъ, чтобы и орла вмѣстѣ съ нею приняли... Нечего и говорить, что всякій тутъ дверь захлопнетъ передъ такой наймичкой.

Никодимъ посмотрѣлъ на Леандра—тотъ совсѣмъ покраснѣлъ.

— Ну, благодарю за разсказъ, заговорилъ старшій братъ,—теперь мнѣ извѣстно, кто̀ лежитъ-то у насъ! На крышкѣ—орелъ... Она цѣлую ночь пробредила про орла... Та̀къ! Чудесно!... Въ домѣ нашемъ—Орелъ-дѣвка.

Бенедиктъ быстро поднялся и воскликнулъ:

— Что̀-что̀? Какъ?...

— Не шуми-же такъ, остановилъ Леандръ брата:—долго-ли встревожить бѣдняжку... больную!

Никодимъ разсказалъ какъ было дѣло, какъ Леандръ нашелъ дѣвушку подъ снѣгомъ, еле-живую, и прибавилъ, что покуда она не поправится, не окрѣпнетъ—отказать ей въ пріютѣ нельзя. Сердце у Бенедикта было таки довольно жестокое, и онъ сейчасъ-же подумалъ: дѣвка здорова̀, она просто притворяется больной; а братья,

Библиотека "Руниверс"

по слабости, разчувствовались и дались въ обманъ... Я-то поверну дѣло по своему...

— Здѣсь нѣтъ пріюта поджигателямъ! крикнулъ онъ, гнѣвно сверкая орлиными глазами изъ-подъ нахмуренныхъ густыхъ бровей.

— Постой! Если-бы ты самъ увидѣлъ эту бѣдную дѣвушку—самъ-же-бы навѣрно впустилъ ее въ домъ! не вытерпѣлъ Леандръ:—звѣремъ надо быть, чтобы рѣшиться прогнать бѣдняжку въ такое время, когда вьюга на дворѣ...

— Вотъ какъ! Ужъ не открыть-ли намъ послѣ этого пріютъ для всѣхъ убійцъ, разбойниковъ, чтобы все стали говорить, что Рофенскій выселокъ даетъ убѣжище всякимъ шатунамъ?... Вотъ это было-бы какъ разъ на зубокъ земскому суду! Нѣтъ, ужъ если вы позволяете завѣдомой пакостницѣ умасливать себя, такъ хоть мнѣ-то, по крайности, слѣдуетъ позаботиться о сохраненіи старыхъ порядковъ-обычаевъ въ Рофенѣ!

И Бенедиктъ шагнулъ къ дверямъ комнаты Никодима, но Никодимъ преградилъ ему дорогу туда и произнесъ спокойнымъ, твердымъ голосомъ:

— Я—старшій, я хозяинъ Рофена, такъ же какъ и ты, Бенедиктъ. Если ты знаешь, что̀ пристойно намъ, рофенцамъ, и что̀ непристойно,—то знаю это и я. Вотъ тебѣ мое слово, что я исполню только человѣческій долгъ, какъ христіанинъ, и сколько нужно продержу эту дѣвушку здѣсь. Она больна теперь; тронуть ее я никому не позволю!.. Покудова я тутъ, въ Рофенѣ, и живъ—неправеднаго дѣла не свершится подъ этой крышей!.. не будетъ...

Леандръ перебилъ его:

— Погоди! вотъ что̀, заговорилъ онъ самоувѣренпымъ тономъ, причемъ глаза его заблестѣли:—пропусти ты его туда, пусть онъ поглядитъ на больную—ну, тогда онъ и самъ не захочетъ выгнать ее...

— Вѣдь вѣрно сказалъ, молокососъ! хихикнулъ Никодимъ и осторожно отворилъ дверь.

Бенедиктъ, стуча ногами, стремительно вошелъ въ спальню, куда удалось прошмыгнуть и Леандру. Старшій братъ не помѣшалъ ему воспользоваться открытою дверью, потому-что Леандръ могъ, въ случаѣ чего, помочь ему обуздать грубоватаго Бенедикта, удержать его отъ какой либо неумѣстной выходки.

Маріанна, помѣстившись у постели, шила новую юбку для Валли, костюмъ которой вообще порядкомъ истрепался, такъ что ей, послѣ выздоровленія, и выйти было-бы не въ чемъ. Увидѣвъ Бенедикта, ввалившагося такъ нецеремонно, Маріана замахала ему рукой, чтобы онъ не шумѣлъ; но онъ и самъ вдругъ присмирѣлъ, когда увидѣлъ больную, и на цыпочкахъ приблизился къ постели.

Валли крѣпко спала, лежа на спинѣ и забросивъ за голову красиво-округленную руку. Густыя темныя пряди волосъ упадали на бѣлоснѣжную грудь, которая не могла загорѣть отъ солнца, такъ какъ ее защищала толстая крестьянская кофта, а теперь она до половины только была прикрыта широкой холщевой рубашкой. Дѣвушка какъ будто улыбалась: полныя губы ея были слегка раскрыты и обнаруживали два ряда зубовъ съ перламутровымъ блескомъ. Трудно вполнѣ передать словомъ то, что̀ выражало это сонное чело: въ его чертахъ было что-то величавое, дѣвственно-чистое, свѣтлое.

Бенедиктъ окончательно присмирѣлъ, притихъ. Долго, какъ бы въ изумленіи, глядѣлъ онъ на этотъ чарующій и въ то-же время строго-цѣломудренный образъ. Смуглое лицо Бенедикта мало по малу стало принимать какой-то пунцовый оттѣнокъ, за то на лицѣ Леандра пожаръ былъ въ полномъ разгарѣ.

Стиснувъ зубы, суровый рофенецъ наконецъ отвернулся.

— Н-да̀, ну, разумѣется, она больна! проговорилъ онъ такимъ тономъ, въ которомъ звучала фраза: „нечего и разговаривать тутъ попустому!“... и, осторожно ступая на носки, выбрался изъ спальни.

IX.

Среди пустыни.

Весенній вѣтерокъ снова повѣялъ надъ землей, снѣга̀ стали осѣдать, опять зашумѣли хлынувшіе съ горъ потоки,—и какъ-то робко, почти боязливо, выглянули первыя почки альпійскихъ растеній на встрѣчу вѣшнему солнцу... Можетъ быть, оно та̀къ, въ шутку, обдало ихъ тепломъ? Можно-ли имъ рѣшиться зацвѣсть, совсѣмъ распуститься?... Тамъ и сямъ лежалъ еще снѣгъ въ видѣ обрывковъ бѣлаго ковра или забытыхъ кусковъ холста, разложенныхъ для бѣлѣнья. Въ чащѣ вѣчно-зеленыхъ хвойныхъ деревьевъ птицы уже помахивали крыльями, затѣвали крикливыя собранья и пробовали настраивать свои инструменты, чтобы потомъ, ликуя, грянуть всѣмъ хоромъ.

Съ вершинъ глетчеровъ срывались страшныя глыбы льда и снѣга, и съ грохотомъ летѣли въ равнины, потрясая стѣны и балки построекъ, уничтожая деревья и кустарникъ. Все задвигалось, зашумѣло, завязалась повсюду борьба: тамъ гремитъ, тутъ свиститъ; и страхъ, и надежда—на высотѣ и въ безднѣ. Вѣчно-безпокойный смѣльчакъ—человѣкъ тоже встрепенулся: до̀лгъ былъ зимній отдыхъ—пора за работу; и вотъ онъ пошелъ по горамъ, тыкая своей альпійской палкой въ рыхлый, подтаявшій снѣгъ, чтобы проложить себѣ дорогу среди пропастей.

Одинъ только Рофенскій выселокъ пребывалъ еще въ сумракѣ, окруженный горными громадами, уходящими за облака, и окутанный какъ-бы бѣлоснѣжнымъ одѣяломъ—словно человѣкъ, которому и послѣ долгаго сна все еще не хочется вставать.

Передъ дверью рофенскихъ Клёцовъ стоялъ Леандръ и потчивалъ Ганзля большою мышью. Эту дичь онъ нарочно ловилъ для него, потому-что орелъ крѣпко полюбился ему съ той самой минуты, когда обнаружилось, что птица эта—собственность Валли. Ганзлю вообще хорошо жилось въ Рофенѣ.

Вотъ и Бенедиктъ, съ горнымъ по̀сохомъ своимъ, возвратился домой. Онъ ходилъ искать дороги на Мурцолль и нѣсколько разъ на пути туда былъ на волосокъ отъ смерти. Глаза его какъ-то странно блуждали, вообще что-то тревожное, мрачное было во всей его фигурѣ.

Встревожился и Леандръ, и боязливо-робко спросилъ:

— Ну что̀, ка̀къ тамъ?

— Да, пожалуй, *можно* пройдти, ежели ужъ *надо* пройдти... Рѣшиться она можетъ на это, коли я самъ ее поведу.

— Нѣтъ, знаешь что̀?—откажись отъ этого, не пускай ты ее туда... Бенедиктъ, прошу тебя!...

— На то̀ ея воля, а чего она хочетъ—тому значитъ и быть, пробурчалъ Бенедиктъ.

— Ну, объясни ей, что, молъ, нельзя пройдти, дороги нѣтъ! Вотъ, и придется ей остаться.

— Кчему обманывать-то? Ужъ если ей запало это въ голову—она намѣренія своего не измѣнитъ, сколько-бы ей не пришлось тутъ сидѣть... Ну, а ты-то оставилъ-бы ужъ „всякую надежду!“ Сколько разъ она говорила тебѣ насчетъ этого—а? Для такой дѣвушки, какъ Валли, парнишка этакой вовсе не годится... Образумься-ка, пора!

Бенедиктъ скрылся за калиткой, а Леандра все это такъ раздражило и разогорчило, что онъ даже прослезился.

Когда Бенедиктъ вошелъ во дворъ—Валли встрѣтилась ему; она шла изъ хлѣва, неся вилы.

— Валли, заговорилъ онъ,—ужъ если ты *такъ* желаешь —я проведу тебя. Дорогу я нашелъ, да дорога-то довольно еще опасна...

Библиотека "Руниверс"

— Спасибо тебѣ, Бенедиктъ! отвѣтила дѣвушка,— значитъ, завтра можно будетъ отправиться?...

Поставивъ вилы куда слѣдуетъ, она ушла въ кухню, не дождавшись отвѣта.

Бенедиктъ топнулъ ногой, бросилъ въ уголъ свой посохъ, постоялъ на одномъ мѣстѣ, соображая что-то; потомъ, не зная куда дѣваться, отправился тоже въ кухню. Увидѣвъ, что Валли подвязываетъ юбку, собираясь мыть полъ,—онъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Оставь, не нужно... Мнѣ надо съ тобой переговорить.

— Нѣтъ, нужно, Бенедиктъ. Гляди-ка, все это слѣдуетъ вымыть. Ежели я уйду завтра—мнѣ хочется, чтобы тутъ все было чисто, въ порядкѣ.

— Ну, если считать всю работу твою, да сосчитать сколько ты наѣла и напила у насъ — такъ работы-то твоей куда будетъ больше! Ладно, оставь ужь,все хорошо, все чисто... Вотъ ты уйдешь—ну, не все-ли равно тогда?...

Валли видѣла, какъ Бенедиктъ отламывалъ зубами кусочки отъ деревяшки, очутившейся въ его рукѣ, выплевывалъ отломленные, опять кусалъ, однимъ словомъ—замѣтивъ, что онъ сильно взволнованъ, пріумолкла, чтобы дать ему высказаться.

— Слушай, продолжалъ Бенедиктъ,—ну, хоть же разъ пораздумай: не выберетъ-ли сердце твое одного изъ насъ, Валли?... Скажу я тебѣ: эхъ, понапрасну ты такъ горда! Вѣдь слава-то о тебѣ такая пошла, что крѣпко много... надо любить тебя, что-бы за себя-то взять...

Валли только кивнула—въ знакъ согласія.

— Постой... Вотъ мы, рофенцы, люди такіе, которымъ нигдѣ пути не заказаны: любая дѣвица радёшенька была-бы сдѣлаться женою одного изъ Клёцовъ. Ну, на-же, выбирай между двумя братьями! Не отвертывайся отъ своего счастья... Валли слушай: раскаешься, да ужъ поздно будетъ!...

— Вижу я, Бенедиктъ, что намѣреніе у тебя хорошее. Тебя и Леандра я очень полюбила, какъ могу только полюбить хорошихъ людей; но все-таки это любовь не такая, чтобы я пошла за-мужъ за тебя или за него... Ужъ лучше я въ дѣвкахъ останусь, если мнѣ не судьба выйти за того, кого бы я могла полюбить какъ мужа. Знай-же: есть такой человѣкъ, я видѣла его только разъ—и забыть не могу его! Какъ же стану я съ другимъ вѣнчаться, когда *онъ* не выходитъ у меня изъ головы?...

Лицо Бенедикта поблѣднѣло.

— Слушай, вѣдь это я для того тебѣ говорю, продолжала Валли,—чтобы ты совсѣмъ успокоился, пересталъ-бы понапрасну... Ахъ, Бенедиктъ, неужели же я не понимаю, не чувствую, что ты—да и всѣ вы—сдѣлали для меня? И отъ смерти спасли, и отцу не выдали, когда онъ задумалъ было силой взять меня отсюда... Помню вѣдь я, какъ ты славно отстоялъ меня и свои рофенскія права. Вотъ, если-бъ я могла полюбить тебя какъ мужа, да позабыть *того*—ну, тогда другаго счастья мнѣ и не надо было-бы! Превеликое, большое спасибо тебѣ за все — и если-бы ты нуждался въ моей помощи—я-бы жизни для тебя не пожалѣла. Теперь самъ подумай: ну, что толку въ такой женѣ, которая о *другомъ* помышляетъ?... Это значило-бы ужъ очень плохо отблагодарить такого человѣка, какъ ты!

— Да, произнесъ Бенедиктъ хриплымъ голосомъ и провелъ рукой по лбу.

— Ну, вотъ и самъ ты видишь теперь, что лучше мнѣ удалиться, что лучше такъ и порѣшить все.

— Да... да, повторилъ онъ тѣмъ-же тономъ и вышелъ изъ кухни.

Валли поглядѣла ему вслѣдъ... Бенедиктъ, этотъ смѣлый, горделивый человѣкъ, уходилъ совсѣмъ растроеннымъ! Вѣдь онъ все, все предлагалъ ей, что могло, по его мнѣнію, высказанному въ простотѣ души, составить счастье любой дѣвушки... Но она не въ состояніи была объяснить себѣ, почему-же это въ ея сердцѣ нѣтъ ни чуточки любви къ человѣку, который столько добра для нея сдѣлалъ? А *тотъ*-то что? *Тотъ*, пожалуй, вовсе даже не думалъ и не думаетъ о ней... Да, но ужь такъ это все случилось!... И гдѣ-же найдется равный Іосифу по силѣ и красотѣ? Его образъ постоянно мелькалъ, носился передъ ней; она такъ ясно, отчетливо, даже теперь, видѣла, какъ онъ сбросилъ съ плеча окровавленную медвѣжью шкуру, какъ толпа обступила его, стала удивляться ему—такому красавцу, силачу, какого и не сыскать!...

(Продолженіе будетъ).

Тропическая купальня.

Въ тропическихъ странахъ Африки, а также и въ Индіи, самое удобное мѣсто для охоты представляютъ рѣки, озера—вообще *водопои*, куда приходитъ по вечерамъ и ночью масса различныхъ животныхъ, которыя и сами не прочь поохотиться, чтобы поужинать какъ слѣдуетъ. Когда спадетъ дневной жаръ и смѣнится прохладой ночи, тогда хорошенькая антилопа, кроткоокая жирафа, полосатая зебра, косматый сплачъ-буйволъ, спѣшатъ къ водѣ, чтобы освѣжиться—но увы, спѣшить приходиться медленно! Всѣ они знаютъ, что мѣсто, которое ихъ такъ манитъ—самое коварное, опасное мѣсто... Тутъ осторожность прежде всего, а не то какъ разъ угодишь попасть въ когти льва или тигра! Слоны, бегемоты и носороги особенно любятъ въ ночное время такія мѣста; эти неуклюжіе великаны—большіе охотники до купанья. Слонъ, какъ и всѣ толстокожія, болѣе ночное чѣмъ дневное животное; тихою лунною ночью онъ полнѣе наслаждается жизнью, бодрствуетъ и веселится. Если охотникъ, подкарауливающій добычу, наткнется днемъ на стадо слоновъ—онъ найдетъ ихъ спящими другъ подлѣ друга въ величайшемъ покоѣ и мирѣ. Стадо располагается обыкновенно въ тѣни лѣса, лежа или стоя въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Нѣкоторые отламываютъ хоботомъ вѣтки и листья деревьевъ, расказываетъ А. Брэмъ, другіе важно обмахиваются вѣеромъ—собственнаго издѣлія -изъ отломанныхъ вѣтвей, многіе спятъ или такъ-себѣ лежатъ, а молодежь премило рѣзвится, играетъ среди стада.

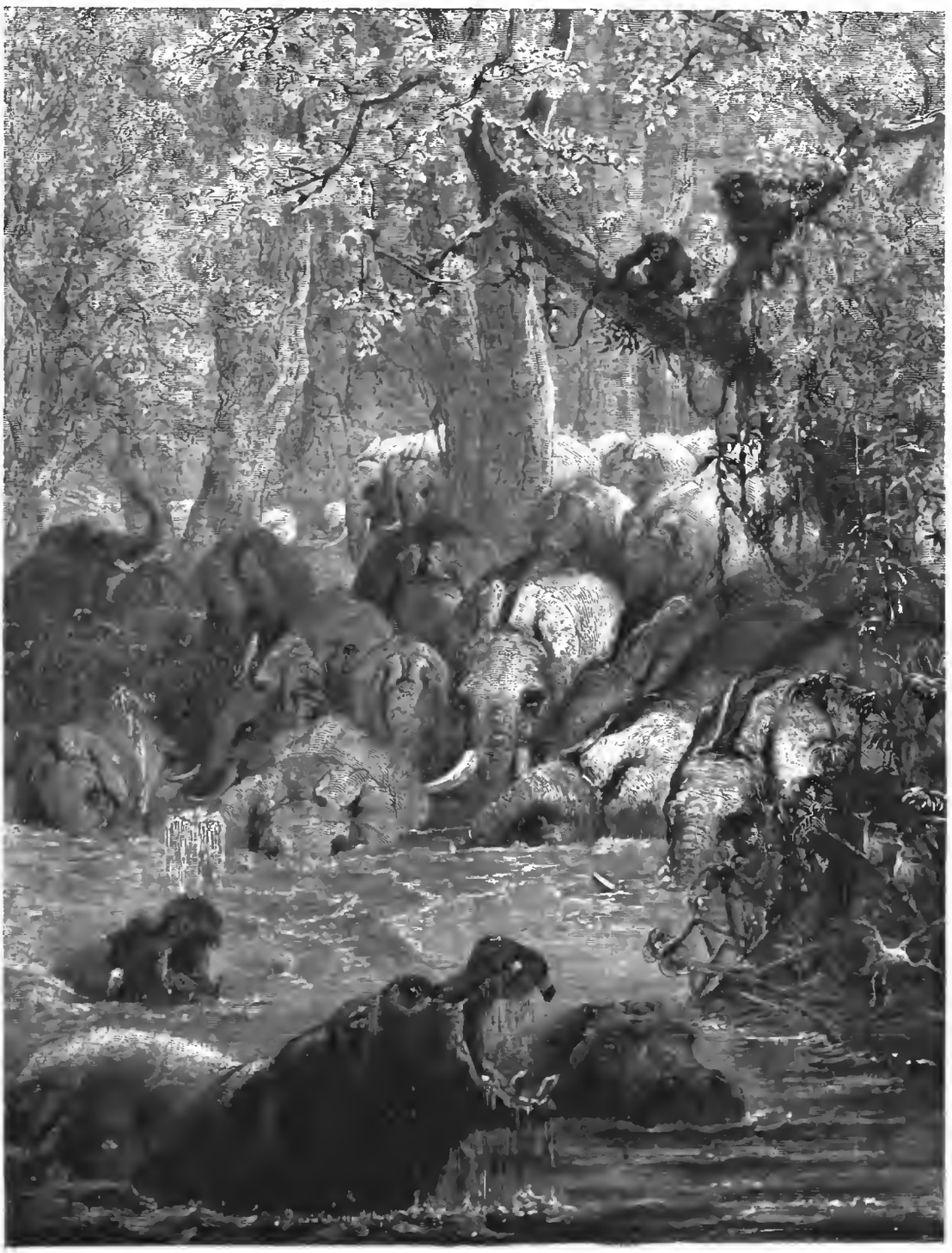
Обратимся теперь къ картинкѣ І. Вольфа «Тропическая купальня», помѣщенной въ настоящемъ № нашего журнала.

Солнце уже давно закатилось—и что за ясная, великолѣпная, лунная ночь! А растительность—роскошная, богатая, словно великолѣпная декорація изъ какого-нибудь балета! Стволы деревьевъ, сочная, густая листва, легкія волны озера—все это залито мягкимъ палевымъ свѣтомъ. Кругомъ тишина... Вдругъ гдѣ-то хрустнула вѣтка, затѣмъ пискнула обезьянка, зашелестила въ древесной листвѣ—и опять все смолкло... Шагахъ въ 300 отъ берега озера показались слоны и будто окаменѣли или разомъ провалились: тишина не нарушалась. Да, неуклюжесть ихъ только кажущаяся; слонъ ловокъ, изумительно остороженъ, онъ умѣетъ такъ тихо красться по дорогѣ, разъ проложенной имъ самимъ въ лѣсу, что его почти не слышно. Сначала дикое стадо съ шумомъ бросается въ подлѣсокъ, но вскорѣ шумъ смолкаетъ; не слышно ни малѣйшаго шороха, такъ что новичекъ охотникъ можетъ подумать, будто слоны, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановились... Самый умный слонъ идетъ всегда впереди стада. Предводителями бываютъ самцы и самки—безразлично. На ихъ обязанности лежитъ вести стадо, избѣгать и предусматривать опасности, изслѣдовать мѣстность, словомъ—вся забота объ общественной безопасности. Всѣ дикіе слоны пугливы, осторожны до крайности; у вожака же эти свойства такъ сказать въ превосходной степени. Его должность очень трудна: онъ находится въ безпрерывной дѣятельности, но за то наградой служитъ ему безусловное довѣріе подчиненныхъ. Противорѣчій его распоряженіямъ не бываетъ никогда—онъ идетъ впередъ и все общество слѣдуетъ за нимъ безпрекословно. Дисциплина примѣрная.

Прошло около часу какъ слоны показались въ лѣсу, но на берегу ни одного еще не было видно... Позволяемъ себѣ привести здѣсь слѣдующій разсказъ маіора Скиннера, переданный А. Брэмомъ:

«Я отправился смотрѣть на слоновъ въ одну изъ тѣхъ великолѣпныхъ, ясныхъ лунныхъ ночей, которыя почти также свѣт-

Библиотека "Руниверс"



Тропическая купальня. Слоны и бегемоты. Рис. Джозе Вольфъ.

Библиотека "Руниверс"

лы, какъ нашъ сѣверный день. Мѣстность вполнѣ соотвѣтствовала моей цѣли. Громадное дерево, съ нависшими вѣтвями, наклонившееся надъ прудомъ, пріютило меня въ своей зелени. Я заблаговременно занялъ свое мѣсто и смотрѣлъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Слоны стояли не болѣе 500 шаговъ отъ меня—и однако же мнѣ пришлось ждать цѣлыхъ два часа, пока я увидалъ перваго изъ нихъ. Наконецъ, приблизительно на разстояніи 300 шаговъ отъ пруда, изъ темной чащи выступилъ громадный слонъ, прошелъ съ величайшею осторожностью шаговъ 200 и остановился слушать. Онъ шелъ такъ тихо, что не было слышно ни малѣйшаго шороха, и стоялъ теперь неподвижно, какъ нѣкій утесъ. Затѣмъ онъ двинулся впередъ, останавливаясь въ три пріема на нѣсколько минутъ и вытягивая свои раскрытыя, чуть не аршинныя уши, чтобы уловить даже легкій трескъ, лѣсной шелестъ. Онъ шелъ такимъ образомъ до самаго берега; но и тутъ, не смотря на близость воды, не соблазнился, не подумалъ объ утомленіи жажды, а стоялъ смирно, продолжая слушать. Потомъ повернулъ осторожно и тихо назадъ къ тому мѣсту лѣса, гдѣ стоялъ прежде. Послѣ небольшаго промежутка времени слонъ снова показался съ пятью товарищами, съ которыми пошелъ къ водѣ также осторожно, но менѣе тихо. Этихъ пятерыхъ онъ размѣстилъ у берега какъ стражей и снова ушелъ въ лѣсъ. Вскорѣ я его увидѣлъ въ сопровожденіи цѣлаго стада въ 80—100 штукъ. Они шли по проложенной однажды дорогѣ, но такъ тихо, что я, несмотря на близкое разстояніе, видѣлъ только двигающихся животныхъ, а слышать ихъ шаговъ не могъ. По срединѣ дороги стадо остановилось. Предводитель еще разъ пошелъ къ берегу, переговорилъ со сторожами, изслѣдовалъ все, убѣдился въ полной безопасности мѣста, вернулся къ стаду и отдалъ приказаніе двигаться. Въ то же мгновеніе стадо бросилось къ водѣ и безъ всякаго страха и опасенія погрузилось въ волны. Нельзя было видѣть теперь и слѣда прежней робости и осторожности. Всѣ до такой степени вѣрили своему предводителю, что наслаждались вполнѣ, не заботясь ни о чемъ на свѣтѣ. Животныя, измученныя жаждой, заняли прудъ, и когда послѣднее изъ нихъ—ножакъ—вошелъ въ воду—всѣ съ видимымъ восторгомъ стали пить и купаться. Никогда не случалось мнѣ видѣть такого множества живыхъ существъ въ такомъ тѣсномъ пространствѣ. Я думалъ, что слоны выпьютъ весь прудъ до-суха. Я смотрѣлъ на нихъ съ большимъ участіемъ, пока они не натѣшились купаньемъ и не напились всласть. Потомъ мнѣ захотѣлось увидать, какое дѣйствіе произведетъ на нихъ легкій шорохъ. Я отломилъ тоненькую вѣтку—и вся масса мгновенно пришла въ волненіе — убѣжала, какъ стадо испуганной дичи, съ стремительною скоростью».

Случается, что купальня бываетъ уже занята—напр. бегемотами, но на этихъ звѣрей слоны не обращаютъ вниманія (съ родни, молъ, намъ!) и идутъ въ воду. Бегемотамъ это не нравится, они потревожены и протестуютъ, высовывая изъ воды морду, сопятъ и разѣваютъ свои безобразныя пасти — но протестъ этимъ и ограничивается. Новые купальщики, погрузившись въ любимую влагу, начинаютъ забавляться, набираютъ въ хоботъ воду, выбрасываютъ ее въ видѣ фонтана и такимъ образомъ любезно потчуютъ другъ друга душами.—Слонъ умѣетъ мастерски плавать. Онъ бросается въ воду съ истиннымъ наслажденіемъ и можетъ по произволу опускаться въ глубь. Если ему нужно, онъ въ прямомъ направленіи переплываетъ самыя широкія, быстрыя рѣки, а иногда просто ложится *подъ водой*, высовывая на поверхность одинъ только кончикъ хобота.

А. Брэмъ говоритъ, что совершенно несправедливо считаютъ слона «страшнымъ» звѣремъ. Напротивъ, онъ кротокъ, тихъ и со всѣми на свѣтѣ живетъ въ дружбѣ и мирѣ. Пока его не приведутъ въ ярость, онъ не только никогда не нападаетъ, но даже какъ-то робко, деликатно уступаетъ дорогу всѣмъ животнымъ, не исключая и мелюзги какой нибудь. Самый злой врагъ слона—муха. Мышь, говоритъ Кювье, приводитъ ручнаго слона въ такой ужасъ, что онъ дрожитъ. Каждый хищный звѣрь боится нападать на слона, а слонъ не даетъ никому повода къ злобѣ и мести. Нѣкоторыя птицы (маленькія цапли въ сѣверной Африкѣ) живутъ съ нимъ въ тѣсной дружбѣ; онѣ постоянно очищаютъ великана отъ насѣкомыхъ—конечно изъ эгоизма, потому что другъ служитъ имъ большимъ обѣденнымъ столомъ, щедрымъ кормильцемъ.

Обзоръ небеснаго свода.

I.

Когда, въ звѣздную ночь, мы смотримъ на темный небесный сводъ, усѣянный повидимому безчисленнымъ множествомъ яркомерцающихъ звѣздъ,—то, кромѣ восторга передъ красотой и величіемъ этой картины, въ умѣ нашемъ рождаются сотни мыслей и вопросовъ: что такое эти звѣзды? дѣйствительно ли онѣ неисчислимы? какъ далеки онѣ отъ насъ? какова ихъ величина? отчего одни горятъ ярче, другія блѣднѣе, и притомъ различными цвѣтами? въ самомъ ли дѣлѣ онѣ такъ *неподвижно* стоятъ на небѣ, какъ это кажется и простому глазу? и такъ далѣе, и такъ далѣе. Мы попытаемся въ настоящемъ очеркѣ отвѣтить на нѣкоторые, по крайней мѣрѣ важнѣйшіе изъ этихъ вопросовъ. Путешественникъ, пріѣзжая въ первый разъ въ какой нибудь большой незнакомый городъ, прежде всего знакомится съ главнѣйшими улицами, площадями, зданіями, чтобы не потеряться среди лабиринта домовъ и улицъ; тогда ему уже легко будетъ основательно узнать городъ, число, образъ жизни и занятія жителей и проч. Такъ и мы сначала отыщемъ на небѣ извѣстныя точки, и посредствомъ ихъ постараемся оріентироваться въ небесномъ пространствѣ, прежде чѣмъ останавливаться на частностяхъ и отвѣчать на поставленные выше вопросы. Это оріентированье на небѣ очень облегчается тѣмъ, что многія изъ болѣе яркихъ звѣздъ соединяются въ болѣе или менѣе замѣтныя группы или фигуры, которыя астрономы называютъ *созвѣздіями*. Исходя отъ этихъ послѣднихъ, намъ будетъ уже гораздо легче отыскать слабѣйшія или менѣе-правильно-расположенныя звѣзды. Созвѣздія были найдены и названы извѣстными именами еще въ глубокой древности; остававшіяся между ними пробѣлы пополнялись въ теченіе столѣтій; въ настоящее время насчитывается до 85 созвѣздій (изъ которыхъ 57 видны на нашемъ сѣверномъ небѣ). Большинству нашихъ читателей конечно извѣстно древнѣйшее и самое замѣтное изъ созвѣздій *Большая медвѣдица*, поднимающееся на сѣверо-восточной сторонѣ неба. Если провести отъ его верхнихъ звѣздъ прямую линію и отсчитать на ней разстояніе въ 5 разъ большее разстоянія обѣихъ этихъ звѣздъ, то мы наткнемся на одиноко стоящую *полярную звѣзду*, которая почти круглый годъ не перемѣняетъ своего положенія на сѣверѣ. По другую сторону полярной звѣзды, почти на такомъ же разстояніи какъ Медвѣдица, находится созвѣздіе Кассіопеи, 5 звѣздъ котораго образуютъ нѣсколько растянутое французское W; оно стоитъ въ зимніе мѣсяцы на сѣверо-востокѣ. Если Большую Медвѣдицу и Кассіопею соединить линіей и пересѣчь эту линію другою, перпендикулярно къ ней проходящею черезъ полярную звѣзду, то на концахъ этой послѣдней линіи и опять почти въ такомъ же разстояніи отъ полярной звѣзды, находятся двѣ очень яркія звѣзды, самыя яркія изъ всѣхъ звѣздъ сѣвернаго неба: одна изъ нихъ, Капелла, стоитъ теперь высоко на небѣ, близко къ зениту; другая, Вега, совсѣмъ внизу у сѣвернаго горизонта. Эти четыре созвѣздія, симметрически расположенныя относительно стоящей въ серединѣ полярной звѣзды, и будутъ служить намъ исходными точками для наблюденія другихъ созвѣздій, изъ которыхъ мы назовемъ пока большое, блестящее созвѣздіе Оріона, находящееся къ югу отъ Капеллы,—а къ юго-востоку отъ него, самую свѣтлую изъ неподвижныхъ звѣздъ, горящаго бѣлымъ свѣтомъ Сиріуса.

Названія данныя *созвѣздіямъ* были большею частію взяты изъ греческой миѳологіи или изъ царства животныхъ. Отсюда же произошли и названія самыхъ свѣтлыхъ *звѣздъ*; кромѣ того, такъ какъ свѣтлыхъ звѣздъ слишкомъ много,—для обозначенія ихъ приняты буквы. Именно, нѣмецкій астрономъ Байеръ въ XVII столѣтіи ввелъ для этой цѣли греческую азбуку; самыя яркія звѣзды каждаго созвѣздія было принято обозначать первыми слабѣйшія послѣдними буквами; такъ Сиріусъ, самая яркая первая звѣзда, или α въ Псѣ, Капелла$=\alpha$ въ Возничемъ, Вега$=\alpha$ въ Лирѣ.

Но для обозначенія буквами всѣхъ звѣздъ, даже только тѣхъ что видимы простымъ глазомъ,—буквъ недостаточно; чтобы знать ихъ и всегда умѣть отличить ихъ одну отъ другой, астрономы заносятъ ихъ на карты и звѣздные атласы, съ возможно большей точностью изучая (при помощи астрономическихъ инструментовъ) ихъ положенія относительно друга и большихъ главныхъ звѣздъ. Уже греки сознавали необходимость приведенія звѣзднаго міра въ извѣстную систему; въ древнѣйшемъ птоломеевскомъ исчисленіи названо больше 1.000 звѣздъ, частію довольно слабыхъ. Съ изобрѣтеніемъ телескопа (въ началѣ XVII столѣтія) число звѣздъ возросло до безконечности; кромѣ звѣздъ видимыхъ простому глазу, надо было ограничиться измѣреніемъ и внесеніемъ въ астрономическіе атласы только самыхъ яркихъ свѣтилъ. Такимъ образомъ, въ новѣйшее время существуетъ уже цѣлый рядъ такихъ атласовъ и каталоговъ; одно изъ первыхъ мѣстъ между ними занимаетъ новѣйшая, превосходная работа, исполненная въ Бонпѣ и изображающая сѣверное небо, на которомъ въ теченіе 8-ми лѣтъ было опредѣлено положеніе болѣе 300,000 звѣздъ.

Сколько же звѣздъ видимъ мы простымъ глазомъ, и сколько видно ихъ въ телескопъ? Что человѣкъ съ сильнымъ зрѣніемъ видитъ больше звѣздъ чѣмъ тотъ у кого зрѣніе слабо—это естественно и должно быть хорошо извѣстно каждому; но и самый зоркій глазъ не увидитъ на нашемъ сѣверномъ небѣ больше 4,500—5,000 звѣздъ, а глазъ средней зоркости увидитъ ихъ не болѣе 3,500. Число это, безъ сомнѣнія, кажется очень малымъ въ сравненіи съ непосредственнымъ впечатлѣніемъ производимымъ на насъ звѣзднымъ небомъ, но тѣмъ не менѣе оно

Библиотека "Руниверс"

совершенно вѣрно и вполнѣ точно опредѣлено. Если смотрѣть въ телескопъ, то, само собою, число звѣздъ возростаетъ,—и чѣмъ сильнѣе телескопъ, тѣмъ разумѣется больше видно въ него звѣздъ. Даже обыкновенный бинокль показываетъ до 20,000 звѣздъ; въ большой телескопъ видно ихъ до 10 милліоновъ, а въ самый большой изъ существующихъ телоскоповъ (въ Англіи) можно отличить до 150 милліоновъ звѣздъ.

По относительному положенію небесныхъ свѣтилъ другъ къ другу, мѣсто каждаго изъ нихъ на небесной сферѣ точно опредѣлено астрономами; по различной же степени *яркости*, звѣзды раздѣляются на различные классы, такъ-называемыя *величины*, и степень яркости каждаго класса измѣрена точными цифрами. Самыя яркія звѣзды называются звѣздами первой величины (Сиріусъ, Капелла, Вега, всего 20), менѣе яркія (Полярная звѣзда, 6 большихъ звѣздъ Большой Медвѣдицы) принадлежатъ къ второй величинѣ, и т. д. до самыхъ слабыхъ, впрочемъ еще видимыхъ очень хорошему глазу, и причисляемыхъ къ шестой величинѣ. Далѣе, бинокль показываетъ еще звѣзды седьмой и даже восьмой величины; обыкновенная зрительная труба, съ объективомъ въ 50 миллиметровъ въ поперечникѣ, показываетъ звѣзды десятой величины; большой же рефракторъ съ отверстіемъ въ 220 миллиметровъ беретъ до звѣздъ тринадцатой величины. Въ каждой слѣдующей величинѣ, число звѣздъ въ три раза превышаетъ число предыдущей величины, такъ что до девятой величины число звѣздъ доходитъ слишкомъ до 200.000. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, удалось также выразить въ цифрахъ яркость этихъ различныхъ величинъ, то есть опредѣлить по сколько разъ больше посылаетъ намъ свѣта звѣзда одной величины, сравнительно съ звѣздой другой величины. Этими *фотометрическими*, то есть свѣтовыми измѣреніями, опредѣленъ также свѣтъ всѣхъ свѣтлыхъ планетъ, какъ Венеры, Марса, Юпитера, Сатурна, равно какъ и свѣтъ мѣсяца и солнца. Такимъ образомъ извѣстно, что солнце въ 60,000 милліоновъ разъ свѣтлѣе Капеллы, и въ цѣлыхъ 600.000 разъ свѣтлѣе полнаго мѣсяца; Юпитеръ, свѣтлая планета, стоящая теперь на востокѣ, посылаетъ намъ въ 10 разъ больше свѣта, чѣмъ Капелла; свѣтъ же самой яркой изъ неподвижныхъ звѣздъ, Сиріуса, всего въ 4 раза сильнѣе противъ Капеллы. Между величинами неподвижныхъ звѣздъ есть извѣстное отношеніе: именно, каждая звѣзда опредѣленной величины посылаетъ среднимъ числомъ въ $2^1/_2$ раза больше свѣта, слѣдовательно въ $2^1/_2$ раза ярче, звѣзды послѣдующей величины; такъ, звѣзда первой величины, какъ Капелла или Вега, будетъ въ 100 разъ свѣтлѣе самыхъ слабыхъ видимыхъ простымъ глазомъ звѣздъ, и въ 1,000 разъ свѣтлѣе тѣхъ слабыхъ звѣздъ, которыя показываетъ большой рефракторъ съ отверстіемъ въ 220 миллиметровъ.

Но между неподвижными звѣздами не всѣ постоянно свѣтятъ съ одинаковой яркостью: въ одно время онѣ блестятъ больше, въ другое—меньше; такія, измѣняющія свой свѣтъ звѣзды, называются *непостоянными*. Съ началѣ XVII столѣтія до настоящаго времени, открыто больше 130 такихъ звѣздъ, и съ каждымъ годомъ число ихъ увеличивается. Изъ этихъ звѣздъ раньше всѣхъ была открыта въ многихъ отношеніяхъ замѣчательная звѣзда въ созвѣздіи Кита, названная за ея рѣзкія и неправильныя измѣненія *чудесной* (Міра). Во время maximum'а ея свѣта, она равняется звѣздѣ третьей величины; во время же minimum'а, нисходитъ на степень десятой величины: слѣдовательно свѣтъ ея колеблется между семью величинами. Періодъ отъ одного maximum'а до другаго занимаетъ среднимъ числомъ 330 дней; при этомъ прибавленіе свѣта идетъ гораздо быстрѣе, нежели упадокъ его, что замѣчается въ большинствѣ непостоянныхъ звѣздъ. Простому глазу эта удивительная звѣзда бываетъ видна около 4 мѣсяцевъ; но въ теченіе всего этого времени, всѣ происходящія съ нею явленія, наибольшая и наименьшая яркость, продолжительность того или другаго періода видоизмѣненія свѣта, чрезвычайно измѣнчивы и неправильны. Этимъ и отличается эта непостоянная звѣзда, какъ многія другія изъ звѣздъ этого класса, отъ прочихъ, подлежащихъ преимущественно весьма правильнымъ законамъ. Замѣчательна еще изъ непостоянныхъ звѣзда Альголь или β въ Персеѣ; обыкновенно звѣзда эта считается во второй-третьей величинѣ; на этой степени она остается $2^1/_2$ дня, потомъ въ теченіе 4—5 часовъ спускается до четвертой величины, и снова такъ же быстро подымается до второй-третьей, такъ что въ теченіе 2 дней и 21 часа она продѣлываетъ всѣ свои въ высшей степени правильныя свѣтовыя измѣненія. Кромѣ Альголя, насчитывается еще около 30 непостоянныхъ звѣздъ, которыя отличаются болѣе или менѣе правильнымъ теченіемъ въ измѣненіяхъ свѣта, и вмѣстѣ съ тѣмъ короткой продолжительностью этого періода,—между тѣмъ какъ въ большей части непостоянныхъ встрѣчается неправильное теченіе этого явленія, и притомъ въ гораздо большій періодъ времени; есть нѣсколько непостоянныхъ звѣздъ, у которыхъ періодъ свѣтовыхъ измѣненій продолжается до двухъ лѣтъ.

Въ тѣсной связи съ этими непостоянными звѣздами—стоятъ такъ-называемыя *новыя звѣзды*. Весьма вѣроятно, что эти послѣднія суть тѣ же непостоянныя, съ очень продолжительными и неправильными періодами. Отъ времени до времени появляются между неподвижными звѣздами новыя звѣзды необыкновеннаго блеска; онѣ остаются короткое время въ такомъ состояніи, потомъ слабѣютъ и наконецъ совершенно исчезаютъ изъ глазъ; притомъ онѣ неизмѣнно сохраняютъ свое мѣсто между другими звѣздами, слѣдовательно должны быть разсматриваемы собственно какъ неподвижныя звѣзды. Такія явленія впрочемъ весьма рѣдки; извѣстно всего 22 такихъ случая. Замѣчательнѣйшее явленіе въ этомъ родѣ представляетъ такъ-называемая звѣзда астронома Тихо, внезапно появившаяся въ ноябрѣ 1572 года въ созвѣздіи Кассіопеи; она сіяла какъ Венера и, постепенно слабѣя, черезъ $^5/_4$ года безслѣдно пропала съ неба. Новѣйшее явленіе этого рода въ 1866 г. показало, что эти звѣзды дѣйствительно слѣдуетъ причислять къ непостояннымъ. Въ названный годъ, 12-го мая, въ созвѣздіи Сѣверной Короны, вдругъ показалась яркая звѣзда второй величины, и именно по опредѣленіи ея положенія, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде находилась маленькая звѣздочка девятой-десятой величины; слѣдовательно звѣздочка эта вслѣдствіе какой либо причины вдругъ очень быстро (можетъ быть въ нѣсколько часовъ) измѣнилась до яркости звѣзды второй величины; но она не долго оставалась такой яркой; въ теченіе 8 дней она уже опустилась до шестой величины, и въ началѣ іюля вернулась къ своей обыкновенной девятой-десятой величинѣ,—которую съ большими или меньшими колебаніями сохраняетъ и по сіе время. Безъ телескопа и точнаго опредѣленія звѣздъ, эту звѣзду съ такимъ же правомъ какъ и звѣзду Тихо сочли бы дѣйствительно за новую, между тѣмъ какъ теперь на нее смотрятъ просто какъ на весьма неправильную непостоянную звѣзду. Стало быть и всѣ другія такъ-называемыя *новыя* звѣзды слѣдуетъ отнести къ категоріи непостоянныхъ; вѣдь не могли же онѣ произойти изъ *ничего*; онѣ могли сдѣлаться видимыми только вслѣдствіе своего видоизмѣненія, именно увеличенія свѣта. Но, спрашивается, какая же причина этихъ измѣненій свѣта, отчего зависитъ правильность и еще болѣе неправильность въ продолжительности періодовъ, въ силѣ колебаній свѣта, внезапное появленіе такъ-называемыхъ *новыхъ* звѣздъ? До сихъ поръ наука можетъ отвѣчать одними догадками на всѣ вопросы о причинахъ этихъ явленій. Впрочемъ это и не удивительно, такъ какъ самые факты стали ей болѣе знакомы и начали изслѣдоваться ею всего нѣсколько десятилѣтій тому назадъ,—не говоря о томъ, что непостоянныя звѣзды, какъ и другія неподвижныя звѣзды, находятся на такихъ разстояніяхъ отъ насъ, что даже сильнѣйшая зрительная труба не въ состояніи показать ихъ (какъ сравнительно ближайшія планеты) въ видѣ шара, то есть дать возможность прямо наблюдать ихъ поверхности. Самое вѣроятное предположеніе о причинахъ измѣненія свѣта нѣкоторыхъ звѣздъ (которыя надо считать, равно какъ и другія неподвижныя звѣзды, а также и наше солнце—за ярко свѣтящіяся, вращающіяся вокругъ оси, тѣла)—это то, что на поверхности ихъ есть пятна, которыя отъ времени до времени, именно когда запятнанная сторона обращается къ нашей землѣ, производятъ затемнѣніе; такія пятна есть какъ извѣстно и на солнцѣ, хотя на послѣднемъ они не такъ велики и темны, чтобы значительно ослаблять его свѣтъ. Причину внезапнаго появленія звѣздъ всего правдоподобнѣе приписываютъ сильнымъ изверженіямъ ярко-горящихъ массъ изъ сравнительнаго темнаго тѣла. Рядомъ съ измѣненіями свѣта (что, какъ мы видѣли, наблюдается лишь въ относительно-немногихъ звѣздахъ) укажемъ еще на *перемѣну мѣста*, явленіе, замѣчаемое въ гораздо большемъ числѣ звѣздъ. Тысячи неподвижныхъ звѣздъ правильно движутся въ огромной толпѣ повидимому неподвижныхъ звѣздъ, слѣдовательно въ сущности они не суть совсѣмъ неподвижныя звѣзды. Правда, эти *собственныя движенія*, какъ ихъ называютъ, такъ слабы, что для простаго глаза они не были бы замѣтны въ теченіи многихъ десятилѣтій, даже столѣтій; замѣтить ихъ и опредѣлить ихъ величину и направленіе—можно только при помощи соединенныхъ съ телескопами астрономическихъ инструментовъ,—поэтому вышеупомянутыя измѣненія и стали точнѣе извѣстны въ наукѣ, сравнительно говоря, въ позднѣйшее время, около столѣтія тому назадъ.

Познанія наши въ этой области ограничиваются, какъ и естественно заключить по сущности предмета, болѣе свѣтлыми звѣздами, которыя были наблюдаемы еще въ прошломъ столѣтіи; въ звѣздахъ меньше девятой величины—до сихъ поръ не могли замѣтить собственнаго движенія, потому что всего нѣсколько десятилѣтій тому назадъ были сдѣланы болѣе точныя наблюденія такихъ слабыхъ звѣздъ, то есть опредѣленіе ихъ положенія относительно другихъ звѣздъ, что необходимо для опредѣленія такихъ маленькихъ величинъ какъ собственныя движенія. Чтобы составить себѣ приблизительное понятіе объ этихъ величинахъ, представимъ себѣ видимый поперечникъ диска луны или солнца раздѣленнымъ на 30 частей; въ астрономіи такая часть называется минутой (′), 60-я часть ея называется секундой (″), 60 минутъ составляютъ градусъ (°); такимъ образомъ, въ круглыхъ числахъ поперечникъ луны и солнца равняется $^1/_2° = 30' = 1800''$. Сильнѣйшее собственное движеніе, какое только извѣстно въ звѣздѣ шестой величины на на южномъ небѣ, не доходитъ даже до 8″ въ годъ, значитъ звѣздѣ этой понадобилось бы цѣлыхъ 230 лѣтъ, чтобы перемѣнить свое мѣсто между другими звѣздами на одну ширину луны.

На сѣверномъ небѣ звѣзда съ наибольшимъ извѣстнымъ намъ собственнымъ движеніемъ—находится въ Большой Мед-

Библиотека "Руниверс"

вѣдицѣ на границѣ съ «Охотничьей собакой», и принадлежитъ къ шестой-седьмой величинѣ; она проходитъ путь одной ширины луны въ 260 лѣтъ. Свѣтлая звѣзда первой величины, Арктуръ=α Боотеса, употребила бы для этого 800 лѣтъ,—и это еще наибольшее движеніе, видимое между всѣми свѣтлыми звѣздами сѣвернаго неба до четвертой величины. По этимъ числамъ станетъ понятнымъ, почему о движеніи неподвижныхъ звѣздъ узнали только въ новѣйшее время, а въ древности и въ средніе вѣка ничего не подозрѣвали объ немъ. Если мы сравнимъ звѣзды, движеніе которыхъ изслѣдовано и число которыхъ уже превышаетъ 3.000, относительно величины ихъ собственнаго движенія, то окажется, что чѣмъ слабѣе звѣзды, тѣмъ среднимъ числомъ уменьшается величина движеній—между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ слабыхъ звѣздъ встрѣчаются весьма сильныя, даже наиболѣе сильнѣйшія движенія, какъ мы уже видѣли это.

Фактъ этотъ приводитъ къ мысли, что такія имѣющія сильное движеніе звѣзды должны быть менѣе отдалены отъ насъ, чѣмъ тѣ которыя медленнѣе перемѣняютъ свое мѣсто на небѣ,—потому что если дѣйствительныя движенія звѣздъ въ пространствѣ не очень различны, то наибольшая видимая перемѣна мѣста будетъ для насъ всего замѣтнѣе въ ближайшихъ къ намъ звѣздахъ. Если съ другой стороны принять, что настоящая величина и свѣтъ звѣздъ приблизительно одинаковы, то это приведетъ насъ къ заключенію, что чѣмъ звѣзда кажется свѣтлѣе, тѣмъ ближе она къ землѣ,—потому что чѣмъ болѣе отдаляемся мы отъ блестящей точки, тѣмъ она кажется намъ слабѣе. И такъ, разсматривая различныя собственныя движенія и яркость звѣздъ, мы непосредственно приходимъ къ вопросу объ *отдаленіи* ихъ отъ насъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Прерванный сеансъ.

(Разсказъ художника).

...Стаканы снова были наполнены - и онъ началъ:

— Ну, господа, коли хотите—извольте, разскажу. Слушайте. Въ одно прекрасное утро является ко мнѣ нѣкій весьма солидный мужъ и говоритъ: «Желаю заказать вамъ картину... то есть собственно-о не картину, а-а-а портретъ»... Онъ крякнулъ, я поклонился.—«Нарисуйте вы мнѣ совершенно обнаженную нимфу... не стѣсняясь... понимаете? Поза—по вашему вкусу»...

— Вы, кажется, сказали прежде—портретъ?

— Ну—да, да! Позвольте-съ...

Онъ слегка нахмурилъ брови, неторопливо вытащилъ изъ боковаго кармана сюртука великолѣпный бумажникъ, изъ котораго и вынулъ фотографическую карточку.

— Вотъ-съ, для нимфы вы возьмете это лицо. . Конечно, вамъ придется значительно увеличить его. Надѣюсь, что относительно сходства постараетесь... Ну-съ, что касается тѣла... то-о... полагаю, вы имѣете натурщицу...

Баринъ былъ важный, говорилъ басисто, причемъ частенько тянулъ гласную на концѣ слова. Одѣтъ былъ по послѣдней модѣ. Я взглянулъ на карточку... Это былъ портретикъ одной довольно-извѣстной «каскадной» пѣвицы. Мы условились относительно размѣра картины и гонорара. Я не поцеремонился съ нимъ—заломилъ порядочную цѣну. Баринъ приподнялъ брови, потомъ опустилъ углы губъ и произнесъ: «Я думалъ будетъ-э-э дороже»... затѣмъ любезно улыбнулся, раскланялся и торжественно вышелъ. Я посмотрѣлъ на его важный затылокъ и невольно воскликнулъ: вотъ бы Самойлову взглянуть на этотъ затылокъ!..

Ну-съ, занялся я нимфой. Для натуры пригласилъ Варю — постоянную мою сотрудницу въ такихъ случаяхъ. Работа быстро подвигалась. Баринъ довольно часто навѣщалъ меня... Онъ, видите-ли, непремѣнно хотѣлъ бывать на сеансахъ. Я, разумѣется, безъ согласія Вари не могъ исполнить такой просьбы, но Варя (славная она дѣвушка!) махнула рукой... «Пусть, говоритъ, сидитъ! Если онъ настолько неделикатенъ, что хочетъ отягчить ремесло натурщицы—Богъ съ нимъ! Мое лицо, говоритъ, не нужно—ну, такъ онъ его и не увидитъ: я полумаску надѣну (отъ маскарада осталась) и все время буду въ полумаскѣ... Только предупреди его, что статуя-то эта живая, а потому правая рука у нея можетъ ударить кого угодно и куда угодно... Пусть такъ и знаетъ!»...

Баринъ, впрочемъ, велъ себя прилично, да и я бы не потерпѣлъ никакой невѣжливости съ его стороны относительно Вари. Ну-съ, вотъ, однажды, сижу это я, рисую нимфу (почти кончаю); Варя стоитъ, болтаемъ мы съ ней о разныхъ разностяхъ—вдругъ динь-динь-динь!

— Если онъ—такъ что-то раненько, замѣтила Варя:—гдѣ моя полумаска-то?.. А можетъ быть заказчикъ какой-нибудь. Я ужь лучше пойду за ширмы, а ты спровадь его поскорѣй...

Не успѣла она скрыться, какъ за портьерой прозвучалъ довольно пріятный женскій голосъ: «Можно?» и, не ожидая отвѣта, въ комнату вошла дама, нарядно одѣтая, повидимому аристократка. За нею появилась другая — съ виду компаньонка. Выглянулъ и ливрейный лакей...

— Вы художникъ-портретистъ? спросила дама, медленно подходя ко мнѣ.

На видъ ей было лѣтъ подъ сорокъ. Лицо ея было желтовато-блѣдное, глаза какъ будто безпокойны.

— Да-съ. Прошу присѣсть. Вамъ угодно заказать свой портретъ?

— Н-да, портретъ. Надѣюсь, въ цѣнѣ сойдемся.

Она оглянула комнату и слегка сдвинула брови.

— Вы, кажется, занимались сейчасъ... Вы одни?

— Да, и я дѣйствительно теперь очень занятъ...

— Чѣмъ больше работы, тѣмъ лучше... Гдѣ же мнѣ сѣсть? Ахъ—да! обратилась она вдругъ по-французски къ спутницѣ своей:—вы можете ѣхать... Черезъ часъ заѣзжайте за мной. Скажите Кузьмѣ, что онъ прямо можетъ подъѣхать сюда, не останавливаться на углу.

Компаньонка и лакей исчезли. Развязность барыни такъ меня удивила, что я растерялся и меня обдало холодомъ...

— Но, позвольте, милостивая государыня...

— Гдѣ же я сяду? повторила она.

— Но извините... Я вѣдь вамъ говорилъ, что занятъ... Рѣшительно не имѣю теперь времени!

— Ахъ, Боже мой! Вы говорили? Но... я вѣдь отослала ужъ экипажъ... Я думала, что... Развѣ вы не можетъ отложить вашу работу и заняться мной? Вѣдь только часъ—не больше...

Бѣдная Варя! мелькнуло у меня въ головѣ.

— Пожалуй, я-бы могъ отложить... Но вѣдь надо же кое-что приготовить. Напримѣръ, у меня и холста нѣтъ свободнаго...

— А это что?

Она быстро подошла къ нимфѣ; заглянула, вспыхнула и отвернулась отъ картины,

— Ну, не надо на холстѣ. Вы вѣдь можете сдѣлать акварельный портретъ? Это для меня все равно, но мнѣ непремѣнно нужно, чтобы портретъ мой былъ сегодня непремѣнно начатъ... Не-пре-мѣнно! Рисуйте-же! Бумага найдется... Я сажусь (она сѣла). Такъ хорошо будетъ?..

Ахъ, какъ скверно! О, Варя! чуть не воскликнулъ я, не зная что дѣлать...

— Что-жъ вы стоите? Однако, какъ вы съ дамами нелюбезны, молодой человѣкъ! Сами же вы виноваты, что я отослала карету... Ну, вотъ, я и должна остаться! прибавила она кокетливо.

Я боялся, чтобы Варя не разсердилась и не выкинула бы со злости какой-нибудь штуки... Наконецъ, она могла чихнуть, кашлянуть... Каково простоять цѣлый часъ не шевелясь! Я ухватился за соломенку:

— Я рисую преимущественно масляными красками, а потому, къ сожалѣнію... Да и акварельныхъ красокъ у меня нѣтъ!

— Ахъ, какъ это скучно! Ну, рисуйте просто карандашемъ, лишь бы похоже было!

Вотъ приспичило! Снимай портретъ—и баста! Что за причина?.. Но барыня не давала мнѣ времени размышлять и смѣясь проговорила:

— Не сердитесь! Все равно, вѣдь это не поможетъ...

— Хорошо-съ, на полчаса я согласенъ, но больше, клянусь, не могу, не имѣю времени... Меня ждутъ! Если вы боитесь...

— Но вѣдь экипажу я велѣла черезъ часъ...

— Развѣ вы совсѣмъ не ходите пѣшкомъ? Днемъ нечего бояться, да и погода хорошая...

— Я ни-когда не хо-жу по улицамъ, отчеканила она и весело усмѣхнулась:—извольте же рисовать! Я никакъ не думала, что господа художники такіе упрямые...

Я схватилъ бумагу, карандашъ, и только хотѣлъ сѣсть, какъ къ подъѣзду подкатили дрожки и, секунды двѣ спустя, звякнулъ колокольчикъ. Должно быть—мой баринъ явился; ну, на этотъ разъ неудачно!.. Смотрю: барыня насторожила уши и даже слегка приподнялась... Любитель нимфъ, снимая пальто въ прихожей (это дѣйствительно былъ онъ), основательно крякнулъ. Дама покраснѣла, вскочила и, стремглавъ бросилась за ширмы! Варя слабо вскрикнула отъ такой неожиданности, вскрикнула и барыня... Потомъ все стихло...

— Здравствуйте, звучнымъ баритономъ поздоровался со мною гость и, весь сіяющій, самодовольный, протянулъ мнѣ руку.—Заѣхалъ, знаете-э, на минутку... Такъ и тянетъ сюда!.. А гдѣ же прелестная Діана? Или ужъ кончено? Вы одни? А я такъ жаждалъ ее увидѣть... Право-о жаждалъ!..

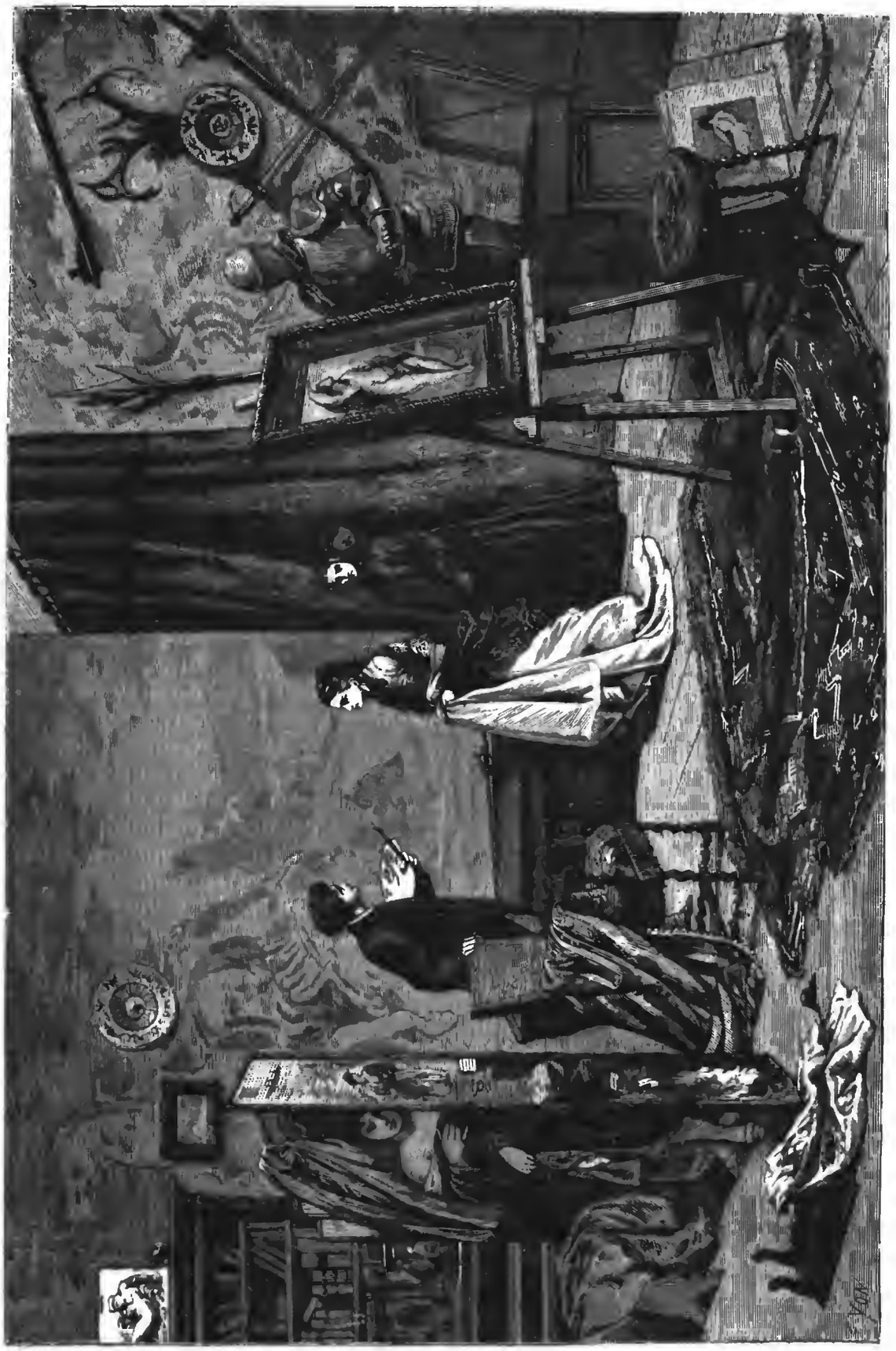
Варя не выдержала—она громко фыркнула.

— Э! да она, шалунья, спряталась?..

Но тутъ премиленькая вышла сценка! Не съумѣю, господа, передать ее, а потому просто скажу: не успѣлъ онъ прогонорить этой фразы, какъ изъ-за ширмъ вышла барыня—блѣдная, но спокойная, даже величавая... Любитель нимфъ такъ и застылъ на мѣстѣ...

— Петръ Иванычъ, заговорила она твердымъ голосомъ:—ва-

Библиотека "Руниверс"



Прерванный сеансъ. Картина Кортацо, грав. Іонъ.

Библиотека "Руниверс"

ша Діана здѣсь, впрочемъ это вы и сами знаете, но костюмъ не позволяетъ ей выйдти оттуда. Такъ какъ г. художникъ рѣшительно не имѣетъ времени рисовать съ меня, а я поторопилась отослать карету—то не угодно ли вамъ сопровождать меня домой на дрожкахъ? Слѣдуйте за мною.

Она чуть кивнула мнѣ и направилась къ дверямъ. Баринъ, красный какъ ракъ, смиренно поплелся за нею...

«Діана» выскочила изъ-за ширмъ и разразилась неудержимымъ, звонкимъ хохотомъ.

— О, ревность! Нѣтъ, вѣдь какъ ловко поймала она мужеька-то! вскрикивала Варя.—Выслѣдила—ха, ха, ха! У ревнивыхъ чутье первый сортъ!.. Ну, лопнулъ, значитъ, этотъ заказъ!..

И, дѣйствительно, баринъ больше уже не являлся ко мнѣ, даже не освѣдомлялся о картинѣ. Надо думать, что крѣпкую вынесъ онъ головомойку и — раскаялся... Вотъ, господа, и все!

— Твой трудъ такъ и пропалъ? спросилъ одинъ изъ слушателей.—Вѣдь нимфа была почти окончена?

— Ну, нѣтъ!.. нимфы, братъ, не пропадаютъ. Товаръ ходкій. Картину эту (лицо-то нимфы, конечно, я передѣлалъ) продалъ я довольно выгодно одному адвокату... «Мнѣ, говоритъ, для кабинета моего, такого рода «смягчающія обстоятельства» потребны»... Купилъ, можно сказать, съ удовольствіемъ! А что, господа, не послать ли еще за дюжиной?..

Утро въ деревнѣ

(Посвящается М. Д. Р—ской).

Зажглася искорка разсвѣта
Въ туманѣ сѣвера ночномъ,
Зари алмазный отблескъ свѣта,
Неся съ востока лучъ привѣта,
Встаетъ на небѣ голубомъ.
И что за утро!.. кротко, нѣжно
Лучъ солнца просится въ окно,
И въ ризѣ листьевъ бѣлоснѣжной
Зоветъ подъ сѣнь свою мятежно
Аллея тополей давно.
Тамъ, подъ недвижными тѣнями
Маститыхъ, вѣковыхъ деревъ,
Укрылась робко за кустами.
Зари испугана лучами,
Царица нѣги, грёзъ и сновъ.
Скорѣй туда!.. какъ будто слышу
Я шелестъ платья и шаговъ,
И страстный чудится мнѣ зовъ,
И сплуэтъ я стройный вижу
За клумбой дальнею цвѣтовъ.
Скорѣй туда!.. Востокъ горитъ
Огней жемчужными кругами,
Міръ потонулъ подъ ихъ волнами,
И сердце нѣга вновь томитъ
Блаженства мукой и слезами.
Скорѣй! скорѣй!.. тамъ счастье мнѣ,
Какъ прежде, снова улыбнется,
Вновь страсть забытая проснется,
И утра въ томной тишинѣ
На зовъ мой муза отзовется...

«Муза, о муза моя вдохновенная,
Въ пламени мысли и свѣта рожденная,
Чудная, стройная, дивно прекрасная,
Муза, царица моя полновластная,
Вновь ты къ пѣвцу низлети!
«Снова чело его мыслью высокою,
Чистой, какъ небо, какъ море глубокою,
Мыслью живой освѣти.
«Сколько разъ—помню я—грёзой плѣнительной,
Легкимъ видѣньемъ, мечтой обольстительной,
Поздней вечерней порой.
«Вся совершенство, восторгъ, обаяніе,
Полная жизни, любви и желанія,
Ты появлялась предъ мной!
«Сколько разъ звуками пѣсень могучими,
Сильными, чудными, нѣжно пѣвучими,
Ты вдохновляла пѣвца!
«Съ нимъ коротала ты ночи, счастливая,
И убѣгала въ слезахъ, прихотливая,
Пѣсни не спѣвъ до конца.
«Муза, я снова къ тебѣ обращаюся,
Съ жаркой мольбою предъ тобой склоняюся.
Жажду я пѣсень твоихъ,
«Жажду глаголовъ я, муза, божественныхъ,
Гимновъ властительныхъ, гимновъ торжественныхъ,
Звуковъ восторга святыхъ»...
— «Нѣтъ!» отвѣчаетъ мнѣ муза смущонная,
Страстнымъ воззваньемъ моимъ пробужденная,—
«Ты уже мнѣ измѣнилъ:
Мысли и думы, мечты сокровенныя,
Все ты къ стопамъ чаровницы надменныя
Нѣги и сновъ положилъ...
Съ ней будь и счастливъ!»..—«Аминь!
Стань же, проклятая, стань!»...
И вотъ въ тотъ мигъ, когда жизнь радостно вокругъ
Ручьями черезъ край изъ чаши полной плещетъ,
Столѣтнихъ тополей серебристый листъ трепещетъ,—
Волнуясь и холмясь, дымится синій лугъ,
И въ капелькѣ росы алмазомъ солнце блещетъ,—
Когда въ лазури дня встаетъ святая цѣль
И счастье мнѣ сулитъ въ грядущемъ безконечно,
И вьется и ползетъ вокругъ тычинки хмѣль,
Рокочетъ и звучитъ въ рыданіяхъ свирѣль
И льется трель ея вдали волной безпечной,—
Когда мечты и мысль и самая любовь,
Любовь желанная, манятъ въ свои объятья,
И нѣги новый міръ сулятъ безумцу вновь,—
Я мрачно злобствую, бушуетъ жолчь и кровь
Въ моей больной груди, и льются съ устъ проклятья...

П. Мартьяновъ.

Смѣсь.

Папирусъ Эберса. Объ этомъ свертке папируса, названномъ по имени открывшаго его лейпцигскаго профессора египтологіи, др. Георга Эберса, въ одномъ изъ засѣданій лейпцигскаго «общества любителей землевѣдѣнія», былъ прочитанъ самимъ профессоромъ отчетъ, содержаніе котораго мы передаемъ здѣсь со словъ «Лейпцигской газеты». Кустарникъ папируса росъ прежде въ большомъ количествѣ въ Египтѣ, преимущественно на Нильской дельтѣ; теперь, съ большею частью флоры и фауны, онъ отодвинулся на югъ, къ бѣлому Нилу. Также и въ Сициліи и въ окрестностяхъ Сиракузъ существуютъ еще цѣлые лѣса папируса. Вещество добытое изъ внутренности растенія - разрѣзывалось на тонкія пластинки, которыя наклеивались одна на другую, выглаживались слоновыми зубами, и въ такомъ видѣ, смотря по ихъ добротѣ, поступали въ разныхъ сортахъ въ торговлю; лучшіе сорта приготовлялись кажется изъ папируса, росшаго около Саиса. Изъ огромнаго количества папирусовъ, сохранявшихся въ древне-египетскихъ библіотекахъ, уцѣлѣла относительно только небольшая часть. Ихъ находятъ въ землѣ, въ герметически-закупоренныхъ горшкахъ, всего чаще вмѣстѣ съ муміями. Величайшій папирусный свертокъ находится въ Британскомъ музеѣ и называется папирусомъ Гарриса; второй по величинѣ—это папирусъ открытый и пріобрѣтенный др. Эберсомъ въ Ѳивахъ. Первый изъ нихъ имѣетъ 144 фута, второй 23 метра длины. Если бы не невѣжество арабовъ, которые часто разрѣзываютъ такіе свертки на нѣсколько кусковъ, и такъ по частямъ пускаютъ ихъ въ продажу, то мы имѣли бы гораздо больше папирусовъ. Написанный на нихъ текстъ охватываетъ почти всѣ области знанія, кромѣ драматическаго искусства; самый лучшій и богатый отдѣлъ принадлежитъ поэзіи. «Папирусъ Эберса»—медицинскаго содержанія; онъ найденъ былъ въ Ѳивахъ при одной муміи еще тридцать лѣтъ тому назадъ, но его долго скрывали, потому что египетское правительство само старается, за недорогую цѣну, покупать такія вещи. Переговоры съ арабомъ, въ рукахъ котораго г. Эберсъ нашелъ названный папирусъ, плохо подвигались впередъ—и уже грозили кончиться ничѣмъ, такъ какъ въ то же время директоръ Британскаго музея торговалъ этотъ самый папирусъ; но лейпцигскому ученому помогъ случай въ лицѣ одного его соотечественника Макса Гюнтера, черезъ посредство котораго онъ могъ тотчасъ же вручить купцу чистымъ золотомъ половину условленной цѣны. Король Іоаннъ пріобрѣлъ папирусъ и подарилъ его лейпцигскому университету. Папирусъ этотъ раздѣленъ на 110 страницъ, которыя перенумерованы; недостаетъ только двухъ цифръ—28 и 29, потому что «это дурныя числа для большихъ»; текстъ между тѣмъ продолжается непрерывно. Послѣдній чрезвычайно правиленъ, написанъ довольно грам-

Библиотека "Руниверс"

матично. Какъ и въ другихъ свертках, начальныя буквы въ немъ выведены красными чернилами, остальное черными. Судя по содержанію, это руководство къ составленію и употребленію лекарствъ. Въ числѣ послѣднихъ помѣщены формулы различныхъ заклятій (не надо смѣшивать этого съ строго-запрещенными колдовскими средствами), такъ какъ для исцѣленія больныхъ допускалось призывать боговъ. Даваемые здѣсь рецепты касаются всѣхъ частей тѣла; тутъ же описываются и косметическія средства, различные рецепты для рощенія волосъ, даже разныя средства выводить крысъ и насѣкомыхъ, и проч. Ораторъ сообщилъ буквально начало введенія папируса, и заключилъ свое чтеніе сообщеніемъ, что подъ его руководствомъ готовится къ выходу въ свѣтъ книга, поразительно схожая съ оригиналомъ разбираемаго папируса. При этомъ онъ предложилъ на разсмотрѣніе собранія уже отпечатанные пробные листы этого интереснаго изданія.

Рихардъ Вагнеръ. Отъ 28-го января 1875 года, Рихардъ Вагнеръ разослалъ изъ Бейрута циркуляръ всѣмъ артисткамъ и артистамъ, которые должны или желали бы принять участіе въ бейрутскихъ театральныхъ празднествахъ. Мы заимствуемъ изъ этого посланія самыя важныя мѣста: На первой недѣлѣ іюля 1875 г. назначается фортепіанная репетиція «Рейнгольда», на второй недѣлѣ пойдетъ репетиція «Валькуры», на третьей «Зигфрида», на четвертой—«Сумерокъ боговъ». Отъ 1-го до 15-го августа репетиціи повторятся съ участіемъ полнаго оркестра, а конецъ мѣсяца будетъ употребленъ для репетицій трудныхъ сценическихъ эволюцій. Мѣсяцы іюнь и іюль 1876 года назначаются для полныхъ генеральныхъ репетицій всего творенія. На первой недѣлѣ августа 1876 г. дано будетъ первое представленіе всего творенія въ слѣдующемъ порядкѣ: въ воскресенье, 4-го августа, въ 7 часовъ вечера: начало представленія «Рейнгольда»; въ понедѣльникъ, въ 4 часа пополудни: «Валькура», первый актъ, въ 6 часовъ второй актъ, въ 8 часовъ третій актъ. Въ эти продолжительные антракты публика можетъ пріятно прогуливаться на открытомъ воздухѣ, или проводить время въ крытыхъ садовыхъ галлереяхъ, устроенныхъ для отдыха артистовъ и примыкающихъ непосредственно къ ихъ уборнымъ. Во вторникъ также въ 4 часа по полудни начало «Зигфрида». Въ среду въ тѣ же часы «Сумерки боговъ». Въ такомъ же точно порядкѣ, на второй недѣлѣ августа пойдетъ первое, а на третьей недѣлѣ второе повтореніе полнаго представленія. Дальше Вагнеръ говоритъ въ своемъ циркулярѣ о трудностяхъ предпріятія и о томъ, что успѣхъ вполнѣ зависитъ единственно отъ безусловной готовности артистовъ содѣйствовать ему. Затѣмъ Вагнеръ требуетъ, чтобы съ пѣвцами и пѣвицами былъ заключенъ обязательный контрактъ, и проситъ ихъ немедленно объявить ихъ условія. При этомъ онъ упоминаетъ, что матерьяльныя его средства такъ велики, что онъ не будетъ лишенъ содѣйствія ни одного избраннаго имъ артиста изъ-за непреодолимыхъ денежныхъ затрудненій.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Его Величество Государь Императоръ изволилъ прибыть, 25-го сего іюня, въ $10^1/_2$ часовъ утра, изъ-за границы въ С.-Петербургъ.

— Въ „Варш. Дневн." напечатано: Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать пятнадцать тысячъ рублей для оказанія денежнаго пособія бѣднѣйшимъ жителямъ Царства Польскаго.

— 23-го іюня, съ разсвѣтомъ, отправился изъ Кронштадта колесный пароходъ „Днѣпръ", посланный въ Ригу для встрѣчи его величества Короля Шведскаго и Норвежскаго.

— 26-го сего іюня, въ 3 часа пополудни, изволила прибыть въ Петергофъ ея королевское высочество вдовствующая Великая Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская.

— По случаю кончины его величества Императора Австрійскаго Фердинанда I, Высочайше повелѣно наложить трауръ при Высочайшемъ Дворѣ на двадцать восемь дней, съ обыкновенными раздѣленіями, начавъ съ 18-го сего іюня.

Дѣйствія правительства.

— 13-го мая Высочайше повелѣно: Въ измѣненіе § 2 Высочайше утвержденнаго 30-го іюня 1871 г. устава гимназій и прогимназій постановить: „Въ гимназіи полагается восемь классовъ, съ годичнымъ въ каждомъ изъ нихъ курсомъ".

— 1-го іюня Высочайше повелѣно: для пополненія армій и флота призвать въ 1875 г., въ предписаніемъ уставомъ о воинской повинности порядкѣ, сто восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, полагая въ этомъ числѣ и тѣхъ, которыми представлены будутъ въ предстоящій призывъ освобождающія отъ службы зачетныя рекрутскія квитанціи прежняго времени Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащее распоряженіе".

— Въ разъясненіе возбужденнаго въ одной изъ газетъ вопроса, будетъ ли допущенъ обмѣнъ 10 коп. почтовыхъ марокъ прежняго образца на выпущенныя, съ 18-го сего іюня, новыя марки, почтовый департаментъ объявляетъ къ свѣдѣнію публики, что такъ какъ марки и штемпельные конверты прежняго образца не изъемлются изъ обращенія и оплаченныя ими письма будутъ пересылаться по почтѣ безпрепятственно, то посему въ обмѣнѣ прежняго образца марокъ на новыя не представляется надобности.

Народное просвѣщеніе.

— Въ послѣднее время открыты слѣдующія учебныя заведенія: 20-го февраля 2-хъ-классное училище въ г. Вязьмѣ, въ мартѣ одноклассное начальное народное училище *М. Н. П.* въ селѣ Липовой долинѣ Гадячскаго уѣзда Полтавск. губ.; 22-го апрѣля такое же училище въ с. Поповой греблѣ, Ольгопольскаго уѣзд. Подольск. губ.; 12-го апрѣля 2-хъ-классное начальное народное училище *М. Н. П.* въ с. Петрушинѣ Черниговск. губ. и уѣзда, и одноклассное такое же училище въ м. Купелѣ, Староконстантиновскаго уѣзд. Волынской губ.; 1-го мая двухклассное такое же училище въ с. Путятинѣ, Сапожковскаго уѣзда, Рязанск. губ.

— Смѣлянское одноклассное начальное народное училище, Роменскаго уѣзда, преобразовано въ двухклассное Министерства Народнаго Просвѣщенія; учащихся въ этомъ училищѣ 103 мальчика и 11 дѣвочекъ.

— Въ „Русскомъ Инвалидѣ" пишутъ, что 15-го іюня, въ крѣпости Динабургѣ открытъ фребелевскій дѣтскій садъ, куда и поступило 11 дѣтей. Устройство сада вызвано необходимостію пособить семейнымъ офицерамъ и чиновникамъ, при первоначальномъ воспитаніи и обученіи ихъ дѣтей. Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Екатерина Михайловна изволила принять садъ подъ Свое высокое покровительство.

— Въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" пишутъ, что десять лѣтъ назадъ въ Харьковѣ существовали только два, дурно снабженные книжные магазина; въ настоящее время число магазиновъ, торгующихъ книгами, возрасло до восьми, и ихъ операціи расширяются съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе.

Морское дѣло.

— Изъ Балаклавы пишутъ въ „Одесскій Вѣстникъ", что туда въ непродолжительномъ времени доставлены будутъ изъ Марселя машины, которыми предполагается достать со дна моря потонувшія суда англійскаго флота, въ томъ числѣ и транспортъ съ золотомъ. Къ работамъ дѣлаются уже предварительныя приготовленія.

— Въ Одессу прибыли надняхъ изъ Англіи — пишутъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ"— яхты „Мечта" и „Радость". Этими пріобрѣтеніями положено основаніе учреждающемуся въ Одессѣ отдѣленію яхтъ-клуба, уставъ котораго будетъ утвержденъ въ непродолжительномъ времени.

— 20-го іюня, въ 9 часовъ вечера, пришла въ Кронштадтъ американская яхта-шхуна „Энчантресъ", принадлежащая П. Ф. Люба. Г. Люба сопровождалъ въ 1866 году въ Россію г. Фокса, въ качествѣ секретаря по дипломатической части, и дѣлалъ вмѣстѣ съ г-мъ Фоксомъ и офицерами «Міантономо» и „Августа" поѣздку въ Москву, Нижній и Кострому. Въ настоящее время г-нъ Люба снова посѣтилъ Россію, въ качествѣ туриста, на своей собственной роскошной яхтѣ «Энчантресъ", принадлежащей Нью-Іоркскому яхтъ-клубу. Яхта «Энчантресъ» имѣетъ до 198 тоннъ водоизмѣщенія и сидитъ въ водѣ до $14^1/_2$ футовъ. На яхтѣ находится 21 человѣкъ команды. Въ Кронштадтъ яхта прибыла изъ Копенгагена, сдѣлавъ переходъ подъ парусами въ 7 дней.

Городская хроника.

— Въ «Пермскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» пишутъ, что купецъ Е. И. Зыряновъ пожертвовалъ 100 000 р. на устройство въ гор. Кунгурѣ, Пермской губерніи, богадѣльни. Кромѣ того, въ настоящее время одинъ изъ мѣстныхъ купцовъ, почетный гражданинъ А. С. Губкинъ, строитъ въ городѣ на свой счетъ великолѣпный каменный домъ подъ ремесленную школу, стоющій около пятисотъ тысячъ руб. сер.; вмѣстѣ съ тѣмъ пожертвовано имъ же шестьсотъ тысячъ руб. на содержаніе этой школы.

— Почетные граждане братья Бахрушины, семь лѣтъ тому назадъ, учредили въ гор. Зарайскѣ богадѣльню и школу, внеся въ городскую думу на ихъ содержаніе капиталъ въ 32.000 р.; для помѣщенія же этихъ заведеній пріобрѣтенъ ими домъ съ церковью за 9.500 руб. Съ того времени Бахрушины не переставали заботиться объ улучшеніи и расширеніи устроенныхъ ими заведеній, изъ коихъ въ богадѣльнѣ содержится нынѣ 39 чел., а въ школѣ обучается 55 дѣвочекъ; деревянныя же строенія для помѣщенія сихъ заведеній замѣнены каменными. Затѣмъ въ настоящее время предположено устроить каменную церковь, съ замѣною каменными же и остальныхъ строеній. Независимо отъ того, въ прошломъ году Бахрушины выразили готовность пожертвовать городу 2.000 р. на улучшеніе средствъ богадѣльни и 7 000 р. на улучшеніе средствъ школы.

— Московскій купецъ И. Д. Бабаевъ въ 1873 г. пожертвовалъ въ пользу гор. Коломны 2.000 р. на учрежденіе пріюта для бѣдныхъ дѣтей. Въ текущемъ же году Бабаевъ вмѣстѣ съ женою, пожертвовалъ на пріютъ еще 8.000 рублей.

— Душеприказчикъ покойной графини Е. А. Ланжеронъ, генералъ-маіоръ Орлай, во исполненіе духовнаго завѣщанія покойной, представилъ въ одесскую городскую управу 6.600 руб. на предметъ призрѣнія лишен-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ зрѣнія и искалѣченныхъ инвалидовъ, проживающихъ въ гор. Одессѣ.

— Нижнеломовскій городской голова, колежскій совѣтникъ Н. Ѳ. Орловъ, при посредствѣ привлеченныхъ имъ частныхъ пожертвованій и съ затратою собственныхъ своихъ средствъ, устроилъ домъ для помѣщенія ремесленной школы въ Нижнемъ-Ломовѣ, стоимостію (опредѣленною для застрахованія сего имущества) до 1.000 рублей.

— С.-Петербургская городская дума утвердила представленіе городской управы о томъ, чтобы расходъ, назначаемый по новому окладу на пенсіи семействамъ убитыхъ и увѣчныхъ на пожарахъ нижнихъ чиновъ (унтеръ-офицерамъ 63 р. 57 коп. и рядовымъ 57 р. въ годъ), производился изъ городскихъ доходовъ, какъ расходъ не обременительный для города, по своей незначительности.

Ученыя и другія общества.

— Состоящее при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ общество естествоиспытателей командировало въ нынѣшнемъ году въ южную часть Олонецкой губерніи, для изслѣдованія ея въ геологическомъ отношеніи, кандидата С.-Петербургскаго университета Слуцскаго, сопутствовавшаго въ 1873 году профессору Иностранцеву въ геологической экскурсіи по Повѣнецкому уѣзду.

СОДЕРЖАНІЕ: Аму-Дарьинская ученая экспедиція (съ 2 рисунками).—Соборъ Св. Петра въ Римѣ (съ рисункомъ). —Орелъ-дѣвка (изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмины фонъ - Гиллернъ - Вирхъ (продолженіе). — Тропическая купальня (съ рисункомъ). — Обзоръ небеснаго свода. — Прерванный сеансъ (съ рисункомъ). Утро въ деревнѣ (стихотвореніе) П. Мартьянова. — Смѣсь.—Разныя извѣстія.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Сего 1-го ІЮЛЯ вышла и разослана подписчикамъ V-я, ІЮЛЬСКАЯ, книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА"

Содержаніе книги: I. Архимандритъ **Фотій**, настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря: біографическій очеркъ 1798—1838 гг. Распоряженія его по монастырю;—переписка съ графиней Анной Орловой и проч.—II. Вильгельмъ Карловичъ **Кюхельбекеръ:** очеркъ его жизни и литературной дѣятельности;—письма къ нему друзей 1817—1825 гг.—III. Воспоминанія **О. А. Пржецлавскаго** о министрѣ народн. просвѣщ. Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ.—IV. Французская армія предъ войной съ Россіей, 1792—1809 гг. (окончаніе).—V. Александръ Сергѣевичъ **Даргомыжскій:** его письма и замѣтки; идеалъ художника; характеристика М. И. Глинки и проч.—VI. Листки изъ записной книжки „Русской Старины" 1) Афиша времени Петра Великаго.—2) Отправка сыновей русскихъ купцовъ въ Англію, 1766 г.—3) Пугачевскіе листы 1774 г.—4) Проектъ удаленія Турокъ съ Чернаго моря, 1780 г. (съ рисункомъ проекта медали на предполагавшееся взятіе Константинополя русскими въ 1780-хъ гг).—5) Два приказа Павла I-го 1799 г.—6) Замыселъ Фигнера въ 1812 г.—7) Гидрографическая карта Россіи въ 1842 г.—8) Разсказъ о кончинѣ А. П. Ермолова.—9) Стихотвореніе **Печорина.**—10) Разсказы и анекдоты.—VII, Петербургская Старина: новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1796 г.—VIII. Замѣтка о портретѣ Фотія.—IX. Библіографическій листокъ русскихъ книгъ.

Приложенія. 1. Записки генерала **Манштейна** о Россіи, 1728—1744 гг. переводъ съ французскаго подлинной рукописи автора. Гл. VIII—IX: событія 1733—1738 гг.—II. Снимки автографовъ русскихъ 1817—1825 гг.—III. Портретъ Архимандрита **Фотія.** Рисовалъ К. О. Брожъ, гравировалъ Академикъ Л. А. Сѣряковъ.

ПОДПИСКА на „Русскую Старину" изд. 1875 г. продолжается. Цѣна за 12-ть книгъ, со всѣми приложеніями: портретами, рисунками и снимками—ВОСЕМЬ рублей съ пересылкой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"—въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Базунова** (Невскій. 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ив. Григорьевича **Соловьева**—на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

☞ Гг. **Иногородныхъ** подписчиковъ просятъ **исключительно** обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ" въ С.-Петербургъ, Надеждинская, д. № 42, кв № 12.

Подписчики получаютъ всѣ вышедшія съ января книги «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1875 г. (*Осталось 132 экз.*).

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1870 г. (два изданія), 1871 г., 1873 г. и 1874 г. сполна разошлись по подпискѣ. «Русскую Старину» 1872 г. (второе изд.) можно получить всѣ 12 книгъ: (Осталось 35 экз.).

Оканчивается печатаніемъ въ двухъ типографіяхъ и къ 1-м августа 1875 г. выйдетъ новое, **третье**, изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ" 1870 г., **годъ первый**, въ трехъ томахъ всего до 2600 страницъ съ приложеніемъ портретовъ и до пятидесяти рисунковъ (виньетокъ), гравированныхъ акад. Сѣряковымъ.

Цѣна за новое изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ" 1870 г. съ приложеніями—**8** руб. съ пересылкой.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ

П. ЮРГЕНСОНА,

Москва, Петровка, № 6.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ГАРМОНІУМЫ:

Александра отца и сына въ Парижѣ:
13 различныхъ величинъ, цѣною отъ 60 до 550 р.

Гармоніумы изъ Штутгарта
цѣною отъ 140 до 500 руб.

Гармоніумы Эстей въ Америкѣ,
цѣною отъ 140 до 850 руб.

Гармонифлюты и гармоніумы,
цѣною отъ 45 до 125 руб.

Ручныя гармоники,
цѣною отъ 4 до 30 р.

Шарманки, гармонифлюты и гармоніумы,
съ валами, играющія русскія пьесы,
цѣною отъ 200 до 650 р.

Фабрики Бюссона въ Парижѣ.

Настоящія почтовыя марки всѣхъ государствъ дешево продаются:
Большой Каталогъ (5000 №) съ 72 раскрашенными начертаніями, цѣна 1 марки (30 коп.) (прежде 2 марки).
Иллюстрированный журналъ для почтовыхъ марокъ на 2 года (каждый нумеръ съ многими иллюстраціями) цѣна на годъ 3 марки (90 коп.)
Пробный листъ и прейсъ-курантъ безплатно.

Покупка и продажа почтовыхъ марокъ

ЛУИ ЗЕМФЪ въ Лейпцигѣ, Германія.

6—2

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

НЕСТЛЕ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переваримо, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:
1) **въ помощь кормленія слабой матери или кормилицѣ,**
2) **при отниманіи ребенка отъ груди и**
3) **въ путешествіяхъ съ дѣтьми.**

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у **Штоля и Шмидта**, въ Спб. — **химической лабораторіи**, русскаго общества торговли **аптекарскими товарами, у Рулковіуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохтса, — у Каушмана**, Вас. остр.,—**у В. Валандина**, Литейная, д. № 57-й, **у Ушакова** — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговляхъ Россійской имперіи.

26—22

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 24 Іюня 1875 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб. Больш. Морская, д. № 9. Тип. Розенкранца и Шапиро, Ал. пр. № 10

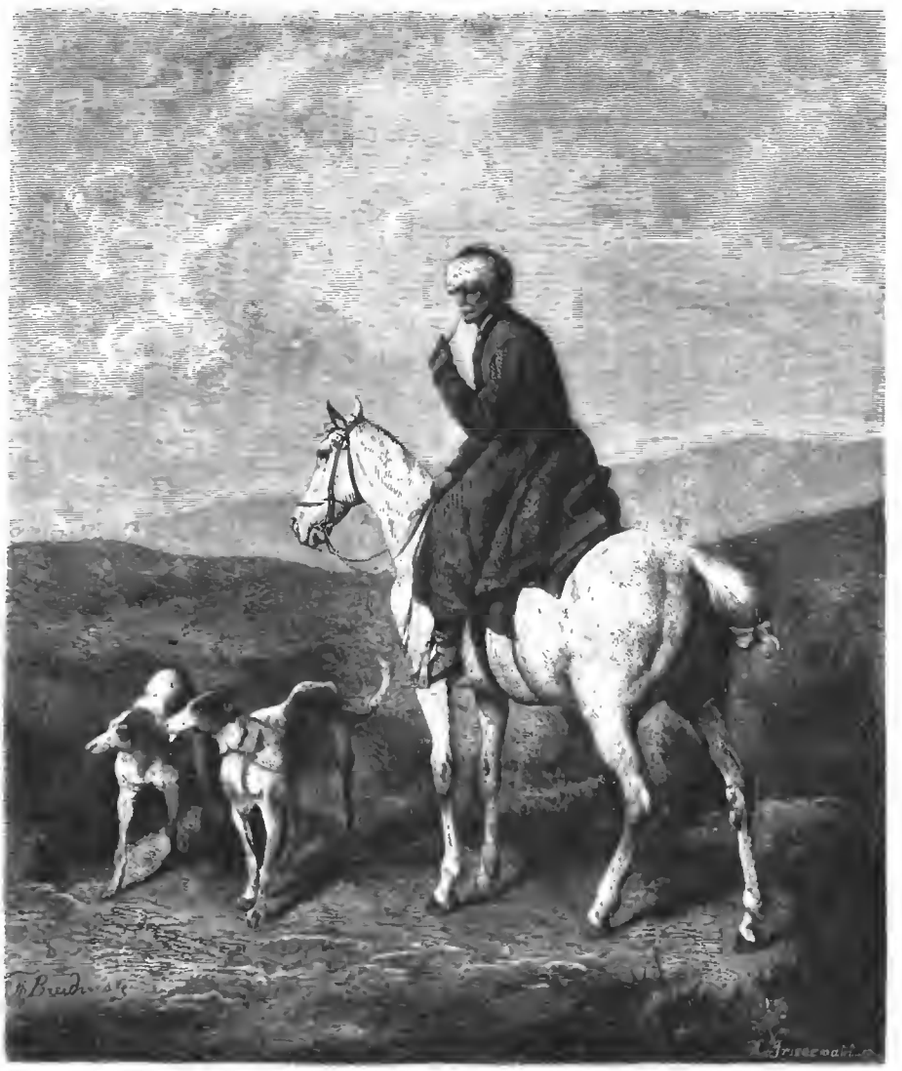
Оцифровано в Библиотеке Университета

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.
№ 28 1875
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Выданъ 13 Іюля 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.

Псовая охота.

Во времена оны не мало было на Руси людей бездомовныхъ, которые снискивали себѣ пропитаніе поденнымъ трудомъ. Въ нижней Руси, говоритъ Н. Костомаровъ, такіе бездомовные люди ударились на рыбный промыслъ и стали ходить на днѣпровскіе пороги, гдѣ было большое обиліе рыбы. Но ходить туда было не безопасно; вокругъ по степи бродили Татары, и рыболовы должны были ходить на свой промыселъ не иначе, какъ ватагами или дружинами и притомъ вооруженными. Для такихъ шатавшихся бездомовныхъ людей усвоилось тогда названіе *козакъ*, перешедшее къ Русскимъ отъ Татаръ. Слово *козакъ* значило вольнаго человѣка... Скоро потомъ изъ бродячихъ промышленныхъ людей образовалось сословіе осѣдлое, зажиточное и пользовавшееся льготами. Польскіе короли, владѣвшіе южно-русскимъ краемъ, давали въ южной Руси, по давнему принятому въ Польшѣ обычаю, въ управленіе и пользованіе знатнымъ лицамъ города съ уѣздами, которые въ такомъ случаѣ назывались «староствами», а господа получившіе староство —«старостами». Видя необходимость защититься отъ татарскихъ набѣговъ, старосты раздавали казакамъ земли съ обязанностью воевать, въ случаѣ надобности, противъ Татаръ. И какія это были роскошныя земли! Гоголь оставилъ намъ, въ повѣсти своей «Тарасъ Бульба», великолѣпную картину южно-русской степи XVII столѣтія, этой зеленой, дѣвственной пустыни, раскинувшейся до самаго Чернаго моря. Само собою разумѣется, что теперь, по прошествіи почти трехсотъ лѣтъ, эта благоухающая, дѣвственная пустыня превратилась въ страну, хотя и не густо-населенную, но все-таки достаточно оживленную. Прежняя степь раздробилась на тысячи участковъ, съ богатыми полями, лугами, на которыхъ жители Дона, казаки, любятъ и теперь порой порыскать съ борзыми собачками, поохо-



Псовая охота на Дону. Ждутъ звѣря. Картина проф. Зурландта, грав. Грюневальдъ.

Библиотека "Руниверс"

титься всласть. Тутъ всякой дичи довольно; трави кого хочешь: и зайца, и лисицу, и сѣраго волка. Травля—это одно изъ любимыхъ удовольствій донцовъ. Рано на зарѣ охотникъ покидаетъ свой домъ, чтобы насладиться травлей. Рѣдко выѣзжаетъ онъ въ одиночку, да и не трудно найдти ему товарищей, готовыхъ позабавиться вмѣстѣ съ нимъ въ чистомъ полѣ. Вотъ уже маленькія, крѣпкія лошадки осѣдланы и выведены; борзыя, въ восторгѣ отъ предстоящей травли, лаютъ, визжатъ и прыгаютъ на сворѣ. Свистъ нагайки заставляетъ ихъ умолкнуть на короткое время; онѣ тихонько взвизгиваютъ и малу по малу опять начинаютъ безчинствовать до тѣхъ поръ, пока наконецъ не очутятся въ полѣ. Вотъ—выѣхали. Не прошло и получаса, какъ уже двухъ зайцевъ затравили; третьяго, увлекшись, собаки разорвали въ куски и позавтракали этими кусками, за что и были тутъ же, на мѣстѣ преступленія, крѣпко наказаны нагайками. Затѣмъ посчастливилось открыть лисью нору... Ну, за этимъ звѣремъ придется погоняться! Лисица мастерица кружить. На пространствѣ какой нибудь версты она ухитряется сдѣлать столько поворотовъ, что собакамъ никакъ не удается настигнуть ее. Неутомимые псы летятъ за нею, чуть за хвость не хватаютъ—но нѣтъ: она вдругъ перелетаетъ черезъ канаву и—пропадаетъ безслѣдно. Свирѣпые преслѣдователи останавливаются въ недоумѣніи... А усталый звѣрь отдыхаетъ тѣмъ временемъ въ случайно-попавшейся ему на пути норѣ, покинутой лисой или барсукомъ. Но недолго лисѣ приходится отдыхать: собаки нашли уже и указываютъ охотникамъ мѣсто, гдѣ она притаилась. Охотники соскакиваютъ съ лошадей и рукоятками нагаекъ (другаго оружія на такой охотѣ у нихъ не имѣется) начинаютъ разрывать пору. Собаки, настороживъ уши и помахивая хвостами, прилежно слѣдятъ за работой своихъ хозяевъ. Нагайки дѣлаютъ свое дѣло, работа быстро подвигается впередъ и—вдругъ лисица стрѣлою вылетаетъ изъ поры... Вотъ мелькнулъ ея пушистый хвостъ.. Охотники и собаки не успѣютъ опомниться, какъ ловкаго звѣрька уже слѣдъ и простылъ! Но горе ему, если псы его настигнутъ! Правда, какъ волку, такъ и лисицѣ нечего бояться ихъ зубовъ: собаки не разорвутъ ихъ, потому что запахъ мяса волчьяго и лисьяго имъ противенъ; но, поймавъ звѣря, онѣ уже не выпустятъ его до тѣхъ поръ, пока не подоспѣютъ охотники, которые, обыкновенно, одними нагайками и покончиваютъ съ нимъ. Лисица не защищается, не борется съ собаками; но волкъ достается иногда не дешево: видя что спасенія нѣтъ, онъ яростно запускаетъ зубы въ смѣлаго врага, и одна или двѣ собаки падаютъ жертвой своего увлеченія. Но вотъ уже вечерѣетъ...

«Много травили, много скакали!
Песъ измѣняетъ и конь устаетъ.
Падаетъ сизый туманъ на долину,
Красное солнце зашло вполовину
И показался съ другой стороны
Очеркъ безжизненно-бѣлой луны.

Всѣ устали—и люди, и лошади, и собаки, а главное—проголодались. Охотники, конечно, не разъ во время травли прикладывались къ фляжкѣ и закусывали балыкомъ, таранью или просто хлѣбомъ; но желудокъ требуетъ теперь чего нибудь посущественнѣе, да и вообще хорошенько поужинать не мѣшаетъ послѣ стольких трудовъ. Собакъ снова привязываютъ, лошадямъ спутываютъ передніе ноги и пускаютъ ихъ пощипать траву, а сами охотники, выбравъ хорошее мѣстечко, разводятъ огонь и затѣмъ приготовляютъ себѣ кушанье. Насытившись и наглотавшись изъ фляжки, они отдыхаютъ около потухающаго костра. Вѣрные псы, конечно, тоже не остаются безъ надлежащаго ужина. Уже поздно вечеромъ, отдохнувъ какъ слѣдуетъ, возвращаются охотники домой, обремененные добычей. Нечего и говорить, какъ хорошо они себя чувствуютъ! Травля доставляетъ имъ удовольствіе, наслажденіе,—и эти люди, какъ бы то ни было, порой бываютъ счастливы вполнѣ... Дѣйствительно, псовая охота для иныхъ представляетъ неизъяснимую прелесть. Некрасовъ даже воспѣлъ ее. Вотъ какъ онъ оканчиваетъ поэму свою «Псовая охота».

Чуть не полміра въ себѣ совмѣщая,
Русь широко протянулась, родная!
Много у насъ и лѣсовъ, и полей,
Много въ отечествѣ нашемъ звѣрей!
Нѣтъ намъ запрета по чистому полю
Тѣшить степную и буйную волю.
Благо тому, кто предастся во власть
Ратной забавѣ: онъ вѣдаетъ страсть,
И до сѣдинъ молодые порывы
Въ немъ сохранятся прекрасны и живы,
Черная дума къ нему не зайдетъ,
Въ праздномъ покоѣ душа не заснетъ.
Кто-же охоты собачьей не любитъ,
Тотъ въ себѣ душу заснитъ и погубитъ».

Орелъ-дѣвка.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

Въ ушахъ ея звучалъ разсказъ его о борьбѣ съ медвѣдемъ; потомъ представлялась ей другая картина—картина борьбы Іосифа съ отцомъ; первый вышелъ побѣдителемъ... Она думала прежде, что отца, этого страшнаго человѣка, первѣйшаго силача, никто и побѣдить не можетъ. Поборовши его, Іосифъ такъ дружелюбно, ласково заговорилъ съ нимъ, хотя и видѣлъ, что въ немъ злость кипитъ.

— Нѣтъ, ни кому не сравняться съ Іосифомъ! повторила Валли и принялась мыть полъ.—Ну, вотъ, еслибы зналъ онъ, какую жертву для него приношу! мелькнуло въ ея головѣ и, нечаянно взглянувъ въ окно, она увидѣла тамъ Бенедикта и Леандра. Бенедиктъ, весь красный, толковалъ что-то брату, а тотъ плакалъ...

Старикъ Штроммингеръ сначала бѣсился, гремѣлъ угрозами противъ взбунтовавшейся своей дочери и такъ расходился, что даже добрякъ, гейлихрейцскій патеръ, не могъ усмирить его. Когда Штроммингеръ узналъ, что дочь его нашла убѣжище въ Рофенѣ—онъ отправилъ туда людей, приказавъ имъ взять ее; но рофенскіе Клёцы у себя дома были какъ-бы въ неприступной крѣпости—и храбро, по-рыцарски, защищали право своего выселка, право освященное вѣками.

Валли скоро подмѣтила, что Бенедиктъ и Леандръ сильно влюбились въ нее, и сочла нужнымъ переговорить объ этомъ съ Никодимомъ, какъ человѣкомъ хладнокровнымъ, разсудительнымъ. Никодимъ сообразилъ, что надо было сдѣлать въ такомъ случаѣ,—и отправился къ Штроммингеру. Ловко наводя бесѣду и разумно настаивая на своемъ, онъ добился того, что старикъ согласился наконецъ отказаться отъ мечты своей запереть дочь въ подвалѣ и порѣшилъ на томъ, что считаетъ ее навсегда изгнанною изъ своего дома.—„Лѣтомъ она можетъ пасти стадо на Мурцоллѣ—больше ни на что она негодна, а зимой пусть идетъ въ люди, пусть гдѣ хочетъ тамъ и нанимается, чтобъ сюда—ни ногой.“

Когда Никодимъ передалъ Валли эти слова Штроммингера, она не захотѣла ни минуты медлить, рѣшила какъ можно скорѣе идти на Мурнолль и дожидаться тамъ стада. Однако, старому рофенцу удалось уговорить ее все-таки пообождать (Валли уважала Никодима)—ну, хоть до тѣхъ поръ, пока Бенедиктъ самъ не узнаетъ, можно-ли пробраться на гору. И вотъ, опять пришло время Валли покинуть все то, что ожило, встрепенулось подъ теплымъ дыханьемъ весны, и удалиться въ мертвенную пустыню, горную глушь. Тяжело было ей разставаться со всѣми братьями и добродушной Маріанной... Вѣдь они все таки были добры къ ней, столько хорошаго сдѣлали для нея, что она не могла не дорожить ими!...

Бенедиктъ пошелъ впередъ. Онъ рѣшилъ быть проводникомъ Валли и поставилъ на своемъ.

— Вѣдь ты, слава Богу, не мало прожила у насъ, такъ вотъ намъ и желательно, по крайности, невредимо довести тебя до самаго мѣста; ну, а тамъ ужъ мы не можемъ, къ сожалѣнію, ни охранить, ни предостеречь тебя...

Страшна, ужасна была дорога среди весенней сумятицы природы, такъ что даже Бенедиктъ, этотъ прославленный, самый отважный, надёжный проводникъ, го-

Библиотека "Руниверс"

ворилъ, что ему еще въ первый разъ въ жизни пришлось предпринять такой опасный переходъ. Разговаривать во время пути было почти невозможно, такъ какъ тутъ шла борьба за жизнь, приходилось постоянно думать о самосохраненіи, не оборачиваться безъ нужды—и только смотрѣть въ оба туда, куда слѣдуетъ. Тяжолъ былъ этотъ трудъ. Полдня прошло въ борьбѣ съ снѣжными глыбами, льдинами, зіяющими пропастями—и вотъ, наконецъ, путники достигли желанной вершины.

Знакомая Валли хижинка стояла на томъ-же мѣстѣ, она еще больше постарѣла, и на ея крышѣ лежала цѣлая груда снѣга, котораго и кругомъ было еще довольно много,

— Вотъ гдѣ ты хочешь поселиться, заговорилъ Бенедиктъ,—бросаешь теплый, спокойный уголъ, вмѣсто того, чтобы стать рофенской крестьянкой, женщиной весьма уважаемой!...

— Что-жъ дѣлать—иначе не могу, Бенедиктъ! отвѣтила Валли, какъ-то грустно глядя на неприглядную хижинку, покрытую снѣгомъ:—это, вѣрно, горные духи такъ меня околдовали, что должна я постоянно къ нимъ возвращаться, вотъ и нѣтъ мнѣ настоящаго мѣста гдѣ нибудь въ долинѣ...

— Пожалуй что и такъ... Есть въ тебѣ что-то такое особенноее, чудная ты, не похожа на другихъ дѣвушекъ! Да... Ну, вотъ, по этой причинѣ, и любишь-то тебя тоже по особенному—гораздо больше, гораздо крѣпче, нежели другихъ... А все сдается, что ты не *наша*, словно тебя гонитъ отъ насъ какой-то злой духъ!

Бенедиктъ снялъ котомку съ плечъ, въ которой заключалась всякая снѣдь, нарочно принесенная имъ сюда для Валли, и началъ отгребать снѣгъ отъ дверей избушки, иначе въ избушку и попасть было-бы нельзя.

— Послушай, Бенедиктъ, вѣришь ты въ *блаженныхъ дѣвъ*? почти шопотомъ спросила Валли, какъ будто она боялась, что *онѣ* могутъ услышать ее.

Бенедиктъ призадумался, опустилъ голову и потомъ пожалъ плечами.

— Гм! какъ сказать... то есть, я, вотъ, никогда еще ихъ не видѣлъ; а точно, есть люди, которые готовы жизнью поклясться, что это вѣрно.

— Прежде-то я также не вѣрила; а когда, въ прошломъ году, пришла въ первый разъ—сонъ мнѣ тутъ привидѣлся, да такъ это все явственно, живо было—ну, совсѣмъ какъ на яву, ровно-бы и не сонъ, право! Вотъ, съ той самой поры, какъ только случается что нибудь со мной—сейчасъ вспоминаются мнѣ эти блаженныя дѣвы.

— Что-жъ тебѣ привидѣлось-то?

— Тебѣ извѣстно, кого я такъ люблю; онъ—охотникъ, и вотъ изъ за него-то, въ прошломъ году, я была спроважена отцомъ сюда. Добравшись до этой избушки, я вошла въ нее и отъ усталости сейчасъ-же легла, уснула—чуть-то и приснились мнѣ блаженныя дѣвы, дочери Мурцолля, и стали онѣ угрожать мнѣ, что спихнутъ меня въ пропасть, если я не перестану думать о немъ...

Валли подробно разсказала Бенедикту видѣнный сонъ. Бенедиктъ, покачавъ головой, проговорилъ печальнымъ голосомъ:

— Будь я на твоемъ мѣстѣ—я-бы, знаешь, Валли, побоялся оставаться тутъ...

Дѣвушка тряхнула головой.

— Да-ну, эка важность! Вотъ, ты-же охотишься за сернами, бьешь ихъ и ничего не боишься? Главное—робѣть не надо. Послѣ того я много разъ перескакивала черезъ всякія трещины,—и при каждомъ прыжкѣ, право, такъ вотъ и чувствовала, что будто меня тащитъ что-то туда... внизъ; да я не поддавалась, ну, никакой бѣды и не стрялось со мной.

Тутъ Валли выпрямилась и, съ вызывающимъ видомъ поднявъ свои крѣпкія загорѣлыя руки, воскликнула:

— Покуда я владѣю ими—нечего мнѣ бояться!

Это было не совсѣмъ по вкусу Бенедикту, который, странствуя въ одиночку по страшному Зимплаунскому глетчеру и по ледянымъ глыбамъ Дикой верхушки, получилъ наклонность къ мечтательности и вообще смотрѣлъ на многое не такъ просто, какъ смотрѣли другіе.

— Ладно, будь-ка поосторожнѣе, замѣтилъ онъ:—знаешь, Валли, забравшись-то больно высоко, какъ разъ головой стукнешься; ну, а *тѣ-то*, что наверху, не любятъ этого—живо внизъ спровадятъ.

Дѣвушка промолчала.

— Да и раненько, очень даже раненько закочевать тебѣ тутъ... Не знаю, какой-бы человѣкъ вынесъ все это!..

— Ну, это что! Вотъ прошлою осенью натерпѣлась я здѣсь: куда было хуже! сказала Валли.

Они вошли въ хижинку.

— Ежели человѣкъ не желаетъ слушать совѣтовъ, такъ и пособить ему, значитъ, нельзя. Ну, а что, если *тотъ*-то и не подумаетъ вознаградить тебя за всѣ твои мученья—а? Тогда вѣдь не мѣшаетъ и голову ему расшибить?..

— О, если-бы онъ все это зналъ—навѣрно-бы вознаградилъ меня!...

И Валли вспыхнула и опустила глаза.

— Неужели же ему ничего не извѣстно? удивился Бенедиктъ.

— Ничего... Что-жъ, вѣдь онъ меня почти даже и не знаетъ.

— Ну, такъ Богъ тебѣ судья! Да проститъ Онъ тебѣ, что ты полюбила, выбрала себѣ человѣка совсѣмъ посторонняго, чужаго,—а вотъ, которые тебя любятъ... берегли, ласкали... отталкиваешь прочь!.. Нѣтъ, ужъ это, скажу я тебѣ, не любовь, а просто—упрямство!...

Валли опять промолчала, да и Бенедиктъ умолкъ. Онъ, какъ и Клеттенмайеръ въ прошломъ году, принялся на прощаньи приводить въ порядокъ хижинку, устроивать жилище для Валли, и что можно было—все сдѣлалъ: почистилъ, кое-что поправилъ, дровецъ притащилъ и—протянулъ ей руку.

— Ну, благослови тебя Богъ!.. Если-бы смѣлъ я посовѣтовать тебѣ что нибудь—сказалъ-бы вотъ что: берегись, да молиться не забывай, чтобы злые духи совсѣмъ не завладѣли тобой!...

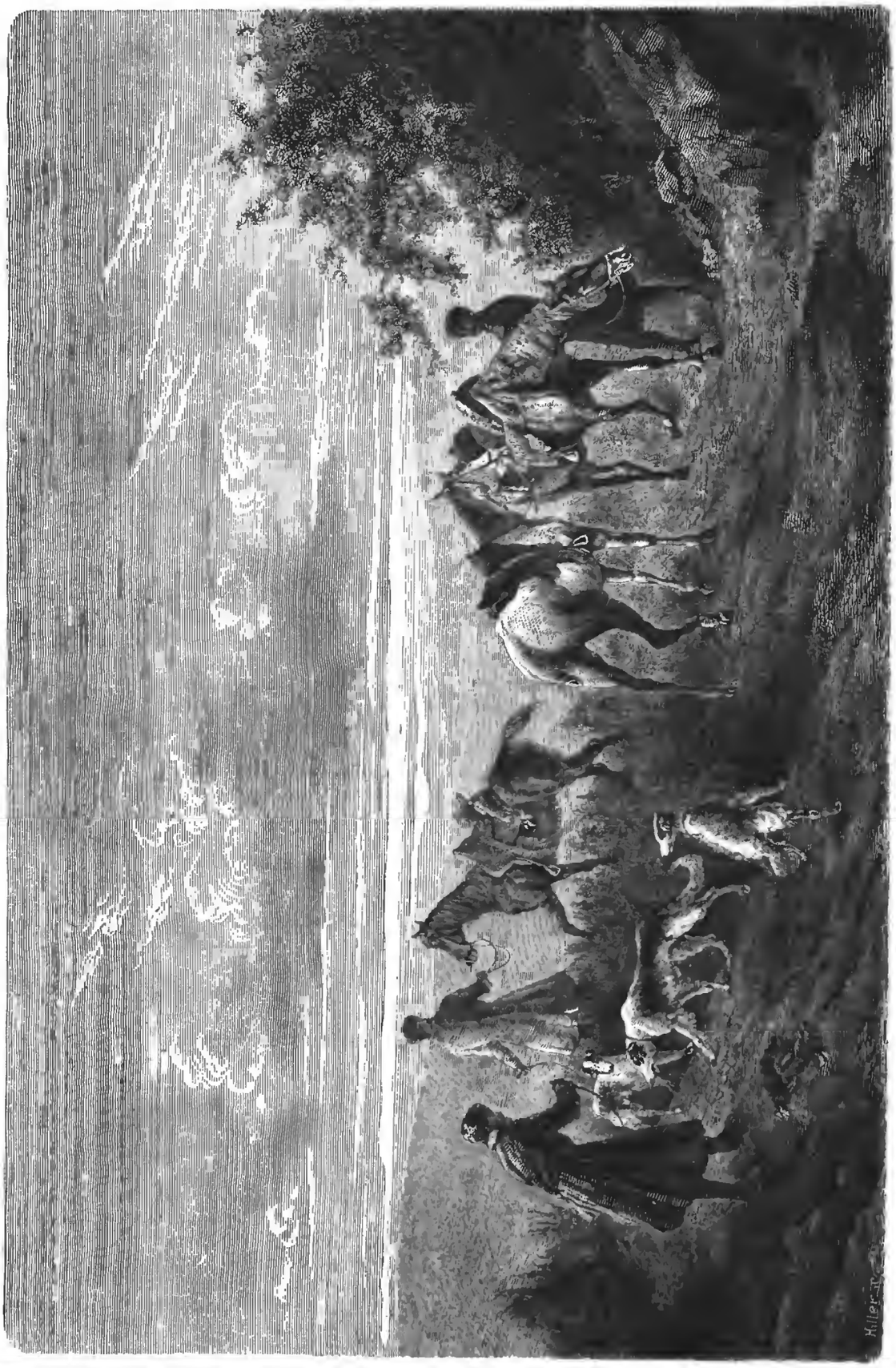
Онъ глядѣлъ на Валли, и она видѣла, сколько глубокой грусти было въ его глазахъ... Сердце сжалось у нея и ей дѣйствительно стало жутко, какъ будто злые духи были уже за плечами... Она, противъ воли, схватила руку Бенедикта—защитника своего, до сихъ поръ такъ хорошо оберегавшаго ее, и пошла рядомъ съ нимъ, словно боялась одна остаться.

— Ну, иди теперь въ свою избушку; тутъ ужъ пойдетъ дрянная дорога. Благодарю, что проводила, прибавилъ Бенедиктъ и разстался съ нею.

— Прощай-же! Помоги тебѣ Богъ счастливо домой вернуться! крикнула Валли ему вслѣдъ.

Онъ шелъ и ни разу не оглянулся. Войдя въ хижинку, Валли опять осталась одна одинешенька. Только Ганзль, да горные духи и были съ ней; но духи какъ будто стали милостивѣе, и самъ Мурцолль, озаренный яркими лучами весенняго солнца, даже ласково улыбнулся дѣвушкѣ, точно возрадовался старый, что къ нему возвратилась его дочка... А въ прошломъ году она была тутъ такой чужой, заброшенной! Каждая морщинка на челѣ Мурцолля была ей теперь знакома; Валли знала ужъ, когда онъ улыбался, когда гнѣвался,—и совсѣмъ не стала бояться его, если даже и видѣла чело его окруженнымъ темными тучами, или слышала, какъ онъ, разсвирѣпѣвъ, принимался швырять внизъ лавинами... Словомъ—она почувствовала, что великанъ этотъ пріютилъ ее, далъ ей мѣстечко на своей суровой груди. Бурные вздохи Мурцолля скоро сдунули съ ея серд-

Библиотека "Руниверс"



Псовая охота на Дону Возвращеніе съ поля. Картина профес. Зурландта, гравир. Гилмеръ.

Библиотека "Руниверс"

Очерки Сибири V. Окрестности Кяхты.

Библиотека "Руниверс"

ца все тò, чтò тяжелымъ бременемъ снова легло на него, когда она побывала внизу, и вотъ теперь она свободно вздохнула. Въ бурѣ есть что-то освѣжающее, животворное; она остужаетъ слишкомъ кипучую кровь и, шумя своими своими широкомощными крыльями, подхватываетъ душу человѣка, возноситъ ее высоко надъ землей, гдѣ камни и всякія тернія задерживаютъ, мѣшаютъ пугливо-робкой душѣ въ ея странствіи. Ушибется ребенокъ, заплачетъ — ему дунутъ раза два на ушибленное мѣсто и скажутъ: „Ничего, до свадьбы заживетъ!“ и онъ опять веселъ, смѣется... Такъ и отецъ Мурцолль дунулъ на грудь возвратившейся къ нему дочки, и глухую, тяготившую ея сердце боль вдругъ какъ рукой снялъ. Валли стала спокойнѣе, свѣтлѣе смотрѣть на далекія долины; у нея на душѣ было такъ легко, и она опять начала надѣяться и ждать терпѣливо своего счастья.

Время шло, пролетали дни, недѣли, мѣсяцы, вотъ и іюль насталъ. Солнце тàкъ стало жарить, что весь снѣгъ уже совершенно исчезъ на пространствѣ до линіи вѣчныхъ снѣговъ, гдѣ обитала Валли. Она жила тамъ въ полномъ уединеніи, которое изрѣдка лишь нарушалось— и то на нѣсколько часовъ, когда ее навѣщалъ кто либо изъ рофенскихъ Клецовъ. Гость непремѣнно задавалъ ей тогда вопросъ: „Ну, чтò, надумалась, наконецъ, или— нѣтъ?“...

Выдался какъ-то разъ особенно-жаркій денекъ. Солнце тàкъ ужасно жгло, что Валли казалось, будто она ходитъ по какой-то раскаленной поверхности, утыканной гвоздями. Когда солнце начинаетъ палить, оно сбираетъ въ одну кучу облака; такъ и теперь вышло: къ полудню надъ нимъ образовался огромный шатеръ изъ тучъ, который опускался все ниже и ниже; солнце скрылось за тяжелыми складками этого шатра—и все померкло, какъ будто густыя сумерки окутали всю окрестность. Небольшое стадо, ввѣренное попеченію Валли, стало обнаруживать какое-то особенное безпокойство... По временамъ трепетала молнія въ сѣромъ, мглистомъ воздухѣ, лиловой огонекъ ея моргалъ тàкъ быстро, какъ иногда спящій подергиваетъ вѣками. Мурцолль прикрылся огромными черными вуалями, которыя мѣстами прорывались, и тогда видѣнъ былъ еще чистый клочекъ неба, но на эти прорѣхи живо падали новые темные покровы... Казалось, что между небомъ и землей совсѣмъ уже не было мѣста чистому воздуху.

Валли хорошо знала, чтó все это означаетъ: не мало страшныхъ бурь и грозъ пришлось уже ей пережить здѣсь, наверху. Она собрала всю свою скотинку на площадку подъ выдавшейся скалой, гдѣ собственноручно, на всякій случай, устроила загонъ. Не досчитавшись одной козочки, забѣжавшей куда-то, Валли принуждена была отправиться на поиски, а тутъ вдругъ гроза и разразилась... Никогда еще, сколько помнила Валли, такъ неожиданно-скоро не наступала буря: глухо зарокотало въ горахъ, первый порывъ вѣтра пролетѣлъ ухорски-шумно, швырнувъ нѣсколько увѣсистыхъ градинъ. Теперь каждая минута была дорога, а козочки и слѣдъ простылъ. Валли забѣжала въ хижинку, потушила огонь на очагѣ и отправилась сражаться со стихіями. Она вышла на эту борьбу, какъ выходитъ героиня - королева усмирять толпу взбунтовавшихся подданныхъ—и дѣйствительно, помимо желанія и воли, Валли приняла осанку героини - королевы. На головѣ ея былъ шлемъ—небольшой мѣдный котелъ, который она нарочно и надѣла, чтобы защититься отъ града; толстая рогожа служила ей мантіей, а въ правой рукѣ, вмѣсто меча, она держала пастушій посохъ съ желѣзнымъ крюкомъ.

Смѣло бросившись въ бой съ бурею, дѣвушка пробилась къ тому мѣсту, съ котораго можно было-бы увидѣть, гдѣ именно притаилась заблудшая козочка; но мгла и туманъ мѣшали что либо разглядѣть даже на близкомъ разстояніи. Она устремилась впередъ, все дальше по дорогѣ въ Шнальзерталь, и вдругъ увидѣла на порядочной глубинѣ, почти надъ пропастью, несчастную скотинку, которая трепетала отъ страха и ёжилась подъ ударами крупныхъ градинъ. Жаль стало ей безпомощной козочки, а тутъ еще градъ сильнѣе забарабанилъ, бурный вѣтеръ съ дождемъ хлесталъ Валли по лицу, гроза приближалась и уже слышенъ былъ ея ревъ, какъ ревъ волнъ разомъ прорвавшагося и хлынувшаго потока, который грозитъ все затопить;—но она не упала духомъ, она явственно слышала, какъ стонало испуганное животное, громъ приближающейся бури не мѣшалъ ей слышать эти слабые стоны и, очертя голову, Валли стала спускаться по скользкой тропинкѣ въ непроглядную, затуманенную глубь. Съ чрезвычайными усиліями удалось ей приблизиться къ козочкѣ настолько, чтобы зацѣпить ее крючковатымъ концемъ посоха и притянуть къ себѣ. Овладѣвъ такимъ образомъ бѣглянкой, она вскинула ее на лѣвое плечо и, цѣпляясь одной рукой и ногами, начала подниматься по той же тропинкѣ. Вдругъ цѣлый огненный снопъ, какъ-бы сорвавшись съ неба, мелькнулъ, пролетѣлъ въ ущелье, и Валли увидѣла, какъ подъ ея ногами, на самомъ днѣ пропасти, огонь этотъ разщепилъ сосну... И небо, и земля, казалось, рàзомъ тутъ застонали. Наверху грохотало, гремѣло, трещало, а тамъ, внизу, шумѣли падающія волны, стремглавъ летѣли цѣлыя массы льда и снѣга; словомъ—кругомъ хаосъ былъ такой, что Валли, совсѣмъ одинокая, лишенная всякой помощи, карабкавшаяся надъ страшной бездной, подумала, что ужъ не началось-ли свѣтопреставленіе... Наконецъ, сама не зная, какими судьбами, она добралась таки до настоящей дорожки и пріостановилась, чтобы духъ перевести, протереть замоченные глаза (Валли почти ничего не видѣла) и связать козочку, которая билась у нея на плечѣ и была поэтому неудобной ношей. Громовые удары ежеминутно раздавались надъ нею и подъ нею, небо пылало какъ-бы охваченное пожаромъ, а молніи цѣлыми огненными каскадами, сверкая, обрушивались внизъ. Вдругъ... чу! что это?.. Человѣческій голосъ!.. Среди шума и грома Валли отчетливо услышала чей-то крикъ о помощи. Она не дрожала подъ яростными ударами грозы, ее не пугалъ бѣшеный порывъ бури, но тутъ она вся дрогнула... Какъ! Здѣсь чья-то живая душа... здѣсь, наверху, среди такой катавасіи въ природѣ!... Это напугало ее гораздо сильнѣе чѣмъ необузданный разгулъ стихійныхъ силъ; сдерживая дыханье, она прислушивалась, искала привычнымъ ухомъ мѣста, гдѣ именно кричали о помощи... Да не почудилось-ли ей?.. Но изъ туманной сѣтки дождя вынырнула высокая фигура, тащившая что-то тяжелое... Валли не двинулась, она стояла какъ вкопанная, она увидѣла лицо... Ктó же это?... Пламенныя очи, черные усы, орлиный носъ у него... Прищурилась, стала всматриваться и—оцѣпенѣла отъ страха и несказанной радости: вѣдь это—*онъ*, ея витязь Георгій—Іосифъ-Медвѣжатникъ!

Однако и витязь Георгій былъ пораженъ, когда Валли повернулась къ нему, услышавъ тотъ крикъ, но причина его испуга была другая:

— Боже ты мой! Да вѣдь это—женщина! произнесъ онъ какимъ-то смущенно-робкимъ тономъ и, широко открывъ глаза, сталъ глядѣть на Валли.

Такъ какъ она сначала стояла къ нему задомъ, то, судя по ея рослой фигурѣ, Іосифъ подумалъ, что передъ нимъ шнальзерскій пастухъ и—вдругъ увидѣлъ женщину... пожалуй даже—дѣвушку! Онъ смотрѣлъ на стройную ея мантію съ угловатыми складками, на воинственный шлемъ отъ градобитія, на распущенныя темныя пряди волосъ, которыя налѣзли на лицо; онъ видѣлъ палку въ рукѣ, связанную козочку на широкомъ плечѣ, видѣлъ устремленные на него большіе, огненные глаза и—ему на минуту стало какъ-то жутко, какъ будто пе-

Библиотека "Руниверс"

редъ нимъ явилось привидѣніе, что-то *не отъ міра сего*. Онъ никогда еще въ жизни не видѣлъ такой мощной женской фигуры, однако скоро оправился и проговорилъ, догадавшись, кто̀ стоитъ передъ нимъ:

— Э, да ты вѣрно Штроммингерова Валли—Орелъ-дѣвка—а?...

— Она самая, отвѣтила Валли, задыхаясь.

— Ну, вотъ... Такъ! Значитъ, по настоящему-то, съ тобой и связываться не слѣдовало-бы?..

— Почему-же не слѣдовало-бы?..

Она поблѣднѣла. Блеснувшая молнія освѣтила въ это мгновеніе краснымъ огнемъ ея мѣдную каску.

Іосифъ пріумолкъ, потому что послѣдовавшій ударъ грома почти оглушилъ его, а крупный градъ сталъ хлестать неистовѣе. Онъ какъ-то смущенно посмотрѣлъ на Валли, которая стояла не шевелясь, не смотря на то, что градины били та̀къ сильно, что оставляли ямки на тонкихъ стѣнкахъ ея шлема,—и наклонился къ какой-то молодой дѣвушкѣ, лежавшей безъ чувствъ у его ногъ. Онъ кое-какъ донесъ ее на рукахъ до этого мѣста.

— Тебѣ извѣстно, что послѣ исторіи въ Зельденѣ я съ отцомъ твоимъ во враждѣ, а молва идетъ, что и отъ тебя сторониться не мѣшаетъ: подальше, молъ, лучше... Ну, да что̀ ужъ тутъ! Вотъ бѣдняжка-то эта совсѣмъ изъ силъ выбилась: молнія больно близко ударила, она и упала, да и опомниться все не можетъ. Проведи-ка насъ въ твою хижинку... Гроза пройдетъ, а тѣмъ временемъ дѣвочка отдохнетъ тамъ, ну, мы и уйдемъ тогда, и ужъ, конечно, больше никогда сюда не придемъ.

Валли слушала Іосифа, какъ-то странно поглядывая на него: въ ея глазахъ свѣтилась не то досада, не то грусть... Но вотъ губы ея дрогнули, точно она сбиралась дать запальчивый отвѣтъ; однако, послѣ небольшаго колебанія, Валли просто проговорила: „Пойдемъ“ и пошла впередъ. Отойдя немного, она обернулась и спросила:

— Это кто-же такая?

— А это одна изъ бѣдныхъ Винчгауэрскихъ наймичекъ. Идетъ она теперь въ Цвизельштейнъ къ хозяевамъ „Ягненка“. Я похоронилъ мою мать, и вотъ мнѣ нужно было побывать въ Винчгау (мать-то моя оттуда) насчетъ наслѣдства... Ну, дорога-то намъ вышла одна— я и пригласилъ дѣвушку идти вмѣстѣ.

Іосифъ замолчалъ, полагая, что и такого отвѣта достаточно для нея.

— Мать умерла?.. Ахъ, бѣдный ты, бѣдный! воскликнула Валли жалостливо.

— Да̀, тяжелъ былъ этотъ ударъ для меня! произнесъ Іосифъ, какъ видно глубоко опечаленный, и вздохнулъ:—бѣдная, добрая моя матушка!...

(Продолженіе будетъ).

Очерки Сибири.

V. Въ окрестностяхъ Кяхты.

На границѣ Иркутской губерніи, въ 513 верстахъ отъ Иркутска, на рѣкѣ Кяхтѣ, лежитъ того же имени городъ, имѣющій значеніе въ торговомъ отношеніи какъ для Россіи такъ и для Китая. Основанная въ 1728 году вслѣдствіе договора Русскихъ съ Китайцами, по которому было положено только въ Кяхтѣ и еще въ Цурухайтуевскѣ съѣзжаться купцамъ обоихъ государствъ для торговли. На другой сторонѣ рѣки, противъ Кяхты, расположена китайская торговая слобода Маймаченъ. Къ востоку отъ Кяхты, на рѣкѣ того же имени, верстахъ въ 4 лежитъ заштатный городъ Троицкосавскъ, называвшійся прежде Кяхтинскою крѣпостью. До 1762 года каждые три года въ Китай ходилъ черезъ Кяхту казенный караванъ, но съ того времени вся торговля предоставлена одному купечеству. Хотя мѣновой торгъ производится въ Кяхтѣ во всякое время года, но въ значительномъ количествѣ товары привозятся только къ тамошнимъ ярмаркамъ, которыя бываютъ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ. Мѣновая торговля въ Кяхтѣ находится исключительно въ рукахъ русскаго купечества, куда законъ не допускаетъ иностранцевъ. Кяхтинскій мѣновой торгъ составляетъ главнѣйшую отрасль нашей азіатской торговли особенно для русскаго купечества, потому что на другихъ пунктахъ азіятской границы торговля находится въ рукахъ Армянъ и Татаръ, равно какъ у Бухарцевъ, Персіянъ и другихъ инородцевъ, пользующихся у насъ правомъ свободной торговли на главнѣйшихъ ярмаркахъ.

Мягкая рухлядь была первымъ предметомъ торговыхъ оборотовъ для русскихъ, посѣщавшихъ Сибирь. Въ началѣ XVII столѣтія появились смѣтливые русскіе купцы въ Селенгинскѣ, Иркутскѣ и Верхнеудинскѣ и въ половинѣ того же вѣка мало по малу начали производить торговлю съ сосѣдними китайцами. Для большаго ея развитія русское правительство учредило особые казенные караваны, которые разъ въ годъ отправлялись, сперва черезъ Нерчинскъ въ манджурскій городъ Неунъ, а потомъ по неудобству этого мѣста для торговли черезъ Угру въ Пекинъ. Многіе изъ русскихъ торговцевъ присоединялись къ этому каравану; но другіе, тайными дорогами, ходили за границу нѣсколько разъ въ годъ не платя установленной правительствомъ пошлины, почему, будучи въ состояніи свои товары продавать гораздо дешевле, привлекали къ себѣ множество покупщиковъ и тѣмъ дѣлали большой подрывъ русской торговлѣ, а между тѣмъ и сами часто страдали отъ монголовъ. Петръ Великій, неусыпно стараясь дать прочное основаніе этой торговлѣ, отправилъ въ 1719 году въ Пекинъ посольство, которое одинакоже не имѣло ожидаемыхъ послѣдствій, а дурное поведеніе русскихъ, подавшихъ поводъ къ жалобамъ, вынудило даже китайскаго императора выслать нашихъ купцовъ, бывшихъ на Ургинской ярмаркѣ въ 1722 году и запретить имъ въѣздъ въ Пекинъ. Въ 1726 году посольство для переговоровъ съ китайцами, относительно окончательнаго утвержденія южныхъ границъ Сибири и возстановленія торговли, увѣнчалось успѣхомъ; но съ заключеніемъ трактата между обѣими державами въ 1727 году оживилась прежняя торговля и русскіе казенные караваны начали отправляться въ Кяхту, какъ въ мѣсто назначенное для складки товаровъ. Въ 1744 году установленъ порядокъ для этой торговли не находившейся болѣе въ рукахъ нѣсколькихъ купцовъ, а сдѣлавшейся уже государственною. Нынѣ она производится черезъ Тобольскъ, Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ, черезъ озеро Байкалъ, потомъ черезъ Селенгинскъ въ Кяхту. Привозъ товаровъ въ Кяхту продолжается съ декабря, а въ февралѣ и мартѣ бываетъ размѣнъ ихъ.

Это такъ кажется.

(Голоса изъ толпы).

„Знаю я женщинъ! И, право, всегда
Ихъ я легко побѣждалъ, господа....
Дайте любую красавицу, гордую,
Въ правилахъ нравственныхъ стойкую, твердую
И — я ее покорю....
Истинно вамъ говорю!
Живо знакомство межъ нами завяжется....“
Это такъ кажется.

* * *

„Если ты бѣденъ — твоя въ томъ вина.
Бѣгай, ищи золотаго ты дна!
Съ неба работа сама вѣдь не свалится!
Ну, и проси.... Чай, языкъ не отвалится?...
Гордость мѣшаетъ вамъ.... Эхъ, господа,
Въ гордости вся и бѣда!
Дѣло, понятно, совсѣмъ и не вяжется....“
Это такъ кажется....

* * *

Библиотека "Руниверс"

„Ты — холостякъ. Твоя жизнь не полна;
Даже, сознайся, порою мрачна....
Все ты одинъ!... Ну, а въ дни испытаній
Кто уменьшитъ боль душевныхъ страданій?
Нѣтъ, намъ подруга нужна:
Даръ драгоцѣнный — жена!
Кто-же отъ рая земнаго откажется?..."
Это такъ кажется....

* * *

„Другъ, не женись! Я и самъ холостякъ,
Вольная птица, свободный казакъ!
Жить одинокому легче на свѣтѣ...
Что̀ и случится—одинъ ты въ отвѣтѣ.
Жизнь холостая — куда
Лучше, свѣтлѣй, господа!
Надъ холостымъ сила меньше куражится...."
Это такъ кажется....

* * *

„Если талантами ты одаренъ,
Если, примѣрно, къ тебѣ на поклонъ
Муза сама съ чудной лирой является —
Брось ты всѣ книги! Поэтъ не нуждается
Вовсе въ указкѣ.... Ему
Нужно творить одному:
Только тогда правда свѣтлая скажется...."
Это такъ кажется....

* * *

„Какъ у людей воля страшно слабà!
Ну, и понятно, что многихъ судьба
Очень печальна, а жизнь — безобразна....
Даже борьбы-то нѣтъ противъ соблазна!
Можно-же сердце сдержать?
Можно ему приказать:
„Брось, не волнуйся!" и сердце откажется...."
Это такъ кажется....

В.

Обитель духа.

(Окончаніе).

Обратимся теперь къ другому важному факту физіологіи мозга, которымъ мы обязаны экспериментальному методу. Это, какъ уже сказано, существованіе извѣстныхъ центровъ. Такъ, напр., въ большомъ мозгу найдены мѣста, разрушеніе коихъ обусловливаетъ невозможность производить нѣкоторыя движенія, а другія движенія дѣлаетъ наоборотъ постоянными (непроизвольныя движенія). Оперированное животное (смотря по мѣсту операціи) можетъ двигаться или только впередъ, *въ прямомъ направленіи* (пока не наткнется на стѣну), или лишь *отступая назадъ*, или *вертясь по кругу*, или *забирая вкось*, такъ что только помощью обхода можетъ добраться до цѣли. Если, напр., собаку оперировать въ смыслѣ «круговаго движенія», то она будетъ ходить по кругу и никакъ не сможетъ прямо схватить кусокъ мяса, положенный въ центрѣ окружности, а старается давать круги все уже и уже, пока наконецъ рядомъ такихъ обходовъ, приблизится къ цѣли. Тоже бываетъ съ овцами въ давно извѣстной «вертячкѣ» и причина этой болѣзни—та же: животныя вмѣстѣ съ кормомъ проглатываютъ зародышъ глисты, которая странствуя изъ кишечнаго канала попадаетъ въ большой мозгъ и здѣсь разрушаетъ особенно-излюбленныя ею части.

Въ мозжечкѣ также найденъ одинъ движущій центръ, такъ какъ его разрушеніе влечетъ за собою неправильность и несообразность нѣкоторыхъ движеній, являющихся при этомъ невѣрными и нецѣлесообразными.

Самыми же интересными являются такъ-называемые *задерживающіе центры*, открытые профессоромъ Сѣченовымъ. Непроизвольныя движенія, вызываемыя раздраженіемъ какого-нибудь органа, называются *рефлективными*. Такъ, напр., совершенно непроизвольно сжимается зрачокъ нашего глаза при сильномъ свѣтѣ, непроизвольно закрываются вѣки, когда глазу нашему грозятъ чѣмъ-нибудь острымъ,—непроизвольно чихаемъ, когда въ носовую полость попадаютъ чуждыя тѣла и т. д.

Рефлективныя движенія происходятъ также во время сна: ребенокъ отдергиваетъ руку, если ее щекочутъ, и продолжаетъ спать; мы сгоняемъ надоѣдливую муху, не просыпаясь. Не смотря на то, рефлективная дѣятельность не совсѣмъ независима отъ воли; по крайней мѣрѣ ее можно сдерживать и обуздать. Это давно уже извѣстно въ медицинской практикѣ изъ примѣровъ болѣзненно-возвышенной рефлективной раздражительности, при которой болящій органъ причиняетъ судорожныя движенія другаго, отдаленнаго органа, въ чемъ и надо искать основъ стариннаго ученія о «симпатіяхъ». Такъ напр. Боэргавъ, одинъ изъ геніальнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ врачей XVIII-го столѣтія весьма успѣшно дѣйствовалъ на эпилептиковъ помощью угрозъ: онъ собиралъ нѣсколькихъ эпилептиковъ въ одну палату, ставилъ тутъ же нѣсколько жаровень и грозилъ сжечь перваго, съ кѣмъ случится припадокъ падучей болѣзни; припадки стали замѣтно рѣже. Точно также удается и съ другими припадками, а именно истерическими, которые могутъ быть задержаны и устранены сильнымъ возбужденіемъ воли въ больномъ, напр. путемъ пристыженія или настойчивыхъ убѣжденій и т. д. Сѣченовъ неоспоримо доказалъ, что въ большомъ мозгу лягушки есть мѣстечко, управляющее рефлективною дѣятельностью такимъ образомъ, что когда этотъ центръ парализованъ—рефлексы становятся чаще, быстрѣе и возбужденнѣе, и что напротивъ, они являются рѣже и спокойнѣе, когда задерживающій центръ остается въ нормальномъ возбужденіи. Это возбужденіе можетъ быть еще искусственно усилено—и тогда рефлексы совершаются съ поразительной медленностью. Обыкновенно же о возбужденіи этого центра заботится *воля*, т. е. она слѣдитъ за тѣмъ, чтобы рефлективная дѣятельность не слишкомъ охотно и неограниченно отвѣчала на раздраженіе извѣстныхъ ощущеній. И такъ, если рефлективная раздражительность болѣзненно возвышена - что именно и бываетъ у нервныхъ субъектовъ, то надлежитъ считать это слѣдствіемъ малой дѣятельности задерживающаго центра и недостаточно энергической воли, а поэтому наицѣлительнѣйшее средство противъ такого состоянія есть энергическое противудѣйствіе всею силою воли.

Теперь мы подошли къ третьему методу, посредствомъ котораго изслѣдовали вопросъ о вмѣстилищѣ душевныхъ отправленій. Мы уже говорили, что умственныя способности какого-либо животнаго стоятъ тѣмъ на низшей степени, чѣмъ болѣе развитіе лицевыхъ костей превосходитъ развитіе черепа. Въ виду такихъ воззрѣній нашли значительныя легко - измѣримыя разности относительно вмѣстимости череповъ и соотвѣтственныя тому разности умственнаго развитія—не только у различныхъ расъ, но и въ различныхъ возрастахъ, а также между особами разнаго пола.

Такъ, Камперъ, одинъ изъ остроумнѣйшихъ анатомовъ прошлаго столѣтія, установилъ ученіе о *лицевомъ углѣ*, который тѣмъ острѣе, чѣмъ ниже умственныя способности. Стороны этого угла составляются изъ двухъ линій—изъ которыхъ одна паралельна боковому ряду зубовъ, а другая образуется перпендикуляромъ, соединяющимъ средину носа и лба. Дѣти и женщины имѣютъ лицевой уголъ меньше чѣмъ у взрослыхъ мужчинъ. Найденный въ Неандерталѣ, близь Дюссельдорфа, черепъ «допотопнаго» человѣка имѣлъ лицевой уголъ около 60 градусовъ; у австралійскаго негра онъ простирается до 64 град., у кавказской расы отъ 80—85, у античныхъ статуй 90 и болѣе—идеальное отношеніе лицеваго угла, ни разу еще не достигавшееся человѣкомъ. Между тѣмъ лицевой уголъ Кампера не много принесъ пользы въ данномъ вопросѣ, ибо онъ вполнѣ зависитъ отъ внѣшняго очертанія черепа, а это послѣднее можетъ представлять безконечное множество видоизмѣненій, не имѣя ни малѣйшаго вліянія на мозгъ. Такъ, напр., плоскоголовые (Flatheads), племя краснокожихъ индійцевъ въ Никарагуа, на западномъ берегу Центральной Америки, обезображивали себѣ черепъ, стягивая съ дѣтства повязками, въ покатую назади, вытянутую, шиньоно-видную форму,—отчего измѣреніе личнаго угла показывало всего лишь 40—48 градусовъ,—и не смотря на то, племя это было наидаровитѣйшимъ изъ всѣхъ туземныхъ: оно первое прислало въ «Бѣлый домъ» въ Вашингтонѣ депутацію для заключенія торговаго договора.

И такъ, черепъ есть важнѣйшая и наиболѣе характеристичная часть для опредѣленія умственныхъ способностей и ступеней развитія у животныхъ—но только въ общихъ чертахъ, судя по его вмѣстимости, положенію и выпуклости. Но чѣмъ несомнѣннѣе вмѣстилище духовной жизни, тѣмъ менѣе знаемъ мы о мѣстопребываніи отдѣльныхъ душевныхъ способностей—и только одной изъ нихъ—способности рѣчи—отведено точно указанное мѣсто, другими словами, она безошибочно *локализирована*. Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, вѣра въ френологію (черепословіе), введенная въ концѣ прошлаго столѣтія вѣнскимъ врачемъ Галлеемъ, нынѣ выброшена за бортъ какъ вздоръ и безсмыслица. Тогда говорилось, что различныя свойства и способности души должны быть локализированы и при этомъ чисто теоретически и фантастично утверждалось, что локализація ихъ выражается въ выпуклостяхъ на поверхности мозга. Но будь оно и такъ—а за это не ручается ни одинъ изъ извѣстныхъ фактовъ—все же осталась бы полная невозможность распозна-

Библиотека "Руниверс"

Слѣпая хранительница свѣтильниковъ въ Катакомбахъ. Картина Габріэля Макса.

Библиотека "Руниверс"

вать образовавшіяся на мозгу выпуклости — посредствомъ наружнаго ощупыванія черепа. Отнюдь не научно и чистая выдумка—приводить доступное осязанію внѣшнее очертаніе черепа въ какую нибудь связь съ локальнымъ развитіемъ мозга, такъ какъ толщина черепа зависитъ отъ цѣлаго ряда факторовъ, условія которыхъ весьма разнообразны. Толщина черепа обусловливается толщиной черепныхъ покрововъ, толщиною трехъ костяныхъ слоевъ, составляющихъ стѣнки черепа, и толщиною перепонки, лежащей между внутренней стѣнкой черепа и мозгомъ, — все это можетъ быть весьма разнообразно. Кто хоть разъ держалъ въ рукахъ черепъ и мозгъ—тому извѣстно, что между ними существуетъ лишь самое поверхностное отношеніе. Будущее время, весьма вѣроятно, подвинетъ ученіе о локализаціи душевныхъ способностей и можетъ быть научитъ насъ разбирать ихъ на живыхъ экземплярахъ,—но все что теперь выдается за черепословіе—не болѣе какъ пустая выдумка. Въ ней столько внутреннихъ, очевидныхъ противорѣчій, что ихъ не стоитъ даже опровергать. Душевныя свойства весьма рѣдко встрѣчаются простыми (въ смыслѣ несложныхъ) и большею частію представляютъ сложные комплексы. Сознанію же нашему они представляются весьма различными, смотря по обстоятельствамъ. Напр. то, что у богатаго подъ именемъ *скупости* составляетъ порокъ — является у бѣднаго достоинствомъ подъ названіемъ *бережливости*. Черепословіе смѣшиваетъ также свойства исключительно созданныя обществомъ или временнымъ стеченіемъ обстоятельствъ съ прирожденными и свойственными всему человѣчеству. Оно часто ставитъ свойства, пріобрѣтаемыя частымъ обращеніемъ въ свѣтѣ, какъ напр. способность распознавать характеръ людей,—на ряду съ чисто-отвлеченными свойствами—какъ напр. способность къ счисленію или къ музыкѣ. Такимъ образомъ, френологія часто скопляетъ на одномъ и томъ же черепѣ самое странное сочетаніе несоединимыхъ и взаимно противорѣчащихъ способностей. Напр. подъ «чувство возвышеннаго» подводитъ она какъ стремленіе Наполеона I къ царствованію, такъ и страсть члена Альпійскаго клуба къ восхожденіямъ на горы. Если всего этого недостаточно для убѣжденія читателей въ пустотѣ такъ-называемаго черепословія,—пусть обратится онъ къ плодамъ этого ученія. Френологи объявили знаменитаго математика Дазе въ Гамбургѣ—незначительнымъ счетчикомъ, поэта Уланда—часовщикомъ, Гельмгольца, знаменитаго физика и математика—лишеннымъ всякой способности къ счисленію, а Гёте, по тщательномъ освидѣтельствованіи его черепа самимъ Галлемъ, былъ объявленъ народнымъ ораторомъ.

Къ этому присоединяется еще тотъ фактъ, что безчисленныя поврежденія мозга, при значительной потерѣ вещества его, не влекли за собой утраты ни одной изъ душевныхъ способностей. Это—неоспоримое доказательство, что весь методъ черепословія не имѣетъ смысла и долженъ быть сложенъ въ одну кучу съ хиромантіей, астрологіей, животнымъ магнетизмомъ и рейхенбаховскимъ ученіемъ объ одѣ.

Постепенно свѣтъ науки проникнетъ конечно и въ тайники мѣстопребыванія отдѣльныхъ душевныхъ способностей — и локализація ихъ утвердится на прочномъ основаніи; но до сихъ поръ здѣсь царствуетъ еще безнадежный мракъ—и никто не въ состояніи объяснить себѣ значенія столь странныхъ и своеобразныхъ формацій и составныхъ частей головнаго мозга.

Катакомбы въ древнемъ Римѣ.

Большинству нашихъ читателей конечно памятны высокохудожественныя строфы, въ которыхъ язычникъ Луцій выражаетъ свое изумленіе при видѣ толпы христіанъ, выходящей со свѣчами въ рукахъ и торжественнымъ пѣніемъ изъ подземелій собственнаго его дома Римѣ, изъ-подъ той самой залы, гдѣ онъ, будучи осужденъ императоромъ Неропомъ на смерть, хотѣлъ какъ истый сибаритъ мирно дожить послѣдніе часы среди всѣхъ обаяній утонченнѣйшей чувственности («Два міра» А. Н. Майкова.)...

Марцеллъ.

...Люцій, вотъ —
Смотри—вотъ здѣсь же, въ этомъ залѣ,
Въ подземный городъ нашъ есть ходъ...
(*Отворяетъ потайную дверь въ нишѣ*).

Люцій.

Какъ? тайный ходъ? И это знали
Одни рабы?

Лида.

Изъ всѣхъ домовъ,
Изъ тюрьмъ, изъ церковъ, изъ садовъ
У насъ такіе-жъ ходы!

Люцій (*смотря въ катакомбы*).

Боги!
Тамъ свѣчи... Цѣлые чертоги...
Толпы людей...

Марцеллъ (*торжественно Люцію, который неподвижно смотритъ въ катакомбы*).

Весь Римъ подрытъ!
Подъ старымъ Римомъ Римъ ужь новый,
Преобразитъ его готовый,
Во всеоружіи стоитъ!..
Тамъ нѣтъ рабовъ! Тамъ нѣтъ богатыхъ!
Тамъ другъ предъ другомъ все равны!
Тамъ нѣтъ презрѣнныхъ и проклятыхъ!
Тамъ падшіе обновлены!
Тамъ чудеса любви увидишь —
И самъ повѣришь ты!

Лида.

И выйдешь
Потомъ на смерть у насъ въ рядахъ,
Съ улыбкой свѣтлой на устахъ,
На небо очи устремляя!..
Ты слышишь гимнъ?.. Они поютъ —
Подъ цѣлымъ Римомъ ждутъ лишь знака.
И отовсюду, вдругъ, изъ мрака
На смерть съ веселіемъ пойдутъ...

Люцій (*самъ съ собою*).

Весь Римъ подрытъ!.. Глазамъ не вѣрю...

То, что въ этихъ стихахъ человѣку мало знакомому съ Археологіей можетъ показаться не болѣе какъ счастливымъ вымысломъ изящнѣйшаго изъ современныхъ русскихъ поэтовъ, или если не вымысломъ, то хотя поэтической вольностью, преувеличеніемъ—ради вящаго противупоставленія *двухъ міровъ*, языческаго и христіанскаго,—тѣмъ не менѣе существовало и донынѣ существуетъ въ дѣйствительности. Подъ Римомъ, подъ этимъ вѣчнымъ городомъ, владыкою міра, и подъ всею окрестностью его вьются, ширятся и развѣтвляются по всѣмъ направленіямъ громадныя подземелья, издревле славныя подъ именемъ катакомбъ. О первоначальномъ происхожденіи ихъ ничего неизвѣстно положительнаго, хотя и можно предположить съ нѣкоторою достовѣрностью, что онѣ были выкапываемы постепенно для добыванія такъ-называемаго puzzolane—родъ туфа, искони употреблявшагося на постройку величайшихъ зданій Рима. По мѣрѣ того какъ всесвѣтная столица росла, раскопки становились глубже и значительнѣй. Стараясь предотвращать обвалы, рабочіе придавали этимъ подземнымъ ходамъ форму свода, поддерживаемаго разставленными въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга столбами, а во избѣжаніе возможности заблудиться сознали необходимость располагать галлереи какъ можно правильнѣй, время отъ времени заставляя ихъ сливаться нѣсколькими выходами въ одну общую, громадную подземную залу. Такимъ образомъ, эти гигантскіе погреба, cryptae, распространились подъ цѣлой столицей, по обоимъ берегамъ Тибра, образуя подъ вѣчно-шумнымъ Римомъ другой Римъ, тихій и безмольный какъ могила, а подъ окружающей его пустыней—другое подземное безлюдье.

Въ эпоху распространенія христіанства въ римскомъ обществѣ, когда новая религія, помрачая блескъ цесаризма, навлекала на себя гоненіе императоровъ,—эти подземелья, настоящіе лабиринты, естественно представляли убѣжище гонимымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служили мѣстомъ тайнаго собранія вѣрующихъ. Убѣжище надежное, тамъ какъ трудно было преслѣдовать скрывшихся въ немъ, особенно если рѣдкіе выходы изъ него на свѣтъ Божій случайно находились или нарочно устраивались въ саду одного изъ римскихъ гражданъ, обратившагося въ христіанство; мѣсто собранія вѣрующихъ—если и не вполнѣ удобное для богослуженія, то весьма немногихъ усилій стоило приспособить его для этой цѣли. Мало по малу, по мѣрѣ расширенія подземныхъ чертоговъ, они стали служить и усыпальницею, мѣстомъ погребенія вѣрующихъ. Понятно, что церковные обряды, благочестіе и память объ умершихъ подали укрывавшимся въ катакомбахъ мысль объ украшеніи своего пристанища. Бѣдные художники, самоучки-мозаисты, живописцы кистью которыхъ водила единственно глубина религіознаго чувства, положили первые начатки великаго искуства—христіанскаго, ставшаго впослѣдствіи нашимъ, новѣйшимъ, въ противоположность древнему, классическому.

Обычай хоронить вѣрующихъ въ катакомбахъ и чествовать память мучениковъ христіанства восходитъ ко II вѣку нашей эры; но большинство памятниковъ и надписей относятся къ IV и V столѣтіямъ, а нѣкоторыя гробницы и болѣе поздней эпохи. Въ средніе вѣка, когда христіанство окончательно востор-

Библиотека "Руниверс"

жествовало въ большей части Европы, Церковь мало по малу утратила воспоминаніе о своей колыбели; катакомбы пришли въ упадокъ и разрушеніе, стали непроходимы—такъ что знакомствомъ съ памятниками ихъ мы обязаны лишь новѣйшимъ ученымъ XVI и XVII столѣтія, которые какъ бы вновь открыли ихъ существованіе.

Катакомбы сооружены по плану, большею частію весьма неправильному. Онѣ состоятъ изъ множества корридоровъ, то широкихъ, то узкихъ, то низкихъ, то высокихъ, которые идутъ во всѣхъ направленіяхъ, встрѣчаясь и перекрещиваясь. Вдоль корридора, съ обѣихъ сторонъ, въ стѣнахъ ихъ расположены продолговатые ларн, выдолбленные въ туфѣ и предназначавшіеся для помѣщенія усопшихъ, тѣла которыхъ полагались безъ гроба и закладывались плитами, черепицей или мраморными досками, скрѣпленными известью. Эти гробницы расположены большею частью одни надъ другими, но встрѣчаются и одинокія, болѣе роскошныя и обширнѣйшія; мѣстами встрѣчаются просторныя залы, почти всегда со сводами, точно также наполненныя гробницами. Саркофаги мучениковъ обыкновенно помѣщались въ срединѣ покоя или прислонялись къ стѣнѣ и въ такомъ случаѣ надъ ними устраивалась ниша, украшенная живописью; самый саркофагъ покрывался мраморной доской. На ней совершалась литургія. Вокругъ устраивались ступеньки для вѣрующихъ, а у главной стѣны сидѣнья для священниковъ и епископовъ. Таковъ общій видъ римскихъ катакомбъ.

Въ ряду драгоцѣннѣйшихъ древностей и святынь, находимыхъ въ катакомбахъ, первое мѣсто занимаютъ ампулы (ampulla), глиняные сосуды, наполненные кровью мучениковъ, на что между прочимъ намекаетъ и св. Гауденцій, говоря: quorum sanguinem tenemus gypso collectum (т. е. кровь которыхъ мы храним въ алебастрѣ). И дѣйствительно, сосуды эти сохранились почти въ совершенной цѣлости—единственно благодаря слою алебастра, которымъ они были залиты. Необходимѣйшей утварью катакомбъ, само собою разумѣется, были свѣтильники и лампады. Большею частью тѣ и другія приготовлялись изъ обожженой глины, иногда изъ бронзы, и въ видѣ рѣдкаго исключенія изъ серебра или янтаря. Христіане употребляли свѣтильники и лампады не только для освѣщенія подземныхъ сводовъ и при богослуженіи, на праздникахъ и агапіяхъ (общихъ трапезахъ), но и при погребеніи. Оба рода древностей указываютъ и на завѣдовавшихъ ими должностныхъ лицъ, занимавшихъ не послѣднее мѣсто въ древне-христіанской общинѣ. Первымъ изъ нихъ является могильщикъ, гробокопатель (fossor), личность котораго была окружена общимъ почетомъ, такъ какъ въ глазахъ христіанъ погребеніе мучениковъ было священною должностью. Могильщикъ носилъ тунику съ нашитыми на плечахъ и колѣнахъ крестами. Неизбѣжный спутникъ его—остроконечная кирка. Не меньшимъ уваженіемъ пользовались и хранители свѣтильниковъ, помѣщавшіеся обыкновенно у входа въ катакомбы и вручавшія каждому вѣрующему путеводительный свѣточъ, чтобы онъ не заблудился въ лабиринтѣ темныхъ переходовъ. На нашемъ рисункѣ изображена слѣпая, исправляющая эту должность,—трогательный символъ духовнаго убожества, одного изъ условій вѣчнаго блаженства въ противоположность учености книжниковъ и софистовъ. Сколько святой любви къ великому дѣлу будущаго и какую слѣпую вѣру въ провидѣніе надо было имѣть въ душѣ, чтобы посвятить свою жизнь подобному подвигу въ тѣ времена, когда чуть не у каждаго входа въ катакомбы, благодаря предательству слабыхъ и отступниковъ, подстерегали христіанъ засады римскихъ солдатъ, а за ними крестная смерть, травля звѣрьми въ циркѣ и прочія ужасныя мученія!

Любимчикъ.

Пронзительный дѣтскій крикъ раздался на балконѣ дачи. Молодая женщина вскочила съ кресла и бросилась изъ гостиной на балконъ—взволнованная, встревоженная.

— Боже мой! Что такое? Она упала... ушиблась... Сонечка!...

На колѣняхъ бонны-нѣмки барахталась хорошенькая смуглая Сонечка лѣтъ пяти. Все личико ея было пунцоваго цвѣта. Увидя, что мамаша прибѣжала на ея крикъ, дѣвочка перестала визжать и отбивалась только отъ няньки, желая во что бы то ни стало выскользнуть ея изъ рукъ.

— Пустите-же ее! крикнула вспыхнувъ мамаша. Вы ее мучите! Зачѣмъ вы ее не пускаете?!.. Ахъ, Каролина!...

Каролина выпустила Сонечку, встала со стула и, покраснѣвъ, отвѣтила по-нѣмецки:

— Она непремѣнно хотѣла столкнуть съ балкона вотъ этотъ горшокъ съ гортензіей...

— Вы должны были ловко отвлечь ребенка отъ этого, заговорила дама также по-нѣмецки:—а если не съумѣли, то вамъ слѣдовало исполнить его желаніе, а не раздражать такъ!... Неужели вамъ этотъ горшокъ дороже дѣвочки?... Вѣдь она можетъ заболѣть!... Ну, поди ко мнѣ, цыпинька!..

Мамаша присѣла на корточки и раскрыла объятія, но «цыпинька» стояла молча, не двигалась: ей, повидимому, очень было пріятно слышать, какъ попало Каролинѣ отъ мамаши. Сонечка прекрасно знала, что она любимчикъ своей мамà и что ей довольно взвизгнуть, чтобы поставить на своемъ и всегда оставить съ носомъ Каролину.

— Ну, ангелочекъ, поди-же ко мнѣ! повторила мать еще нѣжнѣе.

— Не хочу, отвѣтилъ ангелочекъ.

— Почему-же не хочешь? Развѣ ты не любишь меня?

— Люблю. А я хочу этотъ горшокъ туда..

Зачѣмъ-же? Развѣ онъ тебѣ мѣшаетъ? Горшокъ упадетъ, разобьется, цвѣтокъ испортится... А погляди, какой онъ красивый! И тебѣ не жаль его?...

— Не жаль. Я хочу его туда...

— Ахъ, глупенькая!—Мамаша подвинулась къ ней.—Пойдемъ-ка лучше, что я тебѣ дамъ—хорошенькую штучку!

Сонечка отступила и завизжала:

— Не хочу! Не хочу!...

— И зачѣмъ вы сразу не отвлекли ее отъ горшка! сердито шепнула барыня Каролинѣ.

— Она ничего не хотѣла слушать, пожала плечами няня,—она только кричала...

Дѣвочка улучила минутку, подбѣжала къ ящику съ цвѣтами и пихнула ножкой горшокъ съ великолѣпной гортензіей, который и кувырнулся съ балкона. Сокрушивъ гортензію, она повернулась и пытливо взглянула на мать.

— Какъ эти няньки портятъ дѣтей! подумала барыня и, подойдя къ ребенку, взяла его на руки. Сонечка не сопротивлялась, она даже улыбнулась и потянулась къ лицу матери, чтобы поцаловать ее въ губы. Мамаша съ жаромъ отвѣтила поцалуемъ и мелькомъ взглянула на Каролину.

— Такой милый ребенокъ и... и такое неумѣнье обращаться съ нимъ! Это ужасно! мелькнуло въ ея головѣ, и она унесла Сонечку къ себѣ.

Пожалѣйте, читатель, и Сонечку, и Каролину!..

Машины, дѣйствующія солнечной силой.

Картина будущаго.

Великое открытіе единства всѣхъ силъ природы и того закона, что никакая сила въ природѣ никогда не пропадаетъ, а при кажущемся своемъ исчезновеніи только переходитъ въ другую форму,—все это возстановляетъ въ глазахъ физика древнихъ поклонниковъ солнца; вѣдь извѣстно, что не только всякая органическая жизнь на землѣ, но даже всякое механическое движеніе неодушевленной матеріи—возбуждается солнечными лучами. Когда огненный шаръ подымается на востокѣ, вся природа оживаетъ и радостно привѣтствуетъ его, между тѣмъ какъ безъ его лучей немыслима никакая жизнь на землѣ. Вездѣ, куда проникнетъ его свѣтъ, подымается въ атмосферу струя нагрѣтаго воздуха, превращаясь въ менѣе нагрѣтыхъ слояхъ или въ свѣжій вѣтеръ, который погоняетъ наши корабли и мельницы, или въ бѣшеный ураганъ, опустошающій все на своемъ пути.

На поверхности морей ежедневно испаряются подъ лучами солнца громаднѣйшія массы воды; онѣ подымаются съ нагрѣтымъ воздухомъ вверхъ, для того чтобы сызнова начать вѣчный, нескончаемый круговоротъ. Опять всѣ эти массы падаютъ на землю въ видѣ тумана, дождя, снѣга или града,—и только разрушительное дѣйствіе ихъ въ этомъ послѣднемъ состояніи обнаруживаетъ громадную механическую силу испарившейся воды. Кромѣ этого, мы можемъ еще болѣе или менѣе непосредственно наблюдать могучую работу поднятой солнцемъ воды въ той влагѣ, которая осѣдаетъ на горахъ (этихъ, такъ сказать, конденсаторахъ паровика земли), частію въ формѣ оттачивающихъ долины ледниковъ, стремленію которыхъ не могутъ противустоять никакія преграды,—частію въ формѣ стремительныхъ горныхъ потоковъ, которые катятся въ долину, какъ и тѣ тяжеловѣсныя глыбы, и изъ году въ годъ сглаживаютъ огромныя массы горныхъ пространствъ.

Не менѣе могучимъ образомъ выступаетъ механическая работа солнца въ органахъ одаренныхъ жизнью созданій, которыя всегда страстно смотрятъ на него—и до того привязаны къ его

Библиотека "Руниверс"

свѣту, что неотступно слѣдятъ за его видимымъ путемъ на небесномъ сводѣ, и постоянно поворачиваются къ нему, чтобы не потерять ни одного его взгляда.

Количество солнечной силы, которое тратится ежедневно на процессъ распусканія и свертыванія цвѣточныхъ вѣнчиковъ и листьевъ на всемъ земномъ шарѣ, безъ сомнѣнія, весьма почтенно; но оно исчезаетъ передъ той массой силы, какая требуется для того, чтобы поднять воду отъ корней до вершины деревьевъ, откуда на теплыхъ солнечныхъ лучахъ она испаряется въ огромныхъ количествахъ. По сдѣланному исчисленію, семь лошадей должны бы были работать цѣлый день, чтобы провести въ вершину средней руки дуба—необходимую для него влагу. Сосчитайте же теперь, какую работу исполняетъ солнце въ большомъ лѣсу! Но подъемъ милльоновъ пудовъ воды составляетъ лишь часть его работы; произрастаніе листьевъ и ствола поглащаетъ безъ сомнѣнія еще гораздо больше солнечной силы. Оставивъ въ сторонѣ листья и плоды, истребляемые каждой осенью,—мы могли бы получить назадъ, разумѣется не безъ значительныхъ потерь, ту механическую силу, которая пошла на образованіе дерева, если употребить стволъ на топливо для паровой машины. Въ громадныхъ угольныхъ пространствахъ, внутри земли, скрыта маленькая частица солнечной работы прошедшихъ вѣковъ. Замѣной нашихъ рукъ паромъ, быстротой сообщенія на сушѣ и на водѣ, мы обязаны углероду, выдѣляемому солнцемъ въ необъятныхъ пространствахъ изъ углекислоты атмосферы. Всегда и вездѣ работаетъ за насъ солнце.

Мало этого; въ насъ самихъ, въ лошадяхъ, которыя везутъ нашъ экипажъ, въ волахъ, запряженныхъ въ наши плуги, горитъ и работаетъ этотъ самый солнечный огонь. Всю нашу силу получаемъ мы изъ пищи, которую произрастило солнце, непосредственно, если это растительные продукты, косвенно—если мы ѣдимъ мясо, молоко или яйца. Правда, люди и животныя въ полярныхъ странахъ повидимому могутъ быть по полугоду лишены солнца и не погибаютъ отъ этого, но они въ состояніи переносить это лишеніе только потому, что въ другіе полгода солнце даетъ имъ запасъ пищи на всю длинную ночь, или производя ее въ болѣе счастливыхъ странахъ, пригоняетъ ее туда морскими теченіями. Право, нѣтъ ничего удивительнаго въ поклоненіи первобытныхъ народовъ солнцу, какъ символу божества; особенно это понятно въ жителяхъ жаркихъ странъ, которые, какъ настоящіе сыны солнца, предоставляли всю работу и все попеченіе о своемъ пропитаніи этому свѣтилу; сами же они парабатывались на всю жизнь, посадивъ пару другую плодовыхъ деревьевъ для своихъ внучатъ.

А между тѣмъ мы не умѣемъ пользоваться безконечной силой, исходящей изъ солнечныхъ лучей! Крохотная частица вселенной, которую мы называемъ землей, ловитъ въ своемъ обращеніи можетъ быть частичку одной билльонной части этой силы. Все остальное уходитъ въ пространство. Даже изъ того немногаго, что достается на долю земли, можетъ быть большая часть, ночью, когда солнце исчезаетъ, снова возвращается въ пространство,—по крайней мѣрѣ въ ясныя ночи, а среднимъ числомъ послѣднее преобладаетъ. Но и остальнаго мы не умѣемъ употреблять въ свою пользу. Если бы мы умѣли какъ слѣдуетъ воспользоваться солнечной силой, то мы преспокойно бы могли лежать на диванахъ и не шевелить пальцемъ о палецъ. Мы отнюдь не хотимъ сказать этимъ, чтобы полное бездѣйствіе было идеаломъ жизни; мы говоримъ только о нашемъ неумѣньи эксплуатировать солнечную силу. Высчитано, что одна сила Ніагарскаго водопада изображаетъ собой въ годъ большее количество работы, чѣмъ всѣ машины въ свѣтѣ взятыя вмѣстѣ. Даже въ низменностяхъ, гдѣ рѣка течетъ уже сравнительно лѣниво, человѣкъ всегда заставлялъ ее работать за себя. Одно время были помѣшаны на изобрѣтеніи вѣчнаго движенія, машины, которая бы двигалась безостановочно, производя силу сама изъ себя.

Теперь, когда мы достовѣрно знаемъ, что всякая механическая сила на земномъ шарѣ приходитъ извнѣ, что даже въ чиликаньи нашихъ часовъ и въ біеніи нашего сердца дѣйствуетъ солнце, мы уже не будемъ останавливаться на такихъ фантазіяхъ.

Число машинъ, болѣе или менѣе непосредственно примѣняющихъ къ нашимъ потребностямъ солнечную силу, постепенно увеличивается. За водяными мельницами слѣдовали вѣтряныя мельницы; послѣднія были изобрѣтены въ бѣдной водой Малой Азіи и стали извѣстны въ Европѣ только со времени крестовыхъ походовъ: ихъ начали строить въ Европѣ только въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія. Это было большимъ благодѣяніемъ для низменностей, которыя сдѣлались обитаемы благодаря этому изобрѣтенію. Сначала его примѣняли только для размалыванья хлѣбныхъ зеренъ, для чего первобытные народы употребляли камни и жернова, которыми воспользовались потомъ машины. Но мало по малу его стали примѣнять для обработки другихъ веществъ, для распиливанія дерева, прокатыванья сукна, ковки металловъ, выкачиванья воды. За рѣчными и вѣтряными мельницами мало по маду послѣдовали морскія мельницы, приводимыя въ движеніе морскими приливами.

Изобрѣтеніе паровыхъ машинъ умалило высокое значеніе этихъ первоначальныхъ машинъ, косвенно пользовавшихся солнечной силой, даже совсѣмъ почти изгнало ихъ. Современную нашу промышленность двигаютъ горючіе матерьялы, въ которыхъ въ теченіе вѣковъ солнце скопляло свою силу. Съ каждымъ днемъ совершенствуясь, машины эти понемногу избавляютъ насъ отъ всякой работы и въ концѣ концовъ ручныхъ работниковъ совсѣмъ не будетъ нужно; будетъ надобность въ однихъ только надсмотрщикахъ надъ машинами. Мы знаемъ, что требованіе на уголь, даже и при возрастающемъ развитіи нашей промышленности (а она конечно все будетъ идти впередъ) обезпечено намъ на цѣлыя тысячелѣтія. Когда извѣстныя теперь залежи истощатся, то остаются еще впереди неисчерпаемые запасы Азіи, именно въ Китаѣ. Баронъ Рихтгафенъ, въ своемъ путешествіи по Китаю, открылъ такія пространства угольныхъ залежей, которыя одни въ состояніи удовлетворить спросъ на этотъ матерьялъ всего земнаго шара на многія тысячелѣтія. Но нѣтъ такого сокровища, которое бы наконецъ не истощилось,—и должно наступить время, когда человѣческій родъ переживетъ свои угольныя богатства. Начать теперь же раздумывать объ томъ, что же будетъ тогда,—было бы, конечно, вопросомъ весьма праздным; но фантазія на эту тему не лишена интереса. Какимъ образомъ будемъ мы приводить въ дѣйствіе наши машины, когда намъ придется быть очень экономными съ топливомъ, и беречь его для отопленія нашихъ домовъ зимой? Намъ укажутъ можетъ быть на электро-магнитныхъ двигателей и т. п., но такое указаніе будетъ неудачно. Въ этихъ машинахъ дѣйствуетъ, только въ другомъ видѣ, та же скопившаяся солнечная сила (она спитъ въ металлѣ, который, возстановленный углемъ, разлагается въ баттареяхъ). А когда въ нашемъ распоряженіи не будетъ больше видоизмѣненной солнечной силы, то намъ не остается ничего другаго, какъ употреблять эту силу непосредственно.

До сихъ поръ солнечными лучами пользовались только для высушиванія крашеныхъ, мокрыхъ матерій, для выпариванія соли, и т. п. при чемъ, разумѣется, сберегалось топливо; въ новѣйшее время ихъ съумѣли заставить рисовать. Теперь, какъ извѣстно, дѣлаютъ фотографіи и при свѣтѣ магнія, но для этого предварительно должно быть истрачено значительное количество угля (т. е. перешедшаго въ другую форму солнечнаго свѣта), чтобы получить магній. Точно также электрическое или магніевое солнце есть ничто иное какъ отблескъ настоящаго солнца и зажигается его лучами. Еще въ древности заставляли солнечные лучи прямо исполнять механическія дѣйствія. У древнихъ народовъ, да и у теперешнихъ дикарей, добываніе огня требовало большой траты механической силы. Только продолжительнымъ треніемъ другъ о друга двухъ кусковъ сухаго дерева *), или упорнымъ колоченьемъ металла о камень, удавалось имъ возбудить необходимое тепло, чтобы зажечь трутъ. Изобрѣтатель зажигательнаго стекла, служившаго римлянамъ для зажиганія огня весталокъ, первый заставилъ солнце исполнить за человѣка механическій трудъ. Въ шестнадцатомъ столѣтіи сдѣланъ былъ еще шагъ впередъ: были устроены маленькіе фонтанчики, приводимые въ дѣйствіе солнечной теплотой; послѣдняя или расширяла воздухъ въ выкрашенномъ темнымъ цвѣтомъ металлическомъ резервуарѣ,—или солнечные лучи, черезъ стеклянныя чечевицы, концентрировались прямо на водяномъ резервуарѣ. Патеръ Кирхеръ думалъ изобрѣсти такую машинку, которая бы, подобно солнечнымъ лучамъ, каждый часъ выпускала солнечный лучъ. Это въ самомъ дѣлѣ была бы первая машинка, дѣйствующая непосредственно солнцемъ.

Въ наше время занимаются разрѣшеніемъ этой задачи не для такихъ игрушекъ, а для болѣе серіозныхъ цѣлей. Многіе физики стали подумывать о тѣхъ необъятныхъ массахъ солнечнаго тепла, какія безплодно пропадаютъ въ странахъ съ вѣчно яснымъ небомъ,—потому что земля, которая тамъ днемъ до того горяча, что по ней едва можно ступать голыми ногами, ночью испускаетъ изъ себя все это тепло назадъ въ пространство и дѣлается холодна какъ ледъ. Мы едва можемъ составить себѣ понятіе о всемъ количествѣ силы, какая такимъ образомъ совершенно пропадаетъ для насъ. А можетъ быть вовсе не было бы такъ трудно удержать эти солнечные лучи для работы.

Французскій физикъ Мушэ еще въ 1869 году изобрѣлъ маленькую паровую машину, единственной печью которой было солнце. Существенная часть ея состояла изъ наполненнаго водой мѣднаго котла, который нагрѣвался большимъ зажигательнымъ стекломъ особеннаго устройства. Она была снаружи вычернена, и окружена нѣсколько отступя стеклянной стѣнкой. Въ этой-то стеклянной стѣнкѣ и заключается геніальная мысль конструкціи. Такъ какъ зачерненный котелъ нагрѣвается на солнечныхъ лучахъ гораздо сильнѣе, чѣмъ свѣтлый блестящій металлъ, то онъ очень легко и не пускаетъ изъ себя это тепло въ окружающее пространство. Стекло же имѣетъ свойство пропускать только свѣтлые, а не темные свѣтовые лучи; слѣдовательно эта стѣнка удерживаетъ удачно пойманное тепло. Въ старинныхъ физическихъ кабинетахъ можно еще видѣть аппаратъ, состоящій изъ маленькаго тигеля, накрытаго нѣсколькими свѣтлыми стеклянными колоколами, каждый на разстояніи нѣсколькихъ линій отъ другаго. Это устройство, не препятствуя

*) По новѣйшей, весьма остроумной гипотезѣ одного нѣмецкаго ученаго, этотъ способъ добыванія огня открытъ первобытными народами во время бури въ лѣсу, когда вѣтеръ наклоняя деревья подвергалъ ихъ сильному тренію другъ о друга.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Любимчикъ. Картина Андріоли.

принятію тепла изъ солнечныхъ лучей (потому именно, что внутреннія стеклянныя стѣнки пропускаютъ все, что пропустила первая), совершенно недопускаетъ отдачи его, такъ что аппаратъ этотъ просто поставленный на солнце, безъ помощи чечевицы или зажигательнаго стекла, собиралъ въ своемъ маленькомъ очагѣ столько солнечнаго жара, что въ немъ плавились самые тугоплавкіе металлы. Умноженіе такихъ стеклянныхъ оболочекъ, по принципу этого такъ-называемаго огнесобирателя, или теплособирателя, могло бы можетъ быть сдѣлать ненужнымъ зажигательное стекло и въ котлѣ большаго объема. Мушэ вычислялъ въ свое время, что посредствомъ такого аппарата легко было бы производить работы въ нѣсколько лошадиныхъ силъ; съ тѣхъ поръ однако мы ничего не слышали объ этомъ.

Но въ 1873 году другой физикъ, Густавъ Адольфъ Бергъ въ Дронтеймѣ, предложилъ планъ такой солнечной машины, существенно разнящійся отъ перваго. Онъ отрицаетъ примѣненіе воды для образованія пара въ подобнаго рода машинахъ, потому что высокая точка ея кипѣнія имѣетъ неминуемымъ послѣдствіемъ значительную потерю тепла. Вмѣсто воды въ котлѣ солнечной машины должна быть употребляема другая жидкость, кипящая при незначительномъ повышеніи температуры, какъ напримѣръ нѣкоторые эфиры, сѣрнистая кислота и т. п. Сѣрнистая кислота, если бы въ ней явилась потребность, могла бы за ничтожную цѣну добываться въ огромныхъ количествахъ въ мѣстахъ богатыхъ сѣрнымъ колчеданомъ, и доставляться на мѣсто въ наглухо-закупоренныхъ металлическихъ котлахъ. Для того, чтобы въ ясную солнечную погоду произвести посредствомъ этой жидкости, кипящей при десяти градусахъ ниже нуля, въ цѣлесообразно-устроенномъ котлѣ напряженіе пара въ три атмосферы и выше,—вовсе не нужно зажигательнаго стекла и тому подобныхъ приспособленій, которыя еще сами требуютъ особыхъ механизмовъ, чтобы слѣдовать за ходомъ солнца. Разумѣется истраченная сѣрнистая кислота опять бы собиралась, сгущалась, и снова бы отправлялась въ солнечный котелъ. Г. Бергъ думаетъ, что такая машина, позволяющая пользоваться малѣйшими колебаніями температуры для механическихъ дѣйствій, могла бы съ успѣхомъ дѣйствовать и въ нашихъ широтахъ, если сдѣлать къ ней такое приспособленіе, чтобы въ туманную погоду къ ней можно было приспособить топку. Она и зимой работала бы съ такимъ же успѣхомъ, такъ какъ сгущеніе газа было бы облегчено холодильникомъ со льдомъ, что бы щедро вознаградило за меньшую силу солнечныхъ лучей, падающихъ болѣе косвенно.

Многіе изъ моихъ читателей сочтутъ можетъ быть эти разсужденія о солнечныхъ машинахъ самыми безполезными фантазіями. До нынѣшняго тысячелѣтія никто въ Европѣ не думалъ о вѣтреныхъ мельницахъ, потомъ онѣ нѣсколько столѣтія оказывали громаднѣйшую пользу, а теперь уже вымираютъ въ большей части странъ. Нашъ вѣкъ,—вѣкъ паровыхъ машинъ, но пройдетъ и ихъ время. Во всякомъ случаѣ мысль непосредственнаго пользованія солнечными лучами, какъ двигающей силой, покажется вполнѣ раціональной, какъ скоро мы вспомнимъ, что всѣ наши машины мы питаемъ ничѣмъ инымъ, какъ солнечной силой. Остается только примѣнить эту силу непосредственно—и можетъ быть получатся результаты, какіе были и не мыслимы до сихъ поръ.

Но пока наши инженеры находятся еще въ нерѣшительности насчетъ цѣлесообразнаго устройства солнечной машины, одно французское общество въ Сенъ-Мало, какъ передаютъ газеты, недавно пустило въ ходъ лунную машину. Слѣдовательно я былъ не совсѣмъ правъ, говоря выше, что всякое движеніе на землѣ возбуждается солнцемъ, такъ какъ въ этомъ принимаетъ участіе и луна, отъ которой зависитъ морской приливъ и отливъ. Впрочемъ и эта сила первоначально происходитъ отъ солнца, равно какъ и движеніе самой земли со всѣмъ что на ней есть. Инженеры давно уже досадовали на то, что громадная сила прилива и отлива только и служитъ что на въѣздъ и выѣздъ судовъ въ гавани и изъ гаваней; наконецъ были изобрѣтены морскія мельницы, въ которыхъ при помощи системы шлюзовъ, колесо приводится въ движеніе морскимъ приливомъ, а потомъ продолжаетъ работать запруженной водой. Но такая система нераціональна, какъ это доказалъ инженеръ Ф. Томази въ Парижѣ... Въ одной изъ боковыхъ залъ Вѣнской всемірной выставки, г. Томази выставилъ большую модель своей приливо-отливной машины. Эта послѣдняя основана на системѣ большихъ вѣтряныхъ резервуаровъ, въ которыхъ приливомъ воздухъ сгущается, отливомъ разрѣжается; при этомъ получается сила, которую посредствомъ трубъ, можно провести на какое угодно пространство. Это также машины будущаго, возможность которыхъ нельзя отрицать. Всѣ великія открытія встрѣчаются недовѣрчивымъ покачиваньемъ головой — такова ужъ общая судьба ихъ.

Смѣсь.

Объ отравленіи сибирской язвой. Почти каждый годъ, особенно въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы, читаемъ мы въ разныхъ газетахъ случаи, что послѣдствіе *укушенія мухи* послѣдовала внезапная смерть людей или домашняго скота. Объ одномъ такомъ случаѣ въ Коломягахъ еще прошлымъ лѣтомъ было разсказано въ «Голосѣ».

Кто живетъ въ деревнѣ, кто имѣетъ постоянно дѣло съ животными зараженными сибирской язвой, кто, какъ пастухи, мясники, скорняки, кожевники, мыловары и т. п., постоянно обращается со шкурами, кровью, жиромъ, шерстью больныхъ или павшихъ животныхъ,—тотъ конечно знаетъ какой страхъ возбуждаютъ слова: *отравленіе сибирской язвой*. Если послѣдуетъ зараженіе—руки, голова, лицо, вообще всѣ открытыя части тѣла начинаютъ чесаться, показывается маленькое красное пятнышко, а подъ нимъ, подъ кожей, твердая, подвижная горошинка, которая быстро увеличивается, и скоро надъ ней вскакиваетъ пузырекъ, наполненный зеленовато-желтоватой жидкостью. Затвердѣніе увеличивается при сильной боли, пузырекъ лопается, и отъ вышедшей изъ него матеріи на тѣлѣ образуются новые пузыри, какъ отъ ожога. Затѣмъ слѣдуетъ сильная тифозная лихорадка, кровь отравлена—и черезъ нѣсколько часовъ наступаетъ нѣрная, мучительная смерть.

При такомъ быстромъ и опасномъ теченіи болѣзни было бы необходимо, такъ какъ отравленіе крови у людей и у животныхъ наступаетъ такъ скоро, чтобы для ограниченія заразы законъ повелѣвалъ немедленно сжигать павшихъ животныхъ.

Не всѣ мухи разносятъ ядовитую заразу. Обыкновенная комнатная муха и сѣровато-золотистая муха—безвредныя созданія, живущія съ людьми въ мирѣ. Даже красновато-зеленыя стервоядныя мухи, не смотря на ихъ назианіе, не возбуждающее особеннаго довѣрія, не кусаютъ и не ранятъ. Слѣдовательно нечего бояться, чтобы мухи этихъ породъ могли своимъ укушеніемъ заразить опаснымъ ядомъ сибирской язвы.

Но глянцовитая синяя *мясная муха* (*musca vomitoria*) переноситъ заразу. Насѣкомое это не кусаетъ, но оно извергаетъ изъ себя съѣденное имъ, по большей части гнилое, отравленное сибирской язвой мясо, посредствомъ рвоты; отсюда и названіе ея *vomitoria*. Точно также опасна для людей и животныхъ *громовая муха* (*musca meteorica*), черное насѣкомое, съ густо покрытой волосами задней частью тѣла, съ красно-бурыми глазами. Въ сильный жаръ, когда люди, животныя и растенія безсильно поникаютъ головами, въ воздухѣ паритъ и гроза виситъ надъ землей, мухи эти торопливо и тревожно кружатся въ воздухѣ, словно не зная гдѣ найти себѣ покой. Но онѣ находятъ его. Онѣ кладутъ свои яйца въ уши и въ вѣки бѣднаго скота, гдѣ тѣ остаются, причиняя жесточайшую боль животному, пока изъ нихъ не выползутъ маленькія личинки. Наконецъ еще очень больно кусаютъ людей и животныхъ *большая муха-жигалка* (*Stomoxys*), сѣрая *жигалка пузырчатая* (*myops*), у этой послѣдней настоящее жало. Отъ укушенія этихъ мухъ на тонкой, чувствительной верхней кожицѣ (эпидермѣ) легко дѣлается опухоль, а нерѣдко, если передъ этимъ муха укусила животное зараженное сибирской язвой, зараза переносится на человѣка.

Если укуситъ муха или какое другое насѣкомое, никакъ не слѣдуетъ оставлять этого безъ вниманія, такъ какъ неизвѣстно какія могутъ быть отъ этого послѣдствія. Прежде всего надо охладить укушенное мѣсто, нейтрализовать ядъ. Для этого слѣдуетъ сейчасъ же сдѣлать холодную примочку и мѣнять ее какъ можно чаще. Если не случится подъ рукой воды для компрессовъ, то можно обложить больное мѣсто сырой землей, подорожникомъ, или потереть сѣрой изъ ушей. Можно также употребить для этой цѣли свѣжее сырое мясо, алоэ, синицовую иоду, молоко, хорошенько натирать укушенное мѣсто медомъ, мочей или тертой петрушкой.

Противъ обыкновеннаго укушенія этихъ средствъ совершенно достаточно, но при ядовитомъ онѣ уже не дѣйствительны.

Въ этихъ случаяхъ надо прибѣгать къ *щелочнымъ средствамъ*, и прежде всего позаботиться объ *нейтрализаціи яда*. Тутъ можетъ оказать помощь нашатырный спиртъ; надо постоянно смачивать имъ больное мѣсто, и кругомъ его дѣлать частыя обмыванья растворомъ поташа или сѣрымъ мыломъ. Хорошо также натирать это мѣсто табачнымъ сокомъ, даже просто положить на него обкуренную сигару. Отлично дѣйствуетъ еще въ такихъ случаяхъ *Eau de Luce*, которую можно достать во всякой аптекѣ. Если жаръ и опухоль очень увеличиваются, то можно даже принять ее внутрь по 15 капель на столовую ложку и черезъ часъ повторять этотъ пріемъ нѣсколько разъ.

Отличное, испробованное средство противъ ядовитыхъ укушеній—это растворенное въ водѣ индиго. Этимъ растворомъ надо не переставая мочить больное мѣсто. Уже черезъ нѣсколько минутъ почувствуется облегченіе.

Если жаръ очень великъ, то надо держать какъ можно ближе надъ раной зажженную сигару. Если явятся основательныя опасенія настоящаго отравленія, то всѣ эти средства пригодны только какъ первое пособіе, затѣмъ докторъ долженъ прижечь

Библиотека "Руниверс"

рану каленымъ желѣзомъ, сдѣлать компрессы изъ раствора хлористаго калія, прибѣгнуть къ ѣдкому кали и т. д.

Кому приходится обращаться съ зараженнымъ сибирской язвой скотомъ, тотъ долженъ всегда имѣть предосторожность натирать себѣ руки жиромъ или масломъ, и по окончаніи своего дѣла хорошенько вымыть ихъ мыльной или хлорной водой.

Нигдѣ такъ не нужна опрятность и осторожность, какъ именно въ этой опасной болѣзни.

Особенно подвержены этой заразѣ свиньи и рогатый скотъ. Всего чаще она убиваетъ ихъ въ нѣсколько часовъ, рѣдко болѣзнь продолжается нѣсколько дней. Въ самомъ началѣ болѣзни животное совершенно теряетъ аппетитъ, стонетъ, кричитъ, безпокойно мотаетъ головой, неподвижно и дико выкатываетъ глаза, которые какъ будто плаваютъ въ водѣ, при чемъ бѣлки наливаются кровью; дыханіе дѣлается тяжелымъ и прерывистымъ, изо рту течетъ слюна, испражненія тверды или совсѣмъ прекращаются. Вслѣдъ затѣмъ появляются большія опухоли на шеѣ, въ пахахъ, на плечахъ и на бедрахъ, но онѣ повидимому не причиняютъ животному особенной боли. Тѣмъ быстрѣе за то идетъ процессъ внутренняго разложенія.

При вскрытіи околѣвшихъ животныхъ находятъ селезенку снаружи темно-коричневаго цвѣта, увеличенной, дряблой, внутри наполненной пѣнящейся кровью. Болѣе или менѣе ясно выраженные признаки указываютъ на наступившее истребленіе органа антоновымъ огнемъ. Легкія также воспалены, и, равно какъ и кишки, показываютъ слѣды антонова огня. Микроскопическое изслѣдованіе впрочемъ показало, что ядъ сибирской язвы состоитъ изъ *маленькихъ грибковъ*, которыхъ находятъ отъ 8 до 10 милліоновъ въ одной капли крови.

Само собою разумѣется, что мясо скота зараженнаго сибирской язвой—не пригодно для пищи, даже молоко больныхъ коровъ вредно дѣйствуетъ на здоровье человѣка и нерѣдко причиняетъ тифозную лихорадку.

Хорошо провѣтриваемые хлѣва, чистая, сухая подстилка, здоровая пища, тѣнистыя пастбища, чистая вода, самыя лучшія предохранительныя мѣры противъ этой опасной болѣзни, приносящей такой серіозный ущербъ сельскому хозяйству.

Разныя Извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Александровна, съ Супругомъ Его Королевскимъ Высочествомъ Принцемъ Альфредомъ Великобританскимъ, Герцогомъ Эдинбургскимъ, и съ Августѣйшимъ Сыномъ изволила прибыть 28-го сего іюня, въ 10½ часовъ утра, въ Петергофъ.

Его величество Король Шведскій и Норвежскій благополучно прибылъ въ Ригу 26-го іюня, въ 10½ часовъ утра, и былъ встрѣченъ на пристани начальствующими лицами. Осмотрѣвъ достопримѣчательности города, его величество изволилъ завтракать въ замкѣ, и въ 12½ часовъ пополудни выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Москву, а 2 сего іюля, въ полдень, изволилъ прибыть изъ Москвы въ Петербургъ и на станціи Николаевской желѣзной дороги былъ встрѣченъ Государемъ Императоромъ.

Дѣла церкви.

— Въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ сообщаютъ слѣдующія подробности о вновь проектированной къ постройкѣ церкви около мытнаго перевоза, на Петербургской сторонѣ, сооружаемой домовладѣльцами этой окраины, въ ознаменованіе бракосочетанія Ея Высочества Великой Княгини Маріи Александровны съ Герцогомъ Эдинбургскимъ. Церковь проектирована въ готическомъ стилѣ, съ четырьмя небольшими по угламъ башнями. Фронтонъ ея будетъ украшенъ изваяніями святыхъ, иконостасъ предполагается сдѣлать безъ всякой позолоты, изъ пальмоваго и орѣховаго дерева, съ украшеніями изъ раковинъ и перламутра. Кругомъ церкви будетъ раскинутъ обширный скверъ. Строители церкви имѣютъ въ виду учредить при ней: а) воспитательное братство, задачею котораго будетъ доставленіе недостаточнымъ жителямъ Петербургской стороны средствъ къ воспитанію дѣтей, выдачею денежныхъ и учебныхъ пособій или содѣйствіемъ къ помѣщенію дѣтей въ казенныя учебныя заведенія, въ число безплатныхъ воспитанниковъ; б) учебно-ремесленный пріютъ для дѣвицъ и, наконецъ, с) рабочую мастерскую, снабженную всѣми необходимыми принадлежностями для швейнаго, цвѣточнаго и другихъ женскихъ ремеслъ. Въ эту мастерскую будутъ допускаться всѣ женщины, неимѣющія возможности работать на дому по неудобству своихъ квартиръ или по недостатку необходимыхъ для работы принадлежностей.

Сельское хозяйство.

— Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» сообщаютъ, что тираспольскою уѣздною земскою управою получены изъ Тираспольскаго уѣзда, два года уже страдающаго отъ неурожая, свѣдѣнія о появленіи въ двухъ волостяхъ уѣзда гусеницы. Въ одной изъ этихъ волостей гусеница чернаго цвѣта, питается корнями, идя подъ землею, въ другой она идетъ по поверхности земли. Насѣкомыя эти появились въ значительномъ количествѣ, но до сихъ поръ нельзя еще съ достовѣрностью сказать, чтобы это были гусеницы прошлогодняго жучка, истреблявшаго хлѣба, хотя несомнѣнно, что этотъ жучокъ положилъ свои яички въ землю. Подозрѣваютъ, что опять имѣютъ дѣло съ Anisoplia austriaca.

— „Въ Пензенскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ пишутъ, что въ началѣ мая въ садахъ города Пензы и окрестныхъ лѣсахъ явилось громадное количество червей. Черви эти съ невѣроятною прожорливостью истребляли листву—въ садахъ преимущественно на яблоняхъ, а въ лѣсахъ—на дубахъ; теперь же, когда листья на фруктовыхъ деревьяхъ и дубахъ совершенно истреблены, червь напалъ на березу, начинаетъ ѣсть траву, и двигается все впередъ, преимущественно на западъ. Чтобы дать понятіе о количествѣ этого насѣкомаго, достаточно сказать, что дворы, сараи, погреба наполнены были ползущими червями; пройти по тротуарамъ, проѣхать по улицамъ можно не иначе, какъ по червямъ; рѣки, омывающія дубовыя городскія рощи, на поларшина отъ береговъ покрыты сплошною массою плавающихъ червей; стѣны домовъ, лѣсныя ограды покрыты ими, какъ сукномъ. Двигающіяся массы червя остановили даже на 1½ часа поѣздъ желѣзной дороги; колеса локомотива, обмазавшись сокомъ раздавленныхъ червей, не могли двигать поѣздъ впередъ, и потому необходимо было остановиться и очистить рельсы.

— Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ пишутъ, что прошлая зима замѣчательно несчастлива была для пчеловодовъ Херсонской губ. и частію Подольской по сю оторону Буга. Пасѣки почти уничтожились, такъ какъ послѣ прошлогодней засухи пчелы ставились въ зимнее помѣщеніе крайне слабыми, безъ запасовъ меда. У одного, напримѣръ, пчеловода изъ 150 ульевъ уцѣлѣло только 11, а у другаго—изъ 40 ульевъ осталось всего 7, да и тѣ нуждаются въ поддержкѣ за неимѣніемъ пока корма.

— Въ «Терскія Вѣдомости» пишутъ, что весна въ Кизлярѣ не совсѣмъ благопріятна для садоводовъ. Недавно бывшая буря уничтожила персики, абрикосы, лычу и другія нѣжныя растенія. Виноградъ туго развивается, даже клубника только-что начала цвѣсти, тогда какъ она, въ прошлые годы, къ десятому мая поспѣвала. Черешни и вишни также запоздали цвѣтомъ. Цѣны на виноградныя вина, продававшіяся осенью за безцѣнокъ, поправились, и спросъ на нихъ большой.

— Въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ сообщаютъ, что работы по орошенію Голодной степи, лежащей между городами Чиназомъ и Джизакомъ, начнутся въ нынѣшнемъ году раннею весною. Необходимая для производства работъ сумма уже ассигнована, и въ концѣ марта должны были отправиться въ степь къ мѣсту работъ 6 тысячъ землекоповъ. Осенью выдутъ на работу по проведенію арыка—20 тысячъ землекоповъ, такъ что въ нынѣшнемъ году оросительный каналъ значительно подвинется впередъ, въ глубь степи.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ нѣкоторыхъ Петербургскихъ газетахъ появилось извѣстіе о предполагаемой передачѣ „Нивы“ въ другія руки. Слухъ этотъ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія и уже опровергнутъ издателемъ въ тѣхъ газетахъ, которыя его сообщили. Единственная цѣль поѣздки издателя „Нивы“ за границу состояла въ заказѣ премій и улучшеніи художественной стороны нашего журнала.

Библиотека "Руниверс"

1-й заемъ 1864 года. **ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ** 21-й тиражъ 1-го Іюля 1875 г.

ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 13 ноября 1864 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го Іюля 1875 года Правленіемъ Банка въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербурской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
13	4	500	3945	7	500	8874	17	500	13206	4	500	15554	3	500	17957	50	500
32	10	500	4001	45	500	9096	4	500	13254	15	500	15583	9	500	18006	18	500
64	45	500	4035	8	500	9112	11	500	13287	18	500	15681	29	500	18064	28	500
143	34	500	4194	25	500	9120	8	500	13302	8	500	15757	11	500	18094	42	500
238	15	500	4255	35	500	9152	27	500	13307	49	500	15774	17	1000	18099	17	500
239	39	500	4363	12	500	9168	1	500	13324	2	500	15842	46	500	18126	5	500
432	47	500	4379	11	500	9216	34	500	13338	31	500	15895	40	500	18220	42	500
497	7	1000	4405	9	200000	9481	50	500	13452	17	500	16024	21	500	18258	41	500
507	28	500	4470	44	500	9632	14	500	13476	14	500	16146	11	8000	18403	17	500
570	16	500	4545	19	8000	9706	7	500	13568	41	500	16158	34	500	18410	6	500
713	9	500	4554	8	500	9785	37	5000	13614	9	500	16212	44	10000	18447	31	500
717	3	500	4777	36	500	9869	37	1000	13646	30	500	16256	39	500	18544	47	10000
848	43	500	4783	33	500	9990	28	1000	13736	34	500	16383	5	500	18578	8	25000
878	10	40000	4863	18	500	10053	44	500	13741	09	500	16469	39	500	18644	40	500
891	42	500	4975	47	500	10056	19	500	13954	44	500	16477	17	500	18704	43	500
904	20	500	5079	12	5000	10070	28	5000	14013	1	1000	16584	7	1000	18736	19	500
944	15	500	5091	4	500	10121	19	500	14043	9	500	16620	45	500	18743	38	500
978	37	500	5140	40	500	10265	24	500	14128	49	500	16702	25	500	18906	45	500
1062	5	500	5170	20	500	10285	9	500	14390	45	500	16772	37	500	19069	38	500
1228	11	500	5263	12	500	10304	50	500	14463	48	500	16846	4	500	19152	8	500
1349	24	500	5486	16	500	10371	5	500	14656	43	500	16861	10	500	19156	36	500
1354	49	500	5503	13	500	10386	16	1000	14886	46	500	16870	13	500	19295	20	500
1386	26	500	5633	50	500	10432	8	500	14895	22	500	17028	32	500	19296	16	500
1469	17	500	5694	24	500	10543	15	500	14926	6	500	17116	34	500	19306	30	500
1512	16	500	5786	9	500	10658	37	500	14978	15	1000	17142	36	500	19358	2	500
1568	41	500	5791	29	500	10755	13	500	14997	40	500	17161	2	500	19416	18	500
1634	34	500	5829	48	500	10784	49	500	15107	11	500	17311	13	500	19423	29	500
1668	31	500	5838	48	500	10821	22	500	15115	6	500	17364	7	500	19465	2	500
1690	22	500	5972	48	500	10863	35	500	15172	1	5000	17400	38	500	19474	18	500
1763	41	500	6109	13	500	10878	33	500	15232	44	500	17448	10	500	19533	7	75000
1793	27	500	6121	11	500	10929	1	5000	15287	10	500	17452	19	500	19680	30	1000
1806	14	500	6121	18	500	10935	27	500	15319	42	5000	17547	42	500	19793	28	500
1941	29	500	6135	20	500	10955	27	500	15327	4	500	17704	33	500	19882	45	500
1978	22	500	6147	38	500	11180	24	500	15432	30	500	17863	1	1000	19914	20	590
2038	7	500	6377	7	500	11304	45	1000									
2118	14	1000	6393	31	500	11329	6	500									
2181	12	1000	6407	19	500	11378	8	500									
2200	34	500	6441	8	500	11638	22	500									
2406	41	500	6750	11	500	11693	25	500									
2449	19	500	6840	17	500	11724	33	500									
2552	43	500	6983	18	500	11776	6	1000									
2562	8	500	7022	4	500	11792	46	500									
2574	14	500	7030	25	500	11808	44	500									
2750	47	8000	7032	13	500	11825	41	500									
2791	21	500	7262	21	500	11898	20	500									
2805	21	500	7274	32	500	11936	41	1000									
2842	5	500	7299	46	500	11956	48	500									
2878	43	500	7550	1	500	11961	34	10000									
3067	36	1000	7610	31	500	12065	4	500									
3108	32	1000	7665	38	500	12124	36	500									
3136	21	500	7687	2	500	12181	28	500									
3164	26	500	7760	24	500	12238	5	1000									
3203	18	500	7799	47	500	12238	14	5000									
3212	4	500	7927	29	500	12411	28	500									
3309	34	500	7952	32	500	12495	9	500									
3317	14	500	7968	30	5000	12507	1	500									
3335	35	500	8240	47	500	12529	46	500									
3382	4	500	8247	16	1000	12628	13	500									
3592	49	500	8284	14	500	12720	48	8000									
3636	49	1000	8384	17	8000	12776	23	500									
3663	21	500	8401	37	500	12787	24	500									
3671	26	500	8577	8	500	12886	15	500									
3702	41	500	8595	35	500	12962	43	500									
3741	14	500	8663	22	500	13004	28	500									
3765	23	500	8730	28	500	13051	35	500									
3827	45	500	8796	10	500	13091	12	500									

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го Октября 1875 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го 5% съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка, 1-го Іюля 1875 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

513, 528, 529, 753, 1245, 1506, 1929, 2303, 2611, 2646, 2971, 3535, 3590, 3793, 3783, 4040, 4055, 4211, 4914, 7081, 7816, 8018, 8097, 8219, 8433, 8916, 9275, 9390, 9917, 10460, 10606, 10796, 11705, 11843, 11939, 13396, 13485, 13502, 14015, 14096, 14451, 14920. 15343, 15571, 15800, 16619, 16741, 16833, 17160, 18068, 18208, 18466, 18889, 19658.

Всего 54 серіи, составляющія 2,700 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го Октября 1875 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Псовая охота (съ 2 рисунками). — Орелъ дѣвка (изъ жизни въ тирольскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмины фонъ Гиллернъ-Бирхъ. — Очерки Сибири. V. Въ окрестностяхъ Кяхты (съ рисункомъ). — Это такъ кажется (стихотвореніе) В.— Обитель духа (окончаніе). — Катакомбы въ древнемъ Римѣ (съ рисункомъ). — Любимчикъ (съ рисункомъ). — Машины, дѣйствующія солнечной силой. — Смѣсь. — Разныя извѣстія. — Отъ Редакціи. — Тиражъ 1-го внутренняго съ выигрышами займа.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

При этомъ № для гг. иногор. подписчиковъ прилагается объявленіе изъ Главной Конторы нѣхтинскихъ чаевъ К. Е. Киселева. въ Москвѣ.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 28 Іюня 1875 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морская, д. Ставровскаго, Белгаки, пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 29 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 20 Іюля 1875 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА" на 1875 годъ.

Оскаръ II. Король Швеціи и Норвегіи.

Оскаръ II, король Швеціи и Норвегіи. Рис. и грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Оскаръ II, Король Швеціи и Норвегіи.

Король Оскаръ II Фредерикъ родился 9-го (21-го) Января 1829 года отъ брака Оскара I съ Жозефиною, дочерью герцога Евгенія Лейхтенбергскаго. Будучи третьимъ сыномъ короля, молодой принцъ получилъ титулъ герцога Остроготскаго и образованіе въ Упсальскомъ университетѣ, гдѣ оказывалъ блестящіе успѣхи, преимущественно по языкамъ, классическимъ и современнымъ, не считая скандинавскихъ нарѣчій. Такъ напр. рѣчь, произнесенная имъ на англійскомъ языкѣ въ 1871 году на банкетѣ въ Лондонѣ, вызвала общія рукоплесканія, а переводы Гердерова «Сида» и Гётева «Тассо» наглядно доказываютъ, до какой степени усвоенъ имъ духъ германской поэзіи и красоты ея корифеевъ. Въ молодости онъ много путешествовалъ по родинѣ, гдѣ поэтическій талантъ его проникался народными мотивами, явившимися впослѣдствіи въ печати въ видѣ сборника думъ, пѣсенъ и балладъ подъ общимъ заглавіемъ Nytt och gammalt (Новое и старое), который выдержалъ десятки изданій и прославилъ автора какъ поэта и даровитаго писателя. Страсть къ путешествіямъ и къ морю въ особенности увлекала его въ дальнія плаванія, въ которыхъ царственный морякъ и пріобрѣлъ отличающую его нынѣ энергію, осмотрительность и самообладаніе,—а поэтическимъ плодомъ этихъ путешествій явилась одна изъ лучшихъ поэмъ его «Воспоминанія шведскаго флота». Еще будучи принцемъ онъ оспаривалъ премію Стокгольмской Академіи Наукъ на конкурсѣ, въ которомъ принимали участіе лучшіе поэты Швеціи, и получилъ ее.

Въ качествѣ ученаго, патріота и военнаго писателя, Оскаръ II издалъ сочиненіе о Карлѣ XII, которое въ ученомъ мірѣ считается классическимъ. Супруга вѣнценоснаго писателя, принцесса Софія Нассауская, съ которою онъ вступилъ въ бракъ 6-го іюня 1857 года, также извѣстна своимъ поэтическимъ дарованіемъ, а еще болѣе благотворительностью, простотой и доступностью которыя снискали ей общую любовь. Отъ этого брака Оскаръ II имѣетъ четверыхъ сыновей: Оскара-Густава-Адольфа (наслѣдный принцъ, род. 1858 г.) герцога Вермландскаго, Оскара, Карла и Евгенія.

Ко времени вступленія на престолъ, Оскаръ II былъ адмираломъ и генералъ-инспекторомъ военныхъ учрежденій Швеціи. Карлъ XV, предшественникъ нынѣшняго короля, скончался въ Мальме 18-го сентября 1872 года, не оставивъ наслѣдниковъ мужескаго пола—и потому герцогъ Остроготскій, какъ ближайшій наслѣдникъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Оскара II.

Первымъ дѣломъ короля было улучшеніе экономическаго быта Швеціи и введеніе всеобщей воинской повинности. Въ этихъ видахъ, 17-го декабря 1872 года была подписана конвенція съ Даніей о введеніи общей монетной системы въ трехъ скандинавскихъ государствахъ, а на слѣдующую сессію внесены проекты преобразованія арміи и флота, объ устройствѣ народныхъ училищъ, о постройкѣ желѣзной дороги на сѣверъ, о распредѣленіи доходовъ съ винокуренія и питейныхъ заведеній и проч.

Оставаясь вѣрнымъ своимъ первоначальнымъ симпатіямъ, король покровительствуетъ наукамъ и искусствамъ въ своей странѣ, состоитъ президентомъ военно-литературнаго общества въ Стокгольмѣ (имъ же основаннаго), музыкальной академіи (тамъ же) и общества наукъ въ Упсалѣ

Что касается дѣлъ внѣшней политики, то важнѣйшими шагами новаго правителя было сближеніе съ Германіей по клерикальному вопросу, разсѣявшее бывшія недоразумѣнія между обѣими государствами, и соглашеніе съ Даніей относительно найма лоцмановъ для проведенія судовъ по Зунду. Наслѣдные принцы Германскій и Датскій посѣтили короля Оскара II, а восторженный пріемъ, оказанный шведскому монарху при посѣщеніи имъ въ маѣ нынѣшняго года Даніи и Германской имперіи служилъ какъ бы отвѣтомъ на его миролюбивыя стремленія.

Въ послѣднее время вѣнценосный путешественникъ посѣтилъ Москву и Петербургъ какъ бы взнакъ примиренія прошедшаго, въ залогъ надеждъ для будущаго, и въ доказательство того, что возгласы нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ, приписывавшихъ Россіи честолюбивые замыслы, не оказали никакого вліянія на свѣтлый и проницательный умъ шведскаго короля. Со временъ Абосскаго мира, съ 1809 года, Швеція жила съ нами въ невозмутимой дружбѣ; въ 1813 и 1814 годахъ шведскія войска сражались вмѣстѣ съ нашими, и нѣкоторые изъ нашихъ полковъ состояли подъ доблестною командою шведскаго наслѣднаго принца, впослѣдствіи короля Карла XIV-го. Въ эпоху крымской войны союзники употребляли всевозможныя усилія, чтобъ вооружить противъ насъ шведовъ; но внушенія оказались недѣйствительными, и въ Швеціи мы имѣли добраго и надежнаго сосѣда. Нынѣ же радушный и почетный пріемъ, оказанный высокому гостю въ предѣлахъ Россіи, долженъ былъ окончательно убѣдить его въ сочувствіи и уваженіи къ его миролюбивымъ намѣреніямъ какъ правительства такъ и народа русскаго.

Орелъ-дѣвка.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

Валли увидѣла, что ему тяжело говорить объ этомъ, и умолкла, не проронивъ ни одного слова, пока они не вошли въ хижинку.

— Н-ну, экое жалкое гнѣздо! воскликнулъ Іосифъ, переступивъ порогъ и стукнувшись головой, хотя онъ порядкомъ таки и нагнулся.—Чтобы втолкнуть родное свое дѣтище въ этакую собачью будку—много, видно, нужно было протерпѣть... Ужъ навѣрно не даромъ—а?...

— Почему ты такъ думаешь? не безъ горечи отвѣтила Валли и, развязавъ козочку, пустила ее въ уголъ. Приведя въ порядокъ свою *соломенную* постель, она, съ помощью Іосифа, уложила на нее незнакомую ей дѣвушку... При этомъ руки ея задрожали.

— Почему? Да потому, заговорилъ какъ-то безпечно Іосифъ,—что́ вѣдь кому-же неизвѣстно, что ты вся въ отца уродилась, такая-же необузданная, какъ и онъ?.. Вонъ ты Викентія Гелльнера чуть не укокошила, потомъ, разозлясь, подпалила сѣновалъ отцовскій... Н-да̀, ежели ты начала та̀къ—ну, значитъ, пойдешь далеко!...

— Ну, а тебѣ извѣстно, за что́-же это я Викентія ударила и зачѣмъ сѣновалъ подпалила? спросила Валли дрожащимъ голосомъ.—Знаешь, почему я тутъ—въ этой собачьей будкѣ, ка̀къ ты сказалъ—знаешь?...

И она руками переломила подъ колѣномъ толстый, крѣпкій сукъ, который съ трескомъ разщепился. Такой силѣ дѣвушки Іосифъ не могъ не надивиться.

— Не знаю, отвѣтилъ онъ и прибавилъ:—гдѣ-жъ все знать?..

— А коли не знаешь, такъ молчи лучше! проворчала Валли и стала раздувать огонь на очагѣ, чтобы согрѣть молоко для гостьи-незнакомки.

— Ну, такъ разскажи мнѣ, ежели ты полагаешь, что я несправедливо говорю.

Громкимъ и горькимъ смѣхомъ разсмѣялась тутъ она, что̀ всегда случалось съ нею, если ей не хотѣлось обнаруживать, что сердце ея обливается кровью.

— Разсказать тебѣ—*тебѣ*?! воскликнула Валли.—Да̀, ты именно тотъ, кому можно это разсказать!...

Она какъ-то нервически-быстро вымыла котелокъ, налила въ него молока и повѣсила эту посудину надъ очагомъ.

Іосифъ не подмѣтилъ въ этихъ рѣзкихъ словахъ накипѣвшаго горя и, подумавъ, что она насмѣхается надъ нимъ, сердито отъ нея отвернулся.

— Съ тобой и слова нельзя сказать... Люди-то правду говорили!..

Оставивъ Валли въ покоѣ, онъ обратилъ теперь все свое вниманіе на свою спутницу.

Валли тоже умолкла, но, хлопоча по хозяйству, двигаясь туда и сюда, исподтишка посматривала на Іосифа, фигура котораго вся была освѣщена красноватымъ пламенемъ горѣвшаго на очагѣ валежника. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ неподалеку отъ соломенной постели. Валли видѣла его глаза, въ которыхъ отражался мерцающій огонь очага, и ей казалось, что это два уголька: они то ярко вспыхивали, то темнѣли, причемъ прекрасное,

Библиотека "Руниверс"

строго-спокойное лицо охотника также свѣтлѣло, точно улыбалось, или—вдругъ становилось темнымъ, мрачнымъ.

И ей внезапно вспомнился сонъ первой ночи, проведенной ею тутъ, на вершинѣ.

— О, еслибъ „блаженныя дѣвы“ увидѣли его вотъ *такимъ*—да онѣ живо-бы сейчасъ разстаяли, какъ снѣгъ отъ огня!...

Навѣрно Валли подумала такъ, потому что въ головѣ ея мелькнуло, что она сама могла-бы оторвать глаза отъ него только тогда, когда ни одной капельки крови въ тѣлѣ не останется, какъ это говорится о сердцѣ. И дѣйствительно, когда она отвела отъ него глаза—изъ нихъ упали двѣ горячія капли—не крови, конечно, но тѣмъ не менѣе ей было очень больно.

Тутъ незнакомая дѣвушка очнулась и, удивившись, спросила:

— Что это? Гдѣ-жъ это мы?

— Ничего, Афра, будь спокойна, проговорилъ Іосифъ,—вѣдь тебя, слушай-ка, молнія чуть не пришибла, а вотъ теперь мы съ тобой въ хижинкѣ Штромминге-ровой Валли.

— Боже мой! Мы у Валли... Орелъ-дѣвки!? произнесла дѣвушка въ испугѣ.

— Ничего... Ну, не тревожься, уговаривалъ онъ ее,— вотъ, какъ ты поотдохнешь—мы и тронемся въ путь, уйдемъ.

— Значитъ, ужъ и въ Вишчгау идетъ молва обо мнѣ?... Ну-ко, на, глотни, авось успокоишься! сказала Валли добродушно-иронически и подала ей деревянную чашку, въ которой молоко было смѣшано съ водкой.

Афра попыталась было привстать, но силъ у нея на это не хватило; тогда Валли, живо подойдя къ ней, присѣла на постель, приподняла ее одной рукой, обхватила и стала поить изъ чашки, какъ ребенка. Афра съ жадностью отпила немного молока, но такъ еще была слаба, что невольно склонилась головой на плечо Валли, которая сдѣлала знакъ Іосифу, чтобы онъ принялъ отъ нея чашку. Валли не хотѣлось тревожить Афры, и она терпѣливо сидѣла, стараясь не измѣнять положенія.

Іосифъ устремилъ на нее задумчивый взглядъ; онъ видѣлъ, какъ она смирно сидѣла на постели, обхвативъ больную дѣвушку, и вдругъ простодушно проговорилъ:

— А вѣдь ты красива... жаль вотъ только, что зла-то очень!...

Валли зарумянилась, слегка вспыхнула.

— Какъ сердце бьется у тебя! сказала Афра:—я даже черезъ плечо твое слышу, какъ оно стучитъ!..

Тутъ она приподняла голову, почувствовавъ, что силы прибавляются, и взглянула на красивое, загорѣлое лицо Валли и ея большіе глаза. Валли тоже зорко оглянула Афру и нашла, что черты лица ея прелестны: она увидѣла такіе задушевные голубые глаза, бѣлокурые, шелковистые волосы—и что-то враждебное шевельнулось въ ея сердцѣ. Валли бросила взглядъ на Іосифа и снова принялась копошиться, прибирать свое жилище.

— Будто это и въ самомъ дѣлѣ Валли—*Орелъ-дѣвка*? обратилась Афра къ своему спутнику, желая убѣдиться въ этомъ; потому что ей какъ-то не вѣрилось, чтобы эта „ужасная“ Орелъ-дѣвка оказалась такою доброю.

— Повѣрить трудновато, да вотъ она сама себя называетъ такъ, отвѣтилъ Іосифъ вполголоса.

— Да, и ты сейчасъ увидишь, что это вѣрно! воскликнула Валли въ порывѣ чувства собственнаго достоинства, шагнула къ двери, отворила ее и крикнула:

— Ганзль! а Ганзль! Гдѣ ты?

Ганзль рѣзко-крикливо отозвался и, живо шарахнувшись съ крыши, влетѣлъ въ избушку.

— Ай, Боже мой, это что такое?! взвизгнула Афра, творя крестное знаменіе.

Іосифъ вскочилъ и заслонилъ собою дѣвушку.

— А это—орелъ. Я его еще птенцомъ достала изъ гнѣзда на утесѣ; вотъ меня и прозвали за это Орелъ-дѣвкой.

И Валли съ такою гордостью посмотрѣла на своего воспитанника, какъ смотритъ солдатъ на отбитое имъ знамя.

— Поглядите-ка, какъ я его приручила: на волѣ онъ у меня гуляетъ, гдѣ хочетъ, и никогда меня не броситъ.

Посадивъ Ганзля на плечо, она расправила ему крылья, чтобы Іосифъ видѣлъ, что крылья не обрѣзаны.

— Великолѣпный орелъ! проговорилъ онъ, и его охотничій глазъ какъ-то враждебно-завистливо оглядывалъ эту роскошную, царскую добычу. Такую дичь ни одинъ охотникъ другому не уступитъ, а ужъ тѣмъ болѣе—дѣвушкѣ. Вѣроятно, во взглядѣ его было что-то такое, что разсердило Ганзля, потому что онъ, свиснулъ по-орлиному, пригнулъ шею, взъерошилъ перья и уставился на Іосифа.

Валли почувствовала, что птица завозилась на плечѣ особенно тревожно, и старалась успокоить ее, ласково гладя, приговаривая: — Ну, что ты, что ты, Ганзль! Вѣдь ты всегда такой смирный!...

— Ага, почуялъ охотника! усмѣхнулся злорадно Іосифъ и дерзко протянулъ руку къ орлу, какъ-бы съ цѣлью стащить его съ плеча Валли, но тутъ Ганзль разсвирѣпѣлъ и внезапно обнаружилъ всю свою мощь: онъ развернулъ крылья, взлетѣлъ до потолка и оттуда ударилъ на врага. Ужасъ охватилъ Валли—и она вскрикнула, а Афра забилась въ уголъ. Разсвирѣпѣвшій хищникъ, ударяя широкими крыльями, почти занялъ собою тѣсную хижинку и, уже не слушая своей хозяйки, такъ и наскакивалъ на Іосифа, наровя стукнуть его своимъ страшнымъ клювомъ и вцѣпиться когтями въ его бока. Вскорѣ уже ничего нельзя было разобрать: то кулаки мелькали, то крылья, перья летѣли во всѣ стороны, и если Іосифъ задѣвалъ рукой стѣну, то на томъ мѣстѣ ея появлялось темно-красное пятно...

— Ножъ! Эхъ, если-бъ ножъ мнѣ! вскрикивалъ онъ.

Валли распахнула дверь.

— Уходи, бѣги, Іосифъ! Въ такой тѣсной конурѣ тебѣ не справиться съ нимъ!

Но *Іосифъ-медвѣжатникъ* и не подумалъ бѣжать отъ орла.

— Нѣтъ! Чортъ меня побери, если я хоть на шагъ отступлю! воскликнулъ онъ.

Бой еще длился съ минуту, наконецъ Іосифу удалось таки прижаться лицомъ къ стѣнѣ и желѣзными своими руками схватить крылья Ганзля. Схвативъ ихъ, онъ сжалъ животное съ такою исполинскою силою, что орелъ очутился какъ-бы въ тискахъ; однако все еще бился и рвалъ клювомъ его руки.

— Ножъ теперь! Ножъ вытащи мнѣ!.. Руки заняты— не могу! крикнулъ онъ Валли.

Валли, улучивъ минуту, сдѣлала по своему: она накинула на голову Ганзля толстое одѣяло и ей уже легко было потомъ связать ему ноги веревкой. Орелъ былъ совершенно обезоруженъ, Іосифъ швырнулъ его на землю, отошелъ и сталъ заряжать ружье.

Упрямый, горделивый звѣрь бился подъ одѣяломъ, ёрзая по-полу.

— Это ты... что-же дѣлаешь? спросила Валли, удивленно взглянувъ на Іосифа.

— А вотъ ружье заряжаю, отвѣтилъ онъ сквозь зубы отъ боли, такъ какъ обѣ руки его были порядкомъ поранены.

Покончивъ съ ружьемъ, Іосифъ поднялъ связаннаго Ганзля и, выбросивъ его вонъ изъ избушки, вышелъ самъ, остановился вблизи, приложилъ прикладъ къ плечу и, обратившись къ Валли, которая послѣдовала за нимъ, произнесъ тихимъ, но повелительнымъ тономъ:

— Развяжи его теперь!

Библиотека "Руниверс"

Въ аквариумѣ. Морскіе угри нападаютъ на осьминога. Рисов. Piy.

Библиотека "Руниверс"

Въ аквариумѣ. Морскія иглы и морскіе коньки. Рис. Рiу.

Библиотека "Руниверс"

— Что̀?... что̀ ты говоришь? спросила Валли, какъ будто не хорошо разслышавъ его слова.

— Развяжи, пускай онъ полетитъ.

— Для чего это?

— Для того, чтобы мнѣ можно было застрѣлить его. Неужели тебѣ неизвѣстно, что истый охотникъ стрѣляетъ только по свободному звѣрю?

— Постой... Ради Бога... постой! заговорила Валли:— развѣ ты хочешь убить моего Ганзля? Неужели?..

Іосифъ посмотрѣлъ на нее тоже не безъ удивленія и отвѣтилъ:

— А неужели ты думаешь, что я та̀къ и оставлю этакого злющаго дьявола?...

— Нѣтъ! воскликнула дѣвушка и, подойдя къ Іосифу, рѣшительно загородила ему дорогу.—Нѣтъ, Іосифъ, не трогай моего орла! Не легко онъ мнѣ достался, я сама вынула его изъ гнѣзда, я боролась на смерть съ матерью-орлицей, я выростила его... Только онъ одинъ на цѣломъ свѣтѣ и любитъ меня, у меня нѣтъ другаго друга! Не позволю тронуть Ганзля—и конецъ!

— Вотъ какъ! проговорилъ Іосифъ рѣзко и съ горечью:—этотъ дьяволъ чуть глаза мнѣ не выбилъ, а я его такъ и оставлю, не трону?...

— Да вѣдь ты для него совсѣмъ чужой! Ну, развѣ можно его винить въ томъ, что разума у него мало?.. Неужели ты станешь мстить такому глупому звѣрю?...

Іосифъ топнулъ ногой.

— Говорю тебѣ—развяжи его, пусть летитъ, а не то я и такъ его убью!..

И онъ взвелъ курокъ.

Горячая кровь хлынула въ голову Валли... Питомецъ ея въ опасности—и она уже ни о чемъ больше не думала.

— Ну, это мы еще посмотримъ! крикнула дѣвушка въ порывѣ негодованія, вся вспыхнувъ:—Погляжу я еще, какъ-то ты прикоснешься къ моей собственности!... Долой ружье! Орелъ мнѣ принадлежитъ — понимаешь— *мнѣ*!.. И ужъ обидѣть его—не позволю, на томъ постою!.. Прочь ружье, или... не узнаешь ты меня!...

Валли размахнулась и та̀къ ударила по ружью, что оно выскочило изъ рукъ Іосифа и съ трескомъ разрядилось въ стѣну хижинки.

Во всей фигурѣ дѣвушки было что-то такое, что̀ покорило наконецъ молодца-парня, самого Іосифа-медвѣжатника: онъ, повидимому, хладнокровно поднялъ ружье и проговорилъ съ ѣдкой усмѣшкой:

— Изволь, оставляю тебѣ твоего драгоцѣннаго крючконоса!.. Что̀-жъ, быть можетъ, другаго-то дружка у тебя и не будетъ въ жизни... А ужъ точно, что ты— *Орелъ дѣвка*!...

Тутъ Іосифъ презрительно отвернулся отъ нея, вынулъ носовой платокъ и, разорвавъ его на нѣсколько полосокъ, принялся старательно обвязывать этими лоскутками окровавленныя руки. Валли не вытерпѣла и кинулась, чтобы помочь ему: только теперь она увидѣла, какія страшныя раны были на его рукахъ,—увидѣла и ей показалось, что ея сердце глубоко ранено и кровь неудержимо льется изъ него.

— Боже ты мой! Ахъ, какія руки у тебя!.. Дай я обмою, обвяжу...

Іосифъ отстранилъ ее.

— Не нужно! Афра перевяжетъ.

И вошелъ въ хижинку.

Валли вдругъ охватилъ смертельный страхъ: вѣдь она то̀ сдѣлала, что Іосифъ теперь, пожалуй, на всю жизнь останется ея нѐдругомъ... Да отъ одной этой мысли можно умереть!... Подъ гнётомъ такихъ думъ она совсѣмъ изнемогла и побрела въ избушку вслѣдъ за нимъ, а тамъ незнакомая дѣвушка обвязывала руки *ему*... Валли видѣла это, она слѣдила за всѣми движеніями Афры, и въ глазахъ ея вспыхивала ревнивая ненависть.

— Послушай, Іосифъ, начала она какимъ-то глухимъ голосомъ:—если я не допустила тебя убить Ганзля, т не подумай, пожалуста, что я безчувственная.. что̀ мн раны твои—все ровно... Нѣтъ, если-бъ раны, послѣ вы стрѣла въ Ганзля, сейчасъ за̀жили... О, тогда-бы я сказала: стрѣляй и въ Ганзля, и въ меня! Но вѣдь отъ этого не было-бы тебѣ легче?...

— Ладно, ладно, не извиняйся, отрывисто отвѣтилъ онъ и обратился къ Афрѣ:

— Ну, что̀, можешь ты теперь идти?

— Могу.

— И прекрасно! Собирайся, идемъ.

Щеки Валли поблѣднѣли.

— Неужели-же ты, Іосифъ, не хочешь хоть немножко отдохнуть здѣсь? Надо-бы тебѣ на дорогу перекусить чего нибудь, а я ничего не предложила... хочешь, сейчасъ состряпаю, или не подать-ли молока?

— За все спасибо! Мнѣ домой нужно поспѣть къ ночи: дождь прошелъ, да и Афра поправилась, идти можетъ.

Онъ помогъ своей спутницѣ собраться, закинулъ за спину ружье и взялъ альпійскую палку.

Валли, поднявъ одно изъ орлиныхъ перьевъ (Ганзль оставилъ ихъ довольно на мѣстѣ свалки), засунула его за ленту шляпы Іосифа.

— Носи это перо! Имѣешь полное право на такое украшеніе: ты орла побѣдилъ! Онъ былъ-бы твоей добычей, если-бъ ты не подарилъ мнѣ его.

Но Іосифъ снялъ это украшеніе и бросилъ.

— За намѣренье—спасибо, но пера этого носить не стану: не привыкъ я дѣлиться добычей съ дѣвушками!

— Ну, орла возьми: онъ—твой, дарю его, только... объ одномъ прошу... не убивай ты его!

Валли почти задыхалась...

Іосифъ удивленно посмотрѣлъ на нее.

— Что̀ это ты? И зачѣмъ мнѣ брать у тебя то, что̀ такъ дорого тебѣ?.. Погоди, я вотъ, можетъ быть, изловлю *когда нибудь* медвѣдя, ну и притащу его къ тебѣ живаго. То-то въ пріятной компаніи ты заживешь тогда! Раньше, значитъ, мы и не увидимся... А вѣдь можетъ-же случиться, что гдѣ нибудь тутъ наткнусь я на твоего орла и подстрѣлю его,—такъ вотъ, чтобы оставить его въ цѣлости—мнѣ ужъ лучше въ этихъ мѣстахъ и не бывать совсѣмъ!.. Ну, храни тебя Богъ и спасибо за пріютъ!

Проговоривъ эти слова, онъ гордо выпрямился и спокойнымъ шагомъ вышелъ, изъ хижинки. Афра подняла перо, которое Іосифъ бросилъ.

— Подари мнѣ его, обратилась она къ Валли:—я перо это положу въ молитвенникъ, а какъ взгляну на него—Отче нашъ за тебя проговорю.

— Возьми, отвѣтила Валли глухимъ голосомъ, почти даже и не разслышавъ, что̀ такое сказала ей Афра, потому что сердце ея готово было выпрыгнуть изъ груди, въ ушахъ раздавался шумъ, словно въ воздухѣ еще гудѣла буря... Она тоже вышла, чтобы проводить Іосифа и его спутницу.

Гроза совсѣмъ прошла. Черныя разорванныя тучи уплывали вдаль; въ про́свѣтахъ, между клочьями ихъ, были видны отуманенныя горы. Удалявшійся громовержецъ гдѣ-то глухо рокоталъ еще, а съ вершинъ съ шумомъ низвергались цѣлые водопады. Все кругомъ стало утихать, и горы, казалось, задремали подъ бѣлымъ покровомъ изъ снѣга и града.

Валли какъ будто застыла, прижавъ руки къ груди.

— Да̀, *онъ* никакъ не можетъ понять, что надо очень быть несчастной, бѣдной, чтобы та̀къ дорожить птицей, та̀къ привязаться къ Ганзлю!...

Проговоривъ беззвучно эти слова, она нагнулась къ полуокоченѣвшему орлу и развязала ему ноги.

Ганзль, прихрамывая, кое-какъ взобрался къ ней на руки и та̀къ краснорѣчиво посмотрѣлъ ей въ глаза, какъ будто просилъ у нея прощенья.

Библиотека "Руниверс"

Валли зарыдала...

— Ну, гляди, гляди теперь на меня! говорила она ему.—О, Ганзль, Ганзль! Что́ ты надѣлалъ?...

Подойдя къ хижинкѣ, она сѣла на порогѣ ея и крѣпко всплакнула, до тѣхъ поръ рыдала, пока всласть не наслушалась своихъ рыданій. Потомъ Валли глянула наверхъ: за нею вздымалась, почти отвѣсно, высокая стѣна, покрытая снѣгомъ; посмотрѣвъ внизъ, она увидѣла тамъ глубокія котловины и въ нихъ до́верху лежалъ снѣгъ... Все это были холодныя могилы, въ которыхъ, казалось, притаилась сама смерть. Впереди, въ туманной дали, стояли наклонно къ землѣ темныя по́лосы дождя...

И Валли вдругъ ощутила опять, какъ и въ первый день, что она—въ пустынѣ, одна одинёшенька,—и не двинулась съ мѣста!

(Продолженіе будетъ).

Морской акварій.

Мы стоимъ передъ стекломъ акваріума; странная жизнь за этимъ стекломъ раскрываетъ нашимъ взорамъ подводныя тайны—и мы съ любопытствомъ слѣдимъ за происходящими тамъ явленіями. Вонъ тамъ движется какое-то существо. Поджавъ двѣ оконечности, оно приводитъ въ движеніе остальныя шесть и такимъ способомъ подвигается въ одну сторону. Это такъ-называемый *Осьминогъ* (Octopus), одно изъ тѣхъ удивительныхъ созданій, которыя водятся въ неизвѣстныхъ глубинахъ морей. Это жестокій разбойникъ, который прячется въ расщелинахъ скалъ или въ пескѣ, чтобы ловчѣе высмотрѣть оттуда добычу. Внезапно набрасывается онъ изъ своей засады на подплывшихъ слишкомъ близко рыбъ или морскихъ краббовъ, охватываетъ ихъ своими длинными ногами; послѣднія покрыты всѣ сосками, которые высасываютъ кровь лучше всякихъ піявокъ.

Но вотъ пробилъ ему послѣдній часъ. Съ быстротою стрѣлы приближаются мстители его злодѣяній. Стадо молодыхъ, но уже достаточно взрослыхъ, чтобы быть опасными для осьминога, морскихъ угрей—набрасывается на него. Они принадлежатъ къ числу самыхъ прожорливыхъ водныхъ хищниковъ. Осьминогъ —хорошо знающій своихъ противниковъ—спѣшитъ пробраться въ какую нибудь расщелину; чтобы сдѣлать успѣшнѣе свое бѣгство, онъ выпускаетъ изъ себя темноватую жидкость и мутитъ ею воду. Но не успѣлъ осьминогъ въ своемъ предпріятіи; уже передній изъ угрей схватилъ его за одну изъ оконечностей, отгрызываетъ ее и быстро отплываетъ, чтобы на свободѣ проглотить свою добычу. Вода уже успѣла очиститься — на мѣсто битвы подоспѣли и остальные угри. Гибель осьминога быстро приближается, дальнѣйшія его усилія спасти себя совершенно безуспѣшны. Прожорливые хищники откусываютъ ему одну оконечность за другою; нѣтъ пощады и его туловищу—в оно разрывается на мелкія части. Если бы угри откусили ему оконечности, не было бы въ томъ особенной бѣды, такъ какъ черезъ нѣсколько времени онѣ выросли бы у него снова. Художникъ представилъ намъ здѣсь картину борьбы за существованіе въ томъ же родѣ, какъ намъ приходится видѣть вокругъ насъ. Картина рисуетъ намъ подводный пейзажъ, видимый чрезъ стекло гигантскаго акваріума. Но мы отдалились отъ нашей задачи передать всѣ наблюденія, сдѣланныя надъ жизнью этихъ любопытныхъ созданій.

Осьминогъ принадлежитъ къ 7-му отдѣлу животнаго царства: къ головоногимъ (Cephalopodes), которые въ свою очередь относятся къ отряду мягкотѣлыхъ. Осьминоги прозываются также чернильными рыбами, такъ какъ имѣютъ обыкновеніе при преслѣдованіи выбрасывать темную жидкость, чрезвычайно похожую на чернила, они затѣмъ стараются въ происшедшей мутной водѣ ускользнуть отъ врага.

Самое извѣстное изъ животныхъ этого вида—*Сепія*, раковина которой или скорлупа считалась въ древности лекарствомъ; теперь же эта раковина употребляется лишь какъ порошокъ для полировки, какъ известь для комнатныхъ птицъ. Въ послѣднемъ отношеніи она чрезвычайно хороша, ибо известь необходима для птицъ—съ одной стороны для возобновленія ихъ суставовъ, съ другой стороны для возобновленія яичной скорлупы.

Особенно любопытнымъ между головоногими является семейство *аргонавтовъ* (Nautilus), столь извѣстныхъ уже въ глубокой древности. При хорошей и тихой погодѣ аргонавтъ плаваетъ по спокойнымъ или слегка колеблющимся волнамъ, привлекая своею разноцвѣтною окраскою и своимъ оригинальнымъ видомъ взоры мореплавателей.

Къ головоногимъ же принадлежитъ и другое удивительное животное, называемое *Кракеномъ*. Уже въ древности оно считалось чрезвычайно опаснымъ, но лишь въ послѣднее время сдѣланы изслѣдованія и наблюденія надъ его жизнью и привычками. Вполнѣ достовѣрно, что нѣкоторые виды достигаютъ громадныхъ размѣровъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ морѣ встрѣчали подобныхъ мягкотѣлыхъ длиною отъ 20 до 25 футовъ; кромѣ того, различные мореплаватели, истина словъ которыхъ не можетъ быть заподозрѣна, упоминаютъ о такихъ кракенахъ, вѣсъ которыхъ они полагаютъ отъ 1000 до 5,000 фунтовъ. Какъ мы видимъ, всѣ басни и разсказы о кракенахъ, сложившіеся въ различныхъ странахъ и народахъ, имѣютъ нѣкоторую долю истины.

Мы перечисленовали нѣсколько видовъ этого рода безпозвоночныхъ, всѣхъ же ихъ встрѣчается по словамъ Коферштейна до 118.

Морской угорь (conger vulgaris) принадлежитъ къ рыбамъ, и его жизнь и привычки еще далеко не изслѣдованы. Многіе натуралисты считаютъ его за простаго угря, взросшаго только въ морѣ; другіе напротивъ утверждаютъ, что морской угорь не имѣетъ ничего общаго съ рѣчнымъ. Морскіе угри достигаютъ болѣе 10 футовъ длины и вѣсомъ бываютъ больше 100 фунтовъ. Они принадлежатъ къ чрезвычайно прожорливымъ хищникамъ; они не щадятъ даже маленькихъ себѣ подобныхъ; вообще морскіе угри поѣдаютъ всѣхъ животныхъ, которыхъ они въ состояніи осилить. Хотя его мясо не особенно цѣнится, но его однако много ловятъ, такъ какъ, составляя дешевую пищу, онъ съ удовольствіемъ потребляется бѣднымъ людомъ.

Въ семействѣ угрей встрѣчается нѣсколько видовъ представляющихъ значительный интересъ. Съ самыхъ древнихъ временъ славится *мурена* (conger muraena), еще до сихъ поръ высокоцѣнимая рыба, которую римскіе гастрономы разводили и откармливали въ спеціально для нихъ устроенныхъ прудахъ. Одинъ изъ римскихъ аристократовъ, имя котораго внушаетъ намъ омерзеніе, Ведій Потіонъ, кормилъ муренъ своихъ прудовъ рабами, которые брошенные живьемъ бывали растерзываемы рыбами къ удовольствію зрителей.

Мурена Красса пріобрѣла большую знаменитость, она носила серьги, драгоцѣнное ожерелье. Она приходила на зовъ своего господина и ѣла изъ его рукъ. По смерти она была оплакиваема и погребена.

Какъ въ древности такъ и до новѣйшаго времени не былъ извѣстенъ образъ размноженія угрей. Аристотель полагалъ, что они не мечутъ икры, но что происходятъ отъ дождевыхъ червей. Позднѣе думали, что они рождаютъ живыхъ дѣтей. Научныя изысканія доказали, что черви, которыхъ находили въ желудкахъ угрей, были лишь разновидностью глистовъ. Только въ новѣйшее время, благодаря хорошимъ микроскопамъ, былъ найденъ образъ размноженія угрей. Именно: взрослыя самки имѣютъ по обѣимъ сторонамъ спиннаго хребта сѣроватый слой шириною въ полъ дюйма, который кажется на первый взглядъ просто жиромъ, не обнаруживая никакихъ яичекъ. Но подъ увеличительнымъ стекломъ можно тамъ увидѣть безчисленное количество икры. Рукавъ, черезъ который выходятъ яица, и его отверстіе настолько малы, что щетина едва входитъ въ него. Взрослые угри осенью и зимою уходятъ въ море, чтобы метать икру; весной же возвращаются въ болѣе спокойныя воды. Молодые выростаютъ въ морѣ и съ возрастомъ также уходятъ въ тихія воды. Мечутъ ли икру старые угри, которые остаются долѣе другихъ и которыхъ застаетъ холодное время года, этотъ вопросъ далеко еще не разрѣшенъ, такъ какъ до сихъ поръ нигдѣ еще въ тихихъ водахъ не попадалось молодыхъ угрей. (Ленцъ).

Таковы наблюденія, которыя происходятъ предъ стекломъ громаднаго акваріума и которыя, надѣемся, будутъ интересны для читателей «Нивы», тѣмъ болѣе, что онѣ могутъ пригодиться при изученіи животнаго міра или же при устройствѣ своего собственнаго акваріума.

Другой бассейнъ акваріума кажется совершенно пустымъ, покрайней мѣрѣ на первый взглядъ. Если всмотрѣться со вниманіемъ въ раскрывающійся предъ глазами подводный ландшафтъ, тогда къ нашему удивленію мы замѣтимъ въ немъ много движенія; какія-то странныя созданія быстро двигаются въ водѣ, перескакивая отъ одного куста травы къ другому. Въ умѣ является вопросъ, что это: черви или рыбы, птицы или млекопитающія.

Какъ будто играя, *вертикально* плыветъ подобное животное; его голова чрезвычайно похожа на голову лошади, но вмѣсто оконечностей оно имѣетъ лишь длинное чешуйчатое, большею частію съуживающееся къ концу тѣло. Это рыбка, носящая названіе *морскаго конька* (hyppocampus), которая живетъ въ Средиземномъ морѣ, но водится также и въ Атлантическомъ океанѣ. Она держится около морскаго дна, такъ какъ въ густыхъ водоросляхъ она находитъ себѣ убѣжище и пищу. Послѣдняя состоитъ изъ маленькихъ червей и молюсковъ. Длиною она достигаетъ восьми дюймовъ.

Библиотека "Руниверс"

Надъ размноженіемъ морскихъ коньковъ сдѣланы чрезвычайно странныя наблюденія. У самца въ нижнихъ частяхъ тѣла находится складка кожи, въ которую и кладетъ самка яица, но какимъ образомъ происходитъ этотъ процессъ—это до сихъ поръ еще не выяснено. Въ этой складкѣ изъ яицъ развиваются молодые коньки. Къ тому же, какъ и у большихъ четвероногихъ сумчатыхъ, эта складка служитъ молодымъ конькамъ убѣжищемъ при всякой угрожающей опасности.

Животныя этого рода чрезвычайно часто въ настоящее время разводятся въ комнатныхъ акваріяхъ. Ихъ очень любятъ за ихъ странное сложеніе съ лошадиноподобной головой, за ихъ странныя движенія, ихъ цвѣтъ (свѣтло-коричневый, съ голубымъ или зеленоватымъ оттѣнкомъ). Къ сожалѣнію, ихъ чрезвычайно трудно держать въ заключеніи, такъ какъ ихъ трудно снабжать необходимой для нихъ пищей. Несмотря на всю трудность ихъ содержанія, ихъ жизнь въ акваріумѣ нашла себѣ внимательнаго наблюдателя. Благодаря наблюденіямъ г. Лукиса, жителя острова Джерисея, мы можемъ привести нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о жизни этихъ созданій.

«Животныя первое время казалось искали въ своемъ помѣщеніи убѣжища и мѣста отдыха. Это подало поводъ наблюдателю положить въ сосудъ немного соломы и морской водоросли. Только съ этого момента (такъ какъ я случайно попалъ на вѣрную дорогу) могъ я вполнѣ наблюдать настоящія ихъ привычки. Ни одни изъ обитателей глубины, помѣщенные въ заключеніи, еще не выказали столько ума и находчивости какъ морскіе коньки. Концомъ своего хвоста держатся они за водоросли и внимательно высматриваютъ добычу. Едва замѣтивъ ее, съ поспѣшностью бросаются они на нее. Когда два морскіе конька близко подплываютъ другъ къ другу, случается, что они сцѣпляются хвостами: долго стараются они разцѣпиться, зацѣпляются иногда за водоросли, чтобы найдти твердую точку опоры. Ихъ глаза, какъ и у хамелеона, двигаются независимо другъ отъ друга. Подобныя свойства составляютъ для наблюдателя не малую приманку, не говоря уже о привлекательности игры ихъ цвѣта.

Мертвые, заботливо высушенные морскіе коньки нерѣдко попадаются среди собраній раковинъ и переходятъ иногда въ этомъ видѣ въ число дѣтскихъ игрушекъ.

Въ томъ же самомъ бассейнѣ мы видимъ еще другой видъ рыбъ, не менѣе интересный какъ и предыдущій—*Морская игла* (syngnanthus) съ длиннымъ, тонкимъ, съуживающимся постепенно къ концу тѣломъ, которое заканчивается хвостовымъ плавникомъ, и съ рыльцемъ напоминающемъ собою дудку. Морская игла достигаетъ иногда 2 фут. длины. Въ акваріумѣ же встрѣчаются иглы лишь въ нѣсколько дюймовъ длиною. Цвѣтъ кожи темнокоричневый съ еще болѣе темными окраинами.

Морскіе коньки и морскія иглы водятся, какъ мы видимъ, въ одномъ и томъ же бассейнѣ и приэтомъ живутъ совершенно дружелюбно. Надо замѣтить, что они имѣютъ очень много общаго. Пищу морскихъ иглъ составляютъ такія же маленькія животныя, и къ тому же размноженіе ихъ происходитъ тѣмъ же способомъ какъ у морскихъ коньковъ.

Обозрѣніе этого бассейна производитъ оригинальное впечатлѣніе; наблюдая за растительностью, замѣчаешь проявленіе животной жизни сперва въ плавныхъ легкихъ движеніяхъ морскихъ коньковъ, переходя затѣмъ къ граціозному колыханію морскихъ иглъ. Эти движенія невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе зрителя—и долго съ любопытствомъ слѣдитъ онъ за беззаботнымъ движеніемъ куріозныхъ рыбокъ, хотя надо сознаться, что однообразныя движенія наконецъ утомляютъ наблюдателя и нагоняютъ дремоту. И наше вниманіе также утомилось, и мы должны были оторвать свой взглядъ отъ оригинальнаго воднаго ландшафта. Мы поспѣшили выйдти изъ тяжелой атмосферы акваріума на свѣжій воздухъ, чтобы вдоволь имъ надышаться и насладиться золотыми лучами свѣта.

Стихотворенія.

* * *

Почему иногда безотвѣтно
Сердце просится вонъ изъ груди?
Все минувшее вяло, безцвѣтно,
И отраднаго нѣтъ впереди.
Отчего, какъ бы сталію сжата,
Иль придавлена тяжкой плитой,
Вся душа почему-то объята
Непонятной и горькой тоской,
И прокравшись, печаль, незамѣтно,
Какъ змѣя шевелится въ груди?
Все минувшее вяло, безцвѣтно
И отраднаго нѣтъ впереди.

* * *

Когда, тревожимый мучительной тоскою,
Я какъ въ чаду какомъ-то нахожусь,
И не мирюсь тогда я самъ съ собою,
Съ другими же подавно не мирюсь.
Крещенскимъ холодомъ тогда мнѣ въ душу вѣетъ,
Съ крещенскимъ холодомъ я къ людямъ отношусь,
И чувствую тогда, что сердце каменѣетъ,
Что никуда я ровно не гожусь.
Что мѣста нѣтъ ни свѣту ни надеждѣ,
И чувство ужъ тогда въ ней не кипитъ, какъ прежде
И мысли не идутъ обычной чередой.
Тогда-то я сажусь, перо мое кусая,
Сажусь тогда писать, чтобъ душу облегчить,
Чтобъ ледяную грудь, стихами согрѣвая,
Всѣ чувства прежнія опять разшевелить.
И мой топорный стихъ, безъ правилъ и безъ мѣры,
Не обработанный, стихъ грубый и простой,
Опять роняетъ въ грудь лучъ прежней, теплой вѣры,
И прежній лучъ надежды забытой.

Кн. Щ—въ.

Михайловскій дворецъ въ Петербургѣ.

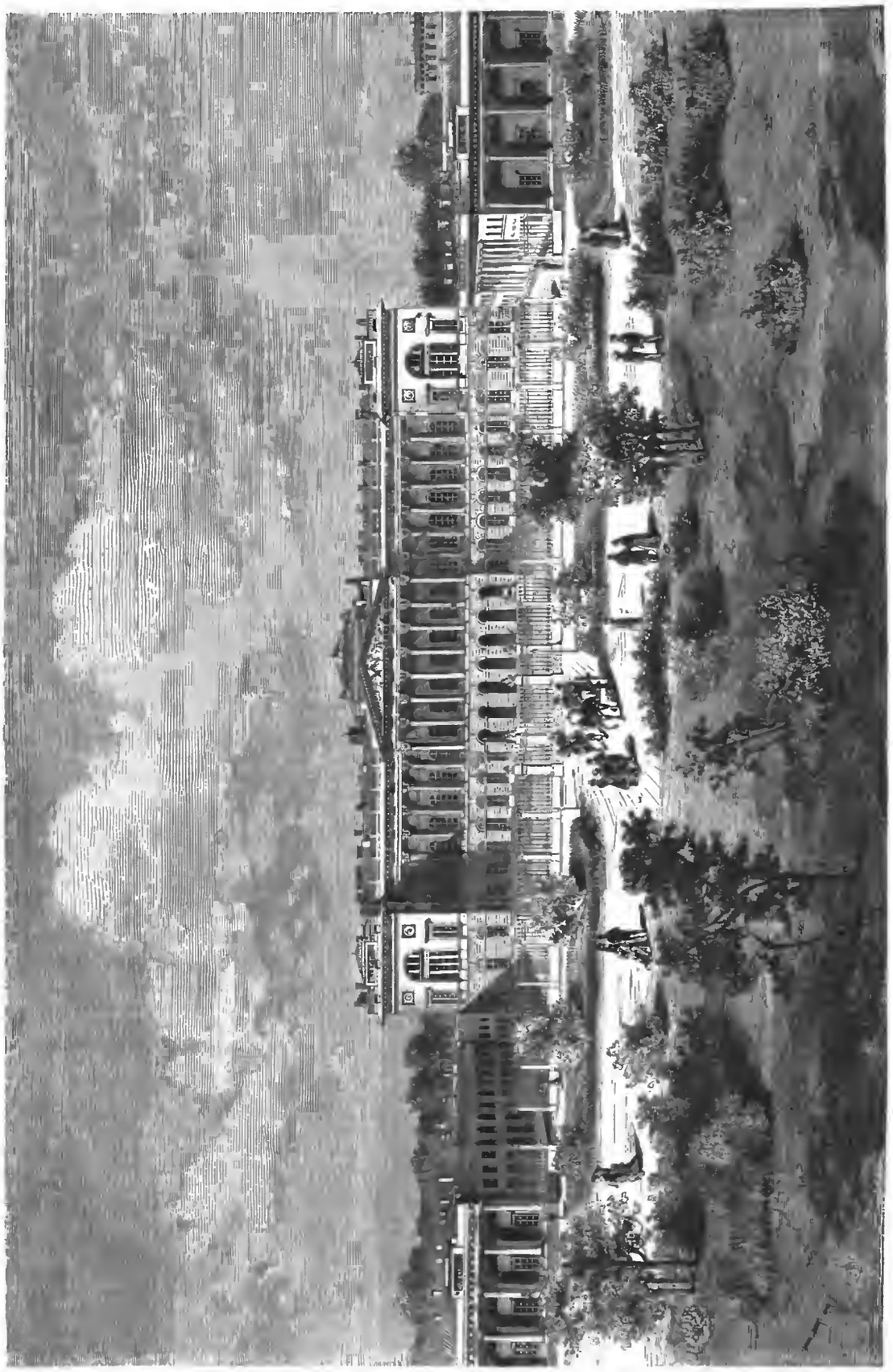
Мѣсто, на которомъ нынѣ стоитъ Михайловскій дворецъ, нѣкогда занято было прекраснымъ садомъ, принадлежавшимъ къ дворцу Императора Павла I, такъ-называемому Михайловскому замку, гдѣ нынѣ Инженерная Академія; Павелъ I желалъ устроить здѣсь и театръ, но предположеніе это не осуществилось.

Императоръ Александръ I, въ 1819 году, приказалъ выстроить на этомъ мѣстѣ дворецъ для Великаго Князя Михаила Павловича по плану архитектора Росси, съ огромнымъ роскошнымъ садомъ, обнесеннымъ чугунною рѣшоткою; по этому послѣднему недолго пришлось существовать, потому что вскорѣ стали проводить черезъ него Большую Садовую улицу, которая и раздѣлила его на двѣ части. Постройка дворца длилась 5 лѣтъ и по окончаніи ея онъ былъ подаренъ императоромъ великому князю. Это зданіе двумя главными фасадами выходитъ, однимъ—на Инженерную улицу, а другимъ на Михайловскую площадь. Архитектура его Тосканскаго стиля, колоннада Коринѳскаго ордена. По внѣшней красотѣ и богатству внутренняго убранства дворецъ этотъ составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній сѣверной столицы. У главнаго подъѣзда съ площади, по обѣимъ сторонамъ его, поставлены львиныя фигуры. Верхній этажъ украшенъ колоннами, увѣнчанными великолѣпнымъ куполомъ. Лѣстница производитъ величественное впечатлѣніе. Расположеніе и убранство покоевъ отличаются изящнымъ вкусомъ. Многія стѣны облицованы мраморомъ съ громадными зеркалами; потолки украшены живописью, карнизы лѣпною работою различныхъ рисунковъ. Особенно замѣчательна Бѣлая зала съ своими колоннами и превосходно-выполненными историческими картинами. Прочіе покои обиты матеріями и обоями Императорской фабрики въ Царскомъ селѣ. Двери—рѣзнаго дерева съ позолотою; паркеты розоваго и краснаго дерева.

Необыкновенно изящна столовая. Стѣны покрыты коврами, въ бѣлыхъ рамкахъ съ бронзовыми украшеніями; также роскошны портьеры и мебель, люстра и канделябры. Въ небольшой концертной залѣ замѣчателенъ мраморный бюстъ Бетховена, поддерживаемой тремя граціями. Маленькая бѣлая гостиная украшена портретомъ Великой Княгини Екатерины Михайловны и двумя громадными вазами, образующими канделябры. Большой красный кабинетъ, убранный съ необычайной роскошью, заключаетъ въ себѣ бюсты императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳеодоровны, портреты герцогини Елисаветы Нассауской и старшаго брата Великой Княгини Елены Павловны, нѣсколько картинъ итальянскихъ школъ и множество фарфоровыхъ вазъ и статуетокъ. Большая обѣденная зала поражаетъ превосходною живописью на плафонѣ. Изъ библіотеки, украшенной портретомъ Великаго Князя Михаила Павловича, выходятъ въ кабинетъ для чтенія, завѣшанный фотографіями крестьянъ Великой Княгини. Столъ его заваленъ русскими и иностранными періодическими изданіями. Чрезвычайно хороша также бальная зала подъ бѣлый мраморъ, на стѣнахъ ея историческія картины, столы изъ лапись-лазури. При дворцѣ есть небольшая часовня, а въ верхнемъ этажѣ великолѣпная церковь.

Дворъ главнаго фасада отдѣляется отъ Михайловской площади изящною чугунной рѣшеткой, а за дворцомъ раскидывается тѣнистый садъ, такъ-называемый Михайловскій сквэръ съ нѣсколькими прудами, мостиками и различными павильонами, выходящими на Марсово поле, отъ котораго садъ отдѣленъ узенькимъ каналомъ Мойки.

Библиотека "Руниверс"



Михайловскій дворецъ въ С.-Петербургѣ. Оригинальный рисунокъ Тейерзауфа, грав. Гальбергеръ.

Библиотека "Руниверс"

Бракъ по приказу.

Нѣкогда близь крѣпости Маріенбурга. въ Пруссіи, жилъ фермеръ, по фамиліи Рейвель. Онъ имѣлъ двухъ дочерей красавицъ, которыя собирались выйти замужъ за двухъ солдатъ, конечно каждая за своего. Женихи были родные братья, молодые, бравые ребята, какихъ любилъ Фридрихъ Великій. Ожидали только, когда полкъ, въ которомъ служили они, расположится въ окрестностяхъ крѣпости,—тогда и должна была состояться свадьба. Шарлотта, младшая сестра, однажды сидѣла прилежно занимаясь вязаньемъ и пасла стадо своего отца, какъ вдругъ какой-то пожилой господинъ, съ благородною, царственною осанкою, остановился возлѣ нея. У него была въ рукѣ трость, онъ былъ въ военной шляпѣ и ботфортахъ и въ длинномъ плащѣ, съ большимъ капюшономъ.

Молодая пастушка до того никогда не видывала этого господина, и появленіе его почему-то испугало ее. Взглянувъ на нее съ выразительною улыбкою, онъ обратился къ ней со словами:

«Какъ зовутъ тебя, моя красавица?»

«Шарлотта Рейвель, къ вашимъ услугамъ,» отвѣчала она.

« А! къ моимъ услугамъ! Ну хорошо, можетъ быть, ты мнѣ и пригодишься. Сколько тебѣ лѣтъ?»

«Объ Срѣтеніи будетъ 18.»

«Чѣмъ ты занимаешься?»

«Я пасу стада моихъ родителей, фермеровъ въ этой долинѣ.

«Ты не замужемъ?»

«Нѣтъ еще, ваша милость.»

«А есть у тебя приданое?»

«Не знаю.

«Ну хорошо, вотъ тебѣ на это кое-что, если ты готова къ моимъ услугамъ, какъ сейчасъ говорила, сказалъ онъ, отдавая ей кошелекъ съ 200-ми золотыхъ флориновъ.

Простой, скромной пастушкѣ показалось это до того страннымъ, что она пришла въ совершенное замѣшательство и приняла славнаго барина за колдуна; ей казалось, что золото его жгло ей руки. Тѣмъ временемъ, незнакомецъ, вынувъ изъ кармана записную книжку, написалъ на лоскуткѣ бумаги нѣсколько строчекъ и тщательно записку эту запечаталъ. Потомъ продолжалъ:

«Чтобъ получить эти 200 флориновъ, ты должна снести это въ фортъ Маріенбургъ. Когда покажешь только эту печать, то на всѣхъ постахъ тебя пропустятъ. Ты спросишь Маіора Келлера. коменданта и отдашь это письмо ему въ руки. Поняла ты, и обѣщаешь ли исполнить то, что я тебѣ сказалъ?»

Шарлоттѣ хотѣлось бы отвѣтить отрицательно, но ей труднѣе было отказаться чѣмъ согласиться, и потому не зная что отвѣтить, она молчала; а незнакомецъ, думая. что это молчаніе выражало согласіе, оставилъ у нее записку и кошелекъ.

Когда онъ скрылся изъ виду, испуганная дѣвушка побѣжала къ сестрѣ своей и разсказала ей объ случившемся.

Катерина была совершеннымъ контрастомъ своей скромной, робкой сестры. Она была бравая. самостоятельная и предпріимчивая дѣвушка, которая не остановилась-бы ни на чемъ, достигая своей цѣли. Къ тому же ничто ей такъ не нравилось какъ загадочность, и сама опасность имѣла въ глазахъ ея свою прелесть.

«Порученіе въ Маріенбургъ!» воскликнула она; «это Божье посланіе. Назови лучше добрымъ ангеломъ, а не демономъ того, кто принесъ его. Наши женихи, сержанты Альбертъ и Людвигъ Гостены послѣдніе три дня были на походѣ въ Маріенбургъ. Этимъ путемъ, мы можемъ получить вѣсти объ нихъ и даже, можетъ быть, сегодня-же увидать ихъ. Какой сюрпризъ это имъ будетъ, какая радость для насъ, ужъ ничего не говоря о двухъ стахъ золотыхъ флориновъ, которые не вездѣ валяются!»

Говоря это, она взяла кошелекъ—и оборачивая во всѣ стороны дорогое письмо, упрашивала Шарлотту, ради жениховъ ихъ, сейчасъ-же отправиться въ фортъ, а она покуда будетъ пасти стадо.

«Ни зачто на свѣтѣ! отвѣчала Шарлотта.—«У меня не хватитъ на это духа. Если хочешь идти за меня,» добавила она, «то я уступлю тебѣ эти 200 флориновъ.»

«Я согласна и на половину,» нисколько не призадумавшись, сказала Катерина, «такимъ образомъ, у насъ обѣихъ будетъ приданое, а кто знаетъ?—можетъ быть, завтра же, мы и обвѣнчаемся.»

Съ письмомъ въ рукѣ, Катерина достигла крѣпости, ворота которой были для нея открыты, благодаря загадочной печати. Ей очень льстило уваженіе, которое ей оказывалось и она стала думать, что вѣрно незнакомецъ былъ какою нибудь важною особою, и письмо заключало въ себѣ что нибудь важное. Нѣсколько разъ принималась она его разсматривать, томясь любопытствомъ узнать, что въ немъ было. Она пыталась разглядѣть что нибудь сквозь конвертъ, но это было тщетно. «Что если я неумышленно буду причиною какого нибудь государственнаго переворота, или революціи!» воскликнула она. «Да что мнѣ за дѣло до всѣхъ возможныхъ войнъ, или мира? Главная вещь, узнать: здѣсь-ли Людвигъ и Альбертъ!»

Комендантъ, суровый, старый воинъ, дожившій на службѣ королю и отечеству до сѣдыхъ волосъ, вышелъ чтобъ вывести ее изъ недоумѣнія. Окинувъ ее своимъ взглядомъ съ головы до ногъ, онъ сказалъ.

«Кажется кто-то изъ прекраснаго пола спрашиваетъ меня? Это ты, моя милая? Вотъ я; чего тебѣ отъ меня нужно?»

«Имѣю-ли я честь говорить съ Маіоромъ Келлеромъ, комендантомъ Маріенбурга?»

«Онъ самый.»

«Мнѣ нужно вручить вамъ это письмо, Маіоръ,» сказала Катерина.

«Кто тебѣ далъ его?» продолжалъ онъ.

«Какой-то незнакомый, проходившій съ часъ тому назадъ, у насъ по дорогѣ.

«Дай-ка я посмотрю,» сказалъ онъ, встрепенувшись, когда узналъ печать, и предъ тѣмъ чтобъ снять шляпу, взялъ подъ козырекъ.

Катерина изумилась видя что письмо, которое принесла она, равно какъ и сама она, доставившая его, были встрѣчены съ такимъ почетомъ.

Прочитавши письмо, Келлеръ вдругъ расхохотался, потомъ также внезапно опять принялъ важную мину и нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее въ лорнетъ.

«Хочешь ты быть маркитанткой?» рѣзко спросилъ Маіоръ.

«Маркитанткой? Это зависитъ отъ того, въ какомъ полку. Еслибъ это было, напримѣръ, въ третьемъ...

«Какое у тебя приданое? перервалъ онъ.

Катеринѣ показался страннымъ этотъ вопросъ—и въ недоумѣніи, что онъ будетъ говорить дальше, она отвѣчала: «Невелика сумма 200 флориновъ ...а письмо, которое я вамъ отдала.

»Ну, это приданое, какъ разъ по солдату.»

«Конечно, въ особенности по сержанту. Но вы не сказали мнѣ—5-тая рота третьяго полка...»

«Да, да,—ужъ это мы посмотримъ. Въ этой ротѣ отборные люди, ростомъ въ 5 футовъ и въ 6 дюймовъ; но мнѣ сомнительно, чтобъ твоя фигура... Позволь мнѣ, мадемоазель», сказалъ онъ, обнаживъ шпагу и мѣряя ее клинкомъ.

«Пять футовъ, по крайней мѣрѣ. Не дурно, не дурно!»

«Не хотите-ли вы завербовать меня въ королевскую армію, Маіоръ?» воскликнула она.

«Это уже сдѣлано. моя милая. Остается только мнѣ рѣшить, въ какую команду, и кажется, что ты попадешь въ гренадеры.»

«Въ гренадеры! Вотъ хорошо! Что же это такое? Вы шутите, г. комендантъ?»

«Шутить,—съ этимъ письмомъ? Погоди, секрета въ этомъ больше нѣту; прочти его сама.»

Катерина взяла письмо изъ рукъ Маіора Келлера и прочла слѣдующее:

«Приказъ Маіору Келлеру выбрать одного изъ молодцовъ полка, и женить его на дѣвушкѣ, которая доставитъ эту записку.

«Король Фридрихъ II.»

«Король! Это былъ король! Благое небо!»

«Самъ король. Развѣ ты не въ восторгѣ, что познакомилась съ нимъ?»

Катерина остолбенѣла, и вскричала:« Жениться на мнѣ! Нѣтъ, я никогда не соглашусь!»

«Твое согласіе!» отвѣчалъ Келлеръ, указывая ей на письмо; «объ этомъ ничего не упоминается въ этомъ приказѣ.

Сказавъ это, онъ позвонилъ въ колокольчикъ и сказалъ солдату, который явился по его требованію:

«Приказъ короля капеллану. Чрезъ полчаса исполнить обрядъ бракосочетанія».

«Черезъ полчаса! вскрикнула Катерина. «Это невозможно! Это возмутительное насиліе!»

«Если я сказалъ черезъ полчаса, такъ можетъ быть довольно и четверти. Довольно времени для того, чтобъ перемѣрить 8 или 10 гренадеровъ и выбрать изъ нихъ подходящаго», сказалъ онъ, опять перемѣряя Катерину глазами. «Около пяти футовъ и 4 или 5 дюймовъ. Славная фигура для контраста. Мадемоазель», продолжалъ онъ салютуя по военному, «чрезъ нѣсколько минутъ я буду къ вашимъ услугамъ».

Спустя немного времени. Келлеръ возвратился, держа въ рукахъ бумагу.

«Я пріискалъ тебѣ мужа,» сказалъ онъ: «и ты должна подписать брачный контрактъ съ нимъ, для капеллана, такъ какъ законъ требуетъ обоюднаго согласія жениха и невѣсты.»

Катерина, оправившись послѣ перваго удара, воскликнула:

«Согласія! А! теперь понимаю васъ наконецъ. Эту бумагу надо подписать, не такъ-ли? Вамъ нужно мое имя? Ну, такъ хорошо же, Маіоръ, я скорѣе позволю изрѣзать себя на кусочки, чѣмъ подпишу эту бумагу! прибавила она, обличая позою своею рѣшимость.

«Въ самомъ дѣлѣ, ты будешь славнымъ гренадеромъ,» сказалъ онъ, потомъ онъ прочелъ слѣдующее брачное обязательство: — «Я нижеподписавшаяся (ты означишь свое имя) и сержантъ Гостенъ 3-го гренадернаго полка...

Библиотека "Руниверс"

Услышавши фамилію Гостенъ, Катерина измѣнилась въ лицѣ.

«Неужели это Людвигъ! подумала она: въ такомъ случаѣ, фортуна дѣйствительно мнѣ благопріятствуетъ.»

Маіоръ продолжалъ читать:—«обѣщаемъ другъ другу быть однимъ мужемъ, а другая женою. Маріенбургъ 15-го Марта, 1780-го года. Вотъ, мадемоазель, ты видишь, дѣло не долгое. Подпишешь ты бумагу? Да, или нѣтъ? Нѣтъ, ты сказала? Ну, такъ мы должны принять строгія мѣры,» сказалъ онъ, готовясь взяться за колокольчикъ.

Катерина остановила его словами: «прошу прощенія, Маіоръ, я не совсѣмъ поняла васъ. Скажите, пожалуйста, какъ зовутъ моего жениха?

«Сержантъ Гостенъ,» отвѣтилъ Маіоръ Келлеръ.

«Возможно-ли?»

«Почему-же нѣтъ? Успокойся. Онъ бравый и хоровъ собою, пяти футовъ и пяти дюймовъ съ половиною, по крайней мѣрѣ, ростомъ.»

Катерина едва вѣрила своимъ ушамъ, относя случайность эту къ промыслу Божьему; печаль, которая за нѣсколько минутъ до того овладѣла ею, внезапно перевила въ порывъ восторга.

«Ну, ты все еще не соглашаешься?» сказалъ Маіоръ.

«Соглашаюсь, Маіоръ, и готова подписаться. Да здравствуетъ король Фридрихъ!»

«Всему свое время. Я былъ въ этомъ увѣренъ; вѣдь я знаю женщинъ.

Вышедши изъ комнаты, Келлеръ позвалъ сержанта Гостена.

Альбертъ (это было его имя) вошелъ, салютуя. Увидѣвъ дѣвушку, онъ вскрикнулъ:—«Катерина! сестра моей невѣсты! Вотъ нежданая радость!»

«Альбертъ женихъ моей сестры! Ахъ! какая жестокая ошибка!» вырвалось изъ устъ Катерины, и счастливыя мечты ея еще разъ рушились.

«Г. комендантъ, что прикажите?»

«Вотъ что, сержантъ Гостенъ. Во имя короля, приказывается тебѣ жениться на этой дѣвушкѣ. При словахъ: «во имя короля», Альбертъ взялъ ружье на плечо; но выслушавъ послѣднія слова, выронилъ его и стоялъ какъ окаменѣлый.

«Понялъ ты?»

«Понялъ, г. комендантъ,» сказалъ Альбертъ машинально.

«Четверть часа дается вамъ познакомиться другъ съ другомъ и подписать брачное обязательство.»

«Извините, простите, Маіоръ,» вскричалъ Альбертъ. «Конечно приказаніе Его Величества должно быть мною... но вы понимаете, что въ четверть часа...

«Что за чушь ты городишь?» спросилъ Маіоръ, прервавъ его.

«Нѣтъ, Маіоръ, нѣтъ! Но внезапность... надо приготовиться. Не успѣлъ прибыть въ гарнизонъ, какъ сейчасъ и жениться! Это все равно, какъ еслибъ пушка выстрѣлила прежде, чѣмъ коснулся-бы затравки фитиль. Да кромѣ того, какое право имѣю я на руку мадемоазели?»

«Пять футовъ и почти шесть дюймовъ. Она этимъ довольна. Посмотри на нее, и бери примѣръ.»

«Какъ! развѣ мадемоазель согласна за меня выйти?«

«Она ничего лучшаго не проситъ.»

«Это значитъ, Маіоръ», вставила Катерина: «позвольте мнѣ»...

«Ты произнесла: «да здравствуетъ король»! и сейчасъ же согласилась подписать», прервалъ Маіоръ.

«Я ошиблась, г. комендантъ», отвѣчала она. «Я думала, что это Людвигъ Гостенъ, мой женихъ, а это Альбертъ Гостенъ, братъ его, который помолвленъ съ моей сестрой. Вы ввели меня въ заблужденіе, сказавъ, что Альбертъ въ 5-й ротѣ».

«Мѣсяцъ тому назадъ я и былъ въ ней», отвѣчалъ Альбертъ. «Но я помѣнялся съ моимъ братомъ. Видите, г. Маіоръ, отъ этого и произошла ошибка».

«Э, хе, хе! Кончайте всѣ эти сказки. Королевское письмо,—вотъ все, что я знаю», воскликнулъ онъ, снова перечитывая письмо. «Приказъ Маіору Келлеру выбрать изъ гарнизона солдата и тотчасъ-же женить его на дѣвушкѣ, которая доставитъ ему эту записку.» Ничего тутъ не говорится ни объ сестрѣ, ни объ братѣ, ни о любовникахъ Ты, моя любезная, принесла эту записку, а тебя, сержантъ, я выбралъ. Вы будете обвѣнчаны. Вотъ мое приказаніе. Пять минутъ уже прошли», сказалъ онъ вынимая часы: «теперь вамъ остаются только 10. Кончайте дѣло; оставляю васъ однихъ, до моего возвращенія».

«Одна минута, г. Маіоръ, и вы все узнаете», сказала Катерина, удерживая его. «Король далъ эту записку не мнѣ, Катеринѣ Рейвель, а сестрѣ моей Шарлоттѣ, которую онъ встрѣтилъ по дорогѣ. Шарлотта робѣла идти въ Маріенбургъ, такъ вмѣсто нея, пришла я. По этому, сестрѣ моей приходится выходить за Альберта, и если вы жените его на мнѣ, то ослушаетесь короля».

«Такъ,—еслибъ это была правда», сказалъ Келлеръ, въ раздумьѣ.

«По приказу Его Величества, я долженъ жениться на Шарлоттѣ», сказалъ Альбертъ.

«Если вы мнѣ не вѣрите», продолжала Катерина, «такъ приведите сюда Шарлотту; она подтвердитъ все то, что я сказала».

«Пошлите за Шарлоттою», умолялъ Альбертъ.

«Тише! и подписывайтесь. Я скоро возвращусь», сказалъ Маіоръ Келлеръ, выходя изъ комнаты.

Нѣсколько времени, Катерина и Альбертъ молчали.

«Какъ вырваться намъ изъ этой напасти? спросила, наконецъ, Катерина.

«Я скорѣе взорвалъ-бы Маріенбургъ, чѣмъ женился-бы на тебѣ», неистово вскричалъ Альбертъ.

«А я скорѣе позволила-бы зарыть себя въ землю, чѣмъ вышла-бы за тебя!» въ слезахъ воскликнула Катерина.

«Бѣдная Шарлотта!» сказалъ Альбертъ. «Когда родители наши обручали насъ, кто подумалъ-бы, что такое несчастіе насъ разлучитъ?»

«И разлучить въ эту минуту, когда мы были такъ близки къ союзу!»

«Но этого еще не случилось! Это невозможно, если мы оба не подпишемъ.»

«Знаешь, чего боюсь я, Альбертъ? Что они обойдутся безъ нашихъ подписей и обвѣнчаютъ насъ противъ нашей воли!»

«Противъ воли!» вскричалъ Альбертъ, въ порывѣ гнѣва.

«Я скорѣе вырвалъ-бы всѣ волосы изъ головы твоей, добрая моя Катерина. Это самое малое, чтобы я могъ принести въ домъ моей Шарлоттѣ».

«А я скорѣе выцарапала-бы тебѣ глаза, дорогой мой Альбертъ», въ экстазѣ и съ отчаянія вскрикнула Катерина. «Людвигъ можетъ ожидать отъ меня этого».

Въ эту минуту вошелъ Маіоръ Келлеръ, въ сопровожденіи двухъ солдатъ. Альбертъ и Катерина, въ ту же минуту отойдя другъ отъ друга, въ недоумѣніи смотрѣла на него.

«Всему свое время», воскликнулъ Маіоръ. «Наконецъ-то вы сошлись. Того я и ожидалъ. О! я знаю прекрасный полъ». Потомъ, обращаясь къ Альберту, онъ потихоньку сказалъ: «На случай какой нибудь нерѣшимости съ твоей стороны, мой красавецъ, я привелъ сюда изъ резерва двухъ твоихъ товарищей, которымъ велѣно отвести тебя въ военный судъ, если ты не подпишешься при четвертомъ барабанномъ боѣ. Вотъ это первый,» добавилъ онъ, когда послышался барабанъ. Альбертъ вздрогнулъ при этихъ звукахъ. «Вѣдь ты знаешь, дисциплину», продолжалъ Маіоръ: «ослушаніе короля,—смертная казнь,—немедленное разстрѣляніе! Пойдемъ, сержантъ», сказалъ онъ, указывая на столъ, «бери перо. Теперь, да здравствуютъ женихъ и невѣста!»

Катерина, внезапно ободрившись, воскликнула: «Онъ не подпишетъ, г. Маіоръ; онъ не хочетъ подписать, и я также! Онъ ненавидитъ меня, и я его терпѣть не могу! Спросите его, если это не такъ».

Келлеръ былъ совершенно озадаченъ, какъ поступить ему при такой внезапной перемѣнѣ, и сказалъ обращаясь къ Альберту: «Что же это, невѣста твоя шутитъ что-ли?»

Альбертъ робко отвѣчалъ «Но она не невѣста моя, г. комендантъ; Шарлотта, сестра ея, моя невѣста».

«Все та же исторія! Больше я ждать не буду, сказалъ Келлеръ, и обращаясь къ солдатамъ «Впередъ,—на плечо, на караулъ. Вы знаете приказъ, и этого довольно». Оба по командѣ встали по обѣимъ сторонамъ Альберта. Тогда Маіоръ вполголоса сказалъ послѣднему: «Ну, теперь любезный, я, сколько съумѣю, помогу своимъ знаніемъ прелестнаго пола; а барабаны будутъ вмѣсто серенады. Если при второмъ боѣ, ты не будешь у ногъ своей суженой, при третьемъ она не протянетъ тебѣ руки, а при четвертомъ вы оба не подпишетесь, то это будетъ доказательствомъ, что ты скорѣе согласенъ сочетаться съ двумя десятками пуль, и они залпомъ въ тебя влѣпятся».

При этихъ словахъ, Альбертъ невольно задрожалъ. «20 пуль», думалъ онъ, «и онъ сдержитъ свое обѣщаніе. О Небо!

«Ни слова дѣвушкѣ», продолжалъ все вполголоса Келлеръ. «Уваженіе къ нѣжнымъ чувствамъ прелестнаго пола! Я хочу ея добровольнаго согласія». Сказавши это, Келлеръ закрутилъ усы и вставъ предъ молодыми людьми, взялъ газету и началъ читать.

Послѣ короткаго промежутка опять ударили въ барабаны и Маіоръ сказалъ: «Сержантъ Альбертъ Гостенъ, что ты чувствуешь къ Катеринѣ Рейвель, которую Его Величество назначилъ тебѣ въ жёны?»

«Теперь пора», сказала потихоньку Катерина: «онъ смягчился, скажи, что я навожу на тебя ужасъ».

«Ну хорошо», наконецъ выговорилъ онъ; «Катерина наводитъ на меня... Когда онъ произнесъ это, въ барабаны ударили въ второй разъ. Онъ вдругъ остановился и, когда бой дѣлался все громче и громче, онъ палъ передъ нею на колѣни, восклицая: «Я люблю тебя, Катерина; люблю всѣмъ сердцемъ! Я обожаю ее, обожаю, г. комендантъ!» Обращаясь къ Катеринѣ, которая была въ недоразумѣніи, онъ сказалъ вполголоса. «Ненавижу тебя, но не бойся; только не противорѣчь мнѣ, а не то—я пропалъ».

«Очень хорошо!» воскликнулъ Келлеръ при 3-мъ барабанномъ боѣ, слѣдя за Альбертомъ, когда ему приходилось цѣловать руку Катерины. «Сержантъ Альбертъ Гостенъ, отвѣчаетъ-ли тебѣ Катерина своими чувствами?»

Тутъ опять загремѣли барабаны. «Не такъ-ли, добрая моя Катерина?» Потомъ потихоньку сказалъ ей: «Это для Людвига! Онъ пропалъ, если ты не дашь мнѣ руки».

Катерина совершенно растерялась отъ этихъ словъ; только одно это, могло поколебать ея рѣшеніе. Еслибъ Людвигу угрожала опасность, она рѣшилась-бы на все, для спасенія его. Она молчала. Барабанный бой замолкалъ.

Библиотека "Руниверс"

«Для Людвига!» повторилъ Альбертъ съ выразительностію, и бѣдная Катерина не могла долѣе противиться и дала руку Альберту.

Барабаны смолкли.

«Видите, Маіоръ», торжественно вскричалъ Альбертъ, «она даетъ мнѣ руку!»

«Тѣмъ лучше! Теперь сержантъ Гостенъ и ты, молодая Катерина Рейвель, вамъ остается только подписать договоръ, который лежитъ тутъ на столѣ».

При этихъ словахъ, они со смущеніемъ оглянулись другъ на друга, такъ какъ знали, что если подпишутся, то отступить будетъ уже невозможно.

«Ты первый, сержантъ».

«Да, Маіоръ, конечно; я начинаю»... Потомъ услыхавъ барабаны, онъ задрожалъ и подошелъ къ столу. Онъ былъ въ раздумьѣ, но въ барабаны били; онъ схватилъ перо, потомъ бросилъ его и въ большомъ замѣшательствѣ, потиралъ себѣ лобъ. Барабанный бой продолжался. «Разстрѣлянъ! разстрѣлянъ!» подумалъ онъ, торопливо поднимая перо и готовясь подписать.

Катерина, которая внимательно слѣдила за всѣми его движеніями, схватила его за руку: «О! этого ты не сдѣлаешь, Альбертъ!»

«Нѣтъ, никогда! вскричалъ Альбертъ, ободрившись: «скорѣе умру!«

За тѣмъ послѣдовала пауза, въ которую послѣдній бой барабановъ становился все слабѣе и слабѣе, и наконецъ замолкъ. Келлеръ, который внимательно слѣдилъ за этою сценою, медленно поднимаясь, сказалъ:

«Ты не подписываешь?»

«Нѣтъ, сударь», отвѣчала Катерина рѣшительно. «Я не выйду ни за кого на свѣтѣ, если не за Людвига!»

«Нѣтъ, г. Маіоръ,» протрезвонилъ Альбертъ, на тотъ-же ладъ. «Я буду поджидать Шарлотту на томъ свѣтѣ!»

«Ну такъ исполняйте приказаніе», закричалъ Келлеръ двумъ солдатамъ. «Арестуйте сержанта. Маршъ впередъ! Въ военный судъ, для немедленной конфирмаціи и разстрѣлянія, какъ ослушника королевскому повелѣнію!»

«Альбертъ!» вскричала Катерина.

«Прощай, Катерина!» отвѣчалъ Альбертъ, сдавая солдатамъ свое оружіе и готовясь слѣдовать за ними. «Будь счастлива съ Людвигомъ и скажи Шарлоттѣ, что я умираю за нее». При этихъ словахъ, Катерина въ глубокомъ горѣ опустилась на стулъ. Но въ эту самую минуту, когда солдаты готовились выйти съ Альбертомъ, барабанный бой опять раздался и послышались крики «Къ ружью! къ ружью!»

«Это что? вскричалъ Келлеръ съ удивленіемъ.

Нѣсколько солдатъ изъ королевскаго конвоя вошли тутъ въ комнату и между ними Людвигъ. За ними шелъ офицеръ, который возвѣстилъ: «Его Величество, король!»

Глаза Катерины внезапно остановились на Людвигѣ.

«Людвигъ здѣсь!» закричала она. «Какой благой Ангелъ прислалъ тебя сюда?»

«Рота моя вступила въ фортъ въ одно время съ ротою Его Величества; а Шарлотта...

«Шарлотта съ королемъ! воскликнулъ Альбертъ, едва вѣря своимъ глазомъ.

«Да, Шарлотта» сказалъ король, приближаясь и держа трепетную руку дѣвушки.

Келлеръ преклонилъ было колѣно, но сейчасъ-же былъ остановленъ королемъ, который сказалъ: «Никакой церемоніи, Маіоръ, я здѣсь *инкогнито*. Я привелъ Шарлотту Рейвель, чтобъ обличить ее въ маленькомъ ослушаніи повелѣнію Его Величества».

«Какимъ это образомъ, сиръ?»

«Около часа тому назадъ, я прохаживался по полю, какъ простой смертный, какъ вдругъ встрѣчаю эту богиню граціи, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ своему имени Шарлотты. Я вздумалъ, что если она выйдетъ за мужъ за красавца солдата, то будетъ чудная пара. Вѣдь вы знаете, это мой конёкъ. По этому я вручилъ ей письмо къ вамъ, Маіоръ, въ которомъ безъ вѣдома ея поручилъ вамъ выбрать для нея подходящаго жениха».

«Сиръ, я получилъ письмо, но мнѣ принесла его вотъ эта молодая дѣвушка», сказалъ онъ указывая на Катерину.

«А! а! Катерина, сестра моей посланной, та, которая рѣшилась заступить ея мѣсто. Другая ослушница».

«Я не знала, сиръ, что имѣла честь нести повелѣніе отъ Вашего Величества», сказала Катерина.

«А еслибъ знала, тогда что сдѣлала-бы?»

«Ну, чтобъ сказать правду, я бы не понесла его».

«Я нашла бы кого нибудь другого, брата моего, напримѣръ, или внучатную тетку, которой 66 лѣтъ. Вотъ тогда посмотрѣлибы, какъ-бы нашелъ Маіоръ красиваго солдата, чтобъ женить его на ней!»

«Молодецъ и умница, какъ я слышалъ, и такая-же хорошенькая, какъ и сестра!» воскликнулъ Фридрихъ, цѣлуя ея въ лобъ. «Короли имѣютъ одинаковую привилегію со старыми людьми», продолжалъ онъ. «Представьте мое удивленіе, Маіоръ, когда съ полчаса тому назадъ, проходя по тому мѣсту, гдѣ я встрѣтилъ Шарлотту, я засталъ эту дѣвочку преспокойно пасущею свое стадо, тогда какъ я считалъ ее уже обвѣнчанною съ гренадеромъ въ Маріенбургѣ. Она мнѣ все разсказала, просила моего прощенія», сказалъ онъ улыбаясь. «Но я сердитъ, остался неумолимъ и привелъ преступницу въ фортъ, гдѣ хочу, чтобъ приказаніе мое исполнилось законнымъ порядкомъ».

«Сжальтесь, сиръ,» умоляла Шарлотта, глядя на Людвига; «рука моя не свободна, потому что я уже обручена. Заклинаю васъ отдать сестру мою вмѣсто меня».

«Все съ сестрой! Да вѣрно уже слишкомъ поздно. Я думаю, вы уже обвѣнчали Катерину, Маіоръ, такъ какъ я приказалъ».

«Почти такъ, сиръ. Я смѣрилъ мадемоазель; свыше 5 футовъ. Я перемѣрилъ и моихъ солдатъ и выбралъ одного въ 5 футовъ и 6 дюймовъ, сержанта Гостена. Вотъ онъ» сказалъ онъ указывая на Альберта. «Но мнѣ пришлось имѣть дѣло съ двумя упрямцами. Дѣвушка не соглашалась, а сержантъ заминался; короче, я только что угрожалъ ему военнымъ судомъ и разстрѣляніемъ, когда Ваше Величество...

«Разстрѣляніемъ!» воскликнулъ Король. «О, Маіоръ! это ужъ черезъ чуръ по военному».

«Ружья еще не заряжены, сиръ», отвѣчалъ Маіоръ улыбаясь, «это была только шутка съ моей стороны. Я знаю прекрасный полъ!»

«А почему, мадемоазель Катерина Рейвель», продолжалъ король, «ты не хочешь выйти за сержанта Альберта Гостена?»

«Потому что я обручена съ сержантомъ Людвигомъ Гостеномъ», отвѣчала она смѣло.

«Эту пѣсню она поетъ цѣлый часъ, и я не вѣрилъ ей», сказалъ Маіоръ. «Письмо В. Величества принесено мнѣ было съ повелѣніемъ обвѣнчать ту, которая принесетъ. Его принесла Катерина. Я отъ этого не отступалъ и буквально хотѣлъ исполнить повелѣніе. Катерина и будетъ обвѣнчана съ Альбертомъ, если только Ваше Величество не отмѣните приказанія».

«О, сиръ! отмѣните приказаніе!» на колѣняхъ умоляла Шарлотта.

«Сиръ, ради самаго Неба, отмѣните приказаніе!» умоляли Людвигъ и Альбертъ, стоя передъ королемъ на колѣняхъ.

«Какъ же это ты не участвуешь въ просьбахъ, Катерина?» спросилъ король.

«Потому что будетъ-ли отмѣна приказанія, или нѣтъ, я не выйду ни за кого болѣе, какъ за моего жениха, Людвига».

«Прелестно, прелестно!» вскричалъ король со смѣхомъ. Потомъ обращаясь ко всѣмъ троимъ, стоявшимъ передъ нимъ на колѣняхъ: «Встаньте, дѣти мои. Альбертъ и Шарлотта, станьте здѣсь», сказалъ онъ, указывая на правую сторону. Когда они исполнили это приказаніе, онъ прибавилъ: «Людвигъ и Катерина, вы становитесь здѣсь», указывая на лѣво. Они повиновались. «Оба брата—славные гренадеры», сказалъ онъ улыбаясь; «обѣ сестры—прелестныя дѣвицы. Теперь, Маіоръ Келлеръ, перемѣряйте эти обѣ пары».

Келлеръ съ важностію обнажилъ шпагу и приступилъ къ перемѣру молодыхъ людей. 5 футовъ 6 дюймовъ противу 5 футовъ и 1½ дюйма, и 5 футовъ 5 дюймовъ съ половиною противъ 5 футовъ и двухъ дюймовъ».

«Что вы думаете объ этой мѣрѣ?» спросилъ король.

«Обѣ пары не дурны; но Альбертъ болѣе подходилъ-бы къ Катеринѣ», отвѣчалъ Маіоръ.

«Ба! Изъ за полдюйма-то! воскликнулъ король». Да кромѣ того, Катерина и Людвигъ могутъ еще подрости. Рѣшено, я отмѣняю приказаніе и вмѣсто одной, устрою двѣ свадьбы: конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ, прибавляю 200 золотыхъ флориновъ къ тѣмъ, которые уже далъ.

«О, сиръ, какъ благодарить намъ васъ? разомъ вскричали всѣ четверо.

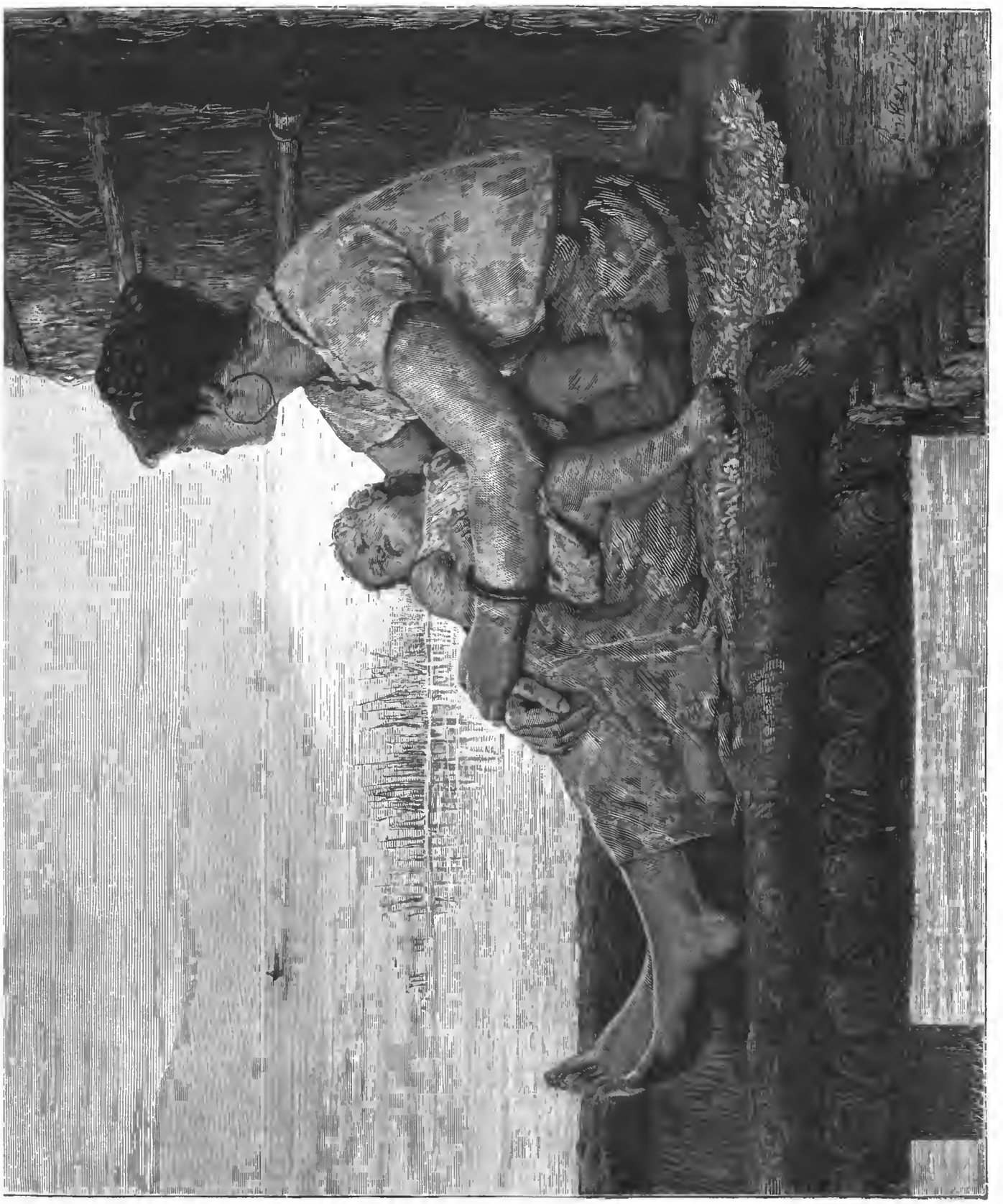
Обѣ пары были обвѣнчаны—и такимъ образомъ туча, на нѣсколько минутъ неожиданно омрачавшая ихъ свѣтлыя надежды, разошлась также скоро, чтобы тѣмъ ярче освѣтить зарю ихъ счастія.

Свайныя постройки.

Въ «Нивѣ» 1871 года мы представили читателямъ цѣльную картину жизни въ ту отдаленную, доисторическую эпоху, которая извѣстна подъ названіемъ *періода свайныхъ построекъ*; въ этимъ популярномъ разсказѣ мы избѣгали собственно научныхъ подробностей, которыя тѣмъ не менѣе далеко не лишены интереса. Попытаемся теперь восполнить этотъ пробѣлъ, ознакомивъ читателей съ исторіей открытія свайныхъ селеній и развитіемъ ученія объ этихъ первозданныхъ памятникахъ человѣческой архитектуры.

Швейцарскимъ рыбакамъ издавна уже извѣстно было, что на днѣ большей части тамошнихъ озеръ попадаются многочисленныя сваи, о которыя нерѣдко рвутся невода и сѣти. Объяснить

Библиотека "Руниверс"



Библиотека "Руниверс"

происхожденіе этихъ свай—изъ мѣстныхъ жителей не могъ ни одинъ старожилъ, а въ болѣе интеллегентный слой общества едва доходили смутные слухи о такихъ находкахъ. Время отъ времени, при пониженіяхъ уровня водъ, въ прибрежномъ илѣ озеръ выкапывались громадные оленьи рога и странной формы сосуды; лѣтъ 30 тому назадъ нѣкоторые изъ нихъ были даже отосланы въ Бернскій музей—но тѣмъ дѣло и кончилось.

Зимою 1853—54 года уровень водъ Цюрихскаго озера понизился до небывалой степени; близь Стефы изъ воды выступилъ камень, на которомъ начертана была дата 1674 года. Вода отступила отъ береговъ на далекое разстояніе, такъ что илистое дно, усѣянное голышами, обнажилось широкой полосой. Мѣстные жители воспользовались этимъ благопріятнымъ случаемъ оттягать у озера клочокъ плодоносной почвы. На чертѣ воды возводили стѣны, а для уравненія ихъ съ берегомъ употребляли тотъ же илъ, который такъ легко добывался по ту сторону стѣны.

При возведеніи подобной набережной, въ небольшомъ заливѣ между Обермейленомъ и Долликономъ, рабочіе снова наткнулись на знакомыя сваи, которыя однако были такъ ветхи и гнилы, что мягкостью превосходили самый илъ. Тутъ же оказалось множество оленьихъ роговъ и различной утвари, повидимому способныхъ повести къ интереснымъ заключеніямъ относительно быта древнѣйшихъ обитателей этого уголка земли. Обермейленскій учитель, Эппли, собралъ найденные предметы и отослалъ ихъ въ Цюрихское общество любителей отечественной исторіи и древностей. Д-ръ Фердинандъ Келлеръ, солидный ученый, съ большимъ рвеніемъ предался изслѣдованіямъ находокъ—и ему-то обязаны мы открытіемъ совершенно новаго, дотолѣ невѣдомаго міра—міра свайныхъ построекъ. Возбужденный имъ интересъ породилъ охоту къ дальнѣйшимъ изысканіямъ на швейцарскихъ озерахъ; благодаря трудамъ археологовъ, на свѣтъ Божій выступила цѣлая масса драгоцѣннѣйшихъ для науки сокровищъ древности—и такимъ образомъ освѣтила жизнь и бытъ обитателей Швейцаріи въ такія отдаленныя времена, о которыхъ исторія совершенно умалчиваетъ.

Обермейленскіе рабочіе, приподнявъ верхній слой ила до 50 центиметровъ толщины, встрѣтили другой слой въ 75 центиметровъ изъ песчанистой глины, которая, вслѣдствіе массы гніющихъ органическихъ веществъ, окрасилась въ черный цвѣтъ. Въ этомъ слою обнаружились вершины свай, а также и различная утварь, ознакомившая насъ съ культурою давно-прошедшихъ временъ, почему и слой этотъ получилъ названіе *культурнаго*. Только въ немъ и попадаются остатки первобытной жизни обитателей этой страны, почему и заключаютъ, что этотъ слой осаждался во все время періода свайныхъ построекъ, погребая въ себѣ отбросы всякаго рода. Лежащій же надъ нимъ слой принадлежитъ эпохѣ, послѣдовавшей за разрушеніемъ этихъ поселеній. Подъ культурнымъ слоемъ залегаетъ древнѣйшее дно озера. Эти отношенія слоевъ прямо указываютъ на то, что постройки возникали на самомъ озерѣ, а не затоплены были впослѣдствіи внезапнымъ поднятіемъ уровня водъ.

Сваи (12 центиметровъ въ поперечникѣ) рѣдко дѣлались изъ цѣльныхъ древесныхъ стволовъ (дуба, бука, березы и сосны), большею частію изъ расколотыхъ на трое и на четверо; длиною, смотря по свойствамъ озернаго дна, были онѣ отъ 2—4 метровъ и болѣе. Нижніе концы ихъ или обжигались на огнѣ, или заострялись топоромъ—и не металлическимъ, а непремѣнно каменнымъ, на что указываетъ вогнутость стесанныхъ поверхностей, тогда какъ металлическій топоръ стесываетъ по прямой линіи. Эти каменные топоры, такъ-называемые *цельты*, попадаются сотнями на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ метровъ—и притомъ нерѣдко оказываются изъ такихъ горныхъ породъ, которыя не встрѣчаются въ Швейцаріи, а только въ южной Франціи, что какъ бы указываетъ на торговыя сношенія съ иностранцами. Большая же часть топоровъ приготовлялась на мѣстѣ, чему служитъ доказательствомъ находка нѣсколькихъ недоконченныхъ экземпляровъ многочисленные осколки и наконецъ каменныя плиты служившія для полировки этихъ издѣлій. Каменный топоръ служилъ главнымъ и необходимѣйшимъ орудіемъ въ тѣ отдаленныя времена. Имъ поражали враговъ, убивали звѣрей, снимали шкуры, разсѣкали мясо, рубили лѣсъ, выдѣлывали утварь изъ оленьяго рога и дерева.

Кромѣ того встрѣчаются въ свайныхъ постройкахъ орудія изъ кремня: наконечники копій и стрѣлъ, пилы, ножи. Матеріалъ этотъ опять таки привозился изъ Франціи, но изготовлялись орудія уже на мѣстѣ, на что указываютъ находимые осколки.

На ряду съ каменными орудіями встрѣчаются костяныя и изъ оленьяго рога, рукоятки для топоровъ, молотки, инструменты для выдѣлки гончарныхъ издѣлій, швейныя иглы, шпильки, булавки. Кабаньи клыки оттачивались и также шли въ дѣло—при разрѣзаніи шкуръ. Медвѣжьи зубы, заостренные у корня и просверленные съ противоположной стороны, употреблялись на плетеніе неводовъ и прочихъ рыболовныхъ сѣтей.

Изъ предметовъ домашняго обихода обращаютъ на себя вниманіе: очажныя плиты изъ песчаника, явственно обожженыя огнемъ, мѣстами покрытыя сажей; круглые голыши для разминанія хлѣбныхъ зеренъ на песчаниковой плитѣ съ круглой выемкой (оба камня такимъ образомъ составляли ручную мельницу). Глиняная посуда попадается во множествѣ; правда—это не цѣлые сосуды, но черепки настолько велики, что можно безошибочно судить о формѣ цѣлаго, которая поразительно разнообразна. Горшки испещрены оттисками пальцевъ, что явно указываетъ на производство отъ руки, а слѣдовательно и на то, что горшечный кругъ не былъ еще изобрѣтенъ. Оттиски эти расположены правильными рядами въ видѣ украшеній. Маленькіе размѣры оттисковъ свидѣтельствуютъ о томъ, что эти работы исполнялись женщинами.

Различныя ткацкія и кожевенныя издѣлія, а также продукты земледѣлія и скотоводства указываютъ уже на значительную степень культуры. Изъ лыка плелись цыновки и корзины. Канаты, бичева и веревки приготовлялись изъ лыка, пеньки и льна. Изъ послѣдняго же плели сѣти для ловли рыбъ и звѣрей, а также грубыя полотна для одежды, которыя ткались на станкѣ чрезвычайно простаго устройства. Что касается хлѣбныхъ растеній той эпохи, то главнѣйшими изъ нихъ были: мелкозернистая свайная пшеница (Triticum vulgare antiquorum), крупный шестиостный ячмень (Hordeum hexastichum densum), мелкозернистый ячмень (Hordeum sanctum), египетская пшеница (Triticum turgidum), просо (panicum miliaceum) и проч.

Земледѣльческія орудія были чрезвычайно просты: кривой древесныи сукъ, плоская кость (лопатка или тазъ) или оленьи рога—вотъ и все. Поле обрабатывалось только весною, озимыхъ посѣвовъ не дѣлали, быть можетъ по трудности предохранить всходы отъ суровой зимы. Хлѣбъ пекли только изъ пшеницы и проса, причемъ тѣсто приготовлялось не изъ муки, а прямо изъ зеренъ, размятыхъ на вышеупомянутой ручной мельницѣ. Хлѣбъ получался плотный, малоноздреватый. Питьемъ служилъ сидръ яблочный (изъ кислицъ) и грушевый. Употребительнѣйшія овощи: пастернакъ, морковь, горохъ и чечевица. Найденные въ культурномъ слоѣ свайныхъ построекъ остатки позвоночныхъ животныхъ ограничиваются 66 родами, изъ которыхъ 3 гада, 10 рыбъ, 17 птицъ и остальные—звѣри. Въ числѣ послѣднихъ 8 родовъ домашнихъ животныхъ: собака, свинья, лошадь, оселъ, коза, овца и двѣ породы коровъ.

Таковъ былъ несложный обиходъ жителей свайныхъ построекъ.

Что касается самыхъ селеній, то они занимали пространство отъ 3,000 до 60,000 квадр. метр. (Моргесъ на Женевскомъ озерѣ). Многія селенія покоятся на десяткахъ тысячъ свай; для исполненія такой гигантской работы требовалось нѣсколько поколѣній, такъ какъ сваи попадаются 5—6 метровъ длиною, а вбивались онѣ простою деревянною колотушкою. Поневолѣ изумляешься необычайной энергіи и настойчивости этихъ доисторическихъ работниковъ! Если почва дна была камениста и сваи входили не глубоко, ихъ старались укрѣпить, засыпая промежутки камнями, которые собирались на берегу и на лодкахъ доставлялись къ мѣсту построекъ. Близь острова Петерса на Билерскомъ озерѣ найдена такая лодка въ 17 метровъ длины и 1 метръ ширины, наполненная голышами; она выдолблена изъ колоссальнаго древеснаго ствола.

Фундаментомъ для хижинъ и такъ сказать площадью всего селенія служилъ помостъ на тѣхъ же сваяхъ, который возвышался на 1—2 метра надъ поверхностью воды—въ обезпеченіе хижинъ отъ волнъ и бурь. На этой высотѣ къ сваямъ прикрѣплялись ряды продольно и поперечно-лежащихъ древесныхъ стволовъ, въ видѣ рѣшетки, а на этомъ основаніи настилался уже второй рядъ собственно пола. Затѣмъ приступали къ сооруженію отдѣльныхъ хижинъ, которыя обыкновенно представляли продолговатый четвероугольникъ въ 8 метровъ длины при 5 метрахъ ширины; стѣны состояли изъ тѣхъ же свай и вертикальныхъ слегъ, забранныхъ хворостомъ и обмазанныхъ снаружи и внутри глиною, въ защиту отъ вѣтра и дождя. Крыша утверждалась на самыхъ вершинахъ свай и устраивалась изъ соломы, тростника, древесной коры и т п.

Безъ всякаго сомнѣнія, первоначальную причину этихъ поселеній на сваяхъ надъ водой слѣдуетъ искать въ необходимости обезпечить себя отъ нападеній врага. Та же нужда, которая въ другихъ мѣстностяхъ заставляла людей строится на трудно-доступныхъ горныхъ вершинахъ, побудила древнихъ обитателей Швейцаріи окружить себя водою родныхъ озеръ. Каменныя постройки на сѣверѣ Альповъ введены были только въ эпоху римлянъ; до нихъ здѣсь умѣли строить только землянки и деревянныя хижины. Но послѣднія, во время безпощадныхъ битвъ этой эпохи, легко становились жертвой пожара. Поэтому и стали селится на озерѣ, во нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, превращая такимъ образомъ свое жилище въ крѣпость. Сваи затрудняли приближеніе вражьихъ лодокъ, а зимою легко было поддерживать широкія проруби вокругъ селенія. Въ то же время свайныя постройки содѣйствовали рыболовству и сношеніямъ съ иностранцами. Сухопутныя же сношенія были чрезвычайно затруднены дѣвственными лѣсами по горнымъ склонамъ. А что сношенія съ иностранцами дѣйствительно существовали, на это между прочимъ указываютъ Геродотъ, оставившій намъ описаніе свайныхъ построекъ въ Мекедоніи, и современникъ его Гиппократъ, описавшій ихъ у туземцевъ рѣки Фазиса въ восточномъ углу Чернаго моря. На Чермномъ же морѣ свайныя постройки существовали въ XVII столѣтіи до Р. Х. Такимъ образомъ мы видимъ, что этотъ родъ жилищъ, возникнувъ до начала исторіи, тянется въ теченіе каменнаго, бронзоваго и же-

Библиотека "Руниверс"

лѣвного періода до нашихъ временъ, когда свайныя постройки встрѣчаются уже только у дикарей Азіи, Африки, Америки и острововъ Тихаго океана.

Отъ самихъ же обитателей свайныхъ построекъ въ Швейцаріи уцѣлѣли лишь весьма незначительные остатки; большею частію это кости дѣтей, погибшихъ вѣроятно по неосторожности. Близь Робенгаузена найдены длинные кости оконечностей, принадлежащія одной и той же особѣ женскаго пола. Они указываютъ на средній ростъ и крѣпкое, статное сложеніе тѣла, одареннаго энергіей и подвижностью. Черепъ каменнаго человѣка уцѣлѣлъ только одинъ, и то въ видѣ обломка безъ лицевыхъ костей. Очертаніе его чрезвычайно близко подходитъ къ типу нынѣшнихъ жителей нѣмецкой части Швейцаріи.

Вотъ данныя, на которыхъ талантливый художникъ построилъ свою картину, предлагаемую въ вѣрномъ снимкѣ читателямъ въ настоящемъ № «Нивы». Это молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ, сидящая у порога своей хижины, въ ожиданіи мужа, занятаго рыбною ловлей.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 7-го сего іюля, въ 8 часовъ вечера, его величество Король Шведскій и Норвежскій Оскаръ II изволилъ выѣхать изъ Петербурга въ Стокгольмъ.

Дѣйствія правительства.

— Высочайше повелѣно: Въ дополненіе статьи 25 Высочайше утвержденнаго, 1-го января 1873 года, устава о воинской повинности постановить:

«Лица, состоящія на дѣйствительной военной службѣ, въ продолженіе обязательнаго срока оной пользуются личными и имущественными правами своего состоянія, подчиняясь всѣмъ требованіямъ и правиламъ службы и подлежа слѣдующимъ ограниченіямъ:

1. Состоящимъ на дѣйствительной обязательной службѣ нижнимъ чинамъ запрещается вступать въ бракъ; исключенія изъ сего для нѣкоторыхъ мѣстностей допускаются по Высочайше утвержденнымъ положеніямъ военнаго и адмиралтействъ совѣтовъ.

2. Офицерамъ не дозволяется вступать въ бракъ ранѣе двадцати-трехлѣтняго возраста; недостигшимъ же въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ двадцати восьми лѣтъ, а въ военно-морскомъ двадцати пяти лѣтъ отъ роду вступленіе въ бракъ можетъ быть разрѣшаемо начальствомъ не иначе, какъ по представленіи имущественнаго обезпеченія въ размѣрѣ и на основаніяхъ, опредѣляемыхъ военными и морскими постановленіями, по принадлежности; симъ же постановленіями опредѣляются и необходимыя, по мѣстнымъ условіямъ, изъятія изъ общаго правила о предоставленіи обезпеченія.

3. Офицерамъ и нижнимъ чинамъ не воспрещается брать торговыя (купеческія и промысловыя) свидѣтельства; но производить торговыя дѣла и управлять промышленными заведеніями, находясь на дѣйствительной службѣ, они могутъ не иначе, какъ чрезъ повѣреннаго, управляющаго или приказчика.

4. Офицерамъ и нижнимъ чинамъ не воспрещается выдавать векселя и всякія другія обязательства, но взысканіе по онымъ можетъ быть обращаемо только на принадлежащее должникамъ имущество; личному же задержанію (аресту или заключенію), до отбытія обязательнаго срока службы, офицеры и нижніе чины не подвергаются.

— 23-го мая сего года, Высочайше повелено: принимать въ с.-петербургскій и московскій Николаевскіе сиротскіе институты и Александринскій сиротскій домъ, на правѣ круглыхъ сиротъ, такихъ дѣтей, у коихъ оставшійся въ живыхъ родитель находится не менѣе пяти лѣтъ въ безвѣстной отлучкѣ, удостовѣряемой свидѣтельствомъ губернскаго правленія, а въ исключительныхъ случаяхъ, по усмотрѣнію начальства заведеній, копіями съ явочныхъ прошеній, съ тѣмъ однако, чтобы въ обоихъ документахъ былъ указанъ срокъ, съ котораго началась безвѣстная отлучка.

— Государь Императоръ, согласно положенію комитета по дѣламъ Царства Польскаго, 13-го мая 1875 г., Высочайше соизволилъ разрѣшить учрежденіе въ Варшавѣ Швейцарскаго благотворительнаго общества.

— Высочайше повелѣно: Взамѣнъ командируемаго на Нижегородскую ярмарку, для исполненія полицейской службы, отряда казаковъ Войска Донскаго, учредить, для охраненія порядка и безопасности въ Нижнемъ-Новгородѣ и прилегающихъ къ нему уѣздахъ, конно-полицейскую стражу изъ вольнонаемныхъ лицъ.

— 1-го (13-го) іюня введены въ Области Войска Донскаго Земскія учрежденія.

— Вслѣдствіе внесеннаго Министромъ Финансовъ въ Комитетъ Министровъ представленія о допущеніи продажи съ солеваренныхъ заводовъ соляныхъ отбросовъ, Высочайше утвержденнымъ, 23-го мая сего года, положеніемъ того Комитета постановлено: разрѣшить, въ видѣ опыта, на три года, продажу на солеваренныхъ заводахъ соляныхъ отбросовъ, получаемыхъ при варкѣ соли, съ оплатою оныхъ акцизомъ по десяти копѣекъ съ пуда и съ тѣмъ, чтобы таковая продажа производилась съ вѣдома и подъ наблюденіемъ мѣстнаго акцизнаго надсора.

Дѣла церкви.

— Въ минувшемъ іюнѣ вышелъ изъ печати, какъ сообщается въ „Церковномъ Вѣстникѣ», послѣдній листъ перевода библіи на русскій языкъ. Дѣло это, испытавшее столько превратностей, окончено вполнѣ, и такимъ образомъ въ настоящее время имѣется вся библія на русскомъ языкѣ, и при томъ въ переводѣ, авторизованномъ нашею церковною властію. Этотъ четвертый и послѣдній выпускъ библіи заключаетъ въ себѣ книги большихъ и малыхъ пророковъ, три книги Маккавейскія и третью книгу Ездры. Цѣна 60 к. Всѣ книги ветхаго завѣта въ русскомъ переводѣ стоятъ слѣдовательно 2 рубля.

Морское дѣло.

— 5-го сего іюля состоялся на Кронштадтскомъ рейдѣ Высочайшій смотръ флоту, который, благодаря прекрасной погодѣ и множеству собравшихся судовъ, былъ очень удаченъ и представлялъ одно изъ самыхъ блестящихъ зрѣлищъ.

Ученыя и другія общества.

— Нѣсколько недѣль тому назадъ, по почину николаевскаго окружнаго правленія общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ, кавказскимъ окружнымъ правленіемъ присланы были въ Николаевъ два человѣка отъ лабораторіи кавказскаго военнаго округа, для обученія дѣйствію спасительными ракетами и орудіемъ Кордесса, передачѣ посредствомъ ихъ концовъ на судно, терпящее бѣдствіе, и спасенію погибающихъ съ него помощью спасительнаго стула. Съ этой цѣлью 16, 17 и 18-го іюня на берегу Ингула былъ произведенъ рядъ ученій, состоявшихъ въ томъ, что на противуположный, низменный берегъ рѣки, на которомъ была поставлена мачта, посредствомъ ракетъ былъ передаваемъ линь, и затѣмъ воспроизводился весь процессъ переправы человѣка, съ помощью спасательнаго стула, отъ пункта, представлявшаго гибнущее судно, до мѣста производства опытовъ, на разстояніи до 85 саженей. Опыты происходили вполнѣ успѣшно, такъ какъ отъ спуска ракеты и до окончательной переправы человѣка на берегъ, въ послѣдній день ученій, требовалось всего 28 минутъ времени. При этихъ опытахъ были употребляемы 2½ дюйм. ракеты, изготовленныя на николаевскомъ ракетномъ заводѣ. Орудіе Кордесса испытывалось за ракетнымъ заводомъ въ первый разъ, такъ какъ оно недавно только получено въ Николаевѣ. По устраненіи начальникомъ николаевскаго ракетнаго завода, генералъ-маіоромъ Нечаевымъ, нѣкоторыхъ недостатковъ, замѣченныхъ при этомъ первомъ испытаніи орудія, оно будетъ испытываться вторично. Всѣ эти ученья производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ инспектора южныхъ округовъ, К. В. Небольсина, которымъ и были объяснены обучающимся людямъ подробно всѣ практическія правила и пріемы, необходимые при употребленіи этихъ спасательныхъ средствъ.

Торговля.

Со времени объявленія Севастополя коммерческимъ портомъ, въ городѣ стали появляться—пишутъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ"— агенты различныхъ торговыхъ фирмъ для осмотра мѣстности и ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ въ Севастополѣ. Открытіе конторъ останавливается за неимѣніемъ помѣщеній для склада грузовъ и ссыпки пшеницы, а также за отсутствіемъ банковъ.

О складахъ и помѣщеніяхъ городской голова сильно хлопочетъ и старается, чтобы къ ноябрю мѣсяцу, была построена хотя половина изъ предположенныхъ десяти городскихъ магазиновъ; нѣкоторыя фирмы приступаютъ къ постройкѣ собственныхъ магазиновъ около станціи желѣзной дороги на городской землѣ, отводимой на условіяхъ трехлѣтняго безплатнаго пользованія ею и съ уплатою въ будущемъ не свыше цѣны, которая будетъ назначена въ городскихъ магазинахъ, Но, несмотря на эти неудобства, хлѣбъ въ зернѣ всетаки идетъ изъ Севастополя и теперь грузятъ два парохода ячменемъ и пшеницею; пароходы эти пришли въ Севастополь 10-го іюня, съ грузомъ англійскаго угля для желѣзной дороги.

Новыя открытія и изобрѣтенія.

— „Оренбургскія Губернскія Вѣдомости" сообщаютъ объ открытіи и заявкѣ семи золотыхъ пріисковъ на земляхъ Оренбургскаго казачьяго войска.

— Горный инженеръ г. Кондаки, во время своихъ геологическихъ развѣдокъ, нашелъ близъ гор. Кѣлецъ, какъ сообщается въ „Варшавскомъ Дневникѣ", крупную жилу тяжеловѣсного шпата (сѣрнокислаго барита), который въ злѣшнемъ краѣ встрѣчается въ небольшихъ количествахъ близь Хенцинъ въ Мѣдной Горѣ, Яворжнѣ и Куновѣ. Этотъ красновато-бѣлый, лоснящійся и весьма тяжелый минералъ можетъ служить вмѣсто мрамора и для выдѣлки сѣрной кислоты.

— Въ газетѣ „Кавказъ пишутъ, что горный инженеръ ки. Цулукидзе донесъ управленію горною частію на Кавказѣ и за-Кавказомъ, что осмотрѣвъ 20-го числа минувшаго апрѣля, проѣздомъ, Дамблудскій заводъ г. Генриха и Комп. и большую часть мѣстности, принадлежащей заводу, онъ обратилъ особенное вниманіе на частые выходы кварцевыхъ оруденѣлыхъ жилъ, пересѣкающихъ породы юрскаго возраста, образующія основную почву не только Дамблуда, но и далекихъ его окрестностей. Зная кварцъ какъ породу, сопровождающую золото, въ особенности когда онъ обнаруживаетъ признаки

Библиотека "Руниверс"

оруденѣлости, князь Цулукидзе пришелъ къ предположенію о вѣроятномъ нахожденіи розсыпнаго золота по крайней мѣрѣ въ границахъ Дамблудскаго завода, и для предварительнаго изслѣдованія избралъ долину р. Дамблудъ, которая, въ районѣ Дамблудскаго завода, пересѣкаетъ въ своемъ направленіи большую часть кварцевыхъ жилъ. За недостаткомъ времени онъ могъ задать только одинъ шурфъ, который успѣлъ углубить до 6-ти четвертей. Пески по промывкѣ оказались золото-содержащими. Золото въ видѣ зеренъ и пластинокъ довольно крупно, несмотря на то, что шурфъ былъ заданъ почти на 4 версты ниже верховья долины. Принявъ во вниманіе, что изъ всего количества добытыхъ изъ шурфа песковъ была промыта только часть, а именно отъ 7—10 пуд.. и опредѣливъ вѣсъ полученнаго изъ нихъ золота, содержаніе золота во ста пудахъ песку оказалось отъ $^3/_4$ до $1^1/_4$ золотника. Пески кромѣ золота содержатъ мелкія зерна цвѣтнаго камня, похожія на цирконъ, но зерна эти ближайшему изслѣдованію еще не подвергнуты. Донося о вышеизложенномъ управленію горною частію, князь Цулукидзе имѣлъ въ виду, кромѣ заявленія объ открытіи, лично ему принадлежащемъ, указать и на то, что и другія мѣстности, пограничныя Дамблудскому заводу, находятся въ одинаковыхъ геологическихъ условіяхъ, а потому могутъ оказаться золотосодержащими. Управленіе горною частію, во избѣжаніе преувеличеннаго значенія, которое могло бы быть придано настоящему заявленію, присовокупляетъ съ своей стороны, что фактъ нахожденія золота въ розсыпяхъ въ рудахъ мѣдныхъ и серебросвинцовыхъ, не представляетъ новости для Кавказа, а извѣстенъ съ древнихъ временъ, но случая нахожденія золота въ такомъ количествѣ. которое давало бы возможность выгодно его разработывать, въ позднѣйшее время не встрѣчалось. По взятой кн. Цулукидзе пробѣ—заключенія въ этомъ отношеніи еще сдѣлать нельзя, и заявленіе его требуетъ производства тщательныхъ развѣдокъ на указываемыхъ мѣстностяхъ.

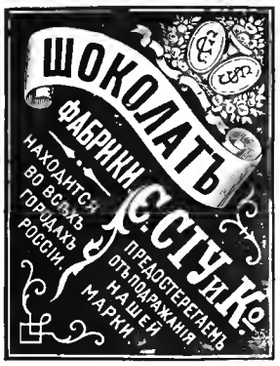
Отъ редакціи.

Печатаніе премій подписчикамъ „Нивы“ на 1875 годъ, при громадномъ количествѣ экземпляровъ, заказанныхъ нами заграницею, замедлилось сверхъ нашихъ ожиданій. А потому первая изъ обѣщанныхъ премій можетъ быть выдана не ранѣе какъ черезъ четыре или пять нумеровъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Оскаръ II, Король Швеціи и Норвегіи (съ портретомъ). — Орелъ-дѣвка (изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Бирхъ (продолженіе). — Морской акварій (съ двумя рисунками). — Стихотворенія Ки. Щ—ва. — Михайловскій дворецъ въ Петербургѣ (съ рисункомъ). — Бракъ по приказу. — Свайныя постройки (съ рисункомъ). — Разныя извѣстія.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.



45 7

РЕДАКЦІЯ спеціальнаго Иллюстрированнаго **журнала** (заимствующаго дамскіе и дѣтскіе костюмы, женскія рукодѣлія, бѣлье и куафюры исключительно изъ лучшихъ французскихъ журналовъ),

„МОДЫ И РУКОДѢЛІЯ“

въ С.-Петербургѣ, по Невскому просп. на углу Большой Морской № 18—14. **Объявляетъ полугод. подписку** (съ 13 № по 15 Іюля) 2 р. 50 к., съ доставкою 3 р. и перес. 3 р. 50 к. (на годъ 4 р., 5 р. и 6 р.) съ **полными вырѣзными выкройками** и раскрашенными картинками. 2—1

Настоящія почтовыя марки всѣхъ государствъ дешево продаются:
Большой Каталогъ (5000 №) съ 72 раскрашенными начертаніями, цѣна 1 марки (30 коп.) (прежде 2 м рки).
Иллюстрированный журналъ для почтовыхъ марокъ на 2 года (каждый нумеръ съ многими иллюстраціями) цѣна за годъ 3 марки (90 коп.).
Пробный листъ и прейсъ-курантъ безплатно.

Покупка и продажа почтовыхъ марокъ
ЛУИ ЗЕМФЪ въ Лейпцигѣ, Германія.
6—3

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.
ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА
ГЕНРИХА НЕСТЛЕ,
ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.
Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко перевариво, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.
Рекомендуется поэтому въ особенности:
1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицѣ,
2) при отниманіи ребенка отъ груди и
3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.
Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:
у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у **Штоля и Шмидта**, въ Спб. — **химической лабораторіи**, русскаго общества торговли **аптекарскими товарами, у Рулковіуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохтса, — у Каушмана**, Вас. остр.,—**у Б. Баландина**, Литейная, д. № 57-й, **у Ушакова** — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговляхъ Россійской имперіи. 26—23

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—15

ФАБРИКА Г. ВЕРНЕРА
ВЪ КАМЕНЦѢ ВЪ СИЛЕЗІИ.
Рекомендуетъ свои, получившіе преміи на всѣхъ выставкахъ: въ Вѣнѣ, Познани, Бременѣ, Прагѣ, Краковѣ и т д., чрезвычайно легкоходные ПЛУГИ и другія сельскохозяйственныя орудія.
Каталоги по требованію высылаются безплатно.
Письма прошу адресовать: **D-r Werder, Leipzig.** 5—2

ГРАЙСКОЕ АМЕРИКАНСКОЕ
БѢЛЬЕ ИЗЪ БУМАГИ
Мужское, дамское и дѣтское
ФАБРИКИ
МЕЯ и ЭДЛИХА, въ ЛЕЙПЦИГѢ

чрезвычайно быстро обратившее на себя вниманіе лучшихъ слоевъ общества, какъ по изящности фасоновъ и прочности, такъ и по удобствамъ, доставляемымъ имъ каждому потребителю (при употребленіи его нѣтъ надобности въ стиркѣ и глаженьи), а равно и по дешевизнѣ, во всей Европѣ предпочитается обыкновенному бѣлью.
Особенно рекомендуемъ **бѣлье изъ бумаги, обложенное полотномъ** (Linen-cloth). Воротнички, шемизетки, маншеты бѣлые и цвѣтные различныхъ колеровъ, **мужскіе, дамскіе и дѣтскіе.**

Иллюстрированный каталогъ розничной продажи высылается по востребованію безплатно и франко.

Пересылка во всѣ государства. Торговцамъ уступка. Письма просятъ адресовать:
Мею и Эдлиху, въ Лейпцигѣ, 9 Неймарктъ.
Mey und Edlich, 9 Neumarkt, Leipzig.
Заказы и корреспонденцію просятъ писать и адресовать на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ:
M-rs. Mey & Edlich à Leipzig, Neumarkt 9. 13—13

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 7 Іюля 1875 г. Изданіе **А. Ф. Маркса**. Въ Спб. Больш. Морская, д. № 9. Тип. Безпалова, Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 30 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 27 Іюля 1875 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

Мальштромъ.

Мальштромъ. Грав. К. Вейерианъ.

Библиотека "Руниверс"

Мальштромъ.

Подъ названіемъ Мальштрома, Мальстрэма, Москэштрома извѣстенъ свирѣпый морской водоворотъ между норвежскими островами Москэ и Москэнэсъ, величайшими изъ южныхъ острововъ въ группѣ Лофоденскаго архипелага. Состоя въ связи съ приливомъ и отливомъ, при первомъ изъ нихъ потокъ Мальштрома въ теченіе шести часовъ направляется съ сѣвера на югъ, при второмъ же, въ теченіи такого же времени—съ юга на сѣверъ. Когда приливъ въ открытомъ морѣ достигаетъ половины своей полной высоты, мальштромъ направляется къ юго-востоку и по мѣрѣ возрастанія прилива все болѣе и болѣе переходитъ въ южное направленіе. Затѣмъ постепенно принимаетъ западное направленіе, и наконецъ къ новому приливу совершаетъ полный круговоротъ чрезъ сѣверо-западъ на сѣверъ. При этомъ наступаетъ затишье на $^3/_4$ часа, повторяющееся 2 раза въ теченіе дня. Во время такихъ паузъ Мальштромъ безопасно можно переплывать; во время же водоворота бушующій потокъ ломаетъ въ щепки и топитъ въ своей бездонной воронкѣ самыя крѣпкія суда. Сильнѣе всего неистовствуетъ Мальштромъ во время полнолунія и новолунія, а также въ періодъ равноденствія и въ бурю, — такъ что корабли должны его обходить, держась отъ него на разстояніи двухъ или трехъ миль. Уже въ десяти миляхъ отъ него чувствуется сила потока, влекующая къ своему центру все плавающее на поверхности моря.

Поэтому всѣ свѣдѣнія о Мальштромѣ до послѣдняго времени ограничивались вышеизложеннымъ. Ни о формѣ, ни о внѣшнемъ видѣ разъяренныхъ волнъ его не имѣли никакого понятія. Но недавно заграницею появился рисунокъ, сдѣланный на память однимъ матросомъ, которому какимъ-то чудомъ удалось спастись съ корабля, погибшаго со всѣмъ экипажемъ въ ненасытной воронкѣ Мальштрома. Прилагаемъ этотъ рисунокъ, какъ онъ воспроизведенъ въ заграничныхъ иллюстраціяхъ.

Орелъ-дѣвка.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

X.

Первая на деревнѣ.

Прошелъ еще годъ, годъ тяжелый для Валли, такъ какъ послѣ лѣта, проведеннаго въ полнѣйшемъ уединеніи, среди горной глуши, она разсталась со стадомъ: Штроммингеръ прислалъ за нимъ батрака,—и Валли ничего болѣе не оставалось, какъ спуститься, по другой сторонѣ ледника, въ Шнальзерталь, гдѣ ее совсѣмъ не знали, и искать себѣ тамъ какой нибудь работы. Идти опять въ Рофенъ ей не хотѣлось, потому что въ Рофенѣ снова зашла-бы рѣчь о сватовствѣ и снова ей пришлось-бы отказать тому или другому Клёцу. Но и въ Шнальзерталѣ трудно было найти Валли пристанище, такъ какъ на рукахъ у нея былъ Ганзль, и вотъ она порѣшила наконецъ наняться гдѣ нибудь безъ всякой платы за трудъ свой—только приняли-бы ее *вмѣстѣ съ орломъ*. Нечего и говорить, что не сладко ей жилось, благодаря „этакой дури“ (такъ говорили всѣ): всякій ее отталкивалъ, а женщины обращались съ нею свысока, съ презрѣніемъ глядѣли на нее, и Валли частенько таки приходилось отбиваться отъ мужчинъ, проявлявшихъ относительно ея гнусное поползновеніе. Шнальзертальскимъ кавалерамъ, какъ и Эцтальскимъ, да и прочимъ, очень ужъ нравилась такая красивая дѣвушка. Валли, однако, все это терпѣла, вела себя мужественно, потому что настолько была горда, что не могла позволить себѣ заохать, жалобно вздыхать подъ бременемъ, которое сама-же наложила себѣ на плечи... А между тѣмъ она дѣлалась все угрюмѣе и суровѣе—шла именно по тому пути, относительно котораго добрякъ - патеръ предостерегалъ ее. Въ сердцѣ ея кипѣла кровь: ее разжигалъ мятежный духъ безвозвратно-поблекшихъ, убитыхъ радостей молодости, и взывалъ къ отмщенію. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ майскій день жизни ужъ такъ длиненъ? Потерять три года—это очень много!.. Другія-то дѣвушки готовы расплакаться даже о томъ, что одинъ танецъ ими пропущенъ, но Валли грустила не о пропущенныхъ танцахъ и прочихъ удовольствіяхъ молодой жизни: она горевала объ улетѣвшей любви—и душа ея, не согрѣтая солнцемъ счастья, черствѣла... Такъ черствѣетъ и становиться горькимъ плодъ, созрѣвшій гдѣ нибудь въ тѣни.

Прошла и зима—и вотъ Валли снова отправилась на знакомый глетчеръ. Въ этомъ году весна не удалась, да и лѣто было не красное: то дождь хлесталъ, то снѣгъ валилъ, а зачастую и градъ сыпался. Валли мокла, одежда ея почти что не просыхала, притомъ ей приходилось недѣлями дышать въ тяжелой массѣ непроницаемо-густыхъ и влажныхъ облаковъ, жить среди какихъ-то сумерекъ, какъ-бы наканунѣ перваго дня сотворенія міра.

Въ груди Валли было не лучше: тамъ царили такіе-же сумерки, та-же была сумятица, что̀ и въ природѣ, только въ миніатюрѣ. Міръ Божій являлся ей такимъ мрачнымъ, безотраднымъ, какъ туманъ окружающій ее, и Всевышній не изрекалъ среди этого хаоса: „Да будетъ свѣтъ!“.

Но вотъ, послѣ длинной вереницы недѣль, Онъ наконецъ произнесъ свое могучее, творческое слово,—и первый лучъ свѣта, разорвавъ тучи, разогналъ ихъ направо и налѣво. Прекрасный, созданный Имъ міръ сталъ какъ-бы медленно, постепенно выступать изъ мрака хаоса: синія горы, долины, поля, лѣса, голубыя озера—все это явилось передъ Валли такимъ свѣжимъ, новымъ, какъ будто оно разомъ, внезапно вышло изъ рукъ Творца,—и ей казалось, что и она вотъ только теперь пробудилась къ настоящей жизни, какъ было когда-то съ праматерью рода человѣческаго, и что ей надо радоваться міру, такъ чудно-сотворенному Богомъ, который сотворилъ его не только для Себя, но и для прочихъ существъ, чтобы и они дѣлили съ Нимъ наслажденіе, радовались всему созданному.

Развѣ можно, чтобы въ такомъ прекрасномъ мірѣ не было счастья? И неужели же Творецъ для того ввелъ въ него бѣдную Еву, оставилъ ее посреди пустыни, чтобы тотъ, для кого она была назначена, не могъ встрѣтиться съ ней, отыскать ее?... „О, туда, внизъ, въ долины! Довольно быть здѣсь, наверху!“ прозвучалъ въ ней рѣшительный голосъ, и вдругъ неудержимо, буйно обнаружилась страстная жажда жить, любить, испытать наслажденія... Валли, въ страстномъ порывѣ, простерла руки надъ далекимъ міромъ, который, казалось, улыбался, залитый теплымъ солнечнымъ свѣтомъ...

— Валли, идемъ сейчасъ-же! Иди со мной—отецъ твой померъ!

Передъ нею стоялъ батракъ... Она такъ странно посмотрѣла на этого вѣстника, какъ будто только-что проснулась и ничего не понимала...

Да не почудилось-ли ей это? Можетъ быть и батракъ этотъ и слова его—только игра воображенія, а не воплощеніе порыва ея души, которая за секунду предъ этимъ такъ пламенно, дико жаждала счастья?

Валли схватила батрака за плечи, какъ-бы желая осязать, убѣдиться, что̀ передъ нею: живой человѣкъ или призракъ?

Библиотека "Руниверс"

Живой человѣкъ повторилъ сказанное имъ и прибавилъ:

— Съ ногой-то его все хуже да хуже дѣлалось, приключился огневикъ,—ну, утромъ сегодня онъ и померъ. Хозяйкой теперь ты стала; Клеттенмайеръ кланяться велѣлъ тебѣ и, значитъ, поздравить.

И такъ, все это была правда! Освободитель, провозвѣстникъ мира и свободы, стоялъ передъ нею живой, она видѣла его на яву!... Видно Господь нарочно показалъ ей такую свѣтлую, прекрасную картину міра, какъ будто желалъ сказать ей: „Вотъ, смотри: это все твое! Спустись съ горы и бери, что̀ Я сотворилъ для тебя“.

Валли молча пошла въ свою хижинку, заперла дверь и, опустившись на колѣни, начала молиться. Та́къ тепло, отъ всего сердца, она давно-давно не молилась. Вспомнила она отца, котораго уже нѣтъ... Онъ самъ лишилъ ее возможности полюбить его, какъ слѣдуетъ родной дочери, и заплакала она о немъ: горячія слезы такъ и полились изъ облегченнаго, примиреннаго серда.

Дѣвушка живо собралась и отправилась въ родимую сторонку, которая наконецъ снова стала для нея, по прежнему, роднымъ уголкомъ. И вотъ, вступила Валли на *свою* землю, вошла въ *свой* домъ. Старикъ Клеттенмайеръ встрѣтилъ ее у воротъ, но завидѣвъ еще издали, такъ возрадовался, что закричалъ что̀ есть мочи и швырнулъ вверхъ шляпу. Кухарка, та самая, что̀ года два тому назадъ нагрубила Валли—всхлипывая, смиренно подала ей теперь ключи. Викентій ожидалъ Валли на порогѣ.

— Валли, заговорилъ онъ,—ты жестоко со мной поступила, но я...

Она не дала ему договорить и сказала спокойнымъ, но строгимъ тономъ:

— Слушай, Викентій, если я дурно съ тобой поступила, то пусть Господь и накажетъ меня за это, ка́къ будетъ Ему угодно; но я не могу раскаяться, не могу воротить того, что̀ было, и не стану требовать, чтобы ты простилъ меня... А теперь... вѣдь тебѣ мои мысли извѣстны?—ну, и оставь меня одну, прошу тебя.

И не взглянувъ больше на Викентія, она вошла въ комнату, гдѣ лежалъ трупъ отца, и замкнула за собою дверь.—Валли стояла передъ отцомъ, смотря на него совершенно сухими глазами: плакать она могла объ *умершемъ* отцѣ, оставившемъ уже бренную оболочку; но при видѣ холоднаго праха его, она не могла забыть, что эта неподвижная масса била, топтала ее и однимъ ударомъ грубо разбила и ее, и всю ея жизнь... Ни одной слезинки Валли не выронила, словно надъ трупомъ Штроммингера стояла каменная фигура.

Она прошептала „Отче нашъ“, не опустившись однако на колѣни. Какою Валли была предъ живымъ отцомъ — неподвижною, сосредоточенною—такою явилась она и къ мертвому, только теперь въ сердцѣ ея не было злобы: смерть примирила ее съ отцомъ.

Прочитавъ молитву, она отправилась въ кухню, такъ какъ надо было приготовить и то и сё для поминокъ: сосѣди придутъ молиться о покойникѣ. Дѣла было по горло. Къ полночи въ домъ набралось столько охотниковъ помолиться и поминать, что изготовленной снѣди и напитковъ едва-едва хватило. Чѣмъ богаче покойный поселянинъ, тѣмъ гуще толпа сосѣдей, являющихся молиться и сидѣть надъ покойникомъ.

Валли глядѣла съ тайнымъ отвращеніемъ на это сборище. Вотъ умеръ человѣкъ, лежитъ его трупъ, а они какъ мухи налетѣли сюда, усѣлись, ѣдятъ и пьютъ... Весь этотъ говоръ, шумъ, суета—какъ-то непривычны были для слуха Валли, привыкшей къ величавому безмолвію горъ; все это показалось ей такимъ ничтожнымъ, жалкимъ, что она невольно вспомнила о своихъ вершинахъ—и вздохъ вырвался изъ ея груди.

Валли, молчаливая и холодная, ходила по комнатѣ, равнодушно посматривая на слезливокушающихъ и грустно-напивающихся гостей, а гости говорили между прочимъ, что она очень похожа на покойнаго отца.—На третій день хоронили Штроммингера. Много народу привалило на похороны, явились даже изъ дальнихъ деревень — одни, чтобы отдать послѣдній долгъ такому богачу, другіе—чтобы тоже уважить покойника и ужъ кстати какъ нибудь подъѣхать къ бѣдовой Орелъ-Дѣвкѣ, которая теперь стала собственницей обширныхъ владѣній Штроммингера. Прежде она была и „поджигательницей“, и „негодной дѣвкой“, ну, а теперь она—*первая на деревнѣ*, самая богатая въ горахъ поселянка: вотъ въ головахъ все и перевернулось!

Перемѣну эту Валли скоро почувствовала и причину ея хорошо поняла: тѣ самые люди, которые годъ тому назадъ, когда она, гонимая голодомъ и холодомъ, искала работы и пристанища, та́къ обидно-грубо отталкивали ее отъ дверей, позорили ее,—теперь, послѣ похоронъ отца, стояли предъ нею на заднихъ лапкахъ, улыбаясь, и низко гнули спину. Ей стало та́къ гадко, что она отвернулась отъ нихъ, и съ этихъ поръ почувствовала презрѣніе къ людямъ.

Патеръ изъ Гейлихгрейца и рофенскіе Клёцы также посѣтили ее. И вотъ, Валли дождалась той минуты, когда ей наконецъ можно было, хоть внѣшнимъ образомъ, отплатить имъ за все добро, которое они сдѣлали ей—нищей, всѣми брошенной... Она обращалась съ ними совсѣмъ не такъ, ка́къ съ другими, и охотно разговаривала только съ этими гостями, обходя остальныхъ.

Когда все поѣли и выпили—поминки кончились и толпа разошлась наконецъ. Не ушелъ только гейлихкрейцскій патеръ, но за то много хорошаго наговорилъ онъ Валли:

— Вотъ, ты теперь большимъ богатствомъ владѣешь, но помни: человѣкъ, неумѣющій владѣть собой, никогда не будетъ въ силахъ управлять другими. Есть, знаешь, такая поговорка: „Кто не умѣетъ повиноваться, не можетъ повелѣвать“. Учись слушаться, чадо мое, чтобы умѣть повелѣвать!..

— Но, отецъ мой, кого-же я буду слушаться? Вѣдь теперь около меня никого, ктобы смѣлъ мнѣ слово сказать...

— Такъ Богу повинуйся.

Валли замолчала.

— Постой-ка, я тебѣ кое-что принесъ, заговорилъ патеръ и досталъ изъ кармана своей сутаны коробочку:—вотъ, погляди: давно я назначилъ это для тебя, съ того самаго дня, какъ ты зашла ко мнѣ; но тогда я потому не отдалъ тебѣ этой вещички, что ты вѣдь пошла странствовать, та́къ ужъ гдѣ-жъ тебѣ было носиться съ этимъ?...

И онъ вынулъ изъ коробочки изящную, вырѣзанную изъ дерева, фигурку святой, стоящую на деревянномъ пьедестальчикѣ.

— Гляди—это покровительница твоя — святая Вальбурга. Не забыла, что̀ я говорилъ тебѣ тогда о деревяшкахъ и о Господѣ нашемъ, который можетъ изъ деревяшки, съ наростами и буграми, сдѣлать святую?

— Нѣтъ, нѣтъ, не забыла, отвѣтила Валли.

— Хорошо. Такъ вотъ, чтобы ты и впередъ всегда помнила это—я нарочно для тебя выписалъ эту фигурку изъ Зельдена: и ты поставь ее надъ постелью и хорошенько молись—и благо тебѣ будетъ.

— Большое вамъ спасибо, отецъ мой!

Валли, какъ видно, весьма обрадованная подаркомъ, рѣшилась взять такую нѣжную вещичку только концами своихъ грубыхъ пальцевъ.

— О, конечно, сейчасъ все вспомню, ка̀къ только взгляну на нее, все, что̀ вы мнѣ объяснили! Такъ вотъ она — святая-то Вальбурга какая! Славная, чудесная! Эхъ, ежели-бы самой-то сдѣлаться такой доброй, крѣпкой!...

Библиотека "Руниверс"

Увидя Клеттенмайера (онъ только что со двора пришелъ), Валли показала ему фигурку и воскликнула:

— Смотри-ка, что́ мнѣ подарили! Это — святая Вальбурга, мой Ангелъ-Хранитель! Ну, мы пошлемъ за это батюшкѣ въ подарокъ первѣйшую нашу овечку!

Добрякъ-патеръ сталъ было отнѣкиваться отъ овечки, но Валли и слышать не хотѣла объ отказѣ—та̀къ ужъ ей и радостно, и весело было.

Проводивъ священника, она отправилась въ свою комнату и тамъ, надъ постелью, гдѣ висѣли другіе образа, прикрѣпила фигурку св. Вальбурги, а вокругъ нея приколотила вѣерообразно карты старенькой Люккардъ. Устроивъ это, Валли пошла посмотрѣть, что́ дѣлается въ домѣ и на дворѣ.

— Ганзль! крикнула она, проходя мимо орла, который помѣстился на дровахъ:—вѣдь теперь хозяева-то *мы*—а?...

Послѣ долгаго пребыванія въ полурабской подчиненности, Валли ощущала теперь прелесть власти—и это ее пьянило, какъ горячитъ кровь и туманитъ голову вино, жадно выпитое человѣкомъ, уставшимъ до изнеможенія.

Очутившись на дворѣ, она увидѣла работницъ и батраковъ, нанятыхъ Викентіемъ, и среди ихъ самого Викентія. Викентій сталъ худощавѣе и какъ-то пожелтѣлъ; на затылкѣ его бѣлѣлъ шрамъ, потому что на этомъ мѣстѣ заживщую рану не прикрывали густые черные волосы; пятно это похоже было на тонзуру, а глубоко-впавшіе глаза горѣли какъ у волка, выслѣживающаго добычу и притаившагося за камнемъ.

Валли остановилась и спросила:

— Съ чѣмъ вы?

Старшая изъ работницъ, которая прежде особенно была груба съ нею, теперь приблизилась къ ней какъ-то робко, почти раболѣпно, и сказала:

— Пришли мы узнать, не выгонишь-ли ты насъ за то̀, что мы та́къ злы къ тебѣ были, когда Штромминґеръ былъ живъ? Конечно, ты и сама знаешь, что ослушаться его мы не могли, а потому и поступали такъ...

— Что́-жъ, свое дѣло вы исполняли, заговорила Валли спокойно,—дѣлали, что́ вамъ приказано было. Я никому не откажу, если только не увижу въ комъ нибудь безсовѣстности или нерадѣнія, и попрошу васъ не дѣлать мнѣ такихъ низкихъ поклоновъ... Не люблю я этого! А теперь идите каждый по своему дѣлу: я посмотрю на васъ, каковы вы на работѣ. Такъ-то лучше будетъ, чѣмъ по пустякамъ кривляться.

Рабочій людъ разошелся. Викентій не уходилъ; онъ стоялъ, устремивъ глаза на дѣвушку. Теперь Валли обратилась къ нему и, поднявъ руку по направленію къ его лицу, сказала:

— Одного только выгоняю я изъ дома своего и съ земли своей—это тебя, Викентій!

— Валли! какъ? И это мнѣ награда за все, все, что́ сдѣлалъ я для отца твоего?! воскликнулъ Викентій.

— Когда отецъ заболѣлъ, ты помогалъ ему—и за это ты будешь вознагражденъ: я дарю тебѣ поляны, которыя примыкаютъ къ твоей землѣ; это округлитъ твои владѣнья. Полагаю, что достаточно-хорошо расплатилась съ тобою за отца, а если тебѣ этого мало—ну, скажи, что не доволенъ! Я не желаю быть должной тебѣ: требуй того или другаго, только уходи прочь... прочь, не показывайся мнѣ!...

— Нечего мнѣ требовать, мнѣ тебя только надо, Валли! Безъ тебя для меня все трынъ-трава, все!... Ты вотъ чуть не уходила меня, да и всегда относилась ты ко мнѣ дурно, а я, чортъ побери, не могу бросить тебя! Понимаешь—ну, не могу! Ради тебя я на все готовъ рѣшиться, не задумаюсь надъ преступленьемъ, душу продамъ, а ты... ты желаешь отдѣлаться, отплатить мнѣ за все это какими-то полями!... Ужъ не думаешь-ли на этомъ и покончить со мной?... Да отдай ты мнѣ все, что́ есть у тебя изъ недвижимаго, все богатство предложи, дай въ придачу Эцталь—и я на все это плюну, если ты сама ты не отдашься мнѣ!... Погляди-ка на меня—вѣдь меня тоска изгрызла... Слушай, Валли, за одинъ поцалуй твой я-бы отдалъ все, что́ имѣю, и согласился-бы на всю жизнь нищимъ остаться, голодать! Ну, вотъ теперь и присылай ко мнѣ хорошаго счётчика, чтобы онъ еще разъ сосчиталъ да высчиталъ, сколькими гульденами и полянками хочешь ты расплатиться со мной!...

И бросивъ на Валли взглядъ, преисполненный какой-то дикой, горькой насмѣшки, онъ повернулся и ушелъ.— Валли была изумлена и даже испугана: такимъ она никогда еще и не видала его! Викентій открылъ передъ ней все безуміе любви, показалъ ей эту бездну, и два чувства—отвращеніе и состраданіе—взволновали ея сердце.

— Что́ такое во мнѣ особенное? разсуждала Валли:— почему это всѣ они гоняются за мной?... Да́, но *одинъ* только сторонится... Ахъ, а *онъ* единственный, котораго хотѣлось-бы видѣть около себя!.. И *этотъ* человѣкъ презираетъ меня... А если *онъ* уже женился?..

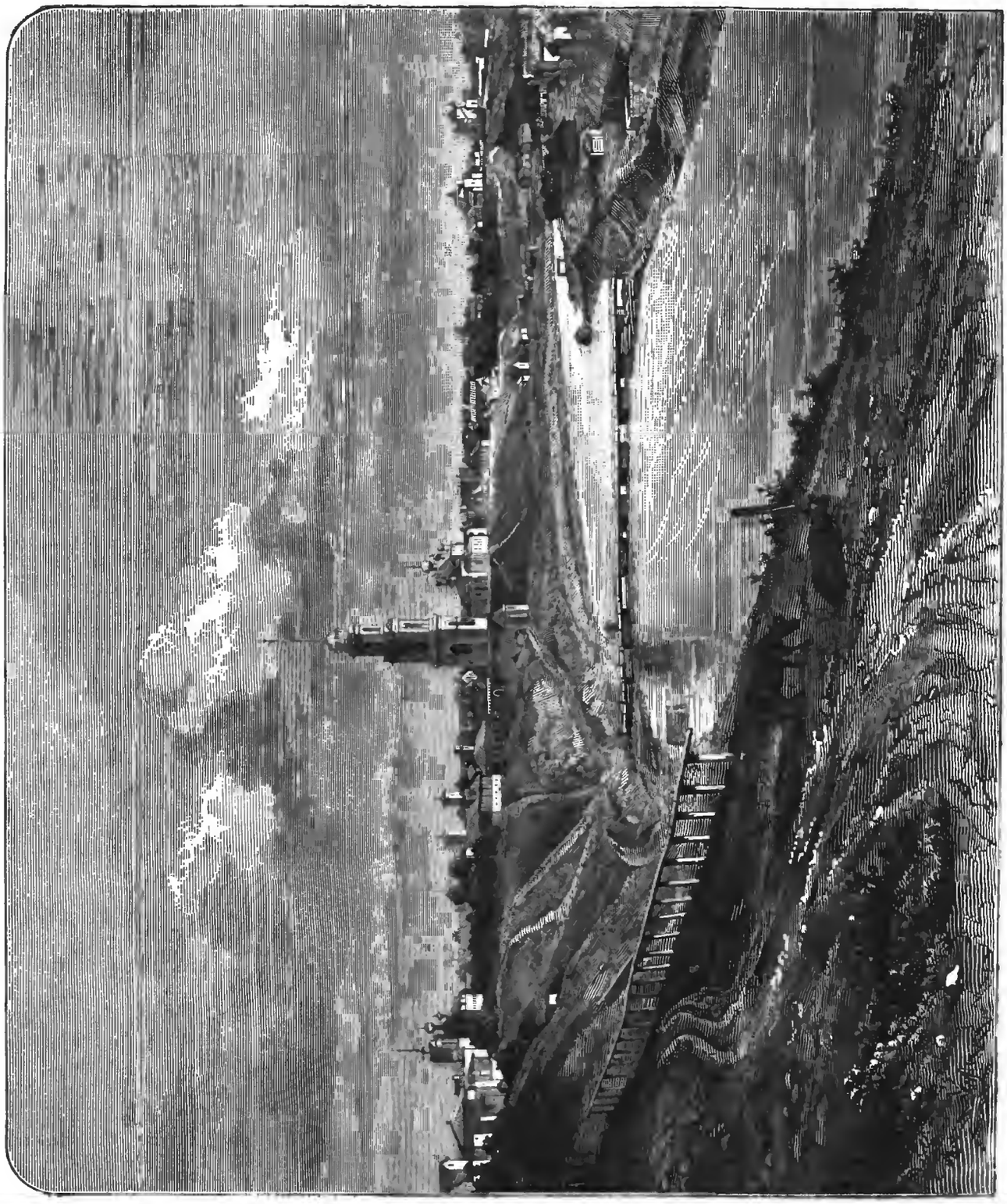
Когда эта мысль мелькнула въ ея головѣ—дыханіе сперлось въ груди: Валли вспомнила о незнакомой дѣвушкѣ, съ которою Іосифъ проходилъ чрезъ Гох-іохъ.

— Нѣтъ, на ней-бы онъ не женился: вѣдь то была простая батрачка.

Ну, какъ-бы то ни было, а должно-же это чѣмъ нибудь кончиться: Валли теперь дѣвушка богатая, живетъ она въ почетѣ и можетъ сама ближе познакомиться съ *нимъ*, сдѣлать первый шагъ... Но отъ одной этой мысли самолюбіе ея, какъ женщины, возмущалось; и такъ, дѣлать было нечего: приходилось ждать, ждать и ждать!

Не находя нигдѣ и ни въ чемъ успокоенія, она бродила по всему дому, шагала по полямъ; такъ летѣли дни, недѣли, а Валли никакъ не могла свыкнуться съ новой для нея обстановкой, и скоро оказалось, что деревенское житье-бытье совсѣмъ ей не по плечу. Ка̀къ была она дочкой Мурцолля—та́къ и осталась *дикаркой* Валли. Она смѣялась надъ всѣмъ, что́ ей представлялось мелочнымъ, пошлымъ,—смѣялась безпощадно, безъ малѣйшаго снисхожденія, не хотѣла подчиняться правиламъ общежитія, обычаи и порядки въ грошъ не ставила, словомъ—никого слушать не желала... Поживши наверху, среди ледянаго царства, она совсѣмъ забыла о „земныхъ страхахъ". Обладая желѣзною волей, пріобрѣтенною въ борьбѣ съ буйными стихійными силами, Валли спустилась въ бмутъ мелочной жизни и явилась въ немъ хорошо-вооруженной. Эта крѣпкая дѣвушка, мощная и тѣломъ и духомъ, казалась среди толпы, окружающей ее, существомъ *не отъ міра сего*, и дѣйствительно, она была чужою въ деревенской средѣ. Поэтому-то на нее и смотрѣли недружелюбно, недовѣрчиво, однако не дерзали слишкомъ близко подходить къ такой заносчивой, гордой богачихѣ. Валли чувствовала, что кругомъ нея кипитъ тайная вражда; она видѣла, ка́къ трусливы ея недоброжелатели, которые за глаза чернили ее всячески, а въ лицо ласково ей улыбались. —„Ладно! я ни въ комъ не нуждаюсь, я сама себѣ госпожа!", такъ стала поговаривать она и дѣлать все по своему, слушаясь только голоса своего буйнаго сердца. Вотъ, вздумается ей—и работаетъ она цѣлые дни на пролетъ, не хуже батрака, чтобы расшевелить, подстрекнуть лѣнивыхъ; а если, бывало, у кого дѣло не спорилось—Валли быстро отталкивала неумѣлаго работника и сама принималась за его работу, которую и оканчивала. А случалось и другое: меланхолія внезапно овладѣвала ею, она предавалась мечтаніямъ или удалялась въ горы, такъ что люди наконецъ заговорили, что́ ужъ не *повредилась*-ли она?... Во время такихъ скитаній Валли по горамъ, батраки и батра́чки бездѣльничали, а сосѣди, злорадствуя, толковали о томъ, что̀ такимъ манеромъ богатство-то ее живо улетитъ.

Библиотека "Руниверс"



Городъ Ржевъ-Владиміровъ. Тверской губерніи. Рис. Подбѣльскій, грав. Дѣдицкій.

Библиотека "Руниверс"

Не уважая и не исполняя мѣстныхъ обычаевъ и порядковъ, Валли однако обнаруживала чрезмѣрную строгость—являлась даже жестокой—относительно расправы за такія дѣла, на которые другіе обыкновенно глядятъ сквозь пальцы. Такъ, если она ловила работника на какой нибудь содѣянной имъ подлости, то, не долго думая, тянула его въ судъ; если ей случалось видѣть, что батракъ жестоко обращается съ животнымъ—она налетала на мучителя, схватывала его за воротъ и расправлялась съ нимъ; если кто нибудь изъ рабочихъ ея, крѣпко выпивши, возвращался вечеромъ домой—Валли не впускала его, не смотря на самую дурную погоду, и такимъ образомъ выставляла его на позоръ среди улицы; если батрачка ея уличалась въ развратномъ поведеніи, то была немедленно изгоняема изъ дома. Душою Валли была чиста и цѣломудренна, какъ тотъ глетчеръ, на которомъ довелось ей такъ долго прожить въ уединеніи. Всѣ деревенскія любовныя шашни, шуры-муры, прыжки изъ окна, тайныя свиданья—возбуждали въ ней чувство глубокаго омерзенія.

Вотъ по этимъ-то причинамъ вся деревня считала Валли безпощадной, жестокой,—и ее побаивались такъ же, какъ когда-то боялись самаго Штроммингера. И не смотря на все это, не было парня, который не сходилъ-бы съ ума по ней. Конечно, не богатство тянуло ихъ къ Валли: молодежь была увлечена только *ею*, потому что каждый поклонникъ дивился своеобразности этой дѣвушки: такая она рослая, стройная, да притомъ—силачка! Высокой груди тѣсно было въ узкомъ корсажѣ, и казалось, вотъ-вотъ корсажъ треснетъ; а когда Валли, угрожая кому нибудь, взмахивала крѣпкой рукой, мускулистой какъ у мужчины, прекрасные чорные глаза ея метали молніи и въ нихъ искрылась презлая насмѣшка... Въ парняхъ такъ и вспыхивалъ огонь любви и имъ страстно хотѣлось побороть Валли, они рады были бороться до послѣдняго издыханія, чтобы сорвать съ ея губъ хоть одинъ поцѣлуй,—но, увы, ни у кого силенки на это не хватило, приходилось отправляться на попятный дворъ, позорно отступать и сгарать со стыда... А гдѣ-же тотъ, кто въ состояніи былъ-бы совладать съ нею?... Явится-ли онъ?... Валли все ожидала его!...

— Кто съумѣетъ поцѣловать меня — ну, за того я и выйду; а у кого силы не хватитъ на это, кому не удастся взять такой поцѣлуй—значитъ, ему еще далеко до меня—не выросъ еще парень!

Такую кичливую фразу она дѣйствительно какъ-то разъ проговорила, и пошла эта фраза гулять по всей окрестности. Много парней, даже издалека, приходили на Солнечную площадку, желая счастья попытать, изловить Валли на словѣ. И вотъ, побороть эту дѣвушку, сорвать поцѣлуй съ ея губъ—стало дѣломъ чести, какъ любой подвигъ становится вопросомъ чести для человѣка сильнаго, самолюбиваго.

Въ короткое время всѣ парни, сколько ихъ было во всемъ Эцт-Гуглер-Шнальзеръ-талѣ, перепробовали одолѣть Валли, чтобы чмокнуть ее,—и никому изъ нихъ не удалось выйдти побѣдителемъ изъ такой борьбы; а Валли смотрѣла на это какъ на дикую забаву, которая была ей по сердцу, потому что тутъ она могла проявить свою тѣлесную силу. Валли извѣстно было, что молва о ней широко разнеслась,—и она была увѣрена, что дойдетъ это и до ушей Іосифа, который пожалуй и самъ захочетъ явиться сюда (слухи раззадорятъ его), чтобы сорвать поцѣлуй съ ея губъ—ну, хоть ради того, чтобы доказать еще разъ, какой онъ силачъ, какъ это онъ ужъ показалъ, одолѣвъ медвѣдя. „Только-бы онъ пришелъ“ думала Валли: „а тамъ... да почему-жъ-бы ему и не влюбиться въ нее, вотъ какъ другіе влюбились? Она будетъ къ нему внимательна, привѣтлива съ нимъ, а это еще болѣе разшевелитъ его сердце!“.. Однако, Іосифъ не являлся. Но вотъ, какъ-то, въ гостинницу „Олень“, смежную съ Штроммингеровымъ огородомъ, пришелъ одинъ изъ обывателей Вента и, еще на дворѣ, сталъ что-то разсказывать. Валли въ это время полола грядки. Слово „Іосифъ“ долетѣло до ея ушей—она бросила работу и стала прислушиваться.

Вентскій обыватель разсказывалъ, что Іосифъ Гагенгахеръ, съ тѣхъ поръ какъ похоронилъ мать, зачастилъ похаживать на постоялый дворъ въ Цвизельштейнѣ подъ вывѣской „Ягненокъ“, и что люди болтаютъ ужъ насчетъ любви его къ смазливенькой работницѣ—Аѳрѣ. Вотъ вчера онъ опять былъ въ „Ягненкѣ“ и сидѣлъ у стола рядышкомъ съ ней, такъ какъ сама-то хозяйка возилась на кухнѣ... Вдругъ откуда-то выбѣжалъ быкъ и понесся по деревнѣ, какъ бѣшеный вихрь, потому что въ ухѣ его засѣла какая-то колючка. Всѣ въ дома попрятались, двери позапирали; хозяинъ „Ягненка“ сталъ тоже запирать ворота—и нечаянно увидѣлъ посреди улицы свою меньшую дочьку—пятилѣтнюю Лизу, которая лежала тамъ ничкомъ и не вставала. Дѣти занимались игрой „въ почту“, а Лиза должна была представлять лошадку, потому ей и пришлось быть впряженной въ довольно тяжелую тачку.

(Продолженіе будетъ).

Ржевъ-Владиміровъ.

Въ любой географіи вы встрѣтите о Ржевѣ свѣдѣнія исключительно такого рода: лучшій городъ Тверской губерніи, около двадцати тысячъ жителей, важная пристань на Волгѣ, канатныя и прядильныя фабрики, большой отпускъ сырыхъ произведеній и т. п. Отъ этихъ свѣдѣній вы никуда не уйдете, только рѣчь зайдетъ о мало-мальски выдающемся величиной уѣздномъ городѣ; вы услышите о нихъ тѣ же подробности, почти въ тѣхъ же стереотипныхъ выраженіяхъ. Въ вашей памяти, читатель, носится навѣрное цѣлый рядъ такихъ городовъ: Сызрань, лучшій городъ Симбирской губерніи, пристань, Саранскъ, лучшій городъ Пензенской губерніи, торговый городъ, Чистополь и т. д. и т. д. Все это лучшіе уѣздные города разныхъ губерній: въ одномъ—торговля, въ другомъ—пристань, въ третьемъ—промышленный духъ и пр., а благодаря всему вмѣстѣ взятому—богатство.

Въ каждой русской губерніи несомнѣнно есть одинъ такой городокъ: поневолѣ отъ массы именъ и одного общаго эпитета, примѣнимаго чуть не ко всѣмъ, у человѣка не ѣздившаго по Россіи—сложится очень смутное понятіе объ нашихъ уѣздныхъ городахъ. По губернски еще кое-гдѣ разставлены памятники, а по уѣзднымъ и того нѣтъ. Всѣ эти Сызрани, Сарански, Чистополи представляются какъ двѣ капли воды похожими другъ на друга; думается: вмѣстѣ росли они, вмѣстѣ развивались на счетъ окрестныхъ селъ и теперь, какъ видно, одинаково благоденствуютъ.

Если вы, столичный житель, захотите съѣздить посмотрѣть хоть на одинъ изъ этихъ деревянныхъ великорусскихъ городковъ, то вынесете послѣ краткаго обзора одно общее и невыгодное впечатлѣніе сѣренькой обстановки и царящей надъ всѣмъ скуки. У рѣдкаго уѣзднаго города красивая наружность, сносныя улицы; развѣ случится мѣсто особенно живописное: какая нибудь гора, оврагъ, сады... За то *типъ* рѣзко бьетъ въ глаза въ каждомъ изъ этихъ лучшихъ, по географіи, городовъ,—характерный типъ нажившагося и сонваго купца, которому удалось выйти изъ мѣщанъ, выстроить каменный двухэтажный домъ, завести лошадей, жену въ шелковомъ платьѣ и зажить въ свое удовольствіе, знать ничего не желая. Если провинція, какъ у насъ привыкли выражаться, спитъ, то уѣздные города храпятъ и даже сновъ не видятъ. Можетъ быть Ржевъ, о которомъ я поведу рѣчь, и представляетъ на взглядъ посторонняго наблюдателя пріятное исключеніе, благодаря оживленной... пристани, суетнѣ у желѣзнодорожнаго вокзала... Но мирный ходъ наживы и пріобрѣтенія благъ цивилизаціи однообразенъ какъ уѣздная скука, а потому мало интересенъ: онъ съ удобствомъ можетъ стать въ концѣ предлагаемаго очерка. Обратимся къ исторіи Ржева. Краткое указаніе въ лѣтописи и разсказы старожиловъ—вотъ источники для историческаго описанія судебъ любаго уѣзднаго городка. За то при такомъ описаніи вы хоть на время отрѣшитесь отъ обыденнаго хода *мѣщанскаго счастья*, если можно такъ выразиться; на васъ пахнетъ чѣмъ-то забы-

Библиотека "Руниверс"

тымъ уже для иныхъ интересовъ, пахнетъ поэзіей старины, которая была хоть и еще непригляднѣе, за то успѣла сложиться въ извѣстную картину, выставить своихъ любимыхъ героевъ. И такъ, посмотримъ на городъ Ржевъ сначала съ этой стороны, возьмемтесь за лѣтопись.

Яркимъ доказательствомъ, того насколько современная жизнь Ржева богата содержаніемъ и поэзіей, служитъ не такъ давно напечатанное стихотвореніе какого-то ржевскаго гражданина, который взялъ да и переложилъ лѣтопись размѣренными строчками. Лучшей темы не нашлось, а насколько она благодарна для пишущаго и насколько хороши сами стихи, можете судить по такому отрывку.

«Когда Мстиславъ, удалый князь
Съ Новгорода чрезъ Селигеръ,
По озеру, съ дружинами
Пришелъ подъ Ржевъ и велъ войну
Жестокую, кровавую,
То былъ отбитъ гражданами
И сотнею лишь воиновъ,
Которыми командовалъ
Ерунъ лихой, мужъ доблестный.
И выдержанъ Ржевичами
Былъ славный бой за родину,
И слава та безсмертная
Изъ вѣка въ вѣкъ про подвигъ тотъ
Гласитъ о нихъ въ исторіи.
А послѣ Ржевъ удѣломъ былъ и т. д.

Не правда ли, довольно пріятная лѣтопись? Отрывочныя сказанія лѣтописцевъ много бы выиграли отъ такого изложенія. Въ добавокъ размѣръ приведеннаго стихотворенія не нарушилъ вѣрности передаваемыхъ фактовъ. Дѣйствительно въ 1216 году *«Ржевъ городецъ—Мстиславль на верхъ»*, бывшій во владѣніи Торопецкаго князя Мстислава Удалаго, выдержалъ продолжительную осаду отъ десятитысячнаго войска зятя Мстиславова, Ярослава Всеволодовича, князя Переяславскаго. Въ городѣ сидѣлъ полководецъ Мстислава Ярунъ или Ерунъ, а съ нимъ всего горсть вооруженныхъ людей. Жители Ржева успѣли, благодаря личному мужеству, продержаться до прихода Мстислава, который набралъ пятьсотъ человѣкъ новогородской конницы и по льду озера Селигера, 1-го марта 1216 г., перешелъ въ свою волость. «Идите въ зажитія моя, только головъ не емлите» приводятся въ лѣтописи слова Удалаго; «Исполнишася корма и сами и кони» говорится дальше про всадниковъ новогородскихъ. Осада со Ржева была скоро снята, осаждавшіе удалились.

Затѣмъ Ржевъ перешелъ въ Новогородское владѣніе, а отъ него—въ Московское.

Въ началѣ второй половины XIV вѣка (1356) Ржевъ былъ взятъ сыномъ литовскаго князя Ольгерда Андреемъ, который назначилъ по Ржевъ особаго намѣстника.—Отецъ Андрея пріѣзжалъ осматривать новопріобрѣтенный городъ. Ржевъ, будучи самымъ дальнимъ угломъ литовскаго княжества, долго былъ спорнымъ пунктомъ между нимъ и Москвой. До конца XIV столѣтія городъ все переходилъ изъ рукъ въ руки; наконецъ причисленъ къ Московскому княжеству и достался Дмитрію Донскому.

Названіе *«Ржевъ-Володиміровъ»* городъ получилъ вѣроятно отъ двоюроднаго брата Донскаго, Владиміра Андреевича Храбраго, принимавшаго участіе въ счастливомъ оборотѣ куликовской битвы.

Около этого времени въ городѣ выстроена была крѣпость, слѣды которой открыты въ 1832 году при стройкѣ соборной колокольни. Народное преданіе говоритъ, что и теперешній соборъ построенъ на высокомъ насыпномъ валу стараго *«Мстиславля»*.

Владѣлъ Ржевомъ и Шемяка; но когда Василій Темный одержалъ надъ нимъ верхъ и Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ, Ржевъ перешелъ къ сыну Темнаго Борису, а затѣмъ во владѣніе двухъ внуковъ: Федора и Ивана; городъ подѣлили: лѣвый берегъ Волги до сихъ поръ въ память перваго изъ нихъ зовется *князь-Федоровской* стороной, правый берегъ рѣки выпалъ на долю Ивана, послѣ смерти котораго часть Ржева досталась вскорѣ по завѣщанію сыну Ивана III Дмитрію и стала съ той поры называться *«князь-Дмитровской стороной»*. Про Ивана Грознаго преданіе говоритъ, что будто онъ заѣзжалъ въ Ржевъ во время своихъ богомолій и гдѣ-то неподалеку отъ него охотился.

Въ 1581 году подъ городъ подходили польскія войска, но были отражены.

Въ смутное время Ржевъ терпѣлъ отъ Литвы, съ представленіемъ о которой тѣсно связано одно любопытное народное преданіе. Въ немъ героемъ-защитникомъ города отъ вражескихъ нападеній является какой-то князь Владиміръ (можетъ быть братъ Донскаго) съ женой Агрипиной. Каждый разъ какъ Ржеву грозила опасность отъ Литвы, онъ являлся на князь-Федоровской сторонѣ, страшнымъ для враговъ провидѣніемъ, верхомъ на бѣломъ конѣ, съ однимъ бѣлымъ платкомъ въ рукѣ, безъ всякаго оружія. Завидя маханье платкомъ, заслышавъ громкое конское ржанье, Литовцы, столько разъ подступавшіе къ Ржеву-Владимірову, ослѣпленные и перепуганные кидались съ крутаго берега въ Волгу и тонули при переправѣ. До 1746 года въ палатку поставленную надъ мѣстомъ погребенія князя-защитника благодарные жители ставили, говорятъ, каждый день новые сафьянные сапоги, потому что, по преданію, князь Владиміръ охранялъ городъ и въ мирное время, обходя его каждую ночь пѣшкомъ. Яснымъ доказательствомъ послѣдняго служило то, что поставленные вечеромъ сапоги наутро оказывались изношенными. Ихъ замѣняли новыми.

Какъ-то разъ Ржевцы не захотѣли поставить князю новыхъ сапогъ, а взяли да подкинули къ старымъ подметки. Вѣроятно въ характерѣ жителей около этого времени стали проявляться инстинкты наживы: разсчетъ, корысть и скупость. На другое утро обувь нашли неизношенной. Жители Ржева перепугались, взялись за умъ, выбросили старые сапоги и поставили новые. Ихъ испугала мысль, что они пожалѣли сафьяну для князя, имѣли совѣсть его надуть. Но и новые сапоги остались нетронутыми; другіе, смѣнившіе ихъ—тоже; третьи—тоже.

Ржевцы въ великой скорби рѣшили, что благодѣтель князь разсердился и ушелъ отъ скупыхъ и неблагодарныхъ горожанъ въ Новгородъ. Подъ соборомъ, говоритъ преданіе, на князь-Федоровской сторонѣ схоронены полумиѳическіе князь съ княгиней.

Съ начала прошлаго столѣтія Ржевъ причислялся нѣсколько разъ то къ одной, то къ другой провинціи: въ 1708—къ Ингерманландской, въ 1719—къ Тверской провинціи Петербургской губерніи; въ 1727—отошелъ къ губерніи Новгородской, а ровно сто лѣтъ назадъ былъ причисленъ къ Тверскому намѣстничеству. Въ настоящее время, какъ извѣстно, онъ лучшій городъ Тверской губерніи.

Слѣды прежней жизни видны около города и до сей поры: въ верстѣ, внизъ по Волгѣ, лежитъ село Опоки, выстроенное на мѣстѣ стараго города Опокъ; нѣсколько древнихъ кладбищъ разбросано по окрестностямъ, иныя успѣли уже порости лѣсомъ, а другія попасть подъ соху; ряды кургановъ въ уѣздѣ... все это напоминаетъ о далекомъ прошедшемъ. Мѣстные историки говорятъ, что Ржевъ существовалъ еще до изданія Русской Правды княземъ Ярославомъ.

На мѣстѣ старой жизни возникла новая жизнь... Наружность города перемѣнилась къ лучшему. Перейдемъ къ ней.

«Обѣ части Ржева, говоритъ г. Красницкій въ своихъ *«Очеркахъ Тверской губерніи»*—почти одинаково обстроены и соединяются между собой плашкоутнымъ мостомъ, по которому мы и отправимся на князь-Федоровскую сторону. На этой сторонѣ на первомъ планѣ помѣщается ржевскій соборный храмъ съ его высокою колокольнею, отъ которой перекинутъ довольно красивый мостъ, ведущій на обширную торговую площадь, окруженную съ четырехъ сторонъ зданіями красивой архитектуры, въ числѣ которыхъ есть и такія, которыя сдѣлали бы честь не только иному губернскому городу, но были бы недурны и въ столицахъ. По срединѣ этой площади помѣщается красивый каменный гостинный дворъ, еще не совсѣмъ достроенный послѣ пожара, бывшаго въ 1871 году, истребившаго какъ гостинный дворъ такъ и множество домовъ. Кругомъ гостиннаго двора находится обширное мѣсто для базара, бывающаго въ городѣ по три раза въ недѣлю, и на этой же площади бываютъ двѣ большія ярмарки въ году: одна—въ первое воскресенье великаго поста. а вторая—29-го іюня, въ Петровъ день; обѣ ярмарки продолжаются по цѣлой недѣлѣ. Здѣсь же на площади находится красивое зданіе Ржевской Думы и первая часть пожарной команды, выходящія своимъ фасадомъ на Волгу...

Въ числѣ зданій, окружающихъ эту площадь, находятся Земская Управа, Мировой Съѣздъ, Городской банкъ, основанный П. М. Мясниковымъ, казначейство, уѣздное училище, аптека и множество магазиновъ и лавокъ; затѣмъ, въ мѣстностяхъ прилегающихъ къ этой площади, помѣщаются духовное и губернское техническія училища, отдѣленіе Волжско-Камскаго Банка, ржевскій общественный клубъ, телеграфная станція, вокзалъ строющейся Новоторжско-Ростовской желѣзной дороги и восемь православныхъ церквей. Замѣчательна болѣе другихъ первая—соборная, построенная на валу старинной крѣпости, на мѣстѣ бывшей деревянной церкви, существовавшей еще при жизни князя Дмитрія Ивановича, скончавшагося въ Москвѣ въ 1621 году, отъ имени котораго и получила названіе князь-Дмитровская сторона, принадлежавшая къ владѣніямъ этого князя. На этой же сторонѣ находится множество фабрикъ на самыхъ улицахъ, которыя обстроены каменными и деревянными домами... «Нельзя не упомянуть, что кромѣ вышеозначенныхъ различныхъ заведеній и учрежденій находятся двѣ фотографіи, три нотаріальныя конторы и порядочное количество страховыхъ агентовъ. Приводимыя свѣдѣнія относятся къ прошлому году.

«На противуположной князь-Дмитровской сторонѣ, продолжаетъ *«Описаніе»*—помѣщаются зданія: Ржевскаго Окружнаго Суда, Полицейскаго управленія, отдѣленія государственнаго банка, земской больницы и разныхъ богоугодныхъ и благотворительныхъ заведеній. На этой сторонѣ также находится торговая площадь съ каменными рядами, торговыми и промышленными заведеніями, аптека, гостинница для пріѣзжающихъ и множество прядильныхъ фабрикъ, расположенныхъ почти по всѣмъ улицамъ и переулкамъ этой стороны, гдѣ находятся также дома красивой архитектуры, въ которыхъ помѣщается *огромное* число магазиновъ и лавокъ и т. д.».

Однимъ словомъ, городъ хорошо обстроенъ, шуменъ и богатъ,

Библиотека "Руниверс"

послѣднее доказывается, по мнѣнію автора, красивыми каменными домами, роскошной мебелью этихъ домовъ, дорогими лошадьми, на которыхъ ѣздятъ ржевскія купчихи и жемчужными *рясками* на ихъ головахъ. Видъ на городъ съ Волги тоже не дуренъ. Туристу, подъѣзжающему снизу, представляется довольно красивая панорама: сначала, на лѣвомъ берегу, старинное село Оноки со слѣдами бывшаго когда-то вала; затѣмъ впереди, послѣ непрерывно тянущихся пристаней и фабрикъ праваго берега—городской соборъ и стоящее высоко надъ городомъ зданіе Думы, а за ней хорошенькая вся въ зелени церковь Владимірской Богоматери и князь-Дмитровская сторона,—мѣсто, гдѣ высаживаютъ съ парохода пріѣзжаго человѣка.

Одинъ изъ современныхъ французскихъ писателей выразилъ такую мысль, что стоитъ людямъ разъ хорошенько подраться около какого-нибудь поселенья, оросить его окрестности кровью—и поселенье, бывшее дотолѣ неизвѣстнымъ, появится въ исторіи, займетъ одну изъ ея страницъ. Все высказанное французскимъ авторомъ вполнѣ, какъ мы видѣли, приложимо къ исторіи большинства русскихъ городовъ и къ исторіи Ржева, въ частности. Не будь осады 1216 года, онъ бы можетъ долго не вышелъ изъ мрака временъ; затѣмъ, замѣчу кстати, не будь онъ въ настоящую минуту лучшимъ городомъ послѣ Твери, можетъ статься никто бы и не вспомнилъ о помянутой осадѣ, впрочемъ потому что картины прошлой жизни обыкновенно изображаются больше для того, чтобы выказать въ лучшемъ свѣтѣ мирное настоящее.

Ржевитяне, по свойственному людямъ самолюбію, гордятся однимъ человѣкомъ, жизнь котораго не прошла безслѣдно въ русской исторіи XVII-го столѣтія. Этотъ человѣкъ — Діонисій Ржевскій, бывшій впослѣдствіи архимандритомъ Троицко-Сергіевской лавры, взывавшій къ русскому народу объ изгнаніи поляковъ въ смутное время самозванщины.

Три аккорда.

Разсказъ.

— Да оставайтесь, господа, у меня ночевать?... Домъ мой старый, помѣщичій... Слава Богу, мѣсто найдется! Для гостей даже особенный флигель есть: остатокъ блаженной старины! Тамъ все въ порядкѣ... Юлія Ивановна, какъ вы на этотъ счетъ?...

Хозяинъ усадьбы, Сергѣй Петровичъ N, мужчина лѣтъ сорока, холостякъ, обратился съ этимъ вопросомъ къ полненькой молоденькой дамочкѣ, которая сидѣла рядомъ съ нимъ и держала въ рукѣ рюмочку съ домашней вишневкой. По другую сторону Сергѣя Петровича помѣщался мужъ Юліи Ивановны, худощавый господинъ, съ небольшою лысиной и рѣденькой съ просѣдью бородкой. Опрокинувъ голову на спинку кресла, онъ пускалъ въ потолокъ тоненькой струйкой сигарный дымъ. Противъ этой группы полулежалъ въ креслѣ толстенькій старичокъ-помѣщикъ, сосѣдъ Сергѣя Петровича, съ длинными сѣдыми усами, какъ видно отставной воинъ. Передъ нимъ стоялъ полудопитый стаканъ съ виномъ. Небольшое общество только-что отужинало. Часы пробили одинадцать.

— Да я-бы осталась, отвѣтила Юлія Ивановна,—право, какъ-то лѣнь ѣхать... Такъ бы вотъ, кажется, все и сидѣла!

Она лѣниво поднесла рюмочку къ алымъ губкамъ, сдѣлала маленькій глотокъ и, хихикнувъ, прибавила:

— Но вѣдь я не единица, я только—половинка!..

— А выпиваешь цѣлую рюмку такой крѣпкой наливки, замѣтилъ супругъ.

— Ну, такъ что-жъ? Это ты ради каламбура...

— Ничего. Кушай себѣ на здоровье! А замѣтилъ я это потому, что тебѣ оттого и трудно подняться, что наливка...

— Да зачѣмъ-же непремѣнно ѣхать, Левъ Михайлычъ? спросилъ хозяинъ.—Почему не остаться?..

— Нужно мнѣ сегодня быть дома. Видите-ли, завтра мнѣ необходимо съѣздить въ городъ. Поѣздъ останавливается на станціи «Удалая» всего на пять минутъ. «Удалая» отъ вашей усадьбы въ пятнадцати верстахъ, а отъ моей—только въ трехъ... Въ половинѣ десятаго утра я уже долженъ быть на станціи, а между тѣмъ, если я...

Сергѣй Петровичъ и Юлія Ивановна вздрогнули: яркая молнія сверкнула, освѣтивъ бѣло-лиловымъ свѣтомъ всю столовую и бѣлыя колоны балкона, которыя были видны изъ окна.

— Первая гроза, замѣтилъ старикъ съ сѣдыми усами. Онъ одинъ только перекрестился. Воцарилось молчаніе.

— Передъ ужиномъ я еще смотрѣла: такое чистое было небо, а теперь вдругъ... Но отчего-же не гремитъ? заговорила Юлія Ивановна.

— Гроза не здѣсь—далеко, отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ,—но вотъ сейчасъ и громъ услышите... И какъ темно стало!...

Дѣйствительно, спустя немного времени гдѣ-то далеко зашумѣло, какъ будто по деревянному мосту проскакало галопомъ нѣсколько всадниковъ—и опять все стихло.

Хозяинъ подошелъ къ балконной двери, открытой настежъ и поглядѣлъ на небо.

— Ого, какая туча идетъ сюда! воскликнулъ онъ.

— Идите сюда, Сергѣй Петровичъ, и заприте непремѣно окна и балконную дверь! скомандовала Юлія Ивановна.

Сергѣй Петровичъ повиновался, заперъ дверь, окна, и вернулся на свое мѣсто.

— А вы боитесь грозы? спросилъ онъ.

— Не то что боюсь, а слишкомъ близко... непріятно...

— Да ужъ сказала-бы прямо, что боишься, подхватилъ мужъ и прибавилъ:—о, она у меня прехрабрая!

— Да ужъ теперъ не поѣду—останусь! засмѣялась Юлія Ивановна.—Въ грозу ни за что не поѣду!.. Во-первыхъ, мы въ коляскѣ, а не въ каретѣ, а во-вторыхъ—лошади могутъ испугаться молніи, грома... Я остаюсь, Сергѣй Петровичъ! То есть—мы остаемся, да, да!..

— На время грозы... разумѣется, спокойно проговорилъ Левъ Михайлычъ,—но вѣдь, когда она пройдетъ, то почему же —

— Ахъ, какой ты упрямый! перебила его жена.—Ну, я очень устала... Я не могу..! Ну, отчего же не сдѣлать такъ, какъ жена хочетъ?.. Завтра пораньше выѣдемъ отсюда...

— Будьте-же любезны, Левъ Михайлычъ! воскликнулъ хозяинъ.—Ну, да, да—я вижу, вы остаетесь! Завтра пораньше отправитесь—и дѣло въ шляпѣ.

Левъ Михайлычъ провелъ рукою по лбу, прищурилъ глаза и еще глубже усѣлся въ кресло.

— О, я сговорчивъ! произнесъ онъ весело.—Но мнѣ нужно было сдѣлать дома кое-какія распоряженія, написать кое-что... Ну, что дѣлать! Само небо стало на сторону моей жены... Надо покориться...

И опять столовая и бѣлыя колоны балкона освѣтились чуднымъ ярко-бѣло-лиловымъ огнемъ. Не прошло и двухъ секундъ, какъ гдѣ-то, но уже гораздо ближе, загрохотало, словно по деревянному гулкому мосту пролетѣла теперь артиллерія... Стеклянная дверь балкона слабо звякнула и, вслѣдъ затѣмъ, въ стекла ударило какъ бы мелкой дробью — проливной дождь зашумѣлъ.

— А вы, полковникъ, конечно ночуете у меня? спросилъ Сергѣй Петровичъ у сѣдаго воина.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣтилъ полковникъ, прихлебывая изъ стакана.—Да я даже, знаете, люблю ночевать гдѣ-нибудь! У себя, дома, какъ-то надоѣло.. Все знакомо и какъ-то спится-то скучно.. Право! Въ чужомъ мѣстѣ слаще спать—спишь и наслаждаешься! Хе, хе, хе!

— Ну, вотъ и прекрасно! Ахъ-да! Вѣдь надобно распорядиться, чтобы вашъ Илья отпрегъ лошадей, такъ какъ вы завтра ѣдетъ...

Хозяинъ уже приподнялся съ кресла, но Левъ Михайлычъ остановилъ его и самъ всталъ.

— Сидите. Я самъ распоряжусь... Илья у меня парень безтолковый. Онъ только меня и понимаетъ..!. Съ нимъ слѣдуетъ особенно говорить.

Левъ Михайлычъ вышелъ.

— Да, Илья нашъ престранный, замѣтила Юлія Ивановна:—молодой онъ еще, но какой-то постоянно сонный... Впрочемъ, безтолковымъ его нельзя назвать...

— Ну-да, Левъ Михайлычъ боится, чтобы какъ бы не опоздать ему завтра по милости Ильи, ну вотъ и пошелъ самъ, сказалъ полковникъ.

— Я, кажется, въ первый разъ буду ночевать въ чужомъ мѣстѣ, заговорила Юлія Ивановна,—и вотъ, не знаю: засну-ли?

— Великолѣпно заснете! воскликнулъ Сергѣй Петровичъ.

— Дома я, какъ лягу—сейчасъ засыпаю.

— Что касается меня, вмѣшался полковникъ,—то я только въ чужомъ мѣстѣ и могу скоро заснуть!.. Передъ глазами, знаете, все незнакомое... ну, и того... А вотъ у себя, повѣрите-ли, часа два проворочаешься и тогда только заснешь! Прежде, бывало, еще стихи помогали, а теперь и они не дѣйствуюеъ...

— Стихи? засмѣялась Юлія Ивановна.—Это какъ же?.. То есть, вы читаете, чтобы заснуть?

— Нѣтъ-съ, не читаю, а такъ... на память...

— И сначала это усыпляло? спросилъ Сергѣй Петровичъ.

— Оказывало дѣйствіе. Бывало, какъ начнешь: «Гирей сидѣлъ, потуня взоръ»... ну, понимаете, стихъ чудесный... музыка! Раза три начнешь начало-то и глядишь—впадешь въ забвеніе на «рукѣ нетерпѣливой» или на «война отъ мыслей далека»... Нѣтъ, нынче такъ не пишутъ!..

Въ столовую вошелъ Левъ Михайлычъ.

— Чудеснѣйшій дождь! сказалъ онъ, усаживаясь въ кресло.—На дорогахъ, пожалуй, дня два пыли не будетъ... А для полей-то какъ это хорошо!..

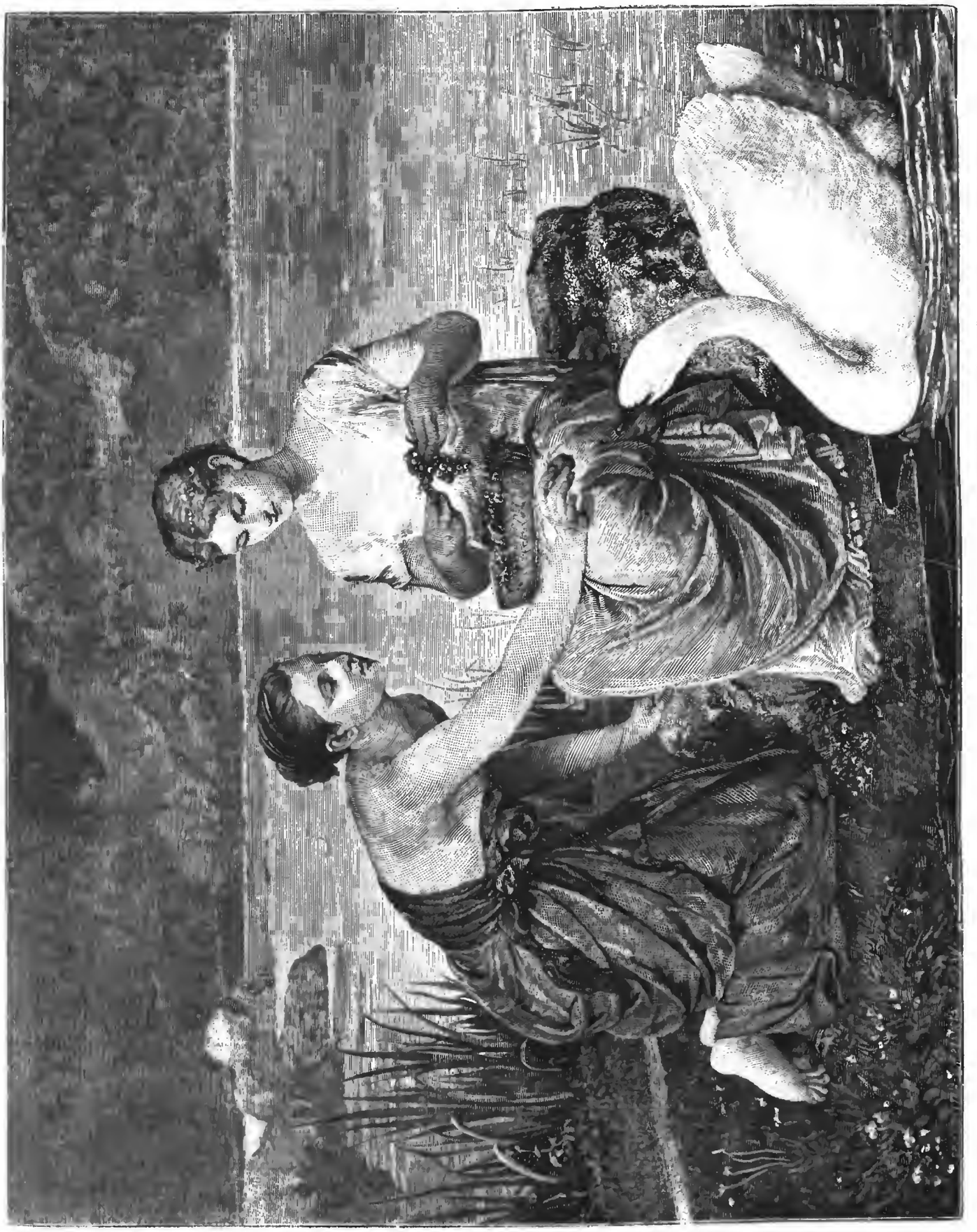
— Благодать, замѣтилъ полковникъ.

Раздался страшный громовый ударъ... Посуда на столѣ дрогнула... Юлія Ивановна слегка поблѣднѣла. Всѣ замолчали.

— Ты распорядился? спросила она мужа.

Тотъ кивнулъ головой.

Библиотека "Руниверс"



На берегу озера. Рис. Оберъ, грав. въ Варшавскомъ Ксилографическомъ обществѣ.

Библиотека "Руниверс"

Молнія поминутно сверкала; дождь шумѣлъ, шумѣли деревья въ саду, какъ будто тамъ разбушевалось море.

— Такъ какъ вамъ завтра рано вставать, то пожалуйста не стѣсняйтесь, началъ Сергѣй Петровичъ,—я сейчасъ...

— Не знаю, какъ жена, но мнѣ не хочется спать, перебилъ Левъ Михайлычъ.

— Да и я, все равно, не засну теперь, отозвалась Юлія Ивановна:—такіе удары всякій сонъ разгонятъ!

— Да, но вѣдь можетъ выйдти *воробьиная* ночка, замѣтилъ полковникъ.

— Воробьиная?

— Народное выраженіе, пояснилъ Левъ Михайлычъ: — когда гроза длится всю ночь и молнія почти безпрерывно блещетъ, то такую ночь называютъ «воробьиной»... Но сегодня этого не случится. Я глядѣлъ на небо... Черезъ часъ, а можетъ быть и менѣе, все пройдетъ...

— Ну, вотъ тогда мы и отправимся спать, сказала Юлія Ивановна, слегка потягиваясь,—но можетъ быть вы, Сергѣй Петровичъ, и вы, полковникъ, —хотите на боковую?

— О, нѣтъ! Я вообще поздно ложусь, отвѣтилъ хозяинъ,—да теперь еще и двѣнадцати часовъ нѣтъ...

— А мнѣ и тутъ хорошо, сказалъ полковникъ,—всегда успѣю въ чужомъ мѣстѣ выспаться... Хе, хе, хе!..

— Ну, вотъ и прекрасно! воскликнулъ Сергѣй Петровичъ.— Спать никому не хочется, а потому подольемъ себѣ еще винца и будемъ болтать подъ шумъ бури подъ сей уютной кровлей!.. Юлія Ивановна выпьетъ еще наливочки...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я и такъ двѣ рюмки уже выпила! подхватила Юлія Ивановна, отмахиваясь.—А вотъ, разскажите-ка, вѣдь я ни разу еще не была въ вашемъ флигелѣ «для гостей»: онъ у васъ всегда запертъ? Никто тамъ, конечно, не живетъ? И что-жъ, хорошенькое помѣщеніе?..

— Буду отвѣчать по порядку Да, флигель этотъ обыкновенно стоитъ запертымъ; иногда, впрочемъ, у меня кто нибудь ночуетъ тамъ; полковникъ, однако, предпочитаетъ спать здѣсь. Постояннаго жильца тамъ нѣтъ... Виноватъ! есть: жилецъ этотъ— духъ старины, давно минувшихъ дней...

— Ну, и что-же, прилично онъ себя держитъ? Не безпокойный духъ? спросилъ Левъ Михайлычъ.

— Худаго ничего за нимъ не замѣчалъ, улыбнулся Сергѣй Петровичъ —Однако, продолжаю: такой постоянный жилецъ, разумѣется, стѣснить не можетъ и ничѣмъ не обезпокоитъ гостей. Флигель состоитъ собственно изъ двухъ отдѣленій. Одно, по старой памяти, называется «холостымъ», другое—«женатымъ». Первое предназначалось холостякамъ (оно и меньше и проще убрано), второе—мужьямъ и женамъ. Тутъ гораздо больше комфорта, хотя и не новѣйшаго, но все-таки весьма солиднаго свойства... Впрочемъ, это вы сами увидите и, полагаю, останетесь довольны.

— Это который же флигель—вотъ что сейчасъ тутъ, направо? спросила Юлія Ивановна.

— О, нѣтъ! Это—старыя службы; а флигель, о которомъ я говорю, находится слѣва. Онъ въ самомъ саду, а отсюда за деревьями его не видно.

— Ахъ, какъ тамъ должно быть тихо... покойно!

Полковникъ крякнулъ и прихлебнулъ изъ стакана.

— А вотъ, Левъ Михайлычъ спросилъ насчетъ духа, заговорилъ онъ,—то есть, конечно, въ шутку, но... старые дома, обыкновенно, имѣютъ свои легенды... Вамъ, любезнѣйшій Сергѣй Петровичъ, ничего не извѣстно насчетъ здѣшнихъ легендъ? Не слышали-ли вы чего-нибудь?

— А что?

— Нѣтъ, я такъ... Я, знаете, любитель вообще подобныхъ штукъ... Люблю послушать какую-нибудь этакую таинственную исторію, особенно—страшную... Пріятно, чортъ возьми!..

— Увы, полковникъ, никакихъ легендъ не имѣется тутъ! сказалъ Сергѣй Петровичъ, пожавъ плечами.—Разсказывалъ мнѣ отецъ о какой-то неудавшейся дуэли между двумя помѣщиками, пріѣхавшими къ нему въ гости,—вотъ и все, что я слышалъ...

— А вы охотникъ до страшнаго? обратился Левъ Михайлычъ къ полковнику.—Вѣроятно, знаете много страшныхъ исторій... Вотъ бы разсказали—а?

— Да все старьё! Со мной, какъ на зло, ничего страшнаго не случалось... А очень бы хотѣлось! Должно быть, пресильное, чортъ возьми, ощущеніе!... Да, наконецъ, разсказывать я не мастеръ и не люблю; слушать—другое дѣло! Особенно этакъ наночь... Фу, препріятно щекочетъ!..

— Да, пресильныя, я вамъ скажу, бываютъ ощущенія, медленно произнесъ Левъ Михайлычъ и всталъ, чтобы раскурить сигару.

— Ловлю васъ на словѣ! воскликнулъ полковникъ.—Ужь вѣрно вамъ пришлось что нибудь хоть разъ испытать этакое страшное?.. Счастливецъ вы!.. Угадалъ?..

Левъ Михайлычъ снова усѣлся въ кресло.

— Да, разъ было нѣчто такое, лѣниво проговорилъ онъ,—и оставило, конечно, нѣкоторое впечатлѣніе...

— Ради Аллаха, повѣдайте! Теперь двѣнадцатый часъ.. буря... молнія... громъ.. Вотъ, чудесно-то! А главное — услышать отъ лица потерпѣвшаго, такъ сказать...

— Я ничего не потерпѣлъ, замѣтилъ Левъ Михайлычъ.

Юлія Ивановна принужденно засмѣялась.

— Ахъ, полковникъ! Вы, какъ будто дитя, любите страшное!.. Да, и я когда-то любила слушать разныя бредни, но... вѣдь это все ужасно скучно... старо и... смѣшно! Неужели мы не можемъ найти поговорить о чемъ-нибудь такомъ... Ну, да мало ли нынче вопросовъ, которые...

— Хе, хе... Это она ужь струсила! ввернулъ мужъ.

— Развѣ я ребенокъ?.. Вотъ мило!..

— Нѣтъ, что-же.. если Юліи Ивановнѣ это непріятно, замѣтилъ полковникъ, приподнявъ брови,—то конечно, зачѣмъ же въ такомъ случаѣ...

— Сдѣлайте одолженіе, нѣсколько рѣзко-любезно перебила она его,—мнѣ рѣшительно все равно! Пусть что хочетъ разсказываетъ... Но я думала, что какой нибудь изъ современныхъ вопросовъ будетъ интереснѣе...

— Такъ ты позволяешь? спросилъ Левъ Михайлычъ.

Юлія Ивановна пожала плечами.

— Я вѣдь сказала, что мнѣ все равно!

— Позвольте-съ, да можетъ быть вы сами заинтересуетесь, замѣтилъ полковникъ.

— О, конечно! Что-жь вы, Левъ Михайлычъ, начинайте? Ничего, иногда и дѣтскій разсказъ бываетъ занимателенъ!..

— Въ такомъ случаѣ, и я попрошу Льва Михайлыча повѣдать намъ о томъ, что такое случилось съ нимъ, проговорилъ Сергѣй Петровичъ.

— Извольте, съ большимъ удовольствіемъ.

Юлія Ивановна прищурила глаза и откинула голову на спинку кресла. Полковникъ почему-то нашелъ нужнымъ опорожнить свой стаканъ и снова его наполнить.

— Ну-съ, господа, исторія эта случилась со мной лѣтъ десять тому назадъ, началъ Левъ Михайлычъ: —въ то время я еще имѣлъ несчастье быть единицей, а не половинкой (онъ слегка поклонился женѣ одной головой).. Въ качествѣ чиновника по особымъ порученіямъ мнѣ нужно было по одному дѣлу съѣздить въ уѣздный городъ Вавиловъ. Въ послѣднихъ числахъ августа я отправился въ путь и дня черезъ два добрался до Вавилова. Этотъ уѣздный городокъ въ прежнее время процвѣталъ. Онъ стоялъ на большомъ трактѣ; но съ проведеніемъ желѣзной дороги помимо его—сталъ бѣднѣть и какъ-то запустѣлъ. Изъ двухъ гостинницъ не осталось ни одной: ихъ замѣнилъ одинъ трактиръ, смахивающій на постоялый дворъ. Надо было гдѣ нибудь остановиться, при томъ же мнѣ приходилось по меньшей мѣрѣ прожить въ семъ городѣ около недѣли... У властей вавиловскихъ я не хотѣлъ останавливаться. Такъ какъ я пріѣхалъ въ городокъ часу въ шестомъ вечера и погода была прекрасная, то я отправился самъ на поиски. Представьте себѣ..

— Боже, какъ ты тянешь! замѣтила Юлія Ивановна.—Ну, что тутъ представлять? Кому же неизвѣстны условія жизни въ подобныхъ городкахъ?..

— Не буду-съ, отвѣтилъ Левъ Михалычъ.—И такъ, въ концѣ концовъ, мнѣ указали на одну изъ упраздненныхъ гостинницъ, хозяинъ которой, старикъ-купецъ, оставилъ одинъ номеръ про всякій случай. Отправился я туда. Хозяинъ былъ человѣкъ одинокій. Единственный сынъ его проживалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, торгуя тамъ чѣмъ-то. Старикъ помѣщался, со стряпухой своей, пожилой женщиной, въ мезонинѣ. Весь нижній этажъ, гдѣ прежде была гостинница, былъ совершенно пустъ и окна были закрыты ставнями. Я скоро условился съ старикомъ.

«Пойдемте, батюшка, номерокъ-то я вамъ покажу», пригласилъ хозяинъ, снимая съ гвоздя связку ключей. Мы пошли.

«Номера-то у меня, собственно, были вотъ тутъ», сказалъ онъ, указывая на корридоръ,—«но я ихъ позаперъ, а новый-то номеръ устроилъ рядомъ съ залой... Пожалуйте сюда-съ.»

Вошли мы въ залу (ставни уже были открыты), довольно просторную комнату, но совершенно пустую. Шесть желтыхъ квадратниковъ на грязномъ полу, на самой серединѣ, показывали, что тутъ стоялъ билліардъ.

«Небель всю я сбылъ на станцію-съ», продолжалъ старикъ,— «оставилъ только самую малость. Вотъ, пожалуйте-съ.... Это вотъ и будетъ-съ ваша комната. Ничего, веселенькая-съ! Насчетъ бѣлья постельнаго не сумлѣвайтесь: Агафья моя все это устроитъ. Подушки и одѣяло будутъ-съ».

Я оглянулся. Комната была довольно грязная, мебель ея состояла изъ дивана, круглаго стола, двухъ креселъ и нѣсколькихъ стульевъ. Надъ диваномъ висѣло зеркало совершенно запыленное. Въ углу помѣщалась желѣзная кровать съ тюфякомъ. У противуположной стѣны стоялъ какой-то длинный ящикъ на четырехъ ножкахъ, точно фортепіано.

«А это что такое?» спросилъ я, указывая на него.

«Гусли-съ старинныя», отвѣчалъ хозяинъ. — «Во время оно игрывалъ и я на нихъ... Такъ они тутъ и остались. Мѣста занимаютъ немного... Пущай, думаю, стоятъ. Покупщиковъ нонѣ на такой инструментъ нѣтъ. Старые священники еще игрывали на гусляхъ, ну а нонѣшніе—нѣтъ...

Я подошелъ къ ящику. Старикъ открылъ крышку... Отъ сотрясенія струны дрогнули и слабо зазвучали...

— «Инструментъ чувствительный!» произнесъ онъ и прибавилъ: «Игра на немъ-съ, можно сказать, душу восторгаетъ»...

Старикъ вздохнулъ, закрылъ крышку и сказалъ:

— «Вы теперь, коли вамъ комнатка по вкусу, пожалуйте-съ

Библиотека "Руниверс"

ко мнѣ. Выпьемъ чайку. Агафья тутъ привсдетъ все въ порядокъ... Окна надо открыть, провѣтрить, полъ вонрыскать, да пыль смахнуть, ну и касательно постели... Пожалуйте-съ въ мои аппартаменты-съ.»

Я отправился за старикомъ. Самоваръ уже былъ на столѣ.

— Ну, вотъ, теперь онъ будетъ описывать, какъ пилъ чай со старикомъ, замѣтила Юлія Ивановна.—Я и не знала, что онъ такой сочинитель!..

— Еще разъ извиняюсь, проговорилъ любезно Левъ Михайлычъ,—постараюсь быть краткимъ. И такъ, оставивъ въ сторонѣ чаепитіе, продолжаю...

Полковникъ крякнулъ и замѣтилъ съ любезной улыбкой:

— Стрѐги вы, Юлія Ивановна, съ супругомъ!... Я такъ нотъ, напротивъ, люблю, когда разскащикъ, разсказываетъ о чемъ нибудь страшномъ, тянетъ... тянетъ... Вѣдь тутъ весь въ слухъ обратишься, ждешь: вотъ-вотъ...

Всѣ разомъ вздрогнули: балконная дверь, вѣроятно, только притворенная, съ шумомъ распахнулась отъ напора вѣтра и въ это-же мгновеніе, какъ нарочно, ослѣпительная молнія сверкнула надъ темнымъ садомъ... Въ столовую ворвалась струя свѣжаго воздуха; запахъ черемухи, сирени—такъ и ѐбдалъ всѣхъ...

Юлія Ивановна поблѣднѣла. Сергѣй Петровичъ вскочилъ и заперъ дверь.

— Вы, кажется, испугались? спросилъ онъ.

— Да вѣдь и вы всѣ вздрогнули, а еще мужчины!

— Отъ неожиданности можетъ вздрогнуть завзятый храбрецъ, замѣтилъ Левъ Михайлычъ.—А вѣдь гроза-то проходитъ.... Молнія была, но удара еще не слышно, и промежутокъ времени между свѣтомъ и звукомъ довольно большой...

— Левъ Михайлычъ, вы изволили остановиться на томъ, что о чаепитіи не будете разсказывать, произнесъ полковникъ, прихлебнувъ изъ стакана,—а потому-съ потрудитесь дальше.

— Съ хозяиномъ я проболталъ часа два, покамѣстъ Агафья съ какой-то другой бабой приводили «номерокъ» въ порядокъ, заговорилъ снова Левъ Михайлычъ.—Былъ уже десятый часъ, когда Агафья доложила, что все готово.

«Пожалуйте-съ, я вамъ посвѣчу», сказала она.

Пожелавъ покойной ночи старику, я пошелъ за Агафьей. Дѣйствительно, комнатка приняла какъ будто другой видъ. Въ ней пахло свѣжимъ воздухомъ; пыли не было даже на зеркалѣ; на постелѣ лежало чистое бѣлье; для покрышки мнѣ дали розовое пикейное одѣяло. Даже чемоданчикъ мой — и тотъ былъ обмытъ.

«Чай успокоиться съ дороги-то желаете?» заговорила Агафья, поправляя подушки на постелѣ, — «ну, и ложитесь съ Богомъ!.. А я—нѣтъ—не легла-бы тутъ ни въ жисть...»

«Почему-жъ такъ?...

«Въ пустыхъ-то хоромахъ—одна?... Оборони Боже!...»

«Разбойниковъ боитесь?

«Нѣтъ, у насъ въ городѣ на этотъ счетъ тихо... Извѣстно, вы, мужской полъ — безстрашный! А ужъ только — сто рублей мнѣ давай — одна тутъ спать не лягу!...»

«Нѣтъ, вы мнѣ вотъ что скажите: много крысъ и мышей здѣсь?

«Прежде бывали, а нонѣ — нѣтъ, не слышно... Ну, батюшка, спокойной вамъ ночи и пріятнаго сна! Завтра будить, али сами встаете?»

— Самъ встаю. Часамъ къ восьми самоваръ будетъ?

— «Подамъ, батюшка, подамъ, и умыться принесу».

Агафья удалилась. Я сталъ разбирать чемоданъ; черезъ часъ лежалъ я уже въ постелѣ... Такъ пріятно было протянуть ноги! У изголовья поставилъ я стулъ, а на него — свѣчку; не забылъ положить тутъ и коробочку спичекъ. Прочитавъ нѣсколько страничекъ какого-то французскаго романа, я задулъ свѣчу и скоро заснулъ... На другой день, утромъ, сидя за чаемъ, я вспомнилъ, что видѣлъ какой-то сонъ... Сталъ припоминать, и дѣйствительно—вспомнилъ. Вотъ что мнѣ снилось: вижу — выходитъ изъ залы мальчикъ лѣтъ четырнадцати-пятнадцати въ костюмѣ половаго; на немъ розовая ситцевая рубашка, черезъ плечо—полотенце; голова кудрявая, съ проборомъ посрединѣ... Лицо миловидное... Но какіе были у него глаза — я никакъ не могъ потомъ представить ихъ себѣ. Мальчикъ остановился въ шагахъ двухъ отъ меня. — Что тебѣ? — «Да, вотъ-съ сдѣлайте милость—ослобоните-съ» заговорилъ онъ: —«тутъ, за залой, сейчасъ будетъ комната... Пожалуйте туда-съ, да третью половицу отъ печки подымите-съ... Кладъ большой получите...» Онъ поклонился, тряхнулъ кудряшками и вышелъ...

«Ночевалъ въ гостинницѣ, хотя и упраздненной но все-же въ гостинницѣ, вотъ и увидѣлъ во снѣ половаго», подумалъ я, и черезъ полчаса, занявшись дѣломъ, совершенно забылъ объ этомъ обстоятельствѣ. Вечеръ этого дня я провелъ въ домѣ главной вавиловской власти и около часу ночи вернулся въ свой номерокъ. Заснулъ почти сейчасъ-же и — что-жъ бы вы думали?—опять этотъ мальчикъ присился мнѣ...—«Что-жъ вы, баринъ, насчетъ половицы-то той?» сказалъ онъ: — «не Богъ знаетъ, какое трудное дѣло... Сдѣлайте милость! Съ награжденіемъ будете...» И опять поклонился, тряхнулъ волосами и пошелъ въ залу...

Юлія Ивановна смотрѣла въ оба на своего мужа, но Левъ Михайлычъ старался не глядѣть на нее: онъ больше обращался къ полковнику, который такъ-таки и смотрѣлъ прямо въ ротъ разскащика, повѣсивъ свои уши, по восточному выраженію, *«на гвоздь вниманія»*.

— Второй сонъ я объяснялъ себѣ тѣмъ, что, вѣроятно, находился еще подъ впечатлѣніемъ перваго; ктому-же обстановка оставалась та-же, спалъ я на томъ-же тюфякѣ, подъ тѣмъ-же одѣяломъ, словомъ—я объяснялъ это рефлексомъ, продолжалъ Левъ Михайлычъ, — и если мальчикъ упрекнулъ меня, то это произошло оттого, что вторую ночь я спалъ съ сытымъ желудкомъ, ибо довольно плотно поужиналъ у вавиловскаго администратора...

На третью ночь—та-же исторія! Опять является ко мнѣ розовая рубашка, и опять — упреки, но на этотъ разъ сильнѣе... «Коли вы теперича не исполните», сказалъ мальчикъ,—«такъ больше я и не приду... Богъ съ вами! Авось другой найдется...» Онъ ушелъ, не поклонившись.

Тутъ меня разбудила Агафья. Она принесла самоваръ, а изъ-за пазухи вытащила два письма. Одно изъ нихъ было такого содержанія, что мнѣ необходимо было въ тотъ-же день отправиться верстъ за десять къ одному помѣщику.

Левъ Михайлычъ всталъ, раскурилъ сигару, глотнулъ вина и мѐлькомъ взглянулъ на небо черезъ стеклянную дверь. Молнія изрѣдка еще вспыхивала, но грома не было... Въ саду стало какъ-то свѣтлѣе. Дождь слабо шумѣлъ. Онъ снова сѣлъ.

— Вернулся я въ городокъ часамъ къ девяти вечера. Вслѣдъ принести самоваръ, облачился въ халатъ и сѣлъ писать.

Къ завтрашнему утру мнѣ нужно было приготовить три большіе письма или—вѣрнѣе—три дѣловыя бумаги. Безъ четверти двѣнадцать я кончилъ работу и, отъ усталости, какъ убитый, повалился на постель...

Сколько проспалъ я времени — не помню, но только меня что-то разбудило... Въ комнатѣ было совершенно темно. Я сталъ прислушиваться... Гдѣ-то далеко лаяла собака... Около меня, на стулѣ чикали мои карманные часы... И вдругъ — чья-то рука коснулась струнъ гуслей... Раздался аккордъ... Я протянулъ руку за спичками и только что хотѣлъ чиркнуть, какъ почувствовалъ, что кто-то стягиваетъ съ меня одѣяло...

— Фу - ты, чортъ возьми! не вытерпѣлъ полковникъ.

Юлія Ивановна достала платокъ и громко высморкалась.

— Тутъ я вскочилъ, зажегъ свѣчку, продолжалъ Левъ Михайлычъ, слегка жестикулируя,—и осмотрѣлся... Въ комнатѣ никого не было, но по залѣ кто-то прошелъ... Заглянувъ почему-то подъ кровать, я поспѣшилъ въ залу... Никого! Смотрю: выходная дверь изъ залы заперта на задвижку, но, помнится, я не запиралъ ее... Прошелъ я въ слѣдующую комнату — и тамъ ни души. За этой комнатой была еще одна, угловая, и послѣдняя... Разумѣется, и тутъ все было пусто, даже стула не стояло. Однако, вниманіе мое было привлечено маленькою дверью, окрашенною подъ цвѣтъ обоя. Она находилась въ глубинѣ комнаты и была полуотворена... Я подошелъ къ ней и замѣтилъ три ступеньки... Струя воздуха чуть не задула свѣчки, когда я отворилъ дверцу и очутился, посреди всякаго хлама, на небольшомъ чердакѣ... Какіе-то разломанные ящики, бутыли, палки... Взрослому человѣку тутъ негдѣ было спрятаться... Нѐчего дѣлать —пошелъ въ свою комнату. Скажу откровенно, что хотя я вообще не изъ трусливыхъ, но сердце у меня постукивало какъ-то особенно... Поглядѣлъ и на «чувствительный инструментъ» — на гусли: крышка была открыта, но я совершенно не помню — была-ли она закрыта прежде?... «Должно быть, это крысы или мыши меня посѣтили» рѣшилъ я, снова легъ, задулъ свѣчку и проспалъ спокойно до утра. На другой день нарочно отправился осмотрѣть чердакъ... Но ничего новаго не нашелъ тамъ.

Проходя утромъ черезъ залу, я взглянулъ на выходную дверь: она оказалась незапертою на задвижку... Да не во снѣ-ли все это я было?... Но почему-же, въ такомъ случаѣ, приснился мнѣ чердакъ, котораго я прежде и не видалъ?...

— Нѣтъ ужъ тутъ, видно, не рефлексы, замѣтилъ полковникъ,— чортъ знаетъ что такое!...

— Именно—чортъ знаетъ что такое! подтвердилъ Левъ Михайлычъ.—Ну-съ, проведя опять вечеръ у вавиловскаго администратора, я вернулся домой въ половинѣ двѣнадцатаго, сейчасъ-же раздѣлся и легъ. Да, забылъ сказать: дверцу на чердакъ я заперъ на задвижку, дверь въ залѣ—тоже. Наверху, въ мезонинѣ, часы пробили полночь... Я погасилъ свѣчку и старался не сейчасъ заснуть... Ложась спать, я взглянулъ на гусли: они были закрыты... Все было тихо; только чиканье часовъ моихъ нарушало тишину... Такъ прошло, кажется, минутъ десять... Слышу — идетъ кто-то по залѣ, шаги все ближе и ближе... Вдругъ стихли... Я уже приготовилъ спичку... Зазвучали опять гусли: аккордъ... другой.. погасла первая спичка!... Когда я доставалъ другую—кто-то положительно сдернулъ съ меня одѣяло!.. Но вотъ и свѣчка зажжена и—опять шаги въ залѣ... Я туда— никого! Въ слѣдующія комнаты — таже ни души... Чердачная дверь заперта... Это, наконецъ, меня взбѣсило! Вернувшись въ свою комнату, я посмотрѣлъ на часы: было семь минутъ втораго... «Второй часъ. Не сплю» — написалъ я карандашомъ на первомъ попавшемся лоскуткѣ бумаги, поднялъ одѣяло съ полу и легъ въ постель. Задувъ свѣчку, я скоро заснулъ... На другой день, проснувшись довольно поздно, я живо вспомнилъ ночную исторію, а на бумажкѣ, лежавшей на столѣ, прочелъ: «Второй

Библиотека "Руниверс"

Курляндскія лягавыя собаки Рис. и грав. Шпехтъ.

Библиотека "Руниверс"

часъ. Не сплю...» Вотъ, и до сихъ поръ, я не могу объяснить себѣ, что̀ это такое было?... Неужели я вставалъ во снѣ, зажигалъ свѣчку и писалъ, что я не сплю?...

— Чѣмъ-же, однако, это кончилось? спросилъ полковникъ.

— То есть, что̀ было въ слѣдующую ночь? Да ничего не было, потому что я получилъ депешу и долженъ былъ въ тотъ-же день выѣхать изъ Вавилова...

— Эхъ, жаль!... Нѣтъ, я-бы не поѣхалъ!.. Сказался-бы больнымъ... Претаинственная, чортъ побери, штука!... Упустили!...

— Я не вѣрю... Все это глупости! отозвалась Юлія Ивановна и быстро встала.

Она подошла къ балконной двери и отворила ее.

— Ахъ, какой чудный запахъ!.. Господа, идите сюда, на балконъ!.. Это лучше всякой сказки!...

Всѣ встали. Приглашеніе было принято.

— Чудесная погода! какъ воздухъ свѣжъ послѣ грозы! замѣтилъ Сергѣй Петровичъ.

— Вотъ, тебя сейчасъ передернуло, обратился Левъ Михайлычъ къ женѣ:—не прохладно-ли тебѣ здѣсь?

— Да̀ тутъ свѣжо... послѣ дождя...

— Я васъ самъ провожу туда, но не по саду, такъ какъ теперь въ саду сыро... Пожалуйте-съ!

Хозяинъ предложилъ руку Юліѣ Ивановнѣ.

— А вотъ не дамъ вамъ руки! весело проговорила она.

— Это почему-же?

— Почему?... А потому... что я хочу исполнить желаніе своей половинки и — ѣду домой!... Вѣдь грозы нѣтъ?...

— Опять лошадей запрягать! воскликнулъ смѣясь Сергѣй Петровичъ.

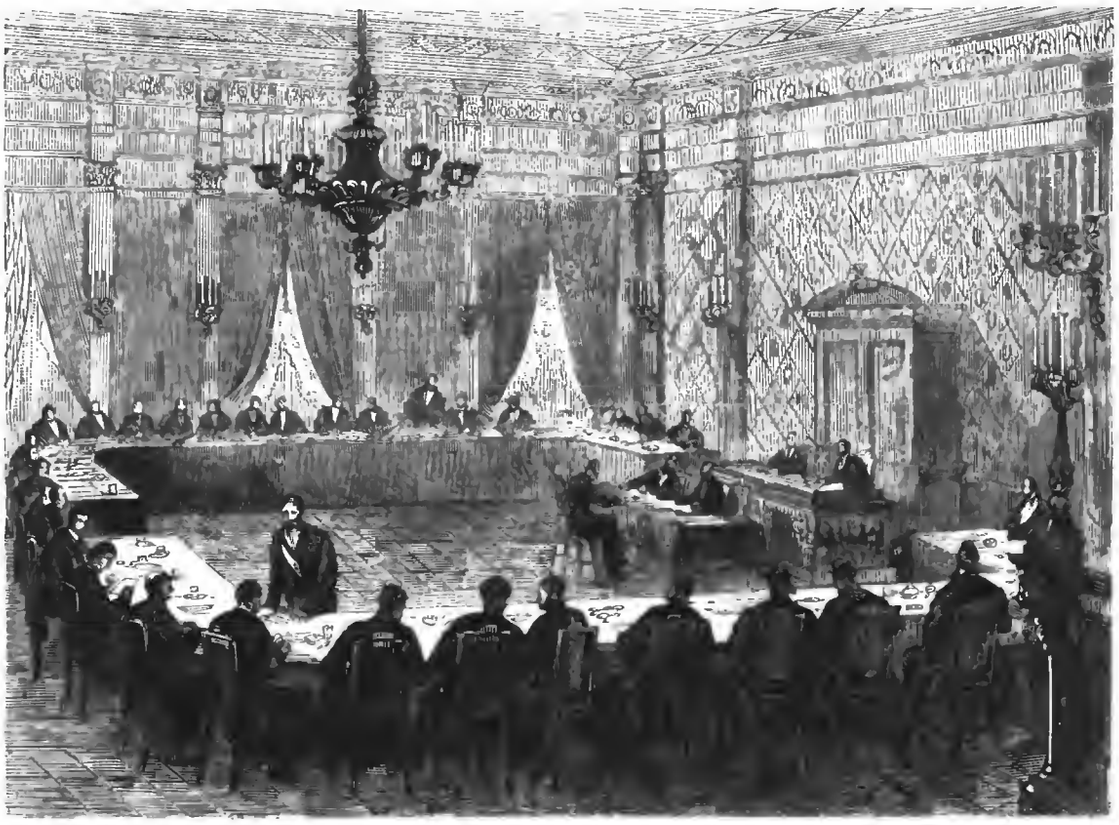
— Нѣтъ, замѣтилъ Левъ Михайлычъ,—онѣ и не отпрягались: я на всякій случай не велѣлъ распрягать...

Юлія Ивановна весело порхнула за шляпкой и мантильей въ гостиную. Мужчины остались на балконѣ.

— Однако, престранная, въ самомъ дѣлѣ, исторія, которая случилась съ вами въ Вавиловѣ, заговорилъ хозяинъ.—Неужели та̀къ и было, Левъ Михайлычъ?...

Левъ Михайлычъ улыбнулся.

— Не знаю... Это я по наслышкѣ передалъ вамъ, отвѣтилъ онъ въ полголоса:—вмѣсто мѣстоименія «онъ» я нарочно поставилъ «я...», а въ результатѣ—поѣздка домой!...



Международная телеграфная конференція въ Петербургѣ.

— Правда, свѣжо... Да ужъ и поздно теперь. Завтра надо рано встать... Сергѣй Петровичъ! Намъ пора и въ вашъ «женатый» флигелекъ!

— Вонъ оно что̀!...

— А я-то развѣсилъ уши! воскликнулъ полковникъ и прибавилъ: — эхъ, вы!...

Вѣ—еръ.

Курляндскіе лягаши.

Такъ-называемыя у насъ въ Россіи на охотничьемъ жаргонѣ *курляндскія* собаки собственно принадлежатъ къ нѣмецкой породѣ лягавыхъ. Отдавая всю справедливость англійскимъ пойнтерамъ и сеттерамъ, каждый охотникъ согласится съ тѣмъ, что эти породы больше горячятся на поискѣ, труднѣе отвыкаютъ гнать по зайцу, скорѣе устаютъ и не во всякое время охотно идутъ въ воду за убитою птицей. Совершенную противоположность имъ въ этихъ отношеніяхъ представляетъ нѣмецкая порода—и въ мѣстахъ необильныхъ дичью неоцѣненна по причинѣ своего спокойствія, неторопливости, осмотрительности и крайней выносливости какъ въ жары, такъ и въ осеннюю стужу. Къ сожалѣнію, въ настоящее время порода эта, подъ давленіемъ моды, почти совершенно вытѣснена—и кровный нѣмецкій лягашъ составляетъ большую рѣдкость.

Настоящая курляндка нѣсколько рослѣе и крѣпче всѣхъ остальныхъ лягавыхъ породъ; грудь у нея выпукла, широка и сложена изъ крѣпкихъ костей. Крутой, широкій, закругленный назади лобъ, обличающій замѣтную впадину межъ бровей, образуетъ къ затылку значительное возвышеніе. Особенно выдаются выступы глазныхъ костей, сообщая собакѣ серьозный и нѣсколько важный взглядъ. Большіе круглые глаза, большею частію прекраснаго орѣховаго цвѣта, рѣже сѣроватo-зеленаго,—не смотря на искрящійся въ нихъ огонь, отличаются спокойнымъ, умнымъ, нѣсколько задумчивымъ выраженіемъ. Толстое

Библиотека "Руниверс"

черное чутье (носъ) посрединѣ немного выпукло, съ широкими ноздрями, чрезвычайно подвижно и влажно; кожа его имѣетъ мелкозернистый видъ. Толстыя, въ углахъ зубчато-разсѣченныя верхнія губы свѣшиваются надъ нижнею челюстью и придаютъ безъ того короткой мордѣ какъ бы еще болѣе расширенную спереди форму. Нижняя челюсть, розоваго или мяснаго цвѣта, усажена небольшими бородавками. Необыкновенно мягкія и нѣжныя, болѣе или менѣе скругленныя уши очень длинны и широки. У здоровой собаки кровоносные сосуды ихъ такъ тонки, что просвѣчиваютъ на солнцѣ. У старыхъ особей—отъ ушей къ срединѣ лба тянутся тонкія складки, придающія важность и благородство всей физіогноміи. На красиво-изогнутой, стройной но мускулистой шеѣ особенно выдается первый позвонокъ. Мускулистыя переднія лапы не должны быть слишкомъ мясисты - иначе онѣ будутъ казаться кривыми. Тонкая, прямая лапа, съ крѣпкими мозолистыми пальцами и сильными когтями, поджимающимися на бѣгу, считается особымъ преимуществомъ, сообщающимъ всей фигурѣ собаки изящество и красоту. Заднія лапы, напротивъ того, при сильно развитой мускулатурѣ, должны быть жилисты въ бабкахъ и образовать красивый уголъ въ сгибѣ колѣна, чтобы собака не казалась придавленною. Часто встрѣчающіяся на нихъ шпоры, рудименты пальцевъ и такъ-называемые волчьи когти отнюдь не составляютъ признакъ породистости, представляя чрезвычайное разнообразіе даже у особей одного и того же помета. Многіе охотники обрѣзаютъ ихъ у щенковъ, такъ какъ эти отростки мѣшаютъ на бѣгу, если не твердо сидятъ на лапѣ, а болтаясь свѣшиваются внизъ.

Слишкомъ обильно питаемыя особи получаютъ неуклюжую, колеблющуюся походку и теряютъ легкость, присущую этой породѣ при разумномъ уходѣ. Варварское и чрезвычайно глупое обыкновеніе обрубать нѣсколько позвонковъ хвоста не только отнимаетъ красоту, но даже мѣшаетъ собакѣ управлять своимъ бѣгомъ; поэтому ни одинъ охотникъ не долженъ допускать этого остатка вкусовъ эпохи рококо.

Цвѣтъ шерсти чрезвычаю разнообразенъ — отъ совершенно бѣлаго съ коричневыми пятнами, до гороховаго и темнокаштановаго, или отъ серебристо-сѣраго съ крапинами до бархатисто-чернаго. Выборъ цвѣта шерсти зависитъ исключительно отъ личныхъ вкусовъ охотника. Нѣкоторые предпочитаютъ свѣтлую окраску на томъ основаніи, что собака виднѣе охотнику издали; другіе—темную, потому именно, что она не такъ замѣтна и меньше пугаетъ дичь. Главное дѣло — дрессировка, на что требуются спеціальныя педагогическія свѣдѣнія, хотя впослѣдствіи умное животное большею частію одной своей изумительной понятливостью и послушаніемъ возмѣщаетъ недостатки первоначальнаго воспитанія. Правда, что бываетъ и обратно: въ рукахъ неопытнаго, неумѣлаго, нетерпѣливаго любителя диллетанта—самая лучшая собака можетъ испортиться вконецъ, но не для этихъ господъ и писано вышеизложенное.

Международная телеграфная конференція въ Петербургѣ.

20-го мая состоялось открытіе международной телеграфной конференціи. Начало международныхъ соглашеній по телеграфному дѣлу положено было десять лѣтъ назадъ, когда въ Парижѣ состоялась первая телеграфная конференція. Дальнѣйшія конференціи по этому предмету происходили, чрезъ каждые три года: въ Вѣнѣ, въ 1868 году и въ Римѣ въ 1871 году. Въ Римѣ же было принято рѣшеніе, на основаніи котораго нывѣшняя *четвертая* конференція открыта теперь въ Петербургѣ.

Международная телеграфная конференція, по открытіи ея, имѣла два засѣданія, 21-го и 23-го мая. Программа телеграфной конференціи въ Петербургѣ состоитъ въ разсмотрѣніи статьи за статьею постановленій для международной корреспонденціи, заключающихся въ проектѣ *новой, въ отмѣну существующей*, конвенціи и въ приложенномъ къ ней, *въ новой же редакціи*, служебномъ регламентѣ, а также въ обсужденіи заявленій объ измѣненіи ихъ, полученныхъ предъ конференціей отъ телеграфныхъ управленій договорившихся государствъ. Вопросы сложные, которые нельзя подвергать преніямъ въ засѣданіяхъ конференціи безъ предварительной разработки, и тарифъ подготовляются въ комисіяхъ, составленныхъ изъ тѣхъ же членовъ конференціи. Каждая комисія избираетъ изъ своей среды предсѣдателя и докладчика. Составъ этихъ комисій назначенъ предсѣдателемъ конференціи въ первое засѣданіе, 21-го мая. Въ два первыя засѣданія конференціи слѣдующіе вопросы возбудили особенно оживленныя пренія. Вопросъ о неизмѣняемости правилъ международной службы отъ одной конференціи до другой; конференція нашла невозможнымъ ограничивать измѣненіе этихъ правилъ одними періодическими съѣздами, въ томъ вниманіи, что телеграфная служба, по ея сущности и по значенію ея для публики, можетъ требовать немедленнаго измѣненія нѣкоторыхъ изъ принятыхъ правилъ. Вопросъ о введеніи передачи частныхъ телеграммъ не въ очередь за возвышенную плату (télégrammes urgents); предложеніе этой мѣры встрѣтило много доводовъ въ пользу ея и противъ нея. Съ одной стороны, введеніе срочныхъ телеграммъ казалось необходимымъ для сношеній въ случаяхъ особой экстренности, съ другой — мѣра эта представлялась привилегіею, неблагопріятною для правильнаго въ строгой очереди движенія частной корреспонденціи. Для окончательнаго рѣшенія этого вопроса нѣкоторыми делегатами ожидаются спеціальныя указанія отъ ихъ правительствъ. Всѣ вопросы послѣ преній рѣшались подачею голосовъ. Всѣхъ голосовъ 19.

27 мая члены международной телеграфной конференціи посѣтили главную телеграфную станцію и музей горнаго института.

Въ Михайловскомъ дворцѣ, для членовъ международной телеграфной конференціи назначены, на время пребыванія ихъ въ Петербургѣ, вечернія собранія по понедѣльникамъ и четвергамъ.

31 мая делегаты прибыли въ Кронштадтъ и осматривали тамъ пароходный заводъ, новый докъ, доковое адмиралтейство, библіотеку, морское собраніе, лѣтній садъ, корабль «Петръ Великій», фрегаты «Петропавловскъ» и «Севастополь» и батарею «Константинъ».

Въ одинадцатомъ засѣданіи (13-го іюня) международной телеграфной конференціи слушанъ докладъ первой комисіи (по подготовленію тарифныхъ правилъ). Въ этомъ докладѣ комисія представила на разсмотрѣніе конференціи весьма важный, по своимъ послѣдствіямъ, вопросъ о новыхъ основаніяхъ исчисленія таксы за депеши внѣ европейской корреспонденціи. До сихъ поръ, въ сношеніяхъ внѣевропейскихъ единичную телеграмму составляли 20 словъ, за исключеніемъ корреспонденціи между Лондономъ и Индіей, для которой единичная депеша допущена въ 10 словъ. Санкпетербургской конференціи, въ виду заявленія управленія индійскихъ телеграфовъ и ходатайства телеграфныхъ компаній, предстояло обсудить вопросъ *объ исчисленіи таксы по числу дѣйствительно заключающихся въ депешѣ словъ* (однословный тарифъ). Вопросъ этотъ, при разностороннихъ интересахъ, крайне сложный и трудный, разработывался первою комисіею въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, при участіи въ ней представителей индійскаго управленія, отъ которыхъ, какъ равно и отъ телеграфныхъ компаній, комисія воспользовалась обширными данными, составленными на основаніи многолѣтнихъ наблюденій и опытовъ. Другое рѣшеніе конференціи состояло въ одобреніи выработанныхъ тарифною комисіею правилъ о передачѣ въ ночное время газетныхъ извѣстій по линіямъ тѣхъ государствъ, которыя условятся между собой относительно этой мѣры, подобно условію, существующему между Англіей и Франціей. Приэтомъ, конференція нашла полезнымъ оговорить, чтобъ передача частныхъ депешъ, поступающихъ въ ночное время, не встрѣчала препятствій со стороны непрерывной передачи газетныхъ извѣстій. Послѣ того, конференція выслушала докладъ второй комисіи (по подготовленію регламента) и разсмотрѣла заключеніе ея относительно правилъ о повѣркѣ депешъ, по требованію отправителей; объ извѣщеніяхъ о доставленіи телеграммъ; о телеграммахъ, назначенныхъ для передачи въ слѣдъ адресату; о депешахъ, имѣющихъ нѣсколько адресовъ или адресованныхъ въ разныя мѣста; объ отправленіи депешъ, назначенныхъ въ мѣстности, непользующіяся телеграфнымъ сообщеніемъ, и о телеграмахъ, передаваемыхъ семафорами. Въ то же засѣданіе конференція передала на разсмотрѣніе второй комисіи предположеніе о новомъ, употребляемомъ въ Англіи способѣ передачи указаній времени пріема телеграмъ, имѣющемъ цѣлью сокращеніе знаковъ, служащихъ для этихъ указаній.

15-го іюня, делегаты международной телеграфной конференціи предприняли небольшую экскурсію на Иматру. Делегатовъ, въ числѣ девяти лицъ, сопровождалъ одинъ изъ чиновниковъ телеграфнаго департамента, хорошо знакомый съ Финляндіей. Для проѣзда по финляндской желѣзной дорогѣ, управленіе этой дороги предоставило членамъ конференціи салонный вагонъ; въ Выборгѣ же ихъ встрѣтилъ полицеймейстеръ города и начальникъ мѣстной телеграфной станціи. Дорогой изъ Выборга, по Саймскому Каналу, делегаты встрѣтились съ выборгскимъ губернаторомъ, который объяснилъ имъ исторію и постройку канала и ознакомилъ ихъ какъ съ самою мѣстностью, такъ и съ ея особенностями. Далѣе до Иматры члены конференціи отправились сухопутно въ удобныхъ шестимѣстныхъ линейкахъ и, оставшись тамъ до слѣдующаго утра, прежнимъ путемъ возвратились въ Петербургъ. Къ сказанному остается прибавить, что поѣздка по Саймскому каналу и на Иматру произвела на иностранцевъ впечатлѣніе неожиданной и своеобразной картины. Они долго за полночь любовались водопадомъ и не разъ возвращались къ нему отъ гостинницы.

Во вторникъ, 17-го іюня, члены международной телеграфной конференціи, съ разрѣшенія министра финансовъ, посѣтили монетный дворъ, всѣ отдѣленія котораго осмотрѣли въ возможной подробности, подъ руководствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Рожкова. Массы драгоцѣнныхъ металовъ въ подготовительныхъ формахъ, груды отчеканенной монеты и обиліе остроумныхъ механическихъ приспособленій привлекли вниманіе иностранцевъ. При выходѣ съ монетнаго двора, делегатамъ были предложены медали, отчеканенныя въ память 19-го февраля 1861 года. Съ монетнаго двора делегаты отправились въ петропавловскій соборъ и въ домикъ Петра Великаго. Въ обоихъ этихъ

Библиотека "Руниверс"

мѣстахъ они выражали удивленіе той простотѣ, которая была въ обычаяхъ перваго русскаго императора и которая окружаетъ останки его потомства, покоющіеся въ соборѣ.

20-го іюня, въ четырнадцатомъ засѣданіи международной телеграфной конференціи слушался докладъ второй коммисіи по постановленіямъ о возвратѣ платы подателямъ въ случаѣ значительнаго замедленія и потери телеграммъ, а также въ случаяхъ искаженія телеграммъ съ уплаченной провѣркой; о разсчетахъ между телеграфными управленіями по взаимной передачѣ международной корреспонденціи; о правахъ и обязанностяхъ учрежденнаго въ Бернѣ международнаго секретаріата телеграфныхъ управленій; объ отношеніяхъ къ телеграфнымъ управленіямъ и къ частнымъ компаніямъ, не приступившимъ еще къ телеграфному договору, и о порядкѣ присоединенія ихъ къ этому договору.

Въ то же засѣданіе, закрытою подачею голосовъ, назначена пятая (въ 1878 году) конференція въ Лондонѣ.

Сверхъ сказанныхъ занятій, на конференціи происходилъ обмѣнъ мыслей объ учрежденіи въ Швейцаріи центральнаго института для образованія телеграфныхъ инженеровъ. Конференція отнеслась сочувственно къ этому предположенію, важному для усовершенствованія телеграфной части.

Въ пятнадцатое засѣданіе (21-го іюня) международная телеграфная конференція окончила разсмотрѣніе служебнаго регламента.

Въ шестнадцатое засѣданіе (21-го іюня) международная телеграфная конференція приступила ко второму чтенію конвенціи и служебнаго регламента. Прочитаны всѣ статьи конвенціи и 25 статей служебнаго регламента.

Затѣмъ, въ Петербургъ пріѣхалъ помощникъ директора физической обсерваторіи въ Копенгагенѣ, Лакуръ (La Cour) и предложилъ на обсужденіе членамъ международной телеграфной конференціи свое новое изобрѣтеніе, которое должно произвести переворотъ въ телеграфіи.

Изобрѣтеніе это состоитъ въ томъ, что между двумя телеграфными станціями можно передавать депеши по одной проволокѣ на нѣсколькихъ апаратахъ одновременно, причемъ передача на одномъ апаратѣ нисколько не мѣшаетъ дѣйствію на другихъ апаратахъ. Занимаясь изслѣдованіями надъ прохожденіемъ гальваническаго тока по проводникамъ, г. Лакуръ нашолъ, что электричество движется волнообразно, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ звукъ. Вслѣдствіе этого, у него явилась мысль примѣнить къ телеграфнымъ апаратамъ камертоны, соединенные съ электромагнитомъ. При такомъ соединеніи, токъ, проходя чрезъ камертонъ, получаетъ извѣстное волнообразное движеніе, которое отнюдь не смѣшивается при прохожденіи по проволокѣ съ другимъ токомъ, получившимъ иное движеніе, вслѣдствіе соединенія съ другимъ камертономъ, имѣющимъ различное отъ перваго число колебаній въ единицу времени.

Отсюда происходитъ возможность передавать по одной проволокѣ нѣсколько депешъ разомъ между двумя или нѣсколькими станціями. По увѣренію г. Лакура, его система можетъ быть примѣнена безразлично и къ апаратамъ Морзе, и къ апаратамъ Юза, а особенно къ апаратамъ дѣйствующимъ на подводныхъ кабеляхъ.

Изобрѣтеніе это уже привилегировано во многихъ государствахъ, но для окончательнаго его введенія въ телеграфіи нужны еще опыты. Члены международной конференціи весьма сочувственно отнеслись къ изобрѣтенію г. Лакура.

По предложенію предсѣдателя международной телеграфной конференціи, делегаты отправились съ курьерскимъ поѣздомъ въ Москву, во вторникъ, 24-го іюня. Главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ предоставило для этой поѣздки нѣсколько отдѣльныхъ вагоновъ 1-го класса и три купе для семействъ делегатовъ.

Знакомые съ Москвой лишь по фотографическимъ изображеніямъ нѣкоторыхъ изъ особенно выдающихся ея достопримѣчательностей и по отрывочнымъ о ней разсказамъ, иностранцы нетерпѣливо ждали увидѣть древнюю столицу, и раннимъ утромъ, когда Москва была еще далеко, настойчиво поглядывали въ открытыя окна, чтобъ уловить ея признаки. Въ Химкахъ поѣздъ встрѣтили члены городской управы и, пригласивъ ожидаемыхъ гостей остановиться въ гостиницахъ «Славянскій Базаръ» и «Дюссо», роздали имъ билеты двухъ цвѣтовъ: бѣлаго и синяго—обстоятельство, которое подало потомъ поводъ раздѣлить делегаторъ, въ шутку, на «бѣлыхъ» и «синихъ». Прибывъ въ Москву, гости замѣтили ожидавшія ихъ у вокзала щегольскія коляски съ запряженными въ нихъ четверками въ красивой русской сбруѣ. Слово «четверка» немедленно поступило въ короткій лексиконъ знакомыхъ делегатамъ русскихъ названій.

Первый визитъ делегатовъ былъ, конечно, въ домъ московскаго генерал-губернатора, гдѣ предсѣдатель конференціи представилъ ихъ князю В. А. Долгорукову и городскому головѣ Д. Д. Шумахеру. Послѣ представленія, иностранцы осматривали громадныя залы большого кремлевскаго дворца, сокровища русской старины въ оружейной палатѣ и въ ризницахъ, соборы и терема.

Послѣ обѣда, гостей ожидало новое зрѣлище—видъ заходящаго солнца надъ Москвою съ Воробьевыхъ горъ. Тѣ же отборныя четверки быстро доставили делегатовъ на тѣсную терасу деревяннаго домика. Вечеръ, послѣ лившаго наканунѣ дождя, былъ прекрасный, солнце начинало садиться. Все столпилось на терасѣ. То слышались любопытные разспросы о выдававшихся изъ общей картины церквахъ и зданіяхъ, то все общество внезапно смолкало, любуясь на раскинувшуюся предъ ихъ глазами Москву.

Въ тотъ же день предстоялъ вечеръ у генерал-губернатора, на который делегаты получили любезное приглашеніе лично отъ князя Владиміра Андреевича. Вечера у генерал-губернатора славятся не даромъ пышностью, оживленіемъ и радушіемъ гостепріимнаго хозяина. Съ 10 часовъ домъ генерал-губернатора горѣлъ безчисленными огнями; густая толпа тѣснилась на площади. Въ одной изъ залъ сервированъ былъ роскошный буфетъ; въ другой пѣлъ хоръ московскихъ цыганъ. Собравшееся общество состояло изъ членовъ телеграфной конференціи, лицъ, приглашенныхъ изъ избраннаго московскаго общества, иностранныхъ консуловъ и нѣсколькихъ прусскихъ офицеровъ, недавно прибывшихъ въ столицу. Въ третьемъ часу, гости простились съ радушнымъ хозяиномъ, наперерывъ благодаря его за пріемъ и доставленное имъ удовольствіе.

На второй день, члены конференціи осматривали храмъ Спасителя, пользуясь личными объясненіями вице-президента строительной комисіи, барона Боде. Делегаты обратили особенное вниманіе на матеріалы, употребляемые для украшенія внутреннихъ стѣнъ храма: кіевскій лабрадоръ, олонецкій порфиръ и сибирскую яшму. Затѣмъ, осмотрѣнъ былъ этнографическій музей съ художественно-составленною колекціею маннекеновъ, выразительно представляющею различныя народности Россіи, ихъ типы, одежды и обычаи. Незабытъ былъ и бельведеръ, съ котораго открывается видъ на всѣ четыре стороны Москвы, и воспитательный домъ. Въ этотъ день обѣдъ давался делегатамъ отъ города, въ трактирѣ Тѣстова. Испытывая въ Москвѣ одно впечатлѣніе новизны за другимъ, иностранцы, тѣмъ не менѣе, съ любопытствомъ ходили по одной изъ залъ трактира, утрамбованной пескомъ и обставленной растеніями и цвѣтами, смотрѣли на нашихъ половыхъ и слушали громадный органъ. Обѣдъ былъ роскошный съ знаменитою ботвиньей и огромною стерлядью. Послѣ обѣда, члены конференціи катались по Петровскому Парку.

«Голосъ» сообщаетъ, что члены международной телеграфной конференціи, посѣтивъ, во время поѣздки своей въ Москву, воспитательный домъ, собрали по подпискѣ между собою 675 руб. и деньги эти назначили въ пользу того ребенка, который былъ принятъ въ воспитательномъ домѣ первымъ послѣ посѣщенія его делегатами, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ смерти этого ребенка, собранная сумма перешла въ принадлежность слѣдующему, по очереди поступленія въ воспитательный домъ питомцу.

Утромъ послѣдняго дня, до 2-хъ часовъ, делегаты осматривали нѣкоторые изъ земчательныхъ московскихъ магазиновъ, закупая въ нихъ вещи на память по Москвѣ. Въ 2 часа, члены конференціи осмотрѣли городскіе ряды, церковь Василія-Блаженнаго, центральную телеграфную станцію и проѣхались по Сокольничему парку.

Послѣ общаго обѣда въ «Славянскомъ Базарѣ», иностранцы, задушевно простившись съ постоянно сопутствовавшими имъ любезными членами городскаго управленія, отправились съ курьерскимъ поѣздомъ въ Петербургъ.

Засѣданія международной телеграфной конференціи, прерванныя вслѣдствіе поѣздки делегатовъ въ Москву, возобновились въ понедѣльникъ, 30-го іюня. Въ это засѣданіе (семнадцатое) конференція, продолживъ вторичное чтеніе выработанныхъ ею постановленій, прослушала весь служебный регламентъ, отложивъ окончательное рѣшеніе по нѣкоторымъ статьямъ, относительно которыхъ еще не получены ожидаемыя делегатами инструкціи. Прилагаемый рисунокъ изображаетъ одно изъ засѣданій делегатовъ.

Смѣсь.

На берегу озера.

Нимфы и лебеди—давно извѣстный, излюбленный живописцами сюжетъ, начиная со временъ древнихъ, охотно изображавшихъ исторію Леды на стѣнахъ своихъ жилищъ. Нѣтъ лучшаго текста къ прилагаемому рисунку, какъ стихи Пушкина — одно изъ юношескихъ его стихотвореній.

Но что-то межъ кустовъ прибрежныхъ восшумѣло,
И чувство робости прекрасной овладѣло,
Невольно вздрогнула, не въ силахъ воздохнуть...
И вотъ пернатыхъ царь изъ-подъ склоненной ивы,
Расправя крылья горделивы,
Къ красавицѣ плыветъ: веселья полна грудь,
Съ шумящею пѣною отважно волны гонитъ,
Крылами воздухъ бьетъ,
То въ кольца шею вьетъ,
То гордую главу, смирясь, предъ *нею* клонитъ..,

Библиотека "Руниверс"

Разныя Извѣстія.

Дѣйствія Правительства.

— Министерство Иностранныхъ Дѣлъ сообщило, что конгрессомъ Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ недавнее время принятъ законъ, которымъ воспрещено переселять или привозить въ Штаты: 1) подданныхъ всѣхъ вообще восточныхъ государствъ Азіи, для поступленія въ услуженіе, безъ ихъ свободнаго и непринужденнаго на то согласія; 2) подлежащихъ наказанію на родинѣ за уголовныя преступленія, за исключеніемъ политическихъ преступниковъ; 3) лицъ, коимъ прощено наказаніе подъ условіемъ выселенія изъ страны, и 4) женщинъ-проститутокъ.

— Высочайше повелѣно: Въ городѣ Павловскѣ (С.-Петербургской губерніи) учредить магнитную и метеорологическую обсерваторію, съ подчиненіемъ ея главной физической обсерваторіи.

Народное просвѣщеніе.

— *Высочайшій рескриптъ, данный на имя вдовы статскаго совѣтника А. М. Быковской.* Анна Максимовна! Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Товарищъ Министра, довелъ до Моего свѣдѣнія, что вы передали въ распоряженіе попечителя харьковскаго учебнаго округа капиталъ въ двѣсти тысячъ рублей, для учрежденія изъ процентовъ онаго при харьковскомъ университетѣ и тамошней 8-й гимназіи стипендій имени покойнаго супруга вашего.

Съ особымъ удовольствіемъ изъявляя Мое согласіе на принятіе этого значительнаго и столь полезнаго пожертвованія и на присвоеніе учреждаемымъ стипендіямъ имени супруга вашего, Я нахожу справедливымъ выразить вамъ Монаршую Мою благодарность за это пожертвованіе, которое, увѣковѣчивая память вашего супруга, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ содѣйствовать распространенію высшаго образованія въ нашемъ отечествѣ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*АЛЕКСАНДРЪ*».

— Администраціей Новороссійскаго университета составляются въ настоящее время, какъ пишутъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», соображенія о суммѣ, которая потребуется на содержаніе медицинскаго факультета въ Новороссійскомъ университетѣ. Предположеніе объ открытіи этого факультета существуетъ въ виду того, что множество студентовъ поступаетъ нынѣ въ Новороссійскій университетъ лишь на одинъ годъ, въ физико-математическій факультетъ, и затѣмъ переходитъ на медицинскіе факультеты въ Кіевъ или Харьковъ, и что Одесса съ ея 200-тысячнымъ населеніемъ представляетъ вполнѣ достаточный клиническій и анатомическій матеріалъ для медицинскаго факультета.

— Профессоръ Новороссійскаго университета Богишичъ занимается въ настоящее время, по словамъ «Одесскаго Вѣстника», въ Черногоріи составленіемъ свода тамошнихъ законовъ.

Морское дѣло.

— Въ Петергофѣ, въ послѣднее время, обращаетъ на себя общее вниманіе—пишутъ въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» — круглая шлюпка, стоящая на якорѣ въ здѣшней военной гавани. Шлюпка эта, выстроенная для с.-петербургскаго рѣчнаго яхтъ-клуба, по чертежамъ адмирала Попова, въ настоящее время плаваетъ подъ флагомъ яхтъ-клуба и названа членами его „Поповочкою“.

— Въ „Кронштадтскій Вѣстникъ“ телеграфируютъ, что винтовый корветъ „Баянъ“, 26-го іюня (8-го іюля), прибылъ въ Сингапуръ, а 29-го іюня (11-го іюля) выбылъ изъ Сингапура. На корветѣ все благополучно.

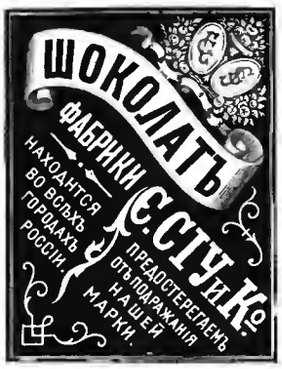
Новыя открытія и изобрѣтенія.

— Въ 1870 году кандидатомъ физико-математическаго факультета Харьковскаго университета М. И. Алисовымъ изобрѣтенъ особый аппаратъ скоропечатникъ, вполнѣ замѣняющій работу переписчика. Въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1870 по 1873 годъ, г. Алисовъ занимался въ Парижѣ усовершенствованіемъ этого аппарата, который въ концѣ августа 1873 года былъ выставленъ въ русскомъ отдѣлѣ вѣнской всемірной выставки, но не могъ подвергнуться экспертизѣ, такъ какъ доставленъ былъ уже послѣ ея окончанія. Въ Россіи первые скоропечатникъ г. Алисова явился на выставкѣ вновь вошедшихъ въ употребленіе или усовершенствованныхъ механизмомъ и орудій, устроенной въ С.-Петербургѣ Императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ, и удостоился медали. Въ настоящее время г. Алисовымъ устраивается въ С.-Петербургѣ типографія, въ которой и будетъ примѣняться этотъ аппаратъ на практикѣ. Г-мъ же Алисовымъ изобрѣтенъ недавно особый фотолитографическій способъ печатанія нотъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Мальштромъ (съ рисункомъ). — Орелъ-дѣвка (изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Биркъ (продолженіе). — Ржевъ-Владиміровъ (съ рисункомъ). — Три аккорда (разсказъ). — Курляндскія лягаши (съ рисункомъ). — Международная телеграфная конференція въ Петербургѣ (съ рисункомъ). — Смѣсь (съ рисункомъ). — Разныя Извѣстія.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.



45—8

Изъ бумаги.

Воротники отъ 15 к дюжина.
Манжеты » 20 » »
Манишки » 25 » »

Бѣлыхъ и цвѣтныхъ дамскихъ и мужскихъ въ огромномъ выборѣ всѣхъ размѣровъ и фасоновъ можно постоянно получать въ магазинѣ, Городъ Нюрнбергъ въ старомъ Газетномъ пер., домъ Марецкой **въ Москвѣ.**

Высылаютъ по данной мѣркѣ по почтѣ, Гг. торговцамъ скидка.

Не смѣшивать фирмы.

Учебное заведеніе 1-го разряда

съ полнымъ курсомъ **Классической гимназіи**

содержимое Э. РЕПМАНОМЪ въ Москвѣ.

Помѣщается, на Гончарной ул., близъ Яузскаго моста въ д. Степановой.

Пріемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа.

10—1

НОВЫЙ СПОСОБЪ РИСОВАНІЯ

Посредствомъ котораго каждый можетъ копировать съ чрезвычайной точностью всевозможные рисунки, фотографическія карточки и т. п. безъ всякой подготовки, съ приложеніемъ **Новый способъ умноженія** который изучается въ 5 мин.

Цѣна съ пересылкою и объясненіями 2 рубля.

Адр. въ С.-Петербургъ въ контору объявленій. Невскій пр. д. № 4.

ФАБРИКА Г. ВЕРНЕРА

ВЪ КАМЕНЦѢ ВЪ СИЛЕЗІИ.

Рекомендуетъ свои, получившіе преміи на всѣхъ выставкахъ: въ Вѣнѣ, Познани, Временѣ, Прагѣ, Краковѣ и т. д., чрезвычайно легкоходные ПЛУГИ и другія сельскохозяйственныя орудія.

Каталоги по требованію высылаются безплатно.

Письма прошу адресовать: **D-r Werder, Leipzig.** 5 3

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

НЕСТЛЕ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переваримо, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицѣ,
2) при отниманіи ребенка отъ груди и
3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, **у Штоля и Шмидта,** въ Спб. — **химической лабораторіи,** русскаго общества торговли **аптекарскими товарами, у Рулковіуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохтса, — у Каушмана,** Вас. остр.,—**у Б. Баландина,** Литейная, д. № 57-й, **у Ушакова** — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговляхъ Россійской имперіи.

26—24

При этомъ № для гг. городск. и иногор. подписчик. прилагается объявленія, прейсъ-курантъ Американскихъ швейныхъ машинъ Г. М. Хуттокъ и К°.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 14 Іюля 1875 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб. Больш. Морская, № 57, и Хлѣбный, пер. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.
№ 31 1875
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Выданъ 3 Августа 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА" на 1875 годъ.

Александра Павловна Крутикова.

Въ концѣ 1871 года, когда въ Петербургѣ все болѣе и болѣе подтверждались слухи объ оставленіи Г-жею Лавровскою сцены Маріинскаго театра, — голоса прессы и публики указывали уже на единственную преемницу, способную въ извѣстной степени замѣнить прискорбную утрату, грозившую русской оперѣ. Александра Павловна Крутикова кончила курсъ въ Петербургской консерваторіи, класса Г-жи Ниссенъ-Саломанъ, преподавательницы которая подарила уже нашей оперѣ трехъ пѣвицъ: г-жъ Лавровскую, Левицкую и Раабъ. Какъ въ печати, такъ и въ публикѣ заявлялись въ то время сомнѣнія относительно достаточной подготовки молодой артистки, но недовѣріе разсѣялось съ перваго же ея дебюта въ январѣ 1872 года. Г-жа Крутикова дебютировала «Жизнью за Царя» въ роли «Вани» и была вызвана около 12 разъ, причемъ удостоилась вызова и почтенная преподавательница дебютантки, г-жа Ниссенъ-Саломанъ. Съ тѣхъ поръ сценическое поприще г-жи Крутиковой было однимъ непрерывнымъ рядомъ успѣховъ, и Александра Павловна въ непродолжительномъ времени стала общей любимицей публики. Г-жа Крутикова, уступая своей знаменитой предмѣстницѣ въ силѣ голоса, тѣмъ не менѣе владѣетъ прекраснымъ, звучнымъ и гибкимъ контральто. Особенно хороши и полны у нея нижнія ноты *do*, *si*, *la* и *la-bemol*. Присущая ей натуральная страстность, не говоря уже о вліяніи на акцентуацію и оттѣнки самаго пѣнія, дѣлаетъ исполнительницу и пре-

Александра Павловна Крутикова.

Библиотека "Руниверс"

красной актрисой. Лучшія роли г-жи Крутиковой, кромѣ «Жизни за Царя», Груни («Вражья сила» Сѣрова), Зибеля («Фаустъ» Гуно), княгини («Русалка» Дорогомыжскаго), «Лауры» («Каменный гость» его же); затѣмъ Ратміра («Русланъ и Людмила» Глинки), генія добра («Демонъ» Рубинштейна), Феодора («Борисъ Годуновъ» Мусоргскаго), Фатьмы («Ермакъ» Сантиса) и проч. и проч. Голосъ молодой артистки развивается съ каждымъ годомъ и обѣщаетъ блестящую будущность ея таланту.

Орелъ-дѣвка.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

Услышавъ крики ужаса, всѣ дѣти разбѣжались, но Лиза, съ тяжелой „почтой" своей, застряла на улицѣ: она упала, запутавшись въ веревочной сбруѣ. Разсвирѣпѣвшій быкъ, наклонивъ рогатую башку свою, летѣлъ какъ разъ по направленію къ ней... Спасти дѣвочку, утащить ее вмѣстѣ съ тачкой—было уже поздно: страшное животное было слишкомъ близко.. Хозяинъ „Ягненка" и Афра такъ завопили, что крики ихъ разнеслись по всей деревнѣ... Глядь—а Іосифъ тутъ какъ тутъ: онъ бросился къ быку и хватилъ его въ бокъ вилами. Быкъ заревѣлъ—и на него... Всѣ смотрѣвшіе изъ оконъ закричали о помощи, но никто не шевельнулся. Бросивъ вилы, Іосифъ ухватился за рога животнаго, которое почувствовало исполинскую силу человѣка и попятилось шага на два. Завязался бой между ними, а тѣмъ временемъ дѣвочку успѣли спасти. Теперь слѣдовало идти на помощь Іосифу: онъ былъ оставленъ всѣми на произволъ судьбы! Афра руки ломаетъ, взываетъ о помощи; она видитъ, что быкъ рогами пригнулъ уже Іосифа къ землѣ и вотъ-вотъ сейчасъ раздавитъ его... Но Іосифъ изловчился и пырнулъ быка ножемъ въ горло... Брызнула кровь, животное встало на дыбы, подняло Іосифа, такъ какъ онъ обѣими руками крѣпко держался за рога, и помчалось съ нимъ, то неся его почти по воздуху, то волоча по землѣ. Но силачъ-охтникъ не выпускалъ быка, ему хотѣлось во чтобы то ни стало остановить его. Животное, получивъ пять ранъ и истекая кровью, стало наконецъ слабѣть, такъ что Іосифу удалось раза два встать на ноги, но безуспѣшно: быкъ каждый разъ одолѣвалъ его и несся съ нимъ дальше, дѣлая отчаянные прыжки. Тутъ цвизельштейнцы дерзнули наконецъ помочь Іосифу и, во главѣ хозяина „Ягненка", двинулись впередъ, вооружившись ножами и вилами. Животное, заслышавъ шумъ, опять наклонило голову и устремилось вмѣстѣ съ Іосифомъ прямо въ сарай; но такъ какъ ворота сарая были заперты, то Іосифа ожидала вѣрная смерть: онъ будетъ раздавленъ... Эта мысль мелькнула у всѣхъ. Однако, ворота не выдержали удара, распахнулись, и быкъ, влетѣвъ въ сарай, принялся, въ смертельномъ испугѣ, бѣсноваться среди лѣстницъ, телѣгъ и плуговъ... Загрохотало, затрещало въ сараѣ. Іосифу удалось ухватиться одною рукой за балку, затѣмъ онъ приподнялся, другою быстро захлопнулъ ворота, соскочилъ, задвинулъ засовъ изнутри—и такимъ образомъ остался одинъ на одинъ съ разсвирѣпѣвшимъ животнымъ и притомъ въ загроможденномъ сараѣ. А люди стоятъ на дворѣ и ничего не могутъ подѣлать; они слышатъ только, какъ тамъ грохочетъ что-то, валится, трещитъ, и среди этого шума раздаются стоны и ревъ... Даже волосы у всѣхъ дыбомъ встали. И вдругъ все утихло. Прошло три - четыре минуты томительнаго ожиданія — ворота отворились, вышелъ Іосифъ: онъ шатался, покрытый потомъ и кровью. Быкъ убитъ—такъ рѣшили всѣ; но Іосифъ иначе распорядился—жаль было ему погубить такого славнаго быка, потому что раны, полученныя животнымъ, не были опасны и могли скоро зажить.

Въ сараѣ все было разбито, исковеркано, вверхъ дномъ стояло, а быкъ лежитъ смирнехонько на боку, только пофыркиваетъ, какъ теленокъ на телѣгѣ мясника: Іосифъ *одинъ* скрутилъ ему веревкой всѣ четыре ноги... Едва-ли кто другой могъ-бы сдѣлать это!—Когда онъ, вмѣстѣ съ другими, вернулся на постоялый дворъ—Афра на глазахъ у всѣхъ, съ крикомъ и слезами, кинулась ему на шею. Хозяйка, поднявъ Лизу, поднесла ее къ Іосифу; его желали попотчивать самымъ лучшимъ, что̀ было въ „Ягненкѣ";—но Іосифу было не до угощенья: опорожнивъ кружку и утоливъ этимъ жажду, томившую его, онъ отправился домой. Ну, вотъ теперь въ Цвизельштейнѣ только и разговору что̀ объ немъ, тамъ до глубокой ночи шелъ пиръ горой въ честь Іосифа...

Такъ разсказывалъ Вентскій обыватель—и вотъ снова загремѣла слава объ Іосифѣ Гагенбахерѣ. Дивились только всѣ тому: отчего это онъ сюда носа не кажетъ?... Вѣдь у богачки Валли женихами хоть прудъ пруди, а Іосифа—нѣтъ, словно онъ и знать объ ней не желаетъ!...

При этихъ словахъ Валли стало такъ стыдно, что она вся вспыхнула, покраснѣла и отошла отъ заборчика.

Вонъ ужъ и люди стали говорить, что *онъ* презираетъ ее, а за Афрой волочится!.. Ну - да, это та дѣвушка и есть, которая въ прошломъ году была съ *нимъ* на глетчерѣ; за ней-то тогда Іосифъ такъ нѣжно и ухаживалъ.

Валли сѣла на камень и закрыла руками лицо. Въ ней бушевала страсть; она была удивлена, поражена, ревность закипала такъ, что сердце, казалось, вотъ-вотъ разорвется... Да, она любила его, любила еще пламеннѣе, сильнѣе чѣмъ прежде; прерывистое, скорое дыханіе, съ которымъ она слушала разсказъ о новомъ подвигѣ его, какъ будто раздуло слабый огонекъ въ ея сердцѣ—и тамъ вспыхнуло яркое пламя. Какое славное дѣло опять совершено имъ!—но... она была тутъ ни причемъ: вѣдь *онъ* все сдѣлалъ это ради хозяина Афры, а пожалуй—и изъ любви къ этой Афрѣ!... Да можетъ-ли это быть? Неужто уступитъ дорогу какой-то батрачкѣ? Неужто она, Валли, допуститъ до этого?.. Да развѣ она не первѣйшая здѣшняя богачка, развѣ всѣ парни не прославили ее, какъ самую что̀ ни на есть красивую дѣвушку во всемъ околоткѣ? Она вѣдь одна только и достойна его: развѣ могъ кто нибудь сравниться съ ней по силѣ и мужеству?.. И что̀-жъ, неужто никогда имъ не сойдтись?.. На свѣтѣ нѣтъ другаго Іосифа! Можетъ-ли быть, чтобы онъ не ей принадлежалъ, а отдался-бы Афрѣ—какой-то тамъ жалкой служанкѣ?... Нѣтъ, быть этого не можетъ, это просто—невозможно!.. Да и почему-жъ-бы не бывать ему въ „Ягненкѣ"—даже совсѣмъ и не для Афры?.. Вѣдь онъ все почти охотится, а Цвизельштейнъ стоитъ на бойкомъ мѣстѣ—такъ какъ же мимоходомъ не зайти на постоялый дворъ?

— О, приди-же, приди, Іосифъ! застонала Валли громко, упала на землю и прижалась лицомъ къ росистой травѣ, точно она хотѣла остудить пылавшее лицо. И вдругъ вспомнилось ей и живо представилась сцена изъ разсказа Вентскаго поселянина, какъ Афра кинулась на шею Іосифу... Валли всю передернуло, въ головѣ ея молніей мелькнула мысль: что̀жъ-бы она чувствовала, будучи его женой, когда онъ, утомленный, покрытый потомъ и кровью, вернулся-бы домой, чтобы отдохнуть въ ея объятіяхъ послѣ такого славнаго дѣла?.. Она представляла себѣ, какъ-бы она ухаживала за нимъ, обмывала-бы ему раны, положила-бы его голову себѣ на грудь—и онъ тихо заснулъ-бы, убаюканный ея ласка-

Библиотека "Руниверс"

ми!... Такія мысли прежде и въ голову ей не приходили; но теперь, когда воображеніе разгулялось, Валли вся трепетала отъ невѣдомаго, совсѣмъ новаго ощущенія, какъ трепещетъ цвѣтокъ, разрывающій стѣнки почки.

Въ эти мгновенія совершилось превращеніе Валли: она стала *вполнѣ женщиной*; но и этотъ переломъ, какъ и всѣ движенія ея души, сопровождался такими неукротимо-дикими порывами, что вызвалъ въ ней на борьбу всѣ враждебныя, на время задремавшія силы. Въ груди Валли забушевала гроза...

Довольно рѣзкій вечерній вѣтеръ обдавалъ ее холодомъ, но она даже и не дрогнула. Вотъ и стемнѣло совсѣмъ, ночь спустилась на землю,—и вѣчно холодныя, безстрастныя звѣзды, казалось, удивленно поглядывали на трепетавшую дѣвушку, которая лежала на землѣ, смоченной ночной росою, и рвала себѣ волосы...

— Нынче хозяюшка-то наша опять дома не ночевала, замѣтила на другой день утромъ старшая работница:—и что́ это она творитъ по ночамъ?...

Челядь собралась въ кружокъ и пошла шепотня.

И вдругъ всѣ они разлетѣлись, какъ разлетается подъ ударомъ вѣтра куча завядшихъ листьевъ: Валли показалась на дворѣ—она только что вернулась съ огорода. Лицо ея было блѣдно, но никогда еще она не имѣла такой гордой, величественной осанки—такою она и осталась съ этого дня, да при томъ рѣзкая перемѣна совершилась съ ней: Валли сдѣлалась несправедливой, стала обнаруживать капризы, была раздражительна, такъ что никто не рѣшался и заговорить съ ней, исключая Клеттенмайера, котораго она ставила выше всѣхъ. Чрезмѣрная гордость обуяла ее. Валли кстати и некстати восклицала: „Я первая на деревнѣ! А для первой все нипочемъ, и трудно мнѣ угодить! Такой богачкѣ совсѣмъ нечего церемониться... Первая на деревнѣ что́ захочетъ, то и сдѣлаетъ, о чемъ другой и помыслить-то побоится!„... И все въ такомъ родѣ. Она стала ежедневно одѣваться по-праздничному, обзавелась новыми платьями и даже нарочно заказала привезти изъ Имста серебряную снуровку, изукрашенную разными финтифлюшками филигранной работы. И получила-же она знатные шнурки—такіе тяжелые, такіе драгоцѣнные, какихъ и не видывали еще въ Эцтской долинѣ!—Въ день праздника Тѣла Господня (въ этотъ день обыкновенно устроивается церковная процессія) Валли сбросила трауръ и такъ разрядилась, что молящимся было не до молитвы: они оборачивались — и то и дѣло осматривали ея костюмъ, состоящій изъ серебра, бархата и шелка. Она въ первый разъ тутъ участвовала въ процессіи, а такъ какъ никто не зналъ, въ какой мѣрѣ Валли была набожной христіанкой, то всѣ порѣшили на томъ, что Валли показалась лишь затѣмъ, чтобы щегольнуть своимъ новымъ нарядомъ, новой снуровкой... Вѣдь народу-то изъ деревень довольно привалило, пришли даже изъ Вента и Цвизельштейна.

Когда она становилась на колѣни—раздавался какой-то странный шумъ и слышалось звяканье, дребезжанье—это шелестила богатая ея юбка, позвякивали серебряныя финтифлюшки снуровки—и Валли точно объявляла всѣмъ: „Глядите, глядите! Все это возможно только мнѣ, первой на деревнѣ!“...

Когда послѣднее евангеліе было прочтено, толпа около Валли зашевелилась, обнаружился нѣкоторый безпорядокъ,—и тѣ, которые стояли назади ея, очутились впереди: мимо Валли прошла хозяйка цвизельштейнскаго постоялаго двора; за нею слѣдовала хорошенькая, стройная Афра. Дѣвушка эта оглянулась и кивнула Валли, потомъ бросила взглядъ на Іосифа, стоявшаго подальше, въ толпѣ мужчинъ... Такъ покрайней мѣрѣ показалось Валли.

Афра такъ была мила, казалось такой интересной, что Валли, въ порывѣ ревности позабыла отвѣтить ей поклономъ и — вдругъ услышала она, какъ эта дѣвушка проговорила идущей съ ней рядомъ женщинѣ:

— Посмотрите-ка, хозяйка, вонъ тамъ сзади Орелъ-Дѣвка идетъ! Орелъ-то ея чуть было Іосифа не убилъ... И вѣдь не поклонилась даже, а я-то какъ молилась за нее!...

— Понапрасну трудилась, замѣтила Валли:—я никого не прошу, чтобы за меня молились. Сама умѣю!

— Однако, какъ я вижу, ты не молишься, возразила Афра.

— Мнѣ нечего молиться, какъ *другія* молятся. Чего я стану просить у Бога? Пускай вонъ тѣ—нищія, служанки—вымаливаютъ се бѣкаждую ленточку на башмакъ.

При этихъ словахъ лицо Афры вспыхнуло.

— Что́-жъ, ленточка, которую Богъ дастъ, ежели какъ слѣдуетъ попросить Его,—можетъ больше осчастливить, чѣмъ серебряная снуровка на корсажѣ безбожницъ какихъ нибудь...

— Вотъ это такъ, Афра, такъ! Справедливо! проговорила хозяйка „Ягненка“.

— Если вамъ моя серебряная снуровка глаза колетъ, такъ идите вонъ тамъ, позади—ну, тогда и не увидите ее. Не мнѣ-же, первой на деревнѣ, идти за батрачками, служанками!

— Ну, а не мѣшало-бы тебѣ идти по дорожкѣ Афры, слѣдомъ за ней... Вотъ ты это и знай!

— И какъ это вамъ, хозяйка, не стыдно держать сторону своей-же служанки! замѣтила Валли, причемъ глаза ея засверкали.—Кто не уважаетъ себя, тому и ждать нечего уваженія отъ другихъ!

— Хо-хо! Да служанка не человѣкъ, что́-ли? воскликнула Афра, вся задрожавъ.—Развѣ шелковая юбка что́ нибудь значитъ?.. Какъ ты ни разрядись, а Господь-то видитъ, какое сердце у человѣка—доброе или злое.

— Что́ и говорить! гнѣвно отвѣтила Валли:—ужъ такого добраго сердечка, какъ у тебя, поискать только!.. Добраго—особливо къ молодчикамъ! Чортъ побери!...

И она плюнула.

— Валли! крикнула Афра... Слезы брызнули изъ ея глазъ, но она вынуждена была умолкнуть, такъ какъ въ это время процессія приблизилась къ церкви.

Толпа, послѣ благословенія, разбрелась; а Валли такъ быстро и величественно прошла мимо Афры, словно королева какая нибудь, что чуть съ ногъ ее не сбила,—дѣвушка удержалась за свою хозяйку. Всѣ поглядѣли ей вслѣдъ. Мужчины такъ и порѣшили, что красивѣе Валли не найдешь ни одной дѣвушки во всемъ Тиролѣ, а женскій полъ страдалъ, мучимый завистью.

— Н-да, нынче она не та, что́ была на Гох-іохѣ, въ собачьей-то будкѣ, такою косматою, грязной, совсѣмъ дикой! замѣтилъ Іосифъ, слѣдя глазами за Валли.

Онъ стоялъ тутъ-же, по близости, и не безъ удивленія посматривалъ на нее. Попрощавшись потомъ съ Афрой однимъ кивкомъ, Іосифъ вышелъ изъ толпы, такъ какъ ему нужно было поспѣть домой до обѣда.

Афра пустилась догонять Валли. Хорошенькіе голубенькіе глазки дѣвушки такъ и искрились, не смотря на слезы; очень ужъ она была раздражена, взволнована. Хозяйка „Ягненка“ послѣдовала за ней. Обѣ онѣ настигли Валли какъ-разъ у трактира. Да и Валли, какъ видно, испытывала теперь сильное волненіе: Іосифъ такъ привѣтливо кивнулъ Афрѣ (кивокъ этотъ она видѣла), ну, а ее-то какъ будто и не замѣтилъ и даже не хотѣлъ ни разу взглянуть на нее... „Не удостоилъ!“ подумала Валли—и вотъ теперь ушелъ, разрушилъ всѣ ея планы... А она такъ надѣялась на этотъ день!.. „Охъ, ужъ мнѣ эта Афра!“...

Весь гнѣвъ ея обрушился теперь на нее, она готова была раздавить ее ногами, уничтожить въ конецъ—и вдругъ—Афра передъ ней, да еще хватаетъ ее за руку, удерживаетъ, говоритъ въ глаза гнѣвныя, дерзкія рѣчи!... Эта-то жалкая... дѣвчонка!?...

Библиотека "Руниверс"

— Послушай, Валли, говорила Афра, съ трудомъ переводя дыханіе:—ты сказала тò, чего я стерпѣть не могу и никому не позволю говорить такъ: такія слова честь мою задѣваютъ! Объясни, чтò это такое: „Доброе сердечко—особливо къ молодчикамъ?"... Хочу знать, чтò ты желала этимъ выразить?...

— Хе! не хочешь-ли ты затѣять ссору со *мной*, съ первою на деревнѣ? гаркнула Валли и гордымъ взглядомъ вымѣрила Афру съ ногъ до головы.—Да ты не полагаешь-ли, чтò я позволю себѣ вступить въ споръ съ тобою и вообще съ подобными тебѣ?...

— Какъ—съ по-до-бными мнѣ!? воскликнула Афра.—Кто-же я по твоему мнѣнію?.. Ну, конечно, дѣвушка я бѣдная, сирота, некому было позаботиться обо мнѣ, а все-же зла отъ меня никто не видѣлъ, домовъ я не поджигала... Ужъ *отъ тебя*-то я не потерплю такихъ рѣчей! Такъ ты это и знай!..

Валли дрогнула, точно ее змѣя ужалила.

— Ты-то кто? Дѣвка, безстыжая дѣвка, вотъ чтò при всѣхъ бросается на шею мужчинамъ! прокричала она, забывъ все и не замѣчая образовавшейся около нихъ толпы.

— Что-ò?... Кому я бросилась на шею—кому? насилу выговорила дѣвушка, причемъ лицо ея побѣлѣло.

— Напомнить тебѣ—сказать?

— Скажи, да, скажи! Совѣсть моя чиста... Вотъ и хозяйка скажетъ, что я правду говорю!

— Изволь. Года два тому назадъ ты навязалась на шею Іосифу, даже почти и не зная его, упросила, чтобы онъ тебя черезъ Гох-іохъ перетащилъ, и онъ чуть не полдороги несъ тебя, потому что ты притворялась, что идти сама не можешь,—это неправда?... Съ тѣхъ поръ ты гоняешься за нимъ такъ, чтò даже люди заговорили объ этомъ,—это неправда? Ты отбиваешь Іосифа у другихъ дѣвушекъ, которыя имѣютъ куда больше правъ на него, и каждая изъ нихъ была-бы ему лучшей женой, чѣмъ какая нибудь служанка... Неправда?... Вотъ ты еще недавно, когда онъ быка одолѣлъ, на глазахъ у всѣхъ на шею ему кинулась, какъ будто невѣста его обрученная! Чтò? И это, скажешь, неправда?...

Афра закрыла лицо руками и навзрыдъ заплакала.

— Іосифъ... О, Іосифъ! И я должна все это терпѣть... Но за чтò-же?!...

— Ну, Афра, ну, перестань, стала уговаривать ее добрая хозяйка:—вѣдь она сама проговорилась: все это со злости только, потому что Іосифъ-то вотъ не гоняется за ней, не хочетъ, видно, обжечься, какъ другіе парни обожглись!.. Ну, ежели-бы теперь былъ онъ тутъ—не такую-бы она рѣчь повела!...

— Вотъ-вотъ, какъ разъ попала! Сейчасъ-бы онъ заступился за свое сокровище... Ха-ха-ха!

И Валли захохотала такъ рѣзко и звонко, что смѣхъ ея въ горахъ отозвался; но тамъ звуки эти, казалось, вылетали изъ чьей-то настрадавшейся груди и раздавались какъ вопли...

Она смѣялась и выкрикивала:

— Ха-ха!... Ужъ конечно такая драгоцѣнность чтò сама на шею вѣшается—поудобнѣе другой, которую попробуй прежде завоевать, да пожалуй и не завоюешь—уйдешь съ носомъ, опозорившись!.. Такъ-то! Ну, а это сокровище даже на руку гордецу—Іосифу: вѣдь Афра не тò чтò неприступная Орелъ-Дѣвка!

Хозяинъ „Ягненка" вдругъ выдвинулся изъ толпы и сказалъ:

— Ну, слушай-ка, будетъ съ тебя! Дѣвушка эта честная, скромная... Я и жена моя не позволимъ ее обижать, мы защитимъ ее. Откажись сейчасъ отъ своихъ словъ! Слышишь? Приказываю тебѣ!

И опять раздался звонкій, раскатистый смѣхъ Валли.

— А-ха-ха! Господинъ хозяинъ „Ягненка!" Неужели ты когда нибудь слышалъ, чтобы ягненокъ орлу приказывалъ?...

Острота эта всѣхъ разсмѣшила. Дѣйствительно, на Хозяина „Ягненка" всѣ смотрѣли какъ на обыкновеннаго ягненка, потому что обладатель постоялаго двора принадлежалъ къ числу людей слабыхъ, добродушныхъ, готовыхъ все проглотить.

— Н-да, по шерсти тебѣ и кличка! Ты—Орелъ-Дѣвка!

— Прочь! Разступись! крикнула она.—Надоѣло мнѣ переливать съ вами изъ пустаго въ порожнее. Да-ну—пропускайте, что-ли!

Валли хотѣла отпихнуть Афру, но хозяйка нарочно удержала за руку дѣвушку.

— Нѣтъ, погоди! Зачѣмъ ей тебѣ уступать дорогу? Афра, иди впередъ! Развѣ ты хуже ея?...

Хозяйка двинулась впередъ, держа Афру за руку, но тутъ Валли, схвативъ дѣвушку за бока, подняла ее и отбросила отъ дверей трактира на руки столпившихся зрителей.

— Хозяйки всегда впереди идутъ, а за ними—служанки! воскликнула она—и первою вошла въ горницу, гдѣ и усѣлась за столъ на первомъ мѣстѣ.

Толпа загоготала и стала бить въ ладоши, довольная такимъ потѣшнымъ представленіемъ. Афра ударилась въ слезы и вообще такъ растерялась, что никакъ не хотѣла войдти въ трактиръ. Хозяинъ „Ягненка" съ женою и Афрою отправился домой.

— Успокойся, Афра, погоди: я вотъ ужо Іосифа пошлю сюда, онъ съ ней разсчитается!.. такъ говорила дорогою хозяйка, желая утѣшить дѣвушку; но Афра, покачивая головой, отвѣчала, что теперь все кончено: она—опозорена и останется опозоренной!...

— И охота тебѣ была связываться съ этой злющей дочерью Штроммингера! началъ выговаривать Афрѣ добродушный обладатель „Ягненка."—Вѣдь ее всякій избѣгаетъ, любой отъ нея сторонится... Экая ты какая!... Ну, зачѣмъ?...

А Валли сидѣла въ трактирной горницѣ и глядѣла въ окно, слѣдя за уходившими Афрой и ея хозяевами. Сердце побѣдительницы такъ постукивало, что серебряныя финтифлюшки ея снуровки слегка позванивали. Валли приглашали кушать, говоря, что супъ съ лапшей, пожалуй, простынетъ, но она обозвала супъ этотъ мерзкимъ, баранину—просто кожей, встала, швырнула на столъ гульденъ и, не нуждаясь въ сдачѣ, съ нѣкоторымъ грохотомъ прошла мимо посѣтителей трактира, смотрѣвшихъ на нее съ удивленіемъ.

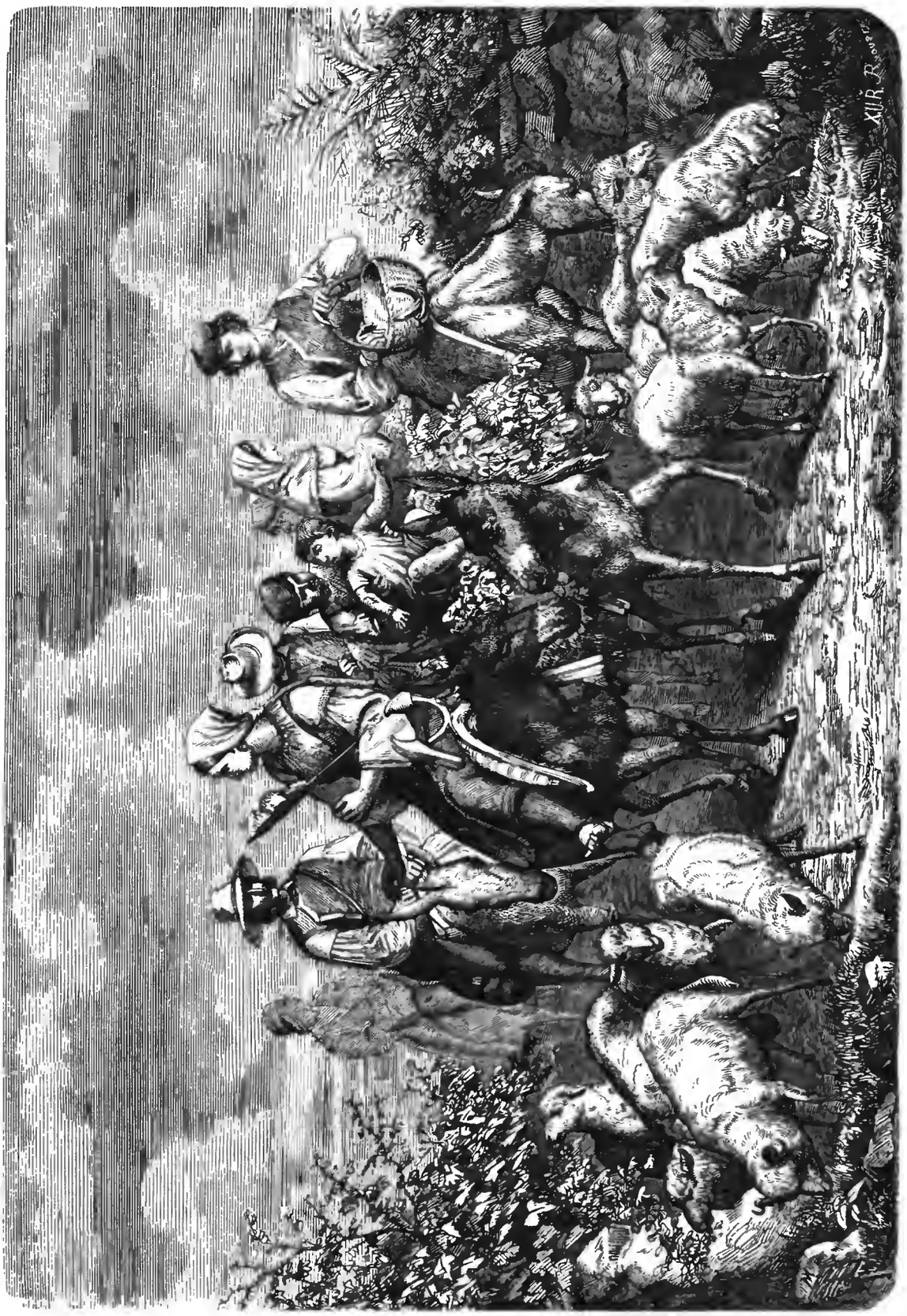
Какъ и пять лѣтъ тому назадъ (послѣ конфирмовки въ Зёльденѣ), возвратившись домой, Валли сорвала съ себя праздничный костюмъ, кинула его въ сундукъ, а серебряную снуровку съ филигранными финтифлюшками, ударивъ объ полъ, стала топтать и превратила ее въ безобразный блестящій комокъ. Да и чтò толку было въ этихъ уборахъ?.. Принесли-ли они ей пользу? Разрядилась она, изукрасилась, а кому хотѣла понравиться—все таки не понравилась!..

И вотъ, Валли, по прежнему, растянулась на кровати и стала вслухъ негодовать на весь міръ. Она ощущала въ сердцѣ такую острую боль, какъ будто чья-то рука пыряла его ножемъ. Нечаянно попалось ей на глаза рѣзная фигурка, изображающая Святую Валльбургу (она была какъ разъ надъ ея кроватью), и въ головѣ Валли мелькнула мысль: ужъ не потому-ли такъ нестерпимо больно сердцу, что его *обрѣзываетъ* тотъ ножъ, о которомъ говорилъ ей гейлихкрейцкій патеръ,—обрѣзываетъ для того, чтобы уподобить ее Святой Вальбургѣ?... Только... зачѣмъ-же ей быть святой?,. Нѣтъ, она желала-бы стать просто счастливою женщиной, и, право, никакихъ трудностей не встрѣтила-бы она на пути къ достиженію этой цѣли: чтобы сдѣлаться счастливой—ей совсѣмъ не нужно улучшать себя, потому что для этого она и такъ хороша...

Дà, негодовала и возмущалась Валли, чувствуя, какъ пò сердцу ходитъ невидимый ножъ.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"



Сборъ винограда въ Далмаціи. Рис. Рустн, грав. въ Ксилографическомъ Варшавскомъ обществѣ.

Библиотека "Руниверс"

Далмація.

Мы видимъ передъ собой картину, изображающую группу далматинцевъ, возвращающихся изъ виноградника. Производство винограда очень распространено въ Далмаціи. Виноградъ тамъ отличный и потому вино очень вкусное, но только къ сожалѣнію оно мало извѣстно. Виноградники въ этой приморской, гористой странѣ не требуютъ большаго ухода, а между тѣмъ растутъ прекрасно. Вообще въ Далмаціи во многихъ мѣстахъ растительность отличается удивительнымъ богатствомъ и роскошью; только берега ея покрыты сѣрыми, совершенно голыми скалами, но за то дальше въ глубь страны есть прелестныя, живописныя мѣста, такъ напр. Кастель-Нуово, который считается садомъ Далмаціи. Это дѣйствительно прелестный уголокъ. Климатъ мягкій, теплый, зимы нѣтъ и потому растительность совершенно южная: тутъ и мирты и кактусы, лимонныя, померанцовыя и миндальныя деревья, кипарисы и смоквы—однимъ словомъ: всевозможныя сорта южныхъ породъ.

Тутовыя деревья въ изобиліи, такъ что шелководство могло бы процвѣтать; но имъ почти никто и не занимается, а если и разводятъ шелковичныхъ червей, то самымъ примитивнымъ способомъ—и шолка не выдѣлываютъ, а прямо продаютъ коконы. Почему это именно такъ—объяснить немного трудно; иные объясняютъ тѣмъ, что жители слишкомъ лѣнивы. Собственно говоря, это не объясненіе. Почему же они занимаются другими производствами, такъ напр., хоть разводятъ оливковыя деревья и ведутъ большую торговлю маслинами, которая для нихъ очень выгодна? Кромѣ того они занимаются скотоводствомъ. Дѣйствительно, жизнь ихъ не отличается особенной энергіей. Да и понятно, иначе и быть не могло, при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ складывался характеръ этого несчастнаго, запуганнаго, забитаго народа. Сколько разъ переходилъ онъ изъ рукъ въ руки! То Далмація была римской областью, то подпала подъ владычество готовъ, свевовъ, гунновъ и др. варваровъ, немилосердно разорявшихъ ее. Въ VII вѣкѣ завоевываютъ ее Славяне, въ XI угры, потомъ въ XIV вѣкѣ венеціанцы, наконецъ въ XVIII вѣкѣ она достается Австріи, но и въ ея рукахъ она остается не долго. По Пресбургскому миру 1806 г. переходитъ къ Франціи, потомъ снова по Вѣнскому конгрессу къ Австріи, къ которой принадлежитъ и до сихъ поръ. О французскомъ владычествѣ Далмація вспоминаетъ съ признательностью. Французы ее не притѣсняли, какъ всѣ остальные ея завоеватели; они не старались убить въ ней народную самостоятельность, а напротивъ старались ввести въ Далмацію различныя улучшенія. Не такъ дѣйствовали венеціанцы и австрійцы. Эти два народа держались относительно Далмаціи совершенно противуположной политики. Венеціанцы всѣми силами старались итальянизировать далматинцевъ. Ввели всюду свои законы, свой языкъ, угнетали народъ до послѣдней степени и само собою разумѣется старались втоптать въ грязь народную гордость, уничтожить ее по мѣрѣ возможности. И конечно, во многихъ мѣстахъ это имъ удалось. Народъ не устоялъ—и до сихъ поръ слѣды итальянщины видны повсюду. Архитектура городовъ носитъ итальянскій характеръ, образованный классъ жителей точно также. Только Дубровники (Рагуза) устояли какимъ-то образомъ. Кромѣ Рагузы конечно есть части Далмаціи, которыхъ не коснулся итальянизмъ, но это туда, дальше въ глубь, въ самую глушь страны. Тамъ сохранился совершенно чистый славянскій типъ и чистый славянскій языкъ. Объ уничтоженіи послѣднихъ остатковъ народности старается теперь Австрія, отъ которой таки жутко приходится далматамъ. Она все время такъ вела дѣло, что глушила всякое проявленіе жизни, которая оставалась послѣ венеціанскаго владычества. Подати и налоги все увеличивались, мореходство все больше и больше падало, народъ со всякимъ днемъ все бѣднѣлъ, и дошелъ чуть не до нищеты Такъ шли дѣла до 1848 г. Въ этотъ годъ и Далмація поднялась, но не могла совладать съ противниками; ее быстро усмирили и ей пришлось жестоко поплатиться за минутную вспышку. Прошли цѣлые года терпѣливаго ожиданья, и наконецъ когда Австрія получила конституцію—Далмація возвысила свой голосъ и добилась таки нѣкоторыхъ правъ, но еще многаго самаго существеннаго не достаетъ несчастнымъ далматамъ. Далмація составляетъ часть западной Европы, самой цивилизованной части свѣта; но эта гористая, узкая приморская страна по своей отсталости скорѣе подходитъ къ востоку. Есть въ ней и слѣды цивилизаціи какъ было сказано выше, но это только въ главныхъ пунктахъ Далмаціи, а остальныхъ частей этой стороны цивилизація, и не коснулась. Виновато конечно въ этомъ государство, которому принадлежитъ эта несчастная страна. Народъ, который такъ страшно бѣдствуетъ, конечно не можетъ развиваться. Посмотримъ теперь на его домашній бытъ. Подробно объ немъ распространяться нѣтъ особенной надобности. Обычаи далматинцевъ въ главныхъ чертахъ такіе же какъ и у всѣхъ славянскихъ народовъ. Въ деревняхъ у нихъ семейный бытъ патріархальный. Женщина въ семьѣ играетъ самую несчастную роль, она работница, на ней лежатъ всѣ самыя тяжелыя обязанности. Женщина нянчитъ дѣтей какъ и вездѣ, она должна кромѣ того одѣть всѣхъ домашнихъ,—не только сшить платья, нѣтъ, нисколько: все производство этого платья, съ начала до конца, лежитъ на ней; кромѣ того еще домашнее хозяйство, полевыя работы, все все лежитъ главнымъ образомъ на ней. Женщина въ Далмаціи развивается рано и потому замужъ выходитъ тоже рано. Свадебные обычаи у нихъ оригинальны. У нихъ, какъ и у многихъ другихъ народовъ, не принимаютъ въ разсчетъ желанья невѣсты и жениха. Обручаютъ ихъ часто совсѣмъ дѣтьми, лѣтъ десяти, даже и моложе. Едва еще сынъ начинаетъ переступать—ему уже ищутъ невѣсту, и это не рѣдкость. Относительно выбора руководствуются конечно отзывами о семьѣ невѣсты, ея богатствомъ и родовитостью, а никакъ не достоинствами самой невѣсты. Когда выборъ сдѣланъ, отецъ жениха идетъ къ родителямъ невѣсты и говоритъ имъ, что у него есть сынъ и что онъ хотѣлъ бы породниться съ ихъ семействомъ. Отецъ невѣсты говоритъ ему на это, что онъ подумаетъ и посовѣтуется. Отказы у далматинцевъ очень вѣжливы. иначе отказъ считается за такое оскорбленіе, которое смывается не иначе какъ местью. Когда отецъ невѣсты отказываетъ, то всегда говоритъ, что помолвлена за другаго. А когда дѣло идетъ на ладъ, то сватъ, придя черезъ недѣлю къ невѣстиному отцу, поднимаетъ надъ своей головой кольцо и говоритъ: «Братья мои, въ имя Бога я прошу дочь нашего брата (тутъ слѣдуетъ имя невѣстинаго отца) за моего сына; скажите намъ, любитъ ли она его и готовы ли вы отдать ее въ нашу семью. Вотъ залогъ обрученья». Невѣстинъ отецъ отвѣчаетъ: «Я спрашивалъ у своихъ братьевъ, они согласны, и я отдаю ее твоему сыну и въ твою семью. Да благословитъ Богъ это дѣло!». Беретъ кольцо и передаетъ его матери невѣсты, своей женѣ, которая хранитъ его до самой свадьбы. По окончаніи обряда пьютъ вино. Отецъ жениха даритъ невѣстѣ платье, а роднымъ ея какія нибудь мелочи, такъ напр., женщинамъ дарятъ мыло. Отецъ невѣсты отдариваетъ жениху рубашку, дружкѣ (братъ жениха или другой близкій родственникъ) полотенце и пару чулокъ. Послѣ этого женихъ носитъ невѣстѣ подарки самъ. Если онъ молодъ, то видится съ ней рѣдко, раза три въ годъ. Обыкновенно женихъ даритъ невѣстѣ вышитыя туфли, а невѣста жениху искуственные цвѣты. За недѣлю до свадьбы продаютъ невѣсту. Отецъ жениха даетъ отцу невѣсты, на площади передъ церковью, яблоко со вложеннымъ въ него золотымъ. Послѣ этого начинается пиръ. Изъ церкви, за дружкой несущимъ хоругвь, идетъ къ жениховому дому толпа парней и дѣвушекъ. Передъ домомъ пьютъ, поютъ, палятъ изъ ружей. Женихъ посылаетъ невѣстѣ въ подарокъ плоды, между которыми непремѣнно должны быть гранаты. Наканунѣ свадьбы родственники посылаютъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ въ домъ гдѣ свадьба. Невѣстѣ всегда дарятъ домашнюю посуду. А въ самый день свадьбы происходятъ слѣдующія церемоніи. Отъ жениха всѣ гости ѣдутъ въ домъ невѣсты и оттуда въ церковь. Сначала посылаютъ къ невѣстѣ вѣстника, что шествіе тронулось. Вѣстовой по дорогѣ безостановочно стрѣляетъ; мужчины, участвующіе въ шествіи, тоже стрѣляютъ. Толпа останавливается передъ домомъ невѣсты. Тутъ должны вывести невѣсту, но часто вмѣсто нее выводятъ жениху старуху, такъ что приходится самому ему найти ее и выкупить. Послѣ вѣнца молодые цалуются на площади передъ церковью. Пиръ продолжается нѣсколько дней. За порядкомъ наблюдаетъ кумъ или старшина. На свадьбѣ еще играетъ большую роль шутъ. Его обязанность веселить всѣхъ гостей, не давать никому задумываться. Когда молодая жена входитъ въ домъ своего мужа, то переступая черезъ порогъ она растилаетъ коверъ и кладетъ на него подарки мужу, между которыми непремѣнно ножъ. Тутъ же ей выносятъ ребенка, котораго она цалуетъ; теща подноситъ ей чарку вина, пряслицу и кухонную посуду. Съ этого дня она вступаетъ въ свои права въ новой семьѣ и дѣлается ея работницей. Есть еще интересная черта въ ихъ семейномъ быту—это побратимство. Братъ въ далматской семьѣ—это святыня, сестра клянется его именемъ и любитъ брата нерѣдко больше мужа.

Обзоръ небеснаго свода.

(Окончаніе).

II.

Опредѣленіе разстояній есть одна изъ интереснѣйшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и труднѣйшихъ задачъ астрономіи. Со временъ Коперника, усилія астрономовъ направлены на этотъ предметъ, но опредѣлить разстояніе нѣкоторыхъ неподвижныхъ звѣздъ удалось всего нѣсколько десятилѣтій тому назадъ—и то при помощи удивительно усовершенствованныхъ астрономическихъ ин-

Библиотека "Руниверс"

струментовъ. Попробуемъ, въ нѣсколькихъ словахъ, объяснить читателямъ принципъ такихъ опредѣленій разстоянія небесныхъ свѣтилъ. Какъ извѣстно, земля въ годъ обращается вокругъ солнца—и именно путемъ, который весьма близокъ къ кругу и поперечникъ котораго равняется приблизительно 40 мильонамъ милямъ; замѣтимъ въ извѣстное время, по возможности точно, положеніе какой либо звѣзды на небѣ, и твердо опредѣлимъ ея направленіе; если черезъ полгода мы опять повторимъ это опредѣленіе, то, при этомъ второмъ опредѣленіи, земля будетъ находиться на другой точкѣ своего пути, которая отстоитъ отъ первоначальной на 40 милльоновъ миль; слѣдовательно направленіе звѣзды будетъ теперь другое, нежели было полгода раньше, если только звѣзда отдалена не безконечно далеко. Линіи обоихъ этихъ направленій мысленно протянутыя отъ обѣихъ точекъ земли къ звѣздѣ, сходятся подъ извѣстнымъ угломъ, — и величина этого угла, по которому можно судить, какъ великъ кажется съ звѣзды поперечникъ земнаго пути, при помощи простаго вычисленія, сейчасъ же покажетъ отдаленіе звѣзды. Если этотъ уголъ, называемый двойнымъ параллаксомъ звѣзды, равняется напримѣръ 1′, слѣдовательно, приблизительно, 30 части поперечника луны,—то изъ этого вычисляется, что звѣзда отдалена отъ насъ на 3330 разъ больше чѣмъ поперечникъ земнаго пути, или на 6660 разъ больше чѣмъ отдалено отъ насъ солнце; если же уголъ этотъ равняется только 1″, слѣдовательно, приблизительно 1800 части видимаго поперечника луны, то изъ этого точно такъ же слѣдуетъ, что звѣзда стоитъ отъ насъ слишкомъ въ 400.000 разъ дальше солнца. Изъ числа же многихъ сотень звѣздъ, положеніе или направленіе которыхъ были не разъ опредѣляемы съ величайшей точностью, едва наберется дюжина, у которыхъ бы этотъ уголъ (или двойной параллаксъ звѣзды) доходилъ до доступной нашимъ инструментамъ и могущей быть измѣренной величины, и ни у одной изъ этихъ звѣздъ параллаксъ не превышалъ 1″. Мы должны слѣдовательно принять, что почти всѣ такъ-называемыя неподвижныя звѣзды стоятъ отъ насъ въ такихъ разстояніяхъ, прямое опредѣленіе которыхъ, въ настоящее время, а по всей вѣроятности и навсегда, невозможно. Свѣдѣнія наши объ отдаленіи звѣздъ сводятся до минимума, но и то немногое что̀ мы знаемъ—довольно поучительно. Во первыхъ извѣстно, что между самыми свѣтлыми звѣздами—ни одна не отдалена отъ насъ меньше чѣмъ на 200,000 солнечныхъ разстояній, или на 4 бильона миль. Чтобы сколько нибудь наглядно выразить это непомѣрное отдаленіе, представимъ себѣ землю съ большую булавочную головку, посреди большой залы; на разстояніи 20 метровъ, помѣстимъ солнце—тогда большая неподвижная звѣзда будетъ стоять въ 4000 километрахъ (600 миляхъ), слѣдовательно въ степи Сахарѣ; Нептунъ же, самая крайняя планета въ солнечной системѣ, будетъ двигаться всего въ 600 метрахъ отъ залы. Свѣтъ, пробѣгающій въ секунду больше 40,000 миль, долженъ бы былъ употребить больше трехъ лѣтъ чтобы пройти 4 бильона миль. Человѣческій умъ не можетъ постигнуть этихъ разстояній, и всѣ земные масштабы исчезаютъ передъ ними. Между тѣмъ разстояніе въ 4 билльона миль—одно изъ ближайшихъ: намъ извѣстна только одна звѣзда, которая стоитъ такъ близко; всѣ остальныя дальше, а большая часть вѣроятно еще и несравненно дальше. Упомянутая ближайшая звѣзда—въ Центаврѣ (α); она отличается какъ блескомъ такъ и сильнымъ собственнымъ движеніемъ, а какъ мы видѣли, то и другое служитъ признакомъ небольшаго разстоянія. Параллаксъ этой звѣзды равняется (0,9″); другими словами, это уголъ, подъ которымъ, смотря оттуда, поперечникъ земнаго пути кажется въ 20 мильоновъ миль; отсюда слѣдуетъ отдаленіе въ 225,000 радіусовъ земнаго пути, или солнечныхъ разстояній. Двѣ слѣдующія затѣмъ извѣстныя намъ звѣзды стоятъ на сѣверномъ небѣ; онѣ гораздо слабѣе чѣмъ α Центавра. Одна изъ нихъ, 61-я въ Лебедѣ, считается въ пятой или шестой величинѣ; другая, на границѣ Маленькаго Льва и Большой Мѣдвѣдицы, всего седьмой величины;—за то та и другая, въ особенности первая, обладаютъ сильнымъ собственнымъ движеніемъ. Параллаксы ихъ равняются 0, 5″, то есть они въ 400,000 разъ дальше солнца. Параллаксы 10 другихъ звѣздъ равняются отъ 0, 3 до 0, 1 секунды, слѣдовательно разстоянія ихъ доходятъ отъ 650,000 до 2 мильоновъ солнечныхъ разстояній; меньшіе параллаксы или большія разстоянія недоступны для нашихъ нынѣшнихъ инструментовъ; 0, 1 секунды такая величина, которую едва можно замѣтить въ лучшіе телескопы и при самыхъ сильныхъ увеличеніяхъ. Если мы сравнимъ параллаксы или разстоянія измѣренныхъ до сихъ поръ звѣздъ съ собственными движеніями и яркостью ихъ, то увидимъ, что разстоянія стоятъ въ болѣе тѣсной связи съ собственными движеніями, нежели съ яркостью. Самыя яркія звѣзды (какъ Сиріусъ, Вега, Капелла) отдалены отъ насъ болѣе чѣмъ на 1 мильонъ солнечныхъ разстояній—между тѣмъ какъ другія, слабѣйшія, но съ сильнымъ собственнымъ движеніемъ звѣзды, стоятъ гораздо ближе. Рѣзкое исключеніе составляетъ только Арктуръ, который, несмотря на сильное собственное движеніе и большую яркость, отстоитъ тѣмъ не менѣе очень далеко. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что свѣтовая сила звѣздъ весьма различна. Если извѣстно разстояніе звѣзды и ея собственное движеніе, то черезъ посредство простаго вычисленія легко опредѣлить настоящее движеніе въ линейныхъ мѣрахъ, какъ напр. въ миляхъ; такимъ образомъ вычислено, что вышеупомянутая слабая звѣзда въ Большой Медвѣдицѣ, собственное движеніе которой равняется 7″, разстояніе же почти 2 мильонамъ солнечныхъ разстояній, въ теченіи года вроходитъ въ міровомъ пространствѣ цѣлыхъ 500 мильоновъ миль; въ слабой звѣздѣ Малаго Льва, отстоящей недалеко отсюда (параллаксъ 0″, 5 собственное движеніе 4″,7), движеніе это простирается все-таки на 180 мильоновъ миль; Вега-же проходитъ всего 40 мильоновъ миль; слѣдовательно настоящія движенія свѣтилъ въ міровомъ пространствѣ—такъ же различны какъ и свѣтовыя ихъ силы.

Теперь, когда мы познакомились съ разстояніями небесныхъ тѣлъ и движеніями ихъ въ ихъ собственной сферѣ и пространствѣ, обратимся къ вопросу о *величинѣ* этихъ свѣтилъ сравнительно съ солнцемъ. Уже одно громадное разстояніе ихъ говоритъ о ихъ громадной величинѣ, когда сравнительно ближайшія планеты кажутся намъ кружочками. Еслибы мы передвинули солнце на 200,000 разъ *большее* разстояніе, то есть приблизительно на мѣсто ближайшей неподвижной звѣзды, то поперечникъ его очевидно долженъ будетъ казаться въ 200,000 разъ *меньше*; но это была-бы только одна сотая секунды (0″, 01), величина, по крайней мѣрѣ въ 10 разъ меньшая малѣйшей величины, какую можно разглядѣть въ лучшіе инструменты. Изъ этого станетъ понятнымъ, почему ближайшія неподвижныя звѣзды кажутся намъ точками. Поперечникъ ближайшей звѣзды α въ Центаврѣ долженъ бы быть по крайней мѣрѣ въ 50 разъ больше поперечника солнца, чтобы ясно казаться намъ въ видѣ кружочка. Значитъ, болѣе отдаленныя звѣзды должны бы быть еще гораздо больше. Между ними разумѣется могутъ встрѣчаться тѣла, величиной значительно превосходящія солнце; но чтобы онѣ были въ сотни и даже въ тысячи разъ больше его—въ высшей степени невѣроятно и не находитъ подтвержденія въ звѣздахъ, отдаленіе которыхъ намъ извѣстно. Этими отрицательными знаніями, мы и должны ограничиться пока.

Если зоркій глазъ станетъ внимательно разсматривать предпослѣднюю звѣзду ξ въ хвостѣ Большой Медвѣдицы, то непосредственно подлѣ нея замѣтитъ, точно прилѣпленную къ ней, маленькую звѣздочку; эту звѣздочку знали еще арабы и называли ее *el-suhab*, забытой; позднѣе она стала называться Алькоръ. Она образуетъ съ главной звѣздой (ξ *Ursae* или Мизаръ) двойную звѣзду. Зоркій глазъ разглядитъ еще много такихъ *двойныхъ звѣздъ*; такъ напр., въ Козерогѣ, въ Лирѣ вблизи отъ Веги, и проч. При помощи телескопа число такихъ близко стоящихъ звѣздъ возрастаетъ въ огромномъ количествѣ; теперь извѣстно уже нѣсколько тысячъ подобныхъ звѣздъ, отстоящихъ одна отъ другой меньше чѣмъ на минуту, между тѣмъ какъ разстояніе Алькора отъ Мизара простирается на цѣлыхъ 11 минутъ. Многія сотни ихъ стоятъ другъ отъ друга такъ близко, что нужна отличная зрительная труба, чтобы увидѣть ихъ отдѣльно каждую. Другія видимы уже въ умѣренныя зрительныя трубы; такъ напримѣръ, при увеличиненіи въ тридцать разъ вышеупомянутая звѣзда Мизаръ, въ свою очередь, оказывается также двойной. Большое количество телескопическихъ двойныхъ звѣздъ породило вопросъ: дѣйствительно ли звѣзды эти такъ близко стоятъ другъ отъ друга, или это только кажущуяся и случайная близость,—то есть, существуетъ ли между ними какая либо болѣе тѣсная физическая связь. Вѣдь можно бы было предположить, что двѣ такія звѣзды стоятъ въ пространствѣ далеко одна позади другой—и только линіи ихъ направленій случайно сходятся близко; но онѣ могли также находиться въ относительно небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, и дѣйствительно принадлежать къ одной физической системѣ. Наблюденія, производимыя по теоріи вѣроятностей, показали скоро, что число двойныхъ звѣздъ слишкомъ велико, чтобы допускать случайную ихъ близость другъ къ другу; *слѣдовательно* большая ихъ часть не *оптическія*, а дѣйствительно *физическія* двойныя звѣзды. Тщательныя измѣренія, производимыя еще въ концѣ прошлаго столѣтія Гершелемъ, а въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія нѣсколькими астрономами, особенно Струве,—доказали въ большинствѣ случаевъ существованіе физической связимежду этими звѣздами; онѣ показали именно, что одна звѣзда вертится вокругъ другой въ замкнутомъ пути. Болѣе точное изслѣдованіе этихъ путей привело къ заключенію, что это тѣ же самые пути, которые, вслѣдствіе притягательной силы солнца, описываютъ вокругъ него планеты,—такъ называемые эллипсы, въ одномъ фокусѣ которыхъ стоитъ въ планетной системѣ солнце, въ системѣ двойныхъ звѣздъ—одна изъ двухъ звѣздъ. Мы знаемъ теперь приблизительно до 2000 двойныхъ звѣздъ, которыя со времени Гершеля и Струве были неоднократно и тщательно измѣрены,—и уже болѣе 20, пути которыхъ мы въ состояніи опредѣлить съ относительно большой вѣрностью; почти у 500 доказаны точныя измѣненія въ взаимномъ положеніи; въ большемъ числѣ, до сихъ поръ еще не открыто такихъ измѣненій или движеній одной вокругъ другой—и это происходитъ потому, что онѣ еще недавно только были открыты и точно измѣрены. Между всѣми извѣстными двойными звѣздами, въ самый короткій періодъ времени обращается звѣзда четвертой величины въ маленькомъ Конѣ,—именно, маленькая звѣзда обѣгаетъ вокругъ большой въ 13 приблизительно лѣтъ; но различить, что эта звѣзда двойная—можно только въ самую большую зрительную трубу. Затѣмъ идетъ также

Библиотека "Руниверс"

очень трудно-отличаемая двойная звѣзда въ Вереникѣ, дѣлающая свой оборотъ въ 25 лѣтъ. Вообще, между извѣстными до сихъ поръ и точно измѣренными двойными звѣздами, въ 12-ти парахъ время оборота меньше 100 лѣтъ; у 20—30 другихъ оно меньше 500 лѣтъ; но большинство требуетъ для своего оборота гораздо большаго періода времени. Такъ, свѣтлая звѣзда Касторъ въ Близнецахъ, при увеличеніи въ семьдесятъ разъ представляющаяся двойной, обращается въ 1000 лѣтъ; вышеупомянутый Мизаръ (ξ *Ursae*), по меньшей мѣрѣ въ 7000 лѣтъ. Въ другихъ очень яркихъ двойныхъ звѣздахъ до сихъ поръ еще не открыто никакого движенія одной вокругъ другой, но во всякомъ случаѣ періодъ времени потребный для ихъ оборота равняется 10,000 и болѣе годамъ. Намъ извѣстны параллаксы, т. е. отдаленіе отъ нашей земли, нѣкоторыхъ двойныхъ звѣздъ съ короткимъ срокомъ оборота; такъ какъ видимое ихъ отдаленіе, мы непосредственно измѣряемъ секундами, то изъ двухъ этихъ цифръ мы получаемъ ихъ дѣйствительное разстояніе другъ отъ друга въ линейной мѣрѣ. Такимъ образомъ, настоящее разстояніе часто упоминаемой здѣсь звѣзды первой величины, α въ Центаврѣ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ есть прекрасная двойная звѣзда 20 секунднаго разстоянія, равняется 400 мильонамъ милямъ, или 20 солнечнымъ разстояніямъ. Во второй звѣздѣ, 61-ой Лебедя, также двойной, это настоящее разстояніе доходитъ до 31 солнечнаго разстоянія, то есть превышаетъ 600 мильоновъ миль.

Зная періодъ оборотнаго времени и обоюдное разстояніе обѣихъ звѣздъ системы двойныхъ звѣздъ, равно какъ отдаленіе ихъ отъ солнечной системы, можно вычислить массу двойной звѣзды относительно солнечной массы. Изъ такихъ вычисленій мы узнаемъ, что масса двойной звѣзды α въ Центаврѣ (въ обѣихъ звѣздахъ взятыхъ вмѣстѣ) составляютъ 0, 7, масса звѣзды 61-ой Лебедя только 0, 3 солнечной массы; другая двойная звѣзда (ρ въ Змѣеносцѣ), напротивъ въ 2½ раза превосходитъ массу солнца. Слѣдовательно наше солнце должно быть причислено къ звѣздамъ средней величины. Какъ мало величина или масса звѣзды вліяетъ на ея свѣтовую силу, всего лучше видно на Сиріусѣ. Эта свѣтлѣйшая изъ неподвижныхъ звѣздъ также двойная, но спутникъ главной звѣзды похожъ на слабую звѣзду восьмой или девятой величины, и можетъ быть видѣнъ только въ лучшія зрительныя трубы. По сдѣланнымъ вычисленіямъ, спутникъ обращается вокругъ главной звѣзды въ 50 лѣтъ, и имѣетъ только около половины ея массы; между тѣмъ по разницѣ свѣта выходитъ, что свѣтовая его сила равняется приблизительно 1/800 свѣтовой силы Сиріуса; слѣдовательно онъ свѣтитъ несравненно слабѣе, тогда какъ по своей величинѣ можетъ быть всего только вдвое меньше упомянутой яркой звѣзды. Такія же отношенія мы находимъ и въ другихъ двойныхъ звѣздахъ, изъ чего слѣдуетъ, что по яркости звѣзды еще нельзя дѣлать заключенія объ ея величинѣ.

Кромѣ двойныхъ звѣздъ, на небѣ есть еще цѣлый рядъ тройныхъ и болѣе звѣздъ, хотя и въ болѣе ограниченномъ количествѣ. Струве наблюдалъ больше 120 тройныхъ, 9 четверныхъ и 2 пятерныхъ звѣзды, изъ которыхъ всѣ навѣрное имѣютъ между собою тѣсную физическую связь. Есть даже такія сложныя звѣзды, гдѣ 2, 3 и даже больше двойныхъ звѣздъ стоятъ такъ близко другъ къ другу, что существованіе физической связи между отдѣльными парами—въ высшей степени вѣроятно. Подобныя явленія составляютъ переходъ къ такъ-называемымъ *звѣзднымъ роямъ*, въ которыхъ множество звѣздъ соединяются на относительно маломъ пространствѣ. Уже простому глазу замѣтны на небѣ нѣкоторыя мѣста, гдѣ множество свѣтлыхъ звѣздъ тѣснятся въ кучу, образуя нѣчто въ родѣ мерцающаго тумана; извѣстнѣйшія изъ нихъ: Плеяды и Гіады въ Волѣ, Ясли въ Ракѣ, и др. Телескопъ сильно умножаетъ число и этихъ свѣтилъ, позволяя прослѣдить всѣ ихъ промежуточныя ступени: отъ явственно-видимыхъ простому глазу кучекъ, до громаднаго множества тѣсно-скученныхъ звѣздъ, которыя можно разглядѣть только въ самые сильные инструменты. Также и *млечный путь*, кажущійся простому глазу болѣе или менѣе равномѣрно мерцающей туманной полосой, является въ зрительной трубѣ безчисленнымъ множествомъ очень тѣсно-скученныхъ звѣздъ, число которыхъ все болѣе и болѣе ростетъ, по мѣрѣ того какъ мы употребляемъ для наблюденія ихъ болѣе сильныя зрительныя трубы. При этомъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа звѣздъ по мѣрѣ нашего приближенія къ млечному пути, растетъ также и количество звѣздныхъ роевъ; особенно часты они на самыхъ свѣтлыхъ мѣстахъ млечнаго пути: въ Стрѣлѣ, хвостѣ Скорпіона и нѣкоторыхъ другихъ южныхъ, невидимыхъ у насъ созвѣздіяхъ.

Въ тѣсной связи съ телескопическими звѣздными роями стоятъ такъ-называемыя *туманныя пятна*, маленькія, по большей части круглыя матоваго свѣта тѣла, большинство которыхъ видно только въ совершеннѣйшія зрительныя трубы. Въ сущности, разница между тѣмискученными и при томъ слабыми звѣздными роями и большинствомъ туманныхъ пятенъ—такъ ничтожна, что, даже въ самыя лучшія зрительныя трубы, тѣ и другіе кажутся одинаковыми, между тѣмъ какъ по натурѣ своей они могутъ быть весьма различны. Оба Гершели открыли уже около 5000 такихъ тѣлъ, отъ крупныхъ звѣздныхъ роевъ до самаго слабаго крошечнаго туманнаго пятнышка. Каждый годъ гигантскія зрительныя трубы открываютъ новыя слабыя туманныя пятна, изъ которыхъ 4/5 вѣроятно принадлежатъ къ туманнымъ пятнамъ и 1/5 къ звѣзднымъ роямъ. *Распредѣленіе* собственно туманныхъ пятенъ—другое чѣмъ въ явныхъ звѣздныхъ рояхъ; именно: первыя всего чаще бываютъ въ тѣхъ странахъ неба, гдѣ послѣднихъ меньше, или даже и совсѣмъ нѣтъ, какъ въ созвѣздіяхъ Льва, Дѣвы и Волосахъ Вереники, и опять собственно туманныя пятна весьма рѣдки вблизи млечнаго пути.

Эти туманныя пятна—одинъ изъ удивительнѣйшихъ предметовъ на небѣ; между ними встрѣчаются самыя странныя неправильныя формы рядомъ съ самыми правильными: тѣла, почти имѣющія видъ звѣзды, такъ они малы и равномѣрно свѣтлы,—и потомъ опять гигантскія, растянутыя на нѣсколько градусовъ полосы, самаго неравномѣрнаго свѣта. Какъ въ звѣздахъ есть двойныя, тройныя и т. д. такъ и въ этихъ туманныхъ пятнахъ встрѣчаются двойныя, тройныя, даже семерныя и девятиричныя комбинаціи; думаютъ даже, что въ одномъ изъ такихъ двойныхъ пятенъ (въ большомъ Гершелевомъ Каталогѣ ихъ насчитывается 230) какъ будто замѣтно движеніе одного вокругъ другаго. У нѣкоторыхъ изъ нихъ измѣнчивость свѣта, уже констатирована, у другихъ предполагаютъ измѣненія въ формѣ. Самыя поразительныя между видимыми у насъ туманными пятнами—это два пятна въ Оріонѣ и въ Андромедѣ; оба они были открыты вскорѣ послѣ изобрѣтенія телескопа, впрочемъ ихъ видно даже простымъ глазомъ. Оріоново туманное пятно, стоящее подъ тремя свѣтлыми, близкими другъ къ другу звѣздами, такъ называемымъ Посохомъ Іакова, отличается сильнымъ свѣтомъ, величиной и неправильностью. Близь его самой свѣтлой части, стоитъ удивительная сложная звѣзда, такъ называемая Трапеція въ Оріоновомъ туманѣ, которая простому глазу кажется звѣздой четвертой величины. Находится ли эта звѣдная система, какъ многія другія отдѣльныя звѣзды, видимыя еще въ Оріоновомъ туманѣ, въ физической связи съ послѣднимъ или она стоитъ далеко позади или впереди его—вопросъ еще не рѣшенный. Почти такое же поразительное, свѣтлое, большое, но при этомъ чрезвычайно правильное пятно—это большое Андромедино пятно. Оно имѣетъ форму вытянутаго эллипса или чечевицы, видимой съ ребра; къ серединѣ онъ постепенно свѣтлѣетъ и наконецъ становится почти звѣздообразнымъ. Въ очень сильныя зрительныя трубы въ немъ оказывается множество мелкихъ звѣздъ, вслѣдствіе чего предполагаютъ, что это есть расходящееся туманное пятно, или собственно говоря, въ высшей степени скученный звѣздный рой. Оба эти туманныя пятна, такъ сказать, замыкаютъ собой цѣпь различныхъ формъ туманныхъ пятенъ. Особенно интересный классъ ихъ, изъ котораго впрочемъ до сихъ поръ извѣстно не болѣе 40 тѣлъ, образуютъ такъ-называемые *планетарные* туманы, равномѣрно свѣтящіяся, очень маленькія круглыя пятнышки, почти похожія на планетные круги, и свѣтящіяся при этомъ преимущественно матовымъ и безпокойнымъ свѣтомъ. Другія еще называются по ихъ виду *туманными звѣздами*; эти послѣднія по виду совершенно походятъ на неподвижныя звѣзды, только окруженныя болѣе или менѣе свѣтлой и преимущественно совершенно круглой туманной оболочкой. Еще другія похожи на кольцо, внутренняя сторона котораго испускаетъ слабый свѣтъ; замѣчательнѣйшее тѣло въ этомъ родѣ, стоитъ въ Лирѣ между звѣздами β и γ. Однимъ словомъ, здѣсь встрѣчаются всевозможныя формы, величины, степени свѣта.

Что же суть такое эти удивительныя тѣла, какъ относятся они къ скученнымъ массамъ звѣздъ и къ отдѣльнымъ звѣздамъ? Только въ новѣйшее время явилась возможность, положить по крайней мѣрѣ начало отвѣтовъ на вопросы о *физическомъ свойствѣ* этихъ тѣлъ. При громадныхъ разстояніяхъ съ какими, какъ видно изъ вышесказаннаго, мы имѣемъ дѣло, изучая міръ неподвижныхъ звѣздъ,—телескопъ оказывается безсильнымъ, когда заходитъ вопросъ о физико-химическихъ свойствахъ небесныхъ тѣлъ; съ помощію телескопа, мы можемъ измѣрять и вычислять, въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ туманныхъ пятнахъ напримѣръ) узнавать нѣкоторыя частности формъ,—но собственно о сущности этихъ тѣлъ, о ихъ физическомъ составѣ, онъ не даетъ намъ никакого понятія. Для этого мы имѣемъ другой инструментъ, изобрѣтенный лѣтъ десять тому назадъ, и другой методъ изслѣдованія—это *спектральный анализъ*, то есть изслѣдованіе состава свѣта, исходящаго изъ какого нибудь тѣла, посредствомъ разложенія его на его элементарныя составныя части; а инструментъ, производящій такое разложеніе, есть спектроскопъ. Если сквозь узкую щель въ ставнѣ впустить въ темную комнату солнечный свѣтъ, такъ чтобы онъ упалъ на стеклянную призму, и схватить солнечное изображеніе, послѣ преломленія его въ призмѣ, на бѣлый листъ,—то на послѣднемъ покажется цвѣтное, вытянутое въ длину изображеніе солнца, такъ называемый спектръ. Первоначально бѣлый, солнечный свѣтъ раллагается черезъ призму въ рядъ постепенно переходящихъ другъ въ друга цвѣтовъ; который суть: красный, желтый, зеленый и голубой. Если разсматривать это изображеніе ихъ—спектръ—внимательнѣе, то окажется что отдѣльная тѣнь каждаго цвѣта отдѣлена тонкой темной линіей, такъ называемой фрауэнгоферовой линіей. Если навести на призму зрительную трубу и черезъ нея прямо наблюдать спектръ солнца, то свѣтъ его значительно усиливается, и вмѣстѣ тѣмъ на немъ умно-

Библиотека "Руниверс"

Аничковскій дворецъ въ Петербургѣ. Фотографія на деревѣ, грав. Квельтингъ.

Библиотека "Руниверс"

жается число темныхъ линій, такъ что теперь ихъ ужъ извѣстно нѣсколько тысячъ. Такія же линіи замѣчаются въ яркихъ неподвижныхъ звѣздахъ, хотя въ послѣднихъ онѣ не такъ многочисленны и отчетливы, вслѣдствіе несравненно меньшей свѣтовой ихъ силы сравнительно съ солнцемъ. Кирхгофъ и Бунзенъ, основатели *спектральнаго анализа*, показали, что эти темныя солнечныя линіи происходятъ отъ веществъ, находящихся въ ярко-раскаленной атмосферѣ солнца, въ формѣ паровъ. Ученые эти, путемъ сравненія съ линіями получаемыми отъ земныхъ свѣтовыхъ источниковъ, нашли, что солнце содержитъ въ себѣ химическіе элементы, находящіеся на нашей землѣ; главные изъ нихъ: желѣзо, натрій, калій, мѣдь, цинкъ и проч.; нѣкоторыхъ же изъ нашихъ металловъ тамъ совсѣмъ нѣтъ (напр. золота, серебра, ртути и др.).

Такимъ же способомъ, какъ солнце, были изслѣдованы и неподвижныя звѣзды и туманныя пятна. Вслѣдствіе незначительности свѣта, особенно у послѣднихъ, изслѣдованія эти были сопряжены съ большими затрудненіями; поэтому спектроскопически извѣстны до сихъ поръ только наиболѣе яркія изъ этихъ тѣлъ. Что же касается неподвижныхъ звѣздъ, то въ цѣломъ—спектры ихъ имѣютъ тотъ же самый характеръ что и солнечный спектръ: это цвѣтныя полосы, прорѣзанныя темными линіями. Расположеніе же, число и рѣзкость этихъ линій, такъ же какъ и тѣни цвѣтовъ, различны въ различныхъ звѣздахъ; поэтому ихъ и раздѣляютъ на различные классы или типы. Къ первому, самому многочисленному типу относятся видимыя простому глазу, бѣлыя или голубоватыя звѣзды; спектръ ихъ показываетъ множество очень тонкихъ и только четыре рѣзкихъ линіи и всѣ тѣни спектральныхъ цвѣтовъ. Изъ свѣтлыхъ неподвижныхъ звѣздъ сюда принадлежатъ, напр., Сиріусъ, и Вега. Ко второму типу относятся желтыя звѣзды со множествомъ тонкихъ, а также достаточнымъ числомъ болѣе рѣзкихъ линій въ спектрѣ. Затѣмъ слѣдуетъ солнце, которое на разстояніи въ 200,000 большемъ чѣмъ теперь, казалось бы желтовато-бѣлой звѣздой первой величины; сюда принадлежатъ изъ собственно неподвижныхъ звѣздъ, напр., Капелла, Арктуръ. Третій типъ обнимаетъ оранжевыя или красноватыя звѣзды. Характеристическая черта ихъ спектра заключается въ многочисленныхъ темныхъ обручахъ, особенно на желтомъ и зеленомъ цвѣтахъ, что, если смотрѣть въ обыкновенную зрительную трубу или простымъ глазомъ, вызываетъ впечатлѣніе краснаго цвѣта. Сюда принадлежитъ большинство непостоянныхъ звѣздъ, которыя преимущественно бываютъ краснаго цвѣта, напр. Мира въ Китѣ α въ Геркулесѣ, α въ Оріонѣ; упомянутый же выше Алголь (β въ Персеѣ), изливающій бѣлый свѣтъ, по спектральному анализу принадлежитъ къ первому типу. Наконецъ найдено еще небольшое число слабѣйшихъ звѣздъ, причисленныхъ къ четвертому типу, спектры которыхъ показываютъ свѣтлые цвѣтные обручи, раздѣленные широкими темными промежутками; кромѣ того, на нихъ видны еще простыя темныя линіи, соотвѣтствующія такимъ же линіямъ въ первомъ типѣ.

Относительно вещественнаго состава этихъ группъ неподвижныхъ звѣздъ, спектральныя линіи перваго и втораго типовъ показываютъ рядъ элементовъ, находящихся какъ на солнцѣ, такъ и на землѣ, хотя на послѣдней они встрѣчаются въ другой формѣ. Преобладающій элементъ въ раскаленной атмосферѣ этихъ тѣлъ—это водородъ; далѣе, въ первомъ типѣ еще желѣзо и магній, во второмъ типѣ мѣсто желѣза заступаетъ преимущественно натрій. На нѣкоторыхъ звѣздахъ, особенно въ свѣтлой звѣздѣ Антаресъ (α въ Скорпіонѣ), принадлежащей ко второму типу, можно предполагать также воду, разумѣется въ видѣ паровъ. Наконецъ, немногія звѣзды четвертаго типа показываютъ присутствіе особенныхъ газовъ въ раскаленномъ состояніи, такъ-называемыхъ углеводородныхъ веществъ, куда принадлежитъ напримѣръ петролеумъ.

Совершенно различными отъ спектровъ звѣздныхъ типовъ, особенно перваго класса, представляются спектры *туманныхъ пятенъ*; эти послѣдніе показываютъ очень немного (большинство всего три) *свѣтлыхъ* линій обыкновенно на совсѣмъ темномъ фонѣ, въ противуположность большинству неподвижныхъ звѣздъ, у которыхъ мы видимъ, наоборотъ, темныя линіи на свѣтломъ фонѣ. Причина этой существенной разницы лежитъ въ различныхъ физическихъ свойствахъ этихъ тѣлъ. Неподвижныя звѣзды состоятъ изъ ярко-раскаленныхъ жидкихъ или твердыхъ массъ, въ атмосферахъ которыхъ содержатся вышеупомянутыя вещества или элементы въ видѣ паровъ; выходящій изъ ядра планеты свѣтъ проходитъ черезъ нихъ и потому на спектрѣ получаются темныя линіи. Еслибы вещества эти были свѣтящимися сами по себѣ, безъ испускающаго свѣтъ тѣла неподвижной звѣзды позади ихъ, то они, наоборотъ, дали бы свѣтлыя линіи, что именно мы и находимъ въ туманныхъ пятнахъ. Немногія даваемыя ими свѣтлыя линіи заставляютъ заключать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ раскаленными газовыми массами простѣйшей химической конституціи. Съ особенной достовѣрностью доказываютъ это выше упомянутые планетарные туманы, такъ какъ по своей яркости они болѣе всего удобны для спектроскопическихъ изслѣдованій; газы, производящіе ихъ свѣтъ, суть водородъ и азотъ, и можетъ быть еще третій неизвѣстный элементъ.

И такъ, спектроскопическое изслѣдованіе даетъ вѣрнѣйшее средство для отличія собственно туманныхъ пятенъ отъ звѣздныхъ роевъ, такъ какъ характеристическимъ признакомъ звѣздныхъ спектровъ служатъ темныя линіи на свѣтломъ фонѣ. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда простое наблюденіе въ телескопѣ оказывается недостаточнымъ, вопросъ разрѣшается спектроскопомъ. Для примѣра укажемъ на большой Андромединъ туманъ, который по изслѣдованіи путемъ спектральнаго анализа, въ дѣйствительности оказался просто звѣзднымъ роемъ. Въ какихъ отдаленіяхъ находятся отъ насъ эти образованія и сотни другихъ туманообразныхъ звѣздныхъ роевъ, какъ относятся собственно туманныя пятна къ неподвижнымъ звѣздамъ, не суть ли онѣ первоначальныя ступени въ развитіи солнцеобразныхъ тѣлъ, сколько потребно имъ для этого времени—на всѣ эти и подобныя тому вопросы, мы по сіе время не въ состояніи еще дать какіе либо отвѣты. Здѣсь мы касаемся области, гдѣ знаніе наше кончается, оставляя мѣсто однимъ гипотезамъ и догадкамъ. Передавъ главнѣйшіе *факты*, основанные на точныхъ наблюденіяхъ и вычисленіяхъ, и мы, съ своей стороны, считаемъ умѣстнымъ закончить этимъ нашу статью.

Аничковскій Дворецъ

(Историческій очеркъ).

Въ царствованіе Анны, по Невскому проспекту—тогда Большой перспективой дорогѣ—между Николаевскою и Литейной, въ Московской части, протягивалась въ двѣ параллельныя линіи слобода морскихъ служителей, потомъ переданная ротѣ батальона строеній С.Петербурга. По имени начальника этой роты, маіора Аничкова, слобода прозвалась Аничковою, и отъ имени ея—получили и навсегда удержали за собою это прозваніе: тріумфальныя ворота, въ 1731 году сооруженныя на Невской перспективой противъ теперешняго Троицкаго переулка, да и мостъ за этими воротами, черезъ Фонтанку.

Непосредственно за этимъ мостомъ, по той же сторонѣ Невскаго, гдѣ была и Аничкова слобода, только уже за Фонтанкою,—великая княжна Елизавета Петровна, въ правленіе принцессы Анны, купила береговое мѣсто у купца Дмитрія Лукьянова и думала было построить себѣ здѣсь дачу для лѣтняго пребыванія, между виллами столичныхъ аристократовъ, покрывавшими оба берега излучистой Фонтанки, бывшей тогда вдвое шире. Въ то время Фонтанка, съ большими заводями, глубоко уходившими въ низменные берега, бухтами и обширными островами между ними, весною покрывавшимися водою, а лѣтомъ составлявшими поемныя луга, была уже гранью Петровскаго Петербурга, и мѣста для дачъ здѣсь началъ раздавать самъ Петръ I съ 1715 года.

Какъ извѣстно, зданіе теперешняго Екатерининскаго Института было вначалѣ Итальянскимъ домомъ Екатерины I, къ которому прилегалъ за Литейнымъ проспектомъ обширный садъ, доходившій сперва до Лиговскаго канала, а при Аннѣ до поперечной просѣки отъ Перспективой—теперешней Знаменской улицы; тогда какъ боковая грань сада опредѣлялась рядомъ домовъ на улицу, отъ имени сада получившую имя Итальянской. Дома эти заняты были садовою прислугою и улица служила вмѣстѣ съ тѣмъ предѣломъ мѣста (въ эту сторону) отведеннаго лейбъ-гвардіи Преображенскому полку вдоль по Литейной, до нынѣшней Крючковой улицы—тогда тоже просѣки называвшейся Лабораторною; отъ артиллерійскаго парка и лабораторіи, расположенныхъ на мѣстности занимаемой теперь питомникомъ Таврическаго сада. Итальянскій домъ, съ его тремя павильонами, соединенными посредствомъ галлерей, послужилъ моделью для дома у Аничкова моста, который на мѣстѣ Лукьянова пожелала соорудить себѣ Елизавета Петровна, со вступленіемъ на престолъ измѣнившая первую идею: имѣть здѣсь небольшую дачу, въ средѣ лѣтняго пребыванія столичной аристократіи. Проектъ для дома у Аничкова моста, въ годъ воцаренія Елизаветы, составилъ архитекторъ М. Гр. Земцовъ (строитель церкви Симеона на углу Моховой). Строитель этотъ, имѣя въ виду характеръ сооруженія тоже дачный, фасадомъ обратилъ свое зданіе Аничковскаго дома на Фонтанную рѣчку. Одна только правая сторона къ Перспективой дорогѣ, нынѣшнему Невскому проспекту, выходила къ бульвару, отъ котораго отдѣляла Аничковскій домъ каменная стѣна, совершенно скрывая нижній этажъ его. При домѣ, на мѣстѣ существующихъ, были также ворота на Перспективую, хотя глухія и никогда не отворявшіяся безъ надобности. Отъ нихъ проложена дорога къ лѣтнему дому Екатерины I (на мѣстѣ Инженернаго замка) мимо Каравайной присѣшки и впослѣдствіи опредѣлила направленіе «Каравайной» (теперь Карванной) улицы. Передъ глав-

Библиотека "Руниверс"

нымъ корпусомъ Аничковскаго дома, по плану утвержденному Императрицею, назначенъ лужокъ изъ дерна съ цвѣтниками, а за нимъ бассейнъ, соединявшійся каналами съ Фонтанкою, надъ которою на сваяхъ должна была возводиться каменная стѣнка съ балюстрадами для прогулки и съ бесѣдками по угламъ. Къ этимъ работамъ и къ разведенію сада, продолженнаго до теперешней Б. Садовой улицы, приступлено было тотчасъ по отъѣздѣ Государыни въ Москву на коронацію; а по возвращеніи оттуда, осенью 1743 г. Земцовъ умеръ, успѣвъ только зданіе возвести вчернѣ, изъ кирпича, подъ крышу. Садъ началъ разводить садовникъ Фохтъ. По смерти строителя, помощникъ его, гелель Дмитріевъ въ Москвѣ представилъ на Высочайшее утвержденіе (28-го апрѣля 1742 г.) детальные чертежи построекъ, причемъ послѣдовало заявленіе воли Монархини о большемъ возвышеніи зданія, съ тѣмъ чтобы употребить здѣсь на постройку великолѣпныя дубовыя двери и оконныя переплеты, привезенныя изъ имѣнія герцога Бирона — Альтъ-Рудендаль, гдѣ строилъ дворецъ его свѣтлости графъ Растрелли, регентомъ возведенный въ оберъ-архитекторы. Одновременно съ приказомъ поднять верхній этажъ новаго дома, утверждены планы наружныхъ стѣнъ съ воротами, галлереи на нихъ, оранжереи, службъ и круглаго корпуса конюшенъ на сосѣднемъ мѣстѣ графа Головина, тоже пріобщенномъ къ площади Аничковскаго дома съ его садами и постройками. Работы пошли съ усиленною дѣятельностью—и 26-го іюля 1745 г., посѣтивъ постройку, Елизавета рѣшила сооруженіе итальянскаго дома для оперъ, балетовъ и концертовъ, въ саду (близь нынѣшняго манежа дворцоваго, на томъ же дворикѣ,—какъ можно судить по плану перестройки для Екатерины Павловны). Сооруженіе этого оперпаго дома должно было быть особенно роскошнымъ; самые мастера для него привезены изъ Италіи. Выпискою ихъ и припозомъ распоряжался архитекторъ Трезини, которому поручены работы и доставка матеріаловъ.

Но Трезини удержаться на своемъ посту строителя Аничковскаго дома удалось не на долго. Онъ велъ дѣло сооруженія оперпаго дома такъ вяло, что въ два года, ставя самъ матеріалъ къ тому же, выполнилъ только изъ кирпича стѣны подъ крышу. Медленность эта была поводомъ передачи всѣхъ аничковскихъ построекъ знаменитому графу Растрелли, подъ наблюденіемъ котораго уже началась отдѣлка зданій, представившихся въ окончательномъ видѣ такъ: главный фасадъ, обращенный на Фонтанку, состоялъ изъ трехъ павильоновъ (выступовъ), изъ которыхъ боковые заходили далѣе середины, гдѣ былъ главный входъ въ зданіе. Надъ выступающими крыльями по главному фасаду возвышались куполы въ формѣ полугрушъ, надъ острыми верхами которыхъ возвышались: въ сторонѣ Невскаго крестъ церковный, къ саду восьмиугольная звѣзда изъ извитыхъ лучей: надъ среднимъ же павильономъ фронтисписъ съ фигурами. Садъ отъ главнаго зданія до теперешней Большой Садовой улицы состоялъ изъ террасъ, изъ которыхъ на верхней, близкайшей ко дворцу, приходился бассейнъ, обставленный крытыми аллеями со спусками въ средину сада, гдѣ клумбы цвѣтовъ вели къ воротамъ съ двухъ сторонъ противъ вѣчнозапертыхъ воротъ на Перспективную; во внутренность сада опять же ворота вели къ питомнику и оранжереямъ, тогда какъ на мѣстѣ нынѣшней Публичной Библіотеки была устроена обширная бесѣдка съ эстрадою для музыкантовъ, въ рощѣ молодыхъ деревьевъ (питомникѣ). Всѣ затѣи роскоши XVIII вѣка нашли примѣненіе въ Аничковскомъ саду, отдѣланномъ раньше дворца, гдѣ строителя затруднило пышное украшеніе церкви съ рѣзнымъ иконостасомъ самаго сложнаго и изящнаго рисунка. Иконы писаны мастерами Канцеляріи Строеній, взятыми отовсюду, даже изъ Москвы. Техники Канцеляріи употреблены и и на отдѣлку вообще пышнаго дворца, гдѣ обширная столовая въ крылѣ противоположномъ церкви украшена была единственными въ своемъ родѣ панелями изъ дуба, рѣзца Вестерпи. Роскошное убранство продлило отдѣлку до 1750 года, и зданіе освящено 17-го марта. Въ бытность подъ вѣдѣніемъ Кабинета Его Величества, на мѣстѣ стѣны съ павильономъ и балюстрадомъ, за проведеніемъ набережной по обдѣлкѣ Фонтанки гранитомъ, сооружена открытая галлерея изъ аркадъ, надъ которыми возведенъ второй этажъ. Бывшая гавань съ проѣздомъ въ Фонтанку засыпана и на мѣстѣ бассейна застроены корпуса, отнявшіе часть главнаго двора передъ зданіемъ, съ этого времени видимымъ съ берега только черезъ проѣзды между колоннами перистиля съ широкими просмами, замѣнившаго ворота на дворъ Кабинета. Обвѣтшавшіе грушевидные купола изъ бѣлой жести съ позолотою, напоминавшіе блистательную эпоху Растрелли, замѣнились плоскими окружностями сверхъ крыши, надъ крыльями зданія. Большая часть сада, уже запущеннаго, вмѣстѣ съ оранжереями, упразднена. Домы же садовыхъ служителей и управляющаго отошли подъ городскіе жилые участки на Садовую улицу, на уголъ которой на Невскій, въ послѣдній годъ царствованія Екатерины, утверждено къ возведенію (по проекту Соколова) зданіе Императорской библіотеки, Александромъ I обращенной въ публичную. При Павлѣ I, одновременно съ застройкою зданія библіотеки, на Невскій проспектъ предположено было во всю линію Аничковскаго сада вытянуть перистиль съ двумя рядами колоннъ, изъ-за которыхъ въ интервалахъ должны были выступать купы растительности. Потемкинскій воксалъ переданъ частному антрепренеру подъ малый театръ—и въ арендѣ у Казасси, перестроившаго заново сцену и подъѣздъ, при Александрѣ I сгорѣлъ.

Въ этомъ видѣ полуразрушенія и окончательнаго измѣненія первоначальнаго плана, переданъ Аничковскій дворецъ изъ Кабинета въ Департаментъ Удѣловъ, при его учрежденіи Павломъ I. Изъ Департамента же Удѣловъ,—при образованіи особаго дворца для Великой Княгини Екатерины Павловны, помолвленной за герцога Георгія Ольденбургскаго—перестроенный заново Аничковскій дворецъ переданъ въ собственность Ея Высочества. Великая Княгиня жила тамъ со своимъ супругомъ только до переселенія въ Тверь, гдѣ герцогу Георгію назначено пребываніе въ качествѣ генералъ-губернатора тверскаго. Смерть Его Высочества въ декабрѣ 1812 года еще разъ повлекла въ близкомъ будущемъ перемѣну владѣнія Аничковскимъ дворцомъ. В. К. Екатерина Павловна вскорѣ послѣ овдовѣнія, по разстроенному здоровью, весною 1813 г. уѣхала въ Германію, а оттуда воротиться изволила въ концѣ 1815 года, уже невѣстою Наслѣднаго Принца Виртембергскаго Вильгельма (потомъ Короля). Бракъ Ихъ Высочествъ и отъѣздъ навсегда будущей Королевы изъ Россіи вызвалъ пріобрѣтеніе казною отъ Екатерины Павловны Аничковскаго дворца за 2.000.000 руб., составившихъ наслѣдство сыновей герцога Ольденбургскаго Георгія. Купленный въ четвертый разъ казною, дворецъ Аничковскій подаренъ Великому Князю Николаю Павловичу, въ 1816 году воротившемуся въ Петербургъ, уже сдѣлавъ выборъ подруги. Въ іюнѣ 1817 года избранная въ подруги Его Высочеству, дочь Прусскаго Короля Фридриха-Вильгельма II, Принцесса Шарлотта прибыла въ сѣверную столицу Россіи; 25-го іюня приняла православіе съ именемъ Великой Княжны Александры Ѳеодоровны, а 1-го іюля 1817 г. сочеталась бракомъ съ будущимъ Самодержцемъ Россіи, когда этого рѣшенія судьбы никто еще не предчувствовалъ.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ давно уже находился въ разлукѣ съ добродѣтельною супругою, В. К. Анной Ѳеодоровной, урожденной Принцессой Кобургъ-Готской, по отъѣздѣ изъ Петербурга жившей уединенно въ Швейцаріи. Въ 1819 году Цесаревичъ заявилъ желаніе вступить въ новый бракъ—и тогда-то послѣдовала непремѣнная воля Его Высочества отречься отъ наслѣдія престола. Императоръ Александръ I частно открылъ въ одномъ изъ своихъ посѣщеній Аничковскаго дворца о блистательной участи, ожидавшей благодушнаго младшаго брата его; но В. К. Николай Павловичъ оставался едва-ли не въ полной неизвѣстности о томъ, не придавъ подлиннаго значенія намекамъ въ сообщеніи Августѣйшаго брата, назначившаго Его Высочество своимъ преемникомъ. Такъ мирно протекли еще шесть лѣтъ для четы Августѣйшихъ владѣтелей Аничковскаго дворца, осчастливленныхъ рожденіемъ Сына и трехъ дочерей. Кончина Императора Александра I въ Таганрогѣ раскрыла наконецъ благодѣтельное для Россіи назначеніе Николая I, во все свое царствованіе сохранявшаго привязанность къ своему Аничковскому дворцу, переименованному въ Собственный Дворецъ Е. И. В. Пріѣзжая сюда говѣть въ Великомъ посту, Императоръ Николай I надолго поселился въ мирныхъ стѣнахъ дома Елизаветы, послѣ пожара зданія Зимняго дворца (17-го дек. 1837 г.). Для возсозданія сгорѣвшаго, при всей горячности исполнителей, ускорившихъ веденіе работъ, потребовалось больше года времени и зиму 1837 1838 года, Государь и Августѣйшее семейство провели въ Аничковскомъ дворцѣ, сдѣлавшимся затѣмъ мѣстомъ пребыванія Наслѣдника престола—нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Въ благополучное царствованіе Его Величества, съ 1866 года, Аничковскій дворецъ вмѣщаетъ опять обожаемаго Россіею Наслѣдника.

Такова въ главныхъ чертахъ судьба Аничковскаго дома и дворца, въ продолженіи ста двадцати пяти лѣтъ отъ его сооруженія.

П. Петровъ.

Донскія казачки.

Степь, покрытая сочной травой, тянется по обѣ стороны отъ широкой дороги, бѣгущей въ безконечную даль.. Направо и налѣво мелькаютъ бѣлыя, сложенныя изъ камней вѣхи; кое-гдѣ, забѣгая на ровныя линіи горизонта, голубѣютъ невысокіе холмы; ни одного деревца на цѣлыя сотни верстъ.

Вотъ какъ на блюдечкѣ раскинулась казачья станица по плоскимъ берегамъ неширокой степной рѣчки; высокая церковь ея далеко свѣтитъ въ хорошій солнечный день своей золоченой верхушкой; кругомъ, во всѣ стороны разбѣжались уютныя, теплыя хаты, крытыя соломою и тесомъ. Лѣтнее солнце немилосердно палитъ съ голубаго, чистаго неба... Вы переѣхали на паромѣ черезъ степную рѣчку, выѣхали на станичную площадь

Библиотека "Руниверс"

и остановились у одной хаты спросить воды. Молодая казачка вынесла намъ напиться. Вглядитесь въ нее: на этомъ лицѣ стоитъ остановить вниманіе. Черные бойкіе глаза съ длинными, загнутыми кверху рѣсницами, смуглый цвѣтъ лица и природная грація движеній—типичныя особенности молодыхъ станичныхъ обитательницъ.

Первыми казачками были женщины или захваченныя въ плѣнъ (полонянки), или переселившіяся на Донъ по своей охотѣ, смененныя казаками.

Въ донскихъ пѣсняхъ нерѣдко упоминается объ этихъ сравнительно-давнихъ временахъ казацкаго сожительства безъ церковнаго брака: въ одной, напр., говорится, какъ молодой казакъ, лась тяжелая, мужняя рука, вѣдавшаяся съ саблей да копьемъ гдѣ нибудь на чужой сторонѣ.

Благопріятныя условія личной свободы отразились на женскомъ характерѣ; явились проворство, хитрость и смѣтка, находчивость въ минуты опасности, однимъ словомъ: черты сильныя. Все это, повторяемъ, прямой результатъ того, что казацкая жена не была и не могла быть такимъ забитымъ существомъ, какъ русская коренная крестьянка, жена пахаря.

Изъ тѣхъ же пѣсенъ, которыя, замѣтимъ, составляютъ одинъ изъ богатѣйшихъ матеріаловъ при изученіи жизни нашей простолюдинки, видно, какимъ уваженіемъ пользовалась казачка въ семьѣ. Много горя однако выпало и на ея долю.

Донская казачка. Рис. Фукье, грав. Жоннаръ.

охотясь за сѣрой лаиью, добылъ себѣ въ жены красавицу-турчанку; въ другой—какъ одному молодцу досталась при дѣлежѣ красивая дѣвица; въ третьей—казакъ манитъ съ Польши на тихій Донъ пригожую шинкарку...

Не надо забывать, что казака «воспитала, возлелѣяла ие семья, ие мать, а кормилецъ Донъ Ивановичъ, да чужа дальия сторона». Казачка пользовалась, понятно, большей свободой, чѣмъ великорусская крестьянка, поставленная въ иныя условія. Мужъ былъ далеко отъ родной хаты, воевалъ съ невѣрными, семья оставалась на рукахъ жены... Надо было самой вывертываться изъ бѣды, бороться съ нуждой, кормить, обшивать и защищать казацкихъ дѣтей. Надъ головой казачки рѣже заносилась тяжелая, мужняя рука, вѣдавшаяся съ саблей да копьемъ гдѣ нибудь на чужой сторонѣ.

Вотъ старая мать казака, выростившая сына на военное дѣло, выбѣгаетъ встрѣчать взмыленнаго коня, который прискакалъ на знакомый дворъ послѣ смерти хозяина... Она, старая, выплакала глаза, у ней переболѣло сердце въ ожиданіи любимаго сына,—а онъ лежитъ неизвѣстно гдѣ, прострѣленный вражеской пулей... Ждала мужа, долго рыдала покорливая жена, много было у нея дѣла въ его отсутствіе: надо и свекру постелюшку послать, свекрухѣ всѣмъ угодить, деверю коня сѣдлать, надо и золовкѣ русу косу заплести... Обѣ не дождались казака—и омывается горькими слезами опасная казацкая служба.

Исключительно для семьи и мужа живетъ, по пѣсиямъ, одна *покорливая* жена; другая, смѣлая, *игреливая* ватура донской ка-

Библиотека "Руниверс"

Ловъ и друзья его. Картина Гейльбута, рис. Филиппото, грав. Моранъ.

Библиотека "Руниверс"

зачки ищетъ для себя другихъ, болѣе треножныхъ радостей—хочетъ пожить въ свое удовольствіе... Мирная жизнь въ семьѣ, безъ казака, ей не такъ по сердцу: и свекоръ, и деверья съ золовками часто слышатъ отъ нея непривѣтное слово. У игреливой жены есть милый, но и милаго она умѣетъ держать въ рукахъ, не даетъ надъ собой воли; за то у нея есть человѣкъ, съ которымъ можно отвести душу. *Игреливая* всѣхъ проведетъ, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ и когда надо—найдется.

«Я подруженькамъ скажу:
— Мнѣ домой пора идтить;
Ужь я маменькѣ скажу,
Государынѣ скажу:
— Животомъ-то я больна».

Много на Дону поется про чужемужнихъ женъ, про то какъ онѣ любились съ молодыми станичными казаками. Не дешево послѣднимъ обходилась эта любовь: казачка не сразу позволяла посягать на свою свободу. Въ пѣсняхъ часто слышатся жалобы на то, что *сударушка чужемужняя жена* высушила казака, всѣ чоботы истопталъ онъ, ходя мимо ея окопъ, изорвалъ весь чекмень, лазя по заборамъ, исцарапалъ фуражечку, подъ качелями стоючи и пр.

И хозяйство у игреливой казачки не такъ идетъ какъ у покорловой, а когда казакъ вернется съ войны—нѣтъ согласья въ семьѣ. Начинаются ссоры, недалеко и до трагической развязки. Часто мужъ ищетъ жену въ кабакѣ, да и такъ казачки, при всякомъ удобномъ случаѣ, не прочь выпить.

Во пиръ-то идетъ
Что павушка плыветъ;
Съ пиру-то идетъ
Что маковъ цвѣтъ.

Поется про подгулявшую казацкую жену.

Страсти находятъ себѣ исходъ и въ развратѣ. Яркимъ примѣромъ, занесеннымъ въ народныя сказанія, можетъ служить былина о Добрынѣ и женѣ его Амелфѣ Тимофеевнѣ, про которую мать жалуется русскому богатырю:

«А жена твоя по распутъ пошла,
Во распутъ пошла, горька пьяница,
И зеленый садъ—засушеный весь,
А широкій дворъ—засореный весь,
Всѣ конюшенки порастворены
И всѣ коники позаѣзжены.

Амелфа была изъ *игреливыхъ*, смѣлыхъ женъ.

Про одну изъ такихъ страстныхъ и энергичныхъ натуръ, не могшихъ совладать съ собой, разсказываютъ на Дону интересныя подробности. Это—преданіе про казачку Аграфену Вершилову, или короче Груню-разбойницу. Оно относится, какъ надо думать, къ началу нынѣшняго столѣтія.

Груня родилась въ Заполянской станицѣ, на р. Медвѣдицѣ, отецъ умеръ на Кубани, дѣночка росла у матери. На семнадцатомъ году молодой казачкѣ приглянулся красивый сосѣдскій сынъ, но онъ долженъ былъ угодить въ очередь и бросить о Грунѣ всякія думы. Сколько ни просилъ казакъ станичныхъ стариковъ освободить его отъ очереди, тѣ не согласились. Больше всѣхъ почему-то уперся атаманъ—и Груня возненавидѣла его за это. Ушелъ любимый человѣкъ, а она осталась попрежнему одна со старой матерью. Мысль идти къ нему, на Кубань, неотвязно преслѣдовала Груню и день и ночь. Дорога въ невѣдомый край не испугала ее. Вдругъ пропала Груня изъ Заполянской станицы... Прошелъ годъ—она опять появилась въ родныхъ мѣстахъ, въ партіи пригнанныхъ арестантовъ. Грубо обошелся съ ней атаманъ, грубо отвѣтила ему смѣлая казачка. «Твоя смерть за тобой пришла»! пригрозила она ему.

Далеко не прежней выглядѣла Груня Вершилова: она была озлоблена; скитанія по острогамъ, неоднократныя бѣгства не смягчили ея сердца; она хотѣла отомстить атаману во что бы то ни стало. Ей ясно вспомнилось, какъ онъ объяснялъ нерѣшимость и просьбы ея милаго трусостью, какъ смѣялся надъ казакомъ... Сидя въ заполянской тюрьмѣ, Груня подговорила товарищей добывать свободу во что бы то ни стало и прежде всего идти въ гости къ станичному атаману. Задуманный планъ былъ скоро приведенъ въ исполненіе. Груня-разбойница вошла въ незапертой атаманскій курень... Она преобразилась въ дикаго звѣря. Атаманъ былъ задушенъ на кушакѣ, продѣтомъ сквозь колыбельное кольцо; курень ограбленъ. «Пусть другаго атамана выбираютъ, посмѣялась Груня,—этотъ въ люлькѣ качается!» Разбойники забрали всѣхъ бывшихъ на дворѣ лошадей, не забыли и оружіе, послѣ чего скрылись въ лѣсу. Груня ѣхала впереди, одѣтая въ казацкій чекмень, шаровары съ красными лампасами, съ пистолетами и шашкой. Какъ всѣ казачки, она отлично ѣздила верхомъ, хорошо плавала, ловко лазала по деревьямъ. Выѣхали въ степь, по которой мѣстами были разбросаны одинокіе хутора. Въ одномъ изъ нихъ жила атаманова семья. Страшно передавать словами тѣ звѣрства, которыя были пущены въ ходъ при истребленіи ненавистной для Груни семьи. Пощады не оказали никому.

Месть была удовлетворена; что оставалось дѣлать? Затосковала Груня, закручинилась, но товарищи позвали ее съ собой на Волгу, на мѣста подвиговъ всякой вольницы, и она согласилась.

Товарищей съ ней, по преданію, было семь человѣкъ. На аму двое остались въ степи, вырыли землянку, а остальные одни разошлись по хуторамъ, на работы, другіе попались начальству.

Не смотря ни на что, мысль о Кубани не выходила изъ Груниной головы. Смѣлая казачка подговорила товарищей искать это давножеланное мѣсто, цѣль всѣхъ ея скитальчествъ. Долго ѣхали. Передъ путниками разстилалась безконечная, безплодная степь, жаръ былъ нестерпимъ; пронизія вышла вся... Начали ѣсть лошадей...

На Кубань все таки не попали, но плутали гдѣ-то очень далеко отъ Заполянской станицы, доходили до Каспійскаго моря. Настала вторая зима. Дѣло не обошлось безъ стычки съ кочевавшими въ тѣхъ мѣстахъ калмыками.

Не выдержала Груня, спозналась съ однимъ изъ товарищей... Стали подсмѣиваться надъ Грунсй... Скоро ребенокъ родился, да недолго прожилъ, не успѣли съ нимъ понянчиться степные разбойники. Послѣ этого, передаетъ преданіе, высланы были на казаковъ русскіе солдаты, и въ жаркой стычкѣ одинъ изъ нихъ наскочилъ было на Груню и располосовалъ на ней чекмень, но испугался, подумавъ что она оборотень и побѣжалъ прочь, а за нимъ и остальные. Не дождался Груни молодой казакъ—женился, а Вершилова, говорятъ, подъ конецъ въ монастырь пошла: тамъ ее видѣли. Недобромъ кончила Груня-разбойница: какъ-то дошли до нея слухи, что ея милый другую любитъ и она, съ отчаянія, кинулась въ Донъ.

Типичнѣе описанной казачки трудно найдти. Груня—одна изъ сильныхъ казацкихъ натуръ, выработанныхъ указанными условіями жизни. Послѣдняя въ семейной обстановкѣ имѣетъ однако много общаго съ великорусской. Вся обрядовая сторона взята цѣликомъ, съ небольшими измѣненіями. Въ заключеніе сообщимъ для примѣра нѣкоторыя подробности о старинной казацкой сватьбѣ.

«Ходятъ ли грѣшные въ рай?» спрашиваетъ сваха, полурастворивъ дверь къ родителямъ невѣсты. Съ ней женихъ и его родственники.—«Ходятъ и носятъ, моя родная!» отвѣчаютъ свахѣ «Несемъ, несемъ! Ужь нечего дѣлать!» говоритъ она, занося ногу черезъ порогъ. Слѣдомъ идутъ родственники жениховы, а самъ женихъ остается на крыльцѣ. Войдя, всѣ садятся. «Мы видѣли, начинаютъ невѣстины родители,—что вы не съ добромъ къ намъ пришли; у насъ теперь *войско* не въ сборѣ: милости просимъ обождать, войны не начинать». Заходитъ разговоръ о разныхъ военныхъ приступахъ, резервахъ и артиллеріи; вообще эта часть обряда носитъ военный характеръ. Разговоръ прекращается съ приходомъ ожидаемыхъ членовъ семьи.

Женихова сторона отходитъ къ двери, а сваха начинаетъ говорить о томъ, что пришла съ хорошимъ купцомъ за хорошимъ товаромъ. «Пошли только Богъ такого купца, отвѣчаютъ ей,—а мы продадимъ». Изъ толпы стоящей у порога выдѣляется женихъ и выходитъ на середину—невѣстина родня начинаетъ его разглядывать. «Не слѣпой ли онъ? Не хромой ли онъ у васъ?» слѣдуютъ вопросы. Жениха заставляютъ въ доказательство пройдтись по комнатѣ. «Хорошъ, хорошъ!» говоритъ женихова родня, «позвольте теперь свой товаръ посмотрѣть»! Выходитъ невѣста и скромно потупляетъ глаза; голова убрана въ одну косу, на груди бисерные застежки, серебряный поясъ стягиваетъ плотно охватывающій тѣло *кубылекъ*.

Послѣ того какъ обѣ стороны согласны, жениха съ невѣстой становятъ рядомъ и благословляютъ. «Дай-то Богъ, говоритъ невѣстина родня,—намъ слышанное видѣть, желанное получить!» Затѣмъ обносится круговая чара. Родственники жениха зовутъ всѣхъ хлѣба-соли откушать, чарку вина выпить. Дѣло слажено совсѣмъ. Настаетъ день вѣнчанья, пора ѣхать въ церковь. Цѣлая толпа *поѣзжанъ* гарцуетъ съ нагайками на лучшихъ коняхъ, въ богатой збруѣ, въ цвѣтныхъ лентахъ. Посланный жениховымъ отцомъ *передовой* объявляетъ сватамъ, что молодой князь уже ѣдетъ. Женихъ тихо подвигается къ невѣстину дому, перхомъ, съ перевязью черезъ плечо, подаркомъ невѣсты. Дружка и поѣзжане слѣдуютъ за нимъ.

Невѣста одѣвается и плачетъ, по старорусскому обыкновенію. Вотъ женихъ въѣхалъ на дворъ; совершается обрядъ невѣстиной *продажи*. Дружка проситъ отпустить невѣсту въ *дальній путь*. Послѣ вѣнца у женихова дома поются пѣсни; на крыльцѣ родители жениха поднимаютъ надъ головами молодыхъ хлѣбный каравай.

Послѣ этого пиръ идетъ горой, три, четыре дня. Вся станица празднуетъ богатую свадьбу. Долго говорятъ про невѣроятное число ведеръ водки и винограднаго вина, выпитое за здоровье молодыхъ.

Библиотека "Руниверс"

Смѣсь.

Іовъ и друзья его.

Одинъ изъ поэтичнѣйшихъ эпизодовъ Ветхо-завѣтной исторіи представляетъ книга Іова, оспаривающая въ разговорной формѣ древне-еврейское ученіе о возмезіи, по которому каждое бѣдствіе, постигающее человѣка, посылается въ наказаніе за содѣянное имъ прегрѣшеніе. Въ этой книгѣ наглядно доказывается мысль, что Всемогущій можетъ ниспослать бѣдствіе самому благочестивому, причемъ тотъ отнюдь не долженъ сомнѣваться въ мудрости и справедливости Творца. Діаволъ однажды явился къ престолу Божію и утверждалъ, что между людьми нѣтъ ни одного праведника. Вседержитель указалъ ему на раба своего Іова, который за свое благочестіе вагражденъ былъ многочисленнымъ потомствомъ и несмѣтнымъ числомъ рабовъ, стадъ и всевозможныхъ богатствъ. Діаволъ возразилъ, что Іовъ служитъ Богу именно лишь въ силу дарованныхъ ему благъ; «но позволь мнѣ отнять ихъ у него, прибавилъ искуситель,—и увидишь истинное его благочестіе».

— Да будетъ по твоему, сказалъ Господь, — только его самого не касайся». И вотъ, по мановенію діавола, пожаръ поглощаетъ домъ и все имущество Іова, падежъ истребляетъ его стада, лютое повѣтріе изводитъ все его потомство. Жена Іова ропщетъ, онъ удерживаетъ ее знаменитыми словами: «нагимъ пришелъ я въ этотъ міръ изъ чрева матери, нагъ и отъиду отсюда». Діаволъ снова предстаетъ предъ лицо Бога и проситъ, чтобъ ему дозволено было поразить самого Іова болѣзнями. Богъ предаетъ во власть Сатаны тѣло Іова, но запрещаетъ касаться души раба своего. Снова неистовствуетъ духъ злобы—и вотъ, Іовъ поверженъ на соломенное ложе, гнойныя раны покрываютъ его тѣло, псы лижутъ его зараженную кровь... Друзья приходятъ посѣтить убогаго и недужнаго, упрекаютъ его прошлыми ошибками, жена возбуждаетъ его къ ропоту, но Іовъ непоколебимъ... Правда, у него вырывается что-то похожее на упрекъ небу, но онъ тотчасъ же горько раскаявается въ своемъ нетерпѣніи...

Искусъ выдержанъ побѣдоносно. Посрамленный духъ тьмы удаляется въ преисподнюю, а Іову возвращаются прежнія его богатства и вѣрный рабъ награждается еще болѣе многочисленнымъ потомствомъ.

Гёте взялъ основную ткань этого сказанія канвою для своего «Фауста». Многіе живописцы вдохновлялись тѣмъ же сюжетомъ; между прочимъ, тэма, заданная въ 1869 г. на золотую медаль Императорской Академіею Художествъ, дала возможность выказать свои силы вышѣ извѣстнымъ молодымъ художникамъ: Рѣпину, Макарову и Полѣнову. Прилагаемый рисунокъ есть точный снимокъ съ картины нѣмецкаго художника Гейльбута.

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

— Государь Императоръ, 14-го іюля, Высочайше повелѣть соизволилъ:

Увольненіе нижнихъ чиновъ въ кратковременный отпускъ изъ всѣхъ военныхъ управленій, заведеній и войскъ, расположенныхъ въ военныхъ округахъ — Европейской Россіи и Кавказскомъ, начать въ семъ году съ окончаніемъ войсками лѣтнихъ занятій и производить по 1-е апрѣля будущаго 1876 года.

— 5-го іюня Высочайше разрѣшено учрежденіе въ Варшавѣ музея промышленности и сельскаго хозяйства съ предоставленіемъ Министру Финансовъ утвердить составленный для сего музея уставъ.

— 21-го іюля, Правительствующій Сенатъ, выслушавъ дѣло о распространеніи сочиненій преступнаго содержанія въ средѣ фабричныхъ рабочихъ и нижнихъ чиновъ Московскаго полка, и признавъ подсудимыхъ: 1) Вячеслава Дьякова 21 года, Алексѣя Сирякова 20 лѣтъ, Василія Герасимова 22 лѣтъ и Діомида Александрова 25 лѣтъ виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ во 2 ч. 251 ст. ул. о нак.; 2) рядовыхъ Трофима Зайцева 29 лѣтъ и Юрія Янсона 24 лѣтъ—виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 126 ст. улож. о наказ., и 3) подсудимыхъ Владиміра Ельцова 22 лѣтъ и Всеволода Вечеславова 20 лѣтъ, виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 4 ч. 251 ст. улож. о наказ., и обративъ вниманіе на особенно важное значеніе настоящаго дѣла въ томъ отношеніи, что преступныя дѣйствія первыхъ четырехъ подсудимыхъ направлены были не только къ возбужденію бунта между фабричными рабочими, но и къ поколебанію въ нижнихъ воинскихъ чинахъ одного изъ гвардейскихъ полковъ преданности ихъ престолу и отечеству и долга повиновенія установленному законами начальству, на основаніи улож. о наказ. ст. 251, 118, 119, 139, 140, 126, 19 (степ. 5), 39 (степ. 2 и 3), 34 (степ. 2) и воинск. уст. о наказ. (изд. 1869 года) ст. 49 (степ. 5) и II примѣч. къ прилож. къ ст. 6, опредѣлилъ: 1) Вячеслава Дьякова, Алексѣя Сирякова, Василія Герасимова и Діомида Александрова лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ: Дьякова на десять лѣтъ, Герасимова и Александрова на девять лѣтъ и Сирякова на шесть лѣтъ; 2) Трофима Зайцева и Юрія Янсона лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію имъ присвоенныхъ, или службою пріобрѣтенныхъ, и отдать въ военно-исправительныя роты на одинъ годъ и девять мѣсяцевъ; 3) Владиміра Ельцова и Всеволода Вячеславова подвергнуть аресту: перваго изъ нихъ — на десять дней, а втораго — на шесть дней, и 4) судебныя издержки, если таковыя были употреблены по настоящему дѣлу, взыскать съ упомянутыхъ виновныхъ, а въ случаѣ несостоятельности ихъ принять на счетъ казны.

Дѣла церкви.

— Потомственный почетный гражданинъ Осипъ Павловичъ Пестриковъ представилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ сто тысячъ рублей съ просьбою употребить эту сумму на церкви возсоединившейся съ православіемъ холмской греко-уніатской епархіи.

Государю Императору, по всеподданнѣйшему о семъ докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, благоугодно было Высочайше соизволить на принятіе означеннаго пожертвованія и Всемилостивѣйше пожаловать жертвователю орденъ св. Анны 2 ст.; причемъ Его Величеству, во вниманіе къ столь значительному пожертвованію, благоугодно было также выразить желаніе видѣть лично Пестрикова.

Во исполненіе таковой Высочайшей воли, потомственный почетный гражданинъ Пестриковъ былъ вызванъ изъ мѣста своего жительства, гор. Калуги, въ С.-Петербургъ, и 20-го сего іюля, въ Петергофѣ, имѣлъ счастіе представиться Государю Императору и удостоиться личной Его Величества благодарности.

Независимо отъ настоящаго пожертвованія, потомственный почетный гражданинъ Пестриковъ постоянно отличался общественною благотворительностью. Такъ, въ память избавленія Его Величества отъ угрожавшей опасности въ Парижѣ, 25-го мая 1866 г., Пестриковъ воздвигъ въ Калугѣ церковь во имя третьяго обрѣтенія главы Іоанна Предтечи, устроилъ при ней богадѣльню и обезпечилъ содержаніе оной капиталомъ въ 41.000 руб.; на учрежденіе въ городѣ Смоленскѣ общественнаго банка употребилъ 35.000 руб., съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ содержалась богадѣльня въ Смоленскѣ съ отдѣленіемъ для неизлѣчимо больныхъ; по устройству ремесленнаго училища въ Смоленскѣ пожертвовалъ 20.000 р., на реальное училище въ Калугѣ 10.000 р. и на безплатный отпускъ лѣкарствъ бѣднымъ жителямъ: города Калуги, по случаю бракосочетанія Великой Княгини Маріи Александровны- 5.000 руб. и города Смоленска 3.000 руб.

Военное и морское дѣло.

— Въ «Кронштадскомъ Вѣстникѣ» сообщаютъ: что 1-го сего іюля возвратился изъ дальняго плаванія винтовый 8-ми пушечный корветъ „Богатырь". Плаваніе корвета продолжалось почти четыре года. Выйдя изъ Кронштадта 21-го августа 1871 г., въ отрядѣ генералъ-адъютанта вице-адмирала К. Н. Посьета, плававшаго съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, корветъ «Богатырь» вмѣстѣ съ флагманскимъ фрегатомъ «Свѣтлана» и паровымъ клинеромъ „Абрекъ", посѣтилъ въ началѣ порты Англіи и затѣмъ направился въ Сѣверную Америку, заходилъ по пути на островъ Мадеру. Простоявъ нѣкоторое время въ Нью-Іоркѣ и посѣтивъ Пенсаколу, корветъ направился на Антильскіе острова, посѣтилъ Гаванну и перешелъ оттуда въ Ріо-Жанейро. Изъ Бразиліи корветъ направился въ Японію, посѣтивъ на пути Капштадтъ, Саймонсъ-Таунъ, Батавію, Гонъ-Конгъ и Нагасаки. Принявъ участіе во всѣхъ торжествахъ и церемоніалахъ, по случаю пріема японскимъ Микадо Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, корветъ посѣтилъ Іокогаму, сдѣлалъ плаваніе внутреннимъ японскимъ моремъ, посѣтивъ: Мивара (Mivara), Кобе и Хіого, заходилъ въ Симоду и Хакодате, и, оставшись затѣмъ, по отплытіи фрегата «Свѣтлана», въ составѣ отряда Тихаго океана, снова посѣтилъ нѣкоторые изъ портовъ Китая и Японіи и участвовалъ затѣмъ въ гидрографическихъ работахъ по изслѣдованію нашихъ береговъ Восточнаго океана и въ хронометрической связи портовъ Японіи съ Владивостокомъ. Во время этихъ работъ, крейсируя у береговъ Восточной Сибири, корветъ посѣтилъ и осмотрѣлъ съ производствомъ описи, бухту Врангеля, заливъ Посьета, Владивостокъ, заливъ Св. Ольги, бухты: Владиміръ, Пластунъ, Императорскую гавань, Де-Кастри и Дуэ. По окончаніи гидрографическихъ работъ у восточныхъ береговъ Сибири, корветъ снова присоединился къ отряду, и въ началѣ нынѣшняго года отправился въ Европу изъ Шангая. Обратный путь былъ совершенъ кругомъ мыса Доброй Надежды. На обратномъ пути, въ Европѣ, корветъ посѣтилъ: Фальмутъ, Шербургъ, Флиссингенъ и Копенгагенъ.

Библиотека "Руниверс"

Во все продолженіе почти четырехлѣтняго плаванія, корветомъ сдѣлано 46,557 миль подъ парусами и 20.318 миль подъ парами, всего 66.875.

— Въ крѣпостяхъ: Новогеоргіевскѣ, Брестъ-Литовскѣ и Ивангородѣ, основаны мѣстные комитеты общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

— Первый подвижной лазаретъ вятскаго мѣстнаго управленія открываетъ 1-го августа свои дѣйствія и объѣзды.

— Въ «Кронштадтскій Вѣстникъ» телеграфируютъ, что винтовой 8-ми пушечный корветъ „Баянъ" прибылъ въ Гонъ-Конгъ 8-го (20-го) іюля. На корветѣ все благополучно.

Желѣзныя дороги и телеграфы.

— О положеніи начатыхъ въ предѣлахъ Самарской губерніи работъ по сооруженію оренбургской желѣзной дороги, сообщаютъ отъ 11-го іюля слѣдующія свѣдѣнія: на участкѣ между Самарою и Сызранью отъ станціи Бастраковъ, точки соединенія съ Моршанско-Сызранскою желѣзною дорогою до гор. Самары, на протяженіи 115-ти верстъ, произведены по сіе время слѣдующія работы: окончено земляное полотно на протяженіи 86 верстъ, 29 сторожевыхъ домовъ и три казармы окончены вчернѣ, и заготовленъ матеріалъ для остальныхъ 32 сторожевыхъ домовъ и 7 казармъ: изъ числа 8 значительныхъ искуственныхъ сооруженій, приступлено къ постройкѣ четырехъ, которые будутъ окончены постройкою въ теченіе мѣсяца, на остальныя четыре заготовляется матеріалъ; на станціонныхъ постройкахъ выводятся фундаменты и заготовляется прочій матеріалъ.

— По линіи лозово-севастопольской желѣзной дороги стали довольно часто повторяться—пишутъ въ „Таврическихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" — пожары хлѣбовъ на поляхъ. Причинами этихъ печальныхъ явленій служатъ искры, извергаемыя изъ трубъ локомотивовъ.

Промышленность.

— Въ Симферополѣ открыта недавно механическая фабрика для постройки и исправленія земледѣльческихъ орудій. Пополняя весьма важный пробѣлъ въ числѣ промышленныхъ заведеній края, фабрика эта какъ нельзя кстати является на помощь сельскимъ хозяевамъ, среди которыхъ употребленіе земледѣльческихъ машинъ въ послѣднее время стало сильно распространяться.

Сельское хозяйство.

— Появившаяся въ днѣпровскихъ плавняхъ саранча большею частію народилась на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ прошломъ году положены были ею сѣмяна. Съ первымъ появленіемъ ея приняты были мѣры къ ея истребленію, которыя и дали весьма удовлетворительные результаты: за исключеніемъ самой незначительной части, вся саранча была уничтожена. Осталось ея немного въ густыхъ камышахъ, растущихъ на непроходимой, покрытой водою тинѣ, откуда она періодически выходила, сначала значительными массами, на травяныя поляны, гдѣ каждый разъ ее отрѣзывали отъ камышей и истребляли. Хотя въ первыхъ числахъ іюля она не показывалась уже нѣсколько дней, но наблюденіе за ея выходомъ впрочемъ продолжается.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Мы получили отъ одного изъ подписчиковъ «Нивы» слѣдующее письмо:

Милостивый государь!

Покорнѣйше прошу васъ не отказать мнѣ въ напечатаніи въ вашемъ многоуважаемомъ журналѣ этого письма. Когда я получалъ на ст. Кандоль, Сарат. губ., вашъ журналъ, то мнѣ всегда приходилось первому срывать бандероль и читать; въ настоящее же время съ переводомъ адреса на ст. *Адикаевку*, Моршанско-Сызранской желѣзной дороги, мнѣ приходится читать уже десятому, не смотря на то, что я однѣ плачу за это удовольствіе деньги.

Журналъ «Нива» со станціи Адикаевки получается мною безъ бандероли, перепачканный, засаленный. а иногда и порванный. По справкамъ оказалось, что начальникъ станціи Адикаевки, г. Андріяновъ, изволитъ такъ неделикатно поступать съ чужою собственностію: — онъ даетъ даже маленькимъ дѣтямъ своимъ «Ниву» въ видѣ игрушки, не понимая, что иллюстрированный журналъ, да еще чужой—вовсе не игрушка.

Напечатаніемъ этого письма вы меня, милостивый государь, премного обяжете.

Примите и проч.

М. Полетьминскій.

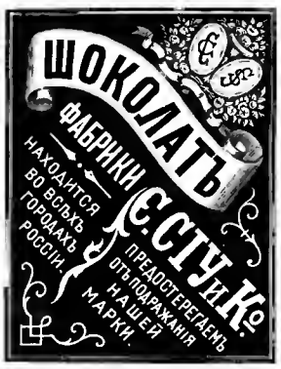
С. Адикаевка, М. С. ж. д.
Іюля 13-го дня.

Помѣщая это письмо (не первое изъ полученныхъ нами по такому же поводу), мы не можемъ не выразить при этомъ крайняго сожалѣнія о томъ, что нѣкоторые начальники станцій совершенно игнорируютъ законъ, равно запрещающій распечатывать пакеты или срывать бандероли, или вообще какъ бы то ни было покушаться на чужую собственность.

СОДЕРЖАНІЕ Александра Павловна Крутикова (съ портретомъ).—Орелъ-дѣвка (изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Виркъ (продолженіе).—Далмація (съ рисункомъ).—Обзоръ небеснаго свода (окончаніе).—Аничковъ дворецъ (съ рисункомъ). — Донская казачка (съ рисункомъ).—Смѣсь (съ рисункомъ).—Разныя извѣстія. — Отдѣльное приложеніе: **ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за Августъ съ 14 рисунками, и листъ выкроекъ.**

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.



45—8

Изъ бумаги.

Воротники отъ 15 к дюжина.
Манжеты » 20 » »
Манишки » 25 » »
Бѣлыхъ и цвѣтныхъ дамскихъ и мужскихъ въ огромномъ выборѣ всѣхъ размѣровъ и фасоновъ можно постоянно получать въ магазинѣ, Городъ Нюрнбергъ въ старомъ Газетномъ пер., домъ Марецкой **въ Москвѣ.**
Высылаютъ по данной мѣркѣ по почтѣ, Гг. торговцамъ скидка.
Не смѣшивать фирмы.

Учебное заведеніе 1-го разряда
съ полнымъ курсомъ **Классической гимназіи**
содержимое Э. РЕПМАНОМЪ въ Москвѣ.

Помѣщается, на Гончарной ул., близь Яузскаго моста въ д. Степановой.

Пріемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа.

10—2

Настоящія почтовыя марки всѣхъ государствъ дешево продаются:
Большой Каталогъ (5000 №) съ 72 раскрашенными начертаніями, цѣна 1 марки (30 коп.) (прежде 2 марки).
Иллюстрированный журналъ для почтовыхъ марокъ на 2 года (каждый нумеръ съ многими иллюстраціями) цѣна за годъ 3 марки (90 коп.).
Пробный листъ и прейсъ-курантъ безплатно.

Покупка и продажа почтовыхъ марокъ
ЛУИ ЗЕМФЪ въ Лейпцигѣ, Германія.
6—4

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—16

ФАБРИКА Г. ВЕРНЕРА
ВЪ КАМЕНЦѢ ВЪ СИЛЕЗІИ.

Рекомендуетъ свои, получившіе преміи на всѣхъ выставкахъ: въ Вѣнѣ, Познани, Бременѣ, Прагѣ, Краковѣ и т. д., чрезвычайно легкоходные ПЛУГИ и другія сельскохозяйственныя орудія.

Каталоги по требованію высылаются безплатно.

Письма прошу адресовать: **D-r Werder, Leipzig.** 5 4

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

НЕСТЛЕ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переваримо, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:
1) **въ помощь кормленія слабой матери или кормилицѣ,**
2) **при отниманіи ребенка отъ груди и**
3) **въ путешествіяхъ съ дѣтьми.**

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, **у Штоля и Шмидта,** въ Спб. — **химической лабораторіи, русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рулковіуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохтса, — у Кауфмана,** Вас. остр.,—**у В. Валандина,** Литейная, д. № 57-й, **у Ушакова** — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговляхъ Россійской имперіи.

26—25

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 23 Іюля 1875 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб. Больш. Морская, д. № 9. Тип. Вольфа, Анн. пр. № 10

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 32 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 10 Августа 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.

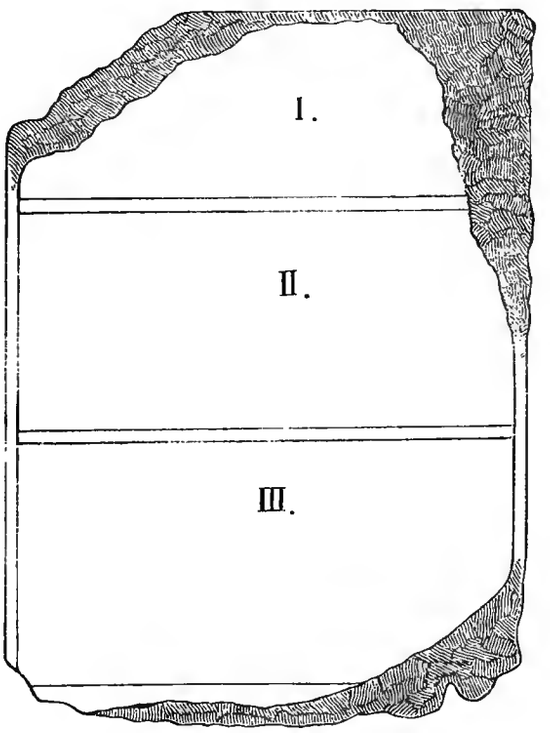
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

ІЕРОГЛИФЫ И РАЗБОРЪ ИХЪ.

Іероглифы—это изображеніе въ фигурахъ совокупности предметовъ, которые употреблялись для выраженія мыслей и передачи ихъ другимъ. Заимствованное у грековъ слово это состоитъ изъ hieros—священный и glyphein—начертывать, вырѣзывать рѣзцомъ; оно означаетъ «священныя письмена» и употреблялось всегда преимущественно для означенія фигурнаго письма древнихъ египтянъ, хотя схожій съ этимъ способъ письма былъ и у другихъ народовъ, напр., у мексиканцевъ. Іероглифы, о которыхъ заводимъ мы рѣчь, находятся почти на всѣхъ предметахъ, дошедшихъ до насъ изъ древняго Египта. Важнѣйшими фоліантами, исписанными іероглифами, признаемъ мы исполинскія стѣны и колонны храмовъ временъ Фараоновъ, которыя и теперь высятся подъ открытымъ небомъ на равнинахъ Нила, также какъ и тысячелѣтніе склепы, катакомбы, открытыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ и имѣющія видъ, какъ будто они вчера только сооружены. Далѣе, въ безчисленномъ множествѣ видимъ мы надписи на обломкахъ, колоннахъ, саркофагахъ, надгробныхъ камняхъ, алтаряхъ, вазахъ, амулетахъ, статуеткахъ и на посудѣ для общественнаго употребленія. Болѣе же всего, однако, утѣшаетъ насъ то, что мы обладаемъ большими свертками египетскихъ папирусовъ, дѣланныхъ изъ растущаго по Нилу папирусного тростника,—свертками, которые хотя и очень похожи на матерію, но отличаются почти не подвергающеюся порчѣ прочностію. Самые большіе изъ такихъ свертковъ папируса—длиною около 150 футовъ, самые маленькіе въ нѣсколько дюймовъ, а чаще встрѣчающіеся длиною въ 10 локтей и рѣдко шире одного фута. Во первыхъ, они заключаютъ большія надписи религіознаго содержанія, потомъ историческія изложенія, письма, контракты и всякаго рода документы, даже беллетристическія работы, какую нибудь сказку или романъ и т. п. Если бы вздумали переложить всю эту массу древне-египетскихъ письменныхъ памятниковъ, которыми мы обладаемъ, на карты или въ книги, то для помѣщенія ихъ (никогда такъ много не писалось какъ во времена Фараоновъ) нужно бы было больше вмѣстимости чѣмъ въ Парижской и Берлинской библіотекахъ, вмѣстѣ взятыхъ.



Розетская надпись.

I. Надпись іероглифами. II. Демотическая надпись. III. Греческая надпись.

Такъ какъ употребленіе древне-египетскаго письма было весьма различно, то и способы этого письма были различны. Какъ у насъ есть особенныя письмена—большія римскія буквы, для общественныхъ памятниковъ, печатныя для книгъ и рукописныя для частнаго употребленія, такъ и у древнихъ египтянъ были троякаго рода письмена. Первыя и древнѣйшія—это собственно іероглифы, которые въ большинствѣ случаевъ употреблялись для надписей на камнѣ и деревѣ или въ высоко-священныхъ религіозныхъ изложеніяхъ — и тщательно исполнялись не только писцами, но часто и ваятелями и живописцами. Собственно іероглифы занимаютъ не маловажную роль въ орнаментикѣ египетской архитектуры. Въ различномъ видѣ (basrelief или relief creux), изящно разрисованные, находятся они на стѣнахъ и колоннахъ, или четко вырѣзанные на самыхъ твердыхъ камняхъ, на обелискахъ, статуяхъ и саркофагахъ, которые, въ сухомъ воздухѣ равнинъ Нила и будучи сдѣланы изъ превосходнаго египетскаго матеріала, сохранились до нашего времени. На известкѣ и штукатуркѣ склеповъ и храмовъ, на деревянныхъ ящикахъ и издѣліяхъ изъ кожи, они либо разрисованы такъ, что предметы ими изображаемые растушеваны пестро, или представляются только въ черныхъ или красныхъ абрисахъ. Эти послѣдніе іероглифы больше писались, чѣмъ ри-

Библиотека "Руниверс"

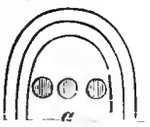
совались, тростниковою палочкою, въ значительномъ сокращеніи, если они наводимы были на папирусовые свертки, на которыхъ никогда не встрѣчаются разноцвѣтные іероглифы. Только начала фразъ, въ черномъ текстѣ, означались нѣсколькими красными буквами.

Сова, знакъ соотвѣтствующей буквѣ М, въ разноцвѣтныхъ, такъ сказать орнаментальныхъ, іероглифахъ рисовалась въ красивыхъ коричневыхъ перьяхъ, съ ушами, желтыми глазами и ногами и чернымъ клювомъ, тогда какъ въ извѣстной Туринской Метрической книгѣ и въ другихъ метрическихъ книгахъ она пишется простымъ іероглифомъ такъ:

Но для болѣе скораго изображенія и этихъ сокращеній оказалось недостаточно—и образовался іератическій способъ письма, въ которомъ не употребляется уже фигура совы, изображаемая въ немъ знакомъ: *Іератическій* способъ письма былъ введенъ въ употребленіе за 3000 лѣтъ до Р. Х. духовенствомъ, проявлявшимъ тогда большую силу и смѣлость, даже и въ различныхъ литературныхъ произведеніяхъ,—тогда какъ *Демотическій*, еще болѣе сокращенный чѣмъ іератическій и излагаемый буквами, языкъ простаго народа появляется лишь въ 8-мъ десятилѣтіи до Р. Х. Онъ употреблялся только частными лицами—и тамъ гдѣ должно было быть передаваемо что нибудь очень скоро. Сова писалась знакомъ или .

Коптское письмо передается на языкѣ древнихъ египтянъ греческими и нѣкоторыми демотическими добавочными буквами. Оно появилось послѣ Р. Х., но оказало намъ существенныя услуги тѣмъ, что на коптскомъ языкѣ и письмѣ мы обладаемъ не только медицинскими, литургическими и магическими манускриптами, но и переводомъ Библіи, хотя и не полнымъ.

Такъ какъ коптскій языкъ схожъ съ древне-египетскимъ, какъ говорили на немъ въ III столѣтіи по Р. Х. и какъ онъ давно извѣстенъ былъ по сказанному переводу на него Библіи, то разборъ іероглифовъ былъ бы возможенъ уже и прежде, еслибъ они основаны были на системѣ голосоваго произношенія. Но этого не было—и до открытія знаменитой Розетской надписи изслѣдователь поставленъ былъ въ тупикъ, такъ какъ вообще принято было, что способъ письма іероглифами свойства чисто идеографическаго и дѣло состояло тутъ не въ выговорѣ. Основываясь на сочиненіи грека Филиппа, который перевелъ трудъ одного египтянина Хоруса (Аполлонъ), предположено было, что каждая фигура служила для выраженія идеи, но не звука или слога. По этому разборщикъ ставился въ необходимость просто разгадывать загадку—и такъ же мало могъ разсчитывать на успѣшный результатъ, какъ и мы, еслибъ намъ предложили задачу разобрать смыслъ той надписи, которую нацарапалъ, на скалѣ озера Верхняго, Мішигунъ (волкъ), знаменитый вождь краснокожихъ. Тамъ нарисованы четыре челнока, изъ которыхъ на одномъ съежившись сидитъ зимородокъ (птица), затѣмъ слѣдуетъ всадникъ, черепаха и буква *a*. Все это, какъ мы узнаемъ отъ самихъ индійцевъ, означаетъ, что союзникъ Волка Зимородокъ (Кишкемунази) прибылъ на 4-хъ челнахъ (Canoes), изъ которыхъ одинъ онъ взялъ въ свое личное управленіе. Всадникъ означаетъ, что эта экспедиція предпринята была въ то время, когда въ Канадѣ введены была въ употребленіе лошади. Черепаха указываетъ на мѣсто высадки на берегъ зимородка. Три солнца подъ тремя же радугами—означаютъ, что путешествіе продолжалось три дня. Не угодно ли разгадать, кто можетъ!



Первоначальные разборщики дѣйствительно давали подобное толкованіе іероглифамъ—и между ними первое мѣсто занимаетъ ученый іезуитъ патеръ Аѳанасій Кирхеръ, умершій въ 1680 г. и оставившій по себѣ много фоліантовъ, наполненныхъ переводами іероглифныхъ текстовъ, изъ которыхъ напр. одна группа, которая должна быть читаема по выговору и значитъ ни болѣе ни менѣе какъ Autokrator (самодержецъ), передается слѣдующимъ образомъ, легко объяснимымъ потому, что въ каждомъ знакѣ вмѣсто буквы разборщикъ видѣлъ идею: Виновникъ всего плодородія и растительности, Осирисъ, котораго воспроизвождающая сила нисходитъ съ неба, его царства, чрезъ священную Мофту.

Подобныхъ несостоятельныхъ и болѣе или менѣе смѣшныхъ, основанныхъ на коренныхъ, извинительныхъ заблужденіяхъ, попытокъ было много. Онѣ приносили пользу по крайней мѣрѣ тѣмъ, что привлекали вниманіе къ древне-египетскимъ надписямъ. Наконецъ, во время похода Наполеона I въ Египетъ, судьба поблагопріятствовала открытію документа, который по справедливости считается ключомъ, открывающимъ врата къ разбору іероглифовъ.

Французскій инженеръ-лейтенантъ Буссаръ нашелъ въ 1799 году, во время своихъ шанцевыхъ работъ въ С.-Жюльенѣ при Розеттѣ (Решидъ), въ устьѣ Нила того же наименованія, большую таблицу изъ чернаго базальта, вышиною въ 10′ и шириною въ 3½′, къ сожалѣнію по краямъ значительно обитую. На ней три отдѣльныхъ надписи. Первая состоитъ изъ чисто іероглифнаго письма, вторая представляетъ демотическія буквы, третья на греческомъ языкѣ, писанная унціальными (начальными) буквами. 54 строки, составляющія послѣднюю, менѣе повреждены чѣмъ іероглифы, и буквы въ ней хорошо сохранены и удобочитаемы.

Все вмѣстѣ взятое заключаетъ въ себѣ декретъ жрецовъ, въ честь Птоломея Эпифана. Начинается онъ чрезвычайно пространною титулатурою Фараоновъ и возвѣщаетъ молодому царю, что жрецы всѣхъ степеней, послѣ собранія въ храмѣ въ Мемфисѣ, опредѣлили благодарить его за многочисленныя, оказанныя странѣ благодѣянія и облегченія, также какъ и за оказанныя клиру милости и т. д., воздавать ему самыя большія почести и воздвигнуть на болѣе видныхъ мѣстахъ, при каждомъ храмѣ, статуи, при которыхъ стояло бы главное божество, вручающее ему знамя побѣды. Потомъ, ему и изображенію его, именно въ день его рожденія, должны быть приносимы всякаго рода божескія почести,—и все это, изложенное изысканнымъ слогомъ, должно было быть начертано на памятникѣ изъ твердаго камня, священными, демотическими и греческими письменами, и чтобъ наконецъ монументы воздвигнуты были въ каждомъ большомъ храмѣ страны. Знаменитая каменная таблица, вслѣдствіе перемѣнчиваго военнаго счастья, находится теперь не въ Луврѣ, а въ Британскомъ музеѣ (British Museum). Мы прилагаемъ здѣсь рисунокъ ея (См. стр. 497).

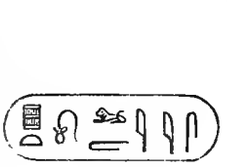
Въ іероглифномъ текстѣ фигуры стоятъ одна возлѣ другой, и только нѣкоторыя группы заключены въ продолговатые круги.

Греческій отдѣлъ надписи заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя имена, въ особенности Птоломеевъ. Еслибъ можно было доискаться этихъ именъ въ отдѣлѣ іероглифовъ, то это было бы важнымъ пріобрѣтеніемъ,—и это оказалось возможнымъ, потому что съ находки таблицы Розетты, де-Гинь, Бартелеми и Цёга высказали предположеніе, что помянутыя, въ знакъ отличія окаймленныя, группы должны заключать въ себѣ имена царей. За тѣмъ, изслѣдователи перешли къ демотическому тексту, который по ихъ мнѣнію долженъ былъ быть написанъ для чтенія по словамъ и дѣйствительно удалось доискаться, въ которой изъ группъ находилось имя Птоломея. Нельзя ли бы было отыскать того же имени и въ чаще-встрѣчающихся окаймленныхъ группахъ чисто іероглифическихъ надписей? Можно было; но навѣрное не могли высказаться объ этомъ до тѣхъ поръ, покуда не открыли втораго памятника,—обелиска на островѣ Филэ въ верхнемъ Египтѣ, котораго надпись въ іероглифахъ и на греческомъ языкѣ заключала въ себѣ имя Клеопатры.

Это послѣднее имя (Клеопатра) сличили съ признаваемымъ за имя Птоломея (Ptolomaeus) и этимъ экспериментомъ удалось достигнуть успѣха, такъ какъ по благопріятной случайности, въ обоихъ именахъ одинаково находится по 5 согласныхъ.

Ѳома Юнгъ, англичанинъ, отличавшійся по многимъ отраслямъ наукъ неимовѣрною энергіею, съумѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и прочесть, хотя и не совсѣмъ отчетливо эти имена въ надписяхъ на двухъ языкахъ,—тогда какъ въ то же время Жанъ Франсуа Шампольонъ (родившійся въ 1790 году по близости Гренобля), съ рѣзкою и не смотря на молодость свою зрѣлою проницательностью, какъ бы предопредѣленный для работы, которой посвятилъ жизнь свою,—не только совершенно прочелъ первыя имена, но уже 28-го сентября 1822 года, въ письмѣ къ г. Дасье, сообщилъ изумленному ученому міру часть іероглифной азбуки.

Какъ удалось ему это? — Съ достаточною достовѣрностью могъ онъ предполагать, что очерченная 1-я группа на таблицѣ Розетты означала Птоломей (Ptolomaeus), а 2-я изъ Филэ—Клеопатру. Теперь онъ сличилъ каждый знакъ по одиночкѣ.



Птоломей.

Клеопатра.

Первый іероглифъ въ словѣ «Клеопатра» треугольникъ, долженъ былъ означать К и не могъ быть въ словѣ «Птоломей», такъ какъ К тамъ и не было.

Второй знакъ левъ долженъ означать Л и Шампольонъ въ точности нашелъ его на четвертомъ мѣстѣ въ словѣ «Птоломей».

Третій знакъ — тростниковый листъ — стоитъ на мѣстѣ *шестой и седьмой буквъ* въ «Птоломеѣ» и какъ справедливо предполагали, долженъ былъ означать греческое въ словѣ «Птоломей» (Πτολεμαῖος).

Четвертый знакъ—веревка съ петлею на концѣ—долженъ означать О, и въ словѣ Птоломей стоять на третьемъ мѣстѣ. Такъ оно и есть; причемъ подразумѣвается и на пятомъ мѣстѣ. Также вѣрнымъ оказалось и то предположеніе, что почти квадратный прямоугольникъ на пятомъ мѣстѣ въ словѣ К-л-е-о-п-атра долженъ означать лит. П, такъ какъ онъ стоитъ на первомъ мѣстѣ и въ словѣ Птоломей.

Шестая буква въ словѣ Клеопатра—орелъ—есть А, и по этому она не можетъ быть въ словѣ Птоломей, а для боль-

Библиотека "Руниверс"

шаго подтвержденія она же оказалась и на послѣднемъ мѣстѣ въ словѣ Клеопатр-а.

Седьмой знакъ—рука долженъ быть Т; однакожъ въ Птоломеѣ нашлось другое Т, полукругъ, и это могло приводить изслѣдователя въ замѣшательство, еслибъ не пришло ему на мысль о возможности выраженія слова различными знаками и еслибъ онъ не сдѣлалъ вѣрнаго заключенія, что полукругъ въ концѣ имени знаменитой царицы, который видѣлъ онъ и въ концѣ другихъ именъ женскихъ, означалъ коптскую женскую частицу Т и что онъ также выговаривается какъ рука на седьмомъ мѣстѣ слова К-л-е-о-п-а-тра.

Восьмой знакъ ротъ долженъ означать Р, и не находится въ словѣ Птоломей.

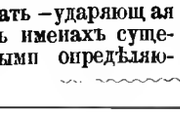
На девятомъ мѣстѣ въ концѣ слова, какъ было уже сказано, древній писатель во второй разъ поставилъ орла и слѣдовательно въ срединѣ и концѣ слова изобразилъ А однимъ и тѣмъ же знакомъ.

Такимъ образомъ, въ словѣ «Клеопатра» не осталось недознанною ни одной буквы, тогда какъ въ словѣ «Птоломей» (Ptolomaeus) пятая и осьмая буквы требовали дознанія, хотя и было ясно, что пятое (послѣ подразумѣваемаго О) не могло было быть ничѣмъ инымъ какъ лит. М, а девятое S. Такимъ способомъ достовѣрно опредѣлены были 11, а съ частицею 12 буквъ; съ помощію ихъ стали пытаться читать и другія извѣстныя собственныя имена. Послѣ этого Шампольонъ обратилъ вниманіе на имя Александръ (Alexandros), которое онъ нашелъ въ большомъ сочиненіи, изданномъ ученымъ Наполеоновой экспедиціи (Description de l'Egypte) и увидѣлъ, что іероглифы А—орелъ, Л—левъ, Т—рука, Р—ротъ, стояли въ немъ на соотвѣтственныхъ мѣстахъ и имѣлъ право заключить, что третій знакъ чашка съ ручкою есть видоизмѣненіе изображенія треугольникомъ буквы К; встрѣчающейся въ словѣ Клеопатра (лат. х состоитъ изъ к и s) четвертый знакъ задвижку онъ принялъ за видоизмѣненіе спинки стула , изображающей въ словѣ Птоломей (Ptolomaeus) букву s; шестой іероглифъ — линію въ зигзагахъ принялъ онъ за лит. Н. Чрезъ такое сличеніе получилось вмѣсто 11—14 дознанныхъ знаковъ. Съ такимъ количествомъ извѣстныхъ уже величинъ можно было рѣшать задачи. Такимъ путемъ Шампольонъ шелъ далѣе, разобралъ затѣмъ лишь только заключенныя въ картуши (рамки) группы, въ которыхъ онъ съ достовѣрностію предполагалъ найти имена собственныя, потомъ прочелъ множество именъ римскихъ царей и Птоломеевъ, персидскихъ царей и Фараоновъ, боговъ и государственныхъ людей, доискивался и находилъ варіанты, сравнивалъ и вездѣ дѣйствовалъ способомъ индуктивнымъ (наведенія). Переходя отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, онъ всегда дѣйствовалъ нѣкоторымъ образомъ «алгебраически», вставляя новоопредѣленную величину какъ бы въ уравненіе со многими неизвѣстными.

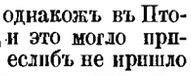
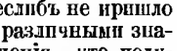
Въ 1824 году онъ уже былъ такъ далеко, что въ своемъ «Précis du systeme hiéroglyphique» могъ представить не только множество переведенныхъ именъ и группъ, но и многія правила по разбору іероглифовъ, которыми руководствуются и въ настоящее время.

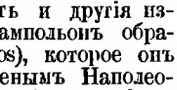
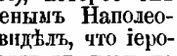
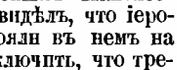
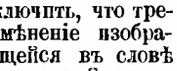
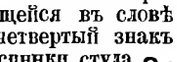
Все это было бы невозможно безъ таблицы Розетты. Ей-то обязаны мы устраненіемъ кореннаго заблужденія, заключавшагося въ предположеніи, что письмо іероглифами будто бы характера чисто-идеографическаго. Отдѣльныя фигуры въ именахъ, служившія для выраженія какого-нибудь звука, также точно могли могли служить для этой же цѣли и въ другихъ случаяхъ. Такъ это было и на самомъ дѣлѣ, не смотря почти на 1000 различныхъ знаковъ, которые намъ извѣстны.

Коптскій языкъ древнихъ египтянъ чрезвычайно богатъ омонимами (одно и то же слово, выражающее нѣсколько понятій) и потому такъ бѣденъ въ общемъ смыслѣ, что нерѣдко для 5 понятій имѣетъ одно только или почти одно слово—и кромѣ того допускаетъ большой произволъ въ вокализаціи частей рѣчи. Поэтому приходится обходиться не однимъ только слоговымъ или звуковымъ письмомъ, которое такъ древне, какъ самое древнѣйшее, дошедшее до насъ отъ египтянъ, письменное слово. Нужно было дѣлать объясненія—прописывать слова слогами и звуками и за этимъ ставить такъ-называемый опредѣляющій знакъ (Determinativ zeichen), т. е. фигуру, означающую родовое понятіе, къ которому относилось слово, или же фигуру самаго выраженнаго слова. Такимъ образомъ, за названіемъ каждаго четвероногаго животнаго, рисовалась тремя штрихами задняя часть его; но нерѣдко за словомъ, напр. *эхе*—корова, или *мау* кошка, стоитъ фигура коровы или кошки. И глаголы также бывали опредѣляемы такъ, что если писалось звуковымъ способомъ напр. *chetbu*—убивать, то оно дополнялось еще опредѣляющимъ: *вооруженною рукою*, представляющею action forte (какъ выразился Шампольонъ) и *ножомъ*, яснѣе опредѣляющимъ способъ дѣйствія, и такимъ образомъ вмѣсто одного только *chetbu*—убивать, изображалась рука и ножъ. За прописаннымъ *chus*—строить—изображался строющій человѣкъ, за *nehem*—ликовать—ударяющая въ ладони фигура. Въ очень употребительныхъ именахъ существительныхъ и въ глаголахъ съ проставленными опредѣляющими знаками, способъ письма для выговора могъ и не употребляться и вмѣсто *эхе* корова или *nehem* ликовать, ставилась только фигура коровы или въ ладони ударяющаго человѣка.



Одна и та же фигура всегда должна была опредѣлять (въ одно и то же время) и дѣйствіе и предметъ, когда они вели свое начало отъ одного корня и имѣли одинаковый смыслъ; такъ, за каждымъ словомъ, стоящимъ въ связи съ дѣйствіемъ живописца, писанія, мышленія, рѣчи и даже съ письменнымъ матеріаломъ папирусомъ, рисовался свертокъ или письменный матеріалъ; но такъ, что за словомъ напр. *an*—рисовать, ставился только письменный матеріалъ, за *an*—писецъ, то же опредѣляющее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мужская фигура, означавшая, что рѣчь идетъ объ личности.

Символическіе знаки, о которыхъ упоминаютъ древніе, тоже встрѣчаются, но такъ, что мы вправѣ принимать ихъ за опредѣляющіе. Такъ для изображенія неба служитъ сокращенный знакъ женщины  , распростертой надъ землею; для ночи—та же фигура, со звѣздою подъ нею  ; но всѣ эти понятія передаются не по произношенію и опредѣляются лишь сказанными соотвѣтственно подобранными словами. Рѣдко можно ошибиться, если разобрать значеніе слова по его опредѣляющему; но само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ прежде всего надо руководствоваться его выговоромъ и соотвѣтствующимъ ему коптскимъ словомъ. Конечно, это не всегда ведетъ къ желаемому результату, такъ какъ коптскій языкъ стоитъ къ древне-египетскому не много ближе, чѣмъ итальянскій къ латинскому, а нашъ новѣйшій русскій къ славянскому языку.

Къ помянутымъ опредѣляющимъ смыслъ—присоединяются и опредѣляющіе выговоръ (Klangdeterminativa): писали, напр. слово *anch*—жизнь  и при этомъ ставили знакъ пильскаго ключа креста съ ручкою  , выговариваемый *anch*. Такъ какъ это случалось очень часто, то звуковаго способа письма совсѣмъ не употребляли—и тамъ, гдѣ хотѣли передать слово *жизнь* въ формѣ имени существительнаго, прилагательнаго или глагола, довольствовались знакомъ креста съ ручкою. Эти отдѣльно взятыя опредѣляющія представляли бы большія затрудненія, еслибъ у насъ не было множества варіантовъ, т. е. различныхъ способовъ чтенія одного и того же текста. Къ счастію, существуетъ много формулъ и письменъ сходнаго содержанія, въ которыхъ писателю, при облеченіи ихъ въ форму, всегда предоставлялся въ извѣстной степени произволъ. Такимъ образомъ, если на томъ мѣстѣ, гдѣ въ первомъ текстѣ стоитъ только крестъ съ ручкою, а во второмъ прописано «*anch*»  , то мы уже знаемъ, что  должно читаться *anch* и  такъ какъ *anch* по коптски (*anch*, *onch*) значитъ «жить», то такъ и переводится.

Мы надѣемся, что этимъ познакомили мы читателя съ разборомъ іероглифовъ и объяснили свойство письма іероглифами. Это послѣднее далеко чаще становится темнымъ отъ излишества свѣта, чѣмъ отъ другой какой-либо причины. Не будетъ въ томъ выдумки, если мы отнесемъ недостатокъ простоты во многихъ текстахъ къ желанію писателя блеснуть и выставить себя даровитымъ. Искуство, съ которымъ сопоставляются фигуры въ симметрическомъ порядкѣ такъ же велико, какъ и умѣнье подбирать знаки, которые, гдѣ это только возможно, стоятъ въ связи съ изображаемымъ словомъ. Великій ученый выхваляется въ началѣ надгробной надписи (находящейся теперь въ Парижѣ), въ которой сказано, «что онъ постигалъ всѣ таинства священнаго письма». Разнородность письменныхъ знаковъ очень затрудняла работу разбора, а соотвѣтственный смыслу подборъ буквъ часто подсиѣвалъ на помощь филологамъ.

Шампольонъ, черезъ чуръ рано умершій для науки, въ 1832 году, на 43 году отъ роду, оставилъ по себѣ законченную рукопись самой обширной изъ всѣхъ написанныхъ до сего времени грамматикъ іероглифовъ и въ отрывкахъ матеріалъ для изданнаго впослѣдствіи братомъ его лексикона. Заслуги Шампольона такъ велики, что они непостижимы, если взять во вниманіе кратковременную жизнь его. Бронзовый монументъ ему появился на Марсовомъ полѣ въ Парижѣ въ 1867 году, а Шатобріанъ еще прежде воздвигъ ему прекрасный памятникъ въ словахъ: «Ses admirables traveaux auront la durée des monuments, qu' il nous a fais connaitre». Со времени смерти его наука наша сдѣлала огромные успѣхи и уже въ нѣсколько лѣтъ зашла такъ далеко, что всякая фраза переводится не иначе, какъ съ строгимъ анализомъ,—такъ что египтологъ въ Петербургѣ переводилъ съ незначительными отступленіями одинъ и тотъ же папирусъ точно такъ, какъ и собратъ его въ Каирѣ. Найденная въ развалинахъ древняго Таниса въ 1866 году Лесіусомъ большая надпись на двухъ языкахъ, которая гораздо больше и далеко полнѣе таблицы Розетты, и содержитъ въ себѣ тоже декретъ жрецовъ въ іероглифахъ, демотическихъ и греческихъ письменахъ, представила неоспоримое доказательство вѣрности разрѣшенія задачъ египтологами нашего времени.

Библиотека "Руниверс"

Дорогобужъ. Рис. Бэеръ, грав. Эттлингъ.

Библиотека "Руниверс"

Дорогобужъ.

Въ лѣтописяхъ нѣтъ указаній на время основанія этого города. Первыя извѣстія о немъ относятся къ 1300 году, подъ которымъ упоминается о Дорогобужѣ, какъ о городѣ Смоленской области, вотчинѣ перваго вяземскаго князя, Андрея Владиміровича, по прозванью Долгая Рука. Съ этого времени Дорогобужъ не разъ дѣлается жертвою удѣльныхъ неурядицъ, а въ 1404 году, по взятіи Смоленска Витовтомъ, переходитъ во власть князей Литовскихъ, принимая участіе во всѣхъ ихъ междоусобныхъ распряхъ, войнахъ съ Крымскими татарами и Московскимъ государствомъ, и по 1499 годъ остается подъ властію Польскихъ королей. Въ 1499 году, въ правленіе Іоанна III, бояринъ Юрій Захарьевичъ Кошкинъ, предводительствовавшій московскимъ войскомъ, взялъ Дорогобужъ и нанесъ полякамъ рѣшительное пораженіе при рѣкѣ Ведроши, среди Митькова поля. Съ обѣихъ сторонъ дрались тысячь до восьмидесяти съ одинаковымъ мужествомъ; русскіе внезапно ударили запаснымъ отрядомъ изъ засады и обратили въ бѣгство литовцевъ, оставившихъ до 8000 тѣлъ на мѣстѣ боя; сверхъ того, множество ихъ утонуло въ рѣкѣ, такъ какъ мостъ черезъ нее былъ уничтоженъ нашей пѣхотой, зашедшей въ тылъ непріятелю. Самъ военачальникъ литовскій, князь Константинъ Острожскій, намѣстникъ смоленскій Станиславъ, нѣсколько маршалковъ, князей, пановъ и чиновниковъ взяты были въ плѣнъ; весь обозъ и огнестрѣльный снарядъ достались русскимъ. Битва эта рѣшила четырехлѣтнюю войну, кончившуюся 25 марта 1503 года перемиріемъ на 6 лѣтъ, по которому Дорогобужъ отошелъ къ Россіи.

Перемиріе это было нарушено по смерти Іоанна III,—и во время осады Смоленска, въ 1508 году, великій князь Василій Іоанновичъ изъ Дорогобужа отряжалъ на Литву своихъ воеводъ. Сигизмундъ III, принудивъ русскія войска снять осаду Смоленска, взялъ и Дорогобужъ. Но вскорѣ затѣмъ, воевода королевскій Станиславъ Кишка былъ вытѣсненъ оттуда русскими, обошедшими городъ съ двухъ сторонъ. По заключенному вслѣдъ затѣмъ миру, Дорогобужъ остался за Россіей.

Въ смутное время Дорогобужъ принималъ сторону то самозванцевъ, то Шуйскаго; но въ 1611 г., на патріотическій призывъ изъ Нижняго Новгорода отозвались и дорогобужане, вмѣстѣ съ смолянами и вязьмичами. Во время войны царя Михаила Ѳедоровича съ Польшей, въ 1616 г., русскія войска, подъ начальствомъ князя Барятинскаго шедшія изъ Ржева въ помощь осаждавшимъ Смоленскъ, были отрѣзаны въ Дорогобужѣ литовскимъ воеводою Гонсѣвскимъ, который сталъ между Смоленскомъ и Дорогобужемъ. Тогда приказано было боярину Сулешову и смоленскому князю Прозоровскому, вмѣстѣ съ Барятинскимъ, очистить дорогу въ Смоленскъ; но не смотря на первоначальный успѣхъ, русскіе должны были отступить въ городъ Бѣлой; а Сулешовъ, разбившій подъ Дорогобужемъ полковника Чаплинскаго, получилъ повелѣніе двинуться къ Москвѣ. Въ 1617 году королевичъ Владиславъ, въ качествѣ нарѣченнаго царя Московскаго, овладѣлъ Дорогобужемъ, но по Деулинскому перемирію на четырнадцать съ половиной лѣтъ городъ остался за Польшею.

По окончаніи этого перемирія въ 1632 году, не смотря на приказъ послать легкіе отряды *рѣзвыхъ* людей и захватить Дорогобужъ врасплохъ, а въ случаѣ неудачи этого дѣла, *итти къ нему всѣми полками, промышлять всѣми мѣрами: послать тайно грамоты къ русскому населенію этого города, съ увѣщаніемъ вспомнить православную вѣру и присягу, послужить Государю, надъ литовскими людьми промыслить и городъ сдать*,—Дорогобужъ, переходя изъ рукъ въ руки, все таки оставался подъ властью поляковъ, пока наконецъ 4-го іюня царь Алексѣй Михайловичъ отнялъ его—и по Андрусовскому договору, вмѣстѣ съ Смоленскомъ и всею Сѣверскою областью, а равно и землями отъ Днѣпра и Кіева до Путивля, навсегда присоединилъ къ Россіи.

При обоихъ раздѣленіяхъ Россіи на губерніи въ царствованіе Петра Великаго и при таковомъ въ царствованіе Екатерины II, Дорогобужъ съ уѣздомъ входилъ въ составъ Смоленской губерніи.

Въ 1812 году, Дорогобужъ, бывшій сборнымъ пунктомъ Смоленскаго ополченія, при отступленіи французовъ, заняли войска Нея. Авангардъ Милорадовича, подъ начальствомъ Юрковскаго, очистивъ половину города, былъ остановленъ выстрѣлами съ укрѣпленія на Соборной Горѣ. Часть авангарда атаковала укрѣпленіе съ фронта, другая пошла въ обходъ, и при содѣйствіи 2-хъ орудій и егерей, вытѣснили французовъ, которые поспѣшили отступить и зажгли городъ. Сожжены 3 церкви, 3 каменныхъ зданія и 616 деревянныхъ домовъ.

Дорогобужъ, расположенный на обоихъ берегахъ Днѣпра, орошаютъ еще двѣ рѣчки: Ордышка и Дебрь. Изъ нихъ Днѣпръ судоходенъ только въ весеннее время. Раскинутый частью на лѣвомъ берегу Днѣпра, изрѣзанномъ лощинами, частію ютящійся въ долинѣ на правомъ берегу, Дорогобужъ принадлежитъ къ числу красивѣйшихъ уѣздныхъ городовъ Смоленской губерніи, а множество церквей древней архитектуры придаютъ ему характеръ старинаго русскаго города. На лѣвомъ нагорномъ берегу Днѣпра, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ, находится земляное укрѣпленіе, имѣющее въ окружности 180 саженъ. Въ центрѣ укрѣпленія устроена соборная церковь, а паралельно крѣпостнымъ валамъ расположены присутственныя мѣста и провіантскіе магазины. На скатѣ этой возвышенности сохранились слѣды батарей. Въ этой же части города, внѣ крѣпости, находятся 8 церквей, соляные магазины, лавки и постоялые дворы.

Во времена Грознаго, Дорогобужъ славился торговлей медомъ, саломъ, льномъ и пенькою. Въ настоящее время о торговлѣ медомъ остались только преданія; за то торговля пенькой до сихъ поръ производится въ значительныхъ размѣрахъ: до 200 пудовъ ея ежегодно доставляется въ Ржевъ на тамошнія канатныя фабрики.

Въ Дорогобужѣ считается 1025 жителей.

Орелъ-дѣвка.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

XI.

Наконецъ-то!

Съ этого самаго дня Валли стала еще необузданнѣе, съ ней просто не было ни сладу, ни ладу. Уходить на ночь домой она не думала, и до утра оставалась подъ открытымъ небомъ, а потомъ вплоть до сумерекъ работала какъ лошадь, безъ передышки, причемъ запальчивость ея доходила до безобразія: такъ, напримѣръ, она требовала, чтобы рабочій людъ ея совершенно такъ же трудился, какъ и она,—но вѣдь не всѣ-же были такъ крѣпки, выносливы. Викентій Гелльнеръ началъ чаще появляться въ домѣ наслѣдницы Штроммингера. Дѣло въ томъ, что Викентію были извѣстны всѣ сплетни и новинки, а Валли внезапно стала ужасно любопытной. Подмѣтивъ это, Гелльнеръ поставилъ себѣ непремѣннымъ долгомъ собирать животрепещущія новости, узнавать, что́ тамъ-то и тамъ творится—и обо всемъ сообщать Валли. Такимъ образомъ, онъ могъ постоянно бесѣдовать съ нею, да и она мало по малу привыкла видѣть его около себя. Викентій скоро увидѣлъ, что любопытство Валли устремлено было преимущественно въ два мѣста: Зёльденъ и Цвизельштейнъ. Человѣкъ онъ былъ не глупый, а потому безъ особеннаго труда разгадалъ причину этого. И вотъ, Валли стала получать отъ него различныя вѣсточки относительно знакомства, завязавшагося между Іосифомъ и Афрой. Новости эти, какъ видно, сильно тревожили ее и заставляли крѣпко волноваться. Викентій и виду не показывалъ, что все это видитъ и, равнодушно болтая, пересталъ даже намекать ей о своей любви. Валли поэтому поуспокоилась и стала какъ-то довѣрчивѣе къ нему, но чувство ревности къ Іосифу грызло сердце Викентія... „Проклятіе всей жизни моей этотъ Гагенбахеръ! думалъ онъ: „Гагенбахеръ всегда всѣхъ опередитъ, первый прославится; какой-бы подвигъ ни предстояло совершить—глядишь: ужъ онъ отличился! А на состязаніяхъ игроковъ въ кегли или стрѣлковъ? Сколько ни было состязаній—онъ каждый разъ хваталъ призъ, всегда выходилъ побѣдителемъ... И что́-же—мало этого: онъ отбиваетъ теперь у меня сердце дѣвушки! А вѣдь Валли, пожалуй, наконецъ, улыбнулась-бы мнѣ, видя такое упорное ухаживанье—не будь только этого Гагенбахера!.. О, зачѣмъ-

Библиотека "Руниверс"

же это Богъ одаряетъ такъ щедро одного, оставляя другихъ въ убожествѣ, безталанности?"...

Такъ роптал Викентій и находился въ такомъ-же возбужденномъ тревожномъ состояніи духа, какъ и Валли. Если-бы все горе и вся злость ихъ могли слиться въ одинъ потокъ, то, право, волны его залили-бы всю Эцтскую долину.

Пришло время траву косить. Какъ-то разъ, вечеромъ, находясь на сѣнокосѣ, Валли помогала грузить тѣлегу копнами скошеной травы. Кончилась нагрузка, оставалось только обвязать возъ; но сѣна такъ много навалили на телѣгу, что рабочимъ все какъ-то не удавалось перекинуть веревку съ палкой черезъ возъ. Веревка взлетала, скатывалась на землю, опять взлетала, но безуспѣшно. Это забавляло рабочихъ—и они стали просто шалить. Валли вышла наконецъ изъ терпѣнія.

— Прочь вы, остолопы этакіе! крикнула она на рабочихъ, разтолкала ихъ и, захвативъ веревку, взобралась на самый верхъ воза, потомъ взялась обѣими своими круглыми руками за конецъ длинной палки, почти дубины, взмахнула ею—и дѣло было въ шляпѣ. Всѣ даже вскрикнули отъ удивленія. Работницы начали подтрунивать надъ работниками, дразня ихъ тѣмъ, что силенки не хватило у нихъ, а вонъ хозяйка-то одна справилась! Батраки почесывали только затылокъ и полагали, что она выкинула такую штуку *не сама по себѣ*: ужъ навѣрно тутъ ей дьяволъ помогъ!...

Валли, стоя на возу, глядѣла на ярко-красный дискъ заходящаго солнца. Лицо ея выражало и гордость, и самодовольство. Въ эти минуты она особенно ясно сознавала, что подобной ей—нѣтъ и, попрежнему, ощущая въ себѣ богатырскую мощь и энергію, готова была вызвать на борьбу хоть цѣлый міръ.

Подвернулся тутъ Викентій и, закинувъ голову, крикнулъ:

— Ты смахиваешь теперь на царицу Потифарь на слонѣ! Вотъ если-бы Іосифъ увидѣлъ такую Потифарь—навѣрно пересталъ-бы дурить!

При этомъ намекѣ щеки Валли зарумянились. Она соскочила съ воза, подошла къ Викентію и сказала:

— Запрещаю тебѣ подобныя шутки!

— Ну-ну, не буду, извинился Викентій,—вѣдь это я такъ бухнулъ—спроста, потомучто утерпѣть не могъ: ужъ очень ты красива была, когда стояла тамъ! Больше этого не случится—будь увѣрена.

И онъ пошелъ съ ней рядомъ.

— Ну, не слыхалъ-ли чего новенькаго? спросила Валли по обыкновенію.

— Новенькаго-то маловато, отвѣтилъ Викентій:—вотъ болтаютъ, что въ день Петра и Павла Гагенбахеръ будетъ танцовать въ Зёльденѣ съ служанкой-то той—Афрой. А слышалъ я это отъ одного посыльнаго, которому поручено принести изъ Имста новые башмаки и шелковый платочекъ—для Афры. Іосифъ и денегъ далъ на эти покупки...

Валли промолчала, захвативъ зубами нижнюю губу, но Гелльнеръ отлично видѣлъ, чтó творится въ ней въ эти минуты.

— Послушай-ка, заговорилъ онъ снова,—вѣдь въ день Петра и Павла у насъ тоже праздникъ, ну, и почему-бы тебѣ не придти? Тò-то-бы удался праздничекъ: молва о немъ пошла-бы далеко! Чтò-жъ, не желаешь-ли со мной протанцовать?.. а?...

Валли мотнула назадъ головой и съ горечью произнесла:

— Не мнѣ танцовать!...

— Нѣтъ, Валли, пойдемъ, право, пойдемъ! настаивалъ Викентій.—Ну, согласись, хоть разокъ, чтобы люди хоть видѣли!

— Много я на нихъ вниманія обращаю... Какже! И она презрительно фыркнула.

— Дà, но вѣдь рты-то не зажмешь! Вонъ говорятъ... Викентій спохватился, прикусилъ языкъ, а Валли приостановилась и бросила пристальный взглядъ на него.

— Чтò такое говорятъ?

Выраженіе лица дѣвушки испугало Гелльнера.

— Да это я такъ... то есть, видишь-ли, болтаютъ, что у тебя будто какое-то горе тайное есть. Ну, а старшая работница начала разсказывать, что ты по ночамъ дома не бываешь и, словно какъ поврежденная, по полямъ разгуливаешь... Толкуютъ тоже вотъ, что катаешься ты какъ сыръ въ маслѣ, что жениховъ у тебя какъ нерѣзанныхъ собакъ, а если не смотря на все это ты не довольна, печальна—значитъ, въ любви какой-то несчастлива; а послѣ того скандала—когдá процессія-то была...

— Чтó-же? продолжай! проговорила Валли какимъ-то тихимъ, страннымъ голосомъ.

— Ну, послѣ того скандала и стали поговаривать, что во всемъ Эцталѣ только *одинъ* ей и приглянулся—Іосифъ, да вотъ бѣда: не хочетъ онъ даже и взглянуть на нее...

Глаза Валли заискрились, засверкали, точно молнія блеснула въ нихъ. Слова эти поразили ее до глубины души; она даже съ мѣста не могла двинуться и, какъ стояла у дерева, такъ и прислонилась головой къ стволу... Кровь хлынула въ голову, въ вискахъ страшно стучало.

— Если это правда... Если ужъ въ самомъ дѣлѣ про меня тàкъ... простонала она и не договорила, потому что мысли ея спутались, въ головѣ потемнѣло, какъ будто мозгъ отуманился.

Викентій далъ ей время очнуться, придти въ себя: онъ вѣдь зналъ, какъ она горда, и зналъ, какъ ударъ этотъ былъ тяжолъ для нея.

— Ну, вотъ, поэтому-то хочется мнѣ, чтобы ты со мной протанцовала, проговорилъ онъ потомъ:—это наилучшимъ манеромъ можетъ зажать людскіе рты.

Валли выпрямилась и воскликнула:

— Съ тѣмъ только человѣкомъ пойду я танцовать, которой можетъ быть моимъ мужемъ! И это тебѣ извѣстно!

— А я такъ полагаю: будь я на твоемъ мѣстѣ—сейчасъ-бы отдалъ руку Викентію Гелльнеру, не унимался Викентій, желая колоть ее:—право, пошелъ-бы за него! А то чтó: ради любви къ Гагенбахеру остаться въ дѣвкахъ?...

Валли проглядѣла на Гелльнера, и чувство отвращенія къ нему снова шевельнулось въ ея груди.

— И какъ это тебѣ не надоѣстъ повторять одно и то же?... Самъ знаешь, что ничего изъ этого не выйдетъ!...

— Ну, слушай, Валли, въ послѣдній разъ спрашиваю тебя: примиришься-ли ты съ мыслью назвать меня своимъ мужемъ?

— О, никогда, никогда! Ужъ лучше умереть! отвѣтила Валли.

Желтоватое лицо Викентія покрылось бѣлыми пятнами, которыя были замѣтны на выдающихся его скулахъ. Поглядывая искоса на дѣвушку, онъ смахивалъ на коршуна, устремившаго свой желтый глазъ на беззащитную жертву.

— Прискорбно мнѣ, Валли, но я обязанъ теперь сказать тебѣ нѣчто такое, о чемъ, право, охотнѣе умолчалъ-бы, но... ты сама принуждаешь меня къ этому. Годъ я выждалъ, давалъ тебѣ время одуматься, нынче ужъ—шабашъ: объявить надо!.. И онъ вытащилъ изъ кармана исписанный листъ бумаги.

— Вотъ, осталось всего нѣсколько дней до годовщины смерти отца твоего. Ежели ты не пойдешь за меня, то со дня годовщины теряешь право владѣть наслѣдствомъ Штроммингера.

Валли удивленно поглядѣла на Викентія, который успѣлъ уже развернуть листъ.

Библиотека "Руниверс"

— Это—духовная твоего отца, въ которой объявляется его воля: ежели ты, по прошествіи года со дня смерти отца, не сдѣлаешься моею женой, то весь домъ, со всѣмъ добромъ, всѣ пристройки и другіе предметы—будутъ принадлежать мнѣ!... Тогда полно тебѣ гордиться: по завѣщанію ты получишь только законную часть. Объ этомъ никто еще не знаетъ... Пораздумай-ка хорошенько, право; еще разъ сообрази все это. Лучше идти тебѣ на уступку, такъ я думаю, чѣмъ принудить меня затѣвать дѣло въ судѣ и просить, чтобы духовная была въ точности выполнена.

Валли вдругъ остановилась и, окинувъ его съ головы до ногъ ледянымъ взглядомъ, взглядомъ полнымъ презрѣнія, проговорила наконецъ совершенно спокойнымъ тономъ:

— Жалкій ты человѣкъ! неужто ты думаешь изловить Орелъ-Дѣвку такимъ манеромъ, поймать ее въ *этакую* ловушку?.. Да, въ вашемъ это духѣ... Похожъ ты на моего отца! Только онъ не зналъ меня, да и ты меня не знаешь! Ну, на что мнѣ деньги и имущество все? Вѣдь ни за какія деньги не купить мнѣ того, чего я хочу,—такъ зачѣмъ стану я дорожить ими?.. Ну-да что объ этомъ говорить!.. Въ понедѣльникъ я соберусь въ дорогу, возьму кой-какія вещи—и уйду, такъ какъ *въ гостяхъ* у тебя быть не намѣрена—ни на одинъ часъ. Правда, тяжело мнѣ покидать домъ, въ которомъ я родилась; но, поживъ хозяйкой, развѣ испытала я больше счастья, чѣмъ тогда, когда исполняла обязанности пастуха?.. Тутъ, какъ и тамъ, я была всѣмъ чужой... Ну, значитъ, и теперь самое лучшее уходить отсюда какъ можно подальше!...

Спокойно повернувшись, она пошла къ дому. Викентій, въ порывѣ дикаго отчаянія, внезапно охватившаго его, бросился за ней, упалъ къ ея ногамъ и уцѣпился за нихъ.

— Ахъ! да развѣ я имѣлъ это въ мысляхъ?! Не надо, не надо тебѣ уходить! Ради Бога, оставь ты это! восклицалъ онъ прерывающимся голосомъ.—Мнѣ-то твой домъ на что?... Вѣдь я хотѣлъ только... О, Господи! Человѣкъ въ отчаяніи не разбираетъ средствъ... радъ за все ухватиться!...

Обхвативъ крѣпко одной рукой колѣни Валли, Викентій держалъ въ другой духовную, и вдругъ бумага эта очутилась около его рта—и онъ разорвалъ ее зубами.

— Вотъ, лоскутки... остались! гляди-же! Не хочу я твоего дома, если въ немъ тебя не будетъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не уходи—только не уходи!

Лоскутки духовнаго завѣщанія унеслись куда-то, подхваченные вѣтромъ.

Валли удивленными глазами смотрѣла на Викентія.

— Право, мнѣ жалко тебя, Викентій, заговорила она, —но я не въ силахъ тутъ ни тебѣ, ни себѣ помочь... Владѣй домомъ, владѣй всѣмъ, что слѣдуетъ тебѣ по завѣщанію. Дѣло это рѣшенное, пусть такъ все и будетъ; хотя ты и уничтожилъ бумагу—ничего: я отъ своего слова не отступлюсь, потому что подарковъ отъ тебя не хочу... Мнѣ и такъ тутъ больно ужъ тяжело, все ровно —уйти надо. И зачѣмъ останусь я здѣсь? Чего ждать? Люди здѣшніе не по мнѣ, да и я не по нимъ... Возьму я Ганзля—и опять туда, въ горы—тамъ мое гнѣздо. Если мнѣ можно попросить тебя сдѣлать какое нибудь одолженіе мнѣ, то вотъ моя просьба: пока я буду еще здѣсь—не говори ты никому, что домъ уже не принадлежитъ Вальбургѣ Штроммингеръ... Вѣдь ты знаешь—ну, не могу я вынести, когда вижу, что надо мною смѣются! Это бѣситъ меня—бѣситъ!... Въ самомъ дѣлѣ, подумай, какъ-бы стали злорадствовать, насмѣхаться, если-бы сейчасъ узнали, что гордая Валли принуждена оставить свой домъ, уйдти, какъ выгнанная батрачка!.. О, да я не пережила-бы этого! Вотъ, я и прошу тебя: не помѣшай мнѣ удалиться по моей доброй волѣ, какъ настоящей хозяйкѣ!

— Валли... Валли! завопилъ Викентій:—ежели ты непремѣнно уйдешь, такъ я—за тобой! Это ужъ не въ твоей власти—не запретишь мнѣ! Куда ты, туда и я... Пути никому не заказаны и нигдѣ—хоть на всѣ четыре стороны!

Валли съ ужасомъ глядѣла на него, ей стало страшно: онъ видѣла передъ собой человѣка, который весь трясся, дрожалъ, былъ на себя не похожъ... Ей казалось, что это злой духъ присталъ къ ней—и ужъ не оставитъ ее.

— Да что-жъ, толку-то въ этомъ? проговорила она тихо, чувствуя, что уже тутъ ничего не можетъ сдѣлать...

Викентій прищурилъ глаза.

Отъ дома Валли шелъ по лужайкѣ какой-то человѣкъ съ большимъ букетомъ на шляпѣ, въ праздничномъ нарядѣ, какъ будто сватъ. Завидѣвъ Валли, онъ направился прямо къ ней. Это былъ нарочный изъ Зёльдена.

— Гляди-ка, вонъ идутъ звать тебя на свадьбу Іосифа и Афры, произнесъ Викентій съ какимъ-то дикимъ хохотомъ:—ха-ха-ха! На свадьбу!...

Валли запнулась за что-то и схватила Гелльнера за руку, а онъ живо обнялъ ее, обнялъ крѣпко.

Нарочный подошелъ и, снявъ шляпу, сказалъ:

— Здравствуй, хозяйка молодая! Прислалъ меня Іосифъ Гагенбахъ: проситъ онъ тебя на танецъ—въ день Петра и Павла. Коли ты дашь согласіе, онъ явится сюда около полудня, чтобы проводить тебя въ гостинницу „Олень". Что ему прикажешь отвѣтить?

Если-бы небеса разверзлись для Валли въ это мгновеніе, а Викентій очутился-бы вдругъ у вратъ ада кромѣшнаго, то такого рода неожиданность точно такъ же поразила-бы ихъ, какъ и слова зёльденскаго нарочнаго.

Что-же, значитъ, всѣ сплетни насчетъ Афры—одна ложь? Вѣдь *онъ* самъ прислалъ къ Валли этого человѣка, самъ обратился къ ней послѣ пятилѣтнихъ страданій, мученій, перенесенныхъ ею!.. Наконецъ-то... Наконецъ! Слово вылетѣло—вѣтеръ подхватитъ это слово, оно прозвучитъ повсюду, а эхо тысячу разъ повторитъ его! Подъ лучами вечерняго солнца тамъ, далеко, на бѣлоснѣжныхъ вершинахъ заиграетъ улыбка... Все—люди и природа—возликовало; Валли даже казалось, что холмики изъ сѣна начали подпрыгивать, и самъ Ганзль, возсѣдавшій на крышѣ, замахалъ крыльями отъ восторга... Словомъ—радость всеобщая! Еще-бы! Вѣдь Іосифъ-Медвѣжатникъ пригласилъ Валли на танецъ! Наконецъ случилось то, что должно-же было случиться... Да, и вотъ одна новая пара продолжитъ потомство могучихъ великановъ—такихъ, какъ Іосифъ и Валли!...

(Продолженіе будетъ).

Красная болотная дичь.

Каждому охотнику, послѣ этого заглавія, ясно, что мы собираемся побесѣдовать о такъ-называемыхъ *долгоносыхъ*, которые группируются въ слѣдующіе три вида одного и того же рода: 1) дупель (scolopax maior), въ простонародьи—*лежанка*, 22—24 центиметра въ длину безъ носа, 48 центиметровъ въ распущенныхъ крыльяхъ, т. е. приблизительно съ горлицу величиной; онъ изображенъ на переднемъ планѣ картины; 2) Бекасъ (scolopax gallinago), *барашекъ*, величиною съ дрозда, изображенъ въ верхней части рисунка—летящимъ; и 3) гаршнепъ (scolopax gallinula), *стучикъ*, съ жаворонка величиной, видѣвъ на заднемъ планѣ.

Изъ этихъ трехъ видовъ обыкновеннѣйшимъ и наиболѣе распространеннымъ является бекасъ, барашекъ. Онъ живетъ въ обоихъ полушаріяхъ, отъ Ирландіи до Японіи, отъ Нордкапа и

Библиотека "Руниверс"

Красная болотная дичь. Рис. и грав. Шпехтъ.

Бегасы.
Дупеля.
Гаршнепы.

Библиотека "Руниверс"

Камчатки до Остиндіи и Мыса Доброй Надежды, а въ Америкѣ отъ Канады до Фалкландскихъ острововъ, такъ что лишь пятая часть свѣта, Австралія, избавлена отъ его присутствія. Чѣмъ объяснить такую невѣроятную повсемѣстность распространенія этой птицы?

Главная причина, конечно, заключается въ томъ, что бекасъ въ высшей степени защищенъ отъ враговъ. Когда держишь его въ рукахъ, онъ представляется чрезвычайно пестрымъ; но попробуйте положить застрѣленнаго бекаса въ такое мѣсто, гдѣ они держатся, и попросите кого нибудь отыскать птицу,—самый опытный охотникъ не осмѣлится побиться объ закладъ, что найдетъ ее. Весьма немногіе могутъ похвастаться тѣмъ, что видали бекаса сидячимъ, на землѣ. Къ этой охранѣ цвѣтомъ перьевъ присоединяется еще то обстоятельство, что бекасъ днемъ лежитъ неподвижно; никому еще не удавалось видѣть его бѣгающимъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ бѣжитъ нѣсколько шаговъ изъ-подъ собаки, передъ тѣмъ какъ вскочить. Понятно, что съ такими привычками онъ недоступенъ ни для одного изъ пернатыхъ хищниковъ. Остаются слѣдовательно лишь четвероногіе враги, отъискивающіе добычу чутьемъ; но и отъ нихъ бекасъ въ высшей степени обезпеченъ. Кто внимательно изучалъ вязкія трясинныя болота, въ которыхъ держатся бекасы,—тому извѣстно, какъ зыблется, качается и проваливается подъ ногами подобная почва; длинный же носъ бекаса одаренъ необыкновенной чувствительностью;—теперь представьте себѣ, что птица сидитъ себѣ въ укромномъ уголкѣ, глубоко запустивъ носъ въ болотистую почву и отыскивая тамъ корешки: ясно, что она еще издали не только слышитъ, но прямо ощущаетъ приближеніе хотя бы самаго маленькаго звѣря. Даже хитрая лиса—и той рѣдко удается поживиться старымъ бекасомъ, а ужь про хорька или ласку и говорить нечего.

Вторымъ спасительнымъ средствомъ бекасу служитъ несравненная быстрота полета. Она позволяетъ ему преодолѣвать всякія препятствія и оставлять за собой моря и океаны. Неслыханное дѣло, чтобы лягавая собака хоть разъ схватила бекаса на взлетѣ, какъ это часто случается съ коростелями, перепелками и куропатками. Бекасъ вскакиваетъ съ быстротой молніи—а затѣмъ слѣдуетъ изумительный полетъ его... Конечно, у нѣкоторыхъ запоздалыхъ и разжирѣвшихъ осенью особей—онъ не такъ уже быстръ,—но во всѣхъ другихъ случаяхъ бекасъ летитъ проворнѣй сокола, сбивая при этомъ стрѣлка съ толку зигзаговидными поворотами, которые въ нѣкоторомъ разстояніи переходятъ наконецъ въ прямой и быстрый какъ стрѣла полетъ, большею частью кверху. Удалясь на безопасное разстояніе, бекасъ обыкновенно складываетъ крылья—и свистя какъ камень, падаетъ на земь. Такимъ образомъ, лишь изрѣдка и только при особенно-благопріятныхъ условіяхъ удается соколу или ястребу настичь выпугнутаго днемъ бекаса, напр. когда послѣдній принужденъ летѣть широкой полосой ровнаго пространства—и тутъ еще онъ можетъ спастись, забравъ выше хищника или кинувшись въ кустарникъ.

Третьимъ важнымъ условіемъ самосохраненія является то, что мѣстности, выбираемыя бекасомъ для вывода птенцовъ, никогда не тревожатся земледѣльческими орудіями или рукою человѣка. Онъ устраиваетъ гнѣздо въ самыхъ мокрыхъ уголкахъ болотистыхъ луговъ, гдѣ пасется лишь скотъ и сѣнокосъ происходитъ гораздо позже вывода птенцовъ, которые къ концу мая хотя и не летаютъ еще, но уже такъ проворно бѣгаютъ, что человѣкъ имъ не опасенъ. Скотъ также не можетъ растоптать яицъ, такъ какъ бекасъ кладетъ ихъ на кочкахъ, которыя скотина всегда обходитъ, старательно ступая между ними. Сверхъ того, болотистая почва не допускаетъ сюда двухъ злѣйшихъ враговъ дичи—домашнихъ кошекъ и собакъ.

Въ четвертыхъ, бекасъ живетъ подъ охраною своихъ сосѣдей; на мѣстѣ его жительства водятся чибесы, береговики, кулики, дикія утки, трясогузки и проч. птицы, которые ведутъ себя такъ неосторожно и притомъ такъ многочисленны, что вниманіе хищника въ тысячу разъ скорѣе обратится на нихъ чѣмъ на бекаса.

И такъ, единственнымъ серіознымъ врагомъ его является охотникъ съ своей двустволкой и лягавой собакой. Но и тутъ онъ совершенно застрахованъ отъ большей части стрѣлковъ изъ крестьянъ-промышленниковъ и такъ-называемыхъ праздничныхъ егерей (Sonntags-jäger). Въ особенности послѣднимъ, горе-охотникамъ, никогда почти не удается убить бекаса, котораго можно стрѣлять только въ два момента: или тотчасъ на взлетѣ, пока онъ шаговъ пять разстоянія пролетаетъ по прямой линіи, а затѣмъ снова въ короткій промежутокъ послѣ перваго зигзага, когда бекасъ уже въ разстояніи 40—50 шаговъ; на *крючкѣ* же (т. е. во время зигзага) почти невозможно попасть въ него, развѣ только глубокой осенью, когда птица очень жирна. Вскидна ружья къ плечу, прицѣлъ и спускъ курка—дѣло одного мига, и кромѣ того мигъ этотъ долженъ быть выбранъ не произвольно, а весьма обдуманно. Къ этимъ трудностямъ присоединяется колебаніе почвы подъ ногами, усталость отъ ходьбы по болоту и проч. и проч. Тутъ уже некогда отъискивать мушку на стволѣ, наводить и выдерживать. Требуется такъ-называемая *стрѣльба въ накидку*, т. е. необыкновенная увѣренность прицѣла, вѣрность глаза, который долженъ безошибочно угадать мѣсто, гдѣ будетъ бекасъ къ выстрѣлу, и наметанность рукъ, управляющихъ ружьемъ—охотникъ такъ-сказать чувствуетъ бекаса на концѣ стволовъ. Поэтому такъ и славятся хорошіе стрѣлки, которые могутъ напр. бить пару взлетѣвшихъ бекасовъ изъ того и другаго ствола, или положить въ яхташъ штукъ пять-шесть безъ промаха—одного за другимъ.

Бекасы выводятъ птенцовъ только въ умѣренныхъ и холодныхъ поясахъ земли, между тѣмъ какъ въ жаркихъ странахъ они появляются исключительно пролетомъ. Въ Россіи они въ безчисленномъ множествѣ населяютъ безлюдныя тундры и болота сѣверныхъ губерній откуда и распространяются къ осени до крайняго юга. Множество изъ нихъ зимуетъ въ Италіи, Греціи и Испаніи. Перелетъ, совершаемый ночью, сопровождается рѣзкимъ, хриплымъ крикомъ—и свистомъ крыльевъ когда птицы опускаются на земь. Летятъ они въ одиночку, рѣдко по два или по три, и только особенное обиліе пищи сводитъ ихъ по нѣскольку штукъ въ одно мѣсто. Цѣлый день сидятъ они себѣ неподвижно и даже спятъ. Только въ сумерки начинаютъ оживляться, летятъ на кормежку, бѣгаютъ по болоту и длинными тонкими носами ловятъ въ тинѣ корешки и мелкихъ насѣкомыхъ. Такъ проводятъ они всю ночь до утренней зари, безпрестанно оглашая воздухъ рѣзкими звуками: *кеч-ч-ш-шъ*!.. но только на лету, что выкрикиваютъ они каждый разъ и днемъ, какъ только ихъ поднимешь. Въ удобныхъ болотахъ отдѣльныя пары бекасовъ появляются рядомъ, одна возлѣ другой, и еще задолго предъ кладкою яицъ начинаются ихъ забавныя любовныя игры. «Самецъ—говоритъ Науманнъ—съ быстротою молніи слетаетъ съ своего укромнаго мѣстечка въ зелени болота, сначала въ косомъ направленіи кверху, потомъ по спиральной линіи забирается въ хорошую погоду такъ высоко, что только опытный глазъ признаетъ эту точку за птицу. На этой-то высотѣ бекасъ вертится, порхая кругами, расширивъ и держа неподвижно крылья опускается дугою внизъ съ такимъ напряженіемъ, что кончики большихъ маховыхъ перьевъ приходятъ въ дрожательное движеніе и производятъ жужжащій звукъ, чрезвычайно похожій на блеяніе, отчего и происходитъ русское названіе его: *барашекъ*. Круженіе это по широкой площади воздушнаго пространства, сопровождаемое то поднятіемъ на высоту, то снова спускомъ книзу, продолжается иногда по получасу. Когда самецъ достаточно намучился этою игрою, изъ густой, мокрой, травяной чащи раздается нѣжный призывъ самки; едва заслышитъ самецъ этотъ давно жданный звукъ—тотчасъ же кончаетъ свои фокусы, прижимаетъ крылья къ тѣлу и точно падающій камень, со свистомъ, почти отвѣсно, бросается къ подругѣ. На томъ мѣстѣ, съ котораго бекасъ начинаетъ свои игры, расположено на кочкѣ, между высокой травою, довольно скрытое гнѣздо, состоящее изъ простаго углубленія въ травѣ, въ рѣдкихъ случаяхъ выложеннаго сухими листочками и стебельками. Отъ средины апрѣля и до конца мая, въ немъ находятъ постоянно четыре (какъ у всѣхъ куликовъ) гладкихъ, неблестящихъ яйца, покрытыхъ по сѣро-зеленоватому фону сѣрыми пятнами и множествомъ большихъ верхнихъ пятенъ красно-бураго цвѣта. Яица высиживаются одною самкою въ 2—2½ недѣли, но въ воспитаніи птенцовъ участвуютъ оба родителя. Въ іюлѣ птенцы, вполнѣ выросши, отдѣляются отъ семьи.

Дупель попадается гораздо рѣже бекаса, исключая время пролета или такъ-называемыхъ высыпокъ, и менѣе его любитъ сырость, такъ что въ трясинѣ или кочкарникѣ никогда его не найдешь. Пересохшія болота, потныя луговинки и даже совсѣмъ сухіе луга, выгоны, гречиха, кустарникъ—вотъ любимое мѣстопребываніе дупеля. Стрѣлять его несравненно легче бекаса. Онъ лежитъ крѣпче (почему безъ собаки его трудно даже найдти), взлетаетъ ближе, летитъ прямо и въ случаѣ промаха перемѣщается не такъ далеко, какъ бекасъ, снова также близко подпускаетъ. Нравы и образъ жизни такіе же какъ и у бекаса, за исключеніемъ весеннихъ игръ. Дупеля собираются на токъ во множествѣ, какъ тетерева. Полетъ дупеля быстрый но тяжелый, особенно на подъемѣ, какъ у голубя съ легкимъ трескомъ крыльевъ, отчего вскочившаго дупеля можно узнать даже въ потемкахъ. Весенній пролетъ ихъ длится съ конца марта до мая, осенній въ августѣ и сентябрѣ. Осенью они до того заплываютъ жиромъ, что у застрѣленнаго дупеля, при ударѣ о земь, лопается кожа и заливаетъ птицу саломъ.

Гаршнепъ, стучикъ, по своимъ привычкамъ и времени пролета—сущій дупель въ миніатюрѣ. Впрочемъ, держась больше по окраинамъ болотъ, онъ не брезгаетъ и трясиной и даже чистой водой, густо-заросшей такъ-называемой трефолью; лежитъ онъ еще крѣпче дупеля, такъ что его чуть не приходится выбрасывать ногой изъ-подъ собаки. Полетъ его, въ тихую погоду прямой и стелящійся надъ землею, въ вѣтеръ становится въ высшей степени неправильнымъ: гаршнепа видаетъ изъ стороны въ сторону—и онъ порхаетъ буквально какъ бабочка, такъ что неопытнымъ стрѣлкамъ нерѣдко случалось платиться цѣлой пороховницей зарядовъ прежде чѣмъ уложить въ яхташъ хоть одного гаршнепа. Послѣ промаха онъ рѣдко отлетаетъ дальше ста шаговъ и лежитъ ет[illegible]лче.

Извѣстно, что [illegible] и три породы составляютъ самый лакомый кусочекъ, [illegible] всѣхъ вкусиѣе дупель, затѣмъ гар-

Библиотека "Руниверс"

шнепъ и наконецъ бекасъ. Жарятъ ихъ, *не потроша*, въ кострюлѣ или еще лучше на вертелѣ, обернутыми въ шпикъ. Въ жаркую погоду никакая дичь такъ скоро не портится, какъ эти кулики, въ особенности, когда они жирны; а потому ихъ не слѣдуетъ мять въ яхташѣ съ прочими птицами, но вывѣшивать на наружныхъ ремешкахъ съ петельками.

Ловкій рулевой.

(Изъ дачной жизни).

Въ самой тѣнистой части сада, въ бесѣдкѣ, густо обросшей плющомъ и хмѣлемъ, сидѣли за столикомъ двѣ женщины, въ легкихъ изящныхъ платьяхъ. Одной, довольно тучной, было лѣтъ подъ пятьдесятъ; другой—стройной, бѣлокурой, съ такими умными сѣрыми глазами, можно было дать двадцать, а пожалуй и всѣ двадцать пять. Это были мать и дочь. Вдова-генеральша, Серафима Михайловна, обмахивалась вѣеромъ и, повидимому, изнемогала отъ жары; а дочь съ толкомъ, чувствомъ и разстановкой кушала дыню, нарѣзавъ ее длинными ломтиками, которые и опускала предварительно въ хрустальную вазочку, наполненную толченымъ сахаромъ.

— Ужь вы, мама, не говорите ничего, если совсѣмъ погибаете отъ жары... Скушайте-ка вотъ еще ломтикъ!

— Охъ, поди ты... съ ломтикомъ! Нѣтъ, что я хотѣла такое... сказать?..

— Если забыли—и прекрасно.

— Нѣтъ, постой, Луша... Да! какъ тебѣ понравился Леонидъ Антонычъ?

Дѣвушка зарумянилась, поперхнулась дыней,—но довольно спокойнымъ тономъ, даже съ легкой усмѣшкой, спросила въ свою очередь:

— А вамъ? чѣмъ не женихъ мнѣ—да?...

— И зачѣмъ ты всегда такъ... круто?.. Охъ, жарко!.. а ты такъ прямо и выпалишь... Ну, что-жъ—если бы и такъ? Мы вѣдь давно знакомы съ этимъ семействомъ. Леонида Антоныча я знала еще нотъ такимъ (и она показала какимъ).

— Ну да, то есть—покойный папа и вы, а я то мало его знаю. Я вотъ только и увидѣла его такимъ (Луша тоже показала какимъ). Сами же вы говорите, что онъ лѣтъ пять у васъ не былъ... Я же была тогда въ институтѣ.

— Конечно, конечно... Все-таки не противенъ же онъ тебѣ?

— Скушайте вотъ этотъ кусочекъ дыни—а?

— Не хочу! Ты мнѣ на вопросъ-то отвѣчай.

— Онъ не паукъ, не лягушка... Ничего, даже не дуренъ... Да что вамъ вздумалось это?..

— Начала, такъ ужъ договорю. Вчера Леонидъ Антонычъ долго бесѣдовалъ со мной, ну и все намекалъ на то, что ужъ пора ему жениться. Прямо-то онъ ничего...

— Постойте, перебила Луша (виноватъ, читатель: Лукія Николаевна!),—стану же и я продолжать. Вообразите, онъ вчера тоже бесѣдовалъ со мной,—можетъ быть, не такъ долго, какъ съ нами,—и ужъ не намекалъ, а прямо-съ...

— Будто?! перебила въ свою очередь Серафима Михайловна.

— Что-жъ вы удивились? Онъ въ любви объяснился.

— Въ любви... Ну?

— Вотъ и все. Ахъ, какъ сладко! Просто таетъ!

— Неужели? таетъ, а?..

— Да вотъ попробуйте: что за дыня!

И Лукія Николаевна протянула матери ароматный ломтикъ возлюбленнаго плода.

— Я думала, это ты про Леонида Антоныча! воскликнула Серафима Михайловна, замахавъ рукой.—Нѣтъ, какъ же это все? А ты ему что же?..

— Почти ничего. Развѣ онъ оскорбилъ меня этимъ? Напротивъ, даже пріятно, когда въ любви объясняются...

— Но вѣдь надо же было отвѣтить...

— Я и отвѣтила: ни вы меня не знаете, ни я васъ. Нужно прежде поближе познакомиться. Прибавила, что maman моя женщина строгая, съ характеромъ, что она сама выбрала уже мнѣ жениха—генерала Единорогова, что молодыхъ искателей она не долюбливаетъ, многихъ ужъ отвадила, имѣя въ виду его превосходительство, и что я пролила много горькихъ слезъ! «Впрочемъ», сказала я: «если вы понравитесь... maman»...

— Что ты! Христосъ съ тобой, Луша! Когда же это было?.. Вотъ наговорила на меня! И Ивана Филиппыча Единорогова припутала, старика потревожила!

— Еще не все. Постойте! Сказала я ему, если выйду замужъ противъ желанія maman, то получу только свои 30.000 рублей, а если, напримѣръ, за Единорогова, то maman прибавитъ изъ своихъ денегъ 5.000 рублей.

— Но, Лукія Николавна, что это такое? Зачѣмъ?

— Такъ мнѣ нужно. Вы не будете мнѣ мѣшать? Прошу васъ поддержать все то, что я ему сказала... Ну, пожалуста, душечка, мама!.. Мнѣ хочется поближе познакомиться съ нимъ, и если онъ окажется хорошимъ—ну, тогда... Ахъ, мама, называйте меня при немъ *глупой дѣвочкой*? Да?..

— Ничего не понимаю!..

— Постойте.. Вы не будете меня бранить?

— Нѣтъ, нѣтъ! Что еще?..

— Вы вѣдь знаете, что я каждый день, передъ вечернимъ чаемъ, катаюсь съ братомъ Сашей на лодкѣ? Ну, теперь, вмѣсто Саши, я буду съ нимъ ѣздить. Онъ будетъ грести, а я—рулемъ править. Позволяете?

— Когда же я тебѣ что-нибудь запрещала? Ты у меня такая умная... Но зачѣмъ наклеветала—а? «Много горькихъ слезъ пролила»?.. Вотъ шалунья! Что онъ обо мнѣ-то подумаетъ?..

— Что за бѣда? Подумаетъ: вотъ примѣрная мать! Любитъ, значитъ, свою дочь, бережетъ ее—и такъ далѣе!

Что-то зашумѣло около бесѣдки — и въ нее вдругъ влетѣлъ юноша, лѣтъ пятнадцати, въ бѣломъ кителѣ и гимназическомъ кепи.

— Охъ, Саша... испугалъ! проговорила Серафима Михайловна.— И безъ того жарко!..

— Леонидъ Антонычъ сюда идетъ! доложилъ Саша и, взглянувъ на сестру, передразнилъ Никольскаго-Сабинина:

Ра-а-дость безмѣр-р-ная!
Ты-ли, душа моя,
Кра-а-а-сная дѣвица!

— Спрячь свой теноръ! посовѣтовала Лукія Николаевна брату, потомъ посмотрѣла на свои золотые часики и, улыбнувшись, замѣтила:

— Аккуратенъ! Безъ пяти минутъ семь, а я назначила ровно въ семь.

— Знаешь что, Луша, заговорилъ гимназистъ,—ты вотъ теперь его посадишь за весла, вмѣсто меня; ну, а я досталъ гичку—прелесть какую! Горевать, значитъ, я не буду! Да умѣетъ-ли Леонидъ Антонычъ грести-то?..

— Ну, научится! отвѣтила Лукія Николаевна.

Въ эту минуту на порогѣ бесѣдки появилась изящная фигура Леонида Антоныча. Одѣтъ онъ былъ, конечно, по лѣтнему и безукоризненно. Это былъ мужчина лѣтъ подъ 30, съ полнымъ, почти розовымъ лицомъ, пріятной бородкой и небольшими бакенбардами. Онъ «мало волосъ на макушкѣ имѣлъ», что вовсе не мѣшало ему считаться еще *молодымъ человѣкомъ*. Снявъ соломенную шляпу, Леонидъ Антонычъ граціозно нагнулся, сдѣлалъ два шага впередъ, подалъ руку maman и, повернувшись на каблукѣ, пожалъ ручку Лукіи Николаевнѣ. Лицо дѣвушки странно какъ-то вдругъ измѣнилось, такъ что оно стала моложе лѣтъ на десять; сѣрые умные глаза ея глядѣли теперь почти дѣтски-наивно, даже глупо...

— Я, кажется, не опоздалъ, Лукія Николавна? произнесъ Леонидъ Антонычъ такимъ пріятно-сладкимъ голосомъ, какъ будто положилъ ей въ ротъ кусочекъ дыни съ сахаромъ.

— О, нѣтъ! Вы очень аккуратны. Мегсі!

Лукія Николавна встала.

— И такъ, мама, мы отправляемся кататься. Къ чаю будемъ. До свиданія!

— До свиданія, повторилъ Леонидъ Антонычъ, и на этотъ разъ положилъ уже Серафимѣ Михайловнѣ на языкъ незримый кусочекъ дыни съ сахаромъ.

Они вышли изъ бесѣдки. Саша отправился за ними.

Лукія Николавна шла и подпрыгивала, что-то несело напѣвая.

— Вы намѣрены въ перчаткахъ грести? вдругъ обратилась она къ своему кавалеру.

— Да, чтобы рукъ не испортить, отвѣтилъ Леонидъ Антонычъ.

— Ну такъ проститесь съ перчатками! Ха, ха, ха!..

— Прощусь! Позвольте поднести вамъ этотъ цвѣтокъ?

— Мегсі. Дайте! Я его сюда приколю... Вотъ такъ. А вамъ?.. Постойте—вотъ вамъ бѣлаго левкоя! Теперь—догоняйте меня: разъ, два—три! Вонъ берегъ, тамъ и лодочка наша...

И Лукія Николавна побѣжала какъ пятнадцатилѣтняя дѣвушка. Леонидъ Антоновичъ послѣдовалъ за нею легкимъ галопомъ.

Саша пріостановился и поднялъ брови.

— Что это съ ней? Какая она стала... совсѣмъ другая? (Онъ хотѣлъ сказать «глупая», но удержался). И лицо совершенно измѣнила... Такое дѣтское лицо! Гм!.. а вотъ посмотрю я, какъ онъ умѣетъ грести. Это любопытно. Гребецъ въ перчаткахъ!..

Юноша пустился къ берегу.

***

Хорошенькая лодочка, покачиваясь, скользитъ по волнамъ. Леонидъ Антонычъ старательно взмахиваетъ веслами, но дѣло у него не клеится. Лукія Николавна смѣется.

— Зачѣмъ вы торопитесь? Вы спокойнѣе гребите и весла не будутъ выскакивать изъ рукъ. Вотъ такъ! Опускайте мѣрно и не глубоко, и когда оба весла чуть въ водѣ—сильнѣе отталкивайтесь ими. Хорошо! Вотъ—браво! Ну, на первый разъ я не буду васъ долго мучить: объѣдемъ кругомъ этого островка—и домой.

Библиотека "Руниверс"

— Чтожь, это не особенно трудно. О, я скоро выучусь!

— Теперь можете тише грести: лодка идетъ по теченію, а я ужъ буду править. Неправда-ли, какое это удовольствіе?..

— О, да! Особенно, когда я вижу...

— Давайте болтать! воскликнула Лукія Николаевна.

— Съ большимъ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе... что.. я...

— Что? Говорите-же!

— Я жду отъ васъ отвѣта... слова...

— Ахъ, да! отвѣта... Пріударьте-ка посильнѣе правымъ весломъ! Какого же слова?

— Позвольте повторить?.. Я, Лукія Николаевна, люблю васъ! Я полюбилъ васъ, какъ еще никогда никого! Съ первой встрѣчи я ощутилъ небывалое...

— Лѣвымъ пріударьте!

— Рѣшите мою участь...

Лукія Николаевна опустила глазки...

— Что-жъ, вы мнѣ... нравитесь. Полюбить васъ я могу.. Можетъ быть, ужь и... люблю... Но, послушайте, мы еще такъ мало знаемъ другъ друга... Простите за откровенность! Я всегда прямо говорю... Maman меня и называетъ за это глупой дѣвочкой!.. (Тутъ она подняла глаза). Если я выберу мужа сама, то maman, конечно, не будетъ препятствовать, но... мнѣ бы хотѣлось увѣрить... убѣдить ее, что я буду счастлива! Пусть она не тревожится за меня... Понимаете?.. А что я скажу ей про васъ, когда ничего не знаю? Лгать я не умѣю, а на одну наружность мама не обращаетъ вниманія.

— Лукія Николавна! воскликнулъ восторженно Леонидъ Антонычъ.—Лукія Николавна, вы—ангелъ! Можете ли вы сомнѣваться въ томъ, что...

— Ай, весло потеряете! Выронили!

— Поймалъ опять!.. Да-съ, Лукія Николавна, клянусь: вы будете со мною счастливы! Я окружу васъ всѣмъ, что...

— Не сломайте правое весло о ванну!

Ловкій рулевой.

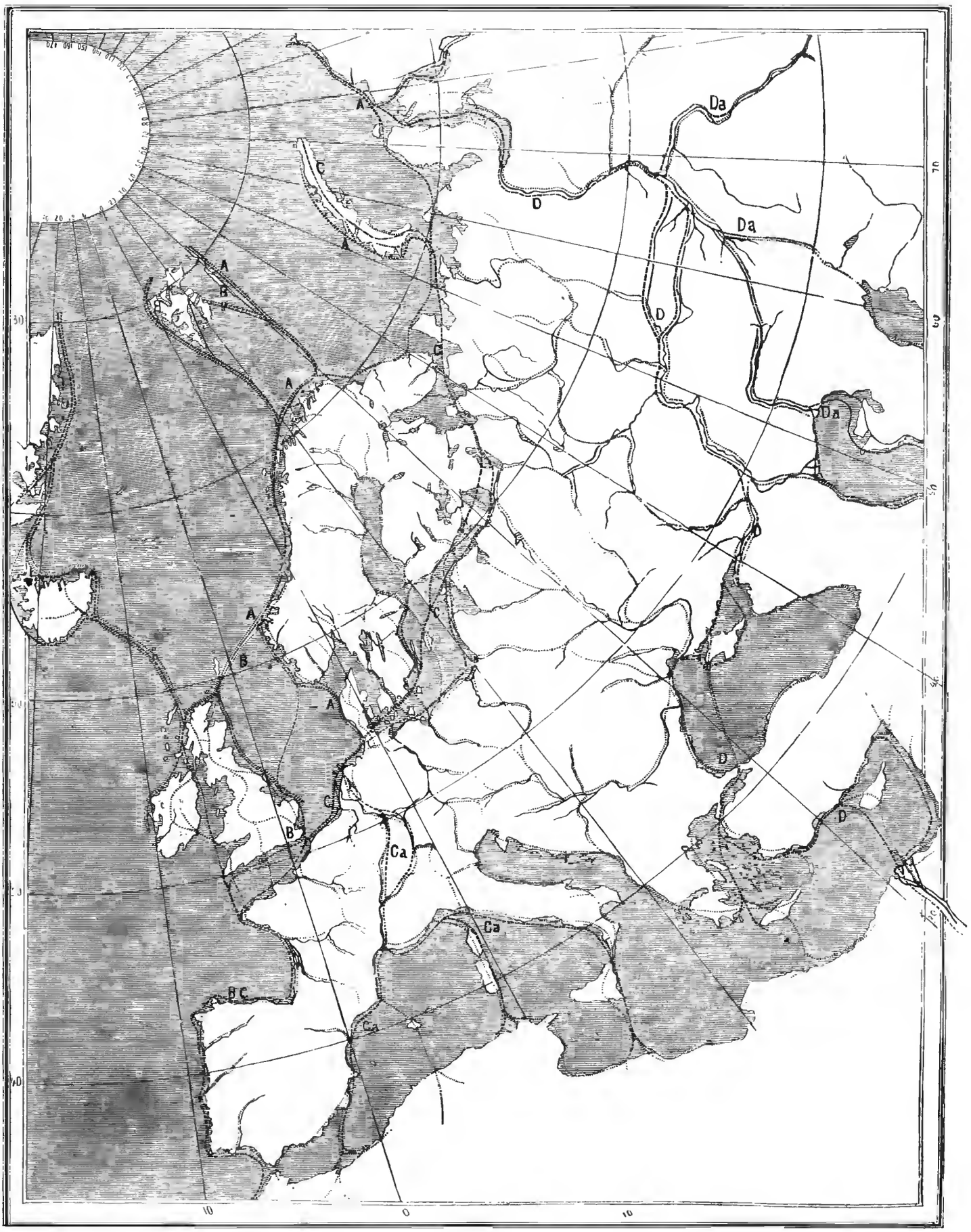
— Цѣло будетъ. Послушайте, я вѣдь не юноша, любовь моя къ вамъ—не вспышка. Я люблю васъ, какъ человѣкъ, который, можно сказать...

— О, я вѣрю! перебила Лукія Николавна.—Но знаете-ли, чего я требую отъ жизни и въ чемъ мое счастье?

— Говорите прямо, откровенно!

— Ну, слушайте. Вы должны любить меня больше всего на свѣтѣ. Я подчасъ бываю капризна, требовательна .. Видите-ли, какъ я откровенна?.. Малѣйшая прихоть моя должна быть исполнена. Я люблю свѣтъ, общество, развлеченія.. Но я не хочу, чтобъ мужъ мой былъ рабочимъ! Нѣтъ! Мы должны оба

Библиотека "Руниверс"



Карта путей перелета птицъ. Составилъ Пальмеръ, грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

наслаждаться жизнью... Но на это нужны средства... Мама говоритъ, что если ничего не дѣлать, то придется потомъ плохо... Деньги, говоритъ, твои не велики: 30,000 рублей не на долго хватитъ!.. Неужели?.

— Гм! Тридцать тысячъ... Не велики! заговорилъ про себя Леонидъ Антонычъ и даже почувствовалъ нѣкоторый жаръ въ тѣлѣ.— Эхъ, еслибы зацѣпить только!..

— Да, продолжала Лукія Николаевна,—неужели эта сумма ничтожна? Вотъ, мама и указываетъ на Единорогова: онъ, говоритъ, богатъ! У него не меньше 300,000...

— Ловкая старушенція! подумалъ Леонидъ Антонычъ.

— Да вѣдь онъ—старикъ! Развѣ я могу его полюбить?.. Говорятъ, я слышала, что трудъ—наслажденіе, что трудъ—необходимъ, что въ наше время безчестно—слышите!—жить на чужой счетъ?!.. ха-ха-ха!... Говорятъ еще, что если человѣкъ молодъ и способенъ трудиться, а между тѣмъ живетъ праздно, не ищетъ полезной... общественной—такъ кажется?—дѣятельности, то—достоинъ презрѣнія! Ну, скажите: неужели всю жизнь трудиться? Я была въ институтѣ, тамъ трудилась—и довольно! Теперь хочу—жить. А то когда же и жить? И что-жъ, я буду наслаждаться, а мужъ, котораго я люблю, обожаю—долженъ будетъ работать, мучиться?!. О, никогда! Я не понимаю, неужели-же 30,000 рублей мало? Вѣдь если считать на франки, то это будетъ... будетъ...

— Если по четвертаку—120,000 франковъ, сказалъ Леонидъ Антонычъ, весело улыбаясь.

— Вотъ видите! И почему-же не уѣхать въ Парижъ, если здѣсь такая сумма ничтожна?.

— Дитя! подумалъ онъ.

— Тамъ навѣрно хватитъ этихъ денегъ! Да?..

— Позвольте, Лукія Николавна, но вѣдь и я-же не могу жить на вашъ счетъ, а потому...

— Если мы обвѣнчаемся, то деньги ужъ больше не мои, а ваши! Значитъ, ужъ я буду тогда жить на вашъ счетъ.

— Ребенокъ! сказалъ про себя Леонидъ Антонычъ, а вслухъ произнесъ:—Лукія Николавна! Вы не хотите, чтобы я велъ жизнь труженика; но кто-же вамъ сказалъ, что я уважаю трудъ, радъ трудиться?... Ничуть не бывало. Это вовсе не мой идеалъ. Я стремлюсь къ иной жизни... И знаете, я могу *не работать* и имѣть не меньше 30 тысячъ рублей въ годъ!...

— Да?.. Но какъ же это?... Постойте: значитъ, вы согласны со мной, что трудъ вовсе не для насъ?

— О, конечно, то есть—черный трудъ. Для такого труда есть особенные люди, «чернь непросвѣщенна». Вотъ я теперь служу въ департаментѣ одномъ и—положительно страдаю! Я—мученикъ!

— А вѣдь вы сейчасъ сказали, что можете, не работая, имѣть тридцать тысячъ?... Зачѣмъ-же вы служите и - страдаете?...

— Зачѣмъ?.. О, Лукія Николавна, вы совсѣмъ не знаете жизни! Вы - извините—дитя! Да, я могу имѣть милiоны, но... надо-же начать съ чего нибудь... Знаете: легче нажить второй милiонъ, чѣмъ первую тысячу! Тутъ все дѣло въ умѣньи, въ извѣстной ловкости эксплуатировать тѣхъ, которые, по природѣ своей, составляютъ муравейникъ. Знакомо вамъ это слово—эксплуатировать?

— Это французское exploiter? Такъ какъ же это эксплуатируютъ? Это меня интересуетъ.

— Да-съ, въ наше время тотъ и панъ, кто умѣетъ пользоваться и умственнымъ, и физическимъ трудомъ ближняго. Я могу лежать на диванѣ—и золотой дождь будетъ сыпаться на меня. Знаете стихъ:

«Къ Данаѣ, въ башнѣ заключенной,
Спустился золотымъ дождемъ»...

— Кто спустился? спросила Лукія Николавна.

— Юпитеръ, древній капиталистъ.

— Онъ и теперь спускается?

— О, да! Есть и теперь Данаи прекраснаго и не-прекраснаго пола. Впрочемъ Юпитеръ измѣнился: онъ въ видѣ счастливой мысли, блестящей идеи, попадаетъ въ голову современной Данаи. Идея, мысль—онѣ-то и могутъ озолотить человѣка; конечно, при этомъ онъ долженъ обладать нѣкоторымъ реальнымъ фондомъ...

— Что-жъ, у васъ были... есть такія идеи?

— Какъ не быть!.. Живой-же вѣдь я человѣкъ. Вы, Лукія Николавна, какъ видно, совершенно незнакомы съ духомъ времени, да и вообще—не знаете современной жизни. Позвольте (простите за дерзость!) просвѣтить васъ?...

— Ахъ, пожалуйста! Прежде я совсѣмъ не интересовалась этимъ, а теперь...

Она сжала губки и опустила глаза.

— О, мама навѣрно полюбитъ васъ! Да, я чувствую, что буду съ вами счастлива!... Постойте... Значитъ, все дѣло въ томъ, чтобы имѣть... только... деньги... для начала? Неужели-же тридцати тысячъ мало для этого?..

— Нѣтъ, довольно... Да другой и съ меньшаго отлично начинаетъ. Умъ, ловкость—вотъ рычаги! Ужъ если пошло на откровенность, то... знаете, вѣдь я имѣю въ виду наслѣдство тысячъ въ двадцать!..

— Да?... такъ и говорить нечего! Ну, просвѣщайте-же, просвѣщайте меня!

— Какъ глаза у нея разгорѣлись! Гм! однако, я удачно попалъ въ этотъ разъ на дачу... О, старые знакомые лучше новыхъ двухъ!.. Изольте, заговорилъ онъ громко:—но мнѣ придется много кое-чего поразсказать вамъ изъ современной жизни; или, можетъ быть, не вдаваться въ подробности?..

— О, нѣтъ, поподробнѣе! воскликнула Лукія Николаевна.—Знаете что?.. Вы свободны по вечерамъ?

— Свободенъ.

— Ну-съ, такъ будемъ каждый вечеръ отъ семи до восьми часовъ кататься въ лодкѣ. Вы будете разсказывать, я—слушать; хотите?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Начать прикажете?

— Начинайте, Леонидъ Антонычъ!

Онъ началъ, но скоро долженъ былъ остановиться на интересномъ мѣстѣ, потому что пора уже было домой къ чаю.

* * *

На другой день, ровно въ семь часовъ вечера, Леонидъ Антонычъ явился на назначенное мѣсто. Лукія Николаевна уже была на плоту. Отцѣпивъ лодку, они вошли въ нее и поплыли. Онъ сѣлъ за весла, она—за руль.

— Ну-съ, продолжайте о... желѣзно-дорожныхъ дѣятеляхъ, такъ кажется? спросила Лукія Николаевна.

— Такъ, такъ. Слушайте.

. . . . . .

Возвращаясь домой, Леонидъ Антонычъ бормоталъ:

— Она съ каждымъ днемъ все больше и больше заинтересовывается, но... она стала серіознѣе, будто выросла!.. Лицо поумнѣло—именно поумнѣло!.. Удивительно, какъ это женщины способны быстро усвоивать все!.. Какъ она быстро развилась за это время!...

И онъ поглаживалъ свою бородку.

* * *

— Я кончилъ, Лукія Николавна! Вѣдь сегодня седьмой вечеръ... Цѣлая недѣля прошла!.. Но вы что-то блѣдны? замѣтилъ Леонидъ Антонычъ,—здоровы-ли вы?

— Здорова. Я устала...

— Но рулемъ такъ легко управлять...

— Да, но если ихъ два...

— Два? Гдѣ-же другой?...

— Вы кончили?.. Благодарю васъ. Послѣдняя ваша фраза: «après nous le déluge!» совершенно просвѣтила меня. Картина, нарисованная вами, благодаря этой французской фразѣ, получила настоящій свой колоритъ: свѣтъ и тѣни рѣзче обозначились...

— О, ужъ вы меня въ художники пожаловали! воскликнулъ Леонидъ Антонычъ и, торжествуя успѣхъ свой, протянулъ руку и проговорилъ:

— Позвольте-же вашу, Лукія Николавна!

И вдругъ рука его дрогнула: онъ былъ пораженъ выраженіемъ лица дѣвушки, онъ не узнавалъ ее! Передъ нимъ сидѣла совсѣмъ другая Лукія Николаевна—глаза ея блестѣли не дѣтски-довѣрчиво, между бровями легла складка, губы не улыбались пріятно...

— Нѣтъ, руки—я—вамъ—не дамъ, отвѣтила она, отчеканивая каждое слово.

Леонида Антоныча всего передернуло. Онъ замигалъ, покраснѣлъ, потомъ пожелтѣлъ и тихо спросилъ:

— Но... почему-же?...

— Гребите-же, я правлю къ берегу.

Оба замолчали. Минутъ черезъ пять лодка причалила къ плоту. Лукія Николаевна первая вышла, вытянула цѣпь, притянула ее къ кольцу, ввинченному въ бревно, и замкнула на ключъ.

— Вы спрашиваете: почему? (Она выпрямилась). А вотъ почему: я не подаю руки не-зна-ко-мымъ. Я уже не считаю васъ своимъ знакомымъ и, надѣюсь, что вы больше не посѣтите насъ.

— Но... ради Бога, Лукія Николавна! Что-же такое я...

— Сдѣлалъ? подхватила она.—Ничего вы не сдѣлали. Я только узнала васъ... Понимаете? При первой встрѣчи съ вами, во мнѣ шевельнулось что-то похожее на любовь къ вамъ... Да, снаружи вы мнѣ понравились! Но этого было мало. Я хотѣла непремѣнно узнать, что собственно вы такое—и узнала. То, что вы мнѣ такъ прекрасно разсказывали—я давно и безъ васъ знала. Мнѣ нужно было видѣть вашу душу, узнать ваши симпатіи. Я съумѣла заставить васъ высказаться откровенно, и вы—высказались. Вы думали, что передъ вами—дѣвочка, существо ничего несмыслящее, пустое,—и жестоко ошибались. Я лгала на себя, лгала на мама, я—правила лодкой и въ то-же время - разговоромъ. Какъ видите, благополучно добралась до берега... Прощайте!

Лукія Николавна повернула на лѣво и быстро пошла къ дачѣ.

Леонидъ Антонычъ стоялъ нѣсколько секундъ неподвижно, потомъ поправилъ галстухъ, издалъ какой-то неопредѣленный звукъ, дрыгнулъ одной ногой и, не торопясь, отправился направо.

* * *

Въ тотъ-же вечеръ, въ Излеровскомъ саду, за однимъ изъ столиковъ, сидѣло двое мужчинъ. На столикѣ стояла опорожненная бутылка Шабли. Разговоръ возобновился.

— Ты, Леонидъ, что-то сегодня не въ духѣ?

Библиотека "Руниверс"

— Да, не въ духѣ. Я, братъ, сегодня потерялъ 30,000 рублей.
— Ну-ну?! Быть не можетъ!
— Честное слово. Потерялъ! Тридцать тысячъ, не считая процентовъ по день моей смерти... Да!...
— Шутишь! Да какъ же такъ?..
— Длинная, братъ, исторія... А, впрочемъ, чортъ ее дери— разскажу!...

—Ъ

Пути перелетныхъ птицъ.

(По Пальмеру).

Снова уже всѣ наши лѣтніе гости здѣсь. Въ мартѣ мѣсяцѣ появился жаворонокъ съ извѣстіемъ, что остается лишь «мѣсяцъ до лѣта», однакожъ говоря правду, довольно длинный мѣсяцъ, въ 8—9 недѣль. Потомъ прилетѣлъ зябликъ, сообщая, что остается лишь «полъ-мѣсяца». Наконецъ появилась ласточка въ началѣ мая—и вотъ ужъ полное лѣто. Всѣ рощи полны крылатыхъ пѣсенниковъ, всѣ воды переполнены этими веселыми крикунами. А надъ собою мы день и ночь только и слышимъ свистъ и громъ въ воздухѣ, будто поѣздъ за поѣздомъ пролетаетъ мимо насъ, чтобы поселиться на лѣто въ еще болѣе сѣверныхъ странахъ.

Во всѣхъ хорошо-организованныхъ странахъ первый вопросъ, который предлагаютъ путешественнику, это—откуда прибылъ и по какимъ дорогамъ путешествовалъ,—однимъ словомъ: съ него требуется паспортъ. По тому слѣдовало бы требовать паспорта и отъ этихъ пернатыхъ проѣзжихъ при первомъ съ ними свиданіи. Однакожъ какъ это устроить? Вѣдь въ обширномъ воздушномъ пространствѣ до сего времени не учреждено ни одной полицейской управы, ни одной таможни; тамъ нѣтъ ни консуловъ, ни министровъ, которые бы визировали паспорты этихъ пернатыхъ путешественниковъ—въ томъ, что они дѣйствительно держатъ вѣрный и законный путь.

Въ догадкахъ и различныхъ мнѣніяхъ о путяхъ перелетныхъ птицъ недостатка никогда не было. По мнѣнію прадѣдовъ нашихъ, млечный путь составлялъ то направленіе, по которому отправлялись перелетныя птицы; это—блестящій, по небу проходящій звѣздный поясъ, который и называется на финскомъ народномъ нарѣчіи *птичьимъ путемъ*. Наши ученые также какъ и иностранные долго держались того мнѣнія, что перелетъ птицъ совершается въ прямомъ направленіи, весною съ юга на сѣверъ, а осенью съ сѣвера на югъ. Причину же того, что птицы опять находятъ свои старыя гнѣзды, въ чемъ убѣждали тысячи примѣровъ, — объясняли различными доводами, изъ которыхъ одинъ другаго мудренѣе. Стихотворцы пѣли о любви птицъ къ родинѣ, которая руководила ими на неизвѣстныхъ путяхъ; ученые же не обращали никакого вниманія на эту любовь, а говорили, будто у птицъ были тайные проводники. Другіе увѣряли, что магнетическая сила сѣверной оси держала птицъ за клювъ какъ бы за остріе желѣза, почему онѣ и не могли отвлекаться отъ настоящаго пути. Многіе наконецъ предполагали, что въ птицахъ есть природное къ тому побужденіе—какой-то инстинктъ, руководящій ими.

Относительно этого полета птицъ наука только въ послѣднія десятилѣтія попала на вѣрный путь. Стали замѣчать, что не во всѣ мѣста отправляется одинаковое количество птицъ и что птицы эти не одинаковой породы. Также было замѣчено, что онѣ не могутъ перелетать чрезъ высокіе горные хребты, а тянутъ безчисленными стаями сквозь узкіе промежутки высокихъ горъ. Наблюденіемъ же убѣдились, что гораздо болѣе пролетаетъ вдоль береговъ рѣкъ, нежели по странамъ безводнымъ. Наконецъ замѣчали, что путь перелетныхъ птицъ не идетъ прямо на сѣверъ или на югъ, а дѣлаетъ различные изгибы. Слѣдовательно, избраніе того или другаго пути должно было имѣть иную причину, нежели одно таинственное, неизслѣдованное, природное побужденіе. Надѣюсь, что читатели мои не утомятся въ благосклонномъ своемъ вниманіи, если руководствуясь вышедшимъ въ Гельсингфорскомъ университетѣ сочиненіемъ, объясняющимъ многое по сему предмету, мы постараемся изложить то, что̀ наукѣ въ настоящее время извѣстно о путяхъ перелетныхъ птицъ.

Мы сказали, что ни полиціямъ ни таможнямъ эти птицы не извѣстны. Однакожъ у весьма многихъ породъ птицъ есть своеобразный видъ и своеобразный путевой порядокъ, которые видны на далекомъ разстояніи, или же наконецъ далеко слышимый своеобразный голосъ. Эти-то признаки служатъ вмѣсто *паспорта*, по которому естествоиспытатель узнаетъ ихъ при полетѣ. Весьма часто опускаясь на землю для отдыха и снабженія себя пищею, нѣкоторыя изъ нихъ дѣлаются добычею человѣка. Вотъ ихъ и *таможенная пошлина*, черезъ которую проѣзжіе также становятся знакомыми.

При разборѣ полученныхъ такимъ образомъ свѣдѣній, не разъ было замѣчено, что во внутреннихъ частяхъ *Норвегіи* никогда не находили никакихъ породъ птицъ, прилетающихъ съ самаго сѣвера—какъ-то: *саутокъ*, разныхъ породъ дикихъ *гусей*, *чаекъ* и многихъ *береговыхъ птицъ*, хотя огромныя стаи ихъ находились на *сѣверномъ и западномъ морскихъ берегахъ* до самаго Ливдеспенскаго мыса. На южномъ берегу этихъ же перелетныхъ птицъ или совсѣмъ не встрѣчаютъ или въ весьма незначительныхъ стаяхъ. Въ *Англіи* также весьма рѣдко замѣчали эти породы во внутренности страны, за то кишитъ ими *восточный морской берегъ*—и такое же множество различныхъ породъ ихъ какъ и въ Норвегіи. Очевидно, путь перелетныхъ птицъ изъ Норвегіи идетъ по берегу ея, потомъ обращается *на западъ* черезъ балтійское море въ Англію и потомъ по этой странѣ идетъ южно-восточномъ направленіи. На юго-восточномъ мысѣ Англіи путь этотъ очевидно склоняется къ западу, слѣдуя по южному берегу, потому тамъ и встрѣчаются тѣ же породы птицъ. Однакожъ одно обстоятельство насъ все таки удивляетъ: число птицъ въ этихъ странахъ еще огромнѣе и тутъ даже встрѣчаемъ нѣкоторыя породы до сего времени еще незамѣченныя нами, напр. небольшую породу лебедей (cygnus Bevickii) и гуся краснощейку, которыхъ мы не видали ни въ Норвегіи ни на восточномъ берегу Англіи. Какимъ же путемъ они туда попали?

Если потомъ будемъ изслѣдовать свѣдѣнія, полученныя изъ *Финляндіи*, то здѣсь находимъ многія породы, видѣнныя нами въ Норвегіи и кромѣ того тѣ, которыя были видимы на южныхъ берегахъ Англіи. Здѣсь, въ Финляндіи, эти породы крайняго сѣвера также весьма рѣдко попадались во внутренности страны какъ и въ Ботническомъ заливѣ; путь ихъ здѣсь идетъ единственно *по южному берегу*. Въ *Швеціи* ихъ также вовсе не встрѣчаютъ ни въ Ботническомъ заливѣ ни во внутренности государства, но за то попадаются тѣ же породы въ таковомъ же количествѣ на *восточномъ и южномъ* берегахъ, какъ и въ Финляндіи. Попадаются они также и на западномъ берегу, однакожъ только весьма незначительными стаями, подобно какъ и на южномъ берегу Норвегіи. Другая вѣтвь этого пути идетъ черезъ Финскій заливъ и крайнюю полосу Балтійскаго моря по берегамъ *Эстляндіи*, *Лифляндіи*, *Курляндіи* и *Германіи*. Но и здѣсь путь этихъ птицъ весьма рѣдко заворачиваетъ во внутреннія части материка. Чрезъ болѣе южные острова, *Данію*, *Шлезвигъ* и *Голстинію* путь перелетныхъ птицъ идетъ подобно разливающейся рѣкѣ. Не возможно ни словомъ объяснить, ни живописью изобразить эту кипучую жизнь во всякую тамъ весну и осень. Здѣсь именно соединяются оба пути къ Балтійскому морю, а вмѣстѣ съ тѣмъ число птицъ увеличивается еще тѣми прилетающими птицами, которыя путешествовали по южному берегу Норвегіи и западному берегу Швеціи,

Съ берега Балтійскаго моря въ *Германіи*, а также съ песчаныхъ мелей *Голандіи* и *Бельгіи* дошли до насъ свѣдѣнія объ огромныхъ стаяхъ птицъ. Здѣсь мы въ первый разъ слышимъ, что и внутри страны находится ихъ довольно значительное количество. Небольшое число гусей, чаекъ и береговыхъ птицъ ежегодно направляется вверхъ по рѣкѣ Рейну, потомъ въ Швейцаріи онѣ перелетаютъ на берега верхней Роны, по которой слѣдуя долетаютъ до западной половины Средиземнаго моря. Большая же часть путешественниковъ изъ Бельгіи продолжаетъ свой путь по обоимъ берегамъ *Ламаншскаго канала*, а потомъ по *западному* берегу Франціи, взявъ съ собою и товарищей, прибывшихъ изъ Норвегіи.

Большія стаи однакожъ уже раньше выбрали себѣ зимнія квартиры. Гага гребенчатая (Somatoria spectabilis) и двѣ три породы чаекъ остались на берегахъ Норвегіи или Финскаго залива. Саутки большею частію послѣдовали ихъ примѣру, но часть ихъ дошла до Ламаншскаго канала, куда ихъ провожала большая часть дикихъ гусей. По французскому берегу продолжаютъ свой путь лишь чайка трехпалая, а также и большая часть береговыхъ птицъ. Первую изъ этихъ птицъ видѣли летающею на Канарскихъ островахъ, а послѣднихъ взвивающихся на воздухѣ даже въ землѣ Дамаръ—на самомъ югѣ Африки. Прослѣдивъ такимъ образомъ путь перелетныхъ птицъ до зимнихъ квартиръ ихъ, намъ нужно также отыскать мѣста, гдѣ находятся ихъ лѣтнія жилища. Въ Норвегіи, какъ мы уже видѣли, путь перелетныхъ птицъ идетъ по сѣверному берегу этой страны. Откуда же они попали туда? Съ востока они не могли прибыть, потому что въ Россійской Лапландіи, кромѣ нѣкоторыхъ породъ береговыхъ, ихъ вовсе не находили. Но въ прямомъ направленіи отъ сѣверной Норвегіи находятся Шпицбергенскіе острова—тамъ гнѣздится большая часть ихъ, исключая нѣкоторыя породы, которыя поселяются еще сѣвернѣе, на неизвѣстныхъ до сего времени островахъ Ледовитаго океана. Птицы, отправляющіяся по Фивскому заливу, тамъ не могутъ имѣть мѣста жительства, потому что въ сѣверномъ направленіи на материкѣ а также и на берегахъ Ботническаго залива мы ихъ не встрѣчали. Намъ нужно слѣдовательно обратиться къ востоку. Здѣсь—въ этой суровой пустынѣ, между Ладожскимъ и Онежскимъ озерами и Двинскою губою, наука дѣйствительно не можетъ служить намъ руководительницею потому что страна эта еще очень мало изслѣдована. Но вмѣсто того языкъ тамошнихъ

Библиотека "Руниверс"

жителей, живущихъ въ безпрерывной связи съ природою, приводитъ насъ опять на вѣрный слѣдъ. Югозападный вѣтеръ называется корелами на финской и на русской сторонѣ границы *птичьимъ вѣтромъ*, потому что они замѣтили, какъ стаи перелетныхъ птицъ (летающія охотнѣе противъ вѣтра, чтобы перья ихъ не стали дыбомъ) осенью являются обыкновенно при этомъ вѣтрѣ. При устьѣ рѣки Двины и у Бѣлаго моря намъ опять же помогаютъ нѣкоторыя наблюденія, удостовѣряющія, что большая часть птичьихъ породъ, пролетающихъ черезъ Финскій заливъ, несомнѣнно оттуда прибыли. На берегахъ Лапландскихъ островъ, какъ уже мы сказали, многихъ изъ этихъ птичьихъ породъ не находили, слѣдовательно, нужно искать ихъ слѣды еще восточнѣе. Впрочемъ берега Ледовитаго моря такъ незнакомы намъ, что наука не даетъ еще никакихъ точныхъ указаній. Но на островахъ *Новой земли и Вайгачъ* нашли многія породы, вившія тамъ свои гнѣзда, и другія, прилетающія изъ еще болѣе сѣверныхъ, неизвѣстныхъ земель. Однакожъ нѣкоторыхъ породъ и тамъ не нашли, а для открытія ихъ жилищъ намъ слѣдуетъ обратиться еще болѣе на востокъ, до полуострова *Таймирскаго*, отдаленнѣйшаго на нашей картѣ.

(Окончаніе будетъ).

Смѣсь.

Средство противъ выпаденія шерсти у овецъ. Всѣ испытанныя до сихъ поръ средства противъ выпаденія шерсти у овецъ—оказывались или вовсе не дѣйствительными, или имѣли лишь мѣстное значеніе. Намъ сообщаютъ одно средство, и хотя мы не можемъ положительно утверждать, что оно непремѣнно должно помогать во всевозможныхъ случаяхъ, но опыты, произведенные надъ нимъ, дали удовлетворительные результаты. Это именно двууглекислый натръ. Большіе камни въ полѣ сильно натирались древеснымъ дегтемъ и на него посыпали Natrum bicarbonicum (двууглекислый натръ). Животныя съ жадностью лизали его, и выпаданіе шерсти прекращалось. Такъ какъ причиной выпаданія шерсти могло быть какое нибудь внутреннее болѣзненное состояніе, напримѣръ какое нибудь окисленіе въ желудкѣ, что порождало въ животныхъ склонность къ соли, то это и дало поводъ произвести переданный выше опытъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Іероглифы (съ рисунками). — Дорогобужъ (съ рисункомъ). — Орелъ дѣвка (изъ жизни въ тирольскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмины фонъ Гиллернъ-Бирхъ. — Красная болотная дичь (съ рисункомъ). — Ловкій рулевой съ рисункомъ).— Пути перелетныхъ птицъ (съ картою). — Смѣсь.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Сего 1-го АВГУСТА вышла и разослана подписчикамъ VIII-я, АВГУСТОВСКАЯ, книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА"

Содержаніе книги: I. Архимандритъ **Фотій**, настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря: историко-біографическій очеркъ по его бумагамъ, 1798—1838 гг., сост. Е. П. **Карновичъ** (окончаніе).—II. Дневникъ и литературныя замѣтки **Вильгельма Кюхельбекера**, писанныя въ Динабургѣ, 1831—1832 гг.—III. Петербургскій Воспитательный домъ подъ управленіемъ И. П. Бецкаго, историческое изслѣдованіе А. П. **Пятковскаго**, глава четвертая.—IV. Записки Ивана Степановича **Жиркевича**, главы IX—XI: событія 1815—1820 гг.: дѣло о дуэли въ гвардейской артиллеріи;—знакомство съ Сергѣемъ Каменскимъ и разсказы о его чудачествахъ;—семейство гр. Чернышева и проч.—Александръ Николаевичъ **Сѣровъ**, 1820—1871 гг.,—очеркъ его жизни; письма и музыкальные его очерки, 1840—1841 гг., съ примѣчаніями В. В. **Стасова**.—VI. Князь Паскевичъ въ эпоху Крымской войны, 1854—1855 гг., историко-критическій очеркъ съ замѣтками и примѣчаніями г. **Шильдера**.—VII. Взрывъ Павловскаго форта въ Севастополѣ, 29-го августа 1855 года, разсказъ очевидца.—VIII. Императоръ Александръ I въ селѣ Понизовьѣ въ 1816 году.—IX. Библіографическій листокъ русскихъ историческихъ книгъ.

Приложенія. 1. Къ этой книгѣ приложены: I. Записки о Россіи генерала **Манштейна**, 1727—1744 гг. Гл. IX—X, событія 1737—1739 гг., переводъ съ подлинника французской рукописи.—II. Рисунокъ памятника Александру I въ селѣ Понизовьѣ, въ Калужской губерніи.

ПОДПИСКА на „Русскую Старину" изд. 1875 г. продолжается. Цѣна за 12-ть книгъ, со всѣми приложеніями: портретами, рисунками и снимками—ВОСЕМЬ рублей съ пересылкой. (*Осталось 87 экземпляровъ*).

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"—въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Базунова** (Невскій, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ив. Григорьевича **Соловьева**—на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

☞ Гг. **Иногородныхъ** подписчиковъ просятъ **исключительно** обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ" въ С.-Петербургъ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1872 г. изданіе второе, можно получить всѣ 12 книгъ съ приложеніями, цѣна восемь рублей съ пересылкой. (Осталось 30 экз.).

Только что отпечатано и поступило въ продажу **третье изданіе** перваго года «Русской Старины», т. е. 1870 г., въ трехъ томахъ, 2,700 страницъ, съ двумя гравированными портретами (А. Т. Болотова и Пугачева), шестьюдесятью пятью рисунками и виньетками, снимками съ подлинныхъ писемъ кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго изъ-подъ Измаила, 1790 г.—и съ предсмертнаго письма композитора М. И. Глинки, и проч.

Лицамъ заблаговременно подписавшимся на **третье** изд. «Русской Старины» 1870 г.—сборникъ этотъ нынѣ же высылается.

Желающіе получить «Русскую Старину» 1870 г. благоволятъ высылать **восемь** рублей и журналъ будетъ немедленно высланъ, всѣ три тома.

ОБЪЯСНЕНІЕ СИМВОЛА ВѢРЫ, МОЛИТВЪ И ЗАПОВѢДЕЙ

Священника **Гр. Чельцова.**

Цѣна 20 коп. безъ пересылки (при текстѣ много прекрасныхъ рисунковъ), продается во всѣхъ книжн. магаз. и у автора (С.-Петербургскія Градскія богадѣльни, близъ Смольнаго монастыря).

Учебникъ этотъ одобренъ Св. Сунодомъ, Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній и Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

ПАНСІОНЪ ДЛЯ ДѢВИЦЪ

Г-жи СТРАХОВОЙ.

(По Вознесенскому просп. близъ Б. Садовой ул., въ домѣ Соловьевыхъ № 41).

Классы начнутся 18 Августа. Пріемъ воспитанницъ ежедневно отъ 10 до 3-хъ часовъ.

Учебное заведеніе 1-го разряда

съ полнымъ курсомъ **Классической гимназіи**

содержимое Э. РЕПМАНОМЪ въ Москвѣ.

Помѣщается, на Гончарной ул., близъ Яузскаго моста въ д. Степановой.

Пріемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа. 10—3

Настоящія почтовыя марки всѣхъ государствъ дешево продаются:

Большой Каталогъ (5000 №) съ 72 раскрашенными начертаніями, цѣна 1 марки (30 коп.) (прежде 2 марки).

Иллюстрированный журналъ для почтовыхъ марокъ на 2 года (каждый нумеръ съ многими иллюстраціями) цѣна за годъ 3 марки (90 коп.)

Пробный листъ и прейсъ-курантъ безплатно.

Покупка и продажа почтовыхъ марокъ

ЛУИ ЗЕМФЪ въ Лейпцигѣ, Германія.

6—3

„Летучая библіотека"

выпускается каждый мѣсяцъ въ 3—4 томикахъ; **цѣна** за каждый томикъ **15, 20 и 25 копѣекъ**. Каждый томикъ заключаетъ въ себѣ, вполнѣ законченный **романъ, разсказъ** или **повѣсть** современныхъ писателей.

Желающіе получить книги по мѣрѣ ихъ выхода вносятъ до разсчета одинъ рубль, адресуясь въ С.-Петербургъ, въ типографію кн. В. Оболенскаго, въ Николаевской ул. домъ № 8.

ВЪ ІЮНѢ ВЫШЛИ:

МАРТЕНЪ НАЦЪ. Разсказъ Жюля Верна, цѣна 20 к. ВАРХАТНАЯ МАСКА. Разсказъ Сорра, цѣна 20 к. БЛИЗНЕЦЫ. Разсказъ Экштейна, ц. 15 к. ЗАПИСКИ ЗАСТРѢЛИВШАГОСЯ ГИМНАЗИСТА. Разсказъ К. В. М. (автора „Женщины большаго свѣта"), цѣна 25 к.

ВЪ ІЮЛѢ ВЫШЛИ:

ПРИВИДѢНІЕ. Разсказъ Увльки Колиза, цѣна 20 к. ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЕ АНЕКДОТЫ. ц. 15 к. ДУЭЛЬ ИЗЪ-ЗА ЖЕНЫ и КЛУБНАЯ ЛЕГЕНДА. Два разсказа В. Блэка, ц. 15 к. ИЗЦѢЛЕНІЕ. Разсказъ Динклага, ц. 20 к.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 29 Іюля 1875 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб. Больш. Морская, д. № 9. Тип. **Веллинга**, Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 33 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 17 Августа 1875 г. Цѣна втого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА" на 1875 годъ.

Маргарита Савойская, супруга принца Гумберта Піемонтскаго, наслѣдника Итальянскаго престола.

Принцесса Маргарита Савойская родилась 20-го ноября 1851 г. Она дочь герцога Фердинанда Савойскаго, брата короля Виктора-Эммануила, слѣдовательно двоюродная сестра принца Гумберта, съ которымъ и сочеталась бракомъ.

Принцъ Гумбертъ родился 14-го марта 1844 г.; мать и бабка его были принцессами австрійскаго дома, и при частыхъ посѣщеніяхъ принцемъ австрійскаго двора, надѣялись на союзъ его съ принцессой изъ габсбургскаго дома, какъ вдругъ было объявлено обрученіе принца Гумберта съ двоюродной его сестрою, принцессою Маргаритою Савойской. Выборъ наслѣднымъ принцемъ итальянскаго престола невѣсты изъ итальянскадома — вызвалъ энтузіазмъ въ итальянцахъ, 22-го апрѣля 1868 г. Италія съ восторгомъ праздновала бракосочетаніе будущаго руководителя своихъ судебъ съ одной изъ прелестнѣйшихъ принцессъ въ Европѣ, и со всѣхъ концовъ Италіи посылались юной четѣ горячія желанія счастія.

Кромѣ ума и сердечной доброты, располагающей къ ней всѣ сердца, принцесса Маргарита замѣчательна своей рѣдкой красотой. Прилагаемый здѣсь портретъ ея даетъ лишь слабое понятіе о прелести этого молодаго лица, полнаго ума, жизни и женственной нѣжности.

Маргарита Савойская, супруга принца Гумберта, наслѣдника Итальянскаго престола. Съ фотографіи грав. Пейне.

Библиотека "Руниверс"

Орелъ-дѣвка.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

Милостивая улыбка заиграла на ея губахъ, словно она была царица, съ миртовымъ вѣнкомъ на головѣ. Опустивъ красивую свою голову, Валли съ нѣкоторою застѣнчивостью отвѣтила нарочному, что она будетъ ожидать Іосифа.

Викентій, блѣдный, нѣмой, стоялъ, прислонившись къ дереву. Онъ былъ похожъ на призракъ, явившійся изъ мрака прошедшаго. Валли бросила на него сострадательный взглядъ—теперь уже ей нечего было бояться его... Теперь всѣ отнесутся къ ней съ должнымъ уваженіемъ, никто не дерзнетъ промолвить о Валли что́ нибудь худое!...

Она не вошла, а скорѣе—влетѣла въ домъ, и съ такимъ радостнымъ лицомъ, что увидѣвшіе ее глаза вытаращили и ротъ разинули. Но Валли не могла усидѣть дома: набивъ карманъ деньгами, она отправилась разгуливать по деревнѣ и разсыпать счастье направо и налѣво, какъ благодѣтельная фея. Такъ какъ деньги она считала *своими*, а домъ, землю и все прочее уже принадлежащими Гельнеру, то и не жалѣла денегъ, бросая ихъ щедрою рукою чуть-ли не въ каждой избѣ. И все таки Валли была еще довольно богата: законная часть наслѣдства, слѣдующая ей по завѣщанію Штромингера, составляла почти цѣлое состояніе, такъ что она могла зажить съ Іосифомъ припѣваючи и даже оказывать помощь неимущимъ, быть благодѣтельницей для окружающихъ.—Валли ужасно захотѣлось каждому встрѣчному сдѣлать что нибудь пріятное, хоть чѣмъ нибудь осчастливить, потому что счастье, которое она теперь впервые испытывала—давило ее своею громадностью; нужно было подѣлиться имъ.

До праздника оставалось только два дня—и эти два дня для всей Солнечной площадки были какими-то чудесными, полу-сказочными. Валли просто узнать не могли: эта мрачная, злобствующая, раздражительная дѣвушка совсѣмъ просіяла, счастьемъ вѣяло отъ каждой складки ея платья; казалось, незримыя крылья выросли у нея за плечами, такъ она легко и плавно скользила по землѣ!... Солнечный лучъ упалъ на цвѣтокъ, смятый градинами, помертвѣвшій подъ морознымъ дыханіемъ,—и одного этого луча было довольно, чтобы оживить его, расправить поблёкшіе лепестки. Сердце было угнетено, почти разбито, но въ немъ таилась безпредѣльная сила—то была сила любви и злобы, радости и горя, самоотверженія и упорства, энергіи и стойкости. Въ тотъ день, когда Валли освободилась отъ мрачнаго, злобнаго духа, давившаго всѣхъ подобно свинцовой грозовой тучѣ,—все населеніе Солнечной площадки вздохнуло свободнѣе, какъ-бы стряхнувъ ярмо съ своихъ плечъ.

— Когда счастье, такое какъ мое, посѣтитъ человѣка—пусть всѣ тогда возрадуются! говорила Валли, и вотъ, въ короткое время, вездѣ уже знали, что Орель-Дѣвка совсѣмъ другой стала; а причина та̀, что Іосифъ пригласилъ ее протанцовать съ нимъ—другими словами: объявилъ о намѣреніи своемъ сдѣлаться женихомъ Валли.

Что́-жъ, пусть говорятъ! Она не станетъ опровергать того, что̀, все равно, должно неминуемо совершиться черезъ нѣсколько дней... И зачѣмъ ей говорить, что это не правда, когда она любитъ его всѣмъ сердцемъ, больше всего на свѣтѣ?... Іосифъ сто́итъ такой любви, да онъ и самъ влюбленъ въ нее; въ противномъ случаѣ, развѣ послалъ-бы онъ ей такое приглашеніе?... И какъ это удивительно пріятно, сладко, имѣть возможность не скрывать своего счастья· пусть всѣ видятъ, что̀ на душѣ у Валли!...

Сталкиваясь съ ребятишками, она брала ихъ на руки и говорила имъ, что въ Петропавловскій день придетъ сюда Іосифъ-Медвѣжатникъ, тотъ самый что большущаго медвѣдя убилъ и спасъ Лизу въ Цвизельштейнѣ отъ взбѣсившагося быка... „И такъ ужъ онъ красивъ, и такой онъ силачъ, что вы глазенки вытаращите! Такого молодца вы и не видывали до сихъ поръ, да другаго такого и не найдется во всемъ мірѣ!“... Ребятишки были въ восторгѣ и цѣлый день забавлялись игрой, представляя Іосифа и медвѣдя.

Валли заиграла съ Ганзлемъ и, грозя ему пальцемъ, говорила:

— Ну, будь-же умницей, паинькой, когда Іосифъ будетъ здѣсь... Слышишь? Заранѣе говорю тебѣ, а не то̀—смотри ты у меня!...

Старому Клеттенмайеру и тѣмъ изъ работниковъ, которыхъ Валли отличала отъ прочихъ, было выдано новое праздничное платье. Всѣ они знали, почему это такъ, и громко болтали о такой новости, потому что „хозяйка“ и не думала запрещать имъ бесѣдовать объ этомъ.

По временамъ Валли уходила въ свою комнату, садилась тамъ и просиживала цѣлые часы, думая только о томъ: какъ же это случилось, что Іосифъ такъ внезапно перемѣнился, совсѣмъ иначе взглянулъ на нее?· Но ка̀къ она ни раскидывала умомъ, а сообразить все таки не могла, какимъ это образомъ этакое счастье свалилось вдругъ... Валли стала поглядывать теперь какъ-то особенно ласково на изображеніе святыхъ и сочла долгомъ отблагодарить ихъ за то, что они все такъ хорошо устроили, такъ чудесно порѣшили дѣло. Взглянувъ на карты, вѣерообразно прикрѣпленныя къ стѣнѣ, надъ кроватью, она фыркнула и проговорила:

— Хе! что-то вы теперь заговорите—а? То-то вотъ, сами теперь увидѣли, что ничего-то вы тогда не вѣдали!...

Но эти разрисованныя бумажки, скрывая тайны будущаго, глядѣли на Валли безмолвно и таинственно, устремивъ на нее свои красные и черные глаза... Такъ глядитъ заколдованная вещь, которая не можетъ выйдти изъ-подъ чаръ, потому что нѣтъ такого волшебника-чернокнижника, который изрекъ-бы слово освобожденія и разрушилъ чары. Вотъ, если-бы Люккардъ была жива, она конечно прочла-бы отвѣтъ картъ и передала-бы его Валли; но теперь эти карты были похожи на письмо, написанное цифрами, ключъ-же къ нему—потерянъ. Доживи старушка до этого дня—какъ-бы она порадовалась!...

А время такъ тянется... Валли даже подумывала о томъ, что ужъ не лечь-ли ей да и проспать до утра желаннаго дня, но—нѣтъ, гдѣ-же ей заснуть! Сгорая отъ нетерпѣнія, она и ночью не могла сомкнуть глазъ; безсонница мучила ее.

— Вотъ осталось всего двадцать четыре часа, говорила Валли,—а вотъ и всего-то двѣнадцать!...

Но вотъ наступило утро желаннаго дня. Пообѣдавъ, Валли отправилась въ свою комнату одѣваться. Мытью и причесыванью казалось и конца не будетъ: въ ней снова пробуждалось все женское, Валли снова стала дѣвушкой,—а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что она завертѣлась передъ зеркальцемъ, принялась обозрѣвать лицо, чтобы узнать, насколько она красива—и можетъ-ли понравиться Іосифу?.. Новая снуровка, роскошнѣе

Библиотека "Руниверс"

первой, появилась у нея вмѣстѣ съ большими филиграновыми булавками для головнаго убора. Изъ шкатулки, стоявшей на столѣ, Валли вынула эту снуровку и стянула ею корсажъ. Серебряныя финтифлюшки отличались такою-же ослѣпительною бѣлизной, какъ и рукава ея плоёной рубашки, а ужъ какъ позванивали эти маленькіе колокольчики—совершенно какъ свадебные!.. Отъ красныхъ ситцевыхъ занавѣсокъ на окнахъ—въ комнатѣ все отливало мягкимъ розовымъ цвѣтомъ; красивая фигура дѣвушки вся алѣла, какъ будто ее освѣщало пламя дѣвичьей страсти.—Покончивъ съ своимъ туалетомъ, Валли достала изъ той-же шкатулки увѣсистую, изукрашенную серебромъ, пѣнковую трубку—да какую—просто мое почтенье! Этакой трубки никто изъ здѣшнихъ и не видалъ никогда. Она уложила ее на ладонь и долго взвѣшивала, соображая: хороша-ли еще такая трубка для Іосифа?... Опустивъ снова руку въ шкатулку, Валли, какъ-то особенно бережно, что-то вытащила оттуда и вдругъ, застыдившись, посмотрѣла на дверь (хорошо-ли заперта?)... Она держала въ рукѣ кругленькую коробочку, въ которой лежало—кольцо. Вотъ оно вынуто... Изъ груди дѣвушки вырвался вздохъ, а на глазахъ ея заблестѣли слезы неизъяснимой радости и признательности.

Валли, сжимая кольцо въ рукѣ, невольно опустилась на колѣни... Давно уже не молилась она,—и вотъ теперь, передъ кольцомъ, губы ея шептали молитву... Да́, оно свяжетъ ее на вѣки съ тѣмъ человѣкомъ, котораго она полюбила всѣмъ сердцемъ!... И Валли теперь совершенно не слышала ни горделиваго шелеста своей шелковой юбки, ни задорнаго позвякиванья серебряныхъ финтифлюшекъ,—она молилась такъ горячо, такъ искренно, какъ молится ребенокъ, желая поблагодарить Господа Бога за то̀, что отецъ исполнилъ одно изъ самыхъ пламенныхъ его желаній.

— Хозяйка-то наша, пожалуй, до ночи прокопается, говорили дѣвушки-работницы, видя, что Валли такъ долго не выходитъ изъ комнаты.

Поселяне уже толпились передъ трактиромъ „Олень". Много набралось сюда народу: кто на ногахъ держался, да имѣлъ праздничное платье—непремѣнно шелъ къ „Оленю", такъ какъ всѣ были чрезвычайно заинтересованы вѣстью, что Валли будетъ танцовать съ Гагенбахомъ. Трактирщикъ, надѣясь на хорошій барышъ, пригласилъ даже музыкантовъ изъ Имста.

Валли распорядилась, чтобы одна изъ работницъ караулила наверху, у слуховаго окна, т. е. смотрѣла-бы на дорогу, и какъ только завидитъ Іосифа—сейчасъ дала-бы знать. Сама она уже вышла въ переднюю горницу: сердце ея билось, щеки горѣли,—а руками, холодными какъ ледъ, она прижимала къ груди тонкій платочекъ... Платочекъ этотъ былъ когда-то въ рукѣ ея матери: мать невѣстой вошла съ нимъ въ церковь

Въ карманѣ у Валли лежали трубка и кольцо, назначенныя Іосифу. Она стояла не шевелясь, она каждую секунду ждала—вотъ крикнутъ: „идетъ!", и это ожиданіе такъ томило ее, что она почти задыхалась въ жару нетерпѣнья... Эти минуты были едва-ли не самыя тяжелыя въ ея жизни.

— Они! Идутъ! крикнула караульная изъ слуховаго окна.—Съ Іосифомъ куча парней: тутъ и цвизельштейнцы, и зельденцы! Вонъ и хозяинъ „Ягненка"... Цѣлый полкъ!

Толпа любопытныхъ устремилась къ воротамъ Штромминтерова дома. Валли, все еще не выходя изъ комнаты, слышала уже топотъ шаговъ „цѣлаго полка"—и вдругъ толпа ахнула отъ удивленія: она увидѣла Валли. И въ ту-же минуту къ воротамъ подошелъ Іосифъ. Онъ былъ во главѣ процессіи.

Валли, такая скромная, но свѣтлая, величавая, какъ невѣста, гордящаяся такимъ женихомъ, встрѣтила желаннаго гостя.

— Это ты—Іосифъ?!...

Голосъ ея звучалъ такъ мягко, нѣжно, какъ никогда; Іосифъ поглядѣлъ на нее какъ-то странно, почти застѣнчиво, и опустилъ глаза.

По тѣлу Валли пробѣжала дрожь... Что̀-же это такое: случайно или... нарочно—Іосифъ засунулъ перо за ленту шляпы верхушкой внизъ? Вѣдь такъ обыкновенно парни засовываютъ перо тогда, когда думаютъ затѣять ссору?... Ну, конечно, сегодня-то это вышло случайно!..

Она была окружена любопытными, на нее смотрѣли во всѣ глаза,—и ей такъ было неловко, странно, что она даже не могла языкомъ шевельнуть. Іосифъ то̀же молчалъ... Валли глядѣла на него, не скрывая восторга, но онъ старался не смотрѣть ей въ глаза,—что̀-жъ, вѣрно, онъ тоже смущенъ, какъ и она!...

— Ну, идемъ! произнесъ наконецъ Іосифъ и подалъ ей руку.

Валли подала свою, и они молча двинулись впередъ, къ трактиру. Толпа повалила за ними.

Сто̀итъ поглядѣть даже на заходящее солнце, потомъ отвернуться—и въ глазахъ совсѣмъ потемнѣетъ. Съ Валли было теперь почти то же: она ощутила свѣтлое счастье, а между тѣмъ на душѣ у нея были потемки. Она не могла понять, почему это такъ, и находилась въ смущеніи; она не знала, что̀ творится съ нею, и, однакоже, чувствовала, что все какъ-то вышло иначе... противъ ожиданія.

Когда Іосифъ и Валли вошли на дворъ „Оленя"—грянула музыка. До слуха Валли долетѣла фраза изъ толпы: „Этакой красивой парочки ищи—не найдешь!"...

Она теперь только увидѣла, какъ много постороннихъ явилось съ Іосифомъ, и замѣтила, что сюда пришли всѣ *бывшіе* ея женихи. Валли опять начала сравнивать ихъ съ *нимъ* и, положа руку на сердце, могла сказать, что въ цѣлой кучкѣ жениховъ не было ни одного парня, который поспорилъ-бы съ Іосифомъ относительно статности и красоты. Онъ былъ между ними—царемъ, по фигурѣ и осанкѣ онъ отличался отъ всѣхъ бывшихъ тутъ мужчинъ, и Валли бросила на Іосифа восторженный взглядъ... Ка́къ грудь у него широка, какія стройныя, крѣпкія ноги!.. Посмотрѣвъ на Гагенбаха, всякій могъ понять, почему она предпочла его всѣмъ прочимъ.

И вдругъ глаза ея встрѣтились съ другими—такими черными, пронзающими, которыя были устремлены на Іосифа. какъ острые концы двухъ мечей. Это Викентій, забравшись въ толпу, посматривалъ такъ на Гагенбаха... А вотъ, тамъ-же, и другое лицо—печальное лицо Бенедикта Клёца: онъ задумчиво глядѣлъ на Валли. Когда она, раньше, проходила мимо него, онъ коснулся рукава ея рубашки и шепнулъ: „Валли, будь осторожнѣе! Они что-то замышляютъ противъ тебя... Не знаю, что̀ именно, но чувствую, что дѣло тутъ неладно":

Она только плечами шевельнула: боятся-ли ей чего нибудь, когда Іосифъ около нея!...

Танцующіе собирались уже въ пары; Валли съ Іосифомъ встала впереди всѣхъ. Зрителямъ очень хотѣлось видѣть, какъ они запляшутъ. Десятки глазъ завистливо посматривали на эту нарядную, выходящую изъ ряда вонъ парочку.

И вдругъ Іосифъ выпустилъ руку своей дамы и, принявъ почти торжественный видъ, проговорилъ громкимъ голосомъ:

— Валли! Я могу надѣяться (тутъ хозяинъ „Ягненка" махнулъ музыкантамъ—и музыка умолкла), что прежде чѣмъ мы пойдемъ плясать, ты дашь мнѣ поцѣлуй, котораго не могъ получить ни одинъ изъ твоихъ бывшихъ жениховъ?

Валли вспыхнула, зарумянилась и шепнула:

— Только не здѣсь, не при всѣхъ, Іосифъ!...

— Нѣтъ, именно здѣсь—при *всѣхъ*!

Она растерялась... И хотѣлось ей чмокнуть его, и стыдно было: поцѣловать мужчину на глазахъ у всѣхъ—ужъ это слишкомъ тяжело для такой цѣломудренной,

Библиотека "Руниверс"

застѣнчивой дѣвушки!... Да, но вѣдь передъ нею былъ тотъ, кого она любила горячо, искренно... И вотъ та минута, за которую она рада была-бы отдать годы жизни, пожалуй—всю жизнь,—наступила наконецъ! Что́-жъ, неужели ей поцеремониться какихъ нибудь непрошенныхъ свидѣтелей и отказать Іосифу въ его просьбѣ? Пусть говорятъ, что́ угодно: вѣдь она поцѣлуетъ—жениха *своего*!... Валли не долго колебалась—и приблизила красивое свое лицо къ лицу Іосифа. Глаза его впились въ алыя, цвѣтущія губы дѣвушки, но прошла секунда—и онъ невольно тихонько оттолкнулъ ее и сказалъ въ полголоса:

— Нѣтъ, не такъ... Истый охотникъ бьетъ вольную дичь, преслѣдуя ее. Вѣдь я тебѣ какъ-то разъ говорилъ это? Я не желаю, чтобы ты мнѣ подарила поцѣлуй: мнѣ хочется взять его силой у тебя, такъ сказать—*съ бою*. Я-бы на твоемъ мѣстѣ такъ дешево не раздавалъ-бы поцѣлуевъ. Такой дѣвушкѣ, какъ ты, это не пристало! Ну, защищайся, Валли! Борись такъ же, какъ боролась съ другими,—не уступай мнѣ, а то и похвастаться мнѣ нечѣмъ будетъ!...

Валли покраснѣла отъ стыда, словно огнемъ опалило ея лицо, и она хотѣла сквозь землю провалиться: вѣдь она совершенно забыла о своемъ словѣ! Самъ женихъ долженъ былъ напомнить ей о хвастливомъ ея вызовѣ... Все въ глазахъ Валли приняло красноватый оттѣнокъ, кровь плеснула ей въ голову—и Валли выпрямилась. Разгорѣвшіеся глаза ихъ встрѣтились.

— Ладно, промолвила она,—пускай будетъ по твоему. Тебѣ тоже нужно узнать, какова я—Орелъ-Дѣвка! Ну, увидимъ, какъ-то ты теперь поцѣлуешь меня!

Тяжело и порывисто дыша, Валли сдернула съ плечъ платокъ и явилась въ одномъ бархатномъ корсажѣ съ серебряной снуровкой. Тонкая бѣлая рубашка покрывала только половину груди. Іосифъ былъ пораженъ: глаза его были устремлены на прекрасную, обнаженную шею дѣвушки.

— Ахъ, и хороша-же ты! Настолько хороша, насколько и зла! пробормоталъ онъ—и кинулся на нее, какъ охотникъ на звѣря.

Крѣпко обхватилъ Іосифъ станъ Валли, но онъ не зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло,—не зналъ что́ такое Орелъ-Дѣвка; Валли дала ему одинъ толчокъ, но такой, который сразу освободилъ ее отъ противника. Въ толпѣ захохотали; особенно злорадно смѣялись тѣ, кому пришлось уже однажды потерпѣть это. Іосифъ, какъ видно, разгорячился, результатъ первой схватки задѣлъ его за живое; онъ, снова, своими желѣзными руками обхватилъ Валли и, громко вскрикнувъ, опять отступилъ: ударъ подъ ложечку заставилъ его опустить руки. Новый взрывъ смѣха.—Валли отлично знала дѣйствіе этого удара и всегда прибѣгала къ нему, желая избавиться отъ назойливости какого нибудь любезника,—и дѣйствительно, едва-ли кто могъ-бы выдержать такой ударъ! Іосифъ, затаивъ боль, почти съ остервенѣніемъ кинулся на дѣвушку, схватилъ ее за руки и старался приблизить лицо къ ея лицу, чтобы чмокнуть прямо въ губы; но она увернулась, и вотъ между ними началась напряженная борьба. Все замолкло, кругомъ; тишина прерывалась только изрѣдка проклятіями, которыя выкрикивалъ Іосифъ. Валли извивалась въ его рукахъ, какъ змѣя, такъ что ему никакъ не удавалось сорвать поцѣлуй съ ея губъ. На любовную—борьба эта уже не была похожа: казалось, они схватились и бьются на смерть, защищая жизнь. Раза три онъ пригибалъ ее къ землѣ и каждый разъ Валли вскакивала, выпрямлялась; онъ приподнималъ ее, она висѣла на его рукахъ—и все-таки ничего не выходило—не удавалось поцѣловать хоть что хочешь!.. Рукава тонкой рубашки совсѣмъ разорвались, разорвалась и серебряная снуровка... Вдругъ Валли высвободилась, выскользнула изъ его рукъ и кинулась къ дверямъ, но Іосифъ поймалъ ее и прижалъ къ себѣ. Гнѣвное, жаркое было это объятіе! Она чувствовала дыханіе его—горячее, почти огненное; она лежала у него на груди, слышала, какъ его сердце билось подъ ея сердцемъ и—совершенно ослабѣла, упала передъ нимъ на колѣни и, въ изнеможеніи, ощущая боль въ тѣлѣ, сгорая отъ стыда и любви, прошептала:

— Бери меня!...

— Ха-а! произнесъ Іосифъ, тяжело вздохнувъ:—что́, всѣ видѣли?!. и, нагнувшись, звучно прижалъ свои губы къ ея жаркимъ, трепетавшимъ губамъ.

Вся толпа грянула—ура!

Тутъ онъ поднялъ Валли, и она, чуть не въ обморокѣ, поникла головой на его грудь.

— Нѣтъ, стой! проговорилъ Іосифъ строгимъ голосомъ и отступилъ отъ нея.—Больше мнѣ не требуется—будетъ съ меня и одного поцѣлуя. Ну, что́—видѣла, могу я тебя заставить поцѣловаться? Вотъ и все, ничего больше мнѣ и не надо.

Валли широко открыла глаза... она смотрѣла на него, словно ничего не понимала, и вдругъ, поблѣднѣвъ какъ мертвецъ, пробормотала заикаясь:

— Но... зачѣмъ-же ты... Іосифъ... пришелъ сюда?

— Зачѣмъ? Ужъ не думала-ли ты, что́ я женихомъ твоимъ сюда явился?... Недавно, а именно на церковной процессіи, ты при всѣхъ объявила, что Афра—сокровище мое, что она изъ податливыхъ и что́ я, Іосифъ, не дерзнулъ-бы подъѣхать такимъ манеромъ къ Орелъ-Дѣвкѣ! Ну, и неужто ты серіозно полагала, что человѣкъ имѣющій совѣсть, честь, позволитъ говорить такъ о себѣ и о честной дѣвушкѣ? Мнѣ хотѣлось только доказать тебѣ, что совладать съ тобой я могу точно такъ же, какъ съ медвѣдемъ или другимъ какимъ нибудь звѣремъ. А поцѣлуй, который я взялъ у тебя сейчасъ, отнесу я Афрѣ: пусть онъ будетъ искупленіемъ за твою неправду, загладитъ то зло, которое ты сдѣлала ей. Постарайся не забыть этого урока, особенно, если гордость снова обуяетъ твое сердце. Это отвадитъ тебя, надѣюсь, обижать публично бѣдныхъ дѣвушекъ. Вотъ ты теперь сама попробовала, легко-ли вытерпѣть, когда видишь, что надъ тобой всѣ смѣются?...

Взрывъ хохота заглушилъ послѣднія слова Іосифа, но онъ сердито посмотрѣлъ на окружающихъ, давъ имъ понять, что никакихъ похвалъ себѣ не желаетъ.

— И такъ, всѣ вы—свидѣтели, что слово я сдержалъ? Теперь иду я въ Цвизельштейнъ, чтобы успокоить Афру. Она, бѣдняжка, плакала, узнавъ, что я хочу сыграть штуку съ Штроммингеровой Валли. Ну, счастливо всѣмъ оставаться!

Іосифъ пошелъ, за нимъ бросились всѣ. Толпѣ ужъ очень пришлось по вкусу эта „штука". Нѣтъ, гдѣ съ Іосифомъ тягаться! Одинъ онъ только и могъ совладать съ этой гордячкой—Валли.

— Ничего, пусть она скушаетъ это на здоровье! Такъ ей и надо!

— Ну, Іосифъ, ужъ вотъ одолжилъ! Лучше этой штуки у тебя и не было!

— Теперь на этакую невѣсту никто и вниманія не обратитъ!...

Такъ заглядѣли *бывшіе* женихи Валли, весело провожая Іосифа. Шутки такъ и сыпались.

Площадка, назначенная для танцевъ, живо опустѣла. Около Валли остались только двое—Викентій и Бенедиктъ. Она, не шевелясь, стояла все на томъ-же мѣстѣ, ничего не сознавая, ничего не чувствуя, какъ будто (такъ ей казалось) ея уже и въ живыхъ нѣтъ... Викентій, съ опущенными руками, молча глядѣлъ на нее. Но вотъ рофенскій Бенедиктъ приблизился къ дѣвушкѣ и, слегка дотронувшись до ея руки, заговорилъ:

— Эхъ, Валли, брось... не огорчайся такъ! Вѣдь мы тутъ, съ тобой, и готовы за тебя отомстить! Говори, прикажи, что́ дѣлать? На все пойдемъ, только слово скажи... Ну, Валли?...

Библиотека "Руниверс"

Она пошевелилась, большіе глаза ея сверкнули, но лицо какъ было—такъ и осталось безжизненнымъ, блѣднымъ... Она подергивала губами, какъ-бы силясь что-то выговорить—и, наконецъ, собравшись съ духомъ, скорѣе выкрикнула, чѣмъ проговорила:

— М-мертвымъ хочу его видѣть!...

Бенедиктъ попятился...

— Что̀ ты, Валли!... Боже тебя сохрани!..

А Викентій подскочилъ къ ней. Глаза у него горѣли.

— Валли, это ты взаправду—да?...

— А ты думалъ—въ шутку? Да̀, взаправду!..

Тутъ она простерла вверхъ руки (онѣ были блѣдны, съ посинѣвшими ногтями, какъ у мертвеца) и произнесла, какъ-бы давая клятву:

— Кто положитъ его мертвымъ у ногъ его Афры—за того пойду я! И это та̀къ же вѣрно, какъ вѣрно, что я Штроммингерова Вальбурга!...

(Продолженіе будетъ).

Дикая кошка.

Разсказъ тюрингенскаго охотника.

Въ холодную январскую ночь меня разбудили въ два часа по полуночи. Встать въ такую пору—для охотника дѣло не важное, и охотничій туалетъ мой былъ живо оконченъ; бѣлый холщевый плащъ, надѣтый сверхъ теплаго платья и обвернутая въ бѣлый платокъ шапка, довершавшіе его, дѣлали изъ меня настоящее привидѣніе. Съ тешперовскимъ ружьемъ за плечами и съ моимъ вѣрнымъ Гекторомъ, я поспѣшно оставилъ свою комнату, чтобы идти въ лѣсъ на барсучью нору, въ которой звѣрь этотъ, лежавшій уже нѣсколько недѣль въ глубокой зимней спячкѣ, основалъ свою постоянную резиденцію, и гдѣ отъ времени до времени находила себѣ убѣжище лисица, а въ позднѣйшее время скрывалась дикая кошка.

Цѣлью моего теперешняго похода было именно это хищное животное, выслѣженное наканунѣ и проползшее въ барсучью нору. Хотя дикая кошка никогда не живетъ постоянно въ одномъ мѣстѣ—сегодня она приткнется въ чью-нибудь нору, завтра спрячется въ чащѣ еловыхъ иглъ или на макушкѣ высокаго дерева,—однако на этотъ разъ, при снѣгѣ, на цѣлый футъ покрывавшемъ лѣсъ и поле, можно было надѣяться, что ночной хищникъ и сегодня не оставитъ своего сухаго, теплаго и просторнаго убѣжища. Я ускорилъ шаги. До лѣсной долины, у крутой стѣны которой находилась крѣпость моего звѣря, было всего полчаса ходьбы. Серебристый серпъ мѣсяца, мильоны звѣздъ, разливали великолѣпнѣйшее ночное сіяніе, освѣщая холодный зимній ландшафтъ, блиставшій въ богатомъ, ослѣпительно-сверкающемъ, бриллянтовомъ уборѣ. Всякій туристъ, посѣщающій гарцскій и тюрингенскій лѣсъ, навѣрно знаетъ столь богатую восхитительными видами гайнлейтерскую и киффгейзерскую горную цѣпь, которая тянется между обѣими главными горными массами. Въ этихъ горахъ водилось въ прежнія времена множество всякихъ звѣрей, а въ лѣтописяхъ тюрингенской охотничьей исторіи, особенно славились именно гайнлейтерскіе и киффгейзерскіе лѣса богатствомъ деревьевъ и дичи. Въ началѣ прошлаго столѣтія здѣсь водилась еще рысь; а ея близкая родственница, кровожадная дикая кошка, умерщвляющая все, что только она въ силахъ одолѣть, по сіе время умѣетъ скрываться здѣсь отъ безпощаднаго преслѣдованія человѣка. Я вошелъ въ отягченную снѣжными массами колоннаду, увѣнчанную сводомъ склоненныхъ другъ къ другу вершинъ, съ трудомъ пробираясь черезъ кусты, пригнувшіеся подъ тяжестью снѣга къ самой землѣ. Вотъ показались кучки земли, окружавшія нору словно крѣпостные валы. Забившаяся въ глубинѣ нора и сооруженные прилежаніемъ барсука, занесенные теперь снѣгомъ, проходы—представлялись на бѣломъ снѣжномъ покровѣ какой-то мрачной, коварной западней. Со всевозможными предосторожностями пробрался я къ своему мѣсту подлѣ толстаго бука, откуда я могъ обстрѣливать часть входныхъ отверстій.

Обратясь лицомъ къ сторонѣ Мальпартусбурга, съ ружьемъ на готовѣ, прислушивался я къ малѣйшему шороху. Вокругъ меня вся природа лежала въ мертвомъ снѣ; ни одного звука не было слышно подъ неподвижнымъ снѣговымъ покровомъ, ни одной живой твари не показывалось на немъ.

Внимательно и нетерпѣливо наблюдалъ я за каждой видимой прогалинкой, за каждымъ предметомъ. Вблизи меня раздался страшный крикъ и звонкій, пронзительный смѣхъ ночной птицы. При моемъ настроеніи это были очаровательные звуки; ночная тишина и мертвенность лѣса начинали тяготить меня въ моемъ одиночествѣ.

Вдругъ я встрепенулся: мнѣ послышалось, будто позади меня съ дерева посыпался снѣгъ и хрустнула сухая вѣтка, какъ будто освободясь отъ какой-то тяжести. Я быстро повернулся по этому направленію, ища неизвѣстную причину внезапнаго шума. Я увидѣлъ, и былъ вполнѣ увѣренъ въ этомъ, что мимо меня быстро пробѣжало что-то—а это была именно поджидаемая мной кошка, которая по вѣтру заслышала мой запахъ, и съ быстротою молніи, извиваясь какъ змѣя, исчезла изъ моихъ глазъ, прежде чѣмъ я могъ подумать поймать удобную минуту чтобъ выстрѣлить въ нее. Съ понятной каждому охотнику досадой, смотрѣлъ я вслѣдъ рѣдкой дичинѣ, такъ проведшей меня за носъ. Оставаться здѣсь долѣе было безполезно. Разминая окоченѣлые члены, съ досадой на свою неудачу, оставилъ я мрачную нору—и, такъ какъ сквозь обсахаренныя кристаллическія вѣтви уже начиналъ брезжить пробуждавшійся день, я пошелъ по бѣглымъ слѣдамъ звѣря, въ надеждѣ что мнѣ удастся напасть на новое убѣжище, которое онъ себѣ выберетъ для дневнаго отдыха. Я долженъ былъ обходить чащи, и съ дорожки преслѣдовать пересѣкавшіеся слѣды; пробиться черезъ лабиринтъ обремененныхъ снѣгомъ вѣтвей было рѣшительно невозможно. Обойдя такимъ образомъ нѣсколько круговъ, я неожиданно увидѣлъ передъ собой лѣсничаго Д., также до разсвѣта обходившаго свой округъ; онъ сообщилъ мнѣ, что только-что сейчасъ нечаянно напалъ на свѣжіе слѣды дикой кошки, и что они ведутъ въ сосновую чащу, гдѣ вѣроятно и спряталась бѣглянка. Онъ предложилъ, не смотря на страшный снѣговой навѣсъ, съ помощью моей собаки, обойти это маленькое мѣсто, надѣясь спугнуть звѣря прямо мнѣ на встрѣчу. Я всталъ на углу узко-начинающейся сосновой чащи, не далеко отъ входа въ нее,—потому что, какъ извѣстно, дикая кошка, равно какъ и лисица, до послѣдней крайности держится въ самой глубинѣ чащи, и старается ускользнуть черезъ ея верхушки и углы. Лѣсничій, держа Гектора на веревкѣ, пошелъ впередъ и вскорѣ скрылся изъ вида.

Неподвижно стоялъ я подъ скрывающей меня молодой низенькой сосной. Держа ружье на готовѣ и съ напряженнымъ вниманіемъ ожидая что̀ будетъ, я едва смѣлъ дышать громко.

Вдругъ я услышалъ впереди себя сильный прыжокъ—я уже приложилъ ружье къ щекѣ—какъ моя собака выскочила ко мнѣ и легла у моихъ ногъ: она повидимому была очень счастлива, что избавилась отъ охотника Д. и опять находится съ своимъ господиномъ. Не смотря на шумъ произведенный этимъ обстоятельствомъ, я не терялъ надежды, хотя очень слабо разсчитывалъ на успѣхъ. Вдали послышался кашель приближавшагося ко мнѣ Д. Онъ былъ уже недалеко отъ меня, какъ между засыпанной снѣгомъ елочкой, прошмыгнула мимо меня какая-то тѣнь. Она на мигъ остановилась, и я разглядѣлъ толстую, раздутую кошачью голову съ заостренными ушами и сверкающими глазами, которые недовѣрчиво и неувѣренно оглядывали дорогу и всѣ предметы кругомъ; все остальное ея тѣло было покрыто снѣгомъ и вѣтвями. Что будетъ теперь? Что предпринять мнѣ? Стрѣлять я не смѣлъ: такъ легко было промахнуться, или рѣдкая дичь пропала бы для меня, если бы я ее смертельно ранилъ на этомъ мѣстѣ. Между тѣмъ благодаря моему защищенному положенію и благопріятному вѣтру, мнѣ нечего было бояться, что мое присутствіе будетъ замѣчено въ эту критическую минуту.

Озираясь во всѣ стороны хитрыми глазами, подкрадываясь, пробираясь ползкомъ, какъ будто сейчасъ готовая броситься на свою жертву, вступила она, осторожно перебирая лапами, на узкую дорогу, которую думала было перепрыгнуть двумя прыжками, но тяжелый зарядъ уже догналъ ее—трахъ—и не успѣвъ вздрогнуть, она лежала въ тридцати шагахъ отъ меня, кончившись на дорогѣ. Д. съ радостью поднялъ ее. Это былъ большой котъ. Какъ прародитель всѣхъ кошекъ, разбойничавшихъ въ сосѣднихъ участкахъ, онъ устроилъ на лѣто свою главную квартиру въ сосновой чащѣ, гдѣ производилъ знатныя опустошенія между тамошними кроликами и другими беззащитными звѣрками. Весной онъ жилъ съ своей супругой въ лисьей норѣ, представившей фактическія доказательства безчисленныхъ злодѣйствъ этой пары, потому что осенью, отрывая нору, нашли около нея множество перьевъ и костей всякой породы лѣсной дичи. Издаваемое ими во время случки громкое, пронзительное мяуканье, отъ котораго морозъ подираетъ по кожѣ, и которое похоже иногда на отчаянный плачь ребенка, часто слышалось по ночамъ, наводя безпокойство и ужасъ на одинокаго путника.

Мы прибавимъ еще нѣсколько словъ о характерѣ дикой кошки, и попросимъ благосклоннаго читателя еще разъ посмотрѣть на нашу картинку, нарисованную наблюдателемъ съ натуры. Лисица и кошка не уживаются въ одномъ мѣстѣ, и первая всегда избѣгаетъ встрѣчи съ послѣдней. Интересно видѣть, съ какой хитростью и ловкостью подкрадывается настоящая дикая кошка къ своей добычѣ и растерзываетъ ее; никакая

Библиотека "Руниверс"

дичь, даже козуля, когда она бываетъ изнурена зимнимъ холодомъ, не избѣгаетъ преслѣдованія этого хищнаго звѣря. Внимательно наблюдающій лѣсъ охотникъ, въ своихъ странствованіяхъ по его закоулкамъ, навѣрное не разъ видѣлъ, какъ на крѣпкой развѣтвлинѣ, футовъ на пять или на шесть отъ земли, по близости окраины хвойной чащи, этотъ коварный хищникъ жмется на солнышкѣ, высматривая что дѣлается внизу. Онъ бросается сверху на свою добычу (какъ рысь), которая сильнѣе его, впивается въ жертву своими острыми когтями и прокусываваетъ несчастному созданію затылокъ. Между супругами, пока у нихъ нѣтъ еще потомства, часто разыгрываются изъ-за добычи жестокія сраженія, при чемъ слабѣйшая сторона должна уступить болѣе сильной. Наша картинка весьма удачно передаетъ одну изъ такихъ битвъ за обладаніе птичкой. Славно должно быть вцѣплялись они другъ въ друга, и вѣрно не мало валялось на мѣстѣ сраженія клочковъ ихъ пушистой шерсти.

Такъ какъ дикая кошка наноситъ сильнѣйшій вредъ всему лѣсному міру, и своей хищностью, силой и выносливостью далеко превосходитъ лисицу, которую въ сравненіи съ ненасытной кровожадностью первой (какъ на землѣ, такъ и въ вершинахъ деревьевъ) можно назвать просто невиннымъ созданіемъ, то понятно какъ жестоко преслѣдуется она охотниками и лѣсной администраціей. Поэтому въ настоящее время она можетъ еще держаться только въ замкнутыхъ, очень глухихъ лѣсныхъ пространствахъ. Ея сохраненію способствуетъ главнѣйшимъ образомъ то обстоятельство, что ее труднѣе чѣмъ всякаго звѣря выгнать изъ занятой ею чащи. Во время травли, по часу сидитъ она на одномъ мѣстѣ на самой далекой окраинѣ, въ виду уставленныхъ на нее ружей; выставивъ изъ своей засады голову и уши, она не выпускаетъ изъ глазъ ни одного предмета, который кажется ей подозрительнымъ, даже пролетающая надъ ней птичка приводитъ ее въ это время въ волненіе. При малѣйшемъ неосторожномъ движеніи охотника, или при самомъ легкомъ противномъ вѣтрѣ, она быстро убѣгаетъ отъ совсѣмъ было приблизившагося къ ней загонщика. Дикая кошка очень нѣжна къ своимъ дѣтенышамъ; чрезвычайно забавны игры послѣднихъ между собой и съ матерью, которая учитъ ихъ хищническому искуству и всевозможнымъ гимнастическимъ штукамъ. Пока дѣтеныши сосутъ, кошка бѣгаетъ отъ кота и старательно прячетъ маленькихъ въ самыхъ неприступныхъ чащахъ Она часто перетаскиваетъ все свое семейство съ одного мѣста въ другое, если оно покажется ей не совсѣмъ безопаснымъ,—и всегда старается выбирать такія мѣста, куда никогда не показывается котъ. Кошка лишь тогда соединяется опять съ однимъ и тѣмъ же, изъ году въ годъ ведущимъ отшельническую жизнь котомъ, когда начинается время случки. Большая разница въ строеніи и образѣ жизни между дикой и домашней кошкой, кромѣ разныхъ другихъ чертъ и анатомическихъ признаковъ, заключается еще въ томъ, что первая не играетъ такъ жестоко съ своей жертвой, какъ послѣдняя, и кончаетъ съ ней скорѣе. Это объясняется тѣмъ, что дикая кошка нѣкоторымъ образомъ старается держать втайнѣ совершенныя ею убійства; вслѣдствіе этой же самой причины, она по возможности удаляетъ отъ своего логовища все, что можетъ выдать ея постыдныя дѣла, и какъ обыкновенные убійцы старается уничтожить всѣ слѣды преступленія.

Разумное воспитаніе дѣтей.

II.

Игры дѣтей.

Дитя безъ свободы—эта весна безъ солнца.
Эскиросъ (Эмиль XIX вѣка).

Въ жизни дѣтей игра занимаетъ весьма видное мѣсто. Можно сказать, что вся почти жизнь дѣтей проходитъ въ играхъ. Фребель называетъ игру высшею ступенью развитія дѣтей, такъ какъ она есть свободное проявленіе ихъ нравственныхъ наклонностей. Игра есть дѣятельность, въ которой ребенокъ развиваетъ свои физическія и умственныя силы,—а потому родители и воспитатели не должны относиться къ ней слегка, какъ къ пустой забавѣ, а напротивъ, должны видѣть въ ней могущественное воспитательное средство. Такъ-называемыя «смирныя» дѣти, не любящія играть, которыхъ часто дома и въ школѣ ставятъ въ примѣръ достойный подражанія дѣтямъ шаловливымъ, такъ какъ въ нихъ видятъ задатки серіознаго характера,—большею частію не оправдываютъ ожиданій: они выростаютъ людьми слабыми, тупыми, угрюмыми и молчаливыми. Нужно поэтому поощрять въ дѣтяхъ ихъ природную наклонность къ играмъ и отнюдь не стѣснять ихъ свободу ради спокойствія взрослыхъ.

Для физическаго здоровья ребенка, такъ же какъ и для физическаго здоровья взрослаго, необходимы мышечныя движенія. Съ этою цѣлью полезны всѣ тѣ игры, которыя сопряжены съ движеніемъ ребенка,—и въ этомъ отношеніи ихъ не можетъ замѣнить никакая искуственная гимнастика. Маленькій ребенокъ любитъ возить—купите ему повозку и онъ будетъ въ ней возить свою куклу. Ребенокъ любитъ бросать—купите ему мячъ и онъ будетъ упражнять на немъ свои руки и глазъ. Ребенокъ любитъ бѣгать—дайте ему шаръ или обручъ и это доставитъ ему удовольствіе вмѣстѣ съ пользой. Ребенокъ любитъ строить—доставьте ему кубики, изъ которыхъ онъ можетъ выводить разнообразныя архитектурныя фигуры своего изобрѣтенія. Словомъ, давайте ребенку такія игрушки, которыя побуждали бы его къ мышечной работѣ, но въ то же время возбуждали бы къ дѣятельности его органы чувствъ и умъ. Исчисленныхъ нами простыхъ игрушекъ совершенно достаточно для дѣтей 3—5 лѣтъ—и нѣтъ разумной надобности тратиться на многочисленныя и дорогія игрушки, дѣлающія дѣтей только капризными. Обиліе игрушекъ черезъ-чуръ-затѣйливыхъ (въ родѣ машинъ), или же нелѣпыхъ (въ родѣ козы, играющей на барабанѣ), которыми нѣжные родители достаточнаго класса стараются развлекать своихъ скучающихъ дѣтей, наводитъ на послѣднихъ еще большую скуку.

Причина этому очень простая: юной душѣ ребенка пріятны лишь немногіе вполнѣ доступныя его пониманію предметы; обиліе же вещей, требующихъ разнообразныхъ ощущеній, не даетъ ему сосредоточить свое вниманіе на чемъ нибудь одномъ, скоро утомляетъ его и этимъ отнимаетъ у него удовольствіе. Равнымъ образомъ, давая ребенку игры, мы отнюдь не должны ему предписывать играть съ ними такъ а не иначе, ибо все, что стѣсняетъ свободу ребенка, становится ему непріятнымъ. Для дѣтей, начиная съ 5-ти лѣтъ, весьма полезны работы въ саду (лѣтомъ разумѣется). Копанье земли, сажанье цвѣтовъ и овощей, уходъ за ними, кромѣ упражненія тѣлесныхъ силъ, способствуетъ развитію силъ душевныхъ и умственныхъ, внушая ребенку, вмѣстѣ съ полезными познаніями, терпѣніе, любовь къ труду и увѣренность въ своихъ силахъ. Весьма полезно также поручать дѣтямъ уходъ за домашними животными, особенно за птицами: это дѣйствуетъ весьма благотворно на характеръ ребенка, дѣлая его сострадательнымъ.

Кромѣ того, для развитія въ дѣтяхъ общительности, необходима игра съ другими дѣтьми одинаковаго возраста. Ребенокъ лишенный сообщества себѣ равныхъ, обыкновенно бываетъ капризенъ, эгоистиченъ, скученъ и бездѣятеленъ. Напротивъ, дитя дѣлается оживленнымъ, бойкимъ, подчасъ великодушнымъ, когда играетъ со сверстниками. Изъ дѣтскихъ такъ-называемыхъ «общественныхъ» игръ всего полезнѣе такія, которыя требуютъ отъ дѣтей движенія. Таковы игры въ мячъ, въ воланъ, въ пятнашки, въ кошку и мышку, въ жмурки. Какъ на особенно интересную и очень полезную для дѣтей игру—можемъ указать на *гимнастическую игру*, рекомендуемую въ книгѣ «О воспитаніи дѣтей въ первые годы жизни» Маріи Манасеиной. Игра состоитъ въ слѣдующемъ: одинъ ребенокъ исполняетъ роль торговца птицами, а всѣ остальныя дѣти представляютъ различныхъ птицъ. Покупатель подходитъ и спрашиваетъ какую-нибудь птицу, напр. ворону; если въ числѣ птицъ есть ворона, то торговецъ подводитъ ее къ покупателю, который и выпускаетъ ее на волю. Тогда ребенокъ, представляющій птицу, долженъ присѣсть и нѣсколько разъ повернуть голову вправо и влѣво (для упражненія шейныхъ мышцъ), какъ-то дѣлаютъ птицы, когда осматриваютъ мѣстность. Затѣмъ онъ дѣлаетъ нѣсколько прыжковъ въ бокъ (какъ обыкновенно прыгаютъ вороны) и, медленно поднимаясь, вытягиваетъ горизонтально руки и убѣгаетъ, описывая въ то же время круги. Ребенокъ долженъ вообще подражать движеніямъ той птицы, которую онъ представляетъ. Когда ребенокъ пускается бѣжать, т. е. представляетъ летящую птицу, то за нимъ въ погоню пускаются и ребенокъ представляющій торговца и ребенокъ представляющій покупателя, и если который-нибудь изъ нихъ поймаетъ его, то пойманный долженъ идти за поймавшимъ; если же онъ успѣетъ добѣжать до извѣстнаго опредѣленнаго мѣста, то онъ самъ превращается въ покупателя. Во все время бѣга ребенокъ, представляющій птицу, долженъ дѣлать извѣстныя, условленныя заранѣе движенія руками (описывать круги, поднимать и опускать руки и т. д.), если же онъ забудетъ объ этомъ, то онъ дѣлается снова собственностію торговца, хоть бы тотъ и не догналъ его. Каждый разъ передъ приходомъ покупателя торговецъ мѣняетъ названія своихъ птицъ; если же у него отнимутъ ихъ всѣхъ, то онъ самъ долженъ взять на себя роль птицы. Затѣмъ покупатель, у котораго накопилось всего больше птицъ, беретъ на себя роль торговца, а другіе роль покупателя и т. д.

Эта игра, варьируемая на разные лады, вполнѣ замѣняетъ искуственную гимнастику, которая на дѣтей только наводитъ скуку.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о такъ-называемыхъ развивающихъ играхъ Фребеля *). Игры эти, состоящія изъ нѣсколькихъ ящиковъ (даровъ) для разныхъ возрастовъ, имѣютъ цѣлью послѣдовательно развивать въ ребенкѣ, одновременно съ физи-

*) Объ играхъ Фребеля издана у насъ цѣлая книга г-жею Дарагань.

Библиотека "Руниверс"

ческими силами, внѣшнія чувства и мыслительныя способности. Такъ, первый даръ, предназначенный для ребенка 5 и 6 мѣсяцевъ—до одного года, есть *мячъ*. Эта игрушка имѣетъ цѣлью научить ребенка правильно двигать своими ручками (хватать мячъ, который подкатывается къ нему взрослымъ, и отбрасывать назадъ), научить его распознавать цвѣта (мячи разныхъ цвѣтовъ) и въ то же время научить его понимать и произносить нѣкоторыя слова, относящіяся къ этой игрѣ (катится мячъ, лови мячъ, упалъ мячъ, ищи мячъ). Второй даръ Фребеля, состоящій изъ *шара и куба*, предназначается для ребенка одного года и старше (до 2-хъ лѣтъ), слѣдовательно, когда ребенокъ уже начинаетъ ходить. Кромѣ движеній руками и ногами, которыя ребенокъ дѣлаетъ слѣдя за катящимся шаромъ, онъ (ребенокъ) получаетъ понятіе о различныхъ формахъ (круглой и остроконечной) тѣлъ, объ углахъ, линіяхъ, о твердости, шаткости.

Остальныя дары (всѣхъ восемь) содержатъ въ себѣ матеріалы для такъ-называемыхъ *дѣтскихъ работъ*, а именно: для *строенія* (кубики, кирпичики, столбики, треугольники, лучинки и т. п.), для *вырѣзыванія*, *выкалыванія*, *наклеиванія* и *плетенія* (бумажки, разноцвѣтныя полоски), *рисованія* (грифельная доска или бумага разлинованная на квадратики), для *лѣпки* (глину или воскъ) *).

Посредствомъ этихъ работъ ребенокъ *во первыхъ* упражняетъ свои руки, привыкая дѣлать ими самыя разнообразныя мелкія движенія, причемъ изощряетъ свое зрѣніе и осязаніе—слѣдовательно развивается *физически*.

Во вторыхъ знакомится наглядно со счетомъ (при плетеніи), элементарными началами геометріи (на кубикахъ, призмочкахъ и цилиндрикахъ), съ физическими свойствами тѣлъ (дерева, бумаги, грифеля, глины и проч.), слѣдовательно развивается *умственно*.

Въ третьихъ пріобрѣтаетъ привычку и любовь къ труду, что способствуетъ въ значительной мѣрѣ развитію *нравственному*.

Прежде поспѣла!.. Дикія кошки. Рис. Клёверъ, грав. Пэйне.

*) Желающихъ познакомиться подробнѣе съ практическимъ примѣненіемъ этихъ игръ отсылаемъ ко 2-му тому „Практическихъ замѣтокъ о воспитаніи", уже не разъ нами упомянутыхъ.

Библиотека "Руниверс"

Замѣтимъ при этомъ, что названныя фребелевскія игры достигаютъ своей цѣли — всесторонняго развитія ребенка—лишь тогда, когда имъ руководитъ лицо опытное въ дѣлѣ воспитанія, умѣющее дѣлать эти работы дѣйствительно *игрою* для ребенка. Кто вздумаетъ превратить эти игры въ обязательную *работу* для ребенка, тотъ сразу внушитъ ребенку къ нимъ отвращеніе и, слѣдовательно, принесетъ только прямой вредъ. Но слѣдуетъ остерегаться при этомъ рабскаго подражанія самому Фребелю. Послѣдній придумалъ для каждой игры особенную пѣсенку, въ которой излагается сущность каждой игры. Въ этихъ пѣсенкахъ большею частію воспѣваются геометрическія и физическія свойства игрушекъ, что̀, согласитесь сами, нелѣпо.

Пути перелетныхъ птицъ

(По Пальмеру).

(Окончаніе).

Какое пространство отсюда съ крайняго сѣвера Сибири до мыса Доброй Надежды! Однакожъ все это пространство пролетаютъ нѣкоторыя породы береговыхъ птицъ два раза въ годъ.

Изъ начерченныхъ на нашей картѣ точками линій: A — B указываетъ путь по Норвегіи на западъ, C — путь проходящій туда же черезъ Финскій заливъ. Однакожъ мы тутъ замѣчаемъ и третій путь, отмѣченный буквою D. Этотъ путь такъ же беретъ свое начало съ Таймирскаго полуострова, но отклоняется въ длинный и широкій Обскій заливъ и направляется потомъ по рѣкѣ Оби прямо на югъ. Птичьи стаи, достигшія до соединенія рѣки Оби съ Иртышемъ, раздѣляются. Меньшія стаи отправляются въ страны около Каспійскаго и Аральскаго морей по путямъ, отмѣченнымъ буквами Da; большая же часть проходитъ по сухому материку къ верховью рѣки Камы, по Волгѣ, близь устья этой рѣки, къ Черному и Эгейскому морямъ (западный берегъ Чернаго и острова Эгейскаго моря покрыты пернатыми гостями)—а потомъ въ Египетъ къ устью рѣки Нила и частью до самой южной Африки.

Изъ вышесказаннаго о пути перелетныхъ птицъ на югъ, мы видѣли, что этотъ путь совершается не случайно, а по *правильнымъ, рѣзко очерченнымъ линіямъ*. Эти дороги не проходятъ прямо съ сѣвера на югъ, а значительно отклоняются въ особенности къ западу. Кромѣ означенныхъ путей, этихъ птицъ никогда здѣсь не застаютъ.

Однакожъ не всѣ эти птицы, о которыхъ идетъ рѣчь, путешествуютъ по означеннымъ здѣсь путямъ. Гага гребенушка, сутка, чайки и двѣ три породы береговыхъ птицъ проходятъ всегда лишь по путямъ, отмѣченнымъ на картѣ буквою A, то есть до крайнихъ предѣловъ Европы, по берегамъ океана. Другія, именно три породы гусей (Anser bernicla, leucopsis и hyperboreus) встрѣчаются вмѣстѣ съ предъидущими на пути B, а кромѣ того также на пути C, т. е. онѣ слѣдуютъ большею частью по берегамъ водъ—*какъ морей, такъ и океана*. Всѣ прочія: маленькая порода лебедей, двѣ три породы гусей и большая часть береговыхъ могутъ идти, кромѣ вышеозначенныхъ дорогъ, также и по направленію D. большею частью по берегамъ рѣкъ. Откуда происходитъ это различіе въ образѣ перелета? Только отъ того, что птица при полетѣ слѣдуетъ тому направленію, *по которому клювъ ея ведетъ*—однакожъ не въ томъ уже сказанномъ тайномъ значеніи, которымъ ничего не доказывается, а въ томъ, что онѣ выбираютъ путь свой смотря по тому, *гдѣ находятъ удобный кормъ*. Птицы, слѣдующія по берегамъ океана, питаются животными низшаго разряда и находящимися тамъ остатками рыбъ; птицы же, летающія по путямъ линій B и C, питаются растеніями на морскихъ берегахъ; прочія породы гусей кормятся также растеніями у прѣсныхъ водъ, а береговыя птицы—маленькими животными тѣхъ же текучихъ водъ. Средній разрядъ находитъ также на первомъ пути достаточно удобной пищи, а третій разрядъ находитъ ее на двухъ предъидущихъ путяхъ—отчего средній разрядъ можетъ летать по двумъ, а третій по всѣмъ тремъ направленіямъ.

Теперь можетъ кто нибудь спросить насъ, что̀ служитъ тому причиною, что часть этихъ птицъ вообще направляется на пути по линіямъ C и D, такъ какъ эти пути безъ сомнѣнія по мѣстамъ менѣе удобны для нихъ—особенно тамъ, гдѣ такіе пути направляются чрезъ безводныя страны; онѣ вѣдь могли бы обратиться на путь, ведущій къ берегамъ океана? Бросьте взглядъ на карту—и причина этого явленія вскорѣ разъяснится. Тамъ, гдѣ путь по линіи D беретъ свое начало—находится глубокая и широкая Обская губа, опять и въ началѣ пути по линіи C—обширная Двинская губа обращается прямо къ югу. Весьма естественно, что губы эти увлекаютъ большую часть такихъ птицъ, которыя довольствуются подобными путями. Добравшись до самаго конца этихъ губъ, онѣ не смѣютъ обратиться назадъ на сѣверъ, такъ какъ время уже слишкомъ позднее,—а потому продолжаютъ путь свой по озерамъ и рѣкамъ, которыя встрѣчаютъ на пути своемъ, а также и черезъ сухія мѣстности, съ потока къ потоку. Такимъ же образомъ, весною Балтійское море привлекаетъ большія стаи птицъ на путь по линіи C, а Архипелагъ и Черное море—на путь по линіи D. Мы также видѣли, что часть птицъ, обращающихся къ Ламаншскому каналу, принимаетъ направленіе по Рейну; тутъ опять же *клювъ* причиною тому. Эти птицы находятъ въ многочисленныхъ рукавахъ устья этой рѣки обильную пищу—и тѣмъ увлекаются къ продолженію пути своего по оной, пока уже не становится слишкомъ поздо обратиться назадъ. Съ другой стороны рукава устья Роны точно такъ же привлекаютъ ихъ.

Такимъ образомъ мы убѣдились, что птицы крайняго сѣвера при перелетѣ направляются лишь по дорогамъ точно-опредѣленнымъ. Однакожъ, опредѣлено ли равнымъ образомъ, отправляются ли однородныя птицы по одному опредѣленному пути, или же онѣ направляются какъ попало, туда и сюда, лишь бы пути были таковы, чтобъ по нимъ можно было пролетать? При изслѣдованіи всѣхъ путей, мы въ скоромъ времени убѣдимся, что птицы одного рода, летающія по особымъ путямъ. во время перелета, лишь весьма рѣдко встрѣчаются. Отправляющіяся по пути D—прибываютъ на зиму въ самыя восточныя части Средиземнаго моря; летавшія же по путямъ C и Ca—въ самыя западныя части того же моря;—слѣдовательно онѣ находятся въ весьма значительномъ разстояніи другъ отъ друга. По пути B птицы отправляются большею частію въ Англію, весьма немногія въ Данію; слѣдовательно онѣ только въ Ламаншскомъ каналѣ могутъ соединяться съ прилетающими по направленію C. Однакожъ большая часть изъ гусей, отправившихся по предыдущему направленію, остаются на зимнихъ квартирахъ у береговъ Англіи. Береговыя птицы, зимнія квартиры которыхъ находятся въ Африкѣ, дѣйствительно соединяются въ упомянутомъ каналѣ и продолжаютъ путь свой вмѣстѣ; но изъ прилетѣвшихъ по пути C, весьма многія направляются на путь Ca. Изъ сего видно довольно ясно, что птицы, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ, перелетаютъ большею частію по различнымъ путямъ,—изъ чего вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣдуетъ, что онѣ весною возвращаются по тѣмъ же путямъ на тѣ же лѣтнія квартиры.

До сего времени мы вовсе не упоминали о птицахъ вьющихъ гнѣзда на материкѣ сѣверной Европы, а лишь о тѣхъ, которыхъ лѣтнія жилища находятся на безлѣсныхъ островахъ Ледовитаго океана. Послѣднія птицы подвергнуты предварительному изслѣдованію преимущественно потому, что они—чужіе намъ гости, которые вездѣ были болѣе замѣтны, а такъ же и протяженіе путей ихъ лучше всего объясняетъ направленіе перелета. Однакожъ, если судить по недостаточнымъ еще свѣдѣніямъ, пути другихъ перелетныхъ птицъ совершаются такимъ же образомъ. На материкѣ мы также встрѣчаемъ многія породы птицъ на лѣтнихъ квартирахъ, которыя по полету своему несомнѣнно принадлежатъ къ одному изъ вышеозначенныхъ разрядовъ. Но кромѣ ихъ мы встрѣчаемъ множество породъ, которыя обыкновенно строятъ гнѣзда на берегахъ прѣсныхъ водъ материка: всѣ породы утокъ нашихъ, родъ большаго лебедя, нѣкоторыя породы гоголей и чаекъ, чегравы, крохали, зяблики, бекасы, кулики, а также и нѣкоторыя другія береговыя и водныя птицы *). Птицы эти, по возрастѣ птенцовъ своихъ, начинаютъ мало по малу направляться внизъ по водамъ материка. Такимъ образомъ, родившіеся въ Норвегіи птенцы пускаются внизъ къ морскому берегу, откуда большая часть вѣроятно отправляется прямо въ южномъ направленіи въ Данію, а другая часть также и въ Англію, такъ какъ большія стаи ихъ являются туда осенью. Замѣчательно однакожъ, что эти птицы не остаются на однихъ морскихъ берегахъ, а распространяются также по всѣмъ водамъ материка. Изъ сѣверныхъ странъ Швеціи и Финляндіи онѣ собираются на обоихъ берегахъ Ботническаго и Финскаго заливовъ, равно какъ на всѣхъ рѣкахъ, въ оные впадающихъ. Часть этихъ финляндскихъ птицъ отправляется прямо на югъ, вверхъ по рѣкамъ Эстляндіи и Лифляндіи; однакожъ большая часть ихъ продолжаетъ путь свой по берегамъ Балтійскаго моря, отъ которыхъ постоянно отдѣляются значительныя стаи, направляющіяся въ устья всѣхъ германскихъ рѣкъ. Достигши верховья ихъ, онѣ отправляются черезъ низкія мѣста горныхъ хребтовъ опять въ другія рѣки. Такимъ образомъ большія стаи ихъ собираются у рѣки Дуная и въ особенности при устьѣ ея (хотя огромное количество ихъ находится осенью повсюду во всей средней Европѣ), каковыя мѣста по множеству убитыхъ птицъ тамошними жителями названы Добродшъ (сокращено изъ первобытнаго Добродичія). По рѣкамъ, текущимъ изъ Россіи въ Черное море, прибываютъ такъ же безчисленныя стаи и соединяются съ прежними, а потомъ всѣ вмѣстѣ отправляются черезъ Архипелагъ къ устьямъ рѣки Нила.

Труднѣе разобрать огромный пятый разрядъ перелетныхъ птицъ, именно *болотныхъ птицъ*, потому что дорога ихъ идетъ

*) Пути этихъ птицъ отмѣчены на картѣ нашей черными точками.

Библиотека "Руниверс"

по широкимъ поясамъ. Сюда относятся, напр., журавль, цапля, сѣрый гусь, многія породы береговыхъ и мелкихъ птицъ. Ихъ путь будетъ яснѣе всего, если на обыкновенной картѣ слѣдить за направленіемъ горныхъ хребтовъ, которыхъ онѣ опасаются, обстая ихъ или переправляясь черезъ нихъ въ низкихъ мѣстахъ. Лучше всего до сего времени изслѣдованъ полетъ журавли. Изъ Скандинавіи и Финляндіи онъ перелетаетъ въ довольно прямомъ направленіи къ югу. Въ сѣверной Германіи путь журавлей идетъ лучеобразно съ острова Рюгена къ югу, потомъ соединяется въ долинахъ Майна, Рейна и Роны и затѣмъ продолжается чрезъ Средиземное море въ Африку. Рѣдкіе журавли летаютъ черезъ Баварію и Венгрію, въ Россіи же ихъ встрѣчаютъ большими стаями, летающими съ Чернаго моря, мимо города Смирны, по берегу Малой Азіи въ Египетъ. Въ Стокгольмѣ, по всей Даніи, Голландіи, Богеміи и верхней Италіи ихъ почти никогда не встрѣчаютъ. Труднѣе всего объяснить пути живущихъ на материкѣ перелетныхъ птицъ (напр. пѣвчихъ птицъ и проч.), особенно если онѣ притомъ, какъ напр., ласточки,—проворныя летуньи. О нихъ можно бы подумать, что онѣ могутъ летать гдѣ угодно, кромѣ высокихъ горъ. Но что и онѣ летаютъ по опредѣленнымъ и хорошо знакомымъ имъ путямъ—это достаточно доказывается тѣмъ, что онѣ весною всегда возвращаются къ прежнимъ своимъ гнѣздамъ.

Мы уже нѣсколько разъ замѣтили, что перелетныя птицы кромѣ опредѣленныхъ путей весьма рѣдко гдѣ либо встрѣчаются; случается однакожъ, что ихъ застаютъ и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ мы не привыкли ихъ видѣть.

Иногда обыкновенный перелетный путь ихъ сокращается или же продолжается сверхъ обыкновеннаго; онѣ останавливаются ближе обыкновеннаго или же, напротивъ того, залетаютъ дальше обыкновенной границы своей. Когда зимы бываютъ теплы, то случается, что зяблики остаются въ южной Финляндіи, ауляхи и гоголи у Балтійскаго моря или у другихъ водъ, не покрывающихся льдомъ. Весною же большія стаи птицъ крайняго сѣвера останавливаются у Средиземнаго, Чернаго и Сѣвернаго морей; въ такихъ случаяхъ онѣ однакожъ не строятъ гнѣздъ и не высиживаютъ птенцовъ. На оборотъ же, въ морозныя зимы, такія породы гусей, которыхъ обыкновенныя зимнія квартиры находятся у Сѣвернаго моря,—иногда улетаютъ къ сѣверозападнымъ берегамъ Франціи; стаи подорожниковъ, свиристелей красавъ—являются въ средней Германіи.

Но кромѣ этихъ появленій перелетныхъ птицъ, которыя легко объясняются перемѣнами погоды, случается также ежегодно, что одиночныя птицы а иногда также цѣлыя стаи ихъ прибываютъ въ такія мѣста, куда имъ по вышеозначеннымъ законамъ природы никогда не слѣдовало бы прилетать. Нѣкоторыхъ подорожниковъ и свиристелей находили даже въ Провансѣ, на самомъ югѣ Франціи. Съ другой стороны, опять, нѣкоторые щегленки (fringilla carduelis), пустошки (Upupa epops), горлицы (columba turtur) и бѣлые аисты (ciconia alba) доходили до сѣверной Норвегіи, нѣкоторыя цапли, драхвы и пеликаны появлялись у насъ въ Финляндіи. Также и во внутреннихъ частяхъ восточной Германіи попадались иногда птицы крайняго сѣвера; однакожъ, вотъ что замѣчательно: это почти всегда случалось *осенью* въ *самыхъ сѣверныхъ*, а *весною* въ самыхъ *южныхъ странахъ*. Въ первомъ случаѣ онѣ очевидно направлялись по восточнымъ рѣкамъ Германіи, въ послѣднемъ по Адріатическому морю.

Гораздо удивительнѣе то обстоятельство, что птицы изъ Америки иногда перелетали въ Европу (въ особенности осенью), а европейскія въ Америку (преимущественно весною). И были между этими чужестранцами, пролетавшими черезъ океанъ, весьма маленькія птички; были дрозды, о которыхъ можно было подумать, какъ это перенесли ихъ крылья чрезъ столь дальній путь!

Всѣ эти птицы, являющіяся на столь чуждыхъ имъ мѣстахъ, далеко отъ обыкновенныхъ своихъ дорогъ,—*заблудившіеся* путешественники. Иногда, во время нахожденія ихъ въ дорогѣ, случается страшная буря, которой онѣ не въ состояніи сопротивляться и которая сбиваетъ ихъ на нѣсколько сотъ верстъ въ сторону съ настоящаго пути. Иногда также птицы, или стаи птицъ, изъ-за какой-нибудь причины (напр. отъ жадности, прилетѣвъ на мѣста гдѣ находится обильная пища), отстаютъ отъ другихъ родныхъ своихъ птицъ. Пролетаетъ стая другой, хотя и состоящей въ родствѣ съ нею породы,—вотъ запоздалая на пути птичка, подумавъ, что это своя стая, летитъ съ нею вмѣстѣ впередъ. Такихъ птицъ изъ чужой породы встрѣчаютъ весьма часто между стаями перелетныхъ птицъ; иногда-же, хотя весьма рѣдко, птицъ весьма различнаго рода встрѣчали въ одной и той же компаніи, напр. однажды въ сѣверной Финляндіи—чорнаго гоголя въ стаѣ бѣлыхъ гусей.

Оттого весьма часто можетъ случаться, что чужая стая держитъ совсѣмъ иной путь, нежели запоздалая, съ ними сомкнувшаяся птица, которая потому и попадаетъ въ страны вовсе ей неизвѣстныя.

Необразованный и суевѣрный народъ вездѣ смотрѣлъ на этихъ рѣдкихъ пришлецовъ съ какимъ-то страхомъ и боязнью, считая ихъ признаками разныхъ бѣдствій, войнъ, язвъ и смерти. Свидѣтельствомъ этому служатъ разныя мрачныя названія, данныя этимъ рѣдкимъ гостямъ; напр., пустошка (upupa epops) называется въ Швеціи *harfogel* т. е. птицею войны, свиристель (bombycilla garrula) въ Германіи—*Pestvogel*, т. е. моровою птицею; бѣлый аистъ (ciconia alba) именуется въ Эстляндіи *Toone kurg*, т. е. смертоноснымъ аистомъ. Ихъ прибытіе дѣйствительно предвѣщаетъ смерть, но никому иному какъ имъ же самимъ, этимъ бѣднымъ заблудившимся, потому что незнакомыя мѣста, куда они неожиданно попали, не всегда удобны для пропитанія ихъ. Весьма рѣдко заблудившіяся съ настоящаго пути въ состояніи спасти душонку свою. Иногда однакожъ, если новыя обстоятельства не слишкомъ непріятны, имъ удается привыкнуть къ нимъ, и даже, но гораздо рѣже, построивъ новыя гнѣзда, такъ же и приживать дѣтей. Этимъ лучше всего объясняется распространеніе нѣкоторыхъ птичьихъ породъ въ странахъ весьма отдаленныхъ другъ отъ друга; этимъ же объясняется такъ же и появленіе новыхъ родовъ. Попавъ въ новый образъ жизни, гдѣ климатъ и пища совсѣмъ иные нежели въ первоначальной родинѣ, конечно онѣ измѣняютъ и образъ жизни, а потому новыя жизненныя обстоятельства конечно имѣютъ вліяніе и на внѣшній видъ ихъ. Эта гипотеза получаетъ весьма сильное доказательство въ томъ, что между птицами крайняго сѣвера, которыя составляютъ предметъ сего разсужденія, большая часть находится въ близкомъ родствѣ между собою, но въ разныхъ мѣстностяхъ дѣлаются представителями разныхъ породъ. Въ мѣстахъ, находящихся близко одно отъ другаго, онѣ еще такъ мало разнятся между собою, что естествоиспытатели обозначаютъ ихъ только измѣненіями породъ; въ болѣе же отдаленныхъ мѣстахъ разница между ними столь велика, что ихъ нужно было раздѣлять на разныя породы.

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть о слѣдующемъ обстоятельствѣ. Заблудившіяся перелетныя стаи *почти всегда состоятъ изъ весьма молодыхъ птицъ, изъ птенцовъ, высиженныхъ въ то же лѣто*. Гораздо рѣже между ними замѣчаются самки, которыя въ этомъ случаѣ вѣроятно не хотѣли разставаться съ заблудившимися птенцами; весьма же рѣдко, почти никогда не заблуждается старый самецъ. Вотъ опять очевидное доказательство того, что у птицъ на перелетныхъ путяхъ нѣтъ никакого тайнаго врожденнаго побужденія вмѣсто путеводителя. Въ такомъ случаѣ птенцамъ было бы столь же трудно заблудиться какъ и старымъ птицамъ; одинокія птицы или стаи ихъ, гонимыя бурею въ сторону, опять бы находили свой прежній путь. Единственною путеводительницею перелетныхъ птицъ служитъ *опытность*. Онѣ летаютъ постоянно большими стаями, слѣдовательно между ними находятся нѣкоторыя старыя и опытныя птицы, которыя уже нѣсколько разъ направлялись по этому пути и потому уже знаютъ главныя мѣста и обстоятельства. Можетъ быть между ними находятся и такія, которыя, когда нибудь въ прежніе годы обратившись на невѣрный путь, но избѣжавъ однакожъ погибели, по опыту уже знаютъ, что туда не слѣдуетъ летать. Вотъ и главная причина того, что главныя стаи перелетныхъ птицъ никогда не отклоняются въ такія мѣста какъ Адріатическое море или въ Ботническій заливъ; онѣ *знаютъ* уже, что этотъ путь не ведетъ къ лѣтнимъ ихъ квартирамъ. Достигши тѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся ихъ лѣтнія жилища, всѣ птичьи стаи, какъ извѣстно, разсыпаются—и всякой парочкѣ птицъ уже слѣдуетъ самой отыскать прежнее гнѣздо. Но тутъ онѣ находятся въ тѣхъ знакомыхъ мѣстностяхъ, гдѣ птенцами перелетывали то туда то сюда; имъ трудно заблудиться.

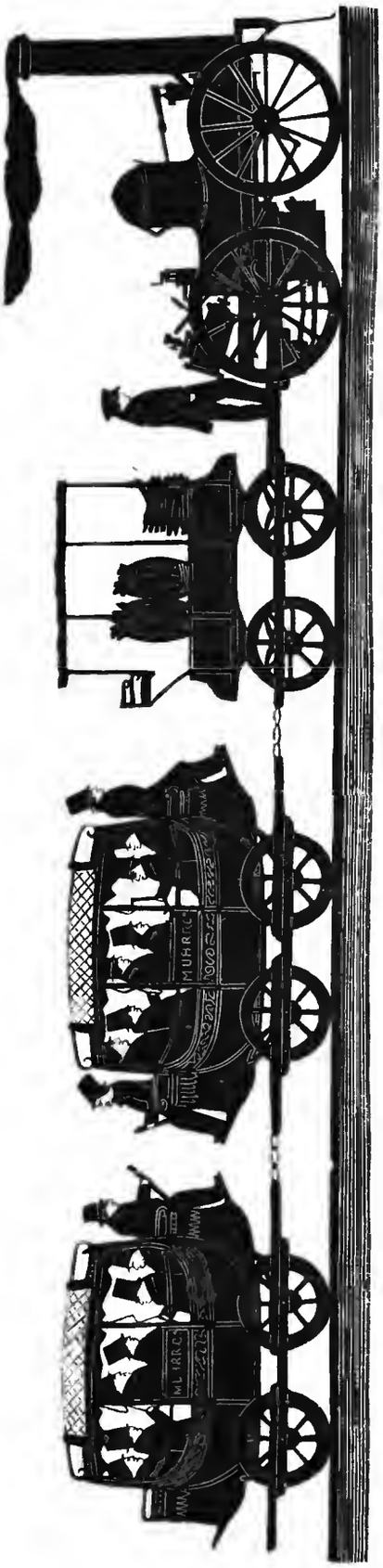
Еще можно заключить, что весь обычай переселенія не подлежитъ какой нибудь естественной причинѣ, а происходитъ просто отъ привычки. Тѣ же самыя птицы въ нѣкоторыхъ земляхъ бываютъ постоянными жильцами, въ другихъ же опять перелетными птицами. Въ послѣднихъ мѣстахъ онѣ вѣроятно распространились впослѣдствіи, но по причинѣ холода и соединеннаго съ нимъ недостатка въ пищѣ онѣ научились обращаться въ зимнее время болѣе на югъ. Птенцы не имѣютъ и понятія объ этой надобности переселенія. Онѣ перелетаютъ потому, что видятъ родителей своихъ въ этихъ занятіяхъ; однакожъ нѣкоторыя изъ нихъ остаются и тогда умираютъ съ голода и холода.

Мы опять имѣли случай видѣть, какъ наука освѣтила одно обстоятельство въ устройствѣ природы, которое до сего было для насъ непонятнымъ. Для насъ дѣйствительно пропало, въ этомъ надобно сознаться, одно изъ «чудесъ міра», надъ которымъ мы прежде изумлялись,—именно та мысль, что какая-то невидимая, внутренняя сила руководитъ птицами при перелетѣ ихъ по облачнымъ путямъ. Однакожъ, какіе широкіе виды представляются вмѣсто того нашимъ глазамъ, виды, гораздо выше и удивительнѣе прежнихъ! Мы снова имѣли случай убѣдиться въ томъ, что работа природы совершается въ извѣстномъ порядкѣ. Пути птицъ сдѣлались для насъ правильными, по естественнымъ, легко понимаемымъ причинамъ, а такъ же мы убѣдились и въ томъ, что отклоненія и промахи ихъ служатъ способами къ достиженію великой цѣли природы—украшать ее и распространять жизнь во всѣхъ частяхъ земнаго шара. Передъ нами опять поднялась немного та завѣса, которая отъ твари скрываетъ работу, мысль и намѣренія вѣчнаго Творца... Какая великая и назидательная мысль!

Библиотека "Руниверс"

Исторія локомотивовъ.

Исторія усовершенствованія локомотива принадлежитъ къ числу удивительныхъ явленій. Подобное явленіе мы видимъ только въ изобрѣтеніи паровой машины. Какъ паровая машина была доведена Уатгомъ до такой степени совершенства, что послѣдующія поколѣнія были въ состояніи измѣнить въ ней только нѣкоторыя незначительныя части,—такъ и Стефенсоновъ локомотивовъ созрѣлъ въ головѣ своего счастливаго изобрѣтателя со всѣми принадлежностями и качествами.



Первая американская желѣзная дорога въ 1831 г.

Все, что слѣдуетъ въ исторіи построеній локомотива послѣ 6-го октября 1829 года, представляетъ лишь преобразованія нѣкоторыхъ частей, болѣе раціональное размѣщеніе, введеніе нѣсколькихъ менѣе важныхъ, но всетаки новыхъ элементовъ. Но чѣмъ тише подвигалось улучшеніе локомотива, чѣмъ менѣе требовалось геніальности, тѣмъ труднѣе писать исторію позднѣйшаго развитія паровоза.

Поэтому нельзя смотрѣть на этотъ очеркъ исторіи устройства локомотива иначе, какъ на попытку вызвать истину изъ мрака, какъ на объясненіе нѣкоторыхъ основныхъ причинъ устройства локомотивовъ.

Подобно растенію, животному, сопровождающему человѣка въ различныя страны, гдѣ оно сродняется съ климатомъ, измѣняетъ видъ, образуетъ новыя породы, которыя становятся собственностью страны,—локомотивъ, это «механическое домашнее животное» человѣка, въ своемъ техническомъ устройствѣ имѣетъ собственную географію. Опытный глазъ легко отличитъ локомотивъ англійскій отъ локомотива американскаго или нѣмецкаго, какъ спеціалистъ отличитъ арабскую лошадь отъ англійской.

Торговля, занятіе жителей, произведенія страны, количество рабочихъ рукъ, отношеніе приморскихъ городовъ къ городамъ внутри страны, климатъ, поверхность,—все это имѣетъ значеніе въ устройствѣ локомотива. Вслѣдствіе этого мы раздѣлимъ весь желѣзнодорожный міръ на 4 области. Первая и самая старшая область—это Великобританія; вторая—страна будущаго, соединенные Штаты Америки; 3-я—страны Европы, въ которыхъ равнины и холмистая поверхность измѣнили въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ локомотивъ, перенесенный изъ Англіи, и придали ему своеобразный характеръ (Бельгія, Германія, Австрія, Франція, Россія), и наконецъ, 4-я—альпійскія горныя страны.

Въ Англіи—странѣ торговли, угля и желѣза, впервые появился локомотивъ и, благодаря народу, съ желѣзною волею, постоянно стремящемуся къ улучшеніямъ для своего блага, онъ скорѣе всего развился.

31 гавань, изъ лучшихъ въ свѣтѣ, опоясываютъ эту страну рядомъ сборныхъ пунктовъ, къ которымъ стремятся въ громадномъ количествѣ произведенія различныхъ странъ,—и эти произведенія, если они сырьё, должны быть переданы во внутрь страны для обработки; потомъ изобрѣтенія Уата, Крамптона, Гергрэвса (Hergraves) и другихъ—все это вызвало потребность въ улучшеніи путей сообщенія. И Англія начала покрываться дорогами и каналами. Но условія постройки каналовъ невполнѣ удовлетворяли промышленнымъ потребностямъ. Въ 1829 г. провозъ по Бриджватерскому каналу стоилъ отъ $^1/_{10}$ до $^1/_7$ копѣйки съ пуда и версты; проходили-же товары 54 версты отъ 2—4 дней. А потребность была настолько велика, что при этихъ условіяхъ по цѣлымъ недѣлямъ товары ждали очереди. Неудобства очевидны—и изобрѣтеніе Стефенсона появилось очень кстати. Притомъ новая система перевозки грузовъ имѣла такой успѣхъ, что Ливерпульско-Манчестерская компанія немедленно рѣшилась принять новое изобрѣтеніе для перевозки грузовъ по своей дорогѣ (открытіе ея послѣдовало 15 Сентября 1832 г.). Быстрому распространенію новой системы также много способствовала катастрофа съ компаніей Бриджватерскаго канала, которая хотѣла удержать въ своихъ рукахъ монополію торговли между Ливерпулемъ и Манчестеромъ.

Послѣ введенія новой системы перевозки грузовъ Ливерпульско-Манчестерской компаніей, въ Англіи и другія компаніи начали заводить ту же систему передвиженія. Благодаря громадному количеству товаровъ, все стараніе было обращено на увеличеніе скорости и силы локомотива—и въ настоящее время локомотивъ является удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ страны.

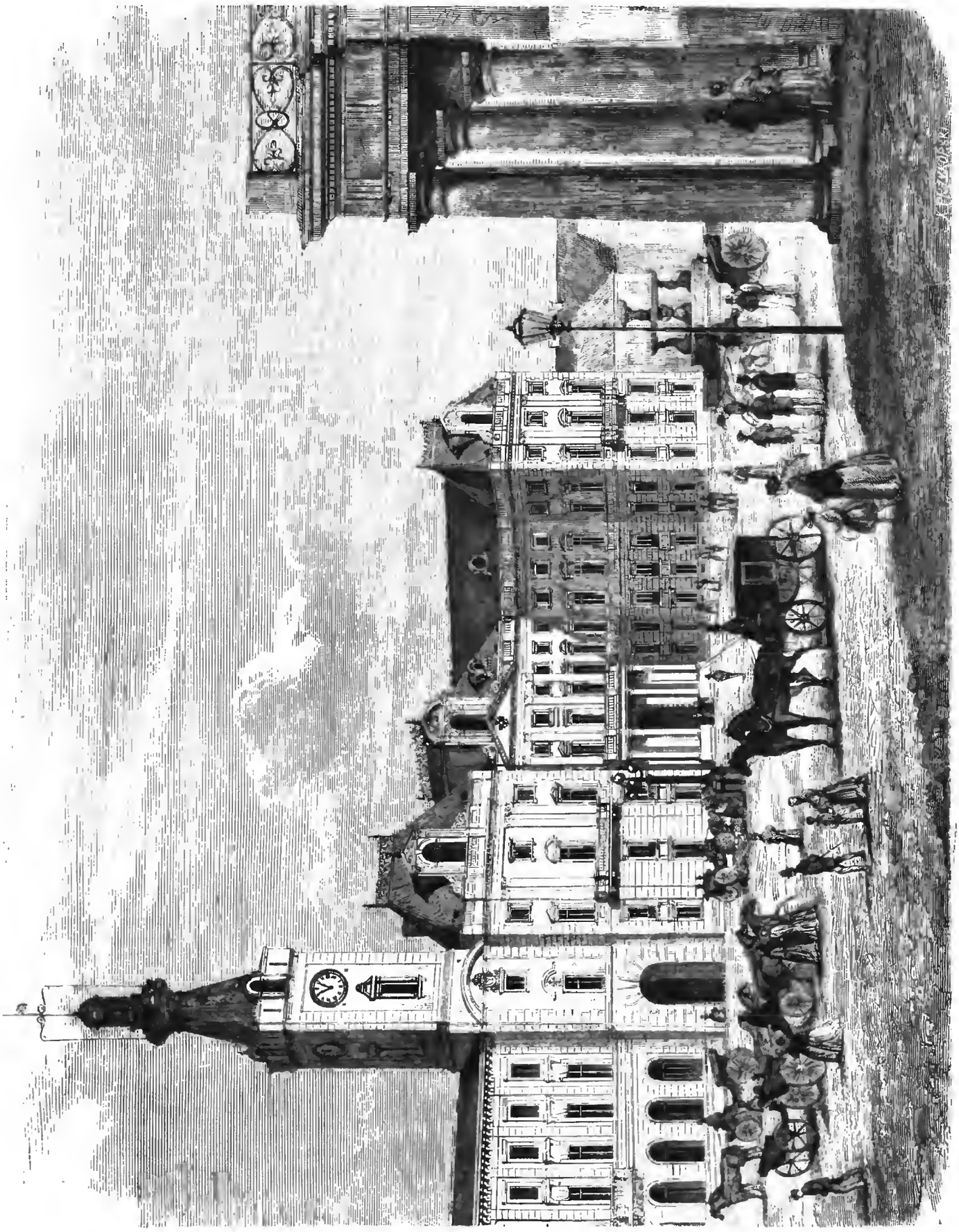
Примѣромъ возьмемъ локомотивъ Большой Западной дороги.

Локомотивъ этотъ устроенъ Брунелемъ младшимъ: всѣ части, мѣшающія скорости и силѣ локомотива, по возможности измѣнены или даже устранены: тендеръ сдѣланъ меньше; Стефенсоновъ продолговатый котелъ замѣненъ болѣе короткимъ; для пассажирскихъ поѣздовъ локомотивъ имѣетъ колеса въ 10 футъ въ поперечникѣ, для товарныхъ 6 сообщающихся пятифутовыхъ колесъ, 2000 куб. фут. площади огня, цилиндръ въ 24 дюйма въ поперечникѣ и ходъ поршня въ 28 дюймовъ.

Физіономія, которую принялъ локомотивъ при своемъ переходѣ во вторую область, въ Америку, какъ-бы отразила въ себѣ направленіе этой страны, хотя идеи, руководившія при постройкѣ перваго локомотива, были чисто англійскія.

Полный успѣхъ, сопровождавшій постройку желѣзныхъ дорогъ въ Англіи, весьма естественно возбудилъ всеобщее вниманіе въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ еще болѣе чувствовалась потребность въ улучшеніи путей сообщенія,—и потому неудивительно, если мы видимъ уже въ 1831 г. въ Америкѣ желѣзныя дороги. Первая концессія на постройку желѣзной дороги была выдана Могокъ-Гудзонской (Mohawk Hudson) компаніи. Эта дорога шла отъ Альбани по направленію къ Нью-Йорку на разстояніи 16 англійскихъ миль. Работа началась въ 1830 г. и была окончена въ 1831 г. На этой-то дорогѣ и была произведена первая попытка перевозить пассажировъ (изображеніе этого поѣзда мы помѣ-

Библиотека "Руниверс"



Ратуша въ Варшавѣ.

Библиотека "Руниверс"

щаемъ въ сегодняшнемъ №). Для этой попытки локомотивъ былъ вывезенъ изъ Англіи и назывался Джонъ-Булль; вѣсилъ онъ 4 тонны. Машинистомъ этого поѣзда былъ Джонъ Гампсонъ, родомъ англичанинъ. На этомъ поѣздѣ было 15 лицъ: 1) Неизвѣстный, 2) Льюисъ Бенедиктъ, 3) Джемсъ-Александръ, президентъ комерческаго банка, 4) Чарлсъ э-Дудлей, 5) Іаковъ Гайсъ (Hayes) оберъ констабль въ Нью-Іоркѣ. 6) Маіоръ Мэгсъ, шерифъ, 7) Неизвѣстный, 8) Билли Вайнъ, 9) Неизвѣстный, 10) Неизвѣстный, 11) Сурлоу (Thurlow) Видъ, 12) Неизвѣстный, 13) Іосифъ Іагъ, 14) Неизвѣстный, 15) Неизвѣстный.

Послѣ первой попытки Америка быстро стала покрываться желѣзными дорогами. Но страна, по которой приходилось проводить желѣзныя дороги, была велика—и потому надо было строить дороги или скоро и небрежно, или надежно но тихо. Этотъ вопросъ сильно интересовалъ всѣхъ—и было предложено въ сенатѣ: строить желѣзныя дороги надежнѣе и заботливѣе, ввиду многихъ несчастныхъ случаевъ на дорогахъ. Но это предложеніе нашло отказъ въ лицѣ самого президента. «Намъ приходится» говорилъ Линкольнъ «строить дороги или тихо и мало, но надежно,—или легко, но скоро и притомъ въ большомъ количествѣ. Въ первомъ случаѣ мы сбережемъ жизнь человѣческую, во второмъ мы выиграемъ въ могуществѣ, благѣ и силѣ государства Я вполнѣ жалѣю о тѣхъ жертвахъ, которыя придется намъ потерпѣть, если мы примемъ второе рѣшеніе: но какъ президентъ Штатовъ, я подаю всетаки за него голосъ.» И такъ, скорѣе строить! Слѣдствіемъ этого рѣшенія была постройка чисто американскихъ желѣзныхъ дорогъ: появились деревянные мосты, системы Тауна и другихъ, по устройству нигдѣ въ свѣтѣ не имѣющіе подобнаго по смѣлости выполненія, полотно на дорогахъ дѣлалось преимущественно изъ дерева, и локомотивы, приспособленные для ѣзды по такимъ путямъ. Система прямыхъ осей и внѣшняго цилиндра, оставленная въ Англіи, въ Америкѣ снова вводится; колеса устроиваются изъ одного куска желѣза, благодаря его хорошему качеству, тогда какъ въ Европѣ въ то время спицы дѣлались изъ кованнаго желѣза и вставлялись въ отливную ступицу, закрѣпляя все колесо ободомъ (tives). Тендеръ и котелъ, вслѣдствіе употребленія въ большинствѣ случаевъ дровъ, какъ горючаго матеріала, увеличились.

Желѣзныя дороги въ третьей области, на Европейскомъ континентѣ, имѣютъ своеобразный характеръ, существенно отличающійся отъ характера желѣзныхъ дорогъ Америки и Англіи. Морской берегъ, на значительномъ разстояніи, лишенъ хорошихъ гаваней, торговля не столь развита, какъ въ Англіи, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣются залежи угля и желѣза, плотность населенія средняя, національная добродѣтель разумной экономіи, сбереженіе человѣческой жизни на первомъ планѣ,—все это вызвало особый характеръ европейскаго локомотива. Все стараніе ученыхъ было обращено на устройство такого локомотива—и изобрѣтенія, подобныя Жифардову инъектору (впрыскивателю), Лешательерову тормазу и паровому крану Кзобреценскаго, нашли употребленіе на континентѣ.

Только при извѣстныхъ условіяхъ можно ограничить 4-ую «Альпійскую» область. Она раскинулась островами по всему желѣзнодорожному міру, и имѣетъ 2 центра: въ Европейскихъ Альпахъ и въ Скалистыхъ горахъ, въ Америкѣ.

Локомотивъ, употребляемый въ горахъ, не имѣетъ никакихъ особенныхъ принадлежностей и, по устройству и расположенію частей, сходенъ съ локомотивомъ употребляемымъ для перевозки большихъ поѣздовъ.

Ричардъ Патонъ, устроивъ въ 1842 г. машину съ 6 соединенными колесами (35 тонъ вѣса, 1300 куб. футъ площади огня, со внѣшнимъ цилиндромъ 18 дюймовъ въ поперечникѣ и ходъ поршня въ 22 дюйма) и помѣстивъ воду и топливо между осями подъ печью и паровикомъ, и проведя, посредствомъ этого локомотива, поѣздъ въ 3400 центеровъ вѣсу по долинѣ, наклонной подъ угломъ 41°, рѣшилъ вполнѣ проблему горнаго локомотива.

Но поднятія поѣзда подъ угломъ въ 41° было недостаточно, надо было устроить локомотивы для болѣе крутыхъ восхожденій. Первый локомотивъ для такого восхожденія былъ устроенъ Маферемъ въ Мюнхенѣ, затѣмъ Фишеромъ, Энгертомъ и другими. Но болѣе всего заслуживающій вниманіе локомотивъ былъ устроенъ Вольфомъ, Бендеромъ при постройкѣ желѣзной дороги чрезъ Карпаты. Для очень крутаго поднятія былъ устроенъ локомотивъ Робертомъ Стефенсономъ. Онъ былъ употребленъ въ первый разъ недалеко отъ Генуи у Dei-Giovi-Passe.

Стефенсовъ устроилъ машину, или вѣрнѣе двѣ машины, соединилъ ихъ задними сторонами, такимъ образомъ, чтобы одно лицо могло управлять. Но эта конструкція была неудобна и неэкономна. Воспользовавшись идеею Стефенсона, Ферли и Мейеръ устроили локомотивъ съ однимъ *длиннымъ* котломъ, и изъ этого мы видимъ, что въ теченіи 15 лѣтъ (съ 1842 г.) всѣ улучшенія Энгерта, Стефенсона привели опять къ первоначальному виду локомотива Патона. Это не единственный примѣръ—и исторія локомотива на каждомъ шагу намъ указываетъ на совершенство изобрѣтенія Стефенсона.

Варшавская ратуша.

Встарину эта часть города, нынѣ столь изящная, долго была пустыремъ. Все пространство отъ мѣстечка Великой Воли до нынѣшней Электоральной улицы, до Козьяго проулка, было занято глубокими песками. Отсюда, еще въ XVI и XVII столѣтіи, при постройкѣ болѣе или менѣе значительныхъ зданій, въ архивныхъ актахъ вписывалось, что зданія эти заложены *на пескахъ*.

По мѣрѣ расширенія города, околотокъ этотъ то застраивался, то снова, вслѣдствіе военныхъ погромовъ, терпѣлъ разрушеніе. Еще отъ XV вѣка уцѣлѣли слѣды нѣсколькихъ существовавшихъ здѣсь улицъ. Была, напр. улица *Подорожная*, выходившая на Краковское предмѣстье, нынѣ Сенаторская. На Театральной площади издавна высились деревянныя зданія соляныхъ складовъ, старый и новый мѣновой дворъ, на мѣстѣ которыхъ въ концѣ XVII вѣка является какое-то промышленное заведеніе, потомъ капитулъ каноничекъ, а по упраздненіи его въ наше время построенъ Большой театръ.

Насупротивъ этихъ зданій, гдѣ нынѣ ратуша, въ XVII вѣкѣ находился разбитый въ итальянскомъ вкусѣ садъ подскарбія Даниловича, граничащій съ урочищемъ издавна извѣстнымъ подъ именемъ Самсоніевскаго и съ деревянными домами горожанъ, которые, равно какъ и Даниловичевъ дворъ, сгорѣли во время первой шведской войны, и мѣсто это до 1692 года было совершеннымъ пустыремъ.

Въ началѣ XVIII вѣка отстроилъ его заново стольникъ Іеронимъ Потриковскій, а у наслѣдниковъ его въ 1722 г. мѣсто это было куплено Маріей Людовикой Бѣлинской, богатой владѣтельницей многихъ палацовъ и любившей строить ихъ. Подобный палацъ воздвигнула она и здѣсь, по смерти ея доставшійся въ 1733 году князю Станиславу Яблоновскому, въ родѣ котораго и оставался до 1804 года. Здѣсь жилъ сынъ его, князь Антоній, а когда помѣщеніе оказалось тѣснымъ, разобралъ старое зданіе и въ 1785 году выстроилъ новое по плану придворнаго архитектора Доменика Мерлини. Такъ какъ это зданіе оказывалось однимъ изъ изящнѣйшихъ въ Варшавѣ, то въ народѣ оно и до послѣдняго времени извѣстно было подъ именемъ палаца Яблоновскихъ.

Когда состоялось постановленіе о перенесеніи ратуши изъ Стараго города на удобнѣйшее мѣсто, городская управа выбрала для этой цѣли палацъ Яблоновскихъ и, пріобрѣтя его въ 1817 году, перестроила его по плану городскаго архитектора Фридриха Лесля въ главную ратушу. Впослѣдствіи къ нему присоединенъ былъ участокъ при улицѣ Даниловичевой, который и пошелъ подъ зданія магистрата, полиціи, пожарныхъ частей, ломбарда и проч.

При всемъ томъ, все зданіе, не смотря на многократныя передѣлки и ремонтъ, сохраняло первоначальный видъ палаца до пожара въ 1863 году, уничтожившаго три этажа главнаго фасада и одинъ этажъ пристройки.

Работы по возобновленію сгорѣвшей ратуши, подъ руководствомъ генералъ-лейтенанта Шуберскаго, продолжались съ 1864 по 1869 годъ. Главнымъ строителемъ былъ городской архитекторъ Іосифъ Орловскій. Согласно утвержденному проэкту, наружныя стѣны сгорѣвшаго зданія надлежало возвести въ первобытной ихъ формѣ. Задача эта была тѣмъ болѣе трудна, что отъ прежнихъ стѣнъ мѣстами уцѣлѣлъ одинъ оставъ. Оказывались и другія трудности, какъ напр. глубина земляныхъ работъ подъ фундаментъ при непостоянномъ грунтѣ почвы и проч.

Новоотстроенная ратуша занимаетъ нынѣ поверхность въ 154,509 квадр. футовъ. Прежняя внѣшность его сохранена въ совершенствѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ балконовъ и крыши французскаго стиля. Часть зданія, въ которой помѣщается канцелярія оберполиціймейстера, выстроена въ стилѣ XVIII вѣка и поражаетъ громадностью своихъ размѣровъ. Между ней и ратушей высится башня въ 190 футовъ съ пожарной каланчей, откуда видѣнъ весь городъ. Подъ каланчей устроены башенные часы съ тремя циферблатами, освѣщаемыми газомъ.

Главный дворъ ратуши, на который въѣзжаютъ съ театральной площади, украшенъ громадными воротами.

Политическое обозрѣніе.

Балканскій полуостровъ снова сдѣлался мѣстомъ кровопролитія: въ одной изъ турецкихъ провинцій, населенныхъ христіанами, вспыхнуло возстаніе. На этотъ разъ за оружіе взялись уже не черногорцы, какъ это было въ прошломъ году при Подгорицѣ, и не босняки, какъ это было въ 1873 году,—а жители Герцеговины, провинціи смежной, съ одной стороны съ Черногоріей, а съ другой—съ принадлежащей Австріи Далмаціей. Поводомъ къ возстанію, по увѣренію турецкаго правительства, по-

Библиотека "Руниверс"

служило слѣдующее обстоятельство: нѣсколько герцеговинцевъ, разграбившихъ будто бы турецкій караванъ, бѣжали въ Черногорію; тамъ они упросили черногорскаго князя выхлопотать для нихъ безпрепятственное возвращеніе на родину; вернувшись съ оружіемъ въ рукахъ, они отказались платить налоги, разогнали турецкихъ сборщиковъ податей и своимъ примѣромъ возмутили нѣсколько окрестныхъ деревень. Таковы причины, выставленныя константинопольскимъ правительствомъ въ конфиденціальномъ сообщеніи, съ которымъ оно обратилось къ европейскимъ державамъ по поводу герцеговинскаго возстанія. На самомъ же дѣлѣ событія въ Герцеговинѣ представляются совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ.

Дѣйствительно, самою коренною причиною вспыхнувшаго возстанія является отказъ герцеговинцевъ уплачивать туркамъ подати; справедливо также и то, что жители этой провинціи очень часто переходятъ черезъ границу въ Черногорію, въ надеждѣ найдти для себя тамъ защиту и покровительство, а изъ чувства привязанности къ родинѣ возвращаются обратно. Но турецкое правительство благоразумно умалчиваетъ о причинахъ, заставляющихъ населеніе Герцеговины выселяться въ Черногорію, бѣжать съ мѣста родины, оставляя на произволъ судьбы свое хозяйство, свои семьи; между тѣмъ въ этихъ-то причинахъ и заключается вся сила... Для уразумѣнія дѣла надо знать, что населеніе этой злополучной турецкой провинціи состоитъ изъ такъ-называемыхъ *бековъ*, отурчившихся славянъ, богатыхъ землевладѣльцевъ, бывшихъ одноплеменниковъ герцеговинцевъ и остальной массы населенія, оставшейся вѣрною христіанской вѣрѣ и своей славянской національности. Богатые беки пользуются всякимъ случаемъ для притѣсненія бѣднаго населенія, вслѣдствіе чего между тѣми и другими очень часто возникаютъ споры; турецкія власти въ такихъ случаяхъ становятся обыкновенно на сторону болѣе сильную, т. е. поддерживаютъ интересы землевладѣльцевъ, отъ которыхъ до нѣкоторой степени зависятъ и сами. Такого рода притѣсненія и несправедливости съ одной стороны, и невыносимо тяжелые налоги—съ другой — заставляютъ герцеговинцевъ переселяться въ сосѣднія провинціи. Но пребываніе ихъ на чужбинѣ продолжается обыкновенно недолго: зная очень хорошо мстительный нравъ бековъ, заранѣе увѣренныхъ не только въ безнаказанности за свои поступки, но даже въ поддержкѣ мѣстныхъ властей, и готовыхъ мстить родственникамъ бѣглецовъ, «*ускоки*» въ скоромъ времени возвращаются на родину, гдѣ ихъ ждетъ жестокое преслѣдованіе какъ со стороны махомеданскихъ землевладѣльцевъ, такъ и отъ мѣстныхъ турецкихъ властей.

Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Одинъ изъ вожаковъ, бѣжавшихъ въ Черногорію нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, по возвращеніи на родину, былъ схваченъ турками, которые намѣревались-было тотчасъ же и покончить съ нимъ. Но на эту сцену подошелъ членъ невесиньскаго суда Юро Симоничъ и вступился за своего собрата. Тогда бѣшенство турокъ обратилось на этого несчастнаго—и на другой день онъ былъ убитъ... Вслѣдъ затѣмъ турки убили другаго славянина, содержателя гостинницы, продававшаго пищу герцеговинскимъ бѣглецамъ. Убійства слѣдовали за убійствами. Турки завладѣли казеннымъ пороховымъ погребомъ, не встрѣчая никакого препятствія со стороны властей, и дѣло приняло настолько серіозный оборотъ, что христіане должны были, для собственной безопасности, взяться за оружіе. Между турками и герцеговинцами произошло уже нѣсколько болѣе или менѣе серіозныхъ сраженій, и въ большинствѣ случаевъ перевѣсъ оказывался на сторонѣ повстанцевъ: при одномъ только селеніи Струги, герцеговинцы должны были уступить непріятелю. 27-го іюля, инсургенты, въ числѣ 1,200 человѣкъ, напали на гораздо болѣе значительныя силы турокъ при Невесиньи и, послѣ ожесточеннаго боя, завладѣли 13 турецкими пушками и 130 ружьями; въ этомъ мѣстѣ турки лишились убитыми до 200 человѣкъ. Вслѣдъ затѣмъ были еще три незначительныя битвы, въ томъ числѣ и битва при Столацѣ, небольшой крѣпосцой котораго завладѣли инсургенты. Впрочемъ, не смотря на всѣ эти мелкія удачи, герцеговинцы не могутъ не сознавать, что держаться противъ многочисленнаго непріятеля имъ не придется долго: а потому и рѣшились удалиться въ горы и лѣса, откуда и вести партизанскую войну. Говорятъ, что турки собрали въ Мостарѣ двадцатитысячное войско, которое и намѣрены двинуть противъ повстанцевъ. Въ странѣ, охваченной возстаніемъ, образовался уже тайный революціонный комитетъ, мѣстопребываніе коего неизвѣстно; онъ наводняетъ весь Балканскій полуостровъ прокламаціями, въ которыхъ совѣтуетъ инсургентамъ, не входя въ открытую борьбу съ турками, по возможности затягивать возстаніе, чтобы Сербія и Черногорія были вынуждены поддержать его и вступиться за своихъ братьевъ: совѣтуетъ щадить чужое имущество и не предаваться преслѣдованію изъ-за религіозныхъ побужденій; окончательною цѣлью возставія выставляется соединеніе Боснія, Герцеговины, Сербіи и Черногоріи въ одно государство. Подъ нѣми прокламаціями стоитъ подпись: «Главный комитетъ для освобожденія отъ турецкаго ига». Возстаніе охватило всѣ деревни Невесиньскаго и Столацкаго округовъ и часть округовъ Билеке и Требинье, вплоть до Далматинской границы, включая въ то число и деревни съ католическимъ населеніемъ, до сихъ поръ поддерживавшимъ турокъ. Сколько можно судить по отрывочнымъ извѣстіямъ, требованія инсургентовъ заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ отмѣнѣ добавочныхъ податей; 2) въ уменьшеніи налоговъ на овцеводство; 3) въ уменьшеніи налоговъ, взимаемыхъ за освобожденіе отъ военной службы, и 4) въ организаціи полиціи изъ мѣстныхъ жителей, взамѣнъ нынѣшней турецкой.

Что же дѣлаютъ сосѣднія съ Герцеговиной, единоплеменныя ей Сербія и Черногорія? Какъ относятся жители этихъ двухъ мѣстностей къ дѣлу своихъ несчастныхъ братьевъ? Положеніе двухъ этихъ государствъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, весьма незавидное. Князь Черногорскій Николай и Сербскій князь Миланъ, согласно данному обѣщанію и требованіямъ первостепенныхъ державъ, Англіи, Австріи и Россіи, стараются удержать за собой нейтральное положеніе; а потому употребляютъ необычайныя усилія для того, чтобы предотвратить вмѣшательство своихъ подданныхъ въ герцеговинскую распрю. Но сила вещей беретъ свое, и холодный разсчетъ дипломатіи оказывается безсильнымъ передъ горячимъ патріотизмомъ сербовъ: по всей Черногоріи и Сербіи открылась подписка въ пользу герцеговинскихъ инсургентовъ, имъ пересылается оружіе, деньги, боевые и съѣстные припасы; комплектуются небольшіе отряды, которые и переходятъ безпрепятственно въ Герцеговину, на помощь своимъ собратьямъ. По этому поводу, турецкое министерство иностранныхъ дѣлъ сочло необходимымъ обратиться къ представителямъ первостепенныхъ державъ съ особой нотой, въ которой отвѣтственность за герцеговинское возстаніе возлагаетъ, между прочимъ, на Сербію и Черногорію—и грозитъ, въ случаѣ усиленія борьбы, занять означенныя княжества своими войсками. Предводители возстанія, съ своей стороны, отправили въ Вѣну, Берлинъ и Петербургъ записку, въ которой, изображая невыносимо-тягостное положеніе герцеговинскихъ христіанъ подъ игомъ турокъ, просятъ заступничества этихъ державъ и обузданія своихъ заклятыхъ національныхъ, религіозныхъ и экономическихъ враговъ. Кромѣ того, князь Черногорскій Николай, отправилъ въ Вѣну сенатора Илью Пламенаца съ порученіемъ заявить Вѣнскому кабинету, что правительство Черногорскаго княжества не въ состояніи удерживать своихъ подданныхъ отъ вмѣшательства въ герцеговинскія дѣла.

При извѣстной ненависти балканскихъ христіанъ къ турецкому владычеству, герцеговинское возстаніе грозитъ на этотъ разъ принять весьма серіозный оборотъ и, чего-добраго, можетъ возбудить старый и, въ то же самое время,—вѣчно юный «восточный вопросъ». Дряхлѣющая съ каждымъ днемъ Порта перестаетъ возбуждать къ себѣ сочувствіе даже въ своей неизмѣнной союзницѣ и покровительницѣ—Англіи. Спекулятивный духъ британской націи разнюхалъ весьма незавидное, даже, можно сказать, критическое положеніе турецкихъ финансовъ, съ которыми тѣсно связаны и обороты многихъ банкирскихъ домовъ Англіи; а потому прежней дружбы — какъ не бывало! Изъ обнародованнаго недавно турецкимъ правительствомъ государственнаго бюджета видно, что ежегодный дефицитъ въ этой странѣ достигаетъ 40 мильоновъ рублей!.. Въ такой крайности, турецкіе государственные люди прибѣгаютъ даже къ героическимъ средствамъ: убавляютъ свое жалованье на двѣ трети, увеличиваютъ таможенныя пошлины на 12% и проч. Ко всѣмъ этимъ невзгодамъ для Турціи, присоединяются еще и внутреннія интриги, преимущественно въ придворной сферѣ. Честолюбивая султанша Валиде ведетъ, вмѣстѣ съ своею довольно многочисленною партіей, тайную интригу въ пользу измѣненія нынѣшняго порядка престолонаслѣдія, при которомъ престолъ обыкновенно переходитъ къ старшему въ родѣ, чтобы на будущее время установить прямую преемственность отъ отца къ сыну. Пользуясь вліяніемъ на сына своего, Юсуфа-Изеддина, она во что бы то ни стало желаетъ видѣть его на престолѣ; но этому сильно противится какъ самъ султанъ, такъ въ особенности старая турецкая партія, состоящая изъ людей крайняго консервативнаго направленія, для которой всякое измѣненіе существующихъ порядковъ равносильно чуть ли не святотатству.

Таковымъ представляется положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Герцеговинское возстаніе привлекаетъ къ себѣ вниманіе всей Европы—и привлекаетъ не безъ основанія, такъ какъ теченіе событій въ этой странѣ до такой степени измѣнчиво, что можетъ ежеминутно грозить даже перетасовкой всего того, что сдѣлано до сихъ поръ при участіи первостепенныхъ державъ и на чемъ уже и думали успокоиться.

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу главнаго военно-морскаго суда, 14-го апрѣля сего года, удостоивъ Высочайшаго утвержденія военно-морской уставъ о наказаніяхъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: срокомъ для введенія въ дѣйствіе настоящаго устава по морскому вѣдомству на-

Библиотека "Руниверс"

значить 1-е августа текущаго года, съ тѣмъ чтобы съ сего числа постановленія новаго суда примѣнялись ко всѣмъ дѣламъ, которыя не получатъ до сего времени окончательнаго рѣшенія: за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, гдѣ опредѣляемыя настоящимъ уставомъ взысканія строже наказаній, назначаемыхъ дѣйствующими доселѣ по морскому вѣдомству законами, въ каковыхъ случаяхъ постановлять приговоры о подсудимыхъ на основаніи узаконеній, существовавшихъ во время учиненія преступленій.

Дѣла церкви.

— Нижегородское губернское по обезпеченію быта духовенства присутствіе утвердило, какъ видно изъ журналовъ этого учрежденія, значительное число приговоровъ сельскихъ обществъ объ обезпеченіи быта сельскаго духовенства. Въ приговорахъ этихъ крестьяне принимаютъ на себя различныя по содержанію причтовъ обязательства; такъ, напримѣръ, одни изъ сельскихъ обществъ взамѣнъ доходовъ, получаемыхъ причтомъ отъ требъ, обязываются платить ежегодно причтамъ деньгами, а также выкупать у священника и діакона дома; другія общества выражаютъ желаніе къ доходамъ, получаемымъ причтомъ отъ требъ и съ земли, доплачивать ежегодно опредѣленную сумму; третьи, взамѣнъ доходовъ отъ требъ и сборовъ хлѣбомъ и другими продуктами, обязываются сбирать съ каждой ревизской души по 1 мѣрѣ ржи и по 50 к. деньгами, и доставлять все это ежегодно причту въ установленные сроки, а также пріобрѣсти для жительства священника и псаломщика, чрезъ выкупъ у нихъ, дома, которые и ремонтировать на приходскій счетъ; четвертые, вмѣсто хлѣбныхъ сборовъ, производимыхъ самимъ причтомъ, предлагаютъ сбирать въ пользу его съ каждой души по полумѣрѣ ржи и по полумѣрѣ дикушки, и доставлять этотъ сборъ причту чрезъ сельскихъ старостъ въ полномъ количествѣ не позже 1-го октября каждаго года, а также пріобрѣсти для жительства священника и псаломщика дома, которые ремонтировать и страховать на приходскій счетъ.

Военное и морское дѣло.

— Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству, 27-го сего іюля, повелѣно: Существующія нынѣ семь армейскихъ кавалерійскихъ дивизій съ № 1-го по 7-й, раздѣливъ пополамъ, переформировать въ 14 таковыхъ же дивизій, съ № 1-го по 14-й, съ присоединеніемъ къ каждой дивизіи по одному донскому армейскому казачьему полку, и сверхъ того образовать новую отдѣльную донскую казачью дивизію изъ четырехъ армейскихъ казачьихъ полковъ донскаго войска, съ подраздѣленіемъ ея на двѣ бригады.

Пути сообщенія.

— Въ газетѣ «Кіевлянинъ» пишутъ, что Днѣпръ мелѣетъ болѣе и болѣе. Уже верстахъ въ 15 отъ Кіева есть мели, на которыхъ пароходы убавляютъ ходъ и ѣдутъ постоянно промѣривая глубину; но между Трипольемъ и Ржищевымъ, возлѣ селъ Стайки и Рудяки, мели дѣлаютъ почти невозможнымъ проходъ сколько нибудь глубоко сидящихъ пароходовъ. Обыкновенно возлѣ этихъ селъ пароходы стоятъ часа два, три, и все это время пробуютъ пройдти по песку. Это пока имъ обыкновенно и удается. Между Каневомъ и Черкасами мели однако уже такъ значительны, что проходъ глубже сидящихъ пароходовъ вовсе невозможенъ и пассажиры пересаживаются на меньшіе пароходы.

— Открытіе всей линіи Ростово-Владикавказской желѣзной дороги для пассажирскихъ поѣздовъ послѣдуетъ, какъ сообщаютъ въ „Терскихъ Вѣдомостяхъ“, 2-го августа.

СОДЕРЖАНІЕ: Маргарита Савойская, супруга принца Гумберта Піемонтскаго, наслѣдника Итальянскаго престола (съ портретомъ). — Орелъ-дѣвка (изъ жизни въ тирольскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.—Красавица (картина Лесли, на выставкѣ Лондонской Академіи)—Дикая кошка (разсказъ тюрингенскаго охотника) (съ рисункомъ).—Разумное воспитаніе дѣтей. II. Игры дѣтей.—Пути перелетныхъ птицъ.—Исторія локомотивовъ (съ рисункомъ),—Ратуша въ Варшавѣ (съ рисункомъ). Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Пансіонъ Г-на А. БИБЕРЪ,

Учителя французскаго языка, В. О. 5 линія, уголъ большаго пр., д. № 18.

Классы начнутся 18-го августа, пріемъ учениковъ ежедневно, съ 10 до 6 час. Ученики приготовляются въ классическія и реальныя училища по программамъ этихъ заведеній. Для физическаго развитія воспитанниковъ устроены въ саду гимнастика и разныя игры, а зимою тамъ-же катокъ. Плата за пансіонера за учебное полугодіе 200 р., за полупансіонера 125 р. и за приходящаго съ 50 до 75 руб.

Въ магазинахъ А. КРУМБЮГЕЛЯ.

1) Невскій проспектъ, № 62, напротивъ Аничкина дворца.
2) Большая Морская, домъ Жако, № 11.

ЛУЧШІЯ И ДЕШЕВЫЯ НОВѢЙШЕЙ КОНСТРУКЦІИ

КЕРОСИННЫЯ ИЛИ ПЕТРОЛЕВЫЯ КУХНИ всѣхъ величинъ.

Для **варенія** и **жаренія** самымъ простымъ, очень удобнымъ и дешевымъ способомъ.

Цѣна кухни начиная съ 2 р. 50 коп.

Кухни эти при употребленіи не производятъ **запаху или копоти**, притомъ совершенно **безопасны**.

Керосина сгораетъ на рожекъ на 1/4 коп. въ часъ. За каждую у меня купленную кухню ручаюсь въ томъ, что она при употребленіи не будетъ давать ни чада, ни запаха.

Настоящія почтовыя марки всѣхъ государствъ дешево продаются:

Большой Каталогъ (5000 №) съ 72 раскрашенными начертаніями, цѣна 1 марки (30 коп.) (прежде 2 м рки).

Иллюстрированный журналъ для почтовыхъ марокъ на 2 года (каждый нумеръ съ многими иллюстраціями) цѣна за годъ 3 марки (90 коп.).

Пробный листъ и прейсъ-курантъ безплатно.

Покупка и продажа почтовыхъ марокъ

ЛУИ ЗЕМФЪ въ Лейпцигѣ, Германія.

6—4

45—8

РЕДАКЦІЯ спеціальнаго Иллюстрированнаго **журнала** (занимствующаго дамскіе и дѣтскіе костюмы, женскія рукодѣлія, бѣлье и вуафюры исключительно изъ лучшихъ французскихъ журналовъ),

„МОДЫ И РУКОДѢЛІЯ“

въ С.-Петербургѣ, по Невскому просп. на углу Большой Морской № 18—14. **Объявляетъ полугод. подписку** (съ 13 № по 15 Іюля) 2 р. 50 в., съ доставкою 3 р. и перес. 3 р. 50 в. (на годъ 4 р., 5 р. и 6 р.) съ **полными вырѣзными выкройками** и раскрашенными картинками.

2—2

Учебное заведеніе 1-го разряда

съ полнымъ курсомъ **Классической гимназіи**

содержимое Э. РЕПМАНОМЪ въ Москвѣ.

Помѣщается, на Гончарной ул., близь Яузскаго моста въ д. Степановой.

Пріемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа. 10-4

ФАБРИКА Г. ВЕРНЕРА

ВЪ КАМЕНЦѢ ВЪ СИЛЕЗІИ.

Рекомендуетъ свои, получившіе преміи на всѣхъ выставкахъ: въ Вѣнѣ, Познани, Бременѣ, Прагѣ, Краковѣ и т. д., чрезвычайно легкоходные ПЛУГИ и другія сельскохозяйственныя орудія.

Каталоги по требованію высылаются безплатно.

Письма прошу адресовать: **D-r Werder, Leipzig.** 5 5

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

НЕСТЛЕ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, имѣющее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко перевариваемо, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицѣ,
2) при отниманіи ребенка отъ груди и
3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, **у Штоля и Шмидта**, въ Спб. — **химической лабораторіи**, русскаго общества торговли **аптекарскими товарами, у Рулковіуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохтса, — у Каушмана**, Вас. остр.,—**у В. Баландина**, Литейная, д. № 57-й, **у Ушакова** — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговляхъ Россійской имперіи. 26—26

„При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ чайн. магазина Ольги Корещенко въ Москвѣ“.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 4 Августа 1875 г. Изданіе **А. Ф. Маркса**. Въ Спб. Больш. Морская, д. № 9. Тип. Безпрата Англ. пр. № 10.

Библиотека „Руниверс“

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 34 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 24 Августа 1875 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

Русскій ученый въ Новой Гвинеѣ.

Николай Николаевичъ Миклуха-Маклай родился въ 1846 году, въ одной изъ деревень отца своего, помѣщика Новгородской губерніи. Кончивъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ, онъ отправился за границу и слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ, Лейпцигѣ и Іенѣ. Первоначально изучалъ онъ права, но впослѣдствіи посвятилъ себя естественнымъ наукамъ и медицинѣ, спеціально занимаясь сравнительною анатоміею.

Объѣхавъ почти всю Европу, г. Миклуха-Маклай въ 1866 году предпринялъ путешествіе на острова Мадейру, Канарскіе и въ Марокко. Три года спустя онъ совершилъ экскурсію по берегамъ Чермнаго моря и Малой Азіи, а въ 1870 году отправился въ Тихій Океанъ на корветѣ «Витязь».

Посѣтивъ Бразилію, Патагонію, Чили и многіе изъ тихо-океанскихъ острововъ, онъ въ 1871 году высадился на берегъ Новой Гвинеи.

Н. Н. Миклуха-Маклай, русскій путешественникъ по Новой Гвинеѣ. Съ фотографіи грав. Вейерманъ.

Какъ извѣстно, европейцы познакомились съ этимъ островомъ ранѣе прочихъ острововъ Тихаго океана. Португалецъ Менесесъ былъ первымъ посѣтившимъ Новую Гвинею въ 1526 году; названіе же землѣ этой дано Ортесомъ де-Рецомъ по сходству жителей ея съ неграми африканской Гвинеи. Впрочемъ, никому и въ голову не приходило, чтобы это былъ отдѣльный островъ, и въ теченіи всего XVI вѣка Новая Гвинея считалась сѣверною окраиною австралійскаго материка. Только въ 1606 году испанецъ Торресъ открылъ проливъ, раздѣляющій эти страны и названный по его имени — Торресовымъ. Хотя островъ этотъ, принадлежащій къ величайшимъ и богатѣйшимъ на всемъ земномъ шарѣ, такимъ образомъ уже болѣе трехъ сотъ лѣтъ извѣстенъ европейцамъ, — однако до

Библиотека "Руниверс"

сихъ поръ онъ былъ почти не изслѣдованъ и на немъ еще много мѣстъ, куда не ступала нога европейца. Ученые изслѣдователи не проникали еще въ срединныя части Новой Гвинеи, да и береговая линія изслѣдована лишь мѣстами. Островъ не принадлежитъ ни одному изъ европейскихъ государствъ: на немъ безраздѣльно господствуютъ независимые дикари—съ тѣхъ поръ какъ голландцы, учредившіе здѣсь колонію въ 1828 г., принуждены были въ 1836 году оставить ее по безвыгодности. Сѣверная береговая линія острова склоняется къ востоко-юго-востоку однообразной полосой, сначала плоской, болотистой, покрытой значительными лѣсами, затѣмъ являются горы, которыя мало по малу становятся очень высокими, но представляютъ мало бухтъ и ни одного залива. На востокъ отъ главнаго острова представляются обширныя группы значительныхъ острововъ вулканическаго происхожденія, покрытыхъ роскошной растительностью. Юго-западная береговая линія Новой Гвинеи, плоская и болотистая, окружена обширными плоскими мелями; южный берегъ, поросшій густыми болотистыми лѣсами, совершенно недоступенъ судамъ по причинѣ множества коралловъ и рифовъ и плоскихъ мелей. На югъ Новая Гвинея оканчивается полуостровомъ Вонимъ-ди-Атасъ, на сѣверномъ берегу котораго есть нѣсколько бухтъ и хорошихъ гаваней, а еще далѣе на юго-востокъ лежитъ группа острововъ—архипелагъ Луизіадовъ. Съ сѣверо-запада Новая Гвинея кончается такимъ же, изрѣзаннымъ глубокими бухтами и заливами, полуостровомъ Вонимъ-ди-Бава съ высокими обрывистыми горными цѣпями, изъ которыхъ одна достигаетъ 3,000 метровъ, а другая покрыта вѣчными снѣгами, слѣдовательно по всей вѣроятности выше 5,000 метровъ. Эти горы, какъ и всѣ низменности, поросли необозримыми, непродорными чащами лѣсовъ исполинскихъ деревьевъ, корненусковъ, казуаринъ, кариссовъ и т. д. По возвышенностямъ и на горахъ часто встрѣчаются превосходныя пальмы, съѣдобныя, пѣерныя и зонтичныя, красующіяся во всей своей обворожительной роскоши. Рядомъ съ этими тропическими растеніями высятся могучіе панданы, стрелиціи, фиговыя деревья и т. п., обвитыя ліанами и увѣшанныя гирляндами чужеядныхъ растеній, которыя отъ самой земли и до вершины сплошь покрываютъ ихъ своими листьями и цвѣтами въ видѣ пестрой мантіи. При всей близости экватора, влажности воздуха и плодородіи почвы, жаръ въ Новой Гвинеѣ отнюдь нельзя назвать невыносимымъ какъ въ Австраліи; здѣсь его умѣряетъ гористый характеръ страны. Что касается извѣстной доселѣ фауны Новой Гвинеи, то на островѣ вовсе нѣтъ обезьянъ, хищныхъ и насѣкомоядныхъ, и только три породы сумчатокъ, одинъ видъ свиньи, изъ плотоядныхъ парадоксъ, и одинъ видъ летучихъ мышей; почти всѣ эти звѣри ночные. Гораздо разнообразнѣе птицы: кончики, ястреба, совы, кукушки, ласточки, медососы, дрозды, мухоловки, вѣнценосные и вѣерные голуби, казуары, лѣсныя и болотныя птицы въ изобиліи. Гадовъ до 30 видовъ, 6 змѣиныхъ, нѣсколько морскихъ черепахъ, обыкновенный индѣйскій крокодилъ, два-три рода ящерицъ и особаго вида лягушка (Hyla cyanea) съ голосомъ вороны. Рѣки Новой Гвинеи кишатъ рыбою въ неслыханномъ множествѣ и разнообразіи. Остальные классы животныхъ мало изслѣдованы. Путешественники разсказываютъ о чудесныхъ большихъ бабочкахъ, саранчѣ, москитахъ и комарахъ. Зоофиты многочисленны и разнообразны: коралловыя постройки всевозможныхъ цвѣтовъ буквально покрываютъ морское дно—то въ видѣ фантастически-разнѣтвленныхъ деревьевъ, то зубчатымъ окаменѣлымъ мохомъ, то широкими лопастями, странно изогнутыми въ видѣ листьевъ. Жители Новой Гвинеи—папуасы, австралійскіе негры, съ шершавой на ощупь кожею на лицѣ и всемъ тѣлѣ и съ курчавыми, расположенными пучкообразно волосами, отчего происходитъ и самое названіе ихъ (пуа-пуа—по малайски: курчавый). Цвѣтъ кожи почти черный; черты лица и овалъ довольно правильные и пріятные; только ноздри раздуты и губы толсты. Впрочемъ между отдѣльными племенами есть много особенностей: есть племена очень высокаго роста и очень маленькаго. Касательно характера туземцевъ, нѣкоторые путешественники утверждаютъ, будто это племя кроткое и гостепріимное; другіе, напротивъ, называютъ ихъ дикими, коварными и даже злыми людоѣдами. Женщины менѣе мужчинъ красивы, меньше ростомъ и слабѣе. Папуасы не носятъ никакой одежды, но любятъ украшенія. Оружіе ихъ лукъ, стрѣлы и копье. Цѣпкость, ловкость и быстрота изумительны.

Мы нарочно остановились на нѣкоторыхъ подробностяхъ при описаніи Новой Гвинеи, чтобы показать, какія трудности приходилось выносить русскому путешественнику, когда онъ высадился въ половинѣ сентября 1871 года на негостепріимный берегъ (впослѣдствіи назван. *берегомъ Маклая*), въ сопровожденіи двухъ слугъ, и распрощался съ доставившимъ его экипажемъ.

Заливъ оказался весьма углубившимся во внутрь острова и заселенъ дикарями Папуа по всему протяженію своихъ береговъ. По избраніи г. Миклухою-Маклаемъ мѣста на берегу, съ корвета были даны всѣ средства къ устройству жилья и защиты его отъ нападенія дикарей. Въ теченіи 5 дней употреблено было 110 человѣкъ рабочихъ, не считая гребныхъ судовъ. Расчистили мѣстность кругомъ его дома, въ діаметрѣ на 30 саженъ, отъ дѣвственнаго, непроницаемаго лѣса. Сдѣлали кругомъ дома въ нѣкоторомъ разстояніи шесть пороховыхъ минъ и вполнѣ вооружили и зарядили ихъ на случай нападенія; проводники всѣ провели въ домъ и научили г. Миклуху-Маклая какъ ими дѣйствовать. Мѣстность по мнѣнію командира «Витязя», была неудобна въ томъ отношеніи, что съ нея нельзя было усмотрѣть ни одного проходящаго корабля, и обратно, ни одинъ корабль не могъ бы разсмотрѣть мѣстопребываніе европейца и его флагъ на мачтѣ; кромѣ того, она имѣла всѣ данныя для развитія лихорадки. Съ корвета же былъ уступленъ путешественнику 4-хъ-весельный ялъ со всѣми принадлежностями.

Помощи ждать было не откуда, приходилось разсчитывать единственно на свои силы. Туземцы, жители залива Астролябія, гдѣ поселился г. Миклуха-Маклай, оказались подозрительными, и имъ очень не нравились посѣщенія ученаго, хотя сами они приходили къ нему за табакомъ и другими бездѣлками, которые тотъ дарилъ имъ или вымѣнивалъ на плоды и овощи. Они слѣдили за каждымъ шагомъ ученаго, въ особенности когда онъ подходилъ къ ихъ деревнямъ. Г. Миклуха-Маклай сталъ понемногу изучать ихъ языкъ, но изученіе шло медленно: папуасы неохотно и лѣнно отвѣчали на его вопросы. Одинъ изъ слугъ, полинезіецъ, заболѣлъ и слегъ; къ серіозной хронической болѣзни присоединилась мѣстная лихорадка. Его примѣру послѣдовалъ и другой слуга, европеецъ Ульсонъ, шведъ по происхожденію, бывшій матросомъ на китобойномъ суднѣ. Нашему путешественнику пришлось одному приготовлять пищу для троихъ, лечить больныхъ и ухаживать за ними, носить воду, рубить дрова, принимать визиты папуасовъ, дѣлать метеорологическія и другія наблюденія и т. д. Благодаря своимъ познаніямъ въ медицинѣ, г. Миклуха-Маклай скоро поставилъ Ульсона на ноги, возвративъ себѣ такимъ образомъ одного изъ помощниковъ. Но въ началѣ ноября того же 1871 года, неутомимый изслѣдователь и самъ почувствовалъ первые пароксизмы лихорадки, которые уже не покидали его во все время пребыванія въ Новой Гвинеѣ, возвращаясь каждыя двѣ недѣли, иногда и два раза, очень ослабляя организмъ и мѣшая многимъ предпріятіямъ. Папуасы разныхъ береговыхъ и горныхъ деревень почти ежедневно толпами посѣщали его хижину, такъ какъ молва о его пребываніи распространялась все далѣе и далѣе. Это было разнообразіемъ монотонной жизни между двумя больными; но подчасъ, когда путешественникъ чувствовалъ себя крайне нездоровымъ,—посѣщенія папуасовъ, съ ихъ подозрительностью и нахальнымъ любопытствомъ, были ему далеко непріятны.

Рифъ, окружавшій мысокъ, гдѣ стояла хижина г. Миклухи-Маклая, могъ быть источникомъ интересныхъ зоологическихъ наблюденій и изслѣдованій; но для этого нашъ ученый долженъ былъ бродить по поясъ или по колѣно въ водѣ, вслѣдствіе чего пароксизмы возобновлялись—и ему поневолѣ приходилось отказываться отъ изслѣдованій. Наконецъ, полинезіецъ, не хотѣвшій принимать никакихъ лекарствъ и изнуренный лихорадкою, умеръ 14-го декабря. Между тѣмъ папуасы, видя, что пришлыхъ людей только двое и кромѣ того одинъ изъ нихъ (Ульсонъ) часто хвораетъ,—незнакомые съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, котораго г. Миклуха-Маклай имъ до того времени не показывалъ, не желая увеличивать ихъ подозрительность и боясь еще болѣе ихъ отстранить отъ себя,—дѣлались все нахальнѣе, и предполагая большія сокровища въ хижинѣ ученаго, стали угрожать ему и Ульсону смертью. Г. Миклуха-Маклай принималъ ихъ угрозы шутками или не обращалъ на нихъ вниманія, но прежнему ходилъ по лѣсу, посѣщалъ ихъ деревни. При появленіи его поднималась страшная суматоха: женщины и дѣти съ визгомъ бросались въ хижины и въ лѣсъ, собаки выли, мужчины съ оружіемъ, съ крикомъ и съ особеннымъ воинственнымъ рычаніемъ сбѣгались къ нему, пуская стрѣлы, такъ что послѣднія очень близко пролетали отъ его лица и груди, приставляли свои тяжелыя копья вокругъ головы и даже подъ часъ безъ церемоніи совали остріе копій ему въ ротъ или разжимали ими зубы. Г. Миклуха-Маклай отправлялся всюду невооруженный; индиферентное молчаніе и полное равнодушіе были единственнымъ отвѣтомъ на всѣ эти любезности папуасовъ. За исключеніемъ двухъ или трехъ царапинъ, никто не рѣшался нанести безстрашному изслѣдователю серіозную рану. Дикихъ ставилъ въ тупикъ этотъ неизмѣнный индифферентизмъ, съ которымъ г. Миклуха-Маклай ждалъ, чтобъ папуасы привыкли къ его личности, и спокойно спалъ въ ихъ деревняхъ, не смотря на копья и стрѣлы дикарей, не расходившихся даже, когда онъ засыпалъ.

Насталъ новый, 1872 годъ. Въ концѣ января послѣдовало измѣненіе отношеній туземцевъ къ путешественнику. Папуасы стали искать сближенія съ нимъ и даже его расположенія. На это было много причинъ, между прочимъ и та, что г. Миклуха-Маклай помогъ выздоровленію одного папуаса, которому свалившееся дерево проломило голову. Каждый день перевязывая рану и видясь съ жителями деревни, гдѣ лежалъ раненый, г. Миклуха-Маклай настолько пріучилъ ихъ къ себѣ, что они стали позволять женщинамъ оставаться въ его присутствіи и гораздо охотнѣе стали приносить ему съѣстные припасы въ обмѣнъ за табакъ. Болѣе важною причиною сближенія, какъ впослѣдствіи узналъ нашъ ученый, были новыя событія, происшедшія въ папуасскомъ политическомъ мірѣ. Между сосѣдями г. Миклухи-Маклая и жителями нѣсколькихъ береговыхъ деревень

Библиотека "Руниверс"

была объявлена война. Сосѣди его ожидали нападенія непріятелей. Будучи болѣе слабыми и предполагая, что ученый обладаетъ какою-то таинственною силою, они сочли удобнымъ пріобрѣсть въ немъ союзника и просили позволенія, въ случаѣ нападенія, прислать къ нему, подъ его покровительство, своихъ женъ и дѣтей. Нападенія не случилось, война ограничилась стычками въ лѣсахъ, и скоро непріятель заключилъ съ сосѣдями ученаго продолжительное перемиріе; но всѣ эти обстоятельства позволили г. Миклухѣ-Маклаю свободно заглянуть въ семейную и общественную жизнь папуасовъ.

При одной изъ экскурсій въ горы, г. Миклуха-Маклай увидалъ, что у мыса Дюпере находятся нѣсколько островов. Въ августѣ 1872 года, нашъ ученый собрался посѣтить ихъ. Починивъ не безъ труда ялъ, онъ отправился за мысъ Дюпере и нашелъ тамъ архипелагъ, состоящій слишкомъ изъ 30 островов, расположенныхъ отчасти въ небольшой бухточкѣ, отчасти тянущихся вдоль берега; всѣ они были коралловаго происхожденія. Жители этихъ островов, уже давно слышавшіе о пребываніи г. Миклухи-Маклая на берегу Гвинеи и знавшіе твердо его имя, приняли его весьма дружелюбно. Нашлись между ними такіе, которые уже были въ его хижинѣ посмотрѣть на бѣлаго человѣка и упрашивали переѣхать къ нимъ. Жизнь этихъ людей, ихъ отношенія между собою, съ дѣтьми и животными, произвели на ученаго то впечатлѣніе, что люди эти вполнѣ довольны своею судьбою, самими собой и всѣмъ окружающимъ. Поэтому г. Миклуха-Маклай назвалъ эту группу островов, *на которой еще не былъ, кромѣ его, ни одинъ европеецъ*, Архипелагомъ Довольныхъ Людей.

Въ Декабрѣ 1872 года, много потрудившійся ученый путешественникъ, послѣ 16-мѣсячнаго пребыванія въ Н. Гвинеѣ, былъ принятъ на клиперъ «Изумрудъ», подъ командой кап. Кумани, посланный по приказанію Великаго Князя Константина Николаевича на розыски за г. Миклухою-Маклаемъ. Неномѣрные труды и лишенія чрезвычайно вредно повліяли на здоровье путешественника—и онъ по прибытіи въ Батавію долженъ былъ отдохнуть нѣсколько мѣсяцевъ, почему и принялъ приглашеніе Батавскаго генералъ-губернатора, который предложилъ ему погостить въ своей резиденціи въ Бутенцоргѣ.

Едва оправясь отъ выдержанныхъ испытаній, г. Миклуха-Маклай продолжалъ свои изысканія на Зондскихъ островахъ, а 13 февраля 1874 года письмомъ изъ Амбоины увѣдомилъ Императорское Русское Географическое общество въ Петербургѣ о вторичномъ отъѣздѣ своемъ въ Новую Гвинею, но уже на юго-западный берегъ ея, гдѣ намѣренъ былъ пробыть три мѣсяца.

Этотъ берегъ отъ большой рѣки Каруфы до мыса Буру носитъ туземное названіе Папуа-Ковіай—и вслѣдствіе частыхъ войнъ между папуасскими народностями а также нерѣдкихъ убійствъ и грабежа торговыхъ экспедицій имѣетъ дурную репутацію. 13-го февраля 1874 года г. Миклуха-Маклай отправился изъ Гесира на туземномъ урумбаѣ (большая лодка съ каютой въ видѣ хижины) въ сопровожденіи 2-хъ слугъ амбоинцевъ и папуасскаго мальчика Ахмата, который будучи подаренъ г. Миклухѣ-Маклаю въ 1873 году султаномъ Тидорскимъ, выучился говорить по русски. 27-го февраля урумбай бросилъ якорь у острова Наматоте въ Новой Гвинеѣ, а для постройки хижины выбранъ былъ берегъ «Айва». Папуасы были очень изумлены намѣреніемъ ученаго жить между ними, но обошлись дружелюбно и даже почтительно. Скоро хижина его стала центромъ сбора всѣхъ окрестныхъ папуа-ковіай и ихъ пирогъ. Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что урумбай (на которомъ было 16 человѣкъ экипажа) вслѣдствіе западнаго муссона не могъ вернуться въ Гесиръ, г. Миклуха-Маклай оставилъ для охраны хижины амбоинца Іосифа и 5 церамцевъ, а самъ съ остальными людьми предпринялъ экскурсію на восточный берегъ залива Тритонъ. Здѣсь посѣтилъ онъ большое и неизвѣстное даже церамцамъ горное озеро «Камака-Валларъ» и нашелъ, что такъ-называемый заливъ «Кируру» есть собственно проливъ между материкомъ и архипелагомъ. Не смотря на то, что папуасы-ковіай уже давно знакомы съ желѣзомъ, одеждою, огнестрѣльнымъ оружіемъ, серебряными и золотыми украшеніями, они остаются номадами. Недостатокъ пищи, вслѣдствіе неимѣнія плантацій и животныхъ, заставляетъ ихъ скитаться по заливамъ за поискомъ рыбъ и морскихъ животныхъ, а по лѣсамъ за листьями и корнями. Папуасы же берега Маклая строятъ своими каменными топорами большія селенія, съ удобными хижинами, обработываютъ плантаціи, имѣютъ свиней, собакъ и куръ.

Вернувшись въ Наматоте, г. Миклуха-Маклай нашелъ большую часть своихъ вещей разграбленною береговыми папуасами, воспользовавшимися отсутствіемъ экипажа урумбая, который, вслѣдствіе нападенія горныхъ жителей на Айдуму, удалился на макасарское судно. Особенно чувствительна была для ученаго потеря нѣсколькихъ метеорологическихъ и прочихъ инструментовъ, аптеки, запасовъ хиннаго и краснаго вина и проч.

Онъ рѣшился переселиться на островъ Айдуму и построилъ тамъ большую хижину въ мѣстности Умбурмета, гдѣ и жилъ одинъ, такъ какъ люди его боялись проводить ночи на берегу и спали на урумбаѣ. Между тѣмъ обстоятельства усложнялись: на айдумцевъ, союзниковъ г. Миклухи-Маклая, то и дѣло собирались новыя нападенія. Приходилось быть на сторожѣ и носить оружіе. Наконецъ въ средѣ его церамцевъ открылась измѣна и оказалось, что они на 3/4 состоятъ изъ папуасовъ, помогали грабежу его вещей и стрѣляли въ грабителей холостыми зарядами. Натянутыя отношенія не допускали дальнѣйшихъ экскурсій. Къ г. Маклаю айдумцы приводили раза два папуасовъ, являвшихся въ Умбурмету въ одеждѣ, украденной изъ его хижины. Ученый рѣшился не оставлять грабителей безнаказанными и захватить хоть одного изъ предводителей грабежа. Утромъ 25-го апрѣля г. Миклуха-Маклай узналъ, что одинъ изъ нихъ, капитанъ Мавары, скрывается въ пирогѣ. Не сказавъ ни слова своимъ людямъ, смѣлый путешественникъ, въ сопровожденіи одного только человѣка, подошелъ къ пирогѣ, нашелъ спрятавшагося врага, приставилъ ему револьверъ ко рту и приказалъ своему спутнику связать ему руки. Церамцы и папуасы, бывшіе на берегу, до того изумились, что не оказали ни малѣйшаго сопротивленія. Не дожидаясь вечера, ученый препроводилъ своего плѣнника на урумбай и перенесъ вещи изъ своей хижины. Пораженные папуасы безпрекословно повиновались ему. Черезъ полтора часа урумбай находился уже далеко отъ берега Папуа-Ковіай и 30-го апрѣля прибылъ съ плѣнникомъ на островъ Кильвару, гдѣ и ожидалъ голландскаго судна, которое должно было придти съ амбоинскимъ резидентомъ.

Возвратясь въ іюнѣ 1874 года, г. Маклай употребилъ нѣсколько недѣль для укрѣпленія силъ горнымъ воздухомъ и въ началѣ ноября снова предпринялъ поѣздку въ Сингапуръ и на Малакку. Разработку своихъ наблюденій ученый нашъ оставляетъ до возвращенія въ Россію—и мы вправѣ ожидать отъ него труда капитальнаго, который по всей вѣроятности прольетъ новый свѣтъ на страну, доселѣ почти неизвѣстную, и на племя—во многихъ отношеніяхъ загадочное. Тѣмъ болѣе вправѣ мы гордиться нашимъ соотечественникомъ, который на отдаленнѣйшемъ и почти пустынномъ островѣ впервые водрузилъ знамя науки подъ русскимъ флагомъ.

Орелъ-дѣвка.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

XII.

Во время ночи.

Наступила ночь, все заснуло въ тихомъ домѣ Штромминнгера,—только гдѣ-то, безъ перерыва, раздавался странный однообразный шумъ. Работницы просыпались, но не могли понять, что́ и гдѣ та́къ шумитъ; онѣ смыкали глаза и опять вздрагивали, потому что слышали, какъ балки дрожатъ...

Это Валли, тяжело ступая, безъ устали шагала въ своей комнатѣ. Сердце ея изнывало, она выносила тяжкую борьбу, потому что на этотъ разъ противникомъ ея была судьба, само провидѣніе. Разорванная юбка, клочья корсажа валялись на полу—и среди этихъ обрывковъ лежали кусочки рѣзной фигурки святой Вальбурги... Были и другіе слѣды буйнаго ея кощунства.

Валли была полураздѣта. На обнаженныхъ плечахъ ея волновались упавшія пряди волосъ...

Вдругъ гдѣ-то далеко прогремѣлъ выстрѣлъ.

Валли пріостановилась и стала прислушиваться... Нѣтъ, все тихо! Да можетъ быть это ей та́къ почудилось? Однако, почему-же она не можетъ вздохнуть? Что-то сжало горло... Былъ-ли это именно выстрѣлъ? Валли навѣрно не знала. И вдругъ, какъ молнія, мелькнула въ головѣ ея мысль: „Ну, а если это Викентій убилъ Іосифа?“... Но это пустяки: Нѣтъ, вѣдь Іосифъ преспокойно сидитъ теперь дома, а пожалуй... тамъ, въ Цвизельштейнѣ, у Афры своей...

Тутъ Валли стукнулась головой объ стѣну, чтобы заглушить острую боль въ сердцѣ. Тоска совершенно одолѣвала ее, а воображеніе рисовало ей такія картины, которыя доводили ее до помѣшательства... Да́, ужъ пусть-

Библиотека "Руниверс"

бы онъ умеръ, тогда и думать больше нѐ-о-чемъ, тогда все кончено!...

Она задыхалась и принуждена была отворить окно, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Ганзль, дремавшій на жерди, за окошкомъ, встрепенулся и, сонливо покачиваясь, пододвинулся къ ней.

— О, Ганзль ты мой!.. воскликнула Валли, протянула къ нему руки и прижала его къ груди. Орелъ составлялъ теперь для нее все, другаго утѣшенія у нея не было въ мірѣ.

Чу!—второй выстрѣлъ... На этотъ разъ явственно было слышно, что стрѣляли по направленію къ Цвизельштейну. Валли, выпустивъ Ганзля, схватилась руками за лѣвый бокъ, какъ будто пуля попала въ ея сердце. Чего-жъ она испугалась?... Трескъ ружейнаго выстрѣла какъ-то особенно ясно помогъ ей представить картину убійства... убійства, котораго она желала—и вчера еще сама требовала. Валли, конечно, не могла не думать, что, быть можетъ, выстрѣлъ, только - что услышанный ею, попалъ въ голову Іосифа—и вотъ, въ первыя минуты, она почти обезумѣла, ощутили какую-то дикую радость: *онъ*—убитъ, значитъ теперь никто *его* не отниметъ у нея, никто не станетъ больше цѣловать его!... Увлекшись этою мыслью, Валли была увѣрена, что на самомъ дѣлѣ все это и случилось. Она уже видѣла его лежащимъ на землѣ, окровавленнымъ, становилась передъ нимъ на колѣни, прижимала его голову къ своей груди, осыпала поцѣлуями это прекрасное, помертвѣлое лицо... Она видѣла Іосифа такъ явственно передъ собой и... вдругъ чувство жалости шевельнулось въ ея сердцѣ къ несчастному убитому.... Валли охватило невыразимое чувство состраданія; она стала звать его самыми нѣжными, любовными именами, тормошила недвижимое тѣло, — но Іосифъ не оживалъ... Неописанный ужасъ овладѣлъ ею.—О, неужели?! Нѣтъ, это невозможно... Онъ не долженъ погибнуть—пускай ужъ лучше она умретъ!

Судоржно сжалось ея сердце; казалось, горячая кровь разомъ остановилась въ жилахъ,—мгновеніе—и сердце отошло, стало легче, кровь задвигалась по прежнему. Валли ощутила неудержимое стремленіе выбѣжать на воздухъ—удостовѣриться, дома-ли Викентій, поболтать съ нимъ до зари, а главное-прямо ему сказать, что *то* страшное дѣло не должно быть совершено. Она тряслась какъ въ лихорадкѣ, кровь стучала въ вискахъ... Она была готова на преступленіе, она вчера желала *этого*; но при мысли, что оно уже исполнено—весь гнѣвъ ея прошелъ и Валли все простила Іосифу..

Накинувъ платокъ, она пробралась на дворъ, а потомъ черезъ садъ и огородъ—къ жилищу Викентія. Что́ онъ подумаетъ о ней и что́ станутъ другіе говорить, если узнаютъ объ этомъ?... Э, да стóитъ на это вниманіе обращать! Ну, пусть пойдутъ сплетни.... Ей-то какое дѣло до нихъ?...

Валли подкралась къ окошку Викентія (оно было освѣщено) и, заглянувъ подъ занавѣску, на половину опущенную, обомлѣла: въ комнаткѣ никого не было, свѣча сильно нагорѣла и чадила... Обойдя домъ, она остановилась у двери—и замѣтивъ, что дверь не заперта, осторожно отворила ее и перешагнула порогъ. Все было тихо, словно въ домѣ всѣ перемерли; рабочій людъ спалъ, а Викентія нигдѣ не было. Валли, вся леденѣя, заглянула въ его спальню... Постель помята,—значитъ, онъ лежалъ на ней, но потомъ всталъ; вонъ на стѣнкѣ праздничная его куртка и штаны, только будничнаго платья и шляпы нигдѣ не видно. Вернувшись въ переднюю горницу, она посмотрѣла на то мѣсто, гдѣ обыкновенно висѣло ружье—и увидѣла тамъ только гвоздь.

Замерла Валли и, сама не зная какъ, выбралась изъ дому, но тутъ-же и опустилась на скамью, потому что ноги отказались ей повиноваться... „Что́-жъ, можетъ быть, Викентій, желая какъ нибудь успокоиться, отправился на ночную охоту?... Что́ можетъ онъ сдѣлать Іосифу, когда тотъ спитъ себѣ гдѣ нибудь на мягкомъ пуховикѣ (она дрогнула при этомъ)?.. ну, а днемъ, когда всѣ были на ногахъ—никто не посмѣлъ-бы тронуть его“...

Такъ старалась Валли утѣшить себя, но нечистая совѣсть нагнала на нее такой страхъ, что она невольно сложила руки и уткнулась въ нихъ лицомъ...

Ахъ, Валли, Валли, кто́-же ты теперь? Передъ людьми ты опозорена, унижена; передъ Богомъ—грѣшница, преступница!. И гдѣ столько воды найдется, чтобы совершенно смыть грѣхъ твой? А вонъ тамъ—внизу—грохочетъ Ахъ... Что́-жъ, бурныя волны рѣки все смоютъ съ нея! Стóитъ только броситься—и тогда конецъ всему: горе, преступленіе и сама жизнь, проведенная ею въ безпрерывной борьбѣ и въ вѣчныхъ страхахъ—разомъ исчезнутъ, все пропадетъ... Вотъ оно—спасеніе! Неужели Валли еще пощадитъ себя?.. Нѣтъ, надо разбить безполезный сосудъ, въ которомъ заключена душа—она тамъ въ оковахъ томится, а для чего? Единственно для грѣховъ и всяческихъ страданій!..

Валли быстро поднялась со скамьи, но ноги не держали ее, и она опять опустилась на то же мѣсто.—Странно, неужели это растерзанное, полумертвое сердце было еще привязано къ жизни какою-то невидимою нитью?... А! ну, слава Богу, вотъ по лужайкѣ кто-то идетъ... Это—Викентій. Надо переговорить съ нимъ непремѣнно теперь-же... можетъ быть, и дѣло можно еще поправить.

— Святители-угодники! воскликнулъ Викентій, когда Валли приблизилась къ нему.—Ты... ты это?!..

Онъ глядѣлъ на нее такъ, какъ смотрятъ на призракъ. Уже разсвѣтало, и Валли могла замѣтить, что лицо у него было блѣдно, а самъ онъ дрожалъ. Ружье торчало за спиной.

— Викентій, заговорила она почти шопотомъ:—ты застрѣлилъ что нибудь?..

— Да.

— Что́-же?

Посмотрѣвъ на его ягташъ, она увидѣла, что въ немъ ничего не было.

— Крупную дичину, прошепталъ Викентій.

— Гдѣ-жъ она?

— Въ рѣкѣ.

Валли ухватила его за руки. Глаза ея готовы были выскочить, они глядѣли неподвижно какъ безумные.

— Кого?...

— Еще спрашиваетъ!...

— Іосифа!?...

Она покачнулась, вскрикнувъ это имя, и тяжело ударилась о стѣну.

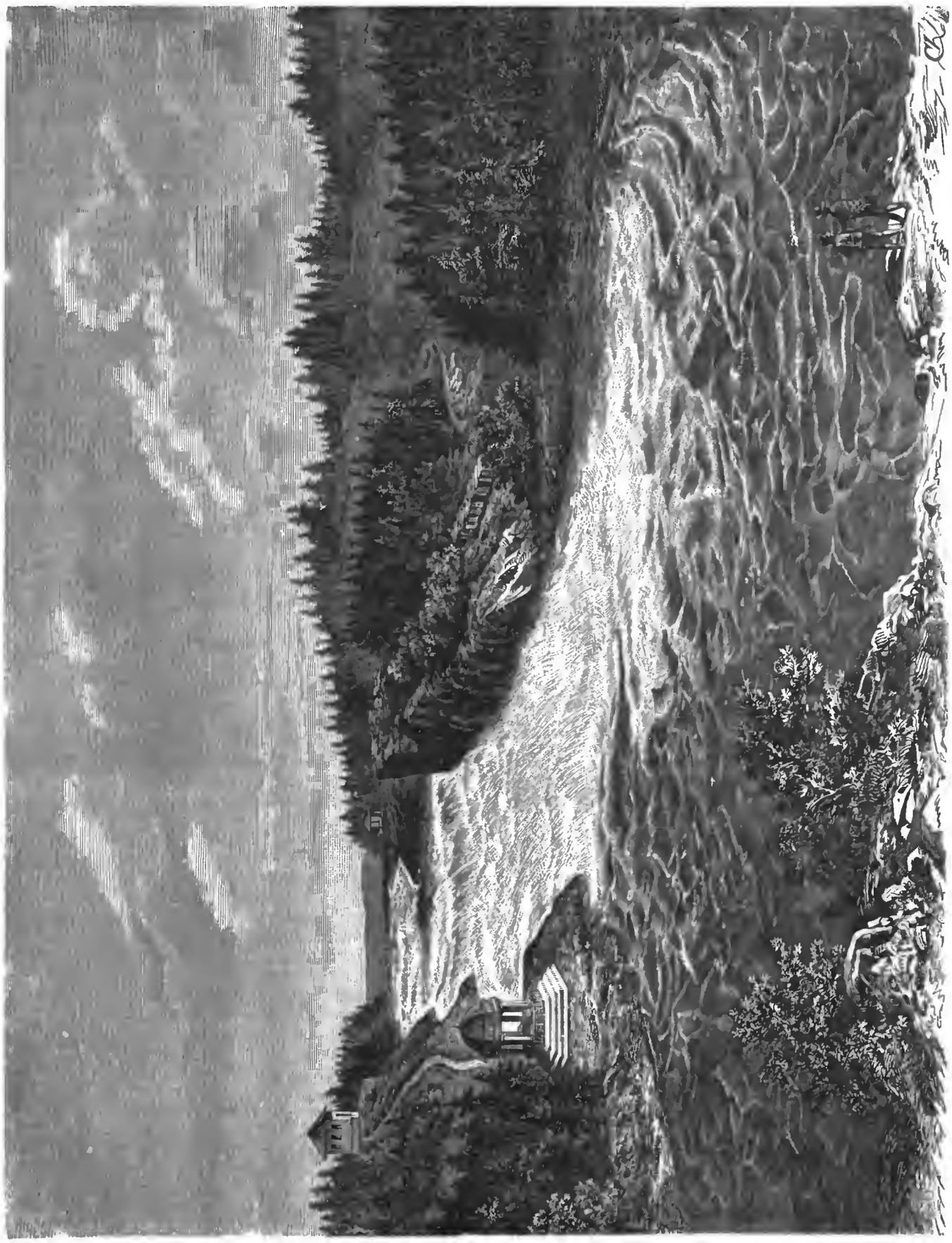
— Н-да́, не легка была работа, заговорилъ Викентій, вытирая вспотѣвшій лобъ.—Вотъ ужъ никакъ не воображалъ я, что онъ такъ живо подвернется подъ выстрѣлъ. И чортъ его знаетъ, зачѣмъ это онъ ночью пожаловалъ сюда?... Я такъ порѣшилъ: выйду-ка я раненько, чтобы, значитъ, къ утру ужъ быть въ Зёльденѣ, пока онъ еще не всталъ; ну и пошелъ—и вдругъ, не успѣлъ и десяти шаговъ сдѣлать—гляди: а онъ тутъ и есть!... Темновато было... Хлопъ!—промахнулся... Вторая пуля должно быть только царапнула его, а пожалуй голова у него, что́-ли, закружилась—шатнулся это онъ и ухватился за перила... Я сейчасъ прыгъ къ нему сзади—и спихнулъ его туда...

Валли застонала, захрипѣла, какъ смертельно раненная,—и, вдругъ, какъ орелъ налетаетъ на свою добычу, ринулась на Викентія и вцѣпилась въ него обѣими руками.

— Врешь ты, врешь! неправда! быть этого не можетъ! Говори, что́ ты все это совралъ, а не то́—задушу!

— Клянусь душой моей... бѣдной... Это та́къ, Валли... вѣрно!.. Неужто ты сомнѣвалась во мнѣ?.. Нѣтъ, если нужно тебѣ угодить—Викентій не задумается, не станетъ колебаться...

Библиотека "Руниверс"



Водопадъ Иматра. Съ фотографіи Зейферта, рѣзалъ Шалупа.

Библиотека "Руниверс"

— Га! убійца... Трусъ! подлый убійца... изъ-за угла!! И Валли, вся задрожавъ, громко зарыдала.

— Это подлость... низость!... Развѣ я хотѣла этого?.. Онъ долженъ былъ умереть въ открытой, честной борьбѣ... Такъ будь-же ты проклятъ отнынѣ на вѣки вѣчные!... Разорвать тебя зубами и ногтями—больше ничего не остается!...

— Отблагодарила—нечего сказать! проскрежеталъ Викентій.—Ну, а не сама ты приказывала сдѣлать это?...

— Стой! Да развѣ если *это* велятъ исполнить—неремѣнно *оно* и исполняется?!.. крикливо возразила Валли.—Въ гнѣвѣ-то человѣкъ все можетъ сказать, а потомъ онъ-же и раскаивается въ своихъ словахъ... Зачѣмъ ты не ждалъ, пока я не очувствуюсь послѣ такого страшнаго удара и не раздумаю—а?... О, Іосифъ... Іосифъ!... Да, я зла, дика, необузданна, но не убійца я!... Ахъ, когда бы ты подождалъ—ну, хоть часикъ или два... Нѣтъ, гнѣвъ, злоба толкали тебя, ты не желалъ потерпѣть, ты думалъ, какъ-бы поскорѣе сорвать сердце свое на комъ нибудь!...

— Что́-жъ, валить теперь все на меня—прекрасное дѣло, бормоталъ Викентій,—а все-таки ты такъ же виновата, какъ и я!...

— Да, я виновата, сказала Валли,—ну, что́-жъ, вмѣстѣ и поплатимся за это. Ни мнѣ, ни тебѣ пощады быть не можетъ: за кровь—кровь...

Проговоривъ эти слова хриплымъ голосомъ, она схватила Викентія за шиворотъ и повлекла за собой.

— Оставь! Стой, Валли... чего тебѣ отъ меня?.. Господи Боже мой!.. Хорошо твое спасибо!. Смилуйся, что́ ты—вѣдь та́къ задавишь совсѣмъ!.. Куда ты тащишь-то меня?...

— А туда, куда намъ обоимъ дорога!.. глухимъ голосомъ отвѣтила Валли и, словно вихрь, летѣла впередъ, таща за собою Викентія, впередъ, все выше и выше, по той тропинкѣ, которая вела вдоль крутаго обрыва надъ Ахомъ, къ тому мѣсту, гдѣ совершилось преступленіе.

— Знаешь—вонъ туда... внизъ—ра́зомъ оба!

Эти страшныя слова она шептала Викентію на ухо.

— Господи Іисусе! завопилъ онъ въ ужасѣ.—Стой! Вѣдь ты-же клялась, что́ выйдешь за меня... если я... исполню... это!.. Погубить... хочешь... теперь?!..

— О, дура-голова! Да вѣдь если я *вмѣстѣ съ тобой* кинусь туда—развѣ мы тогда не соединимся вѣчно?.. Мало тебѣ этого?.. Жизни своей паскудной жаль, что́-ли?..

И Валли, почти съ сверхестественною силою, охватила Викентія, потомъ притиснула его къ низкимъ перилам, готовясь полетѣть съ нимъ въ мрачную пропасть.

— Спасите! невольно вырвался крикъ изъ груди его.

— Спасите!.. прозвучалъ чей-то слабый голосъ, едва внятно, точно это эхо откликнулось изъ бездны.

Валли окаменѣла, руки ея опустились и освободили Викентія...

— Что́ это?.. послышалось мнѣ?.. Ты слышалъ? спросила она, обратившись къ нему.

— Эхо... должно быть, пролепеталъ Викентій, постукивая зубами.

— Тише ты!... Слышишь—опять!?...

— Спа...си...те!...

Снова раздалось гдѣ-то, какъ будто тамъ, въ глубинѣ, кто-то вздохнулъ...

— О, слава вамъ, духи добрые! Онъ... онъ это! Живъ! Вѣрно зацѣпился за что нибудь... Онъ зоветъ! Иду, иду я, Іосифъ! Подожди... Она нагнулась за перила и крикнула такъ звучно, какъ серебряная труба:—Это я, Іосифъ, я! Иду! Потерпи!

Валли побѣжала и, живо домчавшись до деревни, принялась такимъ-же зычнымъ голосомъ будить спавшихъ и колотить кулаками въ ворота и двери.

— Спасите, помогите! Бѣда! Ради Христа помогите... Человѣкъ гибнетъ!..

Всѣ повскакали, разбуженные этими воплями. Тамъ и сямъ застучали оконницы, заскрипѣли ворота и двери.

— Что́? Что такое? Какая бѣда?

— Іосифъ Гагенбахъ свалился съ обрыва! слышался крикъ.—Скорѣе веревокъ сюда! Живѣе, а то поздно будетъ спасать!.. Ве-ре-вокъ...

Она вихремъ летѣла впереди всѣхъ, забѣжала домой, забрала въ кладовой всѣ какія были тамъ веревки, стала связывать ихъ трепетавшими руками—и, увы, надвязанная веревка все-таки была коротка, такъ какъ Іосифъ лежалъ на страшной глубинѣ!...

Между тѣмъ сбѣжались поселяне. Они не хотѣли вѣрить—и ихъ ужасала эта страшная вѣсть. Кто тащилъ веревки, кто крюки, а кто бѣжалъ съ зажженнымъ фонаремъ, такъ какъ день почему-то не наступалъ—густые сумерки царили еще кругомъ. Сумятица была порядочная: спрашивали, кричали, не знали какъ приняться за дѣло, потому что этакой напасти никогда и не случалось здѣсь: никто не сваливался съ обрыва, а потому у жителей этого плоскогорья не было никакихъ орудій, спасительныхъ снарядовъ, какъ въ другихъ мѣстахъ Тироля, гдѣ пути гораздо опаснѣе и подобныя несчастья чаще случаются.

Не мало набралось народу къ обрыву,—и тѣхъ, которые отличались храбростью, безстрашіемъ, дрожь пробирала, когда они заглядывали за перила и видѣли тамъ только туманную бездну да какія-то темныя клубившіяся массы...

Викентія не было видно—онъ исчезъ.

И вдругъ все стихло. Валли, нагнувшись за перила, крикнула такъ зычно, что́ воздухъ дрогнулъ. Толпа насторожила уши, затаила дыханіе, но отклика все не было.

— Гдѣ ты, Іосифъ? еще разъ крикнула она. Крикъ этотъ походилъ на вопль ужаса—не одного человѣка, а цѣлой массы терзаемыхъ несчастныхъ со всѣхъ концовъ земли.

Онъ опять не откликнулся.

— Не отвѣчаетъ!... Умеръ!

И Валли, рыдая, упала на землю и въ совершенномъ отчаяньи воскликнула:

— Все кончено теперь!..

— Ну, онъ можетъ быть въ обморокѣ, а пожалуй и силъ нѣтъ крикнуть, говорилъ въ утѣшеніе Валли старикъ Клеттенмайеръ, а на ухо шепнулъ ей:

— Не хорошо такъ-то при людяхъ!..

Она встала и откинула волосы съ лица.

— Связывайте веревки! Что́-жъ вы такъ стоите? Чего ждете?..

Всѣ въ недоумѣніи переглядывались.

— Отчего не попытаться поискать его?.. проговорилъ Клеттенмайеръ:—вяжите!

Стали связывать, причемъ однако каждый счелъ нужнымъ покачать головой... „Ну кто дерзнетъ спуститься туда на этакихъ веревкахъ?“...

Валли услышала эти слова, и темные глаза дѣвушки, сверкнувъ, какъ-то призрачно освѣтили блѣдное лицо ея...

— Кто́?.. Да я спущусь!

— Ты?!.. Съ ума спятила, Валли! Веревки-то эти не только двоихъ—одного не сдержатъ!...

— Зачѣмъ двоихъ? какъ-то глухо проговорила она и стала помогать имъ, чтобы ускорить надвязку.

— Нѣтъ, несбыточное это дѣло! Вѣдь ты, Валли, должна и себя и его привязать, а то сама-то какъ же попадешь сюда? заговорило ра́зомъ нѣсколько голосовъ, а у кого и руки ужъ опустились.—Вотъ послать за канатомъ въ сосѣднія деревни—это дѣло!..

— Та́къ! А онъ тѣмъ временемъ совсѣмъ лишится чувствъ и полетитъ на самое дно... Нѣтъ ужъ тогда—поздно! завопила Валли въ порывѣ отчаянія.—Не стану я ждать вашего каната! Дайте веревку-то... Наматывайте! Ка́къ длинна она?.. Прочь! Ну, дѣйствуйте!

Библиотека "Руниверс"

Она принялась распутывать надвязанныя веревки, тянула ихъ, пробуя, насколько онѣ крѣпки, и измѣряла длину. Гляди на Валли, и другіе снова закопошились; работа закипѣла, все пошло какъ по маслу—и вотъ большущій шаръ изъ веревокъ завертѣлся на землѣ. Мужчины стали становиться гуськомъ.

— Хватитъ-то она пожалуй хватитъ, только супротивъ двухъ ей не устоять—лопнетъ!

— Коли такъ—одного его сначала вытянуть!.. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежитъ—могу-же я постоять. Вотъ какъ только я стану тамъ—сниму веревку, обвяжу его и крикну вамъ: вы и тащите тогда! Я-же подожду. Слышали?...

— Такъ тоже невозможно: какъ одного его тащить, ежели онъ ослабѣлъ, безъ чувствъ? Одинъ то онъ разобьется... Нѣтъ, тутъ надо попридержать, да смотрѣть, какъ-бы не стукнулся онъ обо что...

Слова эти были для Валли громовымъ ударомъ: она и не подумала о такой опасности. Что-жъ, значитъ и такъ не выходитъ?.. Приходится доставать его тамъ—внизу, въ холодныхъ волнахъ рѣки... Валли видѣла очень хорошо, что двоихъ веревка не сдержитъ.

— Ну... ради Христа, спустите меня! воскликнула она наконецъ. Лихорадка трясла ее и, не смотря на это, она не потеряла присутствія духа, въ ней даже было что-то повелительное... Крѣпко обвязавшись веревкой и взявъ альпійскую палку, Валли проговорила:

— Спустите меня туда! Мнѣ-бы хоть найти его—и тогда ужъ я не оставлю его, держать стану до тѣхъ поръ, пока вы еще не принесете веревокъ, чтобы захватить насъ вмѣстѣ. Ждать я буду сколько угодно, я терпѣлива! Если придется провисѣть между небомъ и землей нѣсколько часовъ—ничего, я дождусь веревокъ!...

Тутъ Клеттенмайеръ не выдержалъ и упалъ передъ ней на колѣни.

— Охъ, Валли, Валли! оставь ты это... Слышишь, что говорятъ? Вѣдь веревки—дрянь! Коли ужъ такъ надо—ну, дай мнѣ спуститься... Довольно я пожилъ, все равно ужъ никуда не гожусь!.. Ежели не окажу помощи, такъ узнаю: хороша-ли веревка... Лопнетъ она—я внизъ полечу—не ты!...

— Это такъ; ты ужъ старика-то послушайся, вмѣшался кто-то:—резонно онъ говоритъ, право! Подожди, Валли, вотъ еще прибѣгутъ и какъ слѣдуетъ примутся за дѣло!

Дѣвушка шевельнула плечами и такъ двинула руками, что всѣ невольно попятились.

— Когда я дѣвчонкой была—*орленка* изъ гнѣзда достала, не задумалась спуститься въ пропасть! Такъ неужели теперь-то отступлю, откажусь спасти *человѣка*?.. Ужъ вы лучше молчите! Довольно! Я этого хочу... должна я къ Іосифу спуститься!.. Ну, за дѣло! Дѣйствуйте, развертывайте веревку... Крѣпче держите!...

И Валли, прыгнувъ за перила, исчезла... Веревку такъ сильно рвануло, что тѣ, которые держали ее, стоя гуськомъ, насилу на ногахъ удержались.

— Боже, помоги намъ! проговорилъ Клеттенмайеръ, сотворилъ потомъ крестное знаменіе и пустился бѣжать, какъ будто слова Валли о чемъ-то напомнили ему.

(Продолженіе будетъ).

Вокса и главный ея водопадъ Иматра.

Если мы взглянемъ на карту Финляндіи, то увидимъ, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей Сѣверной Америки, нѣтъ другой страны, которая бы была такъ богата водой какъ эта сѣверная «страна тысячи озеръ», какъ называетъ ее финская поэзія. Почти половина поверхности Финляндіи занята озерами, рѣками, болотами и топями. Изъ пяти водныхъ системъ Финляндіи, одна восточная обнимаетъ 6,000 квадратныхъ верстъ; вся водяная масса этой системы собирается въ обширнѣйшемъ изъ финляндскихъ озеръ, Саймѣ, которое простирается на 60 верстъ въ длину и на 30 въ ширину, и находится на 256 футовъ надъ поверхностью моря. Самое озеро Сайма представляетъ сѣть большихъ и малыхъ озеръ, заливовъ, проливовъ, бухтъ, и т. д., которыми съ такимъ искуствомъ воспользовались при проведеніи Сайменскаго канала *).

Единственный естественный истокъ озера Саймы есть рѣка Вокса, вытекающая въ трехъ верстахъ отъ устья Сайменскаго канала. Прослѣдимъ эту буйную рѣку отъ ея истока до того мѣста, гдѣ она образуетъ знаменитый водопадъ *Иматру*. Сначала Вокса протекаетъ совсѣмъ мирно, омывая по дорогѣ множество прелестныхъ островковъ; далѣе она расширяется и постепенно направляетъ свое теченіе на юго-востокъ, но все еще тиха и спокойна. Если бы Вокса, изливающаяся въ Ладожское озеро и находящаяся у своего истока на 250 футовъ выше поверхности Ладожскихъ водъ, была значительно длинной рѣкой, то теченіе ее было бы едва замѣтно; но, говоря относительно, Воксу нельзя назвать очень длинной рѣкой, потому что на всемъ своемъ протяженіи, прерываемымъ многочисленными порогами, она бѣжитъ съ стремительной силой, вслѣдствіе чего неизбѣжно образуются водовороты и водопады. По мѣрѣ удаленія отъ истока теченіе Воксы постепенно становится все быстрѣе и быстрѣе—сначала вода стремится параллельными бороздами, потомъ издымается длинными, высокими валами, образующими такъ-называемый «затылокъ Воксы» въ 286 футовъ длины и въ 42 фута глубины. Далѣе рѣка расширяется вдвое, втрое, но пока только еще два незначительныхъ водопада, *«Виревакоски»* и *«Гирсикоски»*, приготовляютъ насъ къ чему-то особенному впереди. Вотъ начинаетъ до насъ доноситься какой-то глухой шумъ; вскорѣ онъ переходитъ въ громкій ревъ; паденіе воды становится сильнѣе, тяжелѣе; рѣка съуживается; зеленоватый цвѣтъ воды принимаетъ желтоватый, потомъ бѣловатый оттѣнокъ,—и наконецъ пѣнящіяся массы воды, клубясь и клокоча, перебрасываются черезъ гранитныя глыбы, точно морскія волны, издымаемыя разъяренной бурей. Это водопадъ *«Тайні ивирта»* или *«Пикку-Иматра»*, т. е. Малая Иматра. За этимъ водоворотомъ Вокса раздѣляется на три рукава; средній несетъ пѣнящіяся волны дальше, а оба боковые, описавъ дугу, идутъ назадъ.

Здѣсь Вокса значительно расширяется и дѣлается смирнѣе. Но спокойствіе это непродолжительно: опять начинаетъ она ярриться, точно какіе нибудь злые духи рвутъ и терзаютъ ея грудь, но какъ спокоенъ и роненъ характеръ финновъ, такъ и гнѣвъ Воксы скоро проходитъ. Образовавъ маленькій водоворотъ, она опять утихаетъ, за что и дано ей здѣсь названіе *«Лаутта-Суванто»* *); въ этомъ мѣстѣ ходитъ черезъ рѣку паромъ. Построить гдѣ либо мостъ черезъ Воксу, до сихъ поръ не находятъ возможнымъ, такъ она глубока и такъ быстро ея теченіе.

Видъ съ парома на окрестность очарователенъ; вездѣ кругомъ виднѣются засѣянныя и обработанныя поля, хорошенькіе домики, особенно по лѣвому берегу. Ниже, верстахъ въ двухъ отъ перевоза, рѣка образуетъ небольшую бухту съ прелестнымъ круглымъ островкомъ *«Вирнисари»*, одѣтымъ вѣчно-зелеными деревьями, и отдѣленнымъ отъ берега одной небольшой быстриной. За этимъ островкомъ Вокса немного съуживается и принимаетъ совершенно другой характеръ; изъ воды подымается камень за камнемъ, становясь преградой теченію. Вслѣдствіе этого образуется новая, болѣе сильная чѣмъ всѣ предъидущія, быстрина; тутъ три острова задерживаютъ путь Воксы. Замѣчательнѣйшій изъ этихъ островковъ, вверху быстрины, называется Березовымъ островомъ, *«Койвусари»*, это скала, на которой растетъ только одна одинокая береза. Здѣсь вокса такъ внезапно поворачиваетъ вправо, и вода ея такъ возвышается у берега, что на этомъ мѣстѣ построили мельницу.

Далѣе слѣдуетъ опять нѣсколько островковъ и теченіе рѣки, называемой здѣсь *«Милли-Суванто»* **), дѣлается опять спокойнымъ. И вверхъ и внизъ по рѣкѣ открывается чудесная даль. Культура смягчаетъ здѣсь суровость финляндской природы; гранитная почва, едва прикрытая тонкимъ слоемъ земли, должна была уступить неимовѣрному трудолюбію финна. Берега оживлены пашнями и лугами, которыми вообще такъ бѣдна Финляндія и которые сосредоточиваются преимущественно по берегамъ водъ; разбросанныя группы домиковъ, пасущіяся стада, бряцанье колокольчиковъ, привязанныхъ къ шеямъ коровъ и лошадей, оживляютъ долину. Но вотъ до насъ начинаетъ долетать страшный и вмѣстѣ съ тѣмъ величественный гулъ. Ниже *«Милли-Суванто»*, верстахъ въ 5 отъ истока Воксы, на границѣ кирхшпиля Руоколакса, начинается знаменитѣйшій Финляндскій водопадъ *Иматра*. Вверху водопада рѣка расширяется на подобіе озера до 1140 футовъ ширины, съ низкими поло-

*) См. № 17 „Нивы" за 1874 годъ.

*) Суванто значитъ: тихая вода, а лаутта—паромъ.

**) Милли значитъ: мельница.

Библиотека "Руниверс"

гими берегами, покрытыми частой зеленью; возлѣ лѣваго берега видны два небольшихъ островка, поросшихъ лѣсомъ. За островомъ начинается первый уступъ водопада. Здѣсь же очень хорошо видны два теченія: одно посредн озера—быстро несущееся по камнямъ впередъ и клокочущее какъ кипятокъ; другое у берегонъ—тихое, обратное, которое происходитъ оттого, что вода, ударяясь объ излучину берега, дугою возвращается назадъ,—такъ что брошенное здѣсь бревно, обойдя кругомъ, непремѣнно придетъ назадъ. Оба теченія, соединяясь, съ страшной силой врываются въ глубокую, узкую разсѣлину гранита; вся необъятная масса Сайменскихъ водъ стремится прорваться сквозь эту тѣснину, и можно судить что̀ за шумъ, что за могучій ревъ и грохотъ подымаются здѣсь. Кажется, будто вода стремится не внизъ, какъ въ другихъ водопадахъ, а мчится вверхъ, къ небу. Красоты и величія этой картины, конечно, не передастъ никакое перо; надо собственными глазами видѣть эту огромную массу клокочущей воды и ту гигантскую мощь, съ какой она вскидываетъ вверхъ колоссальные бугры бѣлой пѣны. Одинъ за другимъ, выше и выше растутъ эти бугры, и достигнувъ высшей точки, рухаютъ, разсыпаясь серебристыми, жемчужными, брильянтовыми букетами. Трудно оторвать глаза отъ этихъ фантастическихъ формъ, отъ чуднаго перелива цвѣтовъ, когда водопадъ оснѣщенъ солнцемъ. Смарагды, рубины, сапфиры пересыпаются съ крупными жемчужинами и бриліантами, словно въ волшебномъ калейдоскопѣ. Не устанешь глядѣть, не налюбуешься этой дикой красавицей, съ бѣшеной мощью стремящейся вырваться изъ обхватившихъ ее съ обѣихъ сторонъ сѣрыхъ гранитныхъ утесонъ. Сколько безконечнаго разнообразія въ этихъ пѣнящихся волнахъ; вотъ одинъ бугоръ (если вы стоите на правомъ, отлогомъ берегу водопада) разсыпался чуть не у вашихъ ногъ легкимъ, граціознымъ фонтаномъ, обдавъ васъ холодомъ и жемчужными брызгами,—а тамъ на лѣвомъ, нависшемъ берегу, точно подземная сила втягиваетъ воду ко дну, и она закручивается воронкой, внутри которой зіяетъ черная пучина, грозно разѣвающая свою пасть среди бѣлой пѣнящейся поверхности водопада. Въ воздухѣ стоитъ прозрачный, переливающій разными цвѣтами паръ. Хорошо здѣсь также зимой, при лунномъ свѣтѣ, когда лучи его падаютъ на ледяные зубцы гранитныхъ стѣнъ и на застывающіе пары, которые кажутся вамъ духами, водящими въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ воздушные хороводы Грозно-прекрасенъ тогда водопадъ! Зимой еще яснѣе можно видѣть, какъ превращенная въ пѣну вода переходитъ въ паръ. Глядя на Иматру, невольно приходитъ мысль, что здѣсь, когда-то, духъ тьмы началъ борьбу съ духомъ свѣта—и до сихъ поръ не можетъ кончиться эта упорная борьба. Духъ свѣта неудержимо стремится впередъ, духъ же тьмы не пускаетъ его и ставитъ ему вездѣ преграды. Всѣ подземныя силы за одно съ духомъ мрака, и трещатъ кругомъ скалы, точно хотятъ разверзнуться и поглотить духа свѣта; а этотъ послѣдній мужественно выдерживаетъ бой, и хотя по временамъ и уступаетъ своему врагу, но скоро опять твердо становится на ноги, попираетъ всѣхъ духовъ темнаго царства, и одержавъ блистательную побѣду надъ могучимъ врагомъ, успокоенный, невозмутимо шествуетъ впередъ, расширяя границы своего свѣтлаго царства.

Но чтобы дать ясное понятіе объ Иматрѣ тѣмъ, кто не видѣлъ ее, мы сравнимъ ее съ знаменитѣйшимъ водопадомъ въ мірѣ, Ніагарою въ Сѣверной Америкѣ. Водопадъ этотъ, какъ извѣстно, падаетъ изъ озера Эри въ Онтаріо, лежащее значительно глубже перваго; Иматра же напротивъ не беретъ начала въ какомъ либо большемъ озерѣ, но начинается въ весьма обширномъ мѣстѣ Воксы, такъ-называемомъ *«Милли-Суванто»* и падаетъ въ такой же большой бассейнъ *«Меллеп-сѣлка»*. Главный уступъ Ніагары имѣетъ 720 футовъ ширины, и по серединѣ его лежитъ маленькій островокъ, который впрочемъ уже нѣсколько лѣтъ какъ почти исчезъ; ширина же знаменитаго финляндскаго водопада не превышаетъ 138 футовъ, и вверху его *теперь еще* находится, какъ уже сказано, маленькій островокъ. Ніагара есть настоящій водопадъ, имѣющій съ одной стороны острова 160, а съ другой 140 футонъ вышины; между тѣмъ какъ паденіе Иматры, наоборотъ, болѣе растянуто въ длину, на протяженіи отъ 1080—2950 футонъ,—высота ея паденія имѣетъ не болѣе какъ отъ 50—63 футовъ. Изъ сказаннаго можно бы было заключить, что водопадъ Воксы долженъ казаться совершенной игрушкой въ сравненіи съ его сѣвероамериканскимъ братомъ. Да, еслибы Иматра не превосходила Ніагару въ другомъ отношеніи. По скалистымъ бороздамъ Иматры стекаетъ въ секунду среднимъ числомъ 18,223$^{1}/_{5}$ кубическихъ фута воды, по исчисленію сдѣланному у Купинкаиристи, близь залива Нойзнями въ кирхшпилѣ Саккола; это составитъ въ часъ 67,765,600 куб. фут. воды. Вода, несущаяся черезъ Ніагару, равняется всего 42 милльовамъ кубическихъ футовъ; слѣдонательно въ часъ ее будетъ на 25 милльоновъ куб. футовъ меньше чѣмъ въ нашемъ знаменитомъ финляндскомъ водопадѣ. Клокочущая и бушующая здѣсь громадная масса воды, ворочающая со дна большія каменныя глыбы и заставляющая дрожать скалы, страшный ревъ ея, похожій на шумъ лѣса во время сильной бури, когда въ отдаленіи слышатся глухіе раскаты грома, сливающіеся съ воемъ испуганныхъ звѣрей и слышный на разстояніи 6, а въ безвѣтряную погоду даже 10 верстъ, дѣлаетъ Иматру такой знаменитой, что въ сравненіи съ ней всѣ остальные водопады въ Европѣ кажутся незначительными. Извѣстные швейцарскіе водопады: *Плечбахъ*, въ *Лаутербруннеиской* долинѣ, падающій съ высоты 925 футовъ, и *Шафгаузенъ* на *Рейнѣ*, съ паденіемъ въ 340 футовъ вышины, безспорно замѣчательны и прекрасны; но дѣйствующая въ нихъ масса воды въ сравненіи съ Иматрой такъ ничтожна, что ихъ можно назвать просто ручьями.

Будемъ продолжать наше сравненіе: въ Ніагарѣ вода падаетъ между отвѣсными скалистыми стѣнами въ ущельѣ 300 футовъ глубины; берега Иматры напротивъ низки. На лѣвомъ склонѣ подымается крутая скала въ 20—27 футовъ вышины, а вправо—глинистый холмъ, стоящій на 47 футовъ выше средней поверхности водопада. Черезъ Ніагару перекинутъ родъ висячаго моста, устроенный на перетянутыхъ черезъ водопадъ проволочныхъ канатахъ, которые на обоихъ берегахъ прикрѣплены къ большимъ деревяннымъ столбамъ. Этотъ мостъ имѣетъ 800 футовъ длины и виситъ на высотѣ 250 футонъ надъ шумящей водяной бездной. Но и въ этомъ отношеніи Иматра не отстала отъ Ніагары; въ 1872 году и черезъ нее также протянули канатъ изъ тонкой проволоки, имѣющій 170 футовъ длины и 3$^{3}/_{8}$ въ объемѣ. Канатъ этотъ приготовленъ въ Лондонѣ на фабрикѣ Миллваль-Попларъ, гдѣ выдѣлываются усовершенствованные проволочные канаты, и былъ испробованъ гидравлическимъ аппаратомъ Шефера и Буденберга, при чемъ онъ выдержалъ тяжесть въ 7,000 фунтовъ. Этотъ канатъ укрѣпленъ на столбахъ въ 9 футонъ, которые въ свою очередь укрѣплены къ скаламъ желѣзными аршинными болтами. Но на этомъ канатѣ виситъ не мостъ, какъ на Ніагарѣ, а сдѣлано приспособленіе совершенно особаго рода. На большомъ желѣзномъ блокѣ, ось котораго имѣетъ вершокъ слишкомъ въ діаметрѣ, виситъ здѣсь корзина, въ формѣ прямоугольника, которая посредствомъ нѣсколькихъ канатовъ перетягивается съ одного берега на другой. Въ этой корзинѣ могутъ удобно помѣщаться, на устроенныхъ для этой цѣли сидѣньяхъ, два человѣка. Весело, точно птица, летишь надъ клокочущимъ водопадомъ, потому что корзина виситъ въ воздухѣ футовъ на 20 выше воды.

Изъ всего сказаннаго понятно, что ни одно живое существо не въ силахъ живьемъ спуститься по Иматрѣ; если бы спустить по водопаду лодку, то она бы разлетѣлась въ мелкія щепки. Въ Иматру бросали толстые древесные стволы, но какъ только они попадали въ крутящіеся по обѣимъ сторонамъ водовороты, то уже не выходили изъ нихъ; пучина втягивала ихъ въ себя и трепала о камни до тѣхъ поръ, пока они не превращались въ размочаленное щепье. Лосось можетъ переплывать всѣ другія пороги Воксы, но подняться по Иматрѣ ему не подъ силу,—такъ непреодолима быстрота теченія водопада.

Мы сознаемся, что наше описаніе этого чуда природы слишкомъ слабо; пусть читатель силой собственнаго воображенія дополнитъ лишь слегка очерченную нами картину этого великолѣпнѣйшаго водопада всего сѣвера. Прибавимъ только, что иностранцы изъ отдаленнѣйшихъ странъ ежегодно посѣщаютъ Иматру, которая возбуждаетъ въ нихъ неописанный восторгъ,—а финнъ, крѣпко любящій свою суровую родину, гордится Иматрой, называетъ ее не иначе какъ пульсомъ своей родной матери-земли. Уже языческіе предки финновъ воспѣвали Иматру; въ «Калевалѣ», извѣстномъ національномъ эпосѣ, возсоздавшемъ жизнь и чувства древнихъ финновъ, объ Иматрѣ говорится какъ объ величайшемъ изъ всѣхъ финляндскихъ водопадовъ. Новѣйшіе поэты также воспѣвали ее, а книга гдѣ путешественники вписываютъ свои имена, полна поэтическихъ изліяній въ хвалу Иматры. Взглянемъ теперь на оба скалистые берега водопада. Оба они поросли густымъ лѣсомъ; на правомъ берегу преобладаетъ граціозная плакучая береза, на лѣвомъ—ель и сосна; густая трава, сочная земляника, полевые цвѣты устилаютъ красивымъ ковромъ оба берега. Такая богатая растительность, рѣдкая къ Финляндіи, могла развиться здѣсь благодаря обилію влаги водопада. Въ 1871 году, на правомъ берегу, вмѣсто старой жалкой гостинницы, былъ выстроенъ роскошный отель въ готическомъ стилѣ. Середина зданія занята большой свѣтлой залой, очень удобной для танцевъ; въ ней уже не разъ и давались балы зимой. Къ этой залѣ примыкаютъ двѣ просторныя веранды, одна изъ которыхъ выходитъ на дорогу, другая на водопадъ. Съ одной стороны залы находится бильярдная, съ другой—столовая и буфетъ, круглый годъ открытый для публики. Цѣны, какъ за помѣщеніе такъ и за всѣ требуемые предметы, утверждены выборгскимъ губернаторомъ, въ чемъ всякій можетъ самъ убѣдиться. По обѣ стороны главнаго зданія, выстроены двухъэтажные флигеля, на 40 слишкомъ нумеровъ для пріѣзжающихъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ комнаты, предназначенныя для Его Величества Государя Императора и другихъ особъ Высочайшей фамиліи. Съ балконовъ открываются чудесные виды, какъ на водопадъ, такъ и на даль. Особенно хорошъ видъ на водопадъ съ сѣвернаго балкона; тутъ вы видите, какъ сначала Вокса нѣжно ласкаетъ полевые цвѣточки, а потомъ, въ дикой ярости рветъ и мечетъ все подъ свое подножіе. Вдоль скалистаго обрыва идетъ узкая тропинка съ перилами къ лѣстницѣ. Послѣдняя приводитъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ устроена воздушная переправа черезъ водопадъ. Платформа, откуда садятся въ корзинку, находится почти посерединѣ Иматры, и здѣсь ревъ ея доходитъ до наибольшей ярости. Если

Библиотека "Руниверс"

идти отсюда вправо вдоль берега, то мы войдемъ въ расположенную на возвышенности рощу съ усыпанными пескомъ дорожками; влѣво же изъ середины потока вырывается громадный пѣнистый буторъ, вздымающійся выше головы стоящаго внизу наблюдателя. Съ этой точки грозная красота водопада представляется всего поразительнѣе, особенно въ свѣтлую лунную ночь. Отсюда между каменными обломками идетъ тропинка къ маленькому мысу, гдѣ устроена бесѣдка въ видѣ гриба или зонтика,—скорѣе, впрочемъ, въ видѣ послѣдняго, такъ какъ она дѣйствительно служитъ имъ для зрителей, защищая отъ высокихъ брызговъ воды. Здѣсь съ трудомъ можно разслушать другъ друга, да и не до разговоровъ тутъ. Въ нѣмомъ восхищеніи смотришь на эту величественную, чудную картину,—смотришь цѣлые часы—и все не насмотришься, и все открываешь въ ней новыя неожиданныя красоты. Издали, съ небольшой возвышенности въ концѣ рощи, водопадъ представляется опять въ новомъ совсѣмъ видѣ. Впереди видно только голубое небо и волнующаяся бѣлая пѣна; если же небо покрыто бѣлыми облаками, то этотъ ревущій потокъ похожъ на снѣговую лавину, скатывающуюся съ высоты Альповъ.

Посмотримъ теперь, каковъ водопадъ съ противуположнаго берега. Намъ нужно для этого сѣсть въ корзину, и вися надъ бушующей бездной, переправиться по проволочному канату на ту сторону. Весь этотъ берегъ состоитъ изъ чернаго утеса, страш-

На чужбину!. Рисунокъ Портельса, О. Ротъ.

Библиотека "Руниверс"

по наклоненнаго надъ водопадомъ. Защищенная перилами дорожка приводитъ къ такому же зонтообразному павильону, какъ на правомъ берегу. Съ этой стороны водопадъ еще страшнѣе, еще величественнѣе; грудь сжимается отъ страха, который еще усиливается когда спустишься ниже, на гранитную глыбу у подножія водопада. Отсюда только вполнѣ можно оцѣнить все дикое величіе Иматры и превосходство ее предъ всѣми другими водопадами.

Недалеко отъ вышеупомянутаго павильона, разбросаны огромные камни съ правильными, глубокими, точно вышлифованными углубленіями. Замѣчателенъ одинъ изъ этихъ камней: въ немъ какъ будто кто-то хотѣлъ просверлить дырку вершковъ въ пять глубины, но камень при этомъ разсѣлся пополамъ, и одна его половина пропала. Камень этотъ въ народѣ называется разбитой чортовой маслянницей. Существующая объ немъ легенда разсказываетъ, что когда камень еще былъ цѣлъ, въ отверстіе его забралось маленькое дитя, и его нельзя было достать оттуда иначе, какъ разбивъ пополамъ камень. Далѣе въ котловинѣ долины лежитъ отлично сохранившійся цилиндръ, такъ глубоко наполненный водой, что палка въ двѣ съ половиной сажени длины не достаетъ до дна.

Происхожденіе этихъ камней объясняется такъ: камень меньшей величины, кружась въ водоворотѣ — производя постоянное и долговременное треніе объ одинъ и тотъ же камень большей величины и болѣе мягкой породы, пробуравливалъ въ немъ описанные котлы. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что нѣкогда вся равнина, вплоть до холмовъ, стояла ниже и по всей ея ширинѣ текла Вокса. Само собою разумѣется, что въ тѣ далекія времена Иматра вовсе не существовала, а была только тихая вода. Когда же съ теченіемъ вѣковъ почва подымалась а вода мелѣла, Вокса образовала водопадъ, бывшій прежде гораздо шире чѣмъ теперь, и приносившій съ собою песокъ и глину, изъ которыхъ наросли возвышенности по берегамъ потока,—какъ напримѣръ правый берегъ Иматры, считаемый многими за искуственную насыпь.

Нельзя не сказать еще нѣсколькихъ словъ о такъ-называемыхъ *иматровскихъ камняхъ*, которыми бѣлоголовые чухонскіе ребятишки усердно надѣляютъ путешественниковъ на память объ Иматрѣ. Ихъ находятъ только на одномъ мѣстѣ, именно въ одномъ заливѣ на лѣвомъ берегу Воксы; еще находили ихъ немного въ одномъ ручейкѣ, впадающемъ въ Воксу ниже водопада *«Галлинкоски»*. Кромѣ этого, на всемъ земномъ шарѣ, они находятся еще только на сѣверномъ берегу Ладожскаго озера, въ Павловскѣ, близъ Петербурга и въ Сѣверной Америкѣ. Они состоятъ изъ глинистаго сланца и имѣютъ различную форму: одна изъ нихъ похожа на бисквиты въ формѣ цифры 8, другіе совсѣмъ круглые, нѣкоторые напоминаютъ птицъ и т. д. Естествоиспытатель Парротъ, изслѣдовавшій эти камни, принимаетъ ихъ за вывѣтривавшіяся раковины моллюсковъ. Большинство однако считаетъ ихъ за кусочки оторванныхъ отъ горъ камней, которые вода Иматры обточила въ эти причудливыя формы. Послѣднее предположеніе самое вѣроятное, впрочемъ также только отчасти. При ближайшемъ изслѣдованіи находимой на берегу глины, оказывается что она состоитъ изъ различныхъ слоевъ сланца, безъ извести, съ небольшой примѣсью желѣза. Если сжечь кусочекъ этой глины въ сыроватомъ состояніи, то получается взрывъ, вслѣдствіе растяжимости воды.

Вода постоянно омываетъ эти камни и уноситъ кусочки ихъ съ собой, и на эти глиняные кусочки походятъ иматровые камни. Еслибы теперешнюю ихъ форму сообщила имъ вода, то это должно бы было случиться въ то время, когда она стояла еще очень высоко, такъ какъ глинистый слой лежитъ очень высоко. Можно слѣдовательно предполагать, что куски вышеозначенной глины сначала твердѣли, потомъ окаменялись, и отъ тренія между другими каменьями получили свою теперешнюю форму, и наконецъ были занесены новымъ слоемъ глины. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія объ окамененіи глины—мы приведемъ то обстоятельство, что находятъ иматровскіе камни совершенно вывѣтрившіеся и другіе начинающіе вывѣтриваться. Иматровскіе камни всегда синевато-сѣраго или пепельнаго цвѣта и отшлифованы точно искуственные.

Съ тѣхъ поръ какъ въ 1870 году, послѣ открытія Гельсингфорской желѣзной дороги, устроилось въ Выборгѣ такъ-называемое Иматровское акціонерное общество, масса туристовъ, посѣщающихъ Иматру, возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Общество доставляетъ путешественникамъ всевозможныя удобства; оно имѣетъ пароходы и дилижансы, выстроило новую дорогу отъ Выборга до Иматры, нѣсколько отелей и т д. За весь проѣздъ отъ Выборга до Иматры и обратно общество беретъ по 7 руб. сер. съ человѣка.

Путешествіе это – одно изъ самыхъ пріятныхъ. Пароходъ, миновавъ Выборгъ и нѣсколько островов и живописныхъ дачъ, внезапно поворачиваетъ въ первый шлюзъ Сайменскаго канала. Уже для одного этого канала стоитъ предпринять путешествіе въ Финляндію. Какъ Иматра чудо природы, такъ это гигантское сооруженіе чудо человѣческаго труда и науки. Саймевскій каналъ прорванъ въ сплошныхъ массахъ гранита, и для удержанія напора воды съ Саймы и другихъ озеръ, на немъ устроено 28 шлюзовъ. Когда пароходъ входитъ въ шлюзъ, ворота шлюза запираются. Вода, стоящая выше шлюза, впускается черезъ открытые клапаны въ камеру шлюза, до тѣхъ поръ пока пароходъ мало по малу не подымается до уровня воды за шлюзомъ; тогда верхніе ворота шлюза открываются—и пароходъ медленно входитъ въ открытую воду. Грандіозная финляндская природа поражаетъ васъ на каждомъ шагу: то надъ вами висятъ черныя, отвѣсныя, гранитныя стѣны, какъ будто готовыя обрушиться на васъ; то вы идете точно въ какомъ-то подземномъ корридорѣ, а тамъ опять открываются по обѣ стороны обширные виды на отдаленныя горы и лѣса.

Кто не любитъ вообще водяныхъ путешествій, или найдетъ утомительными, довольно скучныя подъ конецъ, задержки въ шлюзахъ, тотъ можетъ въ 16 верстахъ отъ Выборга, на станціи *Юстиля*, взять почтовыхъ лошадей и продолжать путешествіе сухимъ путемъ. Какую бы дорогу ни выбрать отъ Выборга до Иматры, всякая изъ нихъ будетъ рядомъ самыхъ живописныхъ картинъ, а сама Иматра навсегда неизгладимо останется въ памяти того, кто разъ въ жизни видѣлъ ее.

На чужбину!..

Сіялъ огнями домъ родной,
Отецъ и мать гостей встрѣчали,
А мистеръ Джонъ все былъ со мной...
На насъ украдкою кивали...
Онъ мнѣ шепталъ, что лишь меня
Одну онъ любитъ, обожаетъ:
«Клянусь землей и небомъ я—
Насъ счастье, Мэри, ожидаетъ!»...

Дышать мнѣ легче на водѣ,
Хоть грудь болитъ, но замеръ стонъ...
Гдѣ-жъ клятвы ваши—клятвы гдѣ,
Любезный мистеръ Джонъ?...

* * *

«Я, Мэри, встрѣтился съ тобой
(Онъ говорилъ) по волѣ рока!...
Богатствъ всей Индіи, Востока,
Мнѣ поцѣлуй дороже твой!
И если-бъ ты вдругъ нищей стала,
Клянусь—не измѣнилъ-бы я!
Какъ я люблю, тогда-бъ узнала,
Въ мой домъ парицею войдя!»

Дышать мнѣ легче на водѣ,
Хоть грудь болитъ, но замеръ стонъ...
Гдѣ-жъ клятвы ваши—клятвы гдѣ,
Любезный мистеръ Джонъ?...

* * *

И вдругъ—отецъ все потерялъ,
Онъ тѣмъ лишь спасся отъ ареста,
Что съ кресла замертво упалъ...
И вотъ, богатая невѣста—
Вдругъ стала нищей!.. Мать моя
Слегла, полгода прострадала
И успокоилась... А я
Работы въ городѣ искала...

Дышать мнѣ легче на водѣ,
Хоть грудь болитъ, но замеръ стонъ...
Гдѣ-жъ клятвы ваши—клятвы гдѣ,
Любезный мистеръ Джонъ?...

* * *

«Иди воспитывать дѣтей»,
Мнѣ люди добрые сказали:—
«Плыви въ Россію, тамъ скорѣй
Найдешь пріютъ!».. И указали
На пристань:—«Видишь—пароходъ?
Садись и—съ Богомъ на чужбину!»
И я плыву меня несетъ
Чрезъ эту бурную пучину...

Дышать мнѣ легче на водѣ,
Хоть грудь болитъ, но замеръ стонъ...
Гдѣ-жъ клятвы ваши—клятвы гдѣ,
Любезный мистеръ Джонъ?...

В.

Библиотека "Руниверс"

Медицинскія бесѣды.

Человѣческіе паразиты.

Много было споровъ о томъ, исполняютъ-ли паразиты какое нибудь полезное назначеніе въ природѣ, или они созданы единственно на муку грѣшному человѣческому роду. Въ этомъ спорѣ, какъ и всегда, мнѣнія расходятся. Конечно, большинство раздѣляетъ послѣднее мнѣніе, то есть причисляетъ ихъ къ язвамъ человѣчества. Но мы здѣсь не удостоимъ своей бесѣдой маленькихъ нашихъ мучителей, блохъ, клоповъ и прочихъ плебеевъ паразитнаго міра; мы поговоримъ только о тѣхъ изъ нихъ, которые своимъ болѣе рѣдкимъ и скрытнымъ появленіемъ придаютъ себѣ нѣкоторый аристократическій оттѣнокъ среди ихъ нищей братьи.

Внутри и на поверхности человѣческаго тѣла различается два рода паразитовъ, животные и растительные.

Разсмотримъ сначала первыхъ и тотчасъ-же раздѣлимъ ихъ на двѣ главныя группы: a) на животныхъ паразитовъ, обитающихъ въ самомъ тѣлѣ и b) на такихъ, которые гнѣздятся на поверхности человѣческаго тѣла.

Корифей первой группы—это *глиста*, такъ-называемый солитеръ.

Она раздѣляется на три рода:

1) вооруженная ленточная глиста (Taenia solium),
2) невооруженная ленточная глиста (Taenia mediocanellata),
3) короткочленная широкая ленточная глиста (Bothryocephalus latus).

Всѣ три рода обитаютъ въ человѣческихъ кишкахъ, и попадаютъ туда отъ употребленія мяса зараженнаго паразитными зародышами.

Самая распространенная и почти исключительно встрѣчающаяся у насъ глиста — это Taenia solium. На головѣ ея, величиной съ булавочную головку, явственно видны четыре довольно-выдающіяся всасывательныя возвышенія, между которыми, спереди, лежитъ вѣнокъ, состоящій изъ двадцати четырехъ и до тридцати большихъ и малыхъ крючковъ; онъ служитъ для того чтобы уцѣпляться о слизистую оболочку кишекъ. (Отсюда и названіе «вооруженная глиста»). Къ головѣ примыкаетъ тонкая какъ нитка шея, длиною въ дюймъ; за ней уже слѣдуютъ собственно члены (проглодиты) глисты. Каждый проглодитъ образуетъ самостоятельное существо, способное къ размноженію, какъ скоро достигаетъ зрѣлости. Зрѣлость наступаетъ приблизительно съ шестисотаго члена. Зрѣлый членъ отрывается отъ червя, и такъ какъ ему нечѣмъ держаться, то онъ и выходитъ съ экскрементами. Яйца содержащіяся въ этихъ освобожденныхъ проглодитахъ, въ теченіи четырнадцати дней, сохраняютъ свою жизненную способность на воздухѣ; если имъ случится въ этотъ промежутокъ времени попасть на благопріятную для нихъ почву, то есть въ кишки какого нибудь животнаго, чаще всего свиньи,—то зародыши освобождаются отъ окружающей ихъ оболочки, проникаютъ черезъ стѣнки кишокъ, проходятъ въ капиллярную систему кровяныхъ сосудовъ, и отсюда разносятся кровью въ мускулы, печень, мозгъ, глаза и т. д. Тамъ они устроиваются какъ у себя дома, обволакиваются водянымъ пузырькомъ, образуютъ крючки и всасывательные возвышенія, и представляютъ намъ, на этой ступени развитія, хорошо извѣстную, ненавистную личинку. Въ этомъ состояніи червякъ остается, пока не перемѣнитъ мѣста; если же, вслѣдствіе употребленія подобнаго мяса, онъ попадетъ въ кишки человѣка или другаго животнаго, то окружающій его пузырекъ лопается, глиста освобождается, становится маткой или головой глисты и начинаетъ отдѣлять отъ себя извѣстные проглодиты. И такъ, мы опять пришли къ ленточной глистѣ. Слѣдовательно безъ личинки не было-бы ленточной глисты, безъ ленточной глисты не было-бы личинки. Личинки (Cysticercus cellulosa) нашей Taenia solium встрѣчаются спеціально въ свиномъ мясѣ.

Личинка невооруженной ленточной глисты, встрѣчающаяся почти исключительно въ Вѣнѣ, въ Вюртембергѣ и Баваріи, живетъ въ мускулахъ и внутреннихъ органахъ рогатаго скота. Личинки Bothryocephalus latus, водящагося въ Швейцаріи, Польшѣ, Швеціи, Норвегіи, представляетъ собой повидимому паразита нѣкоторыхъ породъ рыбъ. Но это еще не разъяснено окончательно.

Личинка—паразитъ, съ которымъ весьма легко бороться; если мясо хорошо просолено, прокопчено, сварено или изжарено, то онъ непремѣнно умерщвляется, такъ что въ этомъ отношеніи только сырое зараженное паразитами мясо можетъ быть опаснымъ. Но бѣда заразиться ленточной глистой; тутъ ужъ слѣдуетъ немедленно прибѣгать къ основательному леченью, чтобы какъ можно скорѣе избавиться отъ нея, такъ какъ ея присутствіе не только въ высшей степени непріятно, но и весьма опасно, потому что возбуждаетъ брюшные катарры и тяжелыя нервныя разстройства.

Въ числѣ другихъ средствъ противъ страданія глистами, многіе врачи самымъ лучшимъ считаютъ куссо. Но мы настоятельно убѣждаемъ читателей не прибѣгать самимъ къ подобному леченью или не довѣряться разнымъ искусникамъ, величающихъ себя въ газетныхъ объявленіяхъ спеціалистами, которые лечатъ даже заочно. Въ подобномъ случаѣ всегда надо обращаться къ доктору, такъ какъ куссо никакъ нельзя причислить къ индиферентнымъ средствамъ,—поэтому и количество пріема должно быть опредѣлено знающимъ человѣкомъ; къ тому-же вѣрнаго дѣйствія отъ средства можно ожидать только послѣ предварительнаго восьми или четырнадцати-дневнаго правильнаго пріема маленькихъ дозъ горькихъ лекарствъ (какъ напр. хинина, квассіи, полыни и т. п). Никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду этого предварительнаго леченія; оно ослабляетъ червя, и потомъ достаточно меньшей дозы куссо чтобы убить его окончательно.

Леченье можно считать удавшимся только тогда, когда выходитъ голова вмѣстѣ съ нитеобразной шеей червяка; безъ этого-же, даже выходъ большой массы членовъ доставляетъ только временное облегченіе, такъ какъ проглодитная машина осталась внутри, и въ ту же минуту снова принимается за свою работу.

Круглая глиста (Ascarus lumbricoides), отъ полъ-фута до фута длины, не такъ значительна какъ ленточная глиста, и очень похожа на большаго дождеваго червя. Она живетъ въ тонкой и толстой кишкѣ, преимущественно у дѣтей, откуда предпринимаетъ весьма непріятныя и даже опасныя экскурсіи въ ротъ и носъ, дыхательное горло, въ желчный каналъ и т. п. Она должно быть очень общительнаго характера, потому что ея находятъ всегда цѣлыми кучами, отъ тридцати до сорока штукъ. Глиста эта оказываетъ сильное вліяніе на нѣжный дѣтскій организмъ. Кромѣ брюшныхъ страданій, она производитъ общія судороги, которыя хотя и не смертельны, но могутъ сильно разстроивать питаніе, нервную систему и умственное развитіе ребенка. Единственный вѣрный признакъ ея присутствія въ организмѣ—это выходъ ея съ экскрементами. Чесаніе носа у дѣтей ничего не значитъ. Еще нѣкоторое значеніе для распознаванія имѣетъ внезапно-появляющійся и исчезающій румянецъ на одной щекѣ, какъ будто-бы ребенокъ долго спалъ на этой щекѣ.

Такъ какъ исторія развитія круглой глисты до сихъ поръ еще не извѣстна, то мы не будемъ распространяться объ ней, и укажемъ только на экстрактъ цыцварнаго сѣмени и затѣмъ на ревень и касторовое масло, какъ на средства изгнать эти глисты изъ организма.

Еще больше мучитъ дѣтей глиста Oxyurus vermicularis, отъ трехъ до четырехъ линій длины, живущая въ прямой кишкѣ; это нитеобразный бѣлый паразитъ, производящій иногда невыносимый зудъ, рвоту и разныя нервныя разстройства. Внутреннее леченье, противъ него, остается большею частію безъ всякихъ результатовъ, но можно совѣтовать въ этомъ случаѣ клестиры, изъ холодной или соленой воды, которые надо продолжительное время правильно употреблять два раза въ день. Если это не поможетъ, тогда слѣдуетъ обратиться къ доктору.

Ни объ одномъ паразитѣ не было столькихъ толковъ, какъ объ открытой въ новѣйшее время и къ сожалѣнію такъ часто встрѣчающейся трихинѣ. Такъ какъ большинству читателей вѣроятно приходилось слышать о болѣзни, производимой трихиной, то мы ограничимся объ этомъ предметѣ нѣсколькими словами.

Трихина есть микроскопическій червь отъ 0, 8 до миллиметра длины, спиральной формы, заключенный въ похожую по формѣ на лимонъ известковую оболочку и находящійся часто мильонами въ мышцахъ.

Если такая заключенная въ сумку трихина попадаетъ черезъ посредство зараженнаго трихинами мяса въ человѣческія кишки, то уже на второй день женскія индивидуумы наполняются тамъ яйцами, изъ которыхъ черезъ шесть дней рождаются маленькія нитеобразныя трихины. Онѣ тотчасъ-же пускаются въ путешествіе черезъ стѣнки кишекъ въ мускульныя ткани, гдѣ черезъ четырнадцать дней мы снова находимъ ихъ въ формѣ дѣлающихъ себѣ сумку спиральныхъ трихинъ. Слѣдовательно онѣ испытываютъ такую-же метаморфозу, какъ ленточная глиста и ея личинка. Мышечная трихина есть первая ступень развитія зрѣлой, развитой кишочной трихины.

Трихинозъ, т. е. трихинная болѣзнь, во многихъ случаяхъ представляетъ большое сходство съ гастрически-ревматической лихорадкой, рѣже съ тифомъ. Онъ обыкновенно начинается потерей аппетита, большимъ упадкомъ силъ, безсонницей, болью въ животѣ соединенной съ запоромъ или поносомъ. Черезъ нѣсколько дней появляется болѣе или менѣе сильная лихорадка, къ этому присоединяется опухоль лица и стѣсненіе въ груди. На 7-й или 9-й день страданіе увеличивается жестокой болью всѣхъ мускуловъ, въ особенности конечностей; кожа натягивается, малѣйшее прикосновеніе къ ней вызываетъ сильную боль. Больной вообще представляетъ самую грустную картину страданія, которыя недѣли черезъ три прекращаются смертью, или паціенты медленно поправляются при ослабѣвающихъ боляхъ, и тогда ужъ на вѣкъ отказываются отъ свинаго мяса.

Такъ какъ наука до сихъ поръ еще не обладаетъ средствомъ убивать мышечныхъ трихинъ безъ вреда для человѣческаго организма, или препятствовать переходу кишечной трихины въ

Библиотека "Руниверс"

Альбертъ-Эдуардъ, принцъ Уэльскій и супруга его, принцесса Александра Датская.

Библиотека "Руниверс"

мышцы, то тѣмъ болѣе надо совѣтовать быть осторожнѣе въ употребленіи свинаго мяса,—и если является малѣйшее сомнѣніе въ употребленномъ мясѣ, немедленно прибѣгать къ слабительнымъ и рвотнымъ средствамъ. Только тщательный осмотръ мяса, положительное воздержаніе отъ употребленія какого-бы ни было сыраго свинаго мяса, и сильное прокапчиванье, прожариванье или проваривaнье его—могутъ спасти отъ этой безпощадной болѣзни.

Теперь намъ остается разсмотрѣть еще одну категорію паразитовъ нашего тѣла, имѣющихъ аналогію съ личинкой въ свиномъ мясѣ. Представьте себѣ, что проглодитный выводокъ ленточной глисты попалъ-бы какимъ нибудь образомъ въ человѣческія кишки, прошелъ-бы сквозь ихъ стѣнки, расплодился-бы тамъ, и разносился-бы оттуда венознымъ токомъ крови по тѣлу, какъ мы простѣдили подобный процессъ въ свиной Cysticercus cellulosae. Такимъ путемъ въ самомъ дѣлѣ образуется пузырчатая глиста мозга, Cysticercus въ стекловидномъ тѣлѣ нашего глаза и Echinococcus въ печени, пузырчатый конгломератъ котораго образуетъ иногда опухоли величиной съ гусиное яйцо, а иногда и съ дѣтскую голову. Объемъ нашей статьи не позволяетъ намъ вдаваться въ патологію и терапію этихъ болѣзней; притомъ же, къ счастію, такіе случаи рѣдко встрѣчаются въ практикѣ.

Какъ видно, паразиты первой группы довольно многочисленны и злокачественны, чтобы не пренебрегать ими. Зато во второй группѣ страшенъ только *одинъ* экземпляръ, такъ какъ онъ единственный представитель паразитовъ гнѣздящихся на поверхности тѣла, именно чесоточный клещъ (Acarus scabiei или Sarcoptes hominis), причиняющій, такъ распространенную въ простомъ народѣ болѣзнь, чесотку.

Узловатая пустулозная сыпь, производящая особенно сильный зудъ вечеромъ и ночью, есть ничто иное какъ продуктъ реакціи тѣла, подъ вліяніемъ раздраженія кожи, возбужденнаго роющимся въ ней паразитомъ. Сыпь заживаетъ и зудъ проходитъ, какъ скоро удаляется причина раздраженія, т. е. убивается клещъ.

Всего охотнѣе сыпь гнѣздится на рукахъ между пальцами, въ сгибахъ руки и локтя и въ складкѣ кожи, идущей изъ-подъ мышки отъ груди къ плечу. Только при большой запущенности болѣзни, сыпь распространяется по всему тѣлу. Характеристическими признаками чесотки служатъ болѣе или менѣе длинные, частію прямые, частію извилистые ходы подъ верхней кожицей, которые животныя прорываютъ выбирая подходящее

Пинскъ. Съ фотографіи рѣзалъ Энцъ.

Библиотека "Руниверс"

мѣсто для своихъ выводковъ; эти ходы представляются нашему глазу (лучше съ помощію луны) въ видѣ легкихъ выпуклостей кожицы, съ нѣсколько темнѣе окрашеннымъ тонкимъ штрихомъ на высотѣ хода, и съ маленькимъ бѣловато-просвѣчивающимъ узелкомъ на одномъ его концѣ.

Если около самаго этого узелка сдѣлать проколъ тонкой иголкой, и осторожно вынуть кончикъ, то обыкновенно клещъ остается на кончикѣ. Положивъ маленькаго злодѣя подъ микроскопъ, мы увидимъ черепахообразное, бѣловатое, прозрачное, блестящее тѣльце около 0, 50 миллиметра длины и 0, 25 миллим. ширины. Спина его усажена когтеобразными наростами и колючками сидящими на коническихъ возвышеніяхъ; на брюшной сторонѣ видны поперечныя и дугообразныя линіи и четыре пары ногъ, двѣ переднихъ и двѣ далеко отстоящихъ отъ нихъ заднихъ. Чесотка можетъ угрожать тоже самому опрятному человѣку. Стоитъ только *одному* женскому индивидууму, наполненному яйцами, какими нибудь судьбами попасть на кожу и найдти время просверлить ее,—вотъ уже и готова чесотка. Если употребляется способъ леченья не убивающій животныхъ, и если не принимается предосторожностей противъ того чтобы онѣ не наползали изъ зараженнаго ими платья и постельнаго бѣлья, то нечего и расчитывать на успѣхъ. Если-же эти условія добросовѣстно выполняются, то чесотка—болѣзнь весьма легко и скоро устраняемая, такъ какъ чесоточный клещъ принадлежитъ къ числу деликатныхъ паразитныхъ натуръ и не переноситъ насилія. Между другими средствами, уничтожающими чесоточнаго клеща, предпочтительнѣе другихъ перувьянскій бальзамъ, потому что, кромѣ его несомнѣннаго цѣлебнаго свойства, онъ очень пріятно пахнетъ, что въ большой части другихъ лекарствъ бываетъ всегда на оборотъ.

Для радикальнаго устраненія этой болѣзни совершенно достаточно нѣсколько разъ потереть тѣло перувьявскимъ бальзамомъ (ежедневно утромъ и вечеромъ, по два раза) и затѣмъ минутъ черезъ пятнадцать или двадцать обмыть его такъ-называемымъ зеленымъ мыломъ въ теплой комнатной водѣ и надѣть послѣ этого совершенно чистое бѣлье и платье.

Какъ только появится у кого подозрительная, производящая зудъ, сыпь на рукахъ, слѣдуетъ *немедленно* обратиться къ доктору, потому что тогда часто все дѣло кончается нѣсколькими обмываньями. Очень неблагоразумно изъ ложнаго стыда скрывать сыпь; докторъ знаетъ, что самый чистоплотный и порядочный человѣкъ можетъ даже отъ дружескаго рукожатья заразиться этой болѣзнью.

Теперь мы простимся съ этими неопрятными гостями и удѣлимъ нѣсколько словъ растительнымъ паразитамъ, которые далеко не такъ опасны, за то и не такъ интересны какъ ихъ конкуренты животнаго происхожденія.

Они располагаются въ различныхъ мѣстахъ по поверхности нашего тѣла и принадлежатъ къ низшимъ, тайнобрачнымъ растительнымъ формамъ, опредѣляемымъ ботанически общимъ именемъ грибовъ и водорослей. Существенные ихъ элементы суть споры и волокна. Первыя состоятъ изъ простыхъ клѣточекъ круглой или овальной формы, имѣющихъ часто двойной контуръ, но рѣдко показывающихъ зерно. Размноженіе ихъ происходитъ дѣленіемъ или образованіемъ почекъ, вслѣдствіе чего они именно превращаются въ волокно.

Перейдетъ-ли споровая пыль посредствомъ воздуха, или отъ непосредственнаго прикосновенія съ кожи на кожу, споры проникнутъ черезъ слои верхней кожицы и размножаются въ глубже лежащемъ слоѣ кожи, состоящемъ изъ мягкихъ, слизистыхъ клѣточекъ или пигментныхъ клѣточекъ. Это и есть настоящая почва всѣхъ растительныхъ накожныхъ паразитовъ, живутъ-ли они на счетъ волосъ, ногтей или кожицы.

Достигнуть излеченія возбудимой ими болѣзни возможно единственно убійствомъ растительныхъ паразитовъ; для этой цѣли мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи цѣлый рядъ средствъ, но мы назовемъ только сѣру, различные ртутные препараты и кислоты. Какъ домашнее средство въ подозрительныхъ сыпяхъ, можно рекомендовать вошедшее нынче въ употребленіе карболовое мыло. Однако-же нельзя легко смотрѣть на подобную сыпь, потому что если ее запустить, грибъ можетъ такъ въѣсться, что потомъ для самаго внимательнаго леченья понадобятся мѣсяцы, даже цѣлые годы, чтобы искоренить его.

Научныя изслѣдованія дѣлаютъ все болѣе и болѣе вѣроятной ту мысль, что большее число заразительныхъ болѣзней происходятъ черезъ посредство споръ грибовъ и водорослей, которыя изъ желудка и кишекъ или изъ легкихъ производятъ зараженіе. Холера, диссентерія, тифъ, оспа, скарлатина, корь, перемежающаяся лихорадка,—все это болѣзни, весьма вѣроятно обязанныя своимъ происхожденіемъ растительнымъ паразитамъ. Изслѣдованія такъ трудны потому, что эти микроскопическія образованія представляютъ слишкомъ неясныя, неопредѣленныя формы. Но надо надѣяться, что неутомимому рвенію и остроумнымъ усиліямъ многихъ выдающихся ученыхъ, посвятившихъ себя исключительно этимъ изслѣдованіямъ, удастся наконецъ пролить яркій свѣтъ въ это темное мѣсто науки.

Альбертъ-Эдуардъ, принцъ Уэльскій, и супруга его, принцесса Александра Датская.

Альбертъ-Эдуардъ, принцъ Уэльскій, князь Корнвалійскій, графъ Честерскій, старшій сынъ королевы англійской Викторіи, наслѣдникъ великобританскаго престола, пользуется большой популярностью въ Англіи. Такъ какъ королева, его мать, убитая горемъ послѣ смерти своего супруга, принца Альберта, старается по возможности избѣгать пышныхъ празднествъ и церемоній, то вся представительность остается за принцемъ Уэльскимъ, вслѣдствіе чего англичане весьма снисходительно смотрятъ даже на чрезмѣрную иногда расточительность принца, считая это неизбѣжнымъ въ его положеніи представителя націи.

Принцъ Уэльскій родился 9-го ноября 1841 г. и получилъ отъ своего превосходнаго отца тщательное образованіе, докончeнное обширными путешествіями, въ которыхъ принцъ между прочимъ изучилъ колоніальныя владѣнія Англіи. Принцъ Уэльскій состоитъ членомъ нѣсколькихъ ученыхъ и другихъ обществъ, и недавно былъ возведенъ въ званіе «великаго мастера» англійскихъ масоновъ. Церемонія водворенія его въ это званіе отличалась большой торжественностью. Болѣе 10,000 масоновъ собрались въ громадномъ концертномъ залѣ Альбертъ-Голя. Вся эта десятитысячная толпа была симметрически размѣщена по цвѣтамъ, соотвѣтствующимъ различнымъ степенямъ «братьевъ». Большинство было въ голубыхъ лентахъ; составленныя изъ нихъ группы окаймлялись братьями высшихъ степеней въ пунцовыхъ лентахъ. Масоны, имѣющіе ленты другихъ цвѣтовъ, и высшіе сановники ложъ въ красныхъ мантіяхъ, тоже были расположены отдѣльными группами. За полчаса до времени назначеннаго для введенія новаго великаго мастера, все было готово и двери зданія Альбертъ-Голля наглухо заперты. Никто не принадлежащій къ ордену не могъ присутствовать при церемоніи. Наконецъ, при звукахъ органа, къ подножію масонскаго трона двинулась процессія изъ высшихъ сановниковъ ордена. Засѣданіе «великой ложи» было открыто. Черезъ нѣсколько минутъ раздались звуки масонскихъ трубъ, и въ залу вошелъ принцъ Уэльскій, передъ которымъ несли на двухъ бархатныхъ подушкахъ знаки его достоинства: перчатки, передникъ, цѣпь и знакъ великаго мастера. Принцъ подошелъ къ подножію трона и занялъ мѣсто по лѣвую сторону, подлѣ исправляющаго должность великаго мастера. Великій капеланъ прочелъ особую, сочиненную имъ на этотъ случай молитву, а за нимъ исправляющій должность великаго мастера опоясалъ принца передникомъ и надѣлъ ему на шею цѣпь, состоящую изъ девяти пятиконечныхъ звѣздъ. Въ этомъ облаченіи принцъ поднялся на ступени трона и сѣлъ на него. Въ ту же минуту слишкомъ десять тысячъ рукъ, вооруженныхъ масонскими мечами, поднялись вверхъ, привѣтствуя великаго мастера «большимъ масонскимъ привѣтствіемъ». Принцъ отвѣчалъ съ высоты трона небольшой рѣчью, въ которой указывалъ на громадное вліяніе, какимъ пользуется орденъ въ странѣ, составляя одну изъ надежнѣйшихъ опоръ правительства и престола, и восхвалялъ достоинства и заслуги ордена. Празднество окончилось большимъ масонскимъ банкетомъ, устроенномъ въ ресторанѣ лондонскихъ «вольныхъ каменщиковъ», носящемъ названіе «Масонской Таверны». Въ торжествѣ принималъ участіе между прочимъ герцогъ Артуръ Коннаутскій, третій сынъ королевы Викторіи.

Мы нѣсколько подробно остановились на церемоніи водворенія принца Уэльскаго въ званіи великаго мастера англійскихъ масоновъ, во первыхъ потому, что она сама по себѣ представляетъ нѣчто не совсѣмъ обычайное, и во вторыхъ потому, что избраніе принца въ это званіе служитъ доказательствомъ большой его популярности въ странѣ.

Въ октябрѣ нынѣшняго года, принцъ Уэльскій предприметъ путешествіе въ Индію, на которое парламентъ назначилъ ему значительную сумму. Сопровождать его будетъ флагманскій корабль «Нарцисъ» подъ начальствомъ контръ-адмирала Рандольфа. Въ свитѣ принца отправятся корреспонденты главнѣйшихъ англійскихъ газетъ, но принцъ не будетъ имѣть въ Индіи значенія представителя королевы; представителемъ этимъ все-таки останется вице-король Индіи.

Супруга принца Уэльскаго, Александра, принцесса Датская, старшая дочь короля Христіана IX, родилась 1-го декабря 1844 года. Лѣтомъ 1862 года, принцъ Уэльскій, сначала въ Германіи, потомъ въ Бельгіи, увидѣлъ принцессу Александру; встрѣчи ихъ не имѣли и тѣни чего-либо оффиціальнаго или оффиціознаго. Образовавшаяся между ними нѣжная склонность увѣнчалась въ слѣдующемъ, 1863, году бракомъ. Ни политика, ни дипломатія не играли тутъ никакой роли, что безъ сомнѣнія много увеличиваетъ шансы супружескаго счастія. Красота принцессы Александры Датской, теперешней принцессы Уэльской, многостороннее образованіе и развитой умъ, дѣлаютъ ее одной изъ прекраснѣйшихъ дочерей Альбіона, которою послѣдній въ правѣ гордиться.

Библиотека "Руниверс"

Пинскъ.

На обширномъ пространствѣ между Припетью, Двиною и Нѣманомъ, занятомъ въ IX вѣкѣ Дреговичами, Кривичами и Полочанами, господствовалъ около 980 года какой-то пришлецъ варяжскій или нормандскій Рингвальдъ или Рогволодъ, прибывшій изъ-за моря съ товарищемъ своимъ Туромъ. Первый поселился въ Полоцкѣ, второй въ Туровѣ, быть можетъ имъ самимъ и основанномъ. Рогволодъ, какъ извѣстно, погибъ отъ руки Владиміра Святаго, а Полоцкое княжество съ Изяславлемъ стольнымъ городомъ досталось въ удѣлъ Изяславу, сыну Владиміра отъ Рогнѣды, дочери Рогволодовой; Туровское княжество Владиміръ отдалъ въ удѣлъ усыновленному племяннику своему Святополку, сыну Ярополка, на вдовѣ котораго женился Владиміръ. Въ концѣ XI вѣка въ первый разъ упоминается о городѣ Пинскѣ, принадлежавшемъ къ Туровской области. *«Узришь»* говоритъ Давидъ Святополку въ 1098 г., *«аще ти не займеть градъ твоихъ: Турова и Пиньска»*. Вѣроятно города эти находились еще въ зависимости и отъ сосѣдняго Володимера, ибо въ томъ же 1097 г. Мстиславъ сынъ Святополка пошелъ съ «пинянами» и брестянами на защиту послѣдняго города. Таковы первоначальныя извѣстія о Пинскѣ. Въ 1133 г. Туровъ и Пинскъ отошли къ Минскому княжеству Изяслава, сына Мстислава, внука Мономаха, будучи уступлены ему взамѣнъ Переяславля. Въ 1158 г. Юрій Долгорукій отдалъ Туровъ, а слѣдовательно по всей вѣроятности и Пинскъ сыну своему Борису. Вотъ почти всѣ извѣстія объ этомъ городѣ, относящіяся къ сказанному періоду; тѣмъ не менѣе они доказываютъ, что во время междоусобныхъ войнъ между удѣльными князьями бывшаго кн. Полоцкаго, Пинскъ, вмѣстѣ съ прочими южными городами Минской губерніи, находился въ полномъ распоряженіи князей Кіевскихъ, между тѣмъ какъ въ сѣверныхъ господствовали потомки Всеслава Полоцкаго, внука Изяслава, исторія которыхъ съ половины XII столѣтія покрывается мракомъ неизвѣстности.

Быть можетъ это послѣднее явленіе происходитъ отъ того, что съ этого времени обращаетъ на себя вниманіе новое племя, непохожее ни на славянъ, ни на германцевъ, ни на финновъ,—это Литва, которая уже въ 1114 году, подъ предводительствомъ Зывибуида, опустошила Минское княжество, а въ половинѣ XII вѣка простираетъ свои набѣги до Пинска, Турова, Мозыря, Владиміра и Луцка.

Въ 1241 году въ окрестностяхъ Пинска и прочихъ сосѣднихъ городовъ появились монгольскія орды, означая шествіе свое огнемъ и разрушеніемъ. Подъ предводительствомъ Гаюка и Кайдгапа онѣ разорили Пинскъ, Мозырь, Туровъ, Клецкъ, Слуцкъ и Новогрудокъ, пробирались и къ Минску, но на пути встрѣчены были литовскимъ и жмудскимъ княземъ Скирмундомъ, при Койдановѣ, гдѣ и произошла битва, заставившая монголовъ отказаться отъ нападенія на Минскъ. По свидѣтельству игумена Анатолія, этотъ Скирмундъ владѣлъ будто-бы Минскомъ, Заславомъ и Пинскомъ, въ которомъ основалъ свой замокъ.

Первыя извѣстія объ этомъ періодѣ чрезвычайно сбивчивы. Одни говорятъ, будто около 1160 г. литовскій князь Скирмундъ одержалъ значительную побѣду при р. Ясельдѣ надъ Мстиславомъ княземъ Волынскимъ и Туровскимъ и присоединилъ Туровское княжество съ Пинскомъ къ своему государству; другіе свидѣтельствуютъ, что въ 1160 г. въ Пинскѣ господствовали потомки Владиміра-Мономаха, наслѣдники которыхъ удержали свой удѣлъ, подчиняясь то Литвѣ, то князьямъ волынскимъ.

Какъ бы то ни было, но при Витинесѣ (1291—1315) Литовское государство заключало уже въ себѣ Жмудь, княжество Завилейское, часть Семигаліи, всю сторону Кривичей отъ Двины подъ Полоцкомъ до Новогрудка, княжества Туровское и Пинское.

Сынъ и преемникъ Витинеса Гедиминъ (1315—1340) завоевалъ княжества Кіевское, Владимірское и Черниговское, назвался великимъ княземъ Литовскимъ и Русскимъ, а при кончинѣ отдалъ *Пинское княжество* второму сыну своему Наримунду. Изъ рукъ Наримундовичей оно перешло къ Ярославичамъ, потомкамъ Дмитрія Донскаго, которые существовали еще въ началѣ XVI столѣтія. Въ 1509 году король Сигизмундъ I грамотою, данною въ Вильнѣ, оставилъ Пинское княжество въ пожизненное владѣніе какому-то князю Ѳедору, сына Ивана, изъ «Ярославовичевыхъ», владѣвшему этимъ княжествомъ какъ наградою, данною его предкамъ предшественниками Сигизмунда. Такимъ образомъ, по соединеніи Литвы съ Польшею, Пинскъ дѣлилъ вмѣстѣ съ прочими русскими городами всѣ невзгоды польщизны и уніи; но православіе уже и тогда пустило такіе глубокіе корни въ литовско-русскомъ народѣ, что еще при владыкѣ Туровскомъ Евфиміѣ Окушкѣ (1415—1420) число православныхъ церквей въ нынѣшней Минской губерніи доходило до 235, причемъ въ одномъ Пинскѣ ихъ было 15. Въ 1569 году Пинскій повѣтъ (уѣздъ) вмѣстѣ съ Брестскимъ составилъ часть Брестъ-Литовскаго воеводства, получивъ еще въ 1520 году магдебургское право, съ которымъ мѣщане получали личную свободу, имѣли независимое отъ воеводъ и старостъ управленіе (войтовъ, бургомистровъ и лавниковъ или присяжныхъ), освобождались отъ стѣснительнаго вліянія магнатовъ-землевладѣльцевъ и отъ нѣкоторыхъ земскихъ повинностей.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, по второму раздѣлу Польши 27-го марта 1693 года, Пинскъ вмѣстѣ со всею нынѣшнею Минскою губерніею, Волынью и Подоліей присоединенъ къ Россіи и вошелъ въ составъ Минскаго намѣстничества, на правахъ уѣзда. Императоръ Павелъ возстановилъ здѣсь Литовскій статутъ, вновь уничтоженный въ 1831 году императоромъ Николаемъ съ цѣлью сблизить западныя губерніи съ Россіею и ослабить преданія той народности, которая отдѣляла эти земли отъ Имперіи.

Пинскъ расположенъ при рѣкѣ Пинѣ, притокѣ Припети. Окрестности его лѣсообильны, но чрезвычайно болотисты, почва глинистая и безплодная. Въ городѣ замѣчателенъ Богоявленскій монастырь, мужской 1-го класса, въ готическомъ стилѣ, еврейская синагога и стеариновый заводъ, производящій издѣлій на 142,500 рублей въ годъ. Кромѣ того въ уѣздѣ есть суконная фабрика (на 203,000 рублей въ годъ) и нѣсколько большій стеариновый же заводъ. Въ городѣ считается 18,379 жителей.

Смѣсь.

Новый способъ бить скотъ. На берлинской скотобойнѣ недавно дѣлались опыты битья скота новымъ инструментомъ, называемымъ barterolle à la masque, особенно примѣнимымъ при убиваніи быковъ, съ которыми не всегда легко бываетъ справиться. Онъ состоитъ изъ набрасываемаго на голову кожанаго колпака, закрывающаго также и глаза; въ серединѣ его, гдѣ приходится лобъ животнаго, скрыто стальное остріе, которое двигается на шарнирѣ. Убіеніе производится посредствомъ удара деревянной колотушкой въ остріе. Инструментъ этотъ убиваетъ гораздо легче и вѣрнѣе нынѣшняго варварскаго способа, и для умѣнья владѣть имъ не нужно никакой особенной практики, а только нѣкоторое вниманіе, для того чтобы сразу, однимъ ударомъ, окончательно заколоть быка, вонзивъ остріе въ лобъ. Сдѣланные до сихъ поръ опыты были вполнѣ удачны. Преимущества этого способа такъ очевидны, что онъ получилъ одобреніе всѣхъ мясниковъ, имѣвшихъ случай познакомиться съ нимъ. При этомъ способѣ убиванья рогатаго скота, мозгъ сохраняетъ свой цвѣтъ, потому что не заливается кровью; теперь же отъ нѣсколько разъ повторенныхъ ударовъ онъ дѣлается бурымъ, а отъ этого иногда на него не находится покупателей.

Кофе какъ средство противъ колотья у лошади. Кофе оказываетъ благодѣтельное дѣйствіе противъ припадковъ колотья у лошадей; если у лошади сдѣлается колотье, что случается особенно часто весной, вслѣдствіе простуды, то надо ее напоить теплымъ крѣпкимъ кофе. Также кашица изъ молотаго кофе съ медомъ дѣйствуетъ очень успокоительно не только на лошадей, но и на рогатый скотъ.

Заслуженное спасибо.

Жаркій день. Бредутъ тихонько
Два усталыхъ пѣшехода;
Путь лежитъ имъ въ ближній городъ,
Два часа шагать осталось.
Тотъ, что шествуетъ въ ботфортахъ —
Фрицъ, студентъ изъ Гейдельберга;
А другой — еврей почтенный,
Господинъ Іосель Айзбергъ.

Жарко Фрицу! Свертокъ съ платьемъ,
Сумку тащитъ онъ, къ тому же
Плэдъ дала ему мамаша,
Да еще въ рукахъ дубинка.
Онъ задумчиво шагаетъ...
Вдругъ, на спутника взглянувши,
Говоритъ:—«Любезный Айзбергъ,
А вѣдь я теперь безъ денегъ!

Библиотека "Руниверс"

Нѣтъ ни талера въ карманѣ!..»
Головой еврей качаетъ:—
— «Худо, худо, если денегъ
Нѣтъ въ карманѣ у студента»..-
— «Ну- такъ надо дать студенту»...
Продолжаетъ Фрицъ съ улыбкой, —
«Въ долгъ, конечно... Что́жъ, дадите?..»
— «Ну, а сколько вамъ угодно?»
— «Мнѣ бы талеровъ пятнадцать»...
— «О—о! Пятнадцать!..»
—«Будто много?
Я отдамъ вамъ послѣзавтра,
Послѣзавтра будутъ деньги».
—«Гм!.. Конечно... Но»...
—«Не вѣритъ!
Ну, въ залогъ возьмите вещи,
Коли такъ! Дубинку, сумку,

Фрицъ, насвистывая пѣсню,
Зашагалъ быстрѣй, а спутникъ
Сталъ пыхтѣть и отдуваться...
Два часа прошло. Достигли
Оба путника заставы...
—«Ффу!.. вздохнулъ еврей вспотѣвшій:—
Я усталъ узасно!..»
— «Право?
Что жъ, давайте мнѣ пожитки,
Понесу—квартирка близко...»
—»Das ist gut, берите... Мозно!
Я узъ такъ пойду за вами,
А потомъ возьму обратно...»
Передача совершилась.
Фрицъ въ карманъ засунулъ руку
И сказалъ: «Почтенный Айзбергъ,
Вамъ ходить за мной не нужно:

Юмористическіе очерки.

Плэдъ хорошій, свертокъ съ платьемъ -
Все-то вмѣстѣ будетъ стоить
Сорокъ талеровъ навѣрно!»...
—«Десять дамъ... Нѣтъ больше денегъ»...
Говоритъ еврей печально.
—«Маловато... Ну, согласенъ!
(Деньги Фрицъ въ карманъ запряталъ)
Вещи послѣ?..»
—«Ай, зацѣмъ-зе?
Я ихъ взять могу сейцазъ-зе»...
—«Какъ хотите! Вотъ вамъ палка,
Сумка, плэдъ и свертокъ съ платьемъ».
Нагрузился Іосель Айзбергъ!
Снова двинулись въ дорогу.

Вотъ, извольте ваши деньги —
Десять талеровъ обратно.
А за то, что палку, сумку,
Свертокъ съ платьемъ, плэдъ тяжелый
Два часа несли вы храбро —
Говорю я вамъ: спасибо!»—

СОДЕРЖАНІЕ: Русскій ученый въ Новой Гвинеѣ (съ портретомъ). — Ореръ-дѣвка (изъ жизни въ тирольскахъ альпахъ) повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Вирхъ. — Вокса и главный ея водопадъ Иматра (съ рисункомъ). — На чужбину!.. стихотвореніе (съ рисункомъ). — Медицинскія бесѣды, человѣческіе паразиты. — Альбертъ-Эдуардъ, принцъ Уэльскій и супруга его, принцесса Александра Датская (съ портретами). — Пинсвъ (съ рисункомъ). — Смѣсь. — Заслуженное спасибо! стихотвореніе (съ 2 рисунками).

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

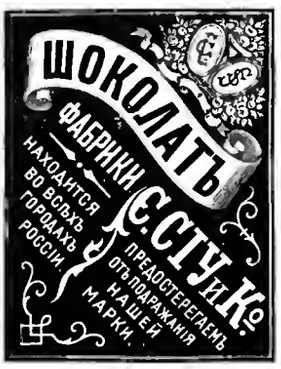
Учебное заведеніе 1-го разряда
съ полнымъ курсомъ **Классической гимназіи**
содержимое Э. РЕПМАНОМЪ въ Москвѣ.

Помѣщается, на Гончарной ул., близъ Яузскаго моста въ д. Степановой.

Пріемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа. 10—5

Настоящія почтовыя марки всѣхъ государствъ дешево продаются:
Большой Каталогъ (5000 №) съ 72 раскрашенными начертаніями, цѣна 1 марки (30 коп.) (прежде 2 марки).
Иллюстрированный журналъ для почтовыхъ марокъ на 2 года (каждый нумеръ съ многими иллюстраціями) цѣна за годъ 3 марки (90 коп.).
Пробный листъ и прейсъ-курантъ безплатно.

Покупка и продажа почтовыхъ марокъ
ЛУИ ЗЕМФЪ въ Лейпцигѣ, Германія.



45—8

НОВОЕ
ВРЕМЯ
Ежедневная газета, политическая, литературная, общественная (безъ цензуры). Подписная цѣна на полгода: въ Петербургѣ съ доставкою на домъ 8 р. 50 к., для иногородныхъ 9 руб. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, на Литейномъ просп., д. № 45.
4—3

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—17

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 11 Августа 1875 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб. Больш. Морская, № 9. Тип. Ремнера, Анич. пр. № 10.

Библиотека «Руниверс»

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 35 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 31 Августа 1875 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА" на 1875 годъ.

Очерки русской литературы.

Михайло Васильевичъ Ломоносовъ.

Въ 1711 г., въ глуши Бѣломорья, на одномъ изъ острововъ Сѣверной Двины, въ Куроостровской волости, въ деревнѣ Денисовкѣ, близъ города Холмогоръ, у крестьянина Василья Дорофеева родился сынъ, которому суждено было впослѣдствіи стать «отцомъ новой русской литературы» и величайшимъ русскимъ ученымъ XVIII вѣка. Василій Дорофеевъ Ломоносовъ былъ рыболовомъ—а потому пріучалъ къ тому же промыслу и сына своего Михайлу, который до 16-ти лѣтъ дѣлилъ съ нимъ всѣ труды лишенія и опасности, сопряженныя съ бытомъ поморарыбака,—плавая на легкомъ гальотѣ въ Колу, Соловки и другія мѣста, съ грузомъ соли, а то и въ Сѣверный Ледовитый океанъ на промыслы. Закаливаясь въ этихъ поѣздкахъ физически и нравственно, Михайло въ то же время успѣлъ выучиться и грамотѣ у матери, бывшей дочерью дьячка изъ селенія Матигоры, въ Холмогорскомъ же уѣздѣ, и вѣроятно подъ ея же вліяніемъ рано пристрастился къ чтенію. Въ юности же, если вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ, Ломоносовъ вовлеченъ былъ даже въ расколъ, столь распространенный на сѣверномъ поморьѣ. Но толки съ начетчиками, чтеніе псалтири, переложенной въ стихи Симеономъ Полоцкимъ, грамматика Смотрицкаго и ариѳметика Магницкаго не долго удовлетворяли пытливаго помора. Къ этому присоединилась потеря матери, которую замѣнила злая и сварливая мачиха, ссорившая Михайлу съ отцомъ и жаловавшаяся, что онъ попусту сидитъ за книгами. А между тѣмъ страстное желаніе учиться не не давало ему покоя — и вотъ зимою 1729 г. молодой Михайло Ломоносовъ, пренебрегая отцовскимъ достаткомъ, бѣжалъ въ Москву.

Претерпѣвъ на пути множество бѣдъ и лишеній, Ломоносовъ коекакъ добрался до древней столицы; но и здѣсь онъ долженъ былъ перебиваться со дня на день, борясь со

М. В. Ломоносовъ. Рис. Пилоти, грав. Пуцъ.

Библиотека "Руниверс"

всѣми нуждами, пока наконецъ 15-го января 1731 года попалъ въ число студентовъ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи. Пять лѣтъ провелъ онъ въ стѣнахъ ея, въ несказанной бѣдности, получая алтынъ въ день, изъ которыхъ тратилъ денежку на хлѣбъ, денежку на квасъ, а остальное на бумагу, обувь и другія потребности,—не взирая на смѣшки сверстниковъ, которые указывали на него пальцами: смотри-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латынѣ учиться! Ломоносова влекли особенно науки физико-математическія — и онъ, по совѣту учителей, въ 1734 году ѣздилъ въ Кіевъ въ тамошнюю Духовную Академію съ цѣлью посвятить себя этому отдѣлу знаній; но академическое преподаваніе не удовлетворило его — и онъ вернулся въ Москву. Когда же, въ 1736 году, въ Петербургъ для пополненія академической гимназіи потребовали изъ Московской Академіи 12 лучшихъ учениковъ—въ число ихъ посчастливилось попасть и некончившему еще курса Ломоносову. Изъ Петербурга въ тотъ же годъ нѣсколько молодыхъ людей были посланы правительствомъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ и пріобрѣтенія спеціальныхъ свѣдѣній,—въ томъ числѣ и Михайло Ломоносовъ отправленъ во Фрейбергъ къ горныхъ дѣлъ физику Генкелю для обученія металлургіи. На содержаніе каждому изъ нихъ было назначено по 300 рублей, съ проѣздомъ и другими расходами; три года спустя, эта сумма была еще обрѣзана до 150 рублей, да и тѣ высылались не всегда аккуратно. Не смотря на страшное бѣдствованіе, Ломоносовъ быстро успѣлъ овладѣть нѣмецкимъ языкомъ и посѣщалъ лекціи въ Марбургскомъ университетѣ—преимущественно по математическимъ наукамъ, занимаясь въ то же время философіей и даже медициной,—и уже въ 1739 г. получилъ лестный отзывъ знаменитаго ученаго и профессора Христіана Вольфа, въ аттестатѣ выданномъ ему отъ университета. Изъ Марбурга Ломоносовъ ѣздилъ въ Саксонію, въ Фрейбергъ, для практическаго изученія металлургіи у Генкеля, а лѣтомъ 1740 года изучалъ на Гарцѣ горное дѣло. За все это время, работая неутомимо, онъ посылалъ въ Академію «доношенія» на нѣмецкомъ языкѣ, опыты изслѣдованій на латинскомъ, и первые опыты литературные, между прочимъ: «Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства» съ приложеніемъ «Оды на взятіе Хотина», которая долгое время считалась первымъ русскимъ тоническимъ стихотвореніемъ.

Съ 1740 года до возвращенія въ Россію свѣдѣнія о Ломоносовѣ весьма темны. Въ 1740 году онъ женился въ Марбургѣ на дочери портнаго, бывшаго членомъ марбургской городской думы и церковнымъ старшиной; вслѣдствіе этого брака, еще болѣе стѣсненный матерьяльно, молодой ученый вынужденъ былъ бѣжать отъ долговъ изъ Марбурга, скитался по Европѣ, чуть ли не былъ увезенъ прусскими вербовщиками на службу въ крѣпость Везель, откуда будто бы снова бѣжалъ, вернулся въ Марбургъ и съ разрѣшенія Академіи поѣхалъ Петербургъ, оставивъ въ Марбургѣ жену и дочь. Въ Россію Ломоносовъ прибылъ 8-го іюня 1841 года, а въ началѣ слѣдующаго (8-го января) по резолюціи Академіи Наукъ сдѣланъ адъюнктомъ съ жалованьемъ по 300 руб. въ годъ, включая въ то число дрова, свѣчи и квартиру. Какъ видимъ, это скудное содержаніе лишь по истеченіи полгода борьбы и домогательствъ досталось Ломоносову, который, какъ русскій и притомъ талантливый и трудолюбивый, сразу возбудилъ опасенія и недоброжелательство преобладавшей въ Академіи при Биронѣ нѣмецкой партіи. Главою ея въ то время былъ своекорыстный Шумахеръ, «бичъ профессоровъ» (flagellum professorum), въ рукахъ его было и жалованье ихъ и управленіе всѣми дѣлами академической канцеляріи: отсюда всеобщее ухаживанье за Шумахеромъ, сплетни, интриги, доносы другъ на друга, ссоры и чуть не драки въ стѣнахъ академіи. Беззавѣтно преданный наукѣ Ломоносовъ, горячій патріотъ, при своей страстной и необузданной натурѣ, едва началъ въ сентябрѣ 1842 читать студентамъ лекціи по физической географіи, химіи и металлургіи, какъ на него уже посыпались разныя бѣды. Ломоносовъ отвѣчалъ буйными выходками противъ нѣмцевъ—за что попадалъ въ полицію, а за «продерзости» противъ конференціи исключенъ даже изъ членовъ ея и потерялъ право присутствовать на засѣданіяхъ. Подъ вліяніемъ тягостнаго положенія, Ломоносовъ нерѣдко искалъ утѣшенія въ винѣ, но за новыя оскорбленія нѣмецкимъ профессорамъ въ нетрезвомъ видѣ, по жалобѣ ихъ, продержанъ подъ арестомъ съ мая 1743 по январь 1744 года, причемъ и жалованье убавлено ему на половину, да и то оттягивалось иногда на годъ, и выдавалось ему въ разное время по *пяти* рублей на его крайнюю нужду,—а всего 15 рублей въ мѣсяцъ, изъ которыхъ вычиталось еще по рублю въ мѣсяцъ за *двѣ коморки въ академическомъ домѣ*. Хотя въ іюнѣ 1745 года, благодаря лестному отзыву знаменитаго математика Эйлера, Ломоносовъ и былъ возведенъ въ профессорское званіе, а съ марта 1746 началъ получать и профессорское жалованье по 660 рублей въ годъ съ порядочной квартирой,—но деньги эти выплачивались такъ неаккуратно (нерѣдко книгами изъ академической лавки), что до конца 1745 года Ломоносовъ буквально бѣдствовалъ, не имѣя порою средствъ на покупку медикаментовъ для больной жены своей. Только съ конца этого года обстоятельства Ломоносова начали поправляться, по полученіи имъ 2,000 руб. въ подарокъ отъ императрицы за его «оду въ день восшествія на престолъ Елисаветы Петровны», поднесенную государынѣ резидентомъ Академіи Разумовскимъ. Незадолго передъ тѣмъ были ему выданы и 380 рублей, недоданные ему за время пребыванія за границей.

Ободренный первыми успѣхами, наученный горькимъ опытомъ и пользуясь тѣмъ, что послѣ паденія Бирона наступило торжество русской партіи, Ломоносовъ часто прибѣгаетъ къ «знатнымъ особамъ» для пользы дѣла, но отнюдь не для личныхъ выгодъ и никогда не унижаясь до просьбы: онъ требуетъ повышенія чиномъ или матеріальной помощи, гордо ссылаясь на заслуги свои и указывая на блестящее положеніе ученыхъ заграницею. Въ числѣ меценатовъ, покровительствовавшихъ Ломоносову и умѣвшихъ цѣнить его, находились графъ М. Л. Воронцовъ, графы П. И. и И. И. Шуваловы, а впослѣдствіи графы Орловы. Особенно И. И. Шуваловъ, сблизившись случайно съ Ломоносовымъ въ 1749 году, никогда не прерывалъ уже съ нимъ дружескихъ отношеній и постоянно оказывалъ ему самую дѣятельную помощь. Его же вліянію обязанъ Ломоносовъ склоненіемъ въ занятіяхъ своихъ на сторону словесныхъ наукъ и литературы. Такъ, еще въ 1746 году окончивъ свою «Риторику», въ теченіи семи или осьми лѣтъ (1749 — 1757 гг.) Ломоносовъ написалъ множество стихотворныхъ надписей на разные торжественные случаи, трагедіи «Тамира и Селимъ» и «Демофонтъ», посланія въ стихахъ, идилліи, похвальныя слова «Елизаветѣ» (1749) и «Петру Великому» (1755), составилъ «Россійскую грамматику» (1755), и занимался собираніемъ матеріаловъ для Россійской исторіи.

Какъ ученый, Ломоносовъ по самой живости своей натуры, не могъ ограничиться кабинетнымъ трудомъ: занимаясь химическими и электрическими опытами съ опасностью жизни, онъ стремился примѣнять свои теоретическія знанія къ мореплаванію, архитектурѣ, горнымъ промысламъ, искусству, фабричнымъ производствамъ. Горячо принявшись, напр., за выдѣлку стекла, онъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, при помощи правительства, самъ сталъ въ главѣ стекляннаго завода, а потомъ занялся цвѣтными стеклами для мозаическаго искуства, посредствомъ котораго хотѣлъ увѣковѣчить подвиги Петра Перваго въ цѣломъ рядѣ громадныхъ картинъ. Въ то-же время онъ цензировалъ и корректировалъ литературныя произведенія по порученію правительства или Академіи, переводилъ учебники, участвовалъ въ журналахъ, въ изданіи календарей, создавалъ цѣлый рядъ проэктовъ (умноженія населенія Россіи, экономическихъ условій народной и государственной жизни, изслѣдованія Россіи въ этнографическомъ и географическомъ отношеніи, открытія сѣвернаго полюса и т. д.), словомъ: выказывалъ геніальную всеобъемлемость.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, не мало времени поглощали у него и другія, такъ-сказать административныя обязанности. Послѣ 1755 года Ломоносовъ дѣлается сначала совѣтникомъ академической канцеляріи, потомъ принимаетъ въ свое вѣденіе академическую гимназію и университетъ, наконецъ является во главѣ географическаго департамента. Ревностно хлопоталъ онъ объ отдѣленіи университета отъ Академіи въ самостоятельное высшее учебное заведеніе, но мечта эта не осуществилась за болѣзнью и кончиной императрицы. Другою мечтою Ломоносова, въ послѣдніе годы его жизни, было преобразованіе Академіи наукъ въ смыслѣ независимости отъ академической канцеляріи, по поводу чего и была написана имъ «Краткая исторія о поведеніи академической канцеляріи въ разсужденіи ученыхъ людей и дѣлъ».

4 Апрѣля 1765 года Ломоносовъ скончался, окруженный почетомъ и славою, подобавшими великому русскому ученому, писателю и патріоту XVIII вѣка. Незадолго до смерти, въ іюнѣ 1764 года, посѣтила его сама Императрица Екатерина съ нѣкоторыми знатнѣйшими двора своего особами (см. Нива 1871 г. № 51). За всю свою многотрудную жизнь Ломоносовъ написалъ 1 поэму (неконченную), 2 трагедіи, 36 одъ, около 100 мелкихъ стихотвореній, 5 похвальныхъ словъ, 17 ученыхъ разсужденій, 10 оригинальныхъ и переводныхъ учебниковъ, 170 ученыхъ замѣтокъ разнаго содержанія и объема, 76 писемъ къ разнымъ лицамъ и наконецъ болѣе 350 разныхъ оффиціальныхъ представленій и проектовъ. Этотъ исполинъ русской науки и словесности обладалъ глубочайшимъ знаніемъ русскаго языка—народнаго и книжнаго. Въ написанномъ имъ разсужденіи «О пользѣ книгъ церковныхъ», указывая на необходимость изученія языка церковно-славянскаго, Ломоносовъ въ немъ ищетъ противовѣса подавляющему вліянію языковъ иностранныхъ, т. е. за сто лѣтъ совершаетъ то, за что нынѣ только принимаются лучшіе изъ русскихъ писателей. «Карлъ V, Римскій Императоръ,—пишетъ Ломоносовъ въ предисловіи къ своей грамматикѣ,—говаривалъ, что испанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятелями, итальянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но еслибъ онъ россійскому языку былъ искусенъ, то конечно къ тому присовокупилъ-бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно».

Могила Ломоносова находится въ Петербургѣ въ Александроневской лаврѣ, съ памятникомъ въ видѣ четырехугольнаго пи-

Библиотека "Руниверс"

ластра съ вѣнчающимъ его саркофагомъ; другой памятникъ ему воздвигнутъ на родинѣ великаго помора, въ Архангельскѣ. Но прочнѣйшимъ изъ всѣхъ конечно является вся жизнь и труды геніальнаго труженика, впервые показавшаго русскому народу, чего можетъ достигнуть простой русской человѣкъ помощью науки, въ самыя неблагопріятныя времена.

Орелъ-дѣвка.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

Толпа съ ужасомъ глядѣла внизъ; она видѣла, какъ Валли медленно погружалось въ туманное море... Вотъ, и совсѣмъ утонула тамъ, пропала... пожалуй—навсегда... Никто слова не проронилъ, словно всѣ эти люди стояли надъ обрывомъ какъ надъ свѣжей могилой. Веревка натянулась какъ струна, она только и давала знать объ успѣхѣ полета безстрашной дѣвушки, исчезнувшей въ волнахъ облачно-туманнаго моря. Съ веревки глазъ не спускали... Лопнетъ или выдержитъ?... Одинъ за другимъ исчезали за обрывомъ узлы; вотъ еще движется, ползетъ узелъ... У зрителей сердце замирало и каждый беззвучно спрашивалъ: вынесетъ-ли?...

Спускавшіе веревку чувствовали, какъ потъ струился съ ихъ лба: каждый узелъ проходилъ черезъ ихъ руки, а вѣдь на немъ висѣла жизнь человѣческая... Тянется минута за минутой—и такія онѣ тяжелыя, свинцовыя! Казалось, само время прицѣпилось къ веревкѣ, которую медленно, неохотно выпускала изъ руки какая-то мрачная злобная сила. Однако, веревка все еще натянута, по временамъ она вздрагиваетъ—значитъ, Валли не достигла еще никакого выступа, виситъ надъ пропастью...

— Немного осталось веревки-то, проговорилъ кто-то на концѣ:—не хватитъ, братцы!

— Помилуй, помоги, Господи! Не хватитъ! раздались крики.

Дѣйствительно, осталось всего нѣсколько аршинъ, а долетѣла-ли Валли до мѣста—ничего неизвѣстно, никакой вѣсточки отъ нея нѣтъ... Спускавшіе веревку скучились у самыхъ перилъ и стали быстрѣе выпускать ее.—Ну, а что̀ ежели и взаправду веревки мало?.. Вѣдь тогда весь трудъ пропалъ, тогда обратно придется тащить бѣдную дѣвушку и снова опускать ее туда, опять обрекать на смерть!...

Веревка дрогнула, разомъ ослабѣла... Ухъ, страшно! Можетъ быть... лопнула, или Валли попала на какой нибудь выступъ, пожалуй—дна достигла?...

Женщины вслухъ читали молитвы, дѣти хныкали, а мужчины принялись медленно наматывать веревку и—вдругъ почувствовали, что она снова напряглась,—значитъ, не лопнула, уцѣлѣла! Видно Валли добралась до мѣста—чу! изъ бездны чуть слышно прозвучалъ слабый голосъ... Толпа, охваченная страхомъ, ободрилась и разомъ откликнулась. Но вотъ веревка опять ослабѣла, опять пошли наматывать ее; все больше и больше ложится колецъ,—кажется, Валли, поднимается по отвѣсной стѣнѣ утеса...

Свѣтло стало, занялся день, но такой сѣренькій; холодный дождичекъ, казалось, моросилъ черезъ огромное сито, а тамъ, внизу, туманъ сталъ еще тяжелѣе, еще непроницаемѣе. Что̀ это?... Веревка сильно подалась вправо... Державшіе ее подвинулись туда-же... Да̀, Валли взбирается выше...

Раздались голоса:

— Живѣе мотайте, братцы!

— Ну, слава Господу! значитъ. упалъ-то не глубоко...

— Ежели лежитъ онъ такъ близко—пожалуй и живъ еще?...

— А можетъ быть, она не нашла его? Ищетъ?...

Опять дрогнула веревка, напряглась и вдругъ упала... за обрывомъ раздался потрясающій крикъ. Толпу охватилъ ужасъ. Нѣкоторые застонали:

— Лопнула... лопнула!

Нѣтъ, снова напряглась веревка! Не былъ-ли тотъ ужасный крикъ крикомъ радости! Не нашла-ли Валли Іосифа?.. Женщины встали на колѣни, да и не однѣ женщины молились: если мужчины глядѣли ненавистно на гордячку - богачиху, то теперь Валли была для нихъ другимъ существомъ—смѣлой дѣвушкой, готовой принести себя въ жертву, повиснувшей гдѣ-то тамъ, въ туманной пропасти и безстрашно смотрѣвшей въ глаза смерти... У кого только билось въ груди человѣческое сердцѣ—всякій трепеталъ за нее и молился. Хоть-бы солнце выглянуло на минутку, ударилъ-бы хоть одинъ лучъ его въ эту непроглядную бездну,—а то ничего не видно внизу, остается выжидать... Чѣмъ-то время подаритъ? А оно ползетъ такъ убійственно тихо...

Веревка лежала неподвижно, а оттуда, изъ глубины—ни одного звука. Что̀-жъ, пожалуй, ужъ и лопнула, да зацѣпилась за какой нибудь острый камень,—а Валли, разбившись, покоится теперь на днѣ рѣки... Но если ничего этого ни случилось—что̀-же она молчитъ? Хоть-бы разъ крикнула, вѣдь новой помощи ей, пожалуй, придется ждать нѣсколько часовъ?...

Все было тихо, люди боялись слово проронить и только прислушивались, стараясь тише дышать. И вдругъ, откуда ни возьмись—Клеттенмайеръ! Бѣжитъ, одной рукой махаетъ, кричитъ:

— Вонъ что̀ я приволокъ!

Тутъ старикъ сбросилъ съ спины спасительный канатъ довольно-почтенныхъ размѣровъ.

— Слава Создателю! воскликнулъ онъ.—Вѣдь Валли объ орленкѣ упомянула,—ну, а я вспомнилъ, что покойница Люккардъ куда-то запрятала тотъ самый канатъ, на которомъ Штромингеръ спустилъ Валли къ орлиному гнѣзду. И что̀-жъ, вѣдь я нашелъ его: лежалъ онъ въ сарайчикѣ подъ хламомъ разнымъ!...

Раздались одобрительные возгласы:

— Вотъ та̀къ счастье!

— Ай-да Клеттенмайеръ!

— Самъ Богъ надоумилъ тебя! Впо̀ру, право!

— Дай Боже, чтобы канатомъ этимъ пришлось дѣйствовать! проговорилъ одинъ изъ самыхъ почтенныхъ обывателей Солнечной площадки, печально поглядывая на счастливую находку.—Вѣдь дѣвушка-то никакой вѣсточки больше не даетъ!..

— Э, глядите-ко, глядите: веревка шелохнулась! крикнулъ передовой, и вслѣдъ за этимъ крикомъ послышался голосъ Валли гдѣ-то внизу, но такъ близко, что когда все стихло—всѣ отчетливо услышали эти три слова:

— Каната нѣтъ еще?..

— Тутъ! Есть! Сейчасъ! весело откликнулись ей.

Прикрѣпивъ къ канату желѣзный крюкъ (взамѣнъ якоря) человѣкъ десять, изъ новыхъ, одинъ за другимъ гуськомъ, ухватились за канатъ и приготовились спускать его въ затуманенную пропасть. Заправлявшій всѣмъ дѣломъ, старшо̀й, предупредилъ и тѣхъ и другихъ, что веревку и канатъ слѣдуетъ тянуть какъ можно ровнѣе, чтобы Валли была на одномъ уровнѣ съ Іосифомъ, могла-бы попридержать его. На половину противъ той глубины, до которой Валли сначала долетѣла, спущенъ былъ канатъ—и сейчасъ-же схваченъ тамъ.

— Наддай еще! Спускайте, чтобы хватило! крикнулъ

Библиотека "Руниверс"

старшой.—Вѣдь ей надо-же обвязать его... Такъ! Будетъ—стой!

И, какъ солдаты, всѣ повинуются одному, стоятъ и ждутъ слѣдующей команды. Выжидать теперь надо: Валли нужно по крайней мѣрѣ минутъ пять - шесть, чтобы какъ слѣдуетъ сдѣлать петлю, обвязать несчастнаго, а не то безпомощное тѣло какъ разъ сорвется—и тогда все пропало.

— Та-щи-те! скомандовалъ старшой, причемъ голосъ его дрогнулъ.

Крѣпко уперлись люди въ землю, вытянувъ правыя ноги; дружно тянутъ; вздулись жилы на лбахъ и на рукахъ, на послѣднихъ рѣзко обозначились крѣпкіе мускулы—и вотъ началась тяга... Дѣло страшное, тяжелое по своей отвѣтственности: сплоховать тутъ нельзя, а не доглядишь—все погибло!..

Силуэты Вэма. Грав. К. Вейерманъ.

— Крѣпче, крѣпче, вяжи, Валли! Смотри—хорошенько! бормочетъ самъ себѣ Клеттенмайеръ.

И въ толпѣ раздается:

— Господи, спаси и помилуй!

— Покрѣпче-бы она его... насчетъ, то есть обвязки!

— Чтобы въ лучшемъ видѣ все справила!..

Одновременно веревку и канатъ три раза дернуло снизу, и они натянулись.

— Потише, братцы! покрикиваетъ старшой.—Дружнѣе, ровнѣе! Другъ на дружку-то поглядывайте!..

Великія, торжественныя минуты... Дѣти—и тѣ даже притихли совсѣмъ. Царитъ гробовая тишина, прерываемая лишь тяжелыми вздохами добровольныхъ тружениковъ.

Вотъ—вотъ—вынырнула Валли изъ тумана, ее уже хорошо видно: одной рукой она обхватила и поддержи-

Библиотека "Руниверс"

Силуэты Вэма. Грав. К. Вейерманъ.

Силуэты Вэма. Грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

ваетъ безжизненное тѣло Іосифа, повиснувшее на канатѣ, а другою, вооруженною альпійскою палкою, отпихивается отъ отвѣсной стѣны, чтобы защитить и себя, и его отъ ударовъ объ выступы и неровности утеса. Не торопясь и чрезвычайно ловко управляя, Валли плыла вверхъ все выше и выше по волнамъ воздушнаго моря. Не далеко ужъ и до перилъ—всего-то нѣсколько футовъ... Руками вытащить можно, право!...

— Стойте! До-воль-но! крикнулъ старшой.

У всѣхъ духъ захватило.

Наступила самая что́ ни на есть трудная минута... послѣдняя, рѣшительная: какъ-бы теперь канатъ не лопнулъ?...

Нѣтъ—выдержалъ!... Стоявшіе впереди уже нагнулись за перила, вонъ—сильныя руки охватили Валли, а другіе не выпускаютъ ни веревки ни каната—крѣпко держатъ ихъ.

— При-ни-май! раздалась команда—и вотъ Валли и Іосифъ—тутъ, за перилами, на землѣ!... Толпа просто взвыла отъ восторга и радости—кончились всѣ ея муки!...

Валли, блѣдная, безмолвная, опустилась на колѣни и припала къ груди Іосифа, лежавшаго безъ чувствъ. Она ничего не слышитъ и не видитъ, а кругомъ—толпа, толпа ликующая, шумящая; похвалы, поздравленія та́къ и летятъ со всѣхъ сторонъ, Валли превозносятъ до небесъ... а она не можетъ отнять лица отъ груди его, она совершенно изнемогла, силы оставили ее...

XIII.

Къ отцу—въ горы.

Въ спаленкѣ Валли, на кровати ея, лежитъ Іосифъ. Онъ не дышетъ, не шевелится. Ничто здѣсь не нарушаетъ могильной тишины—Валли всѣхъ отстранила, одна осталась, и вотъ, стоя на колѣняхъ, у изголовья, закрывъ руками лицо, она молится, шепчетъ:

— О, Господи, Господи! Смилуйся, даруй ему жизнь, возврати ее... Лиши меня всего, всего—пускай я буду нищей, но пусть онъ живетъ!.. Мнѣ ничего больше не надо отъ него, я буду стараться не встрѣчаться съ нимъ, пусть Афра возьметъ его... Уступаю!.. Только не умеръ-бы онъ, не умеръ!...

Она приподнимаетъ голову Іосифа, снимаетъ смоченную кровью обвязку съ зіяющей раны, прикладываетъ новую, обмываетъ свѣжею примочкой грудь его, разбившуюся о камни, и наконецъ, въ порывѣ отчаянія, припадаетъ къ нему, какъ-бы желая тѣломъ своимъ закрыть его, спасти отъ когтей смерти, хоть этимъ удержать улетающую жизнь...

— Несчастный... милый... бѣдный! Весь ты израненъ, разбитъ... О, какой грѣхъ, какой ужасной грѣхъ!... Что ты надѣлала, Валли?.. Ахъ, Валли!.. Лучше сдѣлала-бы ты, если-бы всадила ножъ въ свое сердце!.. Можетъ быть, легче было-бы тебѣ поглядѣть, какъ онъ станетъ вѣнчаться съ Афрой, ну, а потомъ—убѣжать, погибнуть гдѣ нибудь, нежели теперь видѣть его умирающимъ, страдающимъ!.. Съ нимъ поступили вѣдь та́къ, какъ съ животнымъ; но мясникъ по крайней мѣрѣ сра̀зу кончаетъ...

Такъ громко стонала Валли, ухаживая за израненнымъ Іосифомъ. Она относилась теперь къ себѣ такъ же безпощадно-строго, какъ прежде осуждала другихъ. Какое-то дикое, страстное раскаяніе охватило ея сердце—и она готова была разорвать это сердце въ клочки, если-бы только могла вырвать его изъ груди!..

Вдругъ тихонько скрипнула дверь и отворилась... Валли не безъ удивленія оглянулась, такъ какъ она крѣпко-на̀-крѣпко запретила входить въ эту комнату, безпокоить ее, и увидѣла—патера изъ Гейлихкрейца... Поблѣднѣвъ и дрожа всѣмъ тѣломъ, Валли встала и склонила голову, не смѣя взглянуть на старика: она видѣла въ немъ какъ-бы судью своего.

— Хвала Господу! проговорилъ патеръ, увидя Іосифа:—несчастный уже здѣсь!

И онъ подошелъ къ кровати и тщательно осмотрѣлъ его.

— Ахъ, бѣдный ты, бѣдный! Свирѣпо-же съ тобой обошлись!...

Тутъ Валли принуждена была та́къ стиснуть зубы, чтобы не застонать вслухъ.

— Ну, какъ же изъ пропасти-то вытащили его? спросилъ старикъ.

Она промолчала—у нея языкъ не шевелился.

— Возблагодаримъ Господа Бога! Онъ, Милосердный, не попустилъ свершиться худшему злу, сказалъ священникъ и прибавилъ:—ну, что́-жъ, бѣднякъ можетъ быть и встанетъ, выздоровѣетъ, тогда на душѣ твоей убійства-то хоть лежать не будетъ... Да, а предъ лицомъ Судіи Превѣчнаго умыселъ и самое дѣло—одинаково грѣховны, преступны...

Валли разжала губы, она хотѣла сказать что-то...

— Мнѣ все извѣстно, строгимъ голосомъ остановилъ ее старикъ.—Викентій, желая скрыться, убѣжалъ отсюда совсѣмъ. Явился онъ ко мнѣ и покаялся во всемъ, разсказалъ и о любви твоей, и о своей ревности. Я не далъ ему отпущенія и посовѣтовалъ отправиться въ папскую армію, гдѣ онъ и можетъ получить прощенье, служа честно, вѣрно св. отцу, или искупить грѣхъ кровью своею, павъ на полѣ брани. Ну, а ты-то какъ же?... Что̀ мнѣ съ тобою дѣлать, Валли?...

И онъ пытливо глядѣлъ на нее... Валли видѣла, сколько было грусти въ этихъ старческихъ умныхъ глазахъ; она не выдержала, закрыла руками лицо и воскликнула:

— О, я и такъ уже жестоко наказана, отецъ мой! Больнѣе этого никто и наказать меня не можетъ... Смотрите: вѣдь вотъ лежитъ, умираетъ человѣкъ! А онъ былъ мнѣ дороже всего!.. И я должна сознаться, что виновата—одна я. Неужели есть еще наказаніе тяжелѣ, страшнѣе этого?... Какъ еще меня казнить?... Зачѣмъ?..

Патеръ покачалъ головой и сказалъ:

— Такъ вотъ ты ужъ до чего дошла! Ты теперь стала простой, грубой деревяшкой, однимъ словомъ—дубиной, которой можно пришибить человѣка. Да, помнишь, какъ я тебѣ говорилъ—такъ все и вышло... Ты отринула тотъ благодѣтельный ножъ—ну, и Господь отвернулся отъ тебя! „Пусть горитъ она въ огнѣ раскаянія!“... Огонь этотъ выжжетъ изъ тебя всю скверну!..

— Такъ, отецъ мой, такъ, но... вѣдь вода гаситъ огонь, а воды вездѣ много. Если Іосифа не станетъ, я утоплюсь—и тогда—все кончено!...

— Безумная! И ты думаешь, что земною водою зальешь, погасишь такой огонь? Утонетъ тѣло, а душа—нѣтъ: она безсмертна... Не знала ты этого? Да пусть зальютъ ее всѣ моря нашей земли, и она все-таки будетъ мучиться въ огнѣ вѣчнаго раскаянія!

— Такъ что́-же остается мнѣ? какъ-то глухо возразила Валли:—все, что́ могу я совершить надъ собой—это—умереть.

— Нѣтъ, живи и страдай, это будетъ потяжелѣе смерти и спасительнѣе.

Валли, покачивая головой, устремила куда-то задумчиво, безцѣльно свои темные глаза.

— Не могу... нѣтъ! Если случится такъ—чувствую, что́ жить не останусь... *Блаженныя дѣвы* ужъ навѣрно спихнутъ меня гдѣ нибудь въ пропасть. Да, все вышло такъ, какъ онѣ грозили мнѣ во снѣ!.. Въ самомъ дѣлѣ, вонъ—Іосифъ лежитъ—окровавленный, разбитый... Нѣтъ, ужъ мнѣ слѣдуетъ по той-же дорожкѣ... за нимъ... Чему быть, тому не миновать! Дѣло это рѣшенное... И никто, никто этого не передѣлаетъ!..

— Ахъ, Валли! произнесъ патеръ, ужаснувшись и всплеснувъ руками.—Что̀ ты это, Валли! Какія такія *дѣвы*? Блаженныя!.. Господь съ тобой, да мы развѣ жи-

Библиотека "Руниверс"

вемъ во времена язычества, когда люди воображали, что злые духи могутъ властвовать надъ ними и дѣлать что угодно?... Постой-же, я тебѣ скажу сейчасъ, что такое эти „блаженныя дѣвы:“ онѣ—твои-же собственныя страсти. Вотъ, ежели ты могла-бы научиться смирять дикость своего сердца, то Іосифу не пришлось-бы полетѣть въ пропасть. Вѣдь это старая штука: всю вину свою сваливать на дьявола! Оно, конечно, очень легко, удобно—какъ нельзя лучше. Но Сынъ Божій для того-то и снизошелъ тогда на землю, чтобы открыть намъ истину и научить искать въ самихъ себѣ духа зла и тьмы—и бороться съ нимъ. Умѣя владѣть собой, мы можемъ подчинить себѣ любыя чудодѣйственныя силы, которыя, во времена оны, сокрушали славнѣйшихъ витязей богатырей, совсѣмъ губили ихъ,—потому что богатыри-то эти, обладая непомѣрною тѣлесной силищей, не имѣли ни чуточки нравственной силы, а она одна только и могла помочь имъ въ борьбѣ съ духомъ зла, строющимъ всяческія козни. Вотъ и ты—такая крѣпкая дѣвушка, силачка, сильно теперь ты ожесточена, озлоблена,—а что толку? На самомъ-то дѣлѣ ты — слабенькое, ничтожное существо!.. И такой будешь до тѣхъ поръ, пока не почувствуешь себя въ силахъ дѣлать то же, что дѣлаютъ въ монастыряхъ изо дня въ день простыя, дюжинныя дѣвушки: онѣ искренно, отъ всего сердца, приносятъ въ жертву Богу самыя завѣтныя, дорогія желанія свои, имъ не жаль свѣтлыхъ мечтаній, и при этомъ онѣ называютъ себя счастливыми. Ежели-бы ты имѣла хоть крошечку такой силы—не стала-бы бояться „блаженныхъ дѣвъ“, и не нелѣпые сны устроивали-бы тогда судьбу твою, а своя-же собственная, свободная, сознательная воля указала-бы тебѣ дорогу... Ну, раскинь-ка теперь умомъ-разумомъ, сравни: что лучше и возвышеннѣе?...

Валли молча стояла, прислонившись къ спинкѣ кровати; видно было, какъ лицо ея мало по малу прояснялось, какъ будто она прозрѣла. Скрестивъ руки на груди и тяжело дыша, она наконецъ проговорила отрывистымъ, рѣшительнымъ голосомъ:

— Такъ! Все это справедливо, отецъ мой. Понимаю, что вы желали объяснить мнѣ... Попытаюсь исполнить это.

— Попытаюсь! То-то, ужъ разъ ты обѣщалась, да вотъ не сдѣлала...

— Сдѣлаю теперь, отецъ мой, отвѣтила Валли, и такъ выразительно отвѣтила, что старикъ удивленно посмотрѣлъ на нее...

— Хорошо. Ну, а порукой-то что-же будетъ?

Дѣвушка, вмѣсто отвѣта, положила руку на разбитую грудь Іосифа, и двѣ крупныя слезы тихо покатились по ея щекамъ.

Лучше, краснорѣчивѣе этой клятвы она и не могла дать... Патеръ, какъ человѣкъ умный, принцательный, пріумолкъ тутъ: онъ видѣлъ, что Валли дѣйствительно *поручилась*—однимъ жестомъ выразила все.

Іосифъ зашевелился, сталъ метаться и, въ бреду, пробормоталъ какія-то слова.

Валли сняла повязку съ головы его и наложила новую. Больной открылъ на половину глаза, но вѣки ихъ сейчасъ-же опять упали, и онъ снова впалъ въ забытье, какъ будто задремалъ. Отъ этой дремоты, казалось, вѣяло смертью.

— Охъ, хоть-бы ужъ докторъ... поскорѣй! вздохнула Валли и, присѣвъ на скамеечку около кровати, спросила:

— Который часъ-то теперь?

Патеръ посмотрѣлъ на часы и въ свою очередь спросилъ:

— А когда послали за докторомъ?

— Въ пять.

— Ну, гдѣ-жъ ему такъ скоро пріѣхать: теперь всего-то десять, а до Зельдена отсюда ѣзды добрыхъ три часа. Въ двѣнадцатомъ будетъ...

— Десять... только-то!..

Старикъ бросилъ на Валли такой теплый, сострадательный взглядъ; она сидѣла на скамеечкѣ, положивъ обѣ руки на колѣни, сидѣла тихо, не шевелясь, не смотря на то, что страхъ сжималъ ея сердце, и оно такъ звучно билось, что къ біенью его, среди тишины, можно было скоро прислушаться.

Патеръ нагнулся къ Іосифу, положилъ руку на его лобъ, пощупалъ пульсъ и сказалъ:

— Знаешь, Валли, ты-бы успокоилась! Сдается мнѣ, что онъ не такъ плохъ, какъ ты думаешь... Не умретъ!

Валли не шевельнулась; она смотрѣла куда-то вдаль, не мигая, и, наконецъ, тихо промолвила:

— Вотъ, когда докторъ придетъ, поглядитъ и скажетъ, что Іосифъ останется жить—тогда все для меня кончено: никакихъ ужъ больше желаній у меня не будетъ въ жизни...

— Вотъ это, Валли, хорошо! Радуется мое сердце, когда ты такъ говоришь! одобрительно произнесъ старикъ, найдя нужнымъ похвалить ее, и прибавилъ:

— Благо время есть теперь—разскажи-ка ты мнѣ, какъ это Іосифа спасли? Станешь разсказывать и не увидишь, какъ время пролетитъ,—а тутъ и докторъ пріѣдетъ.

— Что разсказывать-то? Право, нечего.

— Ну, однако, вѣдь это такое славное дѣло! Оно, можно сказать, дѣлаетъ честь жителямъ Солнечной площадки. Была ты при этомъ?

— Еще-бы! Была.

— Полна не скупись на слова-то! Видишь-ли, я какъ шелъ сюда—ни души не встрѣтилъ; ну, и не знаю, какъ было дѣло. Кто-же изъ пропасти извлекъ его?

— Да я.

— Съ нами крестная сила! Ты... ты, Валли, сама?!. воскликнулъ патеръ и широко открылъ свои маленькіе глаза, устремивъ ихъ на дѣвушку.

— Ну-да, я!

— Но какъ же это ты сдѣлала?

— Спустили меня туда на веревкѣ, ну, я и нашла его тамъ... Висѣлъ онъ между утесомъ и кедромъ. Ежели не было-бы тамъ этого кедра—быть-бы ему въ рѣкѣ, а ужъ изъ нея-то никто не вытащилъ-бы Іосифа живымъ.

— О, чадо мое! Да вѣдь это—подвигъ, настоящій подвигъ! восторженно произнесъ старикъ.

— Перестаньте, замѣтила Валли спокойнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даже строгимъ голосомъ:—не надо такъ говорить! Изъ-за меня спихнули его съ обрыва, я всему виной—такъ кому-же больше и спасать было, какъ не мнѣ?

— Такъ-то такъ, справедливость этого требовала; поступила ты по совѣсти, заговорилъ патеръ, стараясь успокоиться,—но, какъ-бы то ни было, все-таки дѣло это —славное дѣло искупленія! И ты много, много сняла этимъ съ души своей...

— А что толку? Ежели не выживетъ онъ — значитъ, я-же погубила его, сказала Валли, покачивая головой.

— Конечно, это такъ, но вѣдь ты своею жизнью жертвовала, спасая его жизнь! Ты взялась за опасное дѣло, шла на смерть, словомъ—сдѣлала все, что только могла сдѣлать, чтобы загладить зло, которое сама совершила. И дѣйствительно, грѣхъ свой ты этимъ умалила, а простить тебя можетъ только одинъ Господь Богъ. Все остальное въ Его волѣ.

Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди Валли, потому что утѣшительныя слова патера не могли ее ни утѣшить, ни успокоить.

— Да все остальное въ Его волѣ!... повторила она, чувствуя, какъ сердце ея тоскливо сжимается.

Старикъ поглядѣлъ на нее привѣтливо, ласково. Онъ чувствовалъ, что душа этой дѣвушки не могла быть отринута Богомъ, хотя Всевышній и видѣлъ всѣ ея не-

Библиотека "Руниверс"

достатки. Довольно-таки пожилъ на свѣтѣ почтенный Гейлихкрейцскій патеръ, но ему ни разу еще, въ продолженіе всей его долгой жизни, не случилось встрѣтить человѣка нравственно-похожаго на Валли, то есть такъ одинаково наклоннаго и къ добру, и къ злу.—Посмотрѣвъ на Іосифа, который все еще бредилъ и даже помахивалъ кулаками, старикъ вознегодовалъ на него: какъ это онъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ такъ презрительно относиться—къ *любви*, этому благу, выше котораго небо и не даруетъ человѣку здѣсь, на землѣ?... И вотъ, благодаря такому равнодушію, самъ-же онъ ожесточилъ сердце дѣвушки, а сердце у нея все-таки хорошее,—иначе она не была-бы способна такъ всецѣло жертвовать собою.

— Глупый ты парень! проворчалъ патеръ.

Валли посмотрѣла на него вопросительно, потому что не поняла этого восклицанія.

Тутъ стукнули въ дверь—и явился докторъ.

Валли, чтобы устоять на ногахъ (ее сильно трясло), должна была прислониться къ спинкѣ кровати... Этотъ человѣкъ произнесетъ приговоръ—но какой: обвинительный или оправдательный?... Порядочная кучка любопытныхъ, желавшихъ узнать, что̀ скажетъ докторъ, ввалилась за нимъ въ комнату; но врачъ не потерпѣлъ этого.

— Тутъ не мѣсто для любопытствующихъ, замѣтилъ онъ строгимъ тономъ:—нельзя тревожить больнаго, ему покой нуженъ!.. и, удаливъ всѣхъ, заперъ дверь. Докторъ не отличался словоохотливостью и вообще любезностью. Онъ самъ снялъ съ головы Іосифа повязку и, сморщивъ брови, сказалъ:

— Ужъ вѣрно опять тутъ безъ преступленія не обошлось!...

Валли, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, совсѣмъ застыла, какъ будто превратилась въ статую. Старикъ-патеръ не спускалъ съ нея глазъ, желая хоть этимъ нѣсколько ободрить ее, поддержать въ эти трудныя минуты, чтобы она ужъ совсѣмъ не упала духомъ.

Врачъ занялся осмотромъ больнаго. Въ комнаткѣ Валли воцарилась тишина, а сама Валли отвернулась и стала лицомъ къ окну... Вдругъ она нагнулась и подняла что-то; потомъ, обѣими руками крѣпко конвульсивно сжавъ находку, притиснула ее къ губамъ... Это *что-то* была частичка распятія, разбитаго ею еще прошлою ночью.

— О, помилуй, прости! шептала Валли, блѣдная, дрожащая:—смилуйся надо мною! Знаю—не сто̀ю я этого, но Ты милосердъ, Ты простишь мнѣ вину мою!...

— Ни одной смертельной раны, сухо проговорилъ врачъ и прибавилъ:—ну, у молодца этого скелетъ не хуже чѣмъ умамонта.

Тутъ Валли разомъ ослабѣла, ноги у нея подкосились... Струна. слишкомъ ужъ натянутая, не выдержала и лопнула... Валли разрыдалась... Стоя на колѣняхъ и уткнувъ лицо въ край подушки, на которой лежала голова Іосифа, она могла только произнести:

— Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже!

— Что̀ это она? обратился докторъ къ патеру.

Патеръ отвѣтилъ ему однимъ жестомъ, и отвѣтъ этотъ вполнѣ удовлетворилъ доктора.

— Э, ничего, ничего... Будьте-ка поспокойнѣе, да вотъ помогите мнѣ насчетъ перевязки, проговорилъ онъ, дотронувшись до плеча Валли.

Она живо поднялась, вытерла слезы и сейчасъ-же усердно принялась за дѣло. Лучшей помощи доктору и не надо было: пріемы Валли такъ были ловки, осторожны, что патеръ просто радовался, глядя на нее, точно она была опытной сестрой милосердія. Дрожь и слезы исчезли; всѣ движенія ея были такъ ровны, спокойны... Любовь руководила дѣвушкой, и лицо Валли стало какъ будто другимъ: печать страданія на немъ, казалось, обновила ее, сдѣлала ее чище, возвышеннѣе... Старику даже не вѣрилось, что передъ нимъ—та-же Валли, прежняя дикарка.

— Нѣтъ, не пропала она еще и не пропадетъ! Будетъ толкъ, будетъ! такъ говорилъ онъ самъ себѣ—и радовался, какъ радуется садовникъ при видѣ растенія, которое вновь ожило, зазеленѣло, хотя казалось совсѣмъ уже пропавшимъ.

По окончаніи перевязки, врачъ далъ кое-какія наставленія относительно ухода за больнымъ и удалился въ сопровожденіи патера.

Валли одна осталась съ Іосифомъ. Она снова сѣла на скамеечку около кровати, оперлась локтями о колѣни и опустила голову на руки. Іосифъ дышалъ теперь ровнѣе, спокойнѣе; правая рука его лежала на одѣялѣ, и Валли стоило только слегка нагнуться, чтобы поцѣловать эту руку, но... она удержалась, потому что ей казалось, что она не имѣетъ права даже просто прикоснуться къ нему. Если-бы его не стало, или если-бы онъ доживалъ послѣднія минуты—тогда Валли покрыла-бы его поцѣлуями, какъ это и сдѣлала она у обрыва, когда думала, что онъ уже мертвъ... Трупъ любимаго человѣка былъ-бы ея собственностью, но на живаго Іосифа—никакого права она не имѣла. Лично для нея онъ—умеръ, умеръ именно тогда, когда врачъ объявилъ, что жизнь его внѣ опасности... Валли, сильно-тоскующая, опечаленная, похоронила Іосифа въ глубинѣ своего сердца; узнавъ-же, что онъ останется жить, приняла эту вѣсть, какъ вѣсть спасенія, освобожденія... Сидя неподвижно и не отрывая глазъ отъ этого мертвенно-блѣднаго, прекраснаго лица, она терзалась, мучилась такъ, какъ только можетъ страдать сердце человѣческое,—и, однако-же, кровь ея не кипѣла при этомъ; она терпѣливо переносила боль... Да, Валли теперь совсѣмъ присмирѣла; духъ ея уже не возмущался; не потрясала она кулаками, какъ это бывало съ нею прежде въ порывѣ злобы, въ минуты невыносимыхъ страданій... Въ продолженіи какого нибудь часа она научилась труднѣйшему въ жизни—научилась *терпѣть*. Преступленіе совершено, слѣдовательно нечего и жаловаться на судьбу,—да Валли и не вправѣ ожидать чего нибудь лучшаго... Развѣ она достойна лучшей участи?.. Вѣдь она—*почти* убійца Іосифа!.. Какже ей возможно желать его, желать, чтобы онъ—*теперь-то*—ей принадлежалъ?.. Да она и взглянуть-то не смѣетъ на него... Нѣтъ, все кончено!.. Слѣдуетъ совершенно перестать ныть, скорбѣть...

— Боже, Боже милостивый! стала молиться Валли:—помоги мнѣ очиститься отъ грѣха! Чѣмъ могу я искупить вину мою?.. Знаю, какъ-бы строго не покаралъ Ты меня—наказаніе все-же будетъ еще легкимъ для такой грѣшницы, какъ я!...

Тутъ она покорно нагнула голову и закрыла руками лицо.

Вдругъ кто-то сильно стукнулъ въ дверь—и она, отворившись, крѣпко ударилась объ стѣну, а вслѣдъ за этимъ раздался крикливый женскій голосъ: „Іосифъ! Іосифъ мой!“...

Это была—Афра. Вбѣжавъ въ комнатку, она такъ и кинулась прямо на грудь Іосифа, оглашая воздухъ громкими рыданіями. Валли даже вскочила, какъ будто почувствовала змѣиное жало въ ногѣ... Она боролась съ собою не болѣе минуты, но за то борьба эта была послѣдняя и едва-ли не самая тяжелая для нея. Валли стиснула себя руками, желая хоть этимъ удержать себя на мѣстѣ—такъ ей страшно хотѣлось кинуться къ Афрѣ, оттолкнуть ее отъ кровати... отъ Іосифа... Она трепетала, но не двигалась, а Афра продолжала громко рыдать тамъ... на его груди...

— Послушай, Афра! почти шопотомъ заговорила Валли:—ежели ты въ самомъ дѣлѣ такъ любишь его, то—не плачь-же, не кричи... Докторъ говорилъ, что Іосифа нельзя тревожить, что ему покой нуженъ.

— Что? Да кто-же могъ-бы, имѣя сердце, утерпѣть, чтобы не заплакать, глядя на него теперь—вотъ теперь?!. крикнула Афра.—Легко тебѣ такъ говорить: чего

Библиотека "Руниверс"

тебѣ безпокоиться? Онъ вѣдь тебѣ не такъ дорогъ, милъ, какъ мнѣ... Одинъ онъ у меня! Іосифъ—все, все для меня! Умри онъ—и я одна тогда на цѣломъ свѣтѣ... Голубчикъ ты мой! Да открой-же глаза, Іосифъ! Ну, хоть разокъ посмотри, скажи хоть слово—одно словечко только!...

Дѣвушка совсѣмъ обезумѣла и, обхвативъ Іосифа, стала приподнимать его, встряхивать...

Больной застоналъ и пробормоталъ что-то, но что̀ именно—разобрать было невозможно.

Валли рѣшилась тутъ подойдти къ Афрѣ. Она спокойно, но сильно схватила своими крѣпкими пальцами ея руку, причемъ ни одинъ мускулъ не шевельнулся на поблѣднѣвшемъ лицѣ Валли, и сказала:

— Слушай, Афра, что̀ я буду тебѣ говорить! Я здѣсь хожу за Іосифомъ. Онъ находится подъ моимъ присмотромъ. На моей отвѣтственности лежитъ точное исполненіе того, что̀ предписалъ докторъ. Ну, и кромѣ этого—тутъ вѣдь *мой* домъ, вы—у меня. Ежели ты словъ моихъ не послушаешься, не оставишь его въ покоѣ, и приказаніе доктора не будетъ исполнено,—то я, по праву хозяйки, выпровожу тебя вонъ, чтобы ты ужъ тамъ, за дверями, могла придти въ себя, образумиться. И вотъ, когда ты поутихнешь, когда тебѣ можно будетъ ухаживать за Іосифомъ—ну, тогда... (голосъ Валли задрожалъ) тогда я передамъ его тебѣ.

— Га, злая, злющая ты! въ страстномъ порывѣ досады вскрикнула Афра.—Выгнать меня хочешь за то̀, что я плачу о немъ?—выгнать?... Ужъ не думаешь-ли ты, что у всѣхъ такое безчувственное, черствое сердце, какъ у тебя? Нѣтъ, только такія, какъ ты, могутъ быть простымъ бревномъ, равнодушно глядѣть на такую бѣду!.. Пусти мою руку! У меня больше права на Іосифа, чѣмъ у тебя, и ежели тебѣ невыносимы мои жалобы—я скажу, чтобы его взяли изъ твоего дома и перенесли ко мнѣ... Тогда мнѣ можно будетъ плакать, сколько угодно!.., Да, я бѣдная, простая служанка, работница, но если-бы мнѣ довелось ради него всю жизнь даромъ работать—я на все готова, чтобы только самой ухаживать за нимъ въ собственной конурѣ! Я все перенесу, но ужъ не позволю, чтобы ты выгнала меня изъ дому—ты, гордячка—богачиха!

Валли разжала пальцы и освободила руку Афры. На ея побѣлѣвшемъ лицѣ, особенно около губъ, скользнуло

Сапожный король. Картина Мункачи, грав. Коши.

Библиотека "Руниверс"

что-то болѣзненно-судорожное .. Афра даже устыдилась, отвела глаза отъ лица Валли и стала смотрѣть внизъ, какъ-бы сознавая, что поступила съ нею нехорошо, несправедливо...

— Нѣтъ, Афра, заговорила Валли,—ты совсѣмъ напрасно такъ ненавидишь меня. Отъ тебя я не заслужила этого! Не для себя-же я вытащила его изъ пропасти — для тебя! Для тебя онъ и жить будетъ... Не мнѣ обладать имъ... Слушай: часъ тому назадъ я-бы ни за что не позволила тебѣ подойдти къ этой кровати, скорѣй задавила-бы тебя; но... теперь ни гордости, ни злобы нѣтъ уже во мнѣ... Все разбито! и сердце... разбито, добавила она шопотомъ.—Я добровольно сторонюсь, даю тебѣ дорогу, потому что... тебя онъ любитъ, а меня совсѣмъ и знать не хочетъ. Уносить отсюда больнаго—не нужно: эту мысль ты выкинь изъ головы и оставайся здѣсь съ нимъ. Можешь быть вполнѣ спокойной... Ужъ лучше мнѣ уйдти. Все равно, я и такъ ушла-бы... Да, живите тутъ, вы можете остаться въ этомъ домѣ насколько угодно времени; ничего! когда нужно будетъ, я расплачусь съ тѣмъ, кому домъ принадлежитъ. Еще вотъ что: я позабочусь и о васъ. Люди вы оба не богатые, а чтобы пожениться и жить—нужны средства... Ихъ у васъ совсѣмъ нѣтъ. Все это я берусь устроить... Что-жъ, тогда быть можетъ и Іосифъ добрымъ словечкомъ помянетъ Орелъ-Дѣвку!...

— Ахъ, Валли! Что ты!? невольно вскрикнула Афра.—Господи Боже мой, что ты это говоришь? Постой... нѣтъ... Охъ, Іосифъ, Іосифъ! Если-бы я могла сказать ей... если-бы только смѣла...

— Ну, полно тебѣ! перебила ее Валли.—Послушай, если ты искренно любишь его—должна успокоиться! Перестань-же, а ужъ меня отпусти съ миромъ, пожалѣй... Я и такъ довольно помучилась. Мнѣ необходимо удалиться, совсѣмъ уйдти... Не держи-же меня! Выслушай только послѣднюю мою просьбу къ тебѣ: отплати мнѣ за все, что я устрою для тебя, однимъ—хорошимъ, настоящимъ уходомъ за Іосифомъ. Ты должна хорошенько смотрѣть за нимъ .. Да? Вѣдь ты дашь мнѣ слово, что исполнишь это?... Успокой-же меня, скажи!

Афра сложила руки и проговорила умоляющимъ голосомъ:

— О, Валли! Нѣтъ, не оставляй насъ... Останься! Господи помилуй! Ну, что Іосифъ скажетъ, когда потомъ узнаетъ, что мы прогнали тебя изъ твоего-же дома?!...

— Ты слова только теряешь, суровымъ тономъ замѣтила Валли.—Ежели я что разъ порѣшила, такъ ужъ это и должно исполниться. Остановить, помѣшать мнѣ—никто не можетъ.

И подойдя къ сундуку, она открыла его, достала оттуда платье, бѣлье, кое-какія вещи—и принялась все это увязывать. Когда узелъ былъ готовъ, Валли подняла и забросила его себѣ на спину.

— Теперь, Афра, посмотри сюда (она указала ей на ящикъ): тутъ вотъ небольшой свертокъ—это старенькое, но хорошее, тонкое полотно,—оставляю его для перевязокъ; а это вотъ—другое, холщевое, погрубѣе будетъ того: для корпіи оно годно, а корпія понадобится сегодня вечеромъ доктору. Ножницы тоже тутъ. Холстъ этотъ ты разрѣзай вотъ на такія полоски, тогда и корпія выйдетъ не короче пальца. Такъ надо. Будь-же поакуратнѣе. Еще вотъ что: каждыя четверть часа нужно класть ему на голову такую-же тряпочку, обмочивъ ее въ свѣжей водѣ: она, видишь-ли, жаръ вытягиваетъ. Что-жъ, можно-ли мнѣ положиться на тебя, быть увѣренной, что ты все это будешь помнить?... Афра, не забудь: я вѣдь спасла его отъ смерти! И конечно, не для того-же спасала я Іосифа, чтобы ты, дурно присматривая за нимъ, уморила его потомъ?... Постой: ты поглядывай за тѣмъ, чтобы голова у него всегда лежала высоко. Такъ нужно, потому что кровь будетъ тогда лучше оттекать отъ головы... Да подушки-то почаще поправляй... Ну, кажется, все теперь сказала?.. Нечего больше, да и не знаю. Ахъ, Господи, да вѣдь гдѣ-жъ тебѣ поднимать его, поворачивать такъ, какъ я это дѣлала? Не имѣешь ты настолько силы-то!... Постой, зови ты каждый разъ Клеттенмайера; онъ хоть и старъ, но поможетъ тебѣ хорошо. Довѣриться ему можешь. Ну, оставляю теперь Іосифа на твоихъ рукахъ...

Тутъ Валли остановилась, потому что голосъ ея оборвался и колѣни стали подгибаться. Дрожь охватила ее, руки тряслись, такъ что она насилу удержала узелъ. Взглянувъ въ послѣдній разъ на Іосифа, Валли проговорила:

— Ну, храни тебя Боже!

И вышла изъ своей комнатки.

Увидѣвъ на дворѣ старика - патера и Клеттенмайера, которые разговаривали о чемъ-то, она подошла къ нимъ.

— Клеттенмайеръ! крикнула она ему подъ самое ухо: —ступай къ Афрѣ, да помоги ей за Іосифомъ ухаживать. Она теперь будетъ тамъ вмѣсто меня. Іосифъ тутъ останется, а я ухожу. Слушай: всѣ вы должны считать теперь Іосифа за хозяина, повиноваться ему, все равно какъ мнѣ, до тѣхъ поръ пока я не возвращусь... Если-же онъ тогда пожалуется мнѣ на кого нибудь—ну, не сдобровать тому! Такъ и скажи всѣмъ.

Старикъ все разслышалъ, запомнилъ и только нѣсколько разъ качнулъ головой, потому что не могъ собраться съ духомъ, чтобы спросить у нея: что-же это значитъ?...

— Ну, просимъ прощенья, хозяюшка, наконецъ проговорилъ онъ:—да назадъ-то поскорѣй къ намъ!

— Никогда... прошептала Валли.

Клеттенмайеръ отправился къ Афрѣ.

Валли не двигалась съ мѣста. Стоя передъ патеромъ, она до конца выдержала его пытливый взглядъ, однако видно было, что она совсѣмъ изнемогла...

— Много у меня еще всякаго добра, заговорила Валли,—но теперь ничто уже больше не прельщаетъ меня: одинъ орелъ только и милъ мнѣ! Никому я не отдамъ его—съ собой его беру.—Ганзль, идемъ! кликнула она птицѣ, сидѣвшей насупившись на загороди.

Орелъ, какъ-то не-хотя, тяжело поднялся и подлетѣлъ къ ней.

— Привыкай-ка опять летать, Ганзль! Мы вѣдь опять съ тобой—въ путь-дорогу.

— Что ты это, Валли, задумала? грустно спросилъ ее патеръ.

— Ничего. Ухожу, отецъ мой. Что-жъ, въ домѣ осталась Афра!... Вы и сами хорошо понимаете, что оставаться мнѣ тутъ—дѣло не подходящее. Да, и я готова до конца жизни моей быть нищей, голодной, бродягой; мнѣ ничего не жаль—все отдамъ имъ, что имѣю, но... глядѣть, какъ онъ будетъ ласиться къ Афрѣ, цѣловать ее—я не въ силахъ, не могу—и баста!

Слезы душили ее, но она стиснула зубы и не дала выкатиться ни одной слезинкѣ.

— Постой, да ты это серіозно хочешь подарить имъ и домъ, и землю? спросилъ старикъ.—О, чадо мое, уразумѣла-ли ты то, что желаешь совершить?...

— Домъ-то ужъ не мнѣ принадлежитъ, отецъ мой. Мнѣ еще вчера было извѣстно, что если Викентій захочетъ вдругъ вступить въ него хозяиномъ, то домъ и будетъ переданъ ему. Ну, а все то, что за мною остается—отдаю я Іосифу. Ежели онъ, по моей-же винѣ, калѣкой будетъ и лишится возможности добывать себѣ трудомъ кусокъ хлѣба—я прямо обязана озаботиться о немъ.

— Ка-акъ! воскликнулъ патеръ:—да неужто-же отецъ лишилъ тебя наслѣдства?...

— Что-жъ изъ этого? Ну, лишилъ... А зачѣмъ мнѣ и домъ, и земля?.. Найду, гдѣ пріютиться: готовый уголокъ для меня всегда есть.

Библиотека "Руниверс"

— Послушай, чадо мое, заговорилъ старикъ встревоженнымъ голосомъ:—я вѣдь надѣюсь, что ты противъ себя ничего худаго не задумала?.

— О, нѣтъ, отецъ мой! Никогда! Я ужъ вижу теперь, какъ вы были во всемъ справедливы, какъ все вѣрно говорили... гордыхъ сердцемъ, упрямыхъ, Господь не можетъ любить!.. Но, быть можетъ, ради раскаянія моего, Онъ смилуется надо мною, успокоитъ мою душу.

— То былъ страшный часъ, когда непокорный духъ твой сломился наконецъ, но да будетъ часъ тотъ благословенъ! Вотъ теперь ужъ можно сказать о тебѣ, что ты въ самомъ дѣлѣ дѣвушка *великая*!... Однако, куда-жъ ты хочешь удалиться?... Не желаешь-ли войти въ общину Сестеръ Милосердія? А не то, если хочешь, я отведу тебя въ монастырь кармелитокъ?..

— Нѣтъ, это все не по мнѣ, отецъ мой... Вѣдь я Орелъ-Дѣвка—и не годна я ни въ общину, ни въ монастырь. Жить въ клѣткѣ, въ четырехъ стѣнахъ, не могу!... Мнѣ хочется умереть, какъ и прожила я вотъ до этого дня—подъ открытымъ небомъ Божьимъ. Ежели-бы я заперлась гдѣ нибудь—мнѣ-бы все тогда думалось, что Господь не видитъ меня и не проникнетъ ко мнѣ, потому что между небомъ и мною—толстыя стѣны. Я буду такъ же и каяться, и молиться, какъ-бы молилась въ церкви, но мнѣ нужно... непремѣнно нужно, чтобы кругомъ меня были утесы, скалы, пропасти... Чтобы я видѣла, какъ облака ходятъ, чувствовала-бы вѣяніе вѣтра... Если-жъ ничего этого не будетъ—я не ручаюсь за себя... не вытерплю! Понятно-ли вамъ?

— Понятно, понятно, Валли! И я поступилъ-бы глупо, если-бы сталъ разубѣждать тебя въ этомъ, приневоливать... Но, скажи, куда-же ты?....

— А туда—въ горы, опять къ отцу моему—Мурцоллю. Тамъ мой родной уголокъ, другаго—нѣтъ.

— Ну, какъ лучше, нужнѣе для тебя—такъ и дѣлай! сказалъ патеръ и прибавилъ потомъ:—Благослови тебя Боже, чадо мое! Съ успокоеннымъ сердцемъ гляжу я на уходъ твой отсюда, ибо куда-бы ты ни направила теперь стопы свои—непремѣнно возвратишься къ *Отцу*!...

(Окончаніе будетъ).

Дѣтскіе силуэты Бёма.

Въ живописи, какъ и въ музыкѣ, есть своего рода капризы, строго говоря не принадлежащіе къ области искусства, такъ-называемые фокусы, которые однако въ артистическомъ исполненіи могутъ возвышаться до художественности. Такова, напр., была игра скрипача Паганини на одной струнѣ; такова и манера рисовать одной тѣнью или сплошною черною краской. Здѣсь изображается собственно не предметъ, а какъ бы рѣзкая черная тѣнь его, отброшенная на бѣлую стѣну. Въ прошломъ столѣтіи, когда еще не изобрѣли ни фотографіи, ни даже дагерротипа, силуэты были весьма распространены, какъ дешевый, почти домашній способъ снимать сходные очерки лица въ профиль, помѣщая это лицо между свѣчой и бумагой и обводя тѣнь карандашомъ. Такъ какъ эти силуэты могли сниматься только въ натуральную величину, то впослѣдствіи былъ изобрѣтенъ особый снарядъ для уменьшенія ихъ до желаемой миніатюры; и теперь еще у нашихъ бабушекъ можно найдти образцы этихъ черныхъ портретиковъ, тщательно хранимые на днѣ какого-нибудь ветхозавѣтнаго коммода.

До какой степени способны оживляться силуэты подъ карандашомъ талантливаго художника—нагляднымъ доказательствомъ этого могутъ служить прилагаемые рисунки Бёма изъ жизни дѣтей. Взгляните, напр., на дѣвочку, вяжущую чулокъ, съ котенкомъ у ногъ ея, который заигрываетъ лапкой съ клубкомъ,—или на слѣдующую—юнаго энтомолога, разсматривающаго только-что пойманную бабочку... Какъ переданы позы и даже дано почувствовать самое выраженіе лица, не говоря уже о мелочной разработкѣ подробностей!.. Вотъ мальчуганъ, катающій меньшую сестренку на салазкахъ; вотъ еще дѣвицы - одна танцуетъ съ куклой, другая прохлаждаетъ ложку супу, третья пьетъ кофе въ обществѣ своей неодушевленной подруги. Вотъ еще рядъ силуэтовъ, гдѣ физіогномика доведена до удивительнаго совершенства: посмотрите на двухъ плачущихъ дѣвочекъ—трудно сказать, которая лучше: та ли, что испугалась собачонки, схватившей ее за платье, или та, что сломала голову куклѣ. А какъ вамъ нравится эта гордая щеголиха въ нянной шали и чепцѣ, подъ лопушнымъ листкомъ вмѣсто зонтика?.. Или вонъ та собачонка, что поднявъ лапку выпрашиваетъ зажатый въ хозяйскомъ кулачкѣ кусокъ сахару?.. Всѣ мелочи дѣтской жизни, до самыхъ будничныхъ проявленій ея, воспроизводятся художникомъ съ одинаковой характерностью?.. Но какъ бы въ доказательство того, что силуэты эти — далеко не пустая бездѣлка, талантливый рисовальщикъ выбираетъ и болѣе крупныя темы. Вотъ передъ нами лягавая собака, которая, увидавъ на головѣ малютки шляпу своего господина, а въ рукахъ охотничью нагайку,—внезапно чувствуетъ къ нему страхъ и небывалое уваженіе, какъ бы сознаетъ себя въ чемъ провинившейся и припадаетъ къ стопамъ грознаго владыки, который тоже вполнѣ понимаетъ свое значеніе. Вотъ типы крестьянокъ за полевыми работами, исполненные съ замѣчательнымъ искусствомъ. Трудность хорошаго силуэта заключается въ умѣньи поставить фигуру такъ, чтобы выдѣлялось возможно болѣе членовъ и характерныхъ частей ея, безъ чего они неминуемо сольются въ одно черное пятно.

Сапожный король.

(Изъ галлереи маленькихъ картинокъ).

Иванъ Яковлевъ, сапожный подмастерье, возвращался въ Гороховую съ Песковъ, гдѣ былъ на имянинахъ у пріятеля—тоже сапожнаго подмастерья. Была тихая, лунная ночь. Извѣстно, дѣло безъ выпивки не обошлось: Иванъ Яковлевъ изрядно выпилъ, или, какъ самъ онъ выражался, «шибко треснулъ», и ему казалось, что панель Невскаго проспекта—чортъ ее дери!—тихо повертывается и все куда-то влѣво... «Что̀ мудренаго, что я теперича очутился на лѣвой сторонѣ пришпехта, а шелъ по правой?.. Вертится она, подлая!»... Такъ бормоталъ онъ, стараясь вѣжливо обходить фонари, которые тоже словно вздурились: загораживаютъ ему дорогу и—шабашъ!... Остановившись у одного фонаря, Иванъ Яковлевъ обхватилъ его и сказалъ: «Ну, чего ты? Стой, братецъ, гдѣ тебѣ начальство указало стоять! Экой, право, глупый, а еще—фонарь!»....

Подошелъ городовой.

— Ты это что̀ тутъ, любезный?

— Я-то? Позвольте, господинъ городовой, объяснить: это нешто порядокъ, когда ежели фонарь дорогу благородному человѣку прегр-р-раждаетъ—а?..

— Ну-ну, ступай домой... Самъ ты не въ порядкѣ! замѣтилъ городовой.

— Нѣтъ, позвольте... Я вамъ сейчасъ эту прокламацію объясню: первое дѣло—имянины... ну, извѣстно—какъ надо быть, сообща треснули, а второе дѣло... иду я бла-а-родно, тихо, а онъ —сичасъ передо мной этакъ!... Есть такой приказъ, чтобы преграждать, позвольте спросить? Про апелляцію слыхали? Это я могу-съ—значитъ, по формѣ. И господинъ мировой судья, ежели все какъ слѣдуетъ предоставитъ...

— Иди, иди... городовой махнулъ рукой и отошелъ.

Разставшись съ фонаремъ, Иванъ Яковлевичъ прошелъ довольно развязно, бодро нѣсколько шаговъ, но на Аничковомъ мосту пріостановился: ему показалось, что ближайшій къ нему чугунный конь ожилъ и бѣсится...

— У, чо-ортъ! крикнулъ Иванъ Яковлевъ. -Зашибетъ не ровно... Вотъ ты тутъ и пройдн!...

Полусонный извощикъ встрепенулся и, завидя прохожаго въ «нѣмецкой шляпѣ», спросилъ:

— Куда прикажете?

— Въ Гор-роховую, къ Ка-каменному мосту, отвѣтилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Рубликъ положьте.

Извощикъ замѣтилъ, что прохожій «треснувши», и захотѣлъ воспользоваться случаемъ.

— Двугривенный угодно? ехидно спросилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Что̀-жъ, садись! не безъ грусти произнесъ извощикъ и стегнулъ за что-то лошадь.

Иванъ Яковлевичъ влѣзъ на дрожки.

— Ну, теперича, бѣситесь, дьяволы! ворчнулъ онъ, поглядѣвъ на чугунныхъ коней, и стукнулся носомъ въ спину извощика, потому что въ эту минуту лошадь дернула. Иванъ Яковлевичъ поправилъ шляпу и поѣхалъ. Но - странное дѣло: ему казалось,

Библиотека "Руниверс"

что извощикъ ѣдетъ не по мостовой, а по воздуху... и все выше и выше... Жутко даже! Зажмурилъ глаза... Вотъ опять спускается, вотъ опять взлетаетъ... Потерялъ терпѣнье и крикнулъ:

— Какъ ты, борода, ѣдешь—а? Умор-рить меня хочешь?... Мутитъ меня отъ твоей ѣзды... Ахъ, ну—извощикъ!..

— Ѣду, какъ слѣдуетъ, отвѣтила борода:—сиди крѣпче!

— А насчетъ апиеляціи слыхалъ—а?..

— Слыхалъ. Не страшно.

Прошло десять минутъ.

— Куда тутъ? Энъ Каменный мостъ-то. Показывай.

— Направо. Вонъ—къ тѣмъ воротамъ... Стой!

Лошадь остановилась. Расплатившись съ извощикомъ, Иванъ Яковлевичъ три раза пробовалъ пролѣзть подъ цѣпь калитки и—все тщетно!..

— О, чтобъ вамъ ни дна, ни покрышки! разсердился онъ.—И когда это они успѣли двѣ калитки сдѣлать?.. Зач-чѣмъ д-двѣ?.. Въ которую теперича проходить?.. Все одна... одна была и—вдругъ—пара! Ахъ, мазурики!...

Подошелъ дежурный дворникъ.

— Э, Иванъ Яковлевъ! Али не попасть?..

— Въ которую лѣзть?... Ахъ, ты Боже мой! Н-ну, дворники! Двѣ калитки... а?.. по какой прич-чинѣ?.

— Для тебя это нарочно, значитъ, чтобы въ любую—изъ уваженія! Ну, лѣзь въ эту... Давай руку-то!

Пролѣзъ наконецъ Иванъ Яковлевъ и затѣмъ, уже совершенно не помня, какъ и когда, очутился въ своей коморкѣ и даже—на кровати. Легъ только безъ сюртука, и какъ только легъ—что за чудо! кровать стала колыхаться, подниматься, словно вотъ въ лодкѣ онъ лежитъ, и лодка-то поднимается, то опустится... Совсѣмъ какъ по волнамъ!... «Да ужъ не впрямъ-ли я на яликѣ ѣду?»... Иванъ Яковлевичъ открылъ глаза и—ротъ разинулъ: надъ нимъ и потолка нѣтъ, закопченаго, грязнаго... Чистое, синее, звѣздное небо, и онъ, вмѣстѣ съ кроватью, летитъ въ высь.. Глянулъ внизъ—хе! Питеръ какъ на тарелкѣ: вонъ Адмиралтейская площадь, садъ, вонъ Исакій... «Пропала моя головушка!» подумалъ Иванъ Яковлевъ, не смѣя ни крикнуть, ни шевельнуться... «Напился ты—вотъ и лети теперича въ наказаніе! Лети, братъ! Шею сломишь—урокъ!»... И какъ же свѣтло вдругъ стало! Такой чудесный палевый свѣтъ...

Иванъ Яковлевичъ рѣшился посмотрѣть вверхъ и—обомлѣлъ даже... Видитъ—луна близехонько! Да какая—батюшки свѣты: во весь Царицынъ лугъ! И все на ней видно: и горы, и дороги, вонъ и городъ какой-то, вонъ что-то движется... «Адью, Иванъ Яковлевъ!» крикнулъ онъ тутъ. «На луну я, значитъ, лечу... за что?... Вотъ-те и апиеляція!... Прощай, мать-сыра-земля! Прощай, Гороховая!.. Прощай, хозяинъ Трифонъ Кузьмичъ съ супругой!»...

И опять Иванъ Яковлевичъ зажмурилъ глаза—отъ страха, а когда открылъ—увидѣлъ, что кровать его стоитъ какъ разъ посреди площади, а на кровати-то онъ самъ лежитъ и пикнуть не смѣетъ... Площадь вся изъ синяго полированнаго камня, домà большущіе лимоннаго цвѣта... Хорошо такъ, только кожей да ваксой попахиваетъ..

Вдругъ кто-то прыгъ къ нему на животъ—глядь: женская ботинка—прюнелевая, новая... Вмѣсто бантика—два черные глаза... Мигаютъ!... Что за напасть!.. Слышитъ—стучатъ каблучки на площади, шумъ такой поднялся, будто цѣлый полкъ шагаетъ... Приподнялся Иванъ Яковлевичъ, глядитъ: вокругъ его кровати—все сапоги, сапоги, башмаки, ботинки... Товару на милліонъ! И мужицкіе, и господскіе, вычищенные, грязные, со шпорами, безъ шпоръ... всякіе!... Тутъ женская ботинка пискнула:

— Король нашъ пріѣхалъ! Скрипите—ура!

И дѣйствительно, всѣ сапоги, всяческая обувь—заскрипѣла: ура! Шпоры зазвякали, а парныя туфли стали хлопаться подошвами.

— Да гдѣ-жъ это я, братцы?! воскликнулъ Иванъ Яковлевичъ и, совсѣмъ вскочивъ, вытянулся во весь ростъ, потому что, при видѣ знакомаго товара, хотя и живаго, успѣлъ расхрабриться.

Пара большихъ кучерскихъ сапоговъ, постукивая, приблизились къ нему и скрипнули (такъ понятно, явственно!):

— Ты въ царствѣ сапоговъ и прочей человѣческой обуви. Мы тебя давно ждали! Управляй нами, Иванъ Яковлевичъ! Да здраствуетъ нашъ мастеръ-король!

И вся площадь заскрипѣла, загудѣла: да здраствуетъ!..

— Хе! чортъ побери!.. А почему-же и не поцарствовать? Полно подмастерьемъ быть... Тамъ-то, внизу, куражились надо мной, помыкали... Ну, теперича я покуражусь! Смир-р-но! Такъ оставаться мнѣ у васъ—а?.. крикнулъ Иванъ Яковлевичъ и подбоченился.

Ему хоромъ отвѣтили:

— Оставайся, отецъ родной! Мы, дѣти твои, всѣ этого желаемъ!.. Только не лѣнись—работай!..

— Ладно. А касательно расшивочно и на выносъ есть тутъ?

Все смолкло. Сапоги переминались. Это его разсердило.

— Не поняли, что-ли? Красныя-то вывѣски есть?

— Есть-то есть, только насчетъ этого...

— Цыцъ! Не разговаривать у меня! А дворецъ готовъ?

— Готовъ. Стѣны—опойковыя, узоры изъ лучшей дратвы; мебель изъ прюнеля, сафьяна и бархата; полы—паркетъ изъ вырѣзковой кожи... А вонъ—гора: вся изъ ваксы! Лѣса изъ щетокъ тянутся верстъ на сто.. Все—твое!...

Иванъ Яковлевичъ пропустилъ все это мимо ушей и, приказавъ проводить себя въ опойковый дворецъ, велѣлъ притащить туда немедлено (жажда мучила его!): двѣ дюжины баварскаго пива, да меду «лучшаго» бутылокъ пять. «А къ завтрему—четвертную очищенной!»

И вдругъ снова все смолкло; но Иванъ Яковлевичъ замѣтилъ, что всѣ сапоги, ботинки, туфли, сапожки, ставши другъ къ другу носками, тихо заскрипѣли что-то, какъ-бы совѣщаясь о чемъ то...

— А вотъ посмотримъ, скрипнулъ какъ-то особенно многозначительно одинъ изъ большихъ сапоговъ—должно быть охотничьихъ.

— Что-о?! гаркнулъ Иванъ Яковлевичъ.—Ты это что будешь смотрѣть? Подойди-ка, любезный.

Сапогъ подошелъ. Тутъ новый «король» размахнулся и закатилъ оплеуху во все голенище дерзкаго поданнаго. Площадь мигомъ опустѣла...

Прошла недѣля, а Иванъ Яковлевичъ не выходитъ изъ своего опойковаго дворца: обложилъ себя сафьяными подушками, обставился бутылками, на-весслѣ съ самаго утра, а къ вечеру—ну, никакъ не можетъ напиться!... Пьетъ, пьетъ—чувствуетъ что пьетъ, а все толку нѣтъ... Тьфу! Что за чудо!...

И вдругъ, за дверями зашумѣло, заскрипѣло.. затрещали двери—и въ комнату ворвалась цѣлая туча сапоговъ всѣхъ размѣровъ... Начался гвалтъ.

— Прочь съ луны! Убирайся на землю! Не нужно намъ тебя! Дѣла не дѣлаешь, а только о томъ и помышляешь, какъ-бы нализаться!.. Вонъ!!..

Посыпались тутъ на Ивана Яковлевича удары каблуками, носками, голенищами... Только и слышно: стукъ да шлёпъ! Одинъ башмакъ - старый, стоптанный, такъ и хлещетъ его по щекамъ, и какъ его Иванъ Яковлевъ ни ловилъ—поймать не могъ... Увертывался, бестія!.. А башмакъ-то этотъ принадлежалъ—Аграфенѣ Сидоровнѣ - хозяйкѣ самой... Наконецъ, одинъ какой-то сапожнище такъ треснулъ его по носу, что Иванъ Яковлевичъ вскрикнулъ отъ боли и—проснулся .. Утро!..

Передъ нимъ стоялъ хозяинъ, Трифонъ Кузьмичъ.

— Али еще тебя щелкнуть?.. Пора, братецъ, за работу!...

— Встану... сейчасъ встану! О—охъ!...

Хозяинъ погрозилъ пальцемъ и вышелъ.

Иванъ Яковлевичъ сладко потянулся, зѣвнулъ и проворчалъ:

— Далече-же я залетѣлъ! Чудеса!...

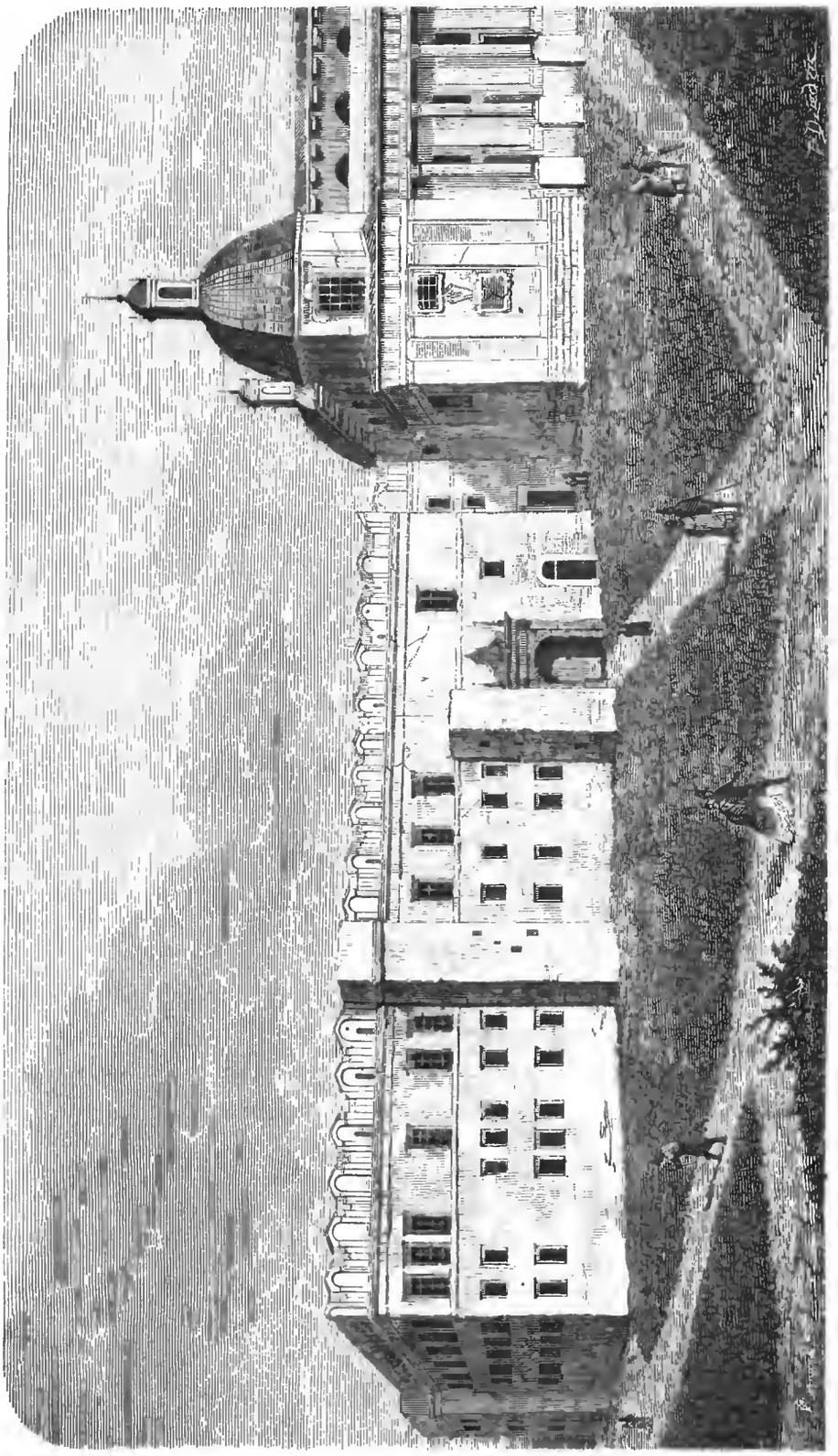
В.

Земная атмосфера

Всѣмъ извѣстно, что земною атмосферою называется воздушная оболочка, окружающая нашу землю на подобіе того, какъ въ яйцѣ жидкій прозрачный бѣлокъ облекаетъ болѣе густой желтокъ. Но какъ далеко простирается она, каковы ея свойства, изъ чего наконецъ она состоитъ—все это вопросы, далеко не лишенные интереса. На нихъ-то мы и постараемся отвѣтить въ настоящей статьѣ.

Подобно всѣмъ газамъ, воздухъ имѣетъ стремленіе къ возможно-большему расширенію; частицы его разсѣялись бы въ пространствѣ, если бы они находились подъ вліяніемъ одной этой силы, но ихъ удерживаетъ превышающее эту силу дѣйствіе притяженія земли, стремящееся приблизить ихъ къ ея центру. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ земной поверхности существуетъ граница, на которой между дѣйствіемъ притяженія и взаимнымъ отталкиваніемъ частицъ воздуха устанавливается равновѣсіе; граница эта есть вмѣстѣ съ тѣмъ граница атмосферы. Форма атмосферы не вполнѣ сферическая: она значительно болѣе, чѣмъ форма земли, растянута у экватора и сплюснута у полюсовъ. Это происходитъ отъ того, что форма атмосферы зависитъ не отъ одной формы земли; установленію ея еще содѣйствуютъ высокая температура экваторіальныхъ странъ, расширяющая воздухъ, и низкая температура полярныхъ странъ, уменьшающая объемъ его. Крайній математическій предѣлъ фигуры атмосферы, къ которому она стремится приблизиться, есть слѣдующій: діаметръ ея у полюсовъ долженъ быть на $^1/_3$ болѣе каждаго изъ діаметровъ ея у экватора. Много данныхъ имѣется у насъ въ пользу того положенія, что предѣла этого фигура атмосферы не достигла; но точное измѣреніе высоты и, слѣдовательно, фигуры ея, въ настоящее время для насъ невозможна, ибо мы не знаемъ закона уменьшенія температуры воздуха по мѣрѣ удаленія отъ земной поверхности. Съ возвышеніемъ температуры расширительная сила газовъ увеличивается, съ пониженіемъ температуры она уменьшается; изъ этого слѣдуетъ, что для насъ станетъ возможнымъ вычислить положеніе той

Библиотека "Руниверс"



Замокъ князей литовскихъ въ Вильнѣ до 1797 года. Рис. Дидрихъ, грав. Руганскій.

Библиотека "Руниверс"

точки, на которой дѣйствіе тяжести уравновѣшивается расширительною силой воздуха (слѣд. и высоту атмосферы)—только тогда, когда мы будемъ въ состояніи опредѣлить температуру близкихъ къ этой точкѣ слоевъ воздуха. Многіе ученые опредѣляли высоту атмосферы приблизительно; полученные ими результаты весьма различны. Основываясь на разныхъ гипотезахъ объ уменьшеніи температуры воздуха по мѣрѣ удаленія отъ земной поверхности, многіе приходили къ выводамъ, что величина высоты атмосферы заключается между 7 и 27 нѣмецкими милями. Но если справедливо то, что появляющіеся въ пространствѣ метеоры, извѣстные подъ названіемъ падающихъ звѣздъ, воспламеняются только въ нашей атмосферѣ, - то высота ея должна быть принята въ 34 мили, потому что падающія звѣзды наблюдались только въ этомъ разстояніи отъ земной поверхности. По закону Маріотта, плотность газа пропорціональна силѣ, производящей на него давленіе. Такъ какъ нижніе слои воздуха находятся подъ давленіемъ верхнихъ, то по мѣрѣ удаленія отъ земной поверхности плотность воздуха должна, такимъ образомъ, постепенно уменьшаться. Если не принимать въ разсчетъ вліянія температуры и положить плотность воздуха при уровнѣ моря =1, то это уменьшеніе представится въ слѣдующихъ числахъ:

На высотѣ въ миляхъ.	Плотность воздуха.
0,5	0,645
1	0,416
2	0,172
9	0,000375
20	0,000000024
30	0,000000000004

Изъ этой таблицы видно, что плотность воздуха на высотѣ въ 9 миль уже въ 2,700 разъ менѣе плотности его при уровнѣ моря; это позволяетъ намъ сдѣлать заключеніе, что воздухъ, удаленный отъ земной поверхности болѣе чѣмъ на 10 миль, составляетъ чрезвычайно малую часть атмосферы. Если бы воздухъ вездѣ имѣлъ ту же плотность, какую онъ имѣетъ при уровнѣ моря, то атмосфера имѣла бы около 1 мили высоты.

Если наполнить дугообразную трубку какою-нибудь жидкостью, то поверхность ея въ обоихъ колѣнахъ трубки расположится въ одной горизонтальной плоскости; если же наполнить такую трубку двумя разнородными не-смѣшивающимися жидкостями, то высоты столбовъ жидкостей будутъ обратно пропорціональны ихъ плотностямъ; ширина колѣнъ не играетъ при этомъ никакой роли: одно колѣно можетъ быть шире другаго. Возьмемъ теперь запаянную съ одного конца, прямую трубку длиною въ 60—70 сантиметровъ; наполнивъ ее ртутью и замкнувъ отверстіе ея пальцемъ, приведемъ ее въ такое положеніе, при которомъ запаянный конецъ ея находился бы вверху, а замкнутый пальцемъ внизу; погрузимъ на нѣсколько сантиметровъ этотъ послѣдній конецъ трубки въ чашку съ ртутью и отомкнемъ отъ отверстія палецъ; столбъ жидкости въ трубкѣ не понизится, хотя на основаніи только-что упомянутаго закона поверхность ея должна бы была расположиться въ одной горизонтальной плоскости; такое кажущееся отступленіе отъ закона происходитъ отъ того, что на поверхность ртути въ чашкѣ производится давленіе, препятствующее ртути въ трубкѣ выливаться изъ послѣдней; давленіе это, очевидно, можетъ быть приписано только атмосферѣ. Давленіе атмосферы имѣетъ предѣлъ; оно можетъ быть измѣрено посредствомъ прибора, извѣстнаго подъ названіемъ барометра. Устройство барометра и примѣненіе его къ измѣренію атмосфернаго давленія основано на слѣдующемъ. Если повторить предыдущій опытъ надъ трубкою, имѣющею около 80 сантиметровъ длины при другихъ равныхъ условіяхъ, то какъ только мы погрузимъ (на 1—2 сантиметра) замкнутый пальцемъ конецъ въ чашку съ ртутью и отомкнемъ отъ отверстія палецъ, столбъ ртути въ трубкѣ начнетъ понижаться; пониженіе это происходитъ отъ того, что онъ давитъ на свое основаніе сильнѣе, чѣмъ атмосфера на поверхность ртути въ чашкѣ; оно продолжается до тѣхъ поръ, пока оба эти давленія не уравновѣсятся. Барометръ (ртутный) въ сущности состоитъ изъ трубки, имѣющей около 80 сантиметровъ длины, запаянной съ одного конца и открытой съ другаго, наполненной ртутью и погруженной открытымъ концемъ въ чашку съ тою же жидкостью; разстояніе между поверхностями жидкости въ чашкѣ и трубкѣ (при равновѣсіи ртути въ приборѣ) называется высотою барометра; говорятъ, что барометръ *повышается* или *понижается*, когда вслѣдствіе перемѣны атмосфернаго давленія высота его увеличивается или уменьшается. Подъ 45° сѣверной широты высота барометра равна 760 миллиметрамъ; слѣдовательно, давленіе атмосферы на данную поверхность равно тамъ давленію ртутнаго столба высотою въ 760 миллиметровъ на ту же поверхность. Замѣтимъ, что вѣсъ ртутнаго столба высотою въ 750 миллиметровъ принимается за среднее атмосферное давленіе при морскомъ уровнѣ. На поверхность въ 1 кв. сантиметръ протяженія атмосфера производитъ такимъ образомъ давленіе, равное вѣсу 76 куб. сантиметровъ ртути или 1034 граммамъ.

Поверхность тѣла взрослаго человѣка, которая среднимъ числомъ имѣетъ 1,96 кв. метра протяженія, выдерживаетъ атмосферное давленіе почти въ 20,000 килограммовъ. Мы выносимъ такое давленіе только потому, что оно дѣйствуетъ на насъ со всѣхъ сторонъ; воздухъ проникаетъ въ наше тѣло, и мы испытываемъ одинаковыя давленія какъ извнутри, такъ и снаружи; давленія эти, такимъ образомъ, уравновѣшиваются. То, что воздухъ проникаетъ въ наше тѣло, доказывается нижеприводимымъ опытомъ; болѣзненныя ощущенія, испытанныя всходившими на высокія горы, также подтверждаютъ это. Помѣстимъ подъ колоколъ воздушнаго насоса какое-нибудь животное и начнемъ выкачивать изъ-подъ него воздухъ; внѣшній воздухъ, окружающій животное, будетъ разрѣжаться весьма быстро, тогда какъ воздухъ заключенный въ тканяхъ животнаго—будетъ выходить изъ нихъ весьма медленно; вслѣдствіе этого нѣкоторые сосуды животнаго, уже умершаго отъ недостатка подъ колоколомъ кислорода, разорвутся и трупъ его раздуется.

У путешественниковъ, всходившихъ на высокія горы, часто бывали кровоизліянія изъ носа и изо рта; происходило это отъ того, что нѣкоторыя изъ волосныхъ сосудовъ ихъ организма, имѣющихъ очень тонкія стѣнки, разрывались отъ уменьшеннаго внѣшняго давленія воздуха. Кромѣ того, уменьшавшееся внѣшнее давленіе воздуха вовсе не облегчало имъ восхожденія на горы; оно, напротивъ, производило то, что они чувствовали тягость въ рукахъ и ногахъ. Верхняя головка нашего бедра, имѣющая совершенно гладкую поверхность, входитъ въ гладкую и влажную впадину таза, плотно прилегая къ ней. Повидимому, эта головка держится во впадинѣ благодаря тонкому сосудистому члену, связывающему ее съ чашкой таза, и находящимся здѣсь мускуламъ и жиламъ. На самомъ дѣлѣ это происходитъ по другой причинѣ. Если на ногѣ трупа перерѣзать всѣ тѣ члены, которые повидимому поддерживаютъ головку бедра во впадинѣ таза, то, вслѣдствіе собственнаго вѣса и довольно значительнаго вѣса ноги, головка бедра должна бы была отдѣлиться отъ чашки таза; но она не отдѣляется даже въ томъ случаѣ, если еще нѣсколько увеличить вѣсъ ноги, привязавъ къ ней что-нибудь. Братьямъ Веберъ первымъ пришло на мысль, что головка бедра держится въ чашкѣ таза вслѣдствіе атмосфернаго давленія. Въ самомъ дѣлѣ, если удалить всѣ оболочки головки бедра и чашки таза и пробуравить въ послѣдней отверстіе, то нога немедленно упадетъ, какъ только воздухъ, прошедшій въ это отверстіе, коснется головки бедра; если головку вставить вновь во впадину таза и закрыть отверстіе пальцемъ, то нога будетъ держаться на чашкѣ до тѣхъ поръ, пока отверстіе не будетъ открыто. Суда по протяженію головки бедра, давленіе внѣшняго воздуха, благодаря которому она держится въ чашкѣ таза, равно 30 килограммамъ. Такое же значеніе имѣетъ атмосферное давленіе и по отношенію къ рукѣ. Мускулы служатъ только для движенія, а не для поддержанія костей рукъ и ногъ на своихъ мѣстахъ. На высокихъ горахъ, гдѣ, напримѣръ, барометръ понижается на половину своей высоты при уровнѣ моря и гдѣ поэтому атмосферное давленіе вдвое меньше чѣмъ при уровнѣ моря, мускуламъ нужно замѣнить это уменьшившееся давленіе; это и служитъ причиною тяжести въ рукахъ и ногахъ при восхожденіи на высокія горы,—тотчасъ же исчезающей, лишь только сѣли, и появляющейся вновь, лишь только сдѣлали еще нѣсколько шаговъ. По давленію атмосферы можно найдти ея вѣсъ. Уменьшивъ среднюю высоту барометра на такую ея часть, которая соотвѣтствуетъ давленію содержащагося въ воздухѣ водянаго пара, мы найдемъ, что при давленіи одного сухаго воздуха высота барометра при уровнѣ моря должна быть круглымъ числомъ равна 0,75 метра. Вѣсъ сухаго воздуха равенъ, такимъ образомъ, вѣсу распространеннаго по земной поверхности слоя ртути высотою въ 0,75 метра или вѣсу окружающаго землю слоя воздуха высотою въ 0,75×10513,5=7885,125 метра при той плотности его, которою онъ имѣетъ при 0°C и 760 миллиметрахъ высоты барометра. Объемъ такого слоя воздуха болѣе 4,025,900,000,000,000 куб. метровъ; вѣсъ его простирается до 5,2 трилліоновъ килограммовъ.

Когда говорятъ о физическихъ свойствахъ атмосферы, то разсматриваютъ ее какъ совершенно сухую и не содержащую углекислоты. Такой воздухъ употребляется и для изслѣдованій надъ свойствами газовъ. При нагрѣваніи на 1°C, сухой воздухъ увеличивается на 0,003665 ($\frac{1}{273}$) своего объема при 0°; коэффиціентъ расширенія его, такимъ образомъ, равенъ 0,003665; законъ Маріотта лишь при давленіи довольно большаго числа атмосферъ получаетъ по отношенію къ такому воздуху приблизительную точность. 1 литръ сухаго воздуха, не содержащаго углекислоты, при 0° и 760 миллиметрахъ высоты барометра вѣситъ 1,2932 грамма. При 0° воздухъ въ 773 раза легче воды при 4°; его удѣльный вѣсъ (водородъ=1) 14,472. Обыкновенный удѣльный вѣсъ воздуха при 0° и высотѣ барометра въ 760 миллиметровъ—принимается за единицу удѣльныхъ вѣсовъ газовъ.

Температура окружающаго насъ воздуха есть результатъ многихъ причинъ. Нагрѣваніемъ земли мы обязаны исключительно солнцу. Повидимому, лучи его производятъ на поверхность земли не все свое согрѣвающее дѣйствіе, которое они могли бы произвести, если бы не было атмосферы; пройдя атмосферу, они повидимому теряютъ часть своей теплоты. Эта кажущаяся потеря теплоты солнечныхъ лучей происходитъ отъ того, что, при прохожденіи ими нашей атмосферы, часть ихъ поглощается ею и превращается въ ощущаемую нами теплоту. До сихъ поръ

Библиотека "Руниверс"

не удалось строго опредѣлить величину поглощаемой атмосферою части теплоты солнечныхъ лучей; по вычисленіямъ Пулье атмосфера поглощаетъ 60% всей теплоты, а по вычисленіямъ Форбеса только 47%. Замѣтимъ, что съ измѣненіемъ количества водяныхъ паровъ, содержащихся въ атмосферѣ, измѣняется и способность ея къ поглощенію теплоты солнечныхъ лучей; по изслѣдованіямъ Магнуса, сухой воздухъ даже совсѣмъ не поглощаетъ теплоты.

Вполнѣ доказано то, что испускаемые свѣтящимися тѣлами тепловые лучи легко проникаютъ воздухъ, тогда какъ лучи испускаемые темными тѣлами по большей части поглощаются имъ. Солнечные лучи достигаютъ земной поверхности съ меньшею—сравнительно съ лучами земли при прохожденіи послѣдними атмосферы—потерею теплоты и нагрѣваютъ твердую землю и воду. Теплота, которую въ свою очередь испускаютъ послѣднія, проникаетъ воздухъ лишь съ большимъ трудомъ; земля поэтому охлаждается медленно—и теплота ея лучей идетъ главнымъ образомъ на нагрѣваніе слоевъ воздуха, поглощающихъ тѣмъ большую часть этихъ лучей, чѣмъ они плотнѣе. Охлажденіе земли постепеннѣе и меньше въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прилежащіе къ ней слои воздуха плотнѣе; въ низменностяхъ ово поэтому меньше, чѣмъ на высокихъ горахъ; при одной и той же географической широтѣ, при уровнѣ моря нужно ожидать болѣе высокой температуры, чѣмъ на высокихъ горахъ, хотя солнце къ послѣднимъ ближе чѣмъ къ уровню моря.

(Окончаніе будетъ).

Замокъ князей литовскихъ въ Вильнѣ.

Вильна, какъ и всякій древній городъ, не лишена поэтическихъ легендъ о своемъ основаніи, разсказывающихъ о зубрѣ убитомъ Гедиминомъ, о снѣ его растолкованномъ жрецомъ Кривэ-Кривэйте и т. д. Преданія обыкновенно заключаютъ въ себѣ нѣкоторую долю истины; какъ бы то ни было, зубръ или какая иная причина послужила поводомъ, но исторія сохранила намъ извѣстіе о томъ, что первый замокъ дѣйствительно заложенъ Гедиминомъ въ 1322 году на горѣ, называвшейся Замковою. Съ нея-то, по мѣрѣ расширенія потребностей или по мѣрѣ увеличенія числа придворныхъ, которые не могли помѣститься на тѣсной вершинѣ горы, замокъ князей литовскихъ спустился за Виленку и началъ расширяться по долинѣ Свенторога. Такимъ образомъ, въ XIV вѣкѣ является замокъ нагорный и дольній, первый весь каменный, второй—деревянный, обнесенный палисадомъ и рвомъ, а затѣмъ каменною стѣною, и соединявшійся съ нагорнымъ крытыми переходами и галлереями.

Дольній замокъ, по свидѣтельству историковъ, съ окружающими его зданіями храма Перкуна (Перуна литовскаго), домомъ верховнаго священнослужителя и прочими, составлялъ укрѣпленный городъ, подъ защитою нагорной твердыни. Назывался онъ по литовски *Крэвай-пилисъ*, т. е. городъ крови, откуда произошли искаженныя русское и польское названіе *Кривой городъ*. Впрочемъ властители рѣдко жили въ этихъ укрѣпленіяхъ. Оба замка, неоднократно подвергавшіеся нападеніямъ тевтонскихъ рыцарей и разрушаемые ими, должны были представлять обширную крѣпость; такъ напр. во время войны 1396 года въ нихъ помѣщалось до 14,000 войска. Только при Александрѣ Ягеллонѣ (1494—1505) дольній замокъ, заново отдѣланный, предназначенъ былъ для помѣщенія супруги его Елены, дочери царя Іоанна Васильевича. Здѣсь же помѣщался блестящій дворъ ея, составленный прибывшими изъ Москвы боярами и дворянами; королева, любительница зодчества, еще болѣе украсила замокъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, оба замка были уничтожены пожаромъ; возобновилъ ихъ Сигизмундъ I, а еще болѣе впослѣдствіи Сигизмундъ Августъ, который, какъ извѣстно, любилъ красивую Вильну. Тутъ онъ жилъ съ первою своей женою Елисаветою, эрцгерцогинею австрійской, дочерью императора Фердинанда I, которая и умерла въ виленскомъ замкѣ (1546 г.); тутъ же разыгрался его историческій романъ съ Варварою Радзивилъ, красавицей вдовою Гатшольда и много другихъ.

То была блестящая эпоха дольняго замка. Весь каменный, выстроенный въ итальянскомъ стилѣ, онъ занималъ огромное пространство съ принадлежащими къ нему пристройками и зданіями, становясь чуть не отдѣльнымъ отъ Вильны городомъ. Одна сторона его громаднаго четвероугольника примыкала къ замковой горѣ, заключая въ себѣ отдѣльныя помѣщенія короля и королевы; далѣе былъ домъ подскарбія, службы, казармы драбантовъ, сторожевая вышка надъ самой Виліей, конюшни, псарни, арсеналъ и проч. и проч. По смерти Сигизмунда Августа коронованныя особы лишь изрѣдка поселялись въ замкѣ. Въ XVIII вѣкѣ гостила здѣсь Констанція, вторая жена Сигизмунда III, почему и замокъ былъ обновленъ и украшенъ шведскимъ мраморомъ. Владиславъ IV, нѣсколько разъ посѣщая Вильну, занималъ еще нѣкоторые покои въ замкѣ; остальные были предназначены для различныхъ административныхъ учрежденій. Здѣсь засѣдали различные трибуналы и комиссіи, занимали ихъ воеводы и другіе начальники. Затѣмъ въ шведскую войну 1655 — 1661 гг. онъ былъ до того разрушенъ, что уже не переставалъ приходить въ упадокъ до самыхъ раздѣловъ Польши.

Политическое обозрѣніе.

Возстаніе въ Герцеговинѣ съ каждымъ днемъ принимаетъ все большіе и большіе размѣры. Пользуясь благопріятными условіями мѣстности, инсургенты заманиваютъ турокъ въ горы и тамъ наносятъ имъ весьма чувствительныя потери. Къ небольшой горсти возставшихъ, поднявшихъ знамя возстанія, ежедневно, съ разныхъ сторонъ, изъ Сербіи, Черногоріи и Далмаціи, прибываютъ новыя банды и привозятъ боевые припасы и оружіе. Успѣхъ нѣсколькихъ стычекъ съ мусульманами придалъ славянамъ смѣлости настолько, что они рѣшились обложить крѣпость Требинье и столицу Герцеговины, которую и осаждаютъ самымъ правильнымъ образомъ; всѣ деревни вокругъ этого мѣста сожжены осаждающими и турецкій гарнизонъ не посмѣлъ помѣшать этому; небольшія же вылазки его до этого окончились весьма чувствительнымъ урономъ для турокъ. Мусульманскія войска хотя и прибываютъ, но они не любятъ драться въ горахъ, а въ Герцеговинѣ происходитъ именно горная война, такъ что конецъ ея предвидѣть трудно. Инсургентамъ же только того и хочется, чтобы борьба протянулась какъ можно дольше и вовлекла въ возстаніе остальныхъ турецкихъ славянъ, вызвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дипломатическое вмѣшательство со стороны первостепенныхъ державъ. Впрочемъ, силы инсургентовъ и теперь настолько уже значительны, что могутъ противостоять разстроеннымъ и недовольнымъ турецкимъ войскомъ. Въ рядахъ возставшихъ насчитывается въ настоящее время (29-е августа) до 10,000 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 3,000 герцеговинцевъ и босняковъ, 800 черногорцевъ и 6,200 далматинцевъ, кроатовъ и морлаковъ. Предводителями ихъ называютъ двухъ австрійскихъ подданныхъ, по всей вѣроятности далматинцевъ, Стефана Боронека и Милана Радошича. Увѣряютъ, что въ рядахъ инсургентовъ находится не мало и австрійскихъ мундировъ, богъ-вѣсть какимъ образомъ пробравшихся черезъ границу. Къ этому необходимо прибавить, что войска возставшихъ вооружены не какими нибудь кремневками, а новѣйшими ружьями, австрійскаго и англійскаго образцевъ, заряжаемыми съ казенной части, что боевые снаряды безпрепятственно подвозятся къ нимъ съ запада—черезъ Рагузу и съ юга черезъ Цетинье, т. е. изъ Далмаціи и Черногоріи. Напротивъ того, съ турецкой стороны слышатся жалобы на разстройство въ войскахъ, которыя должны рисковать жизнью неизвѣстно за что и для чего; жалованья имъ не платятъ; съѣстные припасы отпускаются въ недостаточномъ количествѣ; обращеніе съ ними весьма грубое. Нѣтъ ничего мудренаго послѣ этого, если при первой опасности они пускаются въ бѣгство или сдаютъ оружіе побѣдителямъ, а захвативъ плѣнныхъ, расправляются съ ними по турецки—отсѣкаютъ головы и выставляютъ ихъ на показъ инсургентамъ, или же перебрасываютъ черезъ крѣпостную стѣну въ лагерь осаждающихъ. Армія возставшихъ раздѣляется на 4 корпуса, которые дѣйствуютъ не отдѣльно другъ отъ друга, а повинуются одному общему начальнику и выполняютъ заранѣе составленный планъ. Это обстоятельство заставляетъ предполагать, что предпріятіе было задумано заблаговременно, съ извѣстною, опредѣленною цѣлью и заранѣе разсчитанными средствами. Нельзя скрыть и того, что при выполненіи этого плана большія надежды возлагаются на сосѣднихъ братьевъ-славянъ, въ особенности же на черногорцевъ, сербовъ и далматинцевъ. Дѣйствительно, если возстаніе не будетъ прекращено своевременно, князю Николаю Черногорскому и князю Милану Сербскому невозможно будетъ долѣе удерживать своихъ подданныхъ отъ вмѣшательства въ герцеговинскую распрю,—и тогда революція охватитъ всю сѣверную часть Балканскаго полуострова. Симптомы этого проявляются уже теперь: въ Босніи нѣкоторыя поселенія отказались платить налогъ и подняли знамя бунта; изъ Далмаціи ежедневно прибываютъ подкрѣпленія инсургентамъ; въ Черногоріи и Сербіи открыто собираются подписки въ пользу герцеговинцевъ; неспокойно и въ Чехіи, откуда такъ же собираются небольшія банды на помощь несчастнымъ братьямъ въ Герцеговинѣ. Даже въ Румыніи начинаютъ волноваться; одни только болгары остаются пока спокойными. Наконецъ, симпатіи къ герцеговинцамъ возрастаютъ и въ средѣ другихъ національностей, повидимому совершенно чуждыхъ славянству: такъ, изъ Праги на театръ войны отправилось нѣсколько десятковъ французовъ и итальянцевъ, а извѣстный боецъ за вталь-

Библиотека "Руниверс"

янскую независимость Гарибальди посылаетъ туда двухъ своихъ сыновей; въ Герцеговину же, по слухамъ, отправился и итальянскій полковникъ Джузеппе Буоттесъ, участвовавшій въ 1859 года во всѣхъ походахъ своихъ соотечественниковъ; онъ уѣхалъ въ Далмацію въ сопровожденіи многихъ изъ своихъ приверженцевъ и друзей, собравшихся къ нему изъ Пьемонта и Ломбардіи. Всѣ они намѣрены принять участіе въ герцеговинскомъ возстаніи. Если бы въ борьбѣ приняли участіе всѣ славянскіе народности Балканскаго полуострова, то она приняла бы грозные размѣры даже для самой Турціи. Черногорія въ такомъ случаѣ могла бы выставить свои 24 пушки и до 24,000 солдатъ; Сербія, въ случаѣ крайности, соберетъ до 130,000 человѣкъ при 200 орудіяхъ; наконецъ, Румынія располагаетъ въ настоящее время 135,000 отлично вооруженнаго и обученнаго по германскому образцу войска. Всѣ вмѣстѣ эти три государства могли бы выставить, на защиту общаго дѣла, вооруженную силу въ 291,720 человѣкъ, болѣе чѣмъ съ 300 орудій. Для такой силы не страшны будутъ и 190,000 человѣкъ, которыми въ настоящее время располагаетъ Турція.

Главнокомандующимъ турецкихъ войскъ въ Герцеговинѣ и Босніи назначенъ Неджибъ-паша, который уже принялъ начальство надъ войсками и получаетъ постоянныя подкрѣпленія изъ Константинополя моремъ, черезъ Клекъ, гдѣ обыкновенно высаживаются турецкіе батальоны; сухимъ путемъ, черезъ горы, Турція не рѣшается посылать своихъ войскъ—изъ опасенія потерять ихъ совершенно въ битвахъ съ горцами, скрывающимися въ хорошо-извѣстныхъ имъ ущельяхъ и на скалистыхъ горныхъ вершинахъ. Такое некрасивое для турокъ положеніе дѣлъ не мѣшаетъ имъ, однако, производить прежнія неистовства и поддерживать ту политику грабежа и убійства, которой они никогда не измѣняли. Убіеніе плѣнныхъ, полное разореніе края, насиліе надъ женщинами, поруганіе святыни—вотъ обыкновенныя средства мусульманъ заставить уважать себя... Чтобы показать, въ какой степени было справедливо турецкое управленіе по отношенію къ христіанскимъ подданнымъ, приведемъ слѣдующій примѣръ. Въ Босніи и Герцеговинѣ установлены три налога, которые несутъ на себѣ въ ровной мѣрѣ какъ мусульмане, такъ и христіане, а именно: 1) десятая часть произведеній земли, 2) поземельные налоги съ каждаго двора, 3) подати, взимаемыя на покрытіе расходовъ по содержанію турецкихъ чиновниковъ. На христіанскомъ же населеніи, кромѣ того, лежатъ еще тяжкимъ бременемъ слѣдующіе налоги: а) за освобожденіе отъ военной службы, б) за право винокуренія и в) за право производить убой скота для употребленія въ пищу. Таможенныя пошлины распредѣлены также неравномѣрно: магометане платятъ только 3%, христіане-туземцы 7%, а иностранцы 5% со стоимости товара. Или напримѣръ турки, не смѣя открыто препятствовать богослуженію христіанъ, въ то-же время требуютъ, чтобы православныя церкви не запирались никогда. Зная по опыту, что оставлять церковь незапертою значило бы подвергать ее всяческому поруганію и даже грабежу, христіане, обыкновенно, по окончаніи богослуженія, уносятъ съ собой всѣ священные предметы: иконы, ризы, сосуды и проч. и держатъ ихъ въ домахъ до новаго богослуженія. «Кметы», т. е. съемщики земли у мусульманъ-землевладѣльцевъ, терпятъ отъ этихъ послѣднихъ также безконечныя притѣсненія, а нерѣдко побои и преслѣдованія. И такъ во всемъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если наболѣвшее сердце герцеговинца, наконецъ, не вытерпѣло, и народъ поднялся весь, поголовно, на своихъ заклятыхъ враговъ и притѣснителей.

Въ газетѣ «Times» напечатана на дняхъ весьма важная телеграмма изъ Берлина, отъ 29 августа, въ которой говорится, что австрійскій посланникъ въ Константинополѣ указалъ Портѣ на необходимость дарованія Герцеговинѣ нѣкоторой самостоятельности, на подобіе той, которая предоставлена кандіотамъ; но Порта упрямо отказалась отъ добраго совѣта и объявила, что приступитъ къ реформамъ въ Герцеговинѣ лишь по подавленіи возстанія. Такой отказъ, вѣроятно, усложнитъ существующія затрудненія, такъ-какъ христіане, наученные горькимъ опытомъ, не повѣрятъ обѣщаніямъ турецкаго правительства и, слѣдовательно, будутъ тянуть борьбу до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, турки не будутъ принуждены къ выполненію своихъ обѣщаній силою обстоятельствъ и вторичнымъ совѣтомъ со стороны первостепенныхъ державъ, который на тотъ разъ будетъ, вѣроятно, болѣе настойчивымъ. Весьма вѣроятно также, что Сербія сохраняетъ свой нейтралитетъ только для того, чтобы не предоставить Турціи возможности проводить свои войска въ Герцеговину сухимъ путемъ, черезъ сербскія земли. Въ противномъ случаѣ, если бы Сербія вступила въ борьбу съ Турціей,—послѣдней открылся бы черезъ княжество легкій доступъ въ Герцеговину и не было бы надобности посылать свои войска моремъ, черезъ Клекъ. Между тѣмъ Сербія не дремлетъ и, ввиду весьма возможнаго нападенія, держитъ на своей границѣ 15-тысячный обсерваціонный корпусъ. Порта, съ своей стороны, сосредоточиваетъ у Ниссы, близь сербской границы, войска и, какъ полагаютъ, рѣшилась занять Сербію при первомъ же случаѣ.

Смѣсь.

Изъ жизни шимпанзе. Въ одномъ изъ своихъ чтеній въ антропологическомъ обществѣ, извѣстный естествоиспытатель и бывшій директоръ берлинскаго акваріума, др Бремъ, передалъ нѣсколько весьма интересныхъ подробностей объ умственномъ развитіи шимпанзе. Между прочимъ Бремъ разсказывалъ слѣдующее:

Шимпанзе, котораго я имѣлъ въ Гамбургѣ и часто бралъ съ собой гулять, отчасти позволяя ему бѣжать на свободѣ, отчасти ведя его на шнуркѣ,—выказывалъ уваженіе къ людямъ и неуваженіе къ звѣрямъ. Звѣри однако интересовали его, и когда онъ мало по малу привыкъ къ нимъ, то стоило сказать одно слово, чтобы обратить его вниманіе на то или другое животное. Если напримѣръ служитель кричалъ: «Молли»—любимое имя, даваемое служителями обезьянамъ - «Молли, посмотрика на утокъ!» — Молли смотрѣла на птицъ. «Но, Молли, вѣдь ты смотришь на гусей!» и когда ему во второй разъ показывали утокъ, онъ уже отлично зналъ ихъ. Если намъ попадались на встрѣчу мальчики, то онъ замахивался на нихъ плеткой, которую носилъ съ собой. Если же намъ встрѣчались дѣвушки, и онъ хотѣлъ поднять на нихъ плеть, то стоило только сказать: «Фуй, Молли, вѣдь это дѣвочки!» и онъ въ ту же минуту опускалъ плеть и протягивалъ руку. Сотоварищей своихъ, обезьянъ, онъ также постоянно обижалъ. У насъ было въ то время нѣсколько экземпляровъ гамадріасовъ (павіановъ), этихъ древнихъ божествъ съ ихъ выраженіемъ вѣчной міровой печали на строгихъ лицахъ. Гамадріасы, безспорно, почтеннѣйшіе между павіанами, возбуждали особенный гнѣвъ шимпанзе, и именно своей безразсудной, можно пожалуй сказать, высокомѣрной яростью. Всякій разъ какъ шимпанзе показывался имъ на глаза, они впадали въ величайшее безпокойство и волненіе; а Молли, въ отмѣстку за это, брала плеть и сквозь рѣшетку хлестала направо и налѣво своихъ почтенныхъ родственниковъ.

Послѣдній экземпляръ шимпанзе, полученный нами, поступилъ къ намъ больной, въ самомъ жалкомъ состояніи. Служитель берлинскаго акваріума сталъ ухаживать за животнымъ съ истинно-материнскою нѣжностью. Уже черезъ три дня, бѣдная больная обезьяна отлично знала, какого друга она имѣетъ въ этомъ служителѣ. Она тогда же сильно привязалась къ своему покровителю, а въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ взаимная ихъ любовь возрасла до того, что я не видывалъ ничего подобнаго. Этого служителя можно было поистинѣ назвать «матерью» шимпанзе, потому что назвать его «отцомъ» мало, а Молли была послушнѣйшимъ и нѣжнѣйшимъ ребенкомъ въ мірѣ. Само собою разумѣется, что великодушный человѣкъ не держался того узкаго мнѣнія, что только «образъ и подобіе Божіе» одарено разумомъ, а всѣ остальныя сознанія имѣютъ одинъ инстинктъ; напротивъ, онъ обращался съ животнымъ какъ люди обращаются съ милымъ ребенкомъ. Вслѣдствіе этого шимпанзе въ весьма короткое время усвоилъ себѣ человѣческіе обычаи и привычки до такой степени, что во многихъ отношеніяхъ могъ бы пристыдить не одного человѣка. Что онъ ѣлъ ножемъ и вилкой, употреблялъ какъ мы ложку, мѣшалъ въ чаѣ сахаръ, пока онъ совсѣмъ не расходился, бралъ кусочки хлѣба изъ чая не пальцами, а ложечкой—все это пошло быстро, и собственно говоря, считалось въ порядкѣ вещей. Такъ какъ служитель жилъ въ одномъ помѣщеніи съ своей воспитанницей, то онъ не могъ переносить ея звѣриныхъ привычекъ, а долженъ былъ имѣть въ ней товарища, который бы раздѣлялъ съ нимъ его привычки. И удивительно, съ какой необыкновенной быстротой умѣлъ шимпанзе примѣниться къ такой жизни. Въ этомъ собраніи присутствуютъ господа, бывшіе сами свидѣтелями, какъ этотъ шимпанзе былъ приведенъ въ общество моихъ друзей, чтобы замѣнить одного гостя, который къ сожалѣнію не могъ быть. Молли приведена была въ общество уже выпивши нѣсколько рюмокъ вина, слѣдовательно настроенная быть любезной, и посажена на стулъ. Вела она себя такъ, что это послужитъ вѣчной славой всей обезьяньей породѣ. Вопервыхъ, она взяла бутылку вина, чтобы налить себѣ рюмку—такъ по человѣчески, какъ это только возможно вообразить. Затѣмъ, взявъ рюмку въ руку, она чокнулась съ своими сосѣдями справа и слѣва. Послѣ этого она придвинула къ себѣ тарелку, и когда ей положили кушанье, стала ѣсть, очень искусно владѣя вожемъ и вилкой, какъ ее учили прежде. Она какъ слѣдуетъ пила и ѣла, впрочемъ больше пила, что вѣдь вполнѣ и соотвѣтствовало обстоятельствамъ. Мало по малу наша необыкновенная гостья пришла въ самое веселое расположеніе духа, шалила, и позволяла шутить съ собой какъ угодно, такъ что наконецъ я пришелъ къ убѣжденію, что всѣ мои гости гораздо болѣе занимались шимпанзе, чѣмъ другъ другомъ.

Нечего и говорить, что онъ былъ слишкомъ благовоспитанъ, чтобы позволять себѣ какія-либо невѣжества. Онъ отлично зналъ всѣхъ насъ, любилъ насъ и нисколько не боялся. Ему никогда и въ голову не приходило обидѣть кого либо изъ насъ. Мы безъ опасенія пускали его бѣгать на свободѣ, разумѣется

Библиотека "Руниверс"

не безъ присмотра, потому что это былъ четырехлѣтній ребенокъ, а за таковымъ всегда долженъ быть присмотръ, хотя бы это было и человѣческое дитя.

Время шимпанзе зналъ очень вѣрно. Утромъ онъ просыпался на своей кровати. Ночь онъ проводилъ въ разнообразныхъ позахъ; въ теплую погоду онъ спалъ поджавъ руки подъ голову, какъ это дѣлаютъ люди; въ холодную натягивалъ на себя одѣяло и весь закутывался въ него. Впослѣдствіи онъ въ совершенствѣ научился владѣть одѣяломъ, и драпировался имъ точно молодой испанецъ своимъ плащемъ. Онъ закутывался въ него на всевозможные лады, и я увѣренъ, что если бы кто показалъ ему граціозные пріемы испанца, онъ исполнялъ бы эти движенія съ такой же увѣренностью. Такимъ образомъ онъ возился цѣлый день, давая себѣ лишь изрѣдка минутные отдыхи.

Каждый день придумывалъ онъ новыя упражненія; всѣ даваемые ему гимнастическіе приборы онъ умѣлъ употреблять надлежащимъ образомъ. Просто весело было на него смотрѣть. При этомъ онъ былъ весьма воспріимчивъ какъ къ похваламъ, такъ и къ порицанію, разумѣется не относительно публики. До этой чужой, платящей публики ему не было никакого дѣла. Но когда приходилъ кто нибудь изъ насъ, то онъ принимался за свои гимнастическія упражненія съ такимъ рвеніемъ, точно старательный школьникъ на экзаменѣ. Ему хотѣлось показать что онъ знаетъ. Къ вечеру онъ становился безпокоенъ, а за часъ до закрытія акваріума начиналъ жалобно кричать. Служитель не смѣлъ отходить отъ него, покрайней мѣрѣ никакъ не къ выходу. Самое большое что онъ ему позволялъ — это уходить въ отдѣленіе для корма, потому что оттуда онъ долженъ былъ проходить опять мимо него. Но какъ скоро служитель направлялся къ выходу, то животное бросалось на спину, махало руками и ногами, какъ капризный ребенокъ, громко визжало, однимъ словомъ вело себя самымъ негоднымъ образомъ. Когда же его выпускали изъ клѣтки и уводили въ его комнату, оно опять дѣлалось веселымъ и счастливымъ. Самой любимой порой нашего шимпанзе былъ ужинъ. Хотя онъ ежедневно получалъ лакомства, не говоря уже о разныхъ сластяхъ, какими угощала его публика, но онъ предпочиталъ всему этому домашній столъ, а въ особенности чай. Если экономка мѣшкала, то онъ стучался къ ней въ дверь, а когда она выходила, онъ привѣтствовалъ ее радостными: О! О! О! Затѣмъ онъ садился за столъ и ужиналъ вмѣстѣ съ служителемъ.

Животное росло и съ каждымъ днемъ становилось интереснѣе. Вдругъ у него сдѣлалось воспаленіе въ легкихъ, перешедшее въ чахотку, по крайней мѣрѣ такъ увѣрялъ нашъ докторъ. Въ то же время у него открылось нагноеніе шейныхъ желѣзъ. Я послалъ къ одному знакомому доктору, прося его заѣхать ко мнѣ. Онъ не понялъ въ чемъ дѣло, и спросилъ въ моей квартирѣ, кто болѣнъ въ семействѣ, и когда моя жена сказала: «Должно быть это для шимпанзе», то онъ видимо разсердился и отвѣчалъ: «Ну, до обезьянъ я еще до сихъ поръ не дошелъ!»

Я пригласилъ другаго доктора. Животное вело себя съ симъ послѣднимъ чрезвычайно умно. Само протягивало ему руку, чтобы дать пощупать пульсъ, а когда надо было принимать лекарство, то достаточно было чтобы служитель сказалъ: «Молли, ты должна это принять!» и она тотчасъ же слушалась приказанія. Больное животное вело себя въ этомъ случаѣ гораздо лучше многихъ дѣтей, которыхъ иногда ничѣмъ не уговоришь принять ложку лекарства.

Къ сожалѣнію ничто не могло спасти животное. Глаза его становились все мутнѣе и мутнѣе и получили страдальческое выраженіе. Наступилъ послѣдній часъ нашего любимаго шимпанзе. Онъ еще разъ съ благодарностью посмотрѣлъ въ лицо служителя, протянулъ ему руку, повернулъ голову на другую сторону и умеръ.

Вотъ наблюденія, за вѣрность которыхъ я вполнѣ ручаюсь.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Павловна, 19-го августа, въ 12 час. 5 мин. пополуночи, въ Царскомъ Селѣ, благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ, наименованнымъ при святой молитвѣ Александромъ.

Дѣла церкви.

— Богатая, единственная въ Россіи коллекція древнихъ иконъ всѣхъ школъ и образцовъ древней русской иконописи г. Сорокина поступаетъ, — пишутъ въ «Кіев. Губ. Вѣдомостяхъ», — въ собственность археологическаго музея Кіевской духовной академіи. Знаменитая коллекція эта пріобрѣтается въ музей за 12.000 руб., благодаря усердію одного благотворителя, имя котораго пока остается неизвѣстнымъ. Скромный музей при кіевской академіи обѣщаетъ, такимъ образомъ, сдѣлаться замѣчательнымъ по отдѣлу иконописи, а послѣ предполагаемаго помѣщенія въ этотъ музей старопечатныхъ книгъ изъ всѣхъ церковныхъ библіотекъ Кіева и юго-западнаго края будетъ также весьма богатъ и отдѣлъ старопечатныхъ книгъ. Одинъ изъ самыхъ видныхъ вкладчиковъ музея, ученый настоятель нашей миссіи въ Іерусалимѣ, архимандритъ Антонинъ, препровождаетъ въ музей весьма замѣчательную археологическую рѣдкость — моавитскаго идола въ ростъ человѣка. Въ музеѣ есть уже нѣсколько экземпляровъ глиняныхъ моавитскихъ идоловъ небольшихъ размѣровъ (4 — 5 вершковъ); къ сожалѣнію, подлинность ихъ въ послѣднее время подверглась нѣкоторому сомнѣнію, вслѣдствіе открытія въ Іерусалимѣ поддѣлокъ подобнаго рода предметовъ. Ожидаемый идолъ несомнѣнно подлинный и выдерживаетъ самую строгую критику археологовъ.

— Въ „Церковный Вѣстникъ» сообщаютъ, что Екатеринославское духовенство намѣревается съ сентября текущаго года торжественно праздновать столѣтній юбилей со времени основанія екатеринославской епархіи. Екатеринославско-таганрогская епархія учреждена въ 1775 г. подъ именемъ славянской въ Полтавѣ; въ 1786 году переименована въ екатеринославскую; каѳедра въ Екатеринославѣ съ 1803 года.

Народное просвѣщеніе.

— Въ послѣднее время открыты одноклассныя начальныя народныя училища вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія: въ м. Березномъ, Ровенскаго уѣзда Волынской губерніи, и въ селахъ Нестоитѣ и Пужайковѣ, Балтскаго уѣзда Подольской губерніи; Поповское, Ново-Юрковичское, Азарнчское, Ново-Крупецкое, Бобовичское, Завидовское и Чеботовичское Могилевской губерніи Гомельскаго уѣзда, Святошицкое, Савское и Шавневское — Горецкаго уѣзда, Голеневское — Чаусовскаго и Высоцкое — Оршанскаго уѣзда.

— Недавно открытъ въ Севастополѣ первый книжный магазинъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Очерки русской литературы. Михайло Васильевичъ Ломоносовъ (съ портретомъ). — Орелъ-дѣвка (изъ жизни въ тирольскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Бирхъ. — Дѣтскіе силуэты Бема (съ 3-мя рисунками). — Слюжный король (изъ галлереи маленькихъ картинокъ (съ рисункомъ). — Земная атмосфера. — Замокъ князей литовскихъ въ Вильнѣ (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Разныя извѣстія.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Учебное заведеніе 1-го разряда
съ полнымъ курсомъ **Классической гимназіи**
содержимое Э. РЕПМАНОМЪ въ Москвѣ.

Помѣщается, на Гончарной ул., близь Яузскаго моста въ д. Степановой.

Пріемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа. 10—6

МЕБЕЛЬНЫЙ ФАБРИКАНТЪ
Карлъ Шитцъ.

Рекомендуетъ большой выборъ мебели всякаго стиля, собственной фабрики, съ ручательствомъ на 2 года. Принимаетъ заказы мебели и обойные работы. На углу Невскаго проспекта и Литейной, С.-Петербургъ. 2—1

45—9

НОВОЕ
ВРЕМЯ

Ежедневная газета, политическая, литературная, общественная и биржевая (безъ цензуры). Подписная цѣна на 4 и 3 мѣсяца: въ Петербургѣ съ доставкою на домъ съ 1 сентября 6 р., съ 1 октября 4 р. 50 к., для иногородн. съ 1 сентября 6 р. 50 к, съ 1 октября 5 р. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, на Литейномъ просп., д. № 45.

2 руб., 12 каб. портретовъ — уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—18

Библиотека "Руниверс"

Желающимъ пріобрѣсть себѣ **швейную машину,** для семействъ или-же для мастерской, **самой прочной дѣйствительно усовершенствованной** конструкціи,

рекомендуются

только **отличныя** и **солидныя** машины Гамбурго-Американской фабрики,

Поллакъ Шмидтъ и К°,

которыя **признаны** за **самыя лучшія** и **дешевле всѣхъ** дѣйствительно хорошихъ машинъ; особенно рекомендуется **ножная** швейная машина **„Ласилансьезъ“** и превосходная **ручная** машина

„Германія Силансьезъ“.

Главный складъ для **оптовой** и **розничной** продажи находится въ **Москвѣ,** въ Торговомъ Домѣ **Ф. Б. Гунъ и К°,** на на Б. Лубянкѣ, въ д. Мазуриной, въ бель-этажѣ № 3.

Тамъ-же **единственное Агенство чулочныхъ фасоновязальныхъ** машинъ. Внутри Россіи можно получить швейныя машины **Поллакъ Шмидтъ и К°** у **всѣхъ** болѣе значительныхъ торговцевъ швейныхъ машинъ.

Керосиновыя или петролейныя кухни

Рекомендуются, въ соблюденіе экономіи для **варенія и жаренія** самымъ простымъ и дешевымъ способомъ, безъ **опасности запаха** и **копоти**; за каждую у меня купленную кухню отвѣчаю, что при употребленіи она не будетъ издавать **копоти и чада.**

Въ магазинахъ А. Крумбюгеля.

№ 62, Невскій проспектъ, напротивъ Аничкина дворца **и во вновь открытомъ** — № 11, Большая Морская, домъ Жако.

Изданія А. Ф. МАРКСА.

для гг. подписчиковъ „НИВЫ“ продаются съ слѣдующею скидкою:

Москва и Тверь, истор. пов., Кельсіева Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
При Петрѣ, истор. пов., Кельсіева и Клюшникова. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подпис. 1 р.
Въ камышахъ. Повѣсть Каразина. Ц. съ перес. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
Богъ въ помощь, романъ Вернера. Ц. съ перес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.

ПОДПИСКА

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКІЙ СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МОДНЫЯ ВЫКРОЙКИ“.

ИЗДАВАЕМЫЙ ТОРГОВЫМЪ ДОМОМЪ МОДНЫХЪ ВЕЩЕЙ И БѢЛЬЯ

А. Тарочешникова.

(С.-Петербургъ, Караванная, уголъ Итальянской, д. № 18, въ бель-этажѣ).

Съ 1 сентября 1875 г. журналъ нашъ вступитъ въ **четвертый** годъ своего изданія. Такимъ образомъ прочность его существованія вполнѣ обезпечена и лучше всякихъ пышныхъ объявленій говоритъ въ нашу пользу. Тѣмъ не менѣе, съ 1 сентября 1875 г., **„МОДНЫЯ ВЫКРОЙКИ“** будутъ издаваться по слѣдующей улучшенной программѣ:

Журналъ будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ, 1 и 15 числа. **Каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ до шестнадцати литографированныхъ рисунковъ,** изъ которыхъ первые двѣнадцать представятъ **дамскій и дѣтскій туалеты,** а послѣдніе — **образцы для рукодѣлья,** какъ-то: *вышивки по канвѣ и сукну, различныя вязанья, плетенья* и проч. Въ томъ числѣ, съ первыхъ двѣнадцати рисунковъ, будетъ нарѣзано **до семи вырѣзныхъ выкроекъ въ ростъ человѣка,** а остальныя **пять выкроекъ** будутъ нарисованы, **тоже въ ростъ человѣка, на отдѣльномъ листѣ,** снять ихъ съ котораго будетъ указанъ легкій способъ въ № 1 журнала.

Каждаго 1 числа къ журналу будетъ приложена **отдѣльная раскрашенная картинка,** рисованная съ парижскихъ моделей, и сюда же войдетъ **Отдѣлъ хозяйственныхъ свѣдѣній и домашней гигіены;** а каждаго 15 числа будетъ помѣщаться **Модная хроника,** заключающая въ себѣ самый полный обзоръ какъ текущихъ, такъ и имѣющихся въ виду, заграничныхъ модъ.

Всѣ рисунки, помѣщенные въ журналѣ, будутъ или составлены по лучшимъ парижскимъ гравюрамъ, болѣе примѣнимымъ къ практикѣ, или же прямо рисованы съ новѣйшихъ моделей, которыя будутъ получаться нашимъ торговымъ домомъ непосредственно изъ Парижа.

Вниманіе журнала будетъ обращено также **на домашній туалетъ,** который, при всемъ своемъ изяществѣ, **представитъ** относительно **большую экономію** въ сбереженіи матеріала. Для этого подъ каждымъ рисункомъ будетъ обозначено: *какое количество аршинъ матаріи пойдетъ на каждую готовую вещь и ея гарнировку, цѣнтъ ихъ, и сколько будетъ стоить готовая вещь.*

Вырѣзныя **выкройки** будутъ даваться всевозможныхъ размѣровъ, чтобы онѣ могли съ одинаковымъ успѣхомъ пригодиться **для особъ различнаго сложенія.**

Сообразно заявленію подписчиковъ, кромѣ дамскихъ нарядовъ и бѣлья, мы будемъ помѣщать въ большомъ выборѣ **дѣтскій туалетъ и дѣтское бѣлье на всѣ возрасты:** для дѣвочекъ—начиная съ ихъ рожденія, для мальчиковъ—до 12 лѣтъ включительно.

Чтобъ вырѣзныя выкройки не перемѣшались между собой, на каждой части ихъ будетъ наложенъ штемпель: верхняя цифра обозначитъ № журнала, а нижняя № выкройки.

Соотвѣтственно сезону, будутъ представлены въ рисункахъ **новѣйшіе фасоны шляпокъ и чепцовъ, модныя прически и шиньоны** для дамъ и дѣвицъ, принятые для баловъ, театровъ, концертовъ и домашнихъ вечеровъ. Всѣ эти предметы редакція примѣнитъ и для особъ пожилыхъ лѣтъ.

Въ число рисунковъ войдутъ также **различные вензеля и мѣтки для бѣлья,** съ французскими, нѣмецкими и русскими буквами, которыя составятъ полный алфавитъ.

Ко времени выпуска дѣвицъ изъ институтовъ въ журналѣ будутъ помѣщены рисунки туалетовъ, соотвѣтственныхъ этому случаю.

Наконецъ, два раза въ годъ, **въ видъ преміи,** гг. подписчикамъ будутъ безплатно высланы, по вновь полученнымъ парижскимъ образцамъ, **рисунки для вышивки шнуркомъ или гладью,** сдѣланные на самой выкройкѣ **въ натуральную величину.** За каждый подобный рисунокъ постороннія лица платятъ 3 руб.

Кромѣ того, для гг. иногородныхъ подписчиковъ мы обратимъ особенное вниманіе на принимаемое нами **безвозмездное коммисіонерство** по высылкѣ всевозможныхъ товаровъ, подробные прейсь-куранты которыхъ будутъ постепенно помѣщаться на заднихъ страницахъ журнала. На всѣ эти предметы назначатся самыя умѣренныя цѣны, такъ какъ торговый домъ нашъ получаетъ товаръ изъ первыхъ рукъ. При заказахъ вещей въ нашемъ торговомъ домѣ, **редакція будетъ высылать** гг. иногороднымъ образчики матеріи, для выбора по личному вкусу, за что проситъ прилагать двѣ почтовыя марки по 8 коп.

За отдѣльный патронъ по своей таліи гг. подписчики платятъ 50 коп., постороннія же лица—1 р. 50 коп съ пересылкою.

Журнальный годъ „МОДНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ“ начинается съ 1 сентября 1875 г. и оканчивается 1 сентября 1876 г.

№ ЖУРНАЛА ВЫЙДЕТЪ 1 СЕНТЯБРЯ 1875 Г.

Цѣна изданія съ пересылкой и доставкой на домъ

за годъ семь рублей.

Въ составъ № 1 журнала, по полученіи изъ Парижа новѣйшихъ моделей для осенняго сезона, войдутъ, предположительно, слѣдующія вырѣзныя выкройки въ ростъ человѣка: **1) визитнаго платья** (*съ раскрашенною картинкой*) **2) костюма для гулянья; 3) домашняго платья; 4) полонеза** послѣдняго фасона; **5) костюма для дѣвочки; 6) платья для домашнихъ вечеровъ; 7) бархатной кофты; 8) ватеръ-прова; 9) драповой тальмы; 10) костюма для мальчика; 11) кашимировой блузы; 12) костюма для дѣвушки** отъ 13 лѣтъ до 16 лѣтъ; **13) воротничковъ и манжетъ.** Сюда же войдутъ **послѣдніе фасоны** прическъ, **мѣтки для бѣлья, рисунки вышивокъ и двѣ фигуры** для указанія снятія мѣрки.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, находящейся при **торговомъ домѣ модныхъ вещей и бѣлья А. Тарочешникова** (С.-Петербургъ, Караванная, уголъ Итальянской, д. № 18, въ бель-этажѣ).

Въ **Москвѣ у И. Г. Соловьева** (на Страстн. б., д. Алексѣева).

Во избѣжаніе задержки по высылкѣ первыхъ №№ журнала, просимъ сообщать о подпискѣ заблаговременно.

Редакторъ-издатель **А. ТАРОЧЕШНИКОВЪ.**

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 20 Августа 1875 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб. Больш. Морская, д. № 9. Тип. **Веллинга,** Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 36 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 7 Сентября 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА" на 1875 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лаигъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

Генрихъ Ипполитовичъ Семирадскій.

Родъ Семирадскихъ впервые упоминается въ Сандомірской области, гдѣ одинъ изъ членовъ этой фамиліи уже въ 1660 году, при королѣ Янѣ Казимірѣ, правилъ должность городскаго писаря въ Радомѣ: затѣмъ извѣстенъ Войцехъ, каноникъ краковскій, бывшій депутатомъ на коронномъ трибуналѣ 1714 года. Подъ конецъ XVII вѣка, одна вѣтвь этой фамиліи выселилась въ Червонную Русь (Галицію), гдѣ и до сихъ поръ уцѣлѣли ея представители; другая же поселилась на Литвѣ — и отъ этой-то вѣтви ведетъ свое происхожденіе нашъ талантливый живописецъ. Дѣдъ его былъ подкоморнымъ Новогрудскаго уѣзда, а отецъ, вступивъ на военное поприще, дослужился до генеральскаго чина, и получивъ эмеритуру, проживаетъ въ Варшавѣ.

Генрихъ Ипполитовичъ Семирадскій родился въ 1843 году, Харьковской губерніи въ деревнѣ Печенѣги, гдѣ стоялъ полкъ его отца. По совѣту пріятелей своего мужа, товарищей его по школѣ и Виленскому университету, бывшихъ профессорами въ Харьковскомъ университетѣ, Александра Мицкевича Альфонса Валицкаго, Оскара Станиславскаго, и директора Харьковской гимназіи Іосифа Корженевскаго, мать Генриха Ипполитовича поселилась въ Харьковѣ, гдѣ подъ ея надзоромъ молодой Семирадскій учился сначала дома, а потомъ въ мѣстной гимназіи. Будучи еще ребенкомъ, мальчикъ оказывалъ уже большія способности къ рисованію, внимательно присматривался къ хорошимъ картинамъ, когда такія попадались ему, и пробовалъ копировать ихъ еще неумѣлой рукой но смѣлыми штрихами. Родители быть можетъ готовили своего многообѣщающаго сына для иной, болѣе практичной дѣятельности; но видя въ немъ горячую любовь къ искусству, не щадили усилій и средствъ для развитія его дара.

Г. И. Семирадскій. Рисов. и грав. Боярскій.

По окончаніи гимназическаго ученія, Семирадскій вступилъ въ Харьковскій университетъ и кончилъ курсъ со степенью кандидата естественныхъ наукъ. Уже 21 года отъ роду, пріѣхалъ онъ въ Петербургъ съ цѣлію

Библиотека "Руниверс"

изученія живописи въ Академіи Художествъ. Но тутъ онъ повстрѣчался съ непредвидѣнными трудностями: ему отказано въ пріемѣ въ Академію на основаніи устава, запрещающаго принимать учениковъ старше 16-лѣтняго возраста. Семирадскій, дѣлать нечего, поступилъ вольноприходящимъ и вскорѣ своими работами обратилъ на себя такое вниманіе профессоровъ, что совѣтъ Академіи постановилъ сдѣлать для него исключеніе и принять его на казенный счетъ.

Впродолженіи шестилѣтняго пребыванія своего въ Академіи Семирадскій получилъ пять серебряныхъ и двѣ золотыхъ медали, а затѣмъ въ 1871 году посланъ на казенный счетъ стипендіатомъ заграницу. Первый годъ своего артистическаго путешествія Семирадскій провелъ въ Мюнхенѣ, гдѣ написалъ свою картину «Римляне временъ Цесаризма», гравюра съ которой была помѣщена въ «Нивѣ» 1874 года. Слѣдующій годъ онъ прожилъ въ Римѣ, гдѣ и написана имъ «Грѣшница», сюжетъ которой заимствованъ имъ изъ поэмы графа А. К. Толстаго. Гравюра съ этой картины была приложена въ видѣ преміи къ «Нивѣ» 1874 года.

Лѣтомъ 1873 года Семирадскій навѣстилъ своихъ родныхъ въ Варшавѣ и здѣсь женился на двоюродной сестрѣ своей, Маріи Прошинской. Затѣмъ снова жилъ въ Римѣ, гдѣ написалъ свою послѣднюю картину «Засада римскихъ воиновъ, подстерегающихъ христіанъ у входа въ катакомбы».

Немало картинъ Семирадскаго и въ Академіи Художествъ, таковы: «Александръ Македонскій и врачъ его Филиппъ», «Разрушеніе Содома и Гоморры (сепія), «Избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ», а также множество эскизовъ и картоновъ.

Всѣ произведенія Семирадскаго отличаются мастерствомъ и оригинальностью, при необыкновенной изящности рисунка. Пребываніе за границей и изученіе древнихъ мастеровъ не сдѣлало его подражателемъ той или другой школы. Манера его вполнѣ самобытна. Любимыми сюжетами его произведеній являются библейскія сцены и эпизоды изъ древней исторіи. Темы онъ всегда выбираетъ эффектныя и выполняетъ ихъ съ замѣчательною шириной замысла, тщательно соблюдая мѣстный колоритъ и характеристическія детали аксесуаровъ. При этомъ само собой разумѣется, что художникъ чрезвычайно дорожитъ тѣмъ подспорьемъ, которое оказываетъ искусству археологія. Что касается общаго впечатлѣнія его картинъ, размѣщенія пятенъ, свѣто-тѣни, колорита, постановки фигуръ, игры физіогномій — едва ли найдется въ средѣ современныхъ русскихъ живописцевъ достойный соперникъ Семирадскому, который въ такомъ совершенствѣ владѣетъ всѣмъ этимъ въ совокупности.

Орелъ-дѣвка.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.

(Окончаніе).

XIV.

Заря краснаго дня.

Вонъ тамъ—высоко, на уединившемся глетчерѣ, какъ-бы на рукахъ своего *каменнаго отца*,—опять сидитъ она, Валли, это одинокое, отверженное человѣческое существо, бѣдное дитя земли, словно по злобѣ людской заброшенное туда... Она кажется тамъ частичкою громадной скалы; но съ этой твердыни, уходящей за облака, Валли глядитъ внизъ и видитъ тамъ крошечный, игрушечный мірокъ, въ которомъ конечно и не хватило мѣста такому широкому, *большому* сердцу, выросшему среди пустыни, на лонѣ холодныхъ, вѣчно обуреваемыхъ глетчеровъ. Оттолкнули люди это сердце, отогнали его отъ себя—и вотъ сбылось то, что́ было предвѣщено сномъ: Валли стала дочерью горнаго великана, онъ принялъ ее въ свою семью. Теперь сердце ея принадлежитъ горамъ; каменныя и ледяныя равнины—настоящая ея родина, но... сердце все еще остается сердцемъ, не можетъ окаменѣть... Бѣдное, оно безмолвно, среди камней и ледяныхъ глыбъ, истекаетъ горячею кровью... Вѣдь это — еще теплое, человѣческое сердце!..

Съ того дня, какъ Валли явилась сюда, причалила къ послѣдней пристани,—луна два раза была полной, блестящей, и два раза только серпъ ея блѣднѣлъ на темно-синемъ небѣ. Никто съ тѣхъ поръ и не видѣлъ лица Валли; одинъ лишь патеръ гейлихкрейцскій, не смотря на свои старыя, слабыя ноги, какъ-то разъ добрался таки до́-верху, чтобы повидать Валли и сообщить ей, что Іосифъ поправляется, да кстати ужъ передать ей извѣстіе, полученное имъ изъ Италіи, что Викентій застрѣлился... Передъ смертью онъ распорядился закрѣпить все свое имущество за Валли.

Она сложила руки на колѣняхъ и, какъ-бы завидуя успокоившемуся Викентію, промолвила тихо:

— Хорошо ему теперь! Разсчитался онъ скоро...

— Ну, какъ же ты думаешь распорядиться теперь? заговорилъ патеръ.—Кому ты поручишь завѣдывать твоими огромными имѣніями? Тутъ нельзя вѣдь спустя рукава... Да и денегъ много у тебя!

— Да, денегъ и всякаго богатства у меня—просто цѣлый возъ съ сѣномъ!.. А на кой прахъ все это мнѣ? Вотъ, если-бы можно было за этотъ возъ купить хоть одинъ счастливый часъ—ну... Да вѣдь не купишь!.. Надо мнѣ тутъ побыть еще нѣсколько времени, и вотъ, когда въ головѣ у меня станетъ поснѣе, когда я соберусь съ мыслями—спущусь и отправлюсь въ Имстъ, чтобы тамъ, какъ слѣдуетъ, по закону, передать Іосифу все, что́ имѣю я. Частичку только удѣлю себѣ: нужно будетъ выстроить домишко на зиму—гдѣ нибудь пониже, въ горахъ. Теперь не могу взяться за это, еще ни о чемъ думать не могу... Надо мнѣ тутъ поуходиться маленько, совсѣмъ успокоиться. Да завѣдуйте вы, отецъ мой, всѣмъ имуществомъ моимъ! Работники пусть тамъ дѣлаютъ все, что́ обязаны дѣлать; за ними вѣдь можно посмотрѣть. Нуждающимся, бѣднякамъ помогайте... Пусть съ сегодняшняго дня не будетъ больше бѣдныхъ на Солнечной площадкѣ!...

Такъ, не долго думая, порѣшила Валли свои дѣла̀ житейскія, отходя отъ міра сего и приближаясь къ тихому пристанищу, „идѣ-же нѣсть ни печалей, ни воздыханія“... Она знала, что ей только и осталось ждать своего послѣдняго часа, и когда Онъ прозвучитъ—дѣло искупленія свершится.

Какъ будто самъ Господь устами старика-патера изрекъ ей тогда:

— Не думай приходить ко Мнѣ до тѣхъ поръ, пока Я самъ не призову тебя!

И вотъ, Валли стала ждать, когда Онъ призоветъ ее.... А время такъ ужасно медленно тянется, что, кажется, и не дождаться ей! Еще долго, долго придется ей терпѣть... Иногда она смотрѣла на свое крѣпкое, мощное тѣло, протягивала сильныя руки—и видѣла, что не скоро все это разрушится, превратится въ прахъ... А чего-же ей ждать, какъ не смерти? На смерть—одна надежда. Но Валли знала, что ра̀зомъ порѣшить съ собой—нельзя, потому что остальная жизнь ея посвящена теперь покаянію.. Да̀, но почему-же, думалось ей, *не помочь* милосердному Богу освободить ея душу—конечно, тогда, когда Онъ самъ захочетъ этого?... И вотъ, она, очертя голову, стала бить на то, чтобы такъ или иначе ослабить, разрушить свое крѣпкое, здоровое тѣло. Развѣ это самоубійство—какъ можно меньше ѣсть, чтобы только не умереть съ голода? Вѣдь строгій постъ—своего рода покаяніе! Совсѣмъ не прятаться отъ бури, и днемъ, и ночью мокнуть подъ дождемъ, когда даже Ганзль ищетъ, куда-бы ему приткнуться, не обращать вниманія на сырость, холодъ, голодъ, которые могутъ повредить крѣпкому здоровью—развѣ это можно назвать самоубійствомъ?.. Развѣ человѣкъ непремѣнно посягаетъ на свою жизнь, если начинаетъ карабкаться, взбираться на

Библиотека "Руниверс"

такія скалы, гдѣ никогда еще не ступала нога человѣческая—съ единственною цѣлью: помочь милосердному Богу (если это только Ему угодно) низвергнуть его въ бездну?.. И Валли какъ-то злорадно поглядывала на свое прекрасное тѣло, которое помаленьку теряло крѣпость, истощалось... Слабѣли могучія силы—и она частенько падала гдѣ нибудь, чувствуя совершенное изнеможеніе, потому что цѣлыми днями блуждала въ горахъ. Если ей приходилось взбираться на крутой утесъ, то она уже ощущала теперь дрожь въ колѣняхъ, а въ груди—стѣсненіе.

Совсѣмъ истомившись, Валли какъ-то разъ принуждена была присѣсть, чтобы собраться съ силами. А высоко она забралась—на одну изъ высочайшихъ вершинъ Мурцолля. Бѣлые гребни, синія ледяныя глыбы окружали ее высокимъ амфитеатромъ. Глядя на эту массу торчащихъ бѣлыхъ зубцовъ, казалось, что тутъ раскинулось громадное кладбище, что это все ряды памятниковъ, покрытыхъ снѣгомъ; суровая зима лишила ихъ обычныхъ украшеній—ни цвѣтовъ, ни зелени нигдѣ не было видно. У самыхъ ногъ Валли лежали зеленовато-синія неподвижныя волны ледянаго моря, широко разлившагося до самаго перехода черезъ іохъ. Гробовое безмолвіе царило надъ этимъ мертвымъ, здѣсь, наверху окоченѣвшимъ міромъ, а тамъ—словно воплотившаяся свѣтлая мечта, подъ легкой дымкой полуденнаго тумана, сквозила розовая даль съ нѣжными контурами цѣлой массы горныхъ вершинъ. Вонъ—маленькое, такое хорошенькое, свѣтлое облачко заигрываетъ съ темнымъ старцемъ, великаномъ Зимплауномъ, ласкается къ нему, то поднимаясь, то опускаясь—и вдругъ—нѣтъ его: оно исчезло, разорвавшись и разсыпавшись по острымъ камнямъ грозной скалы.

Подперевъ голову рукой, Валли лежала и какъ-то безучастно смотрѣла на облачко, которое на ея глазахъ и пропало безслѣдно. Былъ полдень; солнечные лучи обжигали ее, но она не обращала на это вниманія. Ганзль сидѣлъ тутъ-же, по близости, и, отъ нечего дѣлать, лѣниво расправляя крылья, занимался чисткою перьевъ. Вдругъ онъ встрепенулся, видимо чѣмъ-то встревоженный, повернулъ свою чуткую голову и, вытянувъ шею, крикнулъ и перелетѣлъ на болѣе возвышенный пунктъ.

Валли поднялась, желая видѣть, что̀ именно потревожило Ганзля—и увидѣла вдали, среди застывшихъ волнъ зеленовато-синяго моря, человѣческую фигуру, которая двигалась по направленію *именно* къ той скалѣ, на которой она теперь стояла. Валли сразу узнала эти черные глаза, черные усы .. *Онъ* ласково кланяется, *онъ* привѣтствуетъ ее еще издали обычной пѣсенкой встрѣчи!.. Вотъ такъ точно было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Валли увидѣла Іосифа съ обрыва Солнечной площадки... Онъ шелъ тогда внизу, по тропинкѣ, съ какимъ-то чужестранцемъ... Но въ то время она была невиннымъ созданьемъ, почти ребенкомъ, въ сердцѣ много было свѣтлыхъ надеждъ!.. Не лежало тогда на ней проклятія, она не была изгнанницей... поджигательницей... Валли не была еще тогда убійцей!...

Сверкнетъ молнія и озаритъ все, что̀ скрыто во мракѣ, и тогда, хотя на мгновеніе, ясно видны горы, долины, лѣса̀,—такъ было теперь съ Валли: въ душѣ ея блеснулъ яркій огонь и рѣзко освѣтилъ все былое... Рядъ знакомыхъ ей картинъ промелькнулъ передъ ея умственнымъ окомъ—и она, содрогаясь, заглянула въ себя. . О, какъ глубоко упала Валли!.. Какая разница между прежней и теперешней Валли!.. Но *онъ*, не обращавшій тогда на нее вниманія, зачѣмъ теперь идетъ къ ней, чего теперь ищетъ у приговоренной, которая уже заживо похоронена?...

Она въ страшномъ испугѣ устремила глаза на приближающаго Іосифа, и изъ груди ея вырвался крикъ:

— Боже!.. Да это *онъ* идетъ!..

Смертельный ужасъ охватилъ Валли—и она прижалась къ каменной глыбѣ, какъ-бы ища спасенія, защиты у своего *втораго отца*.

— Остановись тамъ! Бога ради, Іосифъ, не ходи сюда! Назадъ! . Удались! . Видѣть тебя я не могу.. не хочу!... Нельзя, нельзя!. .

Но онъ уже былъ на скалѣ... Вотъ онъ и передъ нею. Валли еще крѣпче прижалась къ каменной глыбѣ и протянула руки впередъ, желая защититься.

— Неужели-же на свѣтѣ нѣтъ уголка, гдѣ-бы я могла быть совсѣмъ одна?! возопила она, вся трясясь.— Не слышишь ты, что̀ я говорю?.. Иди, иди! Чего тебѣ отъ меня? . Вѣдь я—мертвая... все равно что̀ умерла! О, неужели и умереть-то спокойно не дадутъ мнѣ!...

— Валли!.. Да въ умѣ-ли ты, Валли?.. воскликнулъ Іосифъ и, крѣпко схвативъ дѣвушку за руку, оторвалъ ее отъ каменной глыбы, какъ отрываютъ мохъ, давно приросшій къ камню.—Да посмотри-же на меня, Валли! Умоляю тебя! Отчего ты не хочешь на меня взглянуть?. Вѣдь это-же я, Іосифъ! Ты мнѣ жизнь спасла... Развѣ спасаютъ жизнь тѣмъ, кого не любятъ?

У нея ноги подкосились—и она упала-бы, если-бы Іосифъ не обнялъ ее. Валли какъ-бы замерла; не только сопротивляться—шевельнуться даже не могла... Это уже была не прежняя крѣпкая, здоровая дѣвушка: измученная, обезсиленная она походила теперь на овечку, лежащую на жертвенникѣ, которой уже нанесли смертельный ударъ... Голова ея свѣсилась, глаза закрыты...

— Господи помилуй! Что̀ съ тобой, Валли? Вѣдь ты совсѣмъ какъ умирающая! Это-ли горделивая дочка богача Штроммингера?!. Хоть слово-то промолви, Валли, приди-же въ себя! Оттого ты такой и стала, что все ты тутъ одна да одна, живешь дикаркой... И какъ-же ослабѣла!.. Ну, идемъ, обопрись на меня, ужъ я доведу тебя вонъ до той избушечки, внизу-то... Положимъ, я теперь еще далеко не богатырь, однако все-же посильнѣе тебя. Идемъ-же!... Тутъ, на верхушкѣ, голова у меня кружится, а мнѣ надо о многомъ, о многомъ поговорить съ тобою, Валли...

И въ самомъ дѣлѣ, Валли такъ ослабѣла, что̀ о сопротивленіи нечего было и думать: покорная, послушная пошла она, поддерживаемая Іосифомъ, который благополучно перешелъ покатое ледяное море и очутился съ нею внизу, у хижинки. Узнавъ, что въ хижинку эту забрался пастухъ, Іосифъ отошелъ немного въ сторону, гдѣ была полянка, и усадилъ тутъ Валли Она только сложила руки, молча, покорно повинуясь ему... Что̀-жъ, вѣрно Господь Богъ захотѣлъ наложить на нее это новое испытаніе—и она молилась, прося у Него лишь одной милости: дать ей силы вынести это.

Іосифъ сѣлъ съ нею рядышкомъ, подперъ рукой голову и устремилъ на исхудавшее лицо дѣвушки блестящіе огненные глаза

— Крѣпко, много виноватъ я предъ тобою, Валли, началъ онъ (тонъ голоса его былъ серіозенъ),—да и давно мнѣ надо было-бы придти сюда, но докторъ и патеръ все не пускали: пугали меня, что я умру, ежели такъ рано отправлюсь въ горы... Ну, и подумалъ я: жаль было-бы умереть... по той причинѣ, что. ну, вотъ *теперь* именно не хотѣлось-бы мнѣ разставаться съ жизнью!.. Я хочу, Валли, жить (тутъ онъ крѣпко сжалъ ея руку)—жить теперь, потому что началъ жить съ того самаго дня, когда ты спасла меня!.. Да, какъ только я узналъ объ этомъ—все мнѣ стало ясно, я тогда понялъ и тебя, Валли, и себя!..

Онъ нѣжно провелъ рукой по ея рукѣ.

Валли, испуганная этой лаской, вырвала руку... Она почти задыхалась.

— Понимаю теперь, чего ты хочешь, Іосифъ!.. Ты думаешь такъ: вотъ спасла она мнѣ жизнь, и я долженъ, изъ благодарности, полюбить ее и даже... съ Афрой разстаться... Нѣтъ, Іосифъ, и не помышляй объ

Библиотека "Руниверс"

этомъ... Ни за что!.. Клянусь, хоть я и жалкая, дурная, однако-же не настолько дурная, чтобы могла согласиться принять награду .. незаслуженную, принять въ подарокъ сердце, какъ принимаютъ монетку на водку!.. И наконецъ, принявъ это сердце, я-бы... украла его у той, которой оно принадлежитъ. Нѣтъ, ужъ на такое дѣло Орелъ-Дѣвка не пойдетъ, хотя она и много дѣлала худаго на своемъ вѣку!.. Благодареніе Всевышнему, что на землѣ есть еще такое зло, совершить которое я не могла-бы... прошептала Валли, какъ-бы разговаривая сама съ собой, и, собравшись съ силами, вдругъ поднялась, чтобы уйдти въ хижинку, къ пастуху, который насвистывалъ тамъ какую-то пѣсенку.

Іосифъ вскочилъ и обхватилъ ее своими крѣпкими руками.

— Погоди, Валли! Ты должна прежде выслушать меня.

— Нѣтъ, нѣтъ... проговорила она и вдругъ гордо выпрямилась. Губы ея даже побѣлѣли.—Довольно, Іосифъ! Спасибо тебѣ... Намѣреніе у тебя было доброе, но... ты совсѣмъ не знаешь меня!

— Постой, Валли! Говорю тебѣ—погоди! Пойми-же наконецъ... *Должна* ты выслушать меня!

Онъ положилъ руку на плечо ея и устремилъ на нее такой чарующій повелительный взглядъ, что Валли пошатнулась, дрогнувъ какъ подрѣзанный колосъ.

— Ну, ладно... говори, почти прошептала она и, отойдя шага на три, въ изнеможеніи опустилась на камень, чтобы быть не такъ близко къ Іосифу.

— Вотъ и прекрасно! Вижу теперь, что и ты можешь быть послушной...

Проговоривъ эти слова съ ласковой улыбкой, онъ растянулся на травѣ у ея ногъ, предварительно снявъ куртку, которую и подсунулъ себѣ подъ локоть, чтобы не быть совсѣмъ въ лежачемъ положеніи. Валли боялась смотрѣть на эту стройную фигуру и сидѣла неподвижно; глаза ея блуждали гдѣ-то... Она чувствовала горячее дыханіе Іосифа; лицо ея потемнѣло отъ тяжелой внутренней борьбы, но снаружи она казалась совершенно спокойною, даже равнодушною.

— Ну, слушай-же, Валли, разскажу тебѣ все, ничего не утаю, началъ Іосифъ:—Я тебя не терпѣлъ—даже и тогда, когда еще совсѣмъ не зналъ тебя. Много ходило толковъ о тебѣ; говорили, что ты и груба, и дика,—ну, и я такъ худо думалъ о тебѣ, что и встрѣчаться-то съ тобой мнѣ не хотѣлось. Однако, я сразу увидѣлъ, что ты красива, стройна, но... смотрѣть на тебя *не хотѣлъ*, а потому и старался избѣгать встрѣчи съ тобою.... Такъ-бы все и шло, но ты, столкнувшись съ Афрой, осрамила ее, — ну, а этого я не могъ тебѣ простить, не могъ оставить это такъ! Слушай, сдѣлать что́ нибудь Афрѣ—это значитъ то́-же самое сдѣлать мнѣ; сто́итъ ей почувствовать боль—почувствую и я сейчасъ ударъ ножомъ въ сердце, потому что... ну, скрывать ужъ теперь не для чего!—матушки нѣтъ... она проститъ мнѣ... Афра—сестра моя.

Дрожь пробѣжала по тѣлу Валли, и она, совершенно растерявшись, глядѣла на Іосифа.

Помолчавъ съ секунду, онъ провелъ рукавомъ рубашки по вспотѣвшему лбу.

— Я-бы долженъ былъ умолчать объ этомъ, но *тебѣ нужно* все знать... Конечно, ты вѣдь сохранишь это втайнѣ?.. Мать моя, передъ смертью, открылась мнѣ—сказала, что она, до выхода замужъ за моего отца, еще въ Винчгау имѣла ребенка... Я далъ ей клятвенное слово, что буду заботиться, какъ братъ, объ этой дѣвочкѣ—дочери ея. Вотъ, по этой-то причинѣ, я и взялъ Афру оттуда и устроилъ ее на постояломъ дворѣ въ Цвизельштейнѣ, чтобы она была поближе ко мнѣ. Мы обѣщали другъ другу хранить это втайнѣ... Намъ больно было-бы, еслибы о нашей матери стали злословить, тревожить ее въ могилѣ... Ну, понятно теперь тебѣ, почему я не могъ позволить обидѣть Афру? Я долженъ былъ наказать тебя, долженъ былъ защитить сестру мою... Вѣдь такъ?...

Валли сидѣла неподвижно, только грудь ея тяжело вздымалась—и ей казалось, что вокругъ все вертится, даже глетчеры закружились... Да̀, все ей стало теперь ясно! И слова Афры у постели Іосифа—понятны... Дѣвушка не могла тогда высказаться...

Валли подняла руки и крѣпко сжала ими голову свою, какъ будто она была не въ силахъ уразумѣть все это настоящимъ маскромъ... О, если это все правда, то какъ-же громадна вина ея!... Не безчувственнаго человѣка, опозорившаго ее изъ-за какой-то безстыжей батрачки, хотѣла она умертвить—нѣтъ, она посягала на жизнь *брата*, который по-братски заступился за свою сестру!.. И если-бъ онъ погибъ—Валли лишила-бы бѣдную сиротку послѣдней опоры въ жизни, сдѣлавъ это единственно въ порывѣ безумной ревности... О, Боже! что̀-же было-бы, если-бы Іосифъ въ самомъ дѣлѣ... погибъ?!... шептала она, чувствуя головокруженіе.

Закрывъ лицо руками, Валли сидѣла молча—и только по временамъ глухой стонъ вырывался изъ ея груди.

Іосифъ, какъ-бы не замѣчая волненія ея, снова заговорилъ:

— Ну и объявилъ я тогда во всеуслышаніе на Цвизельштейнскомъ постояломъ дворѣ, объявилъ при всѣхъ, что даю слово проучить Штроммингерову дочь, поубавить ея гордость, однимъ словомъ—пристыдить ее такъ, какъ она пристыдила Афру. Вотъ мы тогда и сочинили собща́ ту штуку, только Афра тутъ не участвовала... Это было противъ ея желанія. Все пошло какъ по маслу, но когда я началъ съ тобой бороться—или, лучше сказать, въ концѣ нашей борьбы, когда твоя прекрасная грудь прижалась къ моей и я поцѣловалъ тебя—тогда... показалось мнѣ, будто въ груди у меня огонь вспыхнулъ!... Такъ какъ я слишкомъ долго относился къ тебѣ враждебно, то и не могъ тутъ-же шепнуть тебѣ объ этомъ, а потомъ, съ каждымъ часомъ мнѣ дѣлалось все хуже, тяжелѣе... Тотъ огонь пуще разгорался, онъ прожигалъ меня... Началась мучительная ночь. Я схватывалъ подушку, прижималъ ее къ сердцу, думая, что прижимаю тебя, но сейчасъ просыпался, громко звалъ тебя по имени и, наконецъ, не выдержалъ: вскочилъ, оставилъ постель—мнѣ было душно, жарко въ ней...

— О, замолчи! ты... убьешь меня, прошептала Валли... Она вся горѣла, но онъ, не слушая ея, пылко продолжалъ:

— Живо я одѣлся и, не смотря на то, что была уже ночь, пустился бѣжать туда, прямо на Солнечную Площадку. Все говорить, что̀-ли?... Хотѣлъ я подъ окномъ твоимъ дождаться разсвѣта и потомъ стукнуть въ оконницу... Вотъ, думалъ я, стукну, а ты и выглянешь!.. И я ужъ видѣлъ тебя передъ собою: такая ты была прекрасная, нужды нѣтъ, что глазки еще сонные... Личико твое зардѣлось, ты глядишь въ изумленіи... Ну-ужъ тутъ-бы я схватилъ тебя за голову, сталъ-бы цѣловать и вымаливать прощеніе!.. Я-бы тысячу разъ повторялъ: прости меня, прости!.. Вдругъ, около самаго моего уха свистнула пуля, а другая почти сейчасъ-же врѣзалась мнѣ въ плечо... Пошатнулся я, а тутъ сзади кто-то наскочилъ на меня, пихнулъ—и я кувырнулся за перила, полетѣлъ въ пропасть... Прощай, любовь моя, прощай все! Та́къ я и порѣшилъ, но... пришла ты, спасительница моя, ангелъ мой; тебѣ стало жаль меня, ты вытащила погибающаго и потомъ ухаживала за больнымъ, заботилась о немъ... О, Валли!.. милая!...

И онъ бросился къ ногамъ дѣвушки. Сложивъ руки свои на колѣняхъ ея, Іосифъ воскликнулъ:

— Я не въ силахъ отблагодарить тебя такъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось! Но если-бы можно было соединить въ одну любовь—любовь всѣхъ, Валли, всѣхъ нынѣ живущихъ и взаимно-любящихъ, то и такая любовь, по си-

Библиотека "Руниверс"

Посылка. Съ картины Ламбера, грав. Паннемакеръ сынъ.

Библиотека "Руниверс"

лѣ, была-бы все-таки слабѣе моей... О, какъ я люблю тебя!...

Тутъ сломилась вся сила Валли: какъ она ни крѣпилась, но уже больше выдержать не могла... Изъ груди ея вырвался страшный вопль, дикое отчаяніе охватило ее—она оттолкнула Іосифа и, упавъ ничкомъ, прижалась лицомъ къ травѣ...

— О, какое счастье ожидало меня! Теперь—все... все погибло!...

— Валли... Господи помилуй! Да не помѣшалась-ли ты?.. Что̀ это съ тобой? Вѣдь мы-же любимъ... любимъ другъ друга... Чего-жъ еще? Все, значитъ, и ладно!...

— Ахъ, Іосифъ, Іосифъ! Нѣтъ, не знаешь ты, что... намъ никогда не жить вмѣстѣ... Это невозможно! Вѣдь я—осуждена, проклята... Не могу я быть женой твоей!... Ужъ лучше растопчи меня, пришиби скорѣй... Это я... я велѣла столкнуть тебя туда!..

Эти ужасныя слова заставили Іосифа вздрогнуть, но онъ все еще сомнѣвался, не хотѣлъ вѣрить: не въ припадкѣ-ли безумія она проговорила это?..

Онъ былъ уже на ногахъ и съ ужасомъ глядѣлъ на нее.

Валли, стоя на колѣняхъ, обняла его ноги и зашептала:

— Я любила тебя, Іосифъ! Полюбила я тебя, какъ только увидѣла, съ первой встрѣчи... И вотъ, изъ-за любви этой отецъ прогналъ меня на Гох-іохъ; любя тебя, я подожгла тогда отцовскій домъ; любя тебя, три года пробыла я въ горахъ, голодала, зябла среди ледниковъ и готова была умереть, замерзнуть—только-бы не быть женой другаго... Одна лишь ревность заставила меня такъ худо поступить съ Афрой—вѣдь я была увѣрена, что она твоя возлюбленная; я думала, что она отрываетъ тебя отъ моего сердца!... Ну, и пришелъ ты ко мнѣ, наконецъ... Да, долго, страшно долго ждала я этой минуты!... Ты на танецъ пригласилъ меня, женихомъ явился... Я боялась, какъ-бы сердце отъ радости не разорвалось!... Вотъ, думала я, обнимешь ты меня, поцѣлуешь какъ свою невѣсту, а ты... на глазахъ у всѣхъ опозорилъ меня!... За любовь мою вѣрную, за всѣ муки, перенесенныя мною изъ любви къ тебѣ, за все, что̀ я выстрадала—ты срамомъ, стыдомъ отплатилъ мнѣ... Ну, тутъ ужъ я свѣта не взвидѣла, въ головѣ у меня помутилось—и я сказала Викентію, чтобы онъ покончилъ съ тобой...

Іосифъ закрылъ руками лицо и произнесъ шопотомъ:

— Ужасно!.. О, какъ ужасно это!

— Наступила ночь... Одумалась я, раскаялась, заговорила снова Валли,—и выбѣжала изъ дому, чтобы остановить Викентія, запретить ему, но... поздно спохватилась—все было кончено!.. Теперь... ты говоришь мнѣ теперь, что любишь меня, что̀ думать нечего, все ладно!.. Да̀, если-бы совѣсть моя была чиста, если-бы прежняя Валли стояла передъ тобой!.. И всему-то причиной ярость моя слѣпая, да злоба дикая!... Я воображала, что тяжелѣе, хуже того горя и быть не можетъ, которое ты обрушилъ тогда на мою голову... но что̀-жъ оно въ сравненіи съ тѣмъ, что сама-то я себѣ надѣлала?!.. О, такъ тебѣ и надо, Валли! такъ и надо!..

Оба замолчали. Молчаніе тянулось довольно долго. Валли приникла къ колѣнямъ Іосифа; на лбу ея блестѣли капли пота; она вся трепетала, вздрагивала отъ судорожной боли въ груди. Невыносимо-тяжелыя, тревожныя минуты переживала она теперь... И вдругъ *его* рука нѣжно коснулась ея подбородка... Онъ тихо, ласково сталъ поднимать голову Валли... Взглянула она—и увидѣла большіе темные глаза Іосифа: они какъ-то странно, но хорошо такъ глядѣли на нее...

— Охъ, бѣдняжка ты моя! почти беззвучно проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, Іосифъ... нѣтъ! Не щади меня! Бери ружье, стрѣляй въ самое сердце — я не шевельнусь, смирно буду стоять... Я спасибо скажу тебѣ за такое доброе дѣло!

Іосифъ нагнулся, обхватилъ Валли, поднялъ ее и, положивъ ея голову къ себѣ на грудь, разгладилъ спутавшіяся пряди волосъ, а затѣмъ—прозвучалъ горячій поцѣлуй, поцѣлуй отъ всего сердца...

— И все-таки *я люблю* тебя, Валли! воскликнулъ онъ такимъ звучнымъ, громкимъ голосомъ, что слова его, ударившись о голыя ледяныя стѣны горъ, прозвучали еще нѣсколько разъ.

А она почти не въ состояніи была шевельнуться, стояла молча, пораженная новымъ ударомъ, но на этотъ разъ—ударомъ хлынувшей на нее волны счастья.

— Не вѣрится мнѣ!... Неужели Іосифъ, ты... все забываешь?.. Хорошо, простить меня ты можешь, лепетала Валли задыхаясь,—а Богъ-то... Богъ проститъ-ли?...

— Я выслушалъ тебя до конца; я видѣлъ, Валли, твое прекрасное, милое лицо, замоченное слезами,—ну, и послѣ этого—есть-ли возможность гнѣваться на тебя?... Вотъ, если-бы сердце было каменное—другое дѣло, а оно у меня хоть и жестковато, однако все-же не изъ камня! Нѣтъ, не способенъ я на это!...

— О, Боже Милостивый! проговорила Валли, а слезы такъ и брызнули изъ ея глазъ.—Если подумать только, *какое* я сердце-то хотѣла угомонить на вѣки-вѣчные?!..

Всплеснувъ руками, она такъ стала сжимать ихъ, что̀ суставы затрещали.

— Добрѣйшая ты душа! Знаешь-ли, чѣмъ ты добрѣе ко мнѣ теперь, тѣмъ больнѣе, страшнѣе мучитъ меня раскаяніе... Нѣтъ, ужъ никогда, видно, и не успокоиться мнѣ—ни въ этомъ мірѣ, ни въ томъ! Не женой мнѣ твоей быть, а рабой... Ты будешь спать на постели, я—на порогѣ! Буду работницей твоей, служанкой... Такъ въ глаза тебѣ и буду смотрѣть! Ударишь ты меня—я колѣни твои обниму; ногой отпихнешь—стану просить, умолять тебя умилостивиться, до тѣхъ поръ просить, пока ты не взглянешь на меня добрѣе... Одинъ твой милостивый взглядъ, одно доброе слово—и я буду довольна, счастлива!.. Даже и этого-то много, потому что и такой милости я не сто̀ю...

— Такъ ты полагаешь, что съ меня и этого будетъ? Какъ бы не такъ! воскликнулъ съ жаромъ Іосифъ.—Одинъ взглядъ, одно слово—*только-то*? Маловато это мнѣ!... Да развѣ я вытерплю—допущу — оставлю тебя на порогѣ?.. Какъ?.. самъ я въ комнатѣ, а ты — за дверью?.. И ты могла думать, что я не позову тебя, что ты тамъ такъ и останешься?!.

Валли хотѣла высвободиться отъ него, лицо ея горѣло, она закрыла его руками; но Іосифъ не выпустилъ Валли—онъ сѣлъ и взялъ ее къ себѣ на колѣни, и снова зазвучалъ прекрасный голосъ его.

— Успокойся, голубка моя! Совсѣмъ, совсѣмъ не тревожь ты себя... Развеселись, возрадуйся—вѣдь это же Богъ послалъ тебѣ! Развѣ ты не искренно раскаялась?.. Прочь всѣ упреки! Ни о чемъ не думай, не мучь себя, Валли! Вѣдь я—видитъ Богъ!—тоже много, много виноватъ передъ тобой: крѣпко раздражилъ я тебя, платилъ за твою постоянную, вѣрную любовь однимъ презрѣніемъ, издѣвался надъ твоимъ сердцемъ... Что̀-жъ, не удивительно, что ты наконецъ и не вытерпѣла!.. Можно-ли винить тебя? Не даромъ же ты Орелъ-Дѣвка! А потомъ? тебѣ самой же стало жаль меня: очертя голову, ты кинулась спасать погибающаго, спасла его, сама была на волоскѣ отъ смерти... Никто изъ мужчинъ не рѣшился вѣдь спуститься въ пропасть, вытащить меня! Ты распорядилась, чтобы перенесли меня въ твою комнату и уложили тамъ на твоей постели: ты стала ходить за мной, сидѣлкой была у меня—до прихода Афры... Она, дурочка этакая, невольно выгнала тебя, потому что ты-то сама вообразила, что Афра — невѣста моя. Но и это еще не все: ты домъ свой оставила, ушла, задумавъ передать намъ все свое имущество, что-

Библиотека "Руниверс"

бы я могъ безбѣдно зажить съ Афрой... Въ глушь, въ горы удалилась ты, взявъ съ собой только одно—тяжелое горе свое!.. Голубка ты моя бѣдная! Вѣдь съ того часа, какъ ты узнала меня, у тебя не было ни одного краснаго дня, ни одной счастливой минуты,—и неужели, послѣ всего этого, мнѣ не полюбить тебя, неужели... возможно-ли, чтобы мы не были теперь счастливы? О, Валли, знаешь-ли, если бы всѣ, всѣ продолжали негодовать на тебя—я бы просто плюнулъ на всѣхъ, а тебя схватилъ бы, прижалъ къ груди и посмотрѣлъ бы тогда, кто бы еще осмѣлился мнѣ хоть слово сказать или что-нибудь сдѣлать!..

— И ты все это—взаправду?.. Да?.. Ты хочешь снять съ меня стыдъ, горе, ты открываешь мнѣ объятія, отдаешь мнѣ такое доброе, великое сердце? Вѣдь я—Орелъ-Дѣвка... Не боишься дикой Валли, натворившей столько бѣдовыхъ дѣлъ?..

— Мнѣ-то, Іосифу, котораго прозвали „Медвѣжатникомъ", да побояться Орелъ-Дѣвки?.. Нѣтъ, милочка, если бы ты была еще больше дикой—я бы и тогда не струсилъ: знаю вѣдь, все равнò, совладалъ бы съ тобой!.. Помнишь, это ужъ было разъ сказано, но тогда говорилъ я въ злобѣ, а теперь—*любя* говорю!.. А если-бы и не могъ совладать, если бы даже зналъ, что недѣли черезъ двѣ погубишь ты меня—*все равно* — не ушелъ бы отъ тебя, потому что не въ силахъ былъ-бы съ тобой разстаться. Сколько разъ (имъ и счету нѣтъ!) выслѣживалъ я серну въ такихъ мѣстахъ, гдѣ смерть была на каждомъ шагу, однако-же не останавливался, продолжалъ преслѣдовать ее—такъ неужели-же отъ тебя, такой чудной, милой дѣвушки, я отстану?.. Неужели ты не драгоцѣннѣе серны для меня?.. Вотъ чтò я тебѣ скажу: за одинъ часъ этотъ, за одинъ такой твой взглядъ, Валли, за одну вотъ такую ласку—я жизнь готовъ отдать!..

И онъ такъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, что она съ трудомъ могла вздохнуть.

— Еще недѣльки двѣ—и ты станешь женой моей, а ужъ тогда, знаю я, никогда и мысли не будетъ у тебя погубить меня .. Да, не будетъ... Вѣдь я теперь вижу твое сердце, все, все вижу въ немъ!..

Валли не выдержала, вскочила и, поднявъ руки, воскликнула:

— О, Господи! Великій, милосердый Отецъ! Пока жива я—буду прославлять, восхвалять Твое имя!.. То, чтò даровалъ Ты мнѣ—куда больше земнаго счастья... Это—заря краснаго дня, заря другихъ милостей, которыя Ты посылаешь мнѣ!..

Наступилъ тихій вечеръ. Полная луна, всплывшая надъ горой, такъ ласково смотрѣла сверху на Іосифа и Валли, что, казалось, это кроткое, свѣтлое лицо любовалось счастливой парочкой. Темно-синія тѣни широкими полосами легли ужé въ долинахъ... Въ такое позднее время спускаться внизъ было-бы дѣломъ рискованнымъ, а потому они и отложили это на завтра. Войдя въ избушку и разведя огонь, Іосифъ и Валли усѣлись у очага... Ну ужъ и наговорились тутъ они всласть послѣ такой продолжительной молчанки!..

А на крышкѣ хижинки сидѣлъ Ганзль—тоже въ сладкой дремотѣ... Ему грезилось, что онъ гнѣздо себѣ устраиваетъ...

Ночной вѣтерокъ какъ-то особенно гармонично шумѣлъ, налетая на избушку и слегка посвистывая въ ея щеляхъ. Яркая голубая звѣзда, щурясь и мигая, все заглядывала въ окошечко...

На другой день, утромъ, Іосифъ и Валли, уже собравшись домой, стояли у дверей хижинки.

— Ну, отецъ Мурцолль, прощай! Оставайся тутъ съ Богомъ! проговорила Валли, и по ея щекѣ скатилась слезинка, въ которой сверкнулъ первый лучъ восходящаго солнца.—Прощай же! Ужъ я теперь не вернусь больше къ тебѣ: счастье мое вонъ тамъ, внизу... Но благодарю тебя! Ты пріютилъ бозпріютную, позволилъ мнѣ пробыть здѣсь столько времени. Прости и ты, старенькая избушка! Пустою будешь ты стоять, но я—тамъ, въ теплой горенкѣ, у дружка моего милаго, вспоминать буду, какъ зябла я тутъ, наверху, подъ твоей крышкой; какъ плакала, отчаявалась... ну, и никогда ужъ не возмечтаю больше о себѣ, не возгоржусь собой!..

Положивъ руку свою въ руку Іосифа, Валли обратилась теперь къ нему:

— Идемъ же, идемъ, чтобы захватить до обѣда нашего дорогаго гейлихкрейцскаго старичка.

— Идемъ, Валли! Моя красавица-невѣста, я поведу тебя домой!.. Ну, что-жь вы, *блаженныя дѣвы*—а?.. *моя* же вотъ она, *моя*—на зло всѣмъ вамъ и прочимъ лиходѣямъ!

Тутъ Іосифъ пустилъ въ голубую даль такой раскатистый, громкій іодль, который скорѣе походилъ на звукъ трубы въ день втораго пришествія, чѣмъ на человѣческій голосъ.

— Ціт!.. Какъ можно?!.. Потише, Іосифъ! жалобно прошептала Валли и, въ испугѣ, закрыла ему ротъ рукой.—Не вызывай, не тревожь ихъ!..

И сейчасъ же улыбнулась, весело прибавивъ:

— Экъ я! Вѣдь нѣтъ ни горныхъ дѣвъ, ни другихъ злыхъ духовъ!.. Отецъ Небесный, Всевышній—Онъ одинъ только и есть!..

Валли оглянулась въ послѣдній разъ... Верхушки горъ, бѣлыя какъ сахаръ, совсѣмъ зарумянились подъ лучами утренняго солнца.

— А вѣдь какъ тутъ, наверху, хорошо! проговорила она, все еще не двигаясь съ мѣста.

— Развѣ ты жалѣешь, что идешь со мною внизъ? спросилъ Іосифъ.

— Жалѣю?.. Нѣтъ, Іосифъ, если бы ты сказалъ мнѣ: „ступай за мной въ преисподнюю, гдѣ тьма кромѣшная" —я пошла бы за тобой, словечка не промолвила бы, спрашивать даже не стала бы, куда ведешь меня!..

Голосъ ея звучалъ такъ нѣжно, сладко, что Іосифъ не выдержалъ и прослезился.

Тутъ съ крышки что-то съ шумомъ сорвалось и зашуршало въ воздухѣ.

— Ахъ, Ганзль! воскликнула Валли,—вѣдь вотъ чуть не забыла тебя!.. Ну, Іосифъ, прибавила она съ улыбкой,—надо ужь тебѣ подружиться съ нимъ: теперь вы по судьбѣ—братья! И тебя, и его раздобыла я себѣ изъ пропасти, съ утеса достала васъ!

И они начали спускаться.

Женихъ да невѣста—вотъ и весь свадебный поѣздъ. Не щеголяла невѣста нарядомъ, за то золотые лучи восходящаго солнца сплетались надъ ея головой въ блестящій громадный вѣнецъ, а вмѣсто дружки сопровождалъ ихъ орелъ, высоко рѣя надъ ними въ бездонной синевѣ... Чего же имъ больше?.. Іосифъ и Валли ощущали невыразимое счастье; они сознавали его, наслаждались, потому что счастье это не дешево досталось имъ.

На вершинѣ скалы, на Солнечной Площадкѣ, съ которой когда-то „задумчиво устремляла взоръ дикая, робкая дѣвушка горъ", откуда она потомъ спустилась въ темную пропасть, чтобы спасти того, кого она любила, —возвышается теперь большой крестъ, какъ бы возносясь въ небесную синеву. Это — памятникъ Валли-Орелъ-Дѣвкѣ и мужу ея Іосифу - Медвѣжатнику, воздвигнутый жителями Солнечной площадки въ благодарность за всѣ ихъ благодѣянія.

Валли и Іосифъ не дожили до преклонныхъ лѣтъ, но имена ихъ и до сихъ поръ не забыты, и слава о нихъ не умретъ, пока не перестанетъ грохотать бурливый Ахъ. Запоздалый путникъ, проходя ущельемъ внизу, слышитъ далекій вечерній звонъ и останавливается... Закинувъ голову, онъ видитъ тамъ, на вершинѣ,

Библиотека "Руниверс"

у креста, двѣ человѣческія фигурки, освѣщенныя серебристо-палевыми лучами луны... Это — Афра и Бенедиктъ, супруги, уже убѣленные сѣдинами. Частенько приходятъ они сюда изъ Рофена, чтобъ помолиться у подножія этого простаго памятника. Валли сама соединила ихъ, и вотъ старички эти, доживая можетъ быть послѣдніе дни, все еще благословляютъ ея память.

Клубятся въ ущельѣ бѣлые туманы и, словно призраки, окружаютъ путника, напоминая о „блаженныхъ дѣвахъ"... А крестъ навѣваетъ иныя думы—и слышатся тутъ какіе-то жалобные вопли изъ временъ давно-минувшихъ... О чемъ они?... Все на свѣтѣ прахъ и тлѣнъ; все преходяще — и сильное, и слабое!.. Да, но почему же не утѣшиться хоть тѣмъ, что *сильное* не погибаетъ? Исчезаетъ, умираетъ только то, въ чемъ *оно* временно проявляетъ себя; гибнетъ оболочка, содержимое же — вѣчно!

Такъ, подъ блестящими-ли панцырями Нибелунговъ, подъ грубой-ли крестьянской одеждой какого-нибудь Іосифа-Медвѣжатника и Валли Орелъ-Дѣвки, мы видимъ одно и то же—нетлѣнное, вѣчное—живую, неизмѣнную силу.

Посылка.

Мы навѣрное не ошибемся, если скажемъ, что между нашими читателями, а особенно между читательницами, есть страстныя любители котятъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ не залюбоваться напримѣръ прилагаемой нами картинкой, изъ которой смотрятъ на васъ какъ живыя эти хорошенькія мордочки съ блестящими глазенками, съ разинутыми маленькими ротиками и вострыми зубенками, какъ у миніатюрныхъ львятъ. Эта картина была выставлена французскимъ художникомъ Эженемъ Ламберомъ на парижской художественной выставкѣ нынѣшняго года, и привлекала къ себѣ вниманіе публики больше всякихъ большихъ картинъ на академическія темы съ классическими претензіями.

Эженъ Ламберъ въ совершенствѣ изучилъ этихъ граціозныхъ животныхъ; никто лучше его не съумѣетъ передать всѣхъ ихъ кокетливыхъ движеній, взъерошить или разгладить ихъ шелковистую шерстку, зажечь быстрые глазенки или написать эти очаровательные розовые носишки,—однимъ словомъ, котята Ламбера могутъ просто вскружить голову любителю. Это художникъ-натуралистъ, произведенія котораго всегда дышатъ правдой и кромѣ того положительнымъ умомъ. Что̀ можетъ быть прелестнѣе этой живой «посылки», и кто бы отказался отъ нея? Четыре очаровательныхъ котеночка усажены въ плетеную корзину съ крышкой; рѣзвымъ созданіямъ не сидится въ заперти; они мяукаютъ, открыли крышку и уже просунули свои толстенькія лапки за край корзины. Который изъ котеночковъ лучше? Каждый прелестенъ въ своемъ родѣ. Такая корзина съ котятами можетъ быть не менѣе, если еще не болѣе пріятной «посылкой», чѣмъ самый прекрасный букетъ цвѣтовъ.

Какъ это нравится вамъ?..

(Голоса изъ толпы).

Онъ ничего не имѣлъ за душою,
Къ честной работѣ любви не питалъ,
Но.... говорятъ, чтобъ карась не дремалъ
Въ морѣ есть щука на то—и такою
Щукою сталъ онъ на страхъ карасямъ.
Нынче онъ толстъ и румянъ; проживаетъ
Въ собственномъ домѣ, на биржѣ бываетъ,
Былъ и присяжнымъ....
—„Потачки ворамъ
Я не даю, отозвался онъ строго:—
Стали ужъ нынче оправдывать много!..
Какъ это нравится вамъ?"....

* * *

Барыня въ бархатъ и шелкъ раздѣта,
Барынѣ нужно сейчасъ со двора—
Восемь визитовъ отдать! И карета
Барыню ждетъ у подъѣзда съ утра.
Дерзкая прачка вдругъ стала предъ нею:
„Я, говоритъ, уже два мѣсяца жду
Денегъ отъ васъ!"—
—„Извини, не имѣю,
Милая, времени"...
—„Я не уйду!
Вы обѣщали—я долго терпѣла.
Деньги отдайте! Вѣдь это-же—срамъ!"
—„Какъ ты безъ спроса войдти сюда смѣла?
Какъ это нравится вамъ?"....

* * *

Дѣвушка плачетъ, а мать утѣшаетъ:
„Полно-же, Даша! Вѣдь портишь глаза!..
Мать тебѣ, дурочка, счастья желаетъ....
А фермуаръ-то какой! Бирюза,
Ну, и алмазы совсѣмъ настоящіе!
Это вѣдь третій подарокъ *его*"....
—„Ахъ, что̀ мнѣ эти подарки блестящіе?..
Я не могу... не пойду за него...
Лучше... позвольте мнѣ быть гувернанткой!
Стану работать, сидѣть по ночамъ"...
—„Значитъ, меня ты считаешь тиранкой?..
Какъ это... нравится вамъ?!"...

* * *

Лѣтъ ему—сорокъ, а ловко порхаетъ...
Жизни разгульной слѣды на челѣ;
Любитъ онъ „буффъ" и балетъ посѣщаетъ,
Розовыхъ куча записокъ въ столѣ...
Милъ и любезенъ съ законной женою,
Ей не рѣшится ни въ чемъ отказать,
Только-бы.... до̀ма сидѣла!..
—„Съ тобою
Ваничка, Лиза... Ну, гдѣ-же скучать?"..
Какъ-то однажды, въ одиннадцать ровно
Прибылъ домой онъ...
—„Гдѣ-жъ барыня? Тамъ?"
—„Въ гости уѣхали-съ Ольга Петровна"...
—„Какъ это нр-рравится вамъ?!"...

* * *

Умеръ почтеннѣйшій Сидоръ Петровичъ;
Куча знакомыхъ за гробомъ пѣшкомъ
Шествуетъ тихо... А Павелъ-то Львовичъ
Носъ и глаза утираетъ платкомъ.
—„Охъ, понесли мы потерю̀ какую!
Просто не вѣрится... Вотъ, и смирись!"
Кончены проводы... Въ яму сырую
Гробъ опустили—и всѣ разошлись.
—„Что-о? Говорите—не будетъ поминокъ?"
—„Да-съ, Павелъ Львовичъ! Ужъ намъ—по домамъ".
—„Н-ну! Хоть-бы рюмочку... па̀ру сардинокъ....
Какъ это... нравится вамъ?"....

В.

Библиотека "Руниверс"

Казнь слономъ въ Бародѣ. Рис. Баяръ, грав. Паннемакеръ.

Библиотека "Руниверс"

Казнь слономъ въ Бародѣ

Въ памяти читателей конечно еще свѣжи газетныя извѣстія объ арестованіи англичанами властителя Бароды, этой благословенной природою и до послѣдняго времени крайне несчастной страны. Барода, или Гуджера, владѣніе въ 208 кв. миль, лежитъ между рѣкою Камбодже и Мальвскою равниною, на западныхъ отрогахъ Виндійскихъ горъ, въ Бомбейскомъ президентствѣ Британской Индіи. Климатъ здѣсь благорастворенный, въ которомъ тропическій жаръ умѣряется съ одной стороны горными цѣпями, а съ другой близостью моря и югозападными муссонами. Богатѣйшая растительность привлекала вниманіе естествоиспытателей еще со временъ Аристотеля. Главнѣйшими питательными и хозяйственными растеніями являются: рисъ, пшеница, ячмень, маисъ, сахарный тростникъ, кофейное деревцо, хлопчатникъ, множество фруктовыхъ деревьевъ и пряностей. Непроходимые лѣса даютъ убѣжище слонамъ и носорогамъ, тиграмъ, кабанамъ и прочей крупной дичи. Домашнихъ животныхъ составляютъ тотъ же слонъ, буйволъ, замѣняющій здѣсь сравнительно-рѣдкую лошадь не только при обработкѣ полей, но и въ ѣздѣ, далѣе верблюдъ, зебу, овцы и проч. Въ окрестныхъ горахъ добываются горный хрусталь, аметисты, хризолиты, гранаты, изумруды и бѣлый мраморъ. Населеніе всѣхъ владѣній гвиковара, простирающееся до двухъ мильоновъ, смѣшаннаго типа, отличнаго отъ собственно индусовъ; особенно многочисленно дикое и разбойническое племя Бгиль, остатокъ первоначальнаго неарійскаго населенія, затѣмъ воинственные маратты, пиндари, парсы или гебры (огнепоклонники) и проч. Преобладающій языкъ—маратскій, санскритскаго корня. Вѣра—браминская. Собственно въ Бародѣ населеніе простирается до 325,500 жителей, состоящихъ подъ властью маратской династіи гвиковаровъ. Столица этой провинціи или такъ-называемаго царства Гвиковара, Барода, большой городъ, лежащій въ плодоносной и хорошо-обработанной мѣстности при рѣкѣ Висвамитрѣ, съ царскимъ дворцомъ, нѣсколькими пагодами, и обширными цистернами. Въ 20 миляхъ на сѣверовостокъ отъ Бароды, посреди равнины возвышается гора съ вѣнчающими ея остатками крѣпости Чампаниръ или Повангаръ, изъ пяти рядовъ стѣнъ, обильно снабженной водою и нѣкогда слывшей неприступной до тѣхъ поръ, пока англичане не взяли ее въ 1803 г. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ ея расположенъ древній храмъ, къ которому ведутъ 240 ступеней, посвященный богинѣ Кали.

Барода, вмѣстѣ со множествомъ мелкихъ вассальныхъ и зависимыхъ отъ нея владѣній на полуостровѣ Каттиварѣ, входитъ въ число такъ-называемыхъ *союзныхъ* государствъ, платящихъ остъиндскому правительству субсидію, на которую оно содержитъ войско (до 6,000) при дворѣ властителя, гдѣ также находится и англійскій резидентъ для надзора за управленіемъ гвиковара. Послѣдній изъ гвиковаровъ Мульхаръ-Рао, получавшій около 700,000 фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода, былъ, какъ извѣстно, безумный расточитель, сластолюбецъ и необузданный деспотъ, подъ игомъ котораго изнывала несчастная страна. До какой степени простиралась его жестокость и злоупотребленіе властью—можно видѣть изъ прилагаемаго рисунка; только утонченное звѣрство могло изобрѣсти подобнаго рода казнь. Осужденный клалъ голову на плаху, къ нему подводили ручнаго слона, и громадное твердокожее ногою расплющивало черепъ несчастнаго, котораго вся вина нерѣдко состояла въ навлеченіи какого-нибудь личнаго неудовольствія со стороны своего повелителя. Правленіе его было такъ дурно, что англійское правительство боялось оставлять его безнаказаннымъ, чтобы не подать заразительнаго примѣра другимъ союзнымъ магараджамъ. Наряжена была особая слѣдственная коммисія — и результаты слѣдствія были таковы, что если бы вице-король Остъ-Индіи лордъ Портбрукъ тотчасъ же низложилъ Гвиковара, мѣра эта была бы понята и одобрена всѣми сосѣдними правителями. Но онъ предпочелъ болѣе кроткія мѣры. Онъ далъ Гвиковару 18-мѣсячную отсрочку, предваривъ его, что если въ теченіи этого времени онъ не улучшитъ администраціи въ своемъ государствѣ, то вице-король сочтетъ тягостною необходимостью низложить его. Вмѣсто того чтобъ воспользоваться милостивымъ предостереженіемъ, Гвиковаръ сдѣлалъ попытку отравить англійскаго резидента при дворѣ его, полковника Файра. Надъ Гвиковаромъ нарядженъ былъ судъ—но такъ какъ не было очевидныхъ доказательствъ преступленія, то мнѣнія членовъ суда раздѣлились—приговоръ состоялся если не оправдательный, то по крайней мѣрѣ обвиненіе признали недоказаннымъ. Тѣмъ не менѣе Гвиковаръ былъ низложенъ прокламаціею вице-короля въ силу полной неспособности управлять государствомъ, съ разрѣшеніемъ вдовѣ прежняго правителя Бароды Хунди-Рао усыновить одного изъ членовъ маратской фамиліи Гвиковаровъ, котораго правительство и признаетъ въ качествѣ властителя Бароды. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ безпорядковъ, возбужденныхъ наложницами Мульхаръ-Рао, новымъ Гвиковаромъ Бародскимъ былъ избранъ старшій изъ трехъ сыновей покойнаго Хунди-Рао, Гопалъ-Рао, и возведенъ въ этотъ санъ 27-го мая.

Земная атмосфера

(Окончаніе).

Чѣмъ болѣе уменьшается плотность тѣла, тѣмъ болѣе увеличивается его теплоемкость; верхнія части атмосферы могутъ поэтому поглощать столько же теплоты солнечныхъ лучей, сколько и нижніе, не нагрѣваясь при этомъ такъ, какъ нагрѣваются нижніе. Когда нижніе слои воздуха, нагрѣваемые тепловыми лучами земли, становятся болѣе и болѣе легкими и, наконецъ, устремляются въ высоту, то температура ихъ (мы не принимаемъ въ разсчетъ другихъ причинъ, имѣющихъ вліяніе на измѣненіе температуры) понижается, ибо уменьшающееся воздушное давленіе расширяетъ ихъ. Вотъ одна изъ причинъ того, что на высокихъ горахъ холоднѣе, чѣмъ при уровнѣ моря. Другая причина этого явленія состоитъ въ томъ, что лучеиспусканіе горъ совершается съ меньшими препятствіями, чѣмъ лучеиспусканіе низменностей,—и что горы, находясь на довольно близкомъ разстояніи отъ пространства съ —50° и даже —60° температуры, могутъ охлаждаться скорѣе, чѣмъ низменности. Если бы обѣ причины нагрѣванія атмосферы дѣйствовали вездѣ съ одинаковою силой и если бы атмосфера представляла неподвижную массу постоянной плотности, то температура слоевъ ея была бы неодинакова лишь по вертикальнымъ направленіямъ—и такое распредѣленіе температуры было бы неизмѣнно. Но причины ея нагрѣванія и ея состояніе перемѣнчивы. Само по себѣ солнце можетъ быть разсматриваемо какъ неизмѣнный источникъ теплоты, хотя съ теченіемъ столѣтій въ напряженности его могутъ произойти измѣненія, — но дѣйствіе его на нашу планету измѣняется съ географическою широтою и при одной и той же широтѣ со временемъ дня и года; земная поверхность есть весьма перемѣнчивый источникъ теплоты, ибо ея температура зависитъ отъ перемѣнчиваго дѣйствія солнечныхъ лучей. Обѣ эти причины производятъ различіе температуръ атмосферы въ меридіанальномъ направленіи и колебаніе ея въ одномъ и томъ же мѣстѣ, соотвѣтствующее времени дня и года. Ко всему этому атмосфера обладаетъ большою подвижностью; неравное нагрѣваніе ея производитъ теченія воздуха и вѣтры. Прилежащіе къ земной поверхности слои атмосферы нагрѣваются сильнѣе, чѣмъ нужно для равновѣсія съ верхними слоями ея; это производитъ восходящія теченія воздуха, на мѣсто котораго устремляется болѣе плотный воздухъ изъ болѣе холодныхъ странъ. Такія восходящія теченія днемъ образуются вездѣ; они бываютъ сильнѣе лѣтомъ, чѣмъ зимою; особенно сильны они въ экваторіальныхъ странахъ. Никогда не прекращающіяся экваторіальныя восходящія теченія, поднявшись на нѣкоторую высоту, направляются къ полюсамъ, а оттуда устремляется къ экватору болѣе холодный воздухъ, такимъ образомъ происходитъ общее движеніе атмосферы, которое отчасти уравниваетъ температуру ея. Если бы нагрѣваніе земной поверхности находилось въ прямомъ отношеніи къ количеству падающихъ на нее солнечныхъ лучей, то распредѣленіе и колебаніе температуры въ атмосферѣ совершались бы по несложному закону: температура воздуха извѣстнаго мѣста зависѣла бы лишь отъ географической широты, высоты надъ уровнемъ моря, времени дня и года. Но температура извѣстной части земной поверхности зависитъ не отъ одного количества падающихъ на нее солнечныхъ лучей; она зависитъ еще отъ свойствъ и мѣстнаго положенія этой части. Сухая песчаная почва нагрѣвается болѣе, чѣмъ влажный лугъ или лѣсистая мѣстность; камни съ темнымъ оттѣнкомъ цвѣта нагрѣваются болѣе, чѣмъ камни съ свѣтлымъ оттѣнкомъ цвѣта; низменности нагрѣваются болѣе, чѣмъ высокія горы; вообще твердая земля нагрѣвается болѣе, чѣмъ вода. Стремленіе къ охлажденію того или другаго мѣста земной поверхности находится въ прямомъ отношеніи къ способности его нагрѣваться. Неодинаковое въ меридіанальномъ направленіи нагрѣваніе морской поверхности производитъ морскія теченія, которыя стремятся уравнять температуру моря. Все это дѣйствуетъ на атмосферу съ своей стороны, измѣняя направленіе и силу общихъ теченій воздуха и производя большое число болѣе или менѣе мѣстныхъ. Явленія испаренія совсѣмъ уже запутываютъ законъ распредѣленія и колебанія температуръ въ атмосферѣ. Испареніе воды сопровождается превращеніемъ весьма значительнаго количества теплоты въ скрытое состояніе, переходъ паровъ воды въ жидкое состояніе, наоборотъ, сопровождается освобожденіемъ этой теплоты. Вслѣдствіе присутствія водянаго пара въ атмосферѣ степень прозрачности ея чрезвычайно перемѣнчива, а это имѣетъ вліяніе какъ на нагрѣваніе солнечными лучами нижнихъ слоевъ воздуха и земной поверхности, такъ и на лучеиспусканіе ихъ. Днемъ густой облачный слой,

Библиотека "Руниверс"

отражая или поглощая большую часть солнечной теплоты, даетъ проникнуть чрезъ себя лишь небольшой ея части; ночью, напротивъ, онъ препятствуетъ нижнимъ слоямъ воздуха и земной поверхности охлаждаться лучеиспусканіемъ въ пространство. Вообще облака уравномѣряютъ температуру и уменьшаютъ колебанія ея. Въ мѣстностяхъ, не слишкомъ удаленныхъ отъ моря, и въ мѣстностяхъ, часто подвергающихся дѣйствію дующихъ съ моря вѣтровъ, облака составляютъ частое явленіе—и тамъ нѣтъ такихъ большихъ крайностей въ измѣненіи температуры, какія часто бываютъ въ другихъ мѣстностяхъ, лежащихъ хоть и подъ тою же географическою широтою, но на большихъ разстояніяхъ отъ моря. Всѣ эти второстепенныя причины распредѣленія и колебанія температуры въ атмосферѣ стремятся поставить ихъ въ зависимость отъ очертанія материковъ и отъ свойствъ ихъ поверхности. Объ опредѣленіи общаго закона, по которому распредѣляется и колеблется температура въ атмосферѣ, теперь нечего и думать; до сихъ поръ изъ ряда весьма многочисленныхъ наблюденій могли вывести лишь нѣсколько частныхъ законовъ. Узнать законъ объ уменьшеніи температуры слоевъ воздуха по мѣрѣ удаленія отъ земной поверхности — также въ высшей степени затруднительно; этому препятствуютъ постоянныя воздушныя теченія, слои тумана и пр. Въ 1804 году Гей-Люссакъ достигъ въ аэростатѣ высоты въ 6780 метровъ; у земной поверхности температура была +24,8° R, а на этой высотѣ —7,6° R, т. е. на этой высотѣ температура была на 32,4° R ниже, чѣмъ у земной поверхности. 15-го іюля 1840 года Барраль и Биксіо достигли почти той же высоты; на высотѣ въ 1883 метра они вступили въ туманный слой, верхняя граница котораго тогда лишь была ими достигнута, когда они поднялись на высоту въ 6,277 метровъ; вблизи отъ верхней границы этого слоя температура была —8° R, на самой границѣ — 18,4°, на высотѣ въ 6,609 метровъ — 32° R. 10-го марта 1874 г. Крочэ-Спинелли и Сивель предприняли воздушное путешествіе съ цѣлью научнаго изслѣдованія атмосферы; они достигли высоты въ 7,300 метровъ. При отправленіи ихъ температура была +13°C; по отправленіи ихъ она быстро понижалась до тѣхъ поръ, пока они не вступили въ облачный слой, гдѣ она была 0°C; на верхней границѣ этого слоя она была +2°C; затѣмъ она прогрессивно понижалась до тѣхъ поръ, пока они не достигли высоты въ 7,000 метровъ; далѣе путешественники не могли наблюдать температуры. Гумбольдтъ нашелъ, что въ горахъ Южной Америки поднятію на 4,888 метровъ соотвѣтствуетъ пониженіе температуры въ 20° R; такимъ образомъ, тамъ среднимъ числомъ поднятію на 249 метровъ соотвѣтствуетъ пониженіе температуры на 1° R; то же пониженіе температуры соотвѣтствуетъ въ Альпахъ поднятію на 241 метръ, въ Пиренеяхъ на 198 метровъ, по Соссюру въ Швейцаріи лѣтомъ на 188, зимой на 223. Но на Мельвиллѣ при 25°R Парри не замѣтилъ никакого пониженія температуры, поднявшись на 125,5 метра. Съ поднятіемъ надъ какою-нибудь мѣстностью—лѣтомъ термометръ понижается гораздо быстрѣе, чѣмъ зимою; это обстоятельство весьма благопріятно для гористыхъ мѣстностей, ибо оно устраняетъ ужасные морозы, которые могли бы произойдти въ этихъ мѣстностяхъ въ теченіе зимы. Горы, лежащія въ жаркомъ поясѣ, охлаждаются скорѣе горъ, лежащихъ въ умѣренномъ поясѣ; разница между температурами дня и ночи гористыхъ мѣстностей, лежащихъ въ жаркомъ поясѣ, такъ велика, что день и ночь замѣняютъ тамъ нѣкоторымъ образомъ лѣто и зиму умѣренныхъ поясовъ. Въ умѣренныхъ поясахъ зима гористыхъ мѣстностей отличается далеко не такимъ сильнымъ холодомъ, какого бы можно было ожидать, судя по высотѣ мѣстностей. Въ плоской части Швейцаріи на высотѣ въ 3,766 метровъ разница между средними температурами лѣта и зимы составляетъ 15°, на С.-Готардѣ 12°, на С.-Бернардѣ 11°. Соссюръ полагалъ, что на высотѣ въ 13,000—15,000 метровъ температура должна находиться въ зависимости только отъ времени дня. Даже ночью, въ странахъ съ умѣреннымъ климатомъ, по мѣрѣ удаленія отъ земной поверхности температура слоевъ воздуха уменьшается менѣе, чѣмъ днемъ. По всей вѣроятности, температура слоевъ воздуха уменьшается съ высотою тѣмъ медленнѣе, чѣмъ больше удалены они отъ земной поверхности, и колебаніе температуры слоевъ воздуха, лежащихъ на большомъ разстояніи отъ земной поверхности, несравненно меньше колебанія температуры нижнихъ слоевъ его.

Воздухъ безпрестанно находится въ движеніи: даже тогда, когда мы не въ состояніи замѣтить этого движенія, онъ двигается со скоростью 63—78 сантиметровъ въ секунду. Наши нервы въ здоровомъ состояніи начинаютъ ощущать движеніе воздуха только при скорости его въ 1,25 метра; для насъ непріятенъ тотъ воздухъ, скорость движенія котораго менѣе 1,87—2,5 метра. Какъ и море, атмосфера имѣетъ другое движеніе, не зависящее отъ теплоты. Движеніе это имѣетъ сходство съ явленіемъ прилива и отлива; мы не можемъ замѣтить его непосредственно, но колебанія барометра показываютъ, что оно существуетъ.

Какъ извѣстно, воздухъ не вполнѣ прозраченъ; отдаленные предметы кажутся намъ бѣловато-голубыми. Степень прозрачности воздуха перемѣнчива. Опыты, произведенные Шлагинтвейномъ на Альпахъ, показали, что на большихъ высотахъ надъ уровнемъ моря воздухъ гораздо прозрачнѣе, чѣмъ вблизи отъ уровня. Гумбольдтъ обращаетъ вниманіе на большую прозрачность воздуха въ степяхъ; вблизи отъ Квито онъ замѣтилъ невооруженнымъ глазомъ бѣлую точку, двигавшуюся на разстояніи 4 нѣмецкихъ миль отъ него передъ черными базальтовыми скалами; этою точкой казался ему его другъ Бонплянъ, укутанный въ бѣлый плащъ. Многіе думаютъ, что наибольшей прозрачностью атмосфера обладаетъ въ солнечные и безоблачные дни; но особенная прозрачность атмосферы замѣчается вовсе не въ такіе дни. При долго продолжающейся хорошей погодѣ воздухъ вовсе не обладаетъ большой прозрачностью; такую прозрачность воздуха, при которой мы ясно различаемъ отдаленныя горы, почти всегда можно считать признакомъ того, что скоро пойдетъ дождь. Наибольшей своей прозрачности, по крайней мѣрѣ въ нашихъ климатахъ, воздухъ достигаетъ тогда, когда послѣ долго шедшаго дождя или грозы небо быстро проясняется; такою прозрачностью воздухъ обладаетъ впрочемъ лишь въ теченіе весьма непродолжительнаго времени. Количество поглощаемаго атмосферою свѣта уже весьма значительно при ясномъ небѣ и при большой прозрачности воздуха; оно увеличивается тогда, когда прозрачность воздуха уменьшается; увеличеніе это тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше уголъ, составляемый съ горизонтомъ падающими на нашу планету лучами звѣздъ. Дневная освѣщенность находится въ зависимости отъ прозрачности воздуха. При прохожденіи свѣта черезъ воздухъ, всѣ простые лучи его, кромѣ голубыхъ, поглащаются воздухомъ: каждая частица воздуха отражаетъ голубой лучъ на другую, другая на третью и т. д.; такимъ образомъ происходитъ разсѣяніе голубыхъ лучей по самымъ различнымъ направленіямъ. Безъ этого въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя проходили бы солнечные лучи, было бы чрезвычайно свѣтло, но тѣни были бы совершенно черныя и въ тѣни какого-нибудь предмета было бы совершенно темно. По той же причинѣ ночью небо (точнѣе: воздухъ) вовсе не имѣло бы цвѣта; оно казалось бы совершенно черным. Чѣмъ прозрачнѣе воздухъ, тѣмъ рѣзче разница между освѣщенными мѣстами и тѣнями; съ уменьшеніемъ прозрачности воздуха уменьшается и эта разница. Въ низменностяхъ цвѣтъ неба голубой и звѣздъ днемъ не видно; на высокихъ горахъ, напримѣръ на высотѣ въ ⅔ мили, цвѣтъ неба почти черный и звѣзды видны днемъ. Цвѣтъ неба долженъ быть тѣмъ ярче, чѣмъ больше число частицъ воздуха, разсѣявающихъ лучи; этимъ и объясняется разница въ цвѣтѣ неба въ низменностяхъ и на высокихъ горахъ: днемъ не видно звѣздъ въ низменностяхъ потому, что вслѣдствіе свѣторазсѣянія атмосфера становится свѣтлѣе лучей этихъ звѣздъ. Въ странахъ съ теплымъ климатомъ голубой цвѣтъ неба ярче, чѣмъ въ странахъ съ холоднымъ климатомъ. При одной и той же географической широтѣ, въ странахъ, удаленныхъ отъ моря, онъ ярче, чѣмъ въ приморскихъ странахъ или на морѣ; причина этого состоитъ въ томъ, что въ послѣднихъ всегда находится много водянаго пара, который незамѣтенъ для глаза по своей незначительной густотѣ.

Надъ ролью, которую играетъ водяной паръ въ окраскѣ атмосферы, производилъ изслѣдованія Тиндалль. При дѣйствіи сильнаго свѣта на различные пары онъ получилъ особые виды облаковъ, частицы которыхъ были гораздо тоньше, чѣмъ самыя тонкія изъ частицъ видимыхъ нами облаковъ. Цвѣтъ ихъ былъ голубой; лишь при значительномъ сгущеніи они приняли бѣлый цвѣтъ. По всей вѣроятности, въ верхнихъ слояхъ атмосферы водяной паръ находится въ подобномъ же состояніи и яркость голубаго цвѣта неба зависитъ, такимъ образомъ, отъ степени сгущенности пара.

При всякой погодѣ и температурѣ атмосфера содержитъ въ себѣ свободное электричество, напряженіе котораго увеличивается по мѣрѣ удаленія отъ земной поверхности. При ясномъ безоблачномъ небѣ воздухъ постоянно бываетъ заряженъ электричествомъ; при облачномъ небѣ онъ показываетъ признаки то положительнаго, то отрицательнаго электричества. Напряженіе атмосфернаго электричества при облачномъ небѣ вообще болѣе напряженія его при ясномъ небѣ. Туманъ, облака, роса, дождь, градъ, снѣгъ всегда болѣе или менѣе наэлектризованы; знакъ электричества ихъ неодинаковъ. Количество атмосфернаго электричества измѣняется въ теченіе дня. При ясномъ небѣ измѣненіе его по Шюблеру есть слѣдующее: при восхожденіи солнца избытокъ положительнаго электричества въ атмосферѣ весьма слабъ; съ восходомъ солнца онъ возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается количество водянаго пара въ нижнихъ слояхъ воздуха, и достигаетъ своего максимума лѣтомъ между 6 и 7 часами, весною и осенью между 8 и 9 часами, зимою между 10 и 11 часами. Въ это же время нижніе слои воздуха становятся очень богаты парами и при холодной погодѣ часто появляется туманъ. По мѣрѣ того какъ пары изъ нижнихъ слоевъ воздуха переходятъ въ верхніе, количество атмосфернаго электричества уменьшается; оно достигаетъ своего минимума за нѣсколько часовъ до захожденія солнца (между 4 и 6 часами лѣтомъ, около 3 часовъ зимою). Съ закатомъ солнца оно весьма быстро увеличивается вновь вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества водянаго пара въ нижнихъ слояхъ атмосферы и достигаетъ своего втораго максимума спустя 1½—2 часа послѣ захожденія солнца. Вообще, напряженіе положительнаго электричества атмосферы тѣмъ больше, чѣмъ замѣтнѣе для глаза водяной паръ въ нижнихъ слояхъ воздуха; въ холодное время года, когда па-

Библиотека "Руниверс"

ры и туманъ довольно долго находятся въ этихъ слояхъ, оно сильнѣе, чѣмъ въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы, когда туманъ въ нижнихъ слояхъ атмосферы составляетъ весьма рѣдкое явленіе и когда эти слои обладаютъ большею ясностью и прозрачностью. Напряженіе электричества облаковъ и дождей, напротивъ, зимою меньше, чѣмъ лѣтомъ; напряженіе электричества дождя въ іюлѣ мѣсяцѣ среднимъ числомъ въ десять разъ болѣе напряженія электричества дождя или снѣга въ январѣ мѣсяцѣ. О причинѣ, источникѣ атмосфернаго электричества мы не знаемъ еще ничего опредѣленнаго.

Въ химическомъ отношеніи воздухъ есть смѣсь главнымъ образомъ кислорода, азота, небольшаго количества углекислоты и водянаго пара. Если пропустить нѣкоторый объемъ воздуха черезъ трубки, наполненныя хлористымъ кальціемъ, то имъ поглотятся пары воды; увеличеніе вѣса трубокъ покажетъ вѣсъ пара, заключавшагося въ этомъ объемѣ воздуха. Если пропустить нѣкоторый объемъ воздуха черезъ растворъ водной окиси барія, то имъ поглотится углекислота; вѣсъ количества ея, заключавшагося въ этомъ объемѣ воздуха, такимъ образомъ, можетъ быть также опредѣленъ. Вѣсъ кислорода даннаго объема воздуха можетъ быть опредѣленъ посредствомъ пропусканія этого воздуха черезъ трубки съ фосфоромъ; но чаще опредѣляютъ его посредствомъ эвдіометра. Воздухъ впускается въ эвдіометръ, т. е. въ трубку, тщательно раздѣленную на миллиметры, закрытую съ одного конца, наполненную ртутью и погруженную открытымъ концомъ въ ртутную ванну; измѣряютъ объемъ впущеннаго воздуха; вводятъ въ трубку такое количество водорода, котораго было бы болѣе, чѣмъ достаточно для соединенія съ кислородомъ; наконецъ, зажигаютъ газовую смѣсь, пропуская чрезъ нее электрическую искру посредствомъ двухъ платиновыхъ проволокъ, впаянныхъ въ верхній конецъ трубки. Черезъ это кислородъ воздуха соединяется съ водородомъ, образуя воду; объемъ такого соединенія можетъ быть легко измѣренъ; количество кислорода, содержащееся въ немъ, легко опредѣлить на основаніи того закона, что одинъ объемъ кислорода соединяется въ воду съ двумя объемами водорода. Многочисленныя изслѣдованія надъ составомъ воздуха показали, что онъ довольно постояненъ; въ 100 объемныхъ частяхъ воздуха содержится среднимъ числомъ:

Кислорода	20,77,
Азота	78,35,
Углекислоты	0,04.

Мѣстныя условія производятъ иногда довольно значительныя измѣненія въ такомъ составѣ воздуха; легко убѣдиться въ этомъ, разсматривая слѣдующую таблицу, показывающую содержаніе кислорода въ воздухѣ, взятомъ въ различныхъ мѣстахъ:

Воздухъ	Содержитъ объемныхъ частей кислорода.
на Атлантическомъ океанѣ	20,96— 21,05,
на горныхъ вершинахъ	20,98,
въ болотистыхъ мѣстахъ	20,94,
въ тропическихъ лѣсахъ, вечеромъ	20,81,
въ тропическихъ лѣсахъ, утромъ	20,76,
на дворѣ и въ отхожихъ мѣстахъ	20,70,
въ аудиторіи, до чтенія	20,22,
въ аудиторіи, послѣ чтенія	19.86,
въ спальнѣ	20,36,
дурной воздухъ въ которомъ гаснутъ свѣчи	18,50,
въ которомъ можно пробыть лишь нѣсколько минутъ, тяжело дыша	17,20,

Легко понять нѣкоторыя причины уменьшенія количества кислорода въ воздухѣ. Кислородъ въ водѣ растворимъ болѣе, чѣмъ азотъ; поэтому дождь поглощаетъ изъ воздуха болѣе кислорода, чѣмъ азота. Но особенно большое вліяніе на уменьшеніе количества кислорода въ воздухѣ имѣетъ разлагающіяся вещества; въ Гангѣ и Бенгальскомъ заливѣ находится много растительныхъ и животныхъ гніющихъ веществъ: во 100 объемныхъ частяхъ воздуха надъ Бенгальскимъ заливомъ содержится лишь 20,46, а у Ганга лишь 20,39 частей кислорода. На вопросъ, имѣютъ ли такія уменьшенія содержанія кислорода въ воздухѣ вліяніе на здоровье человѣка, нельзя теперь дать отвѣта; но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что бѣдный кислородомъ воздухъ почти всегда содержитъ вредныя примѣси. Замѣтимъ, что большое вліяніе на здоровье человѣка оказываетъ еще озонъ (кислородъ въ нѣсколько сгущенномъ состояніи), отличающійся способностью легко соединяться съ другими тѣлами.

Углекислоты въ воздухѣ очень мало; ея распредѣленіе въ немъ весьма неравномѣрно. По многимъ изслѣдованіямъ, въ 10,000 объемовъ воздуха содержится отъ 3,6 до 6,2 объемовъ углекислоты. Вообще углекислоты лѣтомъ воздухъ содержитъ болѣе чѣмъ зимою, ночью болѣе чѣмъ днемъ. Съ поднятіемъ надъ поверхностью земли, количество кислорода въ воздухѣ уменьшается, а количество углекислоты увеличивается. На морѣ воздухъ содержитъ углекислоты меньше, чѣмъ на сушѣ; это служитъ причиною того, что въ приморскихъ странахъ количество углекислоты въ воздухѣ увеличивается при континентальныхъ вѣтрахъ и уменьшается при морскихъ вѣтрахъ. Долго идущій дождь уменьшаетъ количество углекислоты въ воздухѣ; послѣ дождя, шедшаго короткое время, оно увеличивается. Распредѣленіе въ атмосферѣ соединеній азота гораздо неравномѣрнѣе распредѣленія углекислоты. Въ 1 милліонѣ частей воздуха содержится по вѣсу отъ 0,04 до 47,6 частей амміака, соединенія азота съ водородомъ. Вообще амміакомъ воздухъ бываетъ лѣтомъ богаче, чѣмъ зимою; объяснить это легко, зная, что амміакъ образуется или при разложеніяхъ органическихъ веществъ или при испареніи воды. Что касается до другихъ веществъ, входящихъ въ составъ воздуха, то изъ нихъ стоитъ назвать лишь слѣдующія: окись углерода, нѣкоторыя соединенія углерода съ водородомъ, сѣрнистый водородъ, водородъ, іодъ (?) и главнымъ образомъ водяной паръ.

Находясь въ непосредственномъ соприкосновеніи съ болѣе или менѣе значительными по протяженію поверхностями воды и влажною твердою частью земной поверхности, атмосфера должна постоянно насыщаться водянымъ паромъ. Количество его въ воздухѣ весьма перемѣнчиво. Вообще, оно увеличивается съ повышеніемъ и уменьшается съ пониженіемъ температуры. Въ жаркихъ странахъ оно больше, чѣмъ въ холодныхъ; въ низменностяхъ оно больше, чѣмъ въ гористыхъ мѣстностяхъ; лѣтомъ оно больше, чѣмъ зимою; днемъ оно больше, чѣмъ ночью. Положеніе мѣста, свойство поверхности этого мѣста и пограничныхъ странъ, удаленность отъ моря, направленіе вѣтровъ и другія обстоятельства производятъ разнообразнѣйшія перемѣны въ количествѣ водянаго пара въ этомъ мѣстѣ. Измѣненіе количества водянаго пара въ данномъ мѣстѣ влечетъ за собою нѣкоторое измѣненіе въ количествѣ кислорода въ воздухѣ этого мѣста. Вдыхаемый воздухъ жаркихъ или влажныхъ странъ сравнительно съ воздухомъ холодныхъ или сухихъ странъ содержитъ нѣсколько меньшее количество кислорода. Если положить, что среднимъ числомъ въ воздухѣ содержится 0,84 объемной части водянаго пара, то составъ воздуха можно считать слѣдующимъ:

78,35	частей	азота,
20,77	»	кислорода,
0,84	»	водянаго пара,
0,04	»	углекислоты.

Весьма важную составную часть воздуха составляетъ еще пыль, свойство и количество которой естественно зависятъ отъ мѣстныхъ условій.

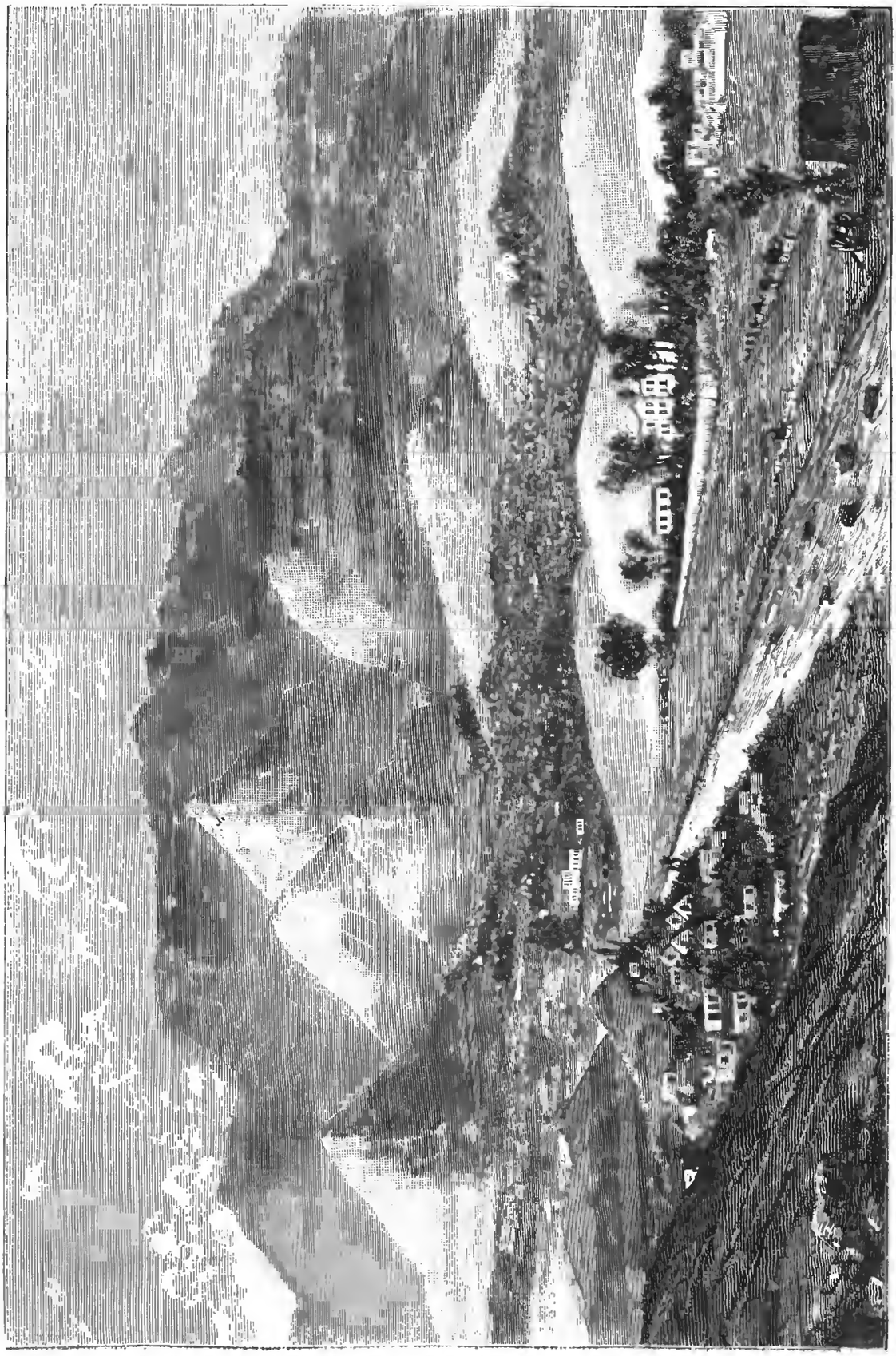
Составныя части атмосферы имѣютъ громадное значеніе для жизни организмовъ на землѣ. Для жизни всѣхъ животныхъ необходимъ кислородъ. При дыханіи воздухъ входитъ въ легкія ихъ; кислородъ задерживается и переходитъ въ кровь, а выдыхается углекислота. Для жизни всѣхъ растеній необходима углекислота. Она воспринимается листьями растеній и разлагается ихъ жизненнымъ процессомъ такимъ образомъ, что углеродъ, служащій имъ пищею, задерживается, а кислородъ выдѣляется. Главнѣйшія составныя части растительныхъ и животныхъ тѣлъ состоятъ изъ углекислоты, воды и амміака. По смерти организма начинается разложеніе его, и входившіе въ составъ его газы поступаютъ въ атмосферу или соединяются съ другими веществами. Впрочемъ въ земной корѣ находятся громадныя массы не вполнѣ разложившагося органическаго вещества; весьма значительные залежи торфа, каменнаго и бураго угля суть остатки первобытнаго растительнаго міра. Весьма вѣскіе доводы приводятся въ подтвержденіе того, что углекислая известь, образующая цѣлыя цѣпи горъ, повсюду произошла черезъ посредство организмовъ и что ея углекислота находилась нѣкогда въ атмосферѣ въ свободномъ состояніи. Всѣ главнѣйшія составныя части земной коры (известь, глиноземъ, кремнеземъ) суть продукты окисленія; на основаніи многихъ соображеній можно допустить, что кислородъ ихъ нѣкогда находился также въ свободномъ состояніи. Заключенный въ землѣ углеродъ безпрестанно въ большомъ количествѣ поступаетъ въ атмосферу. Вулканическая дѣятельность всегда сопровождается значительнымъ выдѣленіемъ углекислоты въ атмосферу; ключевая вода очень богата ею. Читатель, можетъ быть, спроситъ насъ: измѣняется ли теперь химическій составъ атмосферы или нѣтъ? Отвѣчаемъ ему, что при современномъ состояніи науки этотъ въ высшей степени интересный вопросъ неразрѣшимъ.

Л. Тимофѣевъ.

Посѣщеніе вершины Шемранскихъ горъ.

Къ сѣверу отъ Тегерана, хребетъ Эльбрусскихъ горъ образуетъ рядъ пиковъ довольно значительной высоты. Посѣтить эти вершины намъ уже давно хотѣлось, но все какъ-то не удавалось исполнить наше желаніе; наконецъ, 18-го іюня сего года, мы, т. е. нѣсколько здѣшнихъ европейцевъ, и капитанъ Непиръ, извѣстный англійскій путешественникъ и политическій агентъ въ здѣшнихъ краяхъ, отправились изъ Тегерана по такъ-называемой Гульхекской дорогѣ, лучшей улицѣ въ окрестности

Библиотека "Руниверс"



Шемранскія горы (близъ Тегерана).
Рис. Н. Каразинъ, грав. Дзѣдзицкій.

Зертендъ
(Русское посольство).

Гульхенъ
(Англійское посольство).

Библиотека "Руниверс"

Тегерана, усаженной по обѣимъ сторонамъ итальянскими тополями и кустарникомъ разныхъ сортовъ. Проѣхавъ версты полторы, мы остановились у красиваго замка Казръ-Каджаръ, лежащаго на холмѣ, съ котораго террасами спускаются въ долину. Въ углу прилегаетъ къ замку большой садъ, также расположенный террасами, полный фруктовыхъ деревьевъ, платановъ, кустарниковъ розъ; кромѣ того здѣсь находятся три сосны, что можно считать за рѣдкость въ этомъ климатѣ.

Почва здѣсь холмистая, но растительности почти никакой нѣтъ, исключая нѣсколькихъ кустарниковъ каперцевъ и сухихъ травъ.

Вечеромъ мы прибыли въ Зергендъ, деревню, въ которой находится лѣтомъ русское посольство, а въ 200 саженяхъ отсюда лежитъ деревня Гульхекъ съ англійскимъ посольствомъ; въ Зергендѣ мы остались ночевать, а на другое утро часовъ въ 5 отправились дальше. Теперь уже мѣстность совершенно перемѣнила видъ свой, повсюду простирались поля и деревни окруженныя садами.

Совершенно справедливо названа страна эта «Шемиранъ» (или Шемранъ), что значитъ «свѣча Ирана»; въ Персіи, которая состоитъ изъ большихъ и малыхъ, солончаковыхъ и безсольныхъ пустынь, каждое дерево должно быть садомъ, а садъ лѣсомъ.

Мало по малу дорога подымалась и дѣлалась уже, по обѣимъ сторонамъ подымались громадныя скалы; теперь дорога шла по склону большой горы, внизу шумѣлъ водопадъ, падающій съ 5.000 футовъ высоты, терасообразно орошая окрестность.

Часовъ въ 8 мы прибыли въ Паскалэ, деревню, лежащую около самаго водопада, по дорогѣ въ Шаре-Станекъ. Жители занимаются пчеловодствомъ, скотоводствомъ и продажею дровъ и бревенъ; здѣсь уже климатъ совершенно иной чѣмъ въ долинѣ: нѣтъ здѣсь ни гранатовъ, ни фигъ, ни даже винограда, а поспѣваютъ только вишни, яблоки, груши и т. п. фрукты. Очень насъ удивило, когда намъ поднесли тарелку земляники—право диковинка въ Персіи.

Здѣсь мы пересѣли съ лошадей на лошаковъ и поѣхали тихимъ шагомъ по Шарестанекской дорогѣ; дорога дѣлалась все болѣе трудной; водопадъ мы оставили вправѣ отъ насъ, но пришлось намъ все таки часто переѣзжать чрезъ многіе другіе; часто видали мы куропатокъ и однажды даже замѣтили нѣсколько дикихъ козъ; растительность дѣлалась бѣднѣе, деревьевъ уже никакихъ не встрѣчали; мѣстами мы находили ревень въ большомъ количествѣ, какъ и разные роды тульпъ; въ особенности замѣчательно было одно растеніе, имя котораго никто изъ насъ не зналъ; на короткомъ стволѣ расширялась огромная подушка вѣтвей, имѣющая много сходства съ знакомымъ каждому мхомъ Кукушкинъ ленъ (Polytrichum commune) такъ привѣтливо приглашающаго отдохнуть; но сохрани васъ Юпитеръ попробовать сѣсть на эту подушку; вмѣсто мягкихъ листьевъ мха, вы найдете только длинные иглы шиповника. Это растеніе растетъ повсюду—и разница только въ томъ, что внизу горы оно цвѣло, а на вершинѣ оно было прошлогоднѣе сухое.

Наконецъ мы прибыли къ одной точкѣ дороги, далѣе которой не было возможности продолжать путь на лошакахъ. Мы разбили здѣсь свой лагерь—и хорошенько позавтракавъ, трое изъ насъ отправились на самую вершину горы, 12,600 ф. надъ уровнемъ моря; повсюду лежалъ снѣгъ толстыми слоями, температура же здѣсь было 10 гр. Реом. тепла; къ сѣверу распространялась большая равнина, совершенно покрытая снѣгомъ и мѣстами льдомъ; далѣе же поднимались многочисленные хребты горъ, окруженные облаками. Говорятъ, что осенью въ ясный день можно видѣть Каспійское море. Картина являвшаяся нашимъ взорамъ имѣла весьма печальный видъ, мертвая тишина господствовала повсюду.

Разница температуры скоро сдѣлалась чувствительна: мы уѣхали изъ Тегерана въ 40-градусный жаръ, здѣсь же мы до того прозябли въ нѣсколько минутъ, что пришлось развести огонь.

Къ югу простиралась сплошная возвышенность персидская, города и деревни рѣзко отличались отъ свѣтлой каменистой пустыни, окаймленной всюду скалистыми, красными горами; на юго-востокъ блистала покрытая слоемъ соли пустыня Хоросанская, къ востоку же возвышался, какъ громадная сахарная голова, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ вулканъ Демавендъ.

Горы сами по себѣ не представляютъ большаго минералогическаго разнообразія, вездѣ преобладаетъ лава и базальтъ, изъ минераловъ только и добывается съ успѣхомъ олово, свинецъ и каменный уголь; желѣза и мѣди хотя и должно быть много, судя по окисямъ этихъ металловъ, которыя можно встрѣчать на каждомъ шагу, но Персы слишкомъ не предпріимчивы и бѣдны чтобъ заниматься съ выгодой горнозаводствомъ; золота и серебра вовсе нѣтъ.

Пришло время и намъ оставить нашу возвышенную позицію: медленно спускаясь внизъ, мы до крайности усталые, около 8 часовъ вечера, опять прибыли въ Паскалэ, откуда на другое утро отправились въ Тегеранъ.

Смѣсь.

Прошедшее и вѣчность *). Извѣстно, что мы иногда получаемъ свѣтъ отъ такихъ звѣздъ, которыя быть можетъ давно уже исчезли; такъ какъ неподвижныя звѣзды находятся въ неизмѣримомъ разстояніи отъ нашей планеты, то посланный ими лучъ свѣта, этотъ быстрый курьеръ—несмотря на его скорость, равняющуюся 42,000 географическихъ миль въ 1 секунду,—иногда остается на пути много-много лѣтъ. Понятно, что въ то время, когда лучъ достигаетъ насъ, очень можетъ статься, что звѣзда, которая намъ посылала этотъ лучъ, давно уже успѣла закатиться; это все равно, какъ если бы мы получили письмо отъ своего друга, который во время слѣдованія почты умеръ. И такъ, свѣтъ—это вѣстникъ прошлаго: онъ показываетъ намъ такія вещи, которыя давно уже имѣли мѣсто.

Основываясь на этомъ, мы теперь предположимъ, будто имѣемъ глазъ съ такимъ яснымъ и всевидящимъ зрѣніемъ, что мы не только видимъ свѣтъ отъ какой-либо звѣзды, но и всѣ предметы и существа, находящіеся на ней,—словомъ: такой глазъ, отъ котораго не можетъ ускользнуть ни одинъ фактъ, ни одно событіе, происходящее на этой звѣздѣ; тогда понятно, что какъ бы ясенъ ни былъ этотъ орлиный взглядъ, онъ однакожъ все таки теперь только увидитъ то, что для этой звѣзды перестало уже существовать. То же самое происходило бы съ такимъ глазомъ, помѣщеннымъ на какой либо звѣздѣ и обращеннымъ къ землѣ. Этотъ глазъ, помѣщенный на лунѣ, конечно увидитъ только то, что на самомъ дѣлѣ происходило на землѣ одну секунду тому назадъ. Этотъ глазъ помѣщенный на солнцѣ увидитъ факты и дѣянія, происходившія на землѣ тому назадъ восемь минутъ. И это все еще не важно. Но если помѣстимъ такой глазъ на одной изъ неподвижныхъ звѣздъ, свѣтъ которой достигаетъ земли чрезъ 10 лѣтъ, то онъ теперь только увидитъ то, что на самомъ дѣлѣ происходило 10 лѣтъ тому назадъ; такъ напр. люди умершіе въ теченіе этого десятилѣтія—существуютъ еще для нашего воображаемаго глаза. Февральская революція 1848 года видна была на этой неподвижной звѣздѣ не раньше 1858 года, тогда какъ мы, обитатели земли уже отнесли ее къ прошлому. На той же звѣздѣ чрезъ 6 лѣтъ только увидятъ марширующія колонны прусской арміи, приступающія къ Седану. И вотъ гдѣ мы могли бы удостовѣриться въ томъ, искалъ ли Наполеонъ III смерти среди смертоносныхъ орудій, или сидѣлъ онъ задумчиво, глядя въ даль, съ сигарой во рту. Все это, читатели, нашъ воображаемый глазъ увидитъ на этой неподвижной звездѣ. Но въ той же кучѣ, гдѣ находится взятая въ примѣръ неподвижная звѣзда, находятся и такія, которыя въ тридцать разъ болѣе отдалены отъ земли. Нашъ глазъ, помѣщенный здѣсь, увидитъ все происходившее на землѣ тому назадъ 300 лѣтъ. Онъ увидитъ гдѣ-то въ безконечномъ пространствѣ смѣлаго реформатора Мартина Лютера, дерзко выступающаго противъ папскихъ индульгенцій. Но безконечное пространство эфира идетъ еще дальше. Въ другомъ мѣстѣ видно, какъ Колумбъ открываетъ Америку. На болѣе отдаленномъ пунктѣ нашъ глазъ увидитъ запыхавшагося Магомета, спасающагося въ Медину. Поднимась еще выше нашъ глазъ увидитъ и Христа и Моисея; еще выше этого пункта—и нашъ глазъ теперь только увидитъ нашего праотца Авраама, бродящаго въ обѣтованной землѣ. И не только эти избранные періоды прошлаго, но и промежутки этихъ временъ существуютъ еще гдѣ-то въ этомъ неограниченномъ, безбрежномъ океанѣ эсфира. Изъ этого видно, какъ то, что прошло уже для насъ, происходитъ еще и теперь гдѣ-то—и чтобы это увидѣть, стоитъ только помѣстить нашъ глазъ въ надлежащемъ мѣстѣ. Чѣмъ дальше мы проникнемъ въ пространство, тѣмъ глубже проникнемъ въ прошедшее, и изъ этого слѣдуетъ выводъ: если пространство эфира безконечно, то и все нѣкогда происходившее составляетъ вѣчность, и такъ: *прошедшее есть вѣчность*.

Настоящая выдержка приведена извѣстнымъ популяризаторомъ и ученымъ А. Бернштейномъ въ одной изъ своихъ Naturwissenschaftliche Volksbücher.

*) Выдержка изъ книги „Der Mensch und die Sterne" von X. U. Z. Breslau.

Распиливаніе деревьевъ проволокой. Какого труда стоитъ свалить напримѣръ старый дубъ, какъ надо работать пилой и топоромъ, сколько взмаховъ нужно одѣлать послѣднимъ, чтобы свалить лѣснаго великана! Теперь, если вѣрить американскимъ извѣстіямъ, это должно измѣниться—и та же самая сила, посредствомъ которой происходитъ въ настоящую минуту сообщеніе между Новымъ и Старымъ свѣтомъ, будетъ отнынѣ служить для скорой и легкой вырубки первобытныхъ лѣсовъ.

Въ медицинѣ существуетъ способъ леченія, называемый гальваническимъ травленіемъ и служащій для срѣзыванія съ человѣческаго тѣла наростовъ, полиповъ и т. п. Часть, которую слѣдуетъ удалить, обматывается платиновой проволокой, проведенной между полюсами сильной гальванической цѣпи и раска-

Библиотека "Руниверс"

ленной до бѣла. Такимъ образомъ, болѣзненный наростъ удаляется посредствомъ срѣзыванія или отжиганія его.

Этотъ самый способъ американецъ Георгъ Робинзонъ думаетъ примѣнить для рубки деревьевъ. Если раскаленную толстую платиновую проволоку приводить въ такое движеніе, какое дѣлаетъ пила, то эта проволока проникнетъ въ самое твердое дерево такъ легко, какъ шелковинка въ кусокъ масла. Посредствомъ ея можно пилить доски такой тонины, какъ прозрачный ломтикъ колбасы; кромѣ того она можетъ слѣдовать малѣйшимъ изгибамъ, гораздо точнѣе всякой пилы. Проволока, пока черезъ нее проводится гальваническій токъ, бываетъ раскалена до бѣла, и такъ какъ она очень тонка, то при этой операціи нѣтъ потери дерева; остается одинъ слабо обуглившійся ободокъ. Весь процессъ происходитъ необыкновенно быстро, нѣтъ никакихъ опилокъ,—и если проволока и гальваническая цѣпь требуютъ нѣкоторыхъ расходовъ, то они ничтожны въ сравненіи съ платой дровосѣкамъ. Аппаратъ работаетъ въ десять разъ скорѣе противъ одного рабочаго. Вѣроятно ему суждено уничтожить въ лѣсахъ типъ дровосѣка, какъ въ новѣйшее время уничтоженъ машинами уже не одинъ видъ рабочаго класса.

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, во вниманіе къ значительности понесенныхъ городомъ Брянскомъ, Орловской губерніи, отъ пожара убытковъ, простирающихся до двухъ милліоновъ рублей, и бѣдственному положенію жителей сего города, Высочайше соизволилъ разрѣшить открыть повсемѣстную по Имперіи подписку въ пользу жителей города Брянска.

Военное и морское дѣло.

— Телеграммами отъ 7-го и 9-го августа, главный начальникъ Туркестанскаго края, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й извѣстилъ, какъ сообщается въ «Русск. Инв.», что усилія его къ мирному разрѣшенію коканскаго вопроса не увѣнчались успѣхомъ: коканцы въ значительныхъ силахъ вторглись въ наши предѣлы въ нѣсколькихъ мѣстахъ у Теляу, Ходжента и др. Съ нашей стороны немедленно двинуть противъ непріятеля отрядъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Головачева.

— Въ «Русскомъ Инвалидѣ» напечатана слѣдующая телеграмма генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го отъ 17-го августа:

«Положеніе наше выяснилось. Коканцы вторгнулись въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ Кураминскій уѣздъ, съ цѣлью взволновать жителей. Это имъ не удалось. Главная партія ихъ, въ числѣ 5,000 человѣкъ, разбита; другая шайка изъ 800 человѣкъ уничтожена; остальныя партіи перевалили обратно чрезъ горы и ушли въ коканскія владѣнія. Главный ударъ коканцы направили на Ходжентъ. Большими массами они напали съ разныхъ сторонъ на городъ и сады, его окружающіе. Ходжентскій гарнизонъ, усиленный тремя ротами изъ Ура-Тюбе, отбилъ нападеніе на всѣхъ пунктахъ и, перейдя въ наступленіе, прогналъ непріятеля до границы. О результатѣ нападенія коканцевъ на Ура-Тюбе свѣдѣній еще не получено. При всѣхъ встрѣчахъ съ непріятелемъ у насъ потерь почти не было. Въ настоящее время я съ отрядомъ на пути къ Ходженту. Черезъ два дня буду тамъ и направлюсь изъ Ходжента на Коканъ".

— Командующій войсками туркестанскаго военнаго округа, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й, телеграммою отъ 25-го августа, доноситъ Его Императорскому Величеству:

„На второмъ переходѣ отъ Ходжента нашъ отрядъ встрѣченъ непріятельскою кавалеріею въ числѣ до 7,000 человѣкъ съ фальконетами. Казаки, подъ начальствомъ флигель адъютанта Вашего Императорскаго Величества полковника Скобелева, восемь сотенъ, четыре конныя орудія и ракетная батарея, цѣлый день вели бой съ непріятелемъ, безъ потери съ нашей стороны. 22-го августа, Богъ благословилъ нашъ оружіе. Войска, подъ личнымъ моимъ начальствомъ, одержали полную побѣду съ скопищемъ коканцовъ, которыхъ насчитываютъ до 30,000 человѣкъ. Непріятель занималъ укрѣпленную позицію, примыкающую къ крѣпости Махрамъ; позиція была окопана водянымъ рвомъ и вооружена артиллеріею. Атаку на позицію съ артиллеріею и частью пѣхоты велъ генералъ-лейтенантъ Головачевъ, который и взялъ позицію съ боя. Начальникъ кавалеріи, флигель-адъютантъ Вашего Величества полковникъ Скобелевъ, довершилъ пораженіе коканцевъ: лихо преслѣдовалъ и гналъ непріятеля на протяженіи 15-ти верстъ; бѣгущій прижатъ къ рѣкѣ Дарьѣ; потоплено, порублено много. Свиты Вашего Величества генералъ-маіоръ Троцкій былъ главнымъ пособникомъ моимъ въ славномъ движеніи нашемъ и во вчерашнемъ боѣ. Трофеи: 39 орудій, много фальконетовъ и другаго оружія, запасъ пороху, снарядовъ и провіанта. Потерю непріятеля невозможно опредѣлить—она весьма значительна. У насъ убиты: одинъ штабъ-офицеръ, пять рядовыхъ, одинъ джигитъ, и ранены: одинъ штабъ-офицеръ и семь нижнихъ чиновъ. Непріятель понесъ полное пораженіе. Впечатлѣніе побѣды на населеніе ханства огромное; по всѣхъ послѣдствій боя подъ Махрамомъ теперь нельзя еще опредѣлить. Выжду транспорты изъ Ходжента и буду продолжать движеніе на Коканъ. Войска Вашего Императорскаго Величества вели себя славно, молодецки; дѣло сдѣлано чисто".

— Въ Кронштадтъ привезено 11-ти дюймовое нарѣзное орудіе, предназначенное для двухъ-башеннаго броненоснаго фрегата «адмиралъ Чичаговъ». Громадное орудіе это изготовлено на обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ, который, какъ замѣчаютъ въ „Крон. Вѣстн.», благодаря заботливости Морскаго Министерства, теперь уже окончательно окрѣпъ и можетъ въ настоящее время снабжать суда нашего флота превосходными орудіями самаго большаго калибра, не только не уступающими, но даже превосходящими во многихъ отношеніяхъ лучшія произведенія знаменитаго завода Круппа въ Гиссенѣ.

— 4-го августа, въ 11½ часовъ утра, возвратился въ Одессу, изъ дальняго восточнаго плаванія чрезъ Суэзскій каналъ, пароходъ Р. общества п. и т. „Чихачевъ", съ грузомъ чаю въ 2.303 тонны, или 51 тыс. ящиковъ. Изъ Ханькоу пароходъ вышелъ 11-го іюня, гдѣ взялъ 1.322 тон., а 17-го іюня отплылъ изъ Фетчау, гдѣ взялъ 981 тон. всего 2.533 тон. Пароходъ совершилъ этотъ рейсъ въ 30 сут.

Торговля.

— Въ мартѣ настоящаго года, выступилъ изъ Ташкента въ Кашгаръ караванъ братьевъ Быковскихъ, съ довѣреннымъ послѣднихъ, Никитинымъ. Въ «Туркест. Вѣд." сообщаютъ слѣдующія, полученныя изъ этого каравана свѣдѣнія: «Караванъ яа 68 лошадяхъ проѣхалъ благополучно чрезъ коканскіе и кашгарскіе караулы, съ небольшими лишь задержками, и 30-го марта прибылъ въ Кашгаръ, пройдя путь отъ Уша до Кашгара, по дорогѣ черезъ Терекскій переходъ—въ 17 дней.

«Бадаулетъ по пріѣздѣ г. Никитина приставилъ къ нему Миръ-Касымъ-бая-Саипходжина, съ которымъ онъ и началъ заниматься продажей товаровъ. Къ 28-му апрѣля, у г. Никитина непроданныхъ товаровъ оставалось только на 20 лошадиныхъ вьюковъ, съ которыми онъ разсчитывалъ проѣхать въ Хотанъ.

«По словамъ г. Никитина, базаръ въ Кашгарѣ вообще хорошъ; въ мануфактурныхъ и нѣкоторыхъ вѣсовыхъ русскихъ товарахъ чувствуется тамъ недостатокъ и цѣны стоятъ хорошія. Ситецъ ресми, кромѣ фабр. Третьякова, за 20 куск., считая каждый кусокъ въ 42 арш. даютъ по 40 и 43 черв. Ситецъ пунцовый 5—5¼ черв. за кусокъ въ 50 арш. Сахаръ 5 черв., леденецъ и сахарный песокъ 5¼ черв. 1 пудъ. Суконъ вовсе нѣтъ въ привозѣ; въ прибывшемъ коканскомъ караванѣ вообще мало оказалось мануфактурныхъ и вѣсовыхъ товаровъ. За неимѣніемъ русскихъ мануфактурныхъ товаровъ, азіятцы, по необходимости, начали понемногу покупать заграничные товары: ситцы 5/4 и 4/4, въ родѣ нашихъ брильянтиновъ фабр. Третьякова, вмѣстѣ съ пунцовымъ ситцемъ, кругомъ отъ 2¼ до 2½ тенге за аршинъ (или 37½ коп. арш.) Чай зеленый (акъ-чай) до 75 черв. за 4 пуда. Сахарнаго песку г. Никитинъ продалъ не много по 5 и 5½ черв. за 1 пудъ. Чаю зеленаго всего продалъ до 160 ящ. и ситцу до 25 000 арш.; эти два сорта товаровъ куплены для Кокана.

«Въ апрѣлѣ отправился огромный караванъ изъ Кашгара на Токмакъ и Вѣрный. Въ немъ до 2 000 ишаковъ, до 500 верблюдовъ и до 1.500 лошадей; изъ товаровъ все болѣе бѣлая кашгарская мата, а такъ же и крашеная въ разныя цвѣта; хотанскій, полушелковый машрухъ; ковры, камни, разныя кошмы и проч.

Некрологъ.

— Скончавшійся въ С.-Петербургѣ, 4-го августа, адмиралъ Иванъ Петровичъ Епанчинъ началъ службу въ 1803 году въ званіи гардемарина; въ 1827 году онъ командовалъ фрегатомъ «Елена", на которомъ и принялъ участіе въ Наваринскомъ сраженіи 8-го октября 1827 года. За это сраженіе онъ награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, французскимъ орденомъ св. Людовика, англійскимъ орденомъ Бани и греческимъ орденомъ Спасителя, золотаго креста. Командуя впослѣдствіи экипажемъ и кораблемъ, Иванъ Петровичъ въ 1838 году былъ произведенъ въ контръ-адмиралы, а въ 1848 году въ вице-адмиралы, съ утвержденіемъ въ званіи начальника 3-й флотской дивизіи балтійскаго флота. Въ этомъ званіи, въ 1850 году, И. П. Епанчинъ былъ посланъ съ дивизіей на Большой Бельтъ, къ острову Альзену, оказать содѣйствіе датской арміи и флоту, дѣйствовавшимъ тогда въ Шлезвигѣ противъ возмутившихся жителей Шлезвига и Голштиніи и войскъ Германскаго Союза. Появленіе двухъ дивизій русскаго флота имѣло хорошія послѣдствія для Даніи; она удержала за собою Шлезвигъ и Киль, обладаніе которыми и было главной причиной войны. За эти блистательную, хотя и мирную кампанію, дѣлавшую особенную честь какъ распорядительности адмирала, такъ и порядку, въ которомъ находился нашъ парусный флотъ того времени, покойный адмиралъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени и датскимъ орденомъ Даннеброга 1-й степени. Во время восточной войны, И. П. Епанчинъ назначенъ былъ отдѣльнымъ начальникомъ сформированной тогда шхерной флотиліи, а впослѣдствіи главнымъ командиромъ ревельскаго порта и ревельскимъ военнымъ губернаторомъ. Перваго января 1855 года, Иванъ Петровичъ назначенъ предсѣдателемъ морскаго генералъ-аудиторіата и зачисленъ по флоту, получивъ въ томъ же году орденъ Бѣлаго Орла.

Библиотека "Руниверс"

2-й заемъ 1866 года. **ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ** 19-й тиражъ 1-го Сентября 1875 г.

ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 13 ноября 1866 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го Сентября 1875 года Правленіемъ Банка въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 2-го займа 1866 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
4	48	1000	4717	35	500	8513	22	500	13680	15	1000	15259	47	500	17598	41	500
80	26	500	4782	40	500	8657	23	500	13768	26	500	15261	28	500	17685	3	1000
90	6	500	4964	48	500	8723	34	500	13847	34	500	15268	22	1000	17741	21	500
195	38	500	5043	22	500	8779	26	500	13856	25	10000	15276	29	500	17793	23	500
215	22	500	5121	33	500	9037	24	500	13905	27	500	15437	30	500	17846	3	500
383	41	500	5226	24	1000	9089	27	500	13947	22	500	15447	5	500	17848	31	500
531	34	500	5251	33	500	9112	14	500	13983	37	500	15708	11	500	18011	46	500
672	4	500	5267	32	500	9120	7	500	13984	44	500	15788	33	500	18253	7	500
714	25	500	5314	7	500	9132	12	500	13985	9	1000	15827	17	500	18497	6	500
751	10	500	5406	2	500	9189	47	500	14006	50	500	15829	1	500	18526	48	500
841	14	8000	5710	26	500	9218	33	500	14008	34	500	15896	31	500	18662	29	500
879	43	500	5855	28	500	9413	15	500	14022	29	500	15902	2	500	18735	22	500
908	31	500	5905	21	500	9473	45	500	14153	4	500	16156	42	500	18974	29	500
998	14	500	5913	10	500	9522	10	500	14182	16	500	16222	50	500	18985	3	500
998	30	500	5994	42	500	9562	24	8000	14230	12	500	16364	40	8000	19061	46	500
1031	45	500	6057	47	500	9651	13	25000	14403	10	200000	16435	48	40000	19075	40	500
1038	5	1000	6139	28	500	9993	23	500	14435	26	500	16478	18	500	19158	13	500
1045	31	500	6223	44	500	10078	29	1000	14599	2	500	16556	45	500	19213	26	500
1181	24	500	6263	45	500	10162	32	500	14603	42	500	16586	26	500	19232	7	1000
1287	44	500	6301	24	500	10183	31	500	14689	38	500	16630	42	500	19304	6	500
1361	15	500	6321	40	500	10217	37	500	14709	12	500	16663	8	500	19307	12	500
1365	46	500	6354	8	500	10271	41	500	14711	33	500	16703	10	500	19318	9	500
1374	25	500	6439	47	500	10659	4	500	14748	6	500	16707	6	5000	19330	16	500
1446	50	1000	6657	44	500	10756	38	500	14790	6	500	16777	45	500	19335	13	500
1470	11	500	6666	19	75000	10799	28	500	14837	29	500	16812	48	500	19366	18	500
1488	20	500	6708	36	500	10940	34	500	14950	34	500	16853	44	8000	19386	34	500
1723	22	500	6726	2	500	11042	49	10000	15006	35	500	16861	27	500	19388	45	500
1740	17	500	6729	17	500	11066	32	500	15007	26	5000	16916	29	500	19444	41	500
1762	25	1000	6791	32	500	11233	17	500	15031	32	5000	17022	18	10000	19734	24	500
1781	8	500	6914	47	500	11248	1	1000	15062	45	5000	17075	1	500	19752	19	500
1802	20	500	6949	24	500	11415	6	500	15115	23	500	17320	27	500	19766	18	500
1961	7	500	7012	23	5000	11451	9	500	15187	5	500	17336	31	500	19778	26	500
1986	41	500	7157	18	500	11501	15	500	15242	1	500	17457	33	5000	19807	8	500
2005	35	500	7182	49	500	11547	38	500	15244	13	500	17578	27	500	19974	19	500
2031	28	500	7241	17	500	11570	12	500									
2116	16	500	7324	43	500	11670	35	500									
2176	36	1000	7371	41	500	11733	3	500									
2286	7	500	7408	41	500	11790	47	5000									
2404	22	500	7424	13	500	11850	22	1000									
2527	43	500	7440	39	500	11900	16	500									
2544	43	500	7445	32	500	11913	9	500									
2569	34	8000	7451	10	500	11951	4	500									
2758	40	500	7507	44	500	11951	9	1000									
2773	43	1000	7561	22	500	12076	47	500									
2805	22	500	7562	25	500	12094	21	500									
2864	22	500	7563	12	500	12107	25	500									
2873	2	500	7654	37	500	12136	33	500									
2974	12	500	7697	32	500	12177	34	500									
2976	12	500	7705	18	500	12203	25	500									
2980	46	500	7721	46	500	12213	45	500									
3177	48	500	7734	22	500	12389	9	500									
3182	26	500	7737	21	1000	12395	16	500									
3226	3	500	7921	40	500	12650	16	500									
3425	27	500	7929	18	1000	12717	9	500									
3449	14	500	7958	17	500	12851	36	500									
3470	15	500	8022	12	500	12973	26	500									
3594	46	1000	8074	14	500	12974	15	500									
3687	35	500	8094	46	5000	13015	46	500									
3920	25	500	8122	18	500	13085	18	500									
4090	15	500	8257	19	500	13141	11	500									
4304	50	1000	8324	10	500	13144	2	500									
4357	42	500	8324	11	500	18194	3	500									
4391	12	500	8354	4	500	13261	41	500									
4431	13	500	8492	3	500	13436	23	500									
4656	45	500	8496	30	500	13517	42	500									
4665	7	500	8510	15	500	13597	3	500									

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го Декабря 1875 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка, 1-го Сентября 1875 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

242, 1220, 1396, 1459, 1674, 1943, 2238, 2270, 2731, 2754, 2862, 3424, 5477, 5539. 6287. 6542. 6683, 6800, 7499, 7935, 8168, 8196, 8855, 8960, 9796, 9827, 10308, 10396, 10739, 11485, 11592, 12163, 12948, 12949, 13170, 13209, 14376, 14705, 14829, 16085, 16751, 16956, 17,351, 17423, 18266, 18289, 18394, 18666, 18788, 18922, 19358, 19679, 19692, 19810.

Всего 54 серіи, составляющія 2,700 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 120 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го Декабря 1875 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Генрихъ Ипполитовичъ Семирадскій (съ портретомъ). — Орелъ-дѣвка (изъ жизни въ тирольскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Бирхъ. — Посылка (съ рисункомъ). — Какъ это нравится вамъ?.. (Голоса въ толпы) (стихотвореніе). — Казнь слономъ въ Бародѣ (съ рисункомъ). — Земная атмосфера. — Посѣщеніе вершины Шемранскихъ горъ (съ рисункомъ).—Смѣсь.—Разныя извѣстія. — Тиражъ 2-го внутренняго съ выигрышами займа.—Отдѣльное приложеніе: **ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за Сентябрь съ 10 рисунками, и листъ выкроекъ.**

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 22 Августа 1875 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб. Больш. Морской, [illegible] пер. № 10.

Библиотека "Руниверсаль"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 37 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 14 Сентября 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Относительно нашихъ

ПРЕМІЙ ЗА 1875 ГОДЪ

честь имѣемъ увѣдомить Гг. подписчиковъ „НИВЫ“, что вслѣдствіе множества писемъ, въ которыхъ выражалось желаніе читающей публики получать преміи неиспорченными перегибомъ вчетверо, что̀ было бы неизбѣжно вслучаѣ разсылки ихъ при самомъ журналѣ,—мы, по преодолѣніи множества трудностей и пожертвовавъ суммою свыше 8,000 рублей, нашли возможнымъ разослать всѣмъ 17,500 подписчикамъ „Нивы“ обѣ преміи въ полной ихъ неприкосновенности, посредствомъ новаго способа пересылки, ни разу еще не употребленнаго въ Россіи. Но такъ какъ этотъ способъ требуетъ предварительной подготовки въ продолженіи 5 или 6 недѣль, по истеченіи которыхъ обѣ преміи „Смерть Юлія Цезаря“ проф. Пилоти и „Мадона Севильская“ Мурильо будутъ высланы разомъ, то мы надѣемся, что эта небольшая отсрочка съ избыткомъ вознаградится цѣлостью и чистотой премій.

Многіе изъ Гг. подписчиковъ „Нивы“ предлагаютъ намъ уплатить почтовые расходы, лишь-бы преміи не были сложены, — но мы отказываемся отъ всякаго вознагражденія, надѣясь, что усилія наши увѣнчаютъ успѣхомъ при возобновленіи подписчиками „Нивы“ абонемента на 1876 годъ и пріобрѣтеніемъ новыхъ друзей нашему журналу. Для лицъ не состоящихъ подписчиками нашего журнала отдѣльная цѣна 2-хъ премій будетъ 4 рубля (т. е. столько же что̀ стоитъ самый журналъ).

Кто выигралъ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

Въ саду гарнизоннаго города М* военные музыканты давали концертъ. Цивилизованная часть обитателей этого городка являлась въ такомъ случаѣ обыкновенно въ садъ, который и принималъ праздничный видъ: различныя убранства, изящные стулья, столики, чистота дорожекъ, а равно и цѣны,—вполнѣ соотвѣтствовали достоинству публики, называемой „избранной“. И дѣйствительно, подъ высокими, широколиственными платанами, вѣтви которыхъ образовывали почти непроницаемую крышу, такъ было пріятно-прохладно сидѣть...

У одного изъ столиковъ сидѣло пятеро молодыхъ людей: старшій поручикъ фонъ Платэнъ, поручики—фрейгеръ фонъ Виндгофъ, фонъ Пальмъ и фонъ Кронахъ; пятый былъ—баронъ Александръ фонъ Зельдитцъ. Онъ прежде тоже служилъ въ полку и даже въ томъ самомъ, въ которомъ состояли теперь на службѣ поименованные поручики; но вотъ уже прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ баронъ вышелъ въ отставку, а отставку взялъ онъ потому, что вообразилъ, будто его обошли чиномъ... Впрочемъ, ему вообще не нравились обязанности службы, исполнять которыя нужно было строго и неуклонно.

Отставной офицеръ былъ только нѣсколькими годами старше своихъ товарищей. Ростомъ онъ обладалъ высокимъ и, хотя лицо его немножко уже пообносилось, однако все еще было довольно интереснымъ. Это былъ—гордецъ, человѣкъ весьма много думающій о себѣ, готовый при всякомъ удобномъ случаѣ выставить на видъ древнее родословное древо своей фамиліи; онъ чванился тѣмъ, что его „древо“ старѣе родословныхъ древесъ многихъ

Библиотека "Руниверс"

генераловъ.—Баронъ Александръ фонъ Зельдитцъ пріѣхалъ въ М* только два дня тому назадъ. Въ этотъ день онъ обѣдалъ въ саду съ прежними своими товарищами. Весело прошелъ обѣдъ; и веселое настроеніе не оставляло молодыхъ людей и теперь, когда они, слушая музыку, сидѣли и прихлебывали кофе.

— А вѣдь, право, тутъ премило! воскликнулъ Зельдитцъ, откидываясь на спинку стула и медленно пуская вверхъ струйки сигарнаго дыма.—Уѣзжая изъ столицы сюда, я и не думалъ, чтобы здѣсь можно было прилично проводить время!...

— Ну, это не можетъ быть для насъ комплиментомъ замѣтилъ съ улыбкой старшій поручикъ ф. Платэнъ:— вѣдь мы стоимъ здѣсь уже болѣе года.

— Да я совсѣмъ не въ этомъ смыслѣ сказалъ! Я, вотъ, видите-ли, товарищъ, до сихъ поръ почти безвыѣздно обиталъ въ столицѣ,—а вамъ, господа, конечно, извѣстно о тѣхъ обширныхъ связяхъ, которыя имѣетъ тамъ моя родня... Ну, а вѣдь я знаю, что̀ вообще жизнь въ гарнизонномъ городкѣ дьявольски - скучна! Вотъ, наступаетъ полдень и — всѣ пьютъ кофе въ кандитерской; затѣмъ—обѣдъ, послѣ обѣда зѣваніе взапуски... скука; потомъ, вечеромъ, за стаканомъ вина—скука и опять зѣвки... Да и то сказать: у людей, проживающихъ въ городишкахъ, средства ограниченныя, слѣдовательно, какое-же можетъ быть съ ними знакомство? Это все почти—буржуазія, а я ее не долюбливаю!

— Вы, Зельдитцъ не совсѣмъ не правы! воскликнулъ поручикъ ф. Виндгофъ.—Платэнъ, какъ всегда, очень скромничаетъ; но скукища бываетъ здѣсь весьма такичасто... Да вотъ, говорили недавно, отъ скуки даже умеръ тутъ какой-то старикъ... Честное слово! Однако, разскажите-ка, что̀ заставило васъ пріѣхать сюда?

Баронъ пожалъ плечами и погладилъ лѣвою рукою свои довольно длинные усы, за которыми, какъ видно, уходъ былъ весьма тщательный.

— Дядя заставилъ, отвѣтилъ онъ коротко.

— Вашъ дядя? спросилъ ф. Кронахъ, младшій изъ поручиковъ.—Но я, право, не понимаю этого... Да развѣ онъ здѣсь?..

— Ну, вамъ, Кронахъ, придется въ жизни еще многое такое услышать, чего вы сразу не поймете,—да впрочемъ, и понимать-то этого не нужно, отвѣтилъ Зельдитцъ:—мнѣ, покрайней мѣрѣ, было-бы пріятнѣе, еслибы я кой-чего не понималъ, прибавилъ онъ успокоительнымъ тономъ, ибо увидѣлъ по глазамъ юнаго поручика, что тотъ оскорбился...

— Извольте, я вамъ изложу все дѣло. Дѣло-то простое, хотя и пренепріятное. Дядя мой—весьма богатъ, я—его наслѣдникъ; такая перспектива очень пріятна, но... въ старой головѣ моего дядюшки частенько зараждаются невыносимые капризы и прихоти, и вотъ я долженъ покамѣстъ, до извѣстной степени, переносить ихъ, такъ какъ не желаю раздражать его: долги-то вѣдь мои онъ обыкновенно уплачиваетъ... Ну-съ, старичку вотъ и запала въ голову сумазбродная мысль, что столичная жизнь, такъ сказать, слишкомъ изнашиваетъ меня и вообще вліяетъ на мою душу черезчуръ соблазнительно... Чтобы пріучить племянника къ болѣе простому образу жизни, дядя предложилъ мнѣ переселиться на нѣкоторое время сюда; я-же, по свойственному мнѣ добродушію, подчинился его желанію. Вотъ и все!

— Надѣюсь, баронъ, вы будете жить тутъ въ полнѣйшемъ уединеніи? воскликнулъ смѣясь Виндгофъ.

— Ну, не совсѣмъ, возразилъ Зельдитцъ.—Я постараюсь доказать моему дядюшкѣ, что жизнь моя здѣсь обойдется ему подороже столичной, и онъ самъ будетъ просить меня вернуться туда.

Господа поручики разсмѣялись, а Виндгофъ нашелъ эту мысль „просто-божественной"!

— Льщу себя надеждою, что вы, господа, поможете мнѣ въ осуществленіи моего намѣренія, о которомъ я повѣдалъ вамъ, продолжалъ баронъ.—Вы знаете, что старымъ людямъ—подавай факты... Дядя не хотѣлъ мнѣ вѣрить, когда я заявилъ ему, что сумма, ассигнованная имъ для прожитія моего въ М*, слишкомъ мала... Ну, вотъ, я и докажу ему это...

Баронъ Зельдитцъ хотѣлъ еще что-то сказать, но такъ и не сказалъ: все вниманіе его обращено было въ эту минуту на молодую дѣвушку, которая появилась въ саду, въ сопровожденіи пожилаго господина и пожилой дамы. Они прошли мимо офицеровъ очень близко, и баронъ видѣлъ, какъ *она* сѣла къ одному изъ сосѣднихъ столиковъ. Зельдитцъ довольно нахально посмотрѣлъ на нее въ лорнетъ — и рука его съ сигарой невольно опустилась...

Въ самомъ дѣлѣ, явленіе, прикованное взоръ его, было восхитительное: онъ видѣлъ невыразимо прелестное молодое созданіе, сіяющее свѣжестью, граціозное... Что̀ мудренаго—этой дѣвушкѣ едва-ли было и восемнадцать лѣтъ!.. Она обладала высокой, стройной фигуркой; роскошные каштановые локоны падали на ея плечи и обрамляли изящное личико; въ личикѣ этомъ было нѣчто напоминавшее античную греческую красоту,.. Лобъ у нея былъ высокій, брови прекрасно очерчены, а длинныя рѣсницы придавали большимъ глазамъ такое кроткое, мягкое, полумечтательное выраженіе... Всѣ движенія дѣвушки были какъ-то мягки и проникнуты тою безсознательною прелестью, которая вдвойнѣ очаровываетъ глазъ, потому, можетъ быть, что вовсе и не думаетъ очаровать.

— А вѣдь прелестнѣйшее существо! Это просто— красавица! произнесъ въ полголоса Зельдитцъ и спросилъ:—кто она?...

Господа поручики тоже, конечно, замѣтили проходившую дѣвушку и, улыбаясь, посматривали теперь на барона: баронъ, за обѣдомъ, объявилъ имъ, что въ М* нѣтъ ни одной красивой дѣвицы... А вѣдь онъ въ городѣ и былъ всего-то только два дня!

— Это—Эльза Штейнъ, отвѣтилъ Виндгофъ.—Я вамъ еще сегодня за обѣдомъ говорилъ о ней, такъ какъ вы утверждали, что здѣсь нѣтъ ни одного хорошенькаго личика... Ну-съ, перемѣнили-ли вы теперь ваше мнѣніе?

— Да, я беру назадъ свои слова, проговорилъ баронъ, не сводя глазъ съ „прелестнѣйшаго существа",— но какъ жаль, что она просто „Штейнъ"—мѣщанка! добавилъ онъ.

— Что̀-жъ, это развѣ въ ущербъ ея красотѣ? замѣтилъ Платэнъ.

— Еще-бы! увѣренно воскликнулъ Зельдитцъ, не пояснивъ однако этого „еще-бы".—Но, други-товарищи, какъ-бы то ни было, а я долженъ съ нею познакомиться! Лицо—великолѣпіе! Эти большіе глаза, этотъ изящный ротикъ... губки, маленькія бѣленькія ручки, которыя какъ будто только играютъ съ вышивкой... Нѣтъ, честное благородное слово, это нѣчто восхитительное!...

— Ну, признаюсь, баронъ, никогда я не видѣлъ васъ, такъ сказать, въ эмпиреяхъ! засмѣялся Виндгофъ.—Ну-да, живя въ М* вы узнаете, что и тутъ возможно залетѣть въ область розовыхъ мечтаній!..

Зельдитцъ, повидимому, не обратилъ вниманія на эти слова.

— Эти старики—ея родители? спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Она приходится имъ племянницей, отвѣтилъ Пальмъ.—Старикъ этотъ—профессоръ Вертеръ.

— Я такъ и думалъ, потому что такая старая, высохшая ученая физіономія не можетъ имѣть такого прелестнаго ребенка, заговорилъ Зельдитцъ.—Знакомъ-ли кто нибудь изъ васъ съ профессоромъ? Долженъ-же я познакомиться съ ней!..

— Вотъ, Платэнъ знакомъ съ нимъ, заявилъ Виндгофъ.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу представить меня ему.

Библиотека "Руниверс"

— Хорошо, но это было-бы самымъ вѣрнымъ средствомъ именно *не познакомиться* съ его племянницей, отвѣтилъ Платэнъ: — я самъ съ ней и тремя словами еще не перекинулся: профессоръ бережетъ ее, какъ зеницу ока своего, а сама она—почти неприступна...

— Ба-ба-ба! перебилъ его баронъ:—да вы, кажется, всѣ тутъ что-то ужъ очень оробѣли!..

— Послушайте, Зельдитцъ, заговорилъ—Виндгофъ, вы, конечно, легко поймете, что дѣвушка, пріѣхавъ сюда гостить, обратила тутъ на себя всеобщее вниманіе... Всѣ почти молодые люди старались завязать съ нею знакомство, но до сихъ поръ никому еще не посчастливилось познакомиться, хотя она живетъ въ этомъ городкѣ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ...

— Ну такъ, значитъ, всѣ эти молодые люди не умѣли какъ слѣдуетъ взяться за дѣло! воскликнулъ баронъ, съ чувствомъ самодовольства покачиваясь на стулѣ и поглаживая свои усы.—Что касается меня, то я черезъ нѣсколько дней буду съ ней знакомъ.

— Зельдитцъ, будьте поскромнѣй относительно обѣщаній, предостерегъ его Виндгофъ, посмѣиваясь,—у насъ вѣдь тоже есть нѣкоторый навыкъ сближаться съ дамами!...

Баронъ пожалъ плечами... Замѣчанія, возраженія только раздражали его и еще больше подстрекали, а онъ вообще считалъ себя непобѣдимымъ.

— Я, господа, иду еще дальше: я предлагаю вамъ пари, что черезъ четыре недѣли буду женихомъ этой дѣвушки, произнесъ Зельдитцъ.

— Держимъ пари! воскликнули разомъ Виндгофъ, Пальмъ и Кронахъ.

— А вамъ, Платэнъ, не угодно-ли тоже подержать? обратился баронъ къ старшему поручику

Платэнъ помолчалъ, но потомъ отвѣтилъ:

— Если это доставляетъ вамъ удовольствіе—пожалуй, почему-жъ не подержать пари? Вы вѣдь хотите доказать вашему дядѣ, что жизнь ваша здѣсь не дешево ему обойдется!...

— А развѣ вы такъ увѣрены въ томъ, что я проиграю? воскликнулъ Зельдитцъ, тщеславіе котораго было задѣто словами Платэна.—Я ставлю сотню фридрихсдоровъ. Согласны, господа?

— Но, Зельдитцъ, вы хотите совсѣмъ разстроить наши финансы! замѣтилъ Виндгофъ.—Мои финансы и безъ того находятся нынѣ въ такомъ состояніи, что привести ихъ въ порядокъ я уже не могу.!.

— Мы можемъ держать пари, такъ какъ не мы его предложили, проговорилъ Платэнъ съ улыбкой.

Господа офицеры согласились.

— Постойте! Я забылъ—еще одно условіе, спохватился баронъ: — а именно—вы должны дать мнѣ честное слово, что будете молчать объ этомъ. Если-бы красавица узнала, что тутъ дѣло идетъ о пари, то приняла-бы, пожалуй болѣе сильныя мѣры, и менѣе пріятныя для меня чтобы воспрепятствовать мнѣ выиграть его.

Поручики нашли такую оговорку справедливою и дали обѣщаніе молчать.

— Благодарю васъ! За то я, съ своей стороны, обѣщаюсь пропировать вмѣстѣ съ вами всю эту сотню фридрихсдоровъ.

— На своей свадьбѣ? подхватилъ смѣясь Виндгофъ.

— На моей свадьбѣ? произнесъ баронъ, и лицо его выразило удивленіе.—Но вѣдь вы-же, надѣюсь, не полагаете, чтобы я когда нибудь могъ жениться на мѣщанкѣ?..

— Позвольте, но вы держали пари, что будете женихомъ этой дѣвицы? замѣтилъ Платэнъ.

— Это совершенно вѣрно.

— Ну-съ, такъ что-же будетъ тогда, если вамъ это дѣйствительно удастся?..

— Будетъ то, что я выиграю пари!

— Вы все еще меня не понимаете, проговорилъ Платэнъ серіознымъ тономъ:—я васъ спрашиваю, что вы станете тогда дѣлать, такъ какъ вы увѣряете, что никогда не женитесь на мѣщанкѣ?

— Эге, вотъ что! Ну, мнѣ кажется, что отвѣтъ на этотъ вопросъ такъ простъ, ясенъ, что нечего и отвѣчать: я подъ какимъ нибудь предлогомъ разстрою потомъ это сватовство, пояснилъ Зельдитцъ.

Платэнъ нахмурилъ брови и всталъ.

— Въ такомъ случаѣ вы позвольте мнѣ отказаться отъ пари, проговорилъ онъ серіозно.

— Это почему-же, Платэнъ? воскликнулъ Виндгофъ.

— Потому, что я ставлю слишкомъ высоко репутацію невинной дѣвушки, чтобы дѣлать ее игрушкой, предметомъ пари.

— Э, да вы, Платэнъ, право—мечтатель! опять воскликнулъ Виндгофъ.—Дѣло-то такъ далеко никогда и не зайдетъ: проиграетъ Зельдитцъ пари!

— Виндгофъ, прошу васъ... перестаньте! подхватилъ баронъ, который едва - едва былъ въ состояніи скрыть досаду, однако волненіе ясно выразилось на его лицѣ:— я охотно освобождаю Платэна отъ пари, а также возвращаю ему назадъ его честное слово, если онъ этого желаетъ...

Старшаго поручика слегка невольно передернуло при этихъ словахъ; онъ плотно сжалъ губы и, помолчавъ съ секунду (ему нужно было овладѣть собой, чтобы не отвѣтить слишкомъ рѣзко), сказалъ:

— Если я разъ далъ честное слово, то—таковъ ужъ у меня обычай—не могу отъ него отказаться, даже и въ томъ случаѣ, если-бы желалъ, чтобы оно не было мною дано.

Платэнъ вѣжливо поклонился и пошелъ.

Зельдитцъ поглядѣлъ ему вслѣдъ... Онъ прищурился, желая не показывать своихъ глазъ, въ которыхъ вспыхнуло пламя ожесточенія.

— Ну, я не понимаю Платэна, объявилъ Пальмъ.— Платэнъ обыкновенно такъ всегда охотно принимаетъ шутку и—вдругъ... Нѣтъ, я переговорю съ нимъ и надѣюсь убѣдить его взглянуть на это иначе!...

— Прошу васъ, не дѣлайте этого, другъ-товарищъ! поторопился сказать баронъ.—Отъ пари я его освободилъ; ну, а насчетъ того, что тайна будетъ имъ сохранена—я не сомнѣваюсь; надѣюсь, что онъ не обнаружитъ ее.

— Еще-бы! если Платэнъ далъ честное слово, то никогда его не нарушитъ! вскричалъ Виндгофъ.

— Господа, вы видите: я смотрю по возможности спокойно на нѣсколько странное поведеніе Платэна, заговорилъ Зельдитцъ, заставляя себя казаться спокойнымъ, равнодушнымъ.—Для меня важно оставаться съ вами, а также и съ Платэномъ, въ пріятельскихъ, товарищескихъ отношеніяхъ, а потому я буду избѣгать всего, что могло-бы ихъ нарушить. Конечно, въ любой шуткѣ можно отыскать серіозную сторону, но, что касается меня, то я въ шуткѣ стараюсь видѣть только— шутку. Относительно васъ, господа, я, разумѣется, продолжаю держать свое пари... Ну, и такъ, не будемъ больше и говорить о томъ, что случилось тутъ!

Однако, голосъ барона не совсѣмъ былъ ровенъ: онъ дрожалъ слегка отъ волненія... Зельдитцъ, движеніемъ руки, подозвалъ къ себѣ кельнера и шепнулъ ему нѣсколько словъ. Кельнеръ убѣжалъ и живо вернулся съ шампанскимъ и стаканами. Облачко набросившее печальную тѣнь на веселое настроеніе духа молодыхъ людей, благодаря выходкѣ Платэна, мигомъ исчезло, лишь только вино заискрилось въ стаканахъ. Баронъ пилъ какъ-то торопливо, желая хоть виномъ прогнать то чувство гнѣва, которое все еще бушевало въ немъ... Къ концу музыкальнаго праздника въ саду, господа Виндгофъ, Пальмъ и Кронахъ до того разчувствовались, что, кажется, весьма охотно готовы были-бы поклясться въ томъ, что нѣтъ человѣка любезнѣе барона...

Библиотека "Руниверс"

Эльза Штейнъ и не подозрѣвала, что была предметомъ разговора—да еще какого!—и не знала, что̀ послужило поводомъ къ нему... Отецъ Эльзы, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ изъ крупныхъ чиновниковъ, но послѣ смерти своей не оставилъ семейству никакого состоянія. Дѣвушка проживала съ матерью въ какомъ-то городкѣ. Обѣ онѣ жили благодаря вдовьей пенсіи, но этой пенсіи едва хватало на содержаніе ихъ. Единственный братъ Эльзы—Максъ (онъ былъ старше ея нѣсколькими годами) занимался живописью и уже болѣе года находился въ Италіи, гдѣ продолжалъ совершенствоваться, такъ какъ обладалъ довольно замѣтнымъ талантомъ живописца.

Эльза, благодаря заботамъ отца своего, получила довольно дѣльное образованіе; ктому-же, еще въ дѣтствѣ, просто изъ удовольствія, присутствуя на приватныхъ урокахъ Макса, она многому выучилась полу-шутя, полуиграя, такъ что въ познаніи относительно нѣкоторыхъ предметовъ даже перещеголяла брата. Она была любимицей отца. Отецъ предполагалъ—и онъ не ошибался—что въ подроставшей дѣвочкѣ таится зерно рѣшительнаго характера, хотя и не зналъ, въ какомъ направленіи разовьется это зерно.

Однако, и до сего времени характеръ дѣвушки не принялъ еще опредѣленности въ направленіи, потому, можетъ быть, что жизнь Эльзы текла слишкомъ спокойно, невозмутимо... Эльза, казалось, не была однимъ существомъ; она жила какъ-бы двойственною жизнью: то цѣлыми днями пребывала въ спокойствіи, утопая въ какой-то мечтательности, причемъ была кротка, молчалива,—то ею вдругъ овладѣвало почти демоническое, жгучее желаніе ринуться въ море жизни и попытать въ борьбѣ съ волнами его ту силу, которую ощущала она въ себѣ. Будучи еще ребенкомъ, Эльза хотѣла быть мальчикомъ, чтобы не знать никакихъ преградъ; впрочемъ, и теперь, по временамъ, подобныя мысли бродили въ ея головѣ.

Такъ какъ характеръ ея не совсѣмъ установился, то въ этомъ заключалась причина и того, что до сихъ поръ она еще не уяснила себѣ главной цѣли своей жизни. Иногда казалось ей, тихое семейное счастье, заботы о любимомъ мужѣ—вотъ та цѣль, къ которой должна она стремиться; за то въ иныя минуты такое "счастье" казалось Эльзѣ слишкомъ безцвѣтнымъ... узкія рамки, тѣсный мірокъ... и она страстно желала тогда собственными своими силами завоевать себѣ положеніе въ свѣтѣ, стоять на своихъ ногахъ. Вотъ, поэтому-то она и старалась при встрѣчахъ съ мужчинами быть сдержанной, гордо-недоступной: она боялась сдѣлаться зависимой, а зависимость вѣдь можетъ быть невыносимой...

Дядя и тетка, у которыхъ она теперь гостила, и не подозрѣвали, что въ молодой дѣвушкѣ гнѣздиться *такой духъ:* они смотрѣли на нее какъ на кротко-невинное, вполнѣ женственное созданіе. Впрочемъ, говоря по правдѣ, кругозоръ профессора Вертера былъ не обширенъ. Онъ жилъ въ *своемъ* мірѣ—кабинетномъ, а какъ только оставлялъ этотъ „міръ" и вступалъ въ другой—сталкивался съ настоящею жизнью, которая представлялась ему какою-то *странной*, чуждой... Оно и понятно—дѣйствительность чуть-ли не на каждомъ шагу противорѣчила представленіямъ, созданнымъ имъ за письменнымъ столомъ; а эти представленія, какъ казалось профессору, построены были по всѣмъ правиламъ науки и искусства, но дѣло въ томъ, что въ сочиненномъ имъ мірѣ не было *жизни*, свѣжаго вѣянія ея.

Госпожа Вертеръ тоже не понимала Эльзы. У этой женщины въ продолженіи многихъ лѣтъ не было, можно сказать, никакой другой мысли, какъ только заботиться о своемъ мужѣ, да въ свободное время отъ занятій питать глубочайшее уваженіе къ его „наукѣ", въ которой она, впрочемъ, ровно ничего не понимала.

Не смотря на такую односторонность дяди и тетки, Эльза чувствовала себя хорошо у нихъ, такъ какъ сердечная доброта стариковъ искупала многія слабости ихъ.

Профессоръ жилъ у самыхъ городскихъ воротъ. Къ обширному саду, окружавшему его домъ, прилегала роща съ прекрасными тѣнистыми аллейками. Жители города М* весьма рѣдко въ утреннюю пору посѣщали эту рощу, ибо твердо были убѣждены, что по утрамъ не слѣдуетъ прогуливаться; а потому Эльза почти ежедневно по утрамъ и гуляла тамъ, не встрѣчая ни души, одна одинёшенька. Она могла цѣлыми часами предаваться своимъ размышленіямъ, покачиваясь въ маленькой лодкѣ на тихой поверхности пруда, осѣненнаго высокими буками старой рощи... Никто тутъ ее не видѣлъ, и мысль, что она одна въ этомъ уголкѣ, одна съ своими мечтами—имѣла для нея что-то обаятельное.

Вотъ, сюда-то и отправилась Эльза однажды утромъ, спустя нѣсколько дней послѣ военнаго концерта, о которомъ было уже упомянуто. Она и не подозрѣвала, что Зельдитцъ, узнавшій о ея прогулкахъ въ рощѣ, уже два утра подрядъ поджидалъ ее тамъ, запрятавшись въ кусты, чтобы, воспользовавшись какимъ нибудь случаемъ, завязать разговоръ съ нею. Пари, которое онъ самъ предложилъ, увлекшись въ минуты раздраженія (а ставка-то была высока́), заставило его напрячь всѣ свои силы, да и кромѣ того ему хотѣлось доказать прежнимъ товарищамъ по службѣ, что для него возможно то̀, что̀ имъ казалось невозможнымъ Вотъ только-бы удалось ему познакомиться съ Эльзой, а тамъ ужъ онъ—выплыветъ и навѣрняка овладѣетъ ея сердцемъ!.. Баронъ былъ самаго хорошаго мнѣнія о своей любезности и полагалъ, что обладаетъ соблазнительною ловкостью въ обращеніи съ прекраснымъ поломъ.

Медленнымъ шагомъ шла Эльза по рощѣ. Она была совершенно спокойна, будучи увѣрена, что никто тутъ не слѣдитъ за ней. Чудилось ей, что въ прохладѣ и царившей кругомъ тишинѣ передъ нею каждый разъ открывался какой-то новый, невѣдомо-чудный міръ, и тутъ уже мечтамъ своимъ давала она широкій просторъ... Дойдя до пруда, Эльза вошла въ лодочку, отвязала ее и, оттолкнувшись легкимъ весломъ, отчалила отъ берега. Но какъ крѣпко держали весло ея маленькія ручки! Стройная фигура дѣвушки въ качающейся лодочкѣ представляла восхитительную картину: еслибы нимфа вышла изъ воды, то она, кажется, не моглабы быть красивѣе, прелестнѣе Эльзы... Эльза сняла легкую соломенную шляпку и положила ее возлѣ себя; теперь локонамъ уже ничто не мѣшало разсыпаться коричневымъ каскадомъ по плечамъ дѣвушки.

Баронъ, притаившись за толстымъ деревомъ, смотрѣлъ, какъ она забавлялась. Онъ долженъ былъ сознаться, что никогда еще не видѣлъ существа прелестнѣе этого; однако, глубокаго впечатлѣнія на его сердце Эльза и тутъ не произвела: сердце Зельдитца было уже неспособно ни къ какому чистому порыву, ни къ какому воспріятію благороднаго свойства... Онъ ни разу даже и не подумалъ о томъ: ужъ не отказаться-ли отъ пари?...

А Эльза расшалилась и, быстрѣе работая весломъ, плыла все дальше и дальше въ своей лодкѣ. Ее, какъ кажется, радовало, занимало, что лодочка, качаясь, волновала поверхность пруда: волны, одна за другой, катились отъ нея и, достигнувъ берега, съ тихимъ плескомъ, отходили отъ него, чтобы снова прихлынуть. Чувство страха здѣсь, повидимому, было не знакомо Эльзѣ, потому что она въ первый разъ забавлялась такъ на прудѣ, да она и не знала, что прудъ этотъ глубокъ. И неужели-же эта всегда гладкая, покойная, блестящая поверхность могла быть для нея опасной?...

Вдругъ весло какъ-то выскользнуло изъ ея руки... Эльза поспѣшно нагнулась, чтобы поймать его, но толчекъ отъ этого движенія былъ настолько силенъ, что лодочка накренилась, зачерпнула воды и почти въ ту-же секунду перевернулась... Слабый, полуподавленный крикъ

Библиотека "Руниверс"

Возстаніе въ Герцеговинѣ. Въ виду барышей. Картина Ярослава Чермака. Грав. Ассъ.

Библиотека "Руниверс"

Эльзы долетѣлъ только до Зельдитца. Баронъ даже привскочилъ отъ испуга... Некогда было тутъ разсуждать! Онъ, какъ искусный пловецъ, кинулся въ воду и быстро поплылъ. Эльза вынырнула, но тотчасъ-же опять погрузилась... Это заставило барона пустить въ ходъ всѣ силы свои. Добравшись до мѣста катастрофы, онъ увидѣлъ въ прозрачной водѣ свѣтлое платье Эльзы, быстро схватилъ его и потащилъ вверхъ... Дѣвушка была уже безъ чувствъ. Крѣпко прижавъ ее къ себѣ и, стараясь, чтобы голова ея была надъ водою, Зельдитцъ направился къ берегу. Но онъ напрасно искалъ тамъ глазами хоть кого нибудь, кто-бы помогъ ему выбраться на берегъ съ прекрасной ношей... Барону пришлось самому справиться, и онъ благополучно вынесъ изъ воды дѣвушку и положилъ ее на прибрежный дернъ. Эльза все еще не приходила въ чувство. Зельдитцъ откинулъ съ лица ея смоченные каштановые локоны... Глаза были закрыты—какъ будто она спала, щеки блѣдны, но прекрасное лицо было спокойно, нисколько не искажено, такъ что могло-бы служить образцомъ для древняго грека-ваятеля... Баронъ даже невольно забылся—засмотрѣлся на эту прелестную, безжизненную фигуру...

Но вотъ онъ опустился на колѣни, склонился надъ Эльзой и сталъ тереть ей лобъ и виски. Спустя нѣкоторое время, послѣ тщетныхъ стараній привести ее въ чувство, баронъ замѣтилъ, что дѣвушка начала слабо дышать... Радостное чувство охватило его, онъ удвоилъ свои старанія и, черезъ нѣсколько минутъ, Эльза тихо, какъ-бы просыпаясь, открыла глаза. Устремивъ все еще полусонный взглядъ на Зельдитца, она лежала, не шевелясь, но вдругъ легкій румянецъ заигралъ на ея щекахъ—и она приподнялась.

— Гдѣ я? воскликнула Эльза, не отдавая себѣ еще отчета въ случившемся.... Но тутъ она взглянула на прудъ и поняла что́ такое случилось съ ней.

— Счастливый случай привелъ меня сюда какъ разъ въ то время, когда лодка опрокинулась, отвѣтилъ Зельдитцъ:—я услыхалъ вашъ крикъ, бросился въ прудъ —и теперь считаю себя счастливымъ, потому что во́ время еще явился сюда и могъ васъ спасти.

Эльза медленно провела ручкой по лбу... Она, казалось, все еще порядкомъ не очнулась.

— Вы спасли меня, заговорила она (голосъ ея слегка дрогнулъ),—благодарю васъ! Вы...

Но тутъ Эльза запнулась и опустила глаза передъ устремленнымъ на нее взглядомъ барона. Она торопливо стала подыматься на ноги. Зельдитцъ помогъ ей встать.

— Вы позволите мнѣ проводить васъ домой, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Домъ моего дяди тутъ... близко... Благодарю васъ!

— Неужели я, сударыня, заслуживаю такое недовѣріе?

— Совсѣмъ нѣтъ! Я и не думала объ этомъ, но я чувствую себя настолько сильной, что и одна могу пройдти такое небольшое пространство.

Эльза сдѣлала нѣсколько шаговъ, но недавній испугъ, и волненіе не остались безъ послѣдствій: она такъ ослабѣла, что должна была опереться о дерево, иначе-бы упала... Зельдитцъ вторично предложилъ ей свои услуги, и на этотъ разъ предложеніе его было принято. Баронъ повелъ дѣвушку домой.

Такъ какъ онъ былъ знатокомъ женскаго сердца, то поэтому и старался держать себя тутъ какъ можно скромнѣе, проще, а это ему нужно было для того, чтобы Эльза на первыхъ-же порахъ отнеслась къ нему довѣрчиво. Зельдитцъ довелъ ее *только* до сада профессора, затѣмъ откланялся, причемъ попросилъ лишь позволенія лично освѣдомиться на другой день о состояніи ея здоровья. Дѣвушка не могла отказать ему въ этой просьбѣ.

Баронъ пошелъ по направленію къ городу. Онъ радовался, ибо никакъ не ожидалъ, чтобы простой случай такъ помогъ ему вдругъ въ „дѣлѣ". На одной изъ улицъ съ нимъ встрѣтились Виндгофъ и Кронахъ.

— Ну, а что́ наше пари? крикнулъ Виндгофъ.

— Надѣюсь выиграть его, отвѣтилъ баронъ съ улыбкой.

— Хорошо-съ. Ну, а съ красавицей-то перекинулись-ли словцомъ?

— Разумѣется, перекинулся... Я говорилъ съ ней сегодня, и даже—наединѣ.

— Это невозможно! воскликнули въ одно время и Виндгофъ, и Кронахъ.

— Что́ это правда—даю вамъ честное слово.

— Гдѣ-же? Гдѣ вы говорили съ ней.

— Относительно этого—позвольте мнѣ умолчать.

— Ну, я-бы этому никогда не повѣрилъ, если-бы вы не дали сейчасъ честнаго слова, заговорилъ Виндгофъ. Впрочемъ, отъ разговора до обрученія весьма еще далеко, и я не думаю, чтобы *главное* вамъ удалось... Но, представьте себѣ, какъ филистерски относится къ этому дѣлу Платэнъ! Вчера вечеромъ собрались мы всѣ вмѣстѣ, ну, пошло веселье... Кронахъ и я велѣли подать шампанское *въ счетъ будущихъ благъ*, то есть нашего пари, которое мы навѣрно выиграемъ... Ну-съ, и Платэнъ отказался пить съ нами! Сначала онъ не хотѣлъ сказать причины, а потомъ объявилъ, что онъ не хочетъ *даже* пить вина, за которое заплачено будетъ деньгами выигранными при подобномъ пари!...

Зельдитцъ пожалъ плечами, что́ повидимому сдѣлалъ равнодушно...

— Я-бы могъ оправдать такое поведеніе съ его стороны только въ томъ случаѣ, если-бы онъ имѣлъ какія либо отношенія къ этой дѣвушкѣ, проговорилъ онъ,— но... мнѣ непонятно, какъ онъ можетъ стать рыцаремъ мѣщанки?... Если-бы я не зналъ, что Платэнъ принадлежитъ къ довольно древней фамиліи, то, право, подумалъ-бы что его дворянство моложе его самаго.

— Да, онъ таки частенько бываетъ мечтателемъ, замѣтилъ на это Виндгофъ.

— Послушайте, товарищъ, прошу васъ, не будемъ болѣе говорить объ этомъ, произнесъ Зельдитцъ,—и вы даже окажете мнѣ услугу, если ни слова не скажете ему о томъ, что я сегодня утромъ разговаривалъ съ дѣвушкой. Такъ какъ онъ не захотѣлъ участвовать въ нашемъ пари, то, слѣдовательно, ему нѣтъ и дѣла до него, да и я не люблю вмѣшательства непрошеныхъ въ мои дѣла...

Когда Зельдитцъ на другой день утромъ явился въ жилище профессора, то его, кажется, тамъ уже ждали: онъ былъ принятъ Вертеромъ и женою его самымъ радушнымъ образомъ.

— Вы племянницу мою спасли отъ смерти!.. Ужъ я не знаю, какъ мнѣ и благодарить васъ! воскликнулъ профессоръ, протягивая руку гостю.

— Все сошло удачно, благополучно—развѣ это не лучшая моя награда? проговорилъ баронъ съ улыбкой.— Я сдѣлалъ только то́, что́ сдѣлалъ-бы на моемъ мѣстѣ и всякій другой. Вы господинъ, профессоръ, тоже не задумались-бы поступить такъ!...

— Ну-да̀, конечно, хотя я, по правдѣ сказать, и не умѣю плавать, признался ученый мужъ.—Но я, знаете, и не подозрѣвалъ, что племянница моя отправляется къ пруду и входитъ даже тамъ въ лодку, иначе—не потерпѣлъ-бы этого я, потому что она поручена намъ, мы обязаны беречь ее!... Одна мысль о томъ, что какая нибудь опасность могла-бы ей угрожать—способна ввергнуть меня въ отчаяніе!...

— Льщу себя надеждой, что этотъ несчастный случай не повліялъ вредно на вашу племянницу, сказалъ Зельдитцъ...

При этихъ словахъ Эльза вошла въ комнату. Вилъ

Библиотека "Руниверс"

она имѣла все еще нѣсколько болѣзненный, но за то, когда она увидѣла человѣка, спасшаго ее отъ гибели, румянецъ заигралъ на ея щекахъ. Молодая дѣвушка еще разъ въ простыхъ, задушевныхъ словахъ отблагодарила Зельдитца.

— Но, сударыня, собственно моя заслуга весьма тутъ не велика, замѣтилъ баронъ покойнымъ тономъ.—Вы обязаны больше всего не мнѣ, а тому счастливому случаю, который привелъ меня во время въ рощу, и именно—къ пруду. Я видѣлъ, какъ лодочка перевернулась, какъ вы упали въ воду, слышалъ вашъ крикъ, но не зналъ, съ кѣмъ случилось несчастье... Если-бы я пришелъ туда двумя минутами позже, то...

— Не говорите, не говорите больше! подхватилъ профессоръ,—зачѣмъ описывать подробно такія страсти!...

— А почему-же нѣтъ? Вѣдь жизнь дѣлается для насъ вдвое дороже, когда мы ясно сознали ту опасность, которой намъ удалось избѣжать. Да, жизнь представляется намъ тогда такимъ даромъ, хранить который мы должны какъ святыню!... Это испыталъ я на себѣ еще въ дѣтствѣ. Однажды, помню, отправился я гулять съ моими родителями. Безумно-отважный, неустрашимый, какъ и всѣ мальчуганы,—подошелъ я къ самому краю весьма высокой, крутой скалы. Мать стала звать меня къ себѣ, но въ эту самую минуту камень, на которомъ я стоялъ, сдвинулся—и я полетѣлъ вмѣстѣ съ нимъ... Отецъ и мать считали уже меня погибшимъ, но счастливый рокъ рѣшилъ дѣло иначе: я упалъ на вѣтвистое дерево, стоявшее у подошвы скалы, а это обстоятельство значительно умѣрило быстроту паденія, такъ что я, падая съ вѣтви на вѣтвь, добрался до земли почти невредимымъ. Отецъ, блѣдный отъ испуга, прибѣжалъ окольными дорожками къ мѣсту паденія... Онъ думалъ, что увидитъ только исковерканный трупъ мой, а я—весело бѣжалъ къ нему навстрѣчу! Этотъ случай не произвелъ тогда на меня особеннаго впечатлѣнія, но отецъ все-таки понесъ меня къ матери, которая была уже безъ чувствъ... Очнувшись, она съ рыданіями схватила меня въ свои объятія, и съ того дня стала любить меня еще нѣжнѣе: она говорила, что я ей дарованъ *вторично*!...

Зельдитцъ разсказалъ ему исторійку (разумѣется, сочиненную имъ) весьма ловко, придавъ ей мѣстами теплый колоритъ, и могъ потомъ подмѣтить, что разсказецъ его произвелъ на слушателей впечатлѣніе.

— Ну, вотъ, и мы, Эльза, будемъ глядѣть теперь на тебя, какъ на *дарованную* намъ *вторично*! воскликнулъ Вертеръ и протянулъ руку своей прелестной племянницѣ.

— Меня одно только безпокоило, заговорилъ снова баронъ, обращаясь къ дѣвушкѣ,—это именно то, что испугъ могъ вамъ больше повредить...

— Но вы видите—я совершенно здорова, бодра, отвѣтила Эльза улыбаясь,—вѣдь все это случилось такъ живо, быстро, что я едва-ли имѣла время испытать чувство страха!...

— Нѣтъ, ужъ теперь ты не должна гулять въ рощѣ одна... никогда! опять воскликнулъ профессоръ, на котораго этотъ случай подѣйствовалъ, кажется, сильнѣе чѣмъ на его племянницу.

— Да въ другой разъ я и не подвергну себя подобной опасности, такъ какъ узнала ужъ ее, произнесла Эльза тономъ успокоенія.

Зельдитцъ преимущественно велъ разговоръ съ профессоромъ. Не смотря на то, что Вертеръ весьма мало интересовалъ его, баронъ все-таки съумѣлъ поддѣлаться къ нему, попасть въ тонъ, заговорить его языкомъ, а это повело къ тому, что старикъ почувствовалъ расположеніе къ гостю. Зельдитцъ, въ отношеніи Эльзы, предумышленно держалъ себя какъ-то особенно спокойно, скромно... Онъ разсуждалъ совершенно вѣрно, говоря самъ себѣ, что за такой хорошенькой дѣвушкой ухаживаютъ всѣ кавалеры,—а потому, если онъ *не будетъ* ухаживать за ней, то этимъ самымъ легче всего заставитъ ее заинтересоваться имъ, тѣмъ болѣе что ужъ чувство благодарности связывало ее нѣкоторымъ образомъ съ его особой.

Когда баронъ, посидѣвъ нѣсколько времени, сталъ откланиваться, Вертеръ пригласилъ его не замедлить посѣтить ихъ снова, и Зельдитцъ весьма охотно принялъ это приглашеніе, обѣщался побывать, причемъ обнаружилъ совершенное спокойствіе, придавъ физіономіи своей даже равнодушный видъ... А за то въ душѣ—онъ ликовалъ! Онъ готовъ былъ возликовать вслухъ, потому что былъ теперь твердо убѣжденъ въ томъ, что выиграетъ свое пари. Передъ товарищами-офицерами онъ, однако, умалчивалъ о своемъ успѣхѣ, ничего не говорилъ имъ о томъ, какъ далеко уже подвинулись его дѣла,—и, если они принимались распрашивать его, то баронъ или уклончиво пожималъ плечами, или отвѣчалъ, что еще не считаетъ своего пари проиграннымъ...

Прошла недѣля. Хоръ военныхъ музыкантовъ опять давалъ концертъ и опять въ томъ-же саду. Платэнъ, Виндгофъ, Пальмъ и Кронахъ сидѣли на прежнемъ мѣстѣ, у столика, и разсуждали о томъ, почему это Зельдитцъ въ послѣдніе дни сталъ такъ старательно избѣгать ихъ общества.

— Я думаю, это потому, что онъ чувствуетъ, что проиграетъ пари! воскликнулъ Кронахъ.—Это, разумѣется, сердитъ его, но за это нельзя быть на него въ претензіи: вѣдь сто фридрихсдоровъ и для него сумма не маленькая! Да кромѣ этого, онъ все-таки, такъ сказать, немножко *осрамился*... Ну, какже этого не чувствовать?...

— Вы, Кронахъ, слишкомъ мало еще знаете барона, замѣтилъ Платэнъ:—если-бы вы знали его поближе, то знали-бы также, что не только осрамиться, но и мысли объ этомъ—онъ не можетъ допустить: баронъ слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ.

— Такъ зачѣмъ-же онъ, вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ-бы прячется отъ насъ? вмѣшался Виндгофъ.

— Этого я не знаю, да и интересы его такъ мало занимаютъ меня, что я и не намѣренъ задумываться надъ такимъ вопросомъ.

— Нѣтъ, вы, Платэнъ, просто не любите барона! А вѣдь онъ—превосходный собесѣдникъ и благороднѣйшій человѣкъ! заговорилъ Виндгофъ.—На наше пари вы смотрите, право, слишкомъ ужъ серіозно! Во-первыхъ, Зельдитцъ — проиграетъ, а во-вторыхъ, если-бы даже онъ и дѣйствительно выигралъ и потомъ объявилъ, что жениться не желаетъ, то вѣдь не умретъ-же дѣвушка отъ „разбитаго сердца?"... Конечно, въ романахъ это случается сплошь и рядомъ, но я все-таки этому не вѣрю и никакъ не могу себѣ представить, чтобы сердце могло *разбиться*! Всѣ анатомы на этотъ счетъ такого-же мнѣнія...

— Я тоже никогда не опасался, чтобы чье либо сердце могло разбиться, проговорилъ Платэнъ.

— Ну-съ, такъ почему-же вы такъ возстаете противъ этого пари? спросилъ Виндгофъ.

Платэнъ помолчалъ... Онъ, кажется, думалъ о томъ, что не лучше-ли совсѣмъ прекратить этотъ разговоръ, однако, спустя секунду, произнесъ серіознымъ тономъ:

— Извольте, Виндгофъ, я вамъ скажу, *почему* это. Если кто нибудь оскорбитъ васъ или меня, если честь наша будетъ задѣта, то мы оба знаемъ, какъ намъ въ такомъ случаѣ поступить, что дѣлать: мы потребуемъ удовлетворенія, мало этого—мы заставимъ дать намъ требуемое удовлетвореніе... Ну-съ, а что-же дѣлать дѣвушкѣ, если она будетъ оскорблена?...

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Возстаніе въ Герцеговинѣ.

Въ виду барышей.

(Картина Ярослава Чермака).

Ночь. Тревоженъ сонъ оставшихся въ селеніи... И кто же остался въ немъ? Старики, женщины, дѣти. Все крѣпкое, молодое, способное владѣть оружіемъ, примкнуло къ возстанію, ушло бить турокъ... «Идемъ къ Любобратичу! Онъ вождь нашъ! Съ нимъ разобьемъ вражью силу и—освободимся!»

А многіе-ли вернутся?.. Мать думаетъ о сынѣ, жена о мужѣ, сестра о братѣ... Можетъ-ли сонъ ихъ быть спокоенъ? Вѣки, распухшіе отъ слезъ, вздрагиваютъ во снѣ, на сонныхъ лицахъ —ужасъ. Тяжело днемъ, да не легче и ночью отъ страшныхъ сновъ... Закрытые глаза видятъ потрясающія картины, кровь застываетъ въ жилахъ, изъ груди вырывается вопль отчаянія... Вотъ—все небо стало багровымъ; плывутъ куда-то разорванныя темныя тучи, но края ихъ красны, какъ будто онѣ задѣли ими о землю Босніи и Герцеговины, залитую кровью славянъ и турокъ. Несмѣтныя полчища басурманъ идутъ, надвигаются... Все ближе и ближе они; что-то гудитъ, гремитъ въ воздухѣ; горячій вѣтеръ обдаетъ гарью и запахомъ свѣжей крови...

О, какъ душно, тяжело! бормочетъ въ бреду молодая женщина, мечется, стонетъ, а проснуться не можетъ. Гдѣ-же басурманская туча? Прошла она?.. А это что за туманное пятно?.. Вотъ оно растетъ, приближается, обрисовывается въ человѣческую фигуру... О, знакомое, милое лицо! Это—мужъ! Онъ вѣрно оставилъ Кошеровскій монастырь... Но что съ нимъ?.. Лицо у него мертвенно-блѣдное, глаза мутные, стеклянные... Боже! Голова разсѣчена—черныя кудри смочены кровью! Темныя капли тихо падаютъ ему на грудь...

— Тебя... убили!? бредитъ молодая женщина...

Замогильный, знакомый голосъ отвѣчаетъ:

— Не плачь, голубка! Палъ я, сражаясь за родину... Много насъ легло тамъ и заснуло вѣчнымъ сномъ! Помолись обо мнѣ... Поцѣлуй сына! Прощай, прощай!..

Холодныя, синія губы прикасаются къ ея губамъ...

— Бѣги! Они идутъ! шепчетъ мертвецъ.—Смерть или гаремъ! Выбери—смерть...

Исчезло блѣдное лицо, и опять въ воздухѣ загудѣло, загремѣло... Врагъ ворвался въ селеніе... Бѣжать надо! Она хочетъ вскочить, взять сына и—не можетъ пошевелиться: ноги, руки онѣмѣли!.. Чу! заплакалъ младенецъ... Мать собираетъ всѣ силы и—просыпается... На радость-ли? Смертельный ужасъ—уже на яву—охватываетъ ее: за окномъ разливается зарево, шумъ, крики, выстрѣлы... Ужъ это не сонъ!.. Турки... турки!..

Молодая женщина схватываетъ ребенка... Куда же бѣжать? Куда?.. Сердце ея стучитъ такъ, что того гляди разорвется... Мальчикъ дрожитъ; онъ въ испугѣ прижимается къ матери... Онъ такъ сладко спалъ... Зачѣмъ разбудили его?.. Лицо у мамы такое страшное... Какъ тутъ не заплакать?..

— Сссс—шт...! Не плачь... Не смѣй плакать!

Она закрываетъ ему ротъ рукой, осторожно отворяетъ двери и выбѣгаетъ въ сѣни. Старикъ-отецъ мужа, блѣдный, съ топоромъ въ рукѣ, преграждаетъ ей дорогу.

— Куда ты? На вѣрную гибель?.. Иди за мной — въ садъ... Тамъ, въ погребѣ, спрячемся...

Поздно!.. Блеснулъ лиловый огонекъ, грянулъ выстрѣлъ — и старикъ тяжело упалъ навзничь. Неистовые крики оглушили молодую женщину... Она ринулась впередъ, но тутъ двѣ коричневыя, жилистыя руки упали на ея плечи. Замерла она, закрыла глаза, потому что другая бритая голова свирѣпо вырвала изъ ея рукъ мальчика... Онъ слабо вскрикнулъ, а затѣмъ... что-то глухо стукнулось о землю... И вдругъ, въ порывѣ отчаянія, мать ударила по бритой головѣ; началась борьба — но гдѣ же женщинѣ справиться съ тремя солдатами?.. Въ борьбѣ она потеряла послѣднюю одежду, прикрывавшую ее... Прекрасное, молодое обнаженное тѣло—товаръ цѣнный, и спросъ на него въ Константинополѣ большой... Лучше продать, чѣмъ убить!.. Барышъ будетъ.

— Вяжи ее! Гдѣ веревка-то?..

— Крѣпче держи, Ахметъ! Свяжемъ!

— Руки-то вяжи! Правую! Глаза вырвегъ...

— А ты не давай рвать—отвернись!

Можетъ быть Ахметъ и потерялъ лѣвый глазъ, но за то ужъ навѣрно получилъ третью часть барыша послѣ продажи *живаго товара*, если, конечно, самъ не погибъ въ какой нибудь свалкѣ съ инсургентами.

Не думайте, читатель, что эта страшная картина—плодъ игривой фантазіи художника... Увы, подобныя сцены совершаются тамъ сплошь и рядомъ! Если турки въ *мирное* время грабили Герцеговину, то станутъ ли они церемониться со взбунтовавшимся населеніемъ этой страны?..

О причинахъ и характерѣ нынѣшняго возстанія на Балканскомъ полуостровѣ мы уже сообщили нашимъ читателямъ (№ 33, Политическое обозрѣніе).

Пасквиль.

Въ Римѣ жилъ портной когда-то,
Называемый Пасквино;
Онъ отъ прочихъ отличался
Духомъ крайне безпокойнымъ:
На стѣнахъ, на пьедесталахъ
Всюду онъ писалъ насмѣшки
На святѣйшихъ кардиналовъ
И блистательныхъ синьоровъ.
Всякій кто ни прочитаетъ
Злую сплетню иль насмѣшку,
Тотъ качнувши головою
Съ огорченіемъ воскликнетъ:
„Это вѣрно нашъ Пасквино!“
Но со временемъ привыкли
И отчасти равнодушно
Говорили: „Это Пасквиль!“
А портной, какъ всякій смертный,
Кончилъ жизнь свою однажды...
Тѣмъ не менѣе однако
Все твердили по привычкѣ:
„Это пасквиль! это пасквиль!“
И теперь, когда въ могилѣ
Кости Пасквино истлѣли,
Всякій кто ни прочитаетъ
Обличеніе въ журналѣ
Иль насмѣшку надъ собою,
Говоритъ съ негодованьемъ:
„Это пасквиль! Это пасквиль!“
Вотъ какое наказанье
Постигаетъ тѣхъ за гробомъ,
Кто насмѣшки пишетъ злыя
На святѣйшихъ кардиналовъ!..

И. Г.

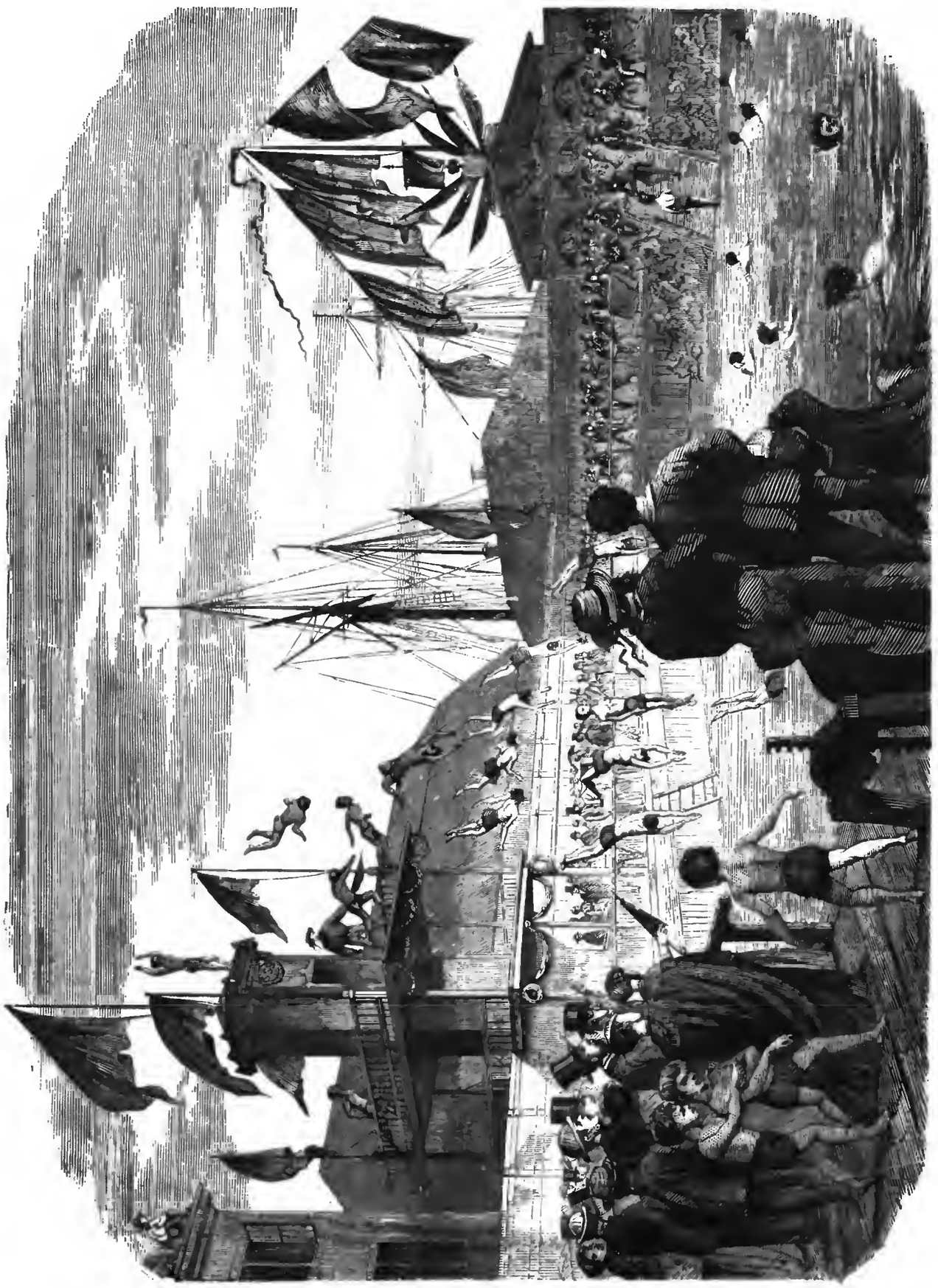
Императрица Австрійская Елизавета.

Помѣщая на страницахъ «Нивы» портретъ императрицы австрійской Елизаветы, присовокупимъ нѣсколько словъ о личности императрицы. Лучшая заслуга царей — любовь ихъ народа, а какъ императоръ австрійскій Францъ-Іосифъ, такъ и августѣйшая его супруга, вполнѣ пользуючся любовью всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ Австро-Венгріи. Извѣстныя обширныя лингвистическія познанія императора Франца-Іосифа, позволяющія ему говорить на всѣхъ языкахъ и даже нарѣчіяхъ подвластныхъ Австріи народовъ. Императрица австрійская такъ же свободно владѣетъ этими языками, а по венгерски говоритъ какъ природная венгерка, что разумѣется много способствуетъ ея популярности въ странѣ.

Императрица Елизавета-Амалія-Евгенія, дочь короля баварскаго Максимиліана, родилась въ 1837, вступила въ замужество съ императоромъ австрійскимъ Францомъ-Іосифомъ I въ 1854 году; у нихъ дѣти: Жизель, Рудольфъ, наслѣдный принцъ, и Марія.

Не смотря на то, что императрица Елизавета имѣетъ уже замужнюю дочь—принцесса Жизель вступила въ 1873 г. въ замужество съ принцемъ баварскимъ Леопольдомъ,—сама импе-

Библиотека "Руниверс"



Вѣнчаніе магистровъ плаванія въ Стокгольмѣ.

Библиотека "Руниверс"

ратрица, какъ это видно по портрету, еще полна свѣжести и красоты. Она страстно любитъ охоту и отличная наѣздница.

Нынѣшнее лѣто императрица австрійская проводитъ во Франціи въ замкѣ Сассете, находящемся въ самой живописной мѣстности Нормандіи, въ двухъ километрахъ отъ моря, и окруженномъ великолѣпнымъ паркомъ. Пріѣздъ августѣйшей гостьи и ея многочисленной свиты, придалъ много оживленія этому прелестному, но обыкновенно довольно тихому мѣстечку, предпочитаемому тѣми изъ купальщиковъ, которые хотятъ избѣгнуть шума и натянутости другихъ купальныхъ мѣстъ. Надѣются, что морскія купанья укрѣпятъ довольно слабое здоровье императрицы австрійской.

Легкія.

Многіе изъ нашихъ органовъ начинаютъ свою дѣятельность еще до нашего появленія на свѣтъ; но органъ, объ которомъ мы намѣрены теперь бесѣдовать съ читателями, проявляетъ свою дѣятельность только со вступленіемъ нашимъ въ жизнь.

Часто съ трепетомъ ожидаемый окружающими, первый признакъ дыханія привѣтствуется всеобщей радостью. Вѣдь крикъ новорожденнаго ребенка возвѣщаетъ появленіе въ нашей средѣ новаго, одареннаго голосомъ и имѣющаго право голоса, гражданина!

Крикливые и немелодичные звуки, которыми мы открываемъ свой первый дебютъ въ жизни, производятся посредствомъ дѣйствія внѣшняго атмосфернаго воздуха на наши легкія, при содѣйствіи голосоваго органа, именно гортани.

Легкія, какъ извѣстно, лежатъ въ груди по обѣимъ сторонамъ сердца, и заключены въ кожистую оболочку, такъ-называемую «грудную перепонку». Буро-краснаго цвѣта и губчатаго строенія, они представляютъ систему широко-развѣтвленныхъ трубочекъ, на тончайшихъ кончикахъ которыхъ сидятъ «легочные пузырьки, какъ ягоды на виноградной кисти. Черезъ соединеніе нѣсколькихъ такихъ трубочекъ, изъ каждаго легкаго выходитъ по довольно длинной трубкѣ; подымаясь вверхъ, трубки эти все болѣе сближаются и соединясь въ одну, на границѣ между шеей и грудью, образуютъ «дыхательное горло». Сюда присоединяется, какъ непосредственное его продолженіе на верху, гортань, которая съ своей стороны сообщается съ окружающимъ насъ воздухомъ, посредствомъ зѣва, рта и носа.

Вотъ въ короткихъ чертахъ путь, проходимый воздухомъ, прежде чѣмъ онъ проникнетъ въ легочные пузырьки.

Воздухъ служитъ въ нѣкоторомъ смыслѣ пищей для легкихъ. Можно даже сказать, что для нихъ воздухъ гораздо необходимѣе чѣмъ желудку пища, потому что голодъ можно переносить нѣсколько дней, а лишеніе воздуха въ нѣсколько минутъ влечетъ за собой удушеніе и смерть. Дѣятельность легкихъ заключается въ томъ, что они безпрерывно вводятъ воздухъ въ вышеупомянутые легочные пузырьки и, послѣ того какъ онъ исполнитъ тамъ свое назначеніе, снова выгоняютъ его наружу. Мы называемъ этотъ процессъ «дыханіемъ», при чемъ первая его половина называется «вдыханіемъ», вторая «выдыханіемъ». Такихъ вздоховъ бываетъ 18 въ минуту; слѣдовательно они составляютъ около четвертой части біенія пульса. Такъ же какъ и послѣднее, они подвержены различнымъ колебаніямъ. Напримѣръ, дыханіе учащается въ такихъ случаяхъ, когда по какой либо причинѣ доступъ воздуха къ легкимъ затруднителенъ; при этомъ все равно, будетъ ли препятствіе въ самомъ легкомъ или въ одномъ изъ ведущихъ къ нему каналовъ. Важный признакъ сильной одышки, легко замѣтный даже не для врачей, это игра носовыхъ крыльевъ, именно: въ такихъ случаяхъ ноздри расширяются съ каждымъ вдыханіемъ и спадаются съ каждымъ выдыханіемъ. Это явленіе всегда указываетъ на важное заболѣваніе дыхательныхъ органовъ, и въ такихъ случаяхъ никогда не нужно медлить обращеніемъ къ медицинской помощи.

Разумѣется, нечего и говорить о томъ, что дыханіе не прекращается и во время сна. Но нѣсколько словъ о «кошмарѣ» и летаньи «во снѣ», можетъ быть не будутъ лишены интереса. Первый состоитъ, какъ извѣстно, въ чрезвычайно непріятномъ ощущеніи, будто на груди лежитъ какое-то тяжелое тѣло, отъ котораго мы никакъ не можемъ отдѣлаться, и которое грозитъ задавить насъ. Это происходитъ не отъ чего инаго, какъ отъ незначительной задержки дыханія, часто напримѣръ вслѣдствіе того, что рука слишкомъ крѣпко прижата къ груди. Народная фантазія, придающая всему сверхестественный характеръ, приписываетъ такой тяжелый сонъ злоумышленнымъ дѣйствіямъ домоваго: «домовой давилъ», говорится въ народѣ. На тѣхъ же причинахъ основано и «летанье во снѣ»; но послѣднее, въ противуположность кошмару, происходитъ и при свободномъ, безпрепятственномъ дѣйствіи легкихъ. Летаемъ мы впрочемъ только во снѣ,—при пробужденіи же обыкновенно падаемъ съ облаковъ.

Что же служитъ признакомъ дыханія? Для этого стоитъ только наблюдать здороваго человѣка, и мы увидимъ, что грудь его правильно подымается и опускается. Движеніе это зависитъ отъ того, что при каждомъ вдыханіи легкія расширяются, а при каждомъ выдыханіи возвращаются къ своему прежнему состоянію. Такое колыханіе груди особенно замѣтно у женщинъ, и ему часто придается даже поэтическое значеніе. Но для прозаическаго взгляда эта «колеблющаяся грудь» означаетъ не болѣе какъ учащенное дыханіе. У дамъ волненіе въ груди обыкновенно вызываетъ болѣзнь сердца, которую впрочемъ умѣютъ лечить не одни доктора, но и другіе мущины.

Легкія, такъ же какъ и сердце, участвуютъ въ выраженіи всѣхъ нашихъ радостей и печалей.

Если бы напримѣръ этотъ маленькій очеркъ не понравился вамъ, благосклонный читатель дай Богъ только чтобы этого не было—то вы будете производить медленныя, продолжительныя вдыханія при судорожно-открытомъ ртѣ, а авторъ будетъ дѣлать протяжныя вдыханія и вслѣдъ за ними сильныя выдыханія; т. е. вы будете «зѣвать»,—авторъ «вздыхать».

Но всего пріятнѣе было бы, читатель, если вы будете производить рядъ прерывистыхъ, отрывочныхъ выдыханій, то есть отъ души «смѣяться».

Вставая утромъ съ постели, мы сейчасъ пользуемся весьма важными услугами нашихъ легкихъ: мы не могли бы выполоскать ни рта, ни горла, не заставляя воду, постоянными выдыханіями, оставаться въ гортани. Это послѣднее отправленіе ежедневной жизни, равно какъ чиханіе, кашель, и т. п., суть впрочемъ только второстепенныя функціи легкихъ. Главная ихъ дѣятельность относится къ другой области. Именно, дыханіе состоитъ въ тѣсной связи съ образованіемъ крови. Мы уже не разъ бесѣдовали съ нашими читателями о газѣ, играющемъ столь важную роль въ этихъ отправленіяхъ нашего организма, и здѣсь намѣрены опять возвратиться къ этому предмету.

Мы говоримъ о кислородѣ. Хотя газъ этотъ составляетъ всего $^1/_5$ атмосферы, а большая ея часть, вмѣстѣ съ другими газами, состоитъ изъ азота, тѣмъ не менѣе при процессѣ дыханія главная роль принадлежитъ кислороду.

Изъ опытовъ надъ животными—обыкновенно участь эта выпадаетъ на долю кроликовъ—дознано, что только кислородъ въ состояніи поддерживать постоянное дыханіе. Можно даже безъ опасности, на нѣкоторое время лишить животное дыханія, если передъ этимъ ввести въ его легкія обильное количество кислорода. Процессъ же, который кислородъ вызываетъ въ нашемъ тѣлѣ, есть тотъ же самый, какой мы наблюдаемъ при зажиганіи свѣчи, при топкѣ печей: «процессъ горѣнія». Слѣдствіемъ этого процесса является образованіе угольной кислоты; эта послѣдняя правильно выдыхается посредствомъ легкихъ. И такъ, организмъ нашъ безпрерывно работаетъ, въ немъ ежеминутно происходятъ обновленія и измѣненія, хотя и не видимыя для глаза. Въ природѣ никогда нѣтъ «настоящаго», въ ней все «вѣчное будущее». Это должно побуждать насъ всегда бодро идти впередъ и въ жизни, иначе мы пойдемъ назадъ; неподвижнаго состоянія не существуетъ. Такъ и въ природѣ, одновременно со всякимъ разрушеніемъ возникаютъ новые жизненные элементы.

Процессъ сгаранія, производимый въ нашемъ тѣлѣ кислородомъ, обусловливаетъ измѣненіе вводимой въ тѣло пищи. Поэтому ясно, какое огромное значеніе имѣетъ кислородъ, т. е. дыханіе, на весь нашъ организмъ. Посредствомъ дыханія, кислородъ вводится въ маленькіе кровяные сосудцы, проходящіе въ легочные пузырьки,—въ волосныя трубочки—безъ чего не могли бы совершаться разнообразные процессы питанія.

Считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ одномъ газѣ, гибельномъ для дыханія, тѣмъ болѣе, что не проходитъ почти зимы, чтобы нѣсколько человѣкъ не поплатились изъ-за него жизнію. Это такъ-называемая «окись углерода», извѣстная въ общежитіи подъ именемъ угара. Газъ этотъ образуется вслѣдствіе того, что преждевременнымъ закрываніемъ печныхъ заслонокъ - у горючаго матерьяла слишкомъ рано отнимается воздухъ, т. е. кислородъ. Тогда, вмѣсто угольной кислоты, которая образуется при всякомъ горѣніи, развивается газъ, отличающійся отъ угольной кислоты меньшимъ содержаніемъ кислорода. Послѣдній сокращается въ немъ на половину. Присутствіе этого газа въ тлѣющихъ угляхъ легко узнать по выходящему изъ нихъ синему огоньку. Опасность этого газа увеличивается еще оттого, что онъ не выдаетъ себя никакимъ особеннымъ запахомъ, какъ напримѣръ свѣтильный газъ, но какъ воръ нападаетъ ночью на спящаго. Дѣйствіе его смертельно вслѣдствіе того, что онъ вытѣсняетъ изъ легкихъ имѣющійся тамъ кислородъ, естественнымъ послѣдствіемъ чего будетъ задушеніе. Спасительнымъ средствомъ въ подобныхъ случаяхъ можетъ служить приливъ свѣжаго, богатаго кислородомъ воздуха; то есть при такихъ несчастныхъ случаяхъ надо поскорѣе отворить всѣ двери и окна въ комнатѣ.

Послѣ этого короткаго отступленія, возвратимся опять собственно къ кислороду.

Библиотека "Руниверс"

Какъ недостатокъ въ кислородѣ, слѣдовательно въ свѣжемъ воздухѣ, вредно отзывается на общемъ состояніи нашего здоровья, видно изъ безчисленныхъ примѣровъ въ ежедневной жизни. Вспомните блѣдный, желтовато-сѣрый цвѣтъ лица подвальныхъ жителей, столь многочисленныхъ въ большихъ городахъ. Взгляните на фабричныхъ, которые въ огромномъ количествѣ скучены на небольшомъ пространствѣ. Къ нимъ причисляются ремесленники, чиновники, ученые, ведущіе сидячую жизнь. Однимъ словомъ, если вообще сравнить городскаго жителя, проводящаго жизнь болѣе или менѣе въ комнатѣ, съ сельскимъ жителемъ,—то наружность послѣдняго послужитъ очевиднымъ доказательствомъ того, какое благодѣтельное вліяніе имѣетъ вдыханіе свѣжаго и чистаго воздуха на наше здоровье. Еще печальнѣе положеніе тѣхъ, которые по роду своихъ занятій принуждены постоянно дышать воздухомъ, наполненнымъ пыльными частицами. Поэтому въ сравнительныхъ таблицахъ смертности между ремесленниками самый большой процентъ составляютъ обойщики, мельники, каменотесы и булочники.

Если еще къ этому принять во вниманіе, что чахотка составляетъ $^1/_5$ всѣхъ смертныхъ случаевъ, то станетъ понятнымъ какія энергическія мѣры должны мы всегда принимать, чтобы дышать свѣжимъ, чистымъ воздухомъ. Но, спросятъ можетъ быть, что можемъ мы сдѣлать для этого?

Прежде всего слѣдуетъ избѣгать подвальныхъ квартиръ, чуть обстоятельства хоть сколько-нибудь позволяютъ это. Для спальни надо всегда выбирать по возможности просторную комнату съ большими окнами. Въ ней не должно спать много человѣкъ, такъ какъ ясно, что комната тѣмъ скорѣе обѣднѣетъ содержаніемъ въ ней кислорода, и тѣмъ скорѣе наполнится выдыхаемой угольной кислотой, чѣмъ болѣе человѣкъ будетъ въ ней дышать. Окна въ спальнѣ должны какъ можно чаще отворяться, для того чтобы въ ней была всегда правильная, достаточная вентиляція. Наконецъ не слѣдуетъ жарко натапливать спальни да и въ остальныхъ комнатахъ лучше избѣгать этого, и такъ же не держать на заперти, а по возможности чаще отворять окна и форточки. Постоянное пребываніе въ комнатѣ большаго или меньшаго число людей, измѣняетъ въ ней воздухъ далеко не къ выгодѣ дышущихъ имъ, въ чемъ легко убѣдится всякій, кто войдетъ съ свѣжаго воздуха въ такую комнату. Если отъ отворянья форточки зимою мы потеряемъ немного тепла, за то потеря эта щедро вознаградится пріобрѣтеніемъ хорошаго, чистаго, обильнаго кислородомъ воздуха. Наконецъ надо взять себѣ за правило, каждый день дѣлать довольно продолжительнее движеніе на воздухѣ. Всякій очень скоро почувствуетъ благодѣтельные результаты такого образа дѣйствій для общаго состоянія своего здоровья.

Можетъ быть мы слишкомъ напугали нашихъ читателей грозной картиной многочисленныхъ жертвъ чахотки; спѣшимъ успокоить ихъ; въ новѣйшее время медицина не безъ успѣха старается отыскивать средства противъ этой болѣзни. Безразсудно было бы, конечно, требовать отъ науки невозможнаго, и относиться къ ней съ презрѣніемъ, если она не исполняетъ этихъ требованій. Мы назвали бы глупцомъ того, кто потребовалъ бы отъ стекольщика, чтобы онъ вставилъ новое стекло, не давая ему матерьяла для этого—именно самаго стекла. Между тѣмъ многіе не задумаются потребовать отъ доктора, чтобы онъ замѣнилъ разрушенное легкое новымъ. А что значитъ кусокъ стекла въ сравненіи съ нѣжно организованной тканью легкаго! Если бы мы взяли за твердое правило никогда не запускать кашля, но всегда немедленно обращаться къ совѣту доктора, то въ очень бы многихъ случаяхъ избѣгали чахотки Мало по малу всѣ доктора пришли къ тому убѣжденію, что чахотка почти всегда развивается изъ предшествовавшаго запущеннаго катарра. Даже начинающуюся чахотку можно остановить, или по крайней мѣрѣ на иного лѣтъ отдалить печальный исходъ. Но этого никогда нельзя достигнуть публикуемыми спеціальными средствами противъ чахотки, потому что такихъ не существуетъ, — тутъ могутъ помочь только хорошія гигіенически-климатическія условія, т. е. соотвѣтствующій образъ жизни и мягкій климатъ съ чистымъ, здоровымъ воздухомъ.

Изготовленіе дамасскихъ оружейныхъ стволовъ.

Между Люттихомъ и Пепиннитерре, въ Бельгіи, на берегу Вездрэ, лежатъ нѣкоторыя незначительныя мѣстечки, на которыя проѣзжающіе по желѣзной дорогѣ путешественники обратятъ вниманіе развѣ за красоту ихъ мѣстоположенія, между тѣмъ какъ они заслуживаютъ особеннаго вниманія своей громадной промышленностью—и именно особымъ родомъ этой промышленности. Мѣстечки Нессонво, Пріонъ, Френонъ, Троозъ и Ги-де-Мобё, взятыя вмѣстѣ, составляютъ значительнѣйшій въ мірѣ округъ производства ружейныхъ стволовъ. Здѣсь, за немногими исключеніями, дѣлаются стволы для всѣхъ ружей, производимыхъ Люттихомъ; кромѣ того отсюда, частію черезъ люттихскихъ фабрикантовъ, частію прямо со стволыныхъ заводовъ, отсылаются большія количества неотдѣланныхъ стволовъ иностраннымъ закащикамъ въ Англію, Францію, Германію, Австрію, Сѣверную Америку и Италію.

Годовой отчетъ правительственнаго пробнаго заведенія въ Люттихѣ (banc d' épreuves), даетъ подробныя свѣдѣнія о размѣрахъ стволыпаго производства Люттихскаго округа. Въ вышеупомянутомъ заведеніи должны подвергаться испытанію всѣ фабрикуемые въ Бельгіи стволы для огнестрѣльныхъ оружій. Отчетъ 1873 года, не отличающійся существенно отъ предъидущихъ годовъ, даетъ слѣдующія цифры. Въ этомъ году было всего испробовано 773.000 стволовъ, изъ нихъ 49.000 назначались для солдатскихъ ружей, 332,000 для револьверовъ и парныхъ карманныхъ пистолетовъ; далѣе 14,000 парныхъ стволовъ для пистолетовъ, 21,000 стволовъ для особаго рода небольшихъ одноствольныхъ ружей (bords), 216,000 стволовъ для одноствольныхъ дробовиковъ и штуцеровъ, и наконецъ 152,000 стволовъ или 76,000 парныхъ стволовъ для двуствольныхъ ружей, дробовиковъ и штуцеровъ вмѣстѣ и двухударныхъ штуцеровъ.

Подобное годовое производство составляетъ немаловажный арсеналъ и само за себя говоритъ объ огромномъ значеніи этой вѣтви промышленности.

Наибольшая и существеннѣйшая часть этихъ стволовъ производится упомянутыми выше мѣстностями; приведенныя нами цифры говорятъ только о размѣрахъ производства, вспомогательнымъ средствомъ котораго, надо замѣтить, служитъ единственно не особенно-сильная водяная сила; особенность же его заключается въ фабрикаціи дамасскихъ стволовъ. Въ Нессонво и его окрестностяхъ изготовляются дамасскіе стволы не только для всѣхъ охотничьихъ ружей, которыя Люттихъ разсылаетъ по всему свѣту, но и вообще всѣ тончайшіе дамасскіе стволы, обрабатываемые для охотничьихъ ружей во всемъ свѣтѣ. Бирмингамъ, единственное мѣсто, гдѣ еще фабрикуются въ большихъ размѣрахъ дамасскіе стволы, производитъ низшіе сорта; Суль, такъ же какъ и Сентъ-Этьенъ получаютъ свои дамасскіе стволы преимущественно изъ Бельгіи. Въ Парижѣ дѣлается очень немного особенно тонкихъ дамасскихъ стволовъ, такъ-называемыхъ настоящихъ бернардскихъ стволовъ. Мы не имѣемъ данныхъ для точнаго опредѣленія, сколько изъ вышеприведенныхъ цифръ приходится на дамасскую фабрикацію; можно однако считать, что изъ *двойныхъ ружейныхъ стволовъ*, около половины, слѣдовательно отъ 30,000 до 40,000 паръ, дамасскіе: къ этому надо присоединить еще большое количество стволовъ для одноствольныхъ ружей и пистолетовъ.

Но что такое дамаскъ, и какую имѣетъ онъ цѣль? Матерьялъ ружейнаго ствола желѣзо, или сталь и дамаскъ. Желѣзо употребляется для низшихъ сортовъ; сталь и литая сталь идетъ только на штуцерные стволы, которые высверливаются и пріобрѣтаютъ большую крѣпость. Дамаскъ же есть собственно матерьялъ для двуствольныхъ ружей, такъ какъ эти послѣдніе прежде всего должны быть легки, слѣдовательно тонки, представляя въ то же время необходимую гарантію прочности, которая можетъ быть обусловлена только чрезвычайной крѣпостью массы.

Въ энциклопедическомъ словарѣ говорится, что изобрѣтеніе дамаска происходитъ изъ Дамаска, и стало впервые извѣстно въ Европѣ во времена крестовыхъ походовъ, но только въ новѣйшее время удалось профессору Кривелли въ Миланѣ добиться совершеннаго подражанія дамасскимъ клинкамъ. Въ производствѣ ружейныхъ стволовъ, дѣйствительно, лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія стали употреблять для стволовъ дамаскъ, а такъ какъ люттихскіе оружейные заводы пользуются знаменитостью уже нѣсколько столѣтій, то весьма естественно, что дамасское производство именно имъ обязано своимъ теперешнимъ совершенствомъ. Дамаскомъ называется смѣсь или сплетеніе стальныхъ и желѣзныхъ полосъ. Этимъ соединеніемъ достигается прочность и крѣпость, какія не можетъ представить никакой другой металлъ. Неудачный желѣзный или стальной стволъ, какой бы ни было силы, который не выдерживаетъ пробы и разрывается,—раздробляется въ томъ мѣстѣ гдѣ есть порокъ на болѣе или менѣе мелкіе кусочки, между тѣмъ какъ дамасскій стволъ въ подобномъ же случаѣ разрывается какъ кусокъ ткани, что служитъ явнымъ доказательствомъ необыкновенной плотности матерьяла.

Какъ дѣлается гладкій желѣзный стволъ—вещь довольно извѣстная. Желѣзную полосу въ длину ствола, свертываютъ въ трубку и выковываютъ,—или же, когда это дѣлается посредствомъ прокатыванья, короткую и толстую пластинку свертываютъ въ трубку и растягиваютъ ее между нальками до требуемой длины. Но какъ изготовляются дамасскіе стволы—извѣстно не многимъ; даже многіе охотники, фигуры и цвѣты дамаска считаютъ нарисованными, между тѣмъ какъ это-то собственно и есть видимое доказательство крѣпости металла, что такъ желательно и важно для стрѣлка въ видахъ его собственной безопасности.

Изъ прилагаемыхъ рисунковъ видѣнъ весь процессъ изготов-

Библиотека "Руниверс"

ленія двухъ наиболѣе извѣстныхъ и распространенныхъ лучшихъ сортовъ дамаска, бернардскаго и турецкаго или розоваго дамаска. Процессъ этотъ въ общихъ чертахъ слѣдующій:

Изъ попеременнаго сплетенія стали и желѣза въ видѣ полосокъ толщины въ листъ бумаги и шириною въ соломину (турецкій дамаскъ), или толщиною въ нитку, круглыхъ или четырехгранныхъ проволокъ (бернардскій дамаскъ), образуется четырехгранный прутъ толщиною въ карандашъ. Прутъ этотъ во первыхъ скручивается и сучится пока не получитъ веревкообразной формы, послѣ чего соединяется съ другими, прошедшими черезъ тотъ же самый процессъ прутьями (шестью въ турецкомъ и тремя въ бернардскомъ дамаскѣ), и выковывается въ ленту шириною въ большой палецъ. Эта лента обматывается вокругъ гильзы и выковывается, и, въ раскаленномъ состояніи, до тѣхъ поръ обрабатывается молотомъ, пока всѣ части плотнѣйшимъ образомъ не соединятся между собою и не образуютъ ствола, который по наружности ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго желѣзнаго ствола. Но какъ скоро стволъ этотъ начнутъ выглаживать и полировать и потомъ обрабатывать ѣдкими химическими жидкостями, — то изгибы, переплетенія и образованія стальныхъ и желѣзныхъ частей ясно обозначаются на стволѣ и образуютъ дамасскій рисунокъ. По способу соединенія, равно какъ по формѣ, числу и переплетенію употребленныхъ стальныхъ и желѣзныхъ проволокъ, образуются и получаютъ свои названія различные сорта дамаска.

Гильза, вокругъ которой обматывается дамасская лента, и которая соединяется съ нею во время ковки, послѣ того какъ стволъ будетъ готовъ, должна быть высверлана. Изготовленный такимъ образомъ сортъ розоваго дамаска, состоитъ изъ 156 пластинокъ или лентъ, стальныхъ и желѣзныхъ попеременно, заключающихся въ 6 прутьяхъ, сплетенныхъ каждый изъ 26 лентъ Въ первомъ и третьемъ прутѣ ленты лежатъ вертикально, въ остальныхъ же четырехъ горизонтально. Представленный на нашемъ рисункѣ сортъ бернардскаго дамака состоитъ изъ 243 четырехгранныхъ проволокъ, стальныхъ и желѣзныхъ въ перемежку, расположенныхъ въ видѣ шахматныхъ клѣтокъ, и раздѣленныхъ на три прута, по 81 (9×9) въ каждомъ. Слѣдовательно, попеременное расположеніе здѣсь стали и желѣза,—никакимъ образомъ не случайное, а точно разсчитанное; неправильное положеніе одной какой-нибудь ленты или проволоки сейчасъ было бы замѣтно на рисункѣ дамаска и нарушило бы его красоту.

Изготовленіе дамаска требуетъ большой опытности и сноровки. Послѣ того какъ заводчикъ изслѣдуетъ рисунокъ дамаска, а такъ же форму, мѣру и вѣсъ готоваго ствола, онъ подвергается еще испытанію пробнаго заведенія, и только выдержавъ эту пробу, которая дѣлается больше чѣмъ втрое сильнѣйшимъ противъ обыкновеннаго пороховымъ зарядомъ, можетъ быть пущенъ въ употребленіе и въ дальнѣйшую обработку.

Итакъ, хорошій дамасскій стволъ переплетенъ и отдѣланъ такъ красиво и тонко не для того только, чтобы имѣть красивый видъ, но скорѣе для того, чтобы при возможной легкости быть крѣпкимъ, такъ какъ чѣмъ тоньше работа дамаска, тѣмъ прочнѣе стволъ.

Турецкій или розовый дамаскъ.

81 81 81 = 243

Разрѣзъ турецкаго дамаска.

26 26 26 26 26 26 = 156.

Разрѣзъ дамаска Бернара.

Дамаскъ Бернара. Изготовленіе Дамаскихъ стволовъ. Грав. Дьямонъ.

Вѣнчаніе магистровъ плаванія.

Магистры плаванія? Да разные же магистры послѣ того и водятся! И въ самомъ ли дѣлѣ подобныхъ магистровъ-пловцовъ увѣнчиваютъ и въ магистры посвящаютъ?—Да, дѣйствительно такъ дѣлаютъ,—къ тому же, совершается подобный обрядъ съ величайшею торжественностью, какъ оно и видно изъ прилагаемаго рисунка. Не только въ знаменитой школѣ плаванія

Библиотека "Руниверс"

Елисавета, императрица Австрійская. Рис. Бокуръ, грав. Шапонъ.

Библиотека "Руниверс"

въ Стокгольмѣ, но и во многихъ другихъ городахъ Швеціи, устраиваются каждое лѣто плавательныя испытанія, на которыхъ, какъ при возведеніи въ ученыя степени всѣхъ магистровъ вообще, магистру плаванія выдается настоящій дипломъ на право подобнаго именованія, при чемъ онъ со своей стороны даетъ извѣстные обѣты. Не менѣе другихъ студентовъ приходится пловцамъ-кандидатамъ трудиться для полученія диплома магистра. Перечтемъ здѣсь тѣ испытанія, въ которыхъ долженъ отличиться желающій получить степень магистра плаванія въ Швеціи: онъ долженъ проплыть 600—1500 саж. въ обыкновенномъ плавательномъ костюмѣ и положеніи (но строго держась всѣхъ правилъ искусства, отнюдь не плескаясь кое какъ впередъ), 300—800 саж. на спинѣ лежа и 250—750 саж. въ *полной одеждѣ*; онъ долженъ ходить въ водѣ не шевеля руками («топтать воду») 75—250 саженъ, и не двигая ногами, лежа на водѣ, сдѣлать 75—300 саж.; еще долженъ онъ пронырять 6—15 саж. и нести на водѣ большихъ размѣровъ камень на разстояніи 6—15 саж.; кромѣ того испытуемый долженъ быть хорошо знакомъ съ главными правилами поданія помощи утопающимъ. Помимо всего этого посвящаемымъ въ магистры придется совершать необыкновенные прыжки изъ башенъ и качалокъ въ водоемы. Непривычный зритель остолбенѣетъ и испугается даже, увидя какъ человѣкъ точно стрѣла стремглавъ летитъ внизъ съ страшной высоты и пропадаетъ на нѣкоторое время въ глубинѣ воды.

Ежели бы читателю вздумалось спросить: какіе же именно люди занимаются подобными упражненіями и для чего это дѣлаютъ, то мы должны отвѣтить слѣдующимъ образомъ: На сколько извѣстно, въ подобныхъ затѣяхъ принимаютъ участіе ко всѣмъ чинамъ, сословіямъ и возрастамъ принадлежащіе молодые, возмужалые и даже старые люди. Между вѣнчающими нерѣдко встрѣчаются представительныя лица столицы Швеціи, иногда занимаетъ эту должность какой-нибудь знаменитый мужъ королевства, такимъ встрѣчаемъ мы напримѣръ извѣстнаго историка А. Фрюкселя, помимо прочихъ профессоровъ, пасторовъ и даже епископовъ. Въ составъ нынѣшней администраціи Гверкевской плавательной школы входятъ напримѣръ такія личности, какъ главный инспекторъ народныхъ училищъ Стокгольма и руководитель знаменитаго учрежденія Манциллы. Взявъ во вниманіе имена и личности эти, дѣлается каждому яснымъ, что подобныя упражненія имѣютъ болѣе важную и высокую цѣль и служатъ не только для развлеченія нѣкоторыхъ молодыхъ сумасбродовъ, - мы видимъ, что дѣло имѣетъ какое-то международное значеніе. Не особеннаго труда даже стоитъ и угадать цѣль эту. Современность сдѣлала шагъ назадъ къ древности въ томъ, что она стала оцѣнивать хорошія тѣлодвиженія, «бодрый духъ въ здоровомъ тѣлѣ!» Наврядъ-ли найдется еще какое-нибудь упражненіе тѣла, которое въ одно и то же время могло быть столь пріятно, развивало бы тѣлесныя силы и мышцы, а также увеселяло бы человѣка и вообще здорово дѣйствовало, какъ разумное и научное плаваніе, когда оно совершается тѣломъ отъ всѣхъ тѣсняющихъ одеждъ освобожденнымъ да притомъ въ такой мѣстности, которая уже сама по себѣ служитъ подкрѣпленіемъ тѣла человѣческаго. Именно наши сѣверныя страны, окруженныя и изрѣзанныя тысячами водъ, прямо отъ природы способствуютъ развитію подобныхъ гимнастическихъ упражненій, болѣе другихъ странъ. Къ сожалѣнію нашему, нынѣшнее поколѣніе смотритъ почти со страхомъ на это здоровое, легко пріобрѣтаемое и мало времени требующее упражненіе, которое въ старину считалось однимъ изъ наиболѣе любимыхъ удовольствій мужчинъ; и тѣ немногіе, которые въ этомъ искусствѣ теперь упражняются, мало имъ занимаются. Потому уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ Швеціи стали учреждаться общества плаванія и таковыя же школы. Начало свое они получили въ г. Упсалѣ, въ средѣ студентовъ. Безучастіе, недовѣріе и неохота къ подражанію, встрѣтили юныхъ новичковъ на первыхъ порахъ; много насмѣшекъ и препятствій пришлось имъ перенести, но дѣло двигалось все-таки впередъ, ибо многіе представительные, постарѣлые люди взялись словомъ и дѣйствіемъ поощрять новое искусство. Въ настоящее время въ разныхъ городахъ Швеціи процвѣтаетъ уже цѣлый рядъ обществъ плаванія и таковыхъ же школъ; въ Стокгольмѣ учреждена даже дамская плавательная школа, въ которой такъ же устраиваются ежегодныя испытанія учащихся.

Какъ успѣшно развилось плаваніе въ Швеціи и съ какой стороны оно тамъ понимается,—ясно видно изъ того, что въ послѣднее время въ программу общихъ училищъ собираются включить плаваніе, на ряду съ гимнастикой, въ числѣ другихъ предметовъ обученія. Предпріятіе это не приведено еще въ исполненіе, но сдѣлано уже все, что было возможно. Содержатели плавательныхъ школъ берутъ самую ничтожную плату за обученіе плаванію, отъ всѣхъ учащихся дѣтей, такъ что напримѣръ въ названной нами выше Гверкевской школѣ плаванія воспитанники народныхъ училищъ платятъ всего 1 риксдалеръ (около 40 коп. сер.); бѣднѣйшимъ же изъ учениковъ выдаются для этой цѣли вспомоществованія отъ администраціи училищъ,—именно бѣдный слой общества наиболѣе и нуждается въ подобномъ освѣжительномъ и укрѣпительномъ средствѣ по причинѣ своихъ темныхъ и худыхъ жилищъ, въ которыхъ воздухъ почти всегда бываетъ испорченъ,—и всячески заботятся о томъ, чтобы дѣти обучались и упражнялись въ плаваніи. Всякому извѣстно, какъ охотно дѣти лѣтомъ, иногда даже черезъ чуръ часто, любятъ купаться; совершаемое же въ плавальныхъ школахъ, купанье имѣетъ большую выгоду, ибо за всѣми попытками упражняющагося слѣдятъ и правильно въ нихъ руководятъ. Въ назначенный день каждаго лѣта устраивается въ плавательныхъ школахъ родъ экзамена, на которомъ ученики имѣютъ возможность выказать свое искусство. Одинъ соотечественникъ, изъ записокъ котораго мы здѣсь и взяли большую часть, разсказываетъ объ одномъ такомъ экзаменѣ, очевидцемъ котораго онъ былъ въ прошедшее лѣто, слѣдующее: «По программѣ назначено было испытуемымъ 6 нумеровъ для исполненія: плаваніе въ маломъ водоемѣ, плаваніе въ таковомъ же большомъ, прыганіе съ качалокъ, ныряніе, лежаніе на поверхности воды и прыганіе попеременно изъ башенъ и съ досокъ. Большая толпа стороннихъ наблюдателей собралась на испытаніе и мальчики исполнили свои нумера съ такою ловкостью, что было любо смотрѣть. Упражненія представляли собою родъ гимнастики, совершаемой въ водѣ. Ныряніе напримѣръ совершалось такъ, что каждый мальчикъ имѣлъ въ рукахъ маленькій узелокъ каменьевъ: послѣ условнаго знака, каждый изъ нихъ бросилъ узелокъ свой въ воду. Потомъ, послѣ втораго сигнала, бросились всѣ стремглавъ въ водоемъ, и хотя онъ имѣетъ нѣсколько саженъ глубины, мальчики оказались, нѣсколько мгновеній спустя, опять на поверхности воды, при чемъ никто изъ нихъ не былъ съ пустыми руками. Слѣдующій нумеръ, удерживаніе себя на поверхности воды, казался съ практической стороны менѣе значущимъ; но онъ доказалъ, съ какою удивительною точностью и сноровкою мальчики совершали общія движенія; они составляли, разнымъ образомъ группируясь, различныя фигуры,—и все это было дѣломъ мгновенія». Къ этому можемъ мы еще прибавить, что и въ прочіе, даже въ будничные дни, въ школахъ плаванія интересно прослѣдить, въ какомъ порядкѣ здѣсь все совершается и какъ ревностно, какъ воспитатели, такъ и учащіеся занимаются. Если кому-нибудь напримѣръ удалось сдѣлать смѣлый и превосходный прыжокъ, то его, при появленіи на поверхности воды, встрѣчаютъ радостныя рукоплесканія зрителей, которые въ райскомъ одѣяніи стоятъ на подмосткахъ водоема, готовые къ подобнымъ же попыткамъ.

Мы, «обитатели многоводныхъ странъ», стоимъ и въ этомъ, какъ еще во многомъ, на заднемъ планѣ. Простонародіе даже страшится холодной воды,—а между тѣмъ въ теченіи каждаго лѣта утопаетъ въ рѣкахъ нашихъ множество людей, изъ которыхъ многіе по той простой причинѣ, что не умѣютъ плавать. Въ привилегированныхъ классахъ хотя оно и употребляемо, но рѣдкій изъ нихъ *правильно* плаваетъ. Извѣстно и признано всѣми то, что правильно производимое плаваніе въ состояніе излечивать многіе тѣлесные недостатки и болѣзни, преимущественно молодыхъ людей, напр. малокровіе у дѣвицъ. Конечно человѣкъ не сотворенъ для постояннаго житья въ водѣ подобно рыбѣ, но плаваніе должно быть *изучено* постепенными упражненіями, ибо наука эта имѣетъ свои, незнакомому съ нею скрытыя правила, а потому упражняющійся въ этомъ и нуждается въ руководителѣ.

Смѣсь.

Разрушительное наводненіе въ Массачусеттѣ.

Съ самаго существованія Массачусетскаго штата, въ немъ не бывало такой ужасной катастрофы, какая случилась въ утро 16-го Мая сего года и, меньше чѣмъ въ часъ времени, превратила самыя цвѣтущія части этого штата въ пустыню, заваленную обломками и человѣческими трупами. Мѣстомъ этого несчастія была одна долина въ Рампширскомъ графствѣ, милихъ во сто на сѣверо-западъ отъ Бостона. По берегамъ рѣки Милль, образующей долину и вытекающей съ высокаго хребта холмовъ, расположено было пять фабричныхъ поселеній: Вильямсбургъ, Гайденниль, Скиннервиль, Флорансъ и Лидсъ. На одномъ изъ холмовъ, владѣльцы фабрикъ соорудили лѣтъ девять тому назадъ огромнѣйшій водяной резервуаръ, который долженъ былъ доставлять массу воды, потребную для приведенія въ дѣйствіе фабричныхъ машинъ; для этой цѣли вода была приведена на три мили разстоянія къ Вилльямсбургу, такъ какъ на самую рѣку нельзя было всегда разсчитывать. Резервуаръ этотъ лежалъ футовъ на 200 выше долины; трубы проходили по горному ущелью, постепенно склонявшемуся къ лиду.

Библиотека "Руниверс"

Резервуаръ замыкался плотиной, которая состояла изъ высокой стѣны, защищенной съ обѣихъ сторонъ небольшими насыпями.

Вслѣдствіе сильнвго дождя, лившаго всю ночь, вода въ рѣкѣ Миллѣ, питающей резервуаръ, высоко поднялась. Нв слѣдующее утро сторожъ Георгъ Ченей сдѣлвлъ обычный осмотръ плотины, и все повидимому оказалось въ порядкѣ. Но немного погодя онъ замѣтилъ, что внизу плотины, на пространствѣ около 40 футовъ, изъ резервуара въ нѣсколькихъ мѣстахъ просачивались струи воды. Понявъ опасность, онъ поспѣшилъ открыть шлюзъ, чтобы отвести воду въ трубы, и уменьшить этимъ ея количество въ резервуарѣ. Затѣмъ онъ тщательнѣе осмотрѣлъ плотину и убѣдился, что черезъ нѣсколько минутъ она не въ состояніи будетъ устоять противъ напора воды. Не теряя ни секунды, Ченей бросился на лошадь, и помчался сломя голову къ Вильямсбургу, чтобы прежде всего предупредить жителей этого мѣстечка о приближающейся опасности. Было половина восьмаго. Въ четверть часа онъ доскакалъ до перваго домика, гдѣ жилъ смотритель резервуара Шпельманъ, и передалъ ему вѣсть о неизбѣжномъ наводненіи отъ разлива большаго резервуара. Но Шпильманъ и другіе служащіе недовѣрчиво качали головой, а драгоцѣнныя минуты шли да шли даромъ. Наконецъ когда вслѣдъ за Ченеемъ, который вмѣстѣ съ своей лошадью былъ совсѣмъ измученъ, прискакалъ еще другой посланный, черезъ ущелье уже рванулась тяжелая масса воды, пробившая плотину съ этой стороны и, какъ лавина, катясь внизъ, все росла и росла въ своемъ объемѣ.

Бурный потокъ въ мигъ спустился со склона и тутъ началось разрушеніе. Въ Вильямсбургѣ, самомъ большомъ изъ мѣстечекъ, насчитывалось населенія въ 2,500 душъ, и много заводовъ и фабрикъ, на которыхъ выдѣлывались шерстяныя издѣлія, чугунныя вещи, инструменты, машины; черезъ городокъ проходятъ ньюгавенская и нортамптонская желѣзныя дороги.

Жители только что кончили утренній завтракъ и собирались идти на работу, когда всадникъ принесъ имъ страшное извѣстіе. Посланный помчался дальше, и когда они, взглянувъ на сѣверную сторону, увидѣли катящійся водяной столбъ въ пятьдесятъ футовъ вышины, то поняли, что это значитъ, и бросились кто какъ попало на высоты, думая найти спасеніе. Въ мигъ цѣлый рядъ домовъ былъ смытъ, какъ будто ихъ и не бывало, при чемъ погибли цѣлыя семьи. Уцѣлѣли только дома, стоявшія на возвышенности, но большая часть мѣстечка была истреблена.

Потокъ, съ которымъ неслись теперь обломки домовъ, мебели, машинъ, трупы людей и животныхъ, понесся дальше и совершенно разрушилъ Сканнервиль и находившуюся въ немъ шелковую фабрику.

Такая же судьба постигла Гайденвильи фабрики и жилища были разрушены; здѣсь погибло очень много людей.

Въ Флоринсѣ наводненіе уже нѣсколько утратило свою силу, и это мѣстечко, сравнительно, пострадало отъ него меньше. Тѣмъ не менѣе вода затопила всѣ луга и дома, такъ что и здѣсь жители принуждены были искать спасенія на возвышенностяхъ. Рельсы желѣзныхъ дорогъ смыло водой; фабрики, амбары, мельницы и другія строенія были уничтожены; прорвало нѣсколько плотинъ, у Нортампсона снесло желѣзно-дорожный мостъ во 100 футовъ длины. Спустя часъ времени, вода стала спадать. Утонуло больше 200 человѣкъ; убытки причиненные наводненіемъ простираются до милліона долларовъ. Двадцать пять большихъ фабричныхъ заведеній или разрушено, или такъ повреждено, что дальнѣйшее производство работъ на нихъ не возможно, между тѣмъ ими существовало населеніе въ 5,000 человѣкъ. Кромѣ того многіе изъ нихъ потеряли все свое имущество, всѣ запасы, и остались безъ крова. Квртина была самвя грустная. Люди сидѣли на желѣзно-дорожной насыпи и на пригоркахъ, съ отчаяніемъ глядя на мѣста, гдѣ стояли ихъ жилища. Вдобавокъ еще, лилъ проливной дождь и до костей промачивалъ несчвстныхъ, которые дѣлали попытки отыскать своихъ ближнихъ, надѣясь что они уцѣпились за какіе нибудь обломки. Наступила ночь, и 800 человѣкъ не знали куда преклонить голову! Впрочемъ въ Нортамптонѣ позаботились доставить ночлегъ пострадавшимъ, но каково имъ было оставаться въ неизвѣстности о своихъ близкихъ, которые не были найдены.

Въ теченіе дня было найдено много труповъ утонувшихъ людей; на слѣдующій день ихъ отыскалось еще больше.

Изъ сосѣднихъ городовъ наѣхало на мѣсто наводненія, простиравшееся на восемь миль вдоль рѣки, множество народа; одни пріѣхали просто изъ любопытства, другіе чтобы помочь пострадавшимъ отыскивать трупы и убирать обломки.

Разрушеніе было ужасно; цѣлые ряды труповъ были сложены въ импровизированные «морги». Нѣкоторыхъ на другой же день похоронили, но большая часть оставалась до признанія родными. Нѣсколько дней, по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ на кладбища, безпрерывно тянулись похоронныя процессіи, и съ сосѣднихъ церквей раздавался повсюду погребальный звонъ.

Розыски усердно продолжались; раскопка мусора и разрушенныхъ зданій требовала величайшихъ усилій. Оба берега рѣки были завалены бревнами, разными обломками, всякимъ тряпьемъ, одеждой, домашней утварью, сельско-хозяйственными орудіями и пр. Все это перемѣшивалось въ одной хаотической массѣ. Улицъ не осталось и слѣда, между тѣмъ какъ на полихъ толстый слой ила скрывалъ отъ глазъ всякую растительность.

Какъ всегда въ подобныхъ несчастіяхъ, и тутъ были примѣры удивительныхъ спасеній и геройскаго самопожертвованія. Къ сожалѣнію, что̀ также не рѣдкость, несчастное событіе привлекло много незванныхъ гостей, которые начали было грабить пустые дома пострадавшихъ; однако, изъ сосѣднихъ мѣстечекъ прибыла полиція и остановила рвеніе дерзкихъ грабителей. Между тѣмъ жители стали понемногу оправляться отъ постигшаго ихъ бѣдствія; самые значительные фабриканты, Гайденъ и К°, тотчасъ же принялись за возобновленіе своихъ фабрикъ. Другіе, конечно, не могли этого сдѣлать, такъ какъ они сами все потеряли. Несчастіе это возбудило во всей странѣ большое сочувствіе, во многихъ мѣстахъ открылись подписки въ пользу пострадавшихъ.

Но что еще болѣе увеличиваетъ состраданіе, какое возбуждаютъ къ себѣ оставшіеся безъ хлѣба семейства рабочихъ, это то, что они были тутъ жертвой гнусной скупости и безпредѣльной безпечности. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что плотина, пробитая водой резервуара, была построена изъ дурныхъ матерьяловъ, и кромѣ того самымъ небрежнымъ образомъ; фабриканты знали это, и допустили такую постройку, чтобы сберечь нѣсколько тысячъ долларовъ.

Поправки, дѣлаемыя отъ времени до времени, не могли исправить первоначальной ошибки. Кромѣ того, администрація плотины, какъ оказалось, была самая поверхностная; вышеупомянутый сторожъ не разъ предупреждалъ начальство о состояніи плотины, но на его слова не обращали никакого вниманія. Неразсчетливая экономія фабрикантовъ оказалась очень убыточной и неразумной для нихъ же самихъ. и надо только удивляться, какъ они не предвидѣли этого. Но это стоило жизни нѣсколькимъ стамъ людямъ и повергло въ несчастіе множество семей, поэтому оставшіеся въ живыхъ совершенно правы, настаивая на строгомъ изслѣдованіи этого дѣла.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 31-го минувшаго августа въ большомъ Царскосельскомъ Дворцѣ происходило святое крещеніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Владиміровича, согласно Высочайше утвержденному церемоніалу. Въ этотъ же день, въ 7 часовъ пополудни, Его Императорское Величество изволилъ выѣхать изъ Царскаго Села въ Ливадію.

Дѣйствія правительства.

— Государь Императоръ, 28-го іюля сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: Перевооружить мѣстныя войска, расположенныя въ округахъ Европейской Россіи, винтовками системы Крнка, отпустивъ эти винтовки по числу чиновъ съ оружіемъ, опредѣленныхъ въ сихъ войскахъ по штатамъ военнаго времени, приложеннымъ къ приказу по военному вѣдомству 1874 года за № 251.

— Государь Императоръ, согласно положенію сего Комитета, 3-го августа сего года, Высочайше соизволилъ повелѣть: завѣдываніе находящимися въ Закавказскомъ краѣ имѣніями, принадлежащими заграничнымъ греческимъ монастырямъ и святымъ мѣстамъ возложить на Тифлисское и Кутаисское управленія государственными имуществами.

— Въ видахъ предохраненія частныхъ лицъ и обществъ отъ ущерба или затрудненія, могущихъ послѣдовать для нихъ отъ пріостановленія производства по присланнымъ ими прошеніямъ, которыя вовсе не оплачены или не вполнѣ оплачены гербовымъ сборомъ, или къ которымъ не приложено гербовой марки или гербовой бумаги для оплаты или отвѣта или объявленія—департаментъ неокладныхъ сборовъ считаетъ долгомъ заявить о необходимости соблюденія установленныхъ уставомъ 17-го апрѣля 1874 г. правилъ объ оплатѣ 40 коп. гербовымъ сборомъ какъ самаго прошенія, такъ и требующагося по оному извѣщенія или объявленія.

Военное и морское дѣло.

— 29-го августа, происходилъ въ присутствіи Государя Императора спускъ на воду въ 11¾ час. утра, клипера „Крейсеръ", въ Новомъ-Адмиралтействѣ, и вслѣдъ затѣмъ фрегата „Герцогъ Эдинбургскій", на заводѣ Балтійскаго желѣзо-судостроительнаго общества въ Чекушахъ.

Къ постройкѣ желѣзнаго трехъ-пушечнаго винтоваго клипера „Крейсеръ" приступлено 20-го февраля 1873 года. Главныя размѣренія клипера: длина между перпендикулярами 214 ф.: ширина съ обшивкою 32 ф. 11 д.; водоизмѣщеніе 133,402 тоннъ. Строевыхъ тоннъ 1072²²/₉₄. Три шестидюймовыя нарѣзныя орудія расположены на верхней палубѣ на поворотныхъ платформахъ, для дѣйствія ими на оба борта, и сверхъ этого по борту четыре девятифунтовыя нарѣзныя пушки, по двѣ на каждой сторонѣ. Постройка корпуса клипера производилась въ С.-Петербургѣ, въ Новомъ-Адмиралтействѣ, казенными средствами. Строитель клипера корабельный инженеръ капитанъ Кишкинъ. Паровой механизмъ для клипера въ 250 парицательныхъ силъ

Библиотека "Руниверс"

смѣшанной (Compound) системы, изготовляется на адмиралтейскихъ ижорскихъ заводахъ. Къ постройкѣ шестипушечнаго желѣзнаго полубронеснаго фрегата «Герцогъ Эдинбургскій» приступлено 15-го сентября 1870 г. Постройка пріостановлена 30-го мая 1872 года и вновь начата 20-го ноября 1873 года. Главныя размѣренія фрегата: длина между перпендикулярами 270 ф.; ширина съ обшивкою 48 ф.: водоизмѣщеніе 4,602 тонны; строевыхъ тоннъ 2955 92 94. Броня на корпусѣ фрегата расположена во всю длину въ два ряда, каждый шириною въ 3 ф. 6 д.; Четыре восьмидюймовыя нарѣзныя орудія расположены по два на сторонѣ на верхней палубѣ, которая въ мѣстахъ помѣщенія орудій уширяется, образуя платформу, выступающіе углы которой доставляютъ продольный обстрѣлъ. Два шестидюйм. нарѣзныя орудія подъ бакомъ и ютомъ на поворотныхъ платформахъ, для дѣйствія ими на оба борта. Постройка корпуса фрегата, изъ русскаго желѣза, произродилась въ С.-Петербургѣ, на заводѣ балтійскаго желѣзо-судостроительнаго и механическаго общества, изъ матерьяловъ контрагентовъ и ихъ мастеровыми, кромѣ брони, которая, въ количествѣ 54 плитъ, вѣсомъ до 24,000 пуд., изготовляется отъ казны на адмиралтейскихъ ижорскихъ заводахъ. Наблюдающій за постройкою фрегата—корабельный инженеръ-подпоручикъ Кутейниковъ. Паровой механизмъ для фрегата въ 900 нарицательныхъ силъ смѣшанной (Compound) системы, изготовляется на томъ же заводѣ.

Землетрясенія.

— Нынѣшній годъ, какъ видно изъ свѣдѣній, опубликованныхъ въ „Прав. Вѣстн.» особенно богатъ землетрясеніями по западной и южной окраинамъ Европейской Россіи Въ ночь съ 19-го на 20-е апрѣля въ Пятигорскѣ было землетрясеніе, при чемъ при довольно сильномъ ударѣ ясно слышался подземный гулъ по направленію съ сѣвера на югъ. Въ Шемахинской губерніи было довольно сильное землетрясеніе 26-го іюля въ 7 часовъ вечера, причемъ въ Шемахинскомъ уѣздѣ особенно пострадали 15 деревень, расположенныхъ на с.-з. отъ города, въ Кошуискомъ пространствѣ. Сильно повреждено 160 зданій, въ числѣ коихъ 3 мечети; разрушено зданій 136. Несчастныхъ случаевъ съ людьми не было. Въ Волынской губерніи 5-го августа было чувствуемо землетрясеніе во Владимірволынскѣ, гдѣ оно продолжалось до трехъ секундъ, причемъ было замѣчено довольно сильное колебаніе столовъ и дверей; далѣе въ городахъ Ровнѣ, Дубнѣ и Острогѣ, меньше секунды. Землетрясеніе въ Волынской губерніи принадлежитъ, какъ замѣчаютъ въ мѣстныхъ „Губ. Вѣд.“, къ числу очень рѣдкихъ явленій. Въ Люблинской губерніи, въ имѣніи г. Эпштейна, Долгобычевѣ, Грубешовскаго уѣзда, того же 5-го августа, въ 5 часовъ пополудни было сильное землетрясеніе, продолжавшееся полторы минуты. Два крестьянскіе дома разрушены, а во флигелѣ дома помѣщика оказалось нѣсколько трещинъ. Того же числа, въ 4¾ часа пополудни, чувствуемо было землетрясеніе и въ городѣ Грубешовѣ; но здѣсь землетрясеніе продолжалось только нѣсколько секундъ. Въ Симферополѣ было слышено—какъ сообщаютъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ—легкій подземный ударъ, а въ Бахчисараѣ и Севастополѣ было чувствуемо землетрясеніе, продолжавшееся нѣсколько секундъ. Землетрясеніе на возвышенныхъ мѣстахъ было чувствительнѣе, нежели на низменныхъ, и вліяніе его тамъ на постройки болѣе сильно. Въ окрестностяхъ Севастополя оно также оставило слѣды незначительныхъ поврежденій: оба инкерманскіе маяка (створы) дали трещины; въ георгіевскомъ монастырѣ въ верхней церкви треснулъ куполъ; въ Карани, Кадыковкѣ, Балаклавѣ и на хуторахъ дома пострадали больше, чѣмъ въ Севастополѣ, у нѣкоторыхъ отошли углы; но это зависѣло не отъ болѣе сильнаго удара, а скорѣе отъ дурной постройки домовъ. Въ долинахъ Бельбека и Качи землетрясеніе, судя по разсказамъ, было слабѣе. Есть свѣдѣнія, что землетрясеніе было также и въ Евпаторіи, гдѣ оно продолжалось нѣсколько секундъ. Удары были довольно сильны, но замѣчены не всѣми жителями, потому что многіе изъ нихъ въ то время еще спали. Поврежденій не произошло никакихъ. Послѣ землетрясенія началась буря, окончившаяся тихимъ дождемъ.

Наши окраины.

— Изъ Ташкента получена, какъ сообщаютъ въ „Рус. Инв.“, слѣдующая телеграмма: «Въ Коканскомъ ханствѣ переворотъ; ханскія войска перешли на сторону мятежниковъ; находившееся въ Коканѣ наше посольство прикрыло отступленіе хана съ семействомъ и приближенными въ Ходжентъ, помощью 15 казаковъ и нѣсколькихъ джигитовъ; инсургенты преслѣдовали отступавшихъ, при чемъ посольство и казаки подверглись ружейному и артиллерійскому огню; у насъ убито два джигита. Во главѣ возстанія Абдуражманъ-автобачи, который объявилъ джехатъ (войну за вѣру), готовится къ походу и выслалъ эмиссаровъ въ подвластные намъ кышлаки (селенія)».

— Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ сообщается, что туркестанскій генералъ-губернаторъ телеграфировалъ отъ 3-го августа: „Возвратясь въ Ташкентъ изъ объѣзда Семирѣчья, получилъ письмо отъ Ханъ-Заде (старшаго сына Худояръ-Хана) и отъ вождей возстанія въ Коканѣ; увѣдомляютъ, что народъ ихъ пересталъ слушаться Худояра, который удалился въ Ходжентъ; духовенство и старшіе люди провозгласили ханомъ Ханъ-Заде“. Предполагая признать новаго хана, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й предложилъ коканцамъ: 1) принять договоръ нашъ, заключенный съ Худояромъ; 2) удовлетворить наше посольство и купечество за причиненные при возстаніи убытки, и 3) назначить пенсію Худояру. Послѣднему предложено было переѣхать въ Ташкентъ, но Худояръ подъ предлогомъ болѣзни, отъ этого уклонился.

СОДЕРЖАНІЕ. Кто выигралъ?.. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха. — Возстаніе въ Герцеговинѣ. Въ виду барышей (съ рисункомъ).—Пасквиль (стихотвореніе).—Императрица Австрійская Елизавета (съ портретомъ).—Легкія.—Изготовленіе дамасскихъ ружейныхъ стволовъ (съ тремя рисунками). Вѣнчаніе магистровъ плаванія (съ рисункомъ).—Смѣсь.—Разныя извѣстія.

За Редактора
Издатель А. Ф. Марксъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Учебное заведеніе 1-го разряда
съ полнымъ курсомъ **Классической гимназіи**
содержимое Э. РЕПМАНОМЪ въ Москвѣ.

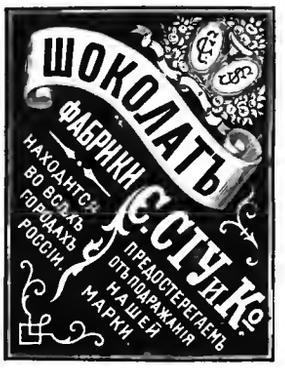
Помѣщается, на Гончарной ул., близь Яузскаго моста въ д. Степановой.

Пріемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа. 10—7

МЕБЕЛЬНЫЙ ФАБРИКАНТЪ
Карлъ Шитцъ.

Рекомендуетъ большой выборъ мебели всякаго стиля, собственной фабрики, съ ручательствомъ на 2 года. Принимаетъ заказы мебели и обойныя работы. На углу Невскаго проспекта и Литейной, С.-Петербургъ. 2—2

Вышла изъ печати и поступила въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ
НОВАЯ КНИГА
ИСТОРІЯ РОССІИ
отъ ея основанія до настоящаго времени *общепонятно разсказанная* **А. М. Ставнюковичемъ.** Съ приложеніемъ отдѣльныхъ списковъ: городовъ, областей, монастырей, церквей, дворцовъ, заводовъ и другихъ замѣчательныхъ зданій и мѣстъ, съ обозначеніемъ года, когда они основаны, построены, присоединены или разрушены.
Цѣна книги (въ 323 страницъ, въ 8-ю долю листа въ печатномъ краскамъ оберткѣ съ изображеніемъ Рюрика—основателя, Петра I-го—преобразователя и Александра II—освободителя Россіи). 1 р. сер., за пересылку 20 к.
Народнымъ школамъ и земствамъ, обращающимся въ главный складъ этой книги **въ книжный магазинъ В. Д. Кашкина, въ Москву** (большая Лубянка, д. Мазурвной) она уступается за 80 к.



45—10

НОВОЕ
ВРЕМЯ
Ежедневная газета, политическая, литературная, общественная и биржевая (безъ цензуры). Подписная цѣна на 4 и 3 мѣсяца: въ Петербургѣ съ доставкою на домъ съ 1 сентября 6 р., съ 1 октября 4 р. 50 к., для иногородн. съ 1 сентября 6 р. 50 к, съ 1 октября 5 р. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, на Литейномъ просп., д. № 45.

Двойная бухгалтерія для самоучащихся, снабжается многочисленными примѣрами, поясненіями и ссылками, въ 2-хъ вниж. (520 стр.), къ которымъ приложено 6 отдѣльныхъ листовъ съ 25 черт жами и 3 табл., дающими возможность нагляднымъ образомъ изучить суть дѣла, и *каковыхъ до сихъ поръ ни къ одной бухгалтеріи прилагаемо не было* Составилъ Ѳ. Журовъ. Ц. 3 р. Продается въ Москвѣ у многихъ книгопродавцевъ; въ СПБ. у Вольфа и Базунова. Складъ въ Москвѣ. Адресоваться въ А. И. Журову (на Чижовск. Подворье въ лавки гг. Каретниковыхъ), Второй складъ у автора. Адрес. изъ с. Тейково, Влад, губ. въ Ѳед, Гавр. Журову. Адресующіеся въ автору за пересылку ничего не прилагаютъ.

Настоящія почтовыя марки всѣхъ государствъ дешево продаются:
Большой Каталогъ (5000 №) съ 72 раскрашенными начертаніями, цѣна 1 марки (30 коп.) (прежде 2 марки).
Иллюстрированный журналъ для почтовыхъ марокъ на 2 года (каждый нумеръ съ многими иллюстраціями) цѣна за годъ 3 марки (90 коп.)
Пробный листъ и прейсъ-курантъ безплатно.
Покупка и продажа почтовыхъ марокъ
ЛУИ ЗЕМФЪ въ Лейпцигѣ, Германія.
6—6

При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 30 Августа 1875 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морская, д. № 9. Тип. Болдинъ, Невск. пр. № 10

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 38 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 21 Сентября 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Управляющій морскимъ министерствомъ, генералъ-адъютантъ адмиралъ Николай Карловичъ Краббе.

Генералъ-адъютантъ адмиралъ Николай Карловичъ Краббе. Рис. Бакуръ, грав. Шапонъ.

Библиотека "Руниверс"

Управляющій морскимъ министерствомъ генералъ-адъютантъ адмиралъ Николай Карловичъ Краббе.

Неумѣстно было бы распространяться объ извѣстной всему флоту многосторонней и благотворной дѣятельности Николая Карловича Краббе, управляющаго въ настоящее время Морскимъ Министерствомъ. Лицамъ же мало знакомымъ съ морскимъ дѣломъ постараемся по возможности дать нѣкоторое понятіе о важныхъ результатахъ его трудовъ для пользы и усовершенствованія флота.

Николай Карловичъ вступилъ въ управленіе морскимъ министерствомъ въ 1856 году, именно въ то время, когда флотъ требовалъ радикальнаго преобразованія, то есть: замѣненія парусныхъ кораблей паровыми; а затѣмъ потребовалось строить бронепрокатныя мастерскія на Колпинскомъ пароходномъ заводѣ.

При маломъ развитіи заводской дѣятельности и за недостаткомъ въ то время людей спеціально знакомыхъ съ постройкой броненосныхъ судовъ, первая броненосная батарея «Перпенсцъ» была заказана министерствомъ въ Англіи, затѣмъ большая часть судовъ строилась въ Россіи изъ русскаго желѣза. Для приготовленія броненосныхъ плитъ на эти суда устроены на Колпинскомъ заводѣ обширныя броненосныя мастерскія; они въ настоящее время снабжаютъ флотъ бронею, приготовляемою исключительно изъ русскаго желѣза, которое хотя первое время и обходилось дороже иностраннаго, по причинѣ дальнѣй доставки его съ горныхъ заводовъ, но лишнее было бы заявлять о пользѣ такой мѣры, освобождающей производство желѣза въ Россіи отъ сильной монополіи иностранцевъ и развившей обработку металловъ въ Россіи.

Николай Карловичъ съ тою же цѣлію способствовалъ развитію Обуховскаго сталелитейнаго завода, который въ настоящее время отливаетъ стальныя орудія до 11-дюймоваго калибра, снабжаетъ ими весь флотъ и кромѣ того имѣетъ много заказовъ отъ военнаго министерства въ видѣ стволовъ для ружей различныхъ новѣйшихъ системъ.

Для того, чтобъ дать возможность молодымъ офицерамъ совершенно окончить свое спеціальное образованіе, офицерскіе классы при Морскомъ корпусѣ были замѣнены академическимъ курсомъ морскихъ наукъ съ тремя факультетами: гидрографическимъ, кораблестроительнымъ и механическимъ; а въ Кронштадтѣ устроены минные курсы для желающихъ изучать новое и чрезвычайно важное въ настоящее время для флота минное искусство. Николай Карловичъ принималъ также главное участіе въ учрежденіи эмеритальной кассы морскаго вѣдомства, польза которой доказывается уже тѣмъ, что всѣ остальныя вѣдомства послѣдовали примѣру морскаго—фактъ, который говоритъ самъ за себя лучше всякихъ коментарій.

Упоминая здѣсь только нѣкоторые болѣе видимые результаты дѣятельности Николая Карловича, не считаемъ возможнымъ касаться многостороннихъ административныхъ, сдѣланныхъ имъ преобразованій, такъ какъ они не имѣютъ популярнаго значенія и вообще заявлять объ административной дѣятельности такого высокопоставленнаго лица весьма трудно, какъ бы не были видимы ея полезные результаты

Остается только желать, чтобъ состояніе здоровья Николая Карловича не препятствовало ему продолжать съ прежнею энергіей свои труды для пользы флота.

Борьба южно-славянскихъ дѣвушекъ съ преслѣдующими ихъ турками.

Вспыхнувшее въ Герцеговинѣ возстаніе вызываетъ съ новой силой ужасныя сцены той ожесточенной борьбы, какую упрямые и смѣлые горцы не перестаютъ вести съ вѣчными своими притѣснителями, турками. Въ этой борьбѣ, ведущейся съ обѣихъ сторонъ съ одинаковой, неумолимой жестокостью, нерѣдко принимаютъ участіе и женщины, которыя, такъ же какъ и мущины, обладаютъ сильнымъ, правильнымъ тѣлосложеніемъ, и не уступаютъ имъ ни въ храбрости, ни въ отвагѣ. Особенно отличаются невѣсты; тѣ во время схватокъ сражаются рядомъ съ своими женихами, дѣля съ ними всѣ опасности и оставаясь вѣрными подругами имъ даже въ смерти. Если необходимость разлучитъ этихъ смѣлыхъ дѣвушекъ съ ихъ возлюбленными, то нѣтъ опасности, которую бы онѣ не преодолѣли, чтобы попасть къ нимъ,—пропасти, отвѣсныя скалы, рѣки, горные ручьи въ полноводьѣ, имъ ни почемъ. Нерѣдко нѣсколько дѣвушекъ, потихоньку отъ родныхъ, сговариваются идти вмѣстѣ, чтобы найти своихъ возлюбленныхъ и присоединиться къ нимъ, захватываютъ съ собой первое попавшееся оружіе, и въ удобную минуту оставляютъ свои дома. Понятно, какъ дорого могутъ поплатиться дѣвушки за такую смѣлость. Горе имъ, если подстережетъ ихъ турецкій глазъ, не миновать имъ тогда плѣна. Прости тогда привольная жизнь въ родныхъ горахъ, свобода, счастіе и радость; продадутъ ихъ на рынкѣ какъ товаръ, и будутъ эти цвѣтущія красавицы украшать сераль богатыхъ мусульманъ.

Самая большая опасность ожидаетъ дѣвушекъ въ долинахъ. Если же въ сумеркахъ или подъ покровомъ ночи опасныя долины пройдены, и дѣвушки успѣли хотя немного добраться до крутыхъ тропинокъ въ скалахъ, побѣда почти навѣрное на ихъ сторонѣ. Горы, это ихъ элементъ; здѣсь онѣ движутся съ изумительной ловкостью и вѣрностью, здѣсь онѣ умѣютъ пользоваться всѣми выгодами горной мѣстности, и храбро защищаются отъ преслѣдованія, громко зовя своихъ на помощь, и сбрасывая по стародавнему обычаю здоровыя каменныя глыбы на головы преслѣдователей.

Въ доказательство того, что онѣ перевыли турецкія области, онѣ обыкновенно приносятъ своимъ возлюбленнымъ нѣсколько пучковъ кукурузы, сорванной ими на мусульманскихъ поляхъ. Съ этими трофеями и оружіемъ въ рукахъ, дѣлаютъ онѣ невѣроятныя вещи, предпринимаютъ трудный, опасный походъ, угрожающій ихъ свободѣ, невинности, жизни, рискуя на другой же день попасть въ руки враговъ или можетъ быть умереть рядомъ съ своимъ желаннымъ.

Наша картина живо представляетъ одну изъ характерныхъ сценъ этой вѣковой борьбы. Три герцеговинскія дѣвушки застигнуты турками при переходѣ черезъ вздувшійся горный ручей, однако имъ удалось счастливо добраться до скалистаго выступа, откуда они бомбардируютъ своихъ преслѣдователей порядочно-таки тяжеловѣсными каменными глыбами. Дикія, исполненныя страсти движенія сильныхъ, мускулистыхъ горныхъ дѣвъ и опасное ихъ положеніе, переданы художникомъ съ большимъ драматизмомъ.

Кто выигралъ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

Поручикъ Виндгофъ, какъ-бы пораженный, молча смотрѣлъ на Платэна, но, оправившись, сейчасъ-же воскликнулъ:

— Э, да вы опять хотите смотрѣть на шутку съ серьезной точки зрѣнія!... Да, наконецъ, что-жъ тутъ постыднаго, если баронъ станетъ *на время* женихомъ дѣвушки—мѣщанки?... Развѣ это постыдно, оскорбительно для нея?... Напротивъ, она до гроба можетъ гордиться этимъ!...

— Ну, относительно этого пункта мы, кажется, никогда не поймемъ другъ друга, а потому лучше и не будемъ говорить объ этомъ, отвѣтилъ Платэнъ покойнымъ тономъ. Взявъ газету, онъ началъ просматривать ее.

Виндгофъ какъ-то порывисто покачивался на стулѣ, мурлыкая какую-то арійку изъ какой-то оперы. Онъ дѣйствительно не понималъ Платэна, и досадно ему было, что Платэнъ прирялъ такой видъ, какъ будто правда была все таки на его сторонѣ...

Въ садъ вошелъ баронъ Зельдитцъ, и съ нимъ вмѣстѣ шли—Эльза и профессоръ Вертеръ. Замѣтивъ эту группу, Виндгофъ такъ удивился, что даже привскочилъ.

— Смотрите! Вѣдь добился-же онъ знакомства съ нею! воскликнулъ онъ.

Проходя мимо офицеровъ, Зельдитцъ улыбаясь раскланялся съ ними, и потомъ всѣ трое—баронъ, Эльза и профессоръ—сѣли къ одному изъ столиковъ, невдалекѣ.

Библиотека "Руниверс"

Пальмъ и Кронахъ были какъ-бы ошеломлены этимъ зрѣлищемъ... И тò сказать: проиграть пари—невеселая была для нихъ перспектива!

— Виндгофъ, вѣдь онъ выиграетъ! произнесъ Пальмъ. Ну, право, Платэнъ былъ умнѣе всѣхъ насъ. такъ какъ во время отказался отъ пари!...

Платэнъ ничего не сказалъ на это, онъ пристально смотрѣлъ туда. гдѣ сидѣли Эльза и баронъ. Старшій поручикъ тоже былъ удивленъ, потому что не могъ понять, какимъ образомъ удалось Зельдитцу такъ скоро познакомиться съ профессоромъ?... Но до любви Эльзы къ барону, конечно, было еще очень далеко... Платэнъ не спускалъ глазъ съ дѣвушки... А брови его все сильнѣе и сильнѣе хмурились... Да, какъ ни казалась она равнодушно-покойной, но онъ уже болѣе не сомнѣвался въ томъ, что Эльза заинтересована барономъ. Она устремляла на Зельдитца свой взоръ, когда онъ что нибудь говорилъ, и въ этомъ взорѣ свѣтилась тихая радость!.. Баронъ-же все еще продолжалъ разыгрывать роль невозмутимо-спокойнаго кавалера, даже *хладнаго сердцемъ*. Платэнъ сейчасъ понялъ, что такая игра—простой разсчетъ со стороны Зельдитца, и не въ силахъ былъ оставаться долѣе свидѣтелемъ того, какъ играли сердцемъ невинной дѣвушки. Онъ всталъ.

— Куда вы, Платэнъ? спросилъ Виндгофъ.

— Домой.

— Не хотите и конца музыки дождаться?

— У меня голова что-то болитъ, отвѣтилъ Платэнъ и прибавилъ: музыка невыносима для меня, да и люди—тоже... хочется удалиться въ свой тихій уголокъ.

И онъ ушелъ, не заботясь вовсе о томъ, станутъ-ли друзья его покачивать головой ему вслѣдъ...

Немного погодя, Зельдитцъ подошелъ къ офицерамъ.

— Ну, други-товарищи, кàкъ поживаете? заговорилъ онъ съ улыбкой, поглаживая усы и бороду. Вотъ уже нѣсколько дней какъ мы не видѣлись!..

— Но кто-же виноватъ въ этомъ, какъ не вы, Зельдитцъ? воскликнулъ Виндгофъ. Мы, какъ всегда, ежедневно собирались вмѣстѣ, а вотъ вы, кажется, все бросили и занялись только вашей прелестной знакомкой!

— Н-да, почти такъ, отвѣтилъ баронъ съ самодовольнымъ видомъ. Но—честное слово! дѣвушка эта—прелестное существо, совсѣмъ почти ребенокъ, а невинность ея доходитъ до смѣшнаго!

— Въ концѣ концовъ, пожалуй, вы еще влюбитесь въ нее, замѣтилъ Пальмъ.

При этихъ словахъ баронъ, и безъ того высокій, статный, еще выпрямился.

— Въ мѣщанку я не влюблюсь, произнесъ онъ гордо. Я слишкомъ высоко ставлю свою честь, свое имя, чтобы рѣшиться перешагнуть черезъ ту границу, которая по истинѣ ненарушимо держится уже тысячелѣтія.

— Соглашаюсь съ вами, но тѣмъ не менѣе считаю пари ваше-относительно такой прелестной дѣвушки—опаснымъ! воскликнулъ Виндгофъ. Въ нее нельзя не влюбиться, нельзя не полюбить, когда взглянешь только на ея глаза!...

— Ну, моя кровь достаточно покойна, замѣтилъ баронъ, да ктому-же у дѣвицы этой нѣтъ даже состоянія, слѣдовательно, если-бы я поступилъ иначе, то сотворилъ-бы величайшую глупость, какую только могъ-бы сотворить. И такъ, обладать *ею*—я ужъ предоставляю кому нибудь другому. Теперь вы видите, какъ я мало себя, любивъ, прибавилъ Зельдитцъ съ улыбкой и отправился затѣмъ къ Эльзѣ.

Нѣсколько дней спустя, знакомые уже намъ господа офицеры (тутъ былъ и Платэнъ) сидѣли вечеркомъ въ винномъ погребкѣ. Вдругъ дверь отворилась, и баронъ, видимо взволнованный, вошелъ и громко произнесъ:

— Товарищи. я выигралъ пари! Вчера вечеромъ я *обручился*. Шампанскаго сюда! обратился онъ къ погребщику, стоявшему поодаль.

Виндгофъ, Пальмъ и Кронахъ были поражены и—пренепріятно поражены... Имъ приходилось уплатить теперь сто фридрихсдоровъ, а касса ихъ, по обыкновенію, и такъ была не очень-то полна...

— Но, Зельдитцъ, вы должны дать намъ доказательства! воскликнулъ Виндгофъ.

— А развѣ вамъ мало моего честнаго слова?...

— Ахъ, нѣтъ, но въ этомъ случаѣ, относительно пари, мы имѣемъ право требовать, чтобы вы доказали...

— Извольте, согласился баронъ:—вотъ, прочтите это письмецо. Я недавно получилъ его отъ Эльзы. Тутъ она называетъ меня „*мой* Александръ“ и подписывается: „*твоя* Эльза“... Не довольно-ли такого доказательства?..

Виндгофъ прочелъ письмо и—воскликнулъ:

— Вѣдь дѣйствительно—дѣвушка любитъ васъ!

— Чтò-жъ, это васъ такъ удивляетъ? спросилъ Зельдитцъ. А вѣдь сказать по правдѣ, эта дѣвушка — прелестна... Она—олицетвореніе любви и преданности! И это все, право, забавляетъ меня!... Профессоръ вполнѣ счастливъ, такъ счастливъ, что если-бы я вчера маневрировалъ менѣе ловко, то старичокъ, на радостяхъ, поймалъ-бы меня въ свои объятія... Ха, ха, ха!... И поймалъ-бы—не поставь я вò время передъ собою стула!.. Ну-съ, еще на недѣльку я имъ доставлю это удовольствіе, а затѣмъ, разумѣется, и конецъ—шуткѣ!..

Съ возрастающимъ волненіемъ слушалъ Платэнъ эти легкомысленныя рѣчи и, наконецъ, всталъ.

— Господинъ баронъ, вы все еще считаете это шуткой? спросилъ онъ.

— Ну, конечно! Можетъ быть недѣлю, а пожалуй и двѣ пошучу еще съ красавицей изъ среды мѣщанской, а тамъ надо-же и за серіезное приняться... Вѣдь вамъ извѣстенъ мой образъ мыслей?..

— Вы этого не сдѣлаете, произнесъ Платэнъ рѣшительнымъ тономъ.

— А кто-жъ помѣшаетъ мнѣ? спросилъ Зельдитцъ, возвысивъ голосъ и устремляя прищуренные глаза на Платэна. Въ глазахъ барона горѣлъ мрачный огонь ненависти.

— Помѣшаетъ... честь ваша.

— Честь? Да она-то тутъ причемъ? Не думаете-ли вы, чтò честь моя пострадаетъ отъ шутки съ мѣщанкой?...

— Вы, господинъ баронъ, *не хотите* понять меня, заговорилъ Платэнъ:—я полагалъ, что честь ваша помѣшаетъ вамъ поступить *такъ* съ невинной дѣвушкой, потому что дѣйствовать такимъ образомъ, какъ поступаете вы—безчестно!

Зельдитцъ вскочилъ. Глаза его сверкнули... Онъ, кажется, колебался: броситься-ли ему на Платэна или—нѣтъ?... Но тонъ и спокойная поза старшаго поручика удержали барона отъ слишкомъ рѣзкаго отвѣта.

— Слова эти требуютъ удовлетворенія! воскликнулъ онъ глухимъ отъ волненія голосомъ.

— О, конечно, я сказалъ ихъ не даромъ...

— Ха, ха, ха... какъ рыцарь мѣщанки? засмѣялся Зельдитцъ.

— Господинъ баронъ! Такъ какъ я знаю теперь, какъ вы вообще любите поступать, то послѣ этого оскорбить меня вы не можете. Если вы требуете удовлетворенія—я къ вашимъ услугамъ.

— Платэнъ, вы поторопились! воскликнулъ Виндгофъ. который испугался, увидѣвъ, что дѣло приняло вдругъ такой оборотъ. Послушайте, Зельдитцъ! Мы все это уладимъ за шампанскимъ!

— Но... оскорбленъ—я, замѣтилъ баронъ. повидимому готовый покончить дѣло мировой.

— А я высказалъ только искреннее мое убѣжденіе, произнесъ Платэнъ и прибавилъ:—господину барону извѣстно мое имя, а также извѣстенъ и мой адресъ.

Библиотека "Руниверс"

Борьба южно-славянскихъ дѣвушекъ съ турецкимъ страдомъ. Рис. профес. Францъ Зѣбрина, грав. Веберъ.

Библиотека "Руниверс"

Тутъ онъ вѣжливо поклонился своимъ товарищамъ-сослуживцамъ и вышелъ изъ погреба.

Зельдитцъ, взволнованный, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Виндгофъ старался его успокоить.

— Нѣтъ, товарищъ, оставьте это! воскликнулъ наконецъ баронъ, Вы—свидѣтель того, какъ самъ Платэнъ искалъ со мной ссоры... Что-жъ, это какой-то новый родъ рыцарской чести, которую онъ захотѣлъ пріобрѣсть себѣ!.. Только онъ забылъ, кто-я, онъ забылъ, что мое имя нѣсколько подревнѣе его фамиліи, иначе не посмѣлъ-бы онъ *такъ* отнестись ко мнѣ... Ну, да онъ пожалѣетъ объ этомъ!... Вы знаете, товарищъ, что я тутъ —чужой человѣкъ, а потому не пожелаете-ли оказать мнѣ услугу?...

— Извольте, охотно, искреннимъ тономъ отвѣтилъ Виндгофъ.

— Въ такомъ случаѣ, я попрошу васъ быть моимъ секундантомъ при предстоящемъ поединкѣ... Правда, вы съ нимъ въ дружбѣ, но онъ, полагаю, не будетъ въ претензіи на васъ изъ за того, что вы оказываете эту услугу своему бывшему товарищу.

— Располагайте мною. Охотно соглашаюсь на это, заявилъ поручикъ.

— И такъ, вы потрудитесь передать ему мой вызовъ. Дуэль будетъ на пистолетахъ. Мнѣ желательно также, чтобы все это дѣло какъ можно скорѣй окончилось. Прибавляю еще слѣдующее: такъ какъ господинъ старшій поручикъ любитъ ко всякому дѣлу относиться серіезно, то прошу и васъ отнестись къ *сему дѣлу* тоже серіезно, а именно—поставьте такія условія, которыя соотвѣтствовали-бы серіезности дѣла. Разстояніе—десять шаговъ, *не болѣе*, и, само собою разумѣется, рука съ оружіемъ должна быть вытянута въ надлежащемъ направленіи.

— Ну, насчетъ условій, мы ужъ переговоримъ завтра утромъ, когда вы нѣсколько поуспокоитесь, замѣтилъ Виндгофъ.

— Да смотрите: я и теперь совершенно спокоенъ! Могу васъ увѣрить—мнѣ даже весьма будетъ пріятно обмѣняться пулями съ г. фонъ Платэномъ—и обмѣняться *не шутя*!... Ну, други-товарищи, теперь за шампанское! Оно уже ждетъ насъ. Вотъ я вамъ сейчасъ покажу, какъ пропала у меня жажда! Эй, подать сюда стаканы по-крупнѣе! крикнулъ онъ повелительнымъ голосомъ хозяину погребка. Эти бакалы годны только для дамъ: въ такихъ стаканчикахъ пѣны—много, вина—мало!

Виндгофъ, Пальмъ и Кронахъ, въ несовсѣмъ-то веселомъ настроеніи духа, подсѣли къ столу, сгруппировавшись около барона, но Зельдитцъ скоро развеселилъ ихъ. Ему хотѣлось не показать даже виду, что дуэль непріятна ему; онъ вознамѣрился виномъ прогнать самую мысль о ней—и старанія его увѣнчались успѣхомъ... Было уже далеко за полночь, когда всѣ они разошлись по домамъ, отуманенные шампанскимъ настолько, что Виндгофъ, напримѣръ, разъ десять клялся въ томъ, что Зельдитцъ—это наилучшій его другъ и что онъ, Виндгофъ, лучшаго друга и имѣть не хочетъ!...

На другой день, утромъ, Виндгофъ отправился къ Платэну съ вызовомъ барона Зельдитца. Тяжело, однако, было ему сдѣлать этотъ визитъ: вѣдь онъ былъ такъ друженъ съ старшимъ поручикомъ... Но Платэнъ помогъ ему выполнить задачу, облегчилъ ему этотъ трудъ, перебивъ его вступительную рѣчь, смахивающую на извиненіе.

— Вы ошибаетесь, Виндгофъ, относительно меня, если думаете, что я на васъ за это хоть на минуту разсержусь, заговорилъ онъ:—вѣдь я знаю; что баронъ здѣсь человѣкъ чужой, а секундантъ ему нуженъ. Нѣтъ, для меня гораздо тяжелѣе другое обстоятельство, именно то, что мы съ вами *расходимся* въ мысляхъ насчетъ этого пари... Конечно, изъ-за этого мы не сдѣлаемся врагами, тѣмъ болѣе, что я твердо убѣжденъ въ томъ, что когда нибудь вы отдадите мнѣ должную справедливость.

— Ну, не знаю... не думаю, замѣтилъ Виндгофъ.

Платэнъ, почти разгорячившись, перебилъ его:

— Хорошо! Постойте-же! Вотъ, у васъ есть сестра... Ну, чтобы вы стали дѣлать, если-бы мужчина—позвольте прямо сказать!—если-бы какой нибудь негодяй обратилъ сердце сестры вашей въ игрушку, сдѣлалъ-бы ею предметомъ—пари?...

— Да я-бы убилъ его! воскликнулъ Виндгофъ и почти сейчасъ-же прибавилъ:—но все-таки это было-бы совсѣмъ инаго рода дѣло...

— Зачѣмъ обманывать себя? Дѣло было-бы совершенно тоже самое!... Послушайте, если-бы пари это явилось подъ веселую руку, зародившись въ винныхъ парахъ, если-бы оно было просто безшабашной шуткой (въ чемъ и мы бывали грѣшны!), то я не такъ-бы строго и рѣзко отнесся къ барону... Да! Но я зналъ, что тутъ онъ дѣйствовалъ *съ разсчетцомъ*, потому что у него нѣтъ сердца и... Нѣтъ, не договорю: вы—секундантъ его.

— Говорите все... откровенно! Я также вѣдь и вашъ товарищъ!

— Да, нѣтъ сердца и—чести!.. договорилъ Платэнъ выразительнымъ тономъ. Я знаю его не двѣ недѣли, онъ мнѣ лучше извѣстенъ, чѣмъ вамъ... Баронъ чванится своимъ именемъ, носится всюду съ родословнымъ древомъ своей фамиліи, гордится честью, а между тѣмъ какія дѣла творилъ онъ?... Онъ дѣлалъ такія вещи, на которыя не рѣшился-бы самый отъявленный забулдыга... Вы видите, я говорю съ вами откровенно, а потому можете заключить, что вамъ я—довѣряю, ну-съ, и не разсердитесь за слѣдующеее предостереженіе: постарайтесь порѣже встрѣчаться съ Зельдитцемъ!...

Виндгофъ молчалъ. Онъ пристально глядѣлъ на Платэна, какъ-бы взвѣшивая каждое его слово, и, наконецъ, молча протянулъ ему руку и—вышелъ. Онъ чувствовалъ, что Платэнъ былъ правъ...

Рѣшено было стрѣляться на другой день утромъ.— Секундантомъ своимъ Платэнъ попросилъ быть одного изъ своихъ товарищей—по фамиліи—Стеффена.—„Объяснить тебѣ причину дуэли я еще не могу и долженъ объ этомъ умолчать, такъ какъ связанъ честнымъ словомъ“, сказалъ онъ Стеффену,—„Но все дѣло вышло изъ за пари, которое, по моему убѣжденію, безчеститъ человѣка. Это я и высказалъ барону, и вотъ за это-то онъ требуетъ удовлетворенія. Прибавить къ этому я могу только вотъ что: на моемъ мѣстѣ ты поступилъ-бы точно также“.—

На другой день утромъ Платэнъ и Стеффенъ отправились въ лѣсъ такъ какъ дуэль должна была происходить въ лѣсу.

Стеффенъ какъ-то узналъ, что Зельдитцъ отличный стрѣлокъ, а потому и сталъ просить Платэна, чтобы онъ самъ изъ всѣхъ силъ *постарался*, имѣя въ виду такого противника.

— Вѣдь первый выстрѣлъ—твой, прибавилъ онъ.

Платэнъ оставался совершенно спокойнымъ.

— Я никогда не былъ особенно счастливъ въ стрѣльбѣ изъ пистолета, произнесъ старшій поручикъ улыбаясь. Ну, а сегодня я разсчитываю не столько на свою ловкость, сколько на правоту самаго дѣла, которое защищаю... А впрочемъ, я готовъ на все, чтобы ни случилось, а потому и дѣла свои привелъ въ порядокъ. Если промахнусь—то ужъ и не стану льстить себя никакой надеждой, потому что знаю—баронъ отлично стрѣляетъ, а пощады мнѣ отъ него не ждать... Да пощада была-бы для меня пренепріятною штукой, такъ какъ я не желаю быть обязаннымъ ничѣмъ этому человѣку!...

Тутъ дошли они до назначеннаго мѣста, а спустя нѣсколько минутъ явился и баронъ съ Виндгофомъ; вслѣдъ

Библиотека "Руниверс"

за ними прибыли Пальмъ, Кронахъ и докторъ. Пальмъ и Кронахъ пожелали быть свидѣтелями дуэли.

Зельдитцъ, какъ видно было, старался казаться спокойнымъ; онъ хотѣлъ дать понять, что относится ко всему этому, какъ къ „пустячкамъ", однако, нѣкоторая торопливость въ движеніяхъ его обнаруживала слишкомъ даже ясно не совсѣмъ спокойное состояніе его духа... Баронъ, безъ всякой видимой причины громко смѣялся...

Виндгофъ подошелъ къ Платэну. Онъ хотѣлъ еще разъ попытаться примирить противниковъ.

— Возьмите ваши слова назадъ, обратился онъ къ старшему поручику,—и тогда я сдѣлаю все, чтобы склонить барона на мировую... Я прошу васъ!

— Извольте, я беру назадъ все высказанное мною, даже самое малѣйшее оскорбительное выраженіе, но только тогда, когда баронъ заявитъ, что помолвка его—не шутка, что онъ—женится на дѣвушкѣ, которая уже отдала ему свое сердце, отвѣтилъ Платэнъ серіезнымъ, покойнымъ тономъ и прибавилъ:—*только* подъ такимъ условіемъ я могу согласиться на сдѣланное вами предложеніе.

Виндгофъ только пожалъ плечами и, подойдя къ Зельдитцу, сообщилъ ему отвѣтъ Платэна.

— Считать меня способнымъ на такую глупость это—новое оскорбленіе! произнесъ баронъ громко. Я желаю, товарищъ, одного удовлетворенія—удовлетворенія оружіемъ!...

Всѣ приготовленія были окончены. Секунданты отмѣрили разстояніе, осмотрѣли пистолеты и зарядили ихъ. Виндгофъ снова подошелъ къ Платэну и предложилъ ему выбрать пистолетъ. Платэнъ, не торопясь, спокойно взялъ пистолетъ.

— Цѣлься похладнокровнѣе... не спѣши, шепнулъ ему Стеффенъ.

— Ну, слишкомъ-то многаго отъ меня не жди: вѣдь я плохой стрѣлокъ! отвѣтилъ Платэнъ съ улыбкой.

Къ барьеру!

Повинуясь этой командѣ, старшій поручикъ спокойнымъ шагомъ пошелъ впередъ... Зельдитцъ не былъ такъ спокоенъ: губы его были злобно сжаты, рука слегка дрожала, а лицо какъ-то странно исказилось, потому что онъ попытался улыбнуться, но это у него не вышло... Баронъ принадлежалъ къ тому сорту людей, которые только чванятся своимъ мужествомъ, но у которыхъ на самомъ дѣлѣ его не хватаетъ, когда нужно именно доказать свою неустрашимость.

Первый выстрѣлъ принадлежалъ Платэну, но онъ, когда поданъ былъ сигналъ, не послѣдовалъ совѣту Стеффена: „не спѣшить"... Быстро поднялъ онъ руку съ пистолетомъ и, не цѣлясь, спустилъ курокъ—выстрѣлъ раздался... Зельдитцъ дрогнулъ... Но пуля миновала его: она врѣзалась въ стволъ дерева, стоявшаго по близости.

Виндгофъ, замѣтивъ, какъ баронъ сильно вздрогнулъ, подскочилъ къ нему... Казалось—страшная тяжесть свалилась съ плечъ Зельдитца—такъ онъ глубоко вздохнулъ!

— Э, ничего, произнесъ онъ съ презрительной улыбкой и поднялъ пистолетъ.

Снова поданъ былъ сигналъ. Баронъ началъ аккуратно, старательно прицѣливаться... Но, встрѣтивъ нечаянно взглядъ Платэна—взглядъ твердый, невозмутимо-спокойный—увидѣвъ, что ни одна черта въ лицѣ его противника не измѣнилась, онъ смутился, рука его дрогнула и—онъ опустилъ пистолетъ... Однако, разсердившись на самаго себя, Зельдитцъ сейчасъ-же отправился, вторично навелъ пистолетъ и выстрѣлилъ.

Платэнъ пошатнулся, но устоялъ на ногахъ. Стеффенъ подбѣжалъ къ нему.

— Раненъ?! спросилъ онъ въ испугѣ.

— Да... слегка... въ лѣвую руку, отвѣтилъ поручикъ. Блѣдное лицо его напротивъ, говорило, что рана была *не легка*...

Увидѣвъ, что противникъ раненъ все-таки неопасно, Зельдитцъ забылъ всѣ приличія и съ досадою швырнулъ пистолетъ въ траву.

— Жалкое оружіе! воскликнулъ онъ подходя къ Пальму и Кронаху.

Пальмъ и Кронахъ ничего не сказали.

Докторъ уже былъ около Платэна. Раненый не могъ шевельнуть рукой... Лицо врача приняло озабоченное выраженіе, едва только онъ прикоснулся къ повиснувшей рукѣ... Платэнъ замѣтилъ это.

— Что́? Насквозь... въ кость? спросилъ онъ.

Докторъ молча кивнулъ головой.

— Я такъ и думалъ... Я даже чувствовалъ, какъ пуля ударилась въ кость...

Докторъ разрѣзалъ рукавъ сюртука, чтобы осмотрѣть рану... Дѣйствительно, кость оказалась раздробленною въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

— Намъ нужно поторопиться въ городъ, такъ какъ здѣсь я не могу сдѣлать надлежащей перевязки, заявилъ онъ.

— Но... я вѣдь не лишусь... руки? спросилъ Платэнъ.

— Надѣюсь, ее можно будетъ спасти...

Отвѣтъ доктора былъ мало успокоителенъ. Раненый-же постарался скрыть то́, что въ эти минуты происходило въ немъ: вся будущность его зависѣла отъ отвѣта врача на сдѣланный вопросъ... Платэнъ отправился къ каретѣ, которая по распоряженію Стеффена была нанята и стояла теперь у опушки лѣса. Пальмъ и Кронахъ подошли къ своему товарищу чтобы выразить ему свое соболѣзнованіе; ихъ примѣру послѣдовалъ и Виндгофъ, только одинъ баронъ не тронулся съ мѣста... Стоя прислонившись къ дереву, онъ курилъ сигару и пускалъ вверхъ кольца дыма...

— Ну-съ, пойдемте, проговорилъ наконецъ Зельдитцъ, обратившись къ Виндгофу, и прибавилъ: хоть я и плохо выстрѣлилъ, но, тѣмъ не менѣе. полагаю, что все-таки не дурно будетъ, ради освѣженія, глотнуть шампанскаго!...

— Благодарю, коротко отвѣтилъ Виндгофъ, ибо уже не могъ больше скрывать своей досады при видѣ поведенія барона.

— Не хотите? воскликнулъ Зельдитцъ. Ну, этого я что-то не понимаю... Да почему-же однако?...

— Вы забываете, что Платэнъ—*мой* товарищъ.

— А... вотъ что́! Я думалъ, что вы были *моимъ* секундантомъ!...

— Обязанность свою я исполнилъ, а потому имѣю право считать ее теперь неимѣющею значенія, возразилъ Виндгофъ.

Баронъ посмотрѣлъ на него съ секунду какъ-то особенно пристально, затѣмъ молча поклонился, повернулся къ нему спиной и пошелъ по направленію въ глубь лѣса.

Вслѣдствіе собственной неосторожности Зельдитца, который, находясь подъ вліяніемъ выпитаго шампанскаго, выболталъ въ присутствіи погребщика о своемъ пари болѣе чѣмъ слѣдуетъ, даже противъ своего желанія, всѣмъ стало извѣстно, что баронъ обручился съ Эльзой Штейнъ... ради пари, заговорили объ этомъ въ городкѣ, и всѣ рѣзко осуждали поступокъ барона.

Молва эта не проникала только въ тихое жилище профессора, потому что ни у кого какъ-то не хватало духу сообщить Вертеру о случившемся...

А ученый мужъ чрезвычайно радовался „счастью", выпавшему на долю его прекрасной племянницы. Ему даже доставляло особенное удовольствіе то обстоятельство, что Эльза въ *его* домѣ сдѣлалась невѣстой барона. Онъ разсказывалъ объ этомъ всѣмъ своимъ знакомымъ, причемъ не скрывалъ радости, переполнившей его

Библиотека "Руниверс"

сердце... И что̀ за блестящая будущность ожидала Эльзу, какъ баронессу фонъ Зельдитцъ!... Зельдитцъ полюбился профессору, и профессоръ былъ твердо убѣжденъ, что племянница его будетъ счастлива съ этимъ человѣкомъ... Еще-бы! Вѣдь какъ баронъ интересуется *его* наукой, какъ онъ охотно, любезно соглашается съ мнѣніями *его*!...

— Ну, вотъ, изволишь видѣть, говорилъ Вертеръ своей супругѣ:—вѣдь у барона-то дѣйствительно есть стремленіе учиться и учиться! Рѣдко встрѣчалъ я человѣка, который слушалъ-бы меня съ такимъ вниманіемъ!... Характеръ у него—прямой, честный... Вѣдь онъ *самъ* мнѣ признался, что *лично* не имѣетъ состоянія... Да! У отца его было имѣніе, но обремененное долгами, и оно давно уже продано, такъ что сынъ ничего не получилъ. Но баронъ—наслѣдникъ своего дяди, а дядя этотъ уже издавна помогаетъ ему. Удивительно, право, что бѣда, сначала такъ озаботившая насъ, могла вдругъ потомъ превратиться въ источникъ счастья!.. Ну, не упади Эльза въ воду, не подвернись тутъ баронъ, спасшій ей жизнь, и ему, вѣроятно, никогда-бы и не столкнуться съ ней!...

Въ короткій промежутокъ времени, съ тѣхъ поръ, какъ Эльза сдѣлалась невѣстой Зельдитца, она совершенно перемѣнилась: она полюбила его со всею искренностью. страстью *первой* любви... Ей казалось, что *онъ*—олицетвореніе идеала мужчины, идеала, созданнаго ею... И какъ онъ съ самаго начала держалъ себя—мужественно-спокойно! Какъ солидно-скромно относился онъ къ ней!... Все это сейчасъ-же и плѣнило ея сердце...

Замечтавшись, Эльза частенько спрашивала себя: ужъ не сонъ-ли это?... Человѣкъ этотъ принадлежитъ *ей*... Онъ—любитъ *ее*... *Она* будетъ носить его имя и раздѣлитъ съ нимъ его состояніе!?. Будущность представлялась ей въ такомъ розовомъ цвѣтѣ, что картины, встававшія передъ ея умственнымъ окомъ, просто ослѣпляли ее, опьяняли... Одна мысль о томъ, что̀ она можетъ какъ нибудь потерять *его*—была для нея невыразимо-мучительнымъ ощущеніемъ... Ужъ лучше, такъ думала дѣвушка, разстаться тогда съ собственною жизнью!...

Когда Зельдитцъ появлялся въ домѣ ея дяди—она летѣла къ нему навстрѣчу, а когда онъ потомъ, улыбаясь, ловилъ ее, и она, подсѣвъ къ нему, брала его руку—Господи, какое счастье испытывала тогда Эльза! Такое блаженство она считала прежде *невозможнымъ*...

И вотъ, среди, такъ сказать, опьяняющихъ волнъ счастья. профессоръ вдругъ получаетъ письмо... Сначала письмо это было принято имъ какъ *шуточное*, но потомъ оно сдѣлало то̀, что обычная краска исчезла съ морщинистаго лица старика Вертера...

Вотъ что̀ заключалось въ письмѣ этомъ:

„Уважаемый г. профессоръ! Считаю своимъ долгомъ. сообщить Вамъ, что съ сердцемъ Вашей племянницы гнусно поступаютъ: оно служитъ предметомъ подлой игры. Г. баронъ ф. Зельдитцъ обручился съ племянницей Вашей только ради пари и объявляетъ теперь, что постарается подъ какимъ нибудь предлогомъ на-отрѣзъ отказаться отъ ея руки, такъ какъ онъ никогда не женится на дѣвицѣ изъ мѣщанскаго круга.

Зигфридъ Альтэнъ“.

Вертеръ зналъ того, кто писалъ эти строки: то былъ солидный господинъ, человѣкъ вообще настолько почтенный, который ни за что не рѣшился-бы шутить съ нимъ такимъ образомъ. Профессоръ хотѣлъ бѣжать къ нему, чтобы сейчасъ-же подробнѣе узнать все дѣло, такъ какъ старику все еще какъ-то не вѣрилось въ существованіе подобнаго факта... Зельдитцъ являлся всегда такимъ спокойнымъ, любезнымъ и, повидимому, былъ такъ счастливъ тѣмъ, что ему удалось плѣнить сердце Эльзы... И—неужели-же онъ игралъ только съ нею?...

Однако, пораздумавъ, профессоръ рѣшилъ поступить иначе, а именно: отправиться къ самому Зельдитцу, спросить его самаго, показать ему письмо и получить отъ него устный отвѣтъ. Онъ поспѣшно нахлобучилъ шляпу и вышелъ изъ дому. Въ саду попалась ему навстрѣчу Эльза... Глаза ея глядѣли такъ весело, счастливо... Увы, она вѣдь ничего еще не подозрѣвала!...

— Дядя куда ты? спросила она.

Избѣгнуть всякихъ распросовъ—вотъ чего хотѣлось въ эти минуты профессору, но бѣжать было уже поздно...

— Да я въ городъ... туда... Тамъ дѣла у меня, отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, постой... Ты—встревоженъ... Что̀ съ тобой? проговорила Эльза почти въ испугѣ.

— Ничего... Ничего, милочка! Я скоро вернусь... Вотъ, увидишь—скоро!...

— Послушай, Зельдитцъ обѣщалъ придти сегодня... Если ты его встрѣтишь—скажи, что ужъ я его жду... жду!...

Какимъ счастьемъ вѣяло отъ этихъ словъ!.. Но они рѣзали сердце добряка—ученаго... Радовалась она, что баронъ хотѣлъ придти, ждала она его... А вѣдь если въ письмѣ-то все *правда*, то ему, барону, не слѣдуетъ и черезъ порогъ дома профессора переступить!..

Уклонясь отъ дальнѣйшихъ вопросовъ, Вертеръ поторопился оставить племянницу. Онъ быстро шелъ, стараясь не глядѣть по сторонамъ, боясь, что̀ вотъ прохожія сейчасъ увидятъ по его лицу, что съ племянницей его сыграли гнусную штуку... Онъ-ли не оберегалъ, не охранялъ ее, не ради-ли нея жилъ онъ по возможности уединенно, тихо—и вотъ, не смотря ни на что̀, какъ разъ въ его-же домѣ сшутили съ нею такую шутку!...

Трудно было вытянуть профессора изъ его укромнаго, тѣснаго *ученаго* гнѣзда; онъ только и думалъ о своей наукѣ, всѣ мысли его были направлены въ одну излюбленную имъ сторону—и что̀-же? *теперь* о наукѣ этой онъ даже и не вспоминалъ... Нѣчто другое заходило въ головѣ его: у Эльзы нѣтъ отца—умеръ онъ; есть братъ, но братъ далеко—въ Италіи... И такъ, *дядя* долженъ отомстить оскорбителю чести племянницы... Что̀-жъ, онъ и не прочь былъ отъ этого. Развѣ въ былыя времена, еще въ университетѣ, рука его не владѣла шпагой?.. Правда многонько лѣтъ въ правой рукѣ его торчало только перо, да и пальцы-то ужъ ослабѣли... но онъ старался даже и не думать объ этомъ. Забушевало въ старой груди профессора, и струны, давно замолкнувшія въ ней, звучавшія когда-то о любви къ женщинѣ и неприкосновенности ея чести, снова задрожали и издали прежній звукъ... Будь профессоръ юношей, какимъ былъ, онъ не задумался-бы въ такомъ случаѣ рискнуть жизнью, и вотъ почувствовалъ онъ себя снова молодымъ, не смотря на то, что теперь ноги его ступали далеко не твердо, а руки—тряслись...

Не засталъ онъ дома барона, однако ему хотѣлось найти его во чтобы-то ни стало, искать до тѣхъ поръ, пока не столкнется съ нимъ, но это, какъ увидитъ сейчасъ читатель, было-бы только напрасною потерею времени.

Профессоръ не такимъ уже быстрымъ шагомъ возвращался домой... Ему было какъ-то страшно войти въ домъ и тамъ опять встрѣтиться съ Эльзой. Удрученный горемъ, онъ уже подошелъ почти къ дому, но рѣшилъ лучше пройдти быстрѣе садомъ и—опять ему встрѣтилась въ саду Эльза... подъ руку съ барономъ...

— Здравствуйте, г. профессоръ! крикнулъ Зельдитцъ, подходя съ Эльзой ближе и не обнаруживая ни малѣйшаго смущенія.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Могила безъ цвѣтовъ. Картина Заролина, грав. Езерскій съ разрѣшенія Гупиля и К°.

Библиотека "Руниверс"

Могила безъ цвѣтовъ.

Ненасытная морская пучина каждый годъ поглощаетъ множество человѣческихъ жертвъ. Но нигдѣ несчастные случаи на морѣ не бываютъ такъ часты, какъ около южныхъ и юго-западныхъ береговъ Англіи и сѣверо-западныхъ береговъ Франціи. Здѣсь море никогда не отдаетъ поглощенныхъ имъ жертвъ, но на вѣки хоронитъ ихъ на своемъ темномъ днѣ, не оставляя близкимъ и того небольшаго утѣшенія, чтобы знать мѣсто, гдѣ покоятся любимые останки и украшать его символами воскресенія и жизни, цвѣтами. Художникъ переноситъ насъ на такой, усѣянный подводными камнями и рифами берегъ. Мы видимъ молодую женщину, пришедшую во время морскаго отлива на скалистый берегъ, въ виду котораго мужъ ея, ожидаемый ею изъ далекаго морскаго путешествія, погибъ во время кораблекрушенія. Ненасытное море не отдало дорогаго тѣла: извѣстно только мѣсто несчастія и несомнѣнный фактъ смерти погибшаго человѣка. Неудивительно поэтому, что печальная вдова ищетъ слабаго утѣшенія въ томъ, чтобы хоть взглянуть на мѣсто, гдѣ погибла дорогая для нея жизнь такъ близко отъ роднаго берега. Кто можетъ отказать въ сочувствіи и состраданіи этой бѣдной женщинѣ, которая въ нѣмомъ горѣ устремила свои глаза безъ слезъ на ту мрачную могилу, что все хранитъ еще въ себѣ дорогое тѣло. Но, послѣдній солнечный лучъ, догарающій тамъ на западѣ, свѣтитъ ей утѣшительнымъ обѣтомъ свиданія въ другомъ, лучшемъ мірѣ.

Ньютонъ былъ великій человѣкъ.

(Изъ американской жизни).

Солнце все ниже и ниже опускалось надъ горизонтомъ. Верхушки кудрявыхъ деревьевъ, какъ-бы охваченныя золотисто-краснымъ огнемъ, чуть-чуть трепетали въ воздухѣ. Синія тѣни мало по малу превращались въ черныя... Гдѣ-то въ послѣдній разъ чирикнула птичка—и все смолкло... Чудеснѣйшій майскій вечеръ! Какъ хорошо теперь на дачѣ!..

— И такъ, черезъ часъ братъ будетъ здѣсь... Пріятно свидѣться послѣ шестнадцатилѣтней разлуки! Много онъ попутешествовалъ... Пора и домой—на покой. Тò-то разсказовъ будетъ!..

Такъ говорилъ, прохаживаясь по балкону загороднаго своего дома, мистеръ Кукнэй, богатый бостонскій негоціантъ, мужчина лѣтъ подъ 40, здоровякъ, румяный и уже начинавшій тучнѣть.

— Ну, что, рада ты его пріѣзду? обратился онъ къ женѣ, дамѣ еще довольно свѣжей и тоже нѣсколько полной, которая сидѣла тутъ же, на террасѣ, на легкомъ дачномъ диванчикѣ, и, отъ нечего дѣлать, вырѣзывала ножичкомъ какую-то фигурку изъ кусочка пальмоваго дерева.

Мистрисъ Кукнэй улыбнулась и, стряхнувъ съ шелковаго платья маленькія стружки, проговорила:

— Разумѣется, рада... Вѣдь я и его любила, но... тебя, Артуръ, больше!.. Да, какъ время-то быстро пролетѣло!.. Помнишь, шестнадцать лѣтъ тому назадъ оба вы просили моей руки... Ты мнѣ больше нравился... Ну, Джонъ попятился, далъ тебѣ дорогу, вздохнулъ и пожелалъ намъ всѣхъ благъ земныхъ—на другой же день, послѣ отказа моего, уѣхалъ въ Азію...

— Какъ не помнить! Интересно, однако, знать: холостякомъ-ли онъ вернулся?..

— Я думаю, что — холостякомъ...

— Это почему-же? Ахъ—да! Ну, конечно, потому, что не нашелъ нигдѣ лучше тебя... Я въ этомъ увѣренъ!..

— О, и я увѣрена! засмѣялась м—съ Кукнэй. Однако, вѣдь онъ для насъ какъ будто воскресъ!..

— Да, я думалъ, что его уже давно нѣтъ въ живыхъ... Какъ уѣхалъ—ни одной строчки, ни слуху, ни духу... И вдругъ сегодня изъ Бостона телеграмма! «Ѣду. Твой Джонъ»... Совершенный сюрпризъ. Это въ его духѣ...

— Каковъ-то онъ теперь!.. Да, интересно встрѣтиться. Ужъ ты уговори его, чтобы онъ у насъ, здѣсь, остановился.

— Еще бы! Холостяку—вѣдь ты убѣждена что онъ холостякъ—вездѣ и всегда найдется мѣсто. Да я и не пущу его никуда... А гдѣ же дѣтки-то наши? Они непремѣнно должны быть здѣсь.. Ты говорила имъ?

— Да вонъ они бѣгутъ!

— Вѣдь Джонъ и не знаетъ объ ихъ существованіи... А! Что это они машутъ руками... Ужъ не ѣдетъ ли онъ?..

По дорожкѣ, усыпанной пескомъ, бѣжали по направленію къ балкону два мальчика и двѣ дѣвочки. Мальчики были въ охотничьемъ костюмѣ, съ маленькими блестящими ружьями, дѣвочки, наряженныя пастушками, тащили по большому букету полевыхъ цвѣтовъ. Старшій сынъ и старшая дочь м-ра Кукнэй первые взбѣжали на балконъ и объявили, что тамъ, далеко по дорогѣ взвилось облако пыли...

— Это навѣрно дядя Джонъ ѣдетъ! воскликнули они.

— Такое большое облако! подтвердили младшіе, тоже уже очутившись на балконѣ. Большое и наверху красное, будто огненное... Это отъ солнца! Дядя Джонъ, мама, ѣдетъ! Это онъ, онъ!

И они запрыгали и захлопали въ ладошки.

— Ну, я пойду его встрѣчу, сказалъ м-ръ Кукнэй, а вы, дѣти, останьтесь тутъ, на балконѣ, съ мамашей.. Я его прямо сюда приведу, и это для него будетъ сюрпризомъ.

Дѣти безпрекословно повиновались приказанію папа и сейчасъ же заспорили о томъ: дѣлаютъ ли въ Азіи игрушки и, если дѣлаютъ, то привезъ-ли имъ дядя Джонъ азіатскихъ игрушекъ? М-ръ Артуръ сошелъ съ балкона, быстро прошелъ весь садъ и, отворивъ калитку, вышелъ на дорогу, чтобы встрѣтить брата. Дѣйствительно, уже можно было хорошо разглядѣть экипажъ и въ немъ господина въ широкополой шляпѣ... Еще нѣсколько секундъ и братья обнялись.

— Джонъ! Тебя-ли я вижу?!.

— Артуръ! Ты-ли это? Ну, братъ, растолстѣлъ-же!

— А ты постарѣлъ... Худощавымъ уѣхалъ, худощавымъ вернулся... Ну, идемъ къ женѣ! Давай руку, братанъ—вотъ такъ! А вы, обратился онъ къ возницѣ, поверните направо, тамъ будутъ ворота, и въѣзжайте во дворъ.

— Вотъ это садикъ мой, а тамъ и домишко... Не дурны—а?

— Мѣстечко хорошенькое. Ну, а жена-то, жена—здорова? Ничего? спросилъ м-ръ Джонъ весело.

— О, совершенно здорова! Тебя просто жаждетъ видѣть! Тоже, братъ, потолстѣла... Да вотъ сейчасъ увидишь.

И они вошли въ садъ.

— Ну, конечно, и дѣтки есть — а? Я вѣдь ничего не знаю какъ вы тутъ жили-поживали...

— А кто виноватъ? Самъ же ты исчезъ безслѣдно! Ни строчки не прислалъ... Куда же мнѣ-то было писать?..

— Ну, виноватъ... Каюсь! Сколько же у тебя наслѣдниковъ?

Да довольно таки: четверо. Славные ребятишки! Мальчиковъ два и дѣвочекъ пара: Ньютонъ, Былъ, Великій, Человѣкъ!

— А? Что ты сказалъ? Ньютонъ...

— Д-да, старшему-то ужъ пятнадцать лѣтъ... Какъ время-то, подумаешь, идетъ! Оставилъ насъ самъ-другъ, а теперь цѣлая семья... Хе, хе, хе! Ньютонъ, Былъ, Великій, Человѣкъ!

— Гм, да, конечно.. Ньютонъ былъ великій человѣкъ, повторилъ м-ръ Джонъ, и, нѣсколько удивленный, пріостановился. Но... что это тебѣ вздумалось?

— То есть... какъ вздумалось?...

— М-ръ Артуръ то же пріостановился и прибавилъ:

Ужъ если, братъ, женишься, такъ ужъ тутъ... Ты желалъ бы, чтобы у меня совсѣмъ не было дѣтей?

— Это почему? Съ чего ты взялъ?! Напротивъ, я радъ...

— Можетъ быть, тебя удивляетъ, что—

— Нѣтъ, зачѣмъ ты о Ньютонѣ-то вдругъ заговорилъ?

— Да вѣдь Ньютонъ старшій! Прекрасный мальчикъ, способный, хотя немного вѣтряный...

— Э, такъ это ты имя такое далъ?!

— Ну—да. А первую дочь, по порядку фразы, зовутъ Былъ; затѣмъ второй сынъ—Великій, а послѣдняя дѣвчонка у меня—Человѣкъ. Экъ я! Совсѣмъ и забылъ, что ты здѣсь новичекъ! У насъ, братъ, ужъ такая мода нынче: обыкновенныхъ именъ не даютъ, а если у кого много дѣтей—такъ отдѣлываются фразами. Ничего, мило выходитъ! У сосѣда моего сынъ и дочь. Вмѣстѣ они составляютъ: Любите Деньги! А? Не дурно вѣдь?.. А то вотъ еще: одному здѣшнему фабриканту Богъ далъ шестаго... Ну, должно быть много это ему показалось, и онъ воскликнулъ: конецъ! Такъ ребенка Концемъ и назвали... Но, вообразя: послѣ Конца явилось еще трое!.. Что было дѣлать? «Пусть они будутъ, рѣшилъ отецъ: Дополненіе, Прибавленіе и Приложеніе!»...

М-ръ Джонъ захохоталъ и повлекъ брата къ балкону.

— Показывай скорѣе мнѣ живую фразу!

Но ему не пришлось увидѣть живую фразу *въ нерѣзвольности*. Ньютонъ, заслышавъ веселые голоса въ саду, не вытерпѣлъ и бросился навстрѣчу отцу и дядѣ; Великій — за нимъ, только Былъ и Человѣкъ остались около мамаши.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, поцѣлуевъ, рукопожатій, всѣ занялись чаепитіемъ. Прелестная Былъ, какъ помощница мамаши, разливала чай. М-ру Джону особенно понравился розовенькій, кудрявый Человѣкъ, и онъ посадилъ этого Человѣка къ себѣ на колѣни.

Бесѣда была самая оживленная и зашла далеко за полночь, такъ что на балконѣ остались только м-ръ Артуръ съ женой и Джонъ. «Живая фраза» давно уже спала и уже видѣла, вѣроятно, во снѣ разныя хорошенькія азіатскія штучки, потому

Библиотека "Руниверс"

что добрый дядя обѣщалъ завтра утромъ всѣмъ имъ преподнести привезенные подарки.—«Я, сказалъ дядя Джонъ, на всякій случай запасся подарочками, ибо думалъ, что у Артура навѣрно есть дѣтки—и не ошибся».

— Ну, что-жъ, проговорилъ Джонъ, хлопнувъ брата по плечу: думаешь ты продолжать о Ньютонѣ, или уже поставилъ точку!

М-съ Кукнэй зарумянилась, а супругъ отвѣтилъ:

— Полагаю, что точка уже поставлена... Фраза сама по себѣ совершенно-законченная... Вѣдь такъ?..

— Пожалуй; но вѣдь Ньютономъ можно увлечься, замѣтилъ Джонъ, и продолжать, напримѣръ, такъ: «Наука обязана ему великимъ открытіемъ, которое»...

— Что ты! Что ты! Вѣдь это выходитъ еще шесть словъ, да еще безъ конца!!. Эдакъ доберешься до *тяготѣнія*, а ужъ это будетъ тягостно...

— И такъ, Ньютонъ былъ великій человѣкъ.. Все сказано?

— Все! махнулъ рукой м-ръ Кукнэй.

Разумѣется все, подтвердила жена:—точка поставлена.

— Не будетъ ли точка корректорской ошибкой? Хотя сочиненіе ваше и вышло уже въ свѣтъ, но я полагаю, что это еще корректура и, сознаюсь, весьма миленькая!

— Ну, утро вечера мудренѣе, произнесъ весело м-ръ Артуръ и всталъ.—Пора и отдохнуть тебѣ, Джонъ! Ужъ поздно... Пойдемъ, я проведу тебя въ твою комнату.

Прошло три мѣсяца. Въ одно прекрасное осеннее утро м-ръ Кукнэй вошелъ въ комнату брата и, ударивъ его по плечу, произнесъ:

— А вѣдь ты правъ былъ! Придется вмѣсто одной точки поставить двѣ...

— Да? Ну, поздравляю! Только зачѣмъ же двѣ? Пусть останется одна, а ты начни теперь съ *большой буквы*, Джонъ! «Наука обязана ему великимъ открытіемъ, которое двинуло впередъ»...

М-ръ Кукнэй зажалъ уши.

Дѣтскіе годы.

Не вернешь васъ дни былыя,
Въ даль безцѣльную идешь,
Годы дѣтства золотые,
Не вернешь васъ, не вернешь.
Жизнь пуста, какъ строго взглянешь,
Жизнь противна иногда,
И добромъ лишь васъ помянешь,
Дѣтства милые года.

Ядомъ желчи жизнь отравитъ,
Все въ груди оледенитъ,
И лишь васъ однихъ оставитъ,
Васъ однихъ лишь сохранитъ.
Вы одни въ душѣ измятой
Шевелитесь иногда...
И я чту васъ, свято, свято,
Дѣтства милые года!

Кн. Щ-ва.

Герцеговина и Боснія.

Герцеговинское возстаніе, повидимому, столь ничтожное въ началѣ, приковываетъ къ себѣ въ настоящее время вниманіе всей Европы. Всякая домашняя распря Турціи съ ея христіанскими подданными, неизбѣжно дѣлается вопросомъ международнымъ, общеевропейскимъ. Мусульманское владычество надъ христіанами слишкомъ тягостно для Европы, потому она и слѣдитъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ событій на Балканскомъ Полуостровѣ, которыя несомнѣнно уже приняли бы весьма грозный оборотъ для доживающей свои дни Турціи, если бы не вмѣшательство дипломаціи, искусственно задерживающей ходъ дѣлъ

Герцеговинское возстаніе, по всѣмъ имѣющимся даннымъ, не было задумано заранѣе и не есть результатъ организованной агитаціи; оно вспыхнуло вдругъ, потому что одной искры достаточно, чтобы воспламенить давно тлѣющіе горючіе матерьялы. Нестерпимое и прежде положеніе турецкихъ христіанъ, еще значительно ухудшилось, когда Турція, вслѣдствіе ея финансовыхъ замѣшательствъ, оказалась вынужденною увеличить взимаемые ею налоги. Притѣсненія христіанъ турецкими чиновниками превосходятъ всякую мѣру, а Босніи и Герцеговинѣ приходилось страдать гораздо болѣе чѣмъ остальнымъ турецкимъ провинціямъ, потому что боснійскіе мусульмане, въ качествѣ крайнихъ піонеровъ ислама, гораздо нетерпимѣе къ иновѣрцамъ, чѣмъ мусульмане другихъ мѣстностей. Какъ во всей Турецкой имперіи, въ Босніи и Герцеговинѣ, турки составляютъ единственный привилегированный классъ, пользующійся правами; въ ихъ рукахъ всѣ мѣста и должности. Постановленія корана о государственномъ устройствѣ, обязательныя для всѣхъ турецкихъ подданныхъ, лишаютъ христіанъ всѣхъ гражданскихъ правъ, и оскорбляютъ ихъ въ самыхъ ихъ священныхъ, религіозныхъ чувствахъ; къ этому присоединяется грустное матерьяльное положеніе, дѣлающее существованіе ихъ почти невыносимымъ. Подати взимаются съ неумолимою строгостью, по произволу чиновниковъ; жиловаться же христіанинъ не можетъ, такъ какъ на основаніи корана, свидѣтельское его показаніе не имѣетъ никакой силы. Въ Герцеговинѣ райи недавно только получили разрѣшеніе владѣть землей; разрѣшеніемъ этимъ пользуются весьма немногіе, а бо́льшая часть находится въ такомъ же положеніи какъ босняки, у которыхъ ничего нѣтъ и которые въ сущности крѣпостные люди. Скудость почвы въ Герцеговинѣ часто повергаетъ раевъ въ крайнюю нужду; правительство и турецкіе помѣщики считаютъ своей добычей все, къ чему только можно придраться. Суды для христіанина закрыты, если ему нечемъ заплатить за приговоръ или если онъ не пользуется защитой консула. Законъ оставляетъ безъ всякаго вниманія умерщвленіе христіанина, оказавшаго какое-нибудь сопротивленіе мусульманину или разстроившаго его планы. Можно поэтому судить легка ли была жизнь подъ турецкимъ игомъ, и мудрено ли что терпѣніе несчастныхъ христіанъ наконецъ истощилось. Населеніе слѣпо вѣритъ въ предсказаніе, сдѣланное много лѣтъ назадъ, что черезъ 400 лѣтъ послѣ смерти послѣдняго боснійскаго короля, турки будутъ вытѣснены изъ края успѣшнымъ возстаніемъ, и эта вѣра одушевляетъ ихъ на борьбу.

Что касается собственно военныхъ дѣйствій на театрѣ возстанія, то они имѣютъ характеръ партизанской войны. Инсургенты какъ нельзя болѣе умѣютъ пользоваться выгодами знакомой имъ вдоль и поперекъ гориой мѣстности; они по возможности избѣгаютъ столкновеній съ турками въ открытомъ полѣ, но гдѣ нибудь въ ущельѣ, горномъ проходѣ, стремительно нападаютъ изъ своихъ засадъ на транспортныя колонны, обозы и съ легкой добычей возвращаются въ горы, гдѣ преслѣдованіе ихъ невозможно.

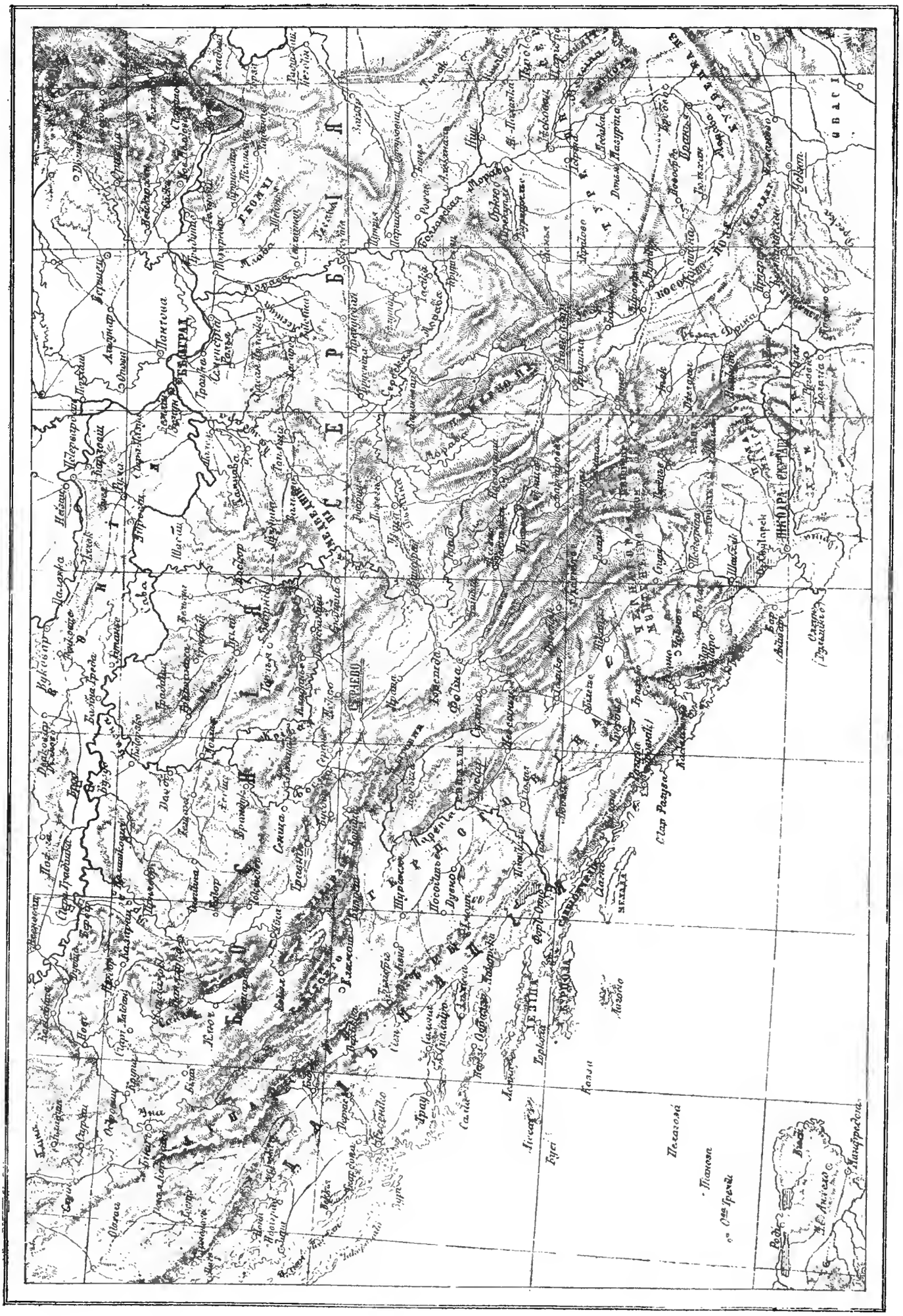
По прилагаемой нами географической картѣ Герцеговины и Босніи, читатели наши могутъ слѣдить за движеніями воюющихъ сторонъ. Герцеговина лежитъ въ сѣверо-западной части Балканскаго полуострова къ сѣверу отъ Черногоріи. Эта горная страна, перерѣзанная южными вѣтвями динарскихъ Альповъ и склоняющаяся къ Адріатическому морю, составляла въ древности часть древней Иллиріи, и какъ отечество многихъ государей, была украшена послѣдними красивыми зданіями и имѣла много городовъ. Въ средніе вѣка она называлась княжествомъ Св. Саввы, въ честь святаго Саввы, принявшаго здѣсь мученическій вѣнецъ и смерть, и принадлежала первоначально къ королевству Кроаціи; въ 1326 году она была соединена съ Босніей, а потомъ, императоромъ Фридрихомъ III возведена въ самостоятельное княжество и отдана въ ленное владѣніе фамиліи Гранишъ. Но въ 1466 году Герцеговина была завоевана султаномъ Магометомъ II; послѣ долгаго спора съ Австріей, въ 1699 году Карловицкій миръ окончательно рѣшилъ ея судьбу. Только небольшая береговая полоска съ важнымъ городомъ Каттаро, осталась въ венеціанской области и составляетъ въ настоящее время часть Далмаціи, входящей въ составъ австрійскихъ владѣній; вся остальная страна осталась во власти турокъ и по сіе время несетъ это тяжелое иго.

Страна эта вообще мало извѣстна; путешествіе по ея горнымъ ущельямъ не считается вполнѣ безопаснымъ. Самая населенная часть, западная; главный городъ Мостаръ; жители: герцеговинцы, босняки, морлаки, далматинцы и цыгане.

Первыя непріятности.

Шестилѣтняя Соничка улучила минутку и, какъ была въ одной рубашенкѣ, прокралась на лѣстницу, а очутившись въ саду, пустилась бѣжать—прямо къ пруду. Давно ей хотѣлось побывать тамъ, погулять безъ присмотра, на свободѣ: вопервыхъ, около пруда какія-то бѣленькія птички ходятъ—такія хорошенькія (Соничка не знала, что вдали все кажется маленькимъ), а

Библиотека "Руниверс"



Карта театра войны въ Герцеговинѣ, Сербіи, Босніи и Черногоріи. Грав. Замаровъ.

Библиотека "Руниверс"

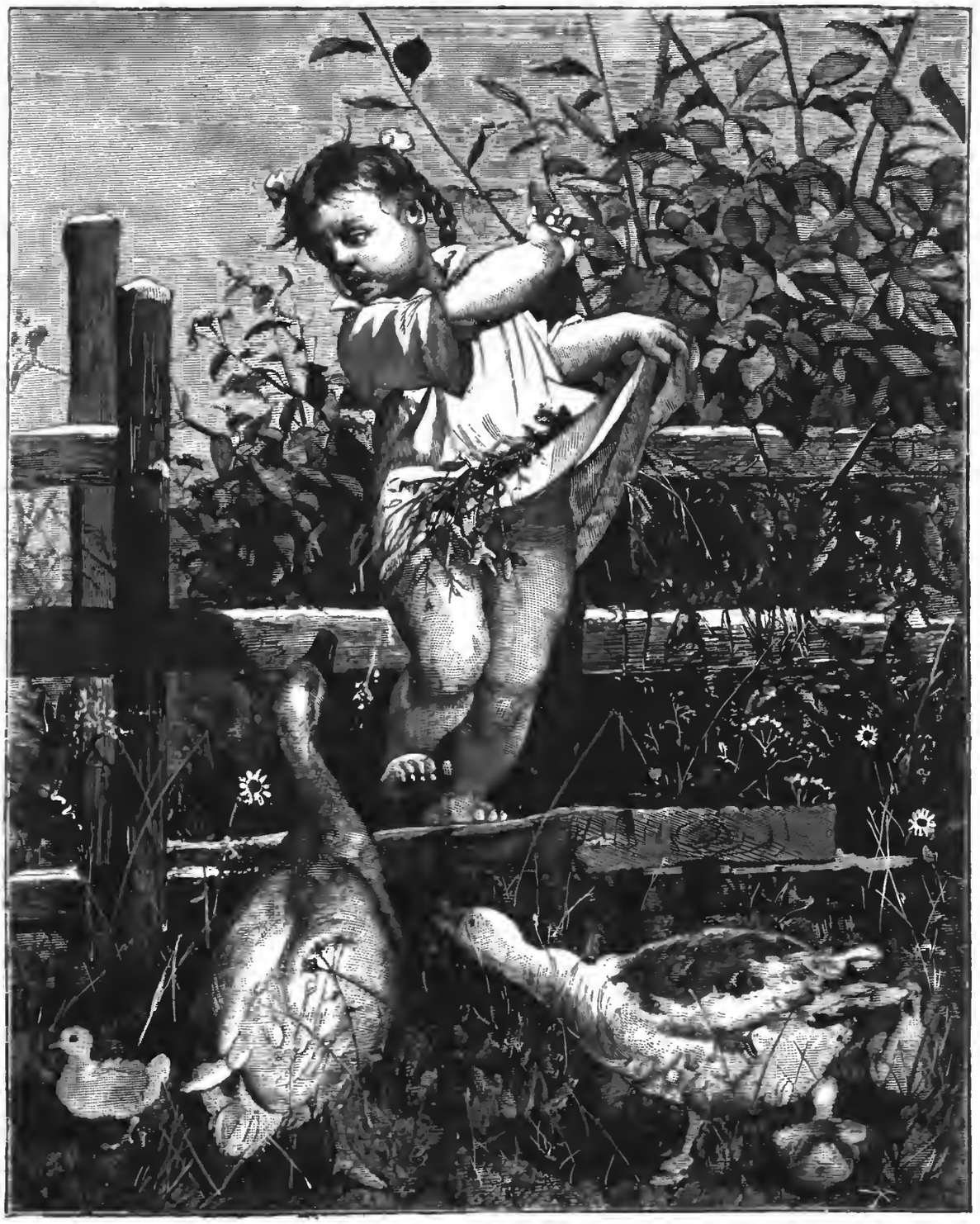
во вторыхъ, тамъ же, у изгороди, много, много всякихъ цвѣточковъ—какіе хочешь, такіе и рви!..

Предвкушая наслажденіе, бѣжалъ этотъ человѣчекъ безъ оглядки и, добѣжавъ до желаннаго мѣстечка, въ порывѣ восторга и радости, даже кувырнулся раза два по травѣ. Голую ножку что-то обожгло—да какъ больно! Соничка сдѣлала гримаску... «У, противная крапива!»... Вотъ, и поубавилось радости... Молодъ былъ еще этотъ человѣчекъ, многаго еще не зналъ онъ, не вѣдалъ: большой гусь казался ему издали воробьемъ!.. Соничка была увѣрена, что всѣ радости и наслажденія въ жизни разсыпаны около пруда, что стоитъ только захотѣть наслаждаться—и будешь наслаждаться... Никакихъ жертвъ не потребуется, никакой борьбы не нужно изъ-за счастья! Оно должно дешево доставаться!.. Однако, крапива знатно обожгла ножку... Вотъ тебѣ и дешево!..

Если взрослые забываютъ уроки, увлекаются, не обращаютъ должнаго вниманія на первое предостереженіе, то какъ же Соничкѣ было не увлечься? Забыла она о противной крапивѣ и стала срывать цвѣточки—вдругъ, зашелестѣло что-то сзади нея, страшно зашипѣло—о ужасъ!.. Большая бѣлая птица, съ краснымъ носомъ и красными лапами, вытянувъ шею, идетъ прямо на нее... Соничка вскочила на перекладину изгороди, стала отмахиваться, кричать, даже звать на помощь... О, какой обманъ! Неужели эта та самая маленькая, бѣленькая птичка?! Да она въ тысячу разъ больше воробья!.. Вонъ и другая... Ай, обѣ зашипѣли...

Садовникъ услышалъ крики Сонички, пришелъ къ ней и спасъ ее отъ страшныхъ красныхъ носовъ.

Жизнь Сонички—впереди, а жизнь прожить—не поле перейти. «Много разной «жгучей крапивы» въ жизни. Не разъ еще придется Соничкѣ обжечься... Да и не мало «красныхъ шипящихъ носовъ» встрѣтится ей на жизненномъ пути... А не всегда но время явится садовникъ!., Узнаетъ Соничка, что гусь



Первая непріятность. Рис. Пилоти, грав. Пуцъ.

Библиотека "Руниверс"

только издали кажется воробьемъ, узнаетъ она, что у розы есть шипы, что безнаказанно не кувырнешься на зеленой бархатной травкѣ, что—о, много, много узнаетъ она хорошаго, полезнаго, когда станетъ большой. Прежній прудъ, такъ манившій ее когда-то, превратится въ бурное, безбрежное море... Усталая, измученная, но уже *большая*, взрослая, Сонячка, придетъ къ морю, сядетъ на берегу и будетъ ждать *погоды*... Только не погоды она дождется, а вѣчнаго покоя—смерти... Что-жъ, читатель, если существуютъ «первыя непріятности», то должна же быть и послѣдняя, все завершающая!

Древность земли.

Разверните любой календарь и на первой же страницѣ вы на указаніе относительно древности земли,—указаніе, которое передаваясь изъ года въ годъ, какъ вѣчная наслѣдственная болѣзнь, какъ нельзя болѣе нахально издѣвается надъ святою истиною. По завѣщанной намъ отъ предковъ традиціи, «сотвореніе міра» опредѣляется ничтожнымъ періодомъ времени едва въ 6,000 лѣтъ, и хотя въ настоящее время едва ли найдется одинъ мало-мальски образованный человѣкъ, который бы давалъ этому опредѣленію какую-либо вѣру, мы однако, въ силу присущей намъ китайской неподвижности, продолжаемъ упорно держаться рутины; этимъ мы самымъ непозволительнымъ образомъ игнорируемъ результаты цѣлой отрасли знанія, ибо съ тѣхъ поръ, какъ геологія существуетъ какъ самостоятельная наука, всѣ прежнія гадательныя и доставшіяся намъ по наслѣдству предположенія о мнимой юности нашей планеты оказались совершенно несостоятельными. Уже одно сознаніе, что первоначально земля, какъ и всѣ другія планеты и солнце еще въ настоящее время представляла собою раскаленный огненный шаръ, который только весьма медленно остывалъ и уплотнялся на своей поверхности, заставляетъ насъ допустить, что самостоятельное существованіе земли относится къ весьма отдаленному времени. Но тонкая земная кора была еще въ началѣ совершенно гладкая и ровная: чтобы она сдѣлалась холмистою и гористою, какою мы ее видимъ теперь и существуетъ уже много тысячелѣтій, со стороны раскаленнаго земнаго ядра требовалось очень много усилій въ видѣ многочисленныхъ вулканическихъ изверженій, для чего также требовалось не мало времени. Вода, покрывающая въ настоящее время большую часть земной поверхности, существовала въ началѣ едва только въ видѣ пара; чтобы она могла сгуститься въ жидкость, земная кора должна была предварительно пріобрѣсть значительную толщину и прочность. Всѣ эти соображенія, еще до существованія геологической науки, должны были бы занимать пытливый умъ человѣка и поколебать его ложную вѣру въ молодой возрастъ земли. Эта вѣра оказалась полнымъ предразсудкомъ съ тѣхъ поръ, какъ изслѣдованія строенія земной коры и открытіе каменнаго угля познакомили насъ съ такими фактами, которые доказываютъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что земля существовала далеко-далеко раньше, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ.

Но какимъ образомъ удалось получить результатъ болѣе или менѣе приближающійся къ истинѣ? Мы говоримъ «приближающійся къ истинѣ», потому что если и есть тысяча основаній относить самостоятельное существованіе земли къ весьма отдаленному времени, мы однако не можемъ перешагнуть извѣстныхъ предѣловъ, указываемыхъ намъ астрономіею и физикою. Что касается фактовъ, могущихъ намъ служить опорою для приблизительнаго вычисленія древности земли, то мы ихъ находимъ въ явленіяхъ, представляемыхъ водою, которыя отличаются замѣчательнымъ постоянствомъ и правильностью своегодѣйствія.

Такъ Ніагарскій водопадъ въ Сѣверной Америкѣ находится приблизительно на срединѣ рѣки Ніагары, которая, начинаясь въ озерѣ Эріо, соединяетъ это послѣднее съ лежащимъ далѣе къ сѣверо-востоку озеромъ Онтаріо. Начиная съ Кингстона, долина озера Онтаріо, почти не возвышаясь, простирается вплоть до самаго моря; однако по сю сторону Кингстона находится скалистая возвышенность, далеко простирающаяся къ юго-западу до самаго озера Эріо. Въ началѣ Ніагарскій водопадъ находился возлѣ Кингстона у самаго устья Ніагары, при впаденіи въ озеро Онтаріо; но сила, которая развивалась при паденіи воды съ высоты 165 футовъ, разрушило массу и быстрое теченіе размыло лежащіе внизу, менѣе устойчивые сланцовые слои. Такимъ образомъ основаніе скалы разрушалось все болѣе и болѣе, а уцѣлѣвшіе верхніе слои, образовавъ въ началѣ арку, не выдержали собственной тяжести и провалились. Ніагарскій водопадъ отступалъ такимъ образомъ все болѣе и болѣе назадъ къ мѣсту, занимаемому имъ теперь, образовавъ для себя ложбину въ 200—250 ф. глубины, которую онъ продолжаетъ подкапывать, хотя медленно, но непрерывно и по сію пору. По вычисленіямъ Галля и Ляйеля, водопадъ въ продолженіе года едва отступаетъ на одинъ футъ. Если предположить теперь, что длина ложбины равняется полуторамъ милямъ, то время, употребленное водопадомъ на прорытіе ложбины равняется по крайней мѣрѣ 36,000 лѣтъ.

Но земля гораздо древнѣе. Отдѣленные листы сланца или шифера, по извѣстнымъ соображеніямъ, осаждались во время каждаго прилива, т. е. въ продолженіи 12 часовъ. Опытъ показываетъ, что на нашихъ морскихъ берегахъ слой глины толщиною въ 1 футъ осаждается въ 50 лѣтъ. Если, слѣдовательно, для осажденія слоя глины толщиною въ 1 футъ требуется 50 лѣтъ, то для образованія шифернаго пласта, встрѣчающагося въ земной корѣ толщиною слишкомъ въ 1,000 футовъ, необходимо было слишкомъ 50,000 лѣтъ.

Другія доказательства въ пользу древности земли доставляютъ намъ исчезнувшія растенія. Если руководствоваться положеніемъ Либиха, что 1 квадратный футъ лѣса ежегодно производитъ не больше $^7/_{10}$ фунта угля, то древность нѣкоторыхъ каменоугольныхъ пластовъ должна равняться отъ 10 до 10 милліоновъ лѣтъ. Въ наносахъ рѣки Миссисипи въ Лупзіанѣ нашли десять другъ на другѣ лежащихъ кипарисовыхъ стволовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ поперечникѣ 10 футовъ. Когда ила, осаждаемый водами Миссисипи приводимается выше поверхности воды, то онъ вначалѣ покрывается травою, впослѣдствіи кипарисами, но между обоими этими періодами проходитъ 1,500 лѣтъ. Слѣдовательно для того, чтобы кипарисовое дерево достигло толщины въ десять футъ, должно пройти не менѣе 5,700 лѣтъ. Если даже не принять въ разсчетъ времени, необходимаго для заканчиванія и вывѣтриванія одной генераціи и образованія на ней другой, то все таки получимъ слишкомъ 140,000 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ дельта высыхала въ каждомъ мѣстѣ.

Но что уже подумать о древности земли, когда древность наивысше организованнаго существа, человѣка, опредѣляется во многія тысячи лѣтъ? Въ четвертомъ изъ упомянутыхъ кипарисовыхъ слоевъ подъ корнями деревьевъ нашли черепки отъ горшка и черепъ красно-кожаго туземца, похороненные, по всѣмъ вѣроятіямъ, слишкомъ 50,000 лѣтъ! Даже *Агассицъ*, вполнѣ набожный естествоиспытатель, опредѣляетъ древность человѣческаго скелета, найденнаго въ коралловыхъ рифахъ Флориды, въ 135,000 лѣтъ!

Еще одно слово о величайшемъ предѣлѣ древности земли, вычисленномъ на основаніи замедляющаго дѣйствія, производимаго сушею на быстроту вращенія земли. *Томпсонъ* доказываетъ, что земля до своего застыванія имѣла совсѣмъ иной видъ, нежели теперь и, на основаніи физическихъ данныхъ, опредѣляетъ древность земли приблизительно въ сто милліоновъ лѣтъ!

Политическое обозрѣніе.

Герцеговинское возстаніе вступило въ новый фазисъ своего развитія. Побѣдные вѣсы теперь уже склоняются на сторону турокъ, тогда какъ въ первое время верхъ былъ на сторонѣ христіанъ. Возбуждавшая большія надежды осада города Требинье снята, и инсургенты, разсѣянные вновьприбывшими изъ Клэка турецкими силами должны были удалиться въ горы. Тамъ они скрываются и по настоящее время, выдерживая небольшія столкновенія съ мусульманскими войсками. Въ разсчетѣ герцеговинцевъ, какъ мы уже упоминали въ прошломъ обозрѣніи — какъ можно болѣе продлить войну, чтобы выиграть время и заставить Порту не на словахъ, а на дѣлѣ даровать христіанскимъ подданнымъ права, одинаковые съ мусульманскимъ населеніемъ Босніи и Герцеговины, и освободить отъ невыносимыхъ притѣсненій мѣстныхъ турецкихъ властей. Между тѣмъ ввиду продолжающагося возстанія, въ дѣло должна была вмѣшаться дипломатія: сначала три державы, Германія, Россія и Австрія, предложили портѣ прекратить непріязненныя дѣйствія и вступить съ повстанцами въ переговоры. Порта колебалась выполнить этотъ дружескій совѣтъ; тогда, по приглашенію Россіи, въ дѣлѣ умиротворенія приняли участіе и остальныя державы, подписавшія парижскій трактатъ, именно: Италія, Франція и наконецъ Англія. Эта послѣдняя согласилась принять участіе въ дипломатическомъ посредничествѣ лишь тогда, когда на это получилось согласіе Турціи. Такимъ образомъ, главныя условія соглашенія выработаны были слѣдующія: Порта должна пріостановить свои военныя дѣйствія съ тѣмъ, чтобы инсургенты могли свободно высказать свои требованія; съ своей стороны, иностранныя державы, черезъ своихъ консуловъ, обязываются передать выбраннымъ повстанцами посредникамъ, что требованія и желанія ихъ будутъ приняты во вниманіе и, по мѣрѣ возможности, удовлетворены; что же касается до стремленій герцеговинцевъ къ полной независимости отъ Порты, то объ этомъ они должны отложить попеченіе, такъ какъ подобная мѣра была бы слишкомъ опасна для Австріи и грозила бы цѣлости этого государства. Взамѣнъ этого, имъ предлагалось: ограниченіе правъ и привиллегій мѣстныхъ омусульманившихъ-

Библиотека "Руниверс"

ся землевладѣльцевъ, къ которымъ христіане стояли чуть не въ крѣпостныхъ отношеніяхъ, введеніе болѣе правильной и равномѣрной податной системы и предоставленіе Босніи и Герцеговинѣ болѣе самостоятельнаго земскаго управленія, которое могло бы гарантировать христіанское населеніе этихъ провинцій отъ произвола турецкихъ властей.

Заручившись всѣми этими условіями, за исключеніемъ, впрочемъ, перваго (о пріостановленіи военныхъ дѣйствій), на которое порта не согласилась, консулы вышеупомянутыхъ иностранныхъ державъ отправились на мѣсто дѣйствія, чтобы затѣмъ вступить въ переговоры съ инсургентами. Но тутъ произошло нѣчто совершенно непредвидѣнное: пріѣхавъ въ гор. Мостаръ, значитъ, почти въ самый центръ возстанія, консулы послали просить инсургентовъ выбрать изъ среды своей представителей для веденія переговоровъ и дать имъ широкія полномочія на принятіе тѣхъ или другихъ изъ предлагаемыхъ иностранными державами условій. Инсургенты, повидимому, были не прочь согласиться на ту или другую сдѣлку; вожди ихъ съ этою цѣлью собрались-было въ одинъ изъ монастырей, чтобы окончательно условиться между собой насчетъ единства въ дѣйствіяхъ и выбрать затѣмъ депутатовъ. Но время шло, а къ соглашенію никакъ не приходили; консулы, въ тщетномъ ожиданіи депутатовъ, прожили нѣсколько дней въ Мостарѣ и, наконецъ, не достигнувъ цѣли, выѣхали изъ города.

Между тѣмъ, пока иностранные консулы проживали въ Мостарѣ, поджидая представителей возстанія, инсургенты не дремали: желая придать всему своему движенію болѣе единства, руководители собрали нѣчто въ родѣ учредительнаго собранія, на которомъ провозгласили воеводой герцеговинскимъ вѣкоего Любибратича, предоставивъ ему право договариваться съ консулами насчетъ условій замиренія и сосредоточивъ въ его рукахъ управленіе всѣмъ дѣломъ возстанія. Это обстоятельство заставляетъ думать, что несмотря на два проигранныя инсургентами сраженія, герцеговинцы не унываютъ духомъ и не отчаяваются за благопріятный для нихъ исходъ возстанія, тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе нынѣшнее настроеніе двухъ союзницъ Герцеговины, единоплеменныхъ и единовѣрныхъ ей Сербіи и Черногоріи. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно быть особенно проницательнымъ, чтобы замѣтить истинныя желанія сербовъ и черногорцевъ сразиться съ своими непримиримыми врагами и встать за своихъ братьевъ-герцеговинцевъ. Въ Сербіи народъ рѣшительно требуетъ войны съ Турціей; тронная рѣчь князя Милана, произнесенная имъ при открытіи Скупщины (сербское народное собраніе), благодаря своей безцвѣтности, не удовлетворила въ странѣ никого, и министерство, черезъ извѣстнаго Ристича, вступило уже въ тайные переговоры съ Черногоріей насчетъ выработки опредѣленнаго плана дѣйствій; оно же, ввиду слишкомъ уже рѣшительнаго заявленія народной воли, должно было распорядиться созывомъ перваго и втораго разряда земскаго ополченія, т. е. собираетъ подъ ружье 100 тысячъ человѣкъ... Въ то же время, князь Черногорскій Николай, черезъ своего адъютанта, передаетъ русскому консулу въ Рагузѣ, что онъ не въ состояніи болѣе сдерживать свой народъ, требующій настойчиво войны съ Турціей за свободу своихъ братьевъ... Все, однимъ словомъ, складывается въ пользу болѣе обширной войны, въ которой, кромѣ Турціи, Сербіи и Черногоріи примутъ участіе и другія державы. По крайней мѣрѣ, Австрія, судя по теперешнему ея образу дѣйствій, обѣщаетъ вмѣшаться въ борьбу, чтобы, ставъ на сторону Турціи, воспрепятствовать образованію великаго сербскаго государства, въ составъ котораго должны будутъ войти и Боснія съ Герцеговиной. Для Австріи сосѣдство сколько-нибудь значительной славянской державы невыгодно по весьма понятной причинѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время стали настойчиво распространяться слухи о какомъ-то соглашеніи, будто-бы послѣдовавшемъ между Австріей и Россіей, Событія покажутъ, насколько слухи такого рода заслуживаютъ довѣрія.

Какъ бы то ни было, но бѣдствія и участь герцеговинцемъ продолжаютъ вызывать къ себѣ всеобщее сочувствіе: не только въ славянскихъ земляхъ, но даже въ Парижѣ и Лондонѣ составляются комитеты для сбора пожертвованій въ пользу несчастныхъ христіанъ, принужденныхъ отстаивать свое человѣческое достоинство съ оружіемъ въ рукахъ. Образовавшійся въ Парижѣ международный комитетъ для пособія герцеговинцамъ имѣетъ своимъ президентомъ митрополита Сербіи, Михаила. Въ числѣ основателей этого комитета находится много русскихъ, поляковъ, сербовъ, чеховъ, болгаръ, вообще славянъ, и, сверхъ того, не мало французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, шведовъ и датчанъ. Кромѣ парижскаго комитета, открылись отдѣленія его почти во всѣхъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта. Въ Англіи, для выраженія сочувствія герцеговинцамъ, собираются митинги, подписки; знаменитый лордъ Россель первый пожертвовалъ для этого дѣла 50 фунтовъ стерлинговъ (болѣе 300 рублей); въ Италіи открываетъ подписку Гарибальди съ сыновьями, а знаменитый хорватскій епископъ Штроссмайеръ посылаетъ въ Герцеговину 30,000 гульденовъ (болѣе 20 т. р.), на которые вооружается цѣлый отрядъ. У насъ, какъ извѣстно, оффиціально дозволенъ сборъ «въ пользу пострадавшихъ жителей Герцеговины». Пожелаемъ же этому святому дѣлу полнаго успѣха!

Смѣсь.

Строители на вѣткахъ.

Наступаетъ весна и съ нею начинается новая жизнь въ природѣ. Снѣгъ уже стаялъ, цвѣты распустились и въ лѣсу началась та оживленная жизнь, которая невольно манитъ къ прогулкѣ. При входѣ въ лѣсъ васъ невольно останавливаетъ чириканье и необыкновенная суета на деревьяхъ. Поднимите голову и вы увидите тѣхъ многочисленныхъ пернатыхъ, которые строятъ свои гнѣзда на вѣтвяхъ деревъ или кустовъ и которые потому могутъ быть названы воздушными строителями. Большая часть птицъ выбираетъ вѣтви для своихъ гнѣздъ, такъ что мы можемъ описать или изобразить лишь наиболѣе замѣчательныхъ. Начнемъ, напр., съ гнѣзда зябликовъ. Хотя красиво-испятнанныя яйца ихъ находятся въ большомъ количествѣ въ коллекціи каждаго школьника, охотящагося за гнѣздами, они, однако, не появляются въ его маленькомъ музеѣ до извѣстнаго времени. Яйца чернаго и сѣраго дрозда и завитушки обыкновенно находятся прежде всего, потому что гнѣзда, въ которыхъ они лежатъ, очень замѣчательны. Но гнѣздо зяблика не легко увидѣть, и чтобъ открыть его, нуженъ привычный глазъ.

Птица выбираетъ такое развѣтвленіе на деревѣ или кустѣ, гдѣ нѣсколько сучьевъ выростаютъ изъ одного мѣста, такъ что образуютъ родъ чашечки, въ которой можетъ помѣщаться гнѣздо. Высокіе кусты бонрышника, или даже терна и дикой яблони, въ особенности если они растутъ густою стѣною — любимыя деревья зяблика. Роскошная и необрѣзанная живая изгородь изъ этихъ растеній всегда содержитъ много зябликовыхъ гнѣздъ.

Между такими расходящимися вѣтвями птица устраиваетъ свое гнѣздо, дѣлая это совершенно оригинальнымъ образомъ. Главный матеріалъ гнѣзда состоитъ изъ шерсти, которая сливается до того, что образуетъ родъ рыхлаго войлока, въ который вплетаются нѣжныя мхи, паутина, пухъ, хлопчатая бумага и лишаи. Послѣдніе укрѣплены очень искусно на наружной части гнѣзда и вполнѣ придаютъ ему видъ естественнаго нароста на деревѣ.

Это красивое гнѣздо обыкновенно бываетъ очень глубоко сравнительно съ его шириною и выкладывается волосами, расположенными въ чрезвычайномъ порядкѣ, такъ что оно образуетъ чашечку для яицъ. Коровья шерсть употребляется въ большомъ количествѣ зябликомъ и его можно видѣть собирающимъ свой запасъ на поляхъ, гдѣ пасутся коровы. Онъ не выдергиваетъ ихъ прямо изъ тѣла животныхъ, но отыскиваетъ на деревьяхъ и столбахъ, о которые обыкновенно трется скотина. По большей части птичка успѣваетъ находить по одному волоску за разъ; но если ей посчастливится найдти цѣлый пучекъ, то она разбираетъ его и вдѣлываетъ въ гнѣздо по частямъ для того, чтобы не нарушить однообразія въ строеніи гнѣзда. Лошадиная шерсть также употребляется зябликомъ въ значительномъ количествѣ, равно какъ и шерсть другихъ животныхъ. Впрочемъ, какъ уже сказано, въ большинствѣ гнѣздъ преобладаетъ коровья шерсть.

Гнѣздо бываетъ очень крѣпко и благодаря свойству матеріаловъ очень упруго, такъ что принимаетъ свою прежнюю форму послѣ сильнаго сжатія.

Гнѣздо щегленка весьма сходно съ гнѣздомъ зяблика. Что касается красоты, то ни которое изъ нимъ не уступаетъ другому, такъ какъ матеріалы ихъ одвѣ и тѣ же и способъ постройки такъ же почти одинаковъ. Впрочемъ гнѣздо щегленка меньше гнѣзда зяблика, а лишаи и мохъ, изъ которыхъ они отчасти состоятъ, не укрѣплены снаружи, но такъ глубоко вплетены въ стѣнки, что поверхность гнѣзда совершенно гладка.

Мѣстоположеніе двухъ гнѣздъ, однако, совершенно различно. Вмѣсто того, чтобы выбирать развѣтвленіе сучьевъ, щегленокъ любитъ устраивать свое гнѣздо близъ оконечности горизонтальной вѣтви, такъ что оно, когда дуетъ вѣтеръ, качается и подпрыгиваетъ вмѣстѣ съ вѣтвью. Можно подумать, что яйцамъ легко выпасть при сильномъ вѣтрѣ, что дѣйствительно и случалось бы, если бы они не были удерживаемы въ гнѣздѣ его особою формою. Если изслѣдовать одинъ изъ лучшихъ экземпляровъ, то можно замѣтить, что края его нѣсколько утолщены и слегка загнуты внутрь, такъ что когда гнѣздо наклоняется въ сторону при качаньи вѣтки, то яйца все таки удерживаются внутри.

Внутренняя выкладка гнѣзда щегленка не похожа на ту, какая дѣлается въ гнѣздѣ зяблика. Послѣдній употребляетъ по преимуществу волосы, между тѣмъ какъ первый пользуется въ большомъ количествѣ различнымъ пухомъ, какой можно найдти

Библиотека "Руниверс"

на ивѣ, бѣлокопытникѣ и другихъ растеніяхъ. Подобно другимъ птицамъ, щегленокъ избѣгаетъ лишнихъ трудовъ, и если можно найдти валяющійся клокъ бумажнаго хлопка, то относитъ его и вдѣлываетъ въ гнѣздо. Овечья шерсть также идетъ для этой цѣли, но птица ничего такъ не любитъ, какъ пухъ и употребляетъ его предпочтительно предъ всѣми другими матеріалами. На этомъ мягкомъ ложѣ покоятся пять красивыхъ яицъ, бѣлыхъ съ синимъ оттѣнкомъ, испещренныхъ сѣровато-красными пятнами. Тамъ и сямъ видна небольшая полоска; но круглыя пятна составляютъ общее правило, а полоски лишь исключеніе.

Вообще очень трудно найдти болѣе красивую группу, какъ пара щеглятъ, вмѣстѣ съ гнѣздомъ и яйцами.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Государь Императоръ изволилъ благополучно прибыть 8-го сентября, въ 8 час. утра, въ Ливадію

Дѣйствія правительства.

— Государь Императоръ, по положенію Комитета Министровъ, 23-го августа сего года, Высочайше разрѣшить соизволилъ: предоставить обществу Поти-Тифлисской желѣзной дороги сооруженіе Кутаисской вѣтви.

Народное просвѣщеніе.

— Въ Новозыбковѣ открыто шестиклассное реальное училищъ съ основнымъ и коммерческимъ отдѣленіями, и съ тремя отдѣленіями въ высшемъ дополнительномъ классѣ. Въ настоящемъ учебномъ году будутъ открыты только 3 первые класса.

— 2-го сентября открыто въ Казани реальное училище. для поступленія въ которое подано было 135 прошеній; принято въ I классъ 56, во II—36 и въ III—17 человѣкъ, всего 109.

— Въ с. Середѣ, Волоколамскаго уѣзда, Московской губерніи, открыто 3-го минувшаго августа двухклассное начальное народное училище Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ с. Ольховатой, Балтскаго уѣзда, Подольской губерніи, открыто 13-го минувшаго августа одноклассное начальное народное училище Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Военное и морское дѣло.

— Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ" напечатанъ слѣдующій переводъ письма Худояръ-хана къ Туркестанскому генералъ-губернатору, отъ 6-го Роджеба 1292 г. (26-го іюля 1875 г.):

«Въ послѣднемъ письмѣ моемъ, я имѣлъ честь увѣдомить ваше высокопревосходительство о затруднительномъ положеніи моемъ, вслѣдствіе измѣны главныхъ сановниковъ ханства.

«22-го іюля, я рѣшился выступить изъ столицы и ожидать мятежниковъ, приближавшихся къ Кокану, въ полѣ.

«Дорогіе гости мои, г. Вейнбергъ и полковникъ Скобелевъ, а также и Мирза-Хакимъ-Перваначи, выѣхали вмѣстѣ со мной и, несмотря на нѣсколько разъ повторявшееся преслѣдованіе бунтовщиковъ и перестрѣлку, не отставали отъ меня. На подобный поступокъ способны лишь русскіе; когда мои собственные приближенные измѣняли и бѣжали, они стойко слѣдовали за мной, и не будь ихъ. быть можетъ, я не добрался бы до русской границы.

„Офицеровъ этихъ прислала мнѣ судьба, и я никогда не забуду услуги этой. оказанной мнѣ русскими людьми.

«Въ настоящее время, добравшись до Ходжента, мы проживаемъ здѣсь въ полномъ спокойствіи и благополучіи, подъ могущественнымъ покровительствомъ Великаго Бѣлаго Царя.

„Имѣю полную надежду, что вы, старый другъ нашъ, не откажете намъ въ это время въ вашей помощи.

«Богъ милостивъ! И скоро устроитъ наше свиданіе.

«Ханство кокаиское и я самъ—находимся въ вашихъ рукахъ и власти».

— Въ Николаевѣ въ непродолжительномъ времени будетъ спущена на воду, какъ сообщается въ «Одесскомъ Вѣстникѣ", вновь построенная «поповка». Спускъ этого судна назначенъ въ концѣ сентября. въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала.

Торговля и промышленность.

— Торговый флотъ Финляндіи состоитъ въ настоящее время изъ 1,842 парусныхъ судовъ въ 141,598 ластъ и 172 пароходовъ, всего въ 4,900 лошадиныхъ силъ, и увеличеніе числа судовъ, сравнительно съ 1874 годомъ, простирается до 129 парусныхъ судовъ въ 8,797 ластъ и 28 пароходовъ въ 500 силъ.

— Въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" пишутъ, что въ теченіе всего истекшаго лѣта пароходство по рѣкѣ Камѣ много терпѣло отъ мелководія. Не было почти ни одного парохода изъ дѣлающихъ рейсы между Нижнимъ-Новгородомъ и Пермью, который не посидѣлъ бы на мели. Вслѣдствіе чего пароходы запаздывали, курсы ихъ перепутались и заблаговременно составленныя росписанія не выполнялись.

Путешествія.

— Извѣстный изслѣдователь Средней Азіи, Л. Ѳ. Костенко, предпринялъ путешествіе съ ученою цѣлью по Сѣверной Африкѣ. Изъ Алжира г. Костенко направился въ настоящее время въ Сахару, а по возвращеніи оттуда, думаетъ посѣтить Тунисъ. Г. Костенко снабженъ рекомендательными письмами къ тунисскому бею, его верховному визирю и военному министру отъ извѣстнаго путешественника во внутренней Африкѣ, Густава Нахтигаля, долгое время состоявшаго врачемъ при тунисскомъ беѣ. При содѣйствіи бея, г. Костенко надѣется осмотрѣть и другія мусульманскія владѣнія въ Сѣверной Африкѣ. Къ сожалѣнію, время года мало благопріятствуетъ путешественнику, особенно страшные африканскіе жары дурно вліяютъ на его организмъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Управляющій морскимъ министерствомъ, генералъ-адъютантъ Николай Карловичъ Краббе (съ портретомъ).—Борьба южно-славянскихъ дѣвушекъ съ преслѣдующими ихъ турками (съ рисункомъ). —Кто выигралъ?.. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха (продолженіе).—Могила безъ цвѣтовъ (съ рисункомъ). — Ньютонъ былъ великій человѣкъ (изъ американской жизни).—Дѣтскіе годы. Стихотвореніе Кн. Щ—ва. Герцеговина и Боснія (съ картою).—Первыя непріятности (съ рисункомъ).—Древность земли.—Политическое обозрѣніе —Смѣсь. — Разныя извѣстія.

За Редактора
Издатель А. Ф. Марксъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
АНТОНА ЗИНГЕРЪ,
№ 12, Невскій проспектъ, № 12, напротивъ Малой Морской,
имѣетъ честь довести до свѣдѣнія лицъ, желающихъ пріобрѣсти наиболѣе удобнымъ путемъ
БИЛЕТЫ 5% ВЫИГРЫШНЫХЪ ЗАЙМОВЪ,
что продаетъ таковые, попрежнему,
СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖА ПО 10 РУБЛЕЙ И БОЛѢЕ ВЪ МѢСЯЦЪ,
причемъ могущій упасть, со времени полученія конторой задатка, на купленный билетъ выигрышъ принадлежитъ покупателю. Издавна уже контора высказывала мнѣніе, что билетамъ выигрышныхъ займовъ предстоитъ постепенное повышеніе цѣны, по той простой причинѣ, что этихъ билетовъ становится въ обращеніи все менѣе и менѣе, и дѣйствительно, хотя биржевой спекуляціи и удавалось отъ времени до времени понижать курсъ билетовъ, цѣны ихъ всякій разъ все скоро опять поднимались, вслѣдствіе все болѣе и болѣе увеличивающагося спроса на нихъ. На этомъ основаніи должно заключить, что этой, единственной въ Россіи, выигрышной бумагѣ предстоитъ блистательная будущность и что, несмотря на мгновенныя колебанія цѣнъ ей на биржѣ, каждому желающему запастись выигрышными билетами выгодно и удобно воспользоваться предлагаемымъ конторою, легко доступнымъ способомъ пріобрѣтенія. Порученія изъ провинціи исполняются безотлагательно.

ГГ. ПРІѢЗЖАЮЩИМЪ въ С.-Петербургъ, желающимъ жить дешево, тихо и спокойно, рекомендуются комнаты съ двумя швейцарами, прислугою и бѣльемъ отъ 60 к., до 2 р. въ сутки, по подъѣзду съ Гороховой, на углу Большой Морской, въ домѣ Штрауха, квар. № 26.

Учебное заведеніе 1-го разряда
съ полнымъ курсомъ **Классической гимназіи**
содержимое Э. РЕПМАНОМЪ въ Москвѣ.
Помѣщается, на Гончарной ул., близь Яузскаго моста въ д. Степановой.
Пріемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа. 10—8

Изданія А. Ф. МАРКСА.
для гг. подписчиковъ „НИВЫ" продаются съ слѣдующею скидкою:
Москва и Тверь, истор. пов., Кельсіева Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
При Петрѣ, истор. пов., Кельсіева и Клюшникова. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подписч. 1 р.
Въ камышахъ. Повѣсть Каразина. Ц. съ перес. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
Богъ въ помощь, романъ Вернера. Ц. съ перес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.
Вторая жена, романъ Марлитта. Ц. съ пер. 2 р., для подписч. 1 р. 30 к.

При этомъ № для Гг. иногор. подписчиковъ прилагаются объявленія изъ торговой конторы Федора Васильевича Аплаксина.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 10 Сентября 1875 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морская, № 9. Тип. Вольфа, Адм. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 39 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 28 Сентября 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА" на 1875 годъ.

Лейбъ-Медикъ Его Императорскаго Величества, Професоръ Сергѣй Петровичъ Боткинъ.

Въ ряду славныхъ именъ, составляющихъ гордость русской науки и пользующихся заслуженной общеевропейской извѣстностію, одно изъ самыхъ почетныхъ есть безспорно имя нашего знаменитаго профессора Боткина, портретъ котораго помѣщается въ настоящемъ номерѣ «Нивы». Это не имя кабинетнаго ученаго, знакомаго только его собратамъ по спеціальности; это имя человѣка, неутомимо и съ блестящимъ успѣхомъ трудящагося для блага своихъ современниковъ и всего страждущаго человѣчества. Благодаря своей обширной и успѣшной практикѣ, онъ, подобно своему великому учителю Пирогову, успѣлъ уже стать чуть ли не народнымъ героемъ, слава котораго переносится стоустною молвою въ самые отдаленные закоулки нашего обширнаго отечества; особенно послѣ того, какъ 3 года тому назадъ его искусство увѣнчалось столь счастливыми результатами при пользованіи имъ Государыни Императрицы въ Крыму и выздоровленіемъ отъ тяжкой болѣзни августѣйшаго сына Ея — Наслѣдника Цесаревича. Наши читатели, надѣемся, не безъ удовольствія прочтутъ краткое жизнеописаніе этого даровитаго профессора, имя котораго связано съ такимъ пріятнымъ для каждаго русскаго сердца воспоминаніемъ, тѣмъ болѣе, что между нашими читателями можетъ быть найдутся многіе, обязанные Боткину возвращеніемъ своего здоровья или облегченіемъ страданія своихъ ближайшихъ родныхъ и друзей. Но научная и общественная дѣятельность подобныхъ Боткину людей не ограничивается только своимъ благотворнымъ вліяніемъ на уменьшеніе страданія въ непосредственно окружающей ихъ средѣ. Врачебная наука несмотря на то, что она столь же древняя, какъ и само страждущее человѣчество, въ сущ-

Лейбъ-Медикъ Е. И. Вел. Профессоръ Сергѣй Петровичъ Боткинъ.
Рис. Бокуръ, грав. Шапонъ.

Библиотека "Руниверс"

ности только недавно вышла изъ своихъ дѣтскихъ пеленокъ. Составляя до настоящаго столѣтія одинъ лишь сборъ всевозможныхъ эмпирическихъ, безъ всякой научной подкладки правилъ леченія, медицина едва ли и заслуживала названія науки, такъ что недовѣріе, съ которымъ общество къ ней прежде относилось, да и теперь еще относится, имѣло отчасти свои законныя причины. И если исторія медицины и между прошлыми адептами ея насчитываетъ не мало громкихъ именъ дѣйствительныхъ людей науки, посвятившихъ ей свои труды, то это только потому, что запросъ со стороны обремененнаго всякими недугами человѣчества на эту отрасль знанія сильнѣе, чѣмъ на всякую другую. Да иначе это и не могло быть. Истинная медицина можетъ опираться только на глубокое и всестороннее знаніе физической природы человѣка и окружающаго его міра, и пока естественныя науки вообще, а физіологія въ особенности не достигли того развитія, которое онѣ получили въ новѣйшее время, о раціональной медицинѣ не могло быть и рѣчи. Только съ легкой руки Вирхова, этого Гипократа новѣйшихъ временъ, въ Европѣ появился цѣлый рядъ ученыхъ, поставившихъ себѣ задачей—примѣнить экспериментальный методъ, господствующій теперь во всѣхъ прочихъ отрасляхъ естествознанія, къ познаванію болѣзней и ихъ леченію, и блестящіе результаты, добытые уже въ этомъ направленіи, обѣщаютъ великую будущность той наукѣ, конечная цѣль которой есть избавленіе нашей породы отъ тяготѣющихъ надъ ней вѣковыхъ недуговъ. Русская наука не осталась, конечно, чуждой этого благотворнаго движенія, и дѣятельность, которой ознаменовалъ себя въ этомъ направленіи Боткинъ, какъ медицинскій писатель и какъ воспитатель будущихъ врачей, обезпечиваетъ за нимъ полное право на признательность грядущихъ поколѣній.

Сергѣй Петровичъ Боткинъ родился въ 1832 году въ Москвѣ, куда дѣдъ его, занимавшійся чайной торговлей, незадолго передъ тѣмъ переѣхалъ изъ Пскова. По окончаніи курса въ пансіонѣ Энеса, Боткинъ вступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета. Замѣчательно, что въ выборѣ этой дѣятельности, доставившей ему впослѣдствіи такую громкую славу, юноша—Боткинъ руководствовался не призваніемъ, а простою случайностію. Дѣло въ томъ, что сначала онъ думалъ было посвятить себя изученію математики и только временное закрытіе всѣхъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго, опредѣлило его будущую дорогу. Можетъ быть, что математическія способности, которыя онъ чувствовалъ въ себѣ тогда, примѣненныя имъ потомъ къ изученію естественныхъ наукъ, и были причиною достигнутыхъ имъ блестящихъ результатовъ. Университетскіе годы не могли не оставить въ его душѣ самыхъ отрадныхъ воспоминаній: всѣ свободные отъ занятія часы онъ проводилъ въ литературныхъ кружкахъ сороковыхъ годовъ, во главѣ которыхъ стояли Грановскій и Бѣлинскій, съ которыми познакомилъ его старшій братъ его Василій Петровичъ Боткинъ, авторъ «писемъ изъ Испаніи».

Окончивъ въ 1855 году университетъ съ званіемъ доктора медицины, Сергѣй Петровичъ, по предложенію великой княгини Елены Павловны, былъ отправленъ въ числѣ другихъ врачей въ крымскую войну, въ Бахчисарайскій лазаретъ, состоявшій подъ вѣденіемъ нашего знаменитаго хирурга Пирогова. Первые шаги на поприщѣ практической дѣятельности, сдѣланные Боткинымъ подъ руководствомъ такого наставника, какъ Пироговъ, и при такомъ еще богатомъ для клиническихъ наблюденій матеріалѣ, какой представили собою многочисленныя жертвы крымской войны, не могли конечно не оказывать своего вліянія на дальнѣйшую судьбу нашего ученаго.

Вскорѣ по возвращеніи въ Москву Сергѣй Петровичъ поставленъ былъ въ возможность предпринять давнозадуманную имъ поѣздку за границу для усовершенствованія. Главнымъ образомъ привлекли его къ себѣ Берлинъ, гдѣ онъ посѣщалъ лекціи Вирхова и извѣстнаго клинициста Траубе, а затѣмъ и Парижъ, гдѣ онъ работалъ въ кабинетѣ знаменитаго физіолога Клодъ-Бернара. Вернувшись въ 1860 году послѣ долгихъ и успѣшныхъ трудовъ изъ-за границы вмѣстѣ съ другою знаменитостью нашего ученаго міра—Сѣченовымъ, онъ былъ приглашенъ въ Медико-Хирургическую Академію, сначала въ качествѣ адъюнктъ-профессора терапевтической клиники профессора Шипулинскаго, а черезъ годъ, по выходѣ послѣдняго, онъ былъ избранъ на его мѣсто профессоромъ, завѣдывающимъ клиникою четвертаго курса, и затѣмъ совѣщательнымъ членомъ военно-медицинскаго комитета и медицинскаго совѣта. Обширная эрудиція вмѣстѣ съ глубокими познаніями по діагностики и леченію болѣзненныхъ процессовъ, совершенный способъ клиническаго преподаванія и въ высшей степени гуманное отношеніе къ своимъ паціентамъ, скоро сдѣлали имя его извѣстнымъ, какъ профессора и какъ опытнаго практическаго врача. Съ самыхъ отдаленныхъ концовъ Россіи стали къ нему стекаться больные за совѣтами; бѣдныхъ онъ не только лечилъ безвозмездно, но часто отпускалъ имъ и лекарства на свой счетъ, и безчисленные случаи излеченія самыхъ тяжелыхъ и упорныхъ недуговъ, которымъ онъ многихъ страдальцевъ возвратилъ къ жизни и дѣятельности, блистательно оправдали довѣрія къ нему массы.

Эта обширная практика нисколько не помѣшала однакожь его научной дѣятельности. Изъ многочисленныхъ работъ его по разнымъ отраслямъ медицинскаго знанія, напечатанныхъ имъ какъ въ русскихъ, такъ и въ заграничныхъ медицинскихъ изданіяхъ, особенно обезсмертилъ его имя его «Курсъ клиники внутреннихъ болѣзней, переведенный вслѣдъ за своимъ появленіемъ въ свѣтъ на нѣмецкій и французскій языки, и составляющій весьма крупное явленіе въ медицинской литературѣ. Въ тоже время изъ его кабинета стали выходить самостоятельныя работы русскихъ молодыхъ врачей, его учениковъ, которыя издаются еще и понынѣ отдѣльными сборниками подъ именемъ «Архива клиники внутреннихъ болѣзней профессора Боткина», составляющіе какъ бы продолженіе его «курса». Сама клиника- какъ разсадникъ множества практическихъ врачей, получила отъ него весьма существенныя преобразованія. Ставъ во главѣ клиники, Боткинъ учредилъ при ней образцовую лабораторію и пріемную для приходящихъ больныхъ—учрежденія ни въ чемъ не уступающія тѣмъ прототипамъ, съ которыхъ они были взяты и задуманы Боткинымъ во время его пребыванія за границей. Изъ школы профессора вышла уже цѣлая фаланга даровитыхъ и извѣстныхъ врачей, съ заслуженнымъ успѣхомъ подвизающихся на поприщѣ ученой и практической медицины.

Сергѣю Петровичу обязано своимъ процвѣтаніемъ еще одно, хотя не столь извѣстное, но тѣмъ не менѣе весьма полезное учрежденіе, — какъ больница и какъ разсадникъ свѣдущихъ фельдшерицъ. Мы говоримъ объ общинѣ сестеръ милосердія св. Георгія, находящейся подъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы. Основанная въ 1870 году въ весьма скромныхъ размѣрахъ, дѣятельность общины стала быстро расширяться, когда Сергѣй Петровичъ взялъ на себя въ слѣдующемъ году завѣдываніе медицинской частію. Имя Боткина привлекло туда значительныя медицинскія силы Петербурга, такъ что практикующій и учебный персоналъ общины состоитъ теперь болѣе, чѣмъ изъ 30 медиковъ. Программа преподаванія тамъ гораздо обширнѣе, чѣмъ въ соотвѣтственныхъ учебныхъ заведеніяхъ и самъ Боткинъ читаетъ тамъ разъ въ недѣлю.

Въ 1870 году Боткинъ былъ назначенъ лейбъ-медикомъ Государыни Императрицы, а въ слѣдующемъ году, какъ выраженіе особенной милости къ нему Государя за успѣшное излеченіе Императрицы, пожалована была ему Владимірская звѣзда безъ соблюденія обычныхъ традицій и съ обходомъ цѣлаго ряда низшихъ степеней наградъ.

Заслуги Боткина передъ русскимъ обществомъ и наукой вполнѣ заслужили ему честь, которая и была оказана ему нашею Академіею наукъ, избравшею его въ число своихъ членовъ.

Кто выигралъ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

Отъ испуга, неожиданности Вертера передернуло, но его согбенная фигура почти сейчасъ-же выпрямилась, пріобрѣла даже осанку: казалось, струя юношеской горячей крови опять пронеслась въ его жилахъ, вылетѣвъ изъ сердца... Что-жъ, вѣдь если то, что написано въ письмѣ—правда... тогда... ну, тогда баронъ этотъ величайшій негодяй, такой негодяй, какого еще и не приводилось видѣть профессору!..

Вертеръ не поклонился Зельдитцу: онъ не могъ ему поклониться—притворяться было не въ его натурѣ.

— Удѣлите мнѣ нѣсколько минутъ, баронъ, проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— О, съ большимъ удовольствіемъ, отвѣтилъ Зельдитцъ все еще непринужденно-развязнымъ тономъ и подошелъ къ нему.

— Вотъ, прошу васъ прочесть это письмо...

Старикъ дрожащей рукой вынулъ листокъ и подалъ его барону.

— Нѣтъ... нѣтъ! Читайте сейчасъ-же!.. Здѣсь-же!

Библиотека "Руниверс"

Улыбка замѣшательства скользнула по лицу Зельдитца, когда онъ глазами пробѣжалъ письмо.

— Отвѣчайте-же мнѣ теперь!

Профессоръ съ трудомъ выговаривалъ слова.

— Хорошо... но... не сейчасъ... пожалуста... не тутъ, отвѣтилъ баронъ.

— Нѣтъ, именно тутъ! Вотъ при ней, при Эльзѣ!.. Посмотрю я, хватитъ-ли у васъ духу отпереться!..

Зельдитцъ горделиво откинулъ голову... Прескверная, премучительная была эта минутка для него!... Но онъ ужъ навострился въ подобныхъ случаяхъ, онъ зналъ, что отъ такихъ непріятностей можно отдѣлываться одной внѣшней игрой—напримѣръ, держать себя особенно высокомѣрно, гордо...

— Александръ! Что́ случилось?! воскликнула Эльза испуганнымъ голосомъ.

Но баронъ не обратилъ вниманія на этотъ вопросъ.

— Отпереться? повторилъ онъ запосчиво. Нѣтъ, у меня обыкновеніе никогда не отпираться отъ того, что́ разъ мною сдѣлано...

— Значитъ, письмо говоритъ правду? крикнулъ Вертеръ.

— Разумѣется. Это была—шутка... Шутка подъ вліяніемъ веселой минуты, проговорилъ Зельдитцъ однако, не безъ замѣшательства...

— Шу-тка?!... Нѣтъ, это—м-мерзость! вспылилъ профессоръ въ полнѣйшемъ негодованіи.

— Господинъ профессоръ! Если-бы вы не были мѣщаниномъ, я-бы потребовалъ отъ васъ удовлетворенія...

— Я... я самъ требую удовлетворенія! запальчиво хватилъ Вертеръ. Моя рука еще достаточно сильна, чтобы постоять за честь моей племянницы!..

— Боже всемогущій!... Дядя!.. Да что-жъ такое случилось? воскликнула Эльза. Александръ, говори—ты!

— Не называй по имени этого недостойнаго человѣка! подхватилъ профессоръ. Слушай: онъ игралъ только съ тобой, онъ обручился съ тобой—ради пари!... Не любитъ онъ тебя, да никогда и не думалъ жениться на тебѣ... потому... потому, что ты—не больше, не меньше—мѣщанка!...

Лицо Эльзы какъ-бы окаменѣло и до того поблѣднѣло, что въ немъ, казалось, кровинки не было... Но она устремила твердый взглядъ на Зельдитца, и баронъ, не смотря на все свое высокомѣріе, не могъ вынести этого взгляда.

— Отвѣчай мнѣ! проговорила она.

Въ первый разъ въ жизни Зельдитцъ почувствовалъ, понялъ, сколько власти можетъ быть у оскорбленнаго невиннаго существа... Тутъ ужъ не могъ онъ отвѣтить, по своему обыкновенію, легкомысленно, отдѣлаться отъ всего, напримѣръ, улыбочкой...

— Извини, началъ онъ смутившись, съ запинкой:— я не взвѣсилъ... не разсчиталъ, что шутка... Ктому-же обстоятельства вынуждаютъ меня... Я не могу...

Эльза вздрогнула... Она прижала руку къ сердцу и пошатнулась... Зельдитцъ бросился къ ней, чтобы поддержать ее, но дѣвушка оправилась, собрала всѣ силы, выпрямилась и—пошла по дорожкѣ, бросивъ въ лицо ему на прощаньи взглядъ, преисполненный гордаго презрѣнія.

— Эльза! Я отмщу за тебя негодяю!.. Палку!.. Палку мнѣ!! завопилъ профессоръ, уже будучи не въ состояніи болѣе сдержать гнѣва. Онъ вертѣлся, оглядываясь и ища палки или чего нибудь въ родѣ этого, вовсе не думая о томъ, что баронъ въ десять разъ сильнѣе его. Старикъ чувствовалъ только одно, что честь женщины оскорблена, опозорена, и что ему слѣдуетъ отмстить за это оскорбителю.

Баронъ поспѣшно удалился изъ сада, удалился съ сознаніемъ, что умнѣе этого онъ ничего не могъ-бы сдѣлать въ данномъ случаѣ. Чувство негодованія кипѣло въ немъ и на профессора, и на того, кто написалъ письмо... Зельдитцъ думалъ, что Платэнъ, Виндгофъ, Пальмъ или Кронахъ разболтали о пари, и съ языка его сорвалось: „Подлецы!“ А то, что́ онъ самъ поступилъ *безчестно*— это и въ голову ему не приходило.

—

Эльза могла дойти только до бесѣдки. Войдя въ нее, она въ изнеможеніи опустилась на скамью. Тутъ и нашелъ профессоръ свою племянницу. Она сидѣла неподвижно, закрывъ лицо руками.. Старикъ зналъ, ка̀къ искренно—горячо любила дѣвушка барона... Въ состояніи-ли будетъ она перенести такой ударъ?...

Вертеръ приблизился къ ней и, положивъ руку на ея плечо, проговорилъ мягкимъ, просящимъ голосомъ:

— Успокойся, дитя мое!.. Вѣдь сердце твое забудетъ объ *этой* любви...

Эльза медленно опустила руки на колѣни. Глаза ея были сухи, ни одной слезинки не было въ нихъ, и они смотрѣли куда-то упорно, неподвижно...

— Забыть, что я его любила... забыть сердцу объ этой любви, произнесла она съ разстановкой, какъ будто эти слова издалека доносились до ея слуха... Нѣтъ, не забыть мнѣ этого! вдругъ порывисто—страстно воскликнула дѣвушка. Я его ужъ больше не люблю! Ненавижу его!... Онъ гнусно-преступно игралъ моимъ сердцемъ... Нѣтъ, ни на часъ, ни на минуту не забуду я этого! Вѣчно буду помнить!... Честь моя будетъ спасена и отмщена... О, зачѣмъ я... не мужчина?.. Я-бы поставила тогда его передъ собой!.. И неужели-же ему безнаказанно это пройдетъ?... Я не могу... не могу вынести такого позора!... Зачѣмъ... за что́ мнѣ... мнѣ надѣлалъ онъ столько зла?!...

И она, почти безъ чувствъ, упала на скамью.

— Эльза... Милочка! Дитя мое!..

Почтенный ученый засуетился, желая чѣмъ нибудь помочь ей и рѣшительно не зная, что́ тутъ дѣлать... хотѣлъ было онъ сбѣгать за женой, но—какже оставить одну-то дѣвушку въ такомъ положеніи?...

— Послушай, я все... все сдѣлаю для тебя! заговорилъ онъ умоляющимъ тономъ. Ужъ я отыщу его, я вызову его на дуэль, отмщу за тебя! Слышишь, Эльза? Ну, успокойся-же, ну, выслушай меня!...

Эльза лежала съ закрытыми глазами... Прекрасное лицо ея было также прекрасно, но совершенно блѣдно. Грудь подымалась и опускалась съ какимъ-то глухимъ шумомъ... Казалось, невидимая боль готова была разорвать эту грудь...

Невыразимый страхъ обуялъ профессора: въ головѣ его мелькнула мысль—а—ну какъ она умретъ?..

— Дитя мое! Милочка! вскрикнулъ онъ и схватилъ ея руку.

Эльза испугалась, вздрогнула и—вскочила.

— Не смѣй меня трогать!—Неподвижный взглядъ ея былъ устремленъ на профессора.—Прочь, прочь!. Я тебя больше не люблю... Ненавижу тебя! О, Господи!.. Это свыше моихъ силъ!...

Разстроенное воображеніе живо представило ей того, о комъ она думала... Она не могла вынести этого, выбѣжала изъ бесѣдки, добѣжала до дому и заперлась въ своей комнатѣ.

Старикъ Вертеръ послѣдовалъ за ней. Позвавъ жену, онъ сталъ стучаться въ комнату Эльзы, но дверь не отпиралась, отвѣта не было... Онъ громко звалъ ее по имени, прислушивался... Тамъ, за дверью, была мертвая тишина...

— Она лишила себя жизни! воскликнулъ профессоръ и попытался открыть дверь силою, но силъ у него на это не хватило, а между тѣмъ отчаяніе все сильнѣе и сильнѣе охватывало его душу... Онъ не зналъ, что́ дѣлать... Но, наконецъ, благодаря посторонней помощи, дверь удалось отпереть. Едва онъ вошелъ въ комнату, какъ сейчасъ-же съ ужасомъ попятился назадъ: на ди-

Библиотека "Руниверс"

ванѣ лежала Эльза, безъ чувствъ... Опущенная рука ея крѣпко держала небольшой кинжалъ...

— Умерла... Она умерла! вскричалъ Вертеръ и, чтобы не видѣть страшной картины, закрылъ лицо руками... Профессорша кинулась къ Эльзѣ.

Но дѣвушка не умерла. Правда, она имѣла намѣреніе покончить съ собою, но силы ей измѣнили: схвативъ кинжальчикъ, она хотѣла ударить имъ въ сердце, и, вѣроятно, лишившись чувствъ, упала тутъ...

Госпожа Вертеръ осторожно вытащила изъ хорошенькой ручки опасное оружіе, нагнулась надъ бездыханной дѣвушкой, стала звать ее по имени, тереть ей лобъ и, наконецъ, смочила водой ей виски, но Эльза не шевелилась... Профессоръ бросился за докторомъ. Отъ страха ноги его помолодѣли: спустя не много времени онъ вернулся съ врачемъ, который сейчасъ-же подошелъ къ Эльзѣ, взялъ ея руку и сталъ слѣдить за слабымъ біеніемъ пульса. Окончивъ свои наблюденія, онъ выпрямился, но ничего не сказалъ, однако, лицо его довольно ясно выразило чувство опасенія...

— Что̀... не хорошо? спросилъ профессоръ.

— Положительнаго еще ничего не могу сказать, отвѣтилъ докторъ,—но опасаюсь, чтобы вслѣдствіе чрезвычайнаго нервнаго потрясенія не было съ ней сильной горячки... Пульсъ становится чаще, появляется слабый румянецъ, а сознаніе не возвращается. Полнѣйшее спокойствіе необходимо теперь для больной... Постарайтесь объ этомъ.—

Докторъ не ошибся: черезъ нѣсколько часовъ Эльза уже лежала въ сильнѣйшей горячкѣ.

На другой день, утромъ, профессоръ отправился къ барону, чтобы объявить ему о привлеченіи его къ отвѣтственности, но... барона уже не было въ М*., и никто не зналъ, куда именно онъ укатилъ. Вся эта исторія, пари Зельдитца, стала извѣстна всему городу, и всѣ страшно вознегодовали на барона, тѣмъ болѣе, что обыватели М*. знали прелестную дѣвушку, съ которой онъ сыгралъ такую преступную штуку, и имъ также было извѣстно, какъ тихо, уединенно жила она въ домѣ своего дяди.

Фрейгерръ фонъ Маннштейнъ, родной братъ матери Александра Зельдитца, жилъ въ своемъ прекрасномъ, большомъ имѣніи, которое находилось отъ столицы на разстояніи двухчасовой ѣзды. Вотъ къ этому-то *дядѣ* баронъ и уѣхалъ изъ городка М*. Онъ струсилъ, сообразивъ, что дядя можетъ узнать о содѣянной имъ штукѣ въ этомъ городкѣ, а для него было весьма важно во̀ время умаслить стараго фрейгерра, ибо онъ зналъ, какая упрямая голова сидѣла на плечахъ старика, особенно, если старикъ бывалъ чѣмъ нибудь раздраженъ.

Вся будущность Зельдитца зависѣла отъ дяди, человѣка одинокаго: дѣтей у него не было, а жену онъ давнымъ давно схоронилъ. И вотъ, если дядя отвернется отъ него — что̀ ему тогда дѣлать? Придется остаться безъ всякихъ средствъ къ жизни... Самому проложить себѣ дорогу—невозможно: знаній слишкомъ мало для этого, слишкомъ мало учился онъ, да и кромѣ того онъ не имѣлъ и понятія о томъ, что̀ значитъ жить трудомъ...

Фрейгерръ ф. Маннштейнъ, не смотря на то, что ему было шестьдесятъ съ хвостикомъ, а волосы были совершенно бѣлы, обладалъ еще замѣчательною бодростью; маленькая, но довольно щеголеватая фигурка его была жива, подвижна; лицо онъ имѣлъ красноватое, изнещренное морщинами; изъ подъ густыхъ сѣдыхъ бровей высматривала пара свѣтленькихъ, живыхъ, быстрыхъ маленькихъ глазъ. Одѣвался онъ такъ просто, что люди, незнавшіе его, при встрѣчѣ съ нимъ, навѣрно не заподозрили-бы того, какимъ огромнымъ состояніемъ владѣетъ эта маленькая особа, и ужъ, конечно, никто-бы не подумалъ, что эта-же суетливая фигурка обладаетъ твердой, непреклонной волей.

Вообще говоря — Маннштейнъ былъ чудакъ. Жилъ онъ такъ скромно, просто, какъ будто весь годовой доходъ его состоялъ только изъ нѣсколькихъ сотъ талеровъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ вовсе не былъ скупъ, истинно-нуждающійся никогда не уходилъ отъ него безъ пособія, да и племяннику своему выдавалъ онъ ежегодно довольно кругленькую сумму.

Имѣніе Маннштейна считалось образцовымъ въ хозяйственномъ отношеніи; пашни были великолѣпны, а что касается чистоты, опрятности, то этими качествами щеголяли и службы, и житницы, и хлѣва̀, такъ что видъ ихъ пріятно даже поражалъ всѣхъ. Въ огромномъ барскомъ домѣ самъ господинъ занималъ всего только двѣ комнаты: большую, убранную со всевозможною роскошью, гостиную (она служила пріемной для гостей) и сосѣднюю съ нею комнату, поменьше; въ этой послѣдней онъ собственно и жилъ, т. е. занимался, кушалъ и спалъ. Послѣ смерти жены, которую фрейгерръ горячо любилъ, онъ велѣлъ заперетъ всѣ остальныя комнаты, и ни разу еще съ тѣхъ поръ онѣ не отворялись. Впрочемъ, одна изъ нихъ стояла всегда открытою, такъ какъ была назначена для Зельдитца, на случай, если-бы ему вздумалось посѣтить дядю. Но такіе случаи бывали довольно рѣдки: избалованному барону не слишкомъ-то было по вкусу простенькое житьё-бытьё въ домѣ своего родственника.

На конюшнѣ у „маленькаго фрейгерра" (такъ обыкновенно называли Маннштейна всѣ знавшіе его) стояло нѣсколько верховыхъ лошадей, а въ сараѣ помѣщался весьма красивый экипажъ, которымъ онъ, однако, пользовался не болѣе четырехъ разъ въ годъ. Съ заложенными на спину руками (въ одной изъ нихъ всегда была палка) обходилъ онъ свои владѣнія, осматривалъ поля, и ничто не ускользало отъ его зоркаго глаза.

Не мало былъ удивленъ „маленькій фрейгерръ" неожиданнымъ появленіемъ Зельдитца. Принялъ онъ его ласково, даже тепло-радушно, потому что Зельдитцъ былъ ближайшимъ его родственникомъ и единственнымъ ребенкомъ его сестры. Онъ любилъ племянника, хотя и не имѣлъ обыкновенія высказывать этого; старикъ не одинъ уже разъ прощалъ молодому барону сумасбродныя его выходки... Въ завѣщаніи своемъ онъ назначилъ Зельдитца единственнымъ наслѣдникомъ имѣнія и всего своего имущества.

— Ну, откуда это ты? спросилъ фрейгерръ, поздоровавшись съ племянникомъ и усаживаясь съ нимъ на верандѣ (дверь изъ спальни старика вела прямо на эту веранду).

— Я, дядя, изъ М*., отвѣтилъ Зельдитцъ весело и ни мало не смутившись.

— Что̀?.. Не бось не выдержалъ тамъ—надоѣло?...

Маленькіе глаза фрейгерра украдкой слѣдили за выраженіемъ лица племянника.

— О, нѣтъ... Совсѣмъ не потому. Ты вѣдь желаешь, чтобы я жилъ вообще попроще.. Ну, развѣ жизнь моя не будетъ проста̀, если я заживу у тебя?... Въ М*. у меня очень мало знакомыхъ... и я ужъ предпочитаю лучше поселиться на нѣкоторое время здѣсь... разумѣется, если это будетъ тебѣ пріятно?...

— Ты знаешь — твоя комната всегда къ услугамъ твоимъ, отвѣтилъ Маннштейнъ,— но боюсь я только, что *тутъ-то* тебѣ еще меньше понравится, чѣмъ въ городкѣ М*. Мой образъ жизни тебѣ извѣстенъ; я привыкъ жить такъ, какъ живу, ну, и ужъ слишкомъ старъ, чтобы измѣнять своимъ привычкамъ... Прежде, бывало, ты гостилъ здѣсь всего-то какихъ нибудь пять—шесть дней, ну, и теперь, конечно, будетъ тоже!...

— Но, дядя, человѣкъ перемѣняется! воскликнулъ Зельдитцъ смѣясь. Нѣтъ, кромѣ шутокъ, теперь я даже частенько чувствую поползновеніе зажить тихою

Библиотека "Руниверс"

«Шахъ королевѣ». Картина Мейссонье, фотографировалъ на деревѣ и рѣзалъ Сташковскій.

Библиотека "Руниверс"

жизнью... Но такая жизнь въ резиденціи для меня невозможна: тамъ слишкомъ много друзей-пріятелей, тамъ отъ одного удовольствія невольно летишь къ другому!.. Да, наконецъ, ужъ и самъ я становлюсь старѣе!..

„Маленькій фрейгерръ" все еще не вѣрилъ племяннику... Что-то ужъ слишкомъ скоропостижно *перемѣнился человѣкъ*!... И неужели перемѣна эта произошла такъ себѣ... безъ толчка извнѣ?... Старикъ понималъ людей, онъ хорошо зналъ ихъ, гораздо лучше даже чѣмъ многіе предполагали. И вотъ захотѣлось ему попытать племянника, но сдѣлать это такъ, чтобы тотъ и не замѣтилъ этого... „Маленькій фрейгерръ" полагалъ, что у него на сей конецъ есть наивѣрнѣйшее средство. Давно уже хотѣлъ онъ женить племянника, такъ какъ надѣялся, что брачныя узы повліяютъ на него благотворно...

Манштейнъ кликнулъ слугу и велѣлъ ему принести вина.

— Что-жъ, меня радуетъ, что ты, наконецъ, убѣждаешься, сознаешь, что жизнь, какую ты велъ до сихъ поръ, не можетъ продолжаться, заговорилъ онъ съ улыбкой. Я многое тебѣ прощалъ, извиняя все твоею молодостью, но теперь сваливать все на молодость—ужъ нельзя; такое оправданіе не имѣетъ ужъ значенія: ты находишься въ томъ возрастѣ, когда другіе давно уже собственными усиліями пріобрѣли себѣ положеніе въ свѣтѣ... Да, а ты и не подумалъ до сихъ поръ объ этомъ!...

— Когда я былъ офицеромъ—ты самъ-же, дядя, соглашался съ тѣмъ, чтобы я вышелъ въ отставку, замѣтилъ Зельдитцъ, которому не очень-то пришлись по вкусу слова дяди, ибо въ нихъ звучалъ упрекъ.

— Да, Александръ, но въ то время у насъ на этотъ счетъ былъ откровенный разговоръ..- Помнишь? возразилъ Манштейнъ. И было-бы просто безумно, если-бы мы теперь стали самихъ-же себя обманывать!.. Я соглашался *тогда* потому, что у меня были опасенія: рано-ли поздно-ли тебѣ, думалъ я, *дадутъ* отставку...

— Дядя!...

— Да, повторяю, я боялся этого, и не безъ основанія... Но это уже прошло, а я не люблю вспоминать стараго. Человѣкъ долженъ устремлять свои взоры не назадъ, а впередъ, такъ какъ цѣль—всегда впереди, ну, а въ виду того, что теперь тебѣ хочется болѣе покойной жизни, ты, можетъ быть, наконецъ, охотнѣе согласишься исполнить мое давнишнее желаніе, желаніе—чтобы ты женился?...

— Почему-жъ и не жениться, проговорилъ Зельдитцъ, если-бы нашлась только дѣвушка, которая соотвѣтствовала-бы моимъ желаніямъ...

— Ну, конечно, конечно! подхватилъ „маленькій фрейгерръ", полагая, что изъ отвѣта племянника можно заключить, что онъ и въ самомъ дѣлѣ не прочь начать новую жизнь.—Послушай, я вѣдь не требую, чтобы ты женился не по любви: нѣтъ, дѣвушка должна тебѣ во всѣхъ отношеніяхъ нравиться, не иначе! Она должна и по званію стоять не ниже тебя... Оглянись-ка: вѣдь этотъ домъ достаточно великъ для того, чтобы ты могъ поселиться здѣсь съ женой, если даже я и оставлю за собой свою скромненькую комнату?.. Разумѣется, не хотѣлось-бы мнѣ разстаться съ моимъ уголкомъ, къ которому я въ теченіи многихъ лѣтъ просто, вотъ кажется,—приросъ!.. Слушай: ты знаешь дочь сосѣда моего—фонъ Мальтэна. Это—прелестная, прелюбезная дѣвушка, да и самъ Мальтэнъ человѣкъ весьма богатый...

Зельдитцъ пожалъ плечами.

— Когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ, а это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то, помнится, она была еще подросткомъ... такая длинная, худощавая... Сдѣлаться *прелестной* она, кажется, не могла-бы...

— А вотъ стала-же прелестной, хорошенькой, и даже, знаешь, весьма! живо произнесъ Манштейнъ. Года два пробыла она въ пансіонѣ и когда вернулась домой—я самъ даже не узналъ ее!...

— А-ну, въ такомъ случаѣ она, значитъ, сильно измѣнилась, замѣтилъ молодой баронъ улыбаясь.

— Да вотъ ты познакомишься съ ней—и даже завтра!

— Но, дядя, куда-жъ такъ торопиться?... Вѣдь я у тебя надолго останусь!...

— Молчи, молчи! Ужъ что я задумалъ, то люблю скоро исполнять. Мальтэнъ былъ другомъ твоего отца... Мальтэнъ охотно отдастъ тебѣ свою дочь, если тебѣ удастся овладѣть сердцемъ ея. Ему извѣстно, что ты единственный мой наслѣдникъ, слѣдовательно, относительно богатства ты ему не уступишь: у тебя будетъ даже *побольше*, чѣмъ у него...

„Маленькій фрейгерръ" самодовольно потиралъ руки; ему казалось, что давнишнее желаніе его свершится, такъ какъ онъ твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что Эмми ф. Мальтэнъ съумѣетъ плѣнить сердце его племянника.

Слугѣ пришлось принести изъ погреба еще бутылку вина. Старикъ развеселился. Такимъ веселымъ давно онъ не бывалъ. Онъ просидѣлъ съ Зельдитцомъ на верандѣ до самаго вечера.

На другой день, какъ уже было рѣшено, Манштейнъ поѣхалъ съ Зельдитцомъ къ г. ф. Мальтэну, помѣстье котораго находилось довольно близко—въ часъ можно было туда доѣхать. Молодой баронъ посмѣивался, глядя на своего дядюшку, впавшаго въ какое-то особенно-веселое настроеніе духа, но ему было пріятно это, такъ какъ онъ сообразилъ, что повидимому снова пріобрѣлъ себѣ полнѣйшую благосклонность старика. Что-же касается женитьбы, то Зельдитцъ, разумѣется, и не думалъ о ней: привольная жизнь холостяка, какую онъ велъ въ столицѣ, имѣла для него слишкомъ много обаятельнаго, заманчиваго... Онъ питалъ надежду снова окунуться въ волны знакомаго ему моря житейскаго. И развѣ барону такъ трудно было отвильнуть отъ женитьбы? Онъ могъ избрать любой путь, чтобы избѣжать брачныхъ узъ, да ктому-же затрудняться въ выборѣ средствъ, когда дѣло шло о собственныхъ выгодахъ, было у него не въ обычаѣ.

Мальтэнъ принялъ гостей наилюбезнѣйшимъ образомъ. Это былъ человѣкъ нѣсколько суроваго, но за то прямаго, честнаго характера.

— Вы дѣлаетесь все болѣе и болѣе похожими на своего отца, г. баронъ! воскликнулъ хозяинъ, протягивая руку Зельдитцу.—Я былъ весьма друженъ съ вашимъ отцомъ... Да, и если-бы, вы, вотъ, почаще навѣщали дядюшку, то, думаю, мы съ вами тоже подружились-бы!...

— Онъ обѣщалъ теперь пробыть у меня нѣсколько времени, замѣтилъ „маленькій фрейгерръ",—да вотъ боюсь только, что недолго пробудетъ онъ тутъ: не выдержитъ!.. Ужъ слишкомъ у меня тихо!...

— Эхъ, Манштейнъ, и сердиться-то вамъ за это на него, право, нельзя! воскликнулъ смѣясь Мальтэнъ. Да вотъ и я-бы тоже не выдержалъ: вѣдь вы живете, какъ отшельникъ!.. Когда вамъ, баронъ, слишкомъ скучно будетъ тамъ... въ уединеніи, у дяди, то пріѣзжайте-ка сейчасъ-же сюда—а?.. Такимъ образомъ, вы доставите, такъ сказать, удовольствіе дядюшкинымъ лошадямъ, а ужъ тутъ-то всегда будутъ рады такому гостю!..

Зельдитцъ обѣщался бывать. Развязный, непринужденный тонъ Мальтэна настроилъ всѣхъ на веселый ладъ.

Хозяинъ повелъ гостей въ садъ, чтобы представить ихъ тамъ женѣ своей и дочери. Молодой баронъ не безъ любопытства ожидалъ встрѣчи съ фрейлейнъ Эмми: вѣдь дядя находилъ ее такой *прелестной*, хотя, правда, племянникъ не очень-то полагался на вкусъ стараго „маленькаго фрейгерра" и считалъ едва-ли возможнымъ, чтобы дѣвушка эта могла такъ сильно измѣнить-

Библиотека "Руниверс"

ся въ какіе нибудь пять-шесть лѣтъ. Зельдитцъ хорошо помнилъ, какъ смѣялся онъ при видѣ тощенькой фигурки Эмми, съ ея угловатыми, вовсе не изящными движеніями... За то-же и поразила его теперь встрѣча съ нею: когда Мальтэнъ представилъ его дѣвушкѣ, сидѣвшей рядомъ съ матерью, и назвалъ эту дѣвушку своею дочерью—Зельдитцъ, съ перваго взгляда рѣшилъ, что *она* поразительно прелестна!.. Если-бы онъ не зналъ, что у Мальтэна всего *одна* дочь—навѣрно-бы усумнился онъ, что передъ нимъ та-же дѣвушка—прежняя тощенькая Эмми...

И въ самомъ дѣлѣ, фрейлейнъ Эмми ф. Мальтэнъ должна была очаровать каждаго: это былъ только что распустившійся цвѣтокъ въ тишинѣ лѣсной чащи; чудною свѣжестью вѣяло отъ нея, такъ она была воздушна, нѣжна, дѣвственно чиста и прелестна!... Большіе голубые глаза ея глядѣли такъ прямо—искренно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то мило-плутовски... По хорошенькимъ розовымъ губкамъ то и дѣло скользила улыбка, а когда она встряхивала головой, чтобы отбросить назадъ свои роскошные бѣлокурые кудри, то въ этомъ движеніи было что-то почти обаятельно-задорное...

Тутъ Зельдитцъ невольно вызвалъ въ памяти образъ Эльзы, чтобы поставить рядомъ обѣихъ дѣвушекъ. Правда, Эмми не такъ была красива, какъ Эльза, но... но, пожалуй что-очаровательнѣе!... Съ дѣтскихъ лѣтъ она знала жизнь только съ свѣтлой, пріятной ея стороны; изнанка жизни, и вообще что либо серіозное, было ей совершенно незнакомо. Баронъ заинтересовался этой невинной дѣвушкой, почти ребенкомъ, все посматривалъ на нее и чувствовалъ, какъ сердце само по себѣ учащеннѣе билось. Ему хотѣлось уничтожить это странное, небывалое ощущеніе, пріостановить расходившееся сердце: ему казалось все это насмѣшкой, глупостью, и все-таки, противъ воли, его тянуло неудержимо къ прелестному созданію, и онъ старался быть какъ можно любезнѣе, развязнѣе...

„Маленькій фрейгерръ" исподтишка наблюдалъ за своимъ племянникомъ, и отъ зоркаго глаза его не укрылось волненіе Зельдитца: онъ даже замѣтилъ, что на блѣдныхъ щекахъ молодаго человѣка появилась легкая краска, а глаза какъ-то особенно засвѣтились...

Оба старика—Манштейнъ и Мальтэнъ—отправились прогуляться по саду. Зельдитцъ остался съ дамами.

Фрейгерръ уже давнымъ давно былъ въ дружбѣ съ Мальтэномъ и зналъ, что ему нѣзачѣмъ скрытничать съ своимъ другомъ.

— Знаете что́, Мальтэнъ, заговорилъ онъ, украдкой, пытливо поглядывая на пріятеля:—вѣдь мой племянникъ, кажется, интересуется вашею дочерью...

— Интересуется?.. Что-то ужъ скоро... Развѣ возможно это?.. Онъ едва знаетъ ее, отвѣтилъ Мальтэнъ.

„Маленькій фрейгерръ" тоже былъ не безъ гордости; ему, напримѣръ, было-бы весьма непріятно, если-бы Зельдитцъ, влюбившись въ Эмми, получилъ отказъ, а потому онъ непремѣнно хотѣлъ прежде узнать, ка̀къ думаетъ насчетъ этого его сосѣдъ?...

— Я вотъ что̀ вамъ скажу, продолжалъ онъ: на племянника я смотрю какъ на своего сына: въ завѣщаніи моемъ я назначилъ его своимъ единственнымъ наслѣдникомъ... Отдадите-ли вы за него вашу дочь, если-бы они полюбили други друга?.. Я, какъ видите, спрашиваю васъ прямо, потому что знаю, что вы, подобно мнѣ, съумѣете помолчать тамъ, гдѣ это нужно. Мы по прежнему останемся друзьями, если-бы даже мнѣ пришлось получить отъ васъ „отрицательный" отвѣтъ... Я вѣдь очень хорошо знаю, какъ племянникъ мой безумно прожилъ свою молодость, но ужъ это у нихъ та̀къ въ крови... И отецъ его былъ такой-же! А все-таки сестра моя была счастлива съ нимъ... Да вѣдь вы знали покойнаго Зельдитца! Онъ спустилъ все свое состояніе... Ну, ему слишкомъ дорого сто́ило удовлетворять свои страсти, а насколько я знаю сына его — у Александра Зельдитца такихъ *дорогихъ* страстей не будетъ!...

Мальтэнъ остановился. Полуудивленно, съ улыбкой смотрѣлъ онъ на „маленькаго фрейгерра", котораго вообще чрезвычайно уважалъ.

— Кчему та̀къ много словъ, Манштейнъ? наконецъ произнесъ онъ. Относительно этого пункта я самъ, знаете, гляжу въ о́ба, потому что у меня одинъ ребенокъ... одна дочь... Будущность ея близка и дорога̀ моему сердцу. Буду говорить съ вами тоже совершенно откровенно: если они полюбятъ другъ друга — пусть обвѣнчаются, охотно даю свое согласіе, тѣмъ болѣе, что я зналъ отца барона и знаю, какой былъ у него прямой, честный характеръ, хотя подъ вліяніемъ горячей крови своей онъ и творилъ порой глупости.. Но не требуйте отъ меня, чтобы я какимъ-бы то ни было образомъ повліялъ въ этомъ дѣлѣ на мою дочь: выборъ—это ея дѣло, тутъ ея сердце должно дать рѣшительный отвѣтъ. Этого убѣжденія я держусь и отступить отъ него—не могу.

— Вполнѣ согласенъ! воскликнулъ фрейгерръ и протянулъ руку своему другу. — Пусть племянникъ и постарается самъ успѣть въ этомъ дѣлѣ! Мнѣ хочется еще вотъ что сказать: пока я живъ—имѣніе мое остается въ моихъ рукахъ; я слишкомъ привязанъ къ нему, и, право, для меня было-бы нестерпимо, если-бы съ имѣніемъ этимъ стали обращаться не та̀къ заботливо... Но какъ только племянникъ женится — я сейчасъ-же даю ему средства жить сообразно положенію его въ свѣтѣ.

— Э, да что́ объ этомъ говорить! замѣтилъ смѣясь Мальтэнъ. Коли понадобится ему что́, такъ вѣдь и я всегда буду готовъ насчетъ помощи... Правда, вы относительно сбереженій шагнули дальше меня, но вѣдь и моя Эмми не будетъ бѣдной невѣстой. Въ семьѣ Мальтэновъ никто еще не жилъ въ бѣдности! Небо не даровало мнѣ сына, со мною умретъ и мое имя, поэтому я какъ слѣдуетъ, хорошо позаботился о дочери.

Тутъ друзья-пріятели вернулись къ дамамъ, съ которыми бесѣдовалъ Зельдитцъ. Такъ какъ они совершенно поладили между собою, то глазки „маленькаго фрейгерра" смотрѣли превесело и даже лукавая улыбка поигрывала на его губахъ.

Возвращаясь вечеромъ домой, дядя и племянникъ, сидя рядышкомъ, нѣкоторое время молчали. Зельдитцъ глядѣлъ задумчиво куда-то прямо... Воображеніе такъ живо рисовало ему милый образъ, что онъ видѣлъ ясно передъ собой свѣтлокудрую головку Эмми, даже смотрѣлъ въ ея голубыя очи и ему казалось, что очи эти обладали неизмѣримой глубиной...

До сихъ поръ ни одна еще женщина не могла затронуть глубоко сердца Зельдитца, и вотъ теперь, въ первый разъ, Эмми ф. Мальтэнъ удалось произвести на него болѣе сильное впечатлѣніе. Баронъ обыкновенно подходилъ къ дамамъ, занятый всегда помыслами суетными, тщеславными; онѣ служили ему просто развлеченіемъ отъ скуки, и онъ нерѣдко игралъ съ ними для удовлетворенія своего каприза... А эта... эта дѣвушка, даже—дѣвочка, пробудила въ немъ совсѣмъ иныя чувства!... Все это почти сердило его... Какъ?.. Онъ, который такъ часто хвастался передъ своими друзьями, что сердце его защищено отъ любви крѣпкою бронею—все-таки поддался теперь *этому* чувству, спасовалъ такъ, что любовь грозитъ пробраться къ нему въ грудь, перевернуть сердце и заставить его забыть всѣ прежнія правила?... Баронъ находилъ это все очень глупымъ и вознамѣрился вооружиться противъ такой „глупости", отдѣлаться ра̀зомъ отъ нея, но мысль вдругъ дѣлала скачекъ и—онъ начиналъ думать о *ней*! Онъ слышалъ ея голосъ... смѣхъ ея... и отчетливо-ясно видѣлъ передъ собой—большіе голубые глаза...

А „маленькій фрейгерръ" безпокойно ворочался въ углу кареты. Онъ то̀ и дѣло косился на племянника,

Библиотека "Руниверс"

все поглядывая на него: старика сердила молчаливость Зельдитца. Неужели ему, думалъ Манштейнъ, нѣчего сказать насчетъ Эмми.. Вѣдь онъ даже слова не промолвилъ... ну, хоть сказалъ-бы, что она — *хорошенькая*! Спрашивать объ этомъ племянника—старику не хотѣлось, да и заводить разговора—тоже... Однако, нѣтъ— не утерпѣлъ онъ.

— Ну, Александръ, ужъ будто тебѣ нѣчего говорить? произнесъ фрейгерръ. Зачѣмъ молчать?..

Зельдитцъ бросилъ на него пытливый взглядъ и, помолчавъ немного, проговорилъ:

— Мальтэнъ—прекраснѣйшій человѣкъ. Въ немъ, кажется, и капли фальшивости нѣтъ... До сихъ поръ я съ нимъ мало былъ знакомъ, а то, право, мы ужъ давно были-бы друзьями и я бывалъ-бы у него почаще... Рѣдко встрѣчаются нынче такія личности!...

— Ну, это-то и я знаю, поспѣшилъ замѣтить старикъ нетерпѣливымъ тономъ,—а что́-же насчетъ дочери-то его?...

— Она... да́, дѣйствительно весьма похорошѣла, стала красивѣе, чѣмъ я полагалъ... Сознаюсь откровенно, я-бы не подумалъ, что это та-же самая... если-бы встрѣтилъ ее въ другомъ мѣстѣ.

— И все? Больше и сказать тебѣ нечего... мнѣ?..

— А что́-же еще? Ты чего-же хочешь?...

Зельдитцъ, повидимому такъ непринужденно, просто отвѣтилъ на вопросъ: ему не хотѣлось обнаруживать того, что́ волновало его и въ чемъ онъ самъ боялся еще сознаться...

Тутъ „маленькій фрейгерръ" сталъ еще безпокойнѣе, нетерпѣливѣе...

— Я хочу знать: понравилась-ли она тебѣ *вообще*? спросилъ онъ.

— Я, дядя, и самъ еще не знаю...

Манштейнъ, въ недоумѣніи, посмотрѣлъ съ секунду на племянника, какъ-бы не понимая его отвѣта Хотѣлъ-ли племянникъ скрыть отъ него свои чувства, или, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ, эта прелестная дѣвушка не произвела на него никакого впечатлѣнія?...

Высунувшись въ окно кареты, фрейгерръ крикнулъ кучеру, чтобы тотъ пустилъ лошадей шибче, и снова уткнулся въ свой уголъ. И дядя, и племянникъ — оба замолчали. Разговоръ оборвался.

Пріѣхавъ домой, Манштейнъ прямо отправился въ свою комнату, сказавъ Зельдитцу только „доброй ночи". Баронъ тоже пошелъ „къ себѣ" и, такъ какъ спать ему не хотѣлось, то онъ растянулся на диванѣ съ сигарой въ рукѣ. Оскорбить дядю—у него и въ мысляхъ не было; ему просто не хотѣлось, не порѣшивъ еще вопроса, сказать что либо положительное дядѣ... А Эмми понравилась ему: это свѣжее, почти дѣтское личико произвело на него глубокое впечатлѣніе, и въ сердцѣ барона вспыхнуло желаніе обладать ею... Но Зельдитцъ все-таки принадлежалъ къ тому разряду людей, которые не даютъ сердцу властвовать надъ собой; онъ, по характеру своему, вообще не увлекался и любилъ какъ слѣдуетъ обсудить дѣло, взвѣсить выгоды его и не вы-выгоды. Что касается женитьбы, то у него на это мало было охоты, однако сдѣлаться мужемъ Эмми — штука выгодная... Баронъ слишкомъ ясно видѣлъ эту „выгодную штуку": если денежки ф. Мальтэна присовокупить къ тѣмъ денежкамъ, которыя, рано-ли, поздно-ли, а будутъ получены имъ послѣ дядюшки, то вѣдь онъ, Зельдитцъ, будетъ наибогатѣйшей особой въ государствѣ, а главное тогда *можно* будетъ зажить та́къ, какъ давно уже ему мечталось...

Но тутъ одна мысль—мысль непріятная — все дѣло портила, разгоняла розовыя мечты его и туманила свѣтлыя картины будущей жизни, а именно—мысль о состояніи здоровья дядюшки... Старикъ, правда, былъ совершенно сѣденькій, а между тѣмъ вѣдь какъ онъ еще бодръ и крѣпокъ! И что́ мудренаго, если онъ проживетъ еще много лѣтъ, тѣмъ болѣе, что ведетъ образъ жизни необыкновенно простой, умѣренный?... Что́-же, неужели и тогда, когда онъ, Зельдитцъ, женится быть ему въ зависимости отъ дяди, подчиняться его волѣ?... Такого рода мысль была для барона почти невыносима: онъ вѣдь хорошо зналъ, что пока дядя живъ—племяннику нечего и думать относительно *полнаго* распоряженія своимъ столь богатымъ наслѣдствомъ...

Подперевъ голову рукой, Зельдитцъ неподвижно глядѣлъ куда-то вдаль. Мысли роились въ его головѣ... Да, дядя желалъ и желаетъ, чтобы онъ женился... Нельзя-ли какъ нибудь вынудить старика дать обѣщаніе, что какъ только племянникъ его женится, то все имѣніе переходитъ въ полное распоряженіе его?... Но ка́къ вынудить?.. Трудно было отвѣтить на это, принявъ во вниманіе, что „маленькій фрейгерръ" имѣлъ преумную голову, былъ вообще недовѣрчивъ, чутокъ и слишкомъ скоро, легко угадывалъ настоящія намѣренія людей... Быть можетъ самъ Мальтэнъ явится тутъ на помощь и Зельдитцъ, благодаря ему, достигнетъ цѣли?... Баронъ и не сомнѣвался, что сердцемъ Эмми овладѣть ему удастся... Онъ крѣпко былъ увѣренъ въ себѣ, слишкомъ высоко цѣнилъ свои достоинства и зналъ, какъ не-трудно было заполонить сердце дѣвушки, которая глядитъ еще на весь міръ черезъ „розовыя стёкла юности", предается мечтаніямъ и строитъ идеалы... Самъ-то онъ давно уже жилъ-поживалъ безъ всякихъ идеаловъ, но ему сто́ило только поддакивать Эмми, соглашаться съ ея взглядами, рисовать ей картины будущаго, придавая имъ идеальный характеръ—и насчетъ успѣха не могло быть сомнѣнія.

(Продолженіе будетъ).

Шахъ королевѣ!

(Изъ разсказовъ за ужиномъ).

Только что окончилась преинтересная партія въ шахматы. Проигравшій (господинъ уже преклонныхъ лѣтъ) всталъ, потянулся и, улыбаясь нижнею частью лица, проговорилъ поддѣльно-веселымъ голосомъ:

— Промахъ съ моей стороны—непростительный! Совсѣмъ забылъ, что тура противника стоитъ на той клѣткѣ... Увлекся! Да мнѣ совсѣмъ и не сдѣдовало брать королевы...

— Не слѣдовало, подтвердилъ хозяинъ;—у васъ, Николай Иванычъ, игра была даже сильнѣе... Сознайтесь—пожадничали?.. Это онъ вамъ ловушку устроилъ!.. Ловко, Сергѣй Сергѣичъ!..

— Нѣтъ, ужъ если сознаваться—такъ вотъ въ чемъ: прежде я лучше игралъ! А теперь—какой я игрокъ!

— И очень даже не дурной, замѣтилъ выигравшій: игру вели вы прекрасно, и партія была бы ваша, если бы не этотъ промахъ...

— О, конечно! Прекрасно велъ игру и—далъ промахъ!.. Побѣдителю всегда пріятно думать, что онъ одолѣлъ не дурнаго игрока... Развѣ хорошіе шахматисты дѣлаютъ промахи? Развѣ такъ грубо ошибались Морфи, Кизерицкій, Петровъ, Урусовъ?..

— Не знаю, ошибались ли эти игроки, но другіе, тоже хорошіе, дѣлали непростительные промахи.

— Приправьте это какимъ-нибудь фактомъ, Сергѣй Сергѣичъ, обратился хозяинъ къ побѣдителю: такое возраженіе не должно быть голословнымъ.

— Да-съ, потрудитесь-ка указать на «извѣстнаго» шахматиста, проигравшаго партію изъ-за промаха? прибавилъ Николай Иванычъ.

— На «извѣстность» указать не могу, отвѣтилъ Сергѣй Сергѣичъ, пожимая плечами:—однако, полагаю, что и «извѣстные» ошибались... Что-жъ, и солнце вѣдь не безъ пятенъ!.. А Наполеонъ I?.. Говорятъ, въ шахматы онъ хорошо игралъ. Обративъ Европу въ одну шахматную доску, въ концѣ концовъ какъ онъ промахнулся подъ Москвой?..

— Нѣтъ, аллегорію-то вы ужъ оставьте, усмѣхнулся Николай

Библиотека "Руниверс"

Иванычъ: и примѣръ-то этотъ не изъ удачныхъ! По моему— Бонапартъ все таки плохой полководецъ. Нельзя играть на такой громадной доскѣ только «по вдохновенію». Не разсчитавъ ходовъ, не взвѣсивъ всѣхъ обстоятельствъ, увлекшись *единственно* своимъ планомъ, онъ двинулся на Московію—скакнулъ *конемъ*: шахъ! И пропалъ его конь... Еще нѣсколько ходовъ—гляди: англійская *ладья* схватила его, а тамъ, на островѣ св. Елены— шахъ и матъ... Плохо сыгралъ!

— Позвольте, Николай Иванычъ! Вы забываете блестящія партіи, выигранныя имъ прежде. А сколько такихъ партій было?.. Да вотъ, напримѣръ—

— Господа, не угодно-ли вамъ оставить тихіи воды «рѣки забвенія» и выйти на берегъ, гдѣ васъ ожидаетъ ужинъ? воскликнулъ хозяинъ и обѣими руками указалъ на столовую.— Тамъ, за стаканомъ добраго Мозельвейна, побесѣдуемъ, поболтаемъ о новыхъ знаменитыхъ шахматистахъ—ну, хоть о графѣ Мольтке!

Пропустивъ по рюмкѣ «Крымской» и закусивъ нѣмецкой колбасой, хозяинъ и оба гостя дѣйствительно заговорили о франко-прусской войнѣ, что не мѣшало имъ въ тоже время заняться горячимъ ростбифомъ. Добравшись до Седана и уничтоживъ нѣсколько сочныхъ кусковъ говядины, собесѣдники обратились къ Мозельвейну и пріумолкли. Однако, молчаніе продолжалось не долго.

— А знаете, Николай Иванычъ, заговорилъ хозяинъ, я не думаю, чтобы тотъ англичанинъ, который далъ промахъ въ шах-

«Это я—твоя мама!» (Послѣдняя репетиція). Картина Ф. Жирара грав. Вольскій.

Библиотека "Руниверс"

матной игрѣ и застрѣлился, былъ *плохимъ* игрокомъ. Если бы онъ игралъ плохо, проигрывалъ, дѣлалъ промахи, то навѣрно не пустилъ бы себѣ пули въ голову, промахнувшись въ игрѣ, можетъ быть, въ сотый разъ! Это доказываетъ, что онъ былъ шахматистъ хорошій—и *все таки* сдѣлалъ промахъ, столкнувшій его въ могилу... Эксцентрики они—что говорить!

— О какомъ англичанинѣ это вы говорите? Игралъ въ шахматы, ошибся, не такъ пошелъ и—застрѣлился... Что это за исторія? Анекдотъ, что-ли?

— Я тоже не слышалъ, сказалъ Сергѣй Сергѣичъ и прибавилъ: если это и анекдотъ, такъ должно быть преинтересный. Разскажите, пожалуста!

— Извольте. А я думалъ, что вамъ извѣстна эта исторія. Быль это или анекдотъ—не знаю, не помню; читалъ ли я или такъ слышалъ—тоже не помню, но увѣренъ, что это истинное происшествіе: вѣдь сыны Альбіона—чудаки!.. Ну-съ, изволите видѣть, два англичанина захотѣли поиграть въ шахматы, но такъ какъ одинъ проживалъ въ Лондонѣ, а другой въ Ливерпулѣ, то и согласились они сражаться *по почтѣ*. Началась партія. Не знаю, какъ долго тянулась переписка, но въ одинъ прекрасный вечеръ лондонскій противникъ (человѣкъ почтенный, семейный) призываетъ въ кабинетъ старшаго сына своего, запираетъ дверь и говоритъ ему: «Я пошелъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Я сдѣлалъ промахъ—и ходъ уже отосланъ... До этого хода перевѣсъ былъ на моей сторонѣ. Такъ или иначе, но я *долженъ* выиграть эту партію. Слушай, мы заключили такое условіе: если кто-либо изъ насъ умретъ до окончанія партіи, то игра переходитъ по наслѣдству къ старшему сыну, который *имѣетъ право вернуть послѣдній ходъ отца*, если ходъ этотъ не понравится ему. И такъ, Джоржъ, передаю тебѣ эту партію. Вотъ, смотри: этотъ ходъ ты вернешь и пойдешь такъ, а затѣмъ—побѣда на нашей сторонѣ! Понимаешь?.. Джоржъ вытаращилъ глаза.—«Да вы развѣ ужъ умерли?»... «Не говори пустяковъ! Обрати лучше серьезное вниманіе на игру... Погляди хорошенько: слѣдуетъ-ли вернуть этотъ ходъ и какъ потомъ сходить? Кажется, я не ошибаюсь: надо идти именно такъ».—Сынъ устремилъ глаза на шахматную доску. Прошло минутъ пять... «О, да! Послѣдній твой ходъ никуда не годится! воскликнулъ въ увлеченіи молодой человѣкъ:—надо двинуть непремѣнно вотъ эту фигуру»... Я, такъ и думалъ. Хорошо. Верни же мой ходъ, двинь эту фигуру и напиши мистеру Вильямсу въ Ливерпуль, что мистеръ Мортонъ—умеръ, передавъ партію своему сыну»... Раздался выстрѣлъ—и старикъ грохнулся на полъ. Не дрогнула его рука, когда онъ приложилъ дуло пистолета къ правому виску: пуля вылетѣла изъ лѣваго виска и ударилась въ стѣну... А партія дѣйствительно осталась за нимъ: Джоржъ выигралъ!...

— Похоже и на быль, похоже и на анекдотъ, замѣтилъ Николай Иванычъ, но я могу сообщить вамъ нѣчто болѣе интересное—разсказъ моего дѣдушки объ истинномъ происшествіи, случившемся еще въ царствованіе Екатерины II, слѣдовательно, исторія эта временъ Очаковскихъ и покоренія Крыма. Дѣдушка оставилъ интересные «мемуары», которые я все собираюсь препроводить въ «Русскую Старину» для напечатанія. И такъ —

— Позвольте, Николай Иванычъ, дополнить вашъ стаканъ, любезно перебилъ хозяинъ—вотъ такъ-съ, до краевъ! Ну-съ, теперь—слушаемъ.

Николай Иванычъ, глотнувъ винца, поставилъ стаканъ передъ собой и началъ:

— Въ 1785 году дѣдушка мой познакомился случайно (какъ онъ самъ пишетъ) съ Власомъ Михайловичемъ Р., который принадлежалъ къ числу не особенно крупныхъ придворныхъ чиновъ, жившихъ почти постоянно въ Царскомъ Селѣ. Новый знакомецъ дѣдушки былъ вдовый человѣкъ и имѣлъ одну дочь —дѣвицу уже взрослую, по имени Татьяну. Я забылъ сказать, что познакомились они, благодаря шахматамъ: Власъ Михайловичъ былъ хорошій шахматный игрокъ и любилъ эту игру. Дѣдушкѣ рѣдко удавалось выигрывать, потому что «я, писалъ дѣдушка, не былъ толико мудръ и лукавъ въ сей премудрой восточной забавѣ, какъ пріятель мой». Татьяна Власовна занималась хозяйствомъ, ухаживала за отцомъ, а иногда, по вечерамъ, играла даже съ нимъ въ «восточную забаву». Дѣвица она была (по выраженію дѣдушки) «благолѣпная», ну, и не мудрено, что женихи являлись, только отецъ и слышать не хотѣлъ о замужествѣ ея. «Какъ я останусь-то безъ Тани? говорилъ онъ: —и куда ей торопиться? Двадцать пять лѣтъ—велики ли года! успѣетъ. Вотъ, какъ похоронитъ меня, старика, ну, тогда хоть на всѣ четыре стороны... Будто ты хочешь замужъ?» спрашивалъ онъ ее.—«Не хочу-съ», отвѣчала дѣвушка такимъ веселымъ, искреннимъ тономъ, что старикъ совершенно успокоивался. И она не лгала... Сердечко ея еще дремало, но—Амуръ не дремалъ и уже вынималъ изъ колчана остренькую стрѣлку... Власъ Михайлычъ, не отличавшійся наблюдательностью, даже не замѣтилъ, что Танюша его стала вдругъ худѣть, сдѣлалась разсѣянной, задумчивой... А въ ихъ домъ началъ похаживать недавно поступившій на службу въ придворную контору—дворянинъ Никита Захарьевичъ В., человѣкъ «хвалы достойный», побывавшій за моремъ, искусный въ «нѣмецкомъ діалектѣ», лѣтъ тридцати—не больше. Власъ Михайлычъ охотно бесѣдовалъ съ нимъ, потому что видѣлъ, что новый знакомый *спокойно* глядитъ на Танюшу, не старается заговаривать съ нею, а подчасъ даже и подтруниваетъ надъ ней. Такъ прошло полгода. Въ самый день Пасхи является Никита Захарьичъ къ Власу Михайлычу, въ новомъ кафтанѣ, при шпагѣ, въ шелковыхъ чулкахъ, какъ быть надо—по праздничному. Поздравили другъ друга, похристосывались и даже выпили по рюмкѣ Мальвазіи. —«Власъ Михайлычъ, говоритъ Никита Захарьичъ: а я вѣдь къ вамъ съ новостью!»...

— «Съ какою же это, сударь мой, новостью?..

— «Мѣсто хорошее выходитъ мнѣ въ отъѣздъ. Черезъ два мѣсяца долженъ выѣхать изъ Россіи, только... Одному мнѣ не ѣхать... Должно быть, ужъ судьба моя такая! Въ вашихъ рукахъ вся моя участь»...—«Полноте, батюшка, вѣдь вы не крѣпостной мой!» отвѣчаетъ Власъ Михайлычъ:—«Какъ могу я удержать васъ? Оно, конечно, жаль разлучаться, да вѣдь вольному воля»..—«Охъ, можете удержать... можете, если не отдадите мнѣ Татьяны Власовны, не отпустите ее со мной—по закону!»...

Тутъ Никита Захарьичъ всталъ и произнесъ торжественнымъ тономъ:

— Я люблю вашу дочь. Благословите насъ!

Власъ Михайлычъ поблѣднѣлъ, потомъ побагровѣлъ, однако скоро овладѣлъ собой.

— Ну, и она... тоже любитъ васъ?

— Татьяна Власовна! воскликнулъ Никита Захарьичъ: — пожалуйте, войдите-съ.

Дѣвушка вошла... Оба они встали на колѣни передъ старикомъ. Власъ Михайлычъ какъ то странно улыбнулся и проговорилъ:

— Ловко, ловко ты, дочь моя милая, повела игру!.. Вѣдь какой шахъ сдѣлала мнѣ... а?.. Ну, что-жъ, любишь ты его? Хочешь съ нимъ... по закону?..

Татьяна Власовна заплакала и начала цѣловать руки отца. Онъ быстро отдернулъ руки и, заложивъ ихъ за спину, заговорилъ совершенно серьезнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, сударь мой, Никита Захарьевичъ, не могу я отдать вамъ ее. Играя въ шахматы, я пѣшки даромъ не отдаю, а тутъ—дочь потерять! За что же это?.. Лишиться фигуры!.. Да это все равно что королевы въ игрѣ лишиться... Никогда!.. Вотъ, если мнѣ, королю, смерть сдѣлаетъ шахъ и матъ, тогда и королева освободится.

Никита Захарьичъ всталъ, встала и Таня.

— А если я возьму съ бою эту фигуру, завоюю королеву?

— То есть... какже это?

— А вотъ, на этой шахматной доскѣ... Угодно?

Глаза старика заблестѣли.

— Партію съ вами?.. Со мной играть?!.

— Конечно, игрокъ я плохой, промолвилъ Никита Захарьичъ, вы мнѣ давали впередъ даже коня и все таки выигрывали, но... почему-жъ не попробовать? Мое счастье, мое и несчастье!

— Попробуемъ, попробуемъ... Хе, хе, хе!

— Значитъ, согласны на этотъ поединокъ?

— Хоть сейчасъ! Впередъ—ничего, и безъ отставокъ. Танюша, шахматы!

— Нѣтъ, Власъ Михайлычъ, дайте мнѣ двѣ недѣльки сроку... До сихъ поръ я *не игралъ* въ шахматы, я только двигалъ фигуры. Надо подумать... Можетъ быть, я и настоящій шахматистъ? Я самъ явлюсь къ вамъ... черезъ двѣ недѣли.

— Возьмите ужъ три.

— Довольно и двухъ, Власъ Михайлычъ.

— Поучитесь, поучитесь... Что-жъ, дѣло доброе! Но заранѣе вамъ говорю: ѣхать вамъ безъ попутчицы! Хе, хе, хе!..

Старикъ всталъ и сдвинулъ брови.

— Такъ какъ мы теперь уже враги, то, надѣюсь, что я не увижу васъ здѣсь въ эти двѣ недѣли. До свиданья! А ты иди въ свою комнату!

Онъ не подалъ руки и, кивнувъ головой, ушелъ въ кабинетъ.

Ровно черезъ двѣ недѣли явился Никита Захарьевичъ въ домъ Власа Михайловича. Старикъ былъ въ возбужденномъ состояніи, тогда какъ противникъ его не обнаруживалъ, повидимому, никакого безпокойства.

Татьяна Власовна видѣла черезъ замочную скважину, какъ оба они прошли въ кабинетъ и какъ отецъ заперъ дверь.

Ну, что-то будетъ!.. Кому выпадетъ первый ходъ?.. прошептала дѣвушка и, бросившись на кровать, уткнулась головой въ подушку. Такъ пролежала она около часа, потомъ встала и и на цыпочкахъ подкралась къ кабинетной двери...

Тамъ царила гробовая тишина... Ни звука! Будто въ кабинетѣ не было ни души. О, какъ сильно билось сердце Татьяны Власовны!..

Она прислонилась къ косяку и стала прислушиваться. Вотъ, кто-то шаркнулъ ногой—и опять тихо. Кто это изъ нихъ кашлянулъ?.. Какъ будто отецъ...

— Шахъ королевѣ! раздалось въ кабинетѣ.

Дѣвушка вздрогнула... «Это *его* голосъ!».

Опять молчаніе, томительное молчаніе... Навѣрно прошло четверть часа... «Какъ отецъ пошелъ? Или онъ еще думаетъ надъ

Библиотека "Руниверс"

ходомъ?.. Охъ, гдѣ *ему* выиграть! Шахъ королевѣ—ничего еще не значитъ»...

— Королю—шахъ! проговорилъ хрипло Власъ Михайлычъ.

Татьяна Власовна вся обратилась въ слухъ.

— Офицеромъ? Хорошо-съ. Беру его и дѣлаю шахъ королю и королевѣ.

— Стойте... Какъ такъ?..

— Да вѣдь это, Власъ Михайлычъ, мой конь! Беру имъ офицера, дѣлаю шахъ королю, а королева ваша уже стоитъ подъ шахомъ... Забыли?..

— Быть не можетъ! Это... это...

Стулъ съ шумомъ отодвинулся.

— Я не могу такъ идти! Я долженъ... Я думалъ...

Голосъ Власа Михайлыча дрожалъ.

— Желаете перемѣнить? заговорилъ мягко Никита Захарьичъ.—Что-жъ, хотя мы условились безъ отставокъ, но... въ такомъ случаѣ я не могу подарить вамъ *обѣихъ* королевъ! Уступая эту, я надѣюсь, что вы отдадите мнѣ *другую*?.. Такъ, Власъ Михайлычъ? Тогда я готовъ проиграть на *этой* доскѣ... Перемѣняете?

— Нѣтъ. Я держу слово, но... я не могу теперь продолжать игры. Мнѣ надо подумать... до завтра... только до завтра! Не угодно-ли вамъ, для вѣрности, изобразить на бумагѣ неоконченную партію—вотъ какъ теперь стоятъ фигуры?.. Бумажку съ собой возьмете, а завтра...

— Зачѣмъ же, Власъ Михайлычъ! Неужели я вамъ не вѣрю... не довѣряю?..

— Какъ угодно-съ. До свиданія!

Татьяна Власовна, блѣдная, взволнованная, убѣжала въ свою комнату...

Николай Иванычъ взялъ стаканъ, глотнулъ вина и крякнулъ.

— Такъ какъ разсказъ дѣдушки я передаю своими словами, то ужъ все равно... что тутъ тянуть?—кончу какъ нибудь покороче. На другой день, утромъ, пришлось сломать замокъ въ кабинетной двери; Власъ Михайлычъ не отворялъ ее, да и не могъ отворить, потому что его нашли уже мертвымъ: онъ лежалъ за ширмами, на постелѣ, какъ былъ — въ кафтанѣ, чулкахъ и башмакахъ. На столикѣ, у изголовья, стоялъ небольшой пузырекъ съ остатками какой-то темной жидкости.

Черезъ полгода Татьяна Власовна вышла замужъ за Никиту Захарьевича. Дѣдушка такъ заключаетъ свой разсказъ: «Наружное благолѣпіе, а наипаче женское, таитъ иногда внутреннюю безчувственность. Юноша, памятуй сіе».

— А теперь пора и по домамъ! Вино допито, часъ поздній... Покойной ночи вамъ!

Николай Иванычъ всталъ и протянулъ хозяину руку.

В.

Послѣдняя репетиція.

(Изъ галлереи маленькихъ картинокъ).

Въ хорошенькомъ дачномъ будуарѣ полулежала на кушеткѣ молодая женщина въ изящнѣйшемъ лѣтнемъ нарядѣ. Правая рука ея, съ раскрытымъ письмомъ, свѣсилась и почти касалась ковра. Подъ столикомъ валялся конвертъ съ заграничнымъ штемпелемъ. Озабоченное лицо, слегка сдвинутыя брови этой дамы указывали на серьезность содержанія только что полученнаго письма... Но вотъ прекрасная ручка тихо поднялась; снова пробѣжавъ глазами нѣсколько строкъ въ концѣ первой странички, молодая женщина стала читать дальше вслухъ, въ полголоса:

«Воображаю, какъ мила, прелестна теперь Маничка, внучка моя дорогая, и какъ вы оба ухаживаете за нею! Увѣрена, что вы уже успѣли избаловать ее ужасно и—нисколько не удивляюсь. Мой Жоржъ и чужихъ дѣтей любилъ, а тутъ—своя собственная милашка!.. О, какая это радость!.. Ну, кто же изъ васъ больше няньчится съ ней?.. Конечно вы, милая моя Надежда Григорьевна... И зачѣмъ я спрашиваю? Кому же больше и возиться съ ребенкомъ, какъ не вамъ? Только я безпокоюсь: не утомляетесь-ли вы?»...

— Напрасно безпокоитесь, Анна Сергѣевна, почти фыркнула Надежда Григорьевна и продолжала:

«Навѣрно вы все дома сидите, никуда не выѣзжаете, чтобы только не разставаться съ своимъ маленькимъ сокровищемъ»...

— Какъ бы не такъ! Извините! Развѣ я *могу* не выѣзжать?..

«Хорошая-ли нянюшка попалась? Да Маничка на нее вѣрно и смотрѣть не хочетъ, не идетъ отъ васъ къ ней—да?»

— Совсѣмъ наоборотъ. Не угадали!..

«Вотъ, какъ я пріѣду отнуму непремѣнно у васъ Маничку, сама стану возиться съ нею, вы уже должны выѣзжать попрежнему, развлекаться, поддерживать знакомства... Конечно, чувства матери—прежде всего, но вѣдь нельзя же удаляться отъ свѣта. Вы еще такъ молоды, ma chére. Погодите, я васъ освобожу. Не повѣрите, какъ мнѣ пріятно вернуться изъ-за границы! Ахъ, какъ надоѣлъ мнѣ этотъ Киссингенъ! Я даже стыжусь, что до сихъ поръ не видѣла моей первой внучки, а вѣдь ей второй годъ! Ну что-же дѣлать: докторъ даже и теперь не хочетъ отпустить меня домой... За границей какъ-то особенно любишь Россію! Я прежде не вѣрила этому. Черезъ два дня я буду въ Берлинѣ, а оттуда»...

— Гм! Я никакъ не думала, что она такъ скоро вернется изъ-за границы, проговорила Надежда Григорьевна и бросила письмо на столикъ.

— Интересно—воображаетъ она, что я заперлась, сижу съ Маничкой въ четырехъ стѣнахъ, не выѣзжаю, какъ будто я какая-нибудь мѣщанка!.. Въ послѣднее время я совсѣмъ даже и не вижу Манички... Такой большой кругъ знакомства, что положительно времени нѣтъ!.. Гдѣ же тутъ няньчиться? Да и зачѣмъ?.. Бонна у меня хорошая. .

Надежда Григорьевна встала съ кушетки и подошла къ трюмо:

— Гм! Няньчиться! Такихъ маленькихъ *невозможно* брать на руки!.. Маничка однажды совершенно испортила мнѣ новое платье, ну, и съ тѣхъ поръ я не брала ее .. Однако, вотъ что скверно: вчера, вечеромъ, когда я была въ простой блузѣ и хотѣла взять Маничку—она закричала, забарахталась, никакъ не желала идти ко мнѣ отъ Лупзы... какъ будто я ей не мать, а чужая!.. Нѣтъ, надо будетъ какъ нибудь... къ пріѣзду Анны Сергѣевны... пріучить ее къ себѣ. Что-жъ, двѣ-три репетиціи, а въ самый день пріѣзда «бабушки»—устроить *генеральную* репетицію... Да, это необходимо!.. Анна Сергѣевна имѣетъ свой взглядъ на женщину-мать, а ссориться съ ней... нельзя потому что эта барыня способна отвернуться отъ меня, если только увидитъ, что «маленькое сокровище» чуждается меня и больше любитъ няньку... А если отвернется—прощай тогда заграничные подарки и вообще доброе расположеніе. Ничего не станетъ дарить, а денегъ у нея—куры не клюютъ!.. Ужъ я знаю ее... Ахъ, чувствую, что ѣдетъ она не съ пустыми руками!.. Сегодня же устрою репетицію!..

Можетъ быть благосклонная читательница скажетъ тутъ: «Такъ грубо развѣ выражаются благовоспитанныя дамы? Неужели всѣ эти изящныя женщины такъ черствы, *практичны*, безчувственны?...»

Позвольте, милостивая государыня! Во-первыхъ, когда никого въ комнатѣ нѣтъ, человѣкъ говоритъ (думаетъ вслухъ) откровенно, не стѣсняется, а во-вторыхъ, благовоспитанность, изящество, тонъ—относятся только къ наружности. Вы, конечно, видѣли не одну такую Надежду Григорьевну, съ ея прекрасными наружными манерами, а задавали-ли вы себѣ вопросъ: «каковы-то ея *внутреннія* манеры?» Вотъ, мы и привели маленькій образчикъ этихъ послѣднихъ.—И почему вы полагаете, что одни только мужчины черствые практики, коммерсанты? Развѣ, напр., Помпадурши (тайныя и явныя) не обдѣлываютъ ловко своихъ дѣлишекъ?..

Вернемся къ нашей картинкѣ.

Утромъ, въ день пріѣзда «бабушки», у которой денегъ куры не клюютъ, Надежда Григорьевна устроила въ саду послѣднюю, генеральную репетицію съ Маничкой и Лупзой (счетомъ —пятую). Конечно, на всѣхъ репетиціяхъ «бонбошки» играли самую видную роль. Крошка-Маничка брала сладкія взятки, улыбалась мамашѣ и охотно шла къ ней на руки, даже выучилась произносить: *ма—ма*!

Пріѣхала бабушка и—спектакль прошелъ великолѣпно! Маничка такъ твердо знала свою роль, такъ нѣжно лепетала «ма—ма!», что Надежда Григорьевна была просто въ восторгѣ, а Анна Сергѣевна—прослезилась, глядя на эту сцену, и еще больше полюбила «счастливую мать».

А заграничные подарки?...

Ну, конечно, получены: Надежда Григорьевна не ошиблась... И что за прелестные подарки, еслибъ вы знали!..

В.

Кочующіе народы береговъ рѣки Амура.

Важность такой громадной судоходной рѣки, какъ Амуръ, протекающей слишкомъ 400 верстъ и могущей придать большое оживленіе всей торговлѣ Восточной Сибири, давно сознавалась Россіей, и поэтому мы естественно стремились пріобрѣ-

Библиотека "Руниверс"

сти амурскія страны. Еще въ началѣ 17-го столѣтія, сѣверные русскіе лѣсопромышленники и казаки пытались перейти Яблоновый хребетъ, и нѣкоторымъ дѣйствительно удалось проникнуть до Амура и верховьевъ Сеи. Ихъ разсказы объ естественныхъ богатствахъ этой страны, особенно объ изобиліи пушнаго звѣря, подзадорили и другихъ смѣльчаковъ. Въ 1643 г. отрядъ казаковъ прошелъ по всему теченію Амура до моря. Послѣ этой счастливой экспедиціи рѣшили основать на Амурѣ колонію, и для приведенія въ исполненіе этого плана, въ 1650 г. командировали туда казачьяго атамана Хабарова. Послѣ труднаго перехода отъ Якутска, Хабаровъ достигъ до верховьевъ Амура и выбралъ мѣстомъ для новой колоніи Албазинъ, гдѣ и заложилъ маленькую крѣпостцу, которая по своему выгодному положенію господствовала надъ всей мѣстностью. По слѣдамъ казаковъ пришли сюда и охотники, основавъ первыя русскія колоніи на Амурѣ. Такимъ образомъ первыми завоевателями Амура была горсть отважныхъ казаковъ и промышленниковъ, привлеченныхъ въ этотъ край богатой добычей дорогой пушнины. Однако, китайцамъ не понравилось это новое сосѣдство, и они нѣсколько разъ посылали войска для того, чтобы отнять у русскихъ Албазинъ; послѣ ожесточенныхъ споровъ, въ 1689 году въ силу заключеннаго въ Нерчинскѣ мирнаго договора между Россіей и Китаемъ, русскіе должны были отказаться отъ Албазина и всѣхъ своихъ селеній въ Манджуріи. Только въ половинѣ нынѣшняго столѣтія удалось Россіи осуществить наконецъ давнишнюю мысль о пріобрѣтеніи Амура. Назначенный въ 1847 г. генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, графъ Муравьевъ, своимъ энергическимъ образомъ дѣйствій на Амурѣ, достигъ того, что въ 1858 г. по айгунскому договору съ Китаемъ, весь лѣвый берегъ Амура былъ отданъ Россіи. Область же между рѣкою Уссури и манджурскимъ берегомъ, гдѣ уже жили русскіе, была признана принадлежащею обоимъ государствамъ сообща. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось еще два года; въ 1860 г. Китай вполнѣ уступилъ Россіи и эту область, вслѣдствіе чего границы наши распространились до Кореи.

Не смотря на довольно успѣшную колонизацію береговъ Амура, недостатокъ населенія тамъ еще весьма ощутителенъ. На всемъ огромномъ пространствѣ Приамурской области, равняющейся цѣлой Франціи, живетъ приблизительно не больше 24.000 туземцевъ и до 40,000 русскихъ, въ томъ числѣ 15,000 войска. Между тѣмъ естественныя богатства страны ждутъ только рукъ для разработки ихъ. Не говоря объ огромныхъ лѣсахъ, богатыхъ превосходнѣйшимъ строевымъ лѣсомъ, минеральныя сокровища Амурской области обѣщаютъ весьма много; во многихъ мѣстахъ, у самого Амура, найденъ каменный уголь, золото и желѣзо. Значительная влажность отъ обширныхъ лѣсныхъ пространствъ еще препятствуетъ развитію земледѣлія, но, съ другой стороны, Амурскія страны представляютъ превосходную почву для скотоводства; сотни квадратныхъ миль могутъ служить превосходнѣйшимъ пастбищемъ для милльоновъ овецъ, лошадей и рогатаго скота.

Для изслѣдованія Амура много было сдѣлано сибирскимъ отдѣломъ русскаго географическаго общества, а одинъ богатый сибирякъ, г. Соловьевъ, пожертвовалъ полъ-пуда золота для снаряженія въ этотъ край экспедиціи, управленіе которой было поручено извѣстному путешественнику Ричарду Маку. Прекрасныя описанія Маака, Максимова, Герстфельда и другихъ ученыхъ путешественниковъ познакомили насъ съ этимъ пустыннымъ, далекимъ краемъ и образомъ жизни и нравами его кочующаго населенія.

Рѣка Амуръ, кромѣ своего истока, обитаемаго монголами и бурятами, и устья, населеннаго гиляками, народомъ курильскаго происхожденія (какъ надо предполагать), есть рѣка по преимуществу тунгузская, то есть протекаетъ по мѣстностямъ, населеннымъ тунгузскими племенами. Племена эти не многочисленны, и по мѣрѣ расширенія колонизаціи края постепенно вымираютъ. На всемъ громадномъ пространствѣ Приамурской области, простирающейся на 38,500 квадратныхъ миль, изъ коихъ болѣе 10 тысячъ принадлежитъ Россіи, насчитывается не больше 24,000 туземцевъ. Съ размноженіемъ по берегамъ Амура европейскихъ переселенцевъ, эти полудикіе народы, одѣтые въ мѣха и рыбью кожу, безъ сомнѣнія исчезнутъ совершенно, поэтому тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ нихъ въ настоящее время особенно дороги.

Полу-кочующіе народы Амура принадлежатъ, какъ мы уже сказали выше, къ тунгузскому племени. Отъ сліянія Шилки съ Аргунью, на протяженіи 600 или 650 верстъ, разсѣяны два тунгузскія племени, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *орочоновъ* и *манегровъ*. Вмѣстѣ съ своими сосѣдями *бирарами*, на лѣвомъ берегу Амура, они составляютъ самое многочисленное туземное населеніе. Далѣе мы встрѣчаемъ немногочисленныя племена *гольдовъ*, *олчей* и *мангуновъ*; послѣдніе населяютъ лишь 40 деревень, въ которыхъ считается тысяча съ небольшимъ жителей. Еще далѣе вглубь страны, по лѣвымъ притокамъ Нижняго Амура, живутъ родственные имъ самаги.

Орочаны обыкновенно малорослы и рѣдко превышаютъ средній ростъ; тѣлосложеніе ихъ худощаво, руки и ноги тонки. Плоское лицо съ довольно большимъ острымъ носомъ, широкія скулы, большой ротъ съ тонкими губами, черные, маленькіе, немного сонливые глаза, черные гладкіе волосы и жиденькая бородка, составляютъ отличительную физіономію этихъ двухъ племенъ. Одежда ихъ заключается въ кожаной или мѣховой курткѣ, подъ которой они носятъ длинный китайскій халатъ изъ бумажной матеріи и кожаные панталоны; вмѣсто сапоговъ ноги обматываются оленьими шкурами, впрочемъ богатые носятъ и сапоги. Куртка стягивается кожаннымъ или плетенымъ изъ конскихъ волосъ поясомъ съ пряжкой; за него всегда заткнуты вещи ежедневно и часто употребляемыя: ножъ, трубка съ иглой для прочищенія ея, огниво, уховертка, щипчики для выдергиванія изъ бороды волосъ и красивый кошелекъ китайской работы. Всѣ эти предметы снабжены унизанными стеклярусомъ и бисеромъ шнурочками, китайскими монетами и проч. Бороду и усы отпускаютъ одни старики; надъ лбомъ и на вискахъ волосы выстрижены, а на затылкѣ заплетены въ длинную косу.

Женская одежда мало отличается отъ мужской; за поясомъ своей куртки онѣ также постоянно имѣютъ при себѣ всѣ необходимыя принадлежности для куренья, такъ какъ и женщины и даже дѣти курятъ здѣсь не менѣе мущинъ.

Физіономія манегровъ представляетъ два рѣзко противуположныхъ типа: одинъ чисто монгольскій, то есть—маленькій носъ и выдавшіяся скулы; другой, – продолговатый овалъ лица, правильныя черты, пропорціональныя скулы, носъ длинный, прямой, немного орлиный. Эта разница въ типахъ объясняется тѣмъ страннымъ обстоятельствомъ, что манегры, которые вообще весьма ревнивы, часто предоставляютъ своихъ женъ наѣзжающимъ сюда каждый годъ манджурскимъ чиновникамъ. Маленькій ростъ, тщедушность и тоненькія оконечности, отличающія орочановъ, рѣдко встрѣчаются у манегровъ; эти послѣдніе, напротивъ, большею частію отличаются силой, хорошо сложены, роста средняго и часто высокаго. Но женщины, особенно старухи, очень некрасивы; впрочемъ, иногда попадаются и между женщинами пріятныя физіономіи.

Манегры, какъ и орочаны, превосходные охотники и рыболовы. Зимой они отправляются на охоту въ лѣса, гдѣ и разсыпаются большими и малыми группами. Искусный охотникъ настрѣливаетъ въ зиму до пяти сотъ бѣлокъ, которыхъ продаютъ не менѣе 15 коп. сер. за штуку. Лукъ и стрѣлы уже почти вышли изъ употребленія; взамѣнъ ихъ употребляются китайскіе карабины или русскіе кремневыя ружья, которыми эти народы владѣютъ съ удивительнымъ совершенствомъ.

Особенную выгоду приноситъ манеграмъ и орочанамъ рыбная ловля весной и лѣтомъ. Помимо множества мелкой рыбы, главную добычу ихъ составляютъ осетры, имѣющіе иногда по пуду икры. Пойманную рыбу они частію употребляютъ въ пищу, частію вымѣниваютъ на муку шилкинскимъ казакамъ; за пудъ рыбы они получаютъ полпуда ржаной муки, и за пудъ икры отъ 3½ до 4-хъ пудовъ муки. Ловля осетровъ производится большею частію посредствомъ искусно устроенныхъ гарпуновъ; ладьи ихъ, съ легкимъ остовомъ, дѣлаются различной величины, смотря по числу сѣдоковъ и обшиваются березовой корой, а оба конца загибаются кверху, въ видѣ крючковъ.

Не смотря на то, что орочаны и манегры кочевые народы, они имѣютъ однако постоянныя жилища, въ которыя всегда и возвращаются съ кочевья. Живутъ они въ коническихъ юртахъ, построенныхъ на деревянныхъ шестахъ, которые сверху покрываются берестой, а потомъ еще устилаются шкурами сѣверныхъ оленей. При входѣ гостя въ подобную юрту, хозяинъ ведетъ его въ заднюю часть, называемую *малла*, куда женщины не имѣютъ доступа, и послѣ этого подаетъ ему закуренную трубку, переходящую изъ рукъ въ руки, какъ у краснокожихъ дикихъ Сѣверной Америки. Хотя у орочановъ и манегровъ допускается многоженство, но у нихъ обыкновенно не бываетъ больше одной жены; они берутъ ее къ себѣ въ домъ нерѣдко до возмужалости, такъ что она живетъ пока въ качествѣ служанки, но и выйдя замужъ всю жизнь остается въ подчиненномъ положеніи и исправляетъ самыя тяжелыя работы. Лошади, сѣверные олени и большее или меньшее число собакъ, суть единственныя домашнія животныя орочановъ и манегровъ. Что касается ихъ религіозныхъ вѣрованій, то они закоренѣлые шаманы. Позади юрты находится особое помѣщеніе, считаемое священнымъ, гдѣ стоятъ ихъ неуклюжіе идолы, которымъ они покланяются съ большимъ усердіемъ.

Тунгусы, обитающіе въ средней части Амура и обозначаемые подъ общимъ именемъ *дауровъ*, отличаются отъ орочановъ и манегровъ болѣе высокой степенью развитія и большею частію живутъ осѣдло. Вліяніе китайцевъ у нихъ замѣтнѣе, чѣмъ у какого-либо другаго племени по Амуру. По близости ихъ жилищъ пасется рогатый скотъ и табуны лошадей. Они употребляютъ двухколесныя повозки, домà ихъ окружены фруктовыми садами и огородами, а тамъ и сямъ виднѣются обширныя поля пшеницы, изъ которой жители приготовляютъ хлѣбъ, еще неизвѣстный орочанамъ и манеграмъ.

Постройка ихъ жилищъ довольно разнообразна: одни живутъ въ конусообразныхъ юртахъ, покрытыхъ березовой корой, камышемъ или прутьями, а иногда плетенками въ видѣ корзинъ; другіе имѣютъ дома, построенные изъ дерева и глины. Свѣтъ проникаетъ черезъ рѣшетчатыя окна съ прозрачной бумагой

Библиотека "Руниверс"

вмѣсто стеколъ. Эти постройки, равно какъ и одежда дауровъ, сильно носятъ на себѣ китайскій характеръ. Мущины носятъ длинную одежду, а сверхъ нея нѣчто въ родѣ жилета съ рукавами. Кромѣ того они носятъ панталоны и сапоги съ толстыми подошвами изъ папки. Волосы на головѣ спереди и съ боковъ острижены, а сзади висятъ длинной косой. На головѣ они носятъ китайскую шляпу или шапку. Трубку курятъ и мущины и женщины. Поясъ съ курительными принадлежностями, ножемъ, китайскими палочками, замѣняющими наши вилки, огниво и т. д. составляютъ необходимую часть туалета каждаго тунгуза.

Тунгузы-бирары, кочующіе по лѣвому берегу средняго Амура, добрые, простодушные люди и хорошіе охотники. Они солятъ землю, чтобы пріучить оленей къ посѣщенію опредѣленныхъ мѣстъ. Своими нравами и обычаями они ничѣмъ особеннымъ не отличаются отъ остальныхъ кочевыхъ тунгузскихъ племенъ. Самые же просвѣщенные изъ всѣхъ тунгузскихъ народовъ, обитающихъ у Амура, это *мангуны* и *ольчи*. У нихъ мы видимъ степень благосостоянія, какой нѣтъ у другихъ тунгузовъ. Жилища ихъ просторны и свѣтлы; дымъ отводится деревянными трубами на воздухъ, полъ плотно убитъ глиной, и въ рѣки, гдѣ разсчитываютъ на самый обильный ловъ. По окончаніи же лова, они снова возвращаются въ свои зимніе дома.

Неподалеку отъ жилья стоятъ амбары, построенные на сваяхъ, которые, какъ и жилые дома, рѣдко бываютъ заперты. Честность одна изъ превраснѣйшихъ чертъ мангуновъ; кража у нихъ—неслыханное преступленіе. Вообще нравъ ихъ добродушный и смѣлый. Въ семьѣ власть отца пользуется неограниченнымъ авторитетомъ. До извѣстнаго возраста дѣти находятся въ полной власти отца, который выбираетъ невѣсту для своего сына, когда тотъ еще мальчикъ. Женихъ и невѣста выростаютъ въ одной хижинѣ, какъ братъ и сестра. Свадьба справляется какъ только мальчику минетъ 18 лѣтъ, а дѣвочкѣ 14. Обычай не запрещаетъ имѣть мангунамъ и нѣсколько женъ, но этого не бываетъ, потому что у нихъ мущинъ больше чѣмъ женщинъ.

Всѣ эти тунгузскіе народы береговъ Амура ревностные шаманы; суевѣрія ихъ безчисленны, а мысль о злыхъ духахъ вселяетъ въ нихъ паническій страхъ. Шаманы ловко пользуются суевѣріями этихъ дикарей и имѣютъ надъ ними большую власть, но за то на нихъ лежитъ и большая отвѣтственность. По вѣ-

Кочующіе народы береговъ рѣки Амура. Рис. Леопольдъ Фламенъ, грав. Паннемакеръ.

немъ всегда есть углубленіе, гдѣ лѣтомъ постоянно поддерживаются раскаленные угли для зажиганія трубки и нагрѣванія водки. Стѣны состоятъ изъ двухъ рядовъ бревенъ, законопаченныхъ соломой и глиной. Крышу дѣлаютъ изъ березовой коры, которую, въ предупрежденіе того чтобы ее не снесло вѣтромъ, прикрѣпляютъ камнями.

Главнымъ способомъ добыванія жизненныхъ средствъ, служитъ для мангуна рыболовство. Рѣка даетъ ему и пищу, и одежду, и освѣтительный матерьялъ. Одѣваются мангуны щеголевато, особенно женщины. Одежда ихъ манджурскаго покроя, украшается на подолѣ цвѣтными суконными или шелковыми лентами, къ которымъ привѣшиваются раковинки или китайскія монеты. Серьги изъ проволоки съ бисеромъ составляютъ весьма любимое украшеніе. Мущины и женщины татуируются, впрочемъ это татурованіе ограничивается обыкновенно нѣсколькими крестообразными знаками на лбу.

Мангуны вовсе не настоящіе номады, хотя и не живутъ постоянно на одномъ мѣстѣ. Иногда они не бываютъ дома по цѣлымъ мѣсяцамъ и устраиваютъ лѣтнія хижины у тѣхъ мѣстъ

рованіямъ тунгузовъ, обыкновенные люди, послѣ смерти всѣ безъ различія попадаютъ прямо въ рай, шаманъ же, если онъ пользовался своею властью надъ злыми духами ко вреду ближняго, идетъ въ адъ. Умершимъ оказывается большое уваженіе; тѣло усопшаго кладутъ въ гробъ изъ выдолбленнаго древеснаго ствола. Надъ могилой ставится хорошенькій деревянный домикъ съ рѣзными украшеніями. Особенно изящно украшаются рѣзьбой гробничныя хижинки шамановъ. На небѣ тунгузъ также занимается охотою и рыболовствомъ, а потому неподалеку отъ гробницы вѣшаютъ сѣть, лукъ и стрѣлы, чтобы умершій могъ охотиться и на томъ свѣтѣ. Кромѣ того на гробничный домикъ кладутъ отъ времени до времени небольшія жертвы изъ рыбы, табаку и тому подобныхъ предметовъ.

Таково туземное населеніе, завоеванное нынѣ для цивилизаціи амурскихъ странъ. Но, какъ извѣстно, дыханіе цивилизаціи не совершенствуетъ, а уничтожаетъ эти первобытныя дикія племена, и можетъ быть черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ этихъ мѣстностяхъ сохранится отъ нихъ одно только воспоминаніе.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Ж. Мутье. Основаніе термодинамики. Пер. С. Степанова, ц. 1 р. 25 к.

Цѣль предлагаемаго руководства, говоритъ авторъ, распространить въ элементарной формѣ основанія науки, имѣющей самое близкое отношеніе къ химіи, наукамъ біологическимъ и техникѣ.

И дѣйствительно подобное руководство оказалось небезполезнымъ даже во французской литературѣ, обладающей такими классическими сочиненіями, какъ Exposition analitique Hirn'a, Theorie mécanique de la chaleur Verdet, и пр. У насъ же, если не считать Термостатику г. Окатова, недоступную ни по цѣнѣ, ни по изложенію для большинства интересующихся этимъ предметомъ, *Основанія термодинамики* являются первымъ руководствомъ по механической теоріи теплоты. Мы увѣрены, что наша учащаяся молодежь встрѣтитъ съ большимъ сочувствіемъ вновь появившуюся книгу, такъ какъ недостатокъ въ подобномъ руководствѣ давно давалъ себя чувствовать.

Переводъ книги вполнѣ удовлетворителенъ, а опечатокъ, на которыя такъ щедры русскія изданія вообще, а математическія въ особенности весьма немного.

М. Л.

Смѣсь.

Миссія іезуитовъ въ Китаѣ.

Душою іезуитскаго ордена и однимъ изъ его основателей, былъ апостолъ индѣйцевъ Фравцъ Ксаверій. Онъ младшій сынъ наварскаго дворянина, рыцаря Іоанна Исса, и родился въ 1506 году въ старомъ фамильномъ замкѣ Ксавіеро въ Пиринеяхъ. Фравцъ былъ очень способный и прилежный юноша и ревностно изучалъ богословіе въ Парижѣ. Тутъ онъ познакомился съ ограниченнымъ, но энергическимъ романтикомъ, бывшимъ испанскимъ рыцаремъ, Игнатіемъ Лойолой, котораго военно-дисциплинарныя идеи, положенныя въ основаніе устройства ордена. Прежде онъ, а потомъ Лайнецъ, освѣтилъ огнемъ своего пламеннаго воодушевленія и сдѣлалъ ихъ удобоисполнимыми для римско-католической церкви. Исполненный фанатическаго энтузіазма къ католической религіи, онъ въ 1540 г., немедленно по вступленіи своемъ въ іезуитскій орденъ, отправился, пренебрегая всѣми ужасами и опасностями далекаго путешествія, въ Бразилію, Индію, Малагу и Японію съ цѣлью распространить истины христіанскаго ученія. Въ 1550 г. проповѣдывалъ онъ христіанство на Моллукскихъ островахъ, которыя были открыты португальцами въ 1511 г. и, единственно изъ ревности къ истинной католической вѣрѣ, осчастливилъ бѣдныхъ язычниковъ огнемъ и мечемъ, цѣпями и оковами священной инквизиціи. Ксаверій въ 1551 году весьма успѣшно основывалъ повсюду, равно какъ и въ португальскихъ владѣніяхъ Гоа въ Остъ-Индіи, торговые пункты и іезуитскія коллегіи, и достигъ наконецъ цѣли своихъ пламенныхъ желаній—Китая, гдѣ онъ 2-го декабря 1552 года умеръ на островѣ Макао, въ виду могущественнаго Кантона.

Все то, что Римъ потерялъ изъ своихъ вѣрующихъ вслѣдствіе реформаціи въ Европѣ, Ксаверій желалъ пріобрѣсть путемъ религіозной миссіи въ Америкѣ и Азіи.

Замѣчательно, что вся чудесная сила этого праведника, котораго папа Бенедиктъ XIV причислилъ въ 1619 г. къ лику святыхъ, послѣ его смерти ушла въ его черную іезуитскую шапочку. Эта послѣдняя, которую практическіе іезуиты съумѣли обратить въ весьма популярное, цѣлебное орудіе, доставила ордену цѣлыя тонны золота. Баретъ Ксаверія между всѣми чудесами католической церкви считается самымъ универсальнымъ средствомъ противъ женскихъ болѣзней. Въ Португаліи, куда шапочка была доставлена послѣ смерти святаго, какъ видно изъ провансальскихъ актовъ, многія королевы съ большимъ успѣхомъ пользовались ею; женщины всѣхъ сословій исцѣлялись отъ разныхъ недуговъ, какъ скоро имъ посчастливилось, при содѣйствіи іезуитскихъ патеровъ возложить на себя эту чудесную шапочку.

Послѣ смерти Франца Ксаверія товарищи его преспокойно остались въ Макао и въ своихъ письменныхъ донесеніяхъ генералу ордена Яго Лайнецъ, преемнику Лойолы, творили чудеса и знаменія: ежедневно совершался обрядъ крещенія надъ китайцами. Злые языки говорятъ, что святые отцы-іезуиты не особенно церемонились съ этимъ священнымъ обрядомъ. Какъ только какой-нибудь плѣшивый китаецъ проходилъ мимо ихъ оконъ, или какой-нибудь китайскій мальчуганъ безпаботно игралъ на улицѣ, они окропляли имъ голову и плечи и, произнося обычную формулу крещенія, совершали этотъ священный обрядъ такъ сказать per distanciam. Такой способъ крещенія весьма простъ и ничего не стоитъ.

Но эти крещенія, совершавшіяся столь быстро и массами, подчасъ надъ больными и *мертвыми* дѣтьми обратили наконецъ на себя вниманіе іезуитскаго генерала Александра Валигиана. Послѣдній, для прочной организаціи дѣлъ христіанской миссіи и дѣйствительнаго обращенія Китайцевъ въ христіанство, въ 1582 году отправилъ въ Китай энергическаго іезуита, ловкаго неаполитанца Матвѣя Рикчи, образцовый экземпляръ іезуита. Этотъ человѣкъ не останавливался ни передъ какими трудностями, былъ терпѣливъ, хитеръ и остороженъ, словомъ—мастеръ на всѣ руки, и твердо шелъ по разъ начертанному имъ пути; при этомъ онъ имѣлъ обширныя научныя свѣдѣнія, преимущественно по математикѣ и астрономіи, любимымъ наукамъ китайцевъ, былъ весьма искуснымъ живописцемъ, обладалъ богатыми техническими способностями и отличался, какъ часовщикъ и механикъ; особенно велико было его знаніе людей.

Съ этими задатками вступилъ онъ въ обществѣ своихъ двухъ орденскихъ братьевъ (іезуиты посылаютъ въ свѣтъ своихъ питомцевъ по три, чтобы воспрепятствовать всякой солидарности между каждыми двумя) на китайскую почву, только не въ качествѣ миссіонера, а простаго японца; орденскій костюмъ іезуитовъ былъ снятъ и замѣненъ языческимъ облаченіемъ буддистскихъ жрецовъ. Святые отцы добродушно объясняли, что пріѣхали исключительно съ цѣлью изучить языкъ высокообразованныхъ китайцевъ и заимствовать у этого перваго и умнѣйшаго въ свѣтѣ народа нѣкоторыя научныя свѣдѣнія. Само собою разумѣется, что всѣ двери и сердца сдѣлались доступными этимъ любезнымъ иностранцамъ: хитрый Рикчи затронулъ слабую сторону китайскаго народа, отличительныя черты характера котораго составляютъ высокомѣріе, тщеславіе и самоуправство.

Съ необыкновеннымъ прилежаніемъ и желѣзнымъ терпѣніемъ Матвѣй Рикчи семь лѣтъ розыгрывалъ роль японскаго бонзы. Послѣ многихъ усилій онъ наконецъ, первый изъ европейцевъ, основательно изучилъ китайскій языкъ—онъ говорилъ и писалъ на немъ. Первымъ дѣломъ его было изданіе на китайскомъ языкѣ краткаго катехизиса; за этимъ скоро послѣдовали многія нравоучительныя сочиненія, въ составленіи которыхъ онъ достигъ такого совершенства и ловкости, что ему удивлялись даже китайскіе ученые и спеціалисты. Къ этому же времени (1589 г.) была имъ составлена для Китайцевъ вымышленная карта земнаго шара, на которой Китай, согласно народному повѣрью, какъ срединное царство, былъ представленъ въ исполинскихъ размѣрахъ и дѣйствительно лежалъ въ срединѣ, между тѣмъ какъ остальныя государства, начерченныя весьма мелкимъ масштабомъ, группировались вокругъ этого исполина.

Теперь наконецъ уже могъ Рикчи подвинуться на одинъ шагъ дальше. Онъ снялъ съ себя жреческій костюмъ и облекся въ кафтанъ китайскаго ученаго. Въ этомъ костюмѣ онъ былъ представленъ китайскому императору, преодолѣвши всѣ трудности, съ которыми былъ сопряженъ доступъ къ сыну солнца. Со всѣми тонкостями туземнаго церемоніала приблизился онъ къ лучезарному лику «отблеска неба» и произнесъ передъ нимъ весьма изящную рѣчь на китайскомъ языкѣ и повергнись ницъ, преподнесъ ему пару часовъ. Императоръ былъ просто въ восторгѣ отъ этого благороднаго европейца, который умѣлъ такъ изящно выражаться по китайски, въ то время какъ до этихъ поръ полагали, что ни одинъ иностранецъ не совладаетъ съ трудностями китайской рѣчи; императоръ до того увлекся этимъ щедрымъ жертвователемъ часовъ, что тотчасъ разрѣшилъ замаскированному іезуиту пребываніе въ Пекинѣ и предложилъ ему высокій государственный постъ, который послѣдній почтительно принялъ. Вступивъ въ новую свою должность и едва только ознакомившись съ мѣстностью, Рикчи былъ пораженъ сходствомъ между буддистскими жрецами и католическими нищенствующими монахами, сходствомъ китайской религіи съ католической; онъ восхвалялъ первую и проповѣдывалъ послѣднюю. Цѣлыми тысячами стекались къ нему китайцы и даже мандарины, люди съ цвѣтными пуговицами и павлиными перьями приходили принять отъ него святое крещеніе. Товарищи Рикчи, розыгрывавшіе въ этой драмѣ роль статистовъ, между тѣмъ ежедневно собирали подкинутыхъ ночью дѣтей, гдѣ было нужно принимали на себя роль воспріемниковъ и крестили ихъ, какъ нѣкогда это дѣлали спутники Ксаверія, не разбирая, имѣли они дѣло съ здоровымъ, больнымъ, полумертвымъ или мертвымъ ребенкомъ.

Списки новообращенныхъ китайцевъ возрастали такимъ образомъ все болѣе и болѣе и дошли наконецъ до громадной цифры. Вмѣстѣ съ ними выростало число церквей; въ одной провинціи Кіангъ-си было тогда выстроено слишкомъ 90 католическихъ церквей.

Но громадные успѣхи Рикчи не вездѣ одинакожь встрѣчались благосклонно. Въ самомъ католическомъ духовенствѣ возбужда-

Библиотека "Руниверс"

ли они серьезныя опасенія. Рикчи обладалъ весьма упругою іезуитскою совѣстью. Никакой евангелическій или истинно католическій миссіонеръ не относился бы къ дѣлу спасенія душъ съ такимъ легкомысліемъ, съ какимъ относился къ нему Рикчи. Онъ, напримѣръ, оставлялъ прежнихъ языческихъ идоловъ и давалъ имъ имена католическихъ святыхъ, смыслъ и значеніе которыхъ были совершенно чужды китайцамъ. Китайцы, хотя и христіане, продолжали такимъ образомъ молиться своимъ прежнимъ идоламъ. Противъ такого легкомысленнаго образа дѣйствія, противъ такого іезуитскаго пренебреженія интересами церкви, подняли свой обличительный голосъ доминиканскіе и францискавскіе монахи, прибывшіе въ Китай тоже съ цѣлью обращенія язычниковъ въ христіанство. Сначала они пробовали дѣйствовать на него братскими увѣщаніями и просьбами, потомъ энергическимъ протестомъ и затѣмъ, когда все это осталось безъ всякаго успѣха, они рѣшились открыто жаловаться папѣ. Но такъ какъ Римъ весьма далекъ отъ Пекина и іезуиты, пользовавшіеся кромѣ того своимъ собственнымъ судомъ, считались тогда еще излюбленными сынами папы, съ которыми послѣдній не хотѣлъ ссориться также, какъ съ доминиканцами и францисканцами, то никакого отвѣта на эту жалобу не послѣдовало.

Еще удачнѣе чѣмъ, Рикчи, повелъ дѣло католической миссіи въ Китаѣ кельнскій іезуитъ Адамъ Шилль, замѣнившій перваго въ 1628 г. Онъ превзошелъ своего предшественника прилежаніемъ, хитростью и знаніемъ людей и не меньше его былъ образованъ и краснорѣчивъ. Рикчи приготовилъ только почву и тщательно ее обработалъ, а Шалль, по его собственному выраженію, посѣялъ на ней золото, серебро и драгоцѣнные камни.

Какъ химикъ и астрономъ, какъ изготовитель физическихъ инструментовъ, Шалль обратилъ на себя въ Китаѣ всеобщее вниманіе и, въ 1651 г., былъ онъ объявленъ воспитателемъ молодаго императора Шумъ-ша и вскорѣ затѣмъ и предсѣдателемъ математическаго трибунала въ Китаѣ. Подобно Рикчи онъ воспользовался своимъ высокимъ положеніемъ для распространенія христіанства въ высшихъ слояхъ китайскаго общества. Но его успѣхи не были продолжительны. Въ 1660 году скончался императоръ Шумъ-ши, а ревнивый его пріемникъ скоро лишилъ его этого высокаго положенія при дворѣ. Вскорѣ затѣмъ произошелъ въ Китаѣ кровавый государственный переворотъ, результатомъ котораго было водвореніе въ Китаѣ татарской династіи. Шалль держалъ сторону побѣдоноснаго претендента на китайскій престолъ. Въ 1664 году Шалль, достойный ученикъ Лойолы, пронырствомъ и лестью, своимъ знаніемъ и умѣньемъ обдѣлывать дѣла, снискалъ себѣ расположеніе жестокаго похитителя престола, новаго татарскаго императора Лицсінтшевъ, который совершенно открыто высказался за римскую церковь. Преемники Шалля, продолжая занимать высокое положеніе при китайскомъ дворѣ, усилили значеніе римской церкви, вліяніе которой до 1720 года возрастало все болѣе и болѣе.

Но это именно постоянное усиленіе значенія римской церкви и пробудило дремавшую китайскую подозрительность. Императоры сильно призадумались надъ постоянными успѣхами католической религіи а не на шутку встревожились, когда іезуиты стали вмѣшиваться во внутреннія дѣла китайцевъ; святые отцы, позабывши прежнюю осторожность, стали дѣйствовать смѣлѣе в болѣе открыто. Къ этому присоединились еще зависть, несогласія и раздоры между самыми орденскими братьями. Раздоры, открывшіе много темныхъ сторонъ въ домашнемъ строѣ іезуитовъ. Все взятое вмѣстѣ и было причиною рѣзкой перемѣны къ іезуитамъ китайцевъ. Адамъ Шалль, прежній любимецъ императора, пользовавшійся такою громадною популярностью и уваженіемъ при китайскомъ дворѣ, былъ объявленъ въ 1664 г. врагомъ отечества и томился въ одной изъ китайскихъ тюремъ, гдѣ онъ въ 1666 г. умеръ въ заточеніи, позабытый своими прежними друзьями.

Съ этого времени начинаются преслѣдованія католической религіи, Эти преслѣдованія совершались періодически, смотря по настроенію того или другаго императора и по болѣе или менѣе сильному содѣйствію со стороны отцевъ-іезуитовъ; въ началѣ онѣ были менѣе жестоки и выражались въ игнорированіи католической религіи, въ обвиненіи ее въ ереси, а впослѣдствіи при императорѣ Зунгъ-тшангѣ обратились во всеобщее санкціонированное преслѣдованіе христіанъ и поголовное изгнаніе миссіонеровъ. Вѣчные раздоры и ссоры миссіонеровъ и христіанъ въ ихъ школахъ опротивѣли наконецъ сыну солнца и вотъ, подъ предлогомъ возстановленія мира было объявлено кровавое преслѣдованіе христіанъ, отъ котораго уцѣлѣли только нѣкоторые миссіонеры, которые имѣли счастье пользоваться особымъ расположеніемъ императора. Ближайшіе преемники Зунгъ-тшинга, обвиняя христіанъ въ революціонныхъ происках, воздвигали противъ нихъ гоненія, которыя кончились въ 1773 году поголовнымъ изгнаніемъ іезуитовъ изъ Китая. Съ этого времени всякій христіанинъ въ предѣлахъ небесной имперіи подвергался казни чрезъ повѣшаніе.

Только со времени заключенія нанкинскаго мира отъ 29-го августа 1845 г., и изданія китайско-французскаго эдикта о вѣротерпимости, отъ 25-го августа 1845 г., ни одна христіанская религія въ предѣлахъ Китая больше не преслѣдуется. Этимъ договоромъ воспользовались англичане, французы, нѣмцы, американцы, датчане, которые распространили его и на евангелическую церковь.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— «Кронштадтскому Вѣстнику» телеграфируютъ изъ Копенгагена, что, 8-го сентября въ шесть часовъ утра, императорская паровая яхта „Держава", съ ихъ высочествами великою княгиней Маріей Александровной, герцогиней Эдинбургской, и ея супругомъ, принцемъ Альфредомъ, герцогомъ Эдинбургскимъ, и ихъ августѣйшимъ сыномъ, благополучно достигла Драгэ, куда, въ 9 часовъ, прибыли для встрѣчи ихъ императорскія высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и великая княгиня Цесаревна. Ихъ императорскія высочества посѣтили «Державу», и затѣмъ въ 11-ть часовъ, августѣйшіе путешественники и ихъ высочества съѣхали на берегъ въ «Belle-Vue» Великая княгиня Марія Александровна и принцъ Альфредъ, герцогъ Эдинбургскій, во время пребыванія въ Копенгагенѣ, останутся жить на яхтѣ «Держава», которая стала на якорь на внутреннемъ копенгагенскомъ рейдѣ.

Дѣйствія правительства.

— Кавказскій комитетъ, разсмотрѣвъ внесенные Государемъ Великимъ Княземъ Намѣстникомъ проекты: а) условій объ уступкѣ обществомъ возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ участковъ изъ принадлежащаго ему Караязскаго имѣнія во временное пользованіе и собственность частныхъ лицъ, и б) временныхъ правилъ о порядкѣ завѣдыванія Маріинскимъ ирригаціоннымъ каналомъ въ томъ имѣніи и принадлежащими къ каналу сооруженіями, III пунктомъ журнала, Высочайше утвержденнаго 11-го февраля сего года, положилъ: предоставить Его Императорскому Высочеству Намѣстнику Кавказскому утвердить, по собственному Своему усмотрѣнію и распоряженію, означенные проекты.

— Утвержденные на семъ основаніи Великимъ Княземъ Намѣстникомъ проекты: а) условій, на основаніи коихъ общество отдаетъ участки, принадлежащей ему земли, въ Караязской степи въ частное пользованіе и собственность, и б) временныхъ правилъ о порядкѣ завѣдыванія Маріинскимъ ирригаціоннымъ каналомъ и принадлежащими къ нему сооруженіями, и препровожденные къ Министру Юстиціи по порученію Его Императорскаго Высочества, Министръ Юстиціи предложилъ Правительствующему Сенату.

— Военный Совѣтъ, по представленію главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній объ измѣнившейся потребности въ приготовленіи переводчиковъ для службы въ военныхъ округахъ западно-сибирскомъ, оренбургскомъ и туркестанскомъ положилъ: преподаваніе въ оренбургской-неплюевской и сибирской военныхъ гимназіяхъ татарскаго языка прекратить, сдѣлавъ въ этихъ заведеніяхъ обязательнымъ для всѣхъ вообще воспитанниковъ изученіе двухъ иностранныхъ языковъ: французскаго и нѣмецкаго, и отмѣнивъ существующее примѣчаніе къ 638 ст. XV кн. с. в. п. 1869 года.

Означенное положеніе Военнаго Совѣта Высочайше утверждено 16-го августа сего года.

Дѣла церкви.

— Архимандритъ сербскаго, въ Москвѣ, подворья, о. Савва проситъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что пріемъ пожертвованій, въ пользу пострадавшихъ православныхъ христіанъ въ Герцеговинѣ, Босніи и Старой Сербіи, производится на сербскомъ подворьѣ, что на Солянкѣ, въ Москвѣ, куда и проситъ лицъ, желающихъ оказать вспомоществованіе несчастнымъ, адресовать свои пожертвованія, которыя немедленно будутъ отправляемы на мѣсто, чрезъ митрополита сербскаго Михаила, состоящаго президентомъ международнаго комитета пособія герцеговинцамъ и босякамъ.

Народное просвѣщеніе.

— «Николаевское общество пособія недостаточнымъ лицамъ, стремящимся къ образованію», считаетъ въ средѣ своей 160 членовъ. Не смотря на краткій срокъ своего существованія, оно уже выдало пособіе 26 лицамъ, изъ которыхъ 5 находятся въ реальномъ училищѣ, 2 въ классической гимназіи, 2 въ женской, 5 въ женской прогимназіи, по одному въ ремесленномъ училищѣ и горномъ институтѣ и 10 въ школахъ грамотности. Сверхъ того, общество входило въ сношенія съ ново-бугскою учительскою семинаріей и съ горнымъ институтомъ въ Петербургѣ о помѣщеніи туда своихъ стипендіатовъ. На стипендіи и единовременныя пособія всего израсходовано было въ 8 мѣсяцевъ 355 руб; всего же, въ остаткѣ къ 28-му іюля 1875 года—1.290 руб. 88 коп. Средства свои, помимо членскихъ взносовъ, общество почерпаетъ, какъ видно изъ отчета, изъ устраиваемыхъ имъ дѣтскихъ баловъ и т. п. увеселеній. Прошенія о пособіяхъ поступаютъ въ значительномъ числѣ.

— Изъ Екатеринослава пишутъ, въ Но-

Библиотека "Руниверс"

ворос. Телегр.", что покойный Я. Я. Савельевъ, извѣстный мѣстный общественный дѣятель и ораторъ, принесшій много пользы какъ гласный думы, земскій гласный, занимавшій кромѣ того долгое время должность предсѣдателя уѣздной земской управы, поработавшій на пользу мѣстной торговли и промышленности, оставилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ винокуренный заводъ, паровую мельницу, механическую мастерскую со всѣми принадлежностями и постройками уступаетъ городу съ тѣмъ, чтобы на средства, могущія поступить отъ этого дара, путемъ-ли продажи или пользованія производствомъ было устроено реально-ремесленное училище по крайней мѣрѣ на 100 мальчиковъ. Покойный изъявилъ желаніе, чтобы училище это, буде оно откроется, именовалось «Савельевскимъ». Завѣщаніе это читалось недавно въ засѣданіи екатеринославской думы.

Военное и морское дѣло.

— «Русскій Инвалидъ» сообщаетъ слѣдующія подробности о происходившемъ, въ среду, 10-го сентября, освященіи новаго знамени 2-го батальона лейбгвардіи егерскаго полка: „10-го сентября, въ 9½ часовъ утра, всѣ офицеры полка собрались въ манежѣ на дворѣ 1-го батальона. По прибытіи, вслѣдъ затѣмъ, ихъ высочествъ: начальника дивизіи и главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, приступлено было къ прибивкѣ знамени. Первые гвозди были прибиты ихъ высочествами; затѣмъ, всѣ офицеры, вслѣдъ за командиромъ полка, прибили также по одному гвоздю; закончили прибивку фельдфебеля и по одному унтерофицеру отъ ротъ втораго батальона. Когда знамя было готово, ихъ императорскія высочества вышли на дворъ перваго батальона, гдѣ къ этому времени уже построенъ былъ полкъ, побатальонно, въ двухъзводныхъ колоннахъ, второй батальонъ лицомъ къ манежу. Пожалованное знамя, вынесенное изъ манежа и поставленное передъ аналоемъ, было освящено во время богослуженія, послѣ котораго, подъ новымъ знаменемъ, всѣми чинами полка была принесена присяга. По окончаніи присяги, командиръ полка, свиты Его Величества генералъ-майоръ Эллисъ 1-й, прочелъ передъ полкомъ высочайше пожалованную, 18-го августа, грамату слѣдующаго содержанія:

«Нашему лейбгвардіи егерскому полку.

«Въ награду знаменитыхъ подвиговъ, мужества и храбрости, оказанныхъ, въ отечественную войну 1812 года, противъ французскихъ войскъ лейбгвардіи егерскимъ полкомъ, въ Бозѣ почившимъ императоромъ Александромъ I, 13-го апрѣля 1813 года, всемилостивѣйше пожалованы всѣмъ тремъ батальонамъ означеннаго полка георгіевскія знамена съ надписью: «За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи 1812 года». Впослѣдствіи, въ 1828 году, послѣ дѣла 10-го сентября, при Гаджи-Гассанъ-Ларѣ, знамени 2-го батальона сего полка не оказалось, почему оно считалось погибшимъ, и въ Бозѣ почившимъ родителемъ нашимъ, императоромъ Николаемъ I, всемилостивѣйше пожаловано означенному батальону новое георгіевское знамя съ надписью: «За отличіе при осадѣ и взятіи Анапы и Варны 1828 года», во вниманіе къ отличію, оказанному въ означенныхъ дѣлахъ 13-мъ и 14-мъ егерскими полками, поступившими въ составъ лейбгвардіи егерскаго полка. Нынѣ часть означеннаго знамени, сохраненная однимъ изъ офицеровъ, бывшихъ въ гаджи-гассанларскомъ дѣлѣ, найдена, а потому, признавая справедливымъ возстановить прежнее знамя 2-го батальона лейбгвардіи егерскаго полка, мы, всемилостивѣйше жалуя этому батальону новое георгіевское знамя съ прежнею надписью: „За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи 1812 года", взамѣнъ состоящаго въ настоящее время георгіевскаго же знамени съ надписью: „За отличіе при осадѣ и взятіи Анапы и Варны 1828 года", повелѣваемъ: освятивъ жалуемое знамя по установленію, употреблять на службу намъ и отечеству, съ вѣрностію и усердіемъ россійскому воинству свойственнымъ".

— Старому знамени отдана была честь, и оно отнесено для храненія въ полковую церковь, а новое торжественно было принято полкомъ.

— Изъ Кронштадта пишутъ что парусная яхта „Волна", принадлежащая его императорскому высочеству великому князю генералъ-адмиралу, 6 сентября приткнулась къ камнямъ у входа въ Біоркъ-Зундъ, наступившими-же затѣмъ свѣжими вѣтрами совершенно разбита. Въ среду, 10 сентября, командиръ и экипажъ яхты доставлены въ Кронштадтъ на пароходѣ фрегатѣ „Рюрикъ", ходившемъ къ мѣсту крушенія для поданія помощи. Яхта пробила себѣ дно, а затѣмъ переломилась и по борту. Яхта «Волна» построена изъ желѣза, въ Англіи, въ 1848 году, за 55,000 руб. Команда яхты изъ гвардейскаго экипажа и состояла, по преимуществу, изъ молодыхъ матросовъ, обученіе которыхъ и составляло назначеніе яхты во время послѣдняго плаванія.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

«Трудная работа».

— Чортъ побери! Вы что искали въ моемъ карманѣ?

— Извините-съ, ничего я тамъ не искалъ, а такъ какъ сегодня холодновато, ну, а въ моемъ костюмѣ кармановъ не имѣется, вотъ я и хотѣлъ погрѣть немножко руку въ вашемъ карманѣ, прежде нежели отправиться на работу.

— Прекраснымъ дѣломъ, должно быть, вы занимаетесь!..

— Работа у меня трудная-съ, доложу вамъ!

СОДЕРЖАНІЕ. Лейбъ-Медикъ Его Императорскаго Величества, Профессоръ Сергѣй Петровичъ Боткинъ (съ портретомъ).—Кто выигралъ?.. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха—Шахъ королевъ (съ рисункомъ).—Послѣдняя репетиція (изъ галлереи маленькихъ картинъ) (съ рисункомъ).—Кочующіе народы береговъ рѣки Амура (съ рисункомъ).—Библіографія.—Смѣсь.—Разныя извѣстія.

За Редактора
Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ
В. БЕССЕЛЯ и К°.
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 58.

Поступило въ продажу для желающихъ изучить основательно игру на фортепьяно

ШКОЛА ЭТЮДОВЪ
составленная **К. ЛЮТШЕМЪ.** Адъюнктомъ СПБ. Консерваторіи.

Одобренная совѣтомъ профессоровъ СПБ. Консерваторіи какъ руководство для спеціальныхъ классовъ игры на фортепьяно. Собраніе этюдовъ разныхъ авторовъ, прогрессивно распредѣленныхъ въ 12 тетрадей (и одной подготовительной) составлено для употребленія преимущественно въ классахъ Консерваторіи; систематичности распредѣленія этюдовъ при незамѣтныя переходы отъ легкихъ къ болѣе труднымъ этюдамъ, это собраніе принято уже въ нѣкоторыхъ музыкальныхъ школахъ и во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, для руководства въ фортепьянныхъ классахъ. Цѣна каждой тетради 1 р, 50 к. Подготовительные преимущественно въ объемѣ 5 тонахъ. Ц. 1 р. 30 к.

ШКОЛА ГАММЪ
Л. Гомиліуса

Составленная по методѣ А. Рубинштейна. Цѣна 4 р. Тетрадь I. 1 р. 50 к. Тетр. 2-я 2 р. Тетрадь 3-я 1 р. 50 коп,

Также принимается подписка на газету
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ.
Цѣна съ пересылкою и доставкою 3 р. 60 к.

ГГ. ПРІѢЗЖАЮЩИМЪ въ С.-Петербургъ, желающимъ жить дешево, тихо и спокойно, рекомендуются комнаты съ двумя швейцарами, прислугою и бѣльемъ отъ 60 к., до 2 р. въ сутки, по подъѣзду съ Гороховой, на углу Большой Морской, въ д. Штрауха, кв. № 26. 4—2

АБОНЕМЕНТЪ
на чтеніе въ музыкальномъ магазинѣ **А. ВАСИЛЬЕВА.**
По Михайловской улицѣ д. № 4 противъ Европейской гостинницы.

Отъ 1 руб. на мѣсяцъ и отъ 5 руб. на годъ Огромный выборъ классическихъ и салонныхъ сочиненій для пѣнія, фортепьяно, фисгармоники и др. инструментовъ. Большой выборъ нотъ для тріо, квартетовъ и т. д. Магазинъ пополненъ всѣми новостями, вышедшими въ послѣднее время здѣсь и заграницей.

Дешевыя ноты въ изданіяхъ Петерса, Литольфа, Юргенсона и другихъ.

Пересылка нотъ въ провинцію.
ДЕШЕВЫЯ ЦѢНЫ.

Здѣсь-же продаются:
Н. Брянскаго; Музыкальная азбука. Руководство къ изученію пѣнія, цѣна 50 коп. пересылка 1 фунт.
Сборникъ тр хъ голосныхъ пьесъ для однороднаго хора 50 коп.

Учебное заведеніе 1-го разряда
съ полнымъ курсомъ Классической гимназіи
содержимое Э. РЕПМАНОМЪ въ Москвѣ.

Помѣщается, на Гончарной ул., близь Яузскаго моста въ д. Степановой.

Пріемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа. 10—9

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 17 Сентября 1875 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ СПб. Больш. Морская д. № 3. Тип. Безлихта. Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.
№ 40 1875
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Выданъ 6 Октября 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

А. В. Кольцовъ.

Народныя пѣсни и пѣсни Кольцова.

У всякаго народа съ самаго ранняго времени, еще до его образованія, когда у него не бываетъ даже письменности, возникаетъ самобытная народная поэзія. Самородные, народные пѣвцы, непросвѣщенные наукою, руководясь только врожденнымъ поэтическимъ дарованіемъ, въ пѣсняхъ и сказаніяхъ, безъискусственно слагаемыхъ, выражаютъ все то, что поражало ихъ въ жизни, возбуждало мысли, чувства. Ни у одного народа нѣтъ такихъ пѣсенъ, о которыхъ можно было бы сказать, что онѣ составлены тѣмъ или другимъ поэтомъ древности. Между тѣмъ само собою разумѣется, что пѣсня началомъ своимъ одолжена бываетъ одному какому-нибудь лицу, сердце котораго живѣе поняло поэтическую сторону случившагося и невольно запѣло пѣснь. Сложенная такимъ образомъ пѣсня легко сообщалась народу, приготовленному къ ней уже самымъ событіемъ, и переходила отъ поколѣнія къ поколѣнію, между тѣмъ имя составителя ея забывалось. Хотя мы имѣемъ нѣкоторыя указанія на древнихъ поэтовъ, напр. въ «Словѣ о полку Игоревѣ» упоминается о Баянѣ, но съ именемъ ихъ не связано у насъ въ народной памяти ни одного произведенія старины. Словесность народная, при всей обыкновенной простотѣ и безъискусственности, въ составѣ своемъ заключаетъ все то, что находится въ образованной словесности, только начала эти въ ней не развиты. Самородное эпическое начало обнаружилось

А. В. Кольцовъ. Рис. Пилоти, грав. Пуцъ.

Библиотека "Руниверс"

въ сказаніяхъ, былинахъ русскаго народа; драматическое въ хороводныхъ и обрядовыхъ пѣсняхъ. Одна изъ древнѣйшихъ народныхъ нашихъ хороводныхъ пѣсенъ, гдѣ обнаруживается драматическое начало, слѣдующая:

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой Дидъ-Ладо сѣяли, сѣяли, и проч:

Переходъ отъ хороводныхъ къ лирическимъ пѣснямъ составляютъ обрядовыя, которыя поются при святочныхъ играхъ, при обрядахъ свадебныхъ, на гуляньяхъ народныхъ, въ особые дни —въ Семикъ, Ивановъ день, Петровъ и пр. Собственно же къ лирическимъ относятся тѣ пѣсни, въ которыхъ выражаются чувства, возбужденныя или событіями общественнаго быта, или явленіями обыденной народной жизни. Первыя (историческія) пѣсни по содержанію относятся ко времени до XVI в. Втораго рода пѣсни выражаютъ чувства, возбужденныя явленіями семейнаго быта, онѣ чрезвычайно разнообразны, какъ разнообразны самые предметы, которые могутъ въ разныхъ обстоятельствахъ волновать душу. Иногда отецъ разставаясь съ сыномъ отправляетъ его на службу царскую, иногда нѣжная дѣвица заливается слезами по возлюбленномъ другѣ, отправляющемся въ дальній путь; иногда на широкой равнинѣ лежитъ раненый добрый молодецъ и т. п. Выраженія этихъ чувствованій отражаютъ въ себѣ грустную сторону жизни народной, но и радость, и веселье находятъ въ ней свое мѣсто. Характеръ большей части русскихъ народныхъ пѣсенъ заунывный, или отчаянно разгульный. Изложеніе предмета русскихъ пѣсенъ своеобразно и самобытно въ высшей степени. Правда, въ нихъ нельзя найти художественной отдѣлки, нѣтъ утонченной отчетливости въ картинахъ, даже въ самыхъ выраженіяхъ и словахъ, но за то въ нихъ господствуетъ неподдѣльное чувство, полнота ощущеній, простота и естественность, въ нихъ нѣтъ ничего отвлеченнаго и придуманнаго. Почти всякая пѣснь начинается изображеніемъ какой-нибудь черты природы и отъ нея переходитъ къ основной идеѣ:

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй тоска въ ретиво сердце!

Человѣкъ въ горести хочетъ найти въ природѣ подобіе своему душевному состоянію и какъ бы утѣшается нашедши сходство. Такая форма выраженія совершенно согласна съ характеромъ простаго народа русскаго. Кто наблюдалъ часто русскаго человѣка, тотъ согласится, что онъ не вдругъ высказываетъ свои мысли и сначала говоритъ обиняками, загадками, желая узнать, какъ слушателю понравится та мысль, которую онъ хочетъ высказать. Притомъ, простой человѣкъ живетъ близко къ природѣ, сочувствуетъ ей,—этимъ и объясняется постоянное обращеніе его въ пѣсняхъ къ ея явленіямъ. Ему кажется, что и она отвѣчаетъ ему сочувствіемъ въ кудрявой березѣ, рябинушкѣ, ивушкѣ, Волгѣ-матушкѣ, Донѣ, синемъ морѣ, солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, вѣтрахъ буйныхъ, птицахъ, звѣряхъ, въ мирномъ раздольѣ полей и пр. Кромѣ этой общей черты есть еще двѣ частныя: одна состоитъ въ сравненіи большею частью отрицательномъ:

«Не сходитъ туманъ съ синя моря,
«Ужъ не выдти кручины изъ сердца вонъ».
«Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ,
«Курится огонекъ малешенекъ».

Другая черта состоитъ въ повтореніи однихъ и тѣхъ же выраженій. Это повтореніе происходитъ не отъ недостатка словъ, а отъ намѣреннаго желанія поэта остановить вниманіе слушателя на томъ или другомъ словѣ, отъ чрезвычайно тонкаго поэтическаго чутья, и составляетъ красоту пѣсни. При этомъ обыкновенно употребляются характеристическіе эпитеты и сравненія, получающіе особенную прелесть и силу черезъ повтореніе ихъ въ извѣстномъ порядкѣ: рябина кудрявая, сердце ретивое, красная дѣвица, добрый молодецъ, чистое поле и пр. Подобные характеристическіе эпитеты употребляются въ нашей народной поэзіи неизмѣнно, подобно эпитетамъ Гомера, и располагаются вмѣстѣ съ существительнымъ и еще другимъ прилагательнымъ къ нему въ видѣ фигуры нарощенія, что даетъ стиху особенную выразительность, напр.

Не огонь горитъ, ретиво сердце,
Ретиво сердце молодецкое.

Только съ Ломоносова стали подражать пѣснямъ, но цѣли себѣ они не уяснили, а потому съ сентиментальностью явились пѣсни къ Хлоѣ, гдѣ были сентименты класицизма и народныя слова. Писали: Нелединскій-Мелецкій,—Выйду-ль я на рѣченьку, Дмитріевъ—Стонетъ сизый голубочекъ, Мерзляковъ—Среди долины, Дельвигъ—Ахъ, ты ночь моя!

Въ послѣдней половинѣ прошлаго вѣка съ голоса пѣвцовъ стали собирать пѣсни, и тогда же лучшіе изъ поэтовъ нашихъ старались подражать имъ и съ этого времени начинается художественное развитіе нашихъ народныхъ пѣсенъ. Блистательнаго развитія наша народная пѣсня достигла подъ перомъ незамѣнимаго и единственнаго въ своемъ родѣ—Кольцова. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ родился въ Воронежѣ, въ 1809 г., октября 2-го. Отецъ его, воронежскій мѣщанинъ, былъ человѣкъ не богатый, но достаточный, промышлявшій стадами барановъ для доставки матеріала на салотопенные заводы. Одаренный самыми счастливыми способностями, молодой Кольцовъ не получилъ никакого образованія. Воспитаніе его было предоставлено природѣ, какъ это бываетъ у насъ и не въ одномъ сословіи крестьянъ и мѣщанъ. Онъ съ раннихъ лѣтъ видѣлъ вокругъ себя домашнія хлопоты, мелочную торговлю съ ея плутнями и продѣлками, слышалъ грубыя и не всегда пристойныя рѣчи даже отъ тѣхъ, изъ чьихъ устъ ему слѣдовало бы слышать одно хорошее. Всѣмъ извѣстно, какова вообще наша семейная жизнь, и какова она въ особенности въ среднемъ классѣ, гдѣ мужицкая грубость лишена добродушной простоты и соединена съ мѣщанскою спѣсью, ломаньемъ и кривляньемъ. По счастью для Кольцова, къ нему не приставала грязь, среди которой онъ родился. Съ дѣтства онъ жилъ въ своемъ особенномъ мірѣ,—и ясное небо, лѣса, поля, степь, цвѣты, производили на него гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели грубая и удушливая атмосфера его домашней обстановки. На десятомъ году Кольцова отдали учить грамотѣ, сначала одному изъ воронежскихъ семинаристовъ, а потомъ въ воронежское училище, гдѣ, впрочемъ, онъ пробылъ не долго. Десяти лѣтъ онъ взятъ былъ изъ училища отцомъ своимъ для того, чтобы помогать ему въ торговлѣ. Отецъ бралъ его съ собою въ степи, гдѣ, въ продолженіи всего лѣта, бродилъ его скотъ. Кольцову полюбилось широкое раздолье степи. Не будучи въ состояніи еще понять и оцѣнить торговой дѣятельности, кипѣвшей въ степи,—онъ тѣмъ лучше понялъ и оцѣнилъ степь, и полюбилъ ее страстно и восторженно, вотъ почему часто упоминается степь въ его стихотвореніяхъ. Когда Кольцовъ достигъ семнадцатилѣтняго возраста, тогда съ нимъ совершилось событіе, имѣвшее могущественное вліяніе на всю его жизнь. Кольцовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ страстныхъ организацій, которыя рано открываются для всѣхъ симпатій сердца, для любви и дружбы въ особенности. До сихъ поръ это были чувства и привязанности хотя жаркія, но дѣтскія: теперь настала пора чувствъ и привязанностей другаго рода. Въ семейство Кольцова вошла молодая дѣвушка, въ качествѣ служанки. Несмотря на низкое званіе, она получила отъ природы все, чѣмъ можно было потрясти въ основаніи такую сильную и поэтическую натуру, какова была натура Кольцова. И его чувство не осталось безъ отвѣта. Онъ не только любилъ, онъ уважалъ, свято чтилъ предметъ своей любви, въ которомъ нашелъ свой осуществленный идеалъ женщины, еще не мечтая объ идеалѣ и не ища его. Но эта связь, составлявшая жизнь и блаженство молодаго поэта, не нравилась его семейству и даже безпокоила его. Извѣстное дѣло, что въ этомъ сословіи, первое задушевное желаніе отца состоитъ въ томъ, чтобы поскорѣе женить своего сына на дѣвицѣ съ приданымъ, соотвѣтственно состоянію жениха. Связь Кольцова была опасна для этихъ мѣщанскихъ плановъ; надо было разорвать ее во что бы то ни стало. Для этого воспользовались отсутствіемъ Кольцова въ степь, и когда онъ воротился домой, то уже не засталъ ее тамъ... Это несчастіе такъ жестоко поразило его, что онъ схватилъ сильную горячку. Эта любовь, и въ счастливую годину и въ пору несчастія, сильно подѣйствовала на развитіе поэтическаго таланта Кольцова. Онъ какъ будто вдругъ почувствовалъ себя уже не стихотворцемъ, одолѣваемымъ охотою слагать размѣренныя строчки съ риѳмами, безъ всякаго содержанія, но поэтомъ, стихъ котораго сдѣлался отзывомъ на призывы жизни, грудь котораго носила въ себѣ богатое содержаніе для поэтическихъ изліяній. Жизнь Алексѣя Васильевича лучше всего обрисована имъ самимъ въ пѣснѣ «Разсчетъ съ жизнью», посвященной В. Г. Бѣлинскому. Вотъ эта пьеса:

Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ,—
И что ждало меня
Я не видѣлъ за нимъ.

***

Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма—судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба;

***

Только зимней порой
Меня холодъ знобилъ;
Только волосъ сѣдой
Мои кудри развилъ;

***

Да румянецъ лица
Печаль рано сожгла,
Да морщины на немъ
Ядомъ слезъ провела.

***

Жизнь! зачѣмъ же собой
Обольщаешь меня!
Еслибъ силу Богъ далъ,
Я разбилъ бы тебя!

Развитіемъ своего поэтическаго таланта Кольцовъ много обязанъ сближенію своему съ Серебрянскимъ. Не смотря на схоластическое образованіе, полученное Серебрянскимъ въ во-

Библиотека "Руниверс"

ронежской семинаріи, это былъ человѣкъ замѣчательный, съ любящимъ сердцемъ, воспріимчивымъ умомъ и рѣдкими дарованіями. Онъ первый возбудилъ въ своемъ другѣ поэтическіе звуки. Кольцову было въ то время около 21 года. Но еще болѣе Серебрянскаго повліяло на поэтическое развитіе Кольцова его знакомство съ Н. В. Станкевичемъ, личностью, по свидѣтельству современниковъ, въ высшей степени симпатичною и обаятельною. Познакомившись съ Кольцовымъ въ Воронежѣ, Станкевичъ не терялъ его изъ вида, а въ бытность Алексѣя Васильевича въ Москвѣ и Петербургѣ, по дѣламъ отца, ввелъ поэта-самородка въ литературные кружки столицъ. Въ 1835 г. вышло первое изданіе стихотвореній Кольцова; издержки по изданію принялъ на себя Станкевичъ. Стихи понравились публикѣ и даже заслужили полное одобреніе критиковъ; особенное вниманіе обратила на себя «Пѣсня пахаря»:

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной;
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
. . . . . .

Во время своихъ побывокъ въ столицахъ Кольцовъ познакомился съ Жуковскимъ, Гоголемъ, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, княземъ П. А. Вяземскимъ и сошелся съ В. Г. Бѣлинскимъ. Знакомства эти съ одной стороны имѣли благотворное вліяніе на дальнѣйшее развитіе и образованіе поэта-прасола, но съ другой стороны окончательно разладили его съ окружавшей его дѣйствительностью. Проза и грязь жизни выступили рельефнѣе и тяжелымъ гнетомъ легли на впечатлительную душу поэта. Онъ не разъ писалъ друзьямъ-литераторамъ, что немногими свѣтлыми минутами въ своей жизни онъ обязанъ только имъ. Свое недовольство и злую грусть-печаль-тоску онъ изливалъ въ неподражаемыхъ пѣсняхъ и думахъ, которыя писалъ большею частью въ воронежской «чайной» Гордѣя Павлова. Къ страшной разладицѣ съ окружавшей его средою присоединились еще плохія торговыя обстоятельства отца. Хлопоты по дѣламъ, хожденіе по переднимъ секретарей и прокуроровъ, всяческія непріятности окончательно подкосили здоровье Кольцова, уже и прежде начавшаго чахнуть. 19-го октября 1842 года онъ умеръ въ Воронежѣ, 34 лѣтъ отъ роду, умеръ такъ же страдальчески, какъ и жилъ. Онъ былъ даже лишенъ медицинской помощи, потому что у его домашнихъ не было средствъ платить врачу и за лекарство. Могила его съ скромнымъ чугуннымъ памятникомъ находится на воронежскомъ новомъ кладбищѣ.

Его считаютъ народнымъ поэтомъ, потому что онъ съумѣлъ въ своихъ пѣсняхъ ярко выставить многія черты русской народности. Любопытно видѣть, какъ въ народныхъ пѣсняхъ мы находимъ всѣ темы стиховъ Кольцова. Горемычная любовь дѣвушки, любовь-тоска молодца, удальство съ его презрѣніемъ къ долѣ и самая горькая доля. Но всѣ эти тэмы во многомъ измѣнены и развиты своеобразно: успокоивающій идеалъ мирнаго сельскаго труда и семейнаго довольства радостно рисуется вамъ посреди зловѣщихъ образовъ молодецкаго разгула. Лиризмъ Кольцова кладетъ на все нѣжный покровъ утонченнаго чувства, тогда какъ въ народной лирикѣ вы чаще находите ту эпическую форму, которая, представляя фактъ, мало касается его внутренняго мотива. Кольцовъ родился для той поэзіи, которую онъ создалъ. Онъ былъ сыномъ народа, въ полномъ значеніи этого слова. Бытъ, среди котораго онъ воспитался и выросъ, былъ тотъ же крестьянскій бытъ, хотя нѣсколько и выше его. Кольцовъ выросъ среди степей и мужиковъ. Онъ не для фразы, не для краснаго словца, не воображеніемъ, не мечтою, а душей, сердцемъ, кровью любилъ русскую природу, и все хорошее и прекрасное. Не на словахъ, а на дѣлѣ сочувствовалъ онъ простому народу въ его горестяхъ, радостяхъ и наслажденіяхъ. Онъ зналъ его бытъ, его нужды, горе и радость, прозу и поэзію его жизни,—зналъ ихъ не по наслышкѣ, не изъ книгъ, не чрезъ изученіе, а потому, что самъ и по своей натурѣ, и по своему положенію, былъ вполнѣ русскій человѣкъ. Отличіе пѣсенъ Кольцова отъ народныхъ состоитъ въ слѣдующемъ:

1. Въ полномъ художественномъ развитіи образа.
2. Въ изображеніи идеальной стороны чувства: поэтъ не довольствуется однимъ описаніемъ факта, но и представляетъ внутренніе его мотивы.
3. Въ изображеніи природы, независимомъ отъ ея чувственнаго вліянія на человѣка. Такого свободнаго изображенія природы, какъ, напр., въ стихотв. Кольцова «Урожай», гдѣ картина природы осмыслена идеей сельскаго труда, мы не находимъ въ народныхъ пѣсняхъ.

Кто выигралъ?...

(Изъ современной уголовной хроники)

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

Спать легъ онъ поздно, а когда проснулся утромъ, то уже не засталъ дядюшки: „маленькій фрейгерръ“ былъ уже на своихъ пашняхъ, куда онъ отправился, чтобы самолично присмотрѣть за рабочими. Скучно стало барону, и вотъ онъ ради развлеченія направилъ шаги въ дядюшкинъ садъ, въ которомъ тоже все было въ чрезвычайномъ порядкѣ, но, по правдѣ сказать, садъ вовсе не занималъ Зельдитца... Вообще природа никогда не могла увлечь его, воодушевить: онъ не задумался-бы промѣнять прелестнѣйшую мѣстность на хорошій ужинъ съ доброй бутылкой вина. Побродивъ по саду, баронъ приказалъ конюху осѣдлать лошадь. Наѣздникъ онъ былъ искусный, а потому, вскочивъ на сѣдло, галопомъ выѣхалъ со двора и быстро поскакалъ по дорогѣ къ помѣстью ф. Мальтэна. Посѣтить Мальтэна— онъ не имѣлъ намѣренія, но разсчитывалъ на встрѣчу съ нимъ гдѣ нибудь по близости, въ полѣ, напримѣръ, потому что ему хотѣлось заручиться прежде всего распоряженіемъ *отца*, а послѣ ужъ постараться завладѣть сердцемъ *дочери*.

Зельдитцъ сначала съ трудомъ сдерживалъ молодаго коня, застоявшагося долго въ конюшнѣ, но потомъ опустилъ поводья, и горячій конь помчался впередъ. Живо доѣхалъ онъ до имѣнія Мальтэна, сдержалъ лошадь, которая и пошла тихимъ шагомъ около высокаго кустарника, окаймлявшаго обширный садъ. Кустарникъ мѣшалъ барону заглянуть въ самый садъ; Зельдитцъ тщетно старался разглядѣть что нибудь чрезъ густую чащу... онъ думалъ — не увидитъ-ли тамъ Эмми... И вдругъ — вмѣсто высокаго кустарника передъ нимъ — открытое мѣсто... садъ!.. Тутъ онъ увидѣлъ Мальтэна, который сидѣлъ съ женою и дочерью подъ тѣнистымъ деревомъ. Они завтракали. Поздно было поворачивать назадъ. Мальтэнъ уже замѣтилъ его, вскочилъ съ своего мѣста и поспѣшилъ къ небольшому забору, отдѣлявшему садъ отъ дороги.

— Съ добрымъ утромъ, баронъ! воскликнулъ онъ весело, протягивая руку Зельдитцу. Вотъ кстати-то, какъ разъ къ завтраку!..

— Извините! Но я вовсе не хочу злоупотреблять вашимъ гостепріимствомъ, отвѣтилъ любезно Зельдитцъ. Дядя мой отправился на свои поля, а я вотъ вздумалъ покататься... Но конь этотъ, кажется, бывалъ здѣсь частенько, потомучто онъ, помимо моей воли, самъ доставилъ меня сюда!...

— А-ну, въ такомъ случаѣ мнѣ слѣдуетъ поблагодарить коня, которому я обязанъ вашимъ посѣщеніемъ! смѣясь проговорилъ Мальтэнъ. Пожалуйте-ка, пожалуйте! Я, сударь, по опыту знаю, что послѣ прогулки верхомъ всегда какъ-то особенно вкусно выпить стаканъ вина. Милости просимъ! Но вамъ придется сдѣлать маленькій кругъ, ибо ворота—подальше, а вы, конечно, не рѣшитесь-же перескочить черезъ заборъ...

— Почему-же? спросилъ баронъ съ улыбкой.

— Потому что заборъ довольно высокъ, ну, и я не думаю, чтобы конь вашего дяди былъ особенно хорошимъ скакуномъ!...

Зельдитцъ, вмѣсто отвѣта, быстро осадилъ лошадь на нѣсколько шаговъ, далъ ей шпоры и—ловко перемахнулъ черезъ заборъ.

— Ахъ, великолѣпно! Чудесно! воскликнулъ удивленный Мальтэнъ. Ну, я не думалъ, что вы, баронъ, та-

Библиотека "Руниверс"

кой отличный наѣздникъ! Я вотъ тоже люблю поѣздить верхомъ, и много ѣзжу, но такого прыжка мнѣ не сдѣлать—нѣтъ!...

Баронъ спрыгнулъ съ лошади и мѐлькомъ взглянулъ на Эмми, чтобы подмѣтить, какое впечатлѣніе произвелъ на нее этотъ смѣлый пассажъ — прыжокъ черезъ заборъ.

Подоспѣвшій лакей принялъ лошадь, а Мальтэнъ, взявъ барона подъ руку, повелъ его къ своимъ дамамъ.

Молодая дѣвушка была въ легкомъ, бѣломъ утреннемъ платьѣ и казалась въ немъ еще свѣжѣе и прелестнѣе, чѣмъ вчера. Она крѣпко зарумянилась и, въ смущеніи, опустила глаза.

Зельдитцъ сталъ извиняться, увѣрять, что не имѣлъ намѣренія такимъ образомъ помѣшать имъ, но Мальтэнъ не далъ ему говорить.

— Нѣтъ, нѣтъ, баронъ, лучше этого вы ничего и сдѣлать не могли! перебилъ онъ весело. Я только что позавтракалъ, но ради васъ—готовъ снова начать! Садитесь-ка! Тутъ такъ прохладно!.. Когда лѣтнее солнышко начинаетъ пригрѣвать—дочь моя требуетъ, чтобы мы здѣсь завтракали: это ея любимое мѣстечко.

— Вы, конечно, и не думали, что́ васъ и тутъ даже могутъ побезпокоить, обратился Зельдитцъ къ Эмми, и я, право, почти боюсь, что теперь вы не захотите и бывать здѣсь, отвернетесь отъ любимаго мѣстечка?...

— О, нѣтъ... зачѣмъ-же? отвѣтила дѣвушка съ улыбкой:—мнѣ сто́итъ только попросить папа̀—и кустарникъ будетъ посаженъ у этой части забора.

— А вотъ я и не исполню твоей просьбы! воскликнулъ развеселившійся папа̀ и налилъ два стакана прохладнымъ рейнвейномъ, изъ которыхъ одинъ подалъ барону. Всѣмъ какъ-то стало весело. Когда Зельдитцъ хотѣлъ показать себя съ выгодной стороны, задумывалъ *плѣнять* собою, то умѣлъ превосходно разсказывать, болтать, а теперь онъ изъ всѣхъ силъ старался достигнуть этой цѣли. Эмми отъ души смѣялась... Не нужно было особенной проницательности, чтобы видѣть, какъ ей нравилась болтовня барона.

Посидѣвъ до полудня, Зельдитцъ всталъ и началъ откланиваться. Мальтэнъ протянулъ ему руку и сказалъ:

— Ну, погостите-ка у вашего дяди подольше, да навѣщайте насъ почаще! Конечно, мы не можемъ доставить вамъ тѣхъ удовольствій, которыя даетъ столица, но за то вы всегда будете для насъ желаннымъ гостемъ.

Баронъ уѣхалъ. Онъ остался чрезвычайно доволенъ успѣхомъ сдѣланнаго имъ визита. „Маленькій фрейгерръ" уже поджидалъ племянника... Любопытно было ему знать, гдѣ тотъ такъ долго пропадалъ, но распрашивать старику не хотѣлось... Только глазки его какъ-то хитро, пытливо поглядывали...

— А ты довольно долго не являлся, замѣтилъ Маннштейнъ, глядя куда-то въ уголъ.

— Да, дѣйствильно... замѣшкался, отвѣтилъ спокойно Зельдитцъ.

— Далеко ѣздилъ? „Рыжакъ" совсѣмъ запотѣлъ...

— Нѣтъ, не далеко, но быстро ѣхалъ, потому что Мальтэнъ слишкомъ долго задержалъ меня.

— Мальтэнъ?!...

Старикъ немного удивился и приподнялъ голову.

— Гдѣ-жъ ты его встрѣтилъ? спросилъ онъ.

— Да тамъ... въ саду.

— Значитъ, ты у него былъ?

— Ну-да̀.

— Что́-жъ ты дѣлалъ тамъ?

— Ничего. Завтракалъ съ ними. Я случайно ѣхалъ около сада ихъ; Мальтэнъ увидалъ меня, ну, и не отпустилъ... Отличный человѣкъ онъ!

Фрейгерръ не могъ утаить улыбки... Прищуривъ почти совсѣмъ хитрые свои глазки, онъ проговорилъ:

— Случайно?.. Не дочька-ли Мальтэна увлекла тебя туда?...

— Нѣтъ... Да я вовсе и намѣренія не имѣлъ отправляться къ нимъ, такъ какъ вчера только мы были у нихъ...

— Ну, да если ты станешь ѣздить къ Мальтэну каждый день, то пріемъ съ его стороны будетъ самый дружескій... Онъ любитъ своихъ гостей и самъ охотникъ повеселиться.

Фрейгерръ ничего больше не сказалъ; повидимому, онъ убѣдился въ томъ, что племянникъ его интересуется дочерью Мальтэна, а старикъ былъ слишкомъ уменъ и понималъ, что не слѣдуетъ разжигать влюбленнаго. Былъ и онъ молодъ и зналъ по опыту, что любовь—это такое растеніе, которое скорѣе всего развивается и пускаетъ глубоко корни тогда, когда полагаетъ, что остается незамѣченнымъ... Но и кромѣ этого, старикъ Маннштейнъ зналъ своего племянника хорошо: Зельдитцъ, изъ за глупой гордости, часто поступалъ совершенно противно тому, чего отъ него хотѣли.

Прошло два дня. Фрейгерръ по возможности старался избѣгать племянника и большую часть времени проводилъ на своихъ поляхъ, оставляя такимъ образомъ Зельдитца одного. Онъ надѣялся, что Зельдитцъ со скуки опять отправится къ Мальтэну.

Утромъ, на третій день, оба они сидѣли на верандѣ и пили кофе. „Маленькій фрейгерръ" читалъ газеты, которыя только что были ему поданы. Какой-то фактъ, повидимому, особенно привлекъ его вниманіе: читая, онъ покачивалъ иногда головой, морщилъ лобъ и, наконецъ, сдвинувъ очки на брови (онъ употреблялъ ихъ только при чтеніи), обратился къ Зельдитцу:

— А слышалъ ты что нибудь о пари въ М*., благодаря которому одна дѣвушка стала несчастной?

Баронъ въ это время тихо покачивался на стулѣ. При словахъ дяди онъ слегка вздрогнулъ, потому что думалъ совсѣмъ не о томъ, и спросилъ по возможности непринужденно-равнодушнымъ тономъ:

— О какомъ это пари?...

Старикъ подалъ ему газету.

Рука Зельдитца слегка дро́гнула, когда онъ бралъ газетный листокъ... Ему нужно было собрать всѣ свои силы, чтобы прочесть статейку... Слова сливались... буквы прыгали въ строкахъ... Однако, онъ все прочелъ—разсказъ о собственномъ своемъ пари и узналъ, что Эльза тяжко больна. Но грудь его свободнѣе вздохнула... Въ газетной статейкѣ герой разсказа не былъ названъ по имени; было только сказано, что пари затѣялъ и выигралъ нѣкій господинъ, принадлежащій къ древней дворянской фамиліи.

— Я ничего не знаю объ этой исторіи, проговорилъ баронъ, возвращая дядѣ газету и показывая видъ, что „исторія" эта его вовсе не интересуетъ. Я даже сомнѣваюсь—правда-ли все это?.. Вѣдь извѣстно, какъ газеты стряпаютъ свои статейки: нѣтъ у нихъ, напримѣръ, интересныхъ новостей подъ рукой—вотъ онѣ и присочиняютъ что нибудь этакое... пикантное, чтобы занять своихъ читателей, и ужъ не заботятся о томъ, имѣютъ-ли хоть какую нибудь достовѣрность передаваемыя ими извѣстія.

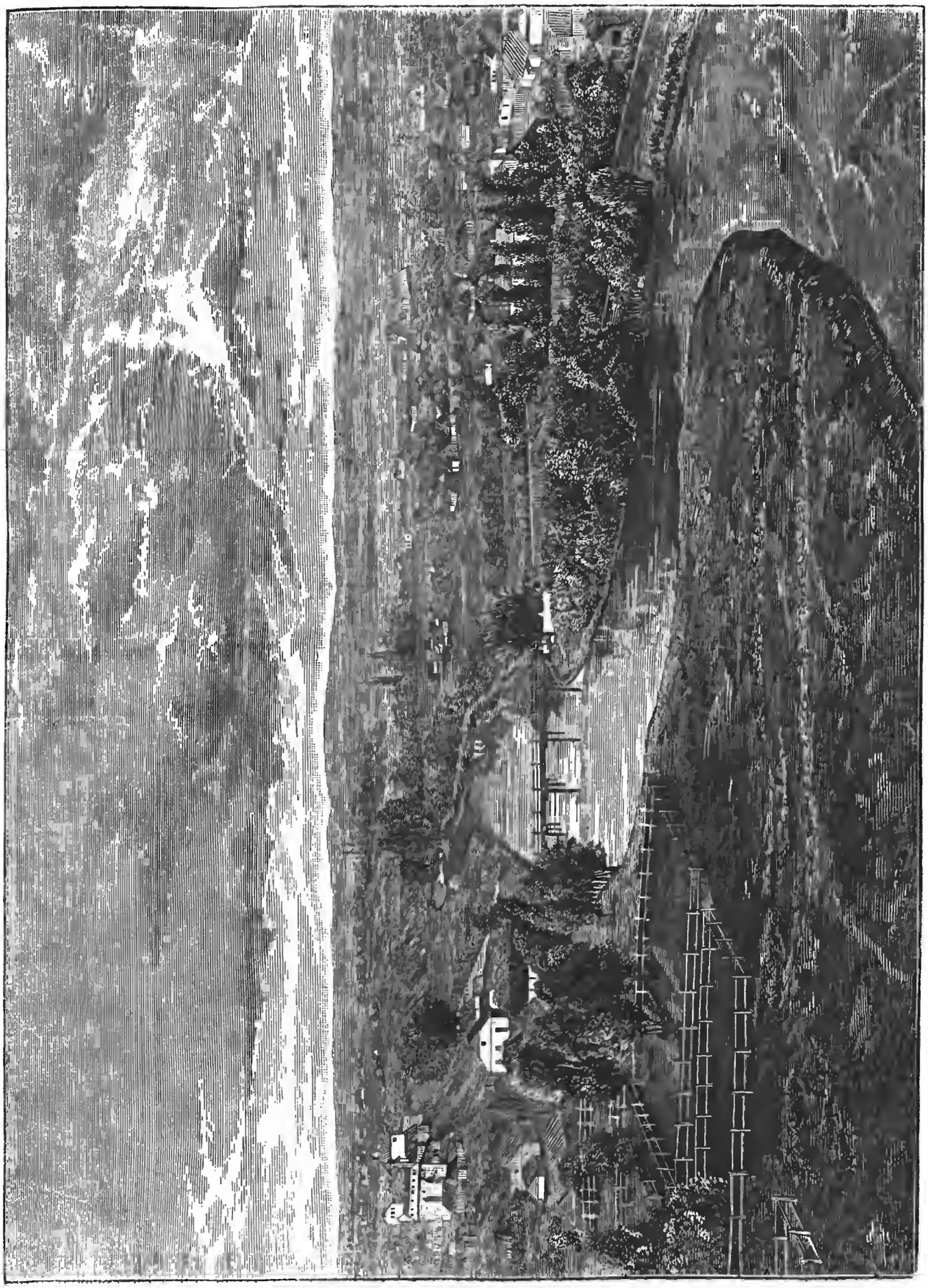
Фрейгерръ покалъ головой.

— Да-а, но въ этомъ именно случаѣ поступать такъ было-бы для газеты дѣломъ рискованнымъ, замѣтилъ онъ. Развѣ трудно было-бы уличить газету во лжи?... Наконецъ, если-бы пари, дуэли—словомъ всей этой исторіи—не было, то развѣ рѣшились-бы печатно назвать самый городъ?... Статейку эту прочтутъ и въ М*., а въ маленькомъ городѣ такой безчестный поступокъ не можетъ остаться тайной.

Зельдитцъ пожалъ плечами.

— И это можетъ быть... Но, мнѣ кажется, что ты слишкомъ рѣзко выразился. Судить строго объ этомъ пари нельзя—вѣдь это была только... шутка...

Библиотека "Руниверс"



Гусятинъ (Подольской губерніи, на Русской-Австрійской границѣ). Съ фотографіи рѣзалъ Дямань.

Библиотека "Руниверс"

Говоря такъ, онъ хотѣлъ выпытать у дяди, узнать, какъ думаетъ онъ объ этомъ, и надѣялся даже заставить старика взглянуть на все это дѣло менѣе серіезно, но въ послѣднемъ онъ совершенно ошибся.

Фрейгерръ выпрямился—глазки его сверкнули...

— Какъ... шутка?! Дѣло идетъ о репутаціи невинной дѣвушки, можетъ быть даже о жизни ея и—это—шутка?... крикливо произнесъ онъ.—Нѣтъ! Тотъ, кто овладѣлъ сердцемъ дѣвушки ради пари, и потомъ бросилъ ее—подлецъ!

Запальчивость старика почти испугала Зельдитца.

— Конечно... Но я не могу такъ строго объ этомъ судить, проговорилъ онъ, собравшись съ силами:—очень можетъ быть, что мысль о пари зародилась подъ шумокъ веселой бесѣды, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ...

— Хорошо, но это только *тогда* могло-бы служить извиненіемъ, если-бы отъ пари то лицо на другой-же день отказалось, объявивъ его недѣйствительнымъ, продолжалъ „маленькій фрейгерръ", все еще волнуясь,—но вѣдь этого не сдѣлали, и пари было выиграно человѣкомъ, находящимся въ спокойномъ, трезвомъ состояніи!... Это такая подлость, что я, право, не зналъ-бы, какъ и наказать виновника: мнѣ-бы все казалось—мало! Будь у меня дочь, да если-бы ее сдѣлали предметомъ пари—я-бы до тѣхъ поръ не успокоился, пока не застрѣлилъ-бы негодяя!... Это ничего, что я старъ—сѣдина моя не помѣшала-бы мнѣ такъ расправиться съ нимъ!...

Баронъ поблѣднѣлъ... Слова дяди прямо вѣдь относились къ нему! Но ему нельзя было обнаружить этого.. Чтобы дядя не увидѣлъ его лица, онъ всталъ и подошелъ къ периламъ веранды.

— Стóитъ намъ горячиться изъ за дѣла, которое и не касается насъ!... А не поѣдешь-ли ты, дядя, сегодня со мной къ Мальтэну? спросилъ онъ.

Но старикъ не располагалъ такъ скоро прекратить начатый разговоръ.

— Слушай, Александръ, заговорилъ онъ очень серіезнымъ тономъ: если я горячусь, то это только потому, что твой взглядъ на подобныя вещи заставляетъ меня горячиться. Я надѣялся, что сынъ сестры моей открыто, прямо назоветъ безчестнымъ тò, что на самомъ дѣлѣ безчестно, а не станетъ защищать какой нибудь подлости... Я, какъ ты самъ знаешь, прощалъ тебѣ многое, что находилъ просто безуміемъ молодости, но — знай: относительно одной вещи я очень строгъ, а именно, гдѣ дѣло прямо или косвенно касается чести.

— Но, дядя, развѣ ты думаешь, что я могъ-бы равнодушно отнестись даже къ ничтожному пятнышку на моей чести? Я-бы не потерпѣлъ этого! воскликнулъ Зельдитцъ.

— Этого я не думаю, потому что Зельдитцы никогда ничего подобнаго не дѣлали, да и въ семьѣ, къ которой принадлежитъ твоя мать, точно также строго относились къ чести.

Барону удалось, наконецъ, оправиться и принять свой обычно-спокойный видъ.

— Ну, касательно этого пункта я вѣдь тоже не расхожусь съ тобой, сказалъ онъ съ улыбкой и протянулъ дядѣ руку. Можетъ быть, я не совсѣмъ тогда точно выразился... Ну, да однимъ словомъ между нашими взглядами—полнѣйшее согласіе!...

„Маленькій фрейгерръ" живо успокоился и въ свою очередь подалъ руку племяннику.

Зельдитцъ какъ-то ловко съумѣлъ повернуть разговоръ въ другую сторону и, заговоривъ о чемъ-то другомъ, намекнулъ между прочимъ дядѣ, что надѣется овладѣть сердцемъ Эмми. Играя какъ-бы въ разсѣянности газетнымъ листомъ, гдѣ помѣщена была статейка о дуэли въ М*., онъ все крѣпче и крѣпче свертывалъ его и, когда мимо веранды пробѣжала охотничья собака фрейгерра, шутя бросилъ сверткомъ въ нее, какъ-бы метательнымъ копьемъ. Дѣло сдѣлано: дядя не увидитъ больше *той* статейки и вторично не прочтетъ ее.

Миръ снова водворился. Старикъ избѣгалъ разговора о непріятномъ предметѣ, а баронъ убаюкивалъ себя мыслью, что дѣло такъ этимъ и кончилось. Конечно, племянникъ втихомолку злился на дядю, и злился именно за то, что тотъ слишкомъ строго осудилъ его пари, даже назвалъ его *безчестнымъ* поступкомъ... Сказать по правдѣ, Зельдитцъ никогда не любилъ старика, хотя фрейгерръ дѣлалъ ему чрезвычайно много добра: онъ давнымъ давно уже желалъ смерти дяди, и умри тотъ—ни одной слезинки не упало-бы изъ глазъ его на гробъ старика... Да оно и понятно: баронъ всегда имѣлъ въ виду только свои выгоды, чувство состраданія къ ближнему было ему совершенно не знакомо.

На другой день, утромъ, когда фрейгерръ былъ еще въ своей комнатѣ, слуга принесъ и положилъ ему на столъ, вмѣстѣ съ газетами, и нѣсколько писемъ. Старикъ, не торопясь, бралъ одно письмо за другимъ и, повертывая пакетъ, внимательно разсматривалъ адресъ и печать. Его просто забавляло угадывать содержаніе письма по внѣшнему его виду—особенно по почерку, и онъ, напрактиковавшись въ этомъ, дѣйствительно пріобрѣлъ большой навыкъ въ такомъ угадываніи, сдѣлался прозорливымъ.

Одинъ изъ пакетовъ привлекъ особенное его вниманіе: почтовый штемпель указывалъ, что письмо было изъ М*., но почеркъ, которымъ былъ написанъ адресъ, былъ незнакомъ фрейгерру. Въ городкѣ М* онъ не зналъ никого и вообще не имѣлъ никакихъ дѣлъ съ кѣмъ либо изъ тамошнихъ обывателей. Что-же такое могло-бы заключаться въ этомъ пакетѣ?... Онъ не могъ дать на это удовлетворительнаго отвѣта, а потому, не долго думая, распечаталъ его и принялся за чтеніе довольно обширнаго посланія.

Пробѣжавъ нѣсколько строкъ, Маннштейнъ вдругъ сильно поблѣднѣлъ, провелъ рукою по лбу, какъ-бы желая увѣриться, что онъ не спитъ, и—вскочилъ, не выпуская письма изъ руки, хотя рука дрожала... Взглядъ его обнаруживалъ сильное волненіе...

Но вотъ, онъ снова сѣлъ, чтобы дочитать письмо, но это, какъ видно, стóило ему не мало усилій, потому что рука тряслась—онъ едва удерживалъ исписанный листъ... Буквы скакали въ строчкахъ, въ глазахъ рябило, но фрейгерръ обладалъ крѣпкой волей: письмо прочитано было до конца.

Письмо было отъ профессора Вертера. Онъ подробно описывалъ всю исторію пари Зельдитца, со всѣми его послѣдствіями, и называлъ по имени всѣхъ, участвовавшихъ въ этой исторіи.

„Маленькій фрейгерръ" опять вскочилъ. Онъ былъ въ сильной тревогѣ. Повѣрить письму—*невозможно*, но и сомнѣваться *нельзя* было: профессоръ подписался подъ письмомъ!... Физіономія старика совершенно измѣнилась:—обыкновенной, прежней рѣзко насмѣшливой, но добродушной улыбки и слѣда не было; теперь лицо его приняло ожесточенный видъ, озабоченный, сильно-взволнованный... Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, не зная, на что еще рѣшиться; трудно было ему остановиться на чемъ нибудь, потому что такимъ раздраженнымъ, сердитымъ онъ никогда еще не бывалъ... Сынъ сестры, родной племянникъ его, котораго онъ сдѣлалъ своимъ наслѣдникомъ—поступилъ такъ... безсовѣстно!...

Наконецъ, повидимому, рѣшившись на что-то, онъ кликнулъ лакея.

— Ступай къ господину барону и скажи ему, что я прошу пожаловать его сюда, приказалъ фрейгерръ и прибавилъ: — „живѣй!" потому что слуга, испугавшись выраженія лица барина, на секунду пріостановился.

Лакей побѣжалъ прытко... Никогда еще не видѣлъ онъ

Библиотека "Руниверс"

„маленькаго фрейгерра“ въ такомъ раздраженномъ состояніи.

Манштейнъ, съ крѣпко-сжатыми губами, съ письмомъ въ судорожно стиснутомъ кулакѣ, какъ стоялъ посреди комнаты, такъ и остался стоять въ ожиданіи появленія племянника.

Племянникъ не замедлилъ явиться.

— Съ добрымъ утромъ, дядя! воскликнулъ Зельдитцъ непринужденно-веселымъ тономъ и—вдругъ остановился въ испугѣ, замѣтивъ странное выраженіе лица старика.

— Что́ случилось? спросилъ онъ.

— Прочти вотъ это, холодно проговорилъ Манштейнъ. Баронъ поблѣднѣлъ, пробѣжавъ глазами письмо Вертера... Этого онъ никакъ не ожидалъ! Теперь ему нужно было собрать все свое мужество и стойко держаться противъ дяди, строгость взглядовъ котораго была ему хорошо извѣстна.

— Отвѣчай мнѣ, сказалъ фрейгерръ тѣмъ-же невозмутимо-покойнымъ, холоднымъ тономъ.

Зельдитцъ какъ-то медленно приподнялъ плечи.

— Къ сожалѣнію... это правда, отвѣтилъ онъ, но... я не ожидалъ, чтобы пари могло имѣть такія печальныя послѣдствія...

Глазки Манштейна засверкали, губы его судорожно передернуло; казалось—онъ выросъ въ эти минуты, такъ была величава и внушительна его маленькая фигурка.

— Такъ ты вѣрно *ожидалъ*, что дѣвушка смѣяться станетъ надъ этой шуткой?! крикнулъ онъ. — Не думалъ-ли ты, что у той, которую ты обманулъ, чести также мало, какъ у тебя?...

— Дядя!...

Баронъ вздрогнулъ отъ послѣднихъ словъ старика.

— Я не долженъ, дядя, даже отъ тебя выслушивать подобныхъ фразъ... Не забывай, что я—Зельдитцъ!

„Маленькій фрейгерръ“ въ упоръ посмотрѣлъ на него.

— А я—Манштейнъ, воскликнулъ онъ, поднявъ голову. Манштейны всегда дорожили своею честью и строго смотрѣли за тѣмъ, чтобы никто изъ ихъ фамиліи не поступалъ безчестно!...

— Нѣтъ, я не могу больше выносить подобныхъ выраженій!

— Не можешь выносить?...

Старикъ близко подошелъ къ барону.

— Да ты не думаешь-ли запугать меня? Ошибаешься!... Сначала я было порѣшилъ совершенно отказаться, отречься отъ тебя, но... передумалъ. Знаешь-ли ты, кто та̀ дѣвушка, съ которой ты та̀къ безсовѣстно поступилъ? Чья она дочь?...

— Не знаю, съ оттѣнкомъ упрямства отвѣтилъ Зельдитцъ.

— Она—дочь тайнаго совѣтника Штейна! Отецъ ея, честнѣйшій человѣкъ, былъ моимъ искреннимъ другомъ... И вотъ, съ его-то ребенкомъ поступилъ ты такимъ образомъ! Ты злодѣйски игралъ ея сердцемъ, какъ пустой игрушкой!.. Служай-же: не ради тебя, но ради обманутой дѣвушки, для возстановленія чести ея—я требую, чтобы ты женился на ней.

— Никогда не женюсь я на мѣщанкѣ, сказалъ баронъ.

— А!.. Такъ ты еще отказываешься? вспылилъ Манштейнъ. Да вѣдь ты... ты вполнѣ зависишь отъ меня! Вѣдь ты пропадешь безъ меня!.. Ну, хорошо-же. Теперь я вотъ что̀ тебѣ скажу: если ты не исполнишь моего требованія, не женишься на ней, то я не дамъ тебѣ больше ни одного талера, да и послѣ смерти моей ты ничего отъ меня не получишь: завѣщаніе, которое я сдѣлалъ въ твою пользу, будетъ уничтожено, я составлю другое—однимъ словомъ: лишу тебя наслѣдства!...

Зельдитцъ закусилъ нижнюю губу; лицо его было блѣдно, а глаза глядѣли какъ-то сосредоточенно-пытливо, и въ нихъ было что-то угрожающее... Труденъ былъ выборъ для него.

— Зельдитцъ никогда не женится на мѣщанкѣ! повторилъ онъ.

— А Манштейнъ даетъ честное слово въ томъ, что угрозу свою—исполнитъ! воскликнулъ фрейгерръ. Даю тебѣ три дня на размышленіе, обдумай все хорошенько и помни, что Манштейнъ никогда еще не нарушалъ даннаго имъ слова!

Старикъ повернулся къ нему спиной. Баронъ торопливо вышелъ изъ комнаты.

Зельдитцъ, обыкновенно всегда такой спокойный, разсудительный, чувствовалъ теперь, что въ головѣ его что-то смутно; одно только совершенно ясно сознавалъ онъ—это то̀, что дядя исполнитъ свою угрозу, если не будетъ сдѣлано по его волѣ... Но баронъ былъ настолько высокомѣренъ, что при одной мысли жениться на мѣщанкѣ—духъ его возмущался, и онъ готовъ былъ всѣмъ существомъ своимъ протестовать противъ такой женитьбы.

— О, никогда!.. Ни за что! восклицалъ онъ. Пусть старикъ лишаетъ меня наслѣдства!.. Что-жъ, развѣ я буду зависѣть отъ дяди, если женюсь на дочери Мальтэна?... Однако, какъ-бы не улетѣла эта помолвка въ трубу, если Эмми узнаетъ о пари?...

Онъ провелъ рукою по лбу, какъ-бы желая смахнуть съ него что-то тяжелое, давящее... и затѣмъ выбѣжалъ изъ своей комнаты. Конюхъ, по приказанію его, осѣдлалъ ему лошадь. Спустя нѣсколько минутъ, Зельдитцъ уже мчался по дорогѣ въ столицу.

Фрейгерръ, стоя у окна, смотрѣлъ вслѣдъ племяннику. Густыя, сѣдыя брови старика были мрачно сдвинуты... Онъ ничѣмъ не могъ ни оправдать, ни извинить поступка Зельдитца, потому что въ глазахъ его такое дѣяніе было, есть и будетъ всегда—безчестнымъ. Баронъ былъ послѣднимъ представителемъ фамиліи Зельдитцъ, и неужели такой древній родъ могъ такъ низко пасть въ лицѣ этого „послѣдняго?“... Чѣмъ-же собственно гордился онъ, на что̀ опиралось высокомѣріе его, если онъ могъ до такой степени пренебречь своею честью?...

Манштейнъ вспомнилъ тутъ и о несчастной дѣвушкѣ, которую свалила болѣзнь, а заболѣла-то она вслѣдствіе этого гнуснаго пари... Передъ умственнымъ окомъ фрейгерра всталъ образъ отца Эльзы, его бывшаго друга: глаза Штейна серьезно смотрѣли на него и такъ пристально, какъ будто просили о чемъ-то, какъ будто хотѣли сказать: „Заступись за мою дочь! Защити честь ея... Сынъ мой далеко... въ Италіи, а профессоръ уже старъ и слабъ... Ты одинъ можешь отмстить тому, кто сшутилъ такую подлую шутку“...

— Да̀, и я сдѣлаю это! воскликнулъ Манштейнъ. Если-бы кто нибудь въ это мгновеніе заглянулъ въ глаза „маленькаго фрейгерра“, то сейчасъ-бы увидѣлъ, что старикъ дѣйствительно рѣшилъ, какъ ему поступать, а что рѣшено имъ разъ, то̀ и будетъ исполнено неуклонно.

Онъ вышелъ изъ комнаты, надѣясь разсѣяться, развлечь себя обыденною своею дѣятельностью. Труды, занятія уже не разъ облегчали его въ тяжелыя, непріятныя минуты жизни, но нынче это средство какъ-то не помогало: нѣтъ-нѣтъ, да и вспомнитъ онъ о племянникѣ, о пари его... и опять сдѣлается ему досадно, и новыя раздражающія мысли взволнуютъ его...

Старикъ хотя и былъ увѣренъ—черезъ три дня баронъ объявитъ, что готовъ исполнить его требованіе—жениться на Эльзѣ Штейнъ — (да и какъ ему не согласиться на это, ему, вполнѣ зависящему отъ дяди!), однако, при этомъ онъ не могъ не чувствовать, что между нимъ и племянникомъ все кончено... разрывъ полный... и что̀ этого уже ничѣмъ нельзя поправить. Если-бы Зельдитцъ въ одинъ годъ надѣлалъ долговъ на 50000 талеровъ — фрейгерръ скорѣе простилъ-бы ему такой широкій кутёжъ, но... простить, предать забвенію содѣянное имъ въ М*—этого онъ не могъ!...

Библиотека "Руниверс"

Возвратясь къ обѣду домой, Маннштейнъ спросилъ лакея: вернулся-ли баронъ и у себя-ли онъ въ комнатѣ?

— Господинъ баронъ поѣхалъ верхомъ по дорогѣ въ резиденцію и приказалъ мнѣ отправить туда всѣ его вещи, отвѣтилъ слуга.

Фрейгерръ посмотрѣлъ на него удивленно, но сейчасъ-же спохватился...

— Ахъ, да, да! Я совсѣмъ и забылъ объ этомъ, проговорилъ онъ равнодушнымъ тономъ, чтобы лакей не заподозрилъ чего нибудь, и отправился въ свою комнату.

Ужъ не совсѣмъ-ли уѣхалъ племянникъ?... Не вздумалъ-ли выставить противъ требованія дяди свое упорное высокомѣріе?.. А не думаетъ-ли онъ, можетъ быть, что на угрозу нечего обращать серьезно вниманія?.. Ну, тогда узнаетъ онъ, что и фрейгерръ тоже упрямъ, и уломать его нельзя ничѣмъ, коль скоро дѣло касается чести!...

Ни одна черточка въ лицѣ „маленькаго фрейгерра" не обнаруживала того, что происходило въ немъ; онъ былъ только нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго, да за обѣдомъ едва прикоснулся къ кушаньямъ...

Жизнь научила старика отказывать себѣ въ счастьи, но за то научила стойко переносить несчастья. Когда Маннштейнъ женился, пламеннымъ желаніемъ его было имѣть дѣтей, заботиться о нихъ, тщательно воспитать и затѣмъ оставить имъ состояніе свое, которое съ каждымъ годомъ увеличивалось. Въ такомъ счастьи ему было отказано... Потомъ онъ лишился жены, которую любилъ горячо, искренно; послѣ этого удара онъ нѣкоторое время тяготился жизнью, но снова ободрился, ожилъ и сталъ искать развлеченія, хозяйничая въ своемъ имѣніи.

Маннштейнъ вообще никогда не обнаруживалъ своихъ чувствъ, и никто никогда не слышалъ, чтобы онъ жаловался на что нибудь; онъ не любилъ, чтобы ему соболѣзновали, не терпѣлъ „сочувствованій"... И въ данномъ случаѣ онъ остался вѣренъ себѣ. Никто изъ его прислуги, никто изъ помощниковъ его по управленію имѣніемъ и не подозрѣвалъ, что было у него на сердцѣ: старикъ, какъ всегда, былъ серьезенъ, спокоенъ...

Прошелъ этотъ день, а на другой — къ фрейгерру прискакалъ верхомъ неожиданный гость: уже смеркалось, когда во дворъ усадьбы Маннштейна въѣхалъ ф. Мальтэнъ и, какъ видно, сильно чѣмъ-то взволнованный. Онъ соскочилъ съ лошади и бросилъ поводья подбѣжавшему конюху.

Фрейгерръ, завидя гостя, поспѣшилъ къ нему навстрѣчу.

— Мальтэнъ, что съ вами?...

Взволнованный видъ сосѣда сразу поразилъ его.

— Не здѣсь! Идемте туда... въ вашу комнату, проговорилъ Мальтэнъ и быстро пошелъ впередъ, такъ что Маннштейнъ долженъ былъ догонять его.

(Продолженіе будетъ).

Гуссятинъ.

Кому случалось, возвращаясь изъ-за границы въ Россію, или отправляясь за границу, проѣзжать Подольскую губернію, тотъ, конечно, помнитъ и знаетъ м. Гуссятинъ. До проведенія рельсоваго пути чрезъ Подолію до Волочиска (мѣстечка на австрійской границѣ) Гуссятинъ былъ единственнымъ пунктомъ отправленія уѣзжающихъ въ чужіе края и складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, транспортируемыхъ оттуда. Теперь роль эту исполняетъ Волочискъ. Гуссятинъ ничѣмъ не отличается отъ прочихъ мѣстечекъ Подольской губерніи: въ немъ тѣ же домишки, такія же узкія улицы, та же грязь и такіе же нечистоплотные сыны и дщери Израиля, какъ и въ другихъ подобныхъ гнѣздахъ, но если смотрѣть издали, то мѣстечко это представляется болѣе веселымъ и привлекательнымъ. Возвышенность, на которой раскинулась лучшая часть его (заграничная), обиліе тѣнистыхъ деревьевъ, ростущихъ въ садахъ и садикахъ, бѣленькіе домики, вода—все это вмѣстѣ имѣетъ довольно пріятный видъ. Небольшая рѣчка—Збручъ, раздѣляетъ Гуссятинъ на двѣ половины (что и видно на картинкѣ), изъ которыхъ лежащая на низменномъ, правомъ берегу принадлежитъ Россіи, какъ часть Каменецкаго уѣзда Подольской губ., на лѣвомъ же, высокомъ—Австріи. Деревянный мостъ на Збручѣ былъ когда-то мѣстомъ осмотра паспортовъ прибывающихъ изъ-за границы и уѣзжающихъ туда. Австрійскій Гуссятинъ покрасивѣе русскаго: онъ щеголяетъ каменными зданіями, костеломъ довольно изящной архитектуры, разными магазинами и огромной синагогой съ готическими окнами, служащей мѣстопребываніемъ весьма почтеннаго, ученаго раввина, любимца всего еврейскаго населенія.—За мѣстечкомъ этимъ вьется змѣйкой по полю дорога, ведущая въ Львовъ. Что касается исторіи Гуссятина, то вотъ какія свѣдѣнія можемъ мы сообщить: Гуссятинъ или Уссятинъ (такъ онъ именуется въ старыхъ фоліантахъ), принадлежавшій во время оно Червоноградскому уѣзду воеводства Подольскаго, до 1559 года былъ деревней, составлявшей собственность нѣкоего І. М. П. Затѣмъ деревня эта, по обмѣну, перешла во владѣніе Яна Сверча, который въ 1559 г. просилъ Сигизмунда-Августа наименовать Гуссятинъ *городомъ*, что и было ему разрѣшено. Такимъ образомъ, прежнее мѣстечко стало пользоваться Магдебургскимъ правомъ и, кромѣ того, получило ярмарочную привилегію (на новый годъ, въ Троицу, и въ день св. Матвея). Впослѣдствіи городокъ этотъ сдѣлался собственностью фамиліи Калиновскихъ, одинъ изъ членовъ которой—преславный Мартинъ, воевода Черниховскій—построилъ тутъ около 1640 года монастырь для бернардиновъ. Въ 1683 г Янъ III поручилъ защиту «ойчизны» Андрею Потоцкому. Потоцкій выбилъ турокъ изъ Гуссятина и другихъ городовъ Подоліи, которые и были возвращены имъ «ойчизнѣ». Съ 1785 г. Гуссятинъ становится резиденціей фамиліи Потоцкихъ и украшается великолѣпнымъ замкомъ, костеломъ солидныхъ размѣровъ и Бернардинскимъ монастыремъ. Нынѣ Гуссятиномъ владѣетъ панъ Зельскій. Не ищите на картинкѣ ни замка, ни монастыря, ни «громаднаго» костела: отъ нихъ и слѣда не осталось! Очень можетъ быть, что изъ развалинъ костела Потоцкихъ сооруженъ нынѣшній храмъ.

Милосердіе

(Картина В. Бугеро).

Вильямъ-Адольфъ Бугеро родился въ 1824 году. Родиной его была знаменитая Ла-Рошель—городъ столько страдавшій отъ католической нетерпимости по времена гугенотовъ и кардинала Ришелье. Въ молодости Бугеро былъ ученикомъ извѣстнаго живописца Пико и скоро самъ достигъ высокой степени совершенства въ своемъ искусствѣ. Изъ произведеній его замѣчательны виды церквей, портреты, жанръ и проч., а также фрески въ помпейскомъ вкусѣ. Бугеро живетъ теперь постоянно въ Парижѣ и, не смотря на пожилые года свои, весьма ревностно соперничаетъ съ собратьями по искусству, не отставая даже отъ молодыхъ художниковъ. Выставленный нами снимокъ съ картины его «La charité» находился на Парижской выставкѣ прошлаго 1874 г. Это произведеніе, нѣсколько аллегорическаго характера, изображаетъ человѣколюбіе, милосердіе подъ видомъ женщины, выкармливающей и своего ребенка и чью-то заброшенную сиротку. Строго классическій стиль рисунка вмѣстѣ съ богатствомъ колорита дѣлаетъ Бугеро любимцемъ современной французской публики.

Библиотека "Руниверс"

Милосердіе. В. Бугеро, рисов. Мюнье.

Библиотека "Руниверс"

Спичечница

Изъ путевыхъ воспоминаній въ Австраліи.

Я нѣсколько времени жилъ съ Лилли Тротомъ въ «кустахъ», какъ мы называемъ въ Австраліи незастроенныя еще мѣста. Лилли Тротъ былъ моимъ путевымъ товарищемъ; я взялъ его съ собой, потомучто мнѣ надо было проникнуть во внутренность Викторіи, гдѣ путешествовать въ одиночку очень опасно; разумѣется, обитатели кустовъ не слишкомъ-то задумаются, вмѣсто одного, убить и двухъ заразъ, но все-таки ѣхать вдвоемъ благоразумнѣе. Кромѣ того мнѣ хотѣлось имѣть общество въ длинной дорогѣ; скучно ѣхать и ѣхать по безконечнымъ равнинамъ, по однообразнымъ лѣсамъ, когда не съ кѣмъ перекинуться словечкомъ.

Прежде всего надо сказать, что Лилли Тротъ былъ — пожизненно ссыльный изъ Англіи; онъ нисколько не скрывалъ этого, ему рѣшительно все равно, знаетъ кто объ этомъ или нѣтъ. Это, конечно, происходило отъ того, что весьма многіе раздѣляли съ нимъ эту участь. Въ Австраліи жили и живутъ по сіе время тысячи колонистовъ, которые совершили даромъ путешествіе къ своимъ антиподамъ, и которые держатъ себя здѣсь съ такимъ спокойствіемъ и непринужденностью, какъ какой нибудь богатый туристъ на модныхъ водахъ.

Оба мы ѣхали на лошадяхъ, привязавъ къ сѣдламъ шерстяныя одѣяла, на случай ночлега въ кустахъ.

У меня въ карманѣ былъ револьверъ, а на рукѣ у Лилли Трота висѣло на шнуркѣ отвратительнаго вида орудіе защиты. Онъ открыто заявлялъ свое презрѣніе къ ружьямъ, пистолетамъ и всякимъ огнестрѣльнымъ орудіямъ, которыя, по его мнѣнію, ничего не значили противъ его свинцовыхъ головокъ. Мнѣ раньше еще разсказывали, что въ его тѣлѣ сидятъ двѣ или три пули, и это нисколько его не безпокоитъ; отъ этого-то, вѣрно, и происходило его пренебреженіе къ огнестрѣльному оружію.

Мы медленно ѣхали по однообразной, скучной дорогѣ, по краямъ которой лишь кое гдѣ торчали жалкія деревца. Рысьи глаза Лилли Трота блуждали по всѣмъ направленіямъ; то тутъ, то тамъ, показывалъ онъ мнѣ вдали, то углубленіе, то склонъ холма, гдѣ, по его мнѣнію, была бы работа золотоискателю, если бы онъ только хорошенько поискалъ. Послѣднее излишне бы кажется и прибавлять, потомучто, само собою разумѣется, надо искать, чтобы что нибудь найдти; однако здѣсь, еще не очень давно, было иначе. Золото лежало большею частію прямо на поверхности земли; кварцы въ теченіи тысячелѣтій вывѣтрились, а зерна благороднаго металла остались неповрежденными; тамъ, гдѣ на холмахъ золотыя крупинки были смѣшаны съ землей, послѣднюю смыло дождями, и блестящія золотыя зерна лежали открыто въ ожиданіи счастливца, который ихъ найдетъ.

«Сюда скоро опять придетъ компанія», сказалъ Лилли Тротъ, «можетъ быть я еще самъ вздумаю придти сюда, и снова попытаю счастья; посмотрите вонъ туда, гдѣ холмъ образуетъ сѣдло, тамъ всего больше золота!» Онъ говорилъ это съ твердымъ убѣжденіемъ, но такъ какъ я во всей этой мѣстности не находилъ ровно никакихъ признаковъ золота, то я недовѣрчиво покачивалъ головой. Лилли Тротъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы защищать свое мнѣніе.

Дорога наша была самая пустая и скучная, какую только можно себѣ представить; передъ нами разстилалась необозримая равнина, вся сожженная солнцемъ. Въ теченіи двухъ дней, мы только и встрѣтили что нѣсколькихъ дровосѣковъ. Опять наступилъ вечеръ; мы ѣхали низкимъ кустарникомъ, откуда при нашемъ приближеніи, вылетали рои мухъ и комаровъ, мучившихъ насъ невыносимо. Казалось, кромѣ этихъ жестокихъ насѣкомыхъ, мы были единственными живыми существами въ этой одинокой пустынѣ, потомучто уже нѣсколько времени до насъ не долетало ни единственнаго звука; передъ нами лежало мертвое царство. Вездѣ тишина, только и слышалось докучливое жужжаніе комаровъ, да трескъ сухихъ вѣтвей подъ копытами нашихъ лошадей.

Я постепенно впалъ въ состояніе какого-то нравственнаго оцѣпенѣнія; передъ моими глазами медленно тянулся въ полумракѣ низкій кустарникъ, ровный, медленный шагъ моей усталой лошади приводилъ мое тѣло все въ одно и тоже однообразное движеніе. Вдругъ меня пробудилъ изъ моего забытья свистъ; до моего слуха доносились чудные звуки, такіе мягкіе и нѣжные, какихъ я никогда не слышалъ. Я собрался съ мыслями и посмотрѣлъ вверхъ, чтобы узнать откуда выходитъ эта чудесная музыка—это свистѣлъ Лилли Тротъ! Изъ его некрасивыхъ толстыхъ губъ лились чистѣйшіе звуки, и мелодіи изъ Фигаро, Донъ Жуана, снова возбудили мои силы. Изъ превосходнѣйшей флейты невозможно бы было извлечь болѣе серебристыхъ нотъ! Воображеніе унесло меня въ Европу, въ ярко-освѣщенную концертную залу—дѣйствительность исчезла. Мой спутникъ давно уже пересталъ, а я все еще былъ погруженъ въ свои мечты, только хриплое карканье пролетѣвшей мимо стаи воронъ вернуло меня къ настоящему. «Чудесно, Тротъ», сказалъ я и прибавилъ послѣ нѣкотораго молчанія: «а что, не сдѣлать-ли намъ здѣсь привала?».

«Пожалуй», равнодушно кинулъ Тротъ, но его зоркіе глаза искали въ темнотѣ подходящаго мѣста для ночлега. Мы слѣзли съ усталыхъ лошадей и набрали сухой травы и вѣтвей, чтобы развести костеръ и заварить чаю. Дѣло было скоро слажено; огонь запылалъ, и Тротъ принесъ воды изъ маленькаго скрытаго ручейка, котораго бы мнѣ не найдти во всю жизнь. Пока закипала вода, мы разнуздали лошадей, и изъ сѣделъ и одѣялъ приготовили себѣ ночной бивуакъ. Все это дѣлалось не говоря ни слова; скоро мы лежали растянувшись у огня; мысли наши носились далеко, далеко. Мы напились чаю, закусили съ аппетитомъ проголодавшихся охотниковъ, и потомъ набили свои коротенькія трубочки, чтобы съ полнымъ наслажденіемъ вкушать счастіе отдыха. Даже и теперь, за первой трубкой, мы не обмѣнялись ни однимъ словомъ; но когда были наполнены вторыя трубки, мнѣ показалось, что теперь, кажется, будетъ вполнѣ высказать одно давнишнее мое желаніе—именно попросить Лилли Трота разсказать что нибудь изъ его дикой жизни.

«Лилли», сказалъ я какъ можно равнодушнѣе, «вѣдь вы, должно быть, вели совсѣмъ особенную жизнь!»

«О да,» отвѣчалъ онъ, и спокойно затянулся изъ трубки. «Вижу я, куда вы мѣтите, хочется вамъ, небось, повыжать изъ меня кое-что. Пожалуй! Чего же вы только хотите? Я вѣдь имѣлъ дѣло со всякой сволочью, начиная отъ карманнаго воришки, до отчаяннѣйшаго преступника. Что-жъ бы мнѣ вамъ разсказать? Ба! вотъ исторія, которая вамъ понравится!»

Онъ комфортабельно растянулся на спинѣ, пустилъ въ воздухъ нѣсколько колецъ дыма и началъ:

«Въ самое первое время, какъ стали сюда пріѣзжать искать золота, и люди до того обезумѣли отъ неожиданнаго счастья, что не знали на ногахъ они стоятъ или на головѣ, и всѣхъ бы ихъ можно было запереть въ сумасшедшій домъ, здѣсь бывали-таки исторіи. Другой пойдетъ искать золота, да и пропадетъ самъ на вѣчныя времена; поди ищи куда онъ дѣвался. Друзей не было, семьи также, да и большинство имѣло основательныя причины не называться своимъ настоящимъ именемъ. Такъ и жили всѣ чужими среди чужихъ; никто не заботился другъ о другѣ, всякій зналъ только самъ себя и свое золото. Если начнутъ два человѣка вмѣстѣ рыть въ одномъ мѣстѣ, такъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ непремѣнно услышишь, что одного изъ нихъ видѣли въ рудникахъ въ Вендиго или Валларатѣ, другого окыкновенно никогда больше не видѣли. Вопросовъ вообще не дѣлали. Мнѣ какое дѣло, что такой-то бросилъ свою жену, обрилъ себѣ бороду, отростилъ волосы, перемѣнилъ имя и потомъ опять женился три раза въ одинъ годъ? Я зналъ одного человѣка, такъ тотъ былъ женатъ пять разъ, и былъ всегда веселехонекъ; въ концѣ концовъ онъ убѣжалъ опять къ первой женѣ, убилъ ея втораго мужа и остался жить съ ней; объ остальныхъ четырехъ женахъ онъ никогда и не помышлялъ больше; онѣ всѣ также повышли замужъ; которая два, которая три раза; съ однимъ изъ своихъ преемниковъ онъ былъ даже очень друженъ до самой своей блаженной кончины. Ну, признаться сказать—я самъ въ этомъ отношеніи не былъ ангеломъ.

«Тогда, я вамъ скажу, было очень легко скрыться съ глазъ, безъ всякой опасности для себя. Этакому ловкому молодчику съ завитыми волосами и въ моднѣйшемъ фракѣ, стоило только ѣхать на золотые пріиски: черезъ восемь недѣль у него выростала борода, кожа дѣлалась мѣдно-красной, модный костюмъ обмѣнивался на шерстяную рубашку и панталоны изъ англійской кожи; онъ долженъ былъ рыть на двадцать футовъ подъ землей, или стоять на верху на вѣтру, съ рукавами засученными до плечъ, и перемывать песокъ, такъ что потъ капалъ у него со лба, а солнце насквозь пропекало его мускулы, — пусть бы узналъ его кто нибудь въ этомъ видѣ; собственная его жена, даже бы родная мать, и та бы не узнала. Это часто случалось; случалось и иначе; найдутъ его въ одно прекрасное утро въ рудникѣ съ раздробленнымъ черепомъ, оттащатъ въ сторону, выроютъ яму, пихнутъ его туда, яму опять засыплютъ землей, и никто ни на одну минуту не задумается, какъ и когда былъ укокошенъ этотъ человѣкъ, и кому могъ принадлежать лежавшій подлѣ него окровавленный заступъ.

«Въ Европѣ при подобномъ происшествіи всѣхъ подымаютъ на ноги, чтобы открыть убійцу. Доктора и химики составили бы длиннѣйшіе акты, цитировали бы знаменитѣйшихъ ученыхъ, по поводу того, принадлежатъ ли найденные волосы человѣку или козѣ; всѣ газеты были-бы въ восторгѣ, что могутъ угостить своихъ читателей интересной судебной хроникой. Здѣсь другое дѣло. Смерть есть смерть, говоримъ мы, а того, кто сталъ бы слишкомъ много толковать объ этомъ, прозвали-бы старой бабой.

«Мнѣ теперь какъ разъ пришло на память время», продолжалъ Лилли Тротъ, просунувъ руки между колѣнями, «какъ я въ первый разъ пошелъ рыть золото. Насъ было трое, Санди Джимъ, Билли Альфъ и я. Ужасъ что было за мѣсто, гдѣ мы основали свой лагерь. Табаку и чаю не достать было на вѣсъ золота, чтобы добыть себѣ что нибудь, мы должны были бѣжать на ближайшую станцію, гдѣ только разводились овцы. Мы связали пастуха и его старую жену, закололи сколько намъ нуж-

Библиотека "Руниверс"

но было овецъ, забрали сколько нашли муки, сахару и чаю, отыскали даже спрятанный табакъ, навьючили все это на трехъ или четырехъ хорошихъ лошадей, которыхъ нашли въ конюшнѣ, не забывъ, само собою разумѣется, захватить по дорогѣ сѣделъ и уздечекъ, и ужъ собрались было весело во свояси. Билли Альфъ, жестокая скотина, хотѣлъ убить старуху. Санди Джимъ и я поклялись пустить ему пулю въ лобъ, если онъ это сдѣлаетъ. Онъ побоялся насъ; такого отчаяннаго мерзавца, какъ Билли Альфъ, никогда еще и не бывало на бѣломъ свѣтѣ!

«Я ужъ переступилъ за порогъ, вдругъ слышу, старуха зоветъ меня. Оба мои товарищи ушли впередъ; я вернулся. Старуха лежитъ на землѣ и не можетъ пошевельнуться; веревки такъ были затянуты, что и у мущины бы зашлись всѣ члены, не то что у шестидесятилѣтней старухи. «Ты негодяй!» закричала она мнѣ, «но все-таки лучше тѣхъ двухъ разбойниковъ, въ тебѣ еще есть искра страха Божія! *Есть у тебя мать*?»

«Какъ спросила она меня это», продолжалъ какъ бы про себя Лилли Тротъ, задумчиво глядя въ огонь, «меня точно всего передернуло, словно пулей прошибло меня въ самое сердце. Горло у меня сжалось, проклятіе не сошло съ языка, молча обрѣзалъ я ея веревки, и, какъ негодный трусъ, выбѣжалъ изъ дому. Санди Джимъ и Альфъ, когда я догналъ ихъ, говорили, что я былъ бѣлѣе мѣла.

«Отъѣхавъ на нѣсколько верстъ, мы сошли съ лошадей и устроили банкетъ изъ набранной провизіи. Мы уже почти кончили наше угощеніе, какъ изъ за лѣсу выѣхалъ прямо на насъ всадникъ. Мы въ ту же минуту были на ногахъ, а въ слѣдующую минуту молодецъ лежалъ на землѣ и просилъ милости. Само собою разумѣется, мы приняли съ нимъ такія мѣры ради собственной безопасности; по этой же причинѣ, мы должны были обыскать его, чтобы отнять у него оружіе. Въ его карманахъ нашелся хорошенькій маленькій револьверъ, англійскій ножъ и маленькій кожаный мѣшочекъ, наполненный желтыми, какъ намъ показалось, мѣдными кусочками.

«На кой это чертъ!» воскликнулъ Санди Джимъ, «на что тебѣ эту мѣдь, дружище?»

«Мѣдь?» отвѣчалъ дурачина, «если это мѣдь, такъ самъ ты мѣдь! Это золото! да, да, это золото-съ!»

«Дуракъ или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ это былъ сумасшедшій человѣкъ—такому страшному тріумвирату, какъ мы, говорить о золотѣ. Если-бы не я, молодчику не жить бы больше и пяти минутъ на бѣломъ свѣтѣ, потомучто Билли Альфъ тотчасъ же схватилъ его за горло и хотѣлъ задушить. Настоящій дьяволъ, этотъ Билли! Лучшій его другъ не былъ въ безопасности отъ него; онъ способенъ былъ задушить кого нибудь изъ за спины, и сейчасъ же преспокойно продолжать курить свою трубку.

«Мнѣ стоило большаго труда освободить бѣднягу изъ Билливыхъ когтей, наконецъ мнѣ это удалось, но лицо его ужъ совсѣмъ посинѣло. Я не хвастаю, чтобы я былъ ангеломъ, но какъ я могъ дать на своихъ глазахъ задушить этого человѣка? Онъ намъ не сдѣлалъ никакого зла, не могъ намъ ни въ чемъ повредить, напротивъ, я надѣялся узнать отъ него мѣсто, гдѣ онъ нашелъ золото; мы много слышали объ исканіи золота, но сами никогда не нападали на слѣдъ. И такъ, мы обѣщали ничего съ нимъ не дѣлать, если онъ дастъ намъ нужныя указанія. Онъ разсказалъ, что нашелъ золото въ Вендиго, что тамъ роютъ болѣе ста человѣкъ и всѣ находятъ столько золота, сколько имъ нужно, и что еще и на нашу долю тамъ хватитъ.

«Натурально, извѣстіе это очень взволновало насъ. Мы немедленно-же пустились въ путь, взявъ нашего новаго товарища съ собой. Съ начала онъ артачился, но съ нами были плохія шутки; онъ на себѣ испыталъ, много-ли для насъ значитъ задушить человѣка; и такъ, онъ покорился необходимости и указалъ намъ дорогу. Мы дали немного крюку, чтобы въ ближайшемъ мѣстечкѣ купить необходимыя орудія, и намъ посчастливилось добыть двѣ лопаты и одну пешню.

«Мы скоро пріѣхали въ Вендиго и живо принялись за работу. Въ Гольденъ-Голли, самое богатѣйшее мѣсто, намъ ужъ не удалось попасть—а жаль, тамъ золотоискатели добывали среднимъ числомъ по двадцати унцовъ въ день. Мы рыли на три фута въ глубину, и находили то чего искали; наше мѣсто мы прозвали мертвой Собачьей Ямой, потомучто первое что мы тамъ нашли, были двѣ дохлыя собаки. Потомъ мы рыли въ Ослиной ямѣ, и нашли тамъ кусокъ золота въ семьдесятъ унцовъ вѣсу.

Вообще дѣла наши шли на славу; куда бы мы не пошли, вездѣ находили золото; къ тому же тамъ еще не было много народа, такъ что намъ не приходилось биться на жизнь и на смерть изъ за своихъ участковъ. Намъ зачастую случалось изъ чана песку вымывать по ста двадцати унцовъ золота; мы всѣ могли бы сдѣлаться богачами, если-бы только хотѣли этого. Но мы, какъ и всѣ прочіе, только и знали что пить да биться объ закладъ. Золото давалось намъ такъ легко, мы такъ мало давали ему цѣны, что сойдясь въ шинкѣ, не задумывались платить за два или за три стакана грога большими щепотками золота. Въ банкахъ мы брали что намъ вздумается, и платили сколько съ насъ спросятъ. Особенно любили мы щеголять франтовскими непромокаемыми сапогами, и платили за нихъ такіе сумасшедшіе деньги, что, если сказать вамъ, вы просто не повѣрите. Что бы ни попалось намъ на глаза—мы все покупали, при расплатѣ изъ кармана вынималась деревянная шкатулочка съ зернышками золота, и купецъ бралъ оттуда сколько ему заблагоразсудится. Разумѣется, каждый изъ нихъ дѣлалъ при этомъ такой видъ, будто честнѣе его нѣтъ человѣка на свѣтѣ. Онъ бралъ самую малость, въ десятеро больше кралъ потихоньку, пока мы болтали, и потомъ отдавалъ шкатулочку назадъ, говоря: «со мной вамъ нечего бояться обмана, но съ другими я совѣтовалъ-бы вамъ быть осторожнѣе и самимъ взвѣшивать золотыя крупинки!»

Мы смѣялись, называли его въ глаза мошенникомъ, и выходили изъ лавки; намъ и горюшка не было, опорожнилъ-ли онъ всѣ наши шкатулочки или оставилъ тамъ еще что нибудь. Если тамъ оставалась какая нибудь бездѣлица, то въ слѣдующемъ кабакѣ это промѣнивалось на водку. Никто не доставалъ столько золота, какъ одни братья Кремеры, тѣ что ткнутъ лопатой, то и выгребутъ цѣлую кучу.

Каждый вечеръ всѣ мы сходились въ одномъ жалчайшемъ баракѣ, который назывался «Питейный домъ открытыя двери». Само собою разумѣется, трезвымъ не выходилъ оттуда ни одинъ человѣкъ. Дракъ тамъ не бывало, только ножами пырялись такъ, что иной послѣ такого угощенія и не просыпался на слѣдующее утро.

Главнымъ занятіемъ была игра; щепотки золота, унцы золота, даже куски золота, величиною съ орѣхъ, ставились на карту; въ часъ проигрывались и выигрывались тысячи унцовъ золота. Былъ тамъ между игроками одинъ большой чудакъ, его такъ и называли: «Вдвойнѣ или Квитъ«, потомучто онъ всегда, когда проигрывалъ, кричалъ: «вдвойнѣ или квитъ. Этотъ возгласъ онъ повторялъ цѣлый вечеръ, пока не проигрывалъ всего своего золота до послѣдняго зернышка. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ золотоискателей: куда-бы онъ не сунулъ свой заступъ, нездѣ такъ и заблеститъ золото, точно хочетъ сказать: бери меня, сдѣлай милость. Цѣлый день онъ работалъ, какъ лошадь; какъ наберется у него унцовъ пятьдесятъ или шестедесятъ, такъ онъ скорѣе и бѣжитъ проиграть ихъ въ «Открытыхъ дверяхъ». Разъ онъ былъ порядкомъ выпивши, что, впрочемъ, случалось съ нимъ очень рѣдко, и въ пьяномъ видѣ поцѣловалъ молодую скотницу. Та такъ съѣздила его по физіономіи, что онъ чуть не свалился съ ногъ. Это ему понравилось, онъ закричалъ: вдвойнѣ или квитъ, и еще разъ обнялъ ее такъ, что у нея затрещали бока. Забавнымъ образомъ кончилъ свою жизнь бѣдняга. Завязалась у него разъ вечеромъ адская ругань съ другимъ золотоискателемъ. Рѣшили утромъ драться. Сказано, сдѣлано. «Вдвойнѣ или квитъ» побѣдилъ и повалилъ своего противника, но этимъ онъ не удовольствовался и закричалъ: вдвойнѣ или квитъ! Противникъ принялъ вызовъ; на другой день они сильно дрались. «Вдвойнѣ или квиту» достался сильный толчекъ. Вдвойнѣ! закричалъ онъ, и опять бросился впередъ. Квитъ! закричалъ другой — и повалилъ его. Уложили его въ постель, а черезъ недѣлю онъ отдалъ душу Богу. Во время болѣзни онъ бредилъ, страшно шумѣлъ и постоянно какъ будто игралъ въ карты. Передъ самой смертью онъ вскочилъ, пристально осмотрѣлся кругомъ и проговорилъ такимъ мягкимъ голосомъ, какого я никогда у него не слышалъ: «Маша! если-бы ты не измѣнила мнѣ, я-бы не былъ здѣсь! Проклятіе мое легло не на тебя, а на меня! И все-таки я люблю, люблю, люблю тебя!» Послѣ этого онъ упалъ на подушку, но всего на одну минуту, потомъ опять вскочилъ, изо рта у него полилась кровь, онъ, дико озираясь, закричалъ: «Каналья смерть: Вдвойнѣ или квитъ!» Затѣмъ высоко поднялъ руки, и, какъ дерево, повалился навзничь; такъ онъ и умеръ.

Разъ вечеромъ мы сидѣли, какъ обыкновенно, въ «Открытыхъ дверяхъ», и одинъ изъ нашихъ разсказывалъ преудивительныя исторіи про одного туземца, который на двадцатимильномъ пространствѣ находилъ огромные куски золота и такъ просто, поверхъ земли, и будто-бы онъ показывалъ по направленію рѣки Муррей и говорилъ: «Бѣлыя лица найдутъ тамъ много желтыхъ камней!» Весь вечеръ не было другаго разговора, какъ объ этомъ; всѣ думали, какое-бы это было мѣсто. Когда мы шли домой, Санди Джимъ и Билли Альфъ были ужасно взволнованы и упрашивали меня идти вмѣстѣ съ ними къ Муррею. Я не хотѣлъ. Мнѣ ужъ надоѣло искать золото, и я хотѣлъ уѣхать въ Мэльборнъ. Прежде и они также собирались туда, но теперь и слышать не хотѣли объ этомъ. Билли Альфъ не хотѣлъ ни одного дня больше останаться въ Вендиго. Санди Джимъ присоединился къ нему; я же остался при своемъ, и такъ, въ эту же ночь мы разстались.

На слѣдующее утро я уѣхалъ въ Мэльборнъ. Золото я зашилъ въ кожаный поясъ, который надѣлъ на себя; мой защитникъ висѣлъ у меня на рукѣ. Альфъ и Джимъ ночью же пустились въ новое Эльдорадо, чтобы поспѣть туда прежде, чѣмъ другіе нападутъ на такую же мысль.

Я очень былъ радъ отдѣлаться отъ Билли Альфа; это былъ негодяй первой руки, коварный, низкій. Но разстаться съ Санди Джимомъ мнѣ было тяжело; мы столько опасностей дѣлили другъ съ другомъ, и онъ всегда былъ со мной друженъ и помогалъ мнѣ въ бѣдѣ. Разъ мы оба вмѣстѣ чуть не умерли съ голода, а такія вещи очень сближаютъ людей. Разумѣется, мы много не распространялись на прощаньи;

Библиотека "Руниверс"

я подарилъ ему мою маленькую металлическую спичечницу, къ которой я очень привыкъ, потомучто она у меня была десять лѣтъ, и которую к ни за что бы не отдалъ никому другому; онъ далъ мнѣ свой ножъ съ настоящимъ англійскимъ лезвеемъ. Затѣмъ мы простились другъ съ другомъ такъ, какъ будто утромъ унидимся по нсегдашнему, и разошлись. Больше нужъ его никогда не видѣлъ.

Желалъ бы я знать, есть-ли на всемъ бѣломъ свѣтѣ еще другой такой городъ, какимъ былъ Мэльборнъ въ первые два три года послѣ открытія въ этихъ краяхъ золота. Наврядъ-ли; мнѣ кажется ничего подобнаго не можетъ нигдѣ быть. Сюда стеклись народы со всего міра: испанцы, французы, греки, русскіе, малайцы, индѣйцы—однимъ словомъ всѣ, кромѣ китайцевъ.

Такого пьянства, такого соренья деньгами, какъ было тамъ въ то время, свѣтъ еще не видѣлъ да никогда и не увидитъ больше. Тамъ не было ни одного благоразумнаго человѣка; всѣ были или сумасшедшіе или пьяные. Я, разумѣется, не отставалъ отъ другихъ; вѣдь у меня, слава Богу, денегъ было столько, сколько я могъ на себѣ таскать. Нечего и говорить, что я остановился въ лучшемъ отелѣ, за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ пилъ шампанское по десяти рублей серебромъ за бутылку. Для разнообразія я спрашивалъ иногда хересъ и рейнвейнъ.

Разъ я сижу за своей бутылкой, какъ вдругъ ко мнѣ подходитъ одинъ знакомый, съ которымъ мы долго рыли вмѣстѣ и треплетъ меня по плечу. «Здорово, Тротъ!» сказалъ онъ. «Здорово братъ», отвѣчалъ я. Ну, конечно, я велѣлъ подать шампанскаго,—мы пили его изъ пивныхъ кружекъ. Онъ также пріѣхалъ для своего удовольствія въ Мэльборкъ. Мы болтали и пили, и неизвѣстно сколько-бы еще мы осушили бутылокъ, если-бы вдругъ позади насъ, съ улицы не раздался голосъ—такъ, на три четверти мужской и на одну четверть женскій: «Ну, Томъ скоро-ли? Ты вѣрно опять намѣренъ засѣсть тутъ?»

(Окончаніе будетъ).

У бесѣдки. Рис. и грав. Пене.

Библиотека "Руниверс"

Цетинье, главный городъ въ Черногоріи. Рис. Кирхнеръ, грав. Паръ.

Библиотека "Руниверс"

У БЕСѢДКИ.

— „Тише, сердце... Не стучи-же!
Стукну я сейчасъ кольцомъ...
А, и ты со мною, Розка!
Вижу, машешь ты хвостомъ?

* * *

Тамъ *онъ* — да?.. Ты видишь: шляпу,
Книжку тутъ онъ положилъ...
Что-жъ я медлю? Часъ свиданья,
Часъ желанный наступилъ!

* * *

Ждетъ онъ, ждетъ! Но почему-же
Оробѣла я... дрожу?..
Вотъ онъ кашлянулъ... Ахъ, Розка,
Смѣй залаять — накажу!

* * *

Погоди еще немножко,
Дай умѣрить сердца пылъ...
Нѣтъ, пора! Давно свиданья
Часъ желанный наступилъ.

* * *

Но войти мѣшаетъ сердце —
Все стучитъ... Горитъ лицо“...
Надоѣло, видно, Розкѣ —
Гамъ! — и звякнуло кольцо!

В.

Цетинье, главный городъ Черногоріи.

Замкнутая въ своихъ горахъ, не совсѣмъ безопасная для путешественниковъ, Черногорія облекалась до сихъ поръ въ какую-то романическую таинственность, и только въ новѣйшее всеразоблачающее время мы начали знакомиться съ нею нѣсколько ближе.

Число путешественниковъ, желающихъ собственными своими глазами видѣть этотъ спрятавшійся въ горы уголокъ славянскаго міра, не рискуя жизнію, съ каждымъ годомъ, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ, возрастаетъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ и число тѣхъ, которые собственнымъ опытомъ убѣждаются, что во всѣхъ поэтическихъ описаніяхъ Черногоріи, весьма немногое соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Главный городъ Черногоріи, Цетинье, по сіе время не болѣе какъ очень скромненькая деревушка со 130 хижинами и домиками. Если считать на каждый изъ нихъ даже по 5 человѣкъ, то получится цифра населенія, далеко еще не доходящая до тысячи.

Дома крыты частію соломой, частію черепицей, а случается и жестью, но крайне плохо. Дѣйствительную защиту противъ дождя можно найти только въ избушкахъ крытыхъ соломой. Большинство строеній въ Цетиньи состоитъ изъ низенькихъ избушекъ. Всѣ онѣ выстроены изъ камня, сыраго известняка, повсюду находимаго въ окружности, но такъ же мало годнаго для строительнаго матерьяла, какъ негоденъ тамошній песокъ для цемента. Всѣ дома безъ исключенія, настоящіе питомники для ревматизма; по стѣнамъ свѣтлыми ручейками струится вода, сквозь крышу проникаетъ въ комнату дождь и растаявшій снѣгъ. Обои, правда, могутъ нѣсколько замаскировать сырость, но не могутъ препятствовать ей. Причина такой гибельной для здоровья сырости въ домахъ заключается отчасти въ дурномъ качествѣ строительнаго матерьяла и негодности цемента, а отчасти также въ свойствахъ самой песчаной почвы, уже на небольшой глубинѣ скрывающей въ себѣ воду, которая въ силу капиллярнаго дѣйствія подымается вверхъ и проникаетъ въ стѣны.

Жилыя помѣщенія тѣсны, безъ малѣйшаго комфорта и грязны до послѣдней степени. Исключая нѣсколькихъ домовъ, принадлежащихъ высшимъ сановникамъ княжества, почти во всѣхъ остальныхъ люди и животныя жмутся въ одной темной, наполненной дымомъ комнатѣ. Стѣны не оштукатурены, въ нижнемъ этажѣ на полу нѣтъ никакой настилки. Грязная лѣстница ведетъ во второй этажъ. Отхожими мѣстами служатъ просто вырытыя въ землѣ ямы, содержимое которыхъ, смотря по накопленію его, болѣе или менѣе скоро просачивается до той глубины, откуда жители Цетиньи достаютъ, благодаря колодцамъ, уже испорченную воду. Въ жилищахъ бѣднѣйшей части населенія, боковыя стѣны состоятъ просто на просто изъ ничѣмъ не покрытаго плетня, черезъ который, правда, лучше выходитъ дымъ, но за то зимой легче проникаетъ ледяной вѣтеръ.

Мостовой въ Цетиньѣ не существуетъ; только отъ одного домика къ другому, на томъ мѣстѣ гдѣ бываетъ обыкновенно тротуаръ, набросано кое-какъ нѣсколько каменьковъ.

Площадями столица Черногоріи не особенно богата; ихъ всего одна — Главная площадь находится между старымъ и новымъ дворцами и главной улицей, образуя не совсѣмъ правильный четыреугольникъ, ничѣмъ не замкнутый съ юговосточной стороны. Съ этой стороны стоитъ одно только тѣнистое дерево, подъ которымъ, въ теплое время года, князь черногорскій творитъ судъ и рѣшаетъ государственныя дѣла; — на сѣверовосточной сторонѣ находится колодезь и еще одно дерево, а затѣмъ по этой площади хоть шаромъ покати: мелкіе каменьки и песокъ покрываютъ ея пространство, кое гдѣ пробивается жалкая трава, и все вмѣстѣ вѣрно изображаетъ собой картину степи въ маленькомъ масштабѣ.

Съ сѣверо-восточной стороны площадь выходитъ къ проведенной въ новѣйшее время главной улицѣ. Послѣдняя довольно широка и перерѣзываетъ Цетинью отъ сѣвера къ югу; отъ нея идутъ подъ прямыми углами немногія боковыя улицы, а именно по четыре съ каждой стороны. Самыя длинныя изъ нихъ состоятъ изъ восьми низенькихъ хижинокъ, другія изъ четырехъ, двухъ, а есть и такія, гдѣ не насчитается больше одного на половину ушедшаго въ землю домика.

Улицы не имѣютъ названій, дома не нумерованы, мостовая считается излишней роскошью.

Освѣщеніе города лежитъ на обязанности десяти или двѣнадцати петролейныхъ лампахъ, и то, само собою разумѣется, только въ безлунныя ночи.

Изъ *общественныхъ зданій*, заведеній и институтовъ назовемъ: 1. Достославный древній монастырь, мѣстопребываніе духовнаго главы Черногоріи, Владыки. 2. Старый княжескій дворецъ, называемый Бильярдомъ (Bigliardo), бывшая резиденція перваго сѣтскаго правителя Данилы, а также теперешняго князя, до переселенія его въ новый замокъ. 3. Новый дворецъ, резиденція царствующаго нынѣ князя Николая I Петровича Нѣгоша. 4. Такъ-называемый «русскій женскій институтъ», образовательное заведеніе для дѣвушекъ 5. Такъ-называемыя казармы, гдѣ живутъ воспитанники проектированнаго корпуса военныхъ музыкантовъ. 6. Почтовое и телеграфное вѣдомства. 7. Госпиталь, находящійся за городомъ. 8. Государственная тюрьма. 9. Пороховой магазинъ и артиллерійская лабораторія, также за городомъ.

Памятники Цетиньи и ея ближайшихъ окрестностей, это памятники глубокой древности, тѣ таинственные холмы, что сдѣлались въ новѣйшее время излюбленнымъ предметомъ антропологическихъ изслѣдованій. На одномъ изъ этихъ холмовъ, нынѣшній князь, въ память геройскихъ подвиговъ отряда черногорцевъ вдали отъ отечества, воздвигнулъ памятникъ, могущій менѣе всего имѣть претензію на красоту. Можно назвать также своего рода памятникомъ Турецкую башню или башню череповъ, поднимающуюся на скалѣ надъ самымъ монастыремъ, и служившую въ прежнія времена складочнымъ мѣстомъ для всѣхъ отрубленныхъ турецкихъ головъ. Теперь она служитъ колокольней и въ ней виситъ подаренный Россіей большой колоколъ, доставка котораго изъ Катарро сюда стоила громаднѣйшей траты времени, денегъ и силъ.

Церквей въ столицѣ Черногоріи, несмотря на ея несомнѣнное благочестіе, кромѣ монастырской, всего еще одна; отъ другой, находившейся рядомъ съ этой, между обоими дворцами, остались одни развалины. Еще въ давніи времена она была разрушена турками.

Кромѣ вышеупомянутаго института для дѣвицъ, въ Цетиньѣ есть еще школа для мальчиковъ, помѣщающаяся въ монастырскомъ зданіи; учителемъ въ ней состоитъ архидіаконъ. Должность инспектора исполняетъ бывшій далматскій учитель. Очень хорошо ведется частное учебное заведеніе для дѣвочекъ, основанное по иниціативѣ одной далматки.

Правительствующій Сенатъ, или, какъ любятъ его здѣсь называть «черногорское министерство», недавно еще помѣщался въ жалкой грязной пристройкѣ стараго дворца, но теперь переведенъ въ болѣе соотвѣтствующее помѣщеніе въ самомъ «Бильярдѣ».

Что касается мѣстоположенія Цетиньи, то трудно найти что либо характеристичнѣе его, хотя можетъ быть не много найдется натуръ, на которыя способно произвести пріятное впечатлѣніе это пустынное, прилѣпленное къ скалѣ гнѣздо. Всякая жизнь, всякая радость кажется бѣжали оттуда. Ни людей, ни шума экипажей, ни весело-скачущаго всадника, ни заманчивыхъ криковъ торговцевъ, ни веселаго смѣха, ни пѣсенъ, ни шумныхъ, рѣзвящихся дѣтей, — ничего, что обыкновенно бросается въ глаза вездѣ, гдѣ живутъ люди. Мертвая тишина царитъ надъ городкомъ, на главной площади котораго, часто по цѣлымъ часамъ не показывается ни одной человѣческой фигуры. Придвинувшіеся къ самой Цетиньи сѣрые и черные утесы держатъ ея и

Библиотека "Руниверс"

ея жителей какъ бы въ оковахъ, тяжесть которыхъ вскорѣ чувствуетъ на себѣ и путешественникъ. Когда по случаю какого нибудь праздника, бываетъ большое стеченіе народа, жизнь все таки нисколько не становится веселѣе; эти мрачныя, недовѣрчивыя фигуры, сидящія передъ своими домами или ровнымъ шагомъ, съ полнѣйшимъ безучастіемъ ко всему на свѣтѣ, сто разъ прохаживающіяся по одному и тому же кусочку дороги, не созданы для того, чтобы развеселить кого-либо. Два мелочныхъ торговца, скудныя лавченки которыхъ большую часть дня стоятъ запертыми, два-три питейныхъ дома и винныхъ погребка—вотъ всѣ представители мѣстной торговли и промышленности.

Главный заработокъ бѣднаго класса это доставка дровъ, такъ какъ въ этой безлѣсной каменной пустынѣ чувствуется въ нихъ большой недостатокъ, и часто ихъ привозятъ издалека на ослахъ, или женщины притаскиваютъ вязанки дровъ на своихъ спинахъ.

Цетинье лежитъ на днѣ высохшаго нѣкогда горнаго озера; это даетъ жителямъ возможность заниматься земледѣліемъ, но они не оказываютъ особенной охоты къ такому труду.

Климатъ Цетиньи, соотвѣтственно высокому положенію страны надъ поверхностью моря, суровъ и непривѣтливъ, какъ и характеръ ея жителей. Лѣтомъ же, отъ голыхъ известковыхъ скалъ и сомкнутости ихъ, царитъ палящяя жара.

Какъ объ особенныхъ естественныхъ достопримѣчательностяхъ, нельзя не упомянуть о здѣшнихъ пещерахъ, имѣющихъ весьма вѣроятно сообщеніе съ подобными же пещерами внутри горъ или съ моремъ, и отводящихъ съ неимовѣрной быстротой массу воды, которая собирается вокругъ Цетиньи послѣ большихъ дождей или весной при таяніи снѣга. Такихъ пещеръ двѣ; одна изъ нихъ находится въ самомъ монастырѣ, другая неподалеку отъ него. По временамъ, изъ первой вырываются огромныя массы воды и затопляютъ ступеньки и дворъ монастыря; наводненію предшествуетъ глухой подземный шумъ, предупреждающій жителей объ опасности.

Цетинье, лежащая почти на одной широтѣ съ Римомъ, нерѣдко подвергается землетрясеніямъ. Послѣднее сильное землетрясеніе было четыре года тому назадъ.

Смѣсь.

Потребленіе мяса и цѣны на него въ старыя времена. Сравненіе между потребленіемъ главнѣйшаго изъ жизненныхъ припасовъ, мяса, въ прошлыя времена и теперь, даетъ самыя ненормальныя параллели Мы имѣемъ по этому предмету интересныя цифры, относящіяся къ Берлину.

Въ 1397 г. въ Берлинѣ было 49 мясниковъ и 3 колбасника. Всѣ они вмѣстѣ платили на нынѣшнія деньги 1,677 талеровъ 13 зильбергрошей цѣховой пошлины. Чистая прибыль ихъ простиралась до 167,770 талеровъ ежегодно; слѣдовательно, если предполагать, что они получали только по десяти процентовъ на капиталъ, то оборотный капиталъ надо считать въ 1,677,600 талеровъ.

Въ это время все населеніе Берлина не превышало 8,000 душъ, такъ что среднимъ числомъ на каждаго человѣка приходилось *по три фунта мяса.* По среднему выводу послѣднихъ восьми лѣтъ (1867—1874 гг.), ежедневно приходилось только по $^1/_4$ фунта мяса на человѣка! Какъ ни невѣроятна покажется первая цифра, но она подтверждается еще однимъ постановленіемъ 1515 года, по которому всякій булочникъ, посылающій своего работника на мельницу для молотья муки, обязанъ былъ отпускать ему ежедневно 4 фунта мяса, 8 квартъ пива и на 4 пфеннига хлѣба.

При такомъ громадномъ потребленіи мяса, разумѣется, надо взять въ разсчетъ и низкую цѣну, какая была на него въ то время, именно около половины 14-го столѣтія. Берлинскихъ цѣнъ за это время мы не знаемъ, но можемъ руководствоваться въ этомъ отношеніи извѣстными намъ цѣнами въ другихъ нѣмецкихъ городахъ. Въ Нюренбергѣ напримѣръ фунтъ говядины, баранины и телятины стоилъ $2^1/_2$ гроша.

Въ Бременѣ, въ началѣ 15-го столѣтія, цѣлый ягненокъ стоилъ 3 и цѣлый окорокъ 2 гроша. Чтобы судить объ этихъ цѣнахъ относительно съ заработкомъ, скажемъ только, что каменьщикъ получалъ 2 гроша поденной платы, слѣдовательно дневной заработокъ его равнялся цѣнности одного окорока.

Въ 1656 году мы уже видимъ изъ берлинскаго «устава для мясниковъ», что фунтъ говядины, смотря по качеству, стоилъ отъ 7 до 10 пфениговъ, фунтъ печенки 5 пфениговъ; баранина и свинина стоили по 1 грошу, а телятина по 9 пфениговъ за фунтъ. Кто покупалъ 6 фунтовъ говядины, получалъ въ прибавокъ полъ-голяшки.

Въ 1772 г. фунтъ говядины стоилъ уже 23 пфенига, баранины 2 и свинины $2^1/_2$ зильбергроша. Эта цѣна держалась до начала настоящаго столѣтія, и еще въ 1835 г. фунтъ лучшаго сорта говядины стоилъ $2^1/_2$ вильбергроша.

Торговля мясомъ находилась подъ строгимъ контролемъ торговаго совѣта. Мясо не могло иначе продаваться какъ въ лавкахъ; исключеніе допускалось лишь на святой недѣлѣ; тогда всякій могъ продавать его на рынкахъ. Мясники обязаны были выставлять мясо на продажу въ лавкахъ, лѣтомъ съ 5 часовъ утра, зимой съ 6 часовъ, для того, какъ говорится въ уставѣ: «дабы всякій могъ купить мясо и во время состряпать обѣдъ». Мясо отъ шелудивой свиньи, могло быть выставлено на продажу только послѣ того, какъ его осмотрятъ рыночные надзиратели и старшины и объявятъ его «годнымъ къ употребленію». Но такое мясо должно было лежать на отдѣльномъ столѣ, который отличался отъ другихъ доской, съ нарисованной на ней свиньей.

Въ средніе вѣка питали большое отвращеніе къ мясу отъ скота, имѣющаго какой-либо изъянъ; поэтому такое мясо покупалось однимъ бѣднѣйшимъ классомъ народа, или разсылалось по госпиталямъ. За продажу подобнаго мяса, вмѣсто хорошаго налагался значительный штрафъ.

Древнѣйшій берлинскій уставъ о продажѣ мяса, отъ 7-го апрѣля 1343 г., начинается бывшей въ то время въ ходу вступительной фразой: «Аристотель пишетъ въ первой книгѣ о городскомъ управленіи: человѣкъ есть лучшее изъ всѣхъ тварей, поэтому онъ управляется законами; слѣдовательно, самый дурной человѣкъ тотъ, который лишенъ покровительства оныхъ, и т. д. По этому уставу *жиды* не смѣли покупать мясо у мясниковъ, а должны были покупать его на бойняхъ. Точно также имъ запрещалась продажа слишкомъ стараго, слишкомъ молодаго, или слишкомъ тощаго мяса, кромѣ того, заднюю четверть—которая у истыхъ израильтянъ не употребляется въ пищу—они могли продавать только цѣликомъ, между тѣмъ какъ покупщикъ также не смѣлъ дѣлить этой части.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 16-го сентября Государь Императоръ изволилъ въ 5 часовъ утра благополучно прибыть въ Севастополь. Въ $10^1/_2$ часовъ утра Его Величество осматривалъ поповку «Новгородъ» и, посѣтивъ затѣмъ соборъ, изволилъ произвести смотръ и ученье войскамъ; въ 7 часовъ у Его Величества, на Императорской яхтѣ «Ливадія», былъ обѣдъ, къ коему были приглашены военныя и морскія начальствующія лица.

— 17-го сентября, Государь Императоръ въ 8 часовъ утра изволилъ присутствовать въ Севастополѣ при стрѣльбѣ въ цѣль войскъ, а въ 11 часовъ отправиться на Императорской яхтѣ „Ливадія" въ Ялту, куда благополучно прибылъ въ $3^1/_2$ часа пополудни.

— 15-го (27-го) сентября Герцогъ и Герцогиня Эдинбургскіе, на Императорской яхтѣ «Держава», выдержавшей во время морскаго перехода сильную бурю, благополучно прибыли въ Грэвзендъ, откуда отправились по желѣзной дорогѣ, и въ воскресенье вечеромъ пріѣхали въ Лондонъ.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: по случаю кончины дяди Короля Баварскаго, Принца Альберта-Вильгельма-Георга-Людвига Баварскаго, наложить при Высочайшемъ Дворѣ трауръ на шесть дней съ обыкновенными раздѣленіями, начиная съ 18-го сентября.

Дѣйствія правительства.

Высочайшія повелѣнія:

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, основанному на представленіи попечителя оренбургскаго учебнаго округа, объ усиленіи состава попечительскаго совѣта управленія этого округа, 27-го августа сего года, Высочайше соизволилъ разрѣшить: приглашать къ участію въ означенномъ совѣтѣ на правахъ членовъ, когда окажется то нужнымъ, еще слѣдующихъ лицъ: а) инспектора народныхъ училищъ Оренбургской губерніи, имѣющаго пребываніе въ Оренбургѣ, б) инспектора оренбургской гимназіи и в) по дѣламъ, касающимся собственно учебной части, двухъ или трехъ учителей гимназій: мужской и женской.

— Въ собраніи минералогическаго общества (первомъ послѣ лѣтняго перерыва) было заявлено, какъ сообщается въ „Русск. Инвалидѣ", что вслѣдствіе обращенія дирекціи общества къ его Августѣйшему Президенту объ исходатайствованіи продолженія выдачи обществу ежегодной субсидіи для производства геологическихъ изслѣдованій Россіи. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Управляющаго Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, отъ 30-го іюля, Высочайше повелѣть соизволилъ продолжить производство субсидіи въ размѣрѣ 3.000 рублей.

Библиотека "Руниверс"

Дѣла церкви.

— Г. Н. Давыдовъ, въ августовской книжкѣ «Христіанскаго Чтенія», сообщилъ данныя объ учрежденіи епархій всероссійской церкви въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ учрежденія. Оказывается, что въ русской церкви 60 епархій, изъ коихъ 55 въ Россіи, 4 въ грузинскомъ экзархатѣ и 1 въ Америкѣ. Ими въ настоящее время управляютъ 3 митрополита (Кіевская митрополія учреждена въ 988 году, Новгородская въ 992 году, Московская въ 1461 г. и С.-Петербургская въ 1742 г.), 17 архіепископовъ и 37 епископовъ Черниговская епархія съ 4 марта сего года состоитъ праздною, а абхазскою временно управляетъ имеретинскій архіерей.

Всего въ русской церкви 35 викаріатствъ, изъ нихъ 3 въ Грузіи. 8 епископовъ-викаріевъ имѣютъ пребываніе при своихъ каѳедрахъ и управляютъ особымъ отдѣломъ епархіи—это епископы: брестскій, екатеринбургскій, люблинскій, острожскій, селенгинскій, новомиргородскій, мингрельскій и владикавказскій. Викаріатства: козловское, ревельское, старицкое, аккерманское, березовское и владикавказское состоятъ праздными.

— „Церковно-Общественный Вѣстникъ» сообщаетъ, что по распоряженію преосвященнаго Леонтія, архіепископа херсонскаго и одесскаго, въ его епархіи введены церковно-приходскія лѣтописи. Лѣтописи хранятся при церквахъ, священники которыхъ должны вести ихъ по слѣдующей программѣ: 1) Время образованія прихода и построенія церкви, съ указаніемъ, если возможно, лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ построеніи. 2) Какіе и когда были въ приходѣ священники. Замѣчательныя черты ихъ жизни и дѣятельности, по разсказамъ ихъ прихожанъ, если нѣтъ историческихъ документовъ. 3) Постепенное возрастаніе прихода по количеству душъ; приписныя деревни, если есть. Число прихожанъ вообще, и ежегодное показаніе родившихся и умершихъ. 4. Характеръ прихода умственный и нравственный въ прошедшемъ и настоящемъ. Замѣчательные изъ прихожанъ по чему-либо, особенно изъ церковныхъ старостъ. Пожертвованія на храмъ и жертвователи. 5. Сельская школа и процентъ учащихся мужескаго и женскаго пола ежегодный. 6) Разные замѣчательные случаи въ приходѣ, имѣвшіе вліяніе на прихожанъ, а также замѣчательные случаи изъ пастырской практики, съ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа. 7) Время посѣщенія церкви архіереемъ и его наставленія.

Народное просвѣщеніе.

— 31-го минувшаго августа открыта въ Устюжнѣ, Новгородской губерніи, женская прогимназія, въ которую поступило уже 49 воспитанницъ. Въ видахъ устройства удобнаго помѣщенія для прогимназіи - предположено созвать въ этомъ мѣсяцѣ экстренное собраніе дворянства, которое и обсудитъ вопросъ объ изысканіи средствъ на покупку дома для означеннаго учебнаго заведенія.

— Въ городѣ Вытегрѣ, Олонецкой губерніи, 30-го минувшаго августа открыта учительская семинарія.

— 1-го сентября открыто въ Рязани ремесленное училище, въ которое поступило уже 43 воспитанника.

— Содержаніе за текущій годъ учебныхъ округовъ обойдется въ слѣдующей суммѣ по каждому; С.-Петербургскаго—26.720 р. 55 к., Московскаго—25.412 р. 63 к., Виленскаго—31.366 р. 95 к., Кіевскаго 31.051 р. 74 к., Харьковскаго—16,487 р. 7 к., Казанскаго—23,857 р. 4 к., Оренбургскаго—28,902 р., Одесскаго—20,250 р. 95 к., Дерптскаго—21,885 р. 60 к., управленія учебными заведеніями Западной Сибири—6,253 р., тоже Восточной Сибири—8,282 р., Варшавскаго—60,470 р. 36 к.; учебныхъ дирекцій: Варшавской—8,335 р., Калишской—7,455 р., Лодзинской—7,242 р. 50 к., Радомской—7,455 р., Кѣлецкой—7,455 р., Холмской—7,455 р., Сѣдлецкой—7,167 р. 50 к., Сувалкской—6,705 р., Ломжинской—7,455 р., Плоцкой—7,455 р. и инспекціи училищъ города Варшавы—4,475 рублей

— Въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, народное образованіе находится, по словамъ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостей, въ весьма хорошемъ, благодаря дѣятельности земства, положеніи. Почти во всѣхъ селеніяхъ уѣзда, открыты земскія сельскія училища; учительскія мѣста заняты людьми болѣе или менѣе компетентными въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ 1875 году уѣзднымъ земскимъ собраніемъ пятой очередной сессіи ассигновано вообще на дѣло народнаго образованія въ уѣздѣ на 1875 годъ 26,442 р. 30 коп., болѣе противъ предшествовавшаго года на 6,219 р. 30 к. Кромѣ того земскимъ собраніемъ поручено управѣ ходатайствовать предъ Правительствомъ о введеніи въ уѣздѣ обязательнаго обученія грамотѣ.

Военное и морское дѣло.

— Изъ дѣйствующаго отряда „Турк. Вѣд.“ получили извѣстіе, что 18-го августа отрядъ прибылъ въ Ходжентъ, гдѣ 19-го числа имѣлъ дневку, послѣ которой, на другой день, выступилъ по направленію къ Махраму на легкѣ, такъ какъ обозъ очень затрудняетъ движеніе; каждому дозволено имѣть только по одной вьючной лошади.

Ханъ-заде, по слухамъ, убитъ и коканцы рѣшились не выбирать другого хана, пока не выяснятся результаты коканскаго похода. Въ Ходжентѣ недавно получено отъ Автобачи письмо, въ которомъ онъ предлагаетъ всѣмъ русскимъ принять мусульманство или же добровольно оставить Ходжентъ, Уратюбе и Ташкентъ. Въ такомъ случаѣ онъ обѣщаетъ даже прислать изъ Кокана арбы, для нашего проѣзда въ Россію. На это письмо посланъ отвѣтъ, что русскіе всегда сами предписываютъ условія, а не принимаютъ предложенія.

Въ туркестанскій край изъ Россіи ждутъ 5 батальоновъ, 10 сотенъ и 2 батареи.

— Изъ отряда нашихъ войскъ отъ 25-го августа сообщаютъ въ „Турк. Вѣд.», что получено извѣстіе изъ отряда, что коканцы разбиты на голову у Махрама. Крѣпость и полевое укрѣпленіе, построенное впереди, взяты штурмомъ. Послѣ взятія укрѣпленія, штурмовали крѣпость, выломавъ ворота. Это было дѣломъ 1-го стрѣлковаго батальона, передовое же укрѣпленіе брали 3 первыя роты втораго батальона. Послѣ взятія крѣпости казаки преслѣдовали бѣгущихъ на 15 верстъ и при этомъ убитъ подполковникъ Хорошхинъ. Тѣло его еще не найдено, но многіе видѣли, какъ онъ съ 3—4 казаками врубился въ толпу. Казаки его убиты и одинъ сильно раненъ. Потери наши въ этотъ день состоятъ: убитыми одинъ штабъ-офицеръ, пять рядовыхъ и 1 джигитъ и ранеными одинъ штабъ-офицеръ и семь нижнихъ чиновъ.

При штурмѣ крѣпости Махрамъ взято у коканцевъ 39 орудій.

— Лифляндское окружное правленіе общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ извѣщаетъ, что учрежденная, 19-го августа нынѣшняго года, спасительная станція на островѣ Кюно, спасла, 16-го августа, весь экипажъ съ русскаго судна „Розалія“, разбившагося о подводный рифъ Манна, у острова Ассолайда. Спасеннымъ пяти человѣкамъ оказанъ пріютъ у смотрителя кюнскаго маяка.

Желѣзныя дороги и телеграфы.

— Управленіе варшавско-тереспольской линіи вступило въ переговоры съ управленіемъ одесской желѣзной дороги, чтобъ устроить между Одессою и Варшавою непосредственное прямое сообщеніе. Для скорѣйшаго разрѣшенія этого дѣла, надняхъ, командированъ въ Одессу одинъ изъ директоровъ варшавско-тереспольской желѣзной дороги.

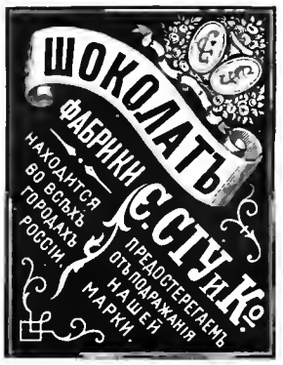
— Работы по сооруженію фастовской желѣзной дороги подвигаются весьма быстро. Земляное полотно дороги на всемъ пути, отъ Фастова, станціи кіево-брестской желѣзной дороги, до станціи Знаменка, на харьковско-николаевской дорогѣ, почти совершенно готова, и въ настоящее время укладываются шпалы и рельсы; укладка началась у Фастова, 20-го августа.

— Отъ Усть-Лабинской станицы устроена телеграфная линія до города Майкопа (Кубанской обл.), гдѣ открыта станція съ пріемомъ депешъ внутренней корреспонденціи.

СОДЕРЖАНІЕ А. В. Кольцовъ. Народныя пѣсни и пѣсни Кольцова (съ портретомъ). — Кто кынгралъ?.. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха (продолженіе).—Гуссятинъ (съ рисункомъ).—Милосердіе Картина В. Бугеро (съ рисункомъ). — Спичечница (Изъ путевыхъ воспоминаній въ Австраліи (окончаніе будетъ).—У бесѣдки (съ рисункомъ). — Цетинье, главный городъ въ Черногоріи (съ рисункомъ).—Смѣсь.—Разныя извѣстія. — Отдѣльное приложеніе: **ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за Октябрь съ 16 рисунками, и листъ выкроекъ.**

За Редактора
Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.



45—11

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для Подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова*. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы“ 1875 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Шпильгагена*. Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 г. 1 р. съ пересылкой.

Учебное заведеніе 1-го разряда

съ полнымъ курсомъ **Классической гимназіи**

содержимое Э. РЕПМАНОМЪ въ Москвѣ.

Помѣщается, на Гончарной ул., близь Яузскаго моста въ д. Степановой.

Пріемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа. 10—10

ГГ. ПРІѢЗЖАЮЩИМЪ въ С.-Петербургъ, желающимъ жить дешево, тихо и спокойно, рекомендуются комнаты съ двумя швейцарами, прислугою и бѣльемъ отъ 60 к., до 2 р. въ сутки, по подъѣзду съ Гороховой, на углу Большой Морской, въ д. Штрауха, кв. № 26. 4—3

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 25 Сентября 1875 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морской, № 9. Тип. Траншеи Англ. пр. № 10.

Библиотека Руниверс

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 41 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 13 Октября 1875 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА" на 1875 годъ.

Николай Ивановичъ Пироговъ.

Въ русскомъ народѣ сложилась такая поговорка: «Жизнь прожить — не поле перейти». Жизнь человѣческая уподобляется нѣкоему тяжелому шару, висящему на волоскѣ, и дѣйствительно, рѣдко кому удается цѣло и невредимо добраться до тихаго пристанища. Не говоря уже о неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ большинства людей, спросимъ: многимъ ли приходится благополучно проплыть въ своей ладьѣ по волнамъ житейскаго моря? О массѣ несчастныхъ случаевъ газеты докладываютъ намъ ежедневно. Какъ человѣкъ ни хитеръ, ни предусмотрителенъ, а все таки ему не уберечься отъ «несчастій», угнетающихъ душу и вредящихъ тѣлу, а слѣдовательно вліяющихъ опять таки на жизнь духовную. Нѣтъ спасенія отъ нравственныхъ ударовъ, да и нельзя быть увѣреннымъ, что я самый скудельный сосудъ — тѣло—будетъ цѣлъ. Сорвется, напримѣръ, золотой крендель, что покачивается надъ дверьми булочной, и ударитъ по головѣ прохожаго,.. Вотъ и «несчастный случай»! Человѣкъ находится въ постоянной опасности. Если бѣда нагрянетъ—является, понятно, сильное желаніе освободиться отъ нея, и вотъ, тѣхъ, которые могутъ помочь горю, могутъ освободить несчастнаго отъ физическихъ страданій, спасти жизнь ему — называютъ *спасителями человѣчества*. Если такой «спаситель» обладаетъ знаніемъ, рѣдкимъ искусствомъ, однимъ словомъ — помощь его въ трудныхъ случаяхъ является дѣйствительною—тогда его превозносятъ, объявляютъ «знаменитымъ», и тутъ чувство благодарности, самой задушевной, искренней, наполняетъ все сердце спасеннаго. Искусный врачъ, ловкій хирургъ—вотъ онъ, любимецъ общества! Это такой человѣкъ, на котораго толпа всегда смотритъ съ любовью, уваженіемъ, надеждой... «Ну, вдругъ (какъ знать?) понадобится! Вѣдь спасетъ!» Такъ смотрѣли и теперь еще

Николай Ивановичъ Пироговъ. Рис. Пилати, грав. Пуцъ.

Библиотека "Руниверс"

трятъ на нашего русскаго знаменитаго хирурга—Николая Ивановича Пирогова. Выставляя въ настоящемъ № «Нивы» портретъ его, пользуемся случаемъ сообщить читателю краткую біографію Н. И. Пирогова.

Н. И. Пироговъ родился въ 1810 году. Окончивъ съ успѣхомъ спеціальное медицинское образованіе въ дерптскомъ университетѣ, въ 1832 году онъ получилъ степень доктора медицины. Въ слѣдующемъ же году, именно 4-го мая 1833 года, онъ былъ отправленъ, съ высочайшаго соизволенія за границу, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ своей спеціальности, а по возвращеніи оттуда, назначенъ былъ, 6-го марта 1837 года, ординарнымъ профессоромъ дерптскаго университета, съ производствомъ въ чинъ надворнаго совѣтника. Въ 1839 году онъ предпринялъ новое ученое путешествіе въ Парижъ, на суммы университета, а въ 1841 году былъ переведенъ изъ дерптскаго университета въ петербургскую медико-хирургическую академію. Здѣсь занялъ онъ каѳедры госпитальной хирургіи и паталогической анатоміи и, въ то же время, былъ назначенъ главнымъ врачемъ хирургическаго отдѣленія при 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ. Кромѣ того онъ сдѣланъ былъ еще вице-директоромъ петербургскаго инструментальнаго заведенія и членомъ комитета, учрежденнаго при медицинскомъ департаментѣ, для пересмотра и улучшенія хирургическихъ инструментовъ. Въ 1843 году онъ началъ издавать «Полный курсъ анатоміи человѣческаго тѣла» и за поднесеніе этого труда Государю получилъ бриліантовый перстень въ 500 р. с. Въ этомъ же году появилось и другое его сочиненіе: «Анатомическія изображенія наружнаго вида и положенія органовъ, заключающихся въ трехъ главныхъ полостяхъ человѣческаго тѣла», которое было издано вторично въ 1850 году. Въ 1847 году Н. И. Пироговъ получилъ званіе академика, и по высочайшему повелѣнію былъ отправленъ на Кавказъ, для указанія тамошнимъ врачамъ способовъ употребленія эфира при хирургическихъ операціяхъ. За чрезвычайно успѣшное исполненіе этого, возложеннаго на него порученія, Н. И. Пироговъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденъ Анны 2-й степени. Во время Крымской компаніи онъ былъ назначенъ главнымъ докторомъ войскъ, расположенныхъ въ Крыму, а по окончаніи войны пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника и сдѣланъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа. Въ короткое пребываніе свое тамъ, а потомъ въ томъ же званіи въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, Н. И. Пироговъ пріобрѣлъ полное уваженіе всѣхъ лицъ, интересующихся народнымъ образованіемъ, за тѣ гуманныя и раціональныя мѣры, которыя онъ принималъ для улучшенія и поднятія ввѣреннаго ему дѣла. Въ 1861 году Н. И. Пироговъ сдѣланъ былъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія и снова командированъ за границу, для руководства въ ученыхъ занятіяхъ докторовъ, отправляемыхъ на казенный счетъ за границу съ научною цѣлью. Хирургическія знанія и множество блистательныхъ операцій сдѣлали имя Пирогова извѣстнымъ цѣлому свѣту. Его приглашали на консультаціи въ самыхъ трудныхъ случаяхъ и совѣты его принимали съ уваженіемъ знаменитости медицинской науки. Онъ былъ и при одрѣ болѣзни покойнаго Цесаревича и у постели Гарибальди, раненаго при Аспромонте. Слава его, какъ врача, огромна и мнѣнія въ оперативной хирургіи служатъ авторитетомъ. Не меньшей извѣстностью пользуется Н. И. Пироговъ и какъ превосходный, опытный педагогъ. На этомъ поприщѣ дебютировалъ онъ, въ 1852 г. своею статьею «Вопросы жизни», помѣщенною въ «Морскомъ Сборникѣ». Статья эта произвела огромное впечатлѣніе на публику и возбудила сильную полемику въ нашей ученой литературѣ, но вѣрность и жизненная правда взглядовъ и педагогическихъ пріемовъ Н. И. Пирогова были признаны всѣми. Съ этихъ поръ онъ постоянно, среди своихъ непрерывныхъ и утомительныхъ учено-медицинскихъ занятій, находилъ время для разработки педагогическихъ вопросовъ и всѣ его статьи по этому предмету были собраны въ «Сборникѣ педагогическихъ статей Н. И. Пирогова», имѣвшемъ уже не одно изданіе. На нѣмецкомъ языкѣ Николай Ивановичъ издалъ огромный трудъ о военной хирургіи, возбудившій удивленіе европейскихъ ученыхъ.

Кто выигралъ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

Онъ продолжалъ распрашивать сосѣда, но тотъ молча ходилъ по комнатѣ и тогда только заговорилъ, когда поуспокоился.

— Сегодня утромъ отправился я верхомъ въ поле, началъ Мальтэнъ,—тамъ у меня работаетъ нѣсколько новыхъ рабочихъ, по найму, такъ какъ мои не успѣваютъ справляться. Этимъ поденщикамъ я назначилъ хорошую плату и, понятно, сталъ требовать, чтобы они хорошо работали. Ну, вотъ, пріѣхалъ я туда и сейчасъ-же замѣтилъ, что они почти ничего не наработали... Когда я началъ дѣлать имъ выговоръ за это, нѣкоторые изъ нихъ подошли ко мнѣ и объявили, что совсѣмъ прекратятъ работу, если не будетъ назначена имъ болѣе высокая плата. Требованія свои выражали они дерзко... Тутъ подошли и остальные, заговорили то-же самое и окружили меня... Я не изъ трусливыхъ, ну, и не привыкъ, чтобы мнѣ что либо предписывали, да еще такимъ образомъ, а потому и отвѣтилъ имъ коротко, что увеличивать платы—не намѣренъ, и что́ съ моей стороны помѣхи не будетъ, если они захотятъ прекратить работу. Они тотчасъ-же все и бросили, причемъ угрожать стали, но я преспокойно вернулся домой и ни слова не сказалъ женѣ и дочери о случившемся, чтобы не пугать ихъ изъ за пустяковъ, тѣмъ болѣе, что обѣ онѣ намѣревались сегодня въ полдень уѣхать дня на два. Сегодня онѣ и уѣхали. Я даже проводилъ ихъ немного...

— И хорошо сдѣлали, замѣтилъ фрейгерръ: — насколько я знаю жену вашу—она совсѣмъ отказалась-бы отъ поѣздки, если-бы узнала объ этой исторіи!...

Мальтэнъ, какъ кажется, не слышалъ замѣчанія Маннштейна, и продолжалъ:

— Я думалъ пріѣхать къ вамъ сегодня послѣ обѣда, чтобы сообщить о случившемся, и вотъ почему: они угрожали мнѣ, и изъ словъ ихъ я понялъ, что между моими рабочими и вашими существуетъ стачка, и что́ ваши—заявятъ вамъ такія-же требованія...

„Маленькій фрейгерръ" улыбнулся.

— Пусть попробуютъ, сказалъ онъ:—отъ меня они съ тѣмъ-же отъѣдутъ, съ чѣмъ отъѣхали и отъ васъ!

— Постойте, Маннштейнъ! Дайте докончить. Я хотѣлъ выѣхать послѣ обѣда, но тутъ мнѣ какъ-то помѣшали, вслѣдствіе чего я и запоздалъ. Доѣхавъ до лѣса, я пустилъ лошадь шагомъ... Вдругъ подскакиваютъ ко мнѣ нѣсколько рабочихъ и останавливаютъ меня: они были съ дубинами, а у одного изъ нихъ, самого отчаяннаго, по имени—Бартэльсъ, былъ даже пистолетъ!... Я ничуть не струсилъ, но когда одинъ нахалъ схватилъ мою лошадь подъ уздцы—я огрѣлъ его хлыстомъ, далъ коню шпоры, двухъ сбилъ съ ногъ и поскакалъ, Они за мной... Раздались крики: „Стрѣляй!" „Нѣтъ, оставь его! Ужо́, какъ назадъ поѣдетъ — схватимъ!"... Вотъ ужъ какой оборотъ приняло дѣло!.. Маннштейнъ, дайте-ка мнѣ револьверъ или пару пистолетовъ—я сейчасъ-же поѣду обратно и посмотрю, у кого изъ нихъ хватитъ храбрости напасть на меня... Первому смѣльчаку—пулю въ лобъ!

Глаза „маленькаго фрейгерра" во время этого разсказа разгорѣлись. Такъ и видно было, что въ немъ вспыхнуло желаніе сопутствовать другу и вмѣстѣ съ нимъ наказать озорниковъ... Но Маннштейнъ одумался.

— Мальтэнъ, вы этого не сдѣлаете, сказалъ онъ, положивъ руку на плечо друга.

— Нѣтъ, я именно такъ и поступлю! воскликнулъ Мальтэнъ, все еще не совсѣмъ уходившись. Вотъ я имъ покажу, ка́къ я ихъ испугался!...

— Послушайте, я вѣдь тоже не трусъ, что́ вамъ извѣстно, и однакоже я-бы не совѣтовалъ вамъ поступить та́къ въ данномъ случаѣ... Неужели вы хотите вступить въ неравную борьбу? Сила—на ихъ сторонѣ. Нѣтъ, вамъ

Библиотека "Руниверс"

не слѣдуетъ подвергать себя опасности, вы не должны забывать жены и дочери!...

— Но вѣдь они, все равно, станутъ ждать меня на дорогѣ...

— Пусть! А мы попытаемъ ихъ — много-ли у нихъ терпѣнія? Эту ночь вы проведете у меня.

— Нельзя.

— Почему-же нельзя? Развѣ вы опасаетесь, что работники осмѣлятся проникнуть въ ваше жилище?...

— Нѣтъ, этого-то не можетъ быть, потомучто они собственно злы только на меня одного...

— И прекрасно! *Васъ*-то я и оставляю здѣсь! воскликнулъ „маленькій фрейгерръ".—Нѣтъ, Мальтэнъ, въ самомъ дѣлѣ, прошу васъ, прошу какъ другъ, послѣдуйте моему совѣту! Въ настоящемъ дѣлѣ я хладнокровнѣе васъ, разсудительнѣе...

— Люди мои тоже будутъ меня ждать...

— Я пошлю туда человѣка съ вашей запиской: вы напишите вашему управляющему, чтобы онъ смотрѣлъ въ оба, ну-съ, а завтра я самъ провожу васъ домой!.. Если-же рабочіе и завтра осмѣлятся напасть на насъ— узнаютъ тогда они, что Мальтэнъ и Маннштейнъ—крѣпкіе союзники, узнаютъ, что Маннштейнъ вовсе еще не такъ старъ, какъ имъ, можетъ быть, это кажется!.. Ну-же, по рукамъ!...

И фрейгерръ протянулъ руку своему другу.

— Ну, хорошо, произнесъ послѣ небольшаго колебанія Мальтэнъ,—я согласенъ. Да, намъ нужно дѣйствовать за одно, да и дѣлу-то этому не слѣдуетъ заходить далѣе...

— И такъ, чтобы ни случилось—я союзникъ вашъ, объявилъ Маннштейнъ и прибавилъ: а теперь пойдемте-ка на веранду! Тамъ, знаете, и винцо кажется какъ-то вкуснѣе!... Очень я радъ, что есть у меня сегодня собесѣдникъ! Днемъ-то мнѣ, слава Богу, есть чѣмъ развлечься, а вотъ вечера частенько кажутся мнѣ предлинными; не всегда бываетъ охота заняться чтеніемъ.

— Ну, а племянникъ-то вашъ—развѣ ужъ уѣхалъ? Его нѣтъ здѣсь? спросилъ Мальтэнъ.

— Онъ вернулся въ столицу.

— Уѣхалъ—и даже со мной не простился?!..

— Да онъ, вѣроятно, завтра-же сюда пріѣдетъ, сказалъ Маннштейнъ и поспѣшилъ на веранду, чтобы замять какъ нибудь этотъ весьма непріятный для него разговоръ.

Лаксю отдано было приказаніе подать туда вино, что́ и было исполнено, а затѣмъ фрейгерръ распорядился, чтобы въ его собственной спальнѣ приготовили гостю постель.

И вотъ, старинные друзья помѣстились на верандѣ у столика, другъ противъ друга „маленькій фрейгерръ", какъ не старался, однако-же не могъ скрыть мрачнаго настроенія духа...

— Да что̀ съ вами, Маннштейнъ? спросилъ наконецъ Мальтэнъ, котораго поразилъ необыкновенно-серіезный видъ хозяина.

Но старикъ медлилъ отвѣтомъ... Однако, поступокъ Зельдитца не могъ быть тайной для его друга и — фрейгерръ разсказалъ ему все...

— И такъ, благодаря всему этому, любимая мечта моя разбита, прибавилъ онъ. Да, я думалъ, надѣялся, что племяннику моему удастся овладѣть сердцемъ вашей дочери... И, если-бы наши имѣнья попали, такимъ образомъ, въ однѣ руки, то вѣдь по богатству обладатель ихъ могъ-бы поспорить съ любымъ владѣтельнымъ лицомъ въ странѣ!.. Я желалъ этого, но племянникъ мой сдѣлалъ то́, что желаніе это уже не можетъ теперь осуществиться... Мнѣ оставалось только одно: принять всѣ зависящія отъ меня мѣры для возстановленія чести несчастной дѣвушки... Надѣюсь, Мальтэнъ, насчетъ этого вы согласны со мной?...

Мальтэнъ былъ чрезвычайно удивленъ такою новостью. Вѣдь и ему тоже хотѣлось, чтобы Зельдитцъ былъ его зятемъ!... Это такъ его поразило, что онъ ни съ разу могъ отвѣтить своему другу.

— Да̀, вы правы... правы! наконецъ произнесъ Мальтэнъ въ сильномъ волненіи.—Но что́-же вы предпримете, если баронъ не подчинится вашимъ требованіямъ, не согласится на ваши условія? Вы и въ самомъ дѣлѣ тогда лишите его наслѣдства?...

— Лишу, отвѣтилъ фрейгерръ рѣшительнымъ тономъ.—Поступокъ его я считаю безчестнымъ. Если онъ не захочетъ его загладить, искупить свой грѣхъ — рѣшеніе мое непоколебимо. Я не могу допустить, чтобы имѣніе мое, все мое добро попало въ руки человѣка, который до такой степени забылъ о своей чести... Я горжусь тѣмъ, что имя мое ничѣмъ не запятнано, а вѣдь *онъ*—сынъ сестры моей!...

— Сурово, но справедливо, проговорилъ Мальтэнъ послѣ небольшаго молчанія.—Что́-жъ, дали вы ему время подумать объ этомъ?..

— Да. Завтра вечеромъ онъ долженъ дать мнѣ рѣшительный отвѣтъ.

— Надѣетесь-ли вы, что онъ послушается васъ?..

— Надѣюсь. Вѣдь если я отрекусь отъ него, то чѣмъ-же ему тогда жить? Вѣдь онъ рѣшительно ничего не имѣетъ...

— Такъ. Но, Маннштейнъ, вы, можетъ быть, упустили изъ виду одно обстоятельство: рѣшится-ли дѣвушка, которую племянникъ вашъ такъ жестоко оскорбилъ, отдать ему свою руку?...

— Нѣтъ, я и объ этомъ подумалъ, отвѣтилъ фрейгерръ.—Если онъ вполнѣ подчинится моей волѣ, то я тогда принимаю на себя посредничество въ этомъ дѣлѣ... Вѣдь я былъ въ тѣсной дружбѣ съ отцомъ этой дѣвушки!... Конечно, гдѣ ужъ ей любить его, но я все-таки не теряю надежды уговорить ее обвѣнчаться съ нимъ только для того, чтобы называться баронессою ф. Зельдитцъ и затѣмъ—жить съ мужемъ врозь. Разумѣется, ей нужны будутъ средства, чтобы жить сообразно своему званію, но ужъ объ этомъ позабочусь я; послѣ смерти моей она также должна быть независимой отъ мужа. Все мое имущество я раздѣлю между ними...

Долго еще сидѣли они, бесѣдуя объ этомъ, потомъ поговорили и о томъ, какъ-бы лучше покончить дѣло съ рабочими, но такъ какъ стало уже довольно поздно, то хозяинъ повелъ гостя, друга своего, въ спальню, пригласивъ его лечь тамъ и успокоиться.

— Да вѣдь это ваша постель, Маннштейнъ! Нѣтъ, я тутъ не лягу, я не хочу стѣснять васъ! воскликнулъ Мальтэнъ.

— Вы останетесь здѣсь, возразилъ фрейгерръ. Видите-ли, у меня остальныя комнаты не совсѣмъ въ порядкѣ, ну, а мнѣ хочется доказать вамъ, какъ радъ я тому, что вы нынче заночуете подъ моей кровлей!.. И такъ, доброй ночи!

Онъ поспѣшно вышелъ изъ своей спальни и отправился въ ту комнату, которую обыкновенно занималъ Зельдитцъ. Долго еще ходилъ тамъ старикъ, наконецъ усталъ и легъ. — Комната эта находилась совсѣмъ въ противуположной сторонѣ отъ спальни фрейгерра... Заснулъ онъ; прошло можетъ быть два три часа, какъ вдругъ гдѣ-то глухо раздался выстрѣлъ... Маннштейнъ проснулся, вскочилъ и сталъ прислушиваться, но... все было тихо. Однако, трескъ выстрѣла разбудилъ его, и ему показалось, что стрѣляли не *внѣ* дома, а *внутри*... Но онъ и вѣрить этому не хотѣлъ: вѣдь онъ спалъ... проснулся... развѣ такъ трудно ошибиться?. Впрочемъ, чтобы успокоиться, убѣдиться въ ошибкѣ, онъ позвонилъ. Слуга не замедлилъ явиться—лицо его выражало испугъ.

— Ты слышалъ выстрѣлъ? спросилъ фрейгерръ.

— Слышалъ-съ.

— Гдѣ-жъ онъ раздался?

Библиотека "Руниверс"

— Тутъ... въ домѣ-съ... и какъ будто выстрѣлили въ вашей комнатѣ...

— Пустяки какіе! Это невозможно!

Однако, Маннштейнъ вскочилъ съ постели.

— Да ты не ошибся-ли?... Тебя выстрѣлъ разбудилъ— ты спалъ?

— Да-съ, ну, а какъ вскочилъ, такъ и побѣжалъ къ вашей комнатѣ... Только тамъ все было тихо.

— Ну, конечно! Господинъ Мальтэнъ спитъ себѣ тамъ преспокойно, сказалъ фрейгерръ:—видно, оба мы ошиблись, ослышались...

— Нѣтъ-съ, вонъ и ключница тоже слышала, что выпалили въ самомъ дѣлѣ, замѣтилъ лакей.

Въ это время на дворѣ, передъ домомъ, раздались голоса. Маннштейнъ отворилъ окно и поглядѣлъ, что́ тамъ такое. Двое управляющихъ и конюхъ стояли у двери: оказалось, что ихъ разбудилъ выстрѣлъ, вслѣдствіе чего они и поспѣшили сюда. Эти люди тоже утверждали, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ не внѣ дома, а внутри его...

Страхъ обуялъ „маленькаго фрейгерра". Живо одѣвшись, онъ отправился въ сопровожденіи слуги въ свою комнату. Дойдя до двери, онъ остановился... Тамъ, за дверями, все было тихо.... Взявшись за ручку замка, онъ увидѣлъ, что дверь была заперта изнутри.

— Мальтэнъ! кликнулъ Маннштейнъ.

Отвѣта не послѣдовало. Тогда онъ постучался... Таже тишина... Онъ застучалъ сильнѣе, но Мальтэнъ и тутъ не откликнулся... Фрейгерръ поблѣднѣлъ; какъ ошеломленный простоялъ онъ нѣсколько секундъ, казалось—силы оставили его. Оправившись, старикъ побѣжалъ въ садъ, чтобы оттуда, черезъ веранду, пробраться въ свою комнату... Дверь на веранду была полуотворена, что́ сразу поразило его.

— Это что́ такое? произнесъ онъ въ испугѣ.

Взявъ у лакея свечку, фрейгерръ бросился въ спальню, прямо къ постелѣ, на которой спалъ его другъ, и—въ ужасѣ отскочилъ, едва не выронивъ подсвѣчника.

— О, Господи! воскликнулъ онъ, хватаясь лѣвой рукой за край стола, чтобы удержаться на ногахъ...

Дѣйствительно, картина, которую увидѣлъ онъ теперь, была потрясающаго свойства: почти вся постель залита была кровью, а на постелѣ неподвижно лежалъ Мальтэнъ... Выстрѣлъ поразилъ его въ голову.

Маннштейнъ скоро оправился, стряхнулъ съ себя слабость и, снова подойдя къ постелѣ, приподнялъ руку друга... Рука повисла и затѣмъ тяжело упала... Онъ сталъ звать Мальтэна по имени, но Мальтэнъ ничего не отвѣтилъ ему, даже не шевельнулся; лицо его было спокойно, оно какъ будто застыло... ни искорки жизни...

— Застрѣленъ... убитъ! воскликнулъ фрейгерръ и закрылъ глаза рукой... Казалось, онъ не могъ дольше выносить такого зрѣлища; ему какъ будто нужно было еще свыкнуться съ такою ужасною мыслью...

Прошло нѣсколько секундъ... Онъ открылъ глаза и сталъ глядѣть на покойника, на бывшаго старинцаго, вѣрнаго своего друга... Потомъ взглядъ его скользнулъ по комнатѣ... Онъ думалъ—не брошено-ли гдѣ нибудь оружіе, которымъ совершено преступленіе, но никакаго огнестрѣльнаго оружія въ спальнѣ не оказалось... И такъ, Мальтэнъ не самъ лишилъ себя жизни, а былъ убитъ кѣмъ-то... Мысль найти убійцу оживила „маленькаго фрейгерра", снова возбудивъ въ немъ жажду къ дѣятельности.

— Обыскать весь садъ! Осмотрѣть всю окрестность! крикнулъ онъ управляющимъ. Соберите всѣхъ работниковъ... Ни одного уголка, ни одного куста безъ обыска!... Маршъ!..

Маннштейнъ и самъ хотѣлъ идти вмѣстѣ съ ними, но силы измѣнили ему: ноги какъ-то ослабѣли, колѣни дрожали, и онъ принужденъ былъ опуститься на стулъ, иначе-бы, пожалуй, упалъ. Конюху отдано было приказаніе сейчасъ-же ѣхать верхомъ въ городъ за докторомъ и объявить тамъ кому слѣдуетъ о случившемся.

— Ты бери мою лошадь! крикнулъ онъ ему вслѣдъ:— гони и въ хвостъ и въ голову, если издохнетъ - не бѣда! Живѣй!...

По приказанію фрейгерра, въ комнатѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, было зажжено нѣсколько свѣчей, и онъ одинъ остался въ ней, какъ-бы на стражѣ. Согнувшись, смотря куда-то вдаль, неподвижно сидѣлъ старикъ, и только изрѣдка, съ выраженіемъ глубокой печали, взглядъ его останавливался на усопшемъ другѣ... Мальтэнъ въ *первый* разъ въ жизни остался у него ночевать—и вотъ, какъ пагубна была для него эта ночь!... Но кто-же могъ совершить такое страшное дѣло?... И Маннштейнъ снова тщательно осмотрѣлъ всю комнату... Нѣтъ, все на мѣстѣ, все цѣло,.. Значитъ, убійца дѣйствовалъ не изъ корысти, а скорѣе изъ ненависти, онъ мстилъ за что-то... Не тѣ-ли рабочіе привели въ исполненіе свою угрозу?... Но неужели они слѣдовали за нимъ по пятамъ, явились даже сюда и такъ тщательно слѣдили за Мальтэномъ, что могли узнать, что онъ будетъ спать въ этой комнатѣ?... Правда, Мальтэнъ говорилъ ему, что одинъ изъ озорниковъ, напавшихъ на него въ лѣсу, имѣлъ при себѣ пистолетъ... Такъ не этотъ-ли работникъ и убилъ его?...

У „маленькаго фрейгерра" голова вообще была свѣтлая, но теперь онъ самъ чувствовалъ, что мозгъ его какъ-то отяжелѣлъ и мысли что-то плохо вяжутся... Вѣдь это онъ... онъ самъ убѣдилъ, уговорилъ друга переночевать здѣсь!.. Мальтэнъ остался и — погибъ въ этомъ домѣ, въ домѣ Маннштейна!... А семейство Мальтэна?.. Жена и дочь его даже и не подозрѣвали еще, какая бѣда случилась... Ну, если услышатъ онѣ какъ нибудь объ этомъ, то вѣдь такой неожиданный ударъ можетъ убить ихъ!... Фрейгерръ сознавалъ, что онъ обязанъ былъ какъ можно осторожнѣе подготовить вдову Мальтэна и дочь его къ принятію такого извѣстія, но онъ не зналъ, какъ именно устроить это. Взять на себя такую трудную задачу—старикъ не могъ: у него не хватило-бы на это силы... Подумавъ, онъ послалъ въ усадьбу Мальтэна за его управляющимъ. Управляющій этотъ, какъ человѣкъ образованный, могъ хорошо выполнить его порученіе... Пусть онъ и отправится къ госпожѣ Мальтэнъ...

Люди обыскали дворъ, весь садъ, но никого не нашли. Объ этомъ доложилъ фрейгерру одинъ изъ управляющихъ. Фрейгерръ молча махнулъ рукой, чтобы онъ удалился... Ему хотѣлось остаться совершенно наединѣ съ самимъ съ собою. И вотъ, опять сталъ онъ ломать голову надъ вопросомъ: кто-бы могъ совершить такое злодѣйство?... Вдругъ какая-то мысль, подобно молніи, мелькнула въ его головѣ, и онъ почти оцѣпенѣлъ... потомъ вскочилъ... его трясло какъ въ лихорадкѣ...

— Нѣтъ... нѣтъ! Этого не можетъ... не можетъ быть! громко произнесъ онъ и снова опустился на стулъ.

Заря уже занялась; небо на востокѣ заалѣло и становилось все ярче и румянѣе; вотъ, и первые лучи солнца ударили въ окно и золотистыми пятнами легли на стѣнѣ комнаты... Но фрейгерръ ничего этого не видѣлъ: онъ сидѣлъ неподвижно, устремивъ куда-то впередъ пристальный взглядъ. Прошло всего нѣсколько часовъ, а казалось что го́ды пролетѣли надъ его головой, такъ онъ вдругъ постарѣлъ, одряхлѣлъ... Прежняя живость его какъ будто разомъ исчезла куда-то...

Къ крыльцу дома быстро подъѣхала карета и остановилась. Изъ нея вышли: коронный прокуроръ Ригель, судебный врачъ—докторъ Биндэль и слѣдователь Питтъ. Маннштейнъ зналъ ихъ всѣхъ лично.

Прокуроръ пригласилъ фрейгерра разсказать все, что́ было ему извѣстно по „сему дѣлу".

— Въ комнатѣ ничего не трогали? Все осталось какъ

Библиотека "Руниверс"

Передъ купаньемъ. Картина Церро, грав. Паннемакеръ-сынъ. Гравюра эта пріобрѣтена нами по соглашенію съ единственными собственниками этого художественнаго произведенія, Гупилемъ и К°.

Библиотека "Руниверс"

было? Трупъ лежитъ въ томъ-же положеніи, въ какомъ вы его нашли? спросилъ Ригель.

— Да. Я самъ все время пробылъ въ комнатѣ, дабы никто изъ постороннихъ не могъ войти. Я только взялъ, приподнялъ руку убитаго... Мнѣ не вѣрилось, что онъ уже мертвъ...

— Оружія не нашли вы?

— Нѣтъ.

— Слѣдовательно, о самоубійствѣ не можетъ быть и рѣчи, замѣтилъ прокуроръ.

— Да тутъ самоубійства и быть не могло, прибавилъ фрейгерръ:—мой другъ, Мальтэнъ, не посягнулъ-бы на свою жизнь... Жилъ онъ, можно сказать, въ самой счастливой обстановкѣ; у него не могло быть ни малѣйшаго повода поступить такъ съ собою.. Онъ также не могъ сдѣлать этого въ припадкѣ меланхоліи, потому что никакихъ признаковъ болѣзни этой я никогда не замѣчалъ въ немъ. Много лѣтъ были мы съ нимъ въ дружбѣ, и я могу сказать, что онъ всегда пользовался наилучшимъ здоровьемъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Прибавлю еще, что онъ питалъ ко мнѣ полное довѣріе, а потому, если-бы что нибудь омрачало его существованіе, онъ навѣрно сообщилъ-бы мнѣ объ этомъ.

— Не пропало-ли что нибудь изъ комнаты? Всѣ-ли вѣщи тутъ цѣлы?..

— Все цѣло. Эта комната, собствено говоря, спальня моя, мой жилой покой, поэтому каждая вещь въ ней хорошо мнѣ знакома и, если-бы что нибудь исчезло— я-бы сейчасъ-же это замѣтилъ.

Прокуроръ взглянулъ на столикъ, стоящій около кровати. На столикѣ лежали золотые часы Мальтэна.

— Гм., что-то загадочно, произнесъ онъ: — грабежа тутъ не было, значитъ—убійство совершено вслѣдствіе какихъ-то иныхъ побужденій... Не можете-ли вы указать мнѣ на какія либо данныя въ пользу такого соображенія?.. Нѣтъ-ли хоть какихъ нибудь слѣдовъ убійцы? Не имѣете-ли вы на кого нибудь подозрѣнія?

Фрейгерръ не сейчасъ отвѣтилъ. Помолчавъ немного, онъ разсказалъ о томъ, что сообщилъ ему Мальтэнъ о своей ссорѣ съ рабочими, о столкновеніи съ ними въ лѣсу и о томъ, какъ рабочіе угрожали ему, причемъ прибавилъ, что у одного изъ работниковъ былъ пистолетъ.

— А—а, вотъ мы, кажется, и попали на прямую дорожку! воскликнулъ Ригель. Извѣстны-ли вамъ имена этихъ рабочихъ?

— Нѣтъ, неизвѣстны, отвѣтилъ Маннштейнъ.

— Ничего! Вы, господинъ слѣдователь, конечно, легко розыщете ихъ, обратился прокуроръ къ Питту. Пожалуйста, заарестуйте всѣхъ, имѣвшихъ дерзость напасть въ лѣсу на г. фонъ Мальтэна. Вотъ, право, прекрасный случай! Надо этимъ воспользоваться, чтобы наконецъ какъ слѣдуетъ приструнить рабочихъ! Народецъ этотъ становится все нахальнѣе и смѣлѣе, а законъ, къ сожалѣнію, мало даетъ намъ простора въ дѣлахъ по рабочему вопросу.

Слѣдователь обѣщался заарестовать всѣхъ.

Врачъ приступилъ къ осмотру трупа. Оказалось, что пуля попала въ високъ, а потому смерть, по мнѣнію врача, должна была послѣдовать почти мгновенно.

— Выстрѣлъ былъ сдѣланъ на весьма близкомъ разстояніи, чуть-ли не въ упоръ, замѣтилъ докторъ Биндэль:—волосы вотъ тутъ отчасти опалены и високъ почернѣлъ.

— Онъ уже, вѣроятно, спалъ и былъ убитъ во снѣ, сказалъ прокуроръ.

— Да, это весьма возможно; даже, вѣроятно, такъ оно и было, хотя доказать этого нельзя, отвѣтилъ докторъ:—положеніе тѣла такое покойное... обыкновенно, человѣкъ спящій принимаетъ такое положеніе.

— Пуля еще въ головѣ? спросилъ Питтъ.

— Да, она тамъ.

Биндэль уже изслѣдовалъ рану зондомъ.

— Мнѣ было-бы весьма желательно, заговорилъ слѣдователь, если-бы вы постарались достать ее. Пуля можетъ оказать существенную услугу при розыскѣ убійцы.

— Но убійцу, полагаю я, нечего искать, такъ какъ онъ уже открытъ: убійство совершено рабочимъ, замѣтилъ прокуроръ.

— Хорошо; но тогда пуля будетъ уликой противъ него, сказалъ Питтъ: — вѣдь вы знаете, что подобные люди любятъ запираться; они рѣдко сознаются въ своей винѣ.

Доктору удалось, хотя и не безъ труда, вынуть пулю. Она была довольно маленькая. Слѣдователь завернулъ ее тщательно въ бумажку и спряталъ въ карманъ, а затѣмъ обратился къ фрейгерру съ вопросомъ:

— Вы упомянули, что эта дверь—дверь на веранду, была полуотворена, когда вы ночью, тотчасъ-же послѣ выстрѣла, явились сюда?

— Да, это совершенно вѣрно, отвѣтилъ фрейгерръ.

— Дверь эта не запиралась на ночь?

— Я задвигалъ ее изнутри маленькой задвижкой— вотъ этой самой.

Слѣдователь подошелъ къ двери и тщательно осмотрѣлъ задвижку.

— Она слабо задвигается, замѣтилъ онъ.

— Мнѣ и въ голову никогда не приходило, чтобы тутъ нужна была болѣе крѣпкая задвижка, сказалъ Маннштейнъ.

— Не извѣстно-ли вамъ—была задвинута эта задвижка въ прошлую ночь?

— Ну, насчетъ этого ничего положительнаго сказать вамъ не могу. Это для меня загадка... Я уже думалъ объ этомъ, но разгадать не могъ... Вчера вечеромъ сидѣли мы оба на верандѣ и потомъ отправились спать. Я проводилъ Мальтэна въ эту комнату и, по привычкѣ, мимоходомъ, задвинулъ задвижку у двери на веранду.

— Это вы хорошо помните?

— Хорошо помню.

— Но въ такомъ случаѣ, какимъ-же образомъ дверь эту отворили съ веранды, не повредивъ задвижки? возразилъ прокуроръ.

— Можетъ быть самъ Мальтэнъ отворялъ послѣ дверь, можетъ быть онъ выходилъ, но забылъ потомъ запереть, замѣтилъ фрейгерръ.

— Да, едва-ли и возможно тутъ другое предположеніе, прибавилъ Ригель.

Слѣдователь въ это время нѣсколько разъ запиралъ дверь, задвигая и отодвигая задвижку.

— А можетъ быть, и возможно, проговорилъ онъ... Прокуроръ посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Какое-же? Не забудьте, г. слѣдователь, что другая дверь, изъ гостинной, была тоже заперта на задвижку, окна были затворены, ну, а другаго входа— нѣтъ. Если только убійца не сидѣлъ спрятавшись въ этой самой комнатѣ, то ему, чтобы попасть сюда, необходимо было войти черезъ эту дверь.

— Почему-же необходимо? Я этого не вижу еще, возразилъ Питтъ. Сообразите слѣдующее обстоятельство: убійца вошелъ не черезъ эту дверь, а другую, изъ гостиной; та дверь не была заперта ни на ключъ, ни на задвижку; но, войдя, онъ самъ задвинулъ задвижку; чтобы никто не могъ изъ внутреннихъ комнатъ попасть сюда и для того еще, чтобы выиграть время, убѣжать безпрепятственно... Затѣмъ, выстрѣливъ въ г. Мальтэна, онъ убѣжалъ уже черезъ эту дверь, которая ведетъ прямо на веранду, а слѣдовательно—въ садъ; разумѣется, онъ долженъ былъ отодвинуть задвижку... Оттого-то дверь и оказалась полуотворенною...

— Хорошо, но въ такомъ случаѣ убійца запрятался гдѣ нибудь здѣсь, въ самомъ домѣ!? воскликнулъ фрейгерръ. Я ни за что, никогда этому не повѣрю! За мо-

Библиотека "Руниверс"

ихъ людей—ручаюсь: никто изъ нихъ не способенъ на такое дѣло, да кромѣ того всѣ они любили Мальтэна!...

— Соглашаюсь съ вами. Я никого и не обвиняю. Я хотѣлъ только указать на такую *возможность*, заговорилъ слѣдователь,—но по моему убѣжденію убійца вошелъ именно черезъ *эту* дверь—ведущую на веранду, хотя она и *была заперта* на задвижку... Я выйду на веранду. Потрудитесь, пожалуста, запереть за мною дверь.

Онъ вышелъ. Дверь за нимъ затворили и заперли на задвижку. Однако, плотно нельзя было затворить ее: отъ солнца она ссохлась настолько, что черезъ широкую щель хорошо можно было видѣть задвижку. Питтъ, остріемъ ножа, осторожно и безъ особеннаго труда отодвинулъ ее и—дверь отворилась.

Присутствующихъ это чрезвычайно удивило.

— Я думаю, что дверь была отперта именно такимъ образомъ, замѣтилъ улыбаясь судебный слѣдователь. Конечно, тутъ надо предположить, что кто либо изъ рабочихъ хорошо зналъ ее, зналъ, что она запирается на задвижку, потому что ночью не могли-же они все это разглядѣть... Позвольте мнѣ, господинъ фрейгерръ, предложить еще одинъ вопросъ: вы, кажется, сказали, что обыкновенно сами спите въ этой комнатѣ?...

„Маленькій фрейгерръ" сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону... Казалось—вопросъ слѣдователя смутилъ его.

— Да́, это моя жилая комната; я и сплю въ ней, отвѣтилъ онъ.

— Но почему гость вашъ спалъ въ вашей спальнѣ?

— Прочія комнаты у меня не совсѣмъ въ порядкѣ...

— Зналъ-ли кто нибудь, что вы уступили гостю свою комнату?

— Лакей мой только и зналъ.

Питтъ призадумался и замолчалъ...

— Но я готовъ чѣмъ угодно поручиться за моего слугу, что дѣло это не имъ совершено, прибавилъ фрейгерръ, котораго какъ-то непріятно поразило молчаніе слѣдователя.

— Вѣрю вамъ. Меня удивляетъ только одно обстоятельство: какимъ образомъ рабочіе могли узнать, что г. фонъ Мальтэнъ спитъ именно въ этой комнатѣ?...

— Господинъ слѣдователь! Вы, кажется, уже убѣждены въ невинности рабочихъ? воскликнулъ прокуроръ съ нѣкоторой досадой.—Но развѣ такъ трудно предположить, напримѣръ, что они, спрятавшись въ саду, наблюдали за гг. Маннштейномъ и Мальтэномъ, сидѣвшими на верандѣ? И потомъ, развѣ рабочіе не могли подглядѣть, что г. Мальтэнъ остался въ этой комнатѣ?.. Полагаю, что такое предположеніе правдоподобно.

Питтъ выслушалъ это совершенно спокойно, только на губахъ его играла легкая улыбка.

— Предположить это возможно, но.. это не совсѣмъ правдоподобно, замѣтилъ онъ и сейчасъ-же прибавилъ:— Я вѣдь только стараюсь разъяснить себѣ суть дѣла, разсѣять нѣкоторыя свои сомнѣнія... Напримѣръ, мнѣ кажется что-то невѣроятнымъ, чтобы рабочіе пробрались сюда съ цѣлью *застрѣлить* г. Мальтэна: къ огнестрѣльному оружію они непривычны... Они скорѣе палками или просто кулаками убили-бы его. Убивать изъ ружья или пистолета — тутъ нужно довольно таки смѣлости: вѣдь убійца долженъ-же былъ знать, что выстрѣлъ его подыметъ на ноги весь домъ?...

Прокуроръ пожалъ плечами.

— Да, но вѣдь возможно также, что убійца, будучи взволнованъ, вовсе и не соображалъ этого. Идя на такое дѣло, никто не можетъ быть вполнѣ хладнокровнымъ, разсудительнымъ...

(Продолженіе будетъ).

Передъ купаньемъ.

(Картина Перро).

Человѣку случается испытывать иногда такія ощущенія, выразить которыя словомъ почти невозможно, но не потому, чтобы это было неприлично, а потому только, что языкъ бѣденъ, нѣтъ словъ подходящихъ, и, однакоже, ему хочется такъ или иначе проявить, напримѣръ, свой восторгъ, удивленіе, и вотъ онъ невольно обнаруживаетъ свои чувства восклицаніями и даже прибѣгаетъ къ какому-нибудь задушевному мотиву, или просто—припоминаетъ удачный стихъ поэта—лирика, съумѣвшаго образно выразить тѣ-же самыя ощущенія. Помѣщенный въ настоящемъ № нашего журнала снимокъ съ картины Перро «Передъ купаньемъ», *) кажется, не нуждается ни въ какомъ описаніи. Передъ вами—великолѣпное, молодое женское тѣло; вы видите «генія чистой красоты», покоящагося въ сладкой нѣгѣ, въ тѣни древесной, надъ водой... Навѣрно вамъ вспоминается тутъ стихъ Пушкина:

«Въ ней все гармонія и диво»,

и вы, можетъ быть, прибавляете: «да, но только не все въ ней «выше міра и страстей», хотя

«Она покоится стыдливо,
Въ красѣ божественной своей».

Мы увѣрены, что слѣдующая элегія А. Фета покажется вамъ особенно-понятною при молчаливомъ созерцаніи этой прелестной нимфы:

О, долго буду я, въ молчаньи ночи тайной,
Коварный лепетъ твой, улыбку, взглядъ случайный,
Перстамъ послушную волосъ густую прядь,
Изъ мысли изгонять и снова призывать!
Дыша порывисто, одинъ, никѣмъ незримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты,
Шептать и поправлять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
И въ опьянѣніи, на перекоръ уму,
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму.

Вѣроятно, и къ нижеслѣдующимъ энергическимъ строкамъ г. Ознобишина, въ стихотворевіи его «Вазантазена», вы, въ данную минуту, отнесетесь съ должнымъ сочувствіемъ:

Привѣтно пальмы Бенареса
Главой зеленою шумятъ.
Ужели въ мракъ священный лѣса
Укрыться дамъ ей въ сѣнь прохладъ?..
Нѣтъ, вслѣдъ за ней быстрѣе птицы!
Пью ароматъ ея кудрей...
И робкій крикъ стыдливой жрицы
Покрылъ въ дубравѣ соловей.

Продекламировавъ эти стихи, остается теперь, вмѣстѣ съ другимъ поэтомъ, Д. Давыдовымъ, проговорить страстнымъ шопотомъ, глядя на эту «Вазантазену»:

Языкъ безмолствуетъ.. Однѣ мечты и грезы,
И мука сладкая, и восхищенья слезы,
И взоръ впился въ твои красы,
Какъ жадная пчела въ листокъ весенней розы!

*) Гравюра эта исполнена для нашего журнала въ Парижѣ Папнемакеромъ-сыномъ. Смѣло можно сказать, что такую удивительную, изящную гравюрку на деревѣ рѣдко можно встрѣтить: эта гравюра лучше любой гравюры на стали. Тѣ художники и граверы, которые видѣли въ редакціи пробный оттискъ «Передъ купаньемъ», выразились единодушно, что такое художественное исполненіе выходитъ изъ ряда вонъ и можетъ служить великолѣпнымъ образномъ.

Библиотека "Руниверс"

Спичечница.

Изъ путевыхъ воспоминаній въ Австраліи.

(Окончаніе).

Томъ поставилъ кружку на столъ и закричалъ: «Чертъ меня возьми; я вѣдь чуть было не позабылъ. Это моя жена!»

«Я не зналъ что ты женатъ, сказалъ я.

«Да я и не былъ,» отвѣчалъ онъ, почесывая голову, «я всего часъ какъ женатъ. Пойдемъ-ка, я тебѣ ее покажу!»

Я вышелъ съ нимъ на улицу, и тамъ въ каретѣ сидѣла его жена въ розовомъ шелковомъ платьѣ—толстая ирландка съ мѣднымъ лицомъ, годами десятью старше его. Рядомъ съ ней сидѣла дама помоложе, также очень толстая.

«Вчера только познакомился съ ней!» шепнулъ мнѣ Томъ «Сегодня мы обвѣнчались; видишь-ли старина, какъ надо дѣлать, въ этомъ небось есть кое-что».

«Очень многое!» отвѣчалъ я.

«Не правда-ли?» обрадованно возразилъ онъ «Да, такой жены не встрѣтишь на каждомъ шагу!»

«Скорая женитьба!» сказалъ я.

«Не скорѣе того, какъ это здѣсь въ модѣ», возразилъ онъ. «Барней, мясникъ, котораго ты знаешь, вчера пріѣхалъ сюда—сегодня ужъ женатъ. Драный Филиппъ также женился третьяго дни!»

«Неужели? спросилъ я; вѣдь мы хорошо знали другъ друга. Такъ вотъ, какъ здѣсь дѣлается?»

«Пріѣхать сюда и не жениться, вовсе не идетъ!» отвѣчалъ онъ.

«Кто-же эта жирная дѣвица въ твоей каретѣ?» спросилъ я его еще.

«Это Клапперовская Бэтти. Сядемъ-ка къ нимъ, да поухаживай за ней; покажи ей твое золото, она пойдетъ за тебя!»

Я очень охотно согласился. Мы сѣли въ экипажъ, и къ вечеру я ужъ уговаривался съ Бэтти насчетъ свадьбы.

Продувная бестія была эта Бэтти; она ни за что не хотѣла вѣнчаться иначе, какъ въ бѣломъ шелковомъ платьѣ; а послѣ вѣнчанья я долженъ былъ объѣхать съ ней по всему городу и приглашать каждаго золотоискателя, котораго знала она или я. Въ день свадьбы она была пьяна до безчувствія; я не могъ съ ней браниться, потомучто и самъ былъ не лучше.

Въ то время я, конечно, не зналъ то, что теперь знаю очень хорошо, именно, что она ужъ разъ двадцать выходила такъ замужъ. Я зналъ только одно, что эта чертовская дѣвка; глаза черные, какъ вишни, косы до пятъ. Право, она была не дурна. Она увѣряла, что ужасно любитъ меня ужъ за то, что я умѣю такъ мило свистать; я вѣрилъ ей, какъ дуракъ. Когда она говорила: «Посвисти, милый Тротъ!» я становился передъ ней, болванъ болваномъ, и свисталъ. А она смѣялась; я думалъ что это она отъ удовольствія, а она просто надо мной насмѣхалась. Не свистанье мое, а мое золото было магнитомъ, который притягивалъ ее. Ей хотѣлось добыть золота, и чертъ возьми, она и добыла. Это-то мнѣ и нравится въ Клапперовской Бэтти, даже теперь, когда я объ ней думаю, потомучто жеманство я ненавижу, какъ смертный грѣхъ.

Мы были женаты три дня—я-бы и не зналъ этого точно, еслибы не записалъ раньше, потомучто все это время, днемъ и ночью, я былъ пьянъ безъ просыпу—какъ одинъ пріятель говоритъ мнѣ, хлопая меня по плечу: «Вотъ тебѣ и Лилли Тротъ, Клапперовская-то Бэтти съ твоимъ золотомъ дала тягу съ другимъ золотоискателемъ!»

Къ счастію я передъ этимъ положилъ пару другую унцовъ золота въ Мэльборнскій банкъ. Я ихъ вынулъ и истратилъ на поиски Бэтти. Найти ее я, конечно, не нашелъ; она вѣрно удрала въ Сидней, куда я не могъ ѣхать по личнымъ соображеніямъ. Да, да, это была ловкая бабёнка! Сказать мимоходомъ, съ тѣхъ поръ я такъ и не видѣлъ ее больше и не слышалъ объ ней ничего.

Я вернулся назадъ въ Ослиную яму, но тамъ было-таки ужъ порядочно повыбрано. Я переходилъ отъ одного пріиска къ другому, рылъ то тамъ, то тутъ, но никогда не находилъ столько, какъ вмѣстѣ съ Санди Джимомъ и Билли Альфомъ. Никто ничего не зналъ объ нихъ; я часто подумывалъ, нашли-ли они то мѣсто, которое искали, гдѣ золотые самородки свободно валяются на землѣ.

Года черезъ полтора, я, такъ сказать, лицомъ къ лицу наткнулся на Билли Альфа. Это было въ новомъ кустарникѣ, миляхъ въ тридцати отъ Вендиго.

«Альфъ!» несело закричалъ я, потомучто очень былъ радъ увидѣться съ старымъ товарищемъ. «Какъ поживаешь, старина?»

«Да вѣдь это и вправду Лилли?» громко закричалъ онъ, дѣлая видъ, будто изъ себя выходитъ отъ радости, между тѣмъ какъ по его лицу я видѣлъ, что ему больно не по нутру эта встрѣча.

Понятно, что мы сдѣлали то, что обыкновенно дѣлаютъ два товарища, когда встрѣтятся долго не видавшись другъ съ другомъ: мы пошли въ портерную. Я сталъ его тотчасъ-же распрашивать про Санди Джима. Альфъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ разсказалъ мнѣ, что они по дорогѣ разсорились. Это меня нисколько не удивило, но мнѣ показалось страннымъ, что Санди Джимъ уѣхалъ будто-бы въ Европу. Тысячу разъ онъ говорилъ мнѣ, что живи онъ хоть сто лѣтъ, такъ никогда не оставитъ Австраліи; онъ и не могъ этого сдѣлать, также какъ я, но у него былъ, также какъ у меня, паспортъ на свободное пребываніе во всей Австраліи.

Билли Альфъ разсказывалъ мнѣ, что ему теперь очень хорошо, что онъ купилъ въ новомъ кустарникѣ кусокъ земли и хочетъ совсѣмъ бросить исканіе золота. Разговоръ какъ-то не вязался; Альфъ чувствовалъ это также хорошо, какъ и я, поэтому вынулъ изъ кармана трубку, чтобы въ клубахъ табачнаго дыма незамѣтнѣе протянуть время.

Просто чудеса, какъ иногда изъ пустяковъ выходятъ наружу большія вещи! Не вынь Альфъ своей трубки, и я бы не вынулъ своей, и вы никогда-бы не услышали той исторіи, что я вамъ разсказываю теперь.

А дѣло-то вышло вотъ какъ: чтобы закурить трубку, вѣдь вамъ надо ее зажечь; для этого нужна спичка, а спички всякій держитъ въ спичечницѣ. Такъ вотъ спичечница-то, которую вынулъ изъ своего кармана Билли Альфъ, была точь въ точь такая, какую я подарилъ Санди Джиму при нашемъ прощаньи.

Меня точно какъ стрѣлой пронзило всего, когда я увидѣлъ эту вещицу въ рукахъ у Альфа. Я не знаю, что такое значитъ нервы, вообще не знаю, какое это такое чувство страхъ, но въ эту минуту я испугался. Я зналъ очень хорошо, какой былъ человѣкъ Санди Джимъ: онъ ни за какія блага не подарилъ-бы никому вещи, которую я далъ ему на память. Я зналъ его какъ самого себя, а я скорѣе-бы пожертвовалъ жизнью, чѣмъ отдалъ-бы кому нибудь ножикъ, подаренный мнѣ Санди Джимомъ. Значитъ, говорилъ я себѣ дальше, если Санди Джимъ не отдалъ спичечницы добровольно, она была отнята у него силой, а если онъ изъ за этого поссорился съ Альфомъ, такъ что-жъ дальше?

Всѣ эти мысли проходили у меня въ головѣ, пока я закуривалъ трубку. Я далъ себѣ слово во чтобы то ни стало разузнать, уѣхалъ-ли Джимъ въ Европу и что съ нимъ сталось. Я, какъ можно равнодушнѣе, спросилъ Билли Альфа, что же у нихъ вышла за исторія, и отчего они такъ скоро разошлись?

«Ахъ», съ замѣшательствомъ отвѣчалъ онъ, «мы два дня ѣхали вмѣстѣ, потомъ заспорили въ какую сторону ѣхать дальше, и тогда Санди Джимъ взялъ направо, а я налѣво».

Я сталъ его спрашивать дальше, почему же онъ знаетъ, что Санди уѣхалъ въ Европу?

«Мнѣ сказалъ одинъ товарищъ, который пріѣхалъ изъ Мэльборна, и разговаривалъ съ Джимомъ на кораблѣ; вотъ все, любезный Тротъ, что я объ немъ знаю!»

Я добродушно кивнулъ головой, будто-бы вполнѣ вѣря его разсказу. Объ спичечницѣ я не проронилъ ни словечка.

«Скажи-ка мнѣ, Альфъ», продолжалъ я помолчавъ немного, «можно мнѣ переночевать эту ночь у тебя?»

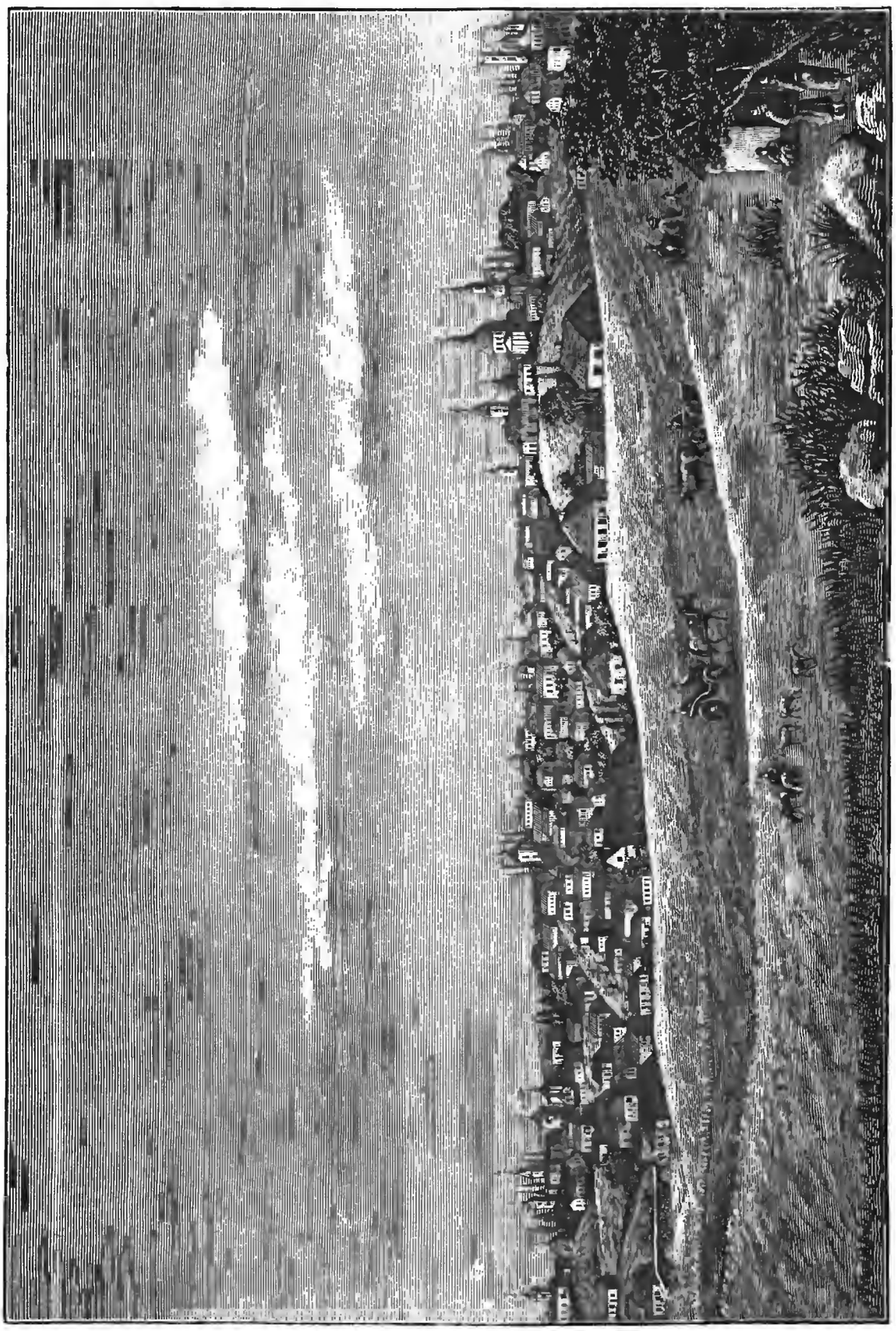
«Какая, право, досада!» отвѣчалъ онъ, ворочая глазами, какъ будто это въ самомъ дѣлѣ огорчало его, «палатка моя восьми футовъ въ ширину и десяти въ длину, а со мной еще двое людей, они также спятъ въ моей палаткѣ!»

Ага! подумалъ я—у него въ палаткѣ есть что-то чего я не долженъ видѣть. Я пожелалъ ему спокойной ночи и мы разстались. Разумѣется, я слѣдилъ за нимъ, и не выпускалъ его изъ вида. Онъ пошелъ къ своей палаткѣ; она была вдвое больше противъ того какъ онъ разсказывалъ. И какъ-бы вы думали, кто былъ привязанъ подлѣ самой ея двери? Собака Санди Джима! Собака моего стараго друга Санди, Лео, которая не оставила-бы своего господина, хоть-бы ее заколотили до смерти! Я сейчасъ-же подумалъ: «Ну, другъ Санди! они съ тобой сфальшивили; но погоди, я ужъ узнаю, какъ все это было!»

Лилли Тротъ замолчалъ теперь послѣ длиннаго разсказа. Уже была глухая ночь, далекіе раскаты грома предвѣщали грозу. Я могъ различать черты своего собесѣдника, только по временамъ, когда особенно ярко вспыхивала какая нибудь вѣтка нашего костра, и мнѣ казалось, что онъ принимаетъ какое-то таинственное, чуть не зловѣщее выраженіе. Онъ толкалъ ногой горящій костёръ, и изъ него сыпались тысячи искръ. Огонь охватывалъ одну вѣтвь за другой, пламя ярко вспыхивало, потомъ опять дѣлалось темно, и огонь пробивался въ другомъ мѣстѣ. Наконецъ, Лилли Тротъ снова началъ свой разсказъ:

«Видъ собаки моего бывшаго друга не могъ способствовать къ спокойному настроенію моихъ мыслей; я чувствовалъ, какъ кровь прилила къ головѣ. Воображеніе рисовало мнѣ всевозможныя ужасныя картины; я представлялъ себѣ, какъ Санди Джимъ лежитъ на землѣ, и какъ Альфъ склонилъ надъ нимъ свое дьявольское лицо. Лео была вѣрнѣйшая, прекраснѣйшая собака, какую я когда либо видѣлъ; Джимъ часто говаривалъ: «Я лучше соглашусь быть бѣднякомъ и имѣть Лео, чѣмъ быть богатымъ безъ Лео». Не легко было вырваться изъ его челюстей

Библиотека "Руниверс"



Городъ Кишиневъ. Съ фотографіи, рѣзалъ Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

тому, кто разъ попалъ въ нихъ. Отъ него со страхомъ отходили всѣ другіи собаки. Онъ несь былъ искусанъ—такъ часто приходилось ему выдерживать борьбу на жизнь и на смерть. Для меня было непостижимой загадкой, какъ могъ Альфъ укротить его и привязать къ себѣ?

Я направился въ ближайшую портерную и за стаканомъ грогу сталъ обдумывать, что мнѣ дѣлать. Отретироваться безъ шума и безъ того чтобы не быть замѣченымъ Лео, было не совсѣмъ легко. Я у того и у другаго разспрашивалъ объ Альфѣ. Никто его терпѣть не могъ, да и онъ ни съ кѣмъ не зналъ, жилъ себѣ въ одиночку и старался избѣгать всякихъ лишнихъ разговоровъ. Всѣ считали его за капитальнаго, отъявленнаго негодяя. Когда я выпилъ свой грогъ, у меня въ головѣ твердо засѣла мысль—въ эту же ночь пріобрѣсти Лео, чего-бы это не стоило.

Попозже ночью, я осторожно подкрался къ палаткѣ Альфа; онъ спалъ въ ней одинъ, никакихъ товарищей, какъ онъ говорилъ, съ нимъ не было. Отсюда я еще осторожнѣе приблизился къ канурѣ Лео, во всякомъ случаѣ остерегаясь подходить ближе разстоянія его цѣпи. Онъ увидѣлъ меня и минутъ пять заливался лаемъ, не переводя духу.

У Санди Джима была одна любимая пѣсня, которую онъ часто пѣлъ. Я вачалъ потихоньку насвистывать её, точно такъ какъ это бывало дѣлалъ Джимъ. Лео сталъ понемножку униматься и наконецъ совсѣмъ замолчалъ. Я подползъ ближе и назвалъ его по имени. Онъ узналъ меня, началъ лизать руки и такъ принялся прыгать и скакать на своей цѣпи, что я думалъ, разорветъ онъ ее. Я съ трудомъ успокоилъ его и перерѣзалъ цѣпь.

Сдѣлавъ это, я, что было духу, бросился бѣжать прямо въ кустарникъ; по бряцанью цѣпи сзади меня я зналъ, что Лео слѣдуетъ за мной. Когда я почувствовалъ себя въ безопасности —подпустилъ собаку къ себѣ и освободилъ ее отъ цѣпи и ошейника. Ну, Лео, воскликнулъ я, между тѣмъ какъ онъ облаивалъ меня, теперь начнемъ розыскивать что̀ сталось съ твоимъ господиномъ!

Я готовъ побожиться, что собака поняла меня; она тихонько помахивала хвостомъ и смотрѣла на меня своими блестящими глазами, словно обѣщала помочь мнѣ.

Восемь дней спустя я былъ опять въ Ослиной ямѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ полтора года тому назадъ разстался съ своими двумя товарищами. Наша старая палатка еще стояла на своемъ мѣстѣ; конечно, она была сильно повреждена, но все таки въ ней жилъ еще какой-то старикъ; но къ сожалѣнію онъ не могъ дать мнѣ никакихъ указаній. Средства мои въ конецъ истощились; я опять принужденъ былъ искать золото. Я пошелъ на старое наше мѣсто, но теперь, работая въ десять разъ больше прежняго, находилъ всего нѣсколько унцій золота. Да мнѣ и не надо было больше, и я отправился по тому направленію, куда поѣхали тогда тѣ двое. Въ полдень я ужъ не зналъ куда идти дальше, потому что дорога раздѣлялась. Я рѣшился идти по той, которая казалась болѣе проѣзженной. Не прошелъ я по ней и двадцати шаговъ, какъ Лео подбѣжалъ ко мнѣ и схватилъ меня за пальто. Сначала я не обратилъ на него вниманія, но онъ началп визжать и всталъ у меня въ ногахъ, такъ что я не могъ сдѣлать шагу впередъ. Когда я пріостановился, онъ побѣжалъ назадъ къ другой дорогѣ и остановился тамъ, словно поджидая меня. Теперь, чортъ возьми, я понялъ въ чемъ дѣло: собака знала по какой дорогѣ пошли они тогда! Если мнѣ теперь кто скажетъ, что у собаки нѣтъ разума, такъ я скажу тому, что онъ самъ глупѣе всякой собаки.

Однако для меня оставалось загадкой, какими судьбами Лео, не забывшій до сихъ поръ своего господина, могъ оставаться у Билли Альфа? Я рѣшилъ слѣпо слѣдовать за собакой. Животное, не задумываясь надъ дорогой, хотя бы она дѣлилась на три или на четыре пути, бѣжала впередъ.

На второй день мы пришли къ обширному бараку, передъ которымъ стояло на скамьѣ нѣсколько бутылокъ инбирнаго пива. Здѣсь Лео остановился. Я вошелъ въ баракъ и спросилъ хозяина, нѣтъ ли у него чего-нибудь «покрѣпче» инбирнаго пива.

Онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня, думая, не изъ тайной ли я полиціи, потому что онъ потихоньку продавалъ грогъ, что особенно преслѣдовалось полиціей, налагавшей за это большой штрафъ. Впрочемъ, убѣдясь, что я не шпіонъ, онъ далъ мнѣ желаемое.

Когда я съ нимъ расплатился, онъ проводилъ меня до дверей и увидѣлъ Лео: «Эту собаку я ужъ видѣлъ разъ!» сказалъ онъ.

«Давно»? спросилъ я, какъ будто мимоходомъ, хотя сердце у меня такъ и стукало въ груди.

«Да такъ, можетъ быть съ годъ тому назадъ!»

«Съ ней было двое людей?» спросилъ я, дѣлая видъ будто занимаюсь ошейникомъ Лео.

«Да. Только не вы были!»

«Не я,» и продолжая разговоръ я спросилъ: «А вы также видѣли обоихъ, когда они ѣхали и назадъ?»

«Только одного», отвѣтилъ онъ.

У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ. «Котораго же?» спросилъ я.

Онъ громко захохоталъ и посмотрѣлъ на меня бокомъ; онъ не привыкъ къ такимъ настойчивымъ вопросамъ.

«Почемъ же я знаю!» проговорилъ онъ наконецъ

«Да собака-то была съ нимъ!» воскликнулъ я.

«Это вѣрно, собака была съ нимъ, но въ какомъ видѣ? Несчастное животное было все въ крови, должно быть, его ужасъ какъ колотили».

Для меня было этого довольно. Я простился съ хозяиномъ и пошелъ дальше.

Скрывшись у него изъ виду, я бросился на землю; Лео легъ у меня въ ногахъ и наблюдалъ за мной своими налитыми кровью глазами.

«Такъ вернулся только одинъ!» воскликнулъ я. «Лео, который же это изъ нихъ былъ? Джимъ или Альфъ?» Животное помахивало хвостомъ, и глаза его словно говорили: «если бы я только могъ говорить, я бы все разсказалъ«. Потомъ онъ вскочилъ и залаялъ: пойдемъ!

Я двигался впередъ точно лунатикъ, не думая, не разсуждая, я дѣлалъ только то, что хотѣлъ Лео. Онъ назначалъ мѣсто ночлега, онъ приводилъ меня къ пивнымъ лавкамъ, какія были на пути, онъ показывалъ мнѣ скрытыя въ уединенныхъ мѣстахъ источники, которыхъ бы мнѣ никогда не отыскать безъ него. Разъ онъ отвелъ меня совсѣмъ въ сторону отъ дороги; мили двѣ шли мы не разбирая куда, какъ вдругъ очутились передъ маленькимъ блокгаузомъ. Было двѣнадцать часовъ дня; Лео былъ въ этотъ день особенно безпокоенъ; онъ визжалъ и каждую минуту прибѣгалъ ко мнѣ, будто торопя меня идти поскорѣе. Это былъ пятый день нашего странствія; мы прошли навѣрно миль тридцать. Въ послѣдній день я видѣлъ по пути много полузасыпанныхъ ямъ; очень можетъ быть, что Джимъ и Альфъ рыли здѣсь землю отыскивая золото. Когда мы подошли къ хижинѣ, Лео пришелъ въ такую ярость, точно вдругъ взбѣсился. Онъ страшно вылъ, а двѣ собаки изъ блокгауза храбро отвѣчали ему. На этотъ шумъ изъ хижины вышелъ человѣкъ и съ жесточайшей руганью спросилъ, что я хочу у него украсть?

«Съ какой стати считаешь ты меня за мазурика, оселъ?» со злостью закричалъ я на него, ибо былъ въ сквернѣйшемъ расположеніи духа.

«А то за кого же тебя считать!» хватилъ онъ, «гдѣ же твои прекрасные товарищи?»

«Какіе такіе товарищи?» спросилъ я.

«Ты еще спрашиваешь какіе, мазурикъ?» закричалъ онъ внѣ себя отъ злости. «Что ты меня считаешь за новичка? Ты думаешь, я не узнаю собаки? Провались тѣ окаянные мерзавцы, что обокрали меня тогда всего, утащили чай, сахаръ, даже мой заступъ! Пусть-ка придутъ еще; теперь мое ружье въ порядкѣ, и будь я проклятъ, если не положу одного изъ нихъ на мѣстѣ!»

Теперь я совсѣмп успокоился.

«А когда это случилось, почтеннѣйшій? Эдакъ больше году тому назадъ?» спросилъ я очень вѣжливо.

«Ну—да, дьяволъ!»

Я насилу могъ удержаться, чтобы не поколотить его.

«Эй ты, молодецъ! послушай-ка что я тебѣ скажу!» закричалъ онъ и прицѣлился въ меня. «Если ты не уберешься отсюда, покуда я сосчитаю десять, такъ будешь мнѣ стоитъ моего заряда!»

Что мнѣ было дѣлать съ этимъ дуралеемъ? Я пошелъ своей дорогой. Задумчиво слѣдовалъ за мною Лео. Онъ бѣжалъ поджавъ хвостъ, низко нагнувъ морду къ землѣ и безпрестанно оборачиваясь чтобы посмотрѣть, иду ли я за нимъ.

Такъ шли мы съ добрый часъ, и углубились въ лѣсную чащу, какъ вдругъ Лео остановился. Когда я подошелъ къ нему, онъ громко залаялъ и началъ неистово рыть передними лапами землю. Я сталъ обыскивать кустарники и нашелъ заржавѣвшій заступъ, должно быть тотъ самый, о которомъ поминалъ давишній грубіянъ. Я взялъ его. Лео все рылъ землю; яма была уже порядочно глубока; я сталъ ему помогать и — показалось нѣсколько обугленныхъ костей! Горе бѣднаго Лео надрывало сердце; онъ лаялъ, визжалъ, жалобно вылъ; я въ первый разъ въ жизни видѣлъ, что собака можетъ плакать. Теперь я зналъ, какъ произошло убійство, будто я самъ былъ свидѣтелемъ его. Вотъ тутъ спалъ мой несчастный товарищъ; тамъ вотъ стоялъ алчный Альфъ, раздумывая, какъ бы одному заграбастать все золото, и раздробилъ товарищу черепъ. Прощай, Санди Джимъ, спокойной ночи! Пожилъ, будетъ съ тебя. Потомъ Билли Альфъ зажегъ костеръ, сжегъ трупъ, а золу сгребъ въ эту яму.

Весь этотъ день я еще ничего не ѣлъ, а не чувствовалъ голода. Отъ сильнаго волненія я не помнилъ что дѣлалъ; я разсказывалъ собакѣ всѣ свои дальнѣйшіе планы, совершенно какъ бы говорилъ съ человѣкомъ. Однако, я скоро опомнился и поспѣшилъ назадъ къ упомянутой выше хижинѣ. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ укротить грубаго хозяина и разсказать ему про свое открытіе. Онъ пошолъ со мной и далъ мнѣ мѣшокъ. Въ него уложили мы все что могли найти, кости, нѣсколько металлическихъ пуговицъ и обгорѣлыхъ лохмотьевъ.

Собравъ это, я какъ можно скорѣе поспѣшилъ въ Новые Кусты, гдѣ жилъ Билли Альфъ. Я пріѣхалъ туда ночью. Не знаю какъ это случилось, но я не подумалъ взять кого-нибудь съ собой, это потому, что былъ въ слишкомъ возбужденномъ состояніи. Я прямо пошелъ къ Альфовой палаткѣ, гдѣ видѣнъ еще былъ свѣтъ. Альфъ, который въ эту минуту раздѣвался, съ руганью подошелъ къ двери и спросилъ: кто тамъ?

«Лилли Тротъ!» воскликнулъ онъ и отворилъ дверь. Я вошелъ въ палатку, Лео слѣдовалъ за мной по пятамъ.

Библиотека "Руниверс"

«Чортъ возьми, Лилли!» закричалъ Альфъ, «откуда это тебя принесло? Да и моя собака съ тобой!»

Но взглянувъ на меня, онъ вздрогнулъ: вѣрно лицо мое было не больно то успокоительно.

«Знаешь ты, что у меня въ этомъ мѣшкѣ?» проговорилъ я хриплымъ голосомъ.

«Почему же я могу знать?» отвѣчалъ онъ, дѣлая гримасу чтобы засмѣяться.

«Такъ я тебѣ скажу! Въ немъ кости Санди Джима, твоего пріятеля Санди Джима, котораго ты убилъ! Твое мѣсто на висѣлицѣ, скотина, и ты не уйдешь отъ нея!«

Не успѣлъ я выговорить этихъ словъ, какъ уже онъ навелъ на меня свой револьверъ. Я выбилъ его у него изъ рукъ. Онъ схватилъ лопату, размахнулся ею и навѣрное размозжилъ бы мнѣ черепъ, если бы Лео стремительно не бросился на него и не повалилъ его на землю. Зубы собаки въ мигъ впились въ его горло. Я вышелъ за дверь и выстрѣлилъ изъ револьвера. Сейчасъ же сбѣжалось множество народа, и я разсказалъ всю исторію. Молодца связали по рукамъ и по ногамъ, и мнѣ нечего прибавлять, что онъ былъ повѣшенъ по всѣмъ правиламъ искуства.

«Видите-ли», заключилъ свой разсказъ Лилли Тротъ, «вотъ эта спичечница, черезъ которую Санди Джимъ нашелъ своего мстителя».

Маленькая мѣдная коробочка какъ-то особенно блестѣла въ пламени вспыхивавшаго костра; потомъ Лилли Тротъ опять бережно положилъ ее къ себѣ въ карманъ, какъ будто въ ней хранилось какое-нибудь сокровище.

Кишиневъ*).

Кишиневъ, губернскій городъ бывшей Бессарабской области, нынѣ Бессарабской губерніи, лежитъ подъ 47°,12′ с. ш. и 46″30′ вост. долготы по парижскому меридіану. Разстояніе Кишинева отъ С.-Петербурга 1701 верста, отъ а отъ Молдавскій границы по прямой линіи 50 верстъ. Кишиневъ расположенъ въ 18 верстахъ отъ рѣки Днѣстра, на правомъ берегу рѣчки Быка, впадающей въ Бендерскомъ уѣздѣ, близь села Гура-Быкулай въ Днѣстръ. Мѣстоположеніе Кишинева довольно живописно. Представьте себѣ большую площадь, окруженную почти со всѣхъ сторонъ горами, по нѣкоторымъ изъ нихъ тянутся полоски лѣса, у подошвы и на склонахъ другихъ видны небольшія деревушки и села, третьи покрыты зелеными лугами и золотистыми нивами... На серединѣ этой большой площади возвышается гора, на склонѣ которой, обращенномъ къ сѣверу, расположенъ Кишиневъ, окаймленный многими садами (фруктовыми и виноградными). Для цѣльности картины недостаетъ только большой рѣки, такъ какъ рѣка Быкъ не въ состояніи исполнять ея роль, не будучи снабжена водою въ достаточномъ количествѣ. Не хуже картину представляетъ Кишиневъ своими окрестностями и зимою. Все пространство, насколько можетъ охватить глазъ, покрывается снѣгомъ; окрестныя деревни какъ будто исчезаютъ подъ нимъ. Только Кишиневъ, подобно богатырю, окутанному въ бѣлый плащъ, стоитъ величаво на горѣ, а его плащъ далеко тянется за нимъ—и конца его не видать.

Какъ и всякій городъ, Кишиневъ имѣетъ свою исторію, которую и постараемся вкратцѣ передать нашимъ снисходительнымъ читателямъ. Въ 1812 году, во время присоединенія Бессарабіи къ Россіи, на мѣстѣ нынѣшняго Кишинева находилось небольшое мѣстечко Кишнау, состоявшее изъ нѣсколькихъ сотъ молдавскихъ и армянскихъ жилищъ. Но названіе Кишнау мы встрѣчаемъ гораздо раньше: оно упоминается въ грамотѣ молдавскаго господаря Александра (1420 г.), данной боярину Вснѣ на одно имѣніе. Въ это время въ Кишнау стоялъ монастырь Варзарева, называвшійся Кишиневскимъ—Кишно—Варзарева и построенный на мѣстѣ деревяннаго замка. Монастырь этотъ былъ разрушенъ татарами, и на его мѣстѣ, на горѣ, молдавскій господарь Мазаракі построилъ церковь, которая и до настоящаго времени существуетъ и носитъ названіе Мазаракіевой. Здѣсь подъ горою въ настоящее время устроенъ бассейнъ, который снабжаетъ водою почти весь городъ. Мѣсто это видно съ лѣвой стороны общаго вида города Кишинева на прилагаемомъ рисункѣ. Въ концѣ XVII столѣтія Кишнау было разрушено татарами, жители его перешли за р. Быкъ и поселились на лѣвомъ берегу его. Затѣмъ, въ началѣ XVIII стол., они снова возвратились на правый берегъ р. Быка и возобновили Кишнау, которое вскорѣ сдѣлалось торговымъ мѣстечкомъ; поселившіеся здѣсь армяне вели торговлю съ бендерскими турками и татарами. Съ присоединеніемъ Кишинева къ Россіи для него начинается новая жизнь. Кишиневъ становится областнымъ городомъ. Кромѣ армянъ, татаръ и молдаванъ здѣсь появляется и русскій элементъ, а благодаря близости съ другими русскими городами, Кишиневъ является доступнымъ для цивилизаціи. Новые жители Кишинева, поселившіеся здѣсь, строятъ свои дома болѣе за домами прежнихъ жителей (уже по плану), и такимъ образомъ кладутъ основаніе новому городу, вполнѣ противуположному старому, т. е жилищамъ прежнихъ жителей, о которыхъ напоминаютъ намъ еще и теперь узенькія грязныя улицы и въ безпорядкѣ разбросанныя избы. Съ 1818 года въ Кишиневѣ уже учреждаются учебныя заведенія: семинарія, приходскія и уѣздныя училища, классическая гимназія (1833) а въ послѣднее десятилѣтіе открыты прогимназія, реальное училище, женская гимназія. Большіе торговые обороты способствовали учредить телеграфное сообщеніе, желѣзную дорогу съ Одессою и Яссами. Появилось много фабрикъ, заводовъ, паровыхъ мельницъ, появились красивыя зданія, и Кишиневъ по числу жителей занимаетъ не послѣднее мѣсто между русскими городами, въ немъ 102,000 жителей.

Лучшимъ украшеніемъ Кишинева служатъ городской садъ и бульваръ, находящіеся въ самомъ центрѣ города. Въ первомъ устроены лѣтній театръ, благородное собраніе, буфетъ и заведеніе минеральныхъ водъ. На самой серединѣ втораго величественно возвышается каѳедральный соборъ съ отдѣльною колокольней и воротами, какъ это видно на прилагаемомъ рисункѣ; на воротахъ городскіе часы. Здѣсь виситъ большой колоколъ, вылитый изъ подаренныхъ правительствомъ пушекъ, взятыхъ у турокъ. Бульваръ и городской садъ находятся другъ отъ друга весьма близко: они отдѣлены только улицею, называемою Московской, которая считается лучшею въ Кишиневѣ; части послѣдней можно видѣть на слѣдующихъ двухъ рисункахъ; на одномъ изъ нихъ изображена сторона сада, обращенная къ сѣверу, дома частныхъ лицъ и лютеранская церковь съ высокою колокольнею; на другомъ зданіе фотографіи, магазины, полиція и за нею въ глубинѣ площади городской зимній театръ. Наконецъ, на послѣднемъ рисункѣ изображена прежде называемая Митрополія, а нынѣ архіерейскій домъ и церковь, которыя находятся какъ разъ противъ соборныхъ воротъ. Кромѣ собора и архіерейской церкви, въ Кишиневѣ православныхъ церквей 14, католическая 1, лютеренская, греческая, армянская, старообрядческая; еврейскихъ синагогъ и школъ еврейскихъ до 30; послѣдняя цифра прямо указываетъ, что въ Кишиневѣ преобладаетъ еврейскій элементъ. Въ Кишиневѣ кромѣ лѣтняго театра еще два театра, зимній городской и частный. Въ первомъ представляютъ артисты Кишиневской театральной дирекціи. Но кишиневская публика, какъ видно, не любитъ театровъ и вообще всякихъ развлеченій, предпочитая имъ сидѣть дома и скучать. Вообще въ городѣ мало движенія. Въ Кишиневѣ есть городская и частныя больницы, есть нѣсколько хорошихъ гостинницъ. Одинъ недостатокъ города это—немощенныя улицы, вслѣдствіе чего въ Кишиневѣ лѣтомъ страшная пыль, а осенью ужасная грязь. Кишиневская дума уже болѣе года собирается отклонить это неудобство и также провести водопроводъ изъ рѣки Днѣстра... Быть можетъ, дума съ новыми членами, избранными въ маѣ этого года, серьезнѣе отнесется къ потребностямъ города и примется за дѣло съ большимъ стараніемъ.

Въ Кишиневѣ, въ теченіи двухъ лѣтъ, жилъ нашъ поэтъ Пушкинъ. Отъ дома Инзова, въ которомъ онъ жилъ, сохранились только развалины, которыя видны на нашемъ рисункѣ съ правой стороны.

*) Насколько помнится, общій видъ Кишинева до сихъ поръ еще не встрѣчался ни въ одномъ иллюстрированномъ журналѣ (хотя много было заготовлено для худ. Лист. Тина, но уже его не существовало) а потому для того, чтобы читатели «Нивы» могли составить лучшее понятіе о Кишиневѣ, я, кромѣ общаго вида его, прилагаю нѣсколько рисунковъ, изображающихъ лучшія улицы и зданія этого города.

Албанцы и костюмъ ихъ

Народъ, національный костюмъ котораго представленъ на нашей картинкѣ, представляетъ интересное явленіе въ нашей части свѣта. Албанцы—это отдѣльная группа семьи индо-германскихъ народовъ; она стоитъ отдѣльной группой и въ турецкой имперіи. Особенная чистота типа сохранилась въ сѣверной Албаніи, а также и костюмы—во многомъ уклоняющіеся отъ турецкаго—менѣе всего тронуты здѣсь посторонними вліяніями.

Изъ костюма албанки упомянемъ прежде всего о *рубашкѣ*, которая уже тѣмъ отличается отъ своихъ западныхъ сестеръ, что дѣлается большею частію изъ шелковой сѣрповой матеріи, и роскошно вышита спереди; открытый на груди фасонъ низенькаго корсажа позволяетъ видѣть вышивку. Этотъ *корсажъ* дѣлается изъ шелковой матеріи, безъ рукавовъ, и богато украшенъ золотомъ. Спереди онъ имѣетъ глубокій вырѣзъ и застегивается перетяжками; такимъ образомъ грудь сильно подтяну-

Библиотека "Руниверс"

та корсажемъ. Сверхъ нижняго корсажа надѣвается довольно длинный, широко открытый спереди кафтанъ, также роскошно отдѣланный кругомъ вышивкой и позументами. Это костюмъ дѣвушки, женщины же носятъ длинную одежду въ родѣ туники, доходящей до щиколки; она всегда бываетъ темныхъ цвѣтовъ, черная, темно-зеленая, синяя или коричневая и дѣлается изъ тонкаго сукна; и эта часть одежды украшается затѣйливыми пестрыми арабесками изъ шелковыхъ вставокъ.

Менѣе всего красивую, хотя можетъ быть и весьма практическую часть костюма албанки, составляютъ необъятной ширины *шаровары*, въ которыхъ, подъ безчисленнымъ множествомъ складокъ, тонутъ ея стройныя ноги. Шаровары эти съ лиро-

Албанцы и костюмъ ихъ. Рис. П. В. Фрей, грав. Ф. В. Бадена.

Библиотека "Руниверс"

образной вставкой на животѣ, дѣлаются изъ яркаго ситца самыхъ пестрыхъ узоровъ; они обшиваются внизу шелковымъ бордюромъ или позументомъ, а наверху стягиваются на шнурокѣ. Существенную часть костюма составляетъ повязанный вокругъ живота *шарфъ*, который у женщинъ бываетъ изъ тяжелой пестрой шелковой матеріи.

Женская національная обувь, желтыя кожанныя остроконечныя туфли на красной подкладкѣ, начинаютъ понемногу вытѣсняться западной обувью обыкновеннаго фасона, выписываемой большею частію изъ Вѣны. Чулки носятся изъ толстой, преимущественно пестрой шерсти. Красивѣйшую часть женскаго албанскаго костюма безспорно составляетъ головной уборъ. Шля-

Албанцы и костюмъ ихъ. Рис. И. В. Фрей, грав. Ф. В. Бадена.

Библиотека "Руниверс"

ны, чепчики и тому подобныя куафюры къ счастію еще не проникли туда, но за то сплетенная изъ коралловъ и золотыхъ шнурковъ діадема албанки, составляетъ такой головной уборъ, какому наши дамы были бы въ полномъ правѣ очень и очень позавидовать. Длинный и широкій вуаль изъ тонкой бѣлой кисеи дополняетъ въ высшей степени граціозный головной уборъ.

Въ сѣверной Албаніи замужнія женщины носятъ еще пунцовый плащъ съ капюшономъ. Онъ надѣвается при выходѣ на улицу; въ первый годъ замужества женщины обязаны закрывать капюшономъ лицо, дабы его не могли видѣть ни чьи любопытные глаза.

Какъ у всѣхъ нецивилизованныхъ или полуцивилизованныхъ народовъ, большую роль въ украшеніяхъ играютъ золотыя монеты; изъ нихъ дѣлаютъ ожерелья, серьги и тому подобные предметы. Кромѣ того, рѣдко у кого не увидишь пальцевъ унизанныхъ кольцами. Молодыя дѣвушки вмѣсто упомянутаго открытаго корсажика, носятъ жилетъ изъ краснаго сукна, наглухо застегнутый на груди.

Мужской костюмъ соотвѣтствуетъ женскому; такіе же широчайшіе шаровары, пестрые шерстяные чулки, остроконечныя туфли, вышитая куртка. Шарфъ вокругъ живота не шелковый, какъ у женщинъ, а красный шерстяной. Головной уборъ албанца составляетъ красная феска съ огромнѣйшей синей кистью.

Само собою разумѣется, костюмъ разнообразится смотря по личному вкусу каждаго. Магометанская часть населенія предпочитаетъ шароварамъ холщевую бѣлую юбку, сложенную глубокими безчисленными складками. Одни носятъ открытые на груди короткіе жилеты, другіе длинный плащъ съ разрѣзными длинными рукавами, третьи коротенькую мохнатую куртку. Такая же разница и въ панталонахъ; одинъ ходитъ въ шерстяныхъ панталонахъ, другой въ перешнурованныхъ суконныхъ штиблетахъ, третій разгуливаетъ въ бѣлыхъ холщевыхъ штанахъ. Тѣмъ не менѣе костюмъ остается строго характернымъ, какъ по особенной манерѣ его носить, такъ и потому, что вышеупомянутые варіанты остаются всегда въ однихъ и тѣхъ же тѣсныхъ границахъ. Судить объ этомъ всего лучше можно по нашимъ картинкамъ.

Смѣсь.

По американски. Американскія газеты получили изъ Брайтона, Массачузетса и другихъ штатовъ извѣстія о попыткѣ нѣкоего Гуда Донагэ (Hudh Donahue) совершить путешествіе въ 1100 англійскихъ миль впродолженіи 1,100 часовъ, т. е. милю въ часъ. Послѣ 827-ой мили этотъ скороходъ сталъ обнаруживать несомнѣнные признаки усталости и пригласилъ къ себѣ трехъ врачей, которые должны сопровождать его до конца путешествія, давать ему возбудительныя средства и вообще оказывать ему всякую необходимую медицинскую помощь. Изъ Бостона, Ловелла и другихъ сосѣднихъ городовъ собралась громадная толпа народа, чтобы быть свидѣтелями неимовѣрной пытки, добровольно принятой на себя этимъ человѣкомъ. Всѣ ожидали, что его попытка окончится неудачею. Мнѣніе это основывается на томъ, что его лицо страшно исхудало, глаза впали, волосы посѣдѣли. «Часто» пишетъ одинъ очевидецъ: «онъ падаетъ замертво на землю». Пройдя одну милю, на что онъ обыкновенно употребляетъ только 15 минутъ, онъ ложится спать съ тѣмъ, чтобы его разбудили черезъ 40 минутъ. Но разбудить его иногда чрезвычайно трудно. Тутъ приходится пускать въ ходъ нашатырный спиртъ, крѣпко колотить уснувшаго его, колоть иглами, или стрѣлять изъ пистолета надъ самымъ его ухомъ. Корреспондентъ одной Нью-Йоркской газеты, который былъ очевидцемъ этой пытки, выражаетъ убѣжденіе, что эта попытка окончится весьма печально.

Усовершенствованный аэростатъ. Въ Америкѣ производятся въ настоящее время весьма серьезные опыты надъ воздушною лодкою, устроенною такъ, чтобы ей можно было давать въ воздухѣ желаемое направленіе, и на которой путешествіе изъ Европы въ Америку можно будетъ совершать напримѣръ въ двое сутокъ. Имя изобрѣтателя этой новой воздушной лодки Фридрихъ Вильгельмъ Шредеръ. Родился онъ въ Вестъ-Фридландѣ и нѣсколько лѣтъ уже какъ живетъ въ Балтиморѣ, занятый устройствомъ модели для своей воздушной лодки. Наконецъ, въ Іюнѣ сего года модель была уже настолько усовершенствована согласно идеѣ изобрѣтателя, что при исполненіи ея въ большомъ размѣрѣ успѣхъ кажется несомнѣннымъ. Получивъ патентъ, онъ предложилъ свои планы генеральному почтмейстеру Соединенныхъ Штатовъ. Послѣдній высказался въ своемъ письмѣ къ изобрѣтателю весьма лестно объ его идеѣ. Само собою разумѣется что отъ этого лестнаго отзыва изобрѣтателю нисколько ни стало теплѣе и онъ, вѣроятно, никогда бы не перешолъ отъ теоретическихъ соображеній къ практическимъ опытамъ, если-бы счастливый случай не свелъ его съ однимъ очень богатымъ человѣкомъ, котораго ему удалось убѣдить въ возможности извлекать громадную пользу изъ его изобрѣтенія. Капиталистъ тотъ также нѣмецъ, нѣкто Георгъ Гемъ, одинъ изъ представителей большой табачной фирмы въ Балтиморѣ. Онъ согласился дать деньги на это предпріятіе, и въ половинѣ прошлаго іюля былъ заключенъ контрактъ по сооруженіи воздушной лодки требуемой величины. Она должна имѣть форму спасительной лодки, длиною въ 60 футовъ, высотою же и шириною въ 10 футовъ. Остовъ ея будетъ построенъ изъ стальныхъ дугъ скрѣпленныхъ желѣзной проволокой; вся она покроется непромокаемымъ полотномъ. Лодка будетъ привѣшена къ яицеобразному шару также изъ непромокаемаго полотна и вмѣщающему въ себѣ 70,000 кубическихъ футовъ газа. Въ лодкѣ находится паровая машина въ двѣнадцать лошадиныхъ силъ, которая приводитъ въ движеніе находящіяся спереди, сзади и съ боковъ колеса съ крыльями. Переднее и заднее колеса построены на манеръ колесъ въ винтовыхъ пароходахъ (архимедовъ винтъ), каждое съ двумя крыльями, боковыя же снабжены перьями. Кромѣ этого лодка имѣетъ спереди и сзади по рулю, которыя приводятся въ движеніе одновременно и въ одинаковомъ направленіи. Относительно возможности посредствомъ одинаковыхъ ли, различныхъ, или наконецъ, совершенно противоположныхъ движеній отдѣльныхъ колесъ привести лодку въ движеніе по желаемому направленію, если-бы только колеса дѣйствовали въ воздухѣ совершенно такъ, какъ дѣйствуютъ пароходныя—не могло-бы быть никакого сомнѣнія; вопросъ только въ томъ будутъ-ли они и тутъ такъ дѣйствовать? Кромѣ паровой машины въ лодкѣ находится еще аппаратъ для добыванія газа, это необходимо для послѣдующихъ наполненій шара газомъ дабы сохранять его силы, и нѣсколько маленькихъ резервныхъ шаровъ на случай, если большой шаръ дастъ трещину. Что касается услугъ, ожидаемыхъ отъ этого аэростата, то, по увѣреніямъ его изобрѣтателя, онъ въ состояніи будетъ совершить на немъ путь изъ Балтиморы въ Нью-Іоркъ въ полтора часа; изъ Нью-Іорка въ Лондонъ впродолженіе 50 часовъ, а кругосвѣтное плаваніе изъ Нью-Іорка черезъ Лондонъ, Гамбургъ, Парижъ, Лиссабонъ и обратно въ Вашингтонъ,—впродолженіи шести дней, считая уже и время необходимое для отдачи почты въ названныхъ мѣстахъ. Воздушная лодка такъ устроена, что, вѣся сама 28 центнеровъ, она въ состояніи будетъ поднимать 14 человѣкъ, кромѣ всего почтоваго груза. Будетъ-ли это новое изобрѣтеніе въ состояніи оправдать все то, что обѣщаетъ теперь его изобрѣтатель, относительно этого ручаться конечно нельзя. Достовѣрно только то, что отдѣльныя части этого аппарата давно уже заказаны и согласно контракту всѣ должны были быть изготовлены еще до 5 августа. Что будетъ дальше—увидимъ.

Происхожденіе имени «Герцеговина» не всѣмъ вѣроятно извѣстно. Первоначально этимъ именемъ называлась маленькая область, составлявшая часть Босніи и находившаяся во владѣніи Князя Стефана Вукаловича. Когда императоръ Фердинандъ III пожаловалъ послѣднему титулъ герцога, это независимое княжество получило названіе «Герцеговина» т. е. стороны герцога. 50 лѣтъ послѣ этого Герцеговина утратила свою независимость, поднавъ въ 1843 году подъ владычество турокъ.

Средства противъ отравленія. Еще въ древности отравленнымъ давали обыкновенно пить теплую воду съ деревяннымъ, или растопленнымъ коровьимъ масломъ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ рвота. Иногда вызывали также рвоту, раздражая горло перомъ, намоченнымъ въ тепломъ прованскомъ маслѣ. Жирные клистиры также, конечно, полезны въ такихъ случаяхъ.

Полная чайная ложечка горчичнаго порошка разведеннаго въ стаканѣ воды дѣйствуетъ также скоро и энергично.

Особенно рекомендуется слѣдующій способъ леченія: отравленному даютъ по возможности скорѣе бѣлковинную жидкость, приготовленную изъ 12—15 яичныхъ бѣлковъ, въ которую вливаютъ одну бутылку воды, причемъ слѣдуетъ сильно взбалтывать эту смѣсь. Къ этому напитку прибавляютъ, послѣ предварительнаго просачиванія его черезъ кусокъ фланели, или тонкаго сукна; немного сахару для вкуса. Кромѣ этого отравленный долженъ выпить сначала черезъ четверть, а потомъ черезъ полчаса маленькую чашку какого-бы то ни было масла для появленія обильной рвоты.

Знаменитый гомеопатъ д-ръ Ганеманъ предлагаетъ противъ отравленія мышьякомъ густую мыльную воду. Слѣдуетъ разрѣзать на мелкіе куски фунтъ хорошаго обыкновеннаго мыла и растворить его въ четырехъ фунтахъ горячей воды. Тепловатый растворъ пьютъ чашками черезъ каждые 3 минуты до наступленія обильной рвоты.

Библиотека "Руниверс"

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

Высочайшія повелѣнія:

— Военный Совѣтъ, согласно представленію главнаго штаба, положилъ:

1. Отмѣнить существующую нынѣ денежную награду за поимку собственно военныхъ дезертировъ—и

2. При предстоящемъ пересмотрѣ I кн. III ч. св. воен. постанов., изд. 1859 года, исключить статьи, опредѣляющія денежную награду за поимку дезертировъ.

Положеніе это, 16-го минувшаго августа, Высочайше утверждено.

Высочайшая грамота.

Нашему генералъ-адъютанту, туркестанскому генералъ-губернатору и командующему войсками туркестанскаго военнаго округа, инженеръ-генералу Константину фонъ-Кауфману.

Во вниманіе къ отличной храбрости и распорядительности вашей при разбитіи нашими войсками коканцевъ, подъ личнымъ предводительствомъ вашимъ, 22-го августа сего года, Всемилостивѣйше пожаловали Мы вамъ *золотую шпагу, украшенную алмазами, съ надписью на эфесѣ: «За пораженіе коканцевъ 22-го августа 1875 года»*. Означенное оружіе, при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ носить по установленію.

На подлинной Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

30-го августа 1875 года.
Царское Село.

— Въ Военномъ Министерствѣ составлено новое положеніе о довольствіи инженерныхъ войскъ предметами инженернаго вѣдомства, которое разсмотрѣно Военнымъ Совѣтомъ. Государь Императоръ, утвердивъ, 1-го сего сентября, это положеніе, Высочайше повелѣть соизволилъ: ввести оное въ дѣйствіе и затѣмъ ст. 1.002—1.038 кн. I ч. IV с. в. п. изд. 1859 года считать отмѣненными.

Народное просвѣщеніе.

— 16-го сентября открыты при морскомъ училищѣ вновь учрежденные по волѣ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала приготовительные классы. Въ старшій классъ принято 40 человѣкъ, средній возрастъ ихъ 15 лѣтъ 3 мѣсяца; въ младшій 46, средній возрастъ 13 лѣтъ 7 мѣсяцевъ.

— Въ будущемъ году предполагается произвести, какъ сообщается въ газетѣ »Кіевлянинъ», пособіе изъ суммъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ учрежденнымъ въ послѣднее время въ Кіевѣ, Каменцѣ-Подольскѣ и Житомірѣ русскимъ публичнымъ библіотекамъ, по 800 рублей на каждую.

Военное и морское дѣло.

— Въ „Русск. Инвалидѣ" напечатано: Во вниманіе къ отличному мужеству, хладнокровію, примѣрному исполненію своего долга и выдержанности, высказанными командою казаковъ, прикрывавшею отступленіе нашего посольства изъ Кокана командующій войсками туркестанскаго военнаго округа, по предоставленному ему праву, возложилъ на всѣхъ 22 казаковъ этой команды знаки отличія военнаго ордена.

— Въ дѣлѣ подъ Махрамомъ, 22-го августа, убитъ подполковникъ уральскаго казачьяго войска Хорошхинъ (Александръ) и раненъ (легко) флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества, генеральнаго штаба полковникъ Скобелевъ.

— Комитетъ нарвскаго портоваго купечества сообщаетъ, что 13-го сентября спасительною лодкою были сняты и доставлены въ городъ Нарву девять человѣкъ рабочихъ съ перевознаго норвежскаго судна «Скіельдменъ». Судно это съ грузомъ соли шесть дней стояло на рейдѣ, и по причинѣ бурной погоды и противнаго вѣтра не могло попасть въ гавань, а рабочіе оставались совершенно безъ провіанта.

— 6-го сего сентября открыта спасательная станція на о-вѣ Куйвастъ (Лифляндской губ.) съ десяти-весельною лодкою системы Уайта.

Желѣзныя дороги и телеграфы.

— Главное Общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ виду часто повторяющихся случаевъ несчастій на дорогахъ этого Общества, происходящихъ отъ небрежнаго отношенія къ дѣлу служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, занято разсмотрѣніемъ вопроса, касающагося улучшенія контроля надъ дѣйствіями служащихъ.

— На телеграфной станціи въ Нижнедѣвицкѣ (Воронежской губерніи) открытъ пріемъ депешъ внутренней корреспонденціи.

— На существующей телеграфной линіи отъ Калиша къ Коло въ городѣ Турекѣ (Калишской губерніи) открыта станція съ пріемомъ депешъ внутренней и международной корреспонденціи.

— На телеграфныхъ станціяхъ въ Аренсбургѣ и Лемзалѣ (Лифляндской губ.) и Баускѣ (Курляндской губ.) открытъ пріемъ депешъ международной корреспонденціи.

— Телеграфный департаментъ сообщаетъ, что поврежденіе подводнаго кабеля между Владивостокомъ и Нагасаки устранено, и телеграфное сообщеніе съ Японіею и Китаемъ возстановлено.

— 12-го сего сентября, въ городѣ Повѣнцѣ, Олонецкой губерніи, открыта, какъ сообщается въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, метеорологическая станція главной физической обсерваторіи. Наблюденія на этой станціи производятся три раза въ день: въ 7 ч. утра, 1 ч. пополудни и 9 ч. вечера. Измѣреніе атмосфернаго давленія производится барометромъ Турретини; абсолютная и относительная влажность воздуха опредѣляется психрометромъ Августа и гигрометромъ Соссюра; температура воздуха — стоградуснымъ термометромъ Цельсія; наименьшая температура дня—спиртнымъ термометромъ Рутефорда; направленіе и сила вѣтра—флюгеромъ и придѣланнымъ къ нему особымъ аппаратомъ, показывающимъ скорость вѣтра въ метрахъ въ одну секунду. Также наблюдаются: направленіе облаковъ, явленія атмосфернаго электричества и метеорные осадки. При метеорологической станціи, кромѣ барометра Турретини, находится прекрасный анероидъ Naudet, вывѣренный въ главной физической обсерваторіи, и солнечныя экваторіальныя часы, для опредѣленія истиннаго мѣстнаго времени.

Устройству метеорологической станціи, въ матеріальномъ отношеніи, много способствовала повѣнецкая земская управа.

Сельское хозяйство и промышленность.

— Одесская выставка сельско-хозяйственныхъ произведеній открыта 15-го сентября въ присутствіи мѣстныхъ властей и представителей одесскаго уѣзднаго земства, по инціативѣ котораго она и устроена. Въ ней, по словамъ «Одесскаго Вѣстника», приняли участіе болѣе семидесяти экспонентовъ и сочувственно отнеслись къ ней многія экономическія учрежденія, правительственныя и частныя; однѣхъ медалей, для награжденія отличившихся экспонентовъ, имѣется въ распоряженіи комитета выставки болѣе тридцати и, кромѣ того, существуетъ земская награда — почетные кубки. Изъ отдѣловъ выставки особое вниманіе обращаетъ на себя машинный, какъ по числу экспонентовъ, такъ и по числу и значенію выставленныхъ предметовъ. Интересенъ отдѣлъ скотоводства. Кромѣ предметовъ сельско-хозяйственныхъ и встрѣчающихся въ крестьянскомъ быту, особый отдѣлъ на выставкѣ посвященъ кустарной промышленности.

— Довѣренный тюменскаго 2-й гильдіи купца Бусыгина, великобританскій подданный В. Норманъ, отправившійся для поиска и развѣдки золотыхъ розсыпей по системѣ рѣкъ, впадающихъ по правую сторону рѣки Или, въ Кульджинскомъ районѣ, нашелъ въ 35 верстахъ отъ селенія Мазаръ, по склону горъ, съ правой стороны рѣки Хоргосъ, золотосодержащіе пески.

— Лѣсоразведеніе на югѣ Россіи начинаетъ, по словамъ «Одесск. Вѣстника», мало по малу прилагаться на практикѣ. Такъ нѣкоторыя крестьянскія общества Херсонской губерніи уже заявили готовность садить деревья близъ усадебъ; въ Тираспольскомъ уѣздѣ заведенъ уже древесный питомникъ; въ собравшемся недавно херсонскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи состоялось постановленіе о разведеніи лѣса.

— 28-го сентября открыта была въ городѣ Грязовцѣ, Вологодской губерніи, по почину уѣзднаго земства и при его содѣйствіи, выставка сельско-хозяйственныхъ произведеній и издѣлій кустарной промышленности.

Выставка по качеству предметовъ раздѣлялась на шесть разрядовъ, изъ которыхъ самое главное и первое мѣсто занимало скотоводство. Всѣхъ экспонентовъ было 112.

Скотоводство замѣтно улучшается, и въ особенности развивается молочное хозяйство. Экспонентамъ выставки было розданo, согласно заключенію особой экспертной коммисіи, нѣсколько наградъ, состоящихъ изъ медалей, денежныхъ премій отъ земства и похвальныхъ листовъ.

— Совѣтъ котельническаго, Вятской губерніи, экономическаго общества, обсуждая мѣры къ улучшенію въ уѣздѣ сельскаго хозяйства, остановился, между прочимъ, на вопросѣ о необходимости введенія искусственнаго лѣсоразведенія въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ уѣзда.

Несчастія.

— Изъ Таганрога пишутъ, что 13-го сентября подъ Таганрогомъ пронеслась буря. Вода въ Азовскомъ морѣ поднялась и снесла купальни. Судамъ, стоящимъ въ гавани и на рейдѣ, пришлось выдержать сильный штормъ, нѣкоторые изъ нихъ получили поврежденія. У одного изъ пароходовъ было испорчено колесо. Жертвою бури было 32 человѣка, трупы которыхъ принесло теченіемъ въ гирла.

— Въ «Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ, что 24-го августа, въ волостяхъ Гнилушенской, Архаровской, Губкинской, Протасовской и Гнилоплотской (Малоархангельскаго уѣзда), вслѣдствіе бывшаго сильнаго дождя, смыты посѣянныя поля и уничтожены мосты на рѣкахъ и ручьяхъ и, кромѣ того, утонула находившаяся въ полѣ мѣщанка Михайлова съ двумя дѣтьми

СОДЕРЖАНІЕ. Николай Ивановичъ Пироговъ (съ портретомъ).—Кто выигралъ?.. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха (продолженіе).—Передъ купаньемъ (съ рисункомъ).—Синичечинцъ. Изъ путевыхъ воспоминаній въ Австраліи. (Окончаніе). — Кишиневъ (съ рисункомъ). — Албанцы и костюмы ихъ (съ двумя рисунками). — Смѣсь. — Разныя извѣстія.

За Редактора
Издатель **А. Ф. Марксъ.**

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ГАРМОНІУМОВЪ

товарищества АЛЕКСАНДРЪ въ Парижѣ

ALEXANDRE PÈRE & FILS

единственный агентъ П. ЮРГЕНСОНЪ въ Москвѣ.

(ПЕТРОВКА, № 6).

Модель №									Руб.
Модель №	1	гармоніумъ въ 3 окт. переносный, стар, дубоваго дерева.							60
» »	2	» » 3½ »	»	»	»	»	»	»	80
» »	6	» » 4 »	»	»	»	орѣховаго дерева			120
» »	7	» » 4 »	для акомпаниемент.			1 педаль дубов. дер.			75
» »	8	» » 4 »				2 педали » »			90
» »	9	» » 4 »	для маленьк. хор.			1 педаль » »			60
» »	10	» » 4 »				1 педаль » »			80
» »	13	» » 4 »				2 педали » »			90
» »	16	» » 4 »				2 пед. съ транспоз. дуб. дер.			125
» »	18	» » 5 »				1 пед. перкюссіон. ст. дуб. д.			100
» »	19	» » 5 »				2 пед. М. А., дубов. дер.			100
» »	21	» » 5 »				2 пед. 1 игра, 1 рег., дуб. д.			125
» »	23	» » 5 »				тоже полисандроваго дерева			140
» »	26	» » 5 »	1 игра, 3 регист. дубоваго дерева						150
» »	27	» » 5 »	1 » 3 » орѣховаго дерева						150
» »	28	» » 5 »	1 » 3 » полисандроваго дерева						150
» »	29	» » 5 »	1 » 3 » съ транспоз. полисандр. дер.						150
» »	37	» » 5 »	1 » кларинетъ, дубоваго дерева						125
» »	44	» » 5 »	1½ игры 5 регист. » »						165
» »	45	» » 5 »	» » орѣховаго дерева						175
» »	46	» » 5 »	» » полисандроваго дерева						175
» »	48	» » 5 »	» 6 » съ транспозиторомъ						200
» »	50	» » 5 »	» 7 » С. М.						200
» »	53	» » 5 »	» 9 » форма пюпитра стар. дуб. д.						185
» »	54	» » 5 »	» » » » орѣховаго д.						2 0
» »	5	» » 5 »	» » » » полисавдр. д.						200
» »	59	» » 5 »	въ 2 игры съ клавіатурами полисандров. дер.						200
» »	60	» » 5 »	» 2 » 10 регист. стараго дубоваго дерева.						215
» »	65	» » 5 »	» 2 » 11 » орѣховаго дерева						250
» »	66	» » 5 »	» 2 » 11 » полисандроваго дерева						250
» »	71	» » 5 »	» 2 » 11 » С. М.						250
» »	77	» » 5 »	» 2 » 11 » перкюссіонъ.						300
» »	85	» » 5 »	» 4 » 14 » 2 клавіатуры						435
» »	99	» » 5 »	» 4 » 15 » М. А.						325
» »	102	» » 5 »	» 4 » 15 » Exhibition						350
» »	104	» » 5 »	» 4 » 15 » съ транспозиторомъ						375
» »	119	» » 5 »	» 5 игръ 16 » съ транспозиторомъ						425
» »	127	» » 5 »	» 5 » 23 » съ перкюссіонъ.						500
» »	137	» » 5 »	» 6 » 18 » полисандроваго дерева						550
» »	143	» » 5 »	» 6 » 2 клавіатуры						600

Піанино (7 октавъ) для упражненій (Piane d'étude) 275

Всѣхъ видовъ, величинъ и фасоновъ гармоніумы фабрики Alexandre pére et fils числомъ 157, изъ нихъ взбраны мною 40 самыхъ общеупотребительныхъ, которые имѣются въ моей торговлѣ постоянно на складѣ и предаются по самымъ дешевымъ цѣнамъ съ ручательствомъ за прочность.

Инструменты «Александръ отецъ и сынъ» славятся какъ самые сильные тономъ, какъ самые солидные и изящные по работѣ и какъ самые дешевые по цѣнѣ.

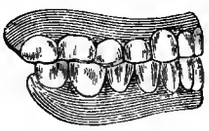
Принимаются заказы по рисункамъ и желанію гг. любителей по условнымъ смѣтамъ.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

ГГ. ПРІѢЗЖАЮЩИМЪ въ С.-Петербургъ, желающимъ жить дешево, тихо и спокойно, рекомендуются комнаты съ двумя швейцарами, прислугою и бѣльемъ отъ 60 к., до 2 р. въ сутки, по подъѣзду съ Гороховой, на углу Большой Морской, въ д. Штрауха, кв. № 26.

4—4

ЗУБНОЙ БРАЧЪ

Карлъ  **Баухъ.**

Принимаетъ больныхъ ежедневно, отъ 10 час. до 3 часовъ. Пломбированіе, иставленіе зубовъ и цѣлыхъ челюстей по самой новѣйшей американской методѣ.

С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9.

6—1

Édition de Goupil & Cº. á Paris.

Les Salons de 1872, 1873, et 1874.

Édition grand in-folio Un Album par Salon. contenant chacun 70 Photographies Prix de chaque Salon, demi-reliure, maroquin rouge. 400 fr.

Édition petit in-folio. Deux Albums par Salon, contenant ensemble 100 Photographies. Prix de chaque Salon, demi-reliure, maroquin rouge, 150 fr.

2—1

Édition de Goupil & Cº. à Paris.

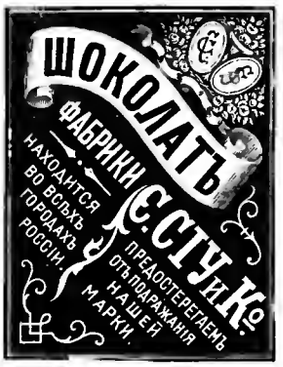
Oeuvres choisies de Fortuny: Reproduites en Photographies. Un Album grand in folio: comprenant 50 Planches.*

Prix de l'album en portfeuille . . .	300 fr.
Prix de chaque planche séparée . . .	6 fr.
Reliure marocain du levant, tranches dorées.	140 fr.
Reliure parchemin, tranches ronges . .	50 »
Demi-reliure, dos et coins marocain . .	50 »

2—1

НОВОЕ ВРЕМЯ

ежедневная политическая и литературная газета. **Изданіе К. В. Трубникова.** Подписная цѣна на 3 мѣсяца, съ 1-го Октября по 31 Декабря: въ С.-Петербургѣ 4 р. 50 к., для иногородныхъ 5 руб. Подписка принимается въ главной конторѣ газеты **„Новое Время“** на Литейной № 45.



45 12

ЕДИНСТВЕННОЕ ДЕПО ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ

ЖИДКО КОНЦЕНТРИРОВАННЫХЪ ПРЯНОСТЕЙ И ФРУКТОВЪ

Употребляемыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ, въ ресторанахъ гостинницахъ, кухмистерскихъ въ кондитерскихъ, и булочныхъ, для приготовленія ликеровъ и настоекъ, лимонадовъ и пр.

Фабрики Д-ра Л. НАУМАНА Въ Дрезденѣ

поставщика Его Величества Короля Саксонскаго.

Главнѣйшія преимущества этихъ товаровъ состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Въ значительной дешевизнѣ сравнительно съ соотвѣтствующими имъ сырыми товарами.

2) Въ сбереженіе матеріала вслѣдствіе растворимаго ихъ состоянія,

3) Въ удобствѣ выигрышѣ времени и равномѣрности въ употребленіе.

4) Въ равномѣрномъ и тончайшемъ распредѣленій пряностей въ блюдахъ.

5) Въ постоянной свѣжести и чистотѣ вкуса.

Кромѣ выше означенныхъ жидко концентрированныхъ пряностей и фруктовъ продаются у насъ **сиропы для лимонада.** Ананасъ 75 к. Лимонный 70 к. Флёръ д'Оранжъ 75 к. Малиновая 75 к. Смѣсь разныхъ фруктовъ 90 к.

К. НЕВЕ и ЮНГЪ.

С.-Петербургъ, Казанская площадь, уголъ Казанской улицы, домъ Кохендерфера № 2/3.

Прейсъ-Курантъ, съ объясненіемъ объ употребленіи по требованію высылаются.

Отправка товаровъ за счетъ заказчика чрезъ почту, транспортныя конторы или подрядчиковъ, по предписанію.

5—1

---

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—20

Изданія А. Ф. МАРКСА.

для гг. подписчиковъ „НИВЫ“ продаются съ слѣдующею скидкою:

Москва и Тверь, истор. пов., Кельсіева Ц. съ нер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
При Петрѣ, истор. пов., Кельсіева и Клюшникова. Ц. съ нер. 1 р. 50 к., для подпис. 1 р.
Въ извышахъ. Повѣсть Каразина. Ц. съ перес. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
Богъ въ помощь, романъ Вернера. Ц. съ перес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.
Вторая жена, романъ Марлитта. Ц. съ нер. 2 р., для подписч. 1 р. 30 к.

При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ книжнаго магазина Федорова въ СПБургѣ.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 3 Октября 1875 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морская, № 9. Типо-Литографія Безобразова, Ст. пр. № 10.

Библиотека Руниверситета

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 42 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 20 Октября 1875 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

При слѣдующемъ № 43 „НИВЫ" будутъ разосланы Гг. городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ ПЕРВАЯ и ВТОРАЯ (т. е. ВСѢ преміи въ текущемъ году), 1) Смерть Юлія Цезаря, 2) Мадона Севильская, обѣ въ одномъ картонномъ футлярѣ. Въ случаѣ неполученія кѣмъ либо при № 43 такого футляра, просимъ не принимать самаго нумера и увѣдомить о томъ Редакцію немедленно, не позже какъ съ полученіемъ № 44 нашего журнала.

Бессарабскіе цыгане.

Цыгане—народъ безпечный, удалой; другаго такого не найдешь. Кочуетъ себѣ съ мѣста на мѣсто и, какъ истый дикарь, въ которой живетъ. Онъ всегда самобытенъ, оригиналенъ, типъ его остается совершенно чистымъ, не смотря на то что цыга-

Бессарабскіе цыгане. Рис. А. де-Баръ.

знать ничего не хочетъ: ни законовъ, ни обычаевъ той страны намъ приходится жить среди чуждыхъ имъ народовъ. Рѣдко

Библиотека "Руниверс"

когда между ними, въ Россіи напр., встрѣтишь бѣлокурую цыганку, а цыгановъ такихъ и вовсе какъ-то не видно, да и то оказывается, что большая часть изъ бѣлокурыхъ просто русскія дѣти, попавшія по какому либо случаю въ таборъ. А случаи бываютъ разные, такъ напр., пишущему эти строки извѣстенъ слѣдующаго рода случай: въ одной деревнѣ, около которой стоялъ таборъ, умерла крестьянка, оставивъ маленькаго ребенка. Отецъ не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія и пилъ съ утра до вечера. Не знали что̀ и дѣлать съ ребенкомъ; взять къ себѣ никто не рѣшался, понятно наши крестьяне не отличаются богатствомъ, а въ каждой семьѣ и своихъ ребятъ дѣвать некуда. Пришли изъ табора цыганки ворожить. Бабы обрадовались случаю, обступили ихъ, стали гадать и объ ребенкѣ не забыли. Одна цыганка, услыхавъ эту исторію, стала просить его себѣ, говоря, что у нея дѣтей нѣтъ и что она будетъ очень рада, а что имъ онъ лишняя обуза. Подумали, потолковали да и отдали, конечно съ согласія отца. Такъ онъ и выросъ въ таборѣ, только сѣрые глазенки да бѣлокурые волосы отличали его отъ другихъ цыганятъ. Онъ такъ свыкся съ цыганами, съ ихъ жизнью и языкомъ, что послѣ, когда подросъ и слышать не хотѣлъ, что онъ русскій. «Нѣтъ, я не русскій, я цыганъ, вонъ моя мать, она цыганка», говорилъ онъ, указывая на свою пріемную мать. И дѣйствительно, его нельзя было принять за русскаго: говорилъ онъ на своемъ родномъ языкѣ ничуть не лучше товарищей; акцентъ его былъ чисто цыганскій, да и наружностью онъ мало походилъ на русскаго крестьянина. Выраженіе цыганской удали и безшабашности оживляло его лицо и положительно отличало отъ земляковъ. Только и осталось въ немъ русскаго что православная вѣра, и то благодаря тому, что цыгане въ Россіи всѣ православные. У цыганъ своей собственной религіи нѣтъ, всегда относились они и относятся къ ней совершенно равнодушно и принимаютъ религію той страны, въ которой живутъ, а живутъ они во всей Европѣ, въ Азіи, даже въ Египтѣ, такъ что цыгана можно встрѣтить и католика, и лютеранина, и православнаго, и магометанина, однимъ словомъ разныхъ вѣроисповѣданій. Опредѣленнаго мѣстожительства у нихъ точно также нѣтъ. Пришли они изъ Индіи. Появились сначала въ Египтѣ, потомъ въ Европейской Турціи, затѣмъ уже распространились по всей Европѣ. А теперь въ какой странѣ ихъ нѣтъ? Особенно много ихъ въ Бессарабіи (11,590 человѣкъ). Въ Бессарабіи они раздѣляются на три класса: первый—*Ватросъ*, отъ слова Ватра, что значитъ очагъ. Эти цыгане живутъ въ услуженіи или промышляютъ музыкой, къ которой они очень способны; второй—*Лингуры*—отъ молдаванскаго слова *лингуръ*—ложка. Эти частью живутъ осѣдло, а больше перекочевываютъ по лѣснымъ мѣстностямъ, занимаясь выдѣлкой деревянной посуды, и третій классъ—*Урсары*—отъ слова *урса*—медвѣдь. Цыгане этого класса ведутъ жизнь кочевую, занимаются кузнечнымъ ремесломъ, коновальствомъ и лошадиной торговлей. Изъ этихъ одиннадцати тысячъ, осѣдлыхъ цыганъ самое незначительное меньшинство. Только въ Кишиневскомъ, Оргѣевскомъ и Лескомъ уѣздахъ есть нѣсколько деревень, и въ самой населенной изъ нихъ, стоящей на рѣкѣ Прутѣ, недалеко отъ Кишинева, всего 83 жителя. Образъ жизни ихъ въ этихъ селеньяхъ рѣдко разнится отъ жизни остальныхъ бессарабскихъ туземцевъ. Отъ работы они бѣгутъ какъ отъ чумы и промышляютъ коечѣмъ; главнымъ ихъ ремесломъ, какъ и всѣхъ цыганъ, всегда остается обманъ; за чтобы не взялись, чтобы не дѣлали, безъ обмана не обойдется. Лѣнивы они до послѣдней степени, образчикомъ ихъ лѣни могутъ служить тѣ жилища, изъ которыхъ состоятъ упомянутыя цыганскія деревни въ Бессарабіи. Подходя къ такой деревнѣ, никакъ не подумаешь, что видишь передъ собой человѣческое селенье, видишь только нѣсколько навозныхъ кучъ и больше ничего. Только подойдя совсѣмъ близко, дѣйствительно убѣждаешься, что тутъ живутъ люди, и то благодаря тому, что васъ обступаетъ толпа чумазыхъ, чуть не голыхъ цыганятъ и множество собакъ, съ страшнымъ крикомъ, визгомъ и лаемъ. Идешь дальше, и въ самомъ селеньи бросаются другія собаки, готовыя растерзать васъ въ клочки. На этотъ ужасный шумъ изъ навозныхъ кучъ вылѣтаютъ грязные, оборванные, чуть не чернокожіе цыгане. Вы поражены, вы удивлены. Вы съ любопытствомъ начинаете разсматривать эти жилища и ихъ жителей. Оказывается—что же? То, что вы съ перваго раза приняли за навозныя кучи, это ни что иное какъ шалаши, мѣстное названіе которымъ *бурдеи*. Постройка этихъ бурдей самая простая: вырывается квадратная яма, глубиной въ аршинъ, величиной въ полторы или двѣ сажени, смотря по количеству и по богатству семьи. По краямъ ямы вколачиваются бревна длиной въ 2 аршина, возлѣ нихъ кладутся другія бревна, такъ чтобы концы ихъ ложились на противуположныхъ углахъ каждой стороны ямы, и сбиваютъ ихъ деревянными гвоздями съ стоячими бревнами. По окончаніи такой стѣны возводится крыша, постройка которой ни мало не хитрѣе стѣнъ; кладутся просто бревна и заваливаются валежникомъ. Въ концѣ концовъ продѣлывается дверь на лицевой сторонѣ стѣны, узкая, такая узкая, что съ трудомъ можно пролѣзть въ нее бокомъ; сдѣлана она изъ двухъ сплоченныхъ досокъ, привязанныхъ бичевкой къ стоячему бревну, или же просто отверстіе завѣшивается кускомъ шерстянаго одѣяла. Стѣны забрасываются грязью, крыша—землей и—жилище готово. Оконъ нѣтъ. Свѣтъ проходитъ только черезъ щели, а зимой, когда холодно, ихъ кое какъ задѣлываютъ и тогда уже свѣтъ бываетъ только отъ очага. Внутренность такого шалаша вымазывается сѣрой глиной. Съ лѣвой стороны отъ входа дѣлается очагъ, дымъ котораго выходитъ черезъ выдолбленное, на подобіе улья дерево, или круглую плетенку изъ древесныхъ прутьевъ. Грязь въ этихъ жилищахъ поражающая, тѣснота страшная, потому что въ каждомъ такомъ шалашѣ народу всегда живетъ множество. Цыганъ лѣнивъ, но за то онъ и не требователенъ. На вопросъ, отчего онъ не строитъ болѣе удобнаго жилища, онъ отвѣчаетъ: «Зачѣмъ? лишь былъ бы хлѣбъ, да до хлѣба что нибудь, а жилище пустое дѣло».

На одежду они тоже не обращаютъ особеннаго вниманія, дѣти, напр., лѣтъ до десяти до двѣнадцати ходятъ въ какихъ то лохмотьяхъ, а то такъ и вовсе голыя. Костюмъ взрослыхъ тоже не слишкомъ замысловатъ. Онъ состоитъ изъ различныхъ лохмотьевъ набранныхъ кое гдѣ. Въ Бессарабіи цыгане, мужчины среднихъ лѣтъ и старики, волосы носятъ по малороссійски—чупрупами, т. е. подбриваютъ ихъ вокругъ головы вершка на два, а остальные на маковкѣ ровно обрѣзываютъ въ кружокъ, щеки и подбородокъ брѣютъ и оставляютъ длинные усы. Молодые цыгане не стригутъ волосъ, они падаютъ имъ на плечи длинными спутанными космами. Костюмъ женщинъ обыкновенно состоитъ изъ простой гладкой молдаванской рубашки съ высокимъ воротомъ, съ разрѣзомъ на груди, изъ полосатаго шерстянаго передника, плотно обхватывающаго нижнюю часть тѣла; у пояса онъ поддерживается широкимъ яркимъ шерстянымъ кушакомъ, обыкновенно краснымъ или зеленымъ. Молодыя замужнія женщины на головѣ носятъ пестрый платокъ, повязанный чалмой, одинъ конецъ котораго спускается по спинѣ вмѣстѣ съ незаплетенной косой, въ видѣ хвоста; спереди же волосы спускаются на лобъ, закрывая виски и уши, а за ушами прячутся подъ платокъ. Дѣвушки носятъ просто двѣ косы. старухи какъ то безобразно обвязываютъ платкомъ всю голову и шею. Несмотря на то, что эти цыгане осѣдлые, у нихъ нѣтъ опредѣленнаго занятія. Отъ земледѣлія они бѣгутъ съ какимъ то боязливымъ отвращеніемъ. Они какъ будто боятся всего мало - мальски опредѣленнаго: цыгану въ прокъ не идетъ осѣдлый образъ жизни. Онъ чувствуетъ себя не въ своей сферѣ. Его натура требуетъ другаго. Онъ поэтъ, ему нужна природа и свобода, гдѣ бъ ему можно было разгуляться на просторѣ, а главное ему нужно разнообразіе.

Зачастую можно услыхать отъ цыганъ, простоявшихъ нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ: «Скучно здѣсь, ужъ надоѣло, надо ѣхать на другое мѣсто». Да и сравнить нельзя кочующую жизнь цыгана съ его осѣдлой жизнью. Первая во всякомъ случаѣ привлекательнѣе, здоровѣе, обстановка безъ сравненія поэтичнѣе да и удобнѣе, нѣтъ хоть этой ужасной тѣсноты и темноты. То ли дѣло—солнечный свѣтъ и чистый воздухъ полей, а просторъ-то какой! Лѣтніе жары и дождь имъ нипочемъ, только холодъ одинъ можетъ загнать ихъ въ какое-нибудь жилье. Дѣйствительно, тамъ гдѣ зимы холодныя, они снимаютъ избы и проводятъ въ нихъ нѣсколько мѣсяцевъ. Живутъ они въ этихъ избахъ человѣкъ по тридцати, но какъ только сталъ спѣгъ—ихъ ничѣмъ не удержишь. Забравъ свой домашній скарбъ, они пускаются въ путь, и вотъ:

Цыгане шумною толпой,
По Бессарабіи кочуютъ,
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами тѣлегъ
Полузавѣшанныхъ коврами,
Горитъ огонь: семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони, за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни женъ и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины,
И тихій таборъ озаряетъ.

Въ такой жизни есть что-то чарующее даже цивилизованнаго человѣка, а ужъ тѣмъ болѣе дикаря цыгана. Вспомните Пушкинскаго Алеко. Что цыганамъ такая жизнь дѣйствительно нравится, это видно изъ ихъ веселыхъ, удалыхъ пѣсенъ. Такія пѣсни не могли бы сложиться у народа, недовольнаго своей судьбой.

Библиотека "Руниверс"

Кто выигралъ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

Слѣдователь ничего на это не сказалъ, а обратившись къ фрейгерру—спросилъ:

— Напали-ли вы на какой нибудь слѣдъ убійцы?

— Слѣдовъ—никакихъ. Я тотчасъ отдалъ приказаніе моимъ управляющимъ и всей прислугѣ обыскать не только дворъ, садъ весь, но и окрестности... Однако, они вернулись ни съ чѣмъ...

— Конечно, вы поступили такъ вполнѣ естественно, но мнѣ жаль все-таки, что распорядились вы именно такимъ образомъ: по всѣмъ вѣроятіямъ, настоящіе слѣды преступника теперь уничтожены, сглажены цѣлой толпой вашихъ людей... Тѣмъ не менѣе, я еще хорошенько осмотрю весь садъ.

Лакей слышалъ весь этотъ разговоръ, а потому извѣстіе, что фонъ Мальтэна *застрѣлили рабочіе* — быстро разнеслось по всему имѣнію Манштейна. Одинъ изъ батраковъ явился къ фрейгерру и объявилъ, что желаетъ поговорить съ судебнымъ слѣдователемъ. Питтъ сейчасъ-же позвалъ его. Работникъ разсказалъ, какъ вечеромъ, послѣ трудовъ, побѣжалъ онъ въ сосѣднюю деревню, чтобы повидаться тамъ съ своей „душенькой". Пробѣгая лѣсомъ, онъ замѣтилъ кучку рабочихъ, которые были наняты г. Мальтэномъ. Возвращаясь домой уже ночью и боясь снова повстрѣчаться съ тѣми рабочими въ лѣсу, онъ пошелъ по другой дорогѣ, но около усадьбы, почти за садомъ, опять столкнулся съ ними. Прокуроръ также выслушалъ этотъ разсказъ.

— А—а! вырвалось у него невольно.

— Что-жъ, удивились вы тому, что встрѣтили этихъ людей около сада? спросилъ слѣдователь.

— Удивился.

— Ну, и что-жъ вы подумали?

— Да подумалъ, что это они, вѣрно, фрукты пришли воровать... Это за ними водится.

— Отчего-же вы не сказали объ этомъ вашему господину или управляющему?

— Да дѣло-то было ночью... Будить ихъ не хотѣлось, ну, и вотъ тоже самъ, значитъ, поздно оттуда пришелъ... Нашъ управляющій этого не любитъ; то есть чтобы—поздно...

— Не смотрѣли вы за этими рабочими?

— Не смотрѣлъ, потому какъ я проходилъ мимо нихъ—они сейчасъ и укрылись за ивнякомъ, а я пошелъ въ конюшню и лёгъ спать.

— Сколько было ихъ?

— Да такъ—человѣкъ пять-шесть.

— Не признали-ли кого нибудь изъ нихъ?

— Только двухъ призналъ.

— Назовите по именамъ.

— Одинъ-то—Бартэльсъ, а другой—Лапгофъ.

— Вотъ, теперь и я припоминаю, заговорилъ фрейгерръ:—Мальтэнъ говорилъ, что именно Бартэльсъ имѣлъ при себѣ пистолетъ.

— Видѣли вы у Бартэльса пистолетъ? спросилъ слѣдователь работника.

— Не видѣлъ. Темно было... Да я и не останавливался.

— А въ которомъ часу возвращались вы домой?

— Ужъ, право, не знаю... Полагать надо—эдакъ около двѣнадцати.

— Въ какое именно время раздался выстрѣлъ? обратился Питтъ къ фрейгерру.

— Въ половинѣ втораго, отвѣтилъ Манштейнъ. Слѣдователь еще разъ осмотрѣлъ самымъ тщательнымъ образомъ всю комнату, но ничего подозрительнаго не нашелъ.

— Странно, неужели рабочіе (если они совершили убійство) не унесли-бы отсюда ни одной вещи? спросилъ онъ прокурора. Вотъ тутъ, на столикѣ, золотые часы; тамъ, надъ письменнымъ столомъ, другіе золотые часы... Какъ хотите, имъ трудно было-бы не соблазниться!...

Ригель уклончиво пожалъ плечами и проговорилъ:

— Тутъ дѣйствовали изъ ненависти, можетъ быть хотѣли отмстить... Неужели при этомъ необходимо воровство?.. Наконецъ, вы забываете, что вѣдь дѣло было ночью, слѣдовательно, было темно... Не полагаете-ли вы, что они зажигали свѣчку, чтобы удобнѣе совершить преступленіе?...

— Однако, какъ кажется, имъ было довольно свѣтло: пуля мѣтко попала въ голову г. Мальтэна, возразилъ Питтъ.

— Но послѣ выстрѣла имъ уже никакъ нельзя было мѣшкать, высматривать чтобы похитить изъ вещей, отвѣтилъ Ригель.

— Хорошо, но чтобы засунуть въ карманъ золотые часы—они лежали тутъ-же на столѣ — довольно одной секунды, даже менѣе...

— Такъ-съ! Во всякомъ случаѣ слѣдствіе обнаружитъ всѣ обстоятельства дѣла, проговорилъ прокуроръ нѣсколько обиженнымъ тономъ.

— Разумѣется, обнаружитъ, подтвердилъ Питтъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Да у меня и намѣренія нѣтъ забѣгать впередъ... Слѣдствіе пойдетъ своимъ порядкомъ. Я хочу только теперь собственно *для себя* разъяснить дѣло, чтобы имѣть, такъ сказать, твердую почву подъ ногами. Взвѣшивать, принимать въ соображеніе и то, и другое никогда не мѣшаетъ, тѣмъ болѣе что это не можетъ повредить дѣлу.—

Судебный слѣдователь отправился осматривать садъ. Напасть на настоящіе слѣды онъ уже не могъ: и тамъ, и сямъ, по всѣмъ направленіямъ, отпечатки подошвъ пестрили обозрѣваемую имъ мѣстность, такъ что ночной обыскъ только и оставилъ свои слѣды.

— Ваши поиски ограничились однимъ садомъ или шли дальше? спросилъ Питтъ, обратившись къ одному изъ упрявляющихъ.

— Нѣтъ, мы только садъ и осмотрѣли, такъ какъ было темно; забираться дальше было-бы безполезно, отвѣтилъ спрошенный.

Слѣдователь вышелъ изъ сада, чтобы осмотрѣть тѣ мѣста, гдѣ обыска не было. Медленно подвигался онъ вдоль наружной садовой стѣны; зоркіе глаза его чрезвычайно внимательно глядѣли и на дорогу, и на самый заборъ. Этотъ послѣдній былъ не высокъ, такъ что перелѣзть черезъ него можно было легко. Питтъ по опыту зналъ, что какой нибудь повидимому ничтожный знакъ—ссадина, царапинка—часто можетъ оказать огромную услугу сыщику; пустяшная вещица можетъ быть драгоцѣнна: она можетъ указать на преступника... Вѣдь помогла-же ему однажды половинка роговой пуговицы напасть на слѣдъ настоящаго виновника преступленія! На мѣстѣ катастрофы онъ нашелъ сломанную пуговицу и спряталъ ее... Если-бы онъ не обратилъ вниманія на эту ничтожную вещичку, то врядъ-ли-бы можно было уличить преступника инымъ путемъ, такъ какъ подозрѣнія не падало на него.

Слѣдователь обошелъ уже почти весь садъ, ничего особеннаго не замѣтивъ, какъ вдругъ нѣсколько молодыхъ иновыхъ деревьевъ, стоявшихъ въ сторонкѣ, привлекли его вниманіе: у одной изъ ивъ вѣтка оказалась

Библиотека "Руниверс"

недавно сломленной. Онъ подошелъ ближе къ деревьямъ. Трава около нихъ была не высокая, но довольно густая, и на ней замѣтны были слѣды лошадиныхъ подковъ: лошадь стояла тутъ ночью и, какъ видно, передними ногами рыла землю и теребила ивовыя вѣтки; одну вѣтку даже обломала... Часть коры на стволѣ одной ивки была содрана; вѣроятно, къ этому мѣсту уздечкой привязали лошадь.

Слѣдователь, можетъ быть, не придалъ-бы особеннаго значенія всему этому, если-бы усмотрѣнное имъ прямо не указывало на тò, что лошадь дѣйствительно стояла тутъ недавно, какихъ нибудь пять-шесть часовъ тому назадъ: притоптанная трава не успѣла даже еще подняться, а она вообще довольно скоро выпрямляется.— Онъ аккуратно вымѣрилъ полоской бумаги ясно отпечатавшійся рисунокъ подковы задней ноги лошади, и мѣрку эту положилъ въ бумажникъ. Небольшіе размѣры подковы указывали, что стоявшая здѣсь лошадь была не изъ простыхъ, рабочихъ лошадей.

Зоркимъ ѐкомъ оглядѣлъ Питтъ и наружную стѣну сада около этого мѣста, но на стѣнкѣ не было ни малѣйшаго слѣда, не видно было, чтобы кто нибудь перелѣзалъ тутъ черезъ заборъ... Впрочемъ, ловкому человѣку ничего не стòило-бы просто перепрыгнуть черезъ него.

Слѣдователь покончилъ съ осмотромъ и вернулся въ домъ.

— Ну, обрѣли вы что нибудь? крикнулъ прокуроръ, еще издали завидя Питта.

Ригель и докторъ Биндэль сидѣли у столика, подкрѣпляя себя стаканомъ вина. Вино было подано по распоряженію фрейгерра.

— Особенно важнаго ничего не обрѣлъ, отвѣтилъ Питтъ. Онъ не торопился, ему не хотѣлось сообщить о томъ, чтò увидѣлъ онъ около ивовыхъ деревьевъ, потому что нужно было еще удостовѣриться, имѣютъ-ли какое либо отношеніе эти слѣды къ самому преступленію.

— Я тàкъ и думалъ, а потому и не пошелъ съ вами, замѣтилъ Ригель.—Ну-съ, г. слѣдователь, не угодно-ли вамъ теперь освѣжиться, подкрѣпить себя стаканчикомъ вина? Пожалуйте-ка! Вамъ еще нужно сегодня заарестовать рабочихъ, а вѣдь неизвѣстно—можетъ быть при этомъ придется употребить и силу?...

— Ну, едва-ли, произнесъ Питтъ съ улыбкой.

— Однако, все-таки, не вызвать-ли изъ города для этой цѣли нѣкоторое подкрѣпленіе? Въ средѣ рабочихъ есть вѣдь предерзкіе парни... Кто совершаетъ подобное преступленіе, тотъ не остановится и передъ новымъ насиліемъ.

— Я уже распорядился. Сюда явится нѣсколько полицейскихъ. Вызвалъ я ихъ не потому, чтобы боялся рабочихъ,—напротивъ, они мнѣ нужны, какъ сторожа́, чтобы арестанты не вздумали убѣжать.

Живо выпивъ стаканъ вина, Питтъ всталъ и отправился въ садъ, къ фрейгерру, который ходилъ тамъ взадъ и впередъ по аллейкѣ.

— Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ нѣсколько вопросовъ, обратился слѣдователь къ Маннштейну:—вотъ, вы, между прочимъ, упомянули, что пользовались полнымъ довѣріемъ г. Мальтэна... Поэтому вамъ навѣрно хорошо были извѣстны вообще его обстоятельства?

— Не думаю, чтобы онъ что нибудь утаивалъ отъ меня, отвѣтилъ фрейгерръ.

— Скажите, не было-ли у него личнаго врага?

— Насколько мнѣ извѣстно—нѣтъ, да по моему мнѣнію—и быть не могло-бы: онъ былъ человѣкъ честный, прямой; никому зла не дѣлалъ, былъ всегда справедливъ... Всѣ знавшіе Мальтэна—любили его.

— Можетъ быть, кому нибудь, ради выгодъ, нужна была его смерть?

— Не знаю. Ни на кого не могу указать, ктобы желалъ его смерти... Имѣнье Мальтэна и все имущество его переходитъ по наслѣдству къ его-же семейству—женѣ и дочери... А онъ былъ очень счастливъ въ своей семейной жизни. Позвольте и мнѣ въ свою очередь спросить: почему вы распрашиваете объ этомъ?

— Потому что многое говоритъ противъ того, что убійство совершено рабочими.

— Но вѣдь мой работникъ видѣлъ-же ихъ ночью около моей усадьбы, почти у сада, возразилъ фрейгерръ.

— Положимъ—видѣлъ, но это еще не доказываетъ, что именно они убили г. Мальтэна.

— Вы, значитъ, имѣете подозрѣніе на кого нибудь другаго... на кого-же? спросилъ старикъ, какъ-то боязливо поглядывая на слѣдователя.

— Я никого еще не подозрѣваю, отвѣтилъ Питтъ, но надѣюсь, что скоро все тò что мнѣ кажется сомнительнымъ—выяснится...

— Увѣдомите-ли вы меня тогда объ этомъ?

— Отчего-же, съ удовольствіемъ, если долгъ мой не воспрепятствуетъ этому. Во всякомъ случаѣ даю вамъ обѣщаніе, что не пожалѣю трудовъ, употреблю всѣ усилія, чтобы открыть убійцу.

Фрейгерръ замолчалъ... Казалось — тяжелый вздохъ готовъ былъ вырваться изъ его груди, но онъ старался подавить его.

Спустя немного времени, въ усадьбу Маннштейна прискакали верхами четыре полицейскихъ служителя. Слѣдователь и прокуроръ отправились съ ними на рòзыски, чтобы заарестовать тѣхъ, которые были заподозрѣны въ столь тяжкомъ преступленіи.

Рабочіе, отказавшіеся работать у Мальтэна, спозаранку забрались въ трактиръ ближайшей деревни для обсужденія плана дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій.

Толпа рабочихъ, собравшаяся въ трактирѣ, состояла изъ пятнадцати человѣкъ. Первымъ ораторомъ былъ Бартэльсъ, мущина лѣтъ тридцати, рослый, силачъ, съ чрезвычайно живыми глазами и прехитрой физіономіей.

— Должны они намъ платить столько, сколько мы требуемъ! восклицалъ Бартэльсъ пріосанившись и обращаясь къ своимъ слушателямъ, людямъ менѣе осанистымъ и не столь мужественнымъ, какъ онъ. Эти рабочіе, собственно говоря, принуждены были слѣдовать за своимъ коноводомъ.

— Ну, а если они не согласятся на это, заговорилъ одинъ изъ рабочихъ, то придется намъ зубы на пòлку положить, да вёрстъ съ полсотни пробѣгать и ужъ тогда только найти работу! Коли всѣ здѣшніе землевладѣльцы тоже стàкнутся между собою и не дадутъ намъ работы, то вѣдь въ накладѣ-то останется кто? Мы!.. Ты, вотъ, бобыль, семьи у тебя нѣтъ, такъ тебѣ чтò! Не найдешь тутъ работы — валяй хоть за тридевять земель, и кормиться-то легко: одна утроба-то!

— Это вѣрно! Одна утроба у него, а чтò твои четыре! подхватилъ другой рабочій.

— Молчите вы! крикнулъ Бартэльсъ, сдѣлавъ повелительный жестъ, какъ будто-бы онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ начальникомъ. Онъ съ годъ проработалъ въ городѣ; бывалъ тамъ въ народныхъ собраніяхъ и навострился, какъ нужно дѣйствовать, чтобы слушатели внимали и съ уваженіемъ относились къ оратору. Усвоивъ себѣ нѣкоторыя выраженія, Бартэльсъ умѣлъ кстати и употребить ихъ въ рѣчи.

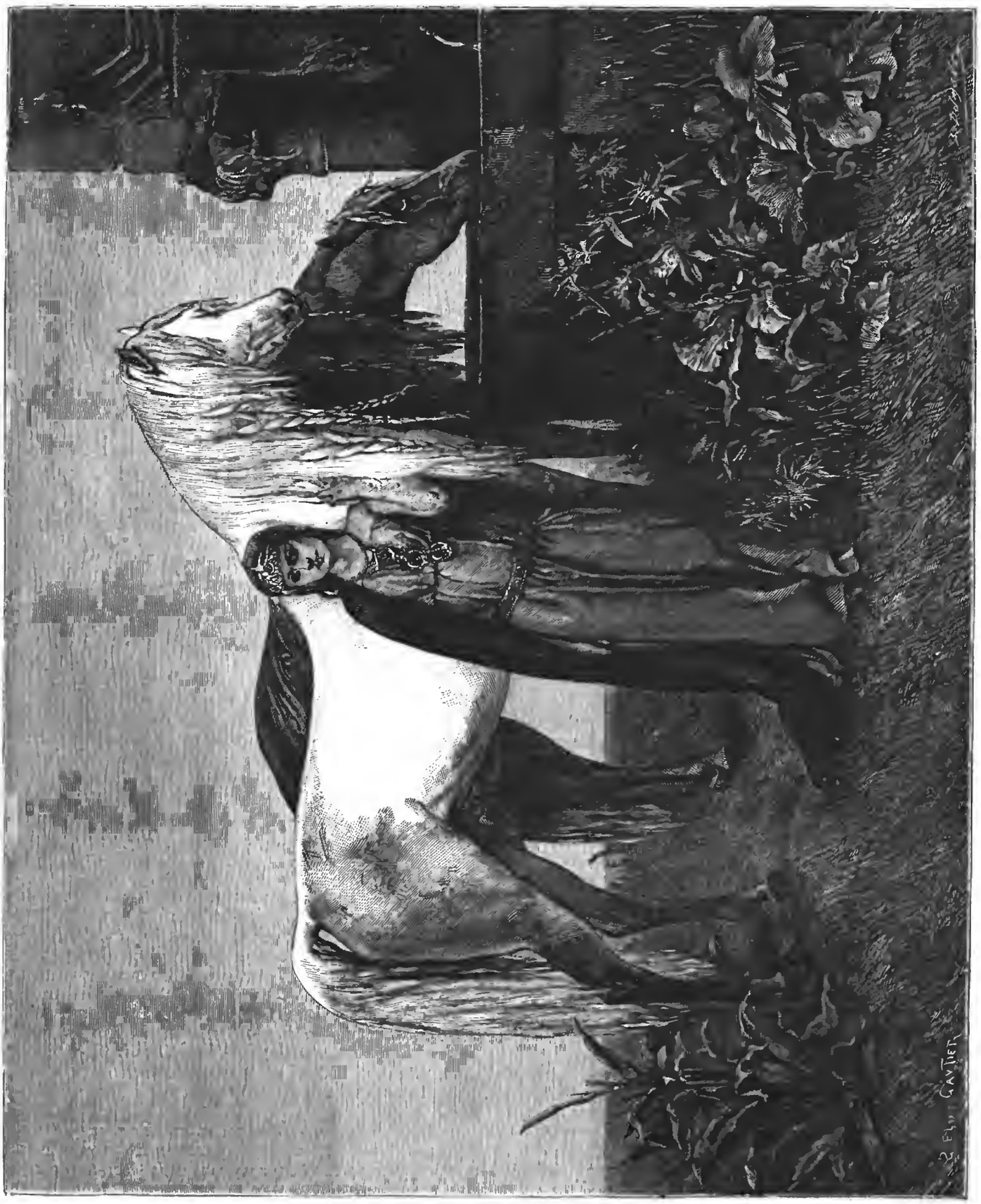
— Молчите! повторилъ онъ.—Повторяю, намъ нужно.

Онъ не договорилъ: топотъ лошадиный прервалъ его рѣчь... Четыре полицейскихъ солдата подскакали верхàми къ трактиру и остановились, а за ними, на небольшомъ разстояніи, слѣдовали прокуроръ Ригель, коммисаръ Питтъ и староста деревни.

— Чего имъ нужно? произнесъ Бартэльсъ, причемъ на лицѣ его выразилось смущеніе.

— Да вотъ вѣрно, какъ и намъ, выпить захотѣлось, замѣтилъ одинъ работникъ.

Библиотека "Руниверс"



Молодая Герцеговинская дѣвушка у водопоя. Картина И. Чермака, грав. Дюмонъ.

Библиотека "Руниверс"

— Нѣтъ... не то! Я такъ думаю—не до насъ-ли они добираются?...

Не прошло и минуты, какъ всѣ рабочіе убѣдились, что слова Бартэльса были справедливы: Ланггофъ, товарищъ ихъ, участвовавшій наканунѣ вечеромъ въ стычкѣ съ Мальтэномъ въ лѣсу, проходилъ въ это время по двору трактира... Они видѣли, какъ староста указалъ на Ланггофа, и затѣмъ двое полицейскихъ подскочили къ нему и схватили его... Всѣ, видѣвшіе въ окно эту сцену, отпрянули, какъ-бы пораженные громомъ...

— За нами пришли! За нами! воскликнулъ Бартэльсъ.

Произошла сумятица... Рабочіе, въ сильной тревогѣ, забѣгали, толкая другъ друга и не зная что̀ дѣлать.

— Дверь на запоръ! крикнулъ одинъ. Столомъ ее припереть, завалить стульями! Ну, а коли силою кто войдетъ—не сдобровать тому! Ужъ я такъ не сдамся! Эй, братцы, помогайте!...

Онъ схватился за столъ, двинулъ его, но принужденъ былъ остановиться: дверь отворилась и слѣдователь, въ сопровожденіи старосты вошелъ въ комнату. Въ дверяхъ стояли полицейскіе.

— Именемъ закона! произнесъ Питтъ.

Рабочіе отступили въ испугѣ... Смѣлое, быстрое появленіе слѣдователя дѣйствительно запугало ихъ.

— Гдѣ Бартэльсъ? спросилъ староста, знавшій поименно всѣхъ этихъ рабочихъ.

Оторопѣвшіе оглянулись и крайне удивились тому, что Бартэльса уже не было между ними... Коноводъ ихъ, человѣкъ, подстрекавшій ихъ еще вчера къ забастовкѣ — улизнулъ, воспользовавшись общимъ смятеньемъ, испугомъ: онъ убѣжалъ въ смежную комнату, а оттуда черезъ окно—въ садъ трактира, и скрылся.

Слѣдователь съ досады топнулъ ногой. Староста отрекомендовалъ ему Бартэльса, какъ человѣка вообще безпокойнаго, склоннаго къ насилію и кромѣ этого, какъ главнаго коновода рабочихъ, прибавивъ, что именно онъ, Бартэльсъ, и былъ вчера вооруженъ пистолетомъ. Питтъ приказалъ двумъ полицейскимъ преслѣдовать бѣжавшаго.

— Постарайтесь во чтобы-то нистало схватить его! крикнулъ онъ имъ вслѣдъ. Онъ еще гдѣ нибудь тутъ, въ деревнѣ, по близости!

Староста вызвался сопровождать сыщиковъ и указать имъ мѣсто, гдѣ живетъ Бартэльсъ, полагая, что бѣглецъ убѣжалъ домой.

Отдавъ приказаніе оставшимся полицейскимъ караулить рабочихъ, слѣдователь позвалъ Ланггофа въ отдѣльную комнату, чтобы тамъ сейчасъ-же допросить его, не давъ ему времени сговориться съ товарищами.

— Вчера вы, вмѣстѣ съ прочими рабочими г. Мальтэна, забастовали? началъ Питтъ.

— Забастовали, отвѣтилъ откровенно Ланггофъ. (Онъ, какъ видно струсилъ). На такой заработокъ жить было нельзя... Все вѣдь нынче вздорожало... Вотъ, и землевладѣльцы сами берутъ теперь дороже за свое зерно!

— Все это та́къ; никто у васъ не отнимаетъ права требовать бо̀льшей платы, но, вотъ, вы позволили себѣ дѣлать угрозы г. Мальтэну, когда онъ не согласился на ваше требованіе?..

— Я ему не угрожалъ.

— Вы не угрожали, такъ угрожали ваши товарищи, желая такимъ путемъ принудить его къ уступкѣ. Такъ?

— Ежели насчетъ словъ такихъ, такъ ужъ тутъ обѣ стороны виноваты... Господинъ Мальтэнъ тоже вѣдь горячился...

— Гдѣ вчера вечеромъ были вы съ вашими товарищами?

— Въ сосѣднемъ лѣсу.

— Что̀-жъ вы тамъ дѣлали?

— Ничего не дѣлали. Мы нынче безъ работы...

— Извѣстно вамъ было, что г. Мальтэнъ проѣдетъ лѣсомъ?

— Я этого не зналъ.

— Вы напали на него тамъ?

— Нѣтъ. Ѣхалъ онъ лѣсомъ, а мы подошли къ нему, чтобы повторить еще разъ свое требованіе.

— Подошли и, угрожая, схватили его лошадь подъ уздцы?

— Я не хваталъ.

— Не вы, такъ другой, но лошадь все-таки схватили?

— Этого не видѣлъ, а замѣтилъ только, что господинъ ударилъ одного хлыстомъ по головѣ, пришпорилъ лошадь, она бросилась впередъ и свалила двухъ...

— Этого онъ, навѣрно, не сдѣлалъ-бы нарочно; онъ былъ принужденъ такъ поступить. А зачѣмъ у васъ у всѣхъ были дубины?

— Я всегда, коли иду куда изъ дому, беру съ собой палку.

— Одинъ изъ васъ, а именно — Бартэльсъ, имѣлъ при себѣ пистолетъ. Зачѣмъ онъ былъ у него?

— Этого не знаю. Не спрашивалъ, да и самъ онъ ничего не говорилъ объ этомъ.

— Въ которомъ часу вернулись вы вчера вечеромъ домой?

— Ну, какой это былъ часъ—не знаю.

— Однако, можете-же сказать: рано или поздно это было?

— Нѣтъ, время было еще не позднее.

— А ночью вы все-таки были-же въ усадьбѣ фрейгерра фонъ Манштейна?

Ланггофъ, немного удивленный, молча посмотрѣлъ на слѣдователя и потомъ отвѣтилъ:

— Я не былъ.

— Вы, Бартэльсъ и еще двое или трое изъ васъ были тамъ, возразилъ Питтъ. Не отпирайтесь: васъ видѣли тамъ и узнали.

— Я не былъ, повторилъ Ланггофъ.

— Не забывайте, что отпирательство такое дѣлаетъ васъ вдвое подозрительнѣе, замѣтилъ слѣдователь.

— Да я былъ только по близости... у усадьбы, сказалъ работникъ послѣ нѣкотораго раздумья.

— Гдѣ-же—въ саду?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ-же вы пришли туда?

— Видѣли мы, что господинъ Мальтэнъ поѣхалъ къ фрейгерру Манштейну, ну, вотъ, мы и хотѣли дождаться, когда онъ обратно поѣдетъ, потому что очень ужъ мы были сердиты на него за то̀, что онъ одного хлыстомъ ударилъ, а двухъ съ ногъ сбилъ...

— Ну, хорошо; если-бы г. Мальтэнъ попался вамъ, что̀-жъ-бы вы стали дѣлать?

— А, право, не знаю...

— Вы убить его хотѣли?

— Убить?! Нѣтъ! воскликнулъ Ланггофъ почти съ испугомъ. У насъ и въ мысляхъ этого не было!

— Знали-ли вы, что онъ не вернулся домой?

— Нѣтъ. Вотъ, ка̀къ мы дошли до сада, да прождали тамъ понапрасну, Бартэльсъ и вызвался пойти въ садъ, чтобы, значитъ, высмотрѣть: все-ли еще господинъ Мальтэнъ сидитъ у фрейгерра. Ну, черезъ нѣсколько времени вернулся онъ и сказалъ, что въ домѣ ужъ темно, что, молъ, видно гость-то другой дорогой домой поѣхалъ... Тутъ мы и отправились по домамъ.

— Почему-же именно Бартэльсъ вызвался идти въ садъ?

— Прежде онъ много работалъ въ этомъ саду. Садъ ему хорошо извѣстенъ. Ну, ему знакома тоже охотничья собака фрейгерра... Сунься чужой туда—она-бы бросилась на чужого-то.

— А было-ли извѣстно Бартэльсу и расположеніе комнатъ въ домѣ?

— Ну, этого не знаю; можетъ быть и было извѣстно.

— Взялъ онъ съ собой пистолетъ?

— Не видалъ. Должно быть при немъ онъ былъ.

Библиотека "Руниверс"

— А долго пробылъ онъ въ саду?

— Пожалуй, съ четверть часа будетъ, а навѣрно сказать не могу.

— Ну, а когда онъ вернулся къ вамъ — былъ взволнованъ?

— Не замѣтилъ. Только онъ крикнулъ намъ, чтобы мы домой шли, потому какъ въ домѣ все тихо, значитъ, спать ужъ полегли.

— И вы пошли домой?

— Пошли.

— Знали вы, что г. Мальтэнъ остался у фрейгерра?

— Нѣтъ, не знали.

— А Бартэльсъ зналъ?

— Онъ тоже не могъ знать, а коли-бы зналъ, такъ намъ-бы сказалъ, отвѣтилъ Ланггофъ.

— Знаете-ли вы, что г. Мальтэнъ убитъ?

Рабочій какъ-бы оцѣпенѣлъ, умолкъ и только глядѣлъ во всѣ глаза на слѣдователя.

— Не можетъ быть! воскликнулъ онъ наконецъ.

— Да, и убитъ въ домѣ фрейгерра: его застрѣлили, прибавилъ Питтъ, зорко слѣдя за выраженіемъ лица Ланггофа.—Неужели вы еще не знали объ этомъ?

— Не знали... Это точно! снова воскликнулъ работникъ, причемъ по лицу его ясно было видно, что онъ говорилъ чистѣйшую правду. — Да здѣсь никто и не знаетъ объ этомъ!

Въ то время, когда Бартэльсъ былъ въ саду, вы не слыхали выстрѣла?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ вы собрались здѣсь сегодня такъ рано?

— Поговорить хотѣли сообща касательно того, что дѣлать намъ, чтобы поставить на своемъ.

— Относительно кого-же поставить на своемъ?

— Ну-да вотъ касательно господина Мальтэна...

— Ну, и Бартэльсъ бесѣдовалъ съ вами насчетъ этого?

— Да.

— Не проговорился-ли онъ какъ нибудь, что ужъ раздѣлался съ нимъ?

— Не слыхалъ... Да—нѣтъ, не стрѣлялъ онъ въ господина Мальтэна! Ежели-бы онъ сдѣлалъ это, такъ вѣдь намъ-бы сказалъ... Вчера вечеромъ, правда, хлебнулъ лишнее, ну, а все-таки былъ, значитъ, въ своемъ умѣ!

— Если онъ знаетъ, что вины на немъ нѣтъ, зачѣмъ-же онъ бѣжитъ, скрывается? замѣтилъ Питтъ. Это только заставляетъ сильнѣе заподозрить его... Кромѣ Бартэльса, кто былъ еще съ вами тамъ въ прошлую ночь?

Ланггофъ назвалъ поименно четырехъ рабочихъ. Слѣдователь приказалъ арестовать ихъ, а остальныхъ всѣхъ отпустить. Показанія Ланггофа онъ сообщилъ прокурору.

— Ну-съ, сомнѣваетесь-ли вы еще въ томъ, что преступленіе совершено рабочимъ—Бартэльсомъ? спросилъ Ригель.

Питтъ пожалъ плечами.

— Правда, уликъ теперь стало больше противъ него, отвѣтилъ онъ,—но тѣмъ не менѣе сомнѣнія мои не разсѣялись... даже нисколько.

— Позвольте! Такъ потрудитесь указать мнѣ на нѣчто другое возможное, хоть сколько нибудь правдоподобное, сказалъ прокуроръ.—Каждое преступное дѣяніе должно имѣть свою причину, ну-съ, а вѣдь вамъ извѣстно, по показаніямъ фрейгерра, что у Мальтэна не было никакого врага.

— Врага, извѣстнаго фрейгерру Манштейну, подхватилъ слѣдователь. Впрочемъ, я надѣюсь, что скоро все это дѣло разъяснится... Если я и сомнѣваюсь, то вѣдь это не помѣшаетъ мнѣ арестовать всякаго, на кого только падетъ малѣйшее подозрѣніе.

Староста съ двумя полицейскими вернулся и доложилъ, что имъ не удалось поймать Бартэльса.

— Убѣжалъ онъ не домой, а прямо въ лѣсъ, прибавилъ онъ. Пришли мы къ его жилищу, а ужъ молодца и слѣдъ простылъ.

— И вы не погнались за нимъ? спросилъ Питтъ.

— Гдѣ тутъ гнаться! Только время потратишь: лѣсъ-то ему хорошо знакомъ, а мѣсто тамъ гористое... скалы да пещеры... есть гдѣ запрятаться... Ищи его тамъ хоть мѣсяцъ—и на слѣдъ не попадешь!

— Славно помогли вы ему улизнуть! обратился раздосадованный слѣдователь къ полицейскимъ. Ну, вы останетесь здѣсь. Я увѣренъ, что Бартэльсъ вернется въ деревню, а тогда вы его сейчасъ-же арестуйте. Жилище его обыскано?

— Какъ есть весь домикъ обыскали, да не нашли, отвѣтилъ староста. Живетъ онъ у одного поденщика, ну, тотъ сейчасъ сказалъ, что Бартэльсъ домой и не являлся.

— Но мѣсто, гдѣ онъ обыкновенно спитъ, осмотрѣли?

— Нѣтъ, этого не осматривали.

— Такъ проведите меня, пожалуста, туда.

(Продолженіе будетъ).

Чудесное лѣкарство.

(Съ франц. зскаго.)

Въ одинъ холодный зимній вечеръ докторъ О., въ Брюсселѣ, возвращаясь домой съ визитовъ, нашелъ на столѣ въ своемъ кабинетѣ письмо слѣдующаго содержанія:

«Г-жа Ф. проситъ доктора О. пожаловать какъ можно скорѣе «въ гостинницу Викторія, гдѣ пріѣзжая дама крайне нуждается въ его помощи».

Такое довѣріе со стороны пріѣзжихъ, незнакомыхъ лицъ, было слишкомъ лестно, чтобы докторъ, хотя онъ сильно иззябъ, не поспѣшилъ послѣдовать приглашенію. Онъ тотчасъ же отправился и, пройдя довольно большое разстояніе по покрытымъ снѣгомъ улицамъ, явился въ Hôtel Victoria.

Когда онъ сказалъ свое имя швейцару, его провели въ комнату № 47, гдѣ его приняла изящно одѣтая дама среднихъ лѣтъ, которая, объяснивъ, что письмо написано ею, сообщила ему, что дочь ея внезапно заболѣла, и что она боится, не придется ли имъ пробыть въ городѣ долѣе, нежели онѣ намѣревались.

— Дочери моей грозитъ, какъ мнѣ кажется, нервная горячка, продолжала она. Она очень раздражительна вслѣдствіе печальныхъ семейныхъ обстоятельствъ; однажды она уже чуть не сдѣлалась жертвою подобнаго припадка, поэтому я сочла за лучшее заручиться вашими совѣтами, вашей помощью. Однако, прошу васъ, войдите и судите сами.

Съ этими словами она ввела доктора въ комнату больной. Тамъ было такъ темно, что докторъ сначала ничего не могъ разглядѣть, кромѣ фигуры сидѣлки, которая почтительно встала съ кресла при его появленіи. Только когда г-жа Ф. нѣсколько отдернула занавѣски, онъ увидѣлъ красивую молодую женщину, лежавшую въ постели съ распущенными волосами, лихорадочно разгорѣвшимися щеками, въ тревожномъ забытьи.

— Берта, дитя мое, окликнула ее старшая дама, тихонько прикоснувшись къ ней,—докторъ пришелъ.

Съ глубокимъ, болѣзненнымъ вздохомъ, больная порывисто приподнялась и уставила на врача дикій, боязливый взоръ.

— Опомнись, Берта, успокоивала ее мать.—Помнишь, я тебѣ обѣщала послать за докторомъ О.? Онъ пріѣхалъ.

— Можете вы мнѣ помочь? прошептала больная, отводя рукою пряди волосъ со лба.

— Сильно болитъ у васъ голова? тихо спросилъ докторъ.

Библиотека "Руниверс"

— Ужасно, отвѣтила она.

Докторъ приложилъ свѣжую ладонь къ горячему лбу больной, а другою рукою пощупалъ у нея пульсъ. Это на мгновеніе какъ будто успокоило ее, но вдругъ она вскочила и воскликнула:

— Докторъ, докторъ, не можете ли дать мнѣ чего-нибудь такого, что бы поставило меня на ноги? У меня есть неотложныя дѣла, мнѣ *надо* выйти, а меня не пускаютъ. Я должна идти на выставку, я хочу.

Мать старалась успокоить ее, но больная только больше расходилась.

— Ты меня уже цѣлую недѣлю удерживаешь разными обѣщаніями, сказала она съ горечью,—между тѣмъ ты знаешь, что мнѣ нужно идти, что отъ этого зависитъ больше чѣмъ моя жизнь.

Тутъ докторъ вмѣшался и обѣщалъ ей скоро возвратить ей здоровье, если только она съ своей стороны будетъ держать себя смирно и постарается уснуть. Больная, съ взоромъ исполненнымъ непыразимой благодарности, обѣщала его слушаться. Тогда докторъ прописалъ ей прохладительное питье, приказалъ смачивать ей лицо свѣжей водой и удалился, обѣщая побывать опять на слѣдующій день и объявивъ, что надѣется найти ее поправившеюся. Матери, проводившей его въ гостиную, онъ тоже сказалъ, чтобы она не тревожилась, что случай не опасный.

— Лихорадка, сказалъ онъ,—кажется мнѣ скорѣе послѣдствіемъ, нежели причиною возбужденія. Держите больную въ совершенномъ спокойствіи и въ особенности не раздражайте ее противурѣчіемъ. Я ей прописалъ довольно сильное усыпительное средство и если оно подѣйствуетъ, то я надѣюсь найти ее завтра въ гораздо лучшемъ состояніи.

Съ этими словами онъ раскланялся и оставилъ встревоженную мать немного успокоенною.

Погода тѣмъ временемъ сдѣлалась еще ненастнѣе и докторъ вздохнулъ полной грудью отъ удовольствія, когда онъ наконецъ дошелъ до своего дома и, отряхая снѣгъ отъ ногъ, поднялся на ступеньки, собираясь отомкнуть свою дверь. Вдругъ нога его толкнулась о какую-то неясную кучу чего-то, лежавшую на верхней ступени, и—Боже праведный—куча шевельнулась—она была живая!

— Вотъ тебѣ на! воскликнулъ докторъ.—А вѣдь я давно побаивался, что мнѣ, какъ холостяку, живущему своимъ хозяйствомъ, когда-нибудь преподнесутъ подобный подарокъ. Что мнѣ дѣлать съ этакой дрянью? Однако, посмотримъ сначала, на что онъ похожъ—да *онъ* ли, или *она*?

Докторъ наклонился, протянулъ руку и схватилъ что-то длинное, мохнатое.

— Господи помилуй! Это не ребенокъ, а собака! воскликнулъ докторъ и засмѣялся, однако слегка и отшатнулся, потому что онъ былъ заклятый врагъ собакъ.—Куда мнѣ съ нею дѣваться! Не могу же я въ такую ночь выгнать ее на улицу. Еще пожалуй укуситъ. Эй, Дьянка, Трезоръ, Филаксъ—какъ тебя?..

И онъ осторожно толкнулъ мнимое животное кончикомъ своего зонта.

Но вмѣсто ожидаемаго лая или ворчанья раздался человѣческій голосъ, сѣтовавшій на причиненное безпокойство не въ особенно дружескихъ выраженіяхъ.

Докторъ съ испугу отскочилъ на два шага, но потомъ опомнился, схватилъ незнакомца одною рукою, другою отперъ дверь и потащилъ своего измокшаго гостя въ переднюю, къ лампѣ.

Онъ увидѣлъ спутанную массу лохмотьевъ, а въ нихъ ежившуюся фигуру мальчика лѣтъ восьми, необыкновенно худенькаго, жалкаго. Чрезвычайно комическимъ жестомъ ребенокъ отбросилъ назадъ свои мокрые волосы и взглянулъ на доктора полупытливымъ, полувызывающимъ взглядомъ, въ молчаливомъ ожиданіи того, что дальше будетъ.

— Ну? первый вымолвилъ докторъ.

— Ну-съ? отозвался мальчикъ съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ.

— Что ты тутъ дѣлалъ передъ моею дверью? спросилъ его докторъ.

— То, что я дѣлалъ, положительно не представляется достаточнымъ основаніемъ для обвиненія въ какомъ либо преступленіи, отвѣчалъ ребенокъ съ изумительной быстротой и рѣзкостью;—можно обвинить меня развѣ-что за нарушеніе полицейскихъ постановленій—больше ничего.

Такія рѣчи показались доктору черезъ чуръ уже смѣшными. Онъ расхохотался и спросилъ!

— Скажи на милость, кто ты такой, чортъ тебя побери?

— Я бы на вашемъ мѣстѣ не ругался, возразилъ ему мальчикъ съ неподражаемою комическою важностью:—это вамъ не прилично.

— Ты совершенно правъ, дружокъ; но все таки я тебя прошу, скажи мнѣ кто ты, и какъ тебя зовутъ?

— Не скажете ли вы мнѣ сначала того же о себѣ?

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ докторъ, котораго эта сцена все болѣе забавляла:—я—практикующій врачъ, докторъ О. Слыхалъ ты когда обо мнѣ?

— Не припомню, сказалъ мальчикъ, подумавъ.

— Ну, такъ какъ же тебя зовутъ?

— У меня нѣтъ такого громкаго титула, какъ у васъ. Меня зовутъ просто Франко.

— Франко, а потомъ?

— Потомъ что, я хорошенько не знаю.

Подъ конецъ разговора, докторъ отперъ дверь въ гостиную. Заглянувъ туда, измокшій, иззябшій маленькій пришелецъ испустилъ при видѣ пылающаго камина пронзительный крикъ радости, бросился къ огню и усѣлся передъ нимъ на полу, какъ собаченка.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Докторъ и найденышъ оглядывали одинъ другого. Наконецъ мальчикъ началъ:

— Что же вы думаете со мною дѣлать, г. докторъ?

— Прежде всего я тебя высушу, согрѣю и накормлю ужиномъ.

— Это съ вашей стороны очень мило; только извѣстно ли вамъ, что у меня нѣтъ гроша денегъ?

— Когда я приглашаю къ себѣ гостя, я не жду отъ него никакой платы. Хочешь ѣсть?

— Ужасно. Только послушайте-ка, г. докторъ, неужели вы это все сдѣлаете такъ, христа ради? Ужъ не вскрывать ли вы меня хотите для вашей анатоміи?

— Боже меня упаси! засмѣялся докторъ;—во всякомъ случаѣ я подыскалъ бы себѣ болѣе подходящій субъектъ.

Онъ позвонилъ и приказалъ вошедшему слугѣ сказать экономкѣ, чтобъ она какъ можно скорѣе приготовила ужинъ для двоихъ и прислала побольше масла, хлѣба и холодной говядины.

— Выпить чего-нибудь тоже не худо бы, замѣтилъ Франко.

— Выпить? подозрительно переспросилъ докторъ:—чего же, напримѣръ?

— Кофе, что ли, или чаю, или чего хотите, только бы погорячѣе, отвѣтилъ мальчикъ,—я совсѣмъ замерзъ.

Успокоенный этимъ отвѣтомъ, докторъ велѣлъ заварить побольше чаю и ушелъ въ свою спальню, чтобы самому перемѣнить свое мокрое платье, а также достать какую-нибудь сухую одежду для мальчика.

— Ну, Франко, переодѣнься, сказалъ онъ ему.

Мальчикъ повиновался и докторъ при этомъ замѣтилъ съ содроганіемъ, что тѣло его болѣе походитъ на скелетъ, нежели на тѣло живаго человѣка.

Нѣсколько минутъ спустя подали ужинъ. Докторъ подчивалъ своего маленькаго гостя и съ изумленіемъ замѣтилъ, что онъ ѣлъ, хотя и съ жадностью, однако съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ приличія.

— Когда ты обѣдалъ, дитя мое? спросилъ его докторъ, когда онъ отодвинулъ тарелку и поблагодарилъ, отказываясь отъ дальнѣйшаго угощенія.

— Я сегодня обѣдалъ горстью орѣховъ, спокойно отвѣтилъ ребенокъ.

— А еще чѣмъ?

— Больше ничѣмъ.

— Господи помилуй! горсть орѣховъ въ такой день, какъ сегодняшній?

Мальчикъ усмѣхнулся и съ весьма многозначительнымъ жестомъ пожалъ плечами.

«Гдѣ только я уже видѣлъ его?» спрашивалъ самъ себя докторъ и, не находя отвѣта, всталъ изъ-за стола, усадилъ своего маленькаго гостя у камина и дружескими словами пригласилъ его разсказать ему свою жизнь открыто и правдиво. Прежде всего онъ пожелалъ знать, что привело его на ступени передъ его дверью.

— Я хотѣлъ тамъ проспать ночь, объяснилъ мальчикъ, точно это самое простое дѣло.

— Спать? На каменныхъ ступенькахъ? Вѣдь ты бы замерзъ.

— Не думаю, мнѣ совсѣмъ не такъ ужъ холодно показалось.

— Отчего же ты не пошелъ домой?

Мальчикъ на мгновеніе глядѣлъ на доктора съ большимъ удивленіемъ, какъ будто не понялъ вопроса, потомъ состроилъ одну изъ уморительнѣйшихъ своихъ гримасокъ, и отвѣтилъ:

— Дороги не зналъ.

— Ты бы спросилъ у полицейскаго.

— Полицейскіе обыкновенно не очень-то уважаютъ мальчиковъ моего сорта, да и карточки то у меня не было съ собою.

— Ужъ не хочешь ли ты сказать, что у тебя совсѣмъ нѣтъ дома?

— Съ вашего позволенія, г. докторъ, я это самое и хочу сказать.

— Отца у тебя нѣтъ?

— Нѣтъ, по крайней мѣрѣ мнѣ неизвѣстно.

— И матери нѣтъ?

При этомъ вопросѣ лицо мальчика внезапно утратило юмористическое выраженіе, до тѣхъ поръ не сходившее съ него, глаза его налились слезами и онъ отвѣтилъ нетвердымъ голосомъ.

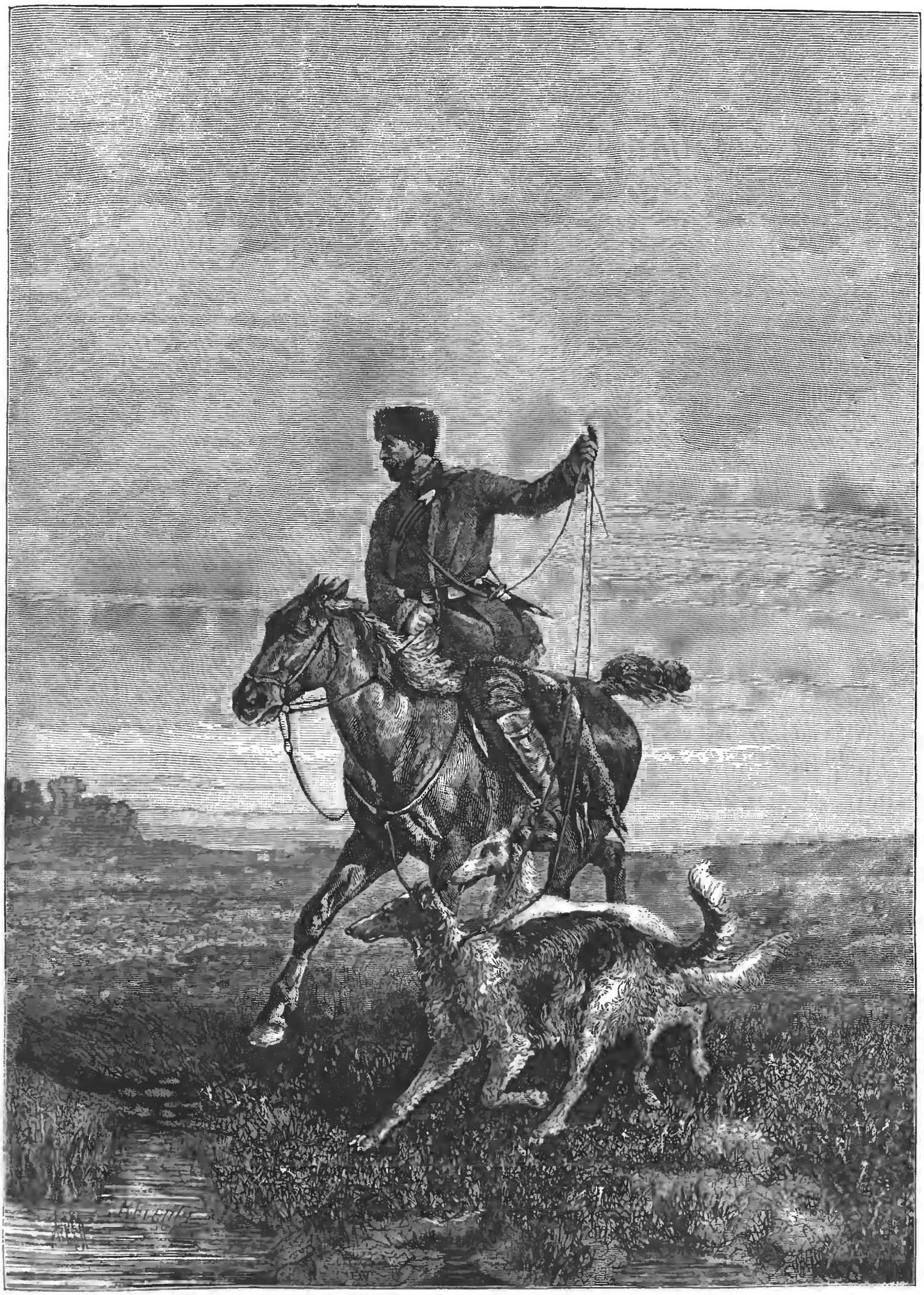
— Были у меня и мать и домъ, да я потерялъ ихъ.

— Потерялъ? Какимъ образомъ, разскажи...

— Я самъ хорошенько не знаю. Знаю только, что были, а теперь нѣтъ.

— Это очень однако странно, молвилъ докторъ.—Кто же была твоя мать.

Библиотека "Руниверс"



Заячья охота. Картина Р. Френаза. Собственность Е. И. В. Великаго Кн. Владиміра Александровича. Рис. на деревѣ самъ авторъ, грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

— О, мама была дама, отвѣтилъ Франко гордо выпрямляясь, —тогда я этого не зналъ, а теперь знаю.

— Какъ такъ?

— Я каждый день вижу, какъ изъ экипажей выходятъ такія женщины; но какъ я не смотрю, а моей матери никогда не вижу между ними.

— Бѣдный мальчикъ! сказалъ тронутый докторъ: разскажи мнѣ все что ты помнишь о томъ, какъ ты жилъ у себя дома.

— Съ удовольствіемъ. Тамъ была мама, бабушка, старикъ Пьеррь, деревянная лошадка, да я, да еще нѣсколько служанокъ.

— Какъ же ты оттуда ушелъ?

— Не знаю; я не уходилъ. Я сидѣлъ въ дѣтской и пилъ вечернее молоко изъ серебрянной чашки, которую бабушка подарила мнѣ къ рожденію; вдругъ вошла мама, въ шляпѣ и мантильѣ: она сказала, что куда то ѣдетъ, позвала меня и заплакала—мама, бѣдная, всегда много плакала—и приказала нянѣ не оставлять меня одного. Та обѣщала, но когда мама уѣхала съ бабушкой, она уложила меня въ постель, велѣла мнѣ смирно лежать и сказала, что только сходитъ внизъ поужинать. Она долго не приходила, и я заснулъ. Когда я проснулся, я почувствовалъ, что мнѣ очень холодно, и что меня держитъ на рукахъ чужой человѣкъ, который со мною бѣжитъ; я закричалъ, но онъ меня прибилъ. Наконецъ, мы пришли на желѣзную дорогу, и онъ меня бросилъ въ уголъ вагона и погрозился убить меня, если я пошевельнусь. Поѣздъ тронулся, но вдругъ я услышалъ большой шумъ и крики, что кого-то переѣхали. Поѣздъ остановился, но злой человѣкъ не возвращался; я этому былъ очень радъ и забился подъ сидѣнье, такъ что никто меня не видѣлъ. Мы долго ѣхали и я спалъ. Когда я проснулся, было уже утро; меня вытащили изъ-подъ сидѣнья и прогнали. Я очутился въ здѣшнемъ городѣ, мнѣ ѣсть захотѣлось и я заплакалъ. Тогда ко мнѣ подошелъ большой парень и сказалъ мнѣ, что если я стану продавать за него спички, то онъ будетъ меня кормить. Я согласился, и прохожіе много покупали у меня за то, что я былъ такой маленькій. Послѣ того я былъ разсыльнымъ у адвоката... А не нужно ли вамъ разсыльнаго? вдругъ спохватился онъ, выпрямляясь съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства.

— Объ этомъ мы завтра поговоримъ, отвѣтилъ ему докторъ, —а теперь не хочешь ли ты спать?

— Да, хотѣлъ бы, сказалъ мальчикъ: — можно мнѣ лечь въ передней?

— Нѣтъ, этого я не могу позволить, возразилъ докторъ: — я тебѣ постелю здѣсь на диванѣ.

— Ахъ, не трудитесь; я могу спать гдѣ придется.

Съ этими словами маленькій безпріютный скиталецъ свернулся въ углу какъ котенокъ, и черезъ нѣсколько мгновеній уже спалъ глубокимъ сномъ.

Докторъ тоже легъ. На слѣдующее утро, когда онъ проснулся, Франко уже стоялъ передъ его кроватью.

— Съ добрымъ утромъ, г. докторъ, привѣтствовалъ его мальчикъ;—надѣюсь, что вы спали такъ же хорошо, какъ и я. Какъ у васъ тутъ хорошо! Я уже взялъ теплую ванну и прибралъ всѣ ваши вещи.

— Уморительный ты право человѣчекъ! улыбнулся докторъ, и не безъ удовольствія замѣтилъ, что его маленькій питомецъ крайне опрятно прибрался, что ванная, несмотря на то, что онъ ею пользовался, въ величайшемъ порядкѣ, и что Франко даже безукоризненно вычистилъ его платье и все убралъ.

Позавтракавъ со своимъ маленькимъ гостемъ, докторъ сдѣлалъ ему краткій допросъ, послѣдствіемъ котораго было то, что онъ его на первый разъ взялъ себѣ въ разсыльные. Затѣмъ онъ самъ повелъ его въ магазинъ готоваго платья и одѣлъ его съ ногъ до головы. Франко въ восторгѣ вернулся домой, пока его новый господинъ поѣхалъ по визитамъ.

Когда онъ явился въ гостинницу Викторія, г-жа Ф. приняла его съ сіяющими глазами и объявила ему, что дочери ея гораздо лучше, только жаловалась, что она настаивала на своемъ намѣреніи непремѣнно сегодня же поѣхать по дѣлу.

— Куда же ей такъ надо? спросилъ докторъ.

— Ахъ, это печальная исторія, но врачу должно оказывать полное довѣріе, и я въ общихъ чертахъ разскажу исторію моей несчастной дочери.

Докторъ слегка поклонился и г-жа Ф. продолжала.

— Лѣтъ десять тому назадъ, когда ей было шестнадцать лѣтъ, она встрѣтилась на водахъ съ знаменитымъ комическимъ актеромъ Г.

— Я его нѣсколько разъ видѣлъ на сценѣ, прервалъ ее докторъ, невольно улыбаясь при воспоминаніи о неподражаемой игрѣ нѣкогда столь любимаго имъ комика.

— Если вы его видѣли, то вы знаете, что этотъ человѣкъ умѣлъ принять всякую маску, между прочимъ и маску благороднаго, высокообразованнаго человѣка. Подъ этою маскою ему удалось завладѣть любовью моей молодой, красивой, но совершенно неопытной, притомъ очень богатой, дочери. Онъ съумѣлъ выдержать обманъ до тѣхъ поръ, пока она не вышла за него замужъ, тогда же явился въ своемъ настоящемъ видѣ: кутилы, мота и развратника, словомъ человѣка, одержимаго самыми низкими пороками. Жизнь наша сдѣлалась адомъ, потому что у моей бѣдной дочери не было ни отца, ни брата, который заступился бы за нее. Изъ двухъ прелестныхъ дѣтей, младшее сдѣлалось жертвою легкомысленности отца, который, не смотря на то, что ребенокъ сильно кашлялъ и вопреки слезнымъ просьбамъ жены, взялъ его кататься въ холодную погоду: на другой день ребенокъ лежалъ на столѣ. Наконецъ, они развелись судебнымъ порядкомъ. Но почти въ то же время мы получили извѣстіе о смерти Г. вслѣдствіе несчастнаго случая на желѣзной дорогѣ, и это происшествіе, вмѣстѣ съ потерею и другаго ребенка, такъ разстроили мою дочь, что съ нею сдѣлалась нервная горячка, возвращенія которой я постоянно боюсь.

— Грустная исторія! съ участіемъ проговорилъ докторъ.—По мнѣ кажется, что для дочери вашей всего опаснѣе, если противорѣчить ей и мѣшать дѣлать то, что она хочетъ. Только куда же она такъ рвется, и нельзя ли ей дать волю?

— Нѣтъ, печально отвѣтила мать;—она хочетъ объѣхать всѣ города и въ каждомъ городѣ осмотрѣть всѣ дѣтскіе пріюты и школы для бѣдныхъ, въ надеждѣ найти своего сына.

— Такъ она не вѣритъ въ его смерть?

— Да мы и не знаемъ, умеръ ли онъ... Ахъ да, я вѣдь вамъ сказала только, что она лишилась и другаго ребенка. Дѣло въ томъ, что при разводѣ—сына присудили матери, но Г. грозилъ силою отнять его у нея. Мы сочли это за пустую угрозу, потому что онъ нисколько не занимался ребенкомъ и велъ безпорядочную, странническую жизнь. Однажды онъ написалъ моей дочери, что онъ охотно уѣхалъ бы совсѣмъ, но не имѣетъ къ тому средствъ, и что если она въ извѣстное мѣсто привезетъ ему такую-то сумму денегъ, то больше никогда безпокоить ее не будетъ. Мы рѣшились на эту жертву, поѣхали въ сопровожденіи одного стараго родственника въ назначенное мѣсто, прождали тамъ два часа, но не дождались Г. Когда мы въ недоумѣніи возвратились домой, мы нашли, что ребенокъ украденъ, по небрежности ли няньки, или съ ея согласія—неизвѣстно, такъ это и осталось. Первое наше подозрѣніе естественно пало на отца, но на другой день мы узнали, что онъ въ этотъ самый день вечеромъ сдѣлался жертвою несчастнаго случая на желѣзной дорогѣ. Это объясняло его не появленіе на назначенное свиданіе и въ этомъ отношеніи мы вѣроятно напрасно обвиняли его. Съ тѣхъ поръ какъ моя дочь выздоровѣла отъ своей тяжкой болѣзни, мы постоянно разъѣзжаемъ съ мѣста на мѣсто, но нигдѣ не находимъ слѣдовъ бѣднаго нашего Франко.

— Франко? невольно повторилъ докторъ.

— Да; его по отцу окрестили Францискомъ.

Въ эту минуту вошла сидѣлка и просила доктора войти къ больной. Она сидѣла и была гораздо спокойнѣе.

— О, да вы молодцомъ! воскликнулъ докторъ ободряющимъ тономъ;—продолжайте такъ, да не унывайте, и я скоро объявлю васъ совсѣмъ здоровою.

— А когда мнѣ можно будетъ выйти? спросила она съ безпокойствомъ.

— Вѣроятно завтра, если погода будетъ хороша. Ваша матушка сказала мнѣ, чего вы ищите, и я, можетъ быть, буду имѣть возможность помочь вамъ. Мы, врачи, многое узнаемъ.

— И вы полагаете, я могу еще надѣяться?

— Безъ сомнѣнія. Надѣйтесь и не давайте воли вашимъ болѣзненнымъ фантазіямъ и раздражительности—тогда все пойдетъ хорошо. Я привезу вамъ новое лѣкарство, которое принесетъ вамъ пользу, и когда вы будете посильнѣе, я самъ съ вами отправлюсь путешествовать по городу.

— Ахъ, докторъ! вы даете мнѣ новую жизнь! воскликнула больная.

— Погодите только, вотъ, когда попробуете мое новое лѣкарство, повторилъ докторъ, дружески пожавъ ей руку, и удалился.

Онъ поскакалъ домой, велѣлъ Франко надѣть шапку и идти за нимъ. Онъ зналъ теперь, кого напомнилъ ему этотъ ребенокъ: мальчикъ поразительно походилъ на комика Г.

Скоро пріѣхали они въ гостинницу. Докторъ постучался въ дверь больной, сидѣлка отворила ее и, сказавъ только: «Это докторъ О.» пропустила его.

— Я привезъ вамъ лѣкарство, сказалъ онъ, подходя къ постели вмѣстѣ съ мальчикомъ.

— Мой Франко! вскрикнула она, но не лишилась чувствъ, какъ докторъ и предвидѣлъ. Онъ поспѣшилъ въ гостиную, чтобы позвать г-жу Ф.

Еще никогда докторъ О. не прописывалъ лѣкарства, которое надѣлало бы такія чудеса: бѣдная больная мигомъ превратилась въ здоровую, счастливую женщину, а бездомный мальчикъ —въ ребенка, боготворимаго матерью и бабушкой.

Библиотека "Руниверс"

Заячья охота.

О заячьей охотѣ написаны цѣлые трактаты. Тѣ роды охоты, которые ведутся записными охотниками на зайцевъ, считаются, по справедливости, достойнымъ удовольствіемъ мущины, а подчасъ и женщины, конечно, молодой, тоже пожелавшей «по чистому полю, тѣшить степную и буйную волю». Трудно сказать, который родъ заячьей охоты привлекательнѣй, но многіе полагаютъ, что слѣдуетъ отдать предпочтеніе охотѣ съ загонщиками и на стоянкѣ. Первый родъ охоты съ успѣхомъ производится на сухихъ, ровныхъ пространствахъ и даетъ хорошую добычу, но для него нужно много людей и потому не каждый землевладѣлецъ-охотникъ можетъ отдаваться этой «ратной забавѣ». Каждый изъ участвующихъ пользуется при этомъ двойнымъ удовольствіемъ, потому что можетъ преслѣдовать вмѣстѣ съ другими любого зайца. Осень—самое лучшее время для охоты, и вотъ, когда, по выраженію поэта,

Мелькаетъ желтый листъ на зелени деревъ,
Работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ,
И покраснѣлъ уже вдали коверъ луговъ,
И зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ—

охотники отправляются на одну изъ полевыхъ дорогъ, стараясь какъ можно меньше шумѣть. Распорядитель охоты вдругъ приказываетъ остановиться, и охотники, а между ними и загонщики, расходятся на равныя разстоянія, сперва по двумъ направленіямъ, пока обѣ цѣпи имъ не начнутъ закругляться, чтобы сомкнуться. Загѣмъ всѣ участники забавы въ чистомъ полѣ начинаютъ равномѣрно сближаться, причемъ загонщики шумятъ, собаки устремляются впередъ и въ облавѣ начинается движеніе. Тамъ поднимается заяцъ, здѣсь—другой, третій старается дать тягу, четвертый хитритъ и прижимается къ землѣ, пятый мечется въ кругѣ, какъ помѣшанный, а кругъ становится все тѣснѣе и тѣснѣе, шумъ громче, испугъ зайцевъ усиливается. Наконецъ раздается первый выстрѣлъ—хорошо если онъ удаченъ, но еще веселѣе, лучше, если стрѣлокъ промахнулся. Иногда цѣлый рядъ охотниковъ стрѣляетъ въ перепуганнаго зайца и всѣ промахнутся кромѣ одного, который и положитъ его мѣткимъ выстрѣломъ. Больше и больше заячьихъ труповъ покрываютъ поле; собаки таскаютъ со всѣхъ сторонъ подстрѣленную дичь, палки загонщиковъ становятся все тяжелѣе и тяжелѣе отъ пріятной ноши, и такъ продолжается дѣло пока кругъ не станетъ настолько тѣсенъ, что благоразуміе заставитъ направлять выстрѣлы въ сторону отъ него. Тутъ уже зайцевъ, оставшихся еще въ кругѣ, гонятъ прямо между людей, но и при этомъ длинноухіе бѣдняки еще часто спасаютъ свою горемычную жизнь, которой бѣда грозитъ со всѣхъ сторонъ. Что касается «охоты на стоянкѣ», то она не менѣе завлекательна. Охотники выбираютъ себѣ по возможности лучшее мѣсто стоянки и напряженно ждутъ появленія четвероногой дичи. Въ тихіе вечерніе часы такая охота доставляетъ много удовольствія, особенно новичкамъ-стрѣлкамъ: лучшаго случая для стрѣльбы имъ и не найти.—Охотятся на зайцевъ и верхомъ на лошади, съ собаками, что собственно и составляетъ травлю. На картинѣ талантливаго художника Р. Френтца (снимокъ съ нея помѣщенъ въ настоящемъ № нашего журнала) навѣрно изображенъ страстный Некрасовскій охотникъ, которому въ «чистомъ полѣ» не жаль головы. Заидя русака, онъ бѣшено помчится черезъ ручьи, буераки и рвы, и въ мощной груди его духъ займется! Зальются собачки по слѣду, заоретъ крикунъ-доѣзжачій: «го-го-го! ту-ту-ту!» и

Дивной гармоніей нѣжится слухъ!
Однономѣтниковъ лай музыкальный
Душу уноситъ въ тотъ міръ идеальный,
Гдѣ ни уплатъ въ Опекунскій совѣтъ,
Ни безпокойныхъ исправниковъ нѣтъ!

Пороховая башня въ Прагѣ.

Прага одинъ изъ красивѣйшихъ и древнѣйшихъ европейскихъ городовъ. Еще въ V столѣтіи по Р. Х. на мѣстѣ, занимаемомъ теперешнимъ еврейскимъ кварталомъ, поселились маркоманны и назвали это мѣсто по имени предводителя своего Маробоха, Марабудомъ. Позднѣе сюда втѣснились *чехи* и положили основаніе Праги, какъ надо предполагать, въ 611 г. Первая чешская княгиня Любуша, пораженная красотой мѣстоположенія города въ долинѣ рѣки Молдавы, у подножія теперешней Замковой горы, въ 723 г. значительно расширила его и дала ему настоящее его имя, Прага, то есть порогъ. Сынъ Любуши, Незамыслъ, для огражденія города отъ вражескихъ нападеній, обнесъ его стѣной, которая стояла до 1242 года. Собиславъ въ 1135 году перестроилъ почти весь городъ, призвавъ для этого лучшихъ архитекторовъ изъ Италіи. Въ XV столѣтіи, Прага была центромъ не только всей чешской, но даже и германской образованности. Въ пражскій университетъ, основанный еще 1448 г., стекалось до 20,000 слушателей. Отсюда раздалась на всю Европу живая, разумная проповѣдь Гуса, отозвавшаяся въ Германіи появленіемъ Лютера и реформаціи. Но гусситскія войны навлекли на страну неисчислимыя бѣдствія, и сама Прага пережила много кровавыхъ дней.

Въ древности Прага раздѣлялась на четыре, такъ сказать, отдѣльныхъ города, составляющихъ теперешніе главные кварталы. Первый изъ нихъ—*Старый городъ*, съ еврейскимъ кварталомъ (который съ 1850 г. называется Іозефштадтомъ), въ сѣверо-западной части Праги, на правомъ берегу Молдавы; второй—*Новый городъ*, прилегающій къ восточной, юго-восточной и южной сторонамъ стараго города; третій—*Малая сторона*, на лѣвомъ берегу Молдавы, древнѣйшая часть города, и наконецъ *Градшинъ*, также на лѣвомъ берегу Молдавы, самая малая, но самая лучшая часть города. Это рядъ великолѣпныхъ дворцовъ, древнихъ церквей готической архитектуры и многочисленныхъ изящныхъ построекъ новѣйшей архитектуры. Особенную физіономію древности придаютъ Прагѣ множество башенъ, возвышающихся надъ массой домовъ по обѣ стороны рѣки Молдавы. На нашей картинкѣ представлена одна изъ красивѣйшихъ башенъ съ украшеніями позднѣйшаго готическаго стиля. Постройка ея относится къ XV-му столѣтію, когда *Старый городъ* отдѣлялся стѣной отъ *Новаго города*. Теперь она называется «Пороховой башней», а прежде служила городскими воротами для проѣзда изъ Стараго города въ Новый. Во время революціи 1848 г. эта часть города была свидѣтельницей многихъ кровавыхъ сценъ; новый и старый городъ въ продолженіи двухъ дней обстрѣливался королевскими войсками подъ начальствомъ князя Виндишгреца. Недалеко отъ Пороховой башни, по Цельтнергассе, ведущей отъ башни къ большому рингу, въ бывшей Главной командѣ, теперешнемъ зданіи гражданскаго суда, въ началѣ возстанія, 12-го іюня 1848 года, во второмъ окошкѣ перваго этажа, была убита инсургентской пулей княгиня Виндишгрецъ, сестра сдѣлавшагося впослѣдствіи министромъ-президентомъ Феликса Шварценберга.

Любимый романсъ.

Смерть, похищая у насъ любимое существо, не можетъ совсѣмъ отнять его, оторвать отъ нашего сердца. Оно остается жить въ воспоминаніяхъ. Тамъ, гдѣ сидитъ теперь ребенокъ, сиживала *она*, извлекая изъ инструмента чудные звуки любви и радости. Душа ея уносилась на крыльяхъ музыки въ міръ полный грезъ и чудныхъ образовъ, а когда она пѣла свой любимый романсъ, всѣ мелочи жизни для нея исчезали. Любимымъ ея романсомъ была одна изъ тѣхъ пѣсень Шуберта, которыя навѣваютъ на васъ ароматъ цвѣтовъ, и вы слышите тогда плачущаго горячими слезами. Въ тихіе часы счастія, когда губы ея были слишкомъ слабы, чтобы выразить любимому мужу все, что сердце чувствуетъ къ нему, она ударяла по клавишамъ и заставляла говорить за себя любимаго ею композитора.

И мужъ внималъ этимъ звукамъ, какъ внимаетъ имъ и теперь. Но теперь, за фортепьяно, сидитъ не жена, а дочь, живой портретъ умершей. Вѣрная подруга спитъ въ могилѣ, оставивъ ему частичку себя въ лицѣ ихъ ребенка. Авторъ выставленной нами картины задумалъ изобразить, какія именно чувства волнуютъ овдовѣвшаго отца въ то время, когда онъ слушаетъ игру ребенка. Дочь хочетъ быть для отца всѣмъ, она заботится о немъ, старается угадать малѣйшее его желаніе; когда же она видитъ, что имъ начинаетъ овладѣвать отчаяніе, то, какъ лучшее средство утѣшенія, беретъ ноты и начинаетъ играть любимую пьесу покойной.

Нѣжная мелодія дѣйствуетъ на больную душу, и вотъ тяжелое, невыносимое горе мало по малу переходитъ въ тихую грусть. Ему кажется, что онъ видитъ передъ собой дорогую жену, былые дни счастья начинаютъ проходить передъ нимъ тихой вереницей, и онъ успокоивается. Жизнь опять пріобрѣтаетъ для него значеніе и интересъ; вѣдь у него есть дочь, онъ долженъ жить для нея, чтобы исполнить завѣщаніе той, которую онъ такъ нѣжно любилъ.

Библиотека "Руниверс"

Политическое обозрѣніе.

Въ прошломъ нашемъ обозрѣніи мы остановились на томъ, что, послѣ неудачныхъ попытокъ вступить съ вождями инсургентовъ въ переговоры, консулы иностранныхъ державъ должны были разочароваться въ своихъ надеждахъ и отправились ный путь для новыхъ своихъ подкрѣпленій или для подвозимаго провіанта войскамъ, расположеннымъ внутри страны. Теперь обозначилось уже съ достаточною ясностью, что на театрѣ военныхъ дѣйствій, собственно въ Герцеговинѣ) дѣйствуютъ

Пороховая башня въ Прагѣ. Съ фотографіи рѣзалъ Левицкій.

во-свояси. Съ тѣхъ поръ обстоятельства борьбы мало измѣнились: инсургенты, скрываясь въ неприступныхъ горныхъ мѣстностяхъ, производятъ внезапные набѣги на турецкіе отряды, расположенные въ долинахъ, захватываютъ плѣнныхъ, провіантъ, обозъ и оружіе и скрываются въ горы, гдѣ ждутъ новой стычки и новыхъ трофеевъ. Турки, вслѣдствіе этого, принуждены изъ наступательной войны перейти въ оборонительную и если нападаютъ, то только для того, чтобы проложить безопас-

три группы инсургентовъ: первую группу образуетъ возставшая мѣстность къ сѣверу отъ Столаца и Невесинья; здѣсь турки безчинствуютъ, не встрѣчая сколько-нибудь значительнаго сопротивленія со стороны инсургентовъ, стѣсненныхъ своими семействами и имуществомъ. Вторая группа, довольно значительная и вліятельная, занимаетъ южную часть Герцеговины, въ окрестностяхъ Требинья, поближе къ Черногоріи. Вождемъ этой группы считается знаменитый Любибратичъ, самая популярная

Библиотека "Руниверс"

Любимый романсъ. Рис. Греглеръ, грав. на деревѣ, А. Руффъ.

Библиотека "Руниверс"

въ настоящее время между инсургентами личность. Подъ начальствомъ его состоитъ болѣе 1.000 человѣкъ отборнаго войска, преимущественно герцеговинцевъ и черногорцевъ; въ отрядѣ этомъ дѣйствуетъ и гроза мусульманъ, именемъ котораго они даже пугаютъ своихъ дѣтей, «юнакъ» (герой) Пейко Павловичъ, родомъ черногорецъ. Наконецъ, третью группу, самую многочисленную и сильную, составляетъ мѣстность у самой Черногоріи, протягивающаяся узкою полосой почти до границъ Сербіи. Здѣсь фигурируютъ Лазарь Сочица, Вуле Ходжичъ и попъ Жарко. Благопріятными возстанію условіями служатъ: близость Черногоріи и Сербіи, многочисленность инсургентовъ (до 16 тыс. человѣкъ), свобода дѣйствія, не стѣсненная семействами и имуществомъ, которыхъ успѣли перевести въ Черногорію и Сербію, и, наконецъ, выгодное положеніе мѣстности въ соединеніи съ способомъ войны. О предводителяхъ инсургентовъ мы можемъ, на основаніи газетныхъ извѣстій и отзывовъ очевидцевъ, сообщить слѣдующее: *Мичо Любибратичъ*, начальникъ отряда, дѣйствующаго вокругъ Требинья и имѣющаго, какъ видно по всему, цѣлью—препятствовать подвозу провіанта и доставкѣ подкрѣпленій туркамъ, получающимъ ихъ черезъ Клэкъ (см. № 38 «Нивы»),—личность весьма замѣчательная: это человѣкъ высокаго роста, статный, красивый и не безъ образованія; онъ свободно изъясняется на языкахъ сербскомъ, французскомъ и итальянскомъ; обращается съ своими подчиненными по братски, охотно раздѣляя съ ними всю горечь ихъ положенія; человѣкъ гуманный и замѣчательнаго ума. Совершенную противоположность ему въ отношеніи образованія и гуманности представляетъ *Пейко Павловичъ*. Ему около 50 лѣтъ. Длинное лицо его, съ орлинымъ носомъ и необыкновенно проницательными черными глазами, чрезвычайно типично. Онъ когда-то служилъ тѣлохранителемъ у черногорскаго князя Николая и участвовалъ почти во всѣхъ стычкахъ съ турками во время возстанія въ 1860, 1861 и 1862 годахъ. Ненависть его къ туркамъ и любовь къ родинѣ не имѣютъ предѣловъ. Это вполнѣ закаленная, боевая натура. Вождемъ всего движенія считается *Богданъ Зимоничъ*, изъ весьма уважаемой популярной въ Герцеговинѣ фамиліи. Зимоничъ предводительствовалъ отрядомъ въ 1862 году. Ему около 56 лѣтъ, «онъ крѣпокъ и силенъ, высокъ ростомъ и хорошо сложенъ; носитъ черные и длинные волоса: сѣдина тронула только его длинную густую бороду. Держитъ себя очень скромно, но охотно говоритъ, только, къ сожалѣнію, слишкомъ тихо, такъ что надо внимательно слушать, чтобы его понять. Эта привычка, вѣроятно, осталась отъ чтенія молитвъ». Попъ Богданъ - замѣчательный пѣвецъ, и игра его «узъ гусле» (родъ скрипки изъ яворового дерева) пользуется между сербами заслуженною извѣстностью. Народъ его горячо любитъ; онъ знаетъ, что за него попъ Богданъ много вытерпѣлъ, за него онъ шелъ въ цѣпяхъ въ турецкія темницы. Таковы геройскія, истинно народныя личности, вставшія во главѣ несчастной райи для защиты ея жизни, собственности, вѣры и чести! И народъ сербскій идетъ за ними, перенося невѣроятныя лишенія: холодъ, голодъ, безпріютное скитаніе по горамъ, вдали отъ близкихъ сердцу, идетъ иногда на вѣрную смерть за дѣло своей несчастной родины!.. Идетъ съ оружіемъ съ рукахъ, чтобы «заявить цивилизованному міру, что вся Европа покрываетъ себя позоромъ, дозволяя турецкому варварству порабощать себѣ несчастный герцеговинскій народъ и насильно держать его въ невѣжествѣ». «Мы не хотимъ жить подъ турецкимъ кнутомъ, — заявляютъ инсургенты въ докладной запискѣ, поданной ими консульской международной коммиссіи, — мы люди, а не скотъ Если вы не хотите помочь намъ, то не можете и принуждать насъ сдѣлаться опять рабами. Турецкимъ обѣщаніямъ мы болѣе не вѣримъ; что-же касается посредничества, которое вы намъ предлагаете, то мы уже убѣдились, что турки имѣютъ къ нему не болѣе уваженія, какъ къ бобовому стручку. Мы желаемъ свободы, настоящей, полной свободы. Живыми мы не отдадимся въ руки турокъ». Но, должно-быть, несовсѣмъ легко приходится и туркамъ, если правительство ихъ рѣшилось, наконецъ, уступить совѣтамъ великихъ европейскихъ державъ и приступило къ новымъ радикальнымъ преобразованіямъ въ возставшихъ провинціяхъ. 3-го октября по нов. стилю, обнародованъ въ Константинополѣ султанскій манифестъ, вводящій значительныя реформы во внутреннюю жизнь Оттоманской имперіи. Провинціямъ ея, въ томъ числѣ, значитъ, и Босніи съ Герцеговиной, даруются представительныя учрежденія, въ которыхъ выборные люди будутъ обсуждать мѣстныя пользы и нужды. Совѣты эти, въ свою очередь, избираютъ депутатовъ въ центральное представительное собраніе, турецкій парламентъ. Предпринятъ нѣкоторыя реформы и въ системѣ взиманія налоговъ, какъ напр. отмѣна добавочныхъ сборовъ къ десятинѣ, сложены недоимки по 1-е марта 1873 года. Турецкому генералу Серверу-пашѣ предписано немедленно приступить къ введенію этихъ реформъ въ Босніи и Герцеговинѣ. И такъ, инсургенты добились одного—*желанія* Порты облегчить участь несчастныхъ райевъ; теперь имъ остается желать *осуществленія* этой завѣтной и совершенно законной мечты своей... Но для достиженія ея — необходимы не только *обѣщанія* Порты, но и гарантіи, *ручательства* со стороны иностранныхъ державъ, желающихъ сохраненія европейскаго мира и временной поддержки «больнаго человѣка». А это-то пока мы и не видимъ. Впрочемъ, слѣдуя французской пословицѣ, отчаяваться никакъ не слѣдуетъ: nous vivrons—verrons!

Смѣсь.

Молодая герцеговинка у водопоя. Помѣщенный въ настоящемъ № «Нивы» снимокъ съ картины г. М. І. Чермака, подъ вышеприведеннымъ названіемъ, не требуетъ особеннаго описанія. Вы видите молодую стройную дѣвушку, которая привела къ водопою пару славныхъ коней. Ея прекрасное задумчивое лицо, большіе черные глаза, устремленные вдаль, выражаютъ далеко не веселое настроеніе души. Правда, есть о чемъ призадуматься ей!... «Гдѣ-то теперь отецъ?.. Живъ ли братъ?.. А милый женихъ?..» Можетъ быть, съ любимымъ человѣкомъ она навсегда простилась... Пошелъ онъ туда, гдѣ пули посвистываютъ, гдѣ тяжелыя ядра прыгаютъ, гдѣ свѣжей кровью пахнетъ.. Вернется-ли онъ?.. Можетъ быть, онъ уже раненъ... Жажда мучитъ его а помочь нѣкому... Товарищи не выдержали натиска турокъ, убѣжали въ горы, не успѣвъ взять съ собою раненыхъ. Что-же будетъ съ нимъ?.. Молодая дѣвушка вздрагиваетъ и судорожно сжимаетъ въ рукѣ прядь бѣлой гривы статнаго коня.

Новая пушка-великанъ. Англіи, такъ заботящаяся о сохраненіи мира, не прочь однако заводить у себя такія штучки, которыя вовсе не отличаются мирнымъ характеромъ. Въ настоящее время Джонъ Буль обладаетъ громаднѣйшимъ артиллерійскимъ орудіемъ во всемъ свѣтѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вульвичская пушка, вѣсомъ въ 35 тоннъ, считалась въ Европѣ *царь-пушкой*, но теперь изъ мастерскихъ вульвичскаго арсенала вышло орудіе, вѣсящее 81 тон., т. е. 1620 центнеровъ. Чудовище это стоитъ 8,000 ф. ст., а стоимость каждаго выстрѣла равняется 20—25 ф. ст. Дуло этой пушки имѣетъ 24 фут. длины, вся же длина ея почти 27 ф. Общій вѣсъ заряда 1650 ф., изъ этого числа на порохъ идетъ 300 ф. Первые выстрѣлы обошлись безъ несчастныхъ случаевъ, хотя думали, что безъ бѣды тутъ не обойдется. Выстрѣлъ изъ этого чудовищнаго орудія можетъ пробить броню въ 20 дюймовъ, на разстояніи одной англійской мили. Для того, чтобъ зарядить эту новую «царь-пушку» требуются усилія дюжины артиллеристовъ.

Интересное открытіе. На одномъ изъ островковъ р. Миссисипи сдѣлано недавно открытіе, указывающее на то обстоятельство, что туземнымъ американскимъ племенамъ была извѣстна механическая хирургія, и они употребляли костыли и носили деревянныя ноги, когда лишались настоящихъ. Въ одной изъ тамошнихъ подземныхъ пещеръ, существующихъ по крайней мѣрѣ уже *тысячу лѣтъ*, въ числѣ многихъ любопытныхъ предметовъ былъ найденъ громадныхъ размѣровъ человѣческій черепъ, почернѣвшій отъ времени, но такой гладкій и блестящій, какъ полированный. Тутъ же лежалъ скелетъ какого-то великана, почти гиганта, съ деревянною ногою, прикрѣпленною къ колѣнному сочлененію посредствомъ бронзовыхъ пряжекъ. Открытіе это представляетъ весьма важный интересъ въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, что въ самыя древнія времена люди умѣли уже замѣнять природные члены, въ случаѣ потери ихъ, искуственными, а также, что древнимъ обитателямъ Америки была извѣстна бронза.

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

— По всеподданнѣйшему докладу Управлявшаго Министерствомъ Финансовъ о принятіи Россіею участія въ предположенной на 1876 годъ международной выставкѣ въ Филадельфіи, Высочайше повелѣно, 22-го сентября сего года, для необходимыхъ по сему предмету распоряженій, учредить особую, при Министерствѣ Финансовъ, по департаменту торговли и мануфактуръ, коммисію.

Предсѣдателемъ коммисіи назначенъ ди-

Библиотека "Руниверс"

ректоръ сего департамента, тайный совѣтникъ Бутовскій, а членами: управляющій канцеляріею Министра Финансовъ, тайный совѣтникъ Кобеко; вице-директоръ департамента торговли и мануфактуръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ермаковъ; директоръ технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вышнеградскій; чиновникъ особыхъ порученій департамента торговли и мануфактуръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣльскій; начальникъ отдѣленія того же департамента, дѣйствительный статскій совѣтникъ Подобѣдовъ; профессоръ технологическаго института, статскій совѣтникъ Ильинъ; чиновникъ особыхъ порученій Министерства Финансовъ, статскій совѣтникъ Беръ и начальникъ отдѣленія департамента торговли и мануфактуръ, коллежскій совѣтникъ Тимирязевъ; управленіе же дѣлами возложено на члена ея, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бѣльскаго, который назначенъ также генеральнымъ коммисаромъ русскаго отдѣла международной выставки въ Филадельфіи.

Приступивъ къ исполненію возложенныхъ на нее обязанностей, коммисія имѣетъ честь пригласить тѣхъ изъ нашихъ промышленниковъ и торговцевъ, а равно и вѣдомства, которые пожелали бы принять участіе въ филадельфійской выставкѣ, обращаться нынѣ же съ своими заявленіями, а также для полученія нужныхъ свѣдѣній по адресу коммисіи: въ департаментъ торговли и мануфактуръ. О дальнѣйшихъ распоряженіяхъ, какія послѣдуютъ по сему предмету, доведено будетъ до всеобщаго свѣдѣнія чрезъ публикацію въ вѣдомостяхъ.

— По поводу возникшей въ минувшемъ году переписки объ установленіи съ нашей стороны порядка сообщенія германскимъ властямъ свѣдѣній о случаяхъ появленія и о ходѣ чумной эпизоотіи въ пограничныхъ мѣстностяхъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какія уже приняты Россіею относительно Австро-Венгріи (основанія эти изложены въ заявленіи медицинскаго департамента, напечатанномъ въ № 272 „Правительственнаго Вѣстника“ за 1874 годъ), Министерство Иностранныхъ Дѣлъ отозвалось, что со стороны германскаго правительства къ установленію сказаннаго порядка не встрѣчено препятствія. Вслѣдствіе сего Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ сдѣланы надлежащія распоряженія о непремѣнномъ выполненіи означеннаго порядка подлежащими мѣстами и лицами въ губерніяхъ нашихъ, пограничныхъ съ Германіею.

Дѣла церкви.

— Въ „Церковно-Общественный Вѣстникъ» пишутъ, что въ настоящемъ году тульскій архіепископъ Никандръ издалъ по вѣдомству своего управленія довольно характеристическое распоряженіе. Распоряженіемъ этимъ вмѣняется мѣстнымъ благочиннымъ въ обязанность отобрать отъ всѣхъ тульскихъ священно-церковно-служителей подписки въ невзиманіи имъ впредь отъ прихожанъ срамныхъ и унизительныхъ для духовенства приносовъ водки и вина при совершеніи таинствъ крещенія и брака, а также и при другихъ церковныхъ требоисправленіяхъ, при которыхъ введено невѣжественнымъ образомъ приносить въ даръ священно-церковно-служителямъ хмѣльные напитки. Преосвященный затѣмъ предваряетъ священно-церковно-служителей, что замѣченные изъ нихъ въ принятіи этихъ позорящихъ духовенство приносовъ будутъ подвергаемы строгимъ наказаніямъ, благочиннымъ же внушаетъ внимательно слѣдить за прекращеніемъ нелѣпаго обычая.

Народное просвѣщеніе.

— Московская городская дума, въ ознаменованіе радостнаго событія—рожденія его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Владиміровича, положила учредить въ московскихъ мужскихъ гимназіяхъ двадцать пять стипендій, съ исходатайствованіемъ присвоенія имъ Имени Его Высочества.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу, Высочайше соизволилъ на удовлетвореніе означеннаго ходатайства и повелѣлъ благодарить московскую городскую думу.

— 30-го минувшаго августа, въ высокоторжественный день тезоименитства Государя Императора, въ городѣ Вытегрѣ открыта учительская семинарія, учрежденная по ходатайству и на средства земства Олонецкой губерніи, съ пособіемъ отъ правительства.

Военное дѣло.

— Изъ отряда, дѣйствующаго въ Коканскомъ ханствѣ, получены «Русск. Инвалидомъ» слѣдующія извѣстія: «Главный предводитель коканскихъ скопищъ, Абдуррахманъ-Автобачи, пытался снова дать русскимъ отпоръ, собравъ скопище въ десять тысячъ человѣкъ у Маргилана. По полученіи объ этомъ свѣдѣнія, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й выступилъ съ отрядомъ изъ Кокана къ Маргилану. Но Автобачи не принялъ боя и началъ уходить. Тогда преслѣдованіе непріятеля поручено было начальнику кавалеріи отряда, флигель-адъютанту Его Величества, полковнику генеральнаго штаба Скобелеву.

9-го сентября казаки настигли партію Автобачи, уменьшившуюся до пяти тысячъ, разбили ее и разогнали, такъ что скопище уменьшилось до четырехсотъ человѣкъ, которыхъ полковникъ Скобелевъ и продолжалъ гнать по пути. При преслѣдованіи, казаками подобраны три брошенныя орудія. Затѣмъ отступленіе партіи Автобачи превратилось въ бѣгство, и черезъ Карасу Автобачи проскакалъ всего со ста джигитами. Казаки наши, дойдя до г. Уша, остановили погоню. Автобачи успѣлъ скрыться съ оставшимися при немъ пятью человѣками. 13-го сентября, кавалерія возвратилась въ Маргиланъ. Главный нашъ отрядъ оставался у этого города. Со всѣхъ сторонъ въ лагерь нашъ у Маргилана стекаются депутаціи отъ мѣстныхъ жителей съ просьбою о помилованіи и съ заявленіями о покорности.

Желѣзныя дороги.

— По словамъ «Вѣстника желѣзныхъ дорогъ и пароходства“, директоръ николаевской желѣзной дороги входилъ съ слѣдующимъ представленіемъ въ совѣтъ управленія главнаго общества: большой трудъ, выпадающій на долю машинистовъ николаевской желѣзной дороги, требуетъ непремѣнно, чтобъ эти люди всегда были съ свѣжими силами, а потому слѣдовало бы машинистовъ преклонныхъ лѣтъ и вообще дряхлыхъ увольнять отъ службы. Но такъ какъ пенсіонной кассы нѣтъ, а единовременное пособіе не можетъ обезпечить существованіе уволенныхъ, то И. Ѳ. Кенигъ считаетъ справедливымъ назначать заслуженныхъ престарѣлыхъ паровозныхъ машинистовъ машинистами водоподъемныхъ машинъ съ сохраненіемъ имъ прежняго жалованья по классу. Въ настоящее время, на николаевской дорогѣ находится 18 престарѣлыхъ машинистовъ, которымъ, по мнѣнію директора дороги, довѣрять веденіе поѣздовъ небезопасно. Совѣтъ вполнѣ согласился съ этимъ представленіемъ, постановивъ, чтобъ мѣра эта была примѣняема къ лицамъ старѣе 60-ти лѣтъ и прослужившимъ не менѣе 15-ти лѣтъ машинистами.

Сельское хозяйство и промышленность.

— Въ кустарномъ отдѣлѣ сельско-хозяйственной выставки въ Одессѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ ковры и различныя ткани, по преимуществу льняныя, приготовляемыя въ Бѣляевкѣ, Граденицахъ, Яссахъ, Троицкомъ, въ Большомъ и Маломъ Буялыкѣ и въ нѣкоторыхъ болгарскихъ колоніяхъ. Судя по большому числу разнообразныхъ экземпляровъ коврового производства, его должно считать значительно развитымъ въ Одесскомъ уѣздѣ. Что касается льняныхъ тканей, то онѣ легки, прочны и снабжены весьма изящнымъ рисункомъ; производятся эти ткани въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ и ковры, и кромѣ того въ селѣ Кубанкѣ. Изъ этихъ тканей приготовляются пояса, фартухи, и т. д. Но особеннаго вниманія, по сложности и изяществу рисунка и по достоинству ткани, заслуживаетъ родъ полотенца съ бахрамой, употребляемый въ болгарскихъ колоніяхъ какъ головной уборъ и называемый „нафрама“. Изъ другихъ предметовъ, выставленныхъ въ кустарномъ отдѣлѣ, обращаютъ на себя вниманіе деревянныя пилы (карполои), приготовляемыя въ колоніи Зельцъ, Одесскаго уѣзда. По отзывамъ людей, употреблявшихъ эти карполои въ дѣло, онѣ удовлетворительны по прочности и дешевизнѣ. Ихъ приготовляется ежегодно до 30,000 штукъ, изъ которыхъ 5.000 штукъ идетъ въ Крымъ. Предметы кустарнаго производства окружены на выставкѣ цвѣтами и деревьями, между которыми обращаетъ на себя вниманіе Eucalyptus globula, который, какъ извѣстно, даетъ суррогатъ хинина и можетъ быть разводимъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на югѣ Россіи.

— 19-го сентября эксперты сельско-хозяйственной выставки въ Одессѣ присудили, какъ сообщается въ «Одесскомъ Вѣстникѣ“, награды экспонентамъ разныхъ отдѣловъ, за исключеніемъ кустарнаго, экспонентамъ котораго награды будутъ присуждаться позже. При опредѣленіи наградъ коммисія экспертовъ руководствовалась тѣмъ, чтобъ выдавать награды преимущественно за предметы, имѣющіе наиболѣе близкое отношеніе къ мѣстному сельскому хозяйству.

— Изъ Ананьевскаго уѣзда сообщаютъ въ «Одесск. Вѣсти.» о необыкновеннымъ урожаѣ проса: на клѣткѣ (10 десятинъ) становится отъ 150 до 200 копенъ и каждая копна даетъ болѣе четверти проса. Урожай кукурузы тоже изобильный.

— Пишутъ также, что въ весьма многихъ мѣстностяхъ на югѣ Россіи, въ особенности по р. Бугу, косили въ другой разъ траву. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ косари отказывались работать, такъ какъ отъ необыкновенной густоты и тучности травы ломались слишкомъ часто косы, отчего работа являлась убыточною, не говоря уже о ея медленности.

Земская хроника.

— Въ засѣданіи одесскаго уѣзднаго земскаго собранія, 19-го сентября, собраніе, большинствомъ голосовъ ассигновало 60,000 рублей на продовольствіе и обсѣмененіе полей жителямъ Одесскаго уѣзда, пострадавшимъ отъ неурожая нынѣшняго года.

— XI-е очередное Васильское уѣздное, Нижегородской губерніи, земское собраніе, въ засѣданіи 4-го минувшаго сентября постановило: существующую въ с. Спасскомъ лѣчебницу, открытую въ видѣ опыта по постановленію IX очереднаго васильскаго земскаго собранія, какъ несоотвѣтствующую своему назначенію, упразднить. Изъ доклада уѣздной управы, послужившаго основаніемъ этому постановленію земскаго собранія, видно, что въ названной лѣчебницѣ въ теченіе года, съ 1-го сентября 1874 по 1-е сентября 1875 года, находилось всего 56 больныхъ, бывшихъ на излѣченіи въ сложности 305 дней. Содержаніе лѣчебницы стоило въ годъ: на квартиру, отопленіе, освѣщеніе, продовольствіе больныхъ и проч —254 р. 29 к.; такимъ образомъ содержаніе каждаго больнаго обходилось земству въ сутки 83½ коп.

Археологія.

— Въ іюлѣ сего года поступило въ церковно-археологическій музей при кіевской академіи замѣчательное собраніе иконъ, принадлежавшее московскому гражданину А. Е. Сорокину: всего 192 иконы, въ томъ чи-

Библиотека "Руниверс"

слѣ девять иконъ XV вѣка; наибольшая жъ часть принадлежитъ XVII вѣку.

— Профессоръ Павинскій, занимающійся археологическими изысканіями, открылъ въ послѣднее время въ деревнѣ Камоцинокъ, Петроковскаго уѣзда, любопытное въ археологическомъ отношеніи языческое кладбище. По мнѣнію профессора, найденные имъ на кладбищѣ человѣческіе скелеты и при нихъ хорошо кованныя желѣзныя вещи, относятся къ тому времени, когда въ здѣшнемъ краѣ желѣзо вошло во всеобщее употребленіе, слѣдовательно къ VIII, IX, а быть можетъ и X вѣку.

Новыя книги.

Изданія Летучей библіотеки:

Чѣмъ бы заняться? Изъ жизни американскихъ женщинъ. Повѣсть. I. Олькотъ, извѣстной американской писательницы. Цѣна 25 коп.

Ледовитое море. Повѣсть Уилки Коллинза. Ц. 25 к.

Духъ Джона Джаго или живой мертвецъ. Разсказъ того же автора. Ц. 20 к.

Спиритизмъ. Міръ духовъ или жизнь послѣ смерти, соч. Одуаръ (съ французскаго). Изданіе Эммы А. Ц. 1 р. 50 к.

Записки по методикѣ русскаго языка, составленныя для учительскихъ семинарій, учительскихъ институтовъ и для учителей народныхъ школъ преподавателемъ Черниговской земской учительской семинаріи П. Н. Солонинною. *Отдѣлъ I-й. Методика обученія грамотѣ.* Ц. 50 к.—1875 г.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Въ отвѣтъ на разныя письма, гдѣ требуется иногородными подписчиками упакоика №№ «Нивы» въ глухихъ конвертахъ, мы еще разъ отвѣтимъ, что по почтовымъ правиламъ, Почтамтъ нумеровъ въ такихъ конвертахъ не принимаетъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Во избѣжаніе недоразумѣнія симъ объявляемъ гг. подписчикамъ, которые подписывались *только* на *послѣднее* полугодіе или треть года, что имъ обѣ преміи не будутъ разосланы. Право на полученіе этихъ двухъ эстамповъ имѣютъ только тѣ подписчики, которые получали и получаютъ „Ниву" за весь 1875 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Бессарабскіе цыгане (съ рисункомъ).—Кто выигралъ?.. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха (продолженіе).—Чудесное лѣкарство.—Заячья охота (съ рисункомъ).—Пороховая башня въ Прагѣ (съ рисункомъ).—Любимый романсъ (съ рисункомъ).—Смѣсь съ рисункомъ).—Разныя извѣстія.—Почтовый ящикъ.—Отъ редакціи.

За Редактора
Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ,

№ 12. Невскій проспектъ, напротивъ Малой Морской. № 12.

Покупаетъ и продаетъ по биржевой цѣнѣ всякаго рода процентныя бумаги, акціи, золото, серебро и иностранныя монеты.

Принимаетъ порученія на покупку и продажу таковыхъ на здѣшней и иностранныхъ биржахъ, взимая за то 1/8% комиссіи.

Выдаетъ ссуды въ возможно-высокомъ размѣрѣ, подъ залогъ процентныхъ бумагъ и билетовъ 5% съ выигрышами займовъ на срокъ отъ 1-го до 12 мѣсяцевъ.

Уплата ссудъ можетъ производиться или разомъ или ежемѣсячными взносами.

Заложенныя въ другихъ банковыхъ учрежденіяхъ бумаги могутъ быть выкупаемы конторою и перезакладываемы у нея съ увеличеніемъ ссуды.

Заемщики изъ провинціи могутъ высылать бумаги по почтѣ на имя конторы, и контора немедленно высылаетъ деньги и залоговое обязательство по указанному адресу.

Контора принимаетъ денежные вклады и платитъ за деньги внесенныя:

на текущій счетъ 6%
на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ 7%
на срокъ не менѣе 6-ти и до 12-ти мѣсяцевъ. 8%

Расчетъ процентовъ по текущему счету производится 4 разъ въ годъ, а именно: 1-го Января, 1-го Апрѣля, 1-го Іюля, и 1-го Октября, за вклады же на срокъ проценты уплачиваются впередъ.

Капиталъ, отданный конторѣ на извѣстный срокъ, можетъ быть, по желанію вкладчика возвращенъ и до истеченія срока черезъ 8 дней по заявленіи и за вычетомъ процентовъ въ размѣрѣ 3-хъ годовыхъ выше платимыхъ конторою процентовъ при вкладѣ.

Для членовъ, имѣющихъ деньги въ конторѣ на текущемъ счету послѣдняя исполняетъ всѣ биржевыя операціи, не взимая за то коммисіи.

Вкладчики изъ провинціи, желающіе внести деньги на текущій счетъ могутъ присылать по почтѣ и имъ высылается тотчасъ надлежащее свидѣтельство.

Контора страхуетъ отъ тиражей погашенія билеты обоихъ внутреннихъ 5% съ выигрышами займовъ по 40 копѣекъ за билетъ, для иногородныхъ по 50 коп.

Продаетъ билеты 5% съ выигрышами займовъ съ разсрочкою платежа по 10 рублей и болѣе въ мѣсяцъ,

причемъ, могущій упасть, со времени полученія конторою задатка, на купленный билетъ, выигрышъ принадлежитъ покупателю.

Издавна уже контора высказывала мнѣніе, что билетамъ выигрышныхъ займовъ предстоитъ постепенное повышеніе цѣны по той простой причинѣ, что этихъ билетовъ становится въ обращеніе менѣе и менѣе и, дѣйствительно, хотя биржевой спекуляціи и удавалось, отъ времени до времени, понижать курсъ билетовъ, цѣна ихъ всякій разъ, все скоро опять поднималась, вслѣдствіе все болѣе и болѣе усиливающагося спроса на нихъ. На этомъ основаніи должно заключить, что этой, единственной въ Россіи выигрышной бумагѣ предстоитъ блистательная будущность, и что, не смотря на мгновенныя колебанія цѣнъ ея на биржѣ, каждому желающему запастись выигрышными билетами, выгодно и удобно воспользоваться предлагаемымъ конторою, легко доступнымъ способомъ пріобрѣтенія.

Порученія изъ провинціи исполняются безотлагательно.

Лица, желающія состоять агентами конторы въ провинціи, могутъ заявить о томъ конторѣ съ указаніемъ, гдѣ можно справиться объ ихъ благонадежности.

10—1

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—21

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Карлъ **Баухъ.**

Принимаетъ больныхъ ежедневно, отъ 10 час. до 3 часовъ. Пломбированіе, вставленіе зубовъ и цѣлыхъ челюстей по самой новѣйшей американской методѣ.

С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9. 6—2

Édition de Goupil & Cº. á Paris.

Les Salons de 1872, 1873, et 1874.

Édition grand in-folio Un Album par Salon, contenant chacun 70 Photographies. Prix de chaque Salon, demi-reliure, maroquin rouge, 400 fr.

Édition petit in-folio. Deux Albums par Salon, contenant ensemble 100 Photographies. Prix de chaque Salon, demi-reliure, maroquin rouge, 150 fr. 2—2

Édition de Goupil & Cº. à Paris.

Oeuvres choisies de Fortuny: Reproduites en Photographies. Un Album grand in folio: comprenant 50 Planches.

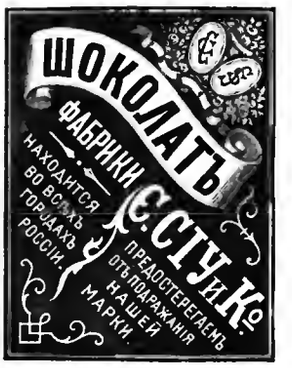
Prix de l'album en portfeuille	300 fr.
Prix de chaque planche séparée	6 fr.
Reliure marocain du levant, tranches dorées.	140 fr.
Reliure parchemin, tranches rouges . .	50 »
Demi-reliure, dos et coins marocain . .	50 »

2—2

Изъ бумаги.

Воротники отъ 15 коп дюжина
Манжеты „ 40 „ дюжина паръ
Манишки „ 25 „ дюжина

Въ Депо Американскаго бумажнаго бѣлья въ магазинѣ „Городъ Нюрнбергъ" въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, въ Москвѣ. Высылаютъ поданной мѣркѣ по почтѣ.



45—13

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 10 Октября 1875 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морская, д. № 9. Тип. Вольфа, Англ. пр. № 10.

Библиотека Гумизерс

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 43 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 27 Октября 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.

При этомъ № особо высылаются въ картонныхъ футлярахъ нашимъ подписчикамъ

ОБѢ ПРЕМІИ ЗА 1875 ГОДЪ:

1) **СМЕРТЬ ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ, КАРТИНА ПРОФ. ПИЛОТИ.** Гравюра отпечатана на лучшей бристольской альбомной бумагѣ. Величина ея: въ длину 21¼ вершковъ, въ ширину 15¼ верш.

2) **МАДОНА СЕВИЛЬСКАЯ, КАРТИНА СЕБАСТІАНА МУРИЛЬО.** Гравюра эта также отпечатана на великолѣпной бумагѣ. Она имѣетъ въ длину 17¾ верш., въ ширину 14½ верш.

Смѣло можемъ заявить, что такихъ премій ни одинъ журналъ въ Россіи не выдавалъ еще своимъ подписчикамъ. Если мы нашли возможнымъ изготовить и разослать эти двѣ гравюры, то единственно благодаря тому обстоятельству, что цифра подписчиковъ на „Ниву“ возросла въ текущемъ году до 17,500. Желая доставить имъ обѣ преміи неиспорченными перегибомъ вчетверо, мы употребили всѣ усилія для достиженія этой цѣли и исполнили теперь наше обѣщаніе, данное въ № 37. Преодолѣвъ множество трудностей, пожертвовавъ суммою свыше 8.000 рублей на пересылку этихъ премій посредствомъ новаго способа, а именно — въ крѣпкихъ цилиндрическихъ картонныхъ футлярахъ, мы надѣемся, что усилія наши увѣнчаются успѣхомъ при возобновленіи подписчиками „Нивы“ абонемента на 1876 годъ и пріобрѣтеніемъ новыхъ друзей нашему журналу. Для лицъ, не состоящихъ подписчиками нашего журнала, отдѣльная цѣна 2-хъ премій будетъ 4 рубля (т. е. столько же что стоитъ самый журналъ). Желающіе же пріобрѣсти полный экземпляръ „Нивы“ за 1875 годъ получатъ обѣ эти преміи даромъ, выславъ только пять руб. 50 коп.

Позволяемъ себѣ дать слѣдующій практическій совѣтъ тѣмъ, которые, быть можетъ, встрѣтятъ затрудненіе при извлеченіи гравюръ изъ футляра и захотятъ разрѣзать его, причемъ ножъ можетъ испортить верхнюю гравюру: для того, чтобы вынуть осторожно, не помять обѣ гравюры, находящіяся внутри футляра, свернутыя въ одну трубку и переложенныя листомъ шелковой бумаги, слѣдуетъ вложить указательный палецъ правой руки въ отверстіе футляра и затѣмъ навернуть свертокъ на палецъ, и тогда онъ легко и невредимо можетъ быть вынутъ.

Смерть Юлія Цезаря.

(Картина профессора Пилоти).

1-я премія подписчикамъ „Нивы“ на 1875 г.

Въ исторіи народовъ и государствъ являются блестящія личности, стоящія какъ бы на рубежѣ двухъ историческихъ эпохъ своей страны, т. е. какъ бы завершающія собою весь предшествовавшій періодъ развитія гражданской и общественной жизни и кладущія первый камень въ основаніе новаго порядка на вѣкъ грядущій. Таковъ именно былъ Цезарь, который впервые поколебалъ столпы всесвѣтной римской республики и заложилъ фундаментъ новой владычицы міра, римской имперіи.

Кай Юлій Цезарь, происходившій изъ древней патриціанской фамиліи, родился ровно за одно столѣтіе до Р. Х., въ 100 году; но великій историкъ Плутархъ начинаетъ жизнеописаніе его лишь съ перваго выдающагося событія, происшедшаго, впрочемъ, еще въ ранней молодости Цезаря и необыкновенно характеристичнаго.

Библиотека "Руниверс"

Въ то время полновластнымъ владыкою Рима былъ диктаторъ Сулла, прославившійся неистовыми преслѣдованіями и проскрипціями лучшихъ гражданъ. Самъ великій Помпей не осмѣлился противиться развестись съ своею женою и вступить въ бракъ съ падчерицей диктатора; въ угоду ему и Пизонъ развелся съ Анніей, вдовою Цинны, врага Суллы. Диктаторъ потребовалъ того же и отъ Цезаря, который былъ женатъ на Корнеліи, дочери Цинны. Но ни просьбы, ни угрозы не дѣйствовали на Цезаря; Сулла грозилъ даже смертію, конфисковалъ приданое Корнеліи,—Цезарь не послушался. Тогда Сулла сталъ серьёзно замышлять его погибель и въ отвѣтъ на ходатайство нѣсколькихъ друзей за такого *малаго ребенка*, сказалъ, что *они очень глупы, если не видятъ въ этомъ ребенкѣ нѣсколькихъ Маріевъ*.

Узнавъ объ этомъ, Цезарь бѣжалъ изъ Рима, скитался въ Сабинской области, а оттуда удалился въ Виѳинію къ царю Никомеду. Недолго пробывъ при дворѣ послѣдняго, онъ снова сѣлъ на корабль и близь острова Ѳармакузы попался въ плѣнъ морскимъ разбойникамъ, которые потребовали отъ него 20 талантовъ выкупа. Цезарь, смѣясь надъ тѣмъ, что они не знаютъ *что за человѣка* взяли въ плѣнъ, обѣщалъ имъ 50 талантовъ и послалъ своихъ людей по разнымъ городамъ за сборомъ этихъ денегъ, а самъ съ однимъ другомъ и двумя рабами жилъ посреди киликійскихъ пиратовъ, обращаясь съ этими кровожадными убійцами такъ надменно и презрительно, что всякій разъ ложась спать посылалъ имъ приказаніе не шумѣть. Онъ дѣлилъ ихъ тѣлесныя упражненія, шутилъ съ ними, смѣялся надъ ихъ невѣжествомъ и грубостью и часто грозилъ ихъ повѣсить, когда будетъ свободенъ. Очарованные его обходительностью, они принимали это въ шутку. Но какъ только выкупъ Цезаря прибылъ изъ Милета и онъ получилъ свободу,—тотчасъ же вооружилъ нѣсколько кораблей въ гавани острова Мелоса, ринулся на разбойниковъ, которыхъ нашелъ еще на якорной стоянкѣ у береговъ, полонилъ большую часть ихъ, вернулъ свой выкупъ и завладѣлъ всею ихъ добычей, а самихъ грабителей распялъ на крестѣ въ городѣ Пергамѣ, сдержавъ такимъ образомъ свое обѣщаніе.

Не смотря на то, что Сулла, по просьбамъ друзей, простилъ наконецъ Цезаря, тотъ все еще не хотѣлъ возвращаться въ Римъ и отправился на островъ Родосъ, гдѣ изучалъ краснорѣчіе подъ руководствомъ знаменитаго ритора Аполлонія Молона. Вернулся онъ въ столицу лишь по смерти диктатора и началъ политическое поприще защитою своихъ кліентовъ въ судѣ, приставъ къ демократической и оппозиціонной партіи. Его краснорѣчіе обратило всеобщее вниманіе именитыхъ гражданъ, а ласковый пріемъ всѣхъ и каждаго, необычайная вѣжливость и чарующее обращеніе сдѣлали его любимцемъ народа. Патрицій по рожденію, образованію и образу жизни, Цезарь въ совершенствѣ понималъ, что демагогія и начальство надъ войскомъ въ это время стали въ Римѣ единственнымъ средствомъ къ достиженію власти. Поэтому онъ не щадилъ никакихъ расходовъ и входилъ въ громадные долги, ведя открытую и расточительную жизнь ради пріобрѣтенія себѣ друзей, которыхъ у него было и безъ того множество. Одинъ Цицеронъ—и то про себя—подозрѣвалъ подъ этой личиной добродушія и распущенности громадные замыслы ненасытнаго честолюбія.

Первымъ знакомъ народнаго благоволенія къ Цезарю—была должность военнаго трибунала, которую онъ оспорилъ у Кая Попилія. Затѣмъ, потерявъ Корнелію, на погребеніи которой онъ позволилъ себѣ произнесть великолѣпную рѣчь, не взирая на крайне молодые годы умершей,—Цезарь въ 68 году до Р. Х. былъ назначенъ квесторомъ въ Лузитанію (Португалію); а три года спустя, вернувшись въ Римъ и женившись на Помпеѣ, онъ повелъ еще болѣе роскошную жизнь и задолжалъ 1300 талантовъ, но за то былъ сдѣланъ эдилемъ. Въ этой должности, онъ старался расположить къ себѣ народъ великолѣпными зрѣлищами съ 320 парами гладіаторовъ, давалъ пиры, исправилъ Аппіанскій путь и затмилъ блескомъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Между прочимъ онъ тайно внесъ въ капитолій изображеніе и трофеи Марія, вслѣдствіе чего вся партія приверженцевъ этого полководца открыто подняла голову, такъ какъ народъ поддержалъ Цезаря. Вскорѣ послѣ того умеръ Метеллъ, верховный жрецъ, и Цезарь сталъ добиваться этого сана противъ Изаврака и Катула, двухъ знаменитѣйшихъ гражданъ Рима. Первый изъ нихъ предлагалъ Цезарю громадную сумму отступнаго, но честолюбивый соискатель отвѣчалъ ему, что *займетъ еще больше и употребитъ эти деньги на одержаніе верха надъ нимъ*. Отправляясь на выборы, онъ обнялъ провожавшую его мать и сказалъ ей, что *она сегодня же увидитъ своего сына или верховнымъ жрецомъ, или изгнанникомъ изъ Рима*. Не смотря на сильное противодѣйствіе, онъ былъ избранъ въ должность верховнаго жреца, а вскорѣ затѣмъ сдѣланъ преторомъ.

Во время претерства Цезаря, молодой патрицій Публій Клодій, влюбясь въ жену его Помпею, преслѣдовалъ ее своею страстью и однажды въ женскомъ платьѣ пробрался въ ея домъ на церемонію какого-то тайнаго женскаго культа Доброй Богини (Bonae Deae), на которомъ могли присутствовать однѣ женщины. Въ числѣ ихъ была и Помпея, предсѣдательница торжества, какъ жена претора, въ домѣ котораго постоянно совершалась эта церемонія. Клодій, введенный туда рабыней, повѣренной его и Помпеи, былъ открытъ и узнанъ женщинами. На другой день все огласилось. Клодій былъ обвиненъ въ страшномъ кощунствѣ. Цезарь тотчасъ развелся съ женою, но въ Сенатѣ отозвался, что *ему ничего не извѣстно о поступкѣ Клодія*, и когда его спросили, почему-же онъ развелся—отвѣчалъ, что *на женѣ Цезаря не должно быть даже тѣни подозрѣнія*.

Нуждаясь въ великомъ полководцѣ Помпеѣ для своего успѣха, Цезарь принялъ участіе въ безпорядкахъ, возбужденныхъ въ интересахъ Помпея трибуномъ Метелломъ Непотомъ, и за это лишенъ былъ званія Претора. Народъ хотѣлъ силою возвратить утраченный санъ своему любимцу, но Цезарь былъ настолько благоразуменъ, что отказался отъ этой помощи, не желая навсегда вооружить противъ себя аристократію. За такое самоотверженіе Сенатъ принесъ ему публичную благодарность и возвратилъ преторство. Затѣмъ въ качествѣ пропретора, Цезарь назначенъ былъ въ Испанію; когда онъ съ войскомъ проходилъ какимъ-то гальскимъ городкомъ и кто-то изъ спутниковъ спросилъ его, неужели и въ этомъ городишкѣ, какъ въ Римѣ, идутъ споры за первенство, гордый честолюбецъ отвѣчалъ, что *онъ скорѣе согласился-бы стать первымъ въ этомъ городишкѣ, нежели вторымъ въ Римѣ*. Въ Испаніи онъ, подобно всей римской знати, воспользовался своимъ намѣстничествомъ для личнаго обогащенія, такъ что возвратясь въ слѣдующемъ году въ Римъ, заплатилъ всѣ свои долги. Ко времени пребыванія его въ Испаніи относится и приводимое Плутархомъ, знаменитое восклицаніе Цезаря: *не грустно-ли, что Александръ (Македонскій) въ мои года покорилъ уже столько царствъ, а я еще не совершилъ ни одного громкаго подвига*?! И вотъ, собравъ десять новыхъ когортъ въ придачу къ двадцати бывшимъ отрядамъ, онъ пошелъ на Калецийцевъ и Лузитанъ, разбилъ ихъ и достигъ океана, покоряя народы доселѣ неподвластные римлянамъ. Во внутреннихъ дѣлахъ Испаніи онъ возстановилъ миръ и доброе согласіе между городами, установилъ кредитъ и обогатилъ войско, которое почтило его титуломъ *императора* (повелителя).

Возвратясь въ Римъ, Цезарь сталъ искать консульства, какъ первой ступени къ единовластію, и для этого

Библиотека "Руниверс"

отказался отъ тріумфа, такъ какъ по римскому закону просившій тріумфа долженъ былъ оставаться внѣ города, а искавшій консульства – непремѣнно въ стѣнахъ его. Пользуясь любовью народа, Цезарь тѣмъ не менѣе видѣлъ, что не будучи въ союзѣ съ тогдашнимъ главою государства, онъ не достигнетъ цѣли, а потому старался привлечь Помпея на свою сторону. Помпей согласился на союзъ съ нимъ въ надеждѣ выхлопотать при его помощи утвержденіе своихъ распоряженій въ Азіи и удовлетворить солдатъ. Но сверхъ того обоимъ нужны были деньги, чтобы поставить въ зависимость отъ себя руководителей народа и безгласныхъ членовъ Сената,—поэтому цезарь обратился къ богачу Крассу и представилъ ему выгоды совмѣстнаго господства. Помиривъ Красса съ Помпеемъ, Цезарь составилъ такъ-называемый *тріумвиратъ* т. е. союзъ или правленіе трехъ лицъ. Такимъ образомъ, деньги, приверженцы и народная любовь трехъ значительнѣйшихъ мужей Рима соединились. Тріумвиратъ, заключенный въ 60 году до Р. Х. по мысли Цезаря, потрясъ древнія учрежденія республики римской и установилъ что-то въ родѣ тріединой монархіи. Но ни Помпей, ни Крассъ не предвидѣли, что этотъ союзъ былъ выгоденъ для одного Цезаря, и что оба они служили только орудіемъ его возвышенія. При помощи золота Красса и вліянія Помпея, Цезарь получилъ консульство, хотя Лукуллъ Катонъ, Цицеронъ и другіе поборники древнихъ учрежденій употребляли всѣ средства противодѣйствія. Цезарь отдалъ Помпею въ супружество дочь свою отъ Корнеліи, Юлію, а самъ женился на Кальпурніи, дочери Пизона, котораго и назначилъ Консуломъ на предстоящій годъ. Катонъ протестовалъ въ полномъ собраніи Сената, призывая боговъ въ свидѣтели нестерпимаго барышничества этихъ людей, которые, торгуя женщинами, раздавали другъ другу высшія должности въ государствѣ. Но всѣ эти противодѣйствія сенаторской партіи не имѣли никакого успѣха, такъ какъ Цезарю удалось окончательно парализовать сотоварища своего, втораго Консула Бибула, принадлежавшаго къ партіи аристократовъ. Первымъ дѣломъ Цезаря въ качествѣ тріумвира было предложеніе новаго аграрнаго закона, т. е. надѣленія землею бѣднѣйшихъ гражданъ, при помощи котораго онъ выполнилъ свои обязательства къ Помпею и надѣлилъ 2000 бѣдныхъ гражданъ землею. Пользуясь народною любовью, Цезарь совершенно устранилъ Бибула отъ вмѣшательства въ государственныя дѣла и отнялъ у аристократовъ всякую возможность вредить себѣ. Цицерона онъ даже изгналъ изъ Рима, а Катона прогналъ изъ народнаго собранія. На слѣдующій же годъ, когда враги Цезаря избрали въ консулы преданныхъ себѣ людей, думая обезсилить его лишеніемъ власти надъ войскомъ или намѣстничества, — Цезарь при помощи народнаго собранія получилъ должность намѣстника Верхней Италіи и Иллиріи и вытребовалъ у испуганнаго Сената еще третью провинцію Галлію Трансальпинскую.

И вотъ, пока въ Римѣ шли неурядицы двоевластія, начался рядъ славныхъ походовъ, въ которыхъ Цезарь является однимъ изъ величайшихъ полководцевъ всемірной исторіи. Объемъ этой статьи не позволяетъ намъ слѣдить въ подробностяхъ за этими безчисленными побѣдами, описанными самимъ Цезаремъ въ книгѣ его „de bello Gallico". Достаточно сказать, что, явившись въ Галлію съ 40,000 войска, онъ увеличилъ свою армію втрое, пріучилъ ее къ строжайшей дисциплинѣ, лишеніямъ и полному, слѣпому повиновенію. Поразивъ 350000-ную толпу Гельветовъ, вторгнувшихся въ Галлію, Цезарь въ 58 г. до Р. Х. неподалеку отъ Безансона разбилъ на голову Аріовиста, перешедшаго Рейнъ со 120,000 своихъ германцевъ, подчинилъ римскому владычеству нервійцевъ, белловаковъ, Аквитанцевъ и другихъ народовъ западной Франціи, поразилъ 400,000 тенхтеровъ и узипетовъ, которые вторглись въ бельгійскую Галлію, построилъ между Кобленцомъ и Бонномъ мостъ черезъ Рейнъ и привелъ въ ужасъ сикамбровъ; два года сряду (55 и 54) высаживался въ Британію и покорилъ племена, обитавшія въ южной части острова, наконецъ въ 52 г. усмирилъ страшное возстаніе всѣхъ гальскихъ племенъ подъ предводительствомъ Верцингеторикса, сокрушивъ такимъ образомъ въ теченіи десяти лѣтъ энергію Галловъ и подчинивъ Риму всю страну до Британіи и границъ Нидерландовъ. Будучи слабаго сложенія, хилый тѣломъ, часто страдавшій головною болью и падучею болѣзнью, онъ проявлялъ такую мощь и силу духа въ трудахъ и лишеніяхъ походной и боевой жизни, что одного этого примѣра было довольно для возбужденія героизма въ каждомъ солдатѣ. Спалъ онъ только на походѣ—въ колесницѣ или носилкахъ—преображая такимъ образомъ самый отдыхъ въ дѣятельность. Онъ превосходно ѣздилъ верхомъ и часто пускалъ коня во всю прыть, бросивъ поводья и сложивъ руки за спиною. Съ лошади же диктовалъ онъ секретарю и письма свои, которыя онъ первый ввелъ въ употребленіе. Однажды застигнутый на походѣ бурею, онъ попалъ въ крошечную хижинку, едва достаточную для одного человѣка; *Наипочетнѣйшія мѣста*, сказалъ онъ при этомъ своей свитѣ,—*уступаются величайшимъ людямъ, а необходимѣйшія—наиболѣе хворымъ*, и уступилъ хижину больному Оппію, оставшись самъ со свитою подъ навѣсомъ крыши. Разъ, во время внезапнаго нападенія Гельветовъ, Цезарю подвели его боеваго коня; *онъ еще пригодится мнѣ послѣ побѣды на преслѣдованіе, сказалъ онъ, — а теперь впередъ на врага!*—и ринулся пѣшій въ страшную битву.

Передъ боемъ съ Аріовистомъ, Цезарь, видя смятеніе молодыхъ патриціевъ начальниковъ отрядовъ своей арміи, собралъ ихъ и сказалъ наиболѣе робкимъ, что *имъ стоитъ только удалиться и не подвергать себя опасности противъ воли, если они такіе трусы и нѣженки*, заявляя, что онъ *съ однимъ десятымъ легіономъ двинется на варваровъ, такъ какъ ни они не страшнѣе кимвровъ, ни онъ какъ полководецъ не хуже Марія.*

Таковъ-то былъ человѣкъ, стремившійся къ единовластію надъ Римомъ. Сама судьба, казалось, помогала ему. Красса уже не существовало; получивъ въ свое управленіе Сирію, онъ еще въ 53 году потерпѣлъ пораженіе отъ Парѳянъ, былъ взятъ въ плѣнъ и умерщвленъ,—преданіе говоритъ, что ему залили ротъ растопленнымъ золотомъ. Оставался одинъ Помпей—и его-то гибель давно уже замышлялъ Цезарь. Находясь въ Галліи, Цезарь былъ постоянно занятъ обученіемъ войска и стараніями привлечь къ себѣ солдатъ, но среди самой напряженной дѣятельности, взоръ его постоянно былъ обращенъ къ Риму. Между тѣмъ въ вѣчномъ городѣ безпорядки достигли крайней степени. Честолюбцы Клодій и Милонъ искали высшихъ государственныхъ должностей, производили битвы на улицахъ и возбуждали общее смятеніе; самая судебная администрація прониклась духомъ партій; все было шатко, нетвердо и безпокойства возбуждались самимъ правительствомъ. Помпей утратилъ прежнее обаятельное вліяніе, и, за смертію Красса ставъ единственнымъ консуломъ, отдѣлился отъ Цезаря и снова примкнулъ къ аристократической партіи, которой былъ отчасти обязанъ своимъ избраніемъ. Аристократія сознавала необходимость сосредоточить власть въ однихъ твердыхъ рукахъ для защиты себя отъ черни; съ своей стороны Помпей понималъ, что только въ союзѣ съ аристократіею можетъ противиться Цезарю, который обладалъ фактическою силою войска и любовью народа. Сенатъ издалъ нѣсколько распоряженій, тайно направленныхъ противъ Цезаря, при содѣйствіи цензора, исключилъ изъ списка сенаторовъ множество лицъ, принадлежавшихъ къ его партіи, и утвердилъ предложеніе отобрать у Цезаря провинціи за годъ до окончанія срока. Цезарь смотрѣлъ

Библиотека "Руниверс"

на все это спокойно и ждалъ, когда неосмотрительность противниковъ дастъ ему поводъ къ начатію военныхъ дѣйствій, а самъ между тѣмъ потребовалъ себѣ консульства. На это аристократы отвѣчали отказомъ, пока онъ не распуститъ войска. Помпей былъ такъ увѣренъ въ себѣ, что на вопросъ, какія войска противопоставить Цезарю, если тотъ вздумаетъ идти на Римъ, отвѣчалъ, что *ему стоитъ только топнуть ногою о земь—и явятся легіоны.* Наконецъ, въ январѣ 49 г. до Р. Х. Сенатъ утвердилъ рѣшеніе, объявлявшее Цезаря врагомъ отечества, если онъ къ 1 марта не оставитъ войска, объявилъ отечество въ опасности и поручилъ консуламъ вмѣстѣ съ другими сановниками позаботиться о его спасеніи, дозволивъ употреблять для этого чрезвычайныя средства—а Помпей былъ провозглашенъ главнокомандующимъ съ неограниченною властью.

Цезарь получилъ извѣстіе объ этомъ отъ трибуновъ Кассія, Куріона и Марка Антонія, которые явясь къ нему въ Равенну, просили отъ имени народа взять въ свои руки управленіе государствомъ. У Цезаря былъ подъ руками только одинъ легіонъ, но разсчитывая на то, что большая часть его войскъ уже спѣшила къ нему форсированнымъ маршемъ, онъ рѣшился предупредить противниковъ смѣлымъ ударомъ. Однако, подойдя съ своимъ легіономъ къ Рубикону—пограничной рѣкѣ его намѣстничества—Цезарь впалъ въ глубокое раздумье и сказалъ своимъ спутникамъ: „Намъ еще есть время возвратиться; но одинъ шагъ далѣе—и междоусобная война объявлена!“ Спустя нѣсколько минутъ онъ пришелъ въ себя и съ словами: "jacta aleam esta (жребій брошенъ)!“ переправился черезъ рѣку.

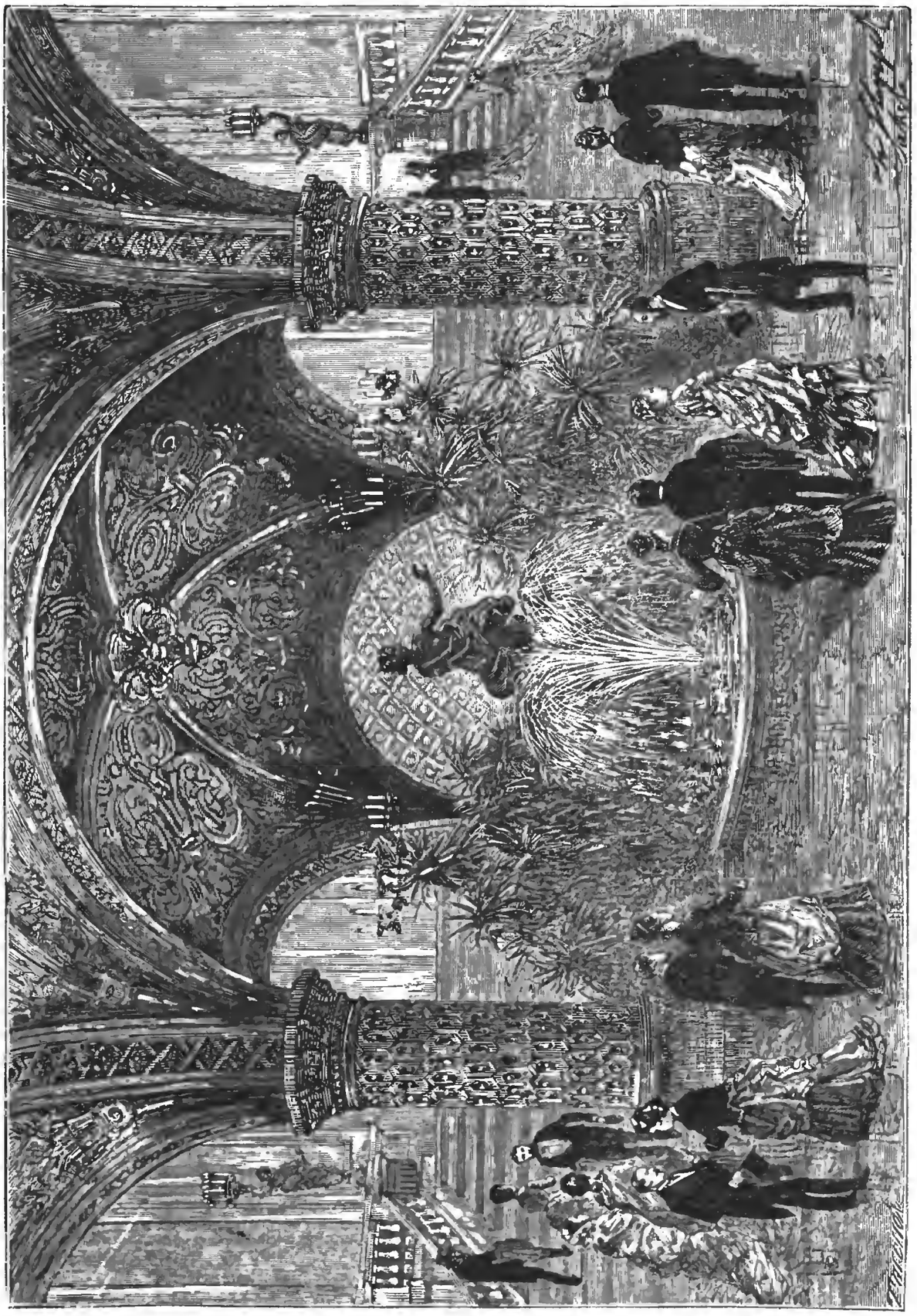
Началась борьба исполинская, въ которой Помпей явился достойнымъ противникомъ своего врага. Онъ далъ Цезарю семь генеральныхъ сраженій, кончившихся большею частью въ его пользу, и заставилъ Цезаря отступить въ Ѳессалію. Но Цезарь не даромъ говорилъ передъ одной изъ битвъ рыбаку, который переправлялъ его на лодкѣ въ бурную ночь: „не бойся, ты везешь Цезаря и его счастье“. Въ Ѳессаліи, на поляхъ Фарсальскихъ, лѣтомъ 48 года произошла рѣшительная битва, въ которой Цезарь нанесъ Помпею полное пораженіе, потерявъ только 230 человѣкъ, тогда какъ у непріятеля было убито нѣсколько тысячъ, а весь лагерь и 24,000 плѣнныхъ достались въ руки побѣдителя.

Результатомъ этой битвы было то, что Помпей, тщетно попытавшись еще сопротивляться Цезарю на морѣ, вынужденъ былъ бѣжать въ Малую Азію, а потомъ въ Египетъ, гдѣ и былъ измѣннически убитъ египетскими царедворцами, которые желали подольститься къ побѣдителю. Но Цезарь съ негодованіемъ отвернулся отъ убійцы, поднесшаго ему отрѣзанную голову Помпея, и, вѣроятно, вспомнилъ прежнюю дружбу и непостоянство земнаго величія, со слезами далъ обѣтъ отмстить его убійцамъ. Цезарь явился въ Египетъ, покоривъ своей власти всю Малую Азію, и здѣсь разбилъ на голову египетское войско, причемъ погибъ и тринадцатилѣтній царь Птоломей Діонисъ и убійцы Помпея, объявилъ правительницею сестру Птоломея Клеопатру, не смотря на цвѣтъ молодости, уже знаменитую красотой, обаятельной прелестью и всѣми чарами восточнаго кокетства. Благосклонность первой въ свѣтѣ красавицы была, быть можетъ, одной изъ лучшихъ наградъ страстному герою, будущему владыкѣ міра,—но и та не могла удержать его ненасытнаго честолюбія, и въ декабрѣ 47 года, Цезарь уже возвратился въ Римъ, гдѣ тотчасъ послѣ фарсальской битвы былъ заочно назначенъ на всю жизнь въ народные трибуны, на 5 лѣтъ въ консулы и на 1 годъ въ диктаторы. Страшныя кровопролитныя смуты потрясали вѣчный городъ до самаго прибытія Цезаря, который, отклонивъ всѣ почести, предложенныя ему Сенатомъ, прежде всего позаботился наградить своихъ приверженцевъ и уничтожить враговъ. Раздавъ деньги и почетнѣйшія мѣста своимъ любимцамъ, Цезарь съ частью своихъ войскъ отплылъ въ Африку, гдѣ собралось войско двухъ сыновей Помпея, Кнея и Секста, подъ начальствомъ Метелла Сципіона, Катона младшаго и другихъ въ союзѣ съ нумидійскимъ царемъ Юбою. При городѣ Тапсѣ Цезарь нанесъ имъ такое же пораженіе, какъ при Фарсалѣ. Метеллъ, Юба и Катонъ сами лишили себя жизни. Затѣмъ въ мартѣ 45 года въ Испаніи, при городѣ Мундѣ Цезарь далъ рѣшительное сраженіе Кнею Помпею. Битва была упорна, и первый натискъ Цезаря былъ отбитъ. Соскочивъ съ лошади, Цезарь, съ открытой головой, чтобы всѣ узнали его, бросился въ ряды отступавшихъ своихъ воиновъ и съ мечомъ въ рукѣ снова повелъ ихъ въ бой, крикнувъ: „Неужели вы хотите выдать вашего полководца безбородому мальчишкѣ?“ Приверженцы Помпея потерпѣли страшное пораженіе и самъ Кней палъ во время бѣгства.

Цезарь достигъ полнаго единовластія въ Римѣ. Еще до возвращенія его изъ Африки Сенатъ назначилъ его цензоромъ на три года и диктаторомъ на десять лѣтъ. Ему воздвигли статую съ надписью „Полубогу“. Побѣда надъ Юбою праздновалась сорокадневнымъ торжествомъ. По рѣшенію Сената, Цезарь во время тріумфа ѣхалъ въ колесницѣ на бѣлыхъ коняхъ въ сопровожденіи 70-ти ликторовъ. Онъ получилъ 4 тріумфа, въ память побѣдъ надъ народами Галліи и царями: египетскимъ, понтійскимъ и нумидійскимъ. Сокровища, добытыя въ этихъ войнахъ, выставленныя имъ на показъ и затѣмъ пожертвованныя въ государственную казну, простирались одними деньгами до 88,000,000 руб. сер. Сверхъ того онъ привезъ 2822 золотыхъ вѣнца вѣсомъ въ 20,014 фунтовъ. Между плѣнниками, шедшими въ оковахъ за колесницей тріумфатора, особенно выдѣлялись: предводитель гальскаго возмущенія Верцингеториксъ, сестра Клеопатры и сынъ царя Юбы. Послѣ тріумфа Цезарь угостилъ народъ на 22,000 столахъ, далъ каждому изъ 150,000 гражданъ по 10 фунтовъ масла, по 2 четверика хлѣба и раздѣлилъ 3,500,000 руб. сер. Каждый рядовой его войска получилъ болѣе 1,200 руб. Всѣ ветераны были надѣлены землями. При освященіи же новаго храма Венеры (мнимой родоначальницы Цезаря, происхожденіемъ отъ которой онъ открыто гордился), Цезарь устроилъ блестящія игры, на которыхъ, между прочимъ, выпущено было 400 львовъ и даны примѣрное морское сраженіе и сухопутная битва съ участіемъ 800 человѣкъ и 20 слоновъ. Сенатъ обязалъ гражданъ почитать статуи Цезаря наравнѣ со статуями боговъ; назначивъ Цезаря на всю жизнь диктаторомъ, цензоромъ и великимъ первосвященникомъ, онъ далъ ему почетный титулъ *императора* (полководца), право носить всегда пурпуровую одежду и лавровый вѣнокъ, а также сидѣть на золотомъ стулѣ въ сенатѣ, объявилъ личность Цезаря священною и неприкосновенною, велѣлъ чеканить его изображеніе на монетахъ, назвалъ мѣсяцъ его рожденія іюлемъ и оказалъ ему множество другихъ почестей.

Цезарь пользовался своимъ исключительнымъ положеніемъ въ государствѣ для осуществленія многихъ благодѣтельныхъ мѣръ. Онъ увеличилъ наказаніе за подлогъ и другія преступленія, назначилъ конфискацію имѣній у эмигрантовъ, улучшилъ администрацію провинцій и законодательство о долговыхъ обязательствахъ, обуздывая роскошь, онъ запретилъ употребленіе пурпура, жемчуга и носилокъ и ограничилъ 150,000 число гражданъ, которымъ раздавался хлѣбъ на счетъ казны. Стараясь улучшить въ самыхъ основаніяхъ испорченный римскій міръ и дать государству монархическіе характеръ и форму правленія, Цезарь не выпускалъ изъ виду и другихъ интересовъ науки и общественной жизни. При помощи александрійскаго ученаго Созигена онъ улучшилъ календарь, самый стиль котораго въ честь Цезаря называется юліанскимъ и донынѣ употребляется еще

Библиотека "Руниверс"



Бассейнъ Пиеіи въ зданіи Новой Парижской оперы, подъ большимъ подъѣздомъ. Съ фотографіи рѣзалъ Леви.

Библиотека "Руниверс"

въ Россіи; умъ его постоянно занятъ былъ громадными проектами, какъ напр. осушеніе понтинскихъ болотъ, прорытіе коринѳскаго перешейка, увеличенія Рима и похода на парѳянъ чрезъ неизвѣстныя страны сѣвера съ цѣлью открытія новыхъ земель. Онъ старался придать внѣшній блескъ пріобрѣтенной имъ царской власти, умножилъ число чиновниковъ, увеличилъ составъ Сената до 900 членовъ, принимая въ него людей всякаго званія и состоянія. Но въ то же время, презирая всѣ древнія формы государственнаго управленія, онъ выказывалъ явное пренебреженіе къ Сенату и трибунамъ, тогда какъ прежде показывалъ видъ, что желаетъ власти лишь для искорененія вкравшихся злоупотребленій. Эта перемѣна во взглядахъ Цезаря и нерасположеніе къ древней свободѣ римской жизни рѣзче всего выразились во время тріумфа по случаю испанской войны, который глубоко оскорбилъ всѣхъ лучшихъ людей Рима, такъ какъ здѣсь впервые еще отъ его основанія римскій гражданинъ рѣшился праздновать побѣду надъ согражданами.

Понятно, что при такихъ условіяхъ Цезарь не могъ удержаться на вершинѣ своего счастія. Какъ ни благодѣтельны были его распоряженія и законы, но всѣ эти улучшенія не могли примирить современниковъ съ намѣреніемъ Цезаря ввести неограниченную монархію, стремленіе къ которой поставило его въ противорѣчіе съ духомъ государственныхъ учрежденій, жизни, литературы и поэзіи римлянъ. Мысль о грозившемъ деспотизмѣ пробудила въ самыхъ друзьяхъ Цезаря и другихъ передовыхъ людяхъ угасавшій патріотизмъ и древнюю любовь къ свободѣ. Лучшіе представители римской аристократіи составили заговоръ для умерщвленія диктатора и возстановленія республики. Болѣе 60 человѣкъ соединились на погибель Цезаря; знаменитѣйшими изъ нихъ были: тогдашній преторъ, приверженецъ Помпея, *Маркъ Юній Брутъ*, съ матерью котораго диктаторъ жилъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и нерѣдко самого Брута называлъ своимъ „сыномъ"; *Кай Кассій Лонгинъ*, также преторъ, послѣ Фарсалы передавшій свой флотъ Цезарю; преторъ Верхней Италіи, *Децій Юній Брутъ*, другъ и приверженецъ Цезаря; наконецъ *Публій Сервилій Каска*, тоже всегда принадлежавшій къ партіи диктатора. Ораторъ *Цицеронъ*, послѣ фарсальской битвы, подольстившійся къ побѣдителю и заслужившій его милости, также сочувствовалъ заговору, но не принималъ въ немъ никакого участія. Руководители заговорщиковъ, Кассій и Маркъ Брутъ отличались отъ всѣхъ своихъ современниковъ величіемъ духа и чистотой намѣреній. Говорятъ, что Кассій и другіе заговорщики только съ большими предосторожностями посвятили въ свою тайну Марка Брута, любимца Цезаря, предварительно будто бы положивъ на преторское кресло его записку со словами: „Брутъ, ты спишь!", а въ другой разъ написавъ на статуѣ основателя республики и мнимаго родоначальника Брута: „о, если бы ты былъ живъ теперь!".

15-го марта 44 года до Р. Х. Цезарь, намѣревавшійся черезъ нѣсколько дней отправиться въ парѳянскій походъ, назначилъ засѣданіе Сената въ священной залѣ театра, построеннаго Помпеемъ и украшенной статуею основателя. Разсказываютъ, что Цезарь имѣлъ многія предчувствія и предзнаменованія ожидавшей его участи. Такъ, однажды, когда передъ нимъ обвиняли Антонія и Доллабелу, какъ людей злоумышляющихъ противъ него, онъ сказалъ, что *не очень боится этихъ жирныхъ разчесанныхъ щеголей, а скорѣе опасается исхудалыхъ и блѣдныхъ*, разумѣя Кассія и Брута. Говорятъ, будто бы одинъ гадатель предупреждалъ Цезаря о страшной опасности, грозившей ему въ день *мартовскихъ идъ*, т. е. 15 марта; наканунѣ, въ ночь, будто бы всѣ двери и окна его спальни растворились настежъ, а жена его Кальпурнія бредила, будто бы держитъ мужа въ объятіяхъ зарѣзаннымъ, и на утро со слезами умоляла его не ходить въ Сенатъ. Но Цезарь пошелъ по обыкновенію въ засѣданіе и, будто бы встрѣтивъ на пути гадателя, сказалъ ему смѣясь: „ну, вотъ и мартовскія иды пришли!" а тотъ отвѣтилъ ему шепотомъ: „да, пришли, но еще не прошли!" Затѣмъ навстрѣчу попался искавшій его риторъ Артемидоръ Гнидскій, знавшій о заговорѣ, и подалъ ему писанный доносъ, прося его тотчасъ же прочесть бумагу. Цезарь нѣсколько разъ принимался за чтеніе, но ему мѣшала толпа, безпрестанно отвлекавшая его. Такъ, съ бумагой въ рукѣ онъ и вошелъ въ Сенатъ. При входѣ его, сенаторы встали съ мѣстъ, отдавая обычную почесть диктатору. Заговорщики окружили его кресло; у каждаго изъ нихъ подъ тогою былъ спрятанъ кинжалъ. Когда засѣданіе открылось, одинъ изъ нихъ, Метеллъ, сталъ передъ Цезаремъ и просилъ его о помилованіи своего изгнаннаго брата. Другіе заговорщики также приблизились, какъ будто затѣмъ, чтобы поддержать просьбу своимъ ходатайствомъ. Цезарь сѣлъ и съ гнѣвомъ отклонялъ ихъ настойчивыя просьбы. Тогда Меттелъ, взявъ его за тогу обѣими руками, открылъ ему грудь, а Каска первый нанесъ ему рану кинжаломъ въ шею; но ударъ былъ невѣренъ и не смертеленъ. Цезарь, обернувшись, схватилъ его за руку и оба разомъ вскричали—Цезарь по латыни: „Безбожникъ! на что̀ ты рѣшился!" а Каска брату на греческомъ языкѣ: „братъ, помоги!" Въ эту минуту на Цезаря бросились и прочіе заговорщики. Цезарь думалъ защищаться, но видя отовсюду направленныя на него острія кинжаловъ и пораженный двадцатью тремя ударами — закрылъ голову тогой и палъ къ подножію статуи великаго Помпея. Изумленный и перепуганный Сенатъ разсѣялся, не выслушавъ даже объясненія убійцъ.

Такъ погибъ геніальный римлянинъ, великій даже въ порокахъ и недостаткахъ своихъ.

Мадона Севильская.

2-я и послѣдняя премія подписчикамъ нашего журнала въ текущемъ году.

Бартоломео Себастіанъ Мурильо—глава Севильской школы живописи, которую онъ и основалъ въ 1660 г. въ родномъ своемъ городѣ, Севильѣ, извѣстенъ какъ первоклассный художникъ. Много прекрасныхъ картинъ оставилъ онъ; часть ихъ осталась въ Испаніи, другая—находится въ музеяхъ и картинныхъ галлереяхъ Парижа, Лондона, Берлина, Петербурга (въ Эрмитажѣ) и др. европейскихъ городовъ.

Мурильо отличался въ своихъ произведеніяхъ теплотою, искренностью, силой, возвышенностью и страстностью, какъ и подобаетъ истому испанцу, въ жилахъ котораго течетъ горячая кровь. Множество написанныхъ имъ картинъ распадаются главнымъ образомъ на слѣдующіе отдѣлы: религіозно-историческая живопись, юмористическій жанръ и портреты.—Въ № 33 „Нивы" за 1874 г. помѣщена біографія Мурильо. Онъ умеръ 64 лѣтъ, и, можно сказать, умеръ скоропостижно, потому что несчастный случай свелъ его въ могилу: работая надъ большой картиной (обрученіе св. Екатерины) для главнаго алтаря капуцинской церкви въ Кадиксѣ, Мурильо упалъ съ подмостковъ и сильно ушибся. Ушибъ этотъ не прошелъ ему даромъ, онъ захворалъ и уѣхалъ изъ Кадикса въ Севилью, гдѣ и умеръ (род. въ 1618 г., ум. въ 1682 г.).

Библиотека "Руниверс"

Разосланная при этомъ № „Нивы“ нашимъ подписчикамъ, вмѣстѣ съ картиной „Смерть Юлія Цезаря“ большая гравюра (вторая премія) представляетъ прекрасный снимокъ съ извѣстной „Мадоны Севильской“ этого знаменитаго испанскаго художника.

Относительно композиціи (постановки фигуръ) и вообще художественнаго исполненія этой картины можно сказать, что талантъ Мурильо проявился тутъ въ полномъ своемъ блескѣ. Конечно, никакая гравюра не въ состояніи оставить того впечатлѣнія, которое зритель могъ-бы получить при взглядѣ на самый оригиналъ—Мадону Севильскую, картину, писанную масляными красками, но и безъ гармоніи цвѣтовъ, безъ теплаго колорита, свойственнаго Мурильо, гравюра эта можетъ произвести довольно сильное впечатлѣніе. Вглядитесь во всѣ лица группы: какая выразительность, божественность въ ихъ чертахъ! А верхняя часть картины? Тамъ, наверху, въ отверзтомъ небѣ самъ Богъ—Отецъ; въ волнахъ чуднаго, неземнаго свѣта рѣютъ херувимы; вы слышите нѣжные, тихіе звуки райской мелодіи... То, что можно только созерцать—передать бѣднымъ нашимъ словомъ невозможно, а потому предоставляемъ самимъ читателямъ проникнуться надлежащими чувствами при созерцаніи этой картины.

Бассейнъ Пиѳіи

Въ зданіи новой Парижской оперы.

Шарль Гарнье, нѣсколько лѣтъ тому назадъ неизвѣстная личность, знаменитый архитекторъ въ настоящее время, украсилъ Парижъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ зданій, какое когда либо въ новѣйшіе вѣка было посвящено искуству. Мы говоримъ о «Новой» парижской оперѣ, за которой, вѣроятно, еще на долгое время удержится это названіе. Художественная красота внѣшней архитектуры и болѣе или менѣе изящная отдѣлка внутреннихъ деталей, еще не составляютъ всего достоинства Новой оперы —это своего рода совершенство въ отношеніи приспособленія къ извѣстной цѣли и высшей степени практическаго распредѣленія различныхъ помѣщеній, какія требуются сложнымъ театральнымъ механизмомъ, а также въ видахъ удобства публики, артистовъ, всевозможнаго рода рабочихъ, которымъ приходится почти жить и двигаться всюду, въ глубинахъ подземныхъ сводовъ, на воздушныхъ мостикахъ подъ самымъ потолкомъ, въ мастерскихъ обойщиковъ, портныхъ, швей, ламповщиковъ, фонтанщиковъ, лаборатористовъ, и проч. Если бы перечислить все то, что крайне необходимо, и чего недостаетъ почти во всѣхъ театрахъ, то пришлось бы написать цѣлый томъ. Шарль Гарнье съумѣлъ побѣдить всѣ эти трудности и вполнѣ удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ относящимся къ подобнаго рода зданіямъ. Новая опера послужитъ образцомъ для всѣхъ театровъ, какія будутъ строится послѣ нея, такъ какъ она соединяетъ въ себѣ всѣ условія для удобства зрителей, администраціи, артистовъ и вообще лицъ закулиснаго міра. Можно критиковать подробности орнаментаціи, находить тутъ слишкомъ много золота, тамъ излишество арабесковъ, далѣе излишнее обиліе колоннъ, а главное слишкомъ много миѳологіи; но это ничего не значитъ,—критика замолкнетъ, а памятникъ искуства останется; время освятитъ его окончательно.

Величина площади, занимаемой самыми большими театрами Италіи, Германіи, Россіи и Америки не доходитъ до 5,000 квадратныхъ метровъ; площадь же Новой парижской оперы вмѣщаетъ въ себѣ 11,237 квадратныхъ метровъ, хотя зала этого театра, говоря относительно, не велика. Еслибы архитекторъ хотѣлъ дать сколько нибудь удобства зрителямъ, онъ, конечно, устроилъ бы въ этой залѣ 3,000 мѣстъ какъ въ миланскихъ театрахъ Scalla и Санъ-Карло, или по меньшей мѣрѣ 2,400 мѣстъ, какъ въ Вѣнской Оперѣ; но онъ счелъ достаточнымъ ограничиться 2,100 мѣстами, а все остальное пространство употребилъ на созданіе чудесъ искуства и того, что практически полезно, напримѣръ разныхъ сѣней, залъ, лѣстницъ, фойэ, достойныхъ самаго роскошнаго дворца.

Чтобы хорошо понять въ общемъ это твореніе г. Гарнье, надо разсматривать отдѣльно каждую его часть; каждая изъ нихъ есть художественное произведеніе въ полномъ смыслѣ слова, и можетъ служить предметомъ отдѣльнаго описанія. О роскоши внутренней отдѣлки можно судить по нашей картинкѣ, представляющей нижній сводъ большой лѣстницы. Потолокъ свода богато украшенъ арабесками; въ глубинѣ его бьетъ фонтанъ прозрачной воды. Изъ бассейна подымается колонна, на верху которой видна бронзовая статуя женщины, названная въ программѣ *Пиѳіей*. Это произведеніе герцогини Колонна де Кастильонъ, извѣстной въ художественномъ мірѣ подъ псевдонимомъ Марселло. Фонтанъ, въ честь статуи, названъ *«Бассейномъ Пиѳіи»*.

Тайна чиселъ

I.

Есть наука, которую называютъ теоріею чиселъ. Ею заняты умнѣйшіе люди нашего времени. Но эта наука такъ трудна и запутана для насъ, простыхъ смертныхъ, что мы почти ничего не знаемъ о ней. А такъ какъ весьма печально сознавать, что мы не имѣемъ и тѣни понятія о томъ, чѣмъ заняты современные намъ первостепенные умы, то не мѣшало бы намъ озариться хотя слабымъ лучемъ научнаго познанія, выясняющаго кое-что для всякаго удобопонятнымъ образомъ. Съ этою цѣлью мы и сдѣлаемъ здѣсь попытку, само собою разумѣется, не въ теоріи, но путемъ удобопонятной практики, для чего нужно намъ будетъ только сложеніе и вычитаніе, доступныя для всякаго ребенка.

Начнемъ съ примѣра.

Одинъ расчетливый купецъ желаетъ возможно меньшимъ числомъ гирь, которыя кладетъ онъ на одну чашку вѣсовъ, вѣсить какъ можно больше товару, полагаемаго на другую.

Какія гири долженъ онъ взять для этого?

Онъ долженъ взять гири вѣсомъ въ 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128 и т. д. напр. фунтовъ, всякій разъ послѣднее число удвоивая.

Что онъ этими восемью гирями можетъ удовольствоваться при взвѣсѣ товаровъ вѣсомъ отъ 1 до 255 ф.,—это легко вычислить. Чтобъ далеко не заходить, разсмотримъ эти первыя четыре числа.

1 и 2 ф. купецъ можетъ вѣсить, потому что гири такого вѣса у него есть.
3 онъ вѣситъ посредствомъ гирь въ 1 и 2.
4 у него есть,
5 вѣситъ онъ—1 и 4.
6 вѣситъ—2 и 4.
7 вѣситъ—1, 2 и 4.
8 у него есть.
9 вѣситъ онъ—1 и 8.
10 вѣситъ—2 и 8.
12 вѣситъ—4 и 8.
13 вѣситъ—1, 4 и 8.
14 вѣситъ—2, 4 и 8.
15 вѣситъ—1, 2, 4 и 8.

Если же онъ захочетъ вѣсить 16, то долженъ имѣть новую гирю такого вѣса, такъ какъ это выше и показано. Но не зачѣмъ считать далѣе, такъ какъ мы и не много думавши можемъ удостовѣриться, что этою пятою гирею сдѣлаемъ большой скачекъ впередъ, получивъ возможность при помощи ея вѣсить до 31; потому что если намъ извѣстно, что купецъ четырьмя первыми можетъ вѣсить отъ 1 до 15, то ему нужно къ каждому числу свыше 16 добавлять только гири, которыми онъ обходился до 15, чтобъ наконецъ дойти до 15 и 16, которыя вмѣстѣ взятыя, составятъ сумму всѣхъ пяти гирь, т. е. 31.

Тутъ онъ опять дальше идти не можетъ. Если захочетъ вѣсить больше, то долженъ имѣть гирю въ 32. Но далеко ли онъ уйдетъ съ нею? Конечно, далеко. Если онъ съ пятью первыми гирями можетъ вѣсить отъ 1 до 31, то съ помощью шестой въ 32, онъ можетъ дойти до 63.

Затѣмъ, если захочетъ вѣсить еще бо́льшія тяжести, то долженъ имѣть еще гирю въ 64,—этимъ сдѣлаетъ онъ уже большой шагъ впередъ; такъ какъ онъ имѣетъ возможность вѣсить отъ 1 до 63 и имѣетъ еще гирю въ 63, то съ помощію всѣхъ ихъ можетъ вѣсить и отъ 1 до 127. Если онъ возьметъ восьмую гирю въ 128, то не трудно смекнуть, что онъ въ состояніи детъ вѣсить отъ 1 до 255, потому что 127+128=255.

Все это кажется просто игрой, но она заключаетъ въ себѣ математическія правила очень серьезныя, ведущія къ значительнымъ выводамъ, надъ которыми приходится много призадумываться лучшимъ изъ ученыхъ.

Числа, съ которыхъ мы начали нашу игру: 1, 2, 4, 8, 16, 32 и т. д., суть послѣдовательныя степени числа 2 и играютъ важ-

Библиотека "Руниверс"

ную роль въ математикѣ. Для разъясненія себѣ свойства этого ряда чиселъ, достаточно убѣдиться въ томъ, что каждое число этого ряда единицею больше суммы предъидущихъ чиселъ, вмѣстѣ взятыхъ. Дальнѣйшее продолженіе этого ряда по тому же правилу удвоенія доказываетъ, что съ помощью шестнадцати такихъ гирь можно уже вѣсить отъ 1 до 65.535!

А нельзя ли при помощи маленькаго вычитаньица шагнуть гораздо дальше?

Отчего же!

Для этого возьмемъ другой примѣръ.

Еще болѣе разсчетливый купецъ тоже желаетъ вѣсить какъ можно больше тяжестей при помощи возможно меньшаго числа гирь и разсуждаетъ такъ: «зачѣмъ же мнѣ всякій разъ непремѣнно класть гири на одну чашку вѣсовъ, а товаръ на другую, вѣдь можно же класть побольше гирю на одну чашку, а поменьше на другую и товаромъ уравнять вѣсъ». Онъ надѣется этимъ сдѣлать сбереженіе при затратахъ на изготовленіе новыхъ гирь.

Резонъ ли это?

Конечно, и мы въ этомъ сейчасъ удостовѣримся.

Онъ беретъ вмѣсто прежнихъ восьми гирь слѣдующія шесть и находитъ, что при помощи ихъ можетъ вѣсить больше, если нѣкоторыя изъ нихъ будетъ употреблять въ противовѣсъ.

Эти гири вѣсомъ въ 1, 3, 9, 27, 81 и 243.

Посмотримъ, какъ чудесно онъ ими пользуется.

1 вѣситъ онъ посредствомъ первой гири.

2 вѣситъ, кладя на одну чашку гирю въ 1, а на другую гирю въ 3.

3 - у него есть гиря такого вѣса.

4 вѣситъ онъ посредствомъ 1 и 3.

5 вѣситъ—9, въ противовѣсъ которымъ на другую чашку кладетъ гири 1 и 3.

6 вѣситъ онъ 9 въ одной чашкѣ и 3 въ другой.

7 вѣситъ 9 и 1 въ одной чашкѣ и 3 въ другой

8 вѣситъ онъ 9 » » » и 1.

9 у него есть.

10 вѣситъ онъ 9 и 1.

11 вѣситъ 9 и 3 на одной и 1 на другой чашкѣ.

12 вѣситъ онъ 9 и 3.

13 вѣситъ 9, 3 и 1.

14 вѣситъ онъ 27 на одной чашкѣ и 9, 3 и 1 на другой.

Продолжать эти вычисленія намъ нѣтъ нужды, потому что каждому изъ нашихъ читателей не мудрено продолжать самому и усмотрѣть, что посредствомъ 6 гирь можно вѣсить отъ 1 до 364, тогда какъ сначала упомянутый купецъ, при помощи 8 гирь могъ дойти только до 255.

Выведено ли же какое-либо правило на этотъ рядъ чиселъ?

Да, выводъ есть, и онъ очень простъ.

Тогда какъ въ вышеприведенномъ рядѣ чиселъ 1, 2, 4, 8, 16 и т. д. всякое новое число происходитъ отъ удвоенія предъидущаго, въ послѣднемъ рядѣ всякое новое число происходитъ отъ утроенія предъидущаго. Числа 1, 3, 9 и 27 получаются отъ самаго простаго умноженія каждаго предъидущаго числа на 3. Если же къ ряду изъ шести чиселъ прибавить еще два, то получатся числа 729 и 2187, а слѣдовательно и двѣ новыхъ гири будутъ: одна въ 729, другая въ 2187. И простымъ сложеніемъ и вычитаніемъ, или что тоже, вѣсомъ и противовѣсомъ, можно этими восемью гирями вѣсить отъ 1 до 3280.

Теперь мы видимъ, что въ восьми по весьма простому правилу вычисленныхъ числахъ заключаются всѣ числа отъ 1 до 3280! Стоитъ только добавить еще два числа по тому же простому правилу утроенія и дѣтскому даже разумѣнію представится очевиднымъ, что въ этихъ числахъ будутъ заключаться всѣ числа отъ 1 до 29,524.

Но не стыдитесь тому изумленію, въ которое приводитъ васъ эта тайна чиселъ; потому что да будетъ вамъ извѣстно, что цѣлый міръ мыслителей и изслѣдователей не зналъ ничего объ этомъ до тѣхъ поръ, пока, двѣсти лѣтъ тому назадъ, не явился великій человѣкъ по имени Эйлеръ, который открылъ это. Въ этомъ на первый взглядъ простомъ открытіи заключается многое; потому что оно открыло дорогу для изслѣдованій свойствъ нашихъ чиселъ, которыя до сихъ поръ занимаютъ умнѣйшихъ и даровитѣйшихъ мыслителей по части новыхъ и новыхъ открытій въ области тайнъ чиселъ.

II.

Къ серьезнымъ изобрѣтеніямъ новѣйшаго времени, болѣе всего изумляющимъ публику, принадлежатъ счетныя машинки, которыя исполняютъ умноженіе, дѣленіе, возвышеніе чиселъ въ квадратъ и кубъ, равно какъ и такъ называемое извлеченіе квадратныхъ и кубическихъ корней.

Способъ, посредствомъ котораго это приводится въ исполненіе, чисто научный и основанъ на изученіи свойства нашихъ чиселъ, которыя въ комбинаціяхъ своихъ могутъ быть низведены до простыхъ формулъ. Чтобъ объяснить это свойство примѣромъ, разберемъ здѣсь суть законовъ квадратныхъ и кубическихъ чиселъ отъ 1 до 10.

Квадратъ какого-либо числа получается тогда, когда оно помножается на само себя. Такъ напр. квадратъ 2 равняется 4, потому что дважды два 4. Квадратъ 3 будетъ 9, потому что трижды три 9, квадратъ 4 составляетъ 16, потому что четырежды 4=16, квадратъ 5 есть 25 и т. д.

Теперь выставимъ здѣсь подъ рядъ квадраты чиселъ отъ 1 до 10 и разсмотримъ особенности этого ряда:

1, 4, 9, 16, 25, 36, 49, 64, 81, 100.

Всматриваясь насколько каждое изъ этихъ чиселъ возрастаетъ, мы найдемъ, что второе число 4 больше перваго на 3; третье 9 больше втораго на пять; четвертое число 16 на 7 больше предъидущаго.

Если мы пойдемъ съ этимъ счетомъ дальше, то получимъ новый рядъ чиселъ, которыя будутъ представлять разности между каждыми двумя изъ вышеприведенныхъ квадратныхъ чиселъ. Этотъ рядъ будетъ слѣдующій:

3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19.

Если всмотрѣться въ этотъ третій рядъ чиселъ, то съ перваго взгляда можно замѣтить, что всякое новое число больше своего предъидущаго на 2. Разности этихъ чиселъ вездѣ 2, 2, 2, 2 и т. д.

Теперь видно, что квадратныя числа отъ 1 до 10 могутъ быть выводимы самымъ простымъ и соразмѣрнымъ возвышеніемъ чиселъ, коль скоро изъ разности квадратныхъ чиселъ сдѣлать новый рядъ чиселъ и въ свою очередь узнать разности чиселъ этого новаго ряда.

Этотъ самый простой законъ возрастанія квадратныхъ чиселъ служитъ не только для чиселъ отъ 1 до 10, но и отъ 100 до 1,000 и т. д. до безконечности. Эта простота и соразмѣрность примѣнены и къ счетнымъ машинкамъ, которыя посредствомъ своего механизма доставляютъ результаты, изумляющіе публику, если она не вдумается въ простоту этого дѣла.

При вычисленіи кубическихъ чиселъ, дѣло идетъ точно также просто; только нужное для того число рядовъ чиселъ будетъ нѣсколько побольше.

Кубъ числа получается тогда, когда число помножается на само себя и результатъ еще разъ помножается на то же число, напр. кубическое число 2 есть 8, потому что дважды 2=4, а дважды 4=8; т. е. кубъ 2 есть 8, потому что 2×2×2=8. По тому же самому кубическое число 3=27 (потому что 3×3×3=27); кубическое число 4 есть 64 (4×4×4=64).

Выставимъ здѣсь кубическія числа отъ 1 до 10. Вотъ они: 1, 8, 27, 64, 125, 216, 343, 512, 729, 1000.

Въ этомъ рядѣ чиселъ возрастаніе каждаго числа въ отношеніи къ предъидущему уже очень сильно и повидимому неравномѣрно. Но если мы и здѣсь присмотримся ближе къ этому возрастанію, то увидимъ тотъ же весьма простой законъ.

Для этого разсмотримъ и этотъ рядъ увеличивающихся чиселъ и выведемъ новый рядъ ихъ. Второе число—8—больше —1 на 7. Третье—27—больше втораго на 19; четвертое число больше третьяго на 37, и т. д. Поставивъ подъ—рядъ найденныя такимъ образомъ числа, мы получимъ слѣдующій рядъ чиселъ:

7, 19. 37, 61. 91. 127, 169, 217, 271.

Если разсмотримъ послѣдовательное увеличеніе чиселъ этого новаго ряда, то найдемъ, что 19 больше 7 на 12; 37 больше 19—18, и т. д. Изъ этихъ вновь найденныхъ чиселъ получится слѣдующій рядъ.

12, 18, 24, 30, 36, 42, 48, 54.

Разсмотрѣвъ и этотъ рядъ чиселъ, мы найдемъ, что разность каждыхъ двухъ послѣдующихъ чиселъ равна 6. И такъ, въ этомъ ряду числа послѣдовательно увеличиваются на 6.

Такимъ образомъ мы видимъ, что увеличеніе кубическихъ чиселъ отъ 1 до 10 представляется съ перваго раза очень разнообразнымъ, но что оно очень просто, если прибѣгнуть къ уловкѣ искать разности чиселъ послѣдовательно составляемыхъ рядовъ.

То, что мы здѣсь доказываемъ относительно кубическихъ чиселъ отъ 1 до 10, примѣнимо и къ ряду чиселъ до безконечности. Въ четвертомъ ряду разностей эти кубическія числа всегда возрастаютъ на 6.

Этотъ простой законъ чиселъ примѣняется въ счетныхъ машинкахъ для того, чтобъ съ виду очень сложные примѣры превращать въ простые, и дѣлать вычисленія тонко-придуманнымъ механизмомъ.

Для большей наглядности, выставимъ здѣсь еще разъ приведенные ряды чиселъ.

Вотъ возрастаніе квадратныхъ чиселъ:

Во первыхъ, простыя числа: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7. 8, 9, 10.

Во вторыхъ, ихъ квадраты: 1, 4, 9, 16, 25, 36, 49, 64, 81, 100.

Въ третьихъ, разности втораго ряда: 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19.

Въ четвертыхъ, разности третьяго ряда: 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2.

Возрастаніе кубическихъ чиселъ:

Во первыхъ, простыя числа: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10

Во вторыхъ, ихъ кубы: 1, 8, 27, 64, 125, 216, 343, 512, 729, 1 000.

Въ третьихъ, ихъ разности: 7, 19, 37, 61, 91, 127, 169, 217, 271,

Въ четвертыхъ, разности третьяго ряда: 12, 18, 24, 30, 36. 42, 48, 54.

Въ пятыхъ, разности четвертаго ряда: 6, 6, 6, 6, 6, 6, 6.

Если кто нибудь пожелаетъ заняться упрощеніемъ еще болѣе

Библиотека "Руниверс"

Бѣдные часы! Картина М. Миллера, грав. на дерев. Белланже.

Библиотека "Руниверс"

сложныхъ примѣровъ, пусть тотъ продѣлаетъ съ четвертою степенью простыхъ чиселъ то же, что мы продѣлывали съ кубами и квадратами простыхъ чиселъ. Четвертая степень получается отъ умноженія числа трижды на само себя, напр. $2\times2\times2\times2=16$, $3\times3\times3\times3\times81$, $4\times4\times4\times4=256$. Составивъ нѣсколько послѣдовательныхъ рядовъ чиселъ, мы найдемъ наконецъ, что число 24 есть коренное увеличенія извѣстной степени. Если продолжать эти легкія вычисленія надъ числами пятой и шестой степеней далѣе, то не трудно будетъ открыть въ коренныхъ числахъ, которыя тутъ получатся, удивительный законъ, относящійся къ интереснѣйшимъ тайнамъ чиселъ, которыя занимаютъ самыхъ отважныхъ мыслителей.

Бѣдные часы!

(Изъ галлереи маленькихъ картинокъ).

Маленькой барышнѣ—Анютѣ—захотѣлось очень покушать, такъ какъ встала она рано и успѣла уже проголодаться. Сначала она разъ двадцать, все усиливая голосъ, повторяла: «Хоцу каски, каски хоцу!», но потомъ, видя что каска не является—прибѣгла къ обычному, испытанному средству въ такихъ случаяхъ: заплакала, закричала такъ, какъ будто бы ее щипали или кололи булавкой. Нянька, дѣвушка еще молодая, усадила брыкавшуюся Анюту на коверъ, дала ей куклу и начала даже напѣвать что-то изъ «Belle Hélène», словомъ—обратилась къ старому, политическому, заѣзженному, рѣдко достигающему цѣли, пріему: отвлечь вниманіе голоднаго отъ «каски». Но желудокъ, хотя бы и такой маленькій, какъ у Анюты, тоже имѣетъ свою политику... Это тоже извѣстно и давно занесено въ толстѣйшій дневникъ человѣчества—въ исторію, которая все еще дѣлится на древнюю, среднюю и новую.

Анюта, усмотрѣвъ, что нянька возымѣла намѣреніе обратиться къ такому политичестому пріему—пуще заорала. Молодая дѣвушка, этотъ педагогъ по-неволѣ, подняла уже руку, чтобы шлепнуть возмутившуюся барышню, но опустила ее, вспомнивъ о подаркахъ къ Рождеству... Барышня могла вѣдь пожаловаться мамашѣ, показавъ, какъ няня ее ударила...

— Ну, не плачьте же, барышня! Не плачьте! Фи, какъ это стыдно! заговорила нѣжнымъ голосомъ дѣвушка.—Каша варится, сейчасъ готова будетъ... Степанида сейчасъ принесетъ кашку!

Анюта знала эти утѣшительныя слова, знала, что такое значитъ «сейчасъ» и пришла въ такой азартъ, что, кувырнувшись на спину, завизжала и начала барабанить пятками по ковру... Пыль даже заклубилась, попала нянькѣ въ носъ, и она два раза чихнула. Что оставалось дѣлать ей? Во-первыхъ, носъ вытереть, а во вторыхъ—бѣжать въ кухню, торопить кухарку Степаниду... Но какъ въ такомъ ужасномъ видѣ оставить барышню?

— Ну, я сейчасъ побѣгу за кашкой! Перестань, Анюточка! Кашку принесу—такую сладкую кашку! Не плачь же, ну, будь папинькой! говорила взволнованная нянька, стараясь привести барышню изъ горизонтальнаго положенія въ вертикальное, но барышня видя, что эффектъ, можно сказать, превзошелъ ожиданія (она дѣйствительно пустила нянькѣ *пыль въ глаза*), стала звонко покрикивать, сохраняя statu quo.

Тутъ няня вспомнила, что ея воспитанница-буянка давно уже добиралась до папашиныхъ карманныхъ часовъ. Самъ папаша показывалъ Анютѣ часы, открывалъ обѣ крышечки, ну, и раздразнилъ ее этой дорогой игрушкой. Не долго думая, дѣвушка схватила коробочку, вынула изъ нея часы и преподнесла ихъ барышнѣ.

Такое чрезвычайное политическое мѣропріятіе со стороны няньки возымѣло надлежащее дѣйствіе: забывъ о кашкѣ, Анюточка живо поднялась, даже улыбнулась и завладѣла часами. Нянька могла теперь оставить барышню и упорхнуть въ кухню. Не прошло и пяти минутъ, какъ она явилась съ кострюлечкой, заключавшей въ себѣ манную кашку на молокѣ.

— Ну-съ, извольте кушать на здоровье, капризная сударыня-барыня! сказала она и поставила кострюлечку на коверъ около Анюты.—Вотъ вамъ и ложечка—берите-съ!

«Сударыня-барыня», положивъ часы на коверъ, принялась насыщаться кашицей, а нянюшка, желая воспользоваться свободной минуткой, снова устремилась въ кухню, ибо тамъ ее уже ожидала чашка горячаго кофе (по приглашенію кухарки).

Анюта, почувствовавъ наконецъ пріятную тяжесть въ желудкѣ, вздохнула и, такъ какъ сердечко у нея было чувствительное, сострадательное, сейчасъ вспомнила о куклѣ своей—Машѣ.

— Хоцесь, Маса, каски? спросила она, притянувъ къ себѣ Машу за ногу, но въ эту минуту услышала возлѣ себя чиканье карманныхъ часовъ.

— Ай, бѣдные цасы! Вамъ тозе дать покусать? Хотите каски? Ну, подите ко мнѣ на луцки!..

Анютѣ показалось, что часы торопливо отвѣчали ей:

— «Хо-цу, хо-цу, хо-цу!»

— Ну, Маса, ты узъ сама кусай каску! Ты—большая, а я буду цасы колмить.

Пихнувъ, безъ церемоніи, Машу головой въ кострюльку, Анюта открыла крышечку часовъ (ей показывали, какъ она открывается) и захватила полную ложечку манной кашки.

При видѣ блестящихъ маленькихъ, съ зубчиками, колесъ, движущейся спиральной пружинки, Анютѣ ужасно стало жаль «проголодавшихся» часовъ, и она, воскликнувъ: «Бѣдные цасы! Они такъ кусать хотѣли!» занялась серьезно кормленіемъ ихъ... Часы сейчасъ же перестали чикать...

Великолѣпный сюрпризъ ожидалъ молодую нянюшку, попивавшую въ это время «кофеекъ» въ кухнѣ!..

В.

Михаилъ Любибратичъ.

Помѣщая въ настоящемъ № нашего журнала портретъ Михаила Любибратича, позволяемъ себѣ привести нѣкоторыя подробности изъ письма корреспондента газеты «Русскій Міръ», П. Петрова (Бивуакъ герцеговинцевъ подъ Сливницей), въ которомъ онъ, между прочимъ, разсказываетъ о первой встрѣчѣ своей съ Любибратичемъ и Пейко Павловичемъ, знаменитымъ партизаномъ:

«Мы вошли въ небольшой дворикъ, обгороженный такою-же каменною стѣнкою. Посреди стоялъ полуразвалившійся домикъ безъ оконъ, сложенный изъ камня, кое-какъ сплоченнаго глиною. Домикъ имѣлъ два этажа. Нижній—нѣчто въ родѣ пустой избы, безъ окошекъ, съ деревянною скамьею вокругъ стѣны. На глиняномъ полу разбросана солома. Влѣво отъ двери приставлена лѣстница, опирающаяся въ четырехугольное отверстіе, прорѣзанное въ потолкѣ. Въ комнатѣ, если это стойло можно назвать комнатою, такъ темно, что въ первую минуту едва можно различить предметы. — Мы поднялись во второй этажъ. Этотъ второй этажъ — чердакъ. Солома на полу набросана гуще, чѣмъ внизу. Черезъ два маленькія окошечка, продѣланныя подъ самою крышею, проникаетъ слабый свѣтъ. Человѣкъ пять въ сюртукахъ, въ пальто, въ сѣрыхъ жакетахъ и герцеговинскихъ опанкахъ, вмѣсто нашей обуви, лежатъ на соломѣ и курятъ. Ружья, европейскаго образца, покоятся возлѣ нихъ—это представители иностраннаго элемента отряда. Двое изъ нихъ оказались чехи, два итальянца, два далмата... Немного погодя, въ четырехугольномъ отверстіи, служащемъ сообщеніемъ съ низомъ, показалась фигура въ черногорскомъ одѣяніи, и на чердакъ вошелъ замѣчательно—красивый, статный мужчина, лѣтъ тридцати пяти.—Это былъ Любибратичъ.— За нимъ показалась какая-то оригинальная личность въ *токе* (нѣчто въ родѣ гусарской куртки безъ рукавовъ), съ коротенькою трубкою въ рукахъ. Занятый Любибратичемъ, я, въ первую минуту, не обратилъ вниманія на эту фигуру. Послѣ первыхъ привѣтствій, мы сѣли на солому. Личность въ токе усѣлась, или скорѣе, развалилась тутъ-же. Любибратичъ говоритъ по-сербски, по-итальянски и по-французски. Пока мы разговаривали, третій нашъ собесѣдникъ сосалъ молча трубку, поглядывая исподлобья то на того, то на другаго изъ насъ.—Любибратичъ произвелъ на меня несравненно лучшее впечатлѣніе, чѣмъ я ожидалъ. Энергія и умъ видны въ этой мощной фигурѣ...

Не взирая на то, что онъ раздѣляетъ съ своими людьми совершенно по-братски труды и лишенія, не взирая на то, что онъ самъ заправляетъ всѣмъ, раздаетъ даже хлѣбъ и патроны, голодаетъ когда отрядъ сидитъ безъ пищи, обходитъ посты днемъ и ночью, смотритъ за больными и ранеными и пр., не взирая на все это, Любибратичъ не «составляетъ тѣла» съ своими людьми. Для этой ужасной, стоящей совершенно внѣ закона, внѣ нашихъ понятій войны,—войны чисто партизанской, звѣрской, безпощадной, вождями партій должны быть старые волки, внушающіе ужасъ и противнику, и своимъ, старые волки, почетный формуляръ которыхъ заключается въ несчетномъ количествѣ »снятыхъ» турецкихъ головъ. Таковъ, напримѣръ, Пейко Павловичъ, не умѣющій ни читать, ни писать, совершавшій необычайныя вещи, смѣлыя и ужасныя...

Я подалъ Любибратичу письмо, которымъ снабдилъ меня одинъ изъ членовъ рагузскаго комитета. Пока воевода читалъ рекомендательное письмо, личность въ токе вышла изъ своего молчанія и спросила меня хриплымъ басомъ, по-сербски, не усталъ-ли я?

Я что-то ему отвѣтилъ и, вспомнивъ, что имѣю тоже письмо къ Пейко, спросилъ у Любибратича, гдѣ можно будетъ найти знаменитаго партизана.

— Да вотъ онъ самъ, отвѣтилъ Любибратичъ, указывая на личность въ токе.

— Я—Пейко, пробурчалъ послѣдній, продолжая сосать труб-

Библиотека "Руниверс"

ку. Мы пожали другъ другу руку. Письмо, которое я ему подалъ, онъ передалъ Любибратичу и пригнулъ голову, чтобы слушать, не выпуская трубки изо рта.

Замѣтивъ, что Пейко Павловичъ не умѣетъ ни читать, ни писать, г. Петровъ такъ описываетъ его наружность:

«Пейко средняго роста, лѣтъ сорока, сорока пяти. Держится слегка сгорбившись и гнетъ колѣни, какъ разбитая на ноги лошадь. Огромное продолговатое лицо съ длиннымъ прямымъ нависшимъ носомъ и сильно выдающеюся челюстью; черные падающіе усы; густыя мохнатыя брови. Подъ этими бровями, медленно, но постоянно, движется пара огромныхъ, необычайно яркихъ, черныхъ зрачковъ, на половину закрытыхъ нависшими вздутыми вѣками и длинными рѣсницами. Взглядъ этого человѣка тяжелый, упорный и поразительно — проницательный, не взирая на кажущуюся сонливость и лѣность; это то что французы называютъ «un mauvais regard». Ротъ странной формы: оконечности круто загнуты кверху, на самой срединѣ онъ какъ-бы оттянутъ книзу. Это, вмѣстѣ съ глазами, придаетъ лицу его особенное трудно-опредѣлимое выраженіе. Среди массы характерныхъ лицъ отряда, достойныхъ мрачнаго рѣзца Калло, фигура Пейко выдѣляется несравненно ярче, чѣмъ изящная, статная, красивая фигура Любибратича.

Слѣдующій случай однимъ штрихомъ обрисовываетъ обоихъ вождей. На дворикѣ дома Пейко подходитъ ко мнѣ и, не выпуская вѣчной трубки изо рта, указываетъ на возвышенность, лежащую въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ бивуака.

— Подите туда, пробормоталъ онъ.—А что тамъ?—

— Турскія головы.—Я отправился взглянуть на эти ужасные трофеи. На пути встрѣчаю Любибратича и говорю ему, куда иду.—Не ходите, обращается онъ ко мнѣ,—это ужасное, отвратительное зрѣлище!.. »

Другому корреспонденту (англичанину) Любибратичъ говорилъ: «Мы не примемъ отъ турокъ ничего, кромѣ полной автономіи нашей страны. Но если державы предложатъ радикальныя реформы, то мы примемъ ихъ подъ условіемъ, что приведеніе въ дѣйствіе этихъ реформъ будетъ поручено Черногоріи». Инсургенты ни мало не уныли и надѣются (по словамъ Любибратича) провести всю зиму съ оружіемъ въ рукахъ; если-же окажется невозможнымъ держаться вмѣстѣ, они разсѣются малыми шайками и станутъ истреблять все, что можно истребить у турокъ.—«Бояться неудачи—нечего», замѣтилъ Любибратичъ:—«если только не истощатся запасы оружія и припасовъ... Мы скорѣе обратимъ Герцеговину въ пустыню, чѣмъ покоримся туркамъ!»

Угличъ,

(Ярославской губерніи).

Городъ Угличъ расположенъ по обѣимъ берегамъ р. Волги; но главная часть его находится на правомъ берегу. Когда именно основанъ г. Угличъ, это достовѣрно неизвѣстно. Извѣстно только то, что въ древніе годы Угличъ былъ главнымъ городомъ Угличскаго удѣльнаго княжества, которое тогда было богатымъ и сильнымъ.

Княжествомъ владѣли князья, которыхъ преемственно было около двадцати. Изъ нихъ особенно двое отличились святостью своей жизни, такъ что послѣ своей смерти причислены были церковью къ лику святыхъ. Князья эти были Романъ Владиміровичъ и Дмитрій Іоанновичъ. Мощи перваго и по-нынѣ почиваютъ подъ спудомъ въ Угличскомъ Преображенскомъ соборѣ, а мощи Дмитрія Іанновича находятся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

До начала XVII столѣтія г. Угличъ былъ многолюденъ такъ, что въ немъ тогда было болѣе 60,000 жителей обоего пола. Онъ также занималъ обширное пространство земли, а именно: около тридцати верстъ въ окружности. Было въ немъ тогда три собора, 30 монастырей и свыше 150 приходскихъ церквей. Въ началѣ же XVII столѣтія (1607 года) Угличъ былъ раззоренъ нашествіемъ Литвы и Поляковъ.

Въ настоящее время въ городѣ находится одинъ соборъ (Преображенскій), два монастыря (Богоявленскій женскій и Алексѣевскій мужской) и 24 приходскихъ церкви. Есть духовное училище, уѣздное училище, два приходскихъ училища, Николаевскій дѣтскій пріютъ и вновь открытое Маріинское женское училище. Всѣхъ учащихся въ городѣ Угличѣ около 1,300 человѣкъ обоего пола.

Изъ богоугодныхъ заведеній: богадѣльня для престарѣлыхъ гражданъ и городская больница. Въ Угличѣ много разныхъ заводовъ; но въ особенности замѣчательна бумажная фабрика, изъ которой бумага идетъ по всей Россіи.

Всѣхъ жителей въ Угличѣ въ настоящее время насчитывается до 15,000 человѣкъ.

Изъ древностей, сохранившихся до нашего времени, особенно замѣчателенъ дворецъ царевича Дмитрія, съ подземнымъ ходомъ подъ Волгу (нынѣ уже обрушившимся) и тюрьмою временъ Іоанна Васильевича Грознаго. Есть древняя церковь въ Алексѣевскомъ монастырѣ, построенная въ началѣ XV вѣка, великолѣпная церковь новой архитектуры въ женскомъ Богоявленскомъ монастырѣ и остатки маленькой крѣпости съ сохранившимися древними чугунными пушками и пищалями. Въ промышленномъ отношеніи угличане славятся производствомъ колбасы и окороковъ; первая развозится по всей Россіи и извѣстна подъ названіемъ «Угличской»

Угличанки изъ бѣднаго класса славятся шитьемъ мѣшковъ для всей волжской хлѣбной торговли.

В. М.

Кто выигралъ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

Староста пошелъ впередъ.

Войдя въ домикъ, гдѣ проживалъ Бартэльсъ, Питтъ попросилъ указать ему постель работника. Порывшись въ ней, слѣдователь нашелъ старый пистолетъ.

— Чей онъ? спросилъ Питтъ поденщика.

— Бартэльса. Откуда досталъ онъ его—не знаю.

— Давно у него этотъ пистолетъ?

— Да ужъ нѣсколько недѣль будетъ. Принесъ онъ какъ-то его сюда, да это мнѣ, признаться, не понравилось... Боялся я—ну, надѣлаетъ онъ съ нимъ бѣды еще!

— Развѣ вы считаете Бартэльса способнымъ на такое дѣло?

— Э, нѣтъ, не то! Я говорю только, что онъ по неосторожности можетъ какъ нибудь набѣдокурить, отвѣтилъ поденщикъ:—хоть онъ и былъ въ солдатахъ, знаетъ, какъ съ оружіемъ обходиться, ну, а все-же парень онъ бойкій... Да тутъ и дѣтишки мои откопали-бы эту штуку—долго-ли до грѣха!...

Слѣдователь особенно тщательно сталъ осматривать пистолетъ, который оказался заряженнымъ. Мѣдный пистонъ отчасти уже позеленѣлъ, что доказывало, что онъ давно былъ насаженъ, а на внутренней стѣнкѣ ствола была ржавчинка... Значитъ, изъ этого пистолета нѣсколько дней уже не стрѣляли. Опустивъ въ дуло пульку, которою былъ убитъ Мальтэнъ, Питтъ увидѣлъ, что она по величинѣ своей вовсе не подходитъ къ этому пистолету—свободно катается въ немъ, и убѣдился, что сосѣдъ фрейгерра былъ застрѣленъ не изъ *этого* пистолета.

Обыскавъ сундучекъ, стоявшій около вороха соломы, слѣдователь не нашелъ въ немъ ничего подозрительнаго, затѣмъ, взявъ съ собою пистолетъ Бартэльса, оставилъ домикъ и отправился въ резиденцію, куда уже раньше уѣхалъ прокуроръ. Арестованныхъ приказано было препроводить въ городъ.

На другой день, утромъ, когда Питтъ еще былъ дома, къ нему явился фрейгерръ Манштейнъ. „Маленькій фрейгерръ“ былъ блѣденъ, однако лицо его обнаруживало то твердое спокойствіе, которое бываетъ у человѣка, рѣшившагося на что нибудь послѣ тяжелой внутренней борьбы, причемъ то, что уже рѣшено имъ—будетъ неуклонно приведено въ исполненіе.

Библиотека "Руниверс"

Слѣдователь быстро всталъ и поспѣшилъ къ нему навстрѣчу.

— Я пришелъ къ вамъ съ тѣмъ, чтобы предложить одинъ вопросъ, заговорилъ старикъ, — и, если долгъ службы не воспрепятствуетъ вамъ, прошу васъ: отвѣтьте мнѣ съ полною откровенностью.

— Извольте, обѣщаю вамъ это, отвѣтилъ Питтъ.

— Благодарю. Вы арестовали вчера нѣсколько человѣкъ рабочихъ... Имѣете-ли вы доказательства въ томъ, что именно они убили моего друга—фонъ Мальтэна?

Слѣдователь какъ-то замедлилъ отвѣтомъ.

— Позвольте, прибавилъ фрейгерръ:—я забылъ вамъ сказать еще одно: чтобы вы мнѣ ни сообщили — даю честное слово, что буду молчать, никому ни слова не скажу!

— Да, подозрѣніе пало на нихъ, сказалъ Питтъ, но доказательства, какія имѣются у насъ до сихъ поръ— слишкомъ еще слабы...

Такой отвѣтъ, повидимому, не удовлетворилъ фрейгерра... Съ секунду онъ помолчалъ, какъ-бы соображая что-то, и потомъ произнесъ:

— Нѣтъ, прошу васъ говорить со мной вполнѣ откровенно! Право, вы смѣло это можете... Считаете-ли вы рабочихъ убійцами?...

— Нѣтъ, отвѣтилъ спокойно слѣдователь и прибавилъ: я даже твердо убѣжденъ, что они неповинны въ этомъ дѣлѣ.

„Маленькій фрейгерръ" по прежнему былъ спокоенъ, однако руки его какъ будто дрожали, а плотно-сжатыя губы показывали, что тамъ, въ душѣ его, было далеко не такъ спокойно, какъ снаружи...

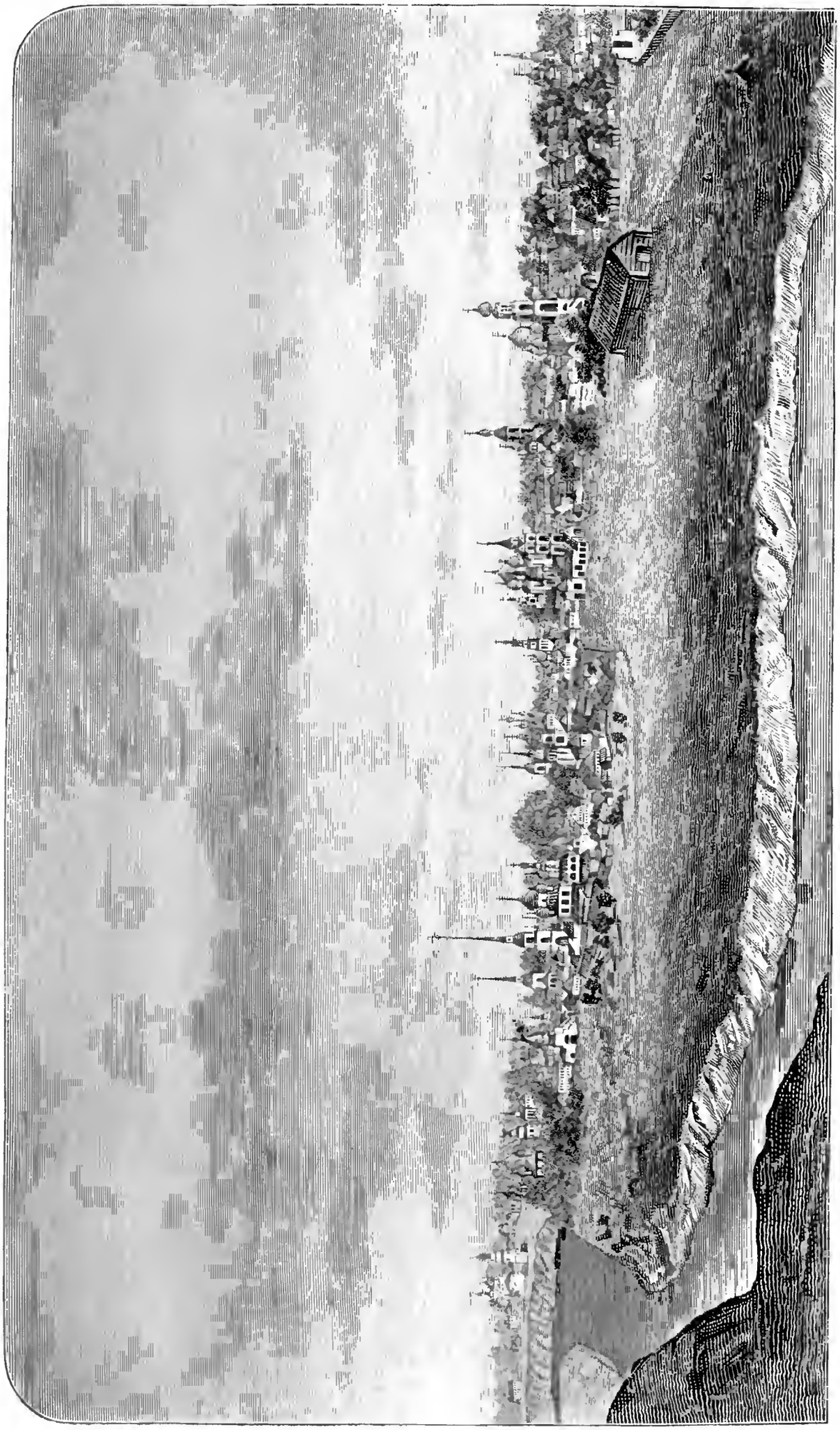
— Благодарю васъ, проговорилъ послѣ небольшой паузы Манштейнъ.—Что-жъ, подозрѣваете-ли вы кого нибудь?

— Пока еще—нѣтъ. Мнѣ вообще слишкомъ мало извѣстны обстоятельства, жизнь покойнаго, и вотъ потому я и хотѣлъ сегодня отправиться въ имѣнье его, въ надеждѣ хоть что нибудь узнать отъ госпожи Мальтэнъ.

— Ахъ, нѣтъ, не дѣлайте этого! живо заговорилъ фрейгерръ. Пожалѣйте несчастную женщину!... О, какъ тяжолъ былъ для меня вчерашній день!... Случись еще такой-же—и я-бы, кажется, протянулъ ноги... Жена и дочь Мальтэна пріѣхали ко мнѣ... пріѣхали, чтобы видѣть... покойника... Я не хотѣлъ допустить ихъ туда, но это мнѣ не удалось: я самъ повелъ ихъ къ нему и былъ свидѣтелемъ такой потрясающей сцены, какой и вообразить себѣ не могъ!.. Вообще человѣкъ я не слабый, совладѣть съ собой могу, но какъ только вспомню вчерашнее... дрожь пробираетъ!... Нѣтъ, пощадите этихъ

Михаилъ Любибратичъ. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"



Общій видъ города Углича, Ярослав. губ. Рис. съ натуры Василій Молчановъ, грав. Малиновскій.

Библиотека "Руниверс"

несчастныхъ... Вѣдь онѣ до сихъ поръ еще не могутъ свыкнуться съ ужасною мыслью о потерѣ такого человѣка!...

— Говорили-ли вы съ ними что нибудь по поводу этого случая? спросилъ Питтъ.

— Да́, мы говорили...

— Не подозрѣваютъ-ли онѣ кого нибудь?

— Нѣтъ, никого не подозрѣваютъ.

— Послушайте, господинъ фрейгерръ! обратился слѣдователь къ Маннштейну, устремивъ на него пристальный взглядъ:—а вы тоже никого не подозрѣваете?...

„Маленькій фрейгерръ" слегка вздрогнулъ.. .Онъ старался глядѣть куда нибудь, только не на слѣдователя; грудь его тяжело вздымалась, казалось — трудно было ему подавить то̀, что бушевало тамъ и рвалось наружу...

— Тоже никого не подозрѣваю, отвѣтилъ онъ, помолчавъ немного.

— Но вы можете быть увѣрены, что я буду также скроменъ и остороженъ, что̀бы вы мнѣ ни сообщили, проговорилъ Питтъ (ему казалось, что фрейгерръ скрывалъ истину):—а потому прошу и васъ оказать мнѣ довѣріе.

— Не сомнѣваюсь нисколько, господинъ слѣдователь! Вы—честный человѣкъ, я это знаю, но мнѣ нѐчего сообщить вамъ... Смерть друга моего глубоко меня печалитъ, и я никогда не примирюсь съ тѣмъ, что она постигла его въ моемъ домѣ!.. Мальтэнъ пріѣхалъ ко мнѣ, онъ былъ моимъ гостемъ, я-же свято чту гостепріимство, и вотъ, что̀ случилось съ нимъ подъ моей кровлей... Господинъ Питтъ! Я охотно отдалъ-бы все, все, что̀ имѣю, если-бы могъ этимъ вернуть жизнь Мальтэна... Это я говорю вамъ прямо отъ сердца!

— Совершено увѣренъ въ этомъ, сказалъ Питтъ. Фрейгерръ поклонился и вышелъ.

Слѣдователь принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Странно, загадочно держалъ себя „маленькій фрейгерръ"... Что̀ именно тутъ такое—трудно было разгадать. Одна мысль какъ-то засѣла въ голову Питта, и онъ готовъ былъ вѣрить, что Маннштейну извѣстно, кто убилъ его друга, только фрейгерръ почему-то не рѣшался объявить этого... Неужели Мальтэнъ былъ застрѣленъ по ошибкѣ?... Думалъ, раздумывалъ слѣдователь, строилъ различныя гипотезы, но — увы, ни одна изъ нихъ не выдерживала критики!... Да не самъ-ли Мальтэнъ лишилъ себя жизни? Если это такъ, то, вѣроятно, фрейгерръ счелъ долгомъ не открывать этой тайны, чтобы избавить семейство несчастнаго отъ новаго огорченія и обычнаго, такъ сказать, чувства стыда при мысли о самоубійствѣ близкаго человѣка?... Вѣдь онъ первый, послѣ выстрѣла, вошелъ въ спальню и, очень можетъ быть, увидѣвъ пистолетъ—спряталъ его... Такое предположеніе имѣло, кажется, основаніе, если припомнить смущеніе фрейгерра и то́ чувство боязни, которое онъ обнаружилъ. Наконецъ, этимъ-же можно было объяснить, почему онъ нарочно пріѣхалъ къ слѣдователю съ цѣлью узнать, въ какой степени заподозрѣны рабочіе, ибо его не могла не безпокоить мысль, что арестованы невинные, и ихъ, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, обвинятъ въ убійствѣ?...

Питтъ рѣшился употребить всѣ усилія съ своей стороны, чтобы добиться истины, ктому-же это была и прямая его обязанность: нужно-же снять подозрѣніе, упавшее на людей, невинныхъ въ убійствѣ. Разузнать кое-что у вдовы Мальтэна и ея дочери о жизни покойнаго и вообще объ обстоятельствахъ его до катастрофы—можно было легко, даже если-бы ему и пришлось быть сдержаннѣе, осторожнѣе въ разспросахъ своихъ.

Выйдя на улицу, Маннштейнъ пошелъ медленнымъ шагомъ. Знакомые встрѣчались съ нимъ, раскланивались, но онъ ничего не замѣчалъ. Что-то страдальческое, печальное было въ его лицѣ. Всегда держалъ онъ голову прямо, а теперь она была опущена... Не го́ды были этому причиной... Все ближе и ближе подвигался фрейгерръ къ дому своего повѣреннаго—нотаріуса Геллера, который съ давнихъ уже временъ завѣдывалъ дѣлами его, требующими „юридической закваски", и въ случаѣ нужды—помогалъ совѣтами. Вотъ, и дошелъ онъ до дверей конторы Геллера, прошелъ первую комнату, взялся уже за ручку замка̀ кабинетной двери и — вдругъ, въ нерѣшимости, пріостановился... Какъ видно, трудно было ему выполнить свое намѣреніе, онъ обдумывалъ что-то, наконецъ — вошелъ въ кабинетъ. Нотаріусъ поспѣшилъ къ нему навстрѣчу.

— Я слышалъ о преступленіи, которое совершено было въ вашемъ домѣ, заговорилъ онъ, и хотѣлъ—

Фрейгерръ остановилъ его движеніемъ руки.

— Оставимъ это, произнесъ онъ: — я пришелъ къ вамъ по другому дѣлу. Вы уже разъ помогли мнѣ въ составленіи моего духовнаго завѣщанія... Я опять пришелъ за тѣмъ же-и долженъ просить снова вашей помощи...

— Вы знаете, что я всегда къ вашимъ услугамъ, отвѣтилъ нотаріусъ. Вамъ, вѣроятно, хочется что нибудь прибавить къ духовной?

Фрейгерръ покачалъ головой.

— Нѣтъ, я беру обратно завѣщаніе мое, которое находится въ судѣ, уничтожаю его, чтобы инымъ образомъ распорядиться относительно моего имущества.

— Значитъ, вы не хотите назначить племянника главнымъ вашимъ наслѣдникомъ? спросилъ удивленный Геллеръ.

— Да, не хочу. Прошу васъ изложить на бумагѣ распоряженіе мое: племянника моего, сына сестры моей, барона Александра ф. Зельдитца, я *вовсе* лишаю пра́ва на наслѣдство; онъ не долженъ даже быть со-наслѣдникомъ наравнѣ съ другими моими дальними родственниками; все-же имущество мое (если не послѣдуетъ съ моей стороны новаго распоряженія) должно быть распредѣлено равномѣрно между этими послѣдними, какъ законными наслѣдниками. Суду я представляю разобрать заявленія претендентовъ на наслѣдство, разсмотрѣть доказательства ихъ родства со мною, а равно — и самый раздѣлъ всего имущества.

Нотаріусъ даже испугался; онъ уже присѣлъ къ столу, чтобы писать, но едва не выронилъ пера...

— Невозможно! воскликнулъ онъ. Нѣтъ, это вы вѣрно—шутите! Сами-же вѣдь вы говорили мнѣ, что у племянника вашего положительно нѣтъ никакихъ средствъ?!...

— Нисколько не шучу. Говорю совершенно серьезно.

— Развѣ вы совсѣмъ разошлись съ нимъ?...

Геллеръ позволилъ себѣ сдѣлать подобный вопросъ фрейгерру, такъ какъ былъ посвященъ во всѣ его дѣла.

— Прошу васъ написать все то́, что̀ сказано мною. Дѣло это я хорошо обдумалъ, и вы можете быть увѣрены, что если я поступаю такъ, то на это есть свои причины. Да̀, вотъ еще что: мнѣ хочется, чтобы вы обратили вниманіе на слѣдующее, а именно—на самое точное соблюденіе юридической формы, чтобы были указаны соотвѣтствующія статьи закона, дабы какая нибудь ошибка не подала потомъ повода уничтожить завѣщаніе, т. е., объявить его недѣйствительнымъ. Воля моя непоколебима, и вы, я думаю, конечно, убѣдились, что этотъ актъ совершаю я въ твердой памяти и въ полномъ разсудкѣ.

Нотаріусъ исполнилъ желаніе Маннштейна, и пока онъ писалъ, фрейгерръ медленнымъ шагомъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ онъ прочелъ съ величайшимъ вниманіемъ вновь написанное завѣщаніе и твердою рукою подписалъ подъ нимъ свое имя.

— А теперь я попрошу васъ, сказалъ онъ, проводить меня въ судъ, чтобы сдать тамъ на храненіе эту духовную и вытребовать прежнюю, которую я и уничтожу.

Библиотека "Руниверс"

Они отправились. Все это для Геллера было загадкой, но онъ не хотѣлъ вторично распрашивать фрейгерра, потомучто „маленькій фрейгерръ“ и въ первый разъ отвѣтилъ ему, противъ своего обыкновенія, какъ-то коротко, отрывисто...

Получивъ въ судѣ первое свое завѣщаніе, Маннштейнъ даже не вскрылъ его, а прямо разорвалъ бумагу на нѣсколько частей и лоскутки засунулъ въ карманъ.

— Ну-съ, пойдемте теперь, обратился онъ къ Геллеру, выпьемъ въ погребкѣ стаканъ вина для подкрѣпленія! Что́-жъ, это вѣдь не нанесетъ особеннаго ущерба будущимъ моимъ наслѣдникамъ.... А хотѣлось-бы мнѣ быть при вскрытіи завѣщанія, чтобы видѣть, какъ это вдругъ въ сердца́хъ моихъ родственниковъ вспыхнетъ любовь къ умершему фрейгерру Маннштейну! Вѣдь они никогда относительно меня не обнаруживали такого чувства, такъ какъ не ожидали (и теперь не ожидаютъ), чтобы я вспомнилъ ихъ въ своей духовной...

Когда фрейгерръ, вмѣстѣ съ нотаріусомъ, спустившись по лѣстницѣ судебной палаты, вышелъ на улицу— мимо нихъ проѣзжалъ баронъ Зельдитцъ. Баронъ замѣтилъ ихъ обоихъ... Щеки его мгновенно поблѣднѣли, потомучто онъ сразу по́нялъ, что именно привело его дядю, вмѣстѣ съ Геллеромъ, въ судъ.

Зельдитцъ задергалъ уздечкой, какъ-бы желая остановить лошадь, но потомъ сильно пришпорилъ ее и ускакалъ.

— Ну, вотъ, видѣли? обратился фрейгерръ къ своему спутнику... Кажется, между мной и племянникомъ отношенія не особенно дружелюбныя...

И, не дожидаясь отвѣта, онъ быстро зашагалъ по тротуару. Геллеръ послѣдовалъ за нимъ.

(Продолженіе будетъ).

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Императорская паровая яхта „Держава» съ Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великой Княгиней Цесаревной, вышла изъ Копенгагена во вторникъ, 7-го (19-го) октября, въ 2 часа по полудни, въ сопровожденіи паровой яхты «Царевна».

Колесный пароходо-фрегатъ „Олафъ» вышелъ изъ Копенгагена, для слѣдованія въ Кронштадтъ, въ понедѣльникъ 6-го (18-го) октября.

— Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Государыня Великая Княгиня Цесаревна, съ Августѣйшими Дѣтьми, возвратясь на яхтѣ „Держава“ изъ заграничнаго путешествія въ Данію, изволили прибыть въ Петербургъ на яхтѣ „Александрія» 10-го сего октября, въ 3 часа 10 мин. пополудни, и въ 4 часа, съ экстреннымъ поѣздомъ, отправились на жительство въ городъ Царское-Село.

Дѣйствія правительства.

Высочайшія повелѣнія:

Государь Императоръ, 12-го августа сего года, Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Синода объ учрежденіи въ городѣ Перми женской общины.

— *Объ изъятіи зданій вѣдомства Императорскаго Двора отъ платежа ежегоднаго сбора въ пользу города.* Въ именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ Ливадіи, 12-го сентября 1875 года, за Собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено: «Всѣ зданія вѣдомства Императорскаго Двора повелѣваемъ изъять отъ платежа денежнаго ежегоднаго сбора въ пользу города. Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

— Святѣйшій Синодъ, входя въ бѣдственное положеніе духовенства города Моршанска, пострадавшаго во время пожара 25-го мая сего года, препроводилъ двѣ тысячи рублей въ распоряженіе преосвященнаго тамбовскаго, который и самъ пожертвовалъ изъ собственныхъ средствъ 300 рублей, для выдачи пособій пострадавшимъ.

Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ, 19-го іюля сего года, Высочайше соизволилъ Собственноручно написать противъ пункта объ упомянутомъ распоряженіи Святѣйшаго Синода:—*«очень хорошо»*, а противъ пункта о пожертвованіи преосвященнаго тамбовскаго:—*«благодарить»*.

Дѣла церкви.

— „Церковно-общественный Вѣстникъ“ слышалъ, что коммисія, составленная по поводу уменьшенія числа праздничныхъ дней и и разгула въ народѣ, окончивъ свои занятія, пришла, между прочимъ, къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Возложить на приходскихъ священниковъ, преподающихъ въ сельскихъ школахъ законъ Божій, обязанность обращать особенное вниманіе на четвертую заповѣдь и излагать подробно и обстоятельно ученіе православной церкви о значеніи праздниковъ и воскресныхъ дней. 2) При устройствѣ новыхъ храмовъ располагать мѣстныхъ прихожанъ къ тому, чтобы храмъ посвященъ былъ во имя угодниковъ и святыхъ, чтимыхъ не въ извѣстномъ только краѣ, а повсемѣстно. 3) Земства могутъ, по своему усмотрѣнію, награждать крестьянъ, отличающихся благонравіемъ и правильнымъ веденіемъ хозяйства, деньгами, хлѣбомъ и другими сельско-хозяйственными принадлежностями. Полный проектъ правилъ, выработанный коммиссіей, въ скоромъ времени поступитъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Морское дѣло.

Въ „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ“ сообщаются слѣдующія подробности о плаваніи 12-ти пушечнаго винтоваго фрегата «Свѣтлана», находящагося подъ командою Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича:

«Фрегатъ провелъ конецъ сентября въ Венеціи, стоя на внутреннемъ рейдѣ, противъ таможни и знаменитой набережной дворца дожей. 25-го сентября съ фрегата уѣхалъ въ Россію Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, служившій на фрегатѣ въ качествѣ гардемарина и возвратившійся въ Петербургъ для продолженія своихъ классныхъ занятій. Его Высочество возвратился въ Петербургъ 1-го октября со стоящимъ при немъ капитанъ-лейтенантомъ И. А. Зеленымъ, черезъ Вѣну и Варшаву. Передъ отъѣздомъ Великаго Князя, гардемарины-товарищи Его Высочества по службѣ на фрегатѣ просили позволенія дать обѣдъ въ честь своего Августѣйшаго сослуживца. Августѣйшій командиръ фрегата присутствовалъ на этомъ обѣдѣ, за которымъ ясно обрисовался тотъ прекрасный духъ любви къ своему дѣлу и добраго товарищества, который всегда характеризовалъ общество офицеровъ нашихъ судовъ, плавающихъ продолжительное время, и служитъ лучшимъ украшеніемъ нашихъ кают-компаній, члены которыхъ всегда готовы помочь другъ другу и честно и вѣрно исполнить свой долгъ. Духъ товарищества на судахъ переносится затѣмъ на берегъ и служитъ лучшимъ подпорьемъ продолженія тѣхъ историческихъ преданій, которыми вправѣ гордиться наши моряки, преемники героевъ: Гангуда, Гренгама, Чесмы, Красной-Горки, Наварина, Синопа и славной защиты Севастополя. Духъ преданности Престолу и отечеству, духъ честнаго отношенія къ своему дѣлу и добраго согласнаго товарищества постоянно царствовалъ на нашихъ судахъ и, въ этомъ отношеніи фрегатъ «Свѣтлана», безспорно представляетъ собою самый прекрасный образчикъ, вполнѣ выразившійся въ томъ небольшомъ гардемаринскомъ праздникѣ, который ознаменовалъ собою отъѣздъ изъ Венеціи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича. Изъ Венеціи фрегатъ «Свѣтлана» снова возвратится на станцію въ Пирей, гдѣ вѣроятно и будетъ находиться во время посѣщенія его королевскаго высочества принца Уэльскаго».

— Винтовый 12-ти пушечный фрегатъ «Свѣтлана», подъ командою Его Императорскаго Высочества Великаго князя Алексѣя Александровича, во вторникъ, 7-го (19-го) октября, вышелъ изъ Венеціи для слѣдованія въ Пирей.

— Командующій отрядомъ судовъ въ Тихомъ океанѣ, контръ-адмиралъ Брюммеръ, доноситъ изъ Нагасаки отъ 22-го іюня, что 18-го (30-го) іюня онъ имѣлъ прощальную аудіенцію у Императора Японіи; причемъ его величество пожелалъ ему благополучнаго пути въ отечество и поручилъ передать Его Величеству Государю Императору чувства самой искренней дружбы и глубокаго расположенія, какъ къ старшему своему брату. Затѣмъ его величество Микадо прислалъ контръ-адмиралу Брюммеру портретъ ея величества Императрицы Японіи.

— 13-го сентября происходила на Бакинскомъ рейдѣ проба военнаго парохода «Насръ-Эдинъ шахъ», только-что передѣланнаго на нефтяное отопленіе; а чрезъ мѣсяцъ будутъ производить тѣ-же опыты надъ другимъ военнымъ судномъ «Персіянинъ». Первые опыты показали, согласно съ результатами, добытыми трехъ-лѣтнею практикою судовъ Общества «Кавказъ и Меркурій», что нефтяныхъ остатковъ сгораетъ при полномъ ходѣ въ одинъ часъ до 20 пуд.; значитъ, считая продуктъ по 7 или 8 коп. за пудъ, расхода въ часъ около 1 р. 50 коп., тогда какъ военныя суда сжигали угля въ то-же время рублей на 20, если не больше. Притомъ-же каменный уголь доставляется сюда съ большими трудностями и можетъ случаться въ немъ недостатокъ; нефти-же тутъ положительно дѣвать некуда и она можетъ только дешевѣть при развитіи этого дѣла. Надобно надѣяться, что всѣ эти соображенія вынудятъ морское министерство передѣлать и прочія свои суда на нефть и покончить съ каменнымъ углемъ, тѣмъ болѣе, что сама передѣлка обходится сравнительно не дорого — отъ 40 до 50 тысячъ рублей за машину-

Библиотека "Руниверс"

Некрологъ.

Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой, писатель—поэтъ, возвратившись недавно изъ Италіи (гдѣ онъ лѣчился) въ Россію, отправился прямо въ свое имѣніе, село Красный Рогъ (Черниговской губерніи). Онъ надѣялся окончательно поправиться на родинѣ. Къ глубокому сожалѣнію, надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться: 29-го сентября онъ умеръ. Извѣстіе о кончинѣ поэта тяжело отзовется на всѣхъ, кому дорога русская литература. Покойный провелъ дѣтство на родинѣ, въ деревнѣ, получилъ домашнее воспитаніе, и только выдержалъ выпускной экзаменъ въ московскомъ университетѣ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ стали появляться въ московскихъ и петербургскихъ журналахъ его первыя стихотворенія, обратившія на себя вниманіе глубокимъ знаніемъ народнаго быта и горячею любовью къ нему. Особенный успѣхъ имѣли пьесы, помѣщенныя въ „Современникѣ". Изъ большихъ произведеній его появились въ „Русской Бесѣдѣ" и «Русскомъ Вѣстникѣ» поэма „Іоаннъ Дамаскинъ» и драма „Донъ-Жуанъ». Въ «Русскомъ Вѣстникѣ„, въ 1861 году, напечаталъ романъ его «Князь Серебряный, встрѣченный публикой съ полнымъ сочувствіемъ. Эпоху Грознаго графъ Толстой изучилъ во всѣхъ подробностяхъ ея общественнаго быта и очерчилъ ее, еще прежде, во многихъ историческихъ баладахъ, какъ, напримѣръ, «Василій Шибановъ», «Старицкій Воевода», «Князь Михайло Репнинъ", и вывелъ, наконецъ, на сцену въ драмѣ «Смерть Іоанна Грознаго». Появленіе этой пьесы, напечатанной предварительно въ »Отечественныхъ Запискахъ" 1866 года, на сценѣ Маріинскаго театра, составило эпоху въ исторіи нашей сцены. Колоссальная, мрачная фигура «вѣнчаннаго тигра», какъ его называетъ Пушкинъ, очерченная въ высшей степени художественно и рельефно, превосходный русскій языкъ драмы, шекспировскій пошибъ въ ходѣ дѣйствія, особенно, въ послѣднихъ сценахъ —все это, даже при весьма слабомъ исполненіи, не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на публику. Въ 1867 году вышло полное собраніе стихотвореній покойнаго. Послѣднія стихотворенія его появились въ „Русскомъ Вѣстникѣ», а самое послѣднее «Драконъ», разсказъ XII вѣка, было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы» за октябрь нынѣшняго года.

Портретъ графа А. К. Толстаго былъ помѣщенъ въ «Нивѣ» за 1872 г., на стр. 629-й, а потому въ настоящемъ № мы и не выставили его портрета.

СОДЕРЖАНІЕ. Смерть Юлія Цезаря (картина профессора Пилоти, 1-я премія).—Мадона Севильская (картина Мурильо, 2-я премія).—Бассейнъ Пиѳіи въ зданіи новой Парижской оперы (съ рисункомъ). — Тайна чисель.—Бѣдные часы! (съ рисункомъ).—Любибратичь (съ портретомъ) —Угличъ (съ рисункомъ).—Ктов выигралъ? (Романъ изъ современной уголовной хроники). Соч. Ф. Фридриха (продолженіе).—Разныя извѣстія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА" на 1876 годъ.

Въ виду приближенія времени подписки на 1876 г., мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ**

При возобновленіи подписки просимъ покорно **высылать печатные редакціонные адреса отъ бандеролей**, въ которыхъ подписчики получаютъ „Ниву" въ нынѣшнемъ 1875 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА **„НИВЫ"** НА **1876** ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

Издатель «НИВЫ» **А. Ф. МАРКСЪ.**

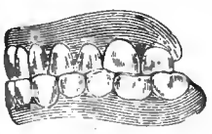
ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Для удобства гг. иногородныхъ подписчиковъ прилагаются при этомъ № „Нивы" подписной бланкъ и конвертъ, съ адресомъ редакціи для возобновленія подписки на нашъ журналъ въ 1876 году, которые мы и просимъ употреблять при подпискѣ.

За Редактора
Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

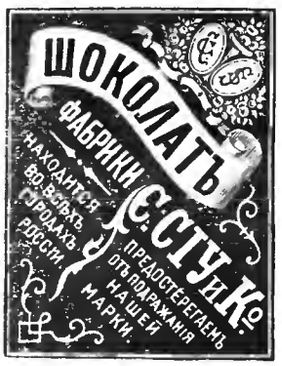
ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Карлъ  **Баухъ.**

Принимаетъ больныхъ ежедневно, отъ 0 час. до 3 часовъ. Пломбированіе, вставленіе зубовъ и цѣлыхъ челюстей по самой новѣйшей американской методѣ.

С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9. 6—3

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—22



45—14

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ" 1875 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцовъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова*. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской епохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы" 1875 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Шильвазена*. Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ" 1875 г. 1 р. съ пересылкой.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 14 Октября 1875 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морская, № 9. Типо-Литографія Бенке, Невскій пр. № 10

Библиотека

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.
№ 44 1875
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Выданъ 3 Ноября 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Открыта подписка на журналъ „НИВА" на 1876 годъ.

Сэръ Чарльзъ Ляйэль.

Геологія, т. е. наука о происхожденіи и преобразованіи земной коры (до настоящаго ея вида) получила настоящее свое начало, какъ вообще всякое естествознаніе, очень поздно. Первый основатель этой науки, вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменитый портретистъ, итальянецъ Леонардо-да-Винчи († 1519), найдя при взрытіи какой-то канавы окаменѣлыя растенія и животныя въ землѣ, сталъ доказывать, что окаменѣлости эти не могли образоваться подъ вліяніемъ звѣздъ или какихъ либо подобнымъ таинственныхъ силъ, какъ въ то время думали. Съ тѣхъ поръ ученые стали заниматься подобными вопросами, и началось прилежное изученіе образованія земной коры. Но въ началѣ, конечно, всѣ выведенные ими результаты были весьма незначительны и неточны. Болѣе всего спорили о томъ, что должны-ли сдѣланныя открытія согласоваться съ разсказомъ Моисея о сотвореніи міра? Большую путаницу произвело также и то обстоятельство, что камни, минералы, слои земли и окаменѣлости—все это вмѣстѣ причислялось къ минераламъ. Начало ихъ подраздѣленію сдѣлалъ Кронстедтъ, который въ предисловіи къ своему учебнику о минералахъ, изданному въ 1757 году, говоритъ, что слои земли — это смѣсь разнородныхъ минераловъ, а не отдѣльные минералы, и что окаменѣлыя растенія и животныя вовсе не должны быть причисляемы къ минераламъ.

Сэръ Чарльзъ Ляйэль.

Въ тоже время начали также изслѣдовать устройство земли въ разныхъ странахъ и старались опредѣлить, какое отношеніе имѣютъ различныя наслоенія другъ къ другу. Первая заслуга въ этомъ дѣлѣ выпала на долю германца Вернера. Въ концѣ прошлаго вѣка представилъ онъ теорію, которая впослѣдствіи принята была чуть ли не всѣми геологами. Вернеръ объявлялъ, что *вода* наиболѣе

Библиотека "Руниверс"

содѣйствовала образованію земной коры. Англичанинъ Гуттонъ выступилъ съ новой теоріей, послѣдователи которой предписываютъ *огню* главную роль въ исторіи развитія земли. Первая теорія называется обыкновенно Нептуническою, вторая—Плутоническою.

Между защитниками той и другой теоріи возгорѣлся поэтому научный споръ, благодаря которому наука много выиграла, такъ какъ обѣ стороны — нептунисты и плутонисты—прилежно изслѣдовали устройство земли въ разныхъ мѣстахъ, причемъ каждая сторона старалась выдвинуть свою теорію, подкрѣпляя ее сдѣланными открытіями. Чтобы картина устройства земли могла сдѣлаться болѣе понятною, начали употреблять геологическіе атласы. Составитель ихъ—Вильямъ Смитъ (+1839) первый указалъ на то обстоятельство, что одинаковые слои земли всегда правильно ложились, и сдѣлался такимъ образомъ основателемъ науки о наслоеніи пластовъ въ земной корѣ.

Французъ Кювье, съ своей стороны, двинулъ впередъ эту науку. Онъ собиралъ и соединялъ добытыя имъ въ слояхъ земли кости и утверждалъ, что эти остатки принадлежали когда-то чудовищнымъ, теперь вполнѣ исчезнувшимъ животнымъ, доказывая тѣмъ, что роды и виды животныхъ имѣли свою исторію развитія на земномъ шарѣ. Позднѣе, другіе естествоиспытатели нашли, что животныя и растенія въ разныхъ пластахъ различны, вслѣдствіе чего и начали дѣлить геологію на отдѣльные періоды по этимъ наслоеніямъ.

Великія, всюду въ глаза бросающіяся перемѣны на земной поверхности сначала естественно привели къ тому заключенію, что онѣ не могли явиться иначе, какъ подъ вліяніемъ страшныхъ, быстрыхъ переворотовъ. Когда, напримѣръ, увидѣли широкое, длинное и глубокое ущелье, перерѣзывающее горный хребетъ, то не могли ничѣмъ инымъ объяснить происхожденіе этого ущелья, какъ страшнымъ мгновеннымъ разломомъ хребта въ этомъ мѣстѣ. Когда на высотахъ Альповъ увидѣли слои известняка, наполненные раковинами, то пришли къ тому заключенію, что эти раковины во время страшнаго землетрясенія попали туда. Замѣтивъ трещины въ горахъ и увидѣвъ въ сѣверныхъ странахъ такъ называемые валуны—большіе камни, лежащіе на поверхности земли, рѣшили, что такія находки слѣдуетъ объяснить когда-то бывшимъ ужаснымъ наводненіемъ: волны хлынувшей воды должны были имѣть громадную силу, чтобы катить камни величиною въ трехъ-этажные дома. При видѣ различія въ строеніи животныхъ и растеній древнѣйшихъ слоевъ сравнительно съ нынѣ существующимъ органическимъ міромъ, не могли ничѣмъ инымъ объяснить это различіе, какъ только тѣмъ, что когда все сотворенное разрушилось, погибло во время тѣхъ большихъ переворотовъ, то Творцу пришлось опять все снова сотворить по новымъ формамъ.

Противъ подобныхъ гипотезъ возсталъ Чарльзъ Ляйэль, недавно умершій знаменитый англійскій геологъ и естествоиспытатель, портретъ котораго мы помѣстили въ настоящемъ № нашего журнала. Онъ энергически напалъ на приверженцевъ старой теоріи, доказалъ несостоятельность ихъ объясненій, разбилъ ихъ доводы и имѣлъ такой успѣхъ, что сравнительно въ короткое время теорія его заняла первенствующее мѣсто въ ученомъ мірѣ. Ляйэль, на основаніи собственныхъ наблюденій и изслѣдованій, доказалъ, что если на земномъ шарѣ и происходили страшные перевороты, если поверхность его измѣнялась, то все это совершалось постепенно, медленно, подъ вліяніемъ безпрерывно дѣйствующихъ силъ природы, какъ совершается оно и въ настоящее время. Ужасныя катастрофы подготовлялись въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, и теперь еще идетъ работа тамъ и сямъ, почти ежедневно обнаруживаются результаты ея, но такъ какъ они рѣдко сопровождаются громомъ и трескомъ, то и остаются незамѣченными. Если же вдругъ что-либо обрушивается, проваливается, грохочетъ—словомъ разражается катастрофа—тогда публика приходитъ въ волненіе, даже безпокоится, воображая, что катастрофа случилась *внезапно*, что такое явленіе принадлежитъ къ разряду чрезвычайныхъ, неожиданныхъ. А вѣдь извѣстно, что вода, падая по каплѣ на камень, можетъ наконецъ просверлить его. Тамъ, гдѣ за десятки тысячъ лѣтъ тому назадъ земля поднялась на два фута - теперь высятся горы, вершины которыхъ исчезаютъ въ облакахъ. Ляйэль неутомимо, прилежно трудился, собирая данныя, подтверждающія его теорію. Въ сочиненіяхъ его вы найдете массу указаній, крупныхъ и мелкихъ фактовъ, говорящихъ въ пользу *новой* геологіи. Конечно, въ первое время, какъ и всякая новизна, теорія Ляйэля не встрѣтила въ средѣ консерваторовъ-ученыхъ надлежащаго сочувствія, явились противники новаго ученія, но, къ концу концовъ, лагерь ихъ сильно поредѣлъ и сэръ Чарльзъ Ляйэль вышелъ побѣдителемъ. Ему можно позавидовать, потому что рѣдко выпадаетъ на долю новатора-ученаго такое счастье: еще при жизни быть оцѣненнымъ по достоинству. Вспомните слова Беранже:

....Чуть изъ ряда выходятъ умы —
Смерть безумцамъ! мы яростно восмъ,
Поднимаемъ безсмысленный ревъ,
Мы преслѣдуемъ ихъ, убиваемъ
И... статуи *потомъ* воздвигаемъ,
Человѣчества славу прозрѣвъ!..

Чарльзъ Ляйэль родился въ 1797 г. въ Шотландіи. Отецъ его занимался естественными науками и въ свое время былъ извѣстенъ какъ хорошій ботаникъ. Сынъ, поступивъ въ Оксфордскій университетъ, готовился быть юристомъ, но его тянуло въ другую сторону, и вотъ, разставшись съ кодексомъ Юстиніана и всякими правами, онъ занялся исключительно геологіей. Понимая очень хорошо, что желающему изучить этотъ предметъ прежде всего необходимо ознакомиться на дѣлѣ съ характеристическими данными, указывающими на образованіе земной коры, Чарльзъ Ляйэль провелъ большую часть своей жизни въ путешествіяхъ по Старому и Новому свѣту. Въ 1824 г. онъ предпринялъ первую ученую экскурсію и объѣхалъ всю Германію, Францію и Италію. Пріѣхавъ въ Лондонъ, онъ сейчасъ-же получилъ каѳедру геологіи въ Королевской Коллегіи (Kings College), но скоро сложилъ съ себя званіе профессора, хотя въ короткое время успѣлъ обнаружить такія блестящія лекторскія способности, что прославился своими лекціями, а главное — заохотилъ англичанъ заниматься геологіею, и дѣйствительно съ тѣхъ поръ эта наука сдѣлалась любимою наукою сыновъ Альбіона. Въ 1834 г. Ляйэль отправился въ Швецію, съ цѣлью разузнать, почему сѣверная часть этой страны, а также и Финляндія, постоянно возвышаются; затѣмъ, съ 1841 г. по 1847 г. онъ путешествовалъ по Канадѣ и Сѣверо-американскимъ штатамъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ его за это время видно, что почтенный ученый, занимаясь научными наблюденіями, въ то же время слѣдилъ и за политикой, интересуясь «вопросами жизни».

Изъ сочиненій Ляйэля особеннаго вниманія заслуживаютъ «Основанія геологіи» (Principles of geology, 1830) и «Начала геологіи» (Elements of geology, 1838). Обѣ эти книги отличаются замѣчательною обработкою, богатствомъ содержанія и литературною отдѣлкою. Нельзя также не упомянуть и о другомъ его трудѣ, а именно: «Geological evidence sof the antiquity of man», 1863). Въ этой книгѣ Ч. Ляйэль старается, на основаніи новѣйшихъ геологическихъ изслѣдованій, опредѣлить древность рода человѣческаго.

Въ 1836 и 1850 гг. Ляйэль предсѣдательствовалъ въ собраніи членовъ Лондонскаго геологическаго общества. Прахъ знаменитаго геолога покоится въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, тамъ, гдѣ похоронены знаменитѣйшіе мужи Англіи. А такой чести Англія удостоиваетъ только немногихъ избранныхъ.

Кто выигралъ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

Въ усадьбѣ ф. Мальтэна царила глубокая печаль. Вдова и дочь покойнаго не могли еще свыкнуться съ мыслью о невозвратимой потерѣ... Ничто не въ состояніи было утѣшить ихъ: онѣ такъ горячо любили его... Имъ казалось—въ домѣ стало какъ-то страшно—пусто, а въ будущемъ онѣ уже не видѣли ничего отраднаго, свѣтлаго...

Послѣ Мальтэна осталось завѣщаніе, въ которомъ было выражено желаніе, чтобы Манштейнъ, въ случаѣ смерти завѣщателя, принялъ на себя обязанности опекуна его дочери. Разумѣется, фрейгерръ и сдѣлался опекуномъ Эмми, и сталъ на дѣлѣ доказывать свое сердечное расположеніе къ семейству покойнаго друга. Ежедневно бывалъ онъ у нихъ и старался всѣми силами хоть какъ нибудь успокоить осиротѣвшихъ женщинъ. До сихъ поръ никто не замѣчалъ въ „маленькомъ фрейгеррѣ“, чтобы онъ къ кому-бы то ни было относился особенно *нѣжно*, а *теперь*, увидѣвъ гдѣ нибудь въ уединенномъ уголкѣ грустное личико Эмми, старикъ сейчасъ-же подходилъ къ дѣвушкѣ, начиналъ гладить ея кудрявую головку, или подносилъ ей цвѣточекъ... А ужъ какъ сердце его надрывалось, если онъ

Библиотека "Руниверс"

видѣлъ, что Эмми плачетъ! Тутъ „маленькій фрейгерръ“, чтобы успокоить ее, употреблялъ такія мягкія выраженія, сыпалъ такими нѣжными словами, что, право, было удивительно—откуда это у него бралось!...

Позаботился онъ и о похоронахъ своего друга, а затѣмъ занялся управленіемъ хозяйства въ помѣстьи Мальтэна, и занялся съ чрезвычайною заботливостью, такъ что почти забылъ даже о своихъ поляхъ. Когда госпожа Мальтэнъ какъ-то напомнила ему, что онъ совсѣмъ бросилъ свои дѣла, фрейгерръ отвѣтилъ ей такъ:

— Оставьте это въ сторонѣ. Я лучше знаю, какъ велъ свое хозяйство Мальтэнъ, а потому и слѣдуетъ управлять имѣньемъ такъ, какъ онъ считалъ за лучшее, въ его духѣ... Ну, а мое хозяйство можетъ теперь и похуже идти: человѣкъ я одинокій, наслѣдники-же мои все равно получатъ болѣе, чѣмъ заслуживаютъ!...

Словомъ сказать, Манштейнъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто-бы хотѣлъ во что бы-то ни стало загладить какую-то вину, тяготившую его, какъ будто-бы онъ лично провинился передъ несчастной женщиной... И онъ дѣйствительно старался ослабить силу удара, поразившаго госпожу Мальтэнъ и ея дочь.

Баронъ Зельдитцъ, на другой-же день послѣ смерти Мальтэна, пріѣхалъ въ его имѣнье, чтобы „засвидѣтельствовать съ должнымъ прискорбіемъ свое искреннѣйшее сочувствіе“ и выразить готовность съ своей стороны оказать посильную помощь. Онъ заговорилъ такимъ задушевнымъ тономъ, такъ тепло соболѣзновалъ, что дѣйствительно утѣшилъ немножко вдову, глубоко удрученную горемъ...

Госпожа Мальтэнъ знала, что покойный мужъ ея желалъ имѣть Зельдитца своимъ зятемъ, а потому на желаніе это она стала смотрѣть теперь какъ на нѣчто священное для нея, причемъ дала себѣ слово употребить всѣ усилія, чтобы оно осуществилось. Конечно, въ сердцѣ Эмми теперь не было мѣста никакому *другому* чувству; она слишкомъ отдалась своей скорби; однако-же г-жа Мальтэнъ дала понять барону, что и впредь визиты его будутъ ей пріятны.

И Зельдитцъ пріѣзжалъ къ нимъ довольно часто, причемъ—случайно-ли это было или умышленно—никогда какъ-то не приходилось ему встрѣчаться у нихъ съ фрейгерромъ. Нѣчего и говорить, какъ онъ былъ нѣжновнимателенъ къ Эмми, сколько обнаружилъ теплаго сочувствія къ ея печали! Это ее трогало, и баронъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ сердцемъ дѣвушки.

Г-жа Мальтэнъ не утерпѣла и разсказала ему о томъ, какъ добръ, внимателенъ фрейгерръ, и сколько самоотверженія въ дружбѣ его къ нимъ... Баронъ при этомъ слегка улыбнулся и проговорилъ:

— У дядюшки — странный, загадочный характеръ. Много у него свѣтлыхъ, хорошихъ сторонъ; если нужно, по дружбѣ, оказать помощь—онъ готовъ жертвовать собой... Но старикъ, вмѣстѣ съ этимъ, капризенъ, иногда даже до безумія, а упрямъ такъ, что ничто не въ состояніи сломить его упрямства! И тутъ онъ способенъ быть жестокимъ, несправедливымъ... Вотъ, сердится онъ теперь на меня изъ-за пустяковъ! Ну-да вѣдь я его знаю, а потому и счелъ за лучшее нѣкоторое время избѣгать съ нимъ встрѣчи... Попытокъ къ примиренію не дѣлаю, такъ какъ это самое вѣрное средство вылѣчить дядюшку отъ его капризовъ. Если вы разскажете ему, что я бываю у васъ часто, то навѣрно, впередъ могу вамъ сказать, что онъ не явится больше сюда!... Поэтому-то я-бы попросилъ васъ оказать мнѣ услугу, а именно: при немъ совсѣмъ не заговаривать обо мнѣ, какъ будто-бы меня и не было... Что дѣлать! Изъ уваженія къ несомнѣннымъ достоинствамъ дяди слѣдуетъ молча сносить его капризы... Онъ слишкомъ привыкъ къ нимъ, а потому трудно ужъ отвыкать ему отъ этого, да и не зачѣмъ!...

Г-жа Мальтэнъ обѣщала исполнить желаніе барона.

Теперь для Зельдитца было вдвойнѣ важно заполонить сердце Эмми: если удастся ему это, то вѣдь онъ (Мальтэна уже нѣтъ) вскорѣ вступитъ во владѣніе всѣмъ имуществомъ покойнаго, а это, быть можетъ, и представляется единственнымъ средствомъ, чтобы заключить мировую съ дядей, безъ денежной помощи котораго оставаться долго онъ не могъ... Одного только опасался онъ: не разсказалъ-бы дядя о пари его... Это тревожило его, и вотъ баронъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы уговорить г-жу Мальтэнъ предпринять путешествіе, такъ какъ поѣздка за границу можетъ развлечь и ее, и Эмми, грусть-же постоянная вредитъ здоровью...

Зельдитцъ доказывалъ это, убѣждалъ, изливалъ все свое краснорѣчіе, пѣлъ о томъ, что „потеряннаго не воротишь“, что „мертвый въ гробѣ тихо спи, жизнью пользуйся живущій“, и что вотъ онъ самъ когда-то, лишившись отца, облегчилъ душу только подъ голубымъ небомъ Италіи, куда однако сначала вовсе не хотѣлъ ѣхать, но потомъ послушался одного друга — и вѣчно теперь ему благодаренъ за такой добрый совѣтъ! Онъ предлагалъ г-жѣ Мальтэнъ отправиться именно въ Италію, гдѣ плѣнительныя небеса исцѣляютъ раны сердца...

Разумѣется, баронъ имѣлъ тутъ въ виду, въ случаѣ согласія г-жи Мальтэнъ на поѣздку, поѣхать вмѣстѣ съ ними и гдѣ нибудь на пути открыться Эмми въ любви своей...

Однако, вдова не соглашалась.

— Нѣтъ, я не могу ѣхать до тѣхъ поръ, пока не откроется убійца бѣднаго моего мужа, говорила она... Я тогда лишь успокоюсь, когда буду знать, что тотъ, кто совершилъ такое ужасное дѣло—получилъ за него должное возмездіе! Если-бы у меня былъ сынъ, я-бы сказала ему: Ищи убійцу, чтобы предать его въ руки правосудія! Это твоя священная обязанность!...

— Позвольте мнѣ заявить теперь, что я самъ принялъ на себя эту обязанность, заговорилъ Зельдитцъ (они вдвоемъ сидѣли въ саду), но не счелъ нужнымъ говорить вамъ объ этомъ... Я уже дѣлалъ розыски, вошелъ даже въ переговоры съ однимъ полицейскимъ чиновникомъ въ столицѣ, ну, и онъ, между прочимъ, высказалъ такую мысль, даже — убѣжденіе, что легче было-бы открыть убійцу, если-бы г-жа Мальтэнъ куда нибудь уѣхала...

— Это какимъ-же образомъ? спросила она.

— Чиновникъ этотъ полагаетъ, что преступникъ, можетъ быть, сталъ-бы тогда менѣе остороженъ, ну, и попался-бы...

Г-жа Мальтэнъ, кажется, не совсѣмъ довѣрчиво отнеслась къ этому, однако-же барону удалось по крайней мѣрѣ пріучить ее къ мысли, что дѣйствительно путешествіе можетъ благотворно повліять на нее...

— Но я не знаю, какъ насчетъ этого Эмми, замѣтила она:—Эмми, напротивъ, отстраняетъ всякое развлеченіе, вся отдается грусти...

— Позвольте мнѣ поговорить съ ней объ этомъ, вызвался баронъ. Будьте увѣрены, я никогда-бы не дерзнулъ явиться къ вамъ съ такимъ предложеніемъ, если-бы самъ не испыталъ на себѣ такое чудотворное средство!... Безпокоиться вамъ не о чемъ будетъ: дядя мой будетъ управлять вашимъ хозяйствомъ, и хоть онъ и сердитъ на меня, а я все-таки скажу, что ужъ лучшаго управителя вамъ не найти!

Зельдитцъ быстро всталъ и поспѣшилъ навстрѣчу Эмми, которая шла къ матери.

Какъ сильно измѣнилась дѣвушка за это время! Она поблѣднѣла, похудѣла и, если улыбка нечаянно скользила по ея личику, то въ улыбкѣ этой было что-то болѣзненное, горькое... Куда дѣвалась прежняя задорная веселость!.. И все-таки, не смотря на это, Эмми была еще прелестнѣе... Въ груди барона шевельнулось чувство состраданія, можетъ быть потому, что онъ впервые ощущалъ настоящую любовь, которая жгла ему

Библиотека "Руниверс"

кровь, и безъ того горячую... Да̀, онъ хотѣлъ теперь *овладѣть* этой дѣвушкой уже не ради одной выгоды: сердце просило этого, его влекло къ ней...

Зельдитцъ довольно ловко не допустилъ Эмми къ матери и сталъ ходить съ нею по дорожкѣ около лужайки передъ домомъ. Дѣвушка охотно пошла, тѣмъ болѣе, что г-жа Мальтэнъ сидѣла тутъ-же, хотя и не могла слышать разговора ихъ.

Баронъ былъ уменъ, а потому легко сообразилъ, что теперь вовсе не у мѣста обнаруживать свою любовь *обыкновеннымъ манеромъ*, ибо сердце Эмми слишкомъ печально и она, пожалуй, оскорбится намеками о любви... Тутъ нужно было иначе держать себя: быть нѣжно-внимательнымъ, выражать искреннѣйшее участіе и даже кстати помалчивать... Это было вѣрнѣе.

Заговоривъ о путешествіи, Зельдитцъ старался соблазнить дѣвушку на поѣздку въ Италію, причемъ повернулъ дѣло такъ, какъ будто-бы сама мама̀ желаетъ этого, но только не рѣшается ей сказать, не хочетъ просить у ней такой жертвы...

Эмми даже испугалась... Ка̀къ! покинуть мѣсто, гдѣ покоится прахъ ея отца?... Но баронъ не далъ ей времени останавливаться на подобныхъ мысляхъ и—рѣчь его полилась. Въ голосѣ звучала мольба, а слова, нѣжныя, мягкія, ласкали слухъ... Онъ просилъ Эмми принести такую жертву *ради матери*... Вѣдь тутъ что̀ ни предметъ — то воспоминаніе!... Грусть, печаль могутъ убійственно повліять на нее... „Поѣзжайте, поѣзжайте! Туда... на югъ!“..

Призадумалась и Эмми, и тоже стала помышлять о путешествіи, а баронъ, каждый разъ, какъ бывалъ у нихъ, запѣвалъ свою пѣсню...

Однако, г-жа Мальтэнъ, прежде чѣмъ окончательно рѣшиться на поѣздку, сочла нужнымъ при первомъ-же случаѣ переговорить объ этомъ съ фрейгерромъ, посовѣтоваться съ нимъ, такъ какъ въ истинной дружбѣ его она все болѣе и болѣе убѣждалась.

За этимъ дѣло не стало. Сидѣли они втроемъ въ саду (на томъ мѣстѣ, гдѣ особенно любилъ сидѣть покойный), и вотъ г-жа Мальтэнъ сообщила между прочимъ почтенному гостю своему о томъ, что желала-бы предпринять путешествіе (она дѣйствительно желала уже этого)...

„Маленькій фрейгерръ“, повидимому, чрезвычайно удивился, услышавъ такую новость; зоркіе глазки его пытливо посматривали то на мать, то на дочь...

— Это ваша собственная мысль? спросилъ онъ, помолчавъ немного.

— Нѣтъ; вашъ племянникъ думаетъ, что вообще поѣздка за границу благотворно подѣйствуетъ на насъ, отвѣтила Эмми.

— Племянникъ?!

Маннштейнъ еще больше удивился...

— А гдѣ-же вы говорили съ нимъ?...

— Да здѣсь... у насъ-же.

— Та̀къ онъ, значитъ, бываетъ у васъ? обратился фрейгерръ къ г-жѣ Мальтэнъ.

Г-жа Мальтэнъ не могла солгать.

— Конечно, бываетъ, проговорила она... Онъ на второй-же день былъ у насъ; и сколько участія обнаруживаетъ вашъ племянникъ! Визиты его довольно часты... Откровенно говоря, я всегда рада ему.

Старикъ всталъ и, заложивъ руки за спину, принялся ходить взадъ и впередъ въ тѣни дерева, подъ которымъ они сидѣли. Онъ нахмурился и глядѣлъ въ землю... Да, его завѣтной мечтой было женить племянника на Эмми, и это такъ еще было недавно!... Но теперь — нѣтъ, этому не бывать! Вѣдь онъ, фрейгерръ, опекунъ этой дѣвушки, а Зельдитцъ запятналъ себя... Эмми не слѣдуетъ отдавать ему своей руки!.. Гм, такъ онъ тутъ часто бываетъ и... и старается не встрѣчаться съ дядей?...

Свѣтлая голова была у старика, онъ все понялъ, сообразилъ сейчасъ-же, какую игру затѣялъ его племянникъ, лишенный наслѣдства... Да̀, *ему* очень *важно* было получить руку Эмми... Ну, тутъ и путешествіе кстати... „благотворно подѣйствуетъ“... Такъ, такъ! Онѣ поѣдутъ, а онъ съ ними... Гдѣ нибудь въ любви объяснится и—дѣло въ шляпѣ... Очень возможно!...

— Нѣтъ, ѣхать вамъ не слѣдуетъ, проговорилъ фрейгерръ, будучи уже не въ силахъ скрывать волненія,— подождите еще... пока нельзя.

— Почему-же нельзя? спросила г-жа Мальтэнъ.

Маннштейнъ молчалъ... Онъ затруднялся отвѣтить на этотъ вопросъ. Кромѣ нотаріуса, никто еще не зналъ о причинѣ разрыва его съ Зельдитцемъ... Неужели-же самому фрейгерру разсказывать еще о поступкѣ племянника въ г. М*., о томъ, какъ сынъ родной его сестры низко упалъ?... У него языкъ не поворачивался...

— Вы, кажется, сердитесь за что-то на вашего племянника, заговорила вдова,—но вѣдь я знаю—сердце у васъ предоброе! Вы помиритесь съ нимъ, не правда-ли?... Какъ-бы я искренно была рада, если-бы мнѣ удалось примирить васъ!...

— Но какимъ образомъ узнали вы, что я на него сержусь? спросилъ старикъ.

— Онъ самъ разсказалъ намъ объ этомъ.

— Ну, а сказалъ-ли онъ вамъ, за что̀ именно?

— Нѣтъ, онъ сказалъ только, что изъ-за бездѣлицы...

Маннштейнъ высоко поднялъ голову и такъ вспыхнулъ, что даже лобъ его покраснѣлъ, а губы задрожали... Какъ! Зельдитцъ и теперь еще смѣетъ называть „бездѣлицей“ то̀, что̀ дядя его считаетъ безчестнымъ дѣломъ?...

— Изъ-за бездѣлицы?...

Голосъ „маленькаго фрейгерра“ рѣзко зазвучалъ, и въ голосѣ этомъ слышалось сильное ожесточеніе, такъ что о примиреніи нечего было и думать...

— Такъ онъ дерзнулъ называть пустяками то̀, что понудило меня лишить его наслѣдства? Да вѣдь поступокъ его такого сорта, что я никогда не примирюсь съ нимъ! Сойтись снова намъ уже невозможно!...

И мать, и дочь—обѣ поблѣднѣли...

— Да что̀ такое случилось? воскликнула г-жа Мальтэнъ въ испугѣ.

Маннштейнъ спохватился, раскаялся въ своей горячности, но уже было поздно: сорвалось, вылетѣло слово—не воротишь! Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы охладиться, поуспокоиться...

— Хорошо, я вамъ все разскажу, но только не сегодня, проговорилъ старикъ.—Могу васъ увѣрить, что не бездѣлица принудила меня поступить та̀къ съ нимъ... Вѣдь онъ—сынъ сестры моей; болѣе близкаго родственника у меня и не было! Давнишнимъ желаніемъ моимъ, единственною, можно сказать, мыслью — было сдѣлать его наслѣдникомъ всего моего имущества... А теперь—теперь не только дверь дома навсегда закрыта для него, но и къ сердцу моему нѣтъ для него доступа... Я заперъ и то̀, и другое! Онъ и сюда не долженъ больше являться, не долженъ, потому что положительно не сто̀итъ теперь этого, не заслуживаетъ вашей дружбы!...

— Ахъ, любезный Маннштейнъ, воскликнула г-жа Мальтэнъ, но я не могу-же указать ему на дверь!.. Конечно, вы знаете, что я не сомнѣваюсь... вѣрю вамъ, но... не понимаю, не знаю, что̀ вышло между вами?...

— Хорошо-съ, я ужъ самъ позабочусь о томъ, чтобы онъ сюда больше ни ногой... А, да вотъ и самъ онъ!

Зельдитцъ, обойдя сосѣдній кустарникъ, шелъ прямо къ нимъ, но, замѣтивъ дядю, въ удивленіи пріостановился... Встрѣча эта, повидимому, была ему весьма непріятна... Фрейгерръ быстро пошелъ къ племяннику.

— Я долженъ попросить тебя уѣхать отсюда *сейчасъ-же* и *никогда* больше не являться сюда, произнесъ онъ твердымъ, покойнымъ тономъ.

Библиотека "Руниверс"

Черногорка. Рис. Ярославъ Чермакъ, грав. Столаръ.

Библиотека "Руниверс"

Баронъ плотно сжалъ губы и спокойно глядѣлъ на дядю—на „человѣка", стоящаго передъ нимъ; однако, видно было по глазамъ его, что отъ сильнаго гнѣва, злости, кровь въ немъ кипѣла.

— Ты, кажется, забываешь, что тутъ *не твои* владѣнія, забываешь, что *не ты*, а г-жа Мальтэнъ можетъ здѣсь приказывать! возразилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой, и прибавилъ:—Да кромѣ того, замѣчу: я не привыкъ, чтобы мнѣ приказывали, а слова твои что-то смахиваютъ на приказаніе!...

Манштейнъ выпрямился; глазки его засверкали... Зельдитцъ противорѣчилъ ему—это еще сильнѣе раздражило старика, однако онъ, все-таки, сдержалъ себя.

— Ну, я едва-ли думаю, чтобы ты осмѣлился не повиноваться мнѣ, ослушаться моего *приказанія*... Ты самъ знаешь очень хорошо, что имѣешь довольно-таки причинъ не ожесточать меня сильнѣе, чтобы не доводить до крайности...

Баронъ полупрезрительно пожалъ плечами.

— Я стану дѣлать тò, чтó мнѣ угодно, отвѣтилъ онъ,—ну, а будетъ-ли это соотвѣтствовать твоимъ желаніямъ—для меня это все равно!... Вѣдь ты отрекся отъ меня—слѣдовательно, глупо было-бы съ моей стороны, если-бы я сталъ теперь стѣсняться?...

— Вотъ какъ! воскликнулъ фрейгерръ и прищурилъ глаза... Такъ ты смѣешь еще сопротивляться мнѣ?...

Онъ близко придвинулся къ Зельдитцу и сказалъ ему что-то тихимъ, глухимъ голосомъ...

Баронъ въ ужасѣ отскочилъ; лицо его поблѣднѣло; онъ не спускалъ глазъ съ дяди... Губы его подергивались, какъ будто онъ хотѣлъ возразить, но языкъ ему не повиновался...

— Это—неправда... требую доказательствъ! воскликнулъ онъ наконецъ.

— Подлый человѣкъ! Говорю — не доводи меня до крайности! произнесъ фрейгерръ въ волненіи.

Зельдитцъ поспѣшно удалился, даже не поклонившись г-жѣ Мальтэнъ и Эмми, а Манштейнъ вернулся къ нимъ. Онѣ какъ-то боязливо смотрѣли на него... У нихъ духу не хватало обратиться къ нему съ разспросами.

— Я обязанъ объяснить вамъ все это — и сейчасъ объясню, заговорилъ онъ самъ. Голосъ его слегка дрожалъ, чтò показывало, какъ сильно онъ былъ разстроенъ... Затѣмъ старикъ разсказалъ имъ о пари Зельдитца, о томъ, чтò было послѣ этого пари, и какое именно условіе предложилъ онъ, фрейгерръ, барону, который отвѣтилъ ему упрямствомъ...

— Поступокъ его я считаю безчестнымъ, прибавилъ въ заключеніе Манштейнъ, — послѣдства-же лишилъ его потому, что онъ не могъ рѣшиться искупить своего грѣха, загладить вину... Теперь, судите сами: слишкомъ-ли жестоко наказалъ я его?...

Г-жа Мальтэнъ отрицательно покачала головой и сказала:

— Мой мужъ поступилъ-бы точно также...

— Еще-бы, вѣдь онъ зналъ чтò такое честь!.. А тотъ, кто способенъ такъ преступно играть сердцемъ... любовью молодой дѣвушки—тотъ и на другое чтò способенъ!...

Эмми молча встала и удалилась. Блѣдность ея поразила фрейгерра; онъ глядѣлъ вслѣдъ дѣвушки, и какое-то мучительное чувство щемило ему сердце... Неужели и *она* неравнодушна къ Зельдитцу?... Онъ не рѣшился спросить объ этомъ вдову, но когда глаза ихъ встрѣтились — они сразу поняли другъ друга, и г-жа Мальтэнъ, протянувъ ему руку, проговорила:

— Благодарю васъ! Вы вò время сказали мнѣ объ этомъ...

— Это было моею обязанностью, отвѣтилъ фрейгерръ. Пока я буду опекуномъ Эмми, я стану заботиться о ней такъ, какъ если-бы она была родною моей дочерью. Вѣдь и вы, и я—оба стремимся къ тому, чтобы сдѣлать ее счастливою, и я надѣюсь, что относительно этого мы никогда не разойдемся въ мысляхъ!...

Манштейнъ пѣшкомъ пришелъ въ усадьбу Мальтэна, но вернуться пѣшкомъ домой онъ не пожелалъ, а потому приказалъ осѣдлать себѣ лошадь покойнаго своего друга и сказалъ конюху, чтобы тотъ былъ готовъ сопутствовать ему.

— Я беру тебя затѣмъ, чтобы ты сейчасъ-же, какъ я пріѣду, взялъ эту лошадь обратно, пояснилъ онъ конюху.

У фрейгерра, конечно, была тутъ другая причина. Когда Зельдитцъ долженъ былъ удалиться изъ сада, то, прежде чѣмъ повернуться къ дядѣ спиной, онъ бросилъ на него свирѣпый, угрожающій взглядъ, полный ненависти... Старикъ хотя и былъ не изъ трусливыхъ, однако вовсе не имѣлъ желанія встрѣтиться съ племянникомъ гдѣ нибудь одинъ на одинъ, потому что онъ зналъ, какая горячая, буйная кровь текла въ жилахъ барона

Доѣхавъ съ конюхомъ до опушки лѣса, „маленькій фрейгерръ" пришпорилъ коня и помчался впередъ. Дорога шла теперь лѣсомъ. Онъ скакалъ такимъ молодцомъ, что никто-бы и не подумалъ при взглядѣ на старичка Манштейна, что онъ такой лихой наѣздникъ...

Фрейгерръ почти не глядѣлъ впередъ; его зоркіе глаза всматривались только въ придорожный кустарникъ... Вдругъ онъ слегка вздрогнулъ: ему показалось, что изъ-за дерева выглянула голова... Онъ видѣлъ, какъ сверкнули *знакомые* ему глаза, горящіе злобою, ожесточенные... Сильно ударивъ шпорами лошадь, Манштейнъ пролетѣлъ мимо этого мѣста и—глубокій вздохъ облегчилъ его грудь... Почудилось-ли это ему, такъ какъ онъ ѣхалъ лѣсомъ и были уже сумерки, или и въ самомъ дѣлѣ тамъ, за деревомъ, онъ видѣлъ лицо племянника?... Фрейгерръ и самъ этого не зналъ... Конюхъ едва поспѣвалъ за нимъ.

Не доѣзжая вплоть до своей усадьбы, Манштейнъ остановился, слѣзъ съ лошади и передалъ ее конюху.

— Ну, поѣзжай теперь, сказалъ онъ ему отрывисто:—мнѣ хотѣлось видѣть, какъ обѣ лошадки эти бѣгутъ... Ничего, кòни добрые! Смотри-же, не гони ихъ очень-то: они и такъ разгорячились...

Онъ далъ конюху на чай и пошелъ быстрымъ шагомъ къ своему дому... Неужели тамъ, въ лѣсу, за деревомъ стоялъ баронъ?... Эта мысль не покидала его, и фрейгерръ, сидя на верандѣ, посматривалъ на потемнѣвшій садъ... Чтò-жъ, развѣ и тутъ не могутъ изъ-за какого нибудь куста сверкнуть *тѣ* глаза?... Онъ вообще никогда не давалъ разгуляться своей фантазіи, но теперь не могъ какъ-то сдержать ее... Мрачныя картины вставали передъ нимъ одна за другой, и „маленькій фрейгерръ" невольно всматривался въ нихъ, будучи не въ силахъ остановить игру воображенія... Наконецъ, чтобы избавиться отъ такой пытки, онъ ранѣе обыкновеннаго отправился спать, убѣдившись предварительно, что двери и окна хорошо заперты.

На другой день (было еще довольно рано) въ усадьбу Манштейна явился слѣдователь Питтъ. Фрейгерръ слегка вздрогнулъ, увидѣвъ его, однако-же встрѣтилъ чиновника какъ слѣдуетъ любезно.

— Я обѣщался увѣдомить васъ о ходѣ дѣла, насколько обязанности службы дозволяютъ мнѣ это, заговорилъ Питтъ.

— Открыли вы убійцу Мальтэна? спросилъ старикъ, придвигая стулъ и приглашая слѣдователя садиться.

„Маленькій фрейгерръ" выполнилъ эту любезность какъ-то торопливо, какъ будто хотѣлъ скрыть отъ гостя свое безпокойство.

— Нѣтъ еще. Преступленіе, содѣянное въ этомъ домѣ, надѣлало мнѣ много хлопотъ, но до сихъ поръ всѣ усилія мои тщетны, труды—напрасны... Чтò не рабочіе

Библиотека "Руниверс"

совершили это убійство—это почти уже доказано. Бартэльсъ арестованъ... Но показанія его совершенно тождественны съ показаніями Ланггофа. Дѣйствительно, въ ту ночь онъ былъ здѣсь въ саду, желая удостовѣриться, сидитъ-ли еще у васъ г. Мальтэнъ, но, увидѣвъ, что во всемъ домѣ было темно — сейчасъ-же вернулся къ товарищамъ. По согласному показанію всѣхъ остальныхъ арестантовъ—это было почти за два часа до выстрѣла, слѣдовательно—около полуночи. Бартэльсъ не отпирается, что при немъ былъ пистолетъ, но онъ взялъ его съ цѣлью *только* пострашать Мальтэна... Объ убійствѣ онъ и не думалъ. Этотъ самый пистолетъ я нашелъ въ соломѣ, на которой спитъ Бартэльсъ... Но пуля, поразившая Мальтэна, вылетѣла не изъ *этого* пистолета, что̀ я сейчасъ-же и увидѣлъ.

Манштейнъ все это выслушалъ молча, только глаза его какъ-то безпокойно, нетерпѣливо блуждали по комнатѣ.

— Я дѣлалъ розыски повсюду, однако мнѣ, все-таки, не удалось напасть на вѣрный слѣдъ, снова заговорилъ слѣдователь... Можетъ быть, вы теперь кого нибудь подозрѣваете?

— Нѣтъ, отвѣтилъ фрейгерръ.

— Значитъ, и вы не открыли никакихъ слѣдовъ?... А вѣдь я знаю—глазъ у васъ зоркій...

— Никакихъ.

— Но, позвольте, г. фрейгерръ, я вѣдь разсмотрѣлъ всевозможные случаи!... Коль скоро мнѣ задаютъ такую задачу, то я до тѣхъ поръ не могу успокоиться, пока не разрѣшу ее... И вотъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что тутъ возможны только *два* случая...

Питтъ пріостановился.

— Какіе-же? Говорите, пожалуста...

— Или г. Мальтэнъ самъ лишилъ себя жизни—

— Нѣтъ, нѣтъ! Это немыслимо! подхватилъ Манштейнъ! А если-бы было та̀къ, то вѣдь нашлось-бы здѣсь то̀ оружіе, которымъ онъ лишилъ себя жизни!...

— Положимъ, но... рука друга развѣ не могла прибрать пистолета, съ цѣлью избавить семейство покойнаго отъ огорченія... стыда?...

— Я первый, послѣ выстрѣла, вошелъ въ спальню! воскликнулъ „маленькій фрейгерръ".

— Нисколько не сомнѣваюсь! Мальтэнъ былъ вашимъ другомъ, а вы, послѣ смерти его, достаточно хорошо доказали, какую дружбу питаете къ женѣ и дочери покойнаго... Что̀-жъ, спрятавъ оружіе, вы, конечно, поступили такъ по причинамъ вполнѣ похвальнымъ, по благородному побужденію...

Манштейнъ прямо взглянулъ въ глаза Питта и произнесъ:

— Нѣтъ, ничего я не пряталъ. Подумайте сами: Мальтэнъ былъ богатъ, любимъ всѣми, счастливъ въ своей семьѣ, нравъ у него былъ веселый, никакихъ причинъ жаловаться на судьбу у него не было—и вдругъ лишать себя жизни?!.. Да зачѣмъ-же?... Нѣтъ, этого онъ не могъ сдѣлать!...

— Все это и я узналъ, сказалъ Питтъ... Да, дѣйствительно, у г. Мальтэна не было ни малѣйшей причины разставаться съ жизнью; и едва-ли можно предположить, чтобы онъ сдѣлалъ это въ припадкѣ умопомѣшательства... внезапнаго, такъ какъ ни съ однимъ изъ его предковъ ничего подобнаго не случалось. И такъ, остается остановиться на послѣднемъ *возможномъ* случаѣ...

— На какомъ-же именно?

— Пуля была предназначена не г-ну Мальтэну, а вамъ!

Фрейгерръ вздрогнулъ, поблѣднѣлъ и устремилъ неподвижный взглядъ на слѣдователя.

— Нѣтъ... нѣтъ! проговорилъ онъ потомъ.

— Позвольте, что̀-жъ тутъ неправдоподобнаго? Отчего-же не предположить этого? Другъ вашъ, какъ вы мнѣ сами сообщили, пріѣхалъ къ вамъ уже по̀дъ вечеръ; намѣренія у него не было заночевать у васъ, но вы его уговорили остаться и даже отдали ему свою комнату, въ которой была ваша постель... Убійца ничего не зналъ объ этомъ... Ну-съ, пробрался онъ въ вашу спальню... Ночь, темно... Онъ былъ увѣренъ, что стрѣляетъ въ васъ, а на самомъ дѣлѣ убилъ г. Мальтэна!...

— Быть этого не можетъ! почти крикнулъ фрейгерръ и, вскочивъ, принялся ходить по комнатѣ. Онъ былъ встревоженъ...

— Я очень хорошо понимаю, что такая мысль не можетъ не быть для васъ мучительно - непріятной, успокоительнымъ тономъ произнесъ Питтъ:—Мальтэнъ погибъ, такъ сказать, *за васъ*, невольно пожертвовалъ вамъ собой, но вѣдь вы не можете-же упрекнуть тутъ себя, потому что—само собой разумѣется—вы и подозрѣвать не могли этого!... Взгляните лучше на все это, какъ на проявленіе высшей воли: Провидѣнію угодно было сохранить вашу жизнь!...

Манштейнъ продолжалъ молча ходить.

— Что̀-жъ, и теперь ни на кого—ни малѣйшаго подозрѣнія? спросилъ слѣдователь.

— Нѣтъ... Да быть этого не можетъ! опять крикнулъ старикъ, остановившись передъ Питтомъ.—Послушайте, вы... прошу васъ, не говорите никому о подобномъ предположеніи! Если г-жа Мальтэнъ узнаетъ это, то ка̀къ она будетъ смотрѣть на меня?... Она поневолѣ, хотя-бы втайнѣ, въ душѣ — упрекнетъ меня... „Вѣдь черезъ тебя, по твоей милости, погибъ мой мужъ!" Эта мысль не оставитъ ее во вѣки вѣковъ!... „Ты самъ привелъ его въ эту комнату, ты уложилъ его въ свою постель"—скажетъ она... Нѣтъ, пожалѣйте несчастную женщину! Зачѣмъ увеличивать ея страданія?...

(Продолженіе будетъ).

Черногорка.

(Картина Ярослава Чермака).

Помѣщая въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала снимокъ съ картины Чермака «Черногорка», считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ вообще о женщинахъ Черногоріи. Черногорки роста небольшаго, не отличаются особенною стройностью и на видъ старообразны, т. е. кажутся старѣе своихъ лѣтъ. Впрочемъ, доля-то ихъ не изъ завидныхъ: еще у отца, дѣвочкой—черногорка работаетъ съ утра чуть-ли не до ночи—и въ полѣ, и дома, какъ батрачка. По выходѣ замужъ — тотъ же трудъ, тѣ же заботы, да еще съ прибавкою материнскихъ обязанностей, исполнять которыя не такъ-то легко, если относиться къ нимъ добросовѣстно. Замужняя черногорка и стряпаетъ, и шьетъ, и чинитъ, словомъ—хозяйничаетъ направо и налѣво; мало этого - единственно на ея отвѣтственности лежитъ прокормленіе всей семьи въ продолженіи цѣлаго года. Черногорцы, т. е. *непрекрасный* полъ, находятъ для себя позорнымъ дѣломъ заниматься вообще хозяйствомъ, даже считаютъ за постыдное выучиться какому-нибудь ремеслу. «Ну, этимъ пусть занимаются цыгане! Это имъ подъ-стать!» говоритъ черногорецъ и, не желая быть похожимъ на ремесленника-цыгана, обращаетъ жену свою въ невольницу, батрачку, почти въ рабочее животное. А если у него есть взрослая дочь—онъ и ее превращаетъ въ *цыгана*... Какая темная, безотрадная жизнь черногорки! подумаете вы и прибавите: и терпѣливы же онѣ, должно быть; скромны, невозмутимы! Да, правда, жизнь ихъ не красна, однако и у нихъ есть свѣтлые дни, и на ихъ «улицѣ бываетъ праздникъ»—это именно тогда, когда мужъ или сынъ отличился на войнѣ и возвратился домой съ побѣдными лаврами. Какъ хорошо тогда на душѣ черногорки! Вся она сіяетъ тогда, выпрямляется, молодѣетъ, начинаетъ даже горделиво посматривать—откуда что берется! И странное дѣло: тутъ ей оказываютъ любезности, знаки уваженія, окружаютъ почетомъ, словомъ—относятся къ женщинѣ «по-европейски». Еще вчера она была унижена, должна была *цаловать край одежды и руку* у перваго встрѣчнаго знакомаго мужчины; а теперь, сегодня—о, она

Библиотека "Руниверс"

жена героя, храбраго воина! «Прочь съ дороги! Кланяйтесь мнѣ!»... И ей даютъ дорогу не только женщины, но и мужчины, которые даже *первые* кланяются, обнаруживая глубочайшее свое уваженіе.

Такую чудесную перемѣну въ обращеніи съ женщиной нѣкоторые думаютъ объяснить инстинктомъ черногорца, признающаго громадное вліяніе (?) женщины даже въ дѣлѣ военной доблести. Такое объясненіе никуда не годно, ибо, если бы черногорецъ признавалъ, даже инстинктомъ (?), громадность вліянія женщины вообще, то развѣ сталъ бы онъ такъ по-скотски поступать съ нею? И развѣ могъ бы онъ ожидать «громаднаго вліянія» *даже въ дѣлѣ военной доблести* отъ существа униженнаго, жалкаго, цалующаго руку у перваго встрѣчнаго знакомца? Тутъ дѣло проще: черногорецъ, кланяясь женѣ или матери храбреца, тонкимъ манеромъ кланяется *своей персонѣ*... А вѣдь это всеобщая слабость, также точно поклоняются себѣ и янки, и французъ, и берлинскій нѣмецъ.

Не смотря на приниженность черногорки — она храбра и энергична. Такъ, если вражья пуля свалитъ ея мужа, а у нея нѣтъ ни брата, ни другаго родственника, который могъ бы явиться мстителемъ—она беретъ саблю, заряжаетъ ружье и устремляется туда, гдѣ земляки ея бьются съ турками...

На вѣчную разлуку.

Бѣдность, нужда, несчастье, обманутая любовь, стыдъ, страхъ (въ рѣдкихъ случаяхъ безсердечіе) вынуждаютъ матерей отдавать своихъ младенцевъ въ воспитательный домъ. Дѣвушка, совершившая извѣстный проступокъ, разставаясь съ «вещественнымъ доказательствомъ» вины своей, какъ-бы освобождаетъ себя отъ грѣха, думая предать его забвенію въ стѣнахъ дома, принявшаго ея младенца. Конечно, такого рода разлука лучше другой—дѣтоубійства, однакоже и она не заслуживаетъ поощренія, а тѣмъ болѣе—похвалы матери, потому что неповинный ни въ чемъ ребенокъ лишается родной кормилицы, а нерѣдко и жизни.

Картинка, помѣщенная въ настоящемъ № нашего журнала, кажется, не требуетъ поясненія... Мать (можетъ быть, она дѣвушка, можетъ быть—замужняя, это все равно) оставляетъ своего ребенка на произволъ судьбы... Сердце ея обливается кровью, она испытываетъ страшную муку и, однако-же, *должна* торопиться уходить!... Зачѣмъ-же она покидаетъ младенца, если эта разлука такъ тяжела ей? Отчего она предпочла воспитательному дому — ступеньку лѣстницы? Вмѣсто отвѣта — просимъ обратить вниманіе на костюмъ этой женщины: не эффектенъ ея нарядъ...

Карлъ Эрнестъ Бокъ.

Имя покойнаго профессора-врача слишкомъ хорошо извѣстно русской публикѣ по сочиненіямъ: «О здоровомъ и больномъ человѣкѣ» и «Будьте здоровы!», выдержавшимъ нѣсколько изданій, чтобы оно нуждалось въ зарекомендованіи.

Карлъ Эрнестъ Бокъ одинъ изъ рѣдкихъ ученыхъ, съумѣвшій въ самой простой и популярной формѣ ознакомить публику съ одною изъ самыхъ полезныхъ, но считавшихся недоступною для нея наукъ — *медициной*. Умаливъ въ глазахъ публики авторитетъ такъ-называемой *лечебной* медицины (остроумными и ѣдкими нападками на врачей рецепто-писателей), Бокъ въ тоже время внушаетъ своимъ читателямъ полное уваженіе къ медицинѣ *охраняющей*—къ гигіенѣ. Принципъ, на которомъ основывалась вся ученая пропаганда покойнаго проф. Бока, выраженъ имъ въ первой строкѣ его книги «О здоровомъ и больномъ человѣкѣ» слѣдующими словами: «*гораздо легче сохранить цѣлость организма, нежели возстановить его, когда онъ разстроился*».

Мы думаемъ, что свѣдѣнія о жизни этого замѣчательнаго человѣка, почерпнутыя нами изъ его краткой автобіографіи и біографической замѣтки, напечатанныхъ въ «Gartenlaube» за настоящій годъ, будутъ не безъинтересны для нашихъ читателей.

«Я родился въ Лейпцигѣ 21-го февраля (по новому стилю) 1809 года. Такъ какъ отецъ мой былъ прозекторомъ въ Лейпцигскомъ анатомическомъ театрѣ, то я еще въ ранней молодости былъ имъ посвященъ въ тайны практической анатоміи человѣка. Будучи свидѣтелемъ многочисленныхъ ампутацій, сдѣланныхъ въ госпиталѣ послѣ лейпцигскаго сраженія, я съ тѣхъ поръ получилъ охоту къ оперативной хирургіи. Отъ 1827 до 1830 года я изучалъ медицину и хирургію въ Лейпцигскомъ университетѣ, по окончаніи котораго принялъ мѣсто ассистента у одного очень искуснаго и имѣвшаго большую практику оператора, а также мѣсто хирурга въ одной изъ городскихъ больницъ.

Когда въ 1830 году поляки потребовали врачей для своей арміи, я, выдержавъ предварительно докторскій экзаменъ въ Лейпцигѣ, отправился въ началѣ 1831 года въ Варшаву, гдѣ получилъ, въ качествѣ такъ-называемаго штабнаго врача, отдѣленіе для внутреннихъ и наружныхъ болѣзней въ одномъ изъ обширнѣйшихъ госпиталей. Такимъ образомъ я имѣлъ случай достаточно изучить холеру, тифъ, разнаго рода воспаленія и пораненія, равно какъ и продѣлать многочисленныя операціи. Послѣ взятія Варшавы русскими, я служилъ у послѣднихъ нѣкоторое время, тоже въ чинѣ штабнаго врача, а въ концѣ 1831 года возвратился въ Лейпцигъ. Здѣсь я съумѣлъ доказать свою способность какъ приватъ-доцентъ и практическій врачъ; но очень скоро меня поразило несчастіе: умеръ мой отецъ, оставивъ кромѣ матери и меня еще четверо дѣтей, изъ которыхъ большая часть была еще не воспитана и совершенно безъ средствъ. Это обстоятельство, возложившее на меня обязанности опекуна и воспитателя малолѣтнихъ сиротъ, главнымъ образомъ, и толкнуло меня на академическое и, къ сожалѣнію, также и на литературное поприще. То, что я уже на двадцать четвертомъ году своей жизни долженъ былъ принять на себя тяжелыя обязанности попечителя большаго семейства и быть въ состояніи исполнить эти обязанности, благодаря многочисленнымъ репетиціямъ и литературнымъ работамъ—говоритъ въ пользу достаточно развитаго уже тогда во мнѣ сознанія своихъ силъ. Но само собою разумѣется, что у меня не хватало ни времени, ни денежныхъ средствъ на то, чтобы я могъ дѣлать какія-либо научныя изысканія и такимъ путемъ завоевать себѣ мѣсто въ наукѣ. Ибо я не былъ о себѣ настолько высокаго мнѣнія, чтобы воображать, что составленныя мною, изъ заботы о насущномъ хлѣбѣ, руководства по анатоміи (полный и карманный учебники анатоміи, анатомическій атласъ), — хотя они въ короткое время выдержали четыре изданія, оказались весьма пригодными для изученія анатоміи и переведены на многіе языки,—дали мнѣ имя въ ряду извѣстныхъ ученыхъ. Не впадая въ хвастовство, я могу сказать о себѣ то лишь, что, вслѣдствіе многолѣтнихъ репетированій съ учащимися, я пріобрѣлъ способность хорошаго преподавателя.

Даже когда мнѣ въ 1839 году дали каѳедру экстраординарнаго профессора медицины (на первыхъ порахъ безъ жалованья, а потомъ съ незначительнымъ окладомъ), это давало мнѣ лишь возможность продолжать свое собственное научное развитіе и содержать увеличившееся, вслѣдствіе вступленія моего въ бракъ, семейство.

Такимъ образомъ я работалъ, репетиторствуя и литературствуя, въ постоянной заботѣ и нуждѣ, тихо и терпѣливо до 1845 года, какъ вдругъ моему спокойствію и терпѣнію нанесенъ былъ жестокій ударъ: мнѣ хотѣли отказать въ мѣстѣ, которое давно было мнѣ предложено и обѣщано, и къ которому я подготовлялся весьма усердно; хотѣли отказать безо всякихъ поясненій причинъ — ради какого-то юнаго фаворита.

Я, правда, добился мѣста, но лишь послѣ преодолѣнія различныхъ препятствій, причемъ, конечно, бывалъ вынужденъ не разъ согрѣшить противъ правилъ приличія и вѣжливости. Въ Вѣнѣ и Прагѣ я старался настолько усовершенствоваться какъ въ патологической анатоміи, такъ и въ діагностикѣ, что мнѣ нечего было совѣститься выступить въ Лейпцигѣ преподавателемъ упомянутыхъ двухъ отраслей медицины, чему, во всякомъ случаѣ, могутъ служить доказательствомъ мои сочиненія по этимъ отраслямъ.

При посѣщеніи названныхъ австрійскихъ университетовъ и госпиталей я увидѣлъ только, насколько мы тогда отстали въ Лейпцигѣ въ отношеніи практической медицины и, разъ выведенный изъ моего скромнаго покоя, я дерзнулъ, вопреки всякимъ враждебнымъ преслѣдованіямъ и подозрѣніямъ, вопреки угрозамъ удалить меня изъ университета и вопреки значительнымъ денежнымъ жертвамъ по части печатанія брошюръ, еще до наступленія весны выступить если не реформаторомъ медицины, то по крайней мѣрѣ передовымъ бойцомъ за ея новѣйшее направленіе; при этомъ я однако нисколько не думалъ пріобрѣсть себѣ чрезъ это лучшее положеніе. И мнѣ удалось не только завоевать мѣсто физіологической медицинѣ, но и содѣйствовать вызову въ Лейпцигъ Оппольцера на должность профессора и главнаго врача городской больницы. Послѣ всего этого я хотя и успокоился, но матеріальное положеніе мое нисколько не улучшилось и я теперь такъ же мало, какъ и прежде, могъ жить и работать для одной науки и долженъ былъ отъ друга и недруга постоянно слышать одно и то же, что я, «при всей полезности моихъ реформаторскихъ стремленій, не долженъ былъ бы быть столь грубымъ и не долженъ былъ бы выбросить, вмѣ-

Библиотека "Руниверс"

На вѣчную разлуку. Рис. Андріолли, грав. Пюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

стѣ съ купелью, ребенка». Какъ будто ракъ можно вылечить розовой водой!

Живя съ Оппольцеромъ въ весьма дружескихъ отношеніяхъ, я не разъ занималъ его мѣсто въ его отсутствіе, руководилъ во время обѣихъ холерныхъ эпидемій леченіемъ больныхъ въ госпиталѣ, и, послѣ отозванія Оппольцера въ Вѣну, былъ назначенъ городскою думою исправляющимъ должность старшаго врача при городской больницѣ. Тогда-то я взялся читать клиническія лекціи, держась строго-физіологической почвы, причемъ сообщалъ студентамъ свои наблюденія, сдѣланныя въ Варшавскомъ госпиталѣ, надъ цѣлительными процессами природы при болѣзняхъ, и показывалъ, какъ наибольшая часть болѣзней излечивается и безъ рекомендуемыхъ противъ нихъ лекарствъ, а при одномъ только надлежащемъ діэтетическомъ содержаніи больнаго.

Съ передачею клинической кафедры Вундерлиху я, само собою разумѣется, снова удаленъ былъ отъ практики въ госпиталѣ и обреченъ на преподаваніе патологической анатоміи (со вскрытіями и физической діагностикой), тѣмъ не менѣе однако частная и консультаціонная практика отнюдь не давали мнѣ сдѣлаться чистымъ теоретикомъ, что дало поводъ нѣкоторымъ изъ моихъ сотоварищей говорить обо мнѣ: «Онъ хорошій діагностъ, но плохой терапевтъ». О научныхъ открытіяхъ, требующихъ много времени, при моихъ денежныхъ обстоятельствахъ, все еще не могло быть и рѣчи, такъ какъ при гигантскихъ успѣхахъ медицины и естественныхъ наукъ, а равно при дороговизнѣ жизни въ Лейпцигѣ, много нужно было, чтобы удержать за собою приличное мѣсто въ наукѣ и гражданской жизни. Наблюденія же, сдѣланныя мною въ продолженіи многихъ лѣтъ при секціонномъ столѣ и при постели больныхъ и изложенныя мною въ моемъ учебникѣ діагностики, въ виду моихъ прежнихъ компиляторскихъ работъ, совершенно игнорируются или презираются даже такими господами, которые, право, не имѣютъ къ тому основанія, хотя бы они даже считали себя героями въ наукѣ. Ибо въ наше время смотрятъ какъ на нѣчто порядочное на всякаго, кто съ помощью микроскопа открылъ новую клѣтку и т. п. или умѣетъ импонировать дуракамъ фразами: «да, это такъ» или «да, я это часто наблюдалъ». Принести пользу человѣчеству научными открытіями, какъ я уже сказалъ, мѣшали мнѣ и теперь еще мѣшаютъ мои матеріальныя обстоятельства. Я поэтому направилъ всѣ свои стремленія къ тому, чтобы, въ качествѣ учителя не однихъ только студентовъ, но и профановъ, по мѣрѣ силъ и возможности принести пользу устнымъ и печатнымъ словомъ; ибо я глубоко увѣренъ въ томъ, что и въ будущемъ болѣзни не будутъ излечиваться успѣшнѣе, чѣмъ теперь, и всего менѣе посредствомъ лекарствъ. За то онѣ могутъ быть предотвращены посредствомъ соотвѣтственнаго природѣ образа жизни. Я былъ и теперь убѣжденъ въ томъ, что ознакомленіемъ народа (преимущественно молодежи, чрезъ посредство матерей и наставниковъ) съ природою и устройствомъ человѣческаго тѣла, можно создать человѣческое поколѣніе, болѣе разумное и болѣе энергичное, менѣе суевѣрное и болѣе нравственное, болѣе крѣпкое,—словомъ, поколѣніе болѣе счастливое, нежели теперешнее.

Такимъ-то образомъ, при моемъ сангвинико-холерическомъ темпераментѣ, благодаря обстоятельствамъ жизни, я сдѣлался человѣкомъ довольно энергичнымъ (по словамъ иныхъ «упорнымъ»), самостоятельнымъ, враждебнымъ всякой лести (по отзывамъ нѣкоторыхъ «грубымъ и невнимательнымъ»), умѣренно-честолюбивымъ и безкорыстнымъ,—человѣкомъ, который не такъ легко давалъ себѣ импонировать и напугать себя и котораго все стремленіе было направлено къ тому, чтобы путемъ просвѣщенія и обученія нѣсколько содѣйствовать улучшенію и увеличенію благосостоянія человѣческаго рода, а самого себя, насколько это еще возможно, воспитать къ истинной гуманности.

Конечно, я понимаю подъ истинною гуманностью отнюдь не терпѣливость и самоотверженіе во всякомъ дѣлѣ, но разумное и дѣйствительно полезное человѣколюбіе безъ болѣзненной сантиментальности.—Что я не имѣю мѣста между научными изслѣдователями, это я знаю; все-таки нѣсколько извѣстенъ я и полезенъ и медицинскимъ студентамъ—моими учебниками, публикѣ—своими популярно-медицинскими чтеніями и статьями, равно какъ и любителямъ гимнастики—основаніемъ Лейпцигскаго гимнастическаго общества.

Если я въ 1848 г. держалъ себя вдали отъ всякихъ политическихъ дѣйствій, не смотря на то, что я прежде занималъ высшую должность при городской гвардіи и былъ также членомъ городскаго правленія, то причина этому заключается въ томъ, что я долженъ былъ поставить теченію и исходу тогдашняго политическаго недуга весьма дурной прогнозъ. Враговъ у меня было порядочное количество, но за то есть и много хорошихъ друзей. *Впрочемъ, я всегда бывалъ совершенно доволенъ, когда имѣлъ другомъ самого себя, и былъ увѣренъ, что заслужилъ эту дружбу*».

Автобіографическій очеркъ Бока оканчивается на началѣ пятидесятыхъ годовъ его жизни и написанъ былъ еще до появленія книги «О здоровомъ и больномъ человѣкѣ». Въ этой книгѣ уже опредѣленно обозначилась цѣль, къ которой съ этихъ поръ были направлены всѣ интересы и горячія стремленія Бока. Посредствомъ возникшей въ 1853 году и очень скоро распространившейся въ отдаленнѣйшіе края міра «Gartenlaube», ему представилось плодотворное поле, гдѣ онъ могъ, при помощи своего великолѣпнаго слога, побѣждать предразсудки и суевѣрія, сдѣлать доступными народу выводы науки и, какъ онъ самъ выражался, содѣйствовать усовершенствованію и благосостоянію человѣчества. Что онъ исполнилъ свое призваніе самымъ добросовѣстнымъ образомъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ его многочисленныя популярныя статьи по медицинѣ, гигіенѣ и общему естествознанію; статьи эти впослѣдствіи сдѣлались образцами для множества подражаній.

Обладая желѣзнымъ характеромъ, необыкновенною силою убѣжденія и мужествомъ, онъ отважно выступалъ не только противъ знахарей, мошеннической спекуляціи тайными средствами, гомеопатіи, но прежде всего противъ всего устарѣлаго и отжившаго въ самой медицинѣ. Бокъ при этомъ обнаружилъ рѣдкую способность заинтересовать, или, какъ онъ самъ выражался, «ловить на удочку» («hacken») людей изъ самыхъ низкихъ слоевъ общества, мало привыкшихъ къ чтенію и мало подготовленныхъ къ пониманію научныхъ вещей. Онъ умѣлъ постоянно находить новые пути, бросать новый свѣтъ въ мракъ отжившаго, изобрѣтать новое оружіе противъ заворсѣлыхъ предразсудковъ и наносить имъ мощные удары.

Успѣхъ популярныхъ чтеній предъ женщинами и наставниками и желаніе дать руководство къ раціональному (тѣлесному и умственному) воспитанію человѣка, матерямъ и наставникамъ, въ рукахъ которыхъ заключается будущность нарождающихся поколѣній и отъ которыхъ преимущественно слѣдуетъ ожидать тѣлеснаго, умственнаго и моральнаго усовершенствованія человѣческаго рода,—породили въ свѣтъ *книгу «о здоровомъ и больномъ человѣкѣ»*, вышедшую девятью изданіями въ количествѣ ста двадцати тысячъ экземпляровъ и переведенную на многіе языки. Въ этой книгѣ онъ, со всею силою своего замѣчательнаго преподавательскаго таланта, излагаетъ элементы наукъ о строеніи и жизни человѣческаго организма, въ высшей степени ясно и общедоступно, и доказываетъ, какъ разумный гигіеническій уходъ не только охраняетъ здоровье, но можетъ даже совершенно устранить, или, по крайней мѣрѣ, уменьшить страданіе организма и предотвратить серьезныя болѣзни.

Съ большою энергіею и на основаніи систематическихъ наблюденій, Бокъ проповѣдывалъ о безконечной важности воспитанія, преимущественно въ раннемъ возрастѣ жизни; своимъ обычнымъ, простымъ и убѣдительнымъ языкомъ далъ, рядомъ съ указаніями о физическомъ уходѣ за ребенкомъ, также весьма драгоцѣнные намеки о его нравственномъ воспитаніи.

Наконецъ, открывъ результаты изслѣдованій, сдѣланныхъ имъ въ качествѣ непредубѣжденнаго наблюдателя при постели больныхъ и секціонномъ столѣ, онъ, правда, значительно умалилъ ореолъ, которымъ окружали медицинское искусство, доказавъ публикѣ, что врачи вовсе не всемогущи; но въ то же время онъ тѣмъ энергичнѣе настаивалъ на необходимости, рядомъ съ фармацевтическимъ леченіемъ, соотвѣтственнаго гигіеническаго ухода за больнымъ и дѣятельность врача сосредоточилъ главнымъ образомъ на мѣрахъ, предотвращающихъ болѣзнь, на такъ-называемой *профилактикѣ*.

Не одно только желаніе быть проповѣдникомъ гигіены, охраняющей тѣлесное здоровье человѣка, побуждало Бока сѣять анатомическія, физіологическія и медицинскія познанія въ массѣ народа. Бокъ не былъ односторонним спеціалистомъ и указывалъ упорно на чрезвычайную важность естествознанія не только для медицины,—онъ видѣлъ въ немъ такЖе одно изъ могущественнѣйшихъ общеобразовательныхъ средствъ. Для Бока служило критеріемъ размышляющаго человѣка, если допытывались о причинной связи въ окружающей насъ природѣ. Всѣ стремленія Бока были направлены къ тому, чтобы пробудить въ самыхъ отдаленныхъ слояхъ общества потребность познать великое цѣлое природы и управляющіе имъ законы, такъ какъ онъ былъ того убѣжденія, что въ удовлетвореніи этой потребности заключается не только неистощимая прелесть и наслажденіе, но и высокое облагораживающее нравственное дѣйствіе. Доказывая, что человѣкъ тѣсно связанъ съ природой и подчиненъ ея законамъ, Бокъ имѣлъ въ виду пробудить интересъ къ этой общей матери и этимъ содѣйствовать облагороженію общества.

Не покидая еще окончательно профессуры (до весны 1873 года) и занимаясь обработкою новыхъ изданій своихъ сочиненій, Бокъ однако удалялся все болѣе и болѣе отъ роли патолого-анатома, такъ какъ онъ считалъ нравственнымъ долгомъ со стороны старшихъ ученыхъ по временамъ уступать мѣсто болѣе молодымъ силамъ. *Народу* и *школѣ* хотѣлъ онъ посвятить свою дѣятельность на закатѣ жизни.

Такимъ образомъ появилась въ 1855 году «Гигіена для народа» (вышедшая уже 6-мъ изданіемъ, и въ количествѣ 25000 экземпляровъ), въ 1868 году элементарный учебникъ для школъ подъ заглавіемъ: «Устройство, жизнь и воспитаніе человѣческаго тѣла» (уже вышедшей 9-мъ изданіемъ, въ количествѣ 10,000 экземпляровъ). Помѣщенную въ «Gartenlaube» статью «объ умственномъ и тѣлесномъ воспитаніи дѣтей въ школѣ»

Библиотека "Руниверс"

онъ, расширивъ ея объемъ, отпечаталъ въ видѣ брошюры и распространилъ въ количествѣ восьмидесяти тысячъ экземпляровъ между учителями Германіи, Австріи и Швейцаріи. Благодарственные адресы изъ разныхъ частей Германіи и изъ заграницы прибывали къ Боку во множествѣ. Въ Австріи и Венгріи министерство просвѣщенія распространило брошюру между учителями. Переведена эта брошюра на русскій, польскій, голландскій, итальянскій и кроатскій языки.

Къ столь энергично отстаиваемому Бокомъ преподаванію антропологіи, ради котораго онъ и составилъ названный выше учебникъ, недоставало еще наглядныхъ средствъ. Подъ его руководствомъ и при его личномъ содѣйствіи, въ послѣднее время братья Штегеръ въ Лейпцигѣ изготовили коллекцію *пластико-анатомическихъ моделей*, отличающихся какъ вѣрностью природѣ, такъ и дешевизною. Для того, чтобы сдѣлать дешевизну этихъ предметовъ еще бо́льшею и такимъ образомъ сдѣлать ихъ доступными и для народныхъ школъ, Бокъ отказался отъ всякаго денежнаго вознагражденія за свои труды. Одною изъ послѣднихъ и сердечныхъ радостей Бока было, когда онъ за нѣсколько недѣль до смерти получилъ въ Висбаденѣ извѣстіе о томъ, что командированный прусскимъ министерствомъ на всемірную вѣнскую выставку референтъ намѣренъ хлопотать о введеніи моделей въ прусскихъ школахъ.

Такимъ образомъ Бокъ жилъ въ послѣднее время жизнью тихою, уединенною, находя удовлетвореніе въ самомъ себѣ и своихъ трудахъ. Много онъ занимался обработкой быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ новыхъ изданій его «Книги о здоровомъ и больномъ человѣкѣ». Не переставалъ онъ также до самаго конца жизни интересоваться успѣхами медицины и естествознанія вообще. Посвящалъ также много вниманія педагогикѣ, въ особенности дѣтскому саду. Много наслажденій и высокое удовлетвореніе доставляло ему въ послѣдніе годы изученіе «исторіи развитія и происхожденія». Въ противоположность столь многимъ ученымъ, уходящимъ цѣликомъ въ свою спеціальность и теряющимъ изъ виду высокое цѣлое природы, Бокъ чувствовалъ живѣйшую потребность познавать связь міровыхъ явленій.

Отдавая всѣ свои помыслы высшимъ вопросамъ науки и благороднѣйшимъ человѣческимъ стремленіямъ, Боку легко было переносить терпѣливо страданія послѣднихъ годовъ. Происшедшая вслѣдствіе сильныхъ напряженій болѣзнь глазъ лишила его на продолжительное время возможности постоянно читать и писать. Онъ долженъ былъ просить, чтобъ ему читали и писали подъ его диктовку. Легкія, разрушенныя давнишнимъ воспалительнымъ процессомъ до того, что онъ вынужденъ былъ дышать только двумя третями ихъ, постепенно видоизмѣнялись все болѣе и болѣе, причемъ поражалось и сердце. Ему очень хорошо было извѣстно его состояніе, и онъ зналъ, что нѣтъ болѣе надежды на исцѣленіе. Въ маѣ 1873 года оставилъ онъ Лейпцигъ (предварительно обработавши 8-е изданіе своего учебника для школъ), ища облегченія и душевнаго ободренія въ лѣсахъ Тюрингена. Съ достойною изумленія силой воли онъ переносилъ мучительнѣйшіе припадки удушья, не дававшіе ему спать по ночамъ. Днемъ онъ еще бывалъ въ состояніи заниматься умственной работою и быть въ обществѣ людей веселымъ и остроумнымъ. Долгое время онъ держался на ногахъ, благодаря своей желѣзной энергіи, пока все болѣе и болѣе усиливавшіеся припадки одушья сдѣлались слишкомъ частыми. Цѣлыя недѣли жизнь его бывала въ опасности, затѣмъ наступало улучшеніе.

Въ октябрѣ онъ отправился въ Висбаденъ, въ полномъ сознаніи, что прогрессивно развивающіяся органическія измѣненія принесутъ ему еще болѣе сильныя страданія, если только какія-нибудь случайности не положатъ имъ болѣе скорый конецъ. Съ полнѣйшимъ спокойствіемъ онъ смотрѣлъ въ глаза неизбѣжной смерти. Онъ обработалъ новое (десятое) изданіе своей «Книги о больномъ и здоровомъ человѣкѣ», еще много занимался изученіемъ исторіи развитія и писалъ различныя статьи для «Gartenlaube», къ которой онъ до конца жизни сохранилъ свою привязанность.

16-го февраля появился легкій параличъ конечностей, была затруднена также и рѣчь. 18-го прогрессивно развивавшійся параличъ началъ сообщаться дыхательнымъ мускуламъ и пищеводу. Съ величайшимъ спокойствіемъ онъ обращалъ вниманіе окружающихъ на столь характеристическіе симптомы и далъ понять, что считаетъ предстоящее освобожденіе отъ страданій за счастье для себя. Съ большою осторожностью дѣлалъ онъ различныя распоряженія, свидѣтельствовавшія о вполнѣ ясномъ и здоровомъ состояніи ума. Онъ велѣлъ себя похоронить въ Висбаденѣ просто и тихо, пожелалъ, чтобы его проводили до могилы дѣти его и старый другъ, съ которымъ онъ тамъ снова встрѣтился. Затѣмъ онъ поручилъ «кланяться всѣмъ друзьямъ и знакомымъ» и спросилъ о днѣ, числѣ и часѣ. Это было 19-го февраля предъ вечеромъ. Дѣтямъ онъ старался облегчить разлуку и съ каждымъ въ отдѣльности простился.

Измученный отъ тяжкихъ страданій, онъ попросилъ положить ему голову пониже и, со словомъ «прощайте», закрылъ глаза на вѣки...

Левъ.

Ни объ одномъ, кажется, животномъ не сочиняется столько сказокъ, какъ о львѣ; одни приписываютъ ему необыкновенное великодушіе, другіе разсказываютъ, что онъ смягчается просьбами, щадитъ тѣхъ, которые падаютъ передъ нимъ ницъ, никогда не бросается на женщинъ и дѣтей и т. п. Разумѣется, все это не болѣе какъ сказки, но что левъ—царь звѣрей, что это самое могущественное изъ всѣхъ хищныхъ животныхъ, то достаточно одного взгляда на выраженіе морды льва, чтобы безпрекословно признать за нимъ его царское достоинство. Во взглядѣ его видна неодолимая сила, всѣ черты дышатъ серьезнымъ спокойствіемъ и благородствомъ; царственная грива, осѣняя его какъ-бы золотой короной, придаетъ всей его наружности истинно царское величіе.

Настоящая родина льва—Африка. Въ Индіи и Америкѣ также водятся свои львы, но это не болѣе какъ пигмеи въ сравненіи съ ихъ могучимъ африканскимъ собратомъ. Самый сильный изъ всѣхъ львовъ—это именно тотъ, который съ древнихъ временъ пріобрѣлъ себѣ названіе царя звѣрей, африканскій или *варварійскій* левъ. Это властелинъ не только звѣрей, но и людей той мѣстности, которую онъ избираетъ для своего жительства. Было исчислено, что подати, платимыя африканскими племенами правительству, ничтожны передъ громадной податью, платимой ими льву. Убытокъ, причиняемый населенію львами, легко опредѣлить, вычисливъ сколько онъ похищаетъ въ теченіе года лошадей, муловъ, верблюдовъ и другихъ домашнихъ животныхъ въ одной мѣстности. Изъ такого разсчета оказывается, что каждый левъ обходится населенію по 6,000 франковъ въ годъ. Левъ доживаетъ среднимъ числомъ до 35-ти-лѣтняго возраста; слѣдовательно во всю свою жизнь онъ потребуетъ громадной дани въ 210,000 франковъ. По исчисленію знаменитаго французскаго охотника на львовъ, Жюля Жерара, 30 львовъ, жившихъ въ Константинѣ, нанесли убытокъ истребленіемъ домашнихъ животныхъ въ одномъ только году на 45,000 рублей серебромъ. По словамъ того же Жерара, съ 1856 по 1857 г., въ Бонѣ жило 60 львовъ, которые пожрали 10,000 штукъ крупнаго и мелкаго скота. Во внутренней Африкѣ левъ приноситъ сравнительно меньшій вредъ; однако и тамъ нерѣдко дѣлаетъ большія опустошенія и приводитъ въ совершенное отчаяніе бѣдныхъ туземцевъ.

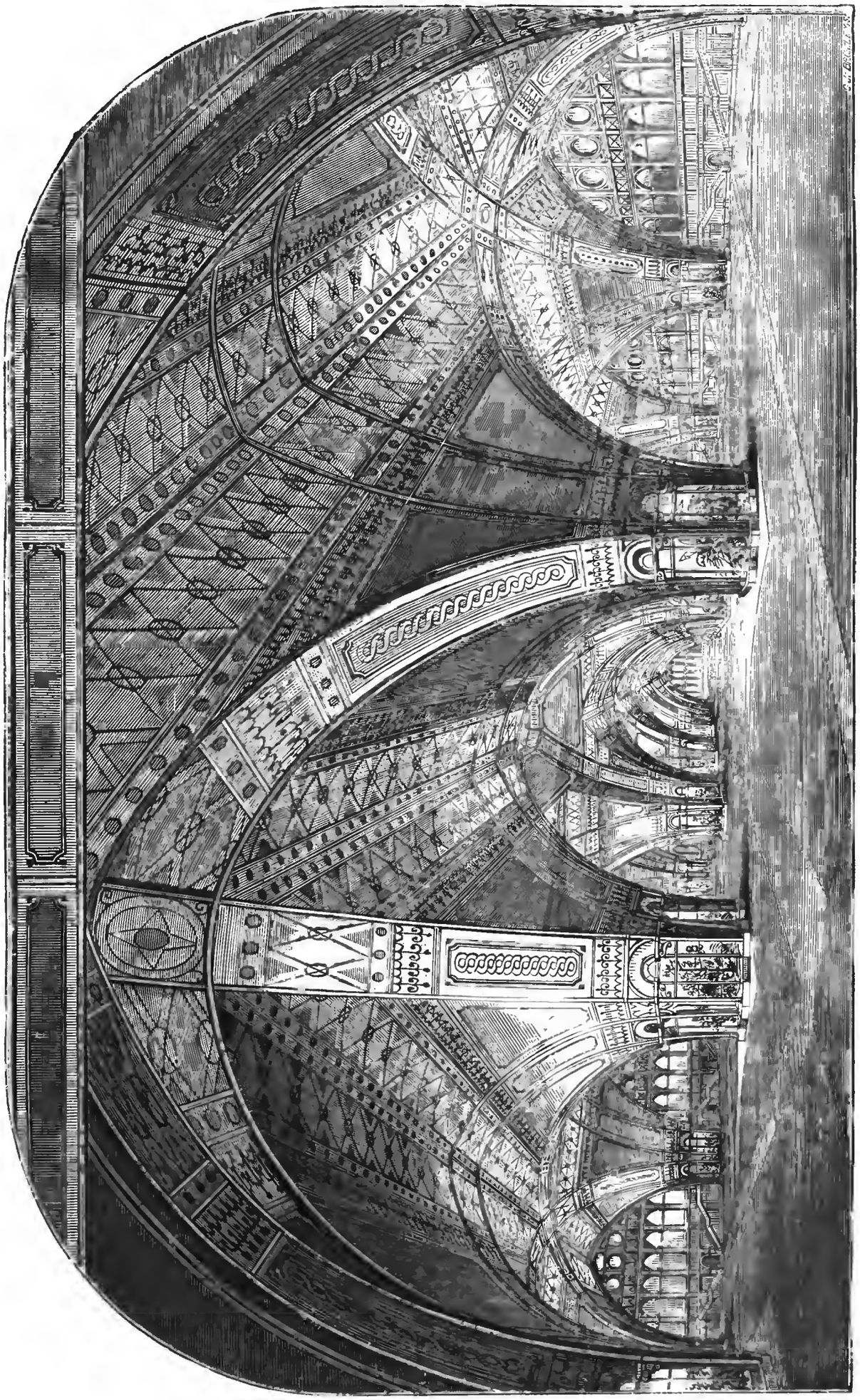
Варварійскій левъ жилъ прежде во всей сѣверо-восточной Африкѣ, и въ Египтѣ былъ такъ же обыкновененъ, какъ въ Тунисѣ, Фетцѣ и Марокко. Но съ размноженіемъ народонаселенія область его владычества постепенно уменьшалась, такъ что въ настоящее время онъ живетъ въ долинахъ Нижняго Нила, а на всемъ южномъ берегу Средиземнаго моря уже не встрѣчается болѣе. Въ Алжирѣ и Марокко онъ и теперь не рѣдкость, хотя попадается значительно рѣже прежняго, а въ Тунисѣ и оазисѣ Фессанѣ представляетъ весьма обыкновенное явленіе. Но нѣтъ ни одной мѣстности, гдѣ бы львы попадались часто, и это очень понятно, такъ какъ каждому изъ нихъ нужно столько пищи, что ни одна мѣстность не была бы въ состояніи прокормить нѣсколькихъ львовъ въ большой промежутокъ времени.

Любимое мѣстопребываніе грознаго звѣря—широкія, лѣсистыя долины, лежащія около рѣкъ. Въ защищенномъ мѣстѣ вырываетъ онъ плоское углубленіе для своего логовища и отсюда дѣлаетъ свои опустошительные набѣги до тѣхъ поръ, пока не оберетъ всей дани, какую можетъ дать эта окрестность, а потомъ переходитъ въ другое мѣсто. Днемъ льва трудно встрѣтить въ лѣсу, такъ какъ жизнь его вполнѣ ночная, какъ всѣхъ кошекъ. Лишь послѣ заката солнца выходитъ онъ на добычу, потрясая окрестность своимъ громовымъ ревомъ. «Невозможно дать понятіе», говоритъ Брэмъ, «о дѣйствіи, которое голосъ этого царя звѣрей производитъ на его подданныхъ. Вой гіены на минуту замолкаетъ; леопардъ перестаетъ ворчать; обезьяны принимаются жалобно кричать и въ страхѣ взбираются на самыя высокія вѣтви; антилопы въ бѣшеномъ бѣгствѣ ломятся сквозь чащу; навьюченный верблюдъ дрожитъ, перестаетъ повиноваться голосу вожака, сбрасываетъ вьюкъ и сѣдока и ищетъ спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ; лошадь раздуваетъ ноздри, встаетъ надыбы и бѣснится съ пѣной у рта; собаки, непріученныя къ охотѣ, съ визгомъ просятъ защиты хозяина, и даже человѣкъ, услыхавъ въ первый разъ этотъ голосъ ночью, среди дремучаго лѣса, даже онъ призадумается, можно ли ему тягаться съ тѣмъ, кто гремитъ въ этой пустынѣ? Тотъ же страхъ, который овладѣваетъ животными при рычаніи льва, находитъ на нихъ и тогда, когда они заслышатъ только его запахъ: всѣ они знаютъ, что близость льва для нихъ смерть».

Библиотека "Руниверс"

Левъ. Картина Мейергайма, рис. самъ авторъ, гравир. Ротъ.

Библиотека "Руниверс"



Зала въ зданіи всемірной выставки въ Филадельфіи (Америка).

Библиотека "Руниверс"

Такая картина можетъ показаться преувеличенной, если судить о львиномъ ревѣ по тому, что мы слышимъ въ зоологическихъ садахъ, гдѣ онъ вовсе не кажется особенно страшнымъ. Но совсѣмъ другое дѣло слышать его на мѣстѣ—въ африканскихъ пустыняхъ—вблизи, въ непроницаемой тьмѣ лѣса. Тамъ они нерѣдко поютъ цѣлымъ хоромъ, при чемъ одинъ является запѣвалой, а двое, трое и даже четверо другихъ очень правильно вторятъ ему. Громче всего они ревутъ въ холодныя ночи, но никогда голосъ ихъ не достигаетъ такой силы и выразительности, какъ въ то время, когда два или три незнакомыхъ между собою львиныхъ семейства встрѣтятся у водопоя. Въ подобномъ случаѣ у нихъ является какое-то соревнованіе, такъ что они стараются, во что бы то ни стало, перекричать другъ друга. Только такіе отважные люди, какъ охотники на львовъ, которымъ это не въ рѣдкость, могутъ спокойно сидѣть среди лѣса въ полночь въ ямѣ и прислушиваться къ такому концерту не только безъ дрожи, но даже съ какимъ-то радостнымъ волненіемъ. Часто между двумя самцами главами семьи завязывается бой, оканчивающійся смертью одного изъ борцовъ.

Левъ начинаетъ кричать какъ только стемнѣетъ, и это продолжается съ нѣкоторыми перерывами всю ночь; въ отдаленныхъ пустыняхъ онъ реветъ до девяти или десяти часовъ утра, а въ сѣрую, пасмурную погоду его ревъ, нѣсколько впрочемъ сдержанный, слышится цѣлый день. Кабилы, живущіе въ Атласскихъ горахъ, очень искусно подражаютъ постепенно усиливающемуся и ослабѣвающему рычанію льва, произнося при этомъ слова, которыя, сказанныя извѣстнымъ образомъ, съ извѣстнымъ удареніемъ, дѣйствительно представляютъ сходство съ его ревомъ. По ихъ увѣренію, левъ рычитъ слѣдующее:

«Я левъ, я сынъ женщины; мы имѣемъ маленькія уши; мы цари. Онъ, сильнѣйшій (т. е. человѣкъ), преодолѣваетъ меня и сжигаетъ мнѣ сердце, сердце, сердце!» Всего дѣятельнѣе и отважнѣе левъ бываетъ въ темныя бурныя ночи, и путешественнику приходится въ это время быть настороже.

По увѣреніямъ опытныхъ наблюдателей, если левъ сытъ и отдыхаетъ, то можно смѣло пройти мимо него и даже прогнать его съ дороги, бросивъ въ него камнемъ; опасно въ этихъ случаяхъ только—бѣжать. Извѣстны также случаи, когда грозный хищникъ спокойно подходилъ къ домамъ, не причиняя никому вреда. Брэмъ приводитъ разсказъ одного путешественника о томъ, какъ разъ, среди бѣлаго дня, къ дому, у дверей котораго сидѣла женщина и рѣзвились дѣти, вдругъ подошелъ левъ и улегся въ тѣни на порогѣ. Мать, оцѣпенѣвъ отъ ужаса и зная, какъ опасно бѣжать, не смѣла тронуться съ мѣста, дѣти бросились къ ней на колѣни. Крикъ дѣтей привлекъ вниманіе отца; онъ поспѣшилъ къ дому, и можно представить, каковъ былъ его ужасъ при видѣ этой сцены. Къ счастію, было отворено окно въ комнатѣ, гдѣ стояло ружье, и онъ могъ достать его рукой. Въ эту самую минуту левъ зашевелился; можетъ быть, онъ собирался уйти такъ же спокойно, какъ пришелъ, а можетъ быть готовился прыгнуть на легкую добычу. Отецъ долженъ былъ рѣшиться на рискованный выстрѣлъ.... пуля просвистала мимо локоновъ его сына, и левъ упалъ мертвый.

Изъ этого, однако, не слѣдуетъ заключать, что встрѣча со львомъ всегда можетъ обойтись человѣку безнаказанно. Хотя царь звѣрей и чувствуетъ должное уваженіе и страхъ передъ царемъ всѣхъ тварей, но когда голоденъ или сильно раздраженъ, то яростно бросается на цѣлыя толпы хорошо вооруженныхъ людей. Видя себя въ опасности, онъ выказываетъ все свое мужество и отступаетъ только передъ значительными силами, совершенно спокойно, шагъ за шагомъ. Нерѣдко бываетъ, что левъ, будучи раненъ нѣсколькими пулями, продолжаетъ храбро бороться. Если его сильно преслѣдуютъ, то онъ обращается иногда въ бѣгство; но такіе случаи рѣдки.

Охота на льва считается самой благородной; находятся люди, которые въ опасностяхъ этой охоты находятъ лучшее наслажденіе въ жизни. Изъ европейцевъ прославились своими львиными охотами французъ Жюль Жераръ и шотландецъ Гордонъ Куммингъ. Послѣдній путешествовалъ пять лѣтъ по южной Африкѣ единственно для охоты. Жерара негры и арабы считаютъ полубогомъ: такое огромное количество львовъ истребилъ этотъ неустрашимый охотникъ.

Охотятся на львовъ различными способами; бываютъ смѣльчаки, которые ходятъ на него въ одиночку; атласскіе арабы ловятъ льва въ ямы, или цѣлой деревней дѣлаютъ на него облаву. Куммингъ, много охотившійся на львовъ, говоритъ, что для того, чтобы справиться съ могучимъ звѣремъ, мало быть только хорошимъ стрѣлкомъ, но надо, во первыхъ, быть постоянно готовымъ на смерть, обладать совершеннымъ спокойствіемъ, никогда не терять присутствія духа и очень хорошо знать привычки льва и уловки его во время травли. Впрочемъ, и его нападенія не всегда угрожаютъ неминуемой гибелью, иногда оттого, что скачки его бываютъ дурно разсчитаны. Такъ, извѣстный путешественникъ Андерсонъ, въ самомъ началѣ своего пребыванія въ Африкѣ, когда, выражаясь его собственными словами, по неопытности, слишкомъ легко относился ко льву, одинъ разъ проникъ въ чащу, гдѣ спрятался левъ. Проискавъ его нѣсколько времени понапрасну, онъ вдругъ увидѣлъ льва, выскочившаго на поляну, какъ разъ около него. При этомъ движенія его были такъ быстры, осторожны и ловки, что когда охотникъ выстрѣлилъ, звѣрь успѣлъ уже наполовину спрятаться въ кусты, но, получивъ пулю, обернулся, съ страшнымъ ревомъ бросился на своего врага и, какъ кошка, улегся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, протянувъ голову между передними лапами. Андерсонъ, со своимъ большимъ охотничьимъ ножомъ, опустился на колѣни, ожидая нападенія; стрѣлять онъ не хотѣлъ, потому что въ травѣ и пыли, подымаемой хвостомъ животнаго, не могъ ясно разглядѣть его головы. Послѣ короткой, но очень мучительной паузы, левъ вдругъ сдѣлалъ прыжокъ, но промахнулся, перескочилъ черезъ Андерсона и упалъ въ трехъ или четырехъ шагахъ позади его. Не теряя присутствія духа, отважный охотникъ быстро перевернулся на колѣняхъ и пустилъ въ него пулю, совершенно раздробившую ему лопатку. Не смотря на это, левъ опять яростно бросился на охотника, но тотъ ловко увернулся, а ослабѣвшій звѣрь уползъ въ чащу, гдѣ и испустилъ духъ.

Какъ велика сила льва, можно судить по тому, что ему ничемъ перескочить черезъ широкій ровъ или черезъ заборъ, въ 6, 8, иногда въ 10 футовъ вышины, неся въ пасти быка. Не по силамъ ему только буйволы, слоны и верблюды. На этихъ крупныхъ животныхъ левъ никогда не охотится одинъ, а всегда въ сообществѣ съ себѣ подобными. Вообще же левъ ведетъ жизнь одинокую. Лѣсъ и степь представляютъ ему достаточно поживы. Онъ не пренебрегаетъ ни однимъ млекопитающимъ, какъ бы оно ни было мало; ничтожность и слабость, такъ же какъ громадность и сила, не обезпечиваютъ отъ него ни одно животное. На своихъ охотахъ онъ обнаруживаетъ удивительный умъ, хитрость и смѣлость. Нападая на дикихъ животныхъ, левъ дѣйствуетъ совершенно иначе, чѣмъ при нападеніи на домашній скотъ. Онъ знаетъ, что дикія животныя чуютъ его издалека и бѣгаютъ такъ скоро, что могутъ скрыться отъ него. Поэтому онъ чрезвычайно осторожно подкрадывается къ нимъ противъ вѣтра. Если чуткія и умныя животныя, спѣша утолить жажду, забудутъ на минуту свою обычную осторожность, не миновать имъ тогда страшныхъ когтей своего властелина. Онъ обыкновенно однимъ ударомъ сваливаетъ схваченное животное, раздробляетъ ему шейные позвонки, ложится на свою добычу, неподвижно устремивъ на нее глаза, наблюдая за каждымъ движеніемъ и ускоряя послѣднія содроганія новыми ударами зубовъ. Сопротивленіе передъ такой силой немыслимо; только хорошо дрессированныя собаки смѣло нападаютъ на льва, но за то большая часть ихъ и дѣлается жертвой своей храбрости. Куммингъ потерялъ во время своихъ охотъ до двадцати великолѣпныхъ собакъ, вѣрно раздѣлявшихъ съ нимъ всѣ опасности охотничьей жизни.

Самые уважаемые естествоиспытатели признаютъ въ характерѣ льва много благородства. Онъ хищникъ по необходимости, но не кровожаденъ, какъ другія кошки. Ужъ одно то, что левъ живетъ съ львицей до извѣстной степени, какъ бы въ бракѣ, ставитъ его высоко, этого мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ прочихъ хищныхъ млекопитающихъ. Левъ очень преданъ своей семьѣ и любитъ ее; когда львица кормитъ дѣтенышей, онъ долго не покидаетъ ее, заботится о пропитаніи ея, присматриваетъ за дѣтьми, когда львица уходитъ изъ логовища. Черезъ полгода мать перестаетъ кормить дѣтенышей, но они еще до этого начинаютъ сопровождать родителей въ ихъ набѣгахъ, не удаляясь, впрочемъ, далеко отъ логовища. Новорожденные львята довольно безпомощныя твари; они научаются ходить только на второмъ мѣсяцѣ своей жизни, а играть начинаютъ еще позднѣе. Сначала они мяучатъ совсѣмъ какъ кошки, но потомъ голосъ ихъ становится сильнѣе и полнѣе. Къ концу перваго года они достигаютъ величины большой собаки. Сначала оба пола совершенно схожи, но вскорѣ болѣе крѣпкія и мощныя формы тѣла начинаютъ отличать самца отъ самки. Около третьяго года у самца начинаетъ пробиваться грива; полнаго же роста и развитія оба пола достигаютъ на шестомъ или седьмомъ году.

Нѣтъ ничего плачевнѣе судьбы престарѣлаго льва. Испортившіеся зубы его подъ старость уже перестаютъ служить; слѣдовательно, съ охотою на дикихъ животныхъ онъ долженъ проститься, и вотъ, тотъ самый звѣрь, который такъ еще недавно внушалъ страхъ, обращается въ нуль и погибаетъ самымъ жалкимъ образомъ. Въ заселенныхъ же мѣстахъ такой больной левъ часто преодолѣваетъ свою боязнь, пробирается ночью въ деревню и начинаетъ таскать козъ. Иногда, мучимый голодомъ, вмѣсто козы онъ утащитъ ребенка или дѣвушку, которыхъ также съѣдаетъ; а такъ какъ выбора ему нѣтъ, то людоѣдство становится его ремесломъ, и онъ дѣлается страшилищемъ всего округа. Этимъ объясняется мнѣніе, что левъ, отвѣдавшій человѣческаго мяса, не употребляетъ больше никакой другой пищи. Людоѣдами бываютъ только старые звѣри, и какъ только туземцы замѣчаютъ, что левъ начинаетъ таскать козъ, то говорятъ: зубы его ужъ не годятся, онъ скоро будетъ ѣсть людей. Въ необитаемыхъ странахъ, или тамъ, гдѣ живутъ смѣлые охотники, въ родѣ бакалахари или бушменовъ, левъ кончаетъ тѣмъ, что начинаетъ ловить мышей и другихъ маленькихъ грызуновъ, и даже рѣшается есть траву. Найдя на непереваренные растительные остатки, туземцы разыскиваютъ льва, въ полной увѣренности что онъ лежитъ гдѣ нибудь по близости и такой обез-

Библиотека "Руниверс"

силенный, что они безъ труда справятся съ нимъ. Такъ дѣйствительно всегда и бываетъ.

Какую грустную картину представляетъ такое безпомощное состояніе столь могучаго нѣкогда звѣря! Впрочемъ, эта жалкая участь постигаетъ не многихъ, такъ какъ большая часть благородныхъ животныхъ избѣгаетъ этого униженія, погибая въ цвѣтѣ лѣтъ отъ пули, стрѣлы или коварной западни человѣка.

Трудно представить себѣ, до чего этотъ звѣрь, столь грозный на свободѣ, дѣлается ручнымъ въ неволѣ, разумѣется въ такомъ случаѣ, если онъ теряетъ свою свободу въ очень нѣжномъ возрастѣ. Онъ признаетъ въ человѣкѣ своего покровителя и привязывается къ нему тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе онъ съ нимъ знакомится. Извѣстно, что львы размножаются и въ зоологическихъ садахъ, однако рѣдко удается выростить львятъ, рожденныхъ въ неволѣ, обыкновенно они умираютъ отъ проростанія зубовъ. Небольшое же количество остающихся въ живыхъ: становятся ручными какъ собаки. Въ Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ въ Лондонѣ, при представленіи оперы «Александръ и Дарій», пускали на сцену льва. Этотъ левъ былъ рожденъ въ неволѣ.

Интересны подробности, передаваемыя Брэмомъ о ручной львицѣ, которая жила у него два года. Она свободно бѣгала по двору, всюду слѣдовала за своимъ хозяиномъ, какъ собака, ласкалась къ нему и, какъ говоритъ Брэмъ, была непріятна только въ томъ отношеніи, что иногда ей приходило на мысль посѣщать меня ночью на моей постелѣ и будить меня своими ласками».

Бахида, такъ звали эту львицу, играла на дворѣ со всѣми животными, немилосердно дразня ихъ и умышленно пугая, но не дѣлая имъ никакого зла. Однако она умертвила и съѣла двухъ животныхъ: первый разъ обезьяну, а потомъ барана, съ которымъ передъ тѣмъ играла. Вообще ко всѣмъ животнымъ она относилась очень гордо и деспотически господствовала надъ ними, но относительно людей была всегда кротка и честна. Въ ней не было никакого лукавства. гнѣвъ ея проходилъ мгновенно — ее тотчасъ же можно было укротить лаской. Въ Капрѣ Брэмъ гулялъ съ ней, ведя ее на веревкѣ, а при переѣздѣ изъ Александріи въ Тріестъ ежедневно выпускалъ ее на палубу, къ общему удовольствію путешественниковъ.

Можно было бы привести много подобныхъ разсказовъ о кротости плѣнныхъ львицъ, величавости львовъ, и нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ достовѣрности ихъ послѣ приведеннаго выше свидѣтельства такого почтеннаго наблюдателя животныхъ, какъ Брэмъ.

Почтенный ученый нисколько, кажется, не увлекается, — съ этимъ, надѣемся, согласится всякій, взглянувъ на величественную фигуру царственнаго звѣря, изображеннаго на нашей картинѣ. На сколько удовлетворительно художникъ справился съ своей, дѣйствительно не совсѣмъ легкой задачей, пусть судятъ сами читатели.

Зала въ зданіи всемірной выставки въ Филадельфіи.

Въ № 11 нашего журнала за прошлый годъ былъ помѣщенъ рисунокъ (съ описаніемъ), представляющій «новое вавилонское столпотвореніе» т. е. памятникъ, въ видѣ башни вышиною въ 1000 фут., которымъ американцы хотятъ, по случаю столѣтняго юбилея своей независимости и всемірной выставки въ Филадельфіи въ будущемъ году, увѣковѣчить воспоминаніе о началѣ нынѣ-могущественнѣйшей республики въ Новомъ Свѣтѣ. Памятникъ этотъ хотятъ поставить поближе къ зданію выставки, чтобы послѣдняя могла быть ярко освѣщена электрическимъ свѣтомъ, падающимъ съ вершины башни. Самый храмъ индустріи еще не окончилъ, но работа тамъ кипитъ: янки на этотъ счетъ народъ энергичный, и ужъ если за что возьмутся—блистательно доведутъ дѣло до конца.—Выставляя въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала рисунокъ, изображающій (въ проэктѣ) внутренній видъ залы всемірной выставки въ Филадельфіи, замѣтимъ, что эта оригинальная громадная зала должна быть построена *только изъ одного желѣза*. И теперь, когда она еще пуста, не заставлена чудесами искусства и промышленности всего міра, можно просто залюбоваться, глядя на эти смѣлыя, гигантскихъ размѣровъ арки, на эту прелестную перспективу и на изящную отдѣлку частей. Громада эта васъ подавляетъ, а между тѣмъ постройка кажется вамъ легкою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крѣпкою, прочною. А какой просторъ! Главная задача—дать побольше мѣста экспонентамъ, и, дѣйствительно, мѣста дано много. Наши «заатлантическіе друзья», еще задолго до открытія выставки, успѣли уже блестящимъ образомъ заявить себя, *выставивъ* такое грандіозное зданіе. Новый свѣтъ, во многихъ отношеніяхъ затыкающій за-поясъ Европу и, конечно, другія части Стараго Свѣта, въ постройкѣ зданій, мостовъ и сооруженія памятниковъ далеко шагнулъ впередъ, и американцамъ есть чѣмъ похвастаться передъ Европой. Янки вообще любятъ все въ большихъ размѣрахъ, и все-то дѣлается у нихъ своеобразно, «по-американски», подражать они не любятъ: кражи—такъ ужъ кражи, дуэли—такъ ужъ дуэли, рекламы—на удивленіе, банкротства—блистательнѣе московскихъ, пожары — рѣдки да мѣтки (вспомните пожаръ Чикаго), подкупы, мошенничества—первый сортъ, затраты на народное образованіе—такъ ужъ затраты, и, наконецъ—всемірная выставка — такъ ужъ всемірная выставка!...

Высочайше учрежденная 22-го сентября коммисія по участію Россіи въ международной выставкѣ 1876 года въ Филадельфіи уже извѣстила публику, что предсѣдателемъ ея назначенъ директоръ департамента торговли и мануфактуръ, тайный совѣтникъ Бутовскій, а членами: управляющій канцеляріею министра финансовъ, тайный совѣтникъ Кобеко; вице-директоръ департамента торговли и мануфактуръ, дѣйств. ст. сов. Ермоловъ; директоръ технологическаго института, дѣйств. ст. сов. Вышнеградскій; чиновникъ особыхъ порученій того-же департамента дѣйств. ст. сов. Бѣльскій; начальникъ отдѣленія, дѣйств. ст. сов. Подобѣдовъ; профессоръ технол. института, ст. сов. Ильинъ; чиновникъ особыхъ порученій министерства финансовъ, ст. сов. Беръ, и кол. сов. Тимирязевъ; управленіе-же дѣлами коммисіи возложено на члена ея, г. Бѣльскаго, который назначенъ также генеральнымъ коммисаромъ русскаго отдѣла международной выставки въ Филадельфіи. Затѣмъ, коммисія, приступивъ къ исполненію возложенныхъ на нее обязанностей, имѣетъ честь пригласить тѣхъ изъ нашихъ промышленниковъ и торговцевъ, а равно и вѣдомства, которыя пожелали-бы принять участіе въ филадельфійской выставкѣ, обращаться отнынѣ-же съ своими заявленіями, а также для полученія нужныхъ свѣдѣній, по адресу коммисіи: въ департаментъ торговли и мануфактуръ.

Смѣсь.

Гарибальди—ловецъ черепахъ. Лѣтъ около сорока тому назадъ, извѣстный французскій композиторъ Фелисьенъ Давидъ предпринялъ путешествіе на востокъ. Онъ ѣхалъ на одномъ маленькомъ торговомъ суднѣ «Клоринда» въ Константинополь. Вдали виднѣлись африканскіе берега. Давидъ стоялъ на палубѣ и бесѣдовалъ со вторымъ рулевымъ, крѣпкимъ итальянцемъ, и какъ видно человѣкомъ отважнымъ. «Что это тамъ такое?» вдругъ спросилъ музыкантъ, показывая молодому моряку на что-то черное, плывшее въ нѣкоторомъ разстояніи позади корабля. «Это черепаха и самая породистая, морская черепаха, которую если сварить, то, по увѣренію англичанъ, получится великолѣпный супъ. «Можно ли безопасно приблизиться къ этому плавающему панцырю?» «О нѣтъ, подойти близко къ такой черепахѣ, это—то же что положить руку или ногу между двумя отточеными англійскими бритвами»». «Но, въ такомъ случаѣ, какъ же ихъ ловятъ?»—«А вотъ я намъ покажу какъ». Съ этими словами молодой человѣкъ совсѣмъ одѣтый бросился въ море, подплылъ къ страшилищу, такъ легко и сильно разсѣкая волны, какъ будто вода была для него такой же привычной стихіей, какъ земля, и черезъ короткое время былъ съ своей добычей опять на бортѣ, правда порядочно промокшій и немного окровавленный, но очень веселый. Онъ сказалъ, смѣясь, Давиду: «Вотъ вамъ и черепашій супъ, я отдамъ чудовище повару». Музыкантъ съ благодарностью протянулъ руку промокшему моряку и спросилъ, какъ его зовутъ? «Меня зовутъ *Джузеппе Гарибальди*», отвѣтилъ морякъ и отправился съ черепахою къ корабельному повару.

Пари. Англійскій король Георгъ IV былъ большой любитель держать пари и, въ этомъ отношеніи счастье ему улыбалось; однако иногда случалось и ему терпѣть чувствительныя пораженія. Одинъ изъ лордовъ, часто бывавшій при дворѣ, проигрывалъ королю значительныя суммы и горѣлъ желаніемъ отыграться. Разъ вечеромъ лордъ этотъ пріѣхалъ во дворецъ, и послѣ того какъ король поговорилъ съ нимъ о томъ, о семъ, разсказалъ, что онъ встрѣтилъ на дорогѣ стадо индюковъ, и началъ вообще говорить объ ихъ тихой походкѣ, утверждая, что гусей можно скорѣе прогнать съ одного мѣста на другое, чѣмъ индюковъ.

«Вздоръ!» возразилъ на это король.

«Извольте», отвѣчалъ лордъ, «предлагаю какое-угодно пари, что я со стадомъ гусей пройду путь въ 1 милю скорѣе, чѣмъ человѣкъ, который погонитъ стадо индюковъ».

Библиотека "Руниверс"

«Идетъ! На тысячу фунтовъ».

Гонка была назначена на слѣдующій день, за четверть часа до заката солнца, какъ выговорилъ лордъ. Король аккуратно пріѣхалъ къ назначенному часу, и вотъ гуси и индюки отправились въ путь. Индюки скоро и на значительное разстояніе обогнали гусей, и король уже торжествовалъ, но тутъ солнце скрылось и въ ту же минуту индюки ринулись въ кусты по краямъ дороги и сѣли на покой. Ничѣмъ нельзя было заставить ихъ идти дальше, между тѣмъ какъ гуси шли да шли потихоньку къ назначенному мѣсту.

Итакъ, Георгъ IV былъ обязанъ заплатить за этотъ гусиный походъ 1.000 фунтовъ стерлинговъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Сэръ Чарльзъ Ляйель (съ портретомъ).——Кто выигралъ?.. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха (продолженіе).—Черногорка (съ рисункомъ). – На нѣчную разлуку (съ рисункомъ). — Карлъ Эрнестъ Бокъ.—Левъ (съ рисункомъ).—Зала въ зданіи всемірной выставки въ Филадельфіи (съ рисункомъ). — Смѣсь. — Отдѣльное приложеніе: **ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за Ноябрь съ 16 рисунками и листъ выкроекъ.**

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„ЦЕНТРАЛЬНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ"

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

Въ прошломъ 1874 году открыто мною въ Москвѣ, въ компаніи съ М. Бернардомъ, филіальное отдѣленіе петербургскаго музыкальнаго магазина

М. БЕРНАРДЪ,

причемъ М. Бернардъ завѣдывалъ дѣлами фирмы въ Петербургѣ, а я въ Москвѣ.

Въ настоящее время мы, компаньоны, рѣшили вести дѣла вполнѣ самостоятельно и притомъ тамъ, гдѣ мы вели ихъ прежде; вслѣдствіе сего музыкальный и инструментальный магазины фирмы **М. Бернардъ** въ Москвѣ перешли въ полную мою собственность подъ фирмою

„ЦЕНТРАЛЬНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ".

Такъ какъ до сихъ поръ магазинъ этотъ, находясь въ исключительномъ моемъ завѣдываніи, всегда пользовался полнымъ довѣріемъ почтеннѣйшей публики, то я позволяю себѣ надѣяться, что гг. покупатели и на будущее время не перестанутъ обращаться со своими требованіями въ мой магазинъ, въ которомъ все остается по прежнему, кромѣ вывѣски.

К. Нарановичъ.

Письма и посылки прошу адресовать: Москва, „Центральная музыкальная торговля".

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ,

№ 12. Невскій проспектъ, напротивъ Малой Морской. № 12.

Покупаетъ и продаетъ по биржевой цѣнѣ всякаго рода процентныя бумаги, акціи, золото, серебро и иностранныя монеты.

Принимаетъ порученія на покупку и продажу таковыхъ на здѣшней и иностранныхъ биржахъ, взимая за то $^{1}/_{8}$% коммисіи.

Выдаетъ ссуды въ возможно-высокомъ размѣрѣ, подъ залогъ процентныхъ бумагъ и билетовъ 5% съ выигрышами займовъ на срокъ отъ 1-го до 12 мѣсяцевъ.

Уплата ссудъ можетъ производиться или разомъ, или ежемѣсячными взносами.

Заложенныя въ другихъ банковыхъ учрежденіяхъ бумаги могутъ быть выкупаемы конторою и перезакладываемы у нея съ увеличеніемъ ссуды.

Заемщики изъ провинціи могутъ высылать бумаги по почтѣ на имя конторы, и контора немедленно высылаетъ деньги и залоговое обязательство по указанному адресу.

Контора принимаетъ денежные вклады и платитъ за деньги, внесенныя:

на текущій счетъ 6%
на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ 7%
на срокъ не менѣе 6-ти и до 12-ти мѣсяцевъ. 8%

Расчетъ процентовъ по текущему счету производится 4 раза въ годъ, а именно: 1-го Января, 1-го Апрѣля, 1-го Іюля и 1-го Октября; за вклады же на срокъ проценты уплачиваются впередъ.

Капиталъ, отданный конторѣ на извѣстный срокъ, можетъ быть, по желанію вкладчика, возвращенъ и до истеченія срока черезъ 8 дней по заявленіи и за вычетомъ процентовъ въ размѣрѣ 3-хъ годовыхъ выше платимыхъ конторою процентовъ при вкладѣ.

Для членовъ, имѣющихъ деньги въ конторѣ на текущемъ счету, послѣдняя исполняетъ всѣ биржевыя операціи, не взимая за то коммисіи.

Вкладчики изъ провинціи, желающіе внести деньги на текущій счетъ, могутъ присылать по почтѣ и имъ высылается тотчасъ надлежащее свидѣтельство.

Контора страхуетъ отъ тиражей погашенія билеты обоихъ внутреннихъ 5% съ выигрышами займовъ по 40 копѣекъ за билетъ, для иногородныхъ по 50 коп.

Продаетъ билеты 5% съ выигрышами займовъ съ разсрочкою платежа по 10 рублей и болѣе въ мѣсяцъ,

причемъ могущій упасть, со времени полученія конторою задатка, на купленный билетъ выигрышъ принадлежитъ покупателю.

Порученія изъ провинціи исполняются безотлагательно.

Лица, желающія состоять агентами конторы въ провинціи, могутъ заявить о томъ конторѣ съ указаніемъ, гдѣ можно справиться объ ихъ благонадежности.

10—2

ДЕШЕВЫЯ НОТЫ,

въ музыкальномъ магазинѣ М. ВАСИЛЬЕВА по Михайловской улицѣ, домъ № 4, противъ Европейской гостинницы.

Для форт. въ 2 руки: полныя оперы отъ 50 коп. Ноктурни и фантазіи изъ оперъ отъ 25 коп.

Всѣ сонаты Бетховена 1 р. 50 коп.

Полное собраніе сочиненій Вебера	1 р. 25 к.
тоже » » » » Мендельсона 5 том. . .	8 » »
» » » » » » Шумана 6 томовъ . . .	12 » »
» « » » » » Шопена 6 том.	20 » »
Альбомъ салонныхъ пьесъ	» » 75

(10 тетрад. отъ 5 до 20-ти пьесъ въ каждой)

Изъ сочиненій Шопена отдѣльно: всѣ вальсы 1 р. 20 к., ноктюрны 1 р. 35 к. Мазурки 2 руб. Полонезы 1 р 80. Этюды 1 руб. 5о. Баллады 1 р. 20 к. и много другихъ сочиненій для форт. въ 2 и 4 руки для пѣнія и для скрипки, но такимъ-же дешевымъ цѣнамъ. На пересылку прилагается особо

Абонементъ на чтеніе нотъ отъ 1 руб. за мѣсяцъ и отъ 5 руб. за годъ.

Изданія А. Ф. МАРКСА.

для гг. подписчиковъ „НИВЫ" продаются со слѣдующею скидкою:

Москва и Тверь, истор. пов., Кельсіева Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
При Петрѣ, истор. пов., Кельсіева и Клюшникова. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подпис. 1 р.
Въ камышахъ. Повѣсть Каразина. Ц. съ перес. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
Богъ въ помощь, романъ Вернера. Ц. съ перес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.
Вторая жена, романъ Маррлитта. Ц. съ пер. 2 р., для подписч. 1 р. 30 к.
Семья вольнодумцевъ, ист. пов. врем. Екатер. вел. Ц. съ пер. 1 р. 25 к. для под. 75 к.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 20 Октября 1875 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб. Больш. Морская, № 3. Тип. Вольнаго Англ. пр. № 10

Библиотека «Руниверс»

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 45 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 10 Ноября 1875 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Открыта подписка на журналъ „НИВА" на 1876 годъ.

Ѳедоръ Антоновичъ Бруни.

30 Августа русская школа исторической живописи потеряла одного изъ первыхъ и талантливыхъ представителей своихъ — маститаго художника, современника Брюлова: Ѳедора Антоновича Бруни. Отецъ покойнаго, декоративный живописецъ, пріѣхалъ въ Россію изъ Швейцаріи (въ царствованіе императора Павла) и поселился въ Москвѣ, гдѣ и работалъ у князя Куракина. Въ 1801 году у Антона Бруни родился сынъ— будущій профессоръ, творецъ «Мѣднаго змія». Мальчикъ чуть-ли не съ четырехъ лѣтъ уже обнаружилъ проблески таланта, а когда ему исполнилось девять лѣтъ — отецъ отдалъ его въ Академію художествъ. Еще будучи воспитанникомъ, молодой Бруни обратилъ на себя вниманіе всѣхъ преподователей, благодаря конечно такому руководителю, какъ профессоръ В. П. Шебуевъ. Окончивъ курсъ въ 1818 г., Ѳедоръ Антоновичъ отправился въ Италію для окончательнаго художественнаго образованія. Поселившись въ Римѣ, онъ усидчиво занялся изученіемъ классическихъ произведеній живописи, много работалъ —и трудъ его, конечно, не пропалъ даромъ. Изъ массы картинъ, написанныхъ имъ въ «вѣчномъ городѣ» картина «Смерть Камиллы» доставила ему громкую извѣстность, и онъ получилъ за нее званіе академика (1834 г.). Вернувшись изъ Италіи, Ѳ. А. пробылъ въ Петербургѣ три года и опять уѣхалъ въ Римъ, оканчивать тамъ знаменитую свою картину «Мѣдный змій». Въ этотъ промежутокъ времени онъ, одновременно съ Брюловымъ, получилъ профессорскій дипломъ за копіи съ фресокъ Рафаэля, «Изгнаніе Геліодора» и «Торжество Галатеи». — Въ 1841 г. въ Академіи была выставлена громадная картина Бруни «Воздвиженіе Моисеемъ мѣднаго змія», которая также, какъ и «Послѣдній день Помпеи», привела публику въ вос-

Ѳедоръ Антоновичъ Бруни. Проф. Акад. Худож. Съ фотогр. рѣзалъ Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

торгъ. Послѣ смерти профессора Шебуева, Ѳ. Я. занялъ мѣсто ректора живописи и ваянія въ Академіи Художествъ и исполнилъ эту должность шестнадцать лѣтъ, т. е. до 1871 г. Въ послѣдніе годы своей жизни старецъ-художникъ трудился надъ исполненіемъ картоновъ для строющагося въ Москвѣ храма Спасителя, будучи въ тоже время директоромъ мозаическаго заведенія въ Академіи.

Если бы покойный Бруни оставилъ только двѣ картины «Мѣдный змій» и «Моленіе о чашѣ», то эти два произведенія его кисти, какъ образцовые памятники русской живописи, увѣковѣчили бы его имя. Ѳ. Я. работалъ много и для Исаакіевскаго собора («Омовеніе ногъ», Іегова, несомый ангелами» и др.). Какъ профессоръ-наставникъ онъ всецѣло отдавался искусству, работалъ до конца дней своихъ, если нужно было оказать помощь собрату своему, молодому художнику—оказывалъ ее, дѣлалъ все что могъ, словомъ—былъ не только учителемъ, художникомъ, но и *человѣкомъ*..

Картины Бруни «Мѣдный змій» и «Моленіе о чашѣ» находятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Что касается второй—то копіи съ нея на полотнѣ, гравюры и литографіи разошлись по всей Россіи. Одна изъ копій «Моленія о чашѣ», сдѣланная самимъ художникомъ, красуется въ Академической церкви, какъ запрестольный образъ.

Кто выигралъ?...

(Изъ современной уголовной хроники)

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

„Маленькій фрейгерръ" былъ въ высшей степени взволнованъ.

— Хорошо, никому не буду говорить объ этомъ, пока это будетъ можно, сказалъ Питтъ,—но я все-таки обязанъ (это долгъ мой) самымъ тщательнымъ образомъ со всѣмъ усердіемъ, начать розыски въ этомъ направленіи... Смѣю надѣяться, что вы, конечно, поможете мнѣ тутъ?... Нѣтъ-ли у васъ врага?..

Манштейнъ глядѣлъ на слѣдователя съ какимъ-то недоумѣніемъ, почти вопросительно, какъ будто совсѣмъ не понялъ его.

— Врага?.. Не знаю, наконецъ отвѣтилъ онъ... Да, вѣдь чужая душа — потемки! Очень можетъ быть, что человѣкъ, называющій васъ своимъ другомъ, на самомъ дѣлѣ относится къ вамъ враждебно? Что-жъ, развѣ большинство людей не въ войнѣ между собою, когда интересы ихъ сталкиваются?... Я всегда, сколько помню себя, старался быть справедливымъ къ каждому, ктобы онъ ни былъ, и никогда не освѣдомлялся о томъ, есть-ли у меня враги, а потому и не знаю ихъ.

Питтъ понялъ теперь, что фрейгерру почему-то не хотѣлось высказать всей правды.

— Но, господинъ Манштейнъ, вѣдь и вамъ желательно также, чтобы убійца Мальтэна былъ найденъ и наказанъ? спросилъ онъ.

„Маленькій фрейгерръ" опять слегка вздрогнулъ, но сейчасъ-же овладѣлъ собой.

— О, конечно! Вѣдь Мальтэнъ былъ моимъ другомъ... Будь мы родные братья—я-бы, кажется, крѣпче и любить его не могъ!... Нѣтъ, тотъ, кто совершилъ такое дѣло, долженъ понести кару!...

— И такъ, вы рѣшительно ничего больше не можете мнѣ сказать?

— Рѣшительно ничего.

Старикъ проговорилъ эти слова какъ-то торопливо и даже отвернулся, какъ-бы желая совсѣмъ прекратить этотъ разговоръ.

Слѣдователь вышелъ изъ комнаты

На него опять напало раздумье... Въ самомъ дѣлѣ, фрейгерръ велъ себя презагадочно! Но онъ былъ крѣпко взволнованъ, блѣденъ... Это наконецъ, убѣдило Питта, что послѣднее его предположеніе—вѣрно: пуля, поразившая Мальтэна, была предназначена Манштейну и, какъ кажется, онъ даже зналъ, кто ее влѣпилъ въ голову перваго, только... языкъ у старика не поворачивался назвать убійцу по имени...

Возвращаясь домой, Питтъ не особенно торопился, потому что, углубившись въ размышленія, забылъ о времени и мѣстѣ. Онъ разсмотрѣлъ обстоятельства жизни фрейгерра, обдумывалъ и то, и другое, но ничего не выходило изъ этого... Тутъ или мщеніе, или просто кому нибудь нужно было, ради выгоды, вычеркнуть фрейгерра Манштейна изъ списка живыхъ... Но кому-же?...

Слѣдователь вдругъ вспомнилъ о баронѣ ф. Зельдитцъ. Онъ зналъ, что баронъ былъ ближайшимъ родственникомъ Манштейна и зналъ также, что старикъ именно этого родственника сдѣлалъ своимъ единственнымъ наслѣдникомъ... Но неужели барону показалась слишкомъ долгою жизнь „маленькаго фрейгерра", этому барону, который самъ жилъ чортъ знаетъ какъ безалаберно, что было извѣстно Питту. Неужели Зельдитцъ совершилъ это дѣло, и ради того только, чтобы поскорѣе завладѣть имуществомъ дяди?...

Мысль эта не оставляла слѣдователя, хотя онъ и считалъ ее почти нелѣпою, невозможною... Положимъ, баронъ человѣкъ весьма легкомысленный, но... неужели онъ способенъ на убійство? Онъ, послѣдній представитель такого древняго, знатнаго рода, горделивый дворянинъ—и такъ низко могъ упасть, сдѣлаться—разбойникомъ?... Нѣтъ, это немыслимо!.. Да и зачѣмъ было идти ему на такое ужасное дѣло: вѣдь дядя щедро снабжаетъ его деньгами и всегда уплачиваетъ его долги?...

И все-таки *та* мысль гвоздемъ засѣла въ головѣ Питта... Онъ думалъ: убійство могло быть совершено только такимъ лицомъ, которому хорошо было извѣстно расположеніе комнатъ въ домѣ, особенно—мѣстонахожденіе спальни, и кто зналъ также обстановку этой комнаты и подмѣтилъ, какъ легко отодвинуть снаружи задвижку за дверью. Кромѣ этого, убійца долженъ былъ знать, что фрейгерръ никогда не запиралъ дверей на ключъ, а обыкновенно задвигалъ только задвижку... Не можетъ быть, чтобы баронъ не зналъ этого?...

Вспомнилъ слѣдователь и то, что около одной изъ ивокъ, стоящихъ за садомъ Манштейна, на травѣ ясно были видны слѣды копытъ, — онъ видѣлъ ихъ именно утромъ, когда осматривалъ мѣстность за садомъ, а это было какъ разъ послѣ убійства... Что-жъ, вѣдь подобное открытіе согласуется съ его „страннымъ" предположеніемъ? Баронъ верхомъ подъѣхалъ къ саду; была уже ночь... Онъ слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ ивкѣ, пробрался въ садъ и, совершивъ преступленіе, ускакалъ домой, въ городъ...

Тутъ Питтъ остановился, встрѣтившись съ лакеемъ фрейгерра, возвращавшимся изъ города, и нарочно завязалъ съ нимъ разговоръ.

Лакей сейчасъ-же сообщилъ, что ему было поручено отвезти письмо въ резиденцію.

— Письмо къ племяннику вашего барина? спросилъ слѣдователь самымъ равнодушнымъ тономъ. Слуга ухмыльнулся.

— Нѣтъ-съ, письмо не къ господину барону, отвѣтилъ онъ и прибавилъ: да врядъ-ли придется къ нему письма-то возить...

— Это почему-же?

— Да они нынче не въ ладахъ между собой...

— Изъ за чего-же не поладили?

— Не могу знать... Только я ненарокомъ, значитъ,

Библиотека "Руниверс"

слышалъ, что мой-то баринъ грозился лишить его наслѣдства, ну, и господинъ баронъ сію-же минуту собрался и уѣхалъ въ столицу, и очень былъ не въ духѣ.

— Когда-же это было?

Лакей призадумался.

— Да какъ сказать—недѣли три, либо четыре это было, отвѣтилъ онъ потомъ.

— Прежде или послѣ того, какъ былъ убитъ г. Мальтэнъ?

— Прежде-съ, прежде! Баронъ уѣхалъ наканунѣ...

— Навѣрно вы это знаете?

— Навѣрно-съ: наканунѣ уѣхалъ онъ.

— Однако, изъ за чего-же они поссорились? Подумайте-ка, можетъ быть, и смекнёте?

— Какъ тутъ смекнуть? Нѣтъ, а только я полагаю, что у нашего фрейгерра была все-таки не пустяшная причина такъ грозиться: такимъ разстроеннымъ, сердитымъ я никогда и не видывалъ барина! „Лишу, говоритъ, тебя наслѣдства", а ужъ я знаю его: коли онъ что разъ порѣшилъ—безпремѣнно такъ и сдѣлаетъ.

— Давно вы на службѣ у фрейгерра?

— Ужъ девятый годъ.

— Скажите, случались и прежде ссоры между ними?

— Нѣтъ... Ничего такого я не замѣчалъ промежъ нихъ; баринъ мой всегда ласковъ бывалъ съ барономъ.

— Ну, а баронъ, когда уѣзжалъ, крѣпко былъ сердитъ?

— Крѣпко! Хотя онъ и не желалъ, значитъ, виду этого показать, да не смогъ скрыть сердца: уѣхалъ, не попрощавшись даже съ фрейгерромъ!

Питтъ дальше не распрашивалъ: его уже сильно тянуло въ городъ, ему хотѣлось прежде всего узнать, гдѣ въ ту ночь былъ баронъ?... Пріѣхавъ въ резиденцію, онъ сейчасъ-же отправился на квартиру Зельдитца, такъ какъ зналъ, гдѣ жилъ баронъ и зналъ также самого домовладѣльца, зажиточнаго человѣка, по фамиліи — Освальдъ. Однако, не легко ему было заставить домохозяина показать комнату, занимаемую барономъ: г. Освальдъ обнаружилъ ужъ черезчуръ много любопытства... Питтъ, наконецъ, увѣрилъ его, что ищетъ квартиру для одного весьма богатаго, пожилаго барина, и вотъ, выбралъ именно *эту*, такъ какъ она находится въ первомъ этажѣ, да ктому-же изъ комнаты можно прямо выйти въ садикъ. Такимъ образомъ, ему удалось уломать домовладѣльца, и Освальдъ повелъ слѣдователя въ комнату Зельдитца.

— Ну, вотъ, это именно какъ разъ то́, что я ищу! сказалъ Питтъ, зоркимъ окомъ осматривая просторную и во всѣхъ отношеніяхъ удобную комнату.—Тутъ и свѣтло, и мѣста довольно, и прямо изъ комнаты—въ садъ, да это—прелестно! Пожилому господину, домосѣду, который все-таки любитъ подышать свѣжимъ воздухомъ—лучшаго помѣщенія и не надо!...

— Да, но вѣдь баронъ тоже очень доволенъ комнатой и врядъ-ли охотно уступитъ ее другому, замѣтилъ хозяинъ.

Слѣдователь пожалъ плечами.

— Ну, что́-жъ, не можетъ-же онъ быть на васъ въ претензіи за то, если вы объявите ему, что желаете отдавать эту квартиру за болѣе высокую цѣну? Если онъ согласится платить вамъ дороже — за нимъ она и останется... Это мебель—барона?

— Нѣтъ, мебель моя, отвѣтилъ Освальдъ.

— Все очень мило!... Прекрасно убрано, право!

Слѣдователь любовался, хвалилъ обстановку, а между тѣмъ глаза его рыскали по всей комнатѣ... Не мебель его интересовала — онъ искалъ чего-то другаго, болѣе интереснаго...

— Вонъ тамъ, надъ диваномъ, пара славныхъ, кажется, пистолетовъ! Баронъ ужъ навѣрно хорошій стрѣлокъ?..

И Питтъ, подойдя къ дивану, протянулъ руку за пистолетомъ.

— Позвольте-съ! Тутъ ничего нельзя трогать! громко произнесъ Освальдъ.—Баронъ ужасно этого не любитъ и насчетъ этого очень строгъ.—

Слѣдователь какъ будто и не слышалъ словъ домохозяина: онъ уже держалъ въ рукѣ одинъ изъ пистолетовъ и тщательно осматривалъ его. Пулька, вынутая изъ головы Мальтэна, какъ разъ подходила къ стволу осматриваемаго пистолета, не нужно было и примѣрять...

— Какая изящная работа! Право, славная вещица! похваливалъ Питтъ.—Я, знаете, вообще люблю всякаго рода оружіе. Взгляните-ка, какъ прелестно изукрашена рукоятка!... А что́—заряженъ онъ?—

Онъ медленно взвелъ курокъ.

Освальдъ испугался и отскочилъ.

— Ахъ, пожалуйста, повѣсьте его на мѣсто!

Слѣдователь, улыбнувшись, исполнилъ его желаніе.

— Я и не думалъ, что вы такой боязливый человѣкъ! замѣтилъ онъ, выходя изъ комнаты. Вѣдь палка, сама по себѣ, опаснаго ничего не представляетъ?... Также точно ружье, пистолетъ сами по себѣ вещи вовсе не страшныя... Нужно умѣть только съ ними обращаться.—Ну-съ, а баронъ, конечно, человѣкъ солидный?.. спросилъ Питтъ съ нѣсколько лукавой улыбкой.

У Освальда вырвался невольный вздохъ.

— Скажу вамъ, что мнѣ приходится радоваться, что онъ не мой сынъ, отвѣтилъ домовладѣлецъ... Вѣдь онъ по ночамъ почти что и до́ма не бываетъ; является тогда, когда ужъ разсвѣтать начинаетъ, ну, и спитъ потомъ до самого полдня! Впрочемъ, и то́ сказать, всѣ эти высокоблагородные ведутъ такую жизнь... Что́-жъ, дѣлать имъ нечего, работы нѣтъ у нихъ, а деньги всегда водятся въ ихнемъ карманѣ; ну, а если вдругъ станетъ тамъ пусто—ничего, не бѣда: мало развѣ людей, готовыхъ съ удовольствіемъ дать имъ взаймы и потомъ содрать чортъ знаетъ какіе проценты?...

— Ну, не совсѣмъ *ничего*... Случается и имъ запутаться и вдругъ остаться ни съ чѣмъ! Все-таки они рискуютъ... Ахъ—да, вотъ вспомнилъ кстати! живо заговорилъ Питтъ... Да вы, пожалуй, и не знаете, былъ-ли баронъ дома въ ночь на 21-е іюля?

— А вамъ это зачѣмъ-же?

Освальда опять стало мучить любопытство.

— Да это насчетъ одного нелѣпаго пари, отвѣтилъ смѣясь слѣдователь.—Видите-ли, въ ту именно ночь нѣсколько офицеровъ, сидя въ погребкѣ, побились объ закладъ съ однимъ господиномъ... Дѣло это меня интересуетъ собственно потому, что пари въ самомъ дѣлѣ—просто безумное! Ну, вотъ, я и жду съ нетерпѣніемъ, какъ оно разрѣшится... Хозяинъ погребка сообщилъ мнѣ объ этомъ курьезѣ, причемъ сказалъ, что самого-то господина онъ не знаетъ, а слышалъ, что офицеры называли его „барономъ", и даже описалъ мнѣ его: это, говоритъ, былъ баринъ высокаго роста, такой стройный... Очень можетъ быть, что это и былъ баронъ Зельдитцъ?... Онъ держалъ пари, что въ 40 часовъ пройдетъ 25 миль и ни разу не присядетъ, чтобы отдохнуть!..

— Да это невозможно! воскликнулъ хозяинъ.

— И я тоже думаю, а потому-то вотъ мнѣ и хотѣлось-бы очень узнать: кто именно держитъ, или держалъ, такое пари?

— И это было, вы говорите, въ ночь на 21-е іюля?

— Да, подтвердилъ Питтъ.

— Ну, такъ это былъ, значитъ, не баронъ Зельдитцъ.

— Почему-жъ вы такъ думаете?

— Потому что ту ночь баронъ провелъ до́ма, онъ никуда не выходилъ.

— Однако, какъ вы это хорошо помните, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ ужъ много времени прошло!..

— А вотъ это почему: 20-го числа былъ день моего рожденья. Пригласилъ я къ себѣ пріятелей; ну, сидимъ мы, только эдакъ по́дъ вечеръ пришелъ баронъ домой

Библиотека "Руниверс"

и сталъ жаловаться, что ему не здоровится... Легъ онъ въ постель и попросилъ жену мою заварить ему чаю, а потомъ—

— За докторомъ не посылали?

— Нѣтъ, баронъ не пожелалъ этого... Ну, а потомъ, попозже, ему, кажется, стало лучше, и онъ сказалъ, что хочетъ спать и чтобы его никто не тревожилъ... Хорошо; ну, вотъ, пріятели мои и разошлись часамъ къ десяти, чтобы въ домѣ все было тихо... Господинъ баронъ всталъ съ постели ужъ на другой день, такъ около двѣнадцати часовъ.—

— Да—а, ну, въ такомъ случаѣ, конечно, тамъ, въ погребкѣ, былъ не баронъ Зельдитцъ, а какой нибудь другой баронъ! Да я и не думаю, чтобы Зельдитцъ могъ быть такимъ отличнымъ ходокомъ...

Слѣдователь проговорилъ это равнодушнымъ тономъ, слегка улыбаясь, а между тѣмъ разсказъ Освальда чрезвычайно заинтересовалъ его.

Во избѣжаніе дальнѣйшихъ разспросовъ со стороны любопытнаго домохозяина, Питтъ раскланялся съ нимъ.

Дѣйствительно-ли баронъ былъ болѣнъ тогда или только притворился больнымъ, чтобы въ случаѣ чего можно было доказать, что ту ночь онъ провелъ дома, никуда не выходилъ?.. Какже узнать это?... Тутъ и было только одно средство, одинъ путь: если Зельдитцъ застрѣлилъ Мальтэна, если это правда, то вѣдь до усадьбы дяди онъ могъ добраться только на лошади, а такъ какъ собственной лошади у него нѣтъ, то, конечно, онъ долженъ былъ взять чью нибудь, такъ сказать, на прокатъ... У кого именно онъ взялъ ее — вотъ это-то и слѣдовало прежде всего разузнать. Питтъ не понадѣялся на себя одного и, чтобы лучше справиться съ такой задачей, поручилъ этотъ розыскъ двумъ ловкимъ полицейскимъ, причемъ и самъ продолжалъ работать по этому дѣлу. Тутъ нужно было дѣйствовать съ величайшею осторожностью, потому что, если въ самомъ дѣлѣ Зельдитцъ совершилъ убійство и если онъ теперь провѣдаетъ, что подозрѣніе пало на него — то слѣдуетъ серьезно опасаться, какъ-бы онъ не убѣжалъ...

Прошло нѣсколько дней, но всѣ поиски ни къ чему не привели: ни одинъ изъ содержателей лошадей никому не отдавалъ лошади въ ночь на 21-е іюля, когда Мальтэнъ былъ убитъ... Неужели-же баронъ *неповиненъ* въ убійствѣ?... Но подозрѣніе слишкомъ глубоко запало въ душу слѣдователя, онъ не могъ отбросить его, легко разстаться съ нимъ... Питтъ даже былъ убѣжденъ, что Зельдитцъ только *притворился* больнымъ... Да! Зельдитцъ ночью, или поздно вечеромъ, незамѣтно вышелъ изъ дому (выйти было легко—изъ комнаты дверь вела прямо въ садикъ), затѣмъ, перепрыгнувъ низкій заборъ, онъ очутился на улицѣ и пробрался садами до самыхъ городскихъ воротъ... А не дошелъ-ли онъ пѣшкомъ до помѣстья Маннштейна?... Что-жъ, въ какіе нибудь два часа пространство это можно было пройти, но... откуда-же тогда тѣ слѣды подковъ лошадиныхъ на травѣ, около ивоваго деревца? Стояла-же тамъ лошадь въ ту ночь?... Слѣдователь порѣшилъ продолжать, все-таки, поиски... Можетъ быть и удастся столкнуться съ человѣкомъ, снабдившимъ барона своею лошадью?... Настойчивость эта оказалась небезполезной: труды его увѣнчались успѣхомъ.

Въ одно прекрасное утро полицейскій сыщикъ, командированный Питтомъ на розыски, донесъ ему, что нѣкій бюргеръ, по фамиліи Шмоллеръ, живущій у городскихъ воротъ, держитъ лошадь, которую и отдаетъ за деньги на прокатъ, и вотъ этотъ самый Шмоллеръ отдавалъ свою лошадку какому-то господину въ ночь на 21-е іюля.

— Фамиліи господина не говорилъ? спросилъ Питтъ.

— Говорилъ, что г. фонъ Шпехтъ нанималъ у него тогда лошадь, отвѣтилъ полицейскій.

Слѣдователь немедленно отправился къ Шмоллеру и попросилъ его разсказать, какъ было дѣло.

— Да еще утромъ въ тотъ день пришелъ ко мнѣ господинъ, началъ Шмоллеръ, и сказалъ, что хочетъ взять у меня лошадь, только ночью, на нѣсколько часовъ... Мнѣ, говоритъ, нужно ѣхать на свиданье, а потому, говоритъ, отправиться я могу не иначе, какъ только поздно вечеромъ... Господинъ — такой высокій, ну, одѣтъ прекрасно... Называлъ онъ себя — фонъ Шпехтъ.

— Что-жъ, вы сейчасъ и согласились дать ему лошадь? спросилъ Питтъ.

— Нѣтъ. Этого господина я прежде никогда не видалъ, ну, а вы знаете, что быть осторожнымъ никогда не мѣшаетъ... Можетъ быть, это и не баринъ, а просто какой нибудь мазурикъ—почемъ я знаю? Вотъ, я и того... замялся эдакъ, а онъ какъ это замѣтилъ — сейчасъ предложилъ залогъ, сколько, значитъ, лошадь стоитъ.

— И вы приняли?

— Да. Онъ осмотрѣлъ лошадь и далъ мнѣ полтораста талеровъ. Вечеромъ, ужъ послѣ одинадцати часовъ, опять онъ пришелъ, сейчасъ сѣлъ и уѣхалъ.

— Когда онъ вернулся?

— Да такъ—около трехъ часовъ ночи.

— И вы сами тогда его видѣли?

— Какже, самъ видѣлъ! Нужно-же было мнѣ лошадку посмотрѣть: можетъ онъ ее какъ нибудь испортилъ? Ну, и полтораста талеровъ надо было ему назадъ отдать.

— А что, вы не замѣтили: былъ г. фонъ Шпехтъ эдакъ взволнованъ... разстроенъ, когда вернулся?

— Ѣхалъ онъ шибко, это точно... Лошадка вся была въ мылѣ.

— Ну, а почему вы такъ увѣрены, что это было именно въ ночь на 21-е іюля? Времени-то много утекло съ тѣхъ поръ... Или у васъ такая отличная память?

— Ну, на память-то свою я-бы не понадѣялся, отвѣтилъ бюргеръ, — а вотъ, на другой-же день утромъ, какъ всталъ, такъ сейчасъ-же взялъ да и записалъ въ книжку: „получено 2 талера за наёмъ лошади", и число поставилъ, а это было 21-го іюля.

— Значитъ, вы каждый получаемый талеръ аккуратно записываете въ книжку, на приходъ? замѣтилъ слѣдователь съ легкой улыбкой.

— Ну, гдѣ-жъ!.. Вотъ касательно лошадки—дѣйствительно—записываю. Изволите видѣть, она у меня недавно, такъ я и самъ еще хорошенько не знаю: стоитъ-ли того, чтобы ее держать? Ну, и пишу все—что издерживаю на нее, и какой она мнѣ доходъ приноситъ, чтобы черезъ нѣсколько времени подвести счетъ.

— Послѣ того вы видѣли этого господина?

— Не случалось.

— Не можете-ли вы описать мнѣ его наружность?

— Лѣтъ ему, примѣрно, около тридцати; росту онъ высокаго, видно что мужчина крѣпкій... Я такъ полагаю, что это былъ офицеръ въ партикулярномъ платьѣ...

— Ну, а узнали-бы вы его, если-бы снова увидѣли?

— О, конечно!

— Посмотрите, похожъ онъ на этотъ портретъ? Питтъ вынулъ изъ кармана фотографическую карточку Зельдитца и показалъ ее Шмоллеру. Шмоллеръ какъ только взглянулъ—воскликнулъ:

— Онъ самый! Этотъ и былъ у меня!

— Нѣтъ, вы потрудитесь хорошенько разсмотрѣть!

— Да говорю вамъ: онъ и есть, какъ вылитый!

Слѣдователь торжествовалъ, лицо его сіяло...

— Говорилъ вамъ г. фонъ Шпехтъ, куда ѣздилъ онъ въ ту ночь?

— Нѣтъ, да и я не спросилъ касательно этого.

— Покажите мнѣ, пожалуйста, вашу лошадь.

Шмоллеръ повелъ слѣдователя въ конюшню. Дорогой

Библиотека "Руниверс"

Свадьба въ царской Москвѣ въ среднемъ вѣкѣ. Оригинальный рисунокъ, Медвѣдева, гравир. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

онъ пытался развѣдать, зачѣмъ это слѣдователь дѣлаетъ такіе подробные разспросы?

— Сегодня я еще не могу вамъ сообщить этого, сказалъ Питтъ. Но не безпокойтесь; никакой непріятности вамъ тутъ не будетъ... Когда на судѣ потребуютъ вашихъ показаній — вы только разскажите, какъ все было, ничего не утаивая и ничего не прибавляя—одну правду.

Слѣдователь осмотрѣлъ лошадь, взглянулъ на одно изъ заднихъ копытъ ея и вымѣрилъ подкову. Размѣры подковы были тѣ-же, что̀ и на рисункѣ, сдѣланномъ имъ со слѣда подкованнаго копыта на травѣ, около ивоваго деревца, у сада Маннштейна... Питтъ теперь уже не сомнѣвался, что преступленіе совершено Зельдитцемъ, который имѣлъ намѣреніе убить фрейгерра... Улики почти всѣ были на лицо, и представлялись настолько важными, что дѣйствительно не оставалось уже сомнѣнія, что баронъ, а не кто другой, застрѣлилъ Мальтэна,—но слѣдователь, однако, не рѣшился тотчасъ-же арестовать Зельдитца. У барона въ столицѣ былъ довольно большой кругъ знакомства въ средѣ высокопоставленныхъ особъ... Зельдитцъ былъ даже какъ-то въ родствѣ съ однимъ изъ министровъ... Знакомые, услышавъ объ арестѣ его, употребятъ всѣ усилія, чтобы освободить его отъ такого тяжкаго обвиненія: вѣдь онъ послѣдній представитель древняго, славнаго рода!... Если-же имъ это не удастся, то они всѣми мѣрами станутъ препятствовать возникновенію процесса, постараются однимъ словомъ устроить такъ, чтобы баронъ остался внѣ всякаго подозрѣнія... Не благоразумнѣе-ли будетъ отправиться къ фрейгерру Маннштейну и прямо предъявить ему тѣ улики, которыя имѣются противъ его племянника?... Фрейгерръ и самъ, кажется, уже заподозрилъ Зельдитца; быть можетъ даже и знаетъ все, а потому нѣтъ-ли у него болѣе вѣскихъ доказательствъ въ томъ, что убійство совершено именно барономъ?... Неужели старикъ опять будетъ молчать, молчать даже тогда, когда увидитъ, что племяннику его не сдобровать, что онъ и такъ ужъ попался... погибъ?...

Питтъ порѣшилъ съѣздить къ Маннштейну.

Такъ какъ Зельдитцъ, конечно, не могъ еще знать, что подозрѣніе пало на него, то относительно бѣгства его нечего было опасаться, но тѣмъ не менѣе слѣдователь поручилъ двумъ полицейскимъ тайно слѣдить за барономъ, наблюдать за каждымъ его шагомъ и, въ случаѣ попытки Зельдитца убѣжать—сейчасъ-же заарестовать его.

Отправившись въ усадьбу фрейгерра, Питтъ имѣлъ довольно времени аккуратно обдумать дорогой планъ своихъ дѣйствій.

Маннштейнъ встрѣтилъ слѣдователя на верандѣ, у дверей своей спальни, какъ-то сдержанно-холодно... Видно было, что визитъ Питта былъ ему непріятенъ.

— Сожалѣю, что вотъ мнѣ опять приходится обезпокоить васъ, заговорилъ слѣдователь своимъ обычно-покойнымъ, любезнымъ тономъ.

„Маленькій фрейгерръ", молча, движеніемъ руки пригласилъ гостя сѣсть.

— Намъ здѣсь никто не помѣшаетъ? спросилъ Питтъ. Старикъ посмотрѣлъ на него какъ-то пытливо, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ...

— Милости просимъ въ мою комнату, пожалуйте, проговорилъ онъ послѣ короткой паузы и пошелъ самъ впередъ.—Усѣвшись противъ слѣдователя, Маннштейнъ устремилъ на него вопросительный взглядъ.

— Мнѣ удалось, наконецъ, открыть убійцу г. ф. Мальтэна, произнесъ слѣдователь.

Старикъ вздрогнулъ отъ испуга... Онъ почти задыхался... Нельзя было не замѣтить, сколько труда стóило ему принять спокойный, равнодушный видъ.

— Кто-же онъ... кто?...

Онъ насилу выговорилъ эти слова... Все тѣло его дрожало... Въ эти минуты Питту жаль стало „маленькаго фрейгерра", но тутъ онъ не могъ пощадить его, и отвѣтилъ:

— Вашъ племянникъ—баронъ ф. Зельдитцъ.

Маннштейнъ вскочилъ, но сейчасъ-же ухватился за спинку кресла.

— Доказательствъ! Дока...ка...жите! воскликнулъ онъ съ трудомъ выговаривая слова... Есть они?!...

— Да, доказательства есть...

И Питтъ разсказалъ ему все.

Старикъ молча выслушалъ слѣдователя, устремивъ на него неподвижный взглядъ...

— Все это ничего еще не доказываетъ, ровно ничего... рѣшительно ничего! воскликнулъ онъ снова... Ошибаетесь! Мой племянникъ *не можетъ быть* убійцей!...

— Но, г. фрейгерръ, вы сами знаете, что онъ—убійца, сказалъ спокойно Питтъ, — и знаете также, что этихъ уликъ достаточно противъ него... У васъ, можетъ быть, есть болѣе сильныя доказательства?..

— Нѣтъ ихъ у меня! Нѣтъ!..

Маннштейнъ очевидно былъ взволнованъ.

— Что̀-жъ, вы и не подозрѣвали его?...

Онъ молчалъ... Видно было, что „маленькій фрейгерръ боролся съ собой.

— Да... было у меня подозрѣніе, заговорилъ онъ наконецъ... О, оно такъ страшно давило меня, что я не въ состояніи былъ совершенно скрыть этого!... Ну, конечно, я самъ себя выдалъ!.. И какъ вамъ было не замѣтить?... Вы не повѣрите, что̀ я вынесъ за это время... И днемъ, и ночью я только и видѣлъ передъ собой блѣдное лицо покойника... друга моего... Мертвецъ, казалось, не отходилъ отъ меня, какъ-бы прося, настаивая привлечь убійцу къ отвѣтственности, а я... не могъ сдѣлать этого! Не могъ, потому что вѣдь убійца... племянникъ мнѣ, единственный сынъ сестры моей! Онъ—послѣдній потомокъ древней, славной фамиліи никогда и ничѣмъ еще не запятнавшей себя!... Неужели-же *я* долженъ былъ ра́зомъ погубить... запятнать то̀, что̀ лелѣялось вѣками, изъ за чего шла борьба?.. Объявить, что честь наша... потеряна?... Нѣтъ, я этого не могъ!.. Я ужъ лучше положилъ-бы руки на себя!... Боже мой, зачѣмъ эта бѣдная. сѣдая голова дожила до такихъ дней!...

Старикъ опустился въ кресло и закрылъ лицо руками... Питтъ видѣлъ и понималъ страданія „маленькаго фрейгерра", который такъ высоко ставилъ честное имя...

Но Маннштейнъ скоро оправился, овладѣлъ собой.

— Что-жъ, арестованъ несчастный? спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще.

— Нельзя-ли какъ нибудь... спасти... его?

— Нельзя.

— Послушайте, г. слѣдователь... пока все находится еще въ вашихъ рукахъ... вы... дайте ему возможность избѣгнуть, спастись... Меня пожалѣйте! Не объявляйте его убійцей... умолчите объ этомъ, и я отдамъ вамъ половину моего состоянія! Я уговорю его навсегда покинуть Европу... Не ради *его* прошу я... Пощадите память отца его и бѣдной моей сестры!...

— Господинъ фрейгерръ, вы знаете, что мой долгъ не позволяетъ мнѣ такъ поступить, отвѣтилъ Питтъ спокойнымъ тономъ...

Старикъ прижалъ руку ко лбу... Мысль, что племянникъ его опозоренъ—была невыносима для него!...

— Не думайте, пожалуста, что я такъ жестокъ, заговорилъ слѣдователь:—вы, конечно, хорошо понимаете, что я *не могу* этого сдѣлать... Обязанности, принятыя мною, священны для меня. Предоставьте все закону... Правосудіе сдѣлаетъ свое дѣло, и вы покажете этимъ, что чувство справедливости ставите выше всего: преступникъ долженъ быть наказанъ, хотя это и наноситъ вашему сердцу глубокую рану... Будьте-же увѣре-

Библиотека "Руниверс"

ны, что не ослабнетъ къ вамъ то уваженіе, которымъ вы пользуетесь по неотъемлемому праву!...

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди „маленькаго фрейгерра“ и онъ глухо произнесъ:

— Да будетъ такъ!...

Казалось—словами этими старикъ самъ изрекалъ себѣ смертный приговоръ.

— Позвольте мнѣ теперь предложить вамъ еще вопросъ, заговорилъ снова Питтъ:—скажите, у васъ дѣйствительно нѣтъ никакого доказательства въ томъ, что убійство совершено вашимъ племянникомъ?

— Никакого нѣтъ... Подозрѣніе было — только, и я боялся даже думать объ этомъ... Я ему объявилъ, что лишу его наслѣдства, уничтожу завѣщаніе, сдѣланное мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ; по этой духовной онъ былъ единственнымъ моимъ наслѣдникомъ... И онъ зналъ, что угрозу эту я приведу въ исполненіе... Несчастный хотѣлъ помѣшать мнѣ въ этомъ!...

— Вслѣдствіе чего-же хотѣли вы лишить его наслѣдства?

— Позвольте мнѣ, г. слѣдователь, умолчать насчетъ этого обстоятельства... Да оно вовсе и не касается самаго дѣла.

— Когда Мальтэнъ былъ убитъ здѣсь—ваша угроза не была еще исполнена?

— Нѣтъ, но я все-таки исполнилъ-бы ее... Когда вы арестуете его?

— Сейчасъ-же, по пріѣздѣ въ городъ.

— Подозрѣваетъ-ли онъ, что вы открыли виновника преступленія?

— О нѣтъ! Этого не можетъ быть: до сихъ поръ я держалъ все это въ тайнѣ... Послушайте, г. фрейгерръ не имѣете-ли вы какого нибудь желанія, которое я-бы *могъ* исполнить... именно сдѣлать что нибудь для васъ?

Старикъ призадумался на секунду и отвѣтилъ потомъ твердымъ голосомъ:

— Нѣтъ, не имѣю. Благодарю васъ.

Питтъ поклонился и вышелъ.

„Маленькій фрейгерръ“ упалъ на стулъ... Казалось—силы совершенно его оставили, страданія въ конецъ доконали... Молча, неподвижно, съ тупымъ отчаяніемъ, глядѣлъ онъ куда-то и—вдругъ, вскочивъ, подбѣжалъ къ письменному столу, быстро написалъ нѣсколько строкъ, сложилъ бумагу, запечаталъ и, выйдя изъ кабинета, кликнулъ конюха.

— Осѣдлай лошадь, отвези это письмо моему племяннику, заговорилъ старикъ: — скачи во весь духъ, какъ только можешь! Загонишь лошадь — не бѣда... Время дорого! Да смотри: не останавливаться ни на секунду! Ломи впередъ, никого не слушай... чтобы никто тебя не задержалъ... Слышишь? Коли все исполнишь живо—даю половину годоваго твоего жалованья... Поворачивайся!

Обѣщанная награда дѣйствительно заставила конюха какъ слѣдуетъ *повернуться*: прошло всего нѣсколько минутъ, а ужъ онъ скакалъ по дорогѣ въ городъ.

(Продолженіе будетъ).

Свадьба въ царской Москвѣ.

«Сваты съ правдою не ѣздятъ.
Сватанье—хвастанье».

Пословица.

Мы уже разсказывали обряженье свадебнаго дѣла съ выбора невѣсты до заключенья условія о выдачѣ ея въ срокъ жениху.

Свадебные сборы, въ сущности должны начинаться, когда дѣло порѣшено: а порѣшается дѣло *рукобитьемъ* — просватаньемъ невѣсты.

Обряды свадебные въ старину — какъ велось съ незапамятныхъ временъ и какъ ведется теперь въ уголкахъ глуши, недосягаемой для сильнаго прилива или напора современной цивилизаціи—были дѣломъ важнымъ, своего рода мистическо-иносказательнымъ представленіемъ почину, свято соблюдаемому, не терпѣвшему измѣненій. Эпизоды этой условно - бытовой драмы въ лицахъ, выполнялись причитаньями и плачами невѣсты, пѣснями подружекъ и обрядами поѣзжанъ, при руководствѣ свахъ и дружекъ. Мотивомъ плача является представленіе невольнаго покиданья дѣвушкою родительскаго крова. Невѣста плакальщица выясняетъ свое положеніе тяжелое, незаслуженное: быть проданною «родителемъ батюшкою, государынею матушкою, любимымъ родомъ-племенемъ въ чужедальную сторонушку».

Перенесемся за двѣсти лѣтъ въ первопрестольную Москву и очутимся, положимъ, у Микиты мученика на Вшивой горкѣ, передъ новымъ тесовымъ заборомъ, за которымъ скрываются, въ переулкѣ, обширныя бревенчатыя помѣщенія зажиточнаго семьянина, выборнаго головы пятой суконной сотни Клима Андреевича Свѣтельникова. Богъ его благословилъ пяткомъ дочерей, покуда не перестарковъ, хоть старшей Лушенькѣ, передъ Петровымъ постомъ перешло за восемьнадцать лѣтъ и усердныя усилія трехъ свахъ (Митревны, Архиповны и Ѳедоры Игнатьевны) наконецъ подготовили возможность брачнаго сочетанія *зрѣлой* (по понятіямъ того времени) дѣвы съ единороднымъ сыномъ купецкой вдовы Козлятниковой, Артамономъ Лукичемъ, обладателемъ трехъ лавокъ, нарѣемъ 2 аршинъ 10 вершковъ. Дѣло улажено, условіе готово заключаться и обычною формою порѣшенья: зажгли свѣчу передъ иконою, сваты молятся и братъ вдовы Козлятниковой—главный сватъ своего племянника,—захватилъ полу своего кафтана и подходитъ къ отцу невѣсты—*бить по рукамъ*. Въ это время невѣсту вывели покрытую и она заголосила съ плачемъ:

«Подержите-т-ко, желанные родители,
«Меня бѣдную въ дѣвицахъ до двадцати годковъ.
«Хоша до разливной, до красной весиушки
«До лѣта будетъ до теплаго.
«Аль я вамъ, бѣдная, опостылѣла
«Не была въ дому трудницей, работницей
«Матушкѣ по дому перемѣнщицей.
«Оставьте меня родные въ дворницахъ
«Аль хоша, на милость, въ огородницахъ.
«Я ужо слуга вамъ буду вѣрная
«Раба, труженница, неизмѣнная.
«Вы за что, родные, распрогнѣвались
«Выдать меня горькую собираетесь
«За того ли чужь вамъ, за чужавина
«За пріѣзжаго ли, съ вѣтру, горожанина.
«Коли долгъ у тебя, батюшка, онъ требуетъ,
«И меня за выкупъ вы отдать должны
«Не класть бы вамъ тяжекъ грѣхъ на душеньку
«Продать есть. что дороже, меня выручить,
«Жалѣть вамъ коней добрыхъ было бъ нечего
«Добраль у насъ, въ достаткѣ не окажется».

Невѣсту никто не прерываетъ, а когда она оканчиваетъ—рукобитье совершилось и начались цѣлованья вступающихъ въ родню, а невѣста подъ своимъ покрываломъ заводитъ другую пѣсню:

«Не чаяла меня матушка вѣкъ избыть.
«Вѣкъ избыть, со двора изжить,
«Изжила меня матушка въ единый часъ,
«Во единый часъ, за словечушко.
«Жарко въ теремѣ свѣчи горятъ,
«Горятъ свѣчи воску ярова,
«Жалостно мнѣ горькой красной дѣвицѣ,
«Жалко мнѣ дѣвицѣ русой косы,
«Русой косы, моей одной красы.
«Не унимай меня, родной батюшка,
«Не уговорить тебѣ, родная матушка,
«Провожатыхъ мнѣ замужъ сулить нечего,
«Провожатые свезутъ—по домамъ пойдутъ
«Оставятъ меня молодешеньку
«Съ мужемъ чужимъ жить одинешеньку».

— «Это и распрекрасное дѣло будетъ!» вставляетъ ловко громкимъ голосомъ сватъ, перерывая условныя сѣтованія—«не будешь, дѣвка, каяться, хозяйка въ дому, что навушка; ходи знай, охорашивайся. Къ нашимъ порядкамъ приглядывайся. Наши порядки не дурные, родня-знакомцы люди слюбные. Самъ господинъ Артамонъ всѣхъ добрѣе, съ имъ поживется вамъ всласть, веселѣе. Красоты-дородства гдѣ же искать, коль не у нашего князя ихъ взять».

Женихъ встаетъ, кланяется и охорашивается. Невѣсту уводятъ за подносомъ съ наливками и, не поднимая покрововъ,

Библиотека "Руниверс"

она вновь является и становится на серединѣ свѣтлицы держа подносъ, съ котораго мать невѣсты беретъ чарочки и подноситъ сватамъ и жениху со свахами. Невѣсту затѣмъ уводятъ и всѣ гости разъѣзжаются.

Прошли три дня послѣ рукобитья Луши Свѣтельниковой и въ домѣ ея родителей набралось до десятка знакомыхъ дѣвицъ изъ семей, съ которыми водили хлѣбъ-соль, да съ полдюжины родственницъ въ разныхъ степеняхъ родства и свойства—шить приданое. Вечеромъ, всѣхъ дѣвушекъ въ заемныхъ и своихъ саняхъ съ невѣстою повезли по роднѣ. Въ первый домъ—къ матери крестной, купчихѣ Бѣсомыкиной, успѣвшей сбыть ужь четырехъ дочерей.

Одѣтыя дѣвицы, въ душегрейкахъ и епанечкахъ передъ выходомъ на дворъ, усѣлись въ свѣтлицѣ и отъ имени невѣсты, опытная, нарочно для уряда свадебнаго приглашенная, пожилая дѣвственница Соломонида Вахрамѣевна начала на распѣвъ, но борзяся, — напоминая, впрочемъ, исправно заученый урокъ.

«Принести видно покоръ будетъ родителямъ,
«Попроситься къ роденькѣ въ гостивище
«Не на долгую пору, не на денекъ другой,
«На часокъ, вечерочкомъ, проѣхаться,
«Показать свое дѣвичье рукодѣльице,
«Захватить будетъ нялечки точеные
«Не забыть и иголочки тамбурныя
«Съ трубушкою столокатною
«Разшивныя цвѣтныя бумажечки
«Кружевныя свои коклюшечки.
«Снарядиться не долго, въ гостюшкѣ
«Поплакать объ своей волюшкѣ».
«Поѣдемте дѣвушки подруженьки
«Возьмите-ка меня за бѣлы рученьки,
«Во пути дорожкѣ оборонпте
«Отъ лихаго глаза ухоронпте».

Всѣ встаютъ, крестятся и выходятъ, чтобы попарно сѣсть въ сани; пропустивъ впереди невѣсту съ запѣвалой.

Вотъ, подъѣхали къ воротамъ матери крестной, гдѣ уже все приготовлено къ пріему, заранѣе условленному—какъ и вездѣ, куда по маршруту назначено ѣхать въ этотъ вечеръ. На стукъ въ кольцо, ворота открылись для въѣзда во дворъ саней, а изъ саней принимала у входа на крыльцо хозяйка, цѣлуя въ губы каждую дѣвушку, начиная съ невѣсты и повторяя обычно «какъ здорова!» Выйдя изъ саней гостьи входили въ свѣтлицу, садились, не снимая верхняго платья, и *запѣвала* отъ имени невѣсты приглашала:

«Ну-те ка дѣвицы красавицы,
«Милыя подруженьки забавницы,
«Позабавьте меня жалостной пѣсенкой,
«Помогите развѣять кручинушку.
«Не знаю я что дѣлать, сиротинушка,
«Челомъ побить здѣсь бѣдная пріѣхала
«Поневолѣ, за безвременьемъ, заѣхала».

Дѣвушки запѣвали:

«Добры кони устоялися,
«Колокольцы замѣшалися,
«Ко двору боярскому пристать велятъ
«На дворѣ еще звончѣе гремятъ, звоиятъ,
«Знать на радость гости мы жалуемъ
«Добрыхъ хозяевъ не прогнѣваемъ».

Запѣвала заводила извиненье хозяйкѣ:

«Гнѣвъ отложите на дѣвушку,
«Что безпокоить не одна пришла,
«Дѣвушекъ-подружекъ за собой привела,
«Молодыхъ молодушекъ въ послѣдъ собрала.
«Сердце мое горькое разрывается,
«Умъ разумъ безъ ихъ помѣшается.
«Всѣ онѣ лебедушки желанныя
«Мои подружки не жеманныя,
«Ущерба хозяевамъ не сдѣлаютъ,
«Добра угощенья не требуютъ».

Хозяйка начинаетъ увѣрять, что угощенья нельзя не принять, не обидѣвъ хозяевъ и начинаетъ разносить сласти и варенья, одѣляя сухими лакомствами дѣвушекъ. Затѣмъ вносятъ подарки всѣмъ гостьямъ, а невѣстѣ особо. Принимая подарки, невѣста выпѣваетъ въ голосъ.

«За что изволишь жаловать родимая,
«Всего у насъ въ домѣ достаточно,
«Даръ твой прибавитъ въ ту коробью
«Что увезутъ на чужу сторону.
«Не обезсудьте насъ посѣтить
«Меня горюшу въ бѣдѣ навѣстить.
«Готовятъ къ свадьбѣ пированьице
«Мнѣ дѣвицѣ бѣдной гореваньице
«Слезъ моихъ будете свидѣтели,
«Кручины горюши облегчители».

Затѣмъ, вставая, цѣлуются, и то же повторяютъ въ каждомъ домѣ, куда являются по наказу.

Въ разъѣзды эти, по три дня, всѣ родные посѣщены и начались пріемы посѣщенія родныхъ, и невѣста при встрѣчахъ проплакивала въ голосъ привѣтствія жалобы:

«Здрава будь—голубушка тетушка,
«На дому вамъ живется ладно весело
«Каково-то мнѣ будетъ свой вѣкъ избыть
«Въ чужемъ домѣ съ мужемъ, въ подчиненьи жить
«У данныхъ Богомъ родителей,
Моихъ будущихъ повелителей.
«Какъ мнѣ ихъ ласку—любовь искать
«Аль грозы обиды въ семьѣ избывать;
«Буду я свекрови вокорятися,
«Около батюшки-свекра увиватися
«Сожителя словомъ не прогнѣвливать
«Его норову поноравливать».

Наконецъ, наступилъ канунъ условленнаго дня свадьбы—*дѣвичникъ*. Женихъ, являвшійся въ послѣдніе три дня (послѣ *порученья*) къ невѣстѣ и садился съ нею за столъ, слушая пѣсни дѣвушекъ,—но все еще не видя въ лицо подругу жизни, хотя убѣждаясь, что она на стать не уродъ какой, какъ говорили злые люди (а онъ предварительно въ церкви не успѣлъ разглядѣть мелькомъ издали показанную свахами суженую) — пришелъ раньше обыкновеннаго, по обычаю. Сидя подлѣ завѣшенной, наряженной особы, Артамонъ не разъ порывался приподнять или отмахнуть, будто случайно, въ бокъ фату, тщательно втрое спущенную съ головы на колѣна, но его удерживала робость. Сознаніе, что за его дѣйствіями слѣдятъ зорко, также убавляло увѣренность въ успѣхѣ предположеннаго маневра, могшаго привести и къ непріятности, если умыселъ окажется очевиднымъ. Поэтому, бросивъ всякую попытку удовлетворить любопытство, ловкій женихъ невольно покорился невозможности, подчиняясь условіямъ приличій и только проявлялъ нетерпѣніе при начатіи новой пѣсни дѣвушками, замѣчая съ окончаніемъ предшествовавшей признаки движенія въ неподвижной фигурѣ невѣсты и думая: «Вотъ, кажется, встаетъ, чтобы поднести мнѣ чару. Особаго удовольствія не вызвала на лицѣ жениха даже пѣсня, возбуждавшая въ немъ, въ бытность на другихъ свадьбахъ, ухарское подмигиванье молодцамъ и смѣхъ, дѣлавшійся общимъ во всей компаніи. Теперь, когда запѣли живымъ напѣвомъ:

«Какъ ѣздилъ младъ отецкой сынъ
«По селамъ, по слободушкамъ
«По волостямъ гульливыимъ.
«Ѣздилъ онъ, самъ посвистывалъ
«Правой рученькою помахивалъ,
«Себѣ въ полслуха приговаривалъ:
«Ужь возьму ли я да младу жену,
«А взявъ за себя ее я выучу
«Къ воротамъ подходить околицей,
«Отъ воротъ отходить по тропиночкѣ
«Въ избу вступать на цыпочкахъ
«Себя вести, смотрѣть умницей,
«Чтобъ засовочка въ двери не щелкоула,
«Перекладинка, чтобъ не скрыпнула«.

Артамонъ глядѣлъ на невѣсту чуть не въ упоръ и подмѣтилъ невольное трепетанье, волновавшее складки фаты. Вотъ она сильнѣе заколыхалась при послѣднихъ словахъ пѣсни, и невѣста поднялась съ мѣста. Подмѣтивъ ея движеніе, сваха всунула въ руки встававшей подносикъ съ двумя чарками и принявъ его, невѣста, съ непритворнымъ плачемъ, глотая слова, запѣла въ нервномъ волненіи, достигшемъ значительной силы:

«Охъ-ти мнѣ, да охти мнѣ-ненько,
«Каково-то будетъ привыкать къ семьѣ,
«Гдѣ мужъ строгій будетъ издѣватися
«Моей робости насмѣхатися,
«Лучше во время покоритися
«Передъ суженымъ извинитися
«Поднести ему чару не малую,
«Отмахнуть въ сторонку фату алую,
«Глянешь, князь-господинъ, залюбуешься,
«Надо мной молодою взмилуешься,
«Мы чарой съ тобой теперь чокнемся
«Коли хочешь—и въ губки чмокнемся,
«Не считай меня не покорливой,
«Неподатливой на просьбы, назойливой:
«Я совсѣмъ младая смиренная,
«Жизнь намъ будетъ съ тобою отмѣнная,
«Назовешь меня своей любушкой,
«Ненаглядной, бѣлой голубушкой.
«Коротать со мной нѣкъ тебѣ не каяться
«И тебѣ на меня неча лаяться.
«Не разлучницей, не перемѣшчицей,
«Я твоей хочу быть другомъ совѣтчицей,
«Ни грозы ожидаю, ни бѣдствія,
«На любовь свою, на ласку отвѣтствія.

Библиотека "Руниверс"

Жница. Рисунокъ Медвѣдева, грав. Бароновскій.

Библиотека "Руниверс"

«Добрый молодецъ, ты, чай, не лѣрь лютой,
«Не погубишь бездѣльно, мой вѣкъ за собой».

Луша едва не выронила чарки, обессиливъ при послѣднихъ словахъ, но вина не вролила и поднимая фату, постаралась вылвать на блѣдныя уста улыбку. Артамонъ остался доволенъ наружностью невѣсты и лицо его. сдѣлавшись добрѣе, нѣсколько успокоило невѣсту, къ которой подступили дѣвушки и стали снимать ленту—волю. Пѣть она не могла обычной заплачки и *урядчица* сама за нее заголосила:

«Моя вольная волюшка
«Пусть у родныхъ въ волю угощается
«Дѣвичьею жизнью похваляется
«Кладу я волюшку вольную
«На хлѣбъ на соль, на настольную,
«На питье воду—святую благодать,
«Чтобы было мнѣ горя не видать
«Я мѣсто волѣ ладно сдумала
«Вѣрно сгадала, не раздумала
«Вдовушкамъ не дать своей волюшки—
«Вдовушки побѣдныя головушки,
«Мужу привыкли приноровливать,
«Своей охоты не выставливать,
«Дѣвушки въ обиду отдаваются
«Мужчины надъ ними насмѣхаются,
«Покорны дѣвицъ ихъ хваленіе,
«Притѣсненье ихъ превозношеніе;
«Моей волей я не дамъ ругатися,
«Лучше ей въ темныхъ лѣсахъ скитатися,
«Рыскать по трущобамъ лисицею,
«Во чистомъ полѣ вольной быть куницею.
«Пусть ее ловятъ частой сѣточкой,
«Изъ лѣсу гонятъ свѣжей вѣточкой,
Ловецъ богатъ, ловкій добрый молодецъ,
«Подъ нимъ чудный конь, иноходецъ,
«Застрѣлитъ онъ волю мѣткой стрѣлочкой,
«Не бѣжать ей будетъ скорой бѣлочкой,
«Не нырять въ водѣ да сѣрой утушкой,
«Не плескаться въ струйкахъ рѣзвой рыбушкой,
«Неводомъ изловитъ ее тотъ ловецъ
«Что погоню началъ, доброй молодецъ,
«Ему ли оставить гнать погонюшку
«На мою дѣвическую волюшку;
«Слетѣть же самой моей волюшки
«Со кручинной бѣдной головушки».

Снявъ ленту—волю, дѣвушки повели невѣсту въ баню, а женихъ, посидѣвъ съ дружкою не много, послѣ нихъ къ себѣ уѣхалъ совсѣмъ. Ведя въ баню невѣсту, дѣвушки запѣли:

«Разогрѣйся нова баенка
«Разгорись сырая каменка,
«По баенкѣ жемчугъ разсыпается,
«Плачетъ дѣвушка, по волѣ убивается.
«Отецъ съ матерью баню натопили
«Меня съ дѣвушками отпустили
«Скатить волю дѣвичью безсмѣнную,
«Смѣнить на жизнь во чужбинѣ перемѣнную,
«Посредъ чужимъ родомъ покорятися
«Горючими слезами обливатися,
«Какъ льется водица съ головушки,
«Скатитесь съ меня бѣды невзгодушки».

И затѣмъ начались шалости подругъ и невѣсты. при обильныхъ поднесеньяхъ крѣпкаго меда и наливокъ, нарочно отпущенныхъ въ баню.

Пляски разгулявшейся молодежи длились во всю ночь и только передъ свѣтомъ угомонились спутницы, упавъ въ безсилы на пуховики, разостланные въ повалку по всему полу дѣвичьяго терема.

Ужь высоко было зимнее солнце, когда мать баловница сама разбудила невѣсту—голосить *побудку* дѣвушкамъ:

«Пора встать мои подруженьки,
«Пора встать мои голубушки
«Съ пуховой со постелюшки
«Съ круто складнова головьица!
«Можетъ вамъ, голубки дѣвицы,
«Много спалось, мало видѣлось,
«А ужъ мнѣ, мои красавицы,
«Мало спалось, много видѣлось.
«Вижу, въ теремѣ, подъ окошечкомъ
«Я сижу будто принаряжена
«А по улицѣ, за стеколышкомъ
«Путь дороженька углажена,
«Надъ дорогой небо въ полдень ясное
«По небу птицъ стадо преужасное,
«Раздѣлилось стадо на три станчки:
«Въ перву стаю собралися галочки,
«Во вторую гуси словно чалые,
«А въ третьей лебедушки отсталыя
«Позади лебедка едва тянется
«Крикнетъ жалобно, да взадъ оглянется,
«Свои сестры лебедь ужъ оставили,
«Въ путь дорожку сами бѣгъ направили.
«Лебедь я отстала—вы отлетныя
«Дѣвушки, что сумы пореметныя
«За свою сестру не заступалися
«Косы какъ и мнѣ вдвое расплетались
«Остаюсь одна я, порученая
«Подъ вѣнецъ итти благословленная».

Пропѣвъ дѣвушкамъ, обратилась невѣста къ матери съ заплачкою:

«Я увидѣла, примѣтила,
«Что грустна ты матушка, невесела
«Низко голову въ слезахъ повѣсила,
«Отчего же съ утра ранняго,
«Грусть тоска тебя крушитъ, томитъ
«Мнѣ тяжелъ твой непроглядный видъ».

Мать отвѣтъ держала общеуказанный:

«Не будила я тебя, дитя милое,
«Съ утра ранняго къ доеньицу
«Пожалѣла вредить тѣло бѣлое,
«Слать во поле чистое, на мельницу,
«Безъ меня томить будетъ чужбинушка
«Тебя, дочь мою, сиротинушку,
«Когда выдадимъ замужъ совсѣмъ отъ насъ,
«Не тебѣ не намъ не осушивать глазъ
«Не моя воля въ твоемъ безвременьицѣ
«На то есть отцово хотѣньице—
«Велѣлъ мнѣ тебя къ вѣнцу снаряжать
«Придано къ жениху посылать, отправлять».

И начался дѣйствительный плачь, при сборѣ къ вѣнцу невѣсты.

Вставшія дѣвушки стали заплетать Лушѣ косу, какъ можно крѣпче, завязывая волосы узлами. Вымыли шею невѣсты — не смотря на то, что мылись въ банѣ наканунѣ; одѣли и посадили *на квашню* ожидать присыльныхъ отъ жениха, дружку съ поѣзжанами.

Прошло съ часъ или два ожиданія, тѣмъ временемъ длинный рядъ посыльщиковъ приданаго, выравниваясь попарно съ вещами, успѣлъ медлевно выйдти изъ воротъ, направившись ко двору жениха, жившаго близко, за угломъ, къ Москвѣ рѣкѣ. Явился дружко подпоясанный шелковой ширинкою, въ смазныхъ сапогахъ и отворивъ дверь въ свѣтлицу, гдѣ сидѣла наряженная невѣста подъ фатою, громко крикнулъ - «Очистите порогъ, чтобы княжнѣ выйтти къ намъ, былъ не порокъ!» И самъ высыпалъ на порогъ пригоршню мелкаго серебра. Сваха быстро подскочила съ вѣникомъ, смела себѣ въ лукошко деньги и пискливо выкрикнула: «Подождешь, вишь мало даешь!». Дружко повторялъ операцію сыпки денегъ разъ десять, уменьшая все количество, поке на дворъ въѣхалъ женихъ, *оставленницы* и *выводильницы* толпою окружили невѣсту, очистивъ проходъ жениху, къ накрытому столу. Сѣвъ за столъ, женихъ послалъ спросить о здоровьѣ невѣсту, но посланнаго къ ней не пустили, заявляя—«княжнѣ не досугъ: она въ зеленомъ саду ходитъ-гуляетъ, спѣлые яблоки собираетъ, князя Артамона принять-угостить, нужно *доложить*».—«Извольте же ей оповѣстить, чтобъ неизволила хлопотать да грустить!»—отвѣчалъ тысяцкой и на спросъ «которая мать, которая тетка, чтобъ у всѣхъ была залита глотка», началъ раздавать ставленицамъ крупное серебро, «въ пястъ, чтобы, грѣхомъ, недали кому невѣсты покрасть». Удовлетворивъ стаю родственныхъ аргусовъ, «сберегательницъ», послѣдняя получившая, *вопленка*, крикнула: у «взяла продала!» И поѣзжане жениха ей отвѣтили: «такъ нашу подавай невѣсту, теперь не ваша она; мы ее серебромъ, золотомъ пріобрѣли, затѣмъ, чтобы ее къ намъ свели!» И начался родъ торга. Вопленица причитала | совершенства невѣсты: дородна, умна, красива, всѣмъ послушна, роблива, не брыклива, не гнѣвлива, на лесть не падка, на все у ей оглядка, передъ старшими сторонится, на молодыхъ не косится. Однимъ словомъ, завидный кусокъ, былъ бы только вашъ князь, какъ слѣдуетъ хватокъ!—«Мы свое дѣло знаемъ, князя ни за что не похаемъ!» отвѣчалъ тысяцкой вопленицѣ, которая, къ нему лично обратясь, произнесла въ родѣ инструкціи доктрорально предписывающимъ тономъ.

— «Смотри же, набольшой дѣвкопродавецъ, наша куница не щипана, не ворочена, исправно сколочена. Коли вамъ досталось теребить, не какъ не слѣдуетъ грубить. Принимай, знай, да береги, а мы вамъ не вороги: стали теперь свои родные, и вы у насъ гости честные, княжнѣ честь воздавайте, да за столъ сажайте!» и вытолкнула невѣсту въ руки тысяцкому, который привелъ невѣсту и усадилъ ее подлѣ жениха.

Посидѣли съ четверть часа при пѣніи дѣвушекъ:

«Нанесло тучу черную
«Въ полдень красной претемную.

Библиотека "Руниверс"

«Съ громами съ трескучими
«Съ молоньями сверкучими,
«На высокъ теремъ батюшкинъ.
«По надъ свѣтлу нову горенку
«Души Лушиньки хоромину
«Пріѣзжалъ чужой чужбининъ
«Съ великимъ славнымъ поѣздомъ
«Требовалъ онъ души дѣвицы
«Себѣ въ милыя полюбовницы,
«Надъ добромъ своимъ въ урядницы
«Надъ домомъ хозяюшки.
«Отпускать было Лушеньку
«Съ добрымъ молодцомъ къ вѣнцу, отцу
«Благословлять было матушкѣ
«Иконой святой съ перепечею
«Съ чиновной, нарядною встрѣчею,
«Икону нести братцу родному
«Васѣ Климычу благородному».

Подвели свѣчника къ столу. Отецъ съ матерью стали съ иконою и хлѣбомъ-солью: благословили вступающихъ въ бракъ и, принявъ благословеніе, женихъ уѣхалъ къ вѣнцу, а невѣсту повридержали на нѣсколько минутъ родные и знакомые, цѣлуя и желая счастія.

Наконецъ, давъ поцѣловать невѣстѣ икону, передали ее *свѣчнику* и пустяли его впереди невѣсты, къ санямъ. Отецъ посаженый невѣсты провелъ лошадей подъ уздцы изъ воротъ на улицу.

Вѣнчанье отправляли какъ и теперь, безъ отмѣны. Повторять его мы не будемъ.

Вотъ, вывели изъ церкви молодыхъ и дружною четою сѣли они во вторыя сани, съ лучшею упряжью и шелковою попоною на лошадяхъ.

Путь былъ не долгъ до дому жениха, гдѣ мать его съ братомъ своимъ встрѣтили благословеньемъ въ сѣняхъ «князя и княгиню» - какъ величали жениха и невѣсту во все время свадебныхъ церемоній. А въ дверяхъ свѣтлицы обсыпали (изъ лукошка) ихъ хмѣлемъ и серебромъ мелкимъ дружка и сваха. Обсыпаемыхъ—съ благопожеланіемъ богатства въ дому и спорыньи - посадили за столъ, гдѣ долженъ длиться веселый пиръ за полночь.

Картина представляетъ разгаръ пира, ничѣмъ не отличающагося отъ обычныхъ въ старину угощеній родныхъ и знакомыхъ. Развѣ одна особенность можетъ быть замѣчена на свадебномъ пиру: въ разгарѣ его, больше чѣмъ обыкновенно бываетъ, заставляли цѣловаться молодыхъ расходившіеся гости возгласами: «Не сладко! Нужно подсластить!» при смакованіи романеи, вдоволь подливаемой въ кубки и чарки въ домѣ купчихи Козлятниковой, на радостяхъ.

Артамонъ, метавшій искры изъ огненныхъ глазъ, пожиралъ ими Лушу, нисколько не думая въ жизнь свою приводить въ исполненіе угрозу, заставившую трепетать наканунѣ повесѣлевшую теперь невѣсту.

И, поздно расходясь, угощенные вдоволь поѣзжане, пошатываясь, не разъ повторяли коснѣющимъ языкомъ слова пословицы, буквально примѣняемой къ новому сочетанію красивой парочки: «Свадьбѣ быть можно, когда женихъ съ невѣстою любятся не ложно».

Жница.

(Рисунокъ г. Медвѣдева).

Не правда-ли, читатель, при взглядѣ на эту «Жницу» вамъ вспоминается прелестная пѣсенка покойнаго композитора Монюшки «Вечеръ», которую такъ хорошо пѣла г-жа Лавровская? Тутъ, какъ видите, и поле росится, и солнце садится, жница, пожалуй, пѣсенки распѣваетъ, и —

Стала работа,
Жать не охота —
Мать зажуритъ меня — знаю!

Однако - такъ-ли это? Правдиво-ли относятся наши художники къ дѣйствительности, не прикрашиваютъ ли они ее? «Жница» г. Медвѣдева скорѣе похожа на барышню-крестьянку въ повѣсти Пушкина. Посмотрите, какъ у этой дѣвушки все въ порядкѣ: волосы причесаны, въ косу вплетены бантики, на шеѣ бусы, въ ушахъ сережки, рукава рубашки и юбки живописно драпируются — хоть сейчасъ на сцену Александринскаго театра! Но такою ли должна быть простая жница, послѣ цѣлаго дня работы - и какой работы! Чтобы сжать въ день одну тридцатую десятины хорошей ржи, надо отъ шести до десяти серповъ, и нерѣдко случается, что жнутъ не только однѣ бабы, но и мужики. Если вся десятина полегла и повита травою, тогда двадцать и болѣе жницъ едва въ состояніи справиться, и *къ концу рабочаго дня бываютъ страшно утомлены*. Тутъ уже не до пѣсенокъ. А во время самой жатвы никакія ни бабы, ни «дѣвичьи грезы» не помѣшаютъ работать, потому что, опять таки, жницамъ некогда заниматься грезами, да и невозможно предаваться мечтаніямъ, когда, по словамъ Некрасова,—

Оводъ жужжитъ и кусаетъ,
Смертная жажда томитъ,
Солнышко серпъ нагрѣваетъ,
Солнышко очи слѣпитъ,
Жжетъ оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжетъ,
Изо-ржи словно изъ печи
Тоже тепломъ обдаетъ.
Спинушка ноетъ съ натуги,
Руки и ноги болятъ,
Красные, желтые круги
Передъ очами стоятъ...
Жни—дожинай поскорѣе,
Видишь — зерно потекло!...

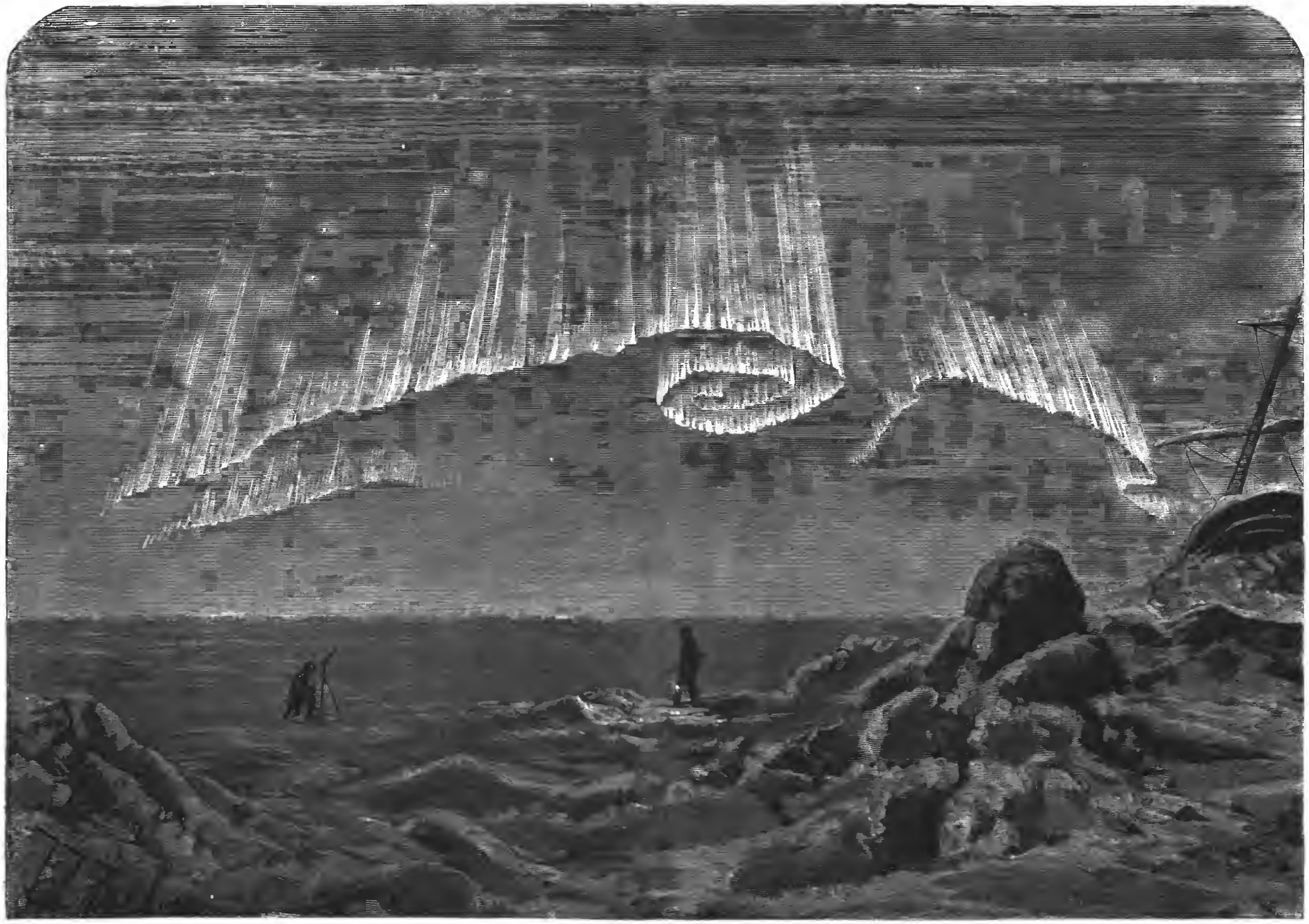
Картина сѣвернаго сіянія.

Сѣверное сіяніе - это одно изъ самыхъ удивительныхъ, величественныхъ явленій природы на далекомъ сѣверѣ. Чтобы насладиться имъ вполнѣ, увидѣть этотъ роскошный *небесный* фейерверкъ во всемъ его блескѣ—нужно отправиться - ну, хоть, напр., въ Колу, или на Шпицбергенъ. Въ этихъ печальныхъ, угрюмыхъ странахъ зимою почти ежедневно бываютъ сѣверныя сіянія, иногда блѣдныя, иногда чрезвычайно яркія. Тамъ цѣлыя недѣли сряду продолжается непроглядная, темная ночь; солнце совсѣмъ не показывается въ продолженіи двухъ, даже трехъ мѣсяцевъ... Неужели же природа такъ и оставляетъ безъ освѣщенія далекій сѣверный край? Нѣтъ, она, какъ хорошая хозяйка, не могла потерпѣть такого безпорядка: ну, что хорошаго въ такихъ длинныхъ ночахъ? и—устроила тамъ совершенно особенное, оригинальное освѣщеніе, а какъ устроила—неизвѣстно, это ея секретъ. Дѣйствительно, до сихъ поръ наука ничего положительнаго сказать не можетъ о причинѣ возникновенія сѣвернаго сіянія, хотя много производилось наблюденій надъ этимъ феноменомъ. Полагаютъ, что сѣверное сіяніе принадлежитъ къ разряду электрическихъ явленій: замѣтили, что во время особенно яркихъ сѣверныхъ сіяній телеграфы перестаютъ дѣйствовать, какъ и во время грозы. Были даже попытки произвести въ комнатѣ (на глобусѣ) сѣверное сіяніе; кое-что и удалось, однако же «ларчикъ все таки не открывался».

Во время австрійско-сѣверо-полярной экспедиціи (1872—1873 годахъ) нѣкоторые изъ членовъ ея тщательно наблюдали сѣверныя сіянія. Наблюденія эти были довольно продолжительны но, къ сожалѣнію, желаннаго результата не получилось. Картина сѣвернаго сіянія, выставленная въ настоящемъ № нашего журнала, сдѣлана по рисунку г. Ореля (члена экспедиціи). Вотъ что говорилъ г. Вейпрехтъ, другой участникъ въ австрійской сѣверо-полярной экспедиціи, въ публичной лекціи своей о сѣверномъ сіяніи: «Никакое перо, никакая кисть не въ состояніи изобразить великолѣпія, всей красоты этого явленія природы когда оно достигаетъ полнаго своего блеска. Человѣка поражаетъ эта величественная картина. Онъ видитъ какое-то волшебное представленіе, продолжающееся иногда далеко за полночь, и такія представленія бываютъ нѣсколько разъ въ мѣсяцъ, особенно съ сентября по апрѣль. А какъ земля въ это время освѣщена! Всѣ предметы на ней будто трепещутъ въ волнахъ чуднаго свѣта, падающаго сверху... Кругомъ невозмутимая тишина, какъ будто природа погружена въ мертвый сонъ, и ей грезится эта прелестная картина, это радужное видѣніе...

Въ февралѣ 1874 г. мы видѣли удивительное полярное сіяніе. И дѣйствительно, это было нѣчто чрезвычайное: широкій, могучій огненный потокъ низвергался съ середины неба (зенита) по направленію отъ запада къ востоку; пылающія разноцвѣтныя волны его съ быстротою молніи перебрасывались съ одного конца горизонта на другой, гдѣ все небо вспыхивало до самаго магнитнаго полюса. При взглядѣ на высоко подскаки-

Библиотека "Руниверс"



Картина сѣвернаго сіянія, видѣнная членами Австрійской Сѣверной Экспедиціи. Рис. Эдмундъ Орелъ, грав. И. Кирхнеръ.

Библиотека "Руниверс"

вающіе, какъ бы пляшущіе, столбы яркаго трепещущаго свѣта, казалось, мы присутствуемъ на какомъ-то волшебномъ фейерверкѣ, устроенномъ самою природою.. Во время второй нашей зимовки, говорилъ г. Вейпрехтъ, я поручилъ офицерамъ, которые занимались метеорологическими наблюденіями, вести особый «журналъ сѣвернаго сіянія», но это ни къ чему не повело, такъ какъ не смотря на записываніе, положительныхъ данныхъ собиралось весьма мало, и веденіе журнала прекратилось. По наблюденіямъ, это чудесное явленіе одно изъ самыхъ капризныхъ, ежеминутно измѣняющее свою форму — поэтому дать точное, правильное описаніе его—невозможно. Не смотря на всѣ мои старанія, мнѣ ни разу не удалось уловить моментъ возникновенія полярнаго сіянія. Однако, въ общихъ чертахъ, можно отличить три фазиса этого явленія, или лучше сказать—три формы его: первая—это неподвижныя, правильныя свѣтовыя дуги, поднимающіяся со стороны южнаго горизонта. Проходя черезъ зенитъ, по направленію къ сѣверному полюсу, онѣ замѣтно блѣднѣютъ; вторая—яркія, лучистыя полосы свѣтовой матеріи, свернутыя спирально, на подобіе свертковъ громадной бахрамы; полосы эти безпрестанно мѣняютъ форму и находятся въ постоянномъ движеніи *) третья—вѣнецъ—состоящій изъ лучей, отбрасываемыхъ вѣерообразно отъ магнитнаго полюса или къ магнитному полюсу, т. е. сверху внизъ. Лучи эти обыкновенно бѣлаго цвѣта съ зеленоватымъ отливомъ, но когда они начинаютъ подскакивать, плясать, вообще—быстро двигаться—въ нихъ являются краски радуги различной степени яркости. Много времени и труда потратилъ я на наблюденія сѣвернаго сіянія путемъ спектральнаго анализа. Спектроскопъ, употребленный мною для этой цѣли, оказался настолько слабымъ, что мнѣ не удалось ни разу наблюдать тѣ части спектра, которыя слѣдуютъ за извѣстной зеленой линіей. Въ сравненіи съ спектральными наблюденіями шведской полярной экспедиціи, пользовавшейся болѣе совершенными инструментами, наши наблюденія не имѣютъ никакого значенія. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей высказали мнѣніе, что сѣверное сіяніе, вѣроятно, имѣетъ какую-то связь съ погодой; такъ, по окончаніи этихъ роскошныхъ, безъ треска, фейерверковъ на небѣ, всегда почти разражались бури. Существованіе такой связи подтвердить могутъ только метеорологическія числовыя данныя, приведенныя въ порядкѣ». Что касается г. Вейпрехта, то онъ, на основаніи наблюденій своихъ (а наблюдалъ онъ до сотни сѣверныхъ сіяній), заключилъ, что сѣверное сіяніе есть атмосферическое явленіе, находящееся въ связи съ метеорологическими условіями. Съ этимъ блестящимъ феноменомъ тѣсно связаны, такъ называемыя, *магнитныя теченія*; въ нашихъ странахъ они относятся къ разряду исключительныхъ явленій, но на дальнемъ сѣверѣ, у полюсовъ, эти теченія составляютъ нѣчто обыденное, нормальное. Извѣстно, что тамъ магнитная стрѣлка почти всегда находится въ движеніи. Въ заключеніе скажемъ, что тѣ, которые видѣли сѣверное сіяніе въ Сибири, увѣряютъ, что въ то же время слышали какой-то странный шумъ, какъ будто въ море падала масса раскаленныхъ камней. Но другіе, тоже видѣвшіе сѣверныя сіянія, заявляютъ, что никакого шипѣнья и страннаго шума при этомъ не бываетъ.

Трагедія въ акваріумѣ.

Помните, благосклонный читатель, тотъ живой интересъ, который возбуждала въ васъ *колюшка*, когда вы были ребенкомъ? Но эта маленькая рыбка заслуживаетъ не однаго дѣтскаго вниманія; это безспорно одна изъ самыхъ интересныхъ обитательницъ акваріума, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и одна изъ самыхъ опасныхъ. Опасна она вслѣдствіе ея прожорливости и варварской кровожадности: интересна по живости, и такъ сказать страстности характера, по необыкновенной воинственности, но главное по замѣчательному строенію гнѣзда, которое въ первый разъ было послѣдовано уважаемымъ нѣмецкимъ ученымъ Зибольдомъ, и потомъ въ многочисленныхъ описаніяхъ въ журналахъ и книгахъ по части естественной исторіи, стало извѣстно всѣмъ и каждому. Однако мы полагаемъ, что нѣкоторыя особенныя наблюденія надъ жизнью колюшки, не будутъ лишены интереса для нашихъ читателей. Приводимъ разсказъ одного естествоиспытателя, о наблюденіяхъ произведенныхъ имъ въ его комнатномъ акваріумѣ.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ», такъ начинаетъ онъ свой разсказъ, «приступилъ я къ устройству акваріума, сначалѣ въ ваннѣ. Но, такъ какъ по прошествіи нѣкотораго времени, бѣлая свинцовая краска, которой была выкрашена внутренность ванны начала сходить, то я сталъ опасаться за здоровье ея обитателей: это заставило меня пріобрѣсти шестиугольный стеклянный акваріумъ на желѣзномъ постаментѣ, и я намѣревался переселить въ него растенія и животныхъ. Между тѣмъ этимъ временемъ колючка-самецъ построилъ въ ваннѣ свое гнѣздо. Какъ извѣстно, у этихъ рыбъ постройкой гнѣзда, выводомъ яицъ и воспитаніемъ молодыхъ рыбокъ занимаются не самки, а самцы, которые все это время щеголяютъ въ великолѣпномъ пурпуровомъ свадебномъ нарядѣ и съ страстнымъ увлеченіемъ предаются своимъ отеческимъ обязанностямъ. Послѣднія особенно отягчаются для нихъ еще тѣмъ, что тысячи враговъ подстерегаютъ молодой выводокъ еще въ яйцахъ; бѣдный самецъ долженъ постоянно караулить гнѣздо и успѣвать со всѣхъ сторонъ защищать его отъ нападеній.

На волѣ, также и въ большихъ акваріяхъ, колюшечьи гнѣзда состоятъ обыкновенно изъ стебельковъ, волокнистыхъ растительныхъ веществъ и такъ называемаго «щебня», матерьяловъ, въ изобиліи находящихся на днѣ всѣхъ водъ. Гнѣздо тогда имѣетъ шарообразную форму и виситъ между водяными ситниками, нѣсколько отступя отъ дна. Сначала, какъ утверждаютъ, самецъ дѣлаетъ въ гнѣздѣ только одно отверстіе, противъ теченія; затѣмъ онъ заманиваетъ къ себѣ самочку и эта послѣдняя, положивъ яйца, пробиваетъ на противоположной сторонѣ отверстіе и удаляется. Яйца, оплодотворенныя самцемъ, остаются лежать внутри гнѣзда, будучи омываемы теченіемъ, которое столь же необходимо для ихъ развитія, какъ тепло для развитія куриныхъ яицъ. Въ стоячей водѣ, самецъ усиливаетъ это теченіе, становясь передъ отверстіемъ гнѣзда и боковымъ плавниками безпрестанно колотя воду и прогоняя ее туда. Все это я уже прежде наблюдалъ не разъ въ прозрачныхъ ручьяхъ и разъ въ одномъ большомъ акваріумѣ. Теперь точно такое же зрѣлище представилось мнѣ въ ваннѣ, но съ слѣдующими измѣненіями.

Рыбка не повѣсила своего гнѣзда между растеніями, но какъ бы врыла его въ песчаное дно около узкой стѣнки ванны. Когда оно было готово, то походило просто на песчаный холмикъ съ примѣсью щебня и мусора; если бы я изо дня въ день не наблюдалъ за работой маленькаго архитектора, то эта насыпь легко бы ускользнула отъ моего вниманія. Но уже самый способъ этой работы, самъ по себѣ въ высшей степени интересенъ. И потомъ, въ стеклянномъ акваріумѣ, я внимательно наблюдалъ за постройкой колюшечьяго гнѣзда и постоянно замѣчалъ, что рыбка всегда дѣлаетъ свое сооруженіе около стѣны, вѣроятно чтобы придать ему большую устойчивость и твердую точку опоры. Изъ всего акваріума дѣятельно собиралъ самецъ строительный матерьялъ, выбиралъ то что больше подходило подъ его требованія, бросалъ прочь слишкомъ легкіе стебельки, часто тащилъ во рту кусочки, длиннѣе его самаго, и въ отстроенныхъ частяхъ, засыпалъ промежутки цѣлыми слоями песку. При этомъ онъ очень часто просовывалъ голову въ массу, чтобы сохранить отверстіе и взрыхлять внутренность постройки. Часто также онъ захватывалъ полный ротъ песку и опять выпускалъ его черезъ жабры, вѣроятно для того, чтобы узнать его качество. Цементомъ же для всей постройки служилъ клейкій сокъ, который онъ изливалъ на вновь присоединенный матерьялъ; дѣлалъ онъ это такимъ образомъ: тряся плавниками и поднявъ голову кверху, всей нижней частью тѣла онъ терся о холмикъ, и ясно можно было видѣть, какъ послѣ этого вещества склеивались между собой.

Уже одна эта старательная постройка даетъ понятіе о прилежаніи и терпѣніи самца-колюшки. Я очень рѣдко видѣлъ, чтобы онъ прерывалъ свою работу для ѣды, но за то бѣдному труженику безпрестанно приходилось отгонять враговъ или просто мѣшающихъ непрошенныхъ гостей. Такъ напримѣръ, одинъ водяной скорпіонъ, постоянно плавая вокругъ акварія, по крайней мѣрѣ разъ тридцать въ день садился на постройку, и всякій разъ колюшка брала его въ ротъ и относила въ сторону.

Итакъ, гнѣздо было уже почти готово, когда я вынужденъ былъ предпринять вышеупомянутое переселеніе. Со всѣми другими обитателями это легко было сдѣлать, но хорошенькій колюшечій домикъ представлялъ большія затрудненія, и я просто ломалъ надъ ними голову. Прежде всего важно было знать: есть ли въ немъ яйца, потому что въ такомъ случаѣ едва ли возможно было тревожить рыбу, безъ того чтобы не отказаться отъ надежды на всякое потомство. Вообще мнѣ очень жаль было трогать постройку; я такъ радовался ей вначалѣ, и мнѣ досадно было думать, что какой нибудь перемѣной я могу все испортить. Будетъ ли новый акваріи такъ же благопріятенъ для гнѣзда, могло показать только будущее. Между тѣмъ необходимо было рѣшиться, и я рискнулъ, разумѣется какъ можно осторожнѣе, изслѣдовать гнѣздо палочкой, на которую испуганная и разсерженная рыбка накинулась съ страшной яростью. Такъ и есть! тамъ лежалъ цѣлый комъ желтыхъ яичекъ. Положеніе мое было вдвойнѣ затруднительно. Сначала выловилъ я всѣхъ еще остававшихся въ акваріумѣ самокъ, потомъ, не безъ опасенія, вынулъ моего самца и посадилъ его въ отдѣльную банку. Бѣдняга бился отчаянно, вскорѣ потерялъ свой пурпуровый цвѣтъ, и я ужъ отказался отъ всѣхъ своихъ надеждъ. Однако я все таки со всевозможной осторожностью приподъ-

*) Вторая форма сѣвернаго сіянія особенно хорошо видна на рисункѣ г. Ореля.

Библиотека "Руниверс"

нялъ гнѣздо посредствомъ маленькой лопаточки, и тихонько ведя его по стѣнѣ, вытащилъ такъ благополучно, что самая постройка осталась цѣла, и только песокъ съ нее обсыпался болѣе или менѣе. Съ такими же предосторожностями опустилъ я гнѣздо въ мой новый акварій, по стеклянной стѣнѣ, на дно. Удалось это какъ нельзя лучше; кромѣ того я пріобрѣталъ еще то удобство, что черезъ стекло могъ видѣть часть яичекъ и наблюдать ихъ развитіе—если только вообще можно было ожидать таковаго, въ чемъ я сильно сомнѣвался.

Только я покончилъ съ своей трудной операціей, въ которой всѣ колюшки принимали живѣйшее участіе, какъ всѣ онѣ, и именно самки, бросились на новую кучку и принялись рвать нѣкоторые торчащіе наружу стебельки такъ сильно, что всему строенію угрожала опасность, и я поскорѣе прикрылъ его слоемъ песку, чтобы спасти его отъ разъяренныхъ маленькихъ фурій. Затѣмъ я впустилъ въ новый акварій хозяина дома, и увидѣлъ весьма печальное зрѣлище; всегда такъ храбро изгонявшій въ ваннѣ своихъ враговъ, и всегда остававшійся побѣдителемъ, здѣсь самецъ мой сейчасъ же попалъ въ самое жалкое положеніе. Всѣ набросились на новаго пришельца и такъ неистово теребили его во всѣ стороны, что я часто принужденъ былъ очень энергически защищать бѣдняга палкой и сѣткой, даже нѣкоторыхъ черезъ чуръ неистовыхъ самокъ именно самки-то и нападали всего яростнѣе — совсѣмъ долженъ былъ удалить изъ аквaрія. Но все таки о спокойствіи безпріютному самцу нечего было и думать; въ отчаяніи отъ горькой потери, метался онъ вверхъ и внизъ по отражавшимъ его стеклянным стѣнкамъ, ничто ни могло его ни утѣшить, ни успокоить. Онъ вполнѣ доказалъ тутъ, какъ несправедливо называютъ «рыбой» флегматическихъ и равнодушныхъ людей, потому что, право, ни одно изъ высшихъ теплокровныхъ животныхъ не могло бы выказать большой страсти, чѣмъ эта крошечная колюшка съ своей холодной кровью!

Къ сожалѣнію дѣла оторвали меня отъ моихъ наблюденій, и я могъ возобновить ихъ только по прошествіи двухъ часовъ: отчаянное метанье около стѣнъ стало немного тише, наступали отъ времени до времени паузы, во время которыхъ рыбка спокойно плавала кругомъ, защищаясь противъ нападеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто искала чего-то. Неужели она въ самомъ дѣлѣ искала свое гнѣздо? Мои друзья, бывшіе тутъ и съ интересомъ слѣдившіе за этимъ спектаклемъ, недовѣрчиво качали головой. Если ужъ птицы почти никогда или очень рѣдко берутъ назадъ въ свое владѣніе гнѣздо, которое было такимъ образомъ перенесено на другое мѣсто,—мало того, если только часто трогать ихъ яйцы, то онѣ бросаютъ ихъ и слетаютъ съ гнѣзда,—то можно ли ожидать отъ рыбы такой памяти и впечатлительности, чтобы она здѣсь, въ совсѣмъ новомъ мѣстѣ, надѣялась отыскать свое старое гнѣздо? Однако нашъ самецъ очевидно искалъ чего то, и такъ какъ онъ опять начиналъ немножку краснѣть, то ужъ это служило признакомъ, что онъ подумывалъ о гнѣздѣ. Можетъ быть не искалъ ли онъ мѣста для новой постройки? Въ такомъ случаѣ, разумѣется, можно бы было только сказать, что онъ очень легко смотритъ на жизнь. Но нѣтъ, припадки прежняго отчаянія ясно говорили, что онъ совсѣмъ не такъ легко смотритъ на это а напротивъ сильно принимаетъ къ сердцу свое горе. Чѣмъ больше я наблюдалъ за нимъ, тѣмъ несомнѣннѣе становилось для меня, что онъ не перестаетъ думать о старомъ гнѣздѣ; когда онъ какъ-то подплылъ близко къ нему, я постарался поскорѣе возбудить его вниманіе, немного отстранивъ отъ гнѣзда песокъ и обнаживъ его волокна. Однако онъ отплылъ прочь, но зоркія самки тотчасъ же набросились на открытое мною гнѣздо, и кромѣ собственной досады, мнѣ досталось еще и отъ моихъ друзей за то, что я надѣлалъ. Я впрочемъ не закрылъ сейчасъ же гнѣзда а только отогналъ палочкой алчныхъ врговъ. И посмотрите-ка, вотъ и настоящій владѣлецъ опять подплываетъ сюда, и положительно внимательнѣе смотритъ на стебельки строенья, которое я еще болѣе обнажилъ. Но, увы! Вдругъ на него нападаетъ одинъ изъ собратовъ и прогоняетъ его прочь—опять разрушились мои планы. Все таки я рѣшился еще на одинъ опытъ; я отстранилъ самокъ, и когда самецъ приблизился къ гнѣзду въ третій разъ, я поскорѣе выгащилъ палочкой наружу часть яицъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ ждалъ что будетъ. Мы никогда не повѣрили бы тому, что теперь произошло, если бы не видѣли этого собственными глазами. Только вытащилъ я назадъ свою палочку, какъ двѣ или три самки жадно бросились на яйца, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти намѣреваясь проглотить свое собственное отродье. Но прежде чѣмъ онѣ успѣли достигнуть своей цѣли, не дремавшей въ свою очередь отецъ мгновенно налетѣлъ на нихъ, снова преобразясь въ того героя, какимъ онъ былъ въ ваннѣ, и грозно поднявъ иглы и широко разинувъ ротъ, ловкими зигзагами прогналъ испуганныхъ мегеръ. И вотъ пошла битва за битвой, гонка за гонкой; чудесны были эти быстрые какъ молнія повороты, особенно когда два бойца бойко гнались другъ за другомъ, и точно два опытныхъ фехтовальщика старались всадить свои опасныя иглы въ слабо защищенное мѣсто противника. Наконецъ герой такъ отдѣлалъ всѣхъ, что всѣ онѣ сгруппировались на другой сторонѣ акваріума, держась въ почтительномъ отдаленіи отъ гнѣзда. Всѣ самцы быстро потеряли свой пурпуровый цвѣтъ, за то побѣдитель сіялъ во всемъ блескѣ своего прежняго яркаго пурпура. Онъ немедленно принялся за возстановленіе своего дома. Прежде всего онъ опять глубоко зарылъ яица, потомъ привелъ въ порядокъ растормошенные волокна, надулъ на нихъ песку, хорошенько склеенъ все и продѣлалъ необходимыя отверстія. Все это интересное зрѣлище было намъ отлично видно черезъ стѣнку акварія. Дальнѣйшія наблюденія все больше и больше возбуждали наше удивленіе; особенно интересно было наблюдать собственно выводку яицъ, посредствомъ постояннаго притока воды, потому что тутъ маленькій нашъ герой становился почти вертикально надъ гнѣздомъ и съ такой силой двигалъ своими нѣжными плавниками, что легкій щебень слеталъ съ гнѣзда и песочная его покрышка дѣлалась ровною и гладкою. Въ самомъ дѣлѣ нельзя было не уважать его за то, терпѣніе, съ какимъ онъ исполнялъ свой отеческій долгъ. Дѣйствительно ли онъ узналъ свое старое гнѣздо, или, побуждаемый отеческой потребностью, просто воспользовался этимъ взамѣнъ потеряннаго, трудно рѣшить.

До сихъ поръ все шло хорошо, и заголовокъ этого разсказа не имѣлъ бы смысла, если бы мнѣ не нужно было прибавить здѣсь печальнаго конца этой маленькой рыбьей драмы. Нѣсколько дней герой нашъ держался бодро, я вѣрно помогалъ ему отгонять опять было поднявшихъ голову враговъ. Но тутъ мнѣ надо было на нѣсколько дней уѣхать, и когда я возвратился домой, семейство мое встрѣтило меня съ страшной вѣстью: всѣ напали на самца, разрушили гнѣздо и самки пожрали яйца. Все это оказалось справедливымъ, и я нашелъ однѣ развалины, а герой мой, весь израненый, попрежнему отчаянно бился о стеклянныя стѣны; черезъ два дня онъ околѣлъ. Пусть смѣется кто хочетъ, но, сознаюсь откровенно, эта «трагедія въ акваріумѣ» произвела на меня тяжелое впечатлѣніе и я долго не могъ забыть моего маленькаго храбреца.

Замѣчу еще, что впослѣдствіи у меня бывало много колюшечьихъ гнѣздъ; при этомъ я часто совсѣмъ перемѣнялъ воду и вынутая передъ этимъ рыбка преспокойно шла назадъ въ старое гнѣздо и выводила яйца. Крошечныя новорожденныя рыбки, разумѣется, скоро погибали отъ недостатка соотвѣтствущей имъ пищи».

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра юстиціи объ установленіи однообразнаго для всѣхъ мѣстностей размѣра вычетовъ, по казеннымъ взысканіямъ изъ пенсій, производимыхъ вдовамъ чиновниковъ, и соглашаясь въ существѣ съ заключеніемъ министра, мнѣніемъ положилъ:

1. Для пополненія казенныхъ взысканій изъ пенсій, производимыхъ вдовамъ чиновниковъ, удерживать и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не введены судебные уставы 20-го ноября 1864 года, одну треть.

2. Измѣненіе, соотвѣтственно тому, подлежащихъ статей свода законовъ и свода военныхъ постановленій предоставить второму отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и военному министерству, по принадлежности.

Таковое мнѣніе государственнаго совѣта 11-го сего октября Высочайше утверждено.

Дѣла церкви.

Распоряженіе святѣйшаго синода о повсемѣстномъ въ Россіи сборѣ пожертвованій на нужды православной духовной миссіи въ Японіи.

По заявленію въ 1869 году настоятелемъ церкви при консульствѣ нашемъ въ Японіи объ обнаруживаемомъ тамошнимъ населеніемъ желаніи ознакомиться съ истинами христіанской вѣры, святѣйшій синодъ, въ видахъ удовлетворенія этимъ стремленіямъ, положилъ образовать въ Японіи особую духовную миссію изъ начальника миссіи, трехъ миссіонеровъ-сотрудниковъ и одного псаломщика,

Не смотря на недавнее учрежденіе этой миссіи, при ней находится въ настоящее время 15 катехизаторовъ, 30 катехизаторскихъ учениковъ и заведено училище для христіанскихъ дѣтей, въ которомъ обучается 60 учениковъ; въ Іедо, столицѣ Японіи, пріобрѣтено настоящее помѣщеніе для миссіи, а въ прошедшемъ году приступлено къ построенію каменнаго дома для помѣщенія двухъ миссіонеровъ и 50 учениковъ съ японскими учителями и домовою церковью, въ Хакодате, мѣстопребываніи нашего консула, пріобрѣтены два дома: въ одномъ помѣщены нѣкоторые катехизаторы, другой служитъ моли-

Библиотека "Руниверс"

твеиным домомъ; а сверхъ сего построено отдѣльное зданіе для школы, и въ Сендаѣ предполагается построить церковный домъ.

Святѣйшій синодъ постановилъ: открыть повсемѣстный въ Россіи сборъ пожертвованій на воспособленіе означенной миссіи:

Денежныя пожертвованія принимаются:

1) Въ Москвѣ, въ православномъ миссіонерскомъ обществѣ и у священника Гавріила Срѣтенскаго, при вознесенской, на Большой Никитской, церкви.

2. Въ С.-Петербургѣ, у сотрудниковъ миссіи: священника христорождественской, на Пескахъ, церкви Василія Маслова; священника благовѣщенской церкви Іоанна Демкина, на Васильевскомъ островѣ, и священника Ѳеодора Быстрова, въ инженерномъ замкѣ.

3. Во всѣхъ комитетахъ православнаго миссіонерскаго общества, гдѣ таковые существуютъ.

Петербургъ и Москва.

— 22-го октября разосланы подписные листы для сбора пожертвованій въ пользу пострадавшихъ славянъ по церквамъ слѣдующихъ епархій: тульской, астраханской, казанской, псковской, рязанской, тверской, вологодской, владимірской и ярославской. Всѣхъ листовъ разослано около 7,000. Всякій подписной листъ снабженъ печатью славянскаго комитета и подписями предсѣдателя И. П. Корнилова и секретаря И. К. Янкуліо.

— По словамъ „Journal de St. Petersbourg», 22-го октября вице-адмираломъ Еномото-Такеаки, чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ Японіи данъ былъ большой обѣдъ, по случаю дня рожденія императора японскаго, За этимъ обѣдомъ г. временноуправляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ провозгласилъ тостъ за японскаго императора; г Еномото-Такеаки отвѣчалъ на этотъ тостъ тостомъ за за Его Императорское Величество Государя Императора.

— «Русск. Міръ» слышалъ, что отставка московскаго городскаго головы г. Шумахера не принята министромъ внутреннихъ дѣлъ впредь до полученія обстоятельнаго разрѣшенія причинъ временнаго арестованія г. Шумахера. Въ случаѣ же, еслы отставка г. Шумахера состоится, то, по всему вѣроятію, на его мѣсто будетъ избранъ князь Черкасскій.

Слухи.

— По слухамъ, польскимъ банкомъ предполагается разыграть въ будущемъ году двѣ пятиклассныя лотереи, изъ коихъ каждая въ 23,500 нумеровъ, съ платою за билетъ во всѣхъ классахъ 60 р.; согласно утвержденнымъ для каждой лотереи основаніямъ, на выигрышъ въ каждой лотереи полагается 1,263,000 рублей.

— «Русскій Міръ» сообщаетъ, что въ средѣ фабрикантовъ, заводчиковъ и оптовыхъ торговцевъ возбужденъ вопросъ о ходатайствѣ относительно пониженія пошлины съ товаровъ, вывозимыхъ въ Финляндію и обратно—привозимыхъ изъ Финляндіи.

— «Русскія Вѣдомости» сообщаютъ, что докторъ Струсбергъ, въ моментъ своего ареста въ Петербургѣ, послалъ, при посредствѣ секретаря своего, депешу заграницу, извѣщающую о прекращеніи имъ платежей на 20 милліоновъ рублей.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) Нѣкоторые изъ нашихъ подписчиковъ, ссылаясь на выноску къ статьѣ «Кишиневъ", помѣщенной въ № 41 «Нивы», заявляютъ, что не находятъ въ этомъ № другихъ рисунковъ, изображающихъ лучшія улицы и зданія Кишинева. Выноска эта принадлежитъ автору статьи „Кишиневъ». Дѣйствительно, онъ приложилъ къ своей статьѣ нѣсколько рисунковъ, но Редакція нашла возможнымъ помѣстить только одинъ, имеиио общій видъ Кишинева.

2) Г. „доброжелателю" изъ Харькова. Прибавленіе „Парижскихъ модъ" мы завели по желанію многихъ изъ нашихъ гг. подписчиковъ, которыхъ эти прибавленія удовлетворяютъ. Что же касается до страннаго совѣта: ихъ „уничтожить", то (такъ какъ они прилагаются къ журналу безплатно) безъ ущерба себѣ, каждый, кому эти прибавленія не нравятся, можетъ ихъ *уничтожить*. Давать гг. подписчикамъ за 4 р. 52 № съ такой массой рисунковъ и съ такими двумя приложеніями, какіе вы получили, если вы подписчикъ «Нивы»—неужели требуются еще какія нибудь особенныя улучшенія? Мы впрочемъ постоянно объ нихъ заботимся. Очень вамъ благодарны за заботу объ нашихъ выгодахъ, но читатели конечно оцѣнятъ пятилѣтнія, постоянныя труды наши. Повидимому г. доброжелатель не имѣетъ представленія объ расходахъ, съ какими сопряжено изданіе иллюстрированнаго журнала. Чтобы покрывать только расходы намъ надо не менѣе 15 тысячъ подписчиковъ. Конечно «Нива" имѣетъ ихъ больше; но при такихъ расходахъ легко ли заводить новыя улучшенія, какъ думаете, г. доброжелатель?

СОДЕРЖАНІЕ. Ѳедоръ Антоновичъ Бруни (съ портретомъ). — Кто выигралъ?.. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха (продолженіе). — Свадьба въ царской Москвѣ (съ рисункомъ). — Жница (съ рисункомъ).—Картина сѣвернаго сіянія (съ рисункомъ). — Трагедія въ акваріумѣ. — Разныя извѣстія.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА" на 1876 годъ.

Въ виду приближенія времени подписки на 1876 г., мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ.**

При возобновленіи подписки просимъ покорно **высылать печатные редакціонные адреса отъ бандеролей**, въ которыхъ подписчики получаютъ „НИВУ" въ нынѣшнемъ 1875 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1876 ГОДЪ.

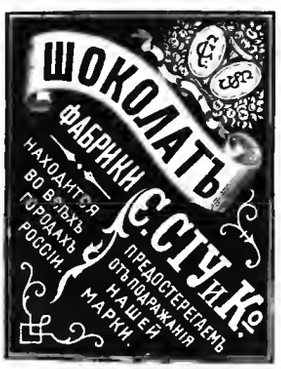
I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.
III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжный магазинъ *И. Гр. Соловьева, А. Ланъ* и *А. Живарева* . . . . . 4 р. 50 к.
IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.*)

*) Почтовыхъ марокъ не принимается, а просимъ высылать этотъ полтинникъ серебромъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи «НИВЫ» въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

Издатель „НИВЫ" А. Ф. МАРКСЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.



45 15

26—1

„ПЕРЧАТКИ".

Французскія лайковыя перчатки. шведскія сѣрыя замшевыя и бѣлыя военныя перчатки, большой выборъ теплыхъ перчатокъ на мѣху, фланели и байкѣ. Прочныя ежедневныя перчатки изъ первыхъ россійскихъ фабрикъ по 90 коп. за пару. **Магазинъ А. Штейнберга.** Невскій проспектъ, домъ Казанскаго собора, № 25. 2—1

МУЖСКІЯ ПЛАТЬЯ.

Мѣховыя шубы, шубки и пальто, шинели и пальто на ватѣ съ мѣховыми воротниками, готовыя и по заказу. Принимаются въ передѣлкѣ разныя мѣховыя вещи. Заказы на военныя платья для гг. морскихъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ; передѣлываются прежней формы военно-гражданскіе сюртуки по новому Высочайше утвержденному рисунку. Большой выборъ военныхъ перчатокъ лучшаго достоинства. Большой выборъ всевозможныхъ матерій Заказы исполняются аккуратно и по цѣнамъ умѣреннымъ. Гимназическіе мундиры. Дѣтскіе красивые костюмы и пальто. Гг. иногороднымъ заказчикамъ по требованію немедленно высылается прейсъ-курантъ магазина, съ правилами снятія мѣрки въ рисункахъ.

А. Ф. Штейнбергъ.

№ 25. Невскій проспектъ, д. Казанск. Собора. № 25.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ.

Орѣховый экстрактъ, цѣна 2 руб. 50 к., съ пересылкой 3 р., окрашиваетъ въ нѣсколько минутъ, волосы, бороду, баки и усы въ отличный чорный и коричневый (Plon) цвѣта; Оде-капиль, цѣна 1 руб. 50 к. съ пересылкою 2 руб. извѣстная своимъ удивительнымъ дѣйствіемъ, возвращаетъ сѣдинѣ первобытный цвѣтъ. **Магазинъ А. Ф. Штейнберга,** Невскій проспектъ, домъ Казанскаго собора № 25. 2—1

При этомъ № прилож. объявл. для иногор. подп. отъ книжнаго магаз. А. И. Манухина въ Москвѣ и отъ чайнаго маг. Ольги Корещенко въ г. Москвѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 25 Октября 1875 г. Изданіе **А. Ф. Маркса**. Въ Спб. Больш. Морск., д. № 9. Тип. Ведомости Адм. пр. № 10.

Библиотека Руниверс

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 46 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Выдан: 17 Ноября 1875 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА" на 1876 годъ.

Въ виду приближенія времени подписки 1876 г., мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ.**

Приготовленіе около 14.000 печатныхъ адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ требуетъ весьма большой работы и времени такъ что намъ гораздо легче если подписчики теперь уже благоволятъ выслать свои требованія ибо въ концѣ Декабря когда всѣ требованія поступятъ вдругъ, большое количество адресовъ трудно съ разу приготовить.

При возобновленіи подписки просимъ покорно **высылать печатные редакціонные адреса отъ бандеролей,** въ которыхъ подписчики получаютъ „НИВУ" въ нынѣшнемъ въ 1875 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА **„НИВЫ"** НА **1876** ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. **И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева** 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.*)

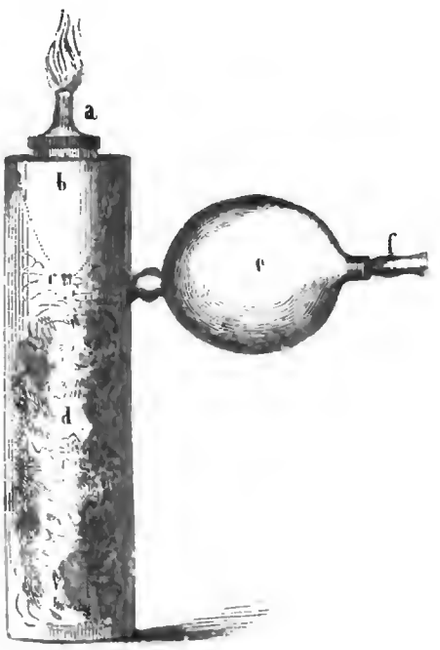
*) ПОЧТОВЫХЪ МАРОКЪ *НЕ* ПРИНИМАЕТСЯ, а просимъ высылать этотъ полтинникъ серебромъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи «НИВЫ» въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

Издатель «НИВЫ» А. Ф. МАРКСЪ.

Новое изобрѣтеніе.

Патентованная карманная газовая лампочка, изображенная на нашемъ рисункѣ — это новое американское изобрѣтеніе, которое, по всей вѣроятности, и у насъ будетъ имѣть успѣхъ. Лампочку эту, въ футлярѣ или безъ футляра, смѣло можно носить съ собою—въ карманѣ. Состоитъ она, какъ это видно на рисункѣ, изъ простаго цилиндрика (все равно—стекляннаго или металлическаго), къ которому привинчивается горѣлка *a*. Отвинтивъ эту горѣлку, въ резервуаръ вливаютъ не болѣе двухъ наперстковъ бензина, который почти мгновенно и всасывается губкой, находящейся въ нижней части цилиндрика *d*. Повыше, снаружи, находится небольшое отверстіе, къ краямъ котораго придѣланъ резиновый мѣшочекъ *c*. снабженный мундштукомъ. — Для того чтобы зажечь лампочку, слѣдуетъ сперва, посредствомъ мундштука, наполнить воздухомъ резиновый мѣшочекъ; тогда струя воздуха, попавъ въ цилиндрикъ, станетъ выталкивать бензинный газъ черезъ отверстіе *c* въ верхнюю часть резервуара *b*, т. е. къ горѣлкѣ, а затѣмъ ,уже стоитъ только поднести къ ней зажженую спичку—и вспыхнетъ яркій огонекъ. Пока въ резиновомъ мѣшечкѣ довольно воздуха (а его можно вдувать и во время горѣнія), лампочка не погаснетъ, конечно, если не истощится запасъ бензина въ губкѣ.



Патентованная карманная газовая лампочка.

Библиотека "Руниверс"

Кто выигралъ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

Маннштейнъ вернулся въ свою комнату и снова тяжело опустился на стулъ... То, чего онъ такъ страшился—увы, уже не было только мыслью: *оно* осуществилось, оно—*есть*!... Племянникъ... сынъ сестры—его-ли онъ не баловалъ?... Не онъ-ли исключительно содержалъ его въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ?—хотѣлъ... хотѣлъ убить его—дядю!... „маленькій фрейгерръ" уже не думалъ о томъ, что совершенно случайно избѣжалъ смерти... Да онъ теперь очень мало дорожилъ жизнью, потому что ничего не ощущалъ, ничего не сознавалъ, кромѣ одного, что *сынъ родной его сестры—убійца*!..

Задумался старикъ... Въ немъ ожили воспоминанія, которыя и унесли его въ далекое прошлое... Что̀ за радостный былъ день, когда въ домѣ барона Зельдитца, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружеской жизни, явилось на свѣтъ новое существо—мальчикъ!... И фрейгерръ былъ тамъ и видѣлъ, какъ сестра его съ сіяющимъ, радостнымъ лицомъ прижимала къ груди этого мальчика, и какъ потомъ отецъ взялъ у нея ребенка и, въ восторгѣ, высоко его приподнялъ... Какъ гордился баронъ Зельдитцъ своимъ сыномъ, видя какъ тотъ ростетъ, крѣпнетъ! Часто восклицалъ онъ: „Вотъ вѣдь сейчасъ видно—поглядите—кровь Зельдитцовъ бѣжитъ въ его жилахъ! Да, Зельдитцы всегда были такими молодцами!"... Если-бы въ то время онъ вдругъ какъ нибудь узналъ-бы, что сынъ его сдѣлается преступникомъ... убійцей—да онъ убилъ-бы его тогда, не смотря на его дѣтскій возрастъ, чтобы предотвратить позоръ, запятнавшій теперь баронскій гербъ Зельдитцовъ... И благо, что нѣтъ уже въ живыхъ ни отца, ни матери этого „несчастнаго", погубившаго свое честное имя!.. Они не перенесли-бы такого позора!...

Слѣдователь ѣхалъ по дорогѣ въ резиденцію. Онъ уже твердо порѣшилъ, что ка̀къ только пріѣдетъ въ городъ—сейчасъ-же арестуетъ барона. Печальныя мысли бродили его въ головѣ... Онъ думалъ о томъ, какое горе посѣтило „маленькаго фрейгерра", какъ тяжело старику и—вдругъ услышалъ позади себя конскій топотъ. Обернувшись, Питтъ сейчасъ-же узналъ конюха Маннштейна... Не послалъ-ли его фрейгерръ въ догонку ему, чтобы еще кое-что сообщить по настоящему дѣлу?...

Вотъ, конюхъ уже близко, вотъ, онъ и у кареты, но что̀-жъ онъ не останавливаетъ лошади?...

— Эй, стой! Стой! прикрикнулъ Питтъ.

Но тотъ пролетѣлъ мимо, не обративъ на крики никакого вниманія.

Слѣдователь догадался въ чемъ дѣло: конюху поручено отвезти записку барону... Дядя увѣдомлялъ племянника о томъ, что̀ ему грозило, предупреждалъ его... Питтъ не ожидалъ этого!

— Гоните лошадей! Скорѣй, скорѣй! Непремѣнно догоните его! закричалъ онъ кучеру.

— Кучеръ началъ хлестать немилосердно своихъ коней... Пошла бѣшенная скачка; карета, подпрыгивая, летѣла, но конюхъ все-таки былъ далеко впереди кареты...

— Гдѣ догнать! Шабашъ! проговорилъ наконецъ возница и бросилъ погонять лошадей.

— Живѣй! Вонитe! Шибче! кричалъ слѣдователь, высунувшись изъ окна экипажа и тревожно слѣдя за мчавшимся конюхомъ, который все болѣе и болѣе удалялся отъ кареты...

Опять раздались удары кнута, и, немного времени спустя, Питтъ уже былъ въ городѣ, у самаго дома, гдѣ жилъ баронъ Зельдитцъ. Замѣтивъ на улицѣ одного изъ караульныхъ — полицейскихъ, онъ однимъ кивкомъ подозвалъ его къ себѣ.

— Что̀, баронъ еще у себя—до̀ма? спросилъ онъ.

— До̀ма. Будьте спокойны.

— Не пріѣзжалъ-ли сюда, не задолго до меня—конюхъ?

— Былъ, это точно. Какъ пріѣхалъ—сейчасъ слѣзъ съ лошади и пошелъ въ домъ.

— Не выходилъ еще оттуда?

— Вышелъ. Недолго онъ тамъ по̀былъ... А лошадь повелъ вонъ туда, въ прогулокъ. Товарищъ мой слѣдомъ за нимъ, чтобы изъ виду не выпустить... Слышали мы, какъ онъ тутъ спрашивалъ: дома-ли баронъ?

Питтъ вздохнулъ свободнѣе... Зельдитцъ—тутъ, онъ не бѣжалъ... Теперь уже нельзя было медлить, но слѣдователь не рѣшался войти къ барону, въ сопровожденіи одного полицейскаго, и арестовать его: онъ ожидалъ со стороны Зельдитца сильнаго сопротивленія, даже борьбы.

— Сбѣгайте за вашимъ товарищемъ, и сейчасъ-же оба сюда, какъ можно скорѣе! сказалъ онъ полицейскому.

Тотъ побѣжалъ, а Питтъ остался караулить около дома, ибо баронъ могъ сейчасъ выйти на улицу.

Полицейскіе живо явились.

— Ступайте за мной. Сабли держите на готовѣ... Можетъ быть, придется брать силой...

Слѣдователь быстро вошелъ въ домъ и, подойдя къ двери, ведущей въ комнату барона, попробовалъ отворить ее, но дверь была заперта.

— Кто тамъ? раздался голосъ Зельдитца.

— Отъ фрейгерра! Отпирайте скорѣй! крикнулъ Питтъ.

Замокъ щелкнулъ, дверь отворилась... Баронъ, увидѣвъ полицейскихъ, отскочилъ въ испугѣ, но потомъ прыгнулъ къ дверямъ, чтобы снова запереть ихъ—поздно! слѣдователь уже былъ въ комнатѣ...

— Именемъ закона! произнесъ онъ, быстро подойдя къ Зельдитцу.

Баронъ снова отпрянулъ и, схвативъ со стола одинъ изъ пистолетовъ (какъ видно, онъ собирался въ дорогу и хотѣлъ вооружиться имъ), поднялъ его и направилъ въ непрошеннаго гостя.

— Прочь! крикнулъ Зельдитцъ громкимъ голосомъ.

Питтъ въ свою очередь тоже отскочилъ — въ сторону... Онъ не спускалъ глазъ съ барона, и вдругъ однимъ прыжкомъ очутился около него... Мелькнула огненная струйка—трррахъ! и пуля, не задѣвъ никого, врѣзалась въ стѣну. Зельдитцъ кинулся къ другой двери, ведущей въ садикъ, но слѣдователь успѣлъ его отбросить, а полицейскіе схватили барона... Завязалась жаркая борьба. Въ ярости, доходящей до безумія, онъ билъ пистолетомъ направо и налѣво... Неизвѣстно, чѣмъ-бы кончилась эта свалка, т. е. кто-бы вышелъ побѣдителемъ, такъ какъ Зельдитцъ въ самомъ дѣлѣ обладалъ необыкновенной силой, если-бы Питту не удалось натолкнуть противника на стулъ: баронъ повалился, подняться ему уже не дали и живо скрутили руки веревкой... Онъ всталъ обезоруженнымъ. Глаза его горѣли какимъ-то мрачнымъ огнемъ и глядѣли свирѣпо.. Злоба душила его; онъ до крови кусалъ себѣ губы, стараясь высвободить руки, но всѣ усилія его были тщетны...

— Это что̀ за кандалы?! Развязать! крикнулъ онъ запальчиво. Подъ судъ васъ! Вы отвѣтите за все это...

Библиотека "Руниверс"

Какъ вы смѣли напасть на меня въ собственной моей квартирѣ!?...

— Подобныя угрозы, г. баронъ, на меня не дѣйствуютъ, отвѣтилъ Питтъ—и *вамъ прежде* меня придется отвѣтить передъ судомъ.

— Отвѣтить—за что?

— Полагаю, что вы сами хорошо знаете *за что*...

— Я васъ не понимаю!

— Извольте, скажу яснѣе: вы отвѣтите за то, что, имѣя намѣреніе убить своего дядю, вмѣсто него застрѣлили г. ф. Мальтэна.

Обвиненіе это, выраженное такъ коротко и ясно, какъ-бы прихлопнуло Зельдитца: онъ такъ былъ озадаченъ этимъ, что съ секунду простоялъ въ столбнякѣ, но потомъ, овладѣвъ собой выпрямился и закинулъ голову.

— Я?!.. Ну, въ такомъ случаѣ я небывалый, чудесный стрѣлокъ! Значитъ, я, стрѣляя изъ этой комнаты, умѣю попадать въ усадьбу дяди, такъ какъ въ ту ночь я былъ дома, боленъ былъ, лежалъ въ своей постелѣ?... Что все это было такъ—мой хозяинъ и жена его могутъ это засвидѣтельствовать.

— Но и я могу выставить свидѣтеля. Показанія его будутъ *поважнѣе*, замѣтилъ слѣдователь, такъ что они совершенно отстранятъ ваши... Вы тогда притворились больнымъ, но принятая вами мѣра предосторожности оказалась безполезной: бюргеръ Шмоллеръ, у котораго вы тогда, ночью, брали лошадь на нѣсколько часовъ, призналъ васъ, не смотря на то, что вы явились къ нему подъ чужимъ именемъ.

— Никакой лошади я не бралъ и никакого Шмоллера не знаю.

— Ну, это вы, конечно, вспомните!... Вы, пожалуй, тоже *не знаете* что дядя вашъ грозилъ лишить васъ наслѣдства?...

— Да, и объ этомъ ничего не знаю.

Питтъ оглядѣлъ всю комнату и замѣтилъ, что всѣ вещи въ ней были въ безпорядкѣ: бюро было открыто, тамъ и сямъ ящики выдвинуты; бумаги разбросаны, а на столѣ, какъ попало, лежали разныя драгоцѣнныя вещицы; на диванѣ валялось платье... Очевидно, баронъ, второпяхъ, собралъ все, что было поцѣннѣе, чтобы взять съ собою...

— Зачѣмъ-же вы хотѣли бѣжать? спросилъ Питтъ.

— Бѣжать? Я и не думалъ бѣжать.

— А этотъ безпорядокъ въ комнатѣ? Онъ именно доказываетъ противное... Сейчасъ видно, что вы торопились, собирали болѣе цѣнныя вещи...

— Да, я искалъ одну вещь, рылся, но не могъ ее найти... Если тутъ нѣкоторый безпорядокъ, то это вѣдь моя комната, и я, ужъ конечно, ни передъ кѣмъ не обязанъ отвѣчать въ такомъ случаѣ!

— Ну, а я нѣсколько иначе думаю; возразилъ слѣдователь спокойнымъ тономъ:—я вижу — вещи въ безпорядкѣ, бумаги, платье разбросаны... Все это прямо указываетъ на то, что вы *имѣли намѣреніе бѣжать*. Человѣкъ, не знающій за собой никакой вины, никогда и не подумаетъ бѣжать... скрыться. Скажите, зачѣмъ вотъ тутъ, на столѣ, лежатъ ваши драгоцѣнныя вещи?

— Зачѣмъ лежатъ! Положилъ—такъ и лежатъ! крикнулъ Зельдитцъ, выходя изъ терпѣнія и раздражаясь. Да вы эдакъ, пожалуй, спросите — зачѣмъ я одѣтъ?!.. Всѣ эти вопросы мнѣ, наконецъ, надоѣли!...

Питтъ пожалъ плечами.

— Что-жъ дѣлать... Но вамъ придется выслушать еще много другихъ вопросовъ!... Служебныя мои обязанности таковы, что я долженъ дѣлать многое такое, что, конечно, не очень-то пріятно дѣйствуетъ вообще на людей... въ вашемъ положеніи... Скажите, не получали-ли вы—вотъ только что передъ этимъ—письма отъ вашего дяди?

— Не получалъ.

— Но конюхъ его вѣдь былъ у васъ—здѣсь?

— Былъ.

— А зачѣмъ онъ былъ?

Баронъ молчалъ.

— Скажите, по какому дѣлу пріѣзжалъ къ вамъ конюхъ? настаивалъ слѣдователь.

— А вотъ по какому: спросить, хорошо-ли я ночевалъ прошлую ночь!

Зельдитцъ почти выкрикнулъ эти слова, такъ его разозлила настойчивость Питта.

— Ну, въ такомъ случаѣ я самъ постараюсь узнать, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ, проговорилъ Питтъ и подошелъ къ письменному столу.

— Не трогать моихъ вещей! Я вамъ не дозволяю! крикнулъ запальчиво баронъ и приблизился къ нему, хотя руки его и были связаны.

— Попридержите его! приказалъ слѣдователь полицейскимъ и прибавилъ, обращаясь къ Зельдитцу: вы, кажется, забываете, что вы—арестантъ? Не сопротивляйтесь, не упорствуйте, въ противномъ случаѣ я буду вынужденъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, т. е. сейчасъ велю отправить васъ въ тюрьму... пѣшкомъ, со связанными руками!

Глаза барона сверкнули — и сколько было въ нихъ угрозы, гнѣва, невыразимой злобы...

— Посмѣйте только! произнесъ онъ глухимъ голосомъ.

На столѣ лежало полуоткрытое письмо, которое Питтъ взялъ и сейчасъ-же узналъ то, что хотѣлось ему узнать. Оно было написано фрейгерромъ въ торопяхъ...

Вотъ эти немногія строки:

„Несчастный! Преступленіе твое открыто, ты будешь арестованъ скоро! Надѣюсь, что чувство чести, мужество не совсѣмъ покинули тебя, и остатка ихъ хватитъ на то, чтобы не задуматься совершить послѣдній единственный шагъ... Больше ничего не остается! Зельдитцы всегда предпочитали смерть—позору...

Твой несчастный дядя“.

Питтъ былъ взволнованъ... Да, въ этихъ немногихъ словахъ онъ какъ-бы живьемъ увидѣлъ самаго „маленькаго фрейгерра“; слова эти какъ нельзя лучше обрисовывали рѣшительный характеръ Маннштейна, рѣзко обнаруживъ образъ его мыслей, показавъ, какъ *онъ* понимаетъ честь... Если-бы пришлось ему выбирать—смерть или позоръ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ поступилъ-бы такъ, какъ самъ совѣтовалъ своему племяннику, но... старикъ тутъ ошибся: у сына родной сестры его не хватило духу пустить себѣ пулю въ лобъ—онъ счелъ за лучшее—бѣжать!...

— Вѣдь это должно быть то самое письмо, которое вручилъ вамъ конюхъ вашего дяди? спросилъ Питтъ.

Баронъ промолчалъ... Какъ видно, ему весьма было непріятно, что подобная записка попала въ чужія руки...

Слѣдователь спряталъ письмо въ карманъ, такъ какъ оно было новой уликой въ преступленіи, содѣянномъ Зельдитцемъ. Осмотрѣвъ мелькомъ прочія вещи въ комнатѣ и взявъ оба пистолета, Питтъ послалъ одного изъ полицейскихъ за каретой.

Не прошло и десяти минутъ, какъ требуемый экипажъ подкатилъ къ подъѣзду.

— Проведите г. барона до кареты, приказалъ слѣдователь своимъ подчиненнымъ.

Но баронъ не допустилъ вести себя—быстрыми шагами вышелъ онъ изъ комнаты и самъ сѣлъ въ карету. Вмѣстѣ съ нимъ сѣли Питтъ и оба полицейскіе. Экипажъ быстро покатился по дорогѣ къ тюремному замку.

Фрейгерръ, конечно, узналъ, что племянникъ его арестованъ, и извѣстіе это потрясло его до боли серда... Злосчастный! Такъ у него, значитъ, не хватило настолько мужества, чтобы умереть... Онъ выбралъ — позоръ!.. Да полно—Зельдитцъ-ли онъ?..

Библиотека "Руниверс"

Старикъ усумнился въ этомъ и готовъ даже былъ вѣрить, что баронъ *этотъ* —совсѣмъ не сынъ сестры его... А если онъ дѣйствительно Зельдитцъ, то... неужели онъ такой выродокъ? Возможно-ли такое быстрое вырожденіе!... Ну, такъ пускай-же эта пропащая голова и пропадетъ въ тюрьмѣ, такъ какъ сама-же она выбрала себѣ тюрьму... Фрейгерръ совершенно отрекся отъ Зельдитца; сердце его стало обнаруживать полнѣйшее безучастіе къ барону, но не могъ-же онъ уничтожить совершившійся фактъ: то, что случилось—не можетъ быть вычеркнуто, а потому старикъ поневолѣ думалъ о томъ, о чемъ и думать не хотѣлъ... Полное забвеніе — невозможно, неестественно

Съ того самаго дня, когда слѣдователь объявилъ Маннштейну имя преступника, фрейгерръ не былъ еще у вдовы покойнаго своего друга, да и не могъ какъ-то рѣшиться навѣстить ее и Эмми... При одной мысли, что онѣ могутъ узнать, чья рука уложила Мальтэна—дрожь его охватывала... И, однако-же, едва-ли это можетъ остаться для нихъ тайной...

Старикъ сидѣлъ задумавшись въ своей комнатѣ (онъ именно размышлялъ объ этомъ), и только тогда очнулся, когда вошелъ слуга и доложилъ о пріѣздѣ г-жи ф. Мальтэнъ.

Онъ живо поднялся съ кресла, онъ былъ испуганъ... Неужели опасенія его сбылись? Неужели *онъ* узнали?..

— Пригласи госпожу Мальтэнъ въ гостиную, сказалъ фрейгерръ слугѣ.

Лакей удалился. Маннштейнъ чувствовалъ, что ему надо побыть одному хоть три-четыре минуты, чтобы оправиться, успокоиться... Но, если она *все* уже узнала, то... чѣмъ-же утѣшить ее, что говорить ей, какъ отвѣчать?... Онъ медленно провелъ рукой по лбу, закрылъ глаза... Въ головѣ была какая-то страшная пустота, отсутствіе мысли... мракъ...

Но надо было выйти въ гостиную — и онъ вышелъ. Г-жа Мальтэнъ быстро подошла къ нему... Уже по выраженію лица ея сейчасъ было видно, что она сильно взволнована.

— Правда-ли... правдали это!? воскликнула она и, будучи не въ силахъ говорить, замолчала, устремивъ глаза на Маннштейна, какъ будто желая прочесть отвѣтъ на его лицѣ.

— То есть... что́-же именно?... спросилъ фрейгерръ.

— Правда-ли... что вашъ племянникъ... моего мужа... тогда... неужели что онъ... его...

Она не могла выговорить *страшнаго* слова...

Изъ груди старика вырвался глубокій вздохъ, и онъ черезъ силу произнесъ:

— Да, это правда!...

— Великій Боже!...

Несчастная женщина закрыла лицо руками.

„Маленькій фрейгерръ" приблизился къ ней и тихо опустилъ руку на ея плечо... Онъ ничего не могъ сказать ей, да и слово тутъ было безсильно: имъ не успокоишь сердца, не уменьшишь ужаса, не ослабишь впечатлѣнія...

— Знали вы это? спросила вдова,

— Нѣтъ... Я только подозрѣвалъ, но узналъ объ этомъ лишь нѣсколько дней тому назадъ. Вотъ потому-то я и не былъ такъ долго у васъ... не рѣшался явиться къ вамъ! Мнѣ казалось... я чувствовалъ, какъ будто и на моей душѣ грѣхъ, какъ будто и я виноватъ тутъ... Но—о, какъ охотно отдалъ-бы я жизнь, если-бы этимъ только могъ воскресить Мальтэна!...

— Значитъ, правда и то́, что племянникъ вашъ хотѣлъ... васъ убить?...

— Да, у него было такое намѣреніе... Прошу васъ, не называйте его „моимъ" племянникомъ: между нами—пропасть, все порвано... Я отрекся отъ него навсегда! Онъ—подлецъ, трусъ и... преступникъ! Если-бы родители его были живы—они прокляли-бы его... Я не проклинаю его потому, что онъ для меня болѣе *не существуетъ*... то есть, между нами все кончено!...

— И этотъ человѣкъ имѣлъ дерзость бывать у насъ, добиваться любви Эмми!?.. Онъ, убившій отца ея, искалъ ея руки!!...

— А ей все извѣстно?...

— Да... Она знаетъ...

— Бѣдное дитя! произнесъ фрейгерръ... Теперь вы понимаете, почему я тогда настаивалъ на томъ, что *онъ* не долженъ бывать у васъ... Я не могъ допустить этого! Правда, въ то время я не былъ еще увѣренъ, что преступникъ—*онъ*, но ужъ одно подозрѣніе повергало меня въ ужасъ... Теперь онъ понесетъ заслуженную кару! Была минута—послѣдняя—убійца былъ уже открытъ... и я доставилъ ему возможность умереть, чтобы избѣгнуть позора, но онъ — испугался смерти, не хватило мужества на это!.. У него нѣтъ уже не искорки чести!... Если-бы я могъ—просто вотъ однимъ движеніемъ руки — спасти его, — я-бы теперь и этого не сдѣлалъ... Пусть лучше пропадаетъ!...

Фрейгерръ самъ проводилъ г-жу Мальтэнъ домой. Разумѣется, онъ постарался, какъ только могъ, утѣшить, успокоить бѣдную дѣвушку... Много теплыхъ словъ было сказано имъ Эмми!.. Что́-жъ, у нея впереди все-таки свѣтлая будущность, а у него, старика, уже ничего въ жизни не осталось... Завѣтная, любимая мечта—такъ и осталась мечтой... Но все-таки онъ не совсѣмъ поникъ головой, а потому и Эмми не слѣдуетъ ужъ такъ предаваться отчаянію, нужно воспрянуть духомъ... Вѣдь она почти вчетверо моложе „маленькаго фрейгерра!"..

Недолго онъ пробылъ у нихъ и вернулся въ свою усадьбу, Дорогой старикъ мелькомъ взглянулъ на свои поля, на эти богатыя, желтѣющія нивы... Да, великолѣпную жатву обѣщали онѣ, но „маленькаго фрейгерра" это уже не радовало... Онъ отвернулся, и смотрѣть не хотѣлъ на свое богатство... Порѣшивъ твердо переносить горе, совершенно отказавшись отъ племянника, онъ все-таки не былъ покоенъ душой: дрожь пробѣгала по его тѣлу, когда воображеніе невольно розыгрывалось и онъ видѣлъ залу суда, и тамъ—на скамьѣ подсудимыхъ *его*—сына родной сестры—преступника!.,. Да, онъ *долженъ* будетъ еще разъ встрѣтиться съ нимъ... Но такая встрѣча была слишкомъ тяжела даже и для такого твердаго, мужественнаго человѣка, какимъ былъ фрейгерръ Маннштейнъ!....

Рано утромъ, на другой день, (онъ только что проснулся и всталъ), лакей явился къ нему въ спальню и доложилъ, что какой-то неизвѣстный человѣкъ желаетъ поговорить съ нимъ.

— Чего-же онъ хочетъ? спросилъ фрейгерръ.

— Не знаю-съ... Не говоритъ.

— Ну, пусть войдетъ.

Неизвѣстный показался въ дверяхъ., На немъ была обыкновенная синяя рубашка рабочаго; глядѣлъ онъ какъ-то боязливо, робко, и въ комнату не входилъ... Посмотрѣвъ пытливо на старика, какъ-бы желая угодить заранѣе его отвѣтъ, незнакомецъ рѣшился, наконецъ, переступить порогъ—и быстро вошелъ.

— Вамъ что́ угодно? спросилъ Маннштейнъ, котораго удивила боязливость этого человѣка.

Вотъ, прочтите, пожалуста, эту бумажку, сказалъ незнакомецъ, подавая записку: — это пишетъ вашъ племянникъ..,

— Отъ моего племянника!?..

Фрейгерръ не бралъ записки... Онъ медлилъ... Читать-ли? Вѣдь ужъ все кончено!... Былъ у него племянникъ, но *теперь* ужъ его *нѣтъ*... Человѣкъ, пославшій ему письмо—лицо постороннее, чужое... Однако, онъ протянулъ руку... Да, *его* почеркъ!...

Старику нужно было собрать всѣ свои силы, чтобы прочесть нѣсколько строкъ... Буквы какъ-то сливались, въ глазахъ рябило...

Библиотека "Руниверс"

Похоронная процессія въ Венеціи. Рисов. Чермакъ грав. Ротъ.

Библиотека "Руниверс"

Вотъ что писалъ Зельдитцъ:

„Я бѣжалъ. Дай подателю этой записки, спасителю моему, пятьсотъ талеровъ... Это послѣдняя моя просьба къ тебѣ! Если откажешь—я и человѣкъ этотъ—мы оба погибли, потому что ни у него, ни у меня нѣтъ средствъ скрыться... бѣжать... Мы снова попадемъ въ тюрьму!

Твой злополучный племянникъ".

Рука „маленькаго фрейгерра" сильно дрожала...

— Такъ онъ—бѣжалъ! воскликнулъ старикъ.

— Да, благодаря мнѣ... Я помогъ бѣжать, отвѣтилъ незнакомецъ. Сторожемъ я былъ при тюрьмѣ, ну, а онъ уговорилъ меня, чтобы бѣжать... Обѣщалъ двадцать тысячъ талеровъ, коли все удастся...

— А вы и повѣрили ему?

— Да какже—вѣдь онъ письменно обѣщалъ мнѣ это! Потомъ-то, правда, я пожалѣлъ, что далъ уговорить себя, да ужъ поздно... Плохо дѣло! Оба мы, значитъ, бѣжавшіе... Коли поймаютъ меня, такъ вѣдь и мнѣ отъ тюрьмы не уйти...

— Онъ далъ вамъ письменное обѣщаніе! произнесъ фрейгерръ съ горькой усмѣшкой:—Но у него *ничего* нѣтъ—знаете вы это? Вѣдь онъ—бѣднѣе васъ.

— Ну, это точно, что онъ признался мнѣ, что у него въ настоящее время нѣтъ никакихъ средствъ, но... онъ мнѣ сказалъ, что, какъ только доберется до безопаснаго мѣстечка—сейчасъ напишетъ своему стряпчему, чтобы тотъ все его движимое и недвижимое имущество обратилъ въ наличныя деньги и выслалъ-бы ихъ ему.

— Имущество!.. Какое?.. У него нѣтъ состоянія.

— Да богатъ-же онъ!...

— Неправда... Онъ васъ—обманулъ! У него—ровно ничего, даже имени-то честнаго нѣтъ!

Бывшій тюремщикъ даже отскочилъ и поблѣднѣлъ, такъ поразили его эти слова...

— Ахъ, онъ негодяй! Теперь и я влопался въ бѣду изъ за него!..

— Гдѣ-жъ этотъ... злополучный?

— Да тутъ вотъ... въ лѣсу ждетъ меня...

— Тутъ—въ лѣсу?! Такъ близко!..

„Маленькій фрейгерръ" не выдержалъ и вскочилъ съ кресла. Это его крѣпко взволновало, и онъ принялся быстро ходить по комнатѣ... Видно было, что онъ боролся съ чѣмъ-то...

— Человѣкъ, пославшій васъ ко мнѣ—для меня теперь—чужой... Я не знаю его, заговорилъ спокойнѣе старикъ. Удастся-ли ему скрыться или нѣтъ—мнѣ это все равно. Я вырвалъ его изъ моего сердца и... не протяну ему руку помощи!

— Если вы не поможете—пропали мы совсѣмъ! воскликнулъ бывшій тюремщикъ.—О, зачѣмъ я повѣрилъ ему!... Втянулъ—ахъ, втянулъ онъ меня въ бѣду!...

— Нѣтъ, я не допущу, чтобы вы изъ за него пострадали... Сейчасъ, погодите...

Фрейгерръ подошелъ къ бюро и вынулъ оттда деньги.

— Вотъ вамъ—берите! Тутъ вдвое больше той суммы, какую онъ просилъ... Спасайтесь-же скорѣй! Зла я вамъ не желаю... Но ему денегъ не давайте, даже и не говорите, что получили деньги! Бѣгите одни, заботьтесь *только о себѣ*!

— Какъ?.. Не давать ему денегъ... бросить его?!.

— Да, да! Или вы не понимаете, что человѣкъ безчестный, убійца, уже обманувшій васъ—способенъ вторично васъ обмануть? Какже вы не боитесь, что онъ убѣжитъ съ этими деньгами одинъ, броситъ васъ?.. Ну, идите-же, идите скорѣй! Побѣгъ вашъ навѣрно открытъ, васъ уже навѣрно ищутъ, и сыщики каждую минуту могутъ явиться сюда...

— Но... что-же съ племянникомъ-то вашимъ будетъ? Вѣдь у него—ни гроша... Онъ, вотъ, въ такой-же рубашкѣ, какъ и на мнѣ! Досталъ я ему рубашку-то, а больше у него—

— Говорю я вамъ: думайте только о себѣ! Какой онъ мнѣ племянникъ? Нѣтъ у меня племянника... Ну, уходите!

Синяя рубашка все еще медлила, но потомъ вдругъ повернулась и бросилась вонъ изъ комнаты.

Манштейнъ глядѣлъ въ окно и видѣлъ, какъ бывшій тюремный сторожъ побѣжалъ садомъ и скрылся...

Да, такъ вонъ тамъ, въ сосѣднемъ лѣсу, притаился теперь его злополучный племянникъ! А вѣдь нѣсколько недѣль тому назадъ какъ онъ былъ гордъ... Онъ не могъ *уронить* себя—жениться на мѣщанкѣ! А теперь... бѣглецъ... безпомощный скиталецъ... онъ вздрагиваетъ каждую минуту... вотъ-вотъ—схватитъ его полиція! Куда и гордость дѣвалась...

— Однако, ужъ не слишкомъ-ли жестоко поступилъ я съ этимъ несчастнымъ? мелькнуло въ головѣ старика...

Съ минуту мысль эта мучила его, но... онъ махнулъ рукой... Что-жъ, вѣдь ужъ разъ на всегда онъ отрекся отъ него!..

Не прошло и часа, какъ въ усадьбу фрейгерра явился Питтъ.

Манштейнъ пригласилъ его въ свою комнату.

— Г. фрейгерръ, племянникъ вашъ бѣжалъ изъ тюрьмы въ прошлую ночь, объявилъ слѣдователь.

Старикъ и виду не показалъ, что это для него уже не новость... Напротивъ, удивившись, онъ спросилъ:

— Но какже могло это случиться? Какимъ образомъ?

Питтъ бросилъ на него пристальный, пытливый взглядъ.

— Неужели вы не знаете этого?

— Увѣряю васъ, что не знаю.

— Прутья желѣзной рѣшетки въ окнѣ казаматы оказались подпиленными... И онъ спустился по веревкѣ. Разумѣется, бѣжать помогли ему тѣ, которые доставили ему веревку и пилу... Тюремный сторожъ, какъ видно, участвовалъ въ заговорѣ этомъ, потому что и онъ сегодня исчезъ...

— Что-жъ, очень можетъ быть, что сторожъ этотъ и помогъ арестанту бѣжать, замѣтилъ фрейгерръ.

— Хорошо, но кто-же сторожа-то подговорилъ на такое дѣло? Тутъ не могло обойтись безъ подкупа, а у арестанта денегъ не было...

— Позвольте! Я тутъ ни при чемъ, г. слѣдователь, я не участвовалъ въ подобномъ заговорѣ... Пусть убѣжавшаго схватятъ, осудятъ, какъ слѣдуетъ, по закону—туда ему и дорога! Я совершенно и навсегда отрекся отъ него.

— Его не схватятъ и не арестуютъ, проговорилъ слѣдователь.

— Какъ, неужели вы и теперь ужъ увѣрены, что это невозможно?

Питтъ утвердительно кивнулъ головой.

— Этого *не желаютъ*... И не желаютъ такія лица, желанія которыхъ для насъ равносильны приказанію...

Фрейгерръ въ свою очередь бросилъ пытливый взглядъ на слѣдователя... Полно, правду-ли ты говоришь? Впрочемъ, у бѣглеца были друзья въ столицѣ—друзья „высокопоставленные"... Даже министръ одинъ былъ какъ-то сродни ему...

— Для меня это все равно, произнесъ старикъ, потому что для меня *онъ* уже не существуетъ... Я похоронилъ племянника.

— А если онъ обратится къ вамъ за помощью?

— Кто—*онъ*? Я вамъ сейчасъ сказалъ, что у меня *нѣтъ* его!...

Слова эти Манштейнъ проговорилъ твердымъ, рѣшительнымъ тономъ.

— Я знаю — вы желали, чтобы онъ лишилъ себя жизни...

Фрейгерръ удивленно посмотрѣлъ на Питта.

— Да, я желалъ этого... Я думалъ, надѣялся, что у него осталась еще искра чести... Лучше смерть, чѣмъ—

Библиотека "Руниверс"

позоръ, но... онъ и подлецъ, и трусъ въ тоже время! Это—*первый* Зельдитцъ, о которомъ *можно* такъ отозваться!... Послушайте, не будемъ больше говорить о подобномъ выродкѣ! Онъ отравилъ послѣдніе дни мои... Мнѣ надо постараться *совсѣмъ* позабыть его... Пойдемъте побродить по саду!

И они медленно сошли съ веранды.

Фрейгерръ уже давно желалъ увидѣть ту, съ которой его негодный племянникъ поступилъ такъ безчестно... И сколько бѣдствій повлекъ за собою тотъ поступокъ!... Всѣмъ-ли бѣдамъ теперь конецъ, или туча еще не прошла?.. Какъ знать!... Будущее впереди, и сердце старика билось неспокойно...

Не могъ-ли онъ какъ нибудь загладить вину племянника передъ дочерью Штейна, друга своего?.. О, Маннштейнъ давно-бы ужъ постарался сдѣлать что нибудь относительно этого, если-бы одна мысль не останавливала его, мысль о томъ, что онъ когда-то любилъ мать Эльзы... Онъ былъ влюбленъ, хотѣлъ открыться ей въ любви, но у него не хватало рѣшимости: сорокалѣтній фрейгерръ робѣлъ передъ двадцатилѣтней дѣвушкой и никакъ не могъ принудить себя вымолвить роковое слово... Другъ его, молодой Штейнъ, оказался смѣлѣе—и дѣвушка отдала ему руку... Розовыя мечты Маннштейна разлетѣлись; счастье, которое было такъ близко, безвозвратно погибло... Конечно, онъ и не думалъ сердиться на Штейна (да тотъ и не зналъ о его любви), но тѣмъ не менѣе прежніе друзья стали рѣже встрѣчаться, а съ предметомъ *первой* любви своей фрейгерръ и не видѣлся съ тѣхъ поръ... Уже не надѣясь на счастье, съ сердцемъ разочарованнымъ, онъ женился вскорѣ послѣ этого и, однако-же, счастье ему улыбнулось... Счастливо прожилъ онъ съ женой нѣсколько лѣтъ и, когда ему пришлось проводить ее до могилы, горькія слезы текли по его щекамъ...

Онъ не забылъ покойницы жены своей, но помнилъ и первую любовь... Она была для него дорогимъ воспоминаніемъ. Не смотря на такой огромный промежутокъ времени, фрейгерръ все еще чувствовалъ *нѣкоторую* робость при мысли, что вотъ придется ему опять съ *ней* встрѣтиться... Однако, онъ порѣшилъ отправиться въ М*, чтобы увидѣть Эльзу, и дѣйствительно поѣхалъ туда.

Мрачные, тяжелые дни провела Эльза въ домѣ профессора. Она медленно поправлялась послѣ болѣзни и уже могла выходить въ садъ... А горячка была у нея сильная, такъ что докторъ терялъ надежду на благополучный исходъ... Но — странное дѣло: дѣвушка еще больше похорошѣла! Ея блѣдное, серьезное лицо было удивительно-прелестно... Однако, *душевно* она все еще была больна... Она не могла забыть о томъ, кого любила и какъ была низко, гнусно обманута имъ... Г-жа Штейнъ, пріѣхавшая въ М*, чтобы ухаживать за больной дочерью, ничего не могла сдѣлать, чтобы успокоить Эльзу, заставить ее забыть прошлое... Дѣвушка пуще только раздрожалась, давала запальчивые отвѣты, жалѣла, что она не мужчина (а то-бы сама отомстила!) и сѣтовала на то, что рекому заступиться за нее... „Что-жъ, вѣдь тутъ оскорбили *мѣщанку* — только!“ говорила она...

— А развѣ поручикъ ф. Платэнъ не дрался, за тебя на дуэли съ барономъ? возражала мать.

— А ты почему же думаешь, что онъ изъ за меня именно стрѣлялся? спрашивала Эльза... Почему? Развѣ этотъ поручикъ не такой-же *фонъ*? Развѣ онъ не воображаетъ, что въ жилахъ у него течетъ *особенная* кровь, высшаго достоинства?.. Ну, баронская пуля ранила его... Что-жъ изъ этого? Мнѣ вѣдь не легче... Впрочемъ... нѣтъ! въ головѣ у меня путаница какая-то... Ни въ кого я теперь не вѣрю! Я мечтала прежде, что величайшее счастье для женщины на землѣ — это семейная жизнь, быть постоянно съ мужемъ, заботиться о своемъ очагѣ — и я вѣрила въ такое счастье, а теперь—нѣтъ: оно ужъ невозможно, потому что *никогда* и *никого* больше я не полюблю!..

Потомъ она старалась убѣдить мать въ томъ, что если дѣвушекъ оскорбляютъ, то это потому, что онѣ вообще безпомощны, однако это не совсѣмъ такъ: женщины вовсе не слабы по природѣ и, если начнутъ побольше обращать на себя вниманія, то крѣпко станутъ на свои ноги...

— Я не хочу быть зависимой отъ мужчины! воскликнула Эльза. Я не хочу имѣть *господа* и добьюсь самостоятельности: буду стоять съ *нимъ* на одной доскѣ!.. Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не клиномъ-же свѣтъ сошелся?!.. Будто и для насъ не найдется уголка?...

— Ты что-жъ это задумала? спросила г-жа Штейнъ встревоженнымъ голосомъ.

— Я... и сама еще не знаю, отвѣтила Эльза,—но я хочу жить,. жить, чтобы закалиться! Отказалась я отъ счастья семейной жизни—ну, такъ стану-же искать себѣ другаго...

Фрейгерръ, какъ только пріѣхалъ въ М*., сейчасъ-же отправился къ профессору Вертеру:—очень ужъ хотѣлось ему поскорѣй увидѣть Эльзу... Но онъ и не зналъ, что мать ея была уже тутъ, иначе онъ не обнаружилъ-бы такой прыткости.

Пройдя садомъ, Маннштейнъ столкнулся у бесѣдки съ Эльзой и—обомлѣлъ... Передъ нимъ призракъ.!. привидѣніе... стройная, прелестная дѣвушка... знакомая ему! Неужели-же прошло съ *тѣхъ поръ двадцать пять лѣтъ*? Не можетъ быть! Онъ опять видитъ *ее*... Или это — сонъ?..

(Продолженіе будетъ).

Изъ города.

(Изъ галлереи маленькихъ картинокъ).

Ребятишки вбѣжали въ избу и взвизгнули:

— Тятька ѣдетъ! Спчасъ съ горки спустится! Тятька!..

Бабушка, кряхтя, стала слѣзать съ печки, а Дуняша, старшая дочь хозяина, выскочила на дворикъ вслѣдъ за ребятишками, которыхъ ужъ и слѣдъ простылъ: всѣ они устремились на встрѣчу тятькѣ.

— Ну, слава тѣ, Господи—цѣлъ значитъ! прошамкала старушка и вышла на крыльцо. Все-ли только привезъ-то? обратилась она къ Дуняшѣ.

— Поглядимъ—увидимъ, отвѣтила Дуняша, а сама подумала: «Бѣда ежели горшки побилъ! Совсѣмъ мы безъ горшковъ нонече сидимъ!.. Вона—ѣдетъ!

Еще издали увидѣла она, что батька, Степанъ Кузьмичъ, что то не твердо сидитъ въ телѣгѣ, покачивается, а пѣгашку погоняетъ, какъ будто и ни вѣсть сколько ѣхать до двора осталось!..

— Ну, баушка, кажись, онъ съ «праздничкомъ!» замѣтила Дуня. Такой развеселый... Качается! Вишь ты какъ!..

— Охъ, не вижу!.. Глаза-то мои старые... Шапка-то на немъ.

— Въ, шапкѣ, баушка, въ шапкѣ!

— Ну, коли шапку не потерялъ — ничаво еще, не великъ, значитъ, праздничекъ-то!

— Здравствуйте, ба-а-бы! Вотъ и мы!

И вслѣдъ за этимъ привѣтствіемъ телѣга съ шумомъ подкатилась къ крылечку. Ребятишки бѣжали за ней. Пѣгашка самъ остановился.

— Тпррр! Вотъ и я дома. Здравствуйте! воскликнулъ Степанъ Кузьмичъ и съ нѣкоторыми усиліями сталъ слѣзать съ телѣги. Э-эхъ, какъ закачало!...

— То-то! Чудо, что шапку-то на дорогѣ не забылъ, проворчала бабушка:—и не грѣхъ это тебѣ, Степанъ?

Дуня уже взобралась на телѣгу. Ребятишки загалдѣли, обступивъ тятьку.

— Давай гостинчика! Пряничковъ дай! Тя-я-тя!

— Дамъ, дамъ! Цыцъ—вы! Ахъ, оглашенные!.. Грѣхъ? Какой

Библиотека "Руниверс"

грѣхъ? заговорилъ Степанъ Кузьмичъ. Ахъ, ты, старая!.. Нѣтъ, я—все, какъ слѣдоваетъ... въ порядкѣ, а точно что на паромѣ... угощеніе... Д—да! Такъ опять же я тутъ не причиненъ, потому, ежели самъ баринъ...

— Баушка! крикнула Дуня: — глянь-ка — вотъ такъ распрекрасный горшокъ! Ай-яй! И самый что ни на есть большой... По-чи-пилъ!.. Еще два!..

— Тятя, пряничковъ! Да-а-ай! запищали дѣти.

— Пряничковъ? Хе-хе... Нѣтъ у меня пряничковъ! Дороги—охъ, дороги ноньче пряники... А яблочковъ привезъ, дѣтки, привезъ... Сичасъ всѣхъ обдѣлю! И Гришуткѣ, и Мушуткѣ, и Сидоркѣ, и Сысойкѣ—всѣмъ! Кушайте! Не простыя яблочки—городскія! Гришутка, держи рубаху-то!

Бабушка доплелась до телѣги.

— Что-жъ ты это, Степанъ Кузьмичъ—а?

— Ну? Говори, говори—не бось... Я—ничего!

И Степанъ Кузьмичъ даже подбоченился.

— Какъ ничего? возразила Дуня: изъ шести горшковъ—три побиты! ..

— Н-ну?.. Побиты?.. Поди-жъ ты вотъ!

— Али денегъ у насъ много? спросила старуха.

— Сказано—скудельный сосудъ, ну, и выходитъ—правда истинная. Кажись, хорошо уложили, а побились!..

— Разсказывай! Вотъ и посылай такого покупателя! Погоди ужо—придетъ жена: она те задастъ!

— Мнѣто-то? Хе!.. А кто я теперича? Ну-ко?..

— Винищемъ несетъ, а спрашиваетъ! Ты вотъ ужо у Настасьи своей спроси—она скажетъ.

— Ну, и пущай... А я кто теперича? Сказать? Испугать тебя?

Бабушка рукой махнула.

— Говорить-то съ тобой—грѣхъ одинъ! Лучше уйду.

— Стой!.. Степанъ Кузьмичъ—судья, настоящій судья! Повяла ты это слово?.. Вотъ кто я нонече. Н—да!..

— Рехнулся онъ у васъ никакъ, обратилась старуха къ дѣвушкѣ, продолжавшей рыться въ телѣгѣ.

— И стану я, значитъ, въ городѣ, судить всѣхъ... сообща, не одинъ, а въ компаніи, заговорилъ Степанъ Кузьмичъ,—потому такой законъ нонѣ вышелъ! Захочу—прощу, захочу—въ Сибирь сошлю... любаго—барина-ли, мужика-ли—все единственно! А? Матрена Поликарповна? Вонъ мы куда залетѣли! Въ самый судъ!.. Страсть!

— Очумѣлъ ты, Степанъ, али шутки шутишь?

— Выпей кваску, предложила Дуня.—Принести?

— Пошла ты—съ квасомъ своимъ!.. Что-жъ ты меня, старуха, не проздравляешь—а?..

— Да гдѣ это тебя угораздило въ судьи-то попасть? спросила Матрена Поликарповна жалостливымъ голосомъ.

— На паромѣ, матушка, на паромѣ! Такъ и быть—разскажу. Я переѣзжалъ и баринъ съ колясской переѣзжалъ. Такой славный баринъ, обходительный, усы-то у него почище исправничьихъ... Ну, сичасъ это онъ со мной въ разговоръ вступилъ, а перво на перво угостилъ господской водкой—ну ужъ и водка! Сладкая, крѣпкая такая, что—унеси ты мое горе!.. При емъ эта самая фляга-то находится, бутыль, значитъ, у няво на ремешкѣ...» Пей, говоритъ, пей на здоровье, потому ты теперича нашъ судья! Коли я, говоритъ, въ чемъ промахнусь, примѣрно то ись супротивъ закона, ну, сичасъ дюжину васъ и посадять въ судъ чтобы судить меня!... А самъ-то такъ и смѣется, и все это наровитъ меня по шапкѣ... легонько эдакъ... «Эхъ, ты, судья! Пей на здоровье! Коли ежели придется, говоритъ, осуждать меня—смотри: не очень-то чтобы строго!..» А я и спрашиваю: когда же насъ сажать-то будутъ въ судъ?.. Ну, и сталъ онъ тутъ мнѣ насчетъ порядковъ новыхъ разсказывать... Примѣрно, говоритъ, законъ—закономъ, а совѣсть—совѣстью... Такъ! Ну, безпремѣнно нужно, чтобы двѣнадцать мужиковъ было въ судѣ... Ежели не хватаетъ—сичасъ посылаютъ, примѣрно, ко мнѣ: «Степанъ Кузьмичъ, маршъ въ городъ—судью надоть! Поживѣй, братецъ!..» Насчетъ уваженія тамъ... Да что вы, бабы, понимаете? вдругъ оборвалъ Степанъ Кузьмичъ и велѣлъ дочери распрягать пѣгашку а самъ отправился въ избу.

Молодая американка

Въ нѣкоторыхъ кружкахъ нашего общества до сихъ поръ еще существуютъ самыя превратныя понятія объ американской жизни. Инымъ нашимъ соотечественникамъ, основывающимся на весьма одностороннихъ и нисколько не компетентныхъ отзывахъ, Америка представляется обѣтованной страною свободы, равенства, образованности и баснословныхъ капиталовъ. Между тѣмъ отзывы новѣйшихъ путешественниковъ и изслѣдователей показываютъ оборотную сторону медали, и такимъ образомъ оказывается, что къ Америкѣ можно очень удачно примѣнить русскую пословицу: славны бубны за горами. Эта великая и чрезвычайно богатая страна представляетъ ловкому человѣку всевозможныя средства для наживы; но именно эта погоня за наживой, привлекающая массу переселенцевъ изъ Европы, не можетъ не имѣть вреднаго вліянія на общественную нравственность. Свобода и равенство, составляющія знамя республики, превращаются часто въ слова безъ значенія при огромномъ вліяніи долларовъ на первомъ мѣстѣ фигурирующихъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ общественной жизни. Образованность или, вѣрнѣе, грамотность дѣйствительно очень развита въ народѣ, школы процвѣтаютъ; но рядомъ съ этимъ отраднымъ явленіемъ представляется необыкновенное распространеніе самыхъ разнообразныхъ и нелѣпыхъ сектъ, совершенно искажающихъ религіозныя и нравственныя понятія человѣка.

Передъ нами портретъ молодой американки — энергичное, осмысленное лицо, съ выраженіемъ смѣлости и самостоятельности. Эта смѣлость и самостоятельность являются результатомъ воспитанія, которое дается американскимъ женщинамъ. Дѣвушка въ Америкѣ не живетъ замкнутою, домашнею жизнью; она учится въ школахъ, гдѣ рядомъ съ нею сидятъ товарищи мальчики. Рано пріучается она обходиться безъ присмотра нянекъ и гувернантокъ, не боится одна ходить по улицамъ и считаетъ совершенно удобнымъ пуститься безъ провожатаго даже въ дальнее путешествіе. Когда ея образованіе окончено, для нея представляется возможность довольно широкой общественной дѣятельности, наравнѣ съ мужчиной. Она, если только удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, можетъ быть докторомъ, учителемъ, профессоромъ, адвокатомъ. Ее даже выбираютъ въ составъ jury. Все это прекрасно и дѣлаетъ честь тѣмъ, не особенно впрочемъ многочисленнымъ, женщинамъ, которыя дѣйствительно обращаютъ на себя вниманіе своею разумною и серьезной дѣятельностью. Но полная свобода, предоставленная американскимъ дѣвушкамъ, имѣетъ и другія стороны. Находясь внѣ вліянія родителей и не обладая достаточной опытностью, онѣ часто впадаютъ въ ошибки и позволяютъ себѣ поступки, которыя весьма основательно шокируютъ нравственныя понятія европейцевъ. Впрочемъ въ Америкѣ до сихъ поръ ощущается недостатокъ въ женщинахъ, а потому рѣдкая дѣвушка не выходитъ въ концѣ концовъ замужъ. Найдя же мужа, большинство изъ нихъ проникается сознаніемъ своихъ обязанностей и превращается въ честныхъ и хорошихъ семьяниновъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

При этомъ № нашего журнала мы прилагаемъ большое объявленіе о подпискѣ на „Ниву“ въ 1876 году, съ подробнымъ извѣщеніемъ о томъ, что мы предполагаемъ дать въ будущемъ году. Это объявленіе заключаетъ въ себѣ образцы гравюръ помѣщаемыхъ въ нашемъ журналѣ и перечень главныхъ статей, которыя готовятся нами къ печати. Но такъ какъ наши постоянные читатели конечно знакомы достаточно съ направленіемъ и статьями „Нивы“, то мы покорнѣйше просимъ всѣхъ гг. нашихъ подписчиковъ распространять прилагаемыя объявленія о подпискѣ на „Ниву“ въ 1876 году между своимъ обществомъ для ознакомленія публики съ цѣлью и способомъ веденія нашего журнала, предназначеннаго для семейнаго чтенія и въ теченіи шести лѣтъ прилагающаго значительныя усилія для выполненія этой задачи.

Кромѣ того предлагаемъ обратить вниманіе на наши изданія, перечисленныя въ томъ же объявленіи, которыя мы для нашихъ подписчиковъ отдаемъ съ значительною уступкою.

Библиотека "Руниверс"

Молодая американка. Рисов. Томсонъ, гравир. Блекфильдъ.

Библиотека "Руниверс"

Слѣпой свидѣтель

Съ англійскаго.

I.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Сэттонъ сдѣлался красивымъ зажиточнымъ городкомъ, и вмѣщаетъ въ своихъ предѣлахъ нѣсколько тысячъ трудолюбиваго населенія; но въ то время, когда случилось описываемое нами происшествіе, онъ еще носилъ скромное названіе селенія, и обращалъ на себя вниманіе проѣзжаго развѣ только своимъ необыкновенно живописнымъ мѣстоположеніемъ. Въ одной изъ узкихъ но чистенькихъ улицъ селенія жилъ Лука Чепмэнъ.

Трудно вамъ сказать, что это былъ за человѣкъ.

Общее мнѣніе жителей Сэттона единодушно называло его страннымъ, но я думаю потому, что иначе не съумѣло опредѣлить личность, такъ мало на нихъ самихъ похожую. Лука Чепмэнъ былъ поразительно высокаго роста, съ черными жгучими глазами; тяжелый подбородокъ придавалъ его смуглому и суровому лицу если не упрямое, то необыкновенно твердое выраженіе; а смотря на его высокую, широкоплечую фигуру, такъ и казалось, будто могучая мать природа, однимъ взмахомъ тяжелаго рѣзца, выточила изъ глыбы гранита мрачнаго титана.

Гдѣ онъ прежде жилъ? кто онъ былъ? никто ничего достовѣрно не зналъ; но тамъ гдѣ не достанетъ положительныхъ фактовъ всегда поможетъ вымыселъ, пополнитъ всякій пробѣлъ. Жилъ Лука одинъ въ небольшомъ домикѣ, ни съ кѣмъ не заводя короткаго знакомства; жилъ не трудясь, и сейчасъ же нашлись люди знающіе, что онъ гдѣ-то былъ кузнецомъ, накопилъ много-много денегъ и живетъ теперь на свой капиталъ. Заглядывали любопытные въ его окна, не разъ видѣли его за книгой—и онъ прослылъ ученымъ. У него была привычка гулять по вечерамъ; выйдетъ онъ мрачный, углубленный въ свои мысли, чуждый всего что дѣлалось вокругъ,—а простодушные жители Сэттона съ разинутымъ ртомъ глядятъ ему вслѣдъ, и недоумѣваютъ: о чемъ можетъ такъ думать человѣкъ. Не долго мучили они свои незамысловатыя головы надъ этимъ вопросомъ и скоро рѣшили, что Лука Чепмэнъ не таковъ какъ они грѣшные, что живетъ онъ не мирскими интересами, рѣшили—что онъ крайне религіозный человѣкъ. Мнѣніе это еще болѣе подтверждалось тѣмъ, что два или три раза, въ ясный лѣтній вечеръ Лука собиралъ у крыльца своего дома толпу поселянъ и поучалъ ихъ слову Божію.

Напротивъ его дома жила единственная портниха Сэттона. Оставшись вдовой, безъ всякихъ средствъ къ существованію, она была вынуждена собственнымъ, и далеко не легкимъ трудомъ зарабатывать себѣ хлѣбъ. Но вскорѣ число заказовъ начало быстро увеличиваться, и наконецъ ихъ оказалось такъ много, что ей пришлось взять въ подмогу двухъ молодыхъ дѣвушекъ. Объ имени одной изъ нихъ мы умалчиваемъ: до нее мы не имѣемъ никакого дѣла; другую же звали Китти.

Китти не даромъ называлась красавицей Сэттона: большіе каріе глаза выразительно глядѣли изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ; русыя кудри золотистыми волнами спускались по бѣлымъ, стройнымъ плечамъ, а чудный голосъ часто заставлялъ проходящихъ останавливаться подъ окномъ, гдѣ она шила. Но увы, насколько она была извѣстна своей красотой, настолько же и самымъ отъявленнымъ кокетствомъ, не знавшимъ границъ. Къ несчастію для разборчивой красотки, Сэттонъ въ тѣ дни не могъ похвалиться ни количествомъ, ни качествомъ своихъ жениховъ, а тѣ немногіе которыхъ онъ насчитывалъ, не приходились ей по вкусу, и всѣ безъ исключенія подвергались самымъ немилосерднымъ насмѣшкамъ. Какъ часто бываютъ въ нашей жизни обстоятельства, сами по себѣ ничтожныя, и проходятъ они незамѣченныя нами, а между тѣмъ въ послѣдствіи они оказываются минутами для насъ роковыми, минутами погубившими многія и многія годы счастія, если не самой жизни.

Такова была для Китти та минута, когда она въ первый разъ обратила вниманіе на Луку Чепмэна.

Это случилось вечеромъ: онъ сидѣлъ у открытаго окна и читалъ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца теплымъ яркимъ блескомъ освѣщали и смягчали суровое лицо, наклоненное надъ книгой. Некрасивый но видный мужчина, онъ былъ богатъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ, а это заманчиво подстрекало самолюбіе кокетки, и она рѣшилась покорить во что бы то ни стало желѣзное сердце сосѣда. Какая слава, какая побѣда, когда всѣ узнаютъ о слабости этого святоши! Какъ онъ покажется на глаза своимъ слушателямъ?

Не впервые приходилось Китти умышленно сводить съ ума избранную жертву, однако на этотъ разъ побѣда далась съ трудомъ и первая попытка походила скорѣе на неудачу. Встрѣтивъ упорный взглядъ темныхъ глазъ сосѣдки, Лука тотчасъ затворилъ окно и ушелъ въ глубину комнаты.

Китти усмѣхнулась.—«Воротится!» съ увѣренностью сказала она, и не ошиблась.

Когда на другое утро Лука по обыкновенію сѣлъ къ окну и поднялъ глаза, его встрѣтилъ робкій взглядъ молодой дѣвушки и хорошенькая головка раскраснѣвшись застѣнчиво склонилась надъ работой. Онъ крайне удивился, но принялся за чтеніе, а Китти продолжала работать. Однако любопытство не давало ему покоя, и онъ какъ-то невольно взглянулъ на противоположное окно: глаза ихъ встрѣтились. На этотъ разъ Лука долго разсматривалъ свою сосѣдку, и когда снова нагнулся надъ раскрытой страницей, то Китти съ торжествомъ замѣтила, что его глаза не пробѣгали по строкамъ, но задумчиво глядѣли въ одну точку.

Такъ продолжалось нѣсколько дней, Сказать, что онъ въ нее влюбился,—она не могла; но могла смѣло заключить изъ его долгаго пребыванія у окна, что сосѣдъ находилъ нѣкоторую прелесть въ нѣмомъ созерцаніи ея красоты.

Однажды они встрѣтились на прогулкѣ и степенный Лука покраснѣлъ какъ школьникъ. Въ смущеніи онъ не зналъ: продолжать путь или остановиться; наконецъ рѣшился на послѣднее и съ неловкимъ поклономъ подошелъ къ Китти. Заговорить, безъ всякой причины къ знакомству было трудно; но погода, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, вѣрно сослужила ему свою службу; отъ нее онъ перешелъ къ другимъ столь же исчерпаннымъ предметамъ разговора. Китти на все отвѣчала, скромно потупивъ глаза; еслибъ она подняла ихъ на своего собесѣдника, то увидѣла бы, какъ онъ жадно въ нее всматривался, и поняла бы, можетъ быть, какъ опасно шутить съ такимъ человѣкомъ, какъ Лука Чепмэнъ.

На его просьбу сопровождать Китти на прогулку, она отвѣчала утвердительно, но съ замѣшательствомъ и какъ бы не охотно. Всѣ женщины никогда не даютъ, чего у нихъ просятъ, безъ оговорки, хорошо сознавая, что эта оговорка въ десять разъ подниметъ цѣну ихъ отвѣта. Прогулка въ чудный лѣтній вечеръ съ прелестнымъ созданіемъ, ея застѣнчивыя взоры, робкій но звучный голосъ, и краснорѣчивый румянецъ, вспыхивающій по временамъ—рѣшили судьбу Луки. Онъ возвратился одинъ, безъ ума влюбленный въ Китти.

Любовь, какъ тщательно ее ни скрывай, всегда выйдетъ въ наружу, всегда отразится не только на духовной, но и на внѣшней сторонѣ человѣка. Такъ и перемѣна, происшедшая съ Лукой не прошла незамѣченною. Лицо его приняло болѣе мягкое и пріятное выраженіе; голова, мало до тѣхъ поръ знакомая съ помадой, распространяла ароматъ духовъ; сапоги прилежно вычищенные блестѣли на солнцѣ, а бѣлизна воротника могла бы удовлетворить самую взыскательную нѣмку.

Скрытный отъ природы, Лука не выдавалъ своихъ чувствъ ни малѣйшими намеками. Правда, что лицо его смягчалось, когда онъ встрѣчалъ любимую дѣвушку; голосъ, обращаясь къ ней, звучалъ нѣжнѣе обыкновеннаго! Но не этого надо было Китти: она ждала страстныхъ клятвъ, а встрѣчала только сдержанность; хотѣла сдѣлать его посмѣшищемъ всего селенія — и не могла.

Посвященная во всѣ таинства кокетства, она не знала одной великой тайны—сердца мужчины. Она не знала сколько страсти и пылкихъ надеждъ пробудила подъ холодной наружностью своей жертвы.

Около того времени въ деревнѣ Сэттонъ появилась новая личность, молодой и красивый Мартынъ Шерардъ, посланный отцомъ къ одному изъ сэттонскихъ фермеровъ, учиться сельскому хозяйству. Онъ познакомился съ Китти, и вскорѣ ихъ знакомство и сближеніе стали предметомъ разговоровъ всего селенія, тѣмъ болѣе что Мартынъ не разъ высказывалъ свое намѣреніе жениться на красавицѣ.

Мало есть друзей на свѣтѣ, въ особенности въ минуты горя и несчастія, но у кого не найдутся такіе, которые посѣщать принести вамъ непріятную вѣсть. Не безъ такихъ друзей остался и Лука. Ему разсказали, конечно съ разными прибавленіями объ отношеніяхъ между Китти и Мартыномъ, но онъ холодно отвѣчалъ, что у него у самаго есть глаза, чтобъ видѣть. Непрошенные доброжелатели ушли увѣренные, что онъ никогда не любилъ Китти. Слѣпые! они не видѣли и не поняли, какая жгучая ревность, какое отчаяніе, какая безпощадная жажда мести бушевала подъ невозмутимою наружностью этого холоднаго лица. Но никогда его бѣшенство не доходило до тѣхъ предѣловъ, какъ тогда, когда онъ видѣлъ Китти у окна. Съ какого права посылала она ему теперь эти блестящіе взгляды? Съ какого права эти розовыя губки, на которыхъ еще горѣли поцѣлуи Мартына Шерарда, такъ сладко улыбались ему?

II.

Однажды вечеромъ, это было уже осенью. Лука вышелъ на свою ежедневную прогулку. Вечеръ былъ чудный; пылающее солнце закатывалось за синими холмиками; лѣсные пѣвцы доканчивали свою прощальную пѣснь, а впереди раскинулось селеніе — мирная картина. Но не мирно было на душѣ у гуляющаго. Его темное лице и блѣдныя губы выражали глубокое страданіе; черные глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ; страсть, не дававшая ему ни сна, ни покоя бурно кипѣла въ груди.

Пройдя съ версту отъ деревни, Лука очутился у небольшаго,

Библиотека "Руниверс"

но глубокаго пруда, носящаго названіе «Чернаго», а для большей безопасности отдѣленнаго отъ дороги крѣпкой рѣшеткой. Лука машинально остановился, и облокотясь на перила заглянулъ въ темную глубину пруда. Мысль о самоубійствѣ неотвязно преслѣдовала его. Ему казалось будто какой то голосъ манилъ его изъ пучины, сулилъ ему и забвеніе терзавшаго его горя, и покой его страдающей душѣ.

Между тѣмъ стемнѣло: звѣзда упала съ неба, исчезая въ темной дали: одинокая птица гдѣ-то допѣвала запоздалую пѣснь, а Лука все стоялъ и заглядывалъ въ черныя воды.

Звуки голосовъ заставили его вздрогнуть. Не желая быть замѣченнымъ, онъ обошелъ перила и скрылся подъ густою тѣнью деревьевъ.

«Я вамъ уже говорила», воскликнулъ женскій знакомый ему голосъ, «что я буду танцовать съ Вальтеромъ сколько хочу, и буду!»

— «А если я этого не желаю?» спросилъ ее спутникъ.

— «Вы еще не имѣете права мнѣ приказывать!»

— «Китти, подумайте что вы говорите, вѣдь это жестоко и несправедливо!»

— «Нисколько! Вы просили меня идти съ вами на ярмарку, и я пошла; но вовсе не для васъ, а для того чтобъ самой повеселиться. А такъ какъ мнѣ было весело танцовать съ Вальтеромъ—онъ такой ловкій и любезный—и я танцовала!»

— «Но вы моя невѣста, а не Вальтера. Китти! ны ни во что не ставите желаніе вашего будущаго мужа?»

— «Если я не могу дѣлать, что хочу, даже танцовать съ кѣмъ мнѣ нравится, такъ я очень сожалѣю, что согласилась выйти за васъ».

— «Можете прекратить ваши сожалѣнія», обиженнымъ тономъ отвѣчалъ Мартынъ.

— «А! значитъ вы отдаете мнѣ назадъ мое слово? я вамъ очень благодарна, только жаль, что вы такъ долго дурачили меня передъ другими. Вальтеръ этого бы не сдѣлалъ!

— «Если вы предпочитаете Вальтера мнѣ, берите его: я вамъ не помѣха».

— «Очень хорошо! И теперь г. Шерардъ, я попрошу васъ уйти».

— «Но я долженъ васъ проводить до дому».

— «Нѣтъ, я этого не хочу и не позволю. Я васъ теперь ненавижу! идите! Я скорѣе всю ночь просижу здѣсь, чѣмъ идти съ вами».

И говоря это она въ самомъ дѣлѣ подошла къ берегу и сѣла на лежащій у пруда камень. Мартынъ смотрѣлъ на нее и колебался.

— «Убирайтесь же прочь!» съ гнѣвомъ закричала она.

Не говоря ни слова, Мартынъ повернулся и ушелъ; и въ вечерней тишинѣ только звучали его удалявшіеся шаги.

— «Позвольте *мнѣ* васъ проводить?»

Китти вскрикнула отъ испуга. Появленіе Луки испугало ее, а густой голосъ такъ страшно звучалъ среди этой мрачной обстановки. Онъ повторилъ свое предложеніе.

Китти встала, но невольно отступила на нѣсколько шаговъ.

— «Я отказала одному влюбленному», отвѣчала она съ напускною веселостью, «и не должна идти съ другимъ».

Онъ приблизился и нагнулся надъ нею.

— «Влюбленный!» повторялъ онъ хриплымъ, но дрожащимъ отъ ярости голосомъ: «такъ вы сдѣлали это только съ тѣмъ, чтобъ разбить мое сердце! чтобъ потѣшиться и бросить потомъ какъ ненужную игрушку! чтобъ погубить всю, всю мою жизнь!»

Китти дрожала, но не хотѣла выказать своего страха.

— «Никто васъ не просилъ меня любить!»

— «Но вы сами поощряли меня».

— «А если я это и дѣлала, то все таки отъ васъ же зависѣло любить меня или нѣтъ. Никто не заставлялъ. Ахъ! что... это...»

Она хотѣла продолжать, но сильная, тяжелая рука съ яростью сжала ей горло, давила его все сильнѣе и сильнѣе.

Страшно было лицо глядѣвшее на несчастную: глаза налились кровью, жилы бились; лицо побагровѣло и онъ весь походилъ на злаго демона, настигнувшаго свою жертву. А между тѣмъ жертва напрасно билась въ его желѣзныхъ рукахъ. Онъ наслаждался ея страшной агоніей, наслаждался при видѣ, какъ судороги искажали красивое личико, какъ посинѣлыя губы напрасно силились пропустить въ стиснутое горло глотокъ воздуха. Но вдругъ борьба прекратилась. Голова свисла на сторону въ рукахъ убійцы. Онъ поднялъ безжизненное тѣло въ свои могучія руки и бросилъ въ Черный прудъ.

Шумъ паденія тѣла глухо раздался въ ночной тишинѣ. Преступникъ стоялъ какъ вкопанный и смотрѣлъ на расходящіеся круги и пузыри прыгавшіе въ черной, мутной водѣ.

— «Что это за плескъ? спросилъ кто-то позади. Лука вздрогнулъ и повернулся.

Передъ нимъ стоялъ сгорбленный старикъ опираясь на палку.

— «Я слѣпъ», сказалъ старикъ, «но чувствую, что здѣсь есть что-то».

— «Я здѣсь!» отвѣчалъ Лука.

— «А, такъ это вы сейчасъ упали въ воду?»

— «Нѣтъ, но я неосторожно налегъ на перила, они сломались и упали въ воду».

Слѣпой недовѣрчиво покачалъ головой.

— «Нѣтъ, это было тяжелѣе доски».

— «Я же вамъ говорю», нетерпѣливо поразилъ Лука, «что перила стары и гнилы, а я тяжелъ; налегъ— они и сломались».

Старикъ ощупалъ перила палкою.

— «Да вѣдь они всѣ цѣлы!» воскликнулъ онъ съ удивленіемъ.

Убійцу охватилъ ужасъ и онъ бросился бѣжать.

III.

Отсутствіе Китти было скоро замѣчено. Всѣ знали что Мартынъ Шерардъ провожалъ ее на ярмарку и разумѣется къ нему первому обратились съ распросами. Онъ разсказалъ, что на возвратномъ пути они поссорились, она отказала ему и не захотѣла идти съ нимъ далѣе; онъ возвратился одинъ, разставшись съ нею у Чернаго пруда.

Безпокойное выраженіе его лица, горечь съ какою онъ отзывался о своей бывшей невѣстѣ и самый отвѣтъ возбудили подозрѣнія.

Прошелъ день, другой, Китти не возвращалась. Наконецъ портниха, у которой она работала, дала знать властямъ. Начались розыски. Намекъ Мартына на Черный прудъ заставилъ обратить особенное вниманіе на эту мѣстность, и послѣ долгихъ поисковъ, тѣло несчастной дѣвушки было найдено на днѣ пруда. Ее понесли въ селеніе. Страшно было смотрѣть на это обезображенное тѣло, со скрюченными руками, синее, опухшее, покрытое тиной; а на тонкой шеѣ виднѣлась темная полоса.

Мартына заарестовали одновременно съ нахожденіемъ тѣла, и обвинили въ убійствѣ. Насталъ и самый день суда, и собраніе единодушно выбрало въ предсѣдатели богобоязненнаго и уважаемаго всѣми Луку Чепмэна.

Комната, гдѣ лежало тѣло, быстро наполнилась народомъ; около стола собрались присяжные, а напротивъ ихъ стоялъ обвиняемый.

Судъ шелъ обыкновеннымъ порядкомъ. Показанія подсудимаго были ясны и не сбивчивы, Онъ повторилъ все тоже, что говорилъ прежде, объяснивъ также причину ихъ ссоры.

Эти показанія встрѣтили вообще недовѣріе.

Онъ-же поссорился съ нею! Онъ послѣдній видѣлъ ее въ этотъ вечеръ! Онъ, а никто другой, находился съ нею у Чернаго пруда! Кто же послѣ этого могъ убить ее (о самоубійствѣ не было и рѣчи), какъ не онъ?

Лука Чепмэнъ все это время не смѣлъ взглянуть на свою жертву. Блѣдный, взволнованный онъ смотрѣлъ то на собраніе то на подсудимаго; однако блѣдность его никого не поразила: развѣ онъ не любилъ несчастную, лежащую теперь передъ нимъ?

Но вдругъ въ залѣ сдѣлалось движеніе и всѣ глаза невольно устремились на толпу, стоявшую у двери. Она разступилась и передъ судьями предсталъ слѣпой старикъ. Сердце Луки замерло.

Свидѣтель желалъ дать показанія. Проходя въ тотъ вечеръ мимо Чернаго пруда, онъ услышалъ шумъ какъ бы отъ паденія тѣла въ воду. Подойдя ближе, его тонкій слухъ сейчасъ почувствовалъ присутствіе человѣка. На его вопросы, этотъ человѣкъ отвѣчалъ, что онъ сломалъ своею тяжестью перилы и они упали въ прудъ. Когда же онъ, свидѣтель, удостовѣрился въ лживости показанія, обманщикъ убѣжалъ, что заставляетъ его думать, что это былъ самъ убійца. Кто можетъ положиться на удостовѣреніе слѣпаго? но въ одномъ онъ твердо увѣренъ, а именно въ томъ, что подсудимый, голосъ котораго онъ теперь слышалъ, не есть убійца. Голосъ, который онъ слышалъ въ тотъ вечеръ, былъ совсѣмъ другой. Того, разъ услышавши, въ вѣкъ не забудешь.

Когда же слѣпаго попросили описать необыкновенный голосъ преступника, онъ выразился такъ неясно, такъ неопредѣленно, что описаніе подходило ко всякому, равно и къ Мартыну Шерарду.

Присяжные по долгомъ совѣщаніи вынесли обвинительный приговоръ.

Чтеніе приговора, пало на долю Луки какъ предсѣдателя. Онъ заранѣе трепеталъ при мысли о послѣдствіяхъ этого чтенія передъ слѣпымъ слушателемъ. Собравшись съ силами и стараясь придать болѣе твердости своему дрожащему голосу, онъ тихо и ясно прочелъ приговоръ! Но едва успѣлъ окончить послѣднія слова, какъ старикъ поспѣшно выступилъ впередъ.

— «Вотъ онъ. вотъ убійца, это его голосъ!» воскликнулъ онъ, показывая костлявой рукой по направленію къ читающему.

Лицо преступника покрылось смертельною блѣдностью; онъ закрылъ глаза руками, и съ тихимъ стономъ опустился въ кресло.

Все пришло въ смятеніе, его схватили и онъ не сопротивлялся.

— «Я убійца, я!» вскричалъ онъ въ ужасѣ: «да проститъ мнѣ Господь мое злодѣяніе!»

Его отвели въ тюрьму, и здѣсь онъ во всемъ чистосердечно признался. Судъ приговорилъ его къ смертной казни. Но когда въ день, назначенный для исполненія приговора, за нимъ пришли, чтобы вести его ка казнь,—на полу темницы нашли одно безжизненное тѣло, а произведенное слѣдствіе показало, что онъ умеръ отъ разрыва сердца.

Библиотека "Руниверс"

Яковъ Петровичъ Полонскій,

современный русскій поэтъ.

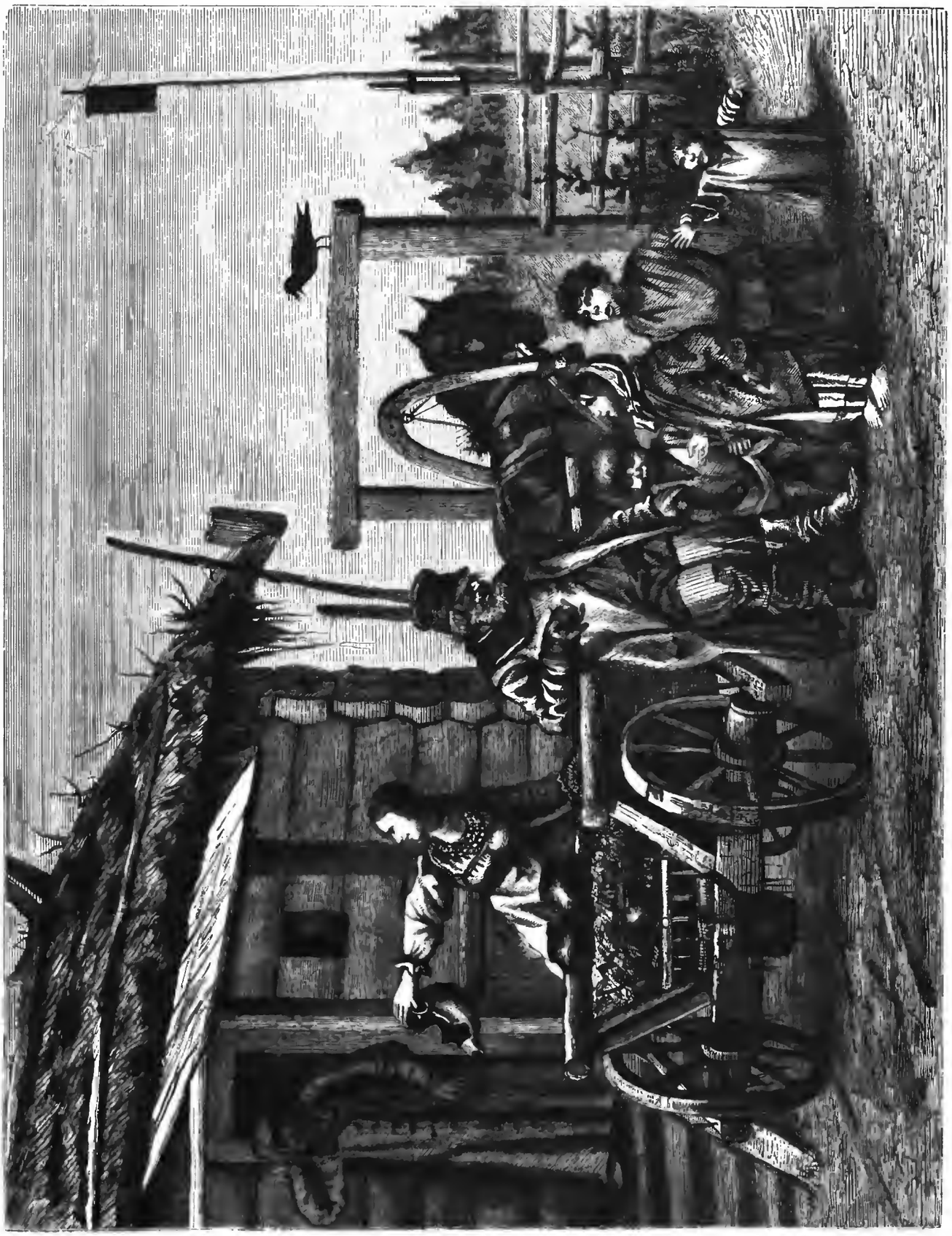
Въ семьѣ русскихъ современныхъ поэтовъ, далеко не богатой числомъ, имя Полонскаго занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ, вполнѣ по праву свѣжаго, самостоятельнаго дарованія, ярко заблестѣвшаго съ первыхъ же, явившихся въ печати произведеній его оригинальной музы.

Родился Яковъ Петровичъ Полонскій 6-го декабря 1820 года въ гор. Рязани, гдѣ отецъ его, Петръ Григорьевичъ Полонскій, служилъ въ канцеляріи рязанскаго генералъ-губернатора Балашева. Мать поэта, Наталья Яковлевна, изъ рода Кофтыревыхъ, принесла въ приданое очень значительное состояніе, и оставивъ мужу шестерыхъ дѣтей, умерла въ 1830 году. Старшій сынъ, нашъ поэтъ, при смерти матери помѣщенъ былъ въ рязанскую гимназію и затѣмъ оставленъ со своими братьями и сестрами въ домѣ родныхъ по матери, тетокъ Кофтыревыхъ, потому что отецъ, перемѣнивъ службу, переѣхалъ въ городъ Эривань, занявъ тамъ мѣсто совѣтника по отд. казенныхъ сборовъ въ Палатѣ. Живя въ Рязани, Я. П. Полонскій въ гимназическихъ классахъ уже проявлялъ присутствіе поэтическаго таланта. Когда былъ онъ въ VI классѣ, черезъ Рязань проѣзжалъ Государь Наслѣдникъ и на этотъ случай Я. П. П—ій написалъ стихи, за которые удостоилъ Августѣйшій путешественникъ поэта подаркомъ (присланы ему золотые часы). За окончаніемъ гимназическаго курса послѣдовало вступленіе въ Московскій Университетъ, съ слушаніемъ курса юридическихъ наукъ, къ которымъ поэтъ не имѣлъ никакого призванія. Нужды и всякаго рода затрудненія съ переживаемыми легко въ юности непріятностями, незамедлили окружить поэта своею безвыходною, казалось, сѣтью, а средства къ существованію давали одни частные уроки. Въ эту тяжелую пору сказалось въ поэтѣ его призваніе и окончивъ курсъ (1844 г.) университетскій, Полонскій издалъ первую книжечку своихъ стиховъ (32 пьесы) подъ заглавіемъ «Гаммы», а самъ уѣхалъ въ Одессу.

«Гаммы» новаго поэта замѣтилъ покойный Бѣлинскій и отозвался о нихъ съ похвалою въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Яковъ Петровичъ Полонскій. Рисов. Бокуръ, грав. Шапонъ.

Библиотека "Руниверс"



Изъ города. Рисунокъ Коверзнева, грав. С. Шмидтъ.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ въ торговой столицѣ южной Россіи поэтъ попалъ опять въ очарованный кругъ всевозможныхъ затрудненій, изъ которыхъ вывело его участіе школьнаго товарища (А. Бакунина), тогда занимавшаго въ Ришельевскомъ лицеѣ каѳедру. Поэтъ обставился какъ слѣдуетъ и новымъ собраніемъ (22) *стихотвореній* 1845 г. заявилъ о себѣ публикѣ. Вскорѣ состоялось опредѣленіе въ канцелярію намѣстника кавказскаго (князя М. С. Воронцова) и отъѣздъ въ Тифлисъ, гдѣ на долю поэта выпало на первый случай мѣсто помощника редактора газеты «Закавказскій Вѣстникъ». Занимаясь и не бросая поэзіи, Я. П. Полонскій издалъ въ 1849 г. третье собраніе образцовъ своего поэтическаго творчества, назвавъ его грузинскимъ словомъ «Сазандаръ» (пѣвецъ). Сюда вошли 12 стихотвореній, отличающихся силою и оригинальностью стиха и описаній. Затѣмъ (1851 годъ) г. Полонскій издалъ новыя произведенія подъ титуломъ «Нѣсколько стихотвореній»; а въ слѣдующемъ году (1852) написана имъ драма «Дареджана», помѣщенная при переселеніи съ Кавказа въ Москву въ «Москвитянинѣ» (№ 7 1852 года) Погодина. Служба на Кавказѣ дала возможность поэту посѣтить Крымъ и проѣхать по Гуріи и Мингреліи, въ видахъ поправленія здоровья, при чемъ разумѣется воспріимчивая душа поэта обогатилась новыми ощущеніями мѣстныхъ картинъ природы, возбудивъ въ Полонскомъ даже любовь къ пейзажу, доведенную имъ до возможности лично набрасывать характерныя виды. Съ Кавказа поэтъ выпросился было въ Рязань временно, въ отпускъ, чтобы увидѣться съ больнымъ отцомъ, но пребываніе въ Москвѣ и потомъ переѣздъ въ Петербургъ сдѣлали его постояннымъ обывателемъ невской столицы. Затрудненія по устройству въ новомъ городѣ не замедлили на первыхъ порахъ опять осадить поэта и довести его до болѣзни и необходимости лѣчиться въ Гапсалѣ и Гельсингфорсѣ. Издавъ въ 1855 году собраніе своихъ стихотвореній здѣсь—съ исключеніемъ только 18 пьесъ вошедшихъ въ прежнія книжки—Я. П. Полонскій отправился въ Варшаву, и заграницу, провелъ по три мѣсяца въ Баденъ-Баденѣ и Женевѣ, а зиму—въ Римѣ, гдѣ познакомился съ графомъ Кушелевымъ-Безбородко. Съ нимъ ѣздилъ въ Неаполь и оттуда въ Парижъ. Въ столицѣ Франціи совершился бракъ поэта съ первой его женою (дочерью пѣвчаго Устюжскаго). Возвращеніе поэта женатымъ уже въ Петербургъ (1859) было порою окончательнаго избранія Полонскимъ рода службы. Изданіе стихотвореній новою книгою и поэма «Кузнечикъ - музыкантъ» — едва ли не самое лучшее, самое игривое и граціозное его произведеніе, да «Разсказы» — принадлежатъ первому же времени окончательнаго переселенія въ Петербургъ поэта. Въ 1864 году въ «Эпохѣ» напечатана его поэма «Разладъ»—сцены польскаго возстанія—изданныя отдѣльною книжкою (1865 г.) Одновременно съ появленіемъ «Разлада» поставлена на сцену его драма «Свѣтъ», принятая публикою обѣихъ столицъ съ горячимъ сочувствіемъ. Въ 1866 г. напечаталъ поэтъ продолженіе своихъ поэтическихъ бездѣлокъ, назвавъ эту коллекцію «Оттиски».

Признаки блестящаго дарованія видны во всемъ, что написалъ поэтъ. Особенности таланта Полонскаго давно опредѣлились, давая право намъ считать его безъ всякаго лицепріятія однимъ изъ немногихъ замѣчательныхъ литературныхъ нашихъ дѣятелей.

Похоронная процессія въ Венеціи.

Трудно составить себѣ понятіе о Венеціи, не видѣвъ ее собственными глазами. Все въ этомъ чудномъ, водяномъ городѣ такъ своеобразно, такъ непривычно для глаза, что, когда съ дебаркадера желѣзной дороги въ первый разъ, вмѣсто экипажа прямо садишься въ гондолу и безшумно скользишь по «Большому каналу», все представляется какимъ-то фантастическимъ сновидѣніемъ. И сама Венеція точно уснула, грезя своимъ блестящимъ прошлымъ. Мраморные палаццо, выростающіе прямо изъ воды, безмолвные, величественные, какъ будто погружены въ воспоминанія; многіе изъ этихъ городовъ дворцовъ, потускнѣли, обветшали, но это придаетъ имъ еще какое-то особенное грустное величіе. Темная вода канала неумолкаемо плещется о мраморныя стѣны, отражая въ себѣ ихъ тяжелыя массы съ безчисленными рѣзными балконами, галлереями, террасами. Вездѣ вода кругомъ, со всѣхъ сторонъ: водяныя улицы переплетаются между собой, представляя безчисленный лабиринтъ; нѣкоторыя изъ нихъ такъ узки, что кажется можно протянуть черезъ нихъ руку. Темные боковые *canaletto* безмолвны и безлюдны, по Большому же каналу снуютъ туда и сюда гондолы, раздаются шутки и брань гондольеровъ. Нечего и говорить, какую оригинальную физіогномію придаютъ Венеціи эти необыкновенные экипажи. Какъ ни извѣстна гондола по картинамъ и описаніямъ, но впечатлѣніе производимое ею совершенно неожиданно; это не лодка, а какое-то сказочное черное существо, легко и граціозно несущееся по водѣ, едва прикасаясь къ ея поверхности. Классическій гондольеръ гребетъ сидя, и стоя на приподнятой кормѣ, ловко управляетъ однимъ весломъ, которое вложено въ подвижной рычагъ. Не смотря на наружное однообразіе, какаго требовала отъ гондолъ древняя республика, для чего она окрасила ихъ всѣ въ черный цвѣтъ—ими щеголяютъ не меньше чѣмъ любыми экипажами; попадаются очень нарядныя гондолы, съ богатой рѣзьбой, съ гербами, съ золочеными украшеніями. Въ закрытой гондолѣ, гондолѣ-каретѣ, какъ ихъ называютъ, посерединѣ устроено закрытое со всѣхъ сторонъ помѣщеніе въ родѣ маленькой каюты: она снаружи также покрыта суконнымъ чернымъ покрываломъ, болѣе или менѣе нарядным, а внутри обита чернымъ бархатомъ или сукномъ. Это придаетъ ей совершенно видъ чернаго гроба. Въ наемныхъ гондолахъ эта карета можетъ быть по желанію снята, что гораздо пріятнѣе, особенно въ ясную погоду.

Венеціанецъ живетъ на своихъ каналахъ и canaletto, и даже первы его успокоиваются только какъ совершитъ онъ поѣздку въ гондолѣ. На нашей картинѣ изображенъ одинъ изъ мрачныхъ эпизодовъ венеціанской жизни. Похоронная процессія. Тихо скользитъ по каналу черная гондола; гондольеръ въ красномъ беретѣ молча правитъ беззвучно разсѣкающимъ воду весломъ. Этотъ записной весельчакъ, несмѣетъ ни пѣть, ни болтать, какъ онъ всегда дѣлаетъ это въобыкновенное время. Въ гондолѣ стоитъ гробъ; его сопровождаютъ четыре человѣка съ факелами. Это не факельщики по профессіи, но братья милосердія, которые возложили на себя обязанность провожать умершихъ къ послѣднему ихъ жилищу. Они не принадлежатъ ни къ какому ордену; занимаются каждый своими мірскими дѣлами и только когда ихъ призываетъ долгъ, они надѣваютъ сверхъ своего платья, синій или черный плащъ, а тѣ изъ нихъ, которые не хотятъ быть узнанными, спускаютъ на лицо капишонъ съ маленькими отверстіями для глазъ. Четыре сострадательные самаритянина, изображенные на нашей картинѣ, не имѣли желаніе скрывать свое лицо.

На иностранца такая погребальная процессія на водѣ производитъ тяжелое, странное впечатлѣніе. Природный житель Венеціи проходитъ мимо, не обращая вниманія на это. Не отворится ни одно окно, никто не посмотритъ вслѣдъ погребальной гондолѣ. Гробъ отвозится за городъ, на кладбищенскій островъ, гдѣ и опускаютъ его въ землю; въ самомъ-же городѣ нѣтъ клочка земли, который могъ-бы быть отданъ умершему.

Политическое обозрѣніе.

Въ настоящую минуту уже ясно можно видѣть ту рѣзкую перемѣну, которая произошла въ положеніи, принятомъ европейскими державами относительно событій на Балканскомъ полуостровѣ. Кабинеты, болѣе чѣмъ сдержанные, болѣе чѣмъ осторожные вначалѣ, едва рѣшившіеся на то участіе въ означенномъ вопросѣ, которое на языкѣ дипломатическомъ носитъ деликатное названіе «предложенія добрыхъ услугъ» и которое выразилось въ назначеніи мостарской консульской коммисіи, съ теченіемъ времени и развитіемъ возстанія, силою обстоятельствъ, были вынуждены на болѣе дѣйствительный, энергическій шагъ. Не говоря уже объ опасеніяхъ за сохраненіе европейскаго мира, въ достаточной степени объясняющихъ эти долгія колебанія и нерѣшительность державъ, едва ли не приходится другую причину снисходительности къ Турціи видѣть въ томъ, что на западѣ до послѣдняго времени—какъ это ни странно—существовало много иллюзій относительно оттоманской имперіи.

«...Мы не могли разомъ потерять всякую вѣру въ того, говоритъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ нумеровъ «Times», кто заставилъ три великія націи пожертвовать сотнею тысячъ жизней и громадною массою денегъ, въ того, кого конгресъ окружилъ гарантіями, въ того, наконецъ, кого англійскіе и французскіе банки снабжали золотомъ по первому требованію и безъ всякихъ обезпеченій. То былъ прекрасный сонъ, но за то теперь, при пробужденіи, мы находимъ, что Турція осталась такою, какою была и какою всегда будетъ».

Прибавимъ къ тому, что если на западѣ не хотѣли терять вѣры въ Турцію, то, наоборотъ, мало вѣрили христіанамъ и ихъ жалобамъ и стонамъ...

Безъ сомнѣнія, это не могло продолжаться долго и истинное положеніе дѣлъ должно было, наконецъ, сдѣлаться извѣстнымъ и вызвать державы на мѣры, болѣе рѣшительнаго и «практическаго» свойства, чѣмъ тѣ, которыя принимались до сего. Какъ и слѣдовало ожидать, Россія первая подала голосъ, первая вы-

Библиотека "Руниверс"

сказалась за необходимость «содѣйствія» со стороны европейскихъ кабинетовъ Портѣ въ дѣлѣ осуществленія реформъ. Обнародованное въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» сообщеніе, въ которомъ изложенъ такой взглядъ императорскаго кабинета, надѣлалъ, какъ извѣстно, много шума и возбудилъ много толковъ и опасеній, причину которыхъ слѣдуетъ видѣть въ томъ, такъ сказать «паническомъ страхѣ», съ которымъ западъ привыкъ взирать на одно уже сопоставленіе имени нашего отечества съ восточнымъ вопросомъ. Въ Австріи общественное мнѣніе прямо заключило изъ «сообщенія», что Россія желаетъ дѣйствовать вполнѣ самостоятельно и помимо ея, во Франціи оно породило однородныя опасенія. «Times», съ своей стороны, напомнивъ о вѣчномъ стремленіи русскаго народа къ обладанію Константинополемъ, поспѣшилъ заявить, что хотя до тѣхъ поръ, пока Англіи будетъ принадлежать господство надъ Суэзскимъ каналомъ и Персія сохранитъ независимость, ей нечего бояться за свои остъ-индскія владѣнія, она все же не можетъ допустить, чтобы «первый въ мірѣ морской портъ» достался Россіи. Впрочемъ, все это произошло на первыхъ порахъ, теперь уже воинственные порывы утихаютъ и пресса разъяснила обществу истинное значеніе «сообщенія» русскаго правительства, стремящагося прежде всего къ мирному разрѣшенію вопроса, совмѣстно съ остальными державами. Но если Россія открыто, формально указала на необходимость рѣшительнаго шага, то и другія государства сознали уже неотложную настоятельность въ немъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, уже рѣшено въ принципѣ то, отъ чего уклонялись во что бы то ни стало, а именно — формальное вмѣшательство, и дѣло пока остановилось только на томъ, въ какой формѣ это вмѣшательство должно произойдти. Такимъ образомъ мы видимъ, что восточный вопросъ вступилъ въ новый и серьезный фазисъ, благотворныя послѣдствія котораго, будемъ, по крайней мѣрѣ надѣяться, не замедлятъ оказаться.

А пока—положеніе несчастныхъ семействъ, герцеговинскихъ и боснійскихъ, бѣжавшихъ изъ опустошенной отчизны отъ варваровъ турокъ—ужасно. Каково оно въ дѣйствительности, можно видѣть изъ живаго описанія, сообщеннаго постояннымъ корреспондентомъ «Русскаго Міра», г. Петромъ Петровымъ, переающимъ по обыкновенію все видѣнное имъ въ такихъ яркихъ краскахъ, которые прямо сообщаютъ читателю непосредственное впечатлѣніе, полученное самимъ авторомъ (эти корреспонденціи постоянно переводятся въ заграничныхъ органахъ, въ «Times'ѣ», нѣмецкихъ и французскихъ газетахъ). Сочувствіе къ этимъ несчастнымъ, давно уже выраженное на западѣ во всѣхъ слояхъ общества, пробудилось и у насъ — отдѣльныя пожертвованія, сборы по церквамъ, «базары», концерты и спектакли даютъ возможность и отъ имени родной, по крови и религіи Россіи, хотя нѣсколько облегчить ихъ невозможное положеніе. Многаго можно ожидать и отъ организованія провинціальныхъ комитетовъ.

Германскіе католики въ послѣднее время сильно напуганы слухомъ о намѣреніи имперскаго правительства внести въ рейхстагъ предложеніе относительно упраздненія всѣхъ католическихъ обществъ и братствъ въ Германіи. Дѣло въ томъ, что общества эти составляютъ единственную значительную мѣстную поддержку священниковъ, не желающихъ признать майскіе законы, и находящихся, слѣдовательно въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ правительствомъ и облагаемыхъ штрафами. Впрочемъ, по слухамъ, эти опасенія по крайней мѣрѣ преждевременны, такъ какъ въ рѣчи при открытіи парламента ничего не было сказано о какихъ либо новыхъ духовныхъ законахъ, имѣющихся въ виду.

Сессія французскаго законодательнаго собранія открылась обсужденіемъ избирательнаго закона. Трудно еще предвидѣть, какой исходъ парламентская борьба по этому предмету будетъ имѣть для теперешняго кабинета. Хотя правый центръ единогласно рѣшилъ поддерживать министерство въ этотъ трудный фазисъ его существованія, но—большинство можетъ легко оказаться не на сторонѣ того способа голосованія, которое поддерживается правительствомъ.

Что же касается Испаніи, то, насколько можно судить по тому обстоятельству, что всѣ лучшіе генералы донъ-Карлоса или эмигрировали, или арестованы по его приказанію, то дѣло претендента можно считать почти окончательно проиграннымъ, въ пользу чего говоритъ еще совершенное пораженіе карлистскихъ бандъ въ Каталоніи, дезертирство солдатъ и офицеровъ, а болѣе всего недостатокъ въ деньгахъ. Впрочемъ и самая продолжительность этой неровной борьбы не даетъ возможности, и при настоящемъ положеніи дѣлъ, безошибочно опредѣлить самое близкое будущее въ этомъ отношеніи.

БИБЛІОГРАФІЯ

Ручной словарь русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій. Hand-Wörterbuch der russischen und deutschen Sprache. Zum Hand—und Schulgebrauch nach den neuesten und besten Quellen bearbeitet von Friedrich Booch und Adam Frey.—1. *Deutsch-russisches Wörterbuch* (*Нѣмецко-русскій*). Цѣна 2 руб. 50 к.

Этотъ ручной (для школьнаго употребленія) нѣмецко русскій словарь заслуживаетъ всякой похвалы, благодаря солиднымъ своимъ достоинствамъ. Составители его, гг. ф. Боохъ и А. Фрей, пользовались не только лучшими нѣмецкими лексиконами, но и слѣдующими словарями: Церковно-Славянскаго и Русскаго языка (состав. П-мъ отдѣлъ Император. Академіи Наукъ) И. Павловскаго, Н Ульянова и Х. Рейфа. Тѣ, которые занимаются переводами съ нѣмецкаго языка на русскій, пріобрѣтутъ драгоцѣнную себѣ помощь въ этомъ словарѣ, ибо найдутъ въ немъ массу словъ, относящихся къ различнымъ спеціальностямъ (напр. къ горной промышленности) и притомъ такихъ словъ, которыя *недавно* введены въ употребленіе, какъ техническія. Большое удобство, при употребленіи этого словаря, представляетъ слѣдующее: при всѣхъ именахъ существительныхъ указано, къ какому именно склоненію они относятся, причемъ, конечно, обозначенъ и родъ ихъ; при глаголахъ, спрягающихся по *старому* спряженію, вы всегда встрѣтите форму прошедшаго времени (perfectum) и 2-te participium, что весьма важно. Переводчики, плохо знающіе нѣм. языкъ, и учащіеся часто затрудняются, встрѣтивъ незнакомый глаголъ, въ формѣ прошед. времени, и не зная гдѣ найти (напр. у Рейфа) неопредѣленное наклоненіе этого глагола, *потому что* въ корнѣ его характеристическія буквы уже другія. Напримѣръ: въ этомъ лексиконѣ, послѣ глагола *brechen*, поставлено прошед время *brach* и *тутъ-же* 2-te participium *gebrochen*, чего у Рейфа нѣтъ. Мало этого: въ словарѣ Ф. Бооха и Фрея помѣщено и *brach*, какъ отдѣльное слово, съ указаніемъ, что это прошед. время отъ гл. *brechen*. Вообще, гг. составители постарались не упустить изъ виду исключительныя формы и указать на нихъ гдѣ нужно.—Такъ какъ нѣкоторыя слова употребляются и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ (фигуральное выраженіе), то и на это обращено вниманіе, т, е. слово, имѣющее *два* значенія—отмѣчено Извѣстно, что нѣмецкій языкъ богатъ *составными* словами, и въ этомъ отношеніи разбираемый нами словарь является однимъ изъ лучшихъ. Напр., вы знаете, что значитъ *Brod* и *Sonntag*, взятыя отдѣльно, но какъ перевести на рус. языкъ *Brodsonntag*?„Крестопоклонное воскресенье". Еще примѣръ: *Broddieb* (хлѣбъ — воръ— въ буквальномъ переводѣ) значитъ: *отнимающій у кого нибудь средства пропитанія*. Для переводчиковъ съ нѣм. языка на русскій словарь этотъ—кладъ.

II. *Ручной словарь русско-нѣмецкій* (*Russisch-deutsches Wörterbuch*). *Zum Hand — und Schulgebrauch nach den neuesten und besten Quellen bearbeitet von F. Booch, A. Frey und F. Messer.* Цѣна 4 руб. сер.

Этотъ словарь, какъ и предъидущій, также заслуживаетъ полнѣйшаго одобренія. Онъ объемистѣе нѣмецко-русскаго. Составители его обратили особенное вниманіе на грамматическія правильныя и неправильныя формы имеиъ существ., прилагат. и глаголовъ. Слова, какъ русскія, такъ и нѣмецкія, приведены въ ихъ различныхъ значеніяхъ—прямыхъ и переносныхъ. Составители имѣли подъ рукой богатый матерьялъ, они пользовались извѣстными русскими и нѣмецкими словарями, такъ, напр., Толковый словарь живаго Великорусскаго языка В И. Даля служилъ имъ драгоцѣннымъ пособіемъ. Считаемъ не лишнимъ выписать слѣдующія строки изъ предисловія къ этому словарю: «Въ русско-нѣмецкомъ отдѣлѣ словаря помѣщены многія слова, употребляемыя только въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Русскаго государства, равно и многія слова уже устарѣвшія Сдѣлано это съ тою цѣлью, чтобы облегчить чтеніе произведеній русской беллетристики, въ которыхъ подобныя слова встрѣчаются очень часто». - Для нѣмцевъ, умѣющихъ читать по русски и желающихъ переводить на родной языкъ наши книги или познакомиться по оригиналамъ съ произведеніями русской литературы, а также для русскихъ, желающихъ переводить на нѣм. языкъ—такой словарь счастливая находка. Онъ въ состояніи оказать серьезную услугу.

Учебный словарь нѣмецко-русскій и русско-нѣмецкій. Schul-Wörterbuch der deutschen und russischen Sprache. Auf Grundlage des Handwörterbuches der deutschen und russischen Sprache von F. Booch, A Frey und F. Messer, bearbeitet von A. Frey. Цѣна 2 руб. 50 к. с.

Этотъ лексиконъ смѣло можетъ быть рекомендованъ Правда, онъ сокращеннѣе предъидущихъ, но за то богаче въ грамматическомъ отношеніи, что гораздо важнѣе при занятіяхъ въ школѣ. Впрочемъ, выкинуты только тѣ слова, которыя вовсе не нужни въ „Учебномъ словарѣ". Составныхъ словъ менѣе чѣмъ въ Ручномъ словарѣ. По нашему мнѣнію, этотъ лексиконъ полнѣе и вообще лучше другихъ учебныхъ словарей рус. нѣмецкихъ и нѣмец. русскихъ.

Нѣмецко-русскій и русско-нѣмецкій карманный словарь. Deutsch-russisches und russisch-deutsches Taschen Wörterbuch. Auf Grundlage des Handwörterbuches der rus. und deut. Sprache von F. Booch, A. Frey.

I. Ч. Нѣмецкій-русскій. Ц. безъ переплета 80 к., въ перес. 1 р. 40 к.

II. Ч. Русскій-нѣмецкій. Ц. безъ перепл. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

Эти два томика представляютъ то удобство, что форматъ ихъ на половину менѣе Ручнаго словаря, а между тѣмъ по внутреннему до-

Библиотека "Руниверс"

стонинству они мало уступаютъ ему, хотя и являются въ сокращенномъ видѣ. Такъ, напр., послѣ слова *Abdisputiren* вы не найдете словъ *Abdomen*, *Abdonnern* и *Abdoppeln*, но къ «Карманному лексикону» можно отнестись снисходительнѣе.

Что касается печати и вообще врѣшняго вида всѣхъ этихъ словарей, то лучшаго изданія, кажется- и требовать нельзя. Изданы они въ Лейпцигѣ Г. Геселемъ и печатались въ тамошней типографіи Брейткопфа и Гертеля. Въ С.-Петербургѣ они продаются у: Гесселя (Невскій пр., 13), А. Риккера и въ книж. магазинѣ Колесова и Михина въ гостинномъ дворѣ.

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

О недѣйствительности гербовыхъ марокъ, наклеенныхъ на прошеніяхъ и перекрещенныхъ самими просителями. Особая коммисія для разсмотрѣнія вопросовъ, возникающихъ при примѣненіи устава о гербовомъ сборѣ 17-го апрѣля 1874 г., по обсужденію вопроса о недѣйствительности гербовыхъ марокъ, наклеенныхъ на прошеніяхъ и перекрещенныхъ уже самими просителями, приняла въ соображеніе, что ст. 85 и 87 устава о гербовомъ сборѣ 17 апрѣля 1874 года установлено двукратное погашеніе гербовыхъ марокъ: первоначальное, дѣлаемое лицомъ, подписавшимъ бумагу или документъ, и дополнительное или окончательное, дѣлаемое присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ. Первое изъ сихъ погашеній должно состоять въ томъ, что одинъ изъ подписавшихъ бумагу или документъ, или рукоприкладчиковъ, или же переписчиковъ, означаетъ на нижней части каждой изъ приклеенныхъ марокъ время написанія документа, т. е. годъ, мѣсяцъ и число. Коммисія, журналомъ, утвержденнымъ 25 минувшаго октября министромъ финансовъ, постановила, что тѣ прошенія, которыя поданы или присланы будутъ съ такими наклеенными на нихъ марками, которыя перекрещены уже самимъ просителемъ, должны быть признаваемы вовсе неоплаченными гербовымъ сборомъ, и что, вслѣдствіе сего, по такимъ прошеніямъ, на основаніи 73 ст. гербоваго устава, должно быть пріостанавливаемо всякое производство впредь до взноса причитающагося по онымъ сбора.

Дѣла церкви.

Храмъ Гроба Господня. Г. А. Ушинскій сообщаетъ изъ Кіева въ «Церковн. Общ. Вѣстн.", что возвратившіеся недавно изъ Іерусалима кіевскіе богомольцы принесли оттуда отрадную вѣсть, что, наконецъ, въ великомъ святилищѣ христіанскаго міра, храмѣ Гроба Господня, сдѣланы капитальныя перестройки въ нѣкоторыхъ частяхъ храмоваго зданія и проведены водосточные каналы. Перестройки эти произведены, къ чести русскаго имени, насчетъ однихъ русскихъ благотворителей и обошлись, какъ говорятъ, около 60,000 р. Однимъ изъ главныхъ жертвователей на это благое дѣло называютъ купца Кошкина, съ Дона.

Имена другихъ жертвователей пока неизвѣстны; но кто бы ни были они, великое благодареніе воздадутъ имъ многочисленные поклонники іерусалимскіе, всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, бывшіе свидѣтелями этого возмутительнаго явленія въ храмѣ, заключающемъ величайшую святыню христіанства.

Военное дѣло.

«Русскимъ Инвалидомъ» получены слѣдующія извѣстія о положеніи дѣлъ въ Коканѣ: «Главный начальникъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ коканскомъ ханствѣ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й, со штабомъ своимъ, возвратился въ городъ Ходжентъ 22-го октября. Для наблюденія за кипчаками и населеніемъ ханства, въ городѣ Наманганѣ оставленъ сильный и самостоятельный отрядъ подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-майора Скобелева; изъ отряда этого часть войскъ расположена въ городѣ Тусѣ. Сообщенія между Ходжентомъ и Наманганомъ установлены помощью оказій (повременныхъ транспортовъ, подъ военнымъ конвоемъ), впредь до полнаго успокоенія страны. Для лучшаго же обезпеченія въ безопасности на границѣ Ходжентскаго уѣзда, особый передовой отрядъ, изъ состава Ходжентскаго гарнизона, занялъ крѣпость Махрамъ. Что же касается бѣжавшаго изъ Кокана новаго хана, Насръ-эддина, то онъ, со свитою, проживаетъ до сихъ поръ въ Ходжентѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій въ ханствѣ».

Трофеи русскихъ. По словамъ «Туркест. Вѣдом.", 28-го сентября привезли въ Ташкентъ орудія, бунчуки и фальконеты, отбитые нашими войсками у коканцевъ. Съ музыкою и въ сопровожденіи конвоировавшаго ихъ отряда, трофеи провезли по главнымъ улицамъ Ташкента, послѣ чего они были поставлены на площади вновь строющагося собора. Изъ числа привезенныхъ въ Ташкентъ орудій три чугунныя, остальныя же мѣдныя, въ числѣ которыхъ одно рарѣзное. Какъ тѣ, такъ и другія покрыты узорчатыми поясами, гранью и чеканными украшеніями: каждое орудіе имѣетъ надпись, когда и въ честь кого отлито. Изъ привезенныхъ орудій только у двухъ есть подъемные винты, для приданія орудію требуемаго угла возвышенія, остальныя же упираются на простые деревянные клинья, подставляемыя по мѣрѣ надобности подъ казенную часть.

Морское дѣло.

— 19-го (31-го) октября на Тулонскомъ рейдѣ загорѣлся и затѣмъ взлетѣлъ на воздухъ броненосный корабль «Маджента». Взрывъ былъ такъ ужасенъ, что огненный дождь и обломки покрыли весь малый рейдъ и часть города Тулона. Площадь полигона была покрыта почти сплошною массой обломковъ обгорѣвшаго дерева и всякаго рода мелочей, взлетѣвшихъ вмѣстѣ съ кораблемъ. Въ числѣ этихъ обломковъ находились болты брони, раскаленныя до красна. Стекла и даже оконныя рамы у дверн вылетѣли повсюду на набережныхъ, въ Купеческой гавани, въ Мурилліонѣ и многихъ другихъ прибрежныхъ кварталахъ, не только въ городѣ, но и за городомъ. Въ самомъ городѣ нѣтъ ни одного дома, который не пострадалъ болѣе или менѣе отъ взрыва. Изъ разбитыхъ оконъ занавѣсы были выброшены на улицу и пришлось поставить часовыхъ, по всѣмъ улицамъ, дабы спасти отъ расхищенія магазины, кофейни и частныя квартиры, расположенные въ нижнихъ этажахъ и оставшіеся безъ стеколъ, безъ рамъ и дверей.

Передавая эти свѣдѣнія, «Кронштадтскій Вѣстникъ" напоминаетъ о недавнемъ происшествіи, случившемся съ нашимъ пароходо-фрегатомъ «Олафомъ» на Маломъ рейдѣ въ Копенгагенѣ. Тамъ также могло бы повториться и быть можетъ еще въ большихъ размѣрахъ все то, что случилось въ Тулонѣ. Но къ счастію нашъ пароходо-фрегатъ удалось затопить и Копенгагенъ былъ спасенъ отъ серьезной опасности; наши моряки отстояли, такъ сказать, съ боя ввѣренное имъ судно и не отплатили бѣдой за дружеское гостепріимство.

— По словамъ «Daily News», русскій пароходъ «Аксай», шедшій изъ Кардифа въ Одессу съ грузомъ угля. 21-го октября (2 ноября) сталъ на мель вблизи Сцилійскихъ острововъ Капитанъ Болтинъ и 50 человѣкъ экипажа благополучно высадилось въ Сентъ-Аньенъ. Пароходъ «Sady of the Isles» былъ посланъ на помощь, но вслѣдствіе тумана принужденъ былъ отложить свою попытку до слѣдующаго дня.

Петербургскія извѣстія.

Замѣчательное открытіе. «Русскій Міръ» сообщаетъ объ интересномъ открытіи, сдѣланномъ на дняхъ, при раскопкахъ для водопровода, во дворѣ зданія с.-петербургской таможни. Открыты три подземныхъ комнаты, вполнѣ сохранившіяся, и въ нихъ до 8 скелетовъ съ желѣзными ошейниками, колодками и цѣпями—очевидно останки узниковъ, забытыхъ тою рукою, которая ихъ заключила, или умышленно погубленныхъ ужасною смертью. Одна цѣпь, которою несчастный былъ прикованъ къ стѣнѣ, имѣетъ длины аршинъ пять. Впрочемъ, подробный осмотръ этой тюрьмы-могилы еще не могъ быть произведенъ, вслѣдствіе испорченнаго воздуха и сырости.

— Въ непродолжительномъ времени будетъ установленъ, какъ передаетъ «Петерб. Лист.", новый путь зимняго сообщенія между Кронштадтомъ, С.-Петербургомъ и Ораніенбаумомъ. По почину кронштадтскаго жителя г. Кайриса, составляется товарищество для устройства новаго пути сообщенія *съ помощію особой паровой машины.* Паровая машина эта будетъ двигаться по зимнему пути посредствомъ проволочнаго каната, который будетъ уложенъ по льду.

Разныя извѣстія и слухи.

По словамъ газеты «Русскій Міръ» министерство финансовъ, съ цѣлью оказанія существеннаго содѣйствія угле-промышленникамъ для сбыта каменнаго угля, возбудило вопросъ о поставленіи въ обязанность казеннымъ зданіямъ (на первый разъ хотя бы только въ южной полосѣ Россіи, отапливать ихъ не иначе какъ каменнымъ углемъ.

— Та же газета слышала, что для руководства лицъ, завѣдующихъ средне-учебными заведеніями министерства народнаго просвѣщенія, будетъ составлена инструкція, въ которой будутъ изложены подробно тѣ принципы и правила, которыми они должны руководиться какъ по отношенію къ учащимся, такъ и служащимъ въ завѣдуемыхъ ими заведеніяхъ.

— Въ «Helsingf. Dagbl.» сообщаютъ, что по примѣру американокъ, финляндскія женщины не на шутку готовятся къ борьбѣ съ спиртными напитками и съ этою цѣлью намѣрены обратиться къ будущему финляндскому сейму съ ходатайствомъ, чтобы онъ остановилъ «водочную рѣку» содѣйствіемъ къ измѣненію существующихъ законовъ о винокуреніи. Собираются подписи.

— Г-жа Нильсонъ подвергалась на дняхъ страшной опасности. Поѣздъ, на которомъ она ѣхала въ Плимутъ, соскочилъ съ рельсовъ при скорости 60 миль въ часъ. Къ счастью, полотно дороги окружала затопленная наводненіемъ мѣстность и огонь подъ паровымъ котломъ мгновенно потухъ. Пассажиры отдѣлались испугомъ, но весь багажъ былъ подмоченъ, и поэтому г-жа Нильсонъ пѣла на другой день въ концертѣ въ дорожномъ платьѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Новое изобрѣтеніе (съ рисункомъ).— Кто выигралъ?.. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха (продолженіе).—Изъ города. (Изъ галлереи маленькихъ картинокъ) (съ рисункомъ). — Молодая американка (съ рисункомъ).—Заявленіе.—Слѣпой свидѣтель. — Яковъ Петровичъ Полонскій (съ портретомъ. — Похоронная процессія въ Венеціи (съ рисункомъ).—Политическое обозрѣніе. — Библіографія. — Разныя извѣстія.—Отдѣльный листъ объявленій.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

„При этомъ № прилагается для всѣхъ гг. подписчиковъ городскихъ и иногород. объявленіе о подписки на журналъ „НИВА" на 1876 г.", и для гг. иногородныхъ подписч. объявленіе отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 1 Ноября 1875 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб. Больш. Морская, д. № 2. Тип. Вольфа, Аз. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

МАГАЗИНЪ НОВОСТЕЙ
ВЕДЕРНИКОВА И МИХАЙЛОВА

(Гостинный дворъ №№ 122 и 123 въ С.-Петербургѣ).

Получилъ изъ первыхъ домовъ Парижа для осенняго сезона

Новости Дамскихъ и Дѣтскихъ нарядовъ.

Кофты и Жакеты лучшаго драпа, дра-де-велюра, Букле и другихъ модныхъ тканей съ различными отдѣлками.
Пальто "Дипломатъ,, и другихъ фасоновъ, драпъ, касторъ, Букле, Монтаньякъ и Матлассе.
Ротонды драповыя, клѣтчатыя, Букле, Монтапьякъ и Астраганъ.

Пальто и Ротонды крытыя бархатомъ, фаемъ, армюръ, на гагачьемъ пуху и съ различными отдѣлками.
Бѣлыя свадебныя вещи со страусовымъ плюмажемъ ограментомъ и другими модными отдѣлками.
Модели платьевъ и **костюмовъ** бархатныхъ, фай и шерстяныхъ модныхъ тканей.

Дѣтскіе наряды для мальчиковъ и дѣвочекъ на всѣ возрасты, послѣднихъ фасоновъ.
Бархатъ черный, гладкій и клѣтчатый, отъ 2 до 40 руб.
Матлассе отъ 1 руб. 75 коп. до 6 р.

Торговый домъ Ведерникова и Михайлова, покорнѣйше проситъ желающихъ выписывать обозначать при заказахъ: мѣрку длины и полноты вокругъ плечъ.

БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ УГОЛЪ ГОРОХОВОЙ № 30.

Большой генеральный складъ огнестрѣльнаго оружія

Единственное агентство для Россіи оружія ДЕВИМЪ изъ Парижа.

Огромный выборъ оружія всякихъ сортовъ: Англійскихъ, Штуцеровъ, Револьверовъ и т. д. Чрезвычайно сходныя цѣны, качество гарантированное.

Ружья одноствольныя отъ . . . . . 7 р. с.
„ двухствольныя „ . . . . . 15 „
„ Лефошё двухст. „ . . . . . 36 „
„ Центральныя, сист. Ланкастра и другія отъ . . 40 „
Охотничьи Штуцера улучшенные.

Револьверы отъ . . . . . 4 р. 80 к.
„ Буль-догъ отъ . . . . . 18 „ — „
„ Галанъ, Дриссенъ, Смитъ и Вессонъ и. т. д. по чрезвычайно пониженнымъ цѣнамъ.
Пистолеты (муха) для брелоковъ съ слоновой ручкою.

Карабины, Монте-Кристо всѣхъ системъ отъ 13 р. 50 к. с.

Превосходные охотничьи ружья новой системы РЕМИНГТОНА.

Гильзы, патроны, охотничьи принадлежности и т. п.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОЧИНКА.

Просятъ адресовать заказы по означенному адресу: **Гг. Л. Полисъ и Ш. Дриссенъ, Большая Морская № 30,** С.-Петербургъ, прилагая къ вышепоказаннымъ цѣнамъ за пересылку.

Перваго ноября **вышла** и раздается гг. подписчикамъ **ноябрьская** (11) **книжка**

ежемѣсячнаго, историческаго, иллюстрированнаго сборника

„ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ".

Содержаніе ея слѣдующее:

1. Царь Алексѣй Михайловичъ и его время 1629—1675. Нравоописательный очеркъ. Гл. V и VI. *М. Д. Хмырова.*—II. Симеонъ Полоцкій. Историко-литературный очеркъ. Гл. V. и VII. *А. Н. Майкова.*—III. Очерки Восточной Сибири. IV. Тунка. *П. А. Ровинскаго.*—IV. О подложности извѣстнаго письма Петра Великаго съ береговъ Прута въ Сенатъ, отъ 10 іюля 1711 года. *Ѳ. А. Вишберга.*—V. Замѣтка о Факеродтѣ. Проф. *А. Г. Брикнера.*—VI. Нѣсколько словъ о положеніи нашихъ археологическихъ памятниковъ. VII. Замѣтка француза о Москвѣ въ 1774 году. *Д. Н. Дмитріева.* VIII. **Критика и библіографія.** «Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.». Изслѣдованіе А. Незеленова. СПБ. 1875 г. *Б. Гнв.*—IX. Сказска о женскомъ ханствѣ. Отрывокъ изъ записной книжки. *Н И Каразина.* X. Свѣдѣнія о пребываніи графа П. А. Толстаго въ ссылкѣ. **Рисунки.** 1. Патріархъ Никонъ.—2. Стольникъ П. И. Потемкинъ.—3. Пріемъ посольства царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.—4. Бурятскія юрты въ долинѣ р. Иркута.

Въ будущемъ 1876 году сборникъ «Древняя и Ковая Россія» будетъ издаваться по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ текущемъ году, но БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Сборникъ «Древняя и Новая Россія» выходитъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ отъ **десяти** до **двадцати** печатныхъ листовъ большого формата, и 4, въ два столбца печати на страницѣ, **съ портретами и рисунками въ приложеніи,** такъ что по окончаніи года составится **три большихъ тома въ 140 - 150 печатныхъ листовъ, съ 40—50 гравюрами на деревѣ, литографіями и хромолитографіями. Подписная цѣна** на годовой экземпляръ сборника, 12 книгъ, безъ доставки 12 р., съ доставкою 12 р. 50 к., съ пересылкою 13—50.

Подписка на 1876 г. открыта.

Подписывающіеся на нынѣшній годъ получаютъ немедленно вышедшіе 11 нумеровъ сборника.

Контора сборника помѣщается на Невскомъ, рядомъ съ Пассажемъ, д. № 46, при типографіи и хромолитографіи издателя В. М. Граціанскаго.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА
на семейный журналъ „МОДНЫЯ ВЫКРОЙКИ“.

Вышелъ и разосланъ гг. подписчикамъ 1-го ноября сего года № 5-й журнала.

Въ составъ его вошло слѣдующее; цѣльныя вырѣзныя выкройки (въ натуральную величину): выкройка № 57) дамскаго бальнаго платья (*раскрашенная картинка*), изъ шелковаго фая, съ кружевнымъ тюникомъ, гарнированнымъ цвѣтами; 58) пикейнаго платья для дѣвочки до 2-хъ лѣтъ; 59) шерстяного платья для дѣвочекъ до 3-хъ лѣтъ, гарнированнаго шнурками; 68) дѣтскаго зимняго костюма для гулянья, изъ вигонне-драппе, гарнированнаго галуномъ и опушкой изъ японскаго медвѣдя; 61) визитнаго костюма съ юбкой и рукавами изъ шелковаго фая и пардессю изъ шелковой матеріи *фасоне*; 62) костюма для мальчиковъ до 4-хъ лѣтъ; 63) выходнаго костюма для дѣвочки до 6-ти лѣтъ, гарнированнаго тесемками; 64) комнатнаго платья для дѣвочки до 12-ти лѣтъ, изъ легкой шерстяной ткани въ два цвѣта; 65) костюма для дѣвочки до 9-ти лѣтъ, для гулянья, изъ коричневаго манчестера; 66) дамской кофты изъ тибетскаго драпа, для гулянья, гарнированнаго бобровой опушкой; 67) кружевной кофты для театровъ и концертовъ; 68) шерстянаго платья; 60) бѣлаго полубатистоваго платья для дѣвочки до 3-хъ лѣтъ; 70) шерстянаго платья для дѣвочки до 4-хъ лѣтъ, гарнированнаго бархатомъ; 72) драповаго пальто для мальчика до 7-ми лѣтъ; 72) дамской бархатной шубки на пуху, гарнированной собольимъ мѣхомъ, м 73) шерстянаго платья для дѣвочки до 12-ти лѣтъ. РИСУНКИ: лит. А) мѣтокъ для столоваго бѣлья; лит. Б) мѣтокъ для разнаго бѣлья; лит. В и Г) вензелей для мѣтокъ. Въ слѣдующій № 5-й войдутъ выкройки и рисунки болѣе для домашнихъ туалетовъ.

Нынѣ журналъ нашъ вступилъ въ четвертый годъ своего изданія. Такимъ образомъ, прочность его существованія вполнѣ обезпечена и лучше всякихъ пышныхъ объявленій говоритъ въ нашу пользу. Тѣмъ не менѣе, и въ наступившемъ году, т. е. съ 1-го сентября 1875 года «Модныя выкройки» издаются по слѣдующей программѣ;

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1-го и 15-го числа. Каждый нумеръ заключаетъ въ себѣ до двадцати рисунковъ, изъ которыхъ первые шестнадцать представляютъ дамскій и дѣтскій туалеты, съ вырѣзными и нарисованными выкройками въ ростъ человѣка. а послѣдніе—образцы для рукодѣлья, какъ-то: *вышивки по канвѣ и сукну, различныя вязанья, плетенья* и проч.

Каждаго 1-го числа къ журналу приложена отдѣльная раскрашенная картинка, рисованная съ парижскихъ моделей, и сюда же войдетъ отдѣлъ хозяйственныхъ свѣдѣній и домашней гигіены; а каждаго 15-го числа будетъ помѣщаться модная хроника.

Вниманіе журнала будетъ особенно обращено не домашній туалетъ въ отношеніи экономіи.

Ко времени выпуска дѣвицъ изъ институтовъ въ журналѣ будутъ помѣщены рисунки туалетовъ, соотвѣтственныхъ этому случаю.

Наконецъ, два раза въ годъ, въ видѣ преміи, гг. подписчикамъ будутъ безплатно высланы рисунки для вышивки шнуркомъ и гладью, сдѣланные на самой выкройкѣ въ натуральную величину. За каждый подобный рисунокъ постороннія лица платятъ 3 рубли.

При заказахъ вещей въ нашемъ торговомъ домѣ, редакція будетъ высылать гг. подписчикамъ образчики матерій, для выбора послѣднихъ по личному вкусу, за что просить прилагать двѣ почтовыя марки по 8 коп.

За отдѣльный патронъ какой-либо вещи, скроенной по своей таліи по высланной намъ мѣркѣ изъ № 1-го журнала, гг. подписчики платятъ 50 к., постороннія же лица 1 р. 50 к.

Журнальный годъ „МОДНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ“ начинается съ 1-го сентября 1875 года и оканчивается 1-го сентября 1876 года.

Цѣна изданія съ пересылкой и доставкой на домъ
за годъ семь рублей.

По полученіи изъ Парижа, всѣ дамскіе осенніе и зимніе туалеты помѣщены въ первыхъ №№ журнала и гг. подписчики получаютъ его съ 1-го нумера.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, находящейся при **при торговомъ домѣ модныхъ вещей и бѣлья А. Тарочешникова** (С.-Петербургъ, Караванная, уголъ Итальянской, д. № 18-й, въ бель-этажѣ). Въ Москвѣ у книгопродавца И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ.

Редакторъ-издатель **А. Тарочешниковъ.**

ДОНСКОЙ КАЛЕНДАРЬ
на 1876 годъ.

печатается и въ началѣ будущаго Декабря мѣсяца поступитъ въ продажу. Кромѣ общихъ календарныхъ свѣдѣній, на него войдутъ свѣдѣнія мѣстныя о разныхъ учрежденіяхъ и поселеніяхъ области войска Донскаго, воинскій уставъ о казачьей службѣ, о введеніи земства въ области В. Д., четыре очерка изъ донской исторіи и проч.

ЦѢНА 30 КОПѢЕКЪ.

На пересылку до 10 экз. прилаг. 30 к.; свыше 11 экз. пересылка на счетъ издателя; а при выпискѣ 30 и болѣе экз. дѣлается, кромѣ того, уступка 10%.

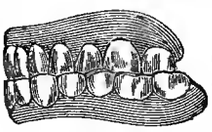
Адресъ: Въ Новочеркасскъ. Издателю Донскаго Календаря Ф. К. Трапнину.

ПОВѢСТИ РАЗСКАЗЫ И СТИХОТВОРЕНІЯ Н. ЮГОВА.
ЦѢНА 1 Р. 25 К., ПЕРЕС. ЗА 1 ФУН.

(Повѣсти и разсказы: 1) «Безъ руля и безъ вѣтрилъ», 2) Пріемышъ, 3) «Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ», 4) Переломъ, 5) Демоническая женщина, 6) «Это мои дочь», 7) Антипатичный человѣкъ, 8) На два часа, 9) «Самаго изловили», 10) Неровня, 11) Хищники, 12) Политичная партія, 13) Суженая, 14) Въ чужомъ пиру похмѣлье.)

Гг. иногородныхъ просятъ обращаться въ книж. магаз. А. О. Вазунова или Я. А. Исакова, Въ Спб. Выписывающіе не менѣе 4 экз.—за пересылку ничего не прилагаютъ.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Карлъ  **Баухъ.**

Принимаетъ больныхъ ежедневно, отъ 10 час. до 3 часовъ. Пломбированіе, вставленіе зубовъ и цѣлыхъ челюстей по самой новѣйшей американской методѣ.

С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9. 6—4

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—23

45 16

26—1

„ПЕРЧАТКИ“.

Французскія лайковыя перчатки, шведскія сѣрыя замшевыя и бѣлыя ноенныя перчатки, большой выборъ теплыхъ перчатокъ на мѣху, фланелѣ и байкѣ. Прочныя ежедневныя перчатки изъ первыхъ россійскихъ фабрикъ по 90 коп. за пару. **Магазинъ А. Штейнберга.** Невскій проспектъ, домъ Казанскаго собора, № 25. 2—2

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ.

Орѣховый экстрактъ, цѣна 2 руб. 50 к., съ пересылкой 3 р., окрашиваетъ въ нѣсколько минутъ, волосы, бороду, баки и усы въ отличный чорный и коричневый (Plon) цвѣта; Оде-капиль, цѣна 1 руб. 50 к. съ пересылкою 2 руб. извѣстная своимъ удивительнымъ дѣйствіемъ, возвращаетъ сѣдинѣ первобытный цвѣтъ. **Магазинъ А. Ф. Штейнберга,** Невскій проспектъ, домъ Казанскаго собора № 25. 2—2

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 1 Ноября 1875 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морск., д. №9. Тип. Веллинга. Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 47 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выдана 24 Ноября 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА" на 1876 годъ.

Въ виду приближенія времени подписки на 1876 г., мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ.**

Приготовленіе около 14.000 печатныхъ адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ требуетъ весьма большой работы и времени такъ что намъ гораздо легче если подписчи теперь уже благоволятъ выслать свои требованія ибо въ концѣ Декабря когда всѣ требованія поступятъ вдругъ, большое количество адресовъ трудно съ разу приготовить.

При возобновленіи подписки просимъ покорно **высылать печатные редакціонные адреса отъ бандеролей,** въ которыхъ подписчики получаютъ „НИВУ" въ нынѣшнемъ 1875 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжный магазинъ *И. Гр. Соловьева, А. Лангъ* и *А. Живарева* . . . . . 4 р. 50 к.

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.*)

*) ПОЧТОВЫХЪ МАРОКЪ *НЕ* ПРИНИМАЕТСЯ, а просимъ высылать этотъ полтинникъ серебромъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи «НИВЫ» въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

Издатель „НИВЫ" А. Ф. МАРКСЪ.

Жюль Вернъ.

Жюль Вернъ принадлежитъ къ числу оригиналовъ и его творенія вполнѣ своеобразны. Въ жизни этого автора какъ и въ его романахъ дѣйствуютъ, повидимому, невѣдомыя силы. Вслѣдствіе-ли скромности, или любви къ таинственности, или наконецъ особенной прелести, окружающей все неизвѣстное, но только Жюль Вернъ, живущій въ Парижѣ, не смотря на свое полное право и на всѣ требованія, еще ни разу не старался выдвинуться впередъ; мало того, онъ даже остался почти совершенно неизвѣстенъ тѣмъ лицамъ въ Россіи, которыя были связаны съ его въ высшей степени своеобразными творевіями дѣловымъ или литературно-критическимъ образомъ. Этимъ онъ рѣзко отличается отъ своихъ соотечественниковъ, любящихъ блеснуть во что бы то ни стало. Оригинальное изданіе его сочиненій, принадлежащее парижской фирмѣ Гетцель и Коми., состоитъ изъ 21 тома, но ни въ одномъ изъ нихъ нельзя найти даже малѣйшаго намека на личное положеніе автора.

Опредѣлимъ сначала родъ таланта Жюля Верна, быстро достигшаго славы. Отличительная черта его—реальность, въ полномъ смыслѣ этого слова; она такъ ясно выражена, такъ научно точна и Жюль Вернъ такъ проникнутъ ею, что въ этомъ отношеніи нельзя никого ставить наравнѣ съ нимъ, самъ-же онъ остается всегда неизмѣнно вѣрнымъ самому себѣ. Всѣ 21 томъ, начиная отъ перваго и до послѣдняго, написаны одною мастерской рукой, съ одинаковой ясностью и вѣрностью, будемъ-ли мы судить по одному изъ большихъ, трехъ-томныхъ твореній («Дѣти капитана Гранта», «Таинственные острова»), или по самому короткому, небольшому произведенію его пера («Нарушители блокады» въ 19 томѣ или «Мысль доктора Онсъ» въ 20 томѣ), По нашему мнѣнію, своеобразность Верна высказывается въ полной силѣ и блескѣ въ 2-хъ его разсказахъ: «Двадцать тысячъ миль подъ водою» и «Приключенія капитана Гаттераса».

Жюль Вернъ. Рис. Бокуръ, грав. Вейерманъ.

Перейдемъ теперь къ научной точности его изложенія. Мы уже сказали, что она выражается новыми, единственными въ своемъ родѣ образами, созданными его воображеніемъ; сущность ихъ созданія состоитъ въ тѣсномъ соединеніи двухъ, совершенно различныхъ, даже по природѣ своей противоположныхъ, элементовъ въ однѣ и тотъ же

Библиотека "Руниверс"

образъ, исполненный жизненной силы. Для описанія его исполненныхъ приключеній путешествій въ извѣстныя и неизвѣстныя страны, нужно имѣть огромный запасъ естественныхъ знаній; надо для нихъ собрать почти необозримое количество матеріала изо всѣхъ отраслей естественныхъ наукъ въ ихъ современномъ развитіи, а между тѣмъ самая неразработанная изо всѣхъ естественныхъ наукъ можетъ теперь быть предметомъ изученія впродолженіи всей жизни. Вернъ помѣщаетъ вездѣ въ своихъ произведеніяхъ математически-точныя и вполнѣ подходящія къ дѣлу свѣдѣнія изъ астрономіи и математики, механики, химіи, физики, древней и новой географіи и изо всѣхъ другихъ отраслей естественныхъ наукъ. Такимъ образомъ авторъ съ одной стороны остается всегда на почвѣ нашего реально-матеріальнаго міра, онъ беретъ явленія природы и силы управляющія ими, группируетъ, распредѣляетъ ихъ, назначаетъ имъ мѣсто, время и мѣру со всей точностью математика, показываетъ намъ ясныя факты физики, механики, также непреложные астрономическіе законы міроваго движенія со всѣми подробностями, и все-таки остается въ предѣлахъ изслѣдованныхъ и признанныхъ силъ природы.

И мы опредѣлили одну сторону его произведеній, непреложный, съ математической точностью проведенный реализмъ. Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ; тотъ же авторъ, развернувшій передъ нашими глазами весь неизмѣримый запасъ научныхъ свѣдѣній въ тысячи сочетаніяхъ и такъ твердо стоявшій на почвѣ дѣйствительности, дѣлаетъ вдругъ рѣзкій переходъ, аросается въ безконечное пространство, начинаетъ кружиться съ метеорами и туманными пятнами и почерпаетъ свои комбинаціи и изображенія изъ области невозможнаго и недоступнаго. Онъ поступаетъ отважнѣе чѣмъ Гейне, обмакнувшій свое исполинское перо въ жерло Этны, чтобы начертать имъ на небесахъ имя своей возлюбленной; Вернъ бросается въ сказочный міръ, исполненный приключеній; онъ дѣйствуетъ на основаніи исполинской, чудовищной природной фантазіи, предъ которой умолкаютъ всѣ законы. Мы видимъ передъ собой новый родъ литературы и творца ея. На основаніи всего вышесказаннаго видно, что безусловная оригинальность автора состоитъ въ сліяніи реальнаго математически-точнаго фантастически-романтичнаго идеальнаго или скорѣе сказочнаго міровъ. Такимъ образомъ въ романахъ Верна одинаково дорога какъ одна сторона его произведеній, служащая для поученія, такъ и другая, служащая для поэтически-эстетическаго наслажденія, и мы должны имѣть въ виду не ту или другую цѣль автора отдѣльно, а обѣ ихъ вмѣстѣ. Мы цѣнимъ отважныя картины фантазіи какъ свободную игру поэзіи, насъ сильно увлекаетъ и заинтересовываетъ этотъ новый сказочный міръ матеріи. Но мы уважаемъ также распространеніе популярныхъ знаній изо всѣхъ отраслей естественныхъ наукъ; факты, изложенные Верномъ, вносятъ со всѣхъ сторонъ естественныя познанія въ сферы, которыя безъ этого не такъ скоро и не такъ жадно бросались бы на нихъ. Вернъ не математикъ и не астрономъ, не сочинитель физическихъ и механическихъ руководствъ, а просто писатель. Тѣмъ не менѣе онъ повсюду разбрасываетъ, самымъ ловкимъ и искуснымъ образомъ, удивительную массу познаній и читатель тѣмъ скорѣе обратитъ на нихъ свое вниманіе, что не зная ихъ будутъ совершенно непонятны для него фантастическія сочетанія, выводимыя Верне изъ небывалаго соединенія реальныхъ силъ. Впрочемъ, для чудныхъ путешествій на луну и вокругъ луны, къ центру земли, на 20,000 миль подъ водою, для поѣздокъ къ сѣверному полюсу и къ никогда не достигнутымъ льдамъ крайняго юга, для удивительно-быстраго путешествія вокругъ земли, для изслѣдованія земныхъ поясовъ, для исполненія плаваній на воздушныхъ шарахъ и драмъ, разыгрывающихся высоко надъ землею—для выполненія всѣхъ этихъ баснословныхъ и счастливо оконченныхъ предпріятій, Верну нужны лица, которыхъ онъ дѣлаетъ героями; чтобы они соотвѣтствовали отчаяннымъ предпріятіямъ, Вернъ придаетъ ихъ физическимъ и нравственнымъ силамъ титаническіе размѣры, приписываетъ имъ мужество и энергію, которыя въ состояніи все перенести и все преодолѣть. Черезъ это созданные имъ образы облекаются нѣкотораго рода таинственностью, придающей имъ особенное обаяніе, переходящее впрочемъ часто въ мрачную и меланхолическую грандіозность, въ нѣчто демоническое. Всегда вообще паритъ невѣдомая исполинская сила надъ его прометеевски-гигантскими предпріятіями, способствующая ихъ успѣху.

Спеціально-научныя вспомогательныя средства Верну необходимы; они состоятъ изъ массы историческихъ данныхъ объ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ, механическихъ постройкахъ, объ успѣхахъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ познаній; изъ построенія и принятія всѣхъ возможныхъ философски-научныхъ системъ: изъ вычисленій пространства, матеріи и среды; изъ изложенія весьма сложныхъ физическихъ законовъ и механическихъ приборовъ; изъ состава, сущности и дѣйствій разнообразныхъ матерій, изъ измѣренія земли и неба, изъ дѣйствій свѣта, измѣреній температуры и высотъ, законовъ тяготѣнія, опредѣленія начальной и конечной скорости летящихъ тѣлъ при дѣйствіи на нихъ разнообразно перекрещивающихся силъ; изъ нерѣшенныхъ міровыхъ вопросовъ, какъ-то: жители луны; строеніе земной коры, составъ нашей планеты, органическія созданія встрѣчающіеся на землѣ и въ морѣ, и наконецъ, изъ самыхъ разнообразныхъ и остроумныхъ аппаратовъ и т. д. и т. д.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что въ романахъ Верна наибольшей прелестью дышутъ описанія континентовъ, морей и неба; Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить видъ неба, изображаемый имъ съ невѣроятной высоты или описаніе части луны, обращенной къ землѣ, или странствовать съ нимъ по царствамъ крайняго юга и сѣвера, надѣленныхъ какой-то особенной, мрачной прелестью и таинственной органической жизнью, или заглянуть въ неизмѣримую пещеру съ огромнымъ моремъ, помѣщенную въ нѣдрахъ земли и населенную причудливыми, первобытными созданіями, или на Атлантиду, погибшую часть свѣта съ ея остатками животной и растительной жизни; или сопутствовать ему въ баснословной прогулкѣ и охотѣ на днѣ моря; или нестись въ воздушномъ шарѣ надъ недоступными пустынями и зловредными болотами Африки. Произведенія Верне изобилуютъ множествомъ подобныхъ картинъ, исполненныхъ самыми яркими и живыми красками

Кто выигралъ?...

(Изъ современной уголовной хроники)

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

„Маленькій фрейгерръ“ провелъ рукою по лбу и не выдержавъ, воскликнулъ:

— Зельма!...

Эльза остановилась и удивленно смотрѣла на старика...

Въ эту минуту изъ бесѣдки вышла высокая женщина, еще довольно моложавая даже стройная.

— Г. фрейгерръ, вы, кажется, совсѣмъ забыли, что оба *мы* порядкомъ таки постарѣли, произнесла съ улыбкой Зельма Штейнъ и протянула ему руку... Да, дочь моя похожа на прежнюю Зельму!.. Вы ошиблись... Но меня это радуетъ: значитъ, вы помните меня!... Очень рада васъ видѣть!...

Маннштейнъ какъ-то неловко подалъ ей свою руку, потому что растерялся на первыхъ порахъ, но потомъ, оправившись, заговорилъ съ ней свободно, даже съ оттѣнкомъ чувствительности. Она разсказала ему, что заставило ее пріѣхать въ М*., и фрейгерръ, встрѣтившись разомъ съ матерью и дочерью, порѣшилъ тутъ-же объяснить имъ цѣль своего пріѣзда, хотя онъ и разсчитывалъ переговорить прежде съ профессоромъ.

— Я виноватъ, что такъ долго не являлся сюда, проговорилъ Маннштейнъ, а мнѣ-бы давно слѣдовало быть здѣсь, чтобы искупить грѣхъ моего злосчастнаго племянника, по возможности уничтожить то зло, которое онъ вамъ причинилъ... Но вы не знаете, даже не подозрѣваете сколько бѣдствій повлекъ за собою его поступокъ!...

Эльза выпрямилась... Глаза ея загорѣлись... Г-жа Штейнъ знаками думала остановить „маленькаго фрейгерра“, но онъ ничего не видѣлъ.

— Ис-ку-пить... уни-что-жить? повторила дѣвушка... Да вы, вѣроятно, забываете, что есть такія вещи, которыя ни уничтожить, ни искупить ничѣмъ нельзя?!... Есть, впрочемъ, средство—единственное это: *забвеніе*... Но это не въ вашей власти! Да если-бы вы и могли какъ нибудь достигнуть этого, то—я не хочу, я не хочу *забыть*!

— Не тревожь такъ себя, милочка моя, просила г-жа Штейнъ.

— Судьба жестоко отмстила моему племяннику за содѣянное имъ! воскликнулъ старикъ... Знаете вы, кто

Библиотека "Руниверс"

онъ теперь?... Бѣглецъ... скиталецъ... его преслѣдуетъ тѣнь убитаго имъ человѣка!.. Онъ—отщепенецъ, отверженникъ... Онъ—нищій... И у него не хватаетъ даже духа покончить съ собою, прекратить эту жалкую жизнь!...

Они, всѣ трое, вошли въ бесѣдку, и тутъ Манштейнъ разсказалъ имъ все...

— Между имъ и мной—бездна, заключилъ онъ свой разсказъ:—я совершенно отрекся отъ него, ни малѣйшаго состраданія не чувствую къ нему, ибо оно тутъ невозможно!...

Эльза не проронила ни одного слова, она вся обратилась въ слухъ... Глаза ея сверкали, а по выраженію лица было видно, что она радовалась чувствуя нѣкоторое удовлетвореніе... Горделивый баронъ, отказавшійся отъ большаго состоянія, чтобы только не быть мужемъ *мѣщанки*—кто онъ теперь?.. Убійца... скиталецъ... бродяга!... Тутъ сама судьба явилась мстителемъ... Человѣческая месть не могла-бы нанести такого страшнаго удара...

Дѣвушка встала и вышла изъ бесѣдки, потому что чувствовала потребность остаться совершенно одной. Она показалась фрейгерру какой-то странной... Старикъ сталъ распрашивать, и г-жа Штейнъ сказала ему, что Эльза дѣйствительно, серьезно любила Зельдитца... До сихъ поръ она не можетъ забыть, что обижена, оскорблена имъ; болѣзнь не ослабила этого впечатлѣнія, напротивъ—Эльза стала раздражительна, сурова, а веселость прежняя безвозвратно исчезла...

— Да, она больна душевно, и только время можетъ изцѣлить ее отъ этой болѣзни, прибавила г-жа Штейнъ:—покрайней мѣрѣ докторъ такъ говорилъ мнѣ... Со временемъ она успокоится, примирится и станетъ прежней Эльзой.

„Маленькій фрейгерръ", узнавъ, что онѣ скоро уѣзжаютъ изъ М*., рѣшился наконецъ откровенно объясниться.

— Послушайте, я могу, кажется, прямо говорить съ вами, обратился онъ къ г-жѣ Штейнъ:—и вотъ что̀ я скажу вамъ: лишивъ племянника наслѣдства, убѣдившись, что онъ хотѣлъ меня убить, я тогда-же напалъ на мысль—отдать *все* вашей дочери, сдѣлать ее единственной моей наслѣдницей... Но я не зналъ ее и, чтобы познакомиться съ ней, нарочно пріѣхалъ сюда... Мнѣ хотѣлось, чтобы она жила у меня, въ моемъ домѣ... Тамъ такъ тихо, хорошо!.. Я хотѣлъ просить ее объ этомъ... Что̀-жъ, быть можетъ, она привяжется ко мнѣ, я замѣню ей отца... и у меня будетъ дочь... О, вѣдь я совсѣмъ одинокъ теперь!... Старъ и—одинокъ!.. Встрѣтивъ васъ здѣсь, я обрадовался... и радъ, что могу переговорить съ вами! Послушайте, переѣзжайте вы обѣ ко мнѣ и живите, какъ у себя дома: мнѣ ужъ не долго жить осталось, ну, а пока тѣсно намъ не будетъ... Домъ у меня большой, и я вамъ предоставляю полнѣйшую свободу; ну, да однимъ словомъ—будьте тамъ какъ дома! Днемъ-то я еще занимаюсь дѣлами, а вотъ по вечерамъ — тоска, скука!.. Никого около меня... Одинъ, какъ перстъ, а тутъ думы-то и налетятъ... мрачныя, печальныя... Разогнать—такъ ужъ нѣтъ силы на это!..

— Но, г. фрейгерръ... столько добра хотите вы сдѣлать... могу-ли *я*...

Манштейнъ не далъ ей договорить:

— Отвѣтъ вы мнѣ дадите послѣ!.. Обдумайте, прежде обдумайте хорошенько это дѣло... Что касается меня, то я ужъ все обдумалъ... Да, васъ, можетъ быть смутитъ одна мысль, и вы откажетесь... „Онъ когда-то любилъ меня"... Что̀-жъ это правда! Но, Боже мой, вѣдь все это миновало... *Тогда* я не могъ сказать вамъ этого,—*теперь* говорю спокойно! Прибавлю: я былъ женатъ и счастливо жилъ съ женой...

Тутъ профессоръ и профессорша вошли въ бесѣдку. Разговоръ сдѣлался общимъ.

— Куда-же ушла ваша дочь спросилъ „маленькій фрейгерръ", обратившись къ г-жѣ Штейнъ.

— Она, вѣроятно, ушла въ сосѣдній лѣсъ, отвѣтила мать Эльзы:—я ей не мѣшаю... Она все ищетъ уединенія. Сначала я думала, что это—капризъ, но потомъ увидѣла, что уединеніе ей въ самомъ дѣлѣ необходимо...

Вечеромъ Манштейнъ отправился въ гостинницу, въ которой остановился. Онъ твердо былъ убѣжденъ, что предложеніе его будетъ принято тайною совѣтницей Штейнъ—и онъ ужъ мечталъ о *новой* жизни тамъ... въ своей усадьбѣ... Вотъ Эльза и Эмми подружатся... станутъ гулять вмѣстѣ въ саду... Молодыя лица, свѣтлые глазки... смѣхъ... Старикъ почувствовалъ даже, что на него снова пахнуло весной! Онъ началъ строить планы насчетъ новаго убранства въ домѣ, желая какъ слѣдуетъ принять гостей, и чтобы имъ хорошо жилось у него. Спать онъ и не думалъ ложиться.

Г-жа Штейнъ сидѣла въ это время въ комнатѣ Эльзы и что-то говорила дочери, но та молча смотрѣла куда-то... Лицо ея было блѣдно, задумчиво-серьезно.

— Ты и не отвѣчаешь мнѣ, замѣтила мать...

Дѣвушка какъ-бы очнулась и спокойно, прямо поглядѣла на нее.

— Я не поѣду къ фрейгерру, проговорила Эльза.

— Почему-же не поѣдешь?

Опять молчаніе.

— Послушай, я вѣдь давно, давно знаю фрейгерра... Это—честнѣйшій человѣкъ! Иначе сталъ-бы развѣ онъ принуждать племянника жениться на тебѣ, послѣ того, какъ тотъ обручился съ тобой?..

— Легко было ему принуждать, такъ какъ онъ навѣрно предполагалъ, что я скорѣе лишу себя жизни, чѣмъ отдамъ руку такому... мерзавцу!

— Нѣтъ, онъ вовсе не думалъ такъ... Намѣренія у него были самыя чистыя, искреннія...

— Ну-да... конечно, не думалъ! Не могъ-же онъ знать, что и у мѣщанки есть честь!.. воскликнула Эльза съ особеннымъ ожесточеніемъ.

— Ахъ, милочка, ты волнуешься!... Но постой: развѣ лишилъ-бы онъ его наслѣдства, если-бы серьезно не думалъ объ этомъ бракѣ?... И онъ сказалъ еще, что хочетъ оставить тебѣ все свое состояніе, что-бы хоть этимъ уничтожить то зло... Не отталкивай-же сама счастья своего!...

— Счастья... моего!?.. Ну, нѣтъ—отъ такого счастья я отказываюсь.

— Эльза, ты это такъ говоришь... не серьезно!

— Совершенно серьезно. Баронъ Зельдитцъ поигралъ моимъ сердцемъ; жениться-же на мнѣ не могъ... потому что я—мѣщанка... Но и у мѣщанки есть гордость! Я никогда и ничего не возьму отъ *благороднаго*... отъ дворянина... Эти господа воображаютъ, что за *все* можно заплатить деньгами, что *все* можно купить!... Если-бы я была богата—скажи: смѣлъ-бы баронъ поступить со мной такъ недостойно?.. Или дворяне лучше насъ—не потому-ли, что ставятъ передъ своей фамильей „фонъ"?.. Развѣ въ жилахъ у нихъ дѣйствительно какая-то *особенная* кровь?..

— Милочка моя, гдѣ ты набралась такихъ мыслей?... Нѣтъ, это ты вѣрно не сама—

— Сама, сама додумалась я до этого! подхватила Эльза. Да, я много думала... И скажу тебѣ: человѣка, гордящагося *только* именемъ своимъ — я презираю, а потому, повторяю, никогда и ничего не приму отъ этого человѣка, а ужъ тѣмъ болѣе—подачку, милостиню!...

Г-жа Штейнъ широко открыла глаза... Она была чрезвычайно удивлена... Ничего подобнаго и не слыхала она прежде отъ дочери!..

— Хорошо, милочка, но... не забывай, однако, что вѣдь отецъ твой никакого состоянія не оставилъ, заговорила она... Если и были кое-какія средства, то они нужны были на образованіе твоего брата... Конечно,

Библиотека "Руниверс"

прожить мы можемъ, имѣя лишь необходимое — но и только! Зачѣмъ-же такъ... грубо отвергать предложеніе фрейгерра?... И это вовсе не милостиня... Нѣтъ! онъ просто хочетъ, чтобы ты была богата, и проситъ только одного: не покидать его на старости лѣтъ...

Эльза молчала... Взглядъ ея блуждалъ по комнатѣ.

— Да ты, милочка, и не торопись рѣшать этотъ вопросъ, прибавила мать, вставая: — фрейгерръ самъ просилъ, чтобы мы все это обдумали прежде... Не забудь, что *это* и мое также желаніе, желаніе твоей матери! Она поцѣловала Эльзу въ лобъ и вышла изъ комнаты.

Дѣвушка осталась одна... Неподвижно сидѣла она, опустивъ голову на руки, но потомъ, повидимому рѣшившись на что-то, быстро встала, подошла къ столу, достала изъ портфѣля бумагу и взяла перо... Но тутъ рѣшимость оставила ее... Грудь ея тяжело вздымалась... Прошло два-три мгновенія и—нѣсколько строкъ было написано торопливой рукой.

Эльза сложила записку, положила ее въ конвертъ и запечатала. Надписавъ адресъ, она на секунду пріостановилась, пристально разсматривая конвертъ съ сдѣланною на немъ подписью, но потомъ, катъ-бы стряхнувъ съ плечъ своихъ остальную тяжесть, спокойно положила письмо на столъ...

Рано утромъ на другой день поднялся фрейгерръ и, такъ какъ дѣлать было ему нечего, отправился гулять, чтобы не сидѣть только въ четырехъ стѣнахъ номера. Старикъ хотѣлъ посѣтить поручика ф. Платэна, но и визиты дѣлать было еще рано, а потому, погулявъ, онъ вернулся въ гостинницу.

— Къ вамъ приходилъ г. профессоръ и желалъ переговорить съ вами, объявилъ хозяинъ гостинницы.

— О чемъ-же? спросилъ фрейгерръ.

Это его удивило... Ужъ вѣрно случилось что нибудь необыкновенное—иначе зачѣмъ было-бы приходить въ гостинницу самому профессору? Манштейнъ обѣщался самъ быть утромъ у него... Странно...

— Не знаю, отвѣтилъ хозяинъ, — только г. профессоръ былъ очень разстроенъ... и все спрашивалъ: когда вы вернетесь, и чтобы я сейчасъ—

— Не нужно! Я самъ къ нему пойду сію минуту...

Но тутъ вторично явился Вертеръ и, какъ видно, дѣйствительно крѣпко разстроеннчй... фрейгерръ увелъ его въ свою комнату.

— Племянница моя... Эльза бѣжала! воскликнулъ профессоръ, оставшись наединѣ съ фрейгерромъ.

Новость эта сильно поразила Манштейна.

— Бѣжала!.. Когда?...

— Ночью... сегодня утромъ... Не знаю! Ночью, ночью!.. Мать ея вошла сегодня въ ее комнату—смотритъ: нѣтъ Эльзы... Ну, подумали мы не ушла-ли она гулять... по обыкновенію, а тутъ вдругъ и нашли письмо ея на столѣ, подъ портфѣлемъ... Вотъ это самое!..

— Позвольте мнѣ прочесть ..

„Не сердись на меня, дорогая, милая мама! Я рѣшилась сама себѣ проложить дорогу, попытать свои силы, узнать себя получше... Я боялась, чтобы просьбы твои не поколебали меня—и бѣжала... Уже нѣсколько дней я думала объ этомъ, а желаніе фрейгерра только заставило меня поспѣшить осуществить то̀, что̀ я задумала. Пожалуста, не ищи меня! Это было-бы и напрасно, и, пожалуй, принудило-бы меня прибѣгнуть къ крайностямъ... Но какъ только я добьюсь успѣха—ты услышишь обо мнѣ. Передай дядѣ и тетушкѣ, что я благодарю ихъ тысячу разъ за всю ихъ любовь ко мнѣ, за все!

Твоя Эльза“.

Призадумался „маленькій фрейгерръ“ глядя на эти строки... Въ головѣ его былъ какой-то туманъ, онъ едва понималъ смыслъ прочитаннаго... „Желаніе фрейгерра только заставило поспѣшить“... Онъ хотѣлъ отдать ей все, сдѣлать ее единственной наслѣдницей своей, а она... чтобы отклонить это—бѣжала!... Небыло-ли тутъ другой причины?.. Манштейнъ сталъ распрашивать Вертера, но Вертеръ сообщилъ ему то-же, что говорила ему въ бесѣдкѣ г-жа Штейнъ, причемъ подтвердилъ, что Эльза и прежде обнаруживала подобныя мысли...

— Она потому отвергла ваше предложеніе, что слишглубоко оскорблена *дворяниномъ*, и вслѣдствіе этого не хочетъ быть обязанной *ничѣмъ* дворянину, сказалъ профессоръ. Ее мучитъ одна мысль; какъ-бы отмстить за причиненное ей зло?.. Я, знаете, думаю, что у нея вотъ *тутъ* (Вертеръ указалъ на лобъ) не совсѣмъ въ порядкѣ... Должно быть, повреждено... Только я не говорилъ объ этомъ ея превосходительству—умолчалъ!...

Слова профессора потрясли „маленькаго фрейгерра“, но онъ и вѣрить не хотѣлъ, чтобы такая прелестная дѣвушка *помѣшалась*... Старый Вертеръ слишкомъ ужъ мрачно взглянулъ на дѣло!.. Вотъ онъ—результатъ легкомысленнаго поступка Зельдитца!.. Нечего сказать — славный...

— Что̀-же, извѣстно вамъ, что именно намѣрена дѣлать ваша племянница? спросилъ фрейгерръ.

— Ничего не знаю! И понятія даже не имѣю... Да что она станетъ дѣлать? У ней душа больна... Я и смотрѣлъ на нее, какъ на больную!.. Очень ужъ она несчастна, и я боюсь, чтобы она какъ нибудь не покончила съ собой... Но—нѣтъ! Этому не бывать. Мать ея совершенно растерялась—ну, такъ я за то̀ напрягу всѣ силы, чтобы отыскать ее и привезти обратно!..

— Что̀-же вы станете дѣлать?

— Я? Отправлюсь за ней — сегодня-же поѣду! воскликнулъ профессоръ.—Денегъ съ собой она мало захватила,—не уйдетъ далеко!..

— Значитъ, вы знаете, *куда* она убѣжала?

— Нѣтъ...

— Такъ куда-же вы за ней отправитесь? Гдѣ-же именно искать будете ее?...

Фрейгерръ глядѣлъ на профессора, а профессоръ глядѣлъ на фрейгерра...

— Гдѣ?.. Не знаю... Правда, я еще не подумалъ объ этомъ... Ну, да это все равно! выпалилъ вдругъ Вертеръ. Я только *одно* знаю, что долженъ ее нагнать! Вѣдь она — понимаете—пропадетъ одна, погибнетъ!... Вѣдь она совсѣмъ не знаетъ жизни... Нужда подступитъ, а гордость станетъ тутъ шептать: „Вотъ, охота терпѣть, переносить!“... ну, и того̀ — аминь!... Ну-ужъ надѣлалъ дѣлъ вашъ племянникъ!... Посмотрѣли-бы вы на мою Эльзу прежде... Совершенная была птичка! Такъ и на міръ Божій она смотрѣла... А теперь... теперь!!...

Горько, горько было „маленькому фрейгерру“, но не время было предаваться печали, думать о томъ, чѣмъ отплатилъ ему племянникъ за все добро... Эльза бѣжала—слѣдовательно, необходимо дѣйствовать рѣшительно и быстро, а на профессора не полагаться, потому что если „*она* совсѣмъ не знаетъ жизни“, то вѣдь и *онъ*, ученый мужъ, знаетъ жизнь не лучше Эльзы...

— Нѣтъ, послушайте: г. профессоръ, заговорилъ Манштейнъ,—ну, гдѣ вамъ искать ее? У васъ и силъ на это не хватитъ.. Одно только средство есть скоро отыскать вашу племянницу—обратиться за помощью къ полиціи. Увѣдомили вы полицію о побѣгѣ ея?

— Нѣтъ! Что̀ вы! воскликнулъ Вертеръ. Я, знаете, сначала подумывалъ объ этомъ, но г-жа Штейнъ и слышать не хочетъ о такой мѣрѣ, да и я теперь не могу этого допустить... Помилуйте: Эльза будетъ розыскана полиціей и полиціей-же возвращена домой?!.. И самъ вижу, что мысль дикая!...

— Позвольте... Полиція только узнаетъ, куда убѣжала племянница ваша и гдѣ находитья въ настоящее

Библиотека "Руниверс"

Удачно лопнувшая граната. Сцѣна изъ войны въ Коканѣ. Рис. Н. Каразинъ, гравр. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

время, и вотъ вы, получивъ нужныя свѣдѣнія, поѣдете за ней и привезете ее домой.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я самъ розыщу... Я далъ слово ея превосходительству и долженъ сдержать его!

Профессоръ выбѣжалъ изъ комнаты.

Вертеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые если что̀ заберутъ себѣ въ голову, то ихъ ничѣмъ не разубѣдишь.

Фрейгерръ махнулъ рукой и отправился къ г-жѣ Штейнъ, чтобы уговорить ее обратиться къ полиціи, но и тутъ ему не удалось... Бѣдная женщина была сильно огорчена, опечалена, такъ что Маннштейнъ даже и успокоить ее не могъ...

— Вѣдь я думала, что это все не серьезно, а такъ говорится.!. въ раздроженіи, стонала г-жа Штейнъ... Вѣдь она еще больна!... Ей надо беречься, а она — ушла... одна!...

„Маленькій фрейгерръ" и самъ не зналъ, что предпринять теперь... Поиски профессора, разумѣется, ни къ чему не приведутъ: онъ вернется, такъ сказать, съ пустыми руками, а вѣдь время между тѣмъ, идетъ, а это и на руку бѣглянкѣ... Труднѣе будетъ найти ее...

— Господи! Да что̀-жъ это такое? вырвалось у старика... Ужъ не сонъ-ли это все, сонъ мрачный, долгій?.. Неужели-же все это правда... дѣйствительность?.. Ложь! Я вѣрно сплю...

Но, увы, „маленькій фрейгерръ" не спалъ!.. Онъ слишкомъ внезапно былъ выброшенъ изъ своего тихаго уголка... Старикъ думалъ, что уже давно причалилъ къ мирной гавани и навсегда простился съ бушующими волнами, и вотъ опять челнокъ его очутился въ открытомъ морѣ жизни... Взяться за руль, но куда-же плыть? Компаса нѣтъ... Того и гляди налетишь на скалу, или сядешь на̀ мель!... Однако, у „маленькаго фрейгерра" характеръ былъ рѣшительный, онъ не могъ упасть духомъ, опустить руки и плыть по теченію: онъ схватился за руль и сталъ зорко смотрѣть въ непроглядную даль, но—увы, все было напрасно! Небо да волны, волны да небо... Ни пятнышка на горизонтѣ!..

И вотъ, въ такомъ грустномъ настроеніи отправился онъ къ поручику ф. Платэну. Фрейгерръ узналъ отъ Вертера, что поручикъ, вслѣдствіе раны на дуэли съ Зельдитцемъ, лишился лѣвой руки и долженъ былъ выйти въ отставку. И тутъ несчастье!.. Плачевныя послѣдствія все того-же легкомысленнаго поступка его племянника...

Маннштейнъ засталъ до̀ма Платэна. Молодой человѣкъ крѣпко исхудалъ, даже щеки у него ввалились... Видно было, что не мало перенесъ онъ страданій, да и теперь, кажется, страдалъ еще. Старикъ не сразу объявилъ ему свою фамилію, но когда Платэнъ узналъ, кто посѣтилъ его—сейчасъ-же протянулъ руку фрейгерру.

Они разговорились. Отставной поручикъ уже зналъ о томъ, какая судьба постигла барона Зельдитца, но онъ не зналъ, что дядя совершенно отрекся отъ племянника...

— Да, я лишился руки, говорилъ Платэнъ, но такова была воля судьбы, и я не сержусь на барона... Дрались мы по всѣмъ правиламъ... Конечно, я принужденъ былъ выйти въ отставку, но, очень можетъ быть, что я и такъ не продолжалъ-бы службы. Военнымъ сдѣлался я по желанію моего отца, а самъ-бы пошелъ по другой дорогѣ: меня не туда тянуло...

— Куда-же? спросилъ фрейгерръ.

— Я, можетъ быть, сталъ-бы живописцемъ, отвѣтилъ молодой человѣкъ послѣ небольшаго молчанія: ну, а теперь, конечно, нечего и думать объ этомъ!... Одна рука... Впрочемъ, и съ обѣими руками — еще вѣдь неизвѣстно—сотворилъ-ли-бы я что нибудь особенно—замѣчательное!... Случается, что человѣкъ чувствуетъ, положимъ, склонность къ живописи и ужъ готовъ, увлекшись вобразить, что у него рѣдкій талантъ!...

— А что̀-жъ, вы-бы попытали себя...

— Пожалуй, но... когда нибудь послѣ. У меня теперь другая забота: отецъ оставилъ мнѣ небольшое имѣнье, которое отдано въ аренду, но мнѣ хочется самому заняться хозяйствомъ... Вотъ, я и хочу поучуться, потому что мало смыслю еще въ этомъ дѣлѣ. У меня есть знакомые, хорошо знающіе сельское хозяйство, да и путешествовать мнѣ необходимо для здоровья; нужно силы свои подкрѣпить.

Маннштейнъ рѣшился, наконецъ, спросить Платэна, видѣлъ-ли онъ Эльзу Штейнъ послѣ дуэли? Молодой человѣкъ слегка покраснѣлъ и отвѣтилъ, что̀ не видѣлъ, такъ какъ она была опасно больна...

— Я черезъ нѣсколько дней уѣду отсюда, прибавилъ онъ, и надѣюсь передъ отъѣздомъ увидѣться съ ней, такъ какъ профессоръ Вертеръ знако̀мъ мнѣ.

— Она въ прошлую убѣжала, объявилъ Фрейгерръ.

Платэнъ вскочилъ... Та̀къ его поразила, даже испугала эта новость!

— Убѣжала?!.. Зачѣмъ... почему?...

Старикъ сообщилъ ему все, что самъ зналъ и спросилъ:

— Вы хорошо были знакомы съ ней?

— Нѣтъ, я мало зналъ ее, но я ее хорошо понимаю, заговорилъ молодой человѣкъ... Эта прекрасная, гордая дѣвушка была слишкомъ глубоко оскорблена, чтобы легко перенести такой ударъ! Да̀, ей тутъ тѣсно, она здѣсь не можетъ остаться... Душѣ ея нуженъ просторъ, она хочетъ броситься въ вѣчношумящее море жизни, чтобы забыться, успокоиться!.. Я зналъ вѣдь, что гнусная продѣлка барона понесетъ ея сердцу глубокую рану, потому что фрейлейнъ Эльза не то̀ что другія дѣвушки, а потому и старался остановить Зельдитца... Товарищи не соглашались со мной, но я полагалъ и полагаю, что долгъ всякаго честнаго человѣка защитить, вступиться за честь невинной дѣвушки... Такъ по крайней мѣрѣ было въ старину и считалось это дѣломъ хорошимъ, а истинно-хорошее, прекрасное живетъ вѣчно, не увядая!...

Платэнъ былъ видимо взволнованъ, да и „маленькій фрейгерръ" разчувствовался и, протянувъ руку, воскликнулъ:

— Дайте вашу! Мы сходимся въ убѣжденіяхъ!... А теперь я позволю себѣ предложить вамъ одинъ вопросъ: любили вы Эльзу Штейнъ?...

Молодой человѣкъ ловко отвернулся, чтобы скрыть внезапно-вспыхнувшій румянецъ...

— Э, будьте со мной откровенны, заговорилъ старикъ, — вѣдь я не ради любопытства спросилъ объ этомъ! Нѣтъ!.. Мнѣ чрезвычано жаль эту бѣдную дѣвушку... Убѣжала она, чтобы зажить самостоятельною жизнью, сдѣлаться независимой, а главное—найти успокоеніе, забыть то̀, чего теперь она не въ силахъ забыть, но... какъ мнѣ кажется, тутъ и есть только *одно* вѣрное средство...

— Какое-же? спросилъ Платэнъ.

— Любовь... Только любовь можетъ совершенно изцѣлить ее и сдѣлать снова счастливой!

— Я люблю ее... да! проговорилъ наконецъ отставной поручикъ взволнованнымъ голосомъ и прибавилъ: когда я вышелъ на поѣдинокъ съ барономъ, я не сознавалъ еще, что люблю ее, но потомъ.... потомъ я почувствовалъ къ ней безумную любовь!.. О, какъ я боролся, чтобы подавить это чувство... Но сердце побѣдило меня, и само теперь объято пламенемъ!... Я старался забыть ее и—не могъ, я не хочу думать о ней и—думаю *именно* о *ней*!...

— Но зачѣмъ-же... зачѣмъ хотите вы забыть Эльзу, не думать о ней?...

— Зачѣмъ?... Мнѣ-ли теперь, безрукому... колѣкѣ... искать ея любви!... Развѣ имѣю я право?...

— Позвольте! Руку-то вы потеряли, защищая ее, вы пожертвовали рукой ей-же... Неужели это не даетъ вамъ право на благодарность... любовь Эльзы?..

Библиотека "Руниверс"

— Ну, она, можетъ быть, *иначе* взглянетъ на это...

— Совсѣмъ *не иначе*! Нѣтъ, нѣтъ! заторопился „маленькій фрейгерръ. Вы вступились за не, руку потеряли—извольте-же теперь отыскать ее, спасти!.. Ну, гдѣ ей одной бороться съ жизнью?.. Я боюсь за не!... Мать ея не хочетъ прибѣгнуть къ помощи полиціи, а мнѣ, старику, не подъ силу взяться за это дѣло...

Маннштейну удалось разжечь Платэна...

— Я найду ее и возвращу въ объятія матери! воскликнулъ молодой человѣкъ. Я ни на что не посмотрю, употреблю всѣ силы, и до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не выполню этой задачи!...

И у фрейгерра клазки засверкали, и онъ снова протянулъ руку поручику.

— Надѣюсь, вы позволите и мнѣ принять участіе въ этомъ? Если вы не откажетесь отъ моей помощи, то я приму согласіе ваше какъ доказательство того, что вы довѣряете мнѣ... Я предоставлю вамъ какую угодно сумму денегъ — распоряжайтесь ими, какъ знаете! Берите ихъ, потому что чѣмъ больше средствъ—тѣмъ лучше... Можетъ быть, отъ этого будетъ зависѣть и самый успѣхъ дѣла!..

— Хорошо.. Вашу руку, г. фрейгерръ! Если мнѣ понадобится ваша помощь—я обращусь къ вамъ непремѣнно.

— И такъ, когда-же въ путь?

— Сегодня-же!

— Съ Богомъ?.. Ну, теперь, вотъ, какъ будто и легче стало на душѣ, замѣтилъ старикъ. Теперь мнѣ и домой-то, право, веселѣе возвращаться!... Эхъ, вѣдь и я былъ молодъ... Знаю, что самое зоркое око — это *око любви*! Не устаетъ оно глядѣть, ничего не боится, потому что сама „Любовь“ не обращаетъ вниманія ни на какія преграды и готова пожертвовать всѣмъ... Не падайте только духомъ! Знаете, кто-то какъ будто шепчетъ мнѣ, что вы обрѣтете свое счастье...

Профессоръ Вертеръ остался при своемъ и отправился таки отыскивать бѣглянку. Онъ почему-то былъ твердо увѣренъ, что Эльза убѣжала въ резиденію... Ученый мужъ очутился въ столицѣ и, пробродивъ дня два по городу, тутъ только понялъ, что взялся совсѣмъ не за свое дѣло: онъ рѣшительно не зналъ, что-же, наконецъ, ему дѣлать? Всматриваться въ лицо каждой мимоидущей женщины не совсѣмъ-то ловко, да и толку изъ этого что-то не выходитъ... Вернулся профессоръ во-свояси и присмирѣлъ, такъ какъ неудача скомфузила его: вѣдь онъ, чортъ возьми, обѣщанія не исполнилъ— не привезъ Эльзы съ собой!...

Г-жа Штейнъ оставалась въ тревожномъ состояніи духа, и съ каждымъ днемъ безпокойство ея усиливалось... Она думала, вотъ завтра утромъ вернется дочь, но проходило утро... догоралъ день, наступало другое—а Эльза не являлась... Обратиться за помощью къ полиціи бѣдная мать все-таки не хотѣла.

Фрейгерръ умолчалъ о томъ, что Платэнъ взялся во чтобы-то ни стало отыскать Эльзу, но онъ былъ убѣжденъ, что труды молодаго человѣка не пропадутъ даромъ, и ждалъ благопріятнаго извѣстія. Прошла недѣля, другая, третья, а дѣвушка не отыскивалась... Старикъ опечалился... Неужели надежды его не сбудутся... Платэнъ писалъ ему уже нѣсколько разъ, переѣзжая изъ одного города въ другой, но, какъ видно, поиски его ни къ чему не привели, всѣ старанія найти бѣглянку были тщетны... Письма молодаго человѣка имѣли мрачный оттѣнокъ: онъ отчаявался въ успѣхѣ, рѣшительно не зналъ, гдѣ искать Эльзу и предполагалъ, что ея уже нѣтъ въ живыхъ... Эта мысль не оставляла его, хотя онъ и гналъ ее отъ сеня... „Маленькій фрейгерръ“ и самъ невольно подумалъ объ этомъ и сталъ упрекать себя, что послушался г-жи Штейнъ и во-время не донесъ полиціи о пропавшей дѣвушкѣ...

— А, впрочемъ, можетъ быть, и теперь еще не поздно прибѣгнуть къ такой мѣрѣ? мелькнуло у него въ головѣ—и старикъ, живо собравшись, покатилъ въ резиденцію, чтобы повидаться съ Питтомъ, поговорить съ нимъ насчетъ этого дѣла...

— Помочь тутъ вы только одни и можете, говорилъ Фрейгерръ слѣдователю:—вы съумѣете открыть, гдѣ она бѣдняжка скрывается!

— Ахъ, зачѣмъ-же вы тогда-же не увѣдомили меня объ этомъ? замѣтилъ Питтъ.

— Тогда... Я не могъ!... Мать этой дѣвушки никакъ не хотѣла, чтобы полиція принялась за розыски... Эта мысль была ей просто противна! Да она и теперь не должна знать, что я обратился къ вамъ...

Слѣдователь молчалъ, повидимому обдумывая что-то

Гм. слишкомъ много времени прошло, такъ что теперь гораздо труднѣе что нибудь сдѣлать, проговорилъ онъ наконецъ.. Извѣстно вамъ, куда именно она отправилась изъ М*?

— Нѣтъ. Никто этого не знаетъ.

— Вы упомянули, что она мало взяла съ собою денегъ?

— Да. У ней было всего-то нѣсколько талеровъ... Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщила мнѣ ея мать.

— Ну-съ, а не говорила-ли прежде сама фрейлейнъ о томъ, какое поприще думаетъ избрать, чтобѣ завоевать себѣ самостоятельность?...

— Не знаю. Я самъ съ такимъ вопросомъ обратился къ г-жѣ Штейнъ, но и она не могла дать удовлетворительнаго отвѣта. Братъ этой дѣвушки живописецъ, ну, и Эльза тоже, ради удовольствія, иногда кое-что рисовала... Талантъ-то, кажется, есть и у ней... Можетъ быть, не задумала-ли она сдѣлаться живописцемъ?...

Питтъ отрицательно покачалъ головой.

— Хорошо. Я употреблю всѣ усилія, чтобы найти эту дѣвушку... Но, конечно, за это дѣло я могу взяться не иначе, какъ по предписанію моего начальника. Не угодно-ли будетъ вамъ заявить ему о своемъ желаніи?

— А не можете-ли вы взять на нѣкоторое время отпускъ и... начать розыскъ? спросилъ фрейгерръ. Видите-ли въ чемъ дѣло: г-жа Штейнъ объявила своимъ знакомымъ, что дочь ея уѣхала куда-то гостить... Поэтому я не имѣю права обнаруживать тайны, заявлять оффиціально о побѣгѣ... Пріѣхалъ я къ вамъ, откровенно все разсказалъ, полагая, что вы найдете возможнымъ начать дѣло, не замѣшивая тутъ *третьяго* лица. Если...

Слѣдователь призадумался:

— Пожалуй, можно и такъ, проговорилъ онъ наконецъ, но это будетъ стоить нѣкоторыхъ издержекъ.. Мнѣ, по всей вѣроятности, придется поѣздить, и ужъ во всякомъ случаѣ побывать въ М*., чтобы узнать тамъ, по какой дорогѣ отправилась фрейлейнъ Эльза.

— Всѣ издержки я беру на себя, объявилъ Маннштейнъ. Не жалѣйте никакихъ денегъ! Потребуется большая сумма сразу—дайте мнѣ знать сейчасъ-же. Будьте увѣрены также, что труды ваши будутъ щедро вознаграждены.

— Не можете-ли вы достать мнѣ фотографическую карточку этой дѣвушки?

— Завтра-же она у васъ будетъ.

— Хорошо.

Слѣдователь снова задумался.

— Скажите, гдѣ теперь вашъ племянникъ? вдругъ спросилъ онъ.

— Итого не знаю, отвѣтилъ фрейгерръ... Вѣдь я вамъ говорилъ, что я совершенно отрекся отъ него!.. Гдѣ онъ, что съ нимъ—это для меня рѣшительно все равно... Я нимало не забочусь объ его судьбѣ.

— Развѣ онъ не обращался еще къ вамъ за помощью?

Библиотека "Руниверс"

— Нѣтъ... Да если-бы и обратился, я-бы ничего ему не далъ... Но зачѣмъ это вопросъ?...

Питтъ не сразу отвѣтилъ.

— Зачѣмъ? Вѣдь она любила его... Не къ нему-ли она ушла...

— О, нѣтъ! Быть этого не можетъ! воскликнулъ старикъ... Она—ненавидитъ его!

(Продолженіе будетъ).

Удачно лопнувшая граната

(Рисунокъ изъ походнаго альбома художника-солдата).

Медленно, стройно подвигается маленькій отрядъ «бѣлыхъ рубахъ». Отрядъ этотъ идетъ въ строгомъ боевомъ порядкѣ; артиллеристы съ зажженными фитилями идутъ у своихъ орудій. Врагъ многочисленный, несравненно превышающій числомъ русскихъ, близокъ, онъ окружаетъ горсть бѣлыхъ рубахъ со всѣхъ сторонъ, онъ пока невидимъ, только столбы пыли, поднятыя тысячами конскихъ ногъ носятся по степи... Но вотъ пыль эта мало по малу разсѣевается, вдали обрисовываются зубчатыя прихотливыя очертанія холмовъ и кургановъ, за ними туманная синеватая стѣна высокаго горнаго хребта.

Солнце свѣтитъ ярко, ослѣпительно, на горизонтѣ дрожитъ туманная мгла, рисуя жаждущему, утомленному долгимъ переходомъ солдату, заманчивыя линіи фантастическихъ, не существующихъ озеръ-миражей.

Вотъ что-то блеснуло на вершинѣ одного холма, вотъ на вершинѣ другого повторился подобный же блескъ. Опытный глазъ знаетъ, что это такое... это солнечный лучъ, отразившійся на чемъ-то металлическомъ.

Десятки биноклей устремились туда... «Вонъ они! вонъ они!» слышится по рядамъ оживленный говоръ.

Дѣйствительно это *они*... На гребняхъ кургановъ волнуются кучки едва замѣтныхъ всадниковъ... Они сгруппировываются около высокихъ значковъ... Они далеко, ружейная пуля не пролетитъ такое пространство... Нарѣзное орудіе врядъ ли хватитъ,. а не попробовать-ли... не грянуть-ли?!. Съ передковъ долой!»..

А врагъ издали смотритъ на бѣлыя линіи русскихъ солдатъ, онъ грозитъ имъ своимъ оружіемъ, посылаетъ всевозможныя ругательства и оскорбленія, сыплетъ проклятія на головы «невѣрныхъ собакъ» и боится подойти ближе, зная по опыту свойства штуцеровъ-берданокъ и стальныхъ пушекъ.

Врагъ видитъ какъ около одной изъ нихъ взвился клубъ бѣлаго дыма. Онъ не знаетъ куда направленъ этотъ выстрѣлъ и ждетъ... Но вотъ въ воздухѣ дребезжитъ какой-то рѣзкій, свистящій звукъ... Мгновеніе—и адскій оглушительный трескъ раздается надъ самыми головами...

Все разсыпалось врозь, все несется внизъ съ кургана, испуганное этимъ трескомъ: а на мѣстѣ являются раненые и убитые кони съ своими всадниками—и вмѣстѣ съ живыми, уцѣлѣвшими, дико несутся лошади безъ сѣдоковъ, съ окровавленными, сбитыми на бокъ, истерзанными сѣдлами.

Эту катастрофу произвела удачно пущенная граната, вдругъ лопнувшая надъ головами непріятельской кучки.

Этотъ моментъ и изображенъ на нашемъ рисункѣ.

На новой квартирѣ.

(Картина Л. Е. Ламбера).

Въ небольшой корзинкѣ, стоявшей подъ столомъ и устланной кускомъ стараго мягкаго ковра, лежала великолѣпная ангорская кошка, мать трехъ прехорошенькихъ сотунковъ-котятъ, которые, прижавшись къ матери, сладко дремали. Дремала и сама маменька. Неизвѣстно, какъ долго продолжаеось бы это семейное far nieute, если бы къ корзинкѣ не подскочила комнатная собачка — пинчеръ. Такъ какъ этотъ мохнатый звѣрекъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ ангорской красавицей и даже подъ часъ игралъ съ ея маленькими, то дѣло обошлось безъ шума, т. е. безъ визгливаго лая, фырканья и оплеухъ. Обезпокоенная мать семейства встала, потянулась и, легко, граціозно выскочивъ изъ корзинки, отправилась къ любимому своему мѣстечку — бархатной скамейкѣ, стоявшей у коммода. Котята также не пожелали остаться въ гнѣздѣ, выкарабкались изъ него и очутились на полу, Между ними и хохлатымъ пинчеромъ сейчасъ же началась игра. Котенокъ съ бѣленькой мордочкой, преслѣдуемый рѣзвымъ врагомъ, замѣтилъ, что нижній ящикъ коммода открытъ — прыгнулъ въ него и началъ поддразнивать непріятеля. Другіе два послѣдовали его примѣру и, попавъ такимъ образомъ на «новую квартиру», стали бойко хозяйничать въ ней. Съ коммода слетѣлъ вѣеръ прямо на голову пинчера, который и принялся его трепать.

Стоитъ теперь вернуться въ комнату хозяйкѣ коммода и — безпокойные жильцы немедленно будутъ выгнаны изъ новой квартиры. «Брысь! Ахъ, вы дрянь эдакая! Посмотрите, что они надѣлали!..» Но кто же виноватъ? Не слѣдовало оставлять ящика открытымъ, когда въ комнатѣ водятся такіе хорошенькіе шалуны. Если шалуны эти будутъ наказаны, то мамаша (она такая нѣжная, любящая мать!) въ другой разъ ужъ не допуститъ ихъ до такого баловства—сама выгонитъ ихъ изъ ящика! Ей весьма непріятно, когда дѣтей ея наказываютъ, и она приметъ надлежащія мѣры къ предотвращенію подобныхъ непріятностей. А. Брэмъ разсказываетъ, что у одного изъ его знакомыхъ была удивительная кошечка. «Немногими побоями и угрозами ее довели до того, что она оставила въ покоѣ комнатныхъ птицъ, которыя сидѣли въ клѣткахъ на окнѣ. Одинъ изъ ея котятъ возъимѣлъ намѣреніе поживиться этими птичками. Онъ вскочилъ на стулъ, съ него прыгнулъ на окно и только что хотѣлъ изъ клѣтки вытащить птичку, какъ его взяли за голову, образумили нѣсколькими ударами и посадили на полъ. Кошка видѣла попытку котенка и видѣла, какъ онъ былъ наказанъ. Она поспѣшила на его крикъ о помощи и съ состраданіемъ зализывала удары, нанесенные ея дѣтищу. Эта исторія повторилась еще два раза. Но котенокъ не хотѣлъ отказаться отъ желанія полакомиться и не прекращалъ своихъ попытокъ. Кошка не спускала съ него глазъ и каждый разъ, когда онъ пробирался къ окну, вскакивала на стулъ поджидала его и затѣмъ «собственноручно» отсчитывала ему нѣсколько крѣпкихъ оплеухъ. Котенокъ высмотрѣлъ себѣ другую дорогу: онъ забрался на бюро, стоявшее возлѣ окна и бросился оттуда на птицъ. Но кошка замѣтила это дерзкое предпріятіе—однимъ прыжкомъ очутилась наверху и наградила тамъ непослушнаго питомца такими пощечинами, что съ тѣхъ поръ продѣлки его прекратились».

«Кошка—высоко-одаренное животное, говоритъ Шейтлинъ, степень развитія ея чувствъ вполнѣ соотвѣтствуетъ развитію ея тѣла. Мы обыкновенно слишкомъ низко цѣнимъ кошекъ, потому что ненавидимъ ихъ воровство, боимся ихъ когтей и очень высоко цѣнимъ врага ихъ—собаку».

Статуя свободы для нью-іоркскаго рейда.

(Проектъ памятника, воздвигаемаго въ память провозглашенія независимости сѣверо-американскихъ штатовъ въ 1776 году).

Достаточно произнести имя Лафайета, чтобы вспомнить, какое рѣшительное участіе приняла Франція въ борьбѣ сѣверо-американцевъ за свободу. Французское братство по оружію не забыто въ союзѣ и все тѣснѣе становились взаимныя отношенія двухъ націй при тѣхъ государственныхъ переворотахъ, которые выпали на долю Франціи. Сочувствіе еще болѣе усилилось съ тѣхъ поръ, какъ во Франціи была провозглашена республика и оба народа получили одинаковую форму правленія.

Въ слѣдующее лѣто будетъ ровно сто лѣтъ, какъ англійскія колоніи въ Сѣверной америкѣ провозгласили свою независимость и послѣ многолѣтней борьбы дѣйствительно пріобрѣли ее, съ помощью французскихъ вспомогательныхъ войскъ. Какъ уже извѣстно, союзъ съ нѣкоторыхъ поръ дѣлаетъ обширныя приготовленія, чтобы достойнымъ образомъ отпраздновать торжественный день. Многочисленные друзья союза во Франціи и французы, живущіе въ соединенныхъ штатахъ, рѣшились воспользоваться случаемъ, чтобы высказать свое сочувствіе родственной трансатлантической республикѣ и съ этою цѣлью поручили скульптору Бартольди сдѣлать проектъ колоссальнаго монумента, который долженъ быть отлитъ изъ мѣди и воздвигнутъ на небольшомъ островкѣ, противъ Лонгъ-Исланда, гдѣ была пролита первая кровь за независимость. Такъ какъ амери-

Библиотека "Руниверс"

Въ новой квартирѣ. Л. Э. Ламберъ, гравир. Ансо, съ авторизаціи Гупиля и К°.

Библиотека "Руниверс"

канцы и французы вмѣстѣ сражались за независимость, то памятникъ долженъ быть воздвигнутъ сообща обѣими націями. Франція возьметъ на себя постановку статуи, Америка—постамента.

Вышина статуи предполагается въ 25 метровъ, вышина постамента тоже въ 25 метровъ или, по другимъ извѣстіямъ, въ 32 метра. Въ одной рукѣ статуя будетъ высоко держать факелъ свободы, въ другой таблицы законовъ; ногами она будетъ попирать разбитыя оковы. Вѣнецъ изъ лучей, окружающій ея голову, будетъ освѣщать ночью гавань и части города Нью-Іорка—Джерсей и Бруклинъ.

Мостъ Евангелистовъ черезъ рѣку Дрину, въ Герцеговинѣ.

Представленный на нашей картинѣ первобытный мостъ черезъ быструю горную рѣчку, находится на сѣверъ отъ Червогоріи, въ южной части Герцеговины, принадлежащей Босніи, которая играетъ въ настоящую минуту такую важную роль въ современныхъ событіяхъ. Въ здѣшнихъ дикихъ горахъ беретъ свое начало Дрина, которая расширяется далѣе въ судоходную рѣку и образуя границу между Сербіей и Босніей, у форта Ракса вливается въ Саву.

«Наслушавшись разсказовъ о всевозможныхъ звѣрскихъ жестокостяхъ турокъ», разсказываетъ одинъ путешественникъ, «не безъ страха перешелъ я у Ровно, черногорскую границу, слѣдуя неудержимому желанію взглянуть на эти неприступныя горы, гдѣ цѣлыя столѣтія не перестаетъ литься христіанская кровь.

Недалеко отъ границы, около Малой Подгорицы, встрѣтилъ я себѣ путеваго товарища, молодую, хорошенькую дѣвушку, которая весело привѣтствовала меня. Надо замѣтить, что въ нравахъ герцеговинцевъ есть много прекрасныхъ, рыцарскихъ сторонъ, къ чему слѣдуетъ отнести и то, что никто въ Герцеговинѣ не можетъ путешествовать такъ безопасно, какъ женщины и дѣвушки. Даже мущины въ ихъ обществѣ пользуются извѣстнымъ правомъ неприкосновенности. Когда, по обычаю страны, отвѣтивъ на привѣтствіе дѣвушки, я спросилъ ее объ ея родныхъ, она отвѣчала мнѣ съ глубокимъ вздохомъ.

«Ни отца, ни матери я не знаю; брата не видѣла вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, а сестру наврадъ ли и увижу когда нибудь».

Прежде чѣмъ я могъ понять смыслъ этихъ словъ, проговоренныхъ какимъ-то мистическимъ тономъ, она продолжала свой разсказъ.

«Вскорѣ послѣ того какъ я родилась, на нашу деревню налетѣла турецкая шайка. Наши всѣ убѣжали въ горы. Мать моя умерла на дорогѣ. Отецъ раньше того еще, съ отрядами Буке Голубя, а потомъ Луки Вукалонича, вдоль и поперегъ искрещивалъ горы, гоняясь за разбойниками. Не подозрѣвалъ онъ, что я родилась на свѣтъ горькой сиротинкой и питало меня не материнское молоко. Потомъ отецъ мой убѣжалъ за границу въ чужія земли. Такъ и не возвращался. Была у меня еще сестра да братъ; горька была наша сиротская жизнь, а подъ конецъ и совсѣмъ разсѣяла насъ судьба. У брата и у сестры она и родину отняла. Я самая счастливая. Я невѣста; въ будущее воскресеньс послѣдній разъ буду танцовать коло *) дѣвушкой. Братъ мой живетъ въ людяхъ; онъ нанялся въ Черногорію. Тамошніе купцы привезли мнѣ поклонъ отъ него; онъ собирается ко мнѣ на свадьбу; обѣщаетъ прострѣлять цѣлую оку (около двухъ фунтовъ) пороха, на радости что я буду женой чернаго Іово, его товарища. А все-таки мнѣ думается, рано или поздно отомститъ онъ за мою сестру, Господь поможетъ ему. Проклятый турка сорвалъ съ ея груди крестъ; она умерла для насъ, потому что съ прошлаго Рождества томится въ гаремѣ, въ Мостарѣ.

Какой свѣтъ бросаетъ одна подобная этой семейная исторія на положеніе страны и причинъ настоящаго возстанія: Я шелъ по землѣ пропитанной кровью турецкихъ жертвъ. Но это были еще только цвѣточки; у моста Евангелистовъ услышалъ я гораздо больше.

Невѣстѣ было идти по дорогѣ со мной. Съ корзиной на головѣ, шла она впереди такъ скоро, что я едва могъ поспѣвать за ней. Изъ состраданія къ моей усталости, она еще взяла себѣ на плечи половину моей ноши. Когда я потомъ хотѣлъ заплатить ей за это, она отклонила мое намѣреніе, наивно замѣтивъ, что это было бы не похристіански не помочь бѣдному богомольцу, за какого оно меня принимала. Но, когда я предложилъ ей образокъ, она съ благодарностью взяла его и сказала, что будетъ молиться за мою грѣшную душу. Ради спасенія своей души, я подарилъ ей два образочка и нѣсколько металлическихъ пуговицъ и пряжекъ для струки (куртки) ея Іово.

Чѣмъ выше подымались мы, тѣмъ круче и труднѣе становилась дорога, которая мѣстами съуживалась до чрезвычайности. По кратчайшей тропинкѣ пришли мы къ такъ называемой «кромкѣ», имѣвшей мѣстами не больше двухъ, трехъ футовъ ширины; внизу зіяла бездонная пропасть. На одномъ изъ такихъ мѣстъ, шедшій позади насъ человѣкъ съ тремя навьюченными ослами, опередилъ насъ, чтобы поскорѣе утолить у цистерны жажду своихъ животныхъ. Мы также напились у цистерны и освѣживъ свои силы, всѣ вмѣстѣ продолжали путь въ оживленныхъ разговорахъ о красотахъ и бѣдствіяхъ этой «Илирійской Швейцаріи».

Шесть часовъ уже шли мы по скалистымъ возвышенностямъ, а передъ нами было еще четыре часа пути, прежде чѣмъ намъ можно будетъ отдохнуть подъ крышей, если мы, по здѣшнему обычаю, дойдемъ до первой деревни раньше солнечнаго заката. Если же кто придетъ въ деревню позже, то долго придется ему стучать у дверей, и все таки онъ простучитъ напрасно.

На склонѣ дороги глазамъ нашимъ представилась чудесная панорама горъ и ущелій, среди которыхъ безчисленными извилинами, шумно прокладывала себѣ путь Дрина. Съ вышины виднѣлся уже и нашъ мостъ. Завидѣвъ его, мой спутникъ, еще раньше этого разсказывавшій мнѣ не мало печальныхъ исторій, прибавилъ къ нимъ еще нѣсколько. Въ заключеніе привожу здѣсь одну изъ нихъ.

Мой загорѣлый, суровый горецъ началъ такъ.

«Въ пятидесятыхъ годахъ—Богъ мой—что творилось у насъ въ горахъ! Въ каждомъ уголку отчаянная борьба! Наши храбрые вожаки, Буко Голуба да Анто Букосовъ на смерть бились съ турками, врѣзывались въ ихъ шайки и крошили нехристей на право и на лѣво. А когда случалось, что тѣхъ было много, такъ наши всегда умѣли поскорѣе скрыться въ горы, а тамъ, поди, ищи ихъ!

Разъ турки поймали Петровича, славнаго малаго, и стали требовать, чтобы онъ выдалъ гдѣ находятся наши. Волочили они волочили его по всей деревнѣ, разныя дѣлали надъ нимъ тиранства, наконецъ потащили съ собой. А онъ и впрямь не зналъ ничего, потому что былъ не коренной здѣшній уроженецъ, а изъ пришлыхъ. Вотъ какъ пришли они на этотъ самый мостъ, Петровичъ, въ свидѣтели того, что ничего не можетъ имъ сказать, показалъ на крестъ. Они привязали его къ кресту, да и выкололи ему глаза. Потомъ крестъ повалили съ нимъ вмѣстѣ на землю — такъ его и нашли подъ нимъ въ страшныхъ мукахъ. Онъ жилъ еще послѣ этого семь лѣтъ, а всежъ-таки померъ не своей смертью.

Какъ турки опять напали разъ на деревню, и всѣ убѣжали въ горы, ему, слѣпому, куда-жъ было идти по узкимъ горнымъ тропинкамъ. Поэтому онъ остался и спрятался на чердакѣ своей хижины. Но злодѣи сожгли всю деревню, такъ Петровичъ и сгорѣлъ, бѣдный.

Ну, однакожъ, спустя немного времени, нашъ Лука Вукаловичъ страшно отомстилъ туркамъ—сторицей заплатилъ имъ кровавый долгъ. Съ своими храбрецами напалъ онъ на отрядъ турокъ. Самаго агу съ однимъ еще рыжеволосымъ туркомъ, притащили они на мѣсто, гдѣ они совершили свое звѣрское преступленіе, на мостъ, привязали ихъ по обѣ стороны креста, около свай. Такъ и оставили ихъ тутъ распятыхъ. Вонъ еще и по сію пору болтаются веревки. Изъ серебряныхъ подковъ лошади аги сдѣланы скобки, чтобы скрѣпить крестъ. Ихъ также видать еще.

Вдовѣ Петровича, само собою отъ этого легче не стало; ужъ она теперь старуха; мыкаетъ свое горе здѣсь въ горахъ, да пасетъ своихъ козъ. Молодая Стаца, дочь ея, сдѣлалась вдовой, едва узнавъ своего мужа. Онъ свалился въ пропасть, преслѣдуемый турками; и оставилъ ей одно дорогое наслѣдство, сына у ея груди, чтобъ было кому отомстить за него».

Во время этого разсказа мы подошли къ мосту. По серединѣ его стоялъ крестъ. Тутъ я увидѣлъ какъ молятся люди въ горѣ, когда жизненный крестъ тяжелъ, не подъ силу. Молодая мать—сама почти еще ребенокъ—положила своего грудного младенца къ подножію креста, какъ бы поручая его покровительству распятаго на немъ. А ребеночекъ-то и поднялъ къ небу крошечныя ручонки. Другая изсохшая фигура съ длиннымъ ружьемъ, высунула изъ-подъ плаща дрожащія, сморщенныя руки и также набожно протянула ихъ къ распятію. А отъ него вѣяло ароматомъ цвѣтовъ, которыми постоянно украшали его усердныя руки. Внизу, у ручья, царила тишина. Даже пасущіяся животныя какъ будто боялись нарушать ее. Эта минута самаго меня невольно расположила къ молитвѣ. Подойдя ближе къ другимъ молящимся, я увидѣлъ, что фигура съ ружьемъ была согбенная годами и горемъ старушка; въ мутныхъ глазахъ ея блестѣли слезы, губы все еще шептали молитву.

Въ здѣшнихъ горахъ есть пословица: «тяжело женщинѣ носить мужнино ружье», и глядя на эту несчастную я сказалъ своему спутнику:

«Вотъ женщина, которой пожалуй не меньше пришлось перенести горя, чѣмъ вдовѣ Петровича».

«Правда», отвѣчалъ онъ, «потому что это она сама и есть».

Вся обстановка какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала мрачной извѣстности древняго знаменитаго моста. Онъ дѣйствительно очень старъ, вѣроятно постройка его относится къ раннимъ сербскимъ битвамъ за свободу, слѣдовательно къ тѣмъ време-

*) Національный герцеговинскій танецъ.

Библиотека "Руниверс"

намъ, когда горсть храбрыхъ воиновъ основала нынѣшнюю Черногорію.

Ложе Дрины здѣсь довольно широко, слѣдовательно въ половодьѣ вода не поднимается такъ быстро, чтобы это могло угрожать мосту. Громадныя каменныя глыбы, оторвавшіяся нѣкогда съ крутыхъ утесовъ, лежатъ на днѣ рѣчки. Объ верхнюю ихъ часть, весной, съ шумомъ бьютъ пѣнистыя волны Дрины—но онѣ не въ силахъ сдвинуть эти колоссы и откатить ихъ дальше въ низкую долину, какъ онѣ это дѣлаютъ съ небольшими осколками скалъ.

Прикованные собственной своей тяжестью, глубоко врѣзавшіеся въ дно рѣки, эти массивные камни лежали здѣсь можетъ быть цѣлыя тысячелѣтія, прежде чѣмъ была положена черезъ нихъ первая доска. На видъ, эти тяжелыя бревна какъ будто случайно наброшены другъ на друга, между тѣмъ какъ на дѣлѣ, мостъ построенъ по всѣмъ законамъ техники; но такъ какъ онъ перебрасывается черезъ разсѣянныя тамъ и сямъ глыбы, идетъ зигзагами. Вслѣдствіе этого на нѣкоторыхъ уступахъ приходится таки порядочно балансировать, чтобы удержать равновѣсіе. и надо быть природнымъ герцеговинцемъ, чтобы отважиться идти по этому мосту ночью.

Вѣроятно полагаясь на покровительство евангелистовъ, здѣшніе прохожіе сочли достаточнымъ только кое.гдѣ оградить мостъ импровизированными перилами изъ ивовыхъ прутьевъ. Кто не хочетъ добровольно взять холодной ванны въ Дринѣ, тотъ, дойдя до середины каждаго поворота, долженъ съумѣть во время ухватиться за перила слѣдующаго колѣна; такая штука, признаться сказать, требуетъ значительной ловкости.

Преданіе гласитъ, что мостъ былъ выстроенъ мораканами, которые перешли потомъ черезъ горныя цѣпи въ Черногорію. Это былъ въ тѣ времена единственный безопасный проходъ для жителей Никсикъ-Дробнъякера и груболицкихъ горныхъ возвышенностей. Для нынѣшнихъ горныхъ жителей онъ также имѣетъ большое значеніе, такъ какъ они, съ понятнымъ страхомъ, избѣгаютъ большихъ турецкихъ дорогъ и мостовъ. Слишкомъ хорошо знаютъ бѣдные горцы, что по этимъ дорогамъ турки возятъ только изъ крѣпости въ крѣпость пушки, что съ тѣхъ поръ какъ вышли изъ арсенала, направлялись противъ никого иного, какъ противъ тѣхъ подданныхъ, у которыхъ до сихъ поръ еще не сошли съ рукъ мозоли, натертыя при постройкѣ тѣхъ крѣпостныхъ башенъ.

Часто бывалъ этотъ мостъ свидѣтелемъ кровавыхъ битвъ. При измѣнчивомъ военномъ счастіи, турки проникали и сюда, въ глубиву горъ, предаваясь всюду своимъ неистовствамъ. Они нѣсколько разъ ломали крестъ и коверкали фигуры евангелистовъ на столбахъ, но христіане, послѣ первой побѣды, окровавленными руками, еще выше подымали низверженный крестъ, и еще богаче украшали самыми лучшими цвѣтами и вѣнками. Послѣдніе часто были связаны лентами, омоченными горькими слезами несчастныхъ матерей и невѣстъ, потерявшихъ здѣсь все, что для нихъ было самаго дорогаго на свѣтѣ.

Почернѣвшій отъ времени и дыма мостъ представляетъ мрачную картину, но она гармонируетъ съ исторіею этой страны. Пламя, часто охватывавшее мостъ, никогда не могло уничтожить его совсѣмъ; онъ и теперь еще можетъ служить мѣстомъ сраженія молодому, быть можетъ болѣе счастливому поколѣнію. Не одинъ изъ загорѣлыхъ воиновъ, будучи ребенкомъ, собиралъ у этого моста непопавшія въ цѣль турецкія пули, для того чтобы едва сдѣлавшись юношей, возвратить ихъ своему заклятому врагу, вѣрнѣе попадая въ цѣль. У подножія креста закаляется и теперь мужество этихъ горныхъ сыновъ, дѣлающее изъ нихъ героевъ, и то изображеніе, которое глядитъ на нихъ съ креста, не даетъ угаснуть въ ихъ грудв пламени вѣры и любви къ свободѣ.

Крушеніе Московскаго комерческаго ссуднаго банка и докторъ Струсбергъ.

Первые слухи о несчастіи, постигшемъ Московскій комерческій ссудный банкъ, появились въ Москвѣ еще 4-го числа, но это держалось въ самомъ глубокомъ секретѣ и всякій знавшій старался продавать свои бумаги на петербургской и другихъ биржахъ. Такъ шло до 11 октября, когда въ мѣстныхъ полицейскихъ вѣдомостяхъ появилось приложеніе, въ которомъ объяснилось, что въ субботу 14-го октября банкъ будетъ закрытъ по всѣмъ операціямъ. Это извѣстіе какъ громомъ поразило московскій коммерческій и биржевой міръ и волненіе еще болѣе усилилось, когда 12-го октября по распоряженію прокурорскаго надзора, банкъ былъ закрытъ и слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ были опечатаны кассы, кладовыя и всѣ бумаги банка. Тотчасъ послѣ этого извѣстія, акціи банка, ходившія по 210 р., стали падать на биржѣ и упали до 20 р. и даже ниже, Поводомъ къ вполнѣ гласному крушенію банка послужило то обстоятельство, что утромъ въ этотъ злосчастный для банка день въ присутствіе явился почетный гражданинъ А. В. Алексѣевъ, требуя по чеку выдачи 101,000 р. бывшихъ у него на текущемъ счету. Ему было отказано. Вслѣдствіе его ходатайства явилась судебная власть. Прокурорскій надзоръ весьма дѣятельно взялся за дѣло, а судебный слѣдователь г. Глѣбо-Михайловскій посадилъ подъ стражу директора Полянскаго и завѣдывающаго иностраннымъ отдѣленіемъ банка г. Ландау...

Въ это время наступалъ срокъ обязательствамъ г. Струсберга, который пріѣхалъ въ Москву взять еще денегъ, такъ какъ рабочіе на его фабрикѣ въ Берлинѣ забастовали, и только увѣреніе администраціи фабрики, что *Москва выручитъ*, что хозяинъ поѣхалъ въ Москву за девьгами, остановило рабочихъ, и то не на долго.

14-го числа судебный слѣдователь снялъ допросъ съ г. Струсберга въ гостинницѣ Дюссо, гдѣ тотъ остановился, при чемъ было поручено сокретнымъ образомъ наблюдать за нимъ, такъ какъ протестованные векселя его были уже предъявлены въ Московскую Управу благочинія, но вексельнаго приказа изъ управы получено еще не было.

Несмотря на отданное приказаніе, въ 8 часовъ 15-го октября г. Струсбергъ скрылся. Тотчасъ же за нимъ бросились въ погоню, при чемъ въ числѣ отыскивающихъ былъ швейцаръ гостинницы, который въ лицѣ г. Струсберга видѣлъ своего заклятаго врага: въ банкѣ пропало у него 5,000 р., которые онъ скопилъ по копѣйкамъ въ теченіи тринадцатилѣтней службы...

Полиція между тѣмъ задержала коммисіонера или маклера г. Струсберга и его прислугу. Отъ нихъ дознались о мѣстѣ, гдѣ скрывался ихъ хозяинъ, который и былъ заарестованъ на Николаевской желѣзной дорогѣ въ Клину и привезенъ снова въ Москву, гдѣ посаженъ въ Тверской частный домъ. Прислуга Струсберга была освобождена, а агентъ былъ обязанъ являться въ банкъ, гдѣ судебный слѣдователь продолжалъ производить изслѣдованія о неправильныхъ дѣйствіяхъ лицъ, которымъ ввѣрены были интересы банка.

Собственно путаница, существующая въ дѣлахъ коммерческаго ссуднаго банка была замѣчена ранѣе катастрофы. Полянскій былъ директоромъ-распорядителемъ а г. Ландау завѣдывалъ иностраннымъ отдѣленіемъ; они то и управляли дѣлами банка. Уѣзжаетъ куда-то г. Полянскій и въ управленіе вступаетъ третій директоръ г. Милліоти. Подаютъ ему какъ-то для учета вексель на сумму 67,000 р. Подозрѣвая ли что либо или просто желая удостовѣриться, г. Милліоти велѣлъ подать себѣ книгу акцептовъ. Оказалось, что этотъ вексель даже не былъ записанъ въ книгу. Назначены были нѣсколько членовъ совѣта для ревизіи дѣлъ и счетовъ, но по этой ревизіи оказались такія неисправности, что назначенные члены отказались отъ ревизіи, заявляя, что совѣтъ въ полномъ составѣ долженъ произвесть самую строгую ревизію. Около этого же времени пріѣхалъ въ Москву Струсбергъ, явился онъ въ совѣтъ банка и требовалъ еще ссуды, а когда одинъ изъ членовъ, въ виду этой путаницы и долговъ Струсберга спросилъ его, отчего онъ неплатитъ банку по своимъ прежнимъ обязательствамъ, то почтенный докторъ разразился благороднымъ гнѣвомъ и сказалъ, что онъ не намѣренъ слушать такія глупости, и что если ему не дадутъ дополнительной ссуды въ 2,000,000 р., то банкъ ничего не получитъ, потому что онъ объявитъ себя банкротомъ.

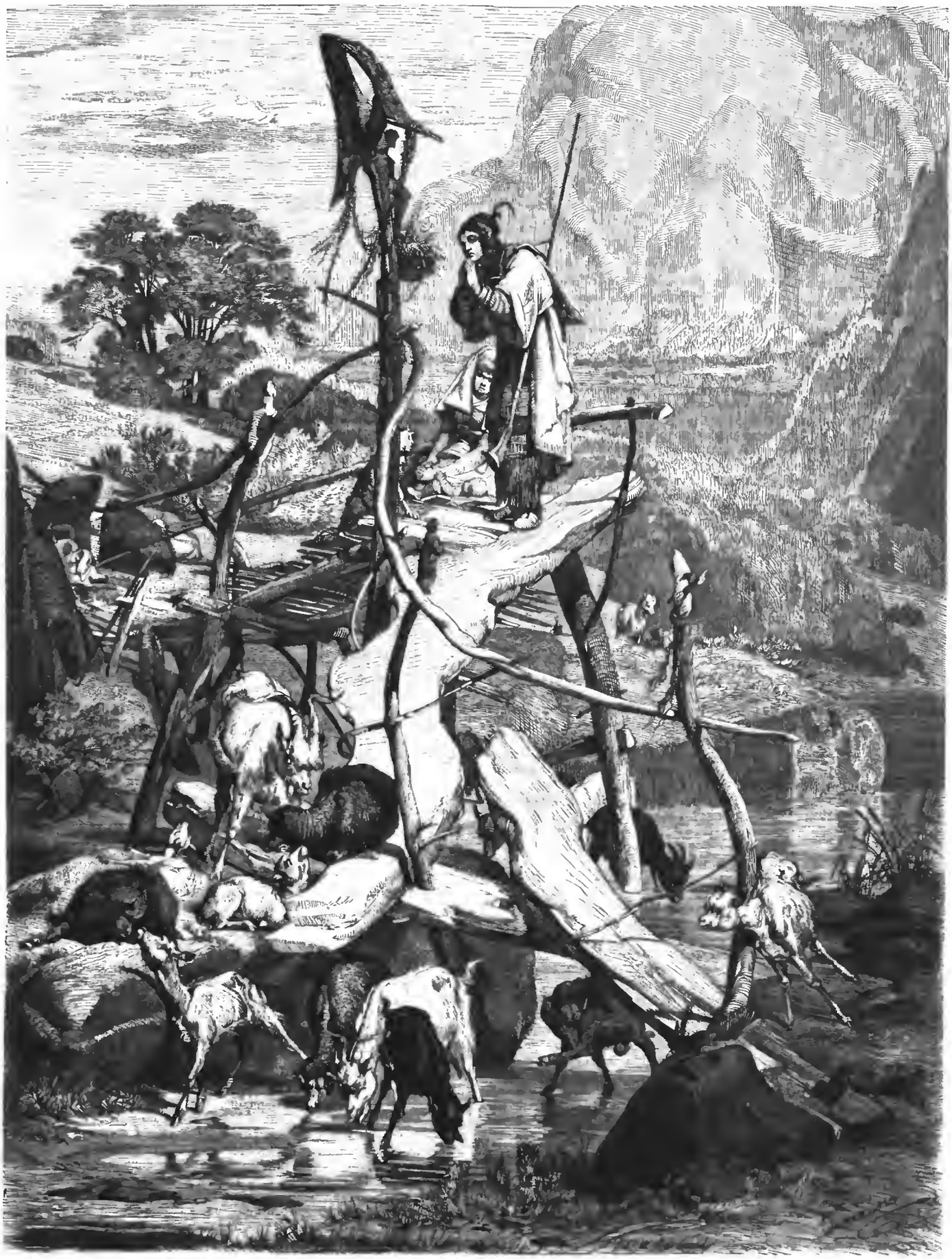
Изъ нѣмецкихъ газетъ оказывается, что струсберговскій кризисъ еще задолго до катастрофы, разыгравшейся въ Московскомъ банкѣ, предусматривался иностранною прессою. Такъ еще въ началѣ октября, въ спеціальномъ органѣ германскаго желѣзнодорожнаго союза «Zeit: des Vereinsch:"» было напечатано извѣстіе относительно доктора Струсберга, что на биржѣ ходятъ слуха о необходимости собранія кредиторовъ Струсберга, дѣла котораго приходятъ въ полное разстройство. Постоянныя задержки въ платежахъ со стороны Струсберга и стоящаго съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ банкирскаго дома, задержки, возраставшія съ каждымъ годомъ, достигли теперь такихъ размѣровъ, то изобрѣтательная голова главнаго участника не въ силахъ найдти исходъ изъ критическаго положенія. И такъ банкротство Струсберга не застало въ расплохъ берлинскій коммерческій міръ, такъ что кромѣ банкирскаго дома Жака, тѣсно связаннаго съ судьбою пресловутаго доктора, весьма немногіе банки испытали на себѣ вліяніе его банкротства. Но нетакъ счастливъ былъ московскій банкъ! Въ свое какъ бы оправданіе г. Ландау, на вопросъ какъ можно довѣрить въ однѣ руки такія громадныя суммы денегъ, отвѣчалъ, что Струсбергъ неуплатою первыхъ занятыхъ денегъ завлекъ Банкъ въ дальнѣйшую сдѣлку изъ желанія вернуть прежде взятыя суммы, наконецъ такимъ завлеченіемъ дѣло дошло до семи милліоновъ... Но кромѣ этихъ семи милліоновъ почти въ тоже время была получена въ банкѣ телеграмма, въ которой значится, что Струсбергъ, объявленный несостоятельнымъ должникомъ на 20,000,000 талеровъ, требуется въ Пруссію. Но наврядъ ли придется ему урваться изъ Россіи, такъ какъ онъ долженъ прежде раздѣлаться съ коммерческимъ банкомъ и тѣми бѣдняками, деньги которыхъ онъ забралъ для берлинскихъ фабрикъ. Притомъ же онъ значится петербургскимъ купцомъ, и несостоятельность его въ Россіи—по нашимъ законамъ, потребуетъ его присутствія въ Москвѣ.

Тотчасъ послѣ того, какъ катастрофа московскаго банка сдѣ-

Библиотека "Руниверс"

Статуя Свободы для Нью-Йоркскаго рейда. Грав. К. Вейгманъ.

Библиотека "Руниверс"



Мостъ Евангелистовъ чрезъ рѣку Дрину въ Герцеговинѣ. Рисов. съ натуры, профессоръ Францъ Зверинъ, грав. Арландъ.

Библиотека "Руниверс"

лалась гласною, въ Москву прибыло довѣренное лицо отъ государственнаго банка съ значительными средствами и съ полномочіемъ, въ видахъ предупрежденія кризиса, оказать мѣстнымъ кредитнымъ учрежденіямъ помощь. А между тѣмъ аресты шли да шли своимъ чередомъ, послѣ Полянскаго и Ландау той же участи подвергнулись и другіе директора: Борисовскій, Редеръ, Гивартовскій и Краббе. 20-го октября, наконецъ послѣ долгихъ колебаній, изъ московскаго коммерческаго суда были получены повѣстки гг. Полянскому, Ландау, Милліоти и Веденисову для выслушанія резолюціи суда и банкъ былъ признанъ несостоятельнымъ должникомъ, а вскорѣ затѣмъ вышелъ и Высочайшій указъ о ликвидаціи дѣлъ банка (смотр. «Ниву» № 47). Слѣдствіе же шло своимъ чередомъ и къ дѣлу привлекались все новыя лица. Домашнему аресту были подвергнуты въ качествѣ обвиняемыхъ по дѣлу о злоупотребленіяхъ, бывшихъ въ банкѣ, московскій голова Д. Д. Шумахеръ, прежній директоръ банка Милліоти, и члены совѣта С. И. Вишняковъ и А. Н. Лѣниновъ, а самъ Струсбергъ, по поводу протестованнаго векселя въ 163,000 р. былъ посаженъ въ Московскую «яму».

Но не смотря на то достопочтенный докторъ не унываетъ, а напротивъ на допросѣ заявилъ, что оплатитъ всѣ свои обязательства ссудному банку полнымъ рублемъ, если ликвидація его дѣлъ будетъ производить не конкурсъ, а онъ самъ. И дѣйствительно достойно удивленія то хладнокровіе и спокойствіе доктора, съ которымъ онъ относится къ постигшимъ его несчастіямъ: онъ веселъ, бодръ и не теряетъ надежды выдти побѣдителемъ изъ этого погрома.

Интересную біографію этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ человѣка мы помѣстимъ въ слѣдующемъ нумерѣ нашего журнала.

В. Л.

Смѣсь.

Успѣхи микрофотографіи. Въ засѣданіи общества кіевскихъ врачей, въ сентябрѣ текущаго года, дѣйствительный членъ профессоръ Бецъ, сообщилъ свѣдѣнія относительно современнаго состоянія микрофотографіи. Учеными давно уже сознана необходимость дѣлать снимки съ микроскопическихъ препаратовъ, пользуясь солнечнымъ свѣтомъ. Много было сдѣлано попытокъ (съ 1857 года) но, къ сожалѣнію, долго не могли устранить неблагопріятныхъ вліяній на точность снимка пористаго и сравнительно толстаго слоя коллодіума и серебряной соли, которые употребляются для снятія портретовъ и видовъ обыкновенными фотографами. Въ послѣднее время всѣ эти неудобства мало по малу устраняются. Въ микрофотографіи особенно нуждаются лица, занимающіяся анатоміею мозга; при такихъ работахъ строгая точность положительно необходима. Профессоръ Бецъ показывалъ микроскопическіе снимки нѣкоторыхъ предметовъ: нашу 25 рублевую бумажку стараго образца, которая снята величиною въ двѣ-три линіи, а подъ микроскопомъ представляется со всѣми оттѣнками; депешу о взятіи Парижа и прозрачную, величиною въ 1/2 квадратнаго вершка, пластинку, на которой снято 16 печатныхъ газетныхъ листовъ. Безъ микроскопа на ней, конечно, не видно и признаковъ строкъ и буквъ. Насколько микроскопическіе снимки удобны были при осадѣ Парижа и галубиной почтѣ, можно видѣть изъ того, что 100,000 снятыхъ этимъ способомъ печатныхъ листовъ вѣсили всего 2 грамма, а обыкновенное письмо оплачивалось 5 сантимами. Изобрѣтатель такихъ снимковъ, Дегро, въ Парижѣ, держитъ въ секретѣ свое изобрѣтеніе.—Во время франко-прусской войны депеши печатались на большомъ листѣ и затѣмъ фотографически снимались, но такъ, чтобы самыя буквы были въ 500 разъ менѣе буквъ оригинала. Полученный такимъ образомъ снимокъ посредствомъ коллодіума переводился на бумагу, которую голубь и уносилъ. По прибытіи на мѣсто назначенія такой микроскопической депеши, ее вставляли въ волшебный фонарь (съ электрическимъ свѣтомъ), увеличивающій въ 500 разъ и—на стѣнѣ получалась депеша, которую можно было безъ труда прочесть, списать, отпечатать и разослать куда слѣдуетъ. Извѣстно, что многія государства послѣ осады Парижа уже занялись устройствомъ голубиной почты, и вотъ явилась потребность въ такомъ фотографическомъ аппаратѣ, который могъ бы оказать хорошую услугу подъ открытымъ небомъ, гдѣ нибудь въ полѣ, когда именно невозможно достать по близости надлежащихъ инструментовъ и матерьяловъ для воспроизведенія микроскопическихъ депешъ. Задача эта блестящимъ образомъ разрѣшена теперь нашимъ соотечественникомъ, полковникомъ Ковако. Аппаратъ его, по величинѣ и формѣ, похожъ на обыкновенный ранецъ, въ которомъ и хранится, кромѣ фотографическихъ принадлежностей, запасъ химическихъ составовъ, могущій хватить на 6 мѣсяцевъ. Благодаря этому аппарату, микрофотографическія депеши могутъ быть увеличены въ 2300 разъ—днемъ ли, ночью—все равно, и при какомъ угодно освѣщеніи. Простота устройства аппарата, незамысловатость обращенія съ нимъ еще болѣе увеличиваютъ важность изобрѣтенія г. Конако относительно нуждъ въ военное время. Опыты, которые производились въ Географическомъ обществѣ (въ іюнѣ), дали благопріятные результаты во всѣхъ отношеніяхъ, да и издержки на устройство этого аппарата довольно умѣренны. Г. Конако находится въ настоящее время въ Мюнхенѣ. Онъ намѣренъ показать свой аппаратъ также и въ Берлинѣ, гдѣ, безъ сомнѣнія, изобрѣтеніе его будетъ оцѣнено по достоинству.

Пять дней подъ землей. Недавно одинъ рабочій былъ засыпанъ въ одной изъ саксонскихъ каменноугольныхъ копей, но, послѣ пяти дней, былъ спасенъ. О своемъ пребываніи подъ землею онъ сообщилъ «Дрезденской Газетѣ» слѣдующія свѣдѣнія: «Такъ какъ, въ моментъ катастрофы, мой фонарь потухъ, то я ощупью рѣшилъ изслѣдовать, сколько мнѣ осталось мѣста для жизни или для гроба, и убѣдился, что надо мною образовался родъ свода въ 2 метра длины и 3/4 метра ширины; но этотъ сводъ былъ такъ низокъ, что я цѣлый часъ долженъ былъ оставаться въ согнутомъ положеніи. Сводъ образовался вслѣдствіе того, что падавшія массы угля скопились около перекладинъ, и я былъ убѣжденъ, что послѣднія не уступятъ давленію массъ. Прежде всего я отодвинулъ нѣсколько глыбъ, нависѣвшихъ надъ моею головою, и сквозь образовавшіяся такимъ образомъ щели началъ кричать изо всѣхъ силъ, и въ то же время постукивать своимъ топоромъ о перекладины. Убѣдившись, что мои усилія ни къ чему не ведутъ, такъ какъ извнѣ не слышно было никакого отвѣта на мой крикъ,—я помирился съ судьбою, сѣлъ и мысленно поручилъ себя Богу. Вскорѣ я услышалъ, что съ одной стороны работаютъ; во мнѣ снова ожила надежда, и я иногда ясно слышалъ, какъ накладывали уголь на возы. Первый страхъ прошелъ и только отъ времени до времени, когда на мой сводъ съ страшнымъ грохотомъ падали новыя массы, я съ грустью сознавалъ, что мое освобожденіе не близко. Въ моей пещерѣ было жарко и въ первый моментъ меня покрылъ потъ, который впрочемъ скоро прошелъ. Я не былъ голоденъ, но меня мучила жажда. Губы, покрытыя толстымъ слоемъ угольной массы, потрескались; я выпилъ масло изъ моей лампы и обсосалъ фитиль, что меня нѣсколько успокоило, потомъ я засиулъ, но проснувшись почувствовалъ такую тяжесть головы, что не могъ подняться. Все время я думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе выбраться изъ этой гробницы. Наконецъ я замѣтилъ, что сквозь щели ниднѣется свѣтъ, стукъ рабочихъ слышенъ былъ все яснѣе и яснѣе и, наконецъ, я даже могъ разговаривать со своими избавителями. На мой вопросъ о времени, мнѣ сказали, что—понедѣльникъ, 10 часовъ вечера. Оказалось, что я пробылъ подъ землею 5 дней, чему я не повѣрилъ: мнѣ казалось, что я пробылъ въ моей гробницѣ не больше двухъ сутокъ. На слѣдующій день былъ пробитъ узкій проходъ, но я не дождался его расширенія и поспѣшилъ на свѣтъ Божій».

Древнѣйшій христіанскій памятникъ въ Крыму. Южный берегъ Крыма, по своему благодатному климату, есть лучшій уголокъ Россіи, куда стремятся многіе искать цѣлебной силы для поддержанія здоровья, и въ то же время весь этотъ край полонъ историческихъ воспоминаній. Для насъ же на первомъ мѣстѣ стоятъ воспоминанія эпохи христіанства, ибо христіанство здѣсь было возвѣщено въ первомъ вѣкѣ по рождествѣ Христовомъ самимъ апостоломъ Андреемъ и, вѣроятно, на бывшемъ пути святаго провозвѣстника евангелія до сего дня нѣкоторыя мѣста сохраняютъ названія св. Андрея, такъ напримѣръ между Алушты и Димитрджи водопадъ «Ай Андре», близъ которыхъ находящіеся остатки храма, по сказанію окрестныхъ жителей, обладаютъ цѣлебною силою, и въ Херсонесѣ одинъ изъ мысовъ, вдающихся въ море, именуется мысомъ св. Андрея. По сказанію историковъ, проповѣдь апостола не была безплодна; многіе на пути и по окрестностямъ приняли христіанство, а въ 94 г. по Р. Х. ученикъ апостола Петра, епископъ римскій св. Климентъ, нашелъ христіанъ въ одной мѣстности «Инкерманъ» до 2,000 и ревностною проповѣдію въ теченіе десяти лѣтъ успѣлъ многихъ обратить ко Христу, для которыхъ, по сказанію историковъ, образовалъ 75 церквей. Вѣроятно въ числѣ храмовъ, сохранившихся до нашихъ дней, есть нѣкоторые устроенные самимъ св. Климентомъ, ибо по мѣстнымъ условіямъ того времени жилища людей въ горахъ были долбленыя въ каменныхъ скалахъ, а также и храмы, сохранившіеся безъ реставрацій. Къ числу такихъ храмовъ можно отнести въ скалѣ горы Инкермана одинъ храмъ, который, по преданію, устроенъ самимъ епископомъ Климентомъ, слѣдовательно въ концѣ I или въ началѣ II вѣка. Устроеніе храма для совершенія въ немъ богослуженія хотя своеобразно, но очень удобно и указываетъ на дѣйствительно древнее его устройство: простолъ у стѣны, жертвенникъ въ сѣверо-западномъ углу и въ юго-западномъ углу сѣдалище для священно-служащаго подъ отверстіемъ алтарной преграды, въ которое вѣрующіе исповѣдывали покаяніе; въ срединѣ алтарной преграды одинъ входъ, и все это выдолблено изъ цѣльной ска-

Библиотека "Руниверс"

лы. Если дѣйствительно преданіе заслуживаетъ вѣроятія о времени устроенія этого храма, то по древности своей это есть единственный памятникъ всего христіанскаго міра, заслуживающій особеннаго вниманія какъ гг. ученыхъ, такъ и поклонниковъ древней святыни.

Въ Англіи находится въ продажѣ одинъ манускриптъ, который можетъ заинтересовать нашихъ восточныхъ историковъ и богослововъ, особенно принадлежащихъ къ русской церкви. Это доселѣ неизданный оффиціальный документъ въ рукописи: О расколѣ въ Олонецкой губерніи. Отвѣты пустынножителей на вопросы іеромонаха Неофита. Манускриптъ,—на славянскомъ языкѣ,—написанъ большими и отчетливыми буквами и переплетенъ въ кожу, съ мѣдными застежками. Святѣйшій синодъ, указомъ отъ 4-го марта 1723 г., повелѣлъ іеромонаху Неофиту отправиться въ Олонецкую губернію, для изслѣдованія раскола олончанъ. Отвѣты раскольниковъ на вопросы, предложенные Неофитомъ, и содержатся въ означенномъ очень замѣчательномъ манускриптѣ.

Вліяніе температуры на желѣзо. Извѣстно, что подъ вліяніемъ тепла металлы, какъ и всѣ тѣла, расширяются. Но если высокая температура дѣйствовала только на одну сторону толстой, напримѣръ, желѣзной полосы, въ то время, когда противоположная сторона не подверглась дѣйствію тепла, тогда естественно удлиняется только нагрѣтая сторона, а другая сторона остается при своей нормальной длинѣ, вслѣдствіе этого происходитъ дугообразное искривленіе полосы съ выпуклостію, обращенною въ сторону болѣе высокой температуры. Въ доказательство этого закона сообщаютъ теперь, что статуя богини свободы на Капиполіи въ Вашингтонѣ до полудни наклоняется на $4^1/_2$ дюйма къ западу, а послѣ полудня $4^1/_2$ же дюйма къ востоку. Фактъ этотъ былъ доказанъ отвѣсомъ, прикрѣпленнымъ къ вершинѣ статуи и опущеннымъ въ ротонду. Когда утреннее солнце нагрѣваетъ восточную сторону купола, производя здѣсь расширеніе, статуя разумѣется должна наклоняться къ западу, но когда солнце переходитъ на противоположную сторону горизонта, освѣщая западную сторону купола, дѣйствіе должно быть обратное.

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

О ликвидаціи дѣлъ Московскаго коммерческаго ссуднаго банка. По Высочайшему повѣленію въ видахъ наиболѣе правильнаго и согласнаго съ интересами кредиторовъ окончанія дѣлъ коммерческаго ссуднаго банка въ Москвѣ, объявленнаго несостоятельнымъ по просьбѣ московскаго биржеваго общества, признана нужнымъ ликвидація дѣлъ коммерческаго ссуднаго банка въ Москвѣ и возложена на особую ликвидаціонную коммисію.

Ликвидаціонная коммисія составляется изъ шести членовъ и предсѣдателя. Предсѣдатель и четыре члена назначаются министромъ финансовъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, а два члена избираются московскимъ биржевымъ комитетомъ изъ почетнѣйшихъ торгующихъ при биржѣ купцовъ. Всѣ права и обязанности по розыканію имущества и управленію онымъ, предоставленныя конкурснымъ управленіямъ по уставу о торговой несостоятельности, переходятъ на ликвидаціонную коммисію. Всѣ претензіи къ коммерческому ссудному банку предъявляются въ ликвидаціонную коммисію, но послѣдняя, не ожидая заявленія сихъ претензій, дѣлаетъ, на основаніи банковыхъ книгъ и документовъ, примѣрный разсчетъ удовлетворенія кредиторовъ. Распредѣленіе долговъ на роды и разряды производится ликвидаціонною коммисіею, согласно уставу о несостоятельности, причемъ долги, основанные на законныхъ операціяхъ ссуднаго банка ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть причислены къ 4-му разряду.

Дѣла церкви.

— По извѣстіямъ сообщаемымъ газетою «Русск. Міръ» въ скоромъ времени, въ Москвѣ состоится старообрядческій соборъ, на который съѣдутся всѣ болѣе замѣчательные старообрядческіе дѣятели.

— Въ воскресенье, 19 октября, въ астраханскомъ каѳедральномъ соборѣ *просвѣщенъ св. крещеніемъ* одинъ изъ калмыцкихъ владѣльцевъ. Нойонъ Хошоутовскаго улуса, Царенъ-Надмитъ Тюменъ, 22-хъ лѣтъ, въ присутствіи служащихъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ и при многочисленномъ народѣ, собравшемся въ св. храмѣ. Государь Императоръ Высочайше соблаговолилъ быть духовнымъ отцомъ, воспремникомъ новопросвѣщаемаго, а при св. крещеніи заступалъ мѣсто Его Императорскаго Величества губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. И. Биппенъ. Крещеніе совершалъ преосвященный, епископъ астраханскій Хрисаѳъ, въ нижнемъ соборѣ.

— Въ Москвѣ въ послѣднихъ числахъ октября, происходилъ въ зданіи семинаріи общеепархіальный *съѣздъ духовенства* Московской губерніи. На съѣздѣ присутствовало сто шестнадцать депутатовъ; Изъ болѣе выдающихся докладовъ было сообщеніе отца Кастальскаго, заявившаго, что „епархіальное филаретовское женское училище“ откроется 1-го декабря текущаго года и что высокопреосвященный митрополитъ Иннокентій пожертвовалъ на расширеніе помѣщенія упомянутаго училища 18,000 руб. Въ засѣданіи же съѣзда доложено было, что «коммисія по устройству училищнаго фонда» нашла возможнымъ принять на счетъ фонда существующіе окружные сборы.

Военное дѣло.

— Въ печатаемыхъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» подробныхъ извѣстіяхъ о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Кокана мы находимъ нѣкоторыя подробности о трагической смерти военнаго врача Петрова и прапорщика Васильева. Изъ показаній плѣнныхъ, взятыхъ подъ Махрамомъ, выяснилась участь доктора Петрова и прапорщика 2-го линейнаго батальона Васильева. Они, были окружены шайкою коканцевъ въ Нау, на почтовой станціи, долго отстрѣливались, наконецъ схвачены разбойниками и зарѣзаны. Малолѣтняя, шести лѣтъ, дочь доктора Петрова, ѣхавшая вмѣстѣ съ отцомъ, была свидѣтельницею, какъ отрѣзали ему голову; несчастную дѣвочку вытащили изъ тарантаса и верхомъ на лошади перевезли въ Коканъ. Она была также представлена въ отрядъ, и невозможно было смотрѣть безъ содраганія на несчастную малютку, которая еще долго не могла опомниться отъ страшнаго впечатлѣнія видѣнной ею гибели отца: она все еще находилась въ страхѣ, что и ее зарѣжутъ.

— По слухамъ, главнымъ военно-кодификаціоннымъ комитетомъ внесены на разсмотрѣніе военнаго совѣта представленія: а) объ измѣненіи нѣкоторыхъ законоположеній, относящихся до военно-учебныхъ заведеній, вызываемомъ примѣненіемъ къ этимъ заведеніямъ устава о воинской повинности, и б) объ увеличеніи штата главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній.

Морское дѣло.

— По послѣднимъ свѣдѣніямъ, нашихъ военныхъ судовъ, плавающихъ въ заграничныхъ водахъ, восемь. Изъ нихъ въ Тихомъ 12-ти пушечный корветъ «Аскольдъ» находится въ Нагасаки; 6 пушечный клиперъ «Всадникъ», обойдя островъ Сахалинъ отъ залива Терпѣніе до Дуэ и посѣтивъ съ коммисіею японскія поселенія, возвратился въ Хокодате; 5 пушечный клиперъ «Гайдамакъ» крейсируетъ на сѣверѣ отъ Владивостока и 10 пушечный корветъ «Баянъ» находится въ Нагасаки. Въ Средиземномъ морѣ: 18 пушечный фрегатъ «Свѣтлана» подъ командою Великаго Князя Алексѣя Александровича въ настоящее время находится на рейдѣ въ Пиреѣ. Въ распоряженіи нашего посольства въ Константинополѣ находятся слѣдующіе станціонеры: пароходъ «Тамань», въ Буюкъ-дере; шхуна «Псезуапе» въ Пиреѣ и шхуна «Келасури»—въ Галацѣ. Всѣ суда, находящіяся за границею, винтовыя, исключая одного парохода «Тамань», который колесный; на всѣхъ ихъ плаваетъ кромѣ командировъ, 156 человѣкъ офицеровъ и 1567 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Въ непродолжительномъ времени наша заграничная эскадра увеличится еще на одно судно, именно на клиперъ «Крейсера», спущенный только нынѣшнимъ лѣтомъ на воду.

— Газета «Lloyd's List» сообщаетъ, что пароходъ «Корниловъ» принужденъ былъ возвратиться въ «Gravesend» для важнаго исправленія. Та же газета отъ 5-го ноября передаетъ слѣдующую телеграмму Капитанъ парохода «Vindamora» поѣхалъ въ Лондонъ арестовать пароходъ «Корниловъ», который потопилъ перваго. «Корниловъ» возвратился поправляться. Передаютъ, что «Vindamora» перерѣзанъ пополамъ и потонулъ въ глубокомъ морѣ. «Корниловъ» арестованъ.

— Въ настоящее время въ Германіи, для береговой обороны, строятся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ броневыя батареи. Ботареи эти будутъ состоять изъ броневаго бруствера, вооруженнаго восьми-дюймовыми пушками; наибольшая толщина брони этихъ батарей будетъ въ 33 дюйма. Позади бруствера располагается нѣсколько вращающихся башенъ, въ которыхъ помѣщены 11-ти дюймовыя пушки; наибольшая толщина брони этихъ башенъ будетъ $3^1/_2$ дюймовъ. Каждая башня состоитъ изъ блиндажа, прикрывающаго нижнюю часть башни, броневаго обода и броневаго купола. Для вращенія башенъ будутъ примѣнены гидравлическія приспособленія. Башни эти будутъ отличаться своею особой конструкціей, и главное достоинство ихъ, по мнѣнію германскихъ инженеровъ, заключается въ томъ, что онѣ не будутъ имѣть ни скрѣпительныхъ винтовъ, ни болтовъ.

Петербургъ.

— Появленіе фальшивыхъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ вызвало различныя мѣры со стороны министерства финансовъ, направленныя къ уничтоженію этого зла. Въ виду этого, министерство предполагаетъ выпустить государственные кредитные билеты новаго образца. Главнѣйшій недостатокъ нынѣшнихъ билетовъ состоитъ въ томъ, что водяные знаки, поддѣлка которыхъ представляетъ, какъ кажется, наибольшую трудность, до того закрашены, что ихъ почти совсѣмъ не замѣтно. Этотъ недостатокъ въ приготовленномъ новомъ образцѣ кредитнаго билета 25-ти рублеваго достоинства достаточно устраненъ. Бумага для билета взята тоньше употребляющейся до настоящаго времени; цвѣтъ заготовленнаго билета — бѣлый, и портретъ уже не печатанъ, а сдѣланъ помощью водяныхъ знаковъ. На задней сторонѣ образца на небольшомъ черного цвѣта

Библиотека "Руниверс"

прямоугольникѣ. мелкимъ бѣлымъ шрифтомъ напечатано извлеченіе изъ маннфеста о кредитныхъ билетахъ Образецъ этотъ уже представленъ на разсмотрѣніе министра финансовъ.

— Циркуляромъ министра юстиціи, было разъяснено, что женщинамъ не могутъ быть выдаваемы свидѣтельства на право хожденія по чужимъ дѣламъ. Циркуляръ этотъ основывался на высочайшемъ повелѣніи отъ 14-го января 1871 года о порядкѣ допущенія женщинъ къ занятіямъ при правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Печатая этотъ циркуляръ, «Судебный Вѣстникъ» указывалъ, что данное имъ разъясненіе не вытекаетъ изъ Высочайшаго повелѣнія, на которое онъ ссылаатся, и противорѣчитъ общимъ узаконеніямъ о повѣренныхъ. На дняхъ вопросъ о правѣ женщинъ получать свидѣтельства на хожденіе по чужимъ дѣламъ, по частной жалобѣ дошелъ до разсмотрѣнія правительствующаго сената по общему собранію кассаціонныхъ департаментовъ, которое также признало, что женщины не могутъ быть лишены права на полученіе такихъ свидѣтельствъ.

Слухи и извѣстія.

— Изъ Гребина (Рижской губерніи) пишутъ въ газету «Латвешъ-Авизу»: «Въ казенномъ имѣніи Тодайкенъ, которое считалось до сихъ поръ главнымъ мѣстопребываніемъ анабаптистовъ, *проявились* въ послѣднее время *проповѣдники мормонизма*, успѣвшіе пріобрѣсти нѣсколькихъ приверженцевъ. Такъ какъ мормоны едва ли могутъ считаться такою же сектой, какъ другія, и цѣль ихъ, очевидно, заключается въ томъ, чтобъ склонить ихъ прозелитовъ къ переселенію въ Америку, то, въ интересахъ увлеченныхъ весьма было бы желательно офиціально установить, пустой ли это только слухъ или положительный фактъ. Такъ какъ миссіонерская дѣятельность мормонизма въ скандинавскихъ земляхъ весьма успѣшна, то легко быть можетъ, что проповѣдники его вздумали перенести ее и въ Россію».

СОДЕРЖАНІЕ: Жюль Вернъ (съ портретомъ). — Кто выигралъ?.. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха (продолженіе). — Удачно лопнувшая граната, (Рисунокъ изъ походнаго альбома художника-солдата). (съ рисункомъ). — На новой квартирѣ (съ рисункомъ). — Статуя свободы для нью-іорскаго рейда (съ рисункомъ). — Мостъ Евангелистовъ черезъ рѣку Дрину, въ Герцегоевинѣ (съ рисункомъ). — Крушеніе Московскаго комерческаго банка и докторъ Струсбергъ. — Смѣсь. Разныя извѣстія.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ДЕШЕВЫЕ САХАРНЫЕ ЗАВОДЫ.

Нижеподписавшійся можетъ предложить полные, почти новаго устройства нѣсколько сахарныхъ заводовъ въ Австраліи, которые по причинѣ финансоваго кризиса продаются—или оптомъ. или отдѣльно — на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Онъ же принимаетъ на себя устройство новыхъ сахарныхъ заводовъ. Имѣетъ долголѣтнюю, частью тоже въ Россіи, практику.

Особенно рекомендуется за 40,000 рублей почти новое заводское устройство, по системѣ дижузіи, производившее ежедневно 3500 пудовъ свекловичнаго сахара.

Тоже предлагается машины и аппараты всякаго рода и системъ. Самыя лучшія рекомендаціи имѣются

Г. Кригеръ.

Инженеръ для сахарныхъ заводовъ въ **Вѣнѣ** IX округъ, Порцеллангассе № 40. 2—1

НЕ НАДО ПОРОШКА и СОСТАВА.

Паровой ручной аппаратъ.

Этотъ аппаратъ приготовляется подъ моимъ руководствомъ. Для каждаго за дешевую цѣну легкимъ и простымъ способомъ моментально уничтожаетъ клопоевъ, тараканоевъ и прочихъ насѣкомыхъ въ щеляхъ, проватяхъ, матрацахъ, подъ обоями и прочихъ мѣстахъ. При аппаратѣ прилагается настаеление **А. ШТЕЙНБЕРГЪ.** *Магазинъ на Невскомъ проспектѣ домъ Казанскаго Собора № 25-й.*

45 17

26—2

Складъ самыхъ дешевыхъ машинъ всякаго рода:

пожарныхъ трубъ и помпъ, жестяниковъ, машинъ для слесарей колбасниковъ, карстниковъ, булочниковъ (для тѣста). Переплетные машины, для литографій, типографій и проч. Керосинныя печи, денежные шкапы, фильтры, огнетушители (экстинкторы) аппараты для пивоваренныхъ заводовъ, особенно рекомендуются перегонныя мѣдныя трубы, кровельный толь лучшаго качества.

Прейсъ-куранты и рисунки высылаются заказчикамъ безплатно. Ищетъ агентовъ. Телеграммы адресовать: Гуго Германъ Мейеръ въ Ригѣ, контора Швимстрассе № 24, собств. домъ.

Изданія А. Ф. МАРКСА.

для гг. подписчиковъ „НИВЫ" продаются со слѣдующею скидкою:

Москва и Тверь, истор. пов., Кельсіева Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
При Петрѣ, астор. пов., Кельсіева и Клюшникова. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подпис. 1 р.
Въ камышахъ. Поѣстъ Каразина. Ц. съ перес. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
Богъ въ помощь, романъ Вернера. Ц. съ перес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.
Вторая жена, романъ Марлитта. Ц. съ пер. 2 р., для подписч. 1 р. 30 к.
Семья вольнодумцевъ, ист. пов. врем. Екатер. вел. Ц. съ пер. 1 р. 25 к. для под. 75 к.

О подпискѣ на 1876 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ,

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ"

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Подписка въ Россіи.

МѢСЯЦЫ.	Городскіе. Безъ доставки. Р. К.	Городскіе. Съ доставкою. Р. К.	Иногородные. Съ пересылкою. Р. К.	МѢСЯЦЫ.	Городскіе. Безъ доставки. Р. К.	Городскіе. Съ доставкою. Р. К.	Иногородные. Съ пересылкою. Р. К.
12	14 50	16 —	17	6	8 50	9 50	10 —
11	13 75	15 —	16	5	7 —	8 —	9 —
10	13 —	14 —	15 —	4	5 50	6 40	7 20
9	12 —	12 70	14 —	3	4 10	4 70	5 70
8	10 75	11 50	13 —	2	2 80	3 20	3 80
7	9 50	10 50	12 —	1	1 50	1 70	2 —

Подписка за границею съ пересылкою

МѢСЯЦЫ.	Всѣ европейскія государства и Сѣверная Америка. Руб.	Коп.	Южная америка. Руб.	Коп.	Австралія, Китай и Японія. Руб.	Коп.
12	23	—	32	—	40	—
6	12	—	17	—	22	—
3	6	20	9	—	11	50
1	2	40	3	—	4	—

Подписка открыта въ главной конторѣ **„Биржевыхъ Вѣдомостей"**, въ С.-Петербургѣ, по Литейному проспекту, въ домѣ № 42, въ книжныхъ магазинахъ Базунова, Вольфа, Исакова; Колесова и Михина, Мелье и Черкесова и К°; въ Москвѣ у Н. А Мейера, на Солянкѣ, д Бабурина.

Подписка принимается не иначе какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ—по третямъ чрезъ ихъ назначеевъ; для не служащихъ—по личному или письменному соглашенію съ редакціею, для чего необходимо обращаться въ главную контору «Биржевыхъ Вѣдомостей».

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ, за годовой экземпляръ съ пересылкою въ губерніи, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подписнѣ 7 руб., въ концѣ марта 6 руб. и въ началѣ августа 4 руб.; а съ доставкою въ Петербургѣ—уплачиваютъ въ конторѣ при самой подписнѣ 5 руб., въ концѣ марта 5 и въ концѣ іюня 6 руб 2—1

О подпискѣ на 1876 годъ

НА

„ВЕЧЕРНЮЮ ГАЗЕТУ"

ПОЛИТИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ И СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ ГУБЕРНІИ.

На	12 мѣсяц.	8 р.	— к.	На	8 мѣсяц.	6 р.	— к.	На	4 мѣсяц.	3 р.	50 к.
»	11 »	7 »	50 »	»	7 »	5 »	50 »	»	3 »	2 »	50 »
»	10 »	7 »	— »	»	6 »	5 »	— »	»	2 »	1 »	70 »
»	9 »	6 »	50 »	»	5 »	4 »	20 »	»	1 »	— »	90 »

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи **„Вечерней Газеты"**, въ С.-Петербургѣ, по Литейному проспекту, домъ № 42, не иначе какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ—по третямъ чрезъ ихъ казначеевъ; для не служащихъ—по личному или письменному соглашенію съ редакціею, для чего необходимо обращаться въ главную контору «Вечерней Газеты.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ, за годовой экземпляръ съ пересылкою въ губерніи и доставкою въ Петербургѣ,—высылаютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подписнѣ 3 руб., въ концѣ марта 3 руб. и въ началѣ августа 2 руб.

2—1

При этомъ № для гг. многор. подписч. прилагается катал. отъ книжн. магаз. М. О. Вольфа въ СПбургѣ и отъ книгопродавца Леухина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 9 Ноября 1875 г. Изданіе **А. Ф. Маркса**. Въ Спб. Больш. Морск., д. № 6. Тип. Веймана, Алекс. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 48 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выдавъ 30 Ноября 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА" на 1876 годъ.

Въ виду приближенія времени подписки на 1876 г., мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ.

Приготовленіе около 14.000 печатныхъ адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ требуетъ весьма большой работы и времени такъ что намъ гораздо легче если подписчи теперь уже благоволятъ выслать свои требованія ибо въ концѣ Декабря когда всѣ требованія поступятъ вдругъ, большое количество адресовъ трудно съ разу приготовить.

При возобновленіи подписки просимъ покорно **высылать печатные редакціонные адреса отъ бандеролей,** въ которыхъ подписчики получаютъ „НИВУ" въ нынѣшнемъ 1875 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжный магазинъ *И. Гр. Соловьева, А. Ланзъ* и *А. Живарева* . . . . . 4 р. 50 к.

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ КЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.*)

*) ПОЧТОВЫХЪ МАРОКЪ *НЕ* ПРИНИМАЕТСЯ, а просимъ высылать этотъ полтинникъ серебромъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи «НИВЫ» въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

ПОДПИСКА принимается на 1875 годъ. Издатель „НИВЫ" А. Ф. МАРКСЪ.

Сербскій Князь Миланъ Обреновичъ VI, Сербская Княгиня Наталія Петровна.

Князь Сербскій Миланъ.

Супруга его Наталія Петровна урожденная Кешка.

Библиотека "Руниверс"

Сербскій Князь Миланъ Обреновичъ IV. Сербская Княгиня Наталія Петровна.

Князь Миланъ родился въ Яссахъ, въ Молдавіи, 1854 года 10 августа). Отецъ его—Милошъ Ефремовъ, младшій братъ князя Михаила, основателя династіи Обреновичей, и мать—Марія, уроженная Катарджи (молдаванская фамилія). Послѣ смерти князя Михаила Обреновича III (1869) выбранъ былъ сербскою скупчиною Миланъ Милошевъ княземъ сербскимъ, подъ именемъ Миланъ Обреновича IV. Онъ жилъ въ Парижѣ у воспитателя своего французскаго ученаго Huet, когда сербская депутація явилась къ нему съ предложеніемъ занять сербскій престолъ. Во время его несовершеннолѣтія (1869—1873) дѣлами княжества управляли три регента, Блазнавацъ, Ристичъ и Гавриловичъ и при его совершеннолѣтіи въ 1873 г. свою власть, полученную изъ рукъ скупщины, передали князю Милану. Князю потомъ пришлось испытать разныя непріятности и затрудненія. Теперешнее министерство князя Милана чуть ли уже не восьмое со времени вступленія его на престолъ. Причина неустройствъ—несоотвѣтственные нуждамъ страны основные законы княжества, наскоро составленные регентами. Сербія страна какъ бы конституціонная, но регенты управляли ею деспотически. Второе и главное затрудненіе: ни одинъ изъ этихъ «кабинетовъ» не можетъ долго удержаться, если онъ не въ состояніи выполнить «завѣтъ князя Михаила», т. е. *освобожденіе всѣхъ сербовъ* изъ-подъ ига турокъ. Пока эта завѣтная мысль незабвеннаго князя Михаила не будетъ исполнена — сербскіе министры напрасно думаютъ удовлетворить желаніямъ сербскаго народа!

Со времени устраненія отъ дѣлъ Ристича, князь принимаетъ личное участіе въ дѣлахъ княжества, и благодаря его личнымъ усиліямъ, Сербія теперь въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми европейскими государствами. Большинство сербскаго народа стоитъ за династію Обреновичей, которой Сербія обязана своею внутреннею самостоятельностью. Именно теперь, когда князь вступилъ въ бракъ съ русскою православною Наталіею Петровною, дочерью русскаго полковника Кечко (женатаго на молдаванской княгинѣ Мурузи) можно надѣяться, что это обстоятельство также отчасти будетъ содѣйствовать утвержденію династіи Обреновичей въ Сербіи. Князь Миланъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, съ блестящими глазами и черными коротко-остриженными волосами. Фигура его красива и воинственна. Онъ можетъ назваться человѣкомъ многосторонне образованнымъ. Онъ имѣетъ твердую волю и многіе надѣятся, что энергическимъ характеромъ онъ напомнитъ дѣда своего князя Милоша. Для Сербіи это было бы очень желательно.

Княгиня Наталія Петровна—ей теперь всего 16 лѣтъ—принадлежитъ по происхожденію (по матери княгинѣ Мурузи) къ аристократіи молдаванской; ея семья въ родственныхъ связяхъ почти со всѣми важнѣйшими домами теперешней Румыніи. Воспитаніе и образованіе ея имѣетъ чисто православное и славянское направленіе, что даетъ надежду, что она будетъ истинною княгинею Сербскаго народа. Юная княгиня брюнетка, съ нѣжными чертами лица, блестящими черными глазами—замѣчательно красива.

Бракосочетаніе князя Милана произошло въ воскресенье 17 октября. Бѣлградскій соборъ былъ полонъ уже въ часъ пополудни. На первомъ планѣ подлѣ алтаря по обѣимъ сторонамъ стояло духовенство, за нимъ делегаты иностранныхъ державъ, дипломатическій корпусъ, румынская депутація и министры. При первомъ пушечномъ выстрѣлѣ возвѣстившемъ, что невѣста оставила дворецъ, митрополитъ вышелъ къ соборнымъ дверямъ со всѣмъ духовенствомъ. Невѣста явилась въ закрытомъ бѣломъ платьѣ со шлейфомъ, который несъ слуга. На головѣ ея былъ миртовый вѣнокъ и маленькая жемчужная корона. Невѣста была очень серьезна и казалось недавно плакала. Князь Миланъ былъ въ генеральской формѣ съ лентой русскаго Бѣлаго Орла на груди и съ богато украшенной бриллiантами саблей своего покойнаго дяди Михаила. Князь передалъ саблю министру внутреннихъ дѣлъ. За княземъ слѣдовали Мурузи (дядя и опекунъ невѣсты), дамы семейства Катаржи, Чермаки и Мурузи. Церемонія длилась очень долго. Когда брачная чета обходила трижды аналой, слуга несшій шлейфъ невѣсты шелъ такъ неловко, что хорошенькая десятилѣтняя сестра княгини сама взялась за шлейфъ и обошла гордо аналой. Послѣ церемоніи, новобрачные въ сопровожденіи сановниковъ удалились въ боковыя двери. Парадная коляска запряжена была четверней красивыхъ коней; кучера въ парикахъ. Головы лошадей были украшены страусовыми перьями трехъ цвѣтовъ. Во второмъ и слѣдующихъ экипажахъ размѣстились сановники и родственники княгини. Впереди и сзади слѣдовалъ конвой лейбъ-гвардіи.

Около 4 часовъ гости собрались во дворецъ принести свои поздравленія. Дамы были представляемы старой княгиней Таманіей. Она съ нѣкоторою неловкостью брала дамъ за руку и называла по имени тѣхъ кого знала или чье имя могла произнести. 85-лѣтняя старушка Таманія говоритъ только по сербски и плохо помнитъ.

Принесеніемъ поздравленій празднества закончились.

Кто выигралъ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

Слѣдователь покачалъ головой.

— А знаете вы, что между любовью и ненавистью есть... существуетъ какая-то неуловимая связь?... Психологія и до сихъ поръ не могла еще разрѣшить этой задачи... Да!... Позвольте: фрейлейнъ Эльза *любила* барона! когда онъ былъ ея женихомъ; затѣмъ, когда она узнала, что все это не болѣе какъ шутка... игра, что онъ—слишкомъ гордъ, чтобы жениться на мѣщанкѣ—любовь эта превратилась въ *ненависть*... Что-жъ, можетъ быть, ненависть эта и была такой страшной, жгучей потому, что сама любовь *не совсѣмъ* еще угасла въ сердцѣ дѣвушки?... И она чувствовала это, только не смѣла сама себѣ признаться въ этомъ... Ну-съ, а когда фрейлейнъ потомъ узнала, что бывшій женихъ ея бѣжалъ, что вы лишили его наслѣдства, что, наконецъ, всѣ покинули его—не шевельнулось-ли въ ней чувство состраданія къ нему, которое, въ свою очередь, пробудило задремавшую любовь, снова зажгло пламя въ ея сердцѣ?... И развѣ могъ онъ по прежнему возгордиться собой? Арестантъ... преступникъ... Тутъ ужъ гордости и быть не можетъ! Отчего-же не предположить теперь, что дѣвушка убѣжала, возымѣвъ желаніе найти несчастнаго бѣглеца?...

— Нѣтъ, это невозможно! Такое предположеніе совершенно ошибочно! снова воскликнулъ фрейгерръ. Если-бы вы знали Эльзу, если-бы вы сами видѣли, какъ глубоко оскорблена она,—вы отбросили-бы такую мысль!

Питтъ, какъ кажется, остался при своемъ, ибо доводы Манштейна не разубѣдили его...

— Можетъ быть, вы и правы, но я знаю также, что любовь, повидимому совсѣмъ угасшая, вдругъ вспыхиваетъ... Этому бывали примѣры!.. И я смотрю на это чувство—на любовь—какъ на особенную, странную болѣзнь организма... Да вотъ какой былъ случай...

И слѣдователь разсказалъ, какъ одна дама принуждена была бросить своего мужа: онъ былъ пьяница, мотъ, невѣжа—словомъ сказать—предрянная личность. Она разлюбила его, не хотѣла и слышать о немъ, но впослѣдствіи, когда узнала, что онъ лежитъ въ больницѣ, всѣми брошенный и серьезно болѣнъ—поѣхала къ нему и съ рѣдкой любовью ухаживала за нимъ... Я думалъ, что она просто изъ состраданія рѣшилась, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, вернуться къ своему мужу, заключилъ Питтъ, но—нѣтъ! женщина эта сама сказала мнѣ, что *любовь* къ нему снова вспыхнула въ ея сердцѣ, потому что онъ былъ „слишкомъ несчастенъ"...

— Да, но фрейлейнъ Эльза не изъ такихъ, замѣтилъ Манштейнъ... И вы ужъ лучше отбросьте-ка тѣ мысли, право!... Ну-съ, когда-же вы примѣтесь за розыски?

— На дняхъ примусь за это дѣло. Отпускъ-то я уже имѣю... Я взялъ его съ цѣлью поотдохнуть отъ служебныхъ занятій, погулять, попутешествовать, но теперь съ удовольствіемъ отдаю себя въ ваше распоряженіе:

Библиотека "Руниверс"

т. е. жертвую своимъ отпускомъ. Скажите, г-жа Штейнъ наводила уже справки: не у родныхъ-ли ея находится бѣглянка?

— Да, но родные ей отвѣтили, что Эльзы у нихъ нѣтъ... Послушайте, г. Питтъ, я сегодня-же поручу моему банкиру доставить вамъ необходимую сумму, а если полученныхъ вами денегъ не хватитъ, то, повторяю, пишите мнѣ сейчасъ-же и—деньги будутъ высланы, Не обращайте вниманія ни на какія издержки: не забывайте бѣдной матери, которая до сихъ поръ не можетъ примириться съ мыслью о потерѣ дочери!...

Слѣдователь обѣщалъ сдѣлать все, что только будетъ отъ него зависѣть.

Фрейгерръ вернулся въ свою усадьбу. Онъ принялся за обычныя занятія, а дѣла было много: свое имѣнье и имѣнье покойнаго Мальтэна лежали у него на плечахъ; работа кипѣла, старикъ хлопоталъ, распоряжался, но уже чувствовалъ, что силы его не тѣ... Глаза утратили прежнюю зоркость, проницательность, и самъ „маленькій фрейгерръ" сталъ какъ-то уставать... А тутъ еще ему нужно было утѣшать г-жу Штейнъ, отвѣчать на отчаянныя письма профессора, успокоивать Эмми Мальтэнъ... И все-таки его хватало на это!

Время шло своимъ чередомъ. Старикъ со дня на день ждалъ счастливой вѣсточки отъ слѣдователя, но тотъ какъ будто совсѣмъ пропалъ... Неужели онъ ничего еще не открылъ? А, можетъ быть, онъ уже напалъ на слѣдъ Эльзы, только молчитъ—хочетъ прежде найти, увидѣть ее и тогда ужъ сообщить о своей находкѣ?.. Что-жъ, вѣдь Питтъ любитъ дѣлать сюрпризы...

Прошло двѣ недѣли и — вдругъ слѣдователь неожиданно явился къ фрейгерру. Манштейнъ даже привскочилъ отъ удивленія! Онъ старался прочесть на лицѣ Питта что нибудь радостное, но увы, лицо это было серьезно...

— Нашли... отыскали вы Эльзу?! воскликнулъ, не вытерпѣвъ фрейгерръ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ слѣдователь.

— И на слѣдъ даже не напали?

— И на слѣдъ не напалъ... Я ничего не узналъ.

— Непостижимо! снова воскликнулъ старикъ, и уже съ оттѣнкомъ неудовольствія... Отвѣтъ Питти отнималъ у него послѣднюю надежду!—Не могла-же она, однако, пропасть *безслѣдно*! Наконецъ, ужъ одна красота ея всякому-бы въ глаза бросилась!...

Слова эти нечаянно слетѣли съ языка „маленькаго фрейгерра", но они задѣли за живое слѣдователя...

— Позвольте, г. фрейгерръ, заговорилъ Питтъ, я могу васъ увѣрить, что этотъ розыскъ я дѣлалъ съ такимъ усердіемъ, какъ никогда... Я рѣдко такъ старался достигнуть цѣли! Въ эти двѣ недѣли я просто отдыху не зналъ... Мнѣ самому было непріятно—даже обидно, что толку не выходитъ, и я поэтому лѣзъ изъ кожи... Однако, все было напрасно!

— Непонятно... непостижимо! твердилъ Манштейнъ. А вѣдь какъ я на васъ крѣпко надѣялся! Ну-съ, что-же намъ теперь дѣлать?...

— Не знаю... Но, можетъ быть, г-жа Штейнъ согласится опубликовать въ газетахъ? Тогда, конечно, вниманіе многихъ—

— Нѣтъ, она не рѣшится на это! перебилъ фрейгерръ... Да и я-бы не сталъ уговаривать ее прибѣгнуть къ такой мѣрѣ... Ну, а скажите, вы все еще думаете, что дѣвушка убѣжала къ моему племяннику?...

— Я дѣлалъ розыски и въ этомъ направленіи, но и тутъ ничего не открылъ такого, чтобы подтвердило мое предположеніе.

— Ну, такъ значитъ она—умерла... Ея уже нѣтъ! Правъ, правъ профессоръ Вертеръ! О, я не хотѣлъ прежде вѣрить, что она, въ отчаяніи, лишитъ себя жизни... Теперь — теперь и задумываться нечего: дѣло ясно! Все кончено...

Питтъ покачалъ головой и произнесъ:

— Ну, а я не такъ думаю. Правда, эта мысль и у меня была (особенно, когда я былъ не въ духѣ отъ неудачъ), но я ее долженъ былъ отбросить...

— Почему-же?

— Потому, что если-бы фрейлейнъ Эльза лишила себя жизни, то вѣдь трупъ ея уже давно-бы отыскался... Но и трупа нигдѣ не нашли, не смотря на самые тщательные поиски. Я скорѣе готовъ думать, что она просто скрывается подъ чужимъ именемъ... Вотъ, оттого-то и трудно найти ее!

— Однако, что-же мнѣ-то дѣлать, чтобы отыскать Эльзу? проговорилъ старикъ.

— Не знаю... Но я надѣюсь, что, рано или поздно, она сама вернется къ матери или увѣдомитъ о себѣ.

— Отлично! Вернется тогда, когда ужъ мать ея будетъ лежать въ землѣ! Она непремѣнно умретъ отъ тоски и печали... Нѣтъ, я положительно не понимаю: что-же это, наконецъ, такое? Загадка! Если она жива, то неужели могла она такъ быстро измѣниться, изъ нѣжно-любящей дочери превратиться въ безсердечное, безчувственное существо?... Эльза горячо, нѣжно любила свою мать и—вдругъ ей теперь и дѣла нѣтъ до нея, ей все равно!?... Потомъ, я хотѣлъ сдѣлать ее наслѣдницей всего моего имущества—она отринула это... Ну, можетъ быть, сгоряча... Такъ думалъ я... Не хочу молъ ничего отъ его руки!" А послѣ-то, поуспокоившись, неужели она не поняла, что оттолкнула свое-же собственное счастье?...

— Надѣюсь, что фрейлейнъ пойметъ это и.. и благополучно вернется, замѣтилъ Питтъ успокоительнымъ тономъ.—Знаете, г. фрейгерръ, иногда намъ кажется, что мрачныя тучи, покрывшія все небо, такъ и не разойдутся, и вдругъ—золотой лучъ солнца сверкнетъ... клочекъ голубыхъ небесъ покажется... и снова станетъ свѣтло на душѣ!.. Такъ вѣдь и въ жизни человѣка: то ненастье, бури, то—ясные, тихіе дни...

Тутъ слѣдователь откланялся и удалился.

Фрейгерра вовсе не утѣшили утѣшительныя рѣчи Питта... Прошло еще нѣсколько недѣль, а объ Эльзѣ все ни слуху, ни духу... Вотъ, и зима наступила. „Маленькій фрейгерръ" почувствовалъ себя еще болѣе одинокимъ... Сѣренькіе, коротенькіе дни... Тишина—и онъ одинъ, совершенно одинъ въ своемъ большомъ домѣ... Да, не сбылись его розовыя надежды!...

А Платэнъ неутомимо разыскивалъ бѣглянку, переѣзжая изъ города въ городъ. Препятствія, неудачи только пуще разжигали его любовь къ Эльзѣ... Бывали минуты, что онъ опускалъ руки и терялъ всякую надежду на успѣхъ, но энергія снова возвращалась къ нему и онъ опять пускался въ путь... Вѣдь если ему удастся найти Эльзу и пріобрѣсти ея любовь — тогда... О, тогда какъ щедро будетъ онъ вознагражденъ за всѣ труды! Сначала, сгоряча, Платэнъ не обращалъ вниманія на то, что силы его недостаточно окрѣпли, но потомъ, отъ постоянныхъ неудачъ, возбужденное состояніе стало проходить и онъ почувствовалъ себя крайне утомленнымъ отъ чрезмѣрной напряженности силъ... Попавъ въ какой-то незначительный городокъ, онъ, совсѣмъ почти изнуренный, принужденъ былъ остаться тутъ на нѣсколько дней, чтобы отдохнуть... Искать *ее* въ такомъ городишкѣ онъ и не думалъ: въ самомъ дѣлѣ, что могло-бы привлечь сюда Эльзу?

Платэнъ, однако, плохо поправлялся, такъ что не могъ покинуть городка такъ скоро, какъ думалъ, а между тѣмъ его сильно подмывало впередъ... Онъ злился, но дѣлать было нечего. Выходя только по вечерамъ въ общую столовую гостинницы, въ которой ему пришлось остановиться, молодой человѣкъ садился за отдѣльный столикъ и, чтобы хоть сколько нибудь разсѣяться, отогнать на время однѣ и тѣже мысли, слушалъ болтовню

Библиотека "Руниверс"

обычныхъ посетителей отеля, возсѣдавшихъ за общимъ столомъ.

Первымъ ораторомъ былъ тутъ маленькій, толстенькій, но юркій, вертлявый человѣкъ, обладавшій хитрыми, лукавыми глазками. По лицу его было видно, что онъ, разводя „турусы на колесахъ", просто потѣшался надъ простоватыми своими слушателями. Фамилія его была—Вуллэнъ, а самъ онъ былъ—директоромъ небольшой странствующей драмматической труппы, которая и разыгрывала въ этомъ городкѣ два раза въ недѣлю различныя пьесы. Въ тѣ дни, когда „представленія" не было, г. директоръ обыкновенно просиживалъ вечера̀ въ гостинницѣ и тутъ-то, забавляя себя и слушателей, городилъ всякую чепуху, причемъ то и дѣло поправлялъ свой парикъ, который почему-то никакъ не хотѣлъ сидѣть на лысой его головѣ. Физіономія Вуллэна не представляла ничего привлекательнаго; жизнь, какъ видно, порядкомъ таки помяла его, что доказывало сильно—морщинистое изношенное лицо старика словомъ, герръ директоръ *видалъ виды* на своемъ вѣку. И что̀ за удивительныя приключенія бывали съ нимъ! Невѣроятныя, чудовищныя исторіи разсказывалъ онъ, и его слушали довѣрчиво, только иногда мѣстный аптекарь, хотя и робкій человѣкъ, рѣшался сдѣлать замѣчаніе, выразить сомнѣніе... Герръ Вуллэнъ въ такомъ случаѣ всегда умѣлъ осадить аптекаря, который и смолкалъ.—Охотнѣе всего директоръ говорилъ о дѣлахъ давно минувшихъ дней, о своей блестящей дѣятельности на театральномъ поприщѣ... Ахъ, какіе были у него талантливые актеры! Какія громадныя суммы платилъ онъ имъ—страхъ! И гдѣ, гдѣ только не игралъ онъ съ своей труппой... Публика просто ломилась въ его театръ!... Самъ Австрійскій Императоръ пожималъ ему руку, а султанъ пригласилъ его давать представленія въ Константинополѣ, куда онъ, разумѣется, и отправился... „Пробылъ я тамъ годъ, разсказывалъ Вуллэнъ, остался-бы и дальше, но труппа моя одичала... Надо было уѣзжать! Султанъ и слышать не хотѣлъ: онъ всѣхъ посултански одарилъ, а я былъ буквально осыпанъ золотомъ, брилліантами... Ну, и былъ-же я тогда богатъ! Экипажъ имѣлъ такой, какого не было ни у кого, да и не будетъ!.. И что̀-же?.. Когда я проѣзжалъ черезъ Венгрію—шайка разбойниковъ напала на меня и до̀чиста ограбила... Вотъ, только эту булавку съ драгоцѣннымъ камнемъ мнѣ и удалось спасти! Камню этому и цѣны нѣтъ... Да что̀! За булавку эту я куплю весь вашъ городъ! (Слушателямъ это было обидно...) Но я ее ни за что не продамъ, ибо это память чудныхъ, славныхъ дней!... Аптекарь хотѣлъ было сказать: „Да развѣ за простое стеклышко въ булавкѣ-то этой можно купить цѣлый городъ?" но ничего не сказалъ, потому что г. директоръ опять затрещалъ... Да! въ то время онъ самъ игралъ на сценѣ—и какъ игралъ!.. „Султанъ до того былъ пораженъ моей игрой, что сказалъ: „Допускать его ко мнѣ во всякое время дня и ночи!"... Ну, и я съ нимъ обращался за панибрата... Если-бы я остался въ Константинополѣ, то навѣрно былъ-бы великимъ визиремъ, правой рукой его султанскаго величества!...

— Отчего-же у васъ теперь труппа такъ плоха? замѣтилъ кто-то.

— Отчего? Да оттого, что вообще нынче искуство па̀даетъ, а я развѣ могу создавать талантливыхъ актеровъ?... Вонъ, я даю представленія два раза въ недѣлю, и каждый разъ сколько пустыхъ мѣстъ?... Въ публикѣ нѣтъ интереса... Па̀даетъ искусство!.. Позвольте-съ! Двѣ недѣли тому назадъ ангажировалъ я новенькую актрису — Габріэль Больманъ, ну, и возлагалъ на нее большія надежды, потому что она и красива, и высока, и стройна... И что̀-же? Развѣ она нравится публикѣ?... Она уже два раза выходила передъ вами и—не имѣла успѣха... Что̀-жъ мнѣ прикажите дѣлать?..

— Ну, Эта Габріэль Больманъ изъ начинающихъ... Она еще къ сценѣ не привыкла, не умѣетъ играть, замѣтилъ аптекарь.

— Да никогда и не выучится! объявилъ Вуллэнъ. Ужъ я бился-бился, чтобы заставить ее разучивать роли—н-нѣтъ! Дѣвица она — ничего, образована, имѣетъ познанія въ наукахъ, но ужъ для сцены положительно не годна̀: таланта ни капельки! Вотъ, завтра вечеромъ, она выйдетъ въ третій разъ, и, если опять не будетъ имѣть успѣха — ну, я ужъ тогда немедленно откажу ей... Впрочемъ, я ей уже это объявилъ... Что̀-жъ, не разоряться-же мнѣ въ самомъ дѣлѣ! Я и такъ довольно просадилъ денегъ на подобныя попытки...

— Ну, вы откажете ей... Что̀-же ей, бѣдняжкѣ, дѣлать тогда? спросилъ аптекарь.

— А ужъ это не мое дѣло-съ. Не за̀чѣмъ, значитъ, соваться на сцену, когда таланта нѣтъ! Сцена вѣдь не заведеніе, не прибѣжище для неспособныхъ... Такъ-то! Нѣтъ, я ужъ и такъ много пожертвовалъ ради чистаго искуства... Если-бы я не приносилъ жертвъ, то жилъ-бы теперь себѣ бариномъ гдѣ мнѣ угодно, не сидѣлъ-бы тутъ... Я бросалъ сотни тысячъ талеровъ, но поддержать искуство меня было не въ моихъ силахъ, а потому къ отдѣльнымъ личностямъ и не чувствую состраданія: пусть онѣ пропадаютъ, если нѣтъ у нихъ таланта!

Молча слушалъ Платэнъ эти рѣчи бывшаго друга его величества султана... Жаль ему стало этой бѣдной Бальманъ! Онъ хорошо зналъ плачевное состояніе провинціальныхъ театриковъ... Въ самомъ дѣлѣ, завтра дѣвушка эта выйдетъ въ третій разъ... Вся судьба ея, можетъ быть, зависитъ отъ завтрашняго вечера!... Но можно-ли полагаться на слова такого критика, какъ г. директоръ Вуллэнъ? Могъ-ли онъ еще оцѣнить способности Габріэль Бальманъ?.. Да, наконецъ, въ состояніи-ли будетъ бѣдняжка играть свободно, спокойно, когда ей ужъ извѣстно, что̀ ее ожидаетъ, если она не понравится?... Нѣтъ, и какіе-же могутъ быть тутъ цѣнители!... А вдругъ у нея большой талантъ, но ее здѣсь просто не понимаютъ?...

Такъ раздумывалъ молодой человѣкъ и къ концу концовъ порѣшилъ отправиться завтра вечеромъ въ театрикъ, хотя и не долюбливалъ провинціальныхъ „представленій", потому что извѣстнѣйшія пьесы являются на этихъ сценкахъ въ такомъ извращенномъ видѣ, что просто оскорбляютъ эстетическое чувство.

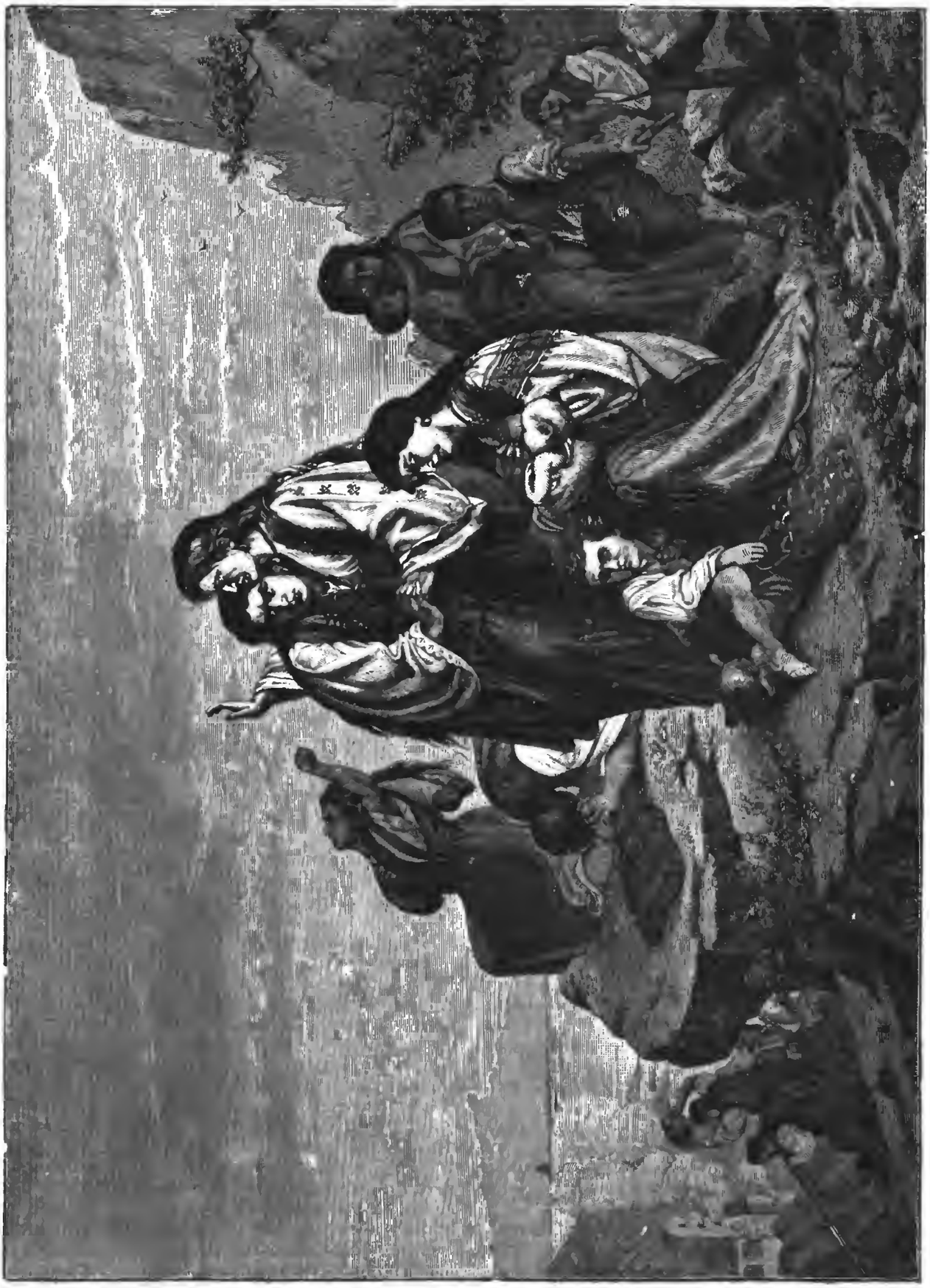
Погода на другой день была прескверная, а къ вечеру стала еще хуже: дождь въ перемѣнку съ хлопьями снѣга такъ и хлесталъ въ окна, вѣтеръ завивалъ—словомъ—погода какъ-бы приглашала лучше не совать носа на улицу, и Платэнъ уже думалъ остаться въ своей теплой комнатѣ, но тутъ явился къ нему хозяинъ гостинницы и сообщилъ, что одна актриса просто лѣзетъ изъ кожи, чтобы помѣшать ангажементу Габріэль Больманъ... „Она, изволите видѣть, боится, какъ-бы эта Больманъ не вытѣснила ее изъ труппы, ну, и раздала даромъ нѣсколько билетовъ съ условіемъ: ошикать, освистать молодую дѣвушку, и безъ того-то робкую, при первомъ ея появленіи... Это я узналъ отъ одного актера, который бываетъ у меня"...

— Ну-ужъ и интриганы-же эти актеры! прибавилъ хозяинъ. Нигдѣ, кажется, такъ не враждуютъ, какъ за кулисами... Актриса-то та такимъ манеромъ уже много спровадила молодыхъ дѣвушекъ, особенно — хорошенькихъ, потому что сама хочетъ выполнять роли героинь, ну, а не молода̀ ужъ, да и не хороша̀... Директоръ-то самъ у нея въ рукахъ—вотъ въ чемъ сила!...

Платэнъ завернулся въ плащъ и отправился въ театръ, съ афишкой, которую предложилъ ему хозяинъ гостинницы. На афишкѣ вверху стояло: „Коварство и любовь", а ниже было объявлено (красными буквами), что *„роль Луизы исполнитъ фрейлейнъ Габріэль Бальманъ, актриса—гость"*.

Болѣзненно сжалось сердце молодаго человѣка, ког-

Библиотека "Руниверс"



Герцеговинское восстаніе во время боя. Рисов. Ж. Хуттаріи, грав. И Жаст.

Библиотека "Руниверс"

да онъ вошелъ въ партеръ театрика, на сценѣ котораго должна была розыгрываться драма Шиллера!... Какъ тѣсно, какъ все бѣдно и жалко!... Всѣхъ зрителей едва-ли было пятьдесятъ человѣкъ... Лампы чадили, воняло масломъ... Гдѣ-же тутъ развернуться таланту?... Вѣдь такая обстановка (со включеніемъ публики) скорѣе можетъ подѣйствовать подавляющимъ образомъ, она не вдохновитъ, а обезкуражитъ...

Платэнъ заплатилъ за мѣсто въ первомъ ряду, однако не сѣлъ тамъ, оставшись стоять позади. Передъ нимъ сидѣло нѣсколько молодыхъ людей — вѣрнѣе — мальчишекъ, которые вели такого рода бесѣду:

— Какъ только *она* выйдетъ—я сейчасъ шикну, говорилъ одинъ.

— Ну, и сейчасъ! возразилъ другой. Нѣтъ, я вотъ прежде пьесу посмотрю, а какъ кончится — и засвищу.

— Нѣтъ, господа, мы должны ошикать *ее*, какъ только *она* покажется, объявилъ третій юноша.—*Она вовсе* не должна играть—понимаете? Другая выйдетъ, чтобы исполнить *ея* роль...

Къ концу концовъ, юноши согласились ошикать и освистать актрису при первомъ-же появленіи ея на сценѣ.

— Хозяинъ правъ, подумалъ Платэнъ, и ему стало такъ досадно, что онъ уже хотѣлъ приказать вытолкать этихъ шелопаевъ, но, во первыхъ, онъ не имѣлъ на это никакого права, а, во-вторыхъ, они не называли актрису по фамиліи. Приходилось выждать, посмотрѣть, что будетъ дальше и, если юнцы дѣйствительно начнутъ шикать, то тогда ужъ и принять надлежащія мѣры, чтобы помѣшать имъ.

Прозвенѣлъ колокольчикъ; жалкая тряпка—занавѣсъ поднялась и—началось представленіе. Платэнъ не вытерпѣлъ и отвернулся... Боже мой, какъ коверкали Шиллера! Миллеръ такимъ бѣшенымъ звѣремъ прыгнулъ на сцену, что, казалось, хотѣлъ загрызть свою жену... Молодой человѣкъ ничего не слышалъ и не видѣлъ, что такое творилось на сценѣ; онъ даже не замѣтилъ появленія Вурма, мысли его были тамъ... за кулисами... Въ самомъ дѣлѣ, какія чувства волновали теперь молодую дебютантку?... Съ какимъ страхомъ ждетъ она тамъ минуты выхода... Какъ должно быть сильно бьется ея сердце!... Пожалуй, бѣдная женщина и не подозрѣваетъ, какую скверную штуку сочинили для нея?... Хватитъ-ли у ней мужества устоять, когда начнутся свистки?... Да тутъ и бывалый актеръ опѣшитъ... И кромѣ того, она вѣдь знаетъ, что этотъ дебютъ — *послѣдній*... Если-бы можно было предупредить ее — Платэнъ дорого заплатилъ-бы за это!

Рѣшившись, въ случаѣ чего, самымъ энергическимъ образомъ заставить замолчать юношей, онъ какъ-то невольно очутился около нихъ. Молодой человѣкъ ничего не слышалъ и не видѣлъ, потому что все еще думалъ о бѣдной Бальманъ... тамъ, за этими жалкими декораціями, и—вдругъ — вздрогнулъ отъ громкаго шиканья... Устремивъ взглядъ на сцену, онъ широко открылъ глаза—еще мгновеніе и и — Платэнъ, пораженный, изумленный, отскочилъ шага на два отъ шикальщиковъ...

Что это... игра-ли воображенія?... Обманъ зрѣнія!... По сценѣ, медленнымъ шагомъ, съ книгою въ рукѣ, шла Луиза—Эльза! Да, это была она! Та, которую онъ такъ долго и тщетно искалъ—передъ нимъ!...

Платэнъ чуть не вскрикнулъ...

А юноши шикали все громче и громче. Нѣкоторые изъ зрителей пробовали было унять ихъ, но это ни къ чему не повело. Бѣдный поручикъ ничего не слышалъ: онъ не могъ еще придти въ себя, не могъ оторвать глазъ отъ Эльзы... Онъ видѣлъ стройную ея фигуру, блѣдное лицо... печальное, испуганное; онъ замѣтилъ, какъ при первыхъ свисткахъ она вздрогнула, потомъ подняла голову и устремила темные свои глаза на тѣхъ, кто дерзнулъ оказать ей такой пріемъ... Затѣмъ, какъ видно, оскорбленная гордость заговорила въ ней, она оправилась, подошла къ Миллеру и протянула ему руку... Губы ея зашевелились, но ни одного звука не произнесла она, за то голосъ суфлера былъ ясно слышенъ. Миллеръ заговорилъ... Луиза молчала и стояла неподвижно. Суфлеръ изъ всѣхъ силъ старался „подавать", но все было напрасно: казалось, память измѣнила Эльзѣ и она ничего не слышала... Скверная, мучительная минута!... Юноши снова зашикали... Грудь дѣвушки высоко подымалась... Вдругъ она пошатнулась и, закрывъ лицо руками, бросилась за кулисы.

Шикальщики возликовали: они достигли желанной цѣли, но публика отнеслась къ нимъ съ явнымъ негодованіемъ, до котораго, однако, этимъ горластымъ юношамъ не было никакого дѣла.

Платэнъ до того растерялся, что совершенно забылъ о намѣреніи своемъ проучить мальчишекъ и, долго не думая, выбѣжалъ изъ залы.

Ему хотѣлось проникнуть за кулисы, чтобы непрѣмѣнно переговорить съ Эльзой, успокоить ее, утѣшить, сообщить, что противъ нея воли прескверную интригу, однимъ словомъ—Платэнъ возымѣлъ намѣреніе защитить дѣвушку во чтобы то ни стало.

Очутившись въ корридорѣ, или лучше сказать — въ сѣняхъ, онъ обратился къ первому встрѣчному съ вопросомъ: гдѣ директоръ? Чтобы пройти за кулисы, добраться до Эльзы, ему нужно было прежде всего повидать г. Вуллэна. Публика въ залѣ все еще шумѣла, такъ какъ представленіе было прервано; шумъ и гамъ долетали оттуда... Вдругъ Платэнъ услышалъ громкій голосъ директора: онъ кричалъ что-то, угрожалъ кому-то, но гдѣ именно гремѣлъ г. Вуллэнъ, за какою дверью—неизвѣстно, къ тому-же въ сѣняхъ царилъ какой-то полумракъ, ибо освѣщены онѣ были плоховато.

— Да гдѣ-жъ директоръ? Какъ пройти тутъ? Куда? Укажите, пожалуста!

Платэнъ останавливалъ пробѣгавшихъ, но они, въ общемъ смятеніи, не обращали на него вниманія, бѣжали дальше, не давая никакого отвѣта. Молодой человѣкъ рѣшился наконецъ толкнуться въ ближайшую дверь и уже подошелъ къ ней, но тутъ вдругъ мимо него промелькнула высокая женская фигура, вся закутанная въ большой платокъ, и онъ увидѣлъ какъ быстро она выбѣжала на улицу... Въ головѣ его блеснула мысль: ужъ не сама-ли это Эльза? Платэнъ выскочилъ изъ сѣней и погнался за незнакомкой. Онъ видѣлъ, какъ она повернула въ темный переулокъ, а переулокъ этотъ велъ за городъ... Куда-жъ это *она* побѣжала?... Вѣтеръ, хлопья снѣга пополамъ съ дождемъ такъ и били ему въ лицо, но онъ летѣлъ слѣдомъ за ней, не потерялъ ее изъ виду и порѣшилъ нагнать *Эльзу* во чтобы то ни стало: онъ былъ увѣренъ, что это—она!... Порывъ вѣтра донесъ до него глухой шумъ работавшей гдѣ-то вблизи водяной мельницы—или ему это такъ—почудилось только?... Но вотъ опять зашумѣла вода... Платэнъ вспомнилъ, что дѣйствительно переулокъ этотъ велъ къ рѣкѣ... Но—неужели бѣглянка спѣшила *туда*?!... Онъ дрогнулъ, мурашки забѣгали у него на спинѣ, но въ слѣдующее мгновеніе его кинуло въ жаръ и онъ понесся еще быстрѣе, собралъ всѣ силы, чтобы догнать летящую впереди темную фигуру... Онъ теперь уже явственно слышалъ шумъ работавшей мельницы—вонъ и полоса съ свинцовымъ отблескомъ... Вода!.. До обрыва оставалось еще нѣсколько шаговъ...

Платэнъ крѣпко схватилъ незнакомку за руку. Отъ неожиданнаго толчка въ противуположную сторону—несчастная, уже изнеможенная, упала, но, и падая, старалась освободить руку.

— Пустите! Пустите меня!... кричала она: сжальтесь надо мною... Я не хочу... не хочу больше жить... Не держите! Онъ по голосу узналъ Эльзу.

Библиотека "Руниверс"

— Эльза!!.. фрейлейнъ Штейнъ! воскликнулъ Платэнъ и быстро нагнулся, чтобы поднять дѣвушку, которая была уже близка къ обмороку.

Эльза вздрогнула, услышавъ свое имя, и въ испугѣ подняла голову... Съ секунду она пристально глядѣла на Платэна... Она узнала его...

— Великій Боже!

И съ этимъ крикомъ, вырвавшимся изъ молодой груди, голова дѣвушки снова опустилась на землю. Платэнъ всталъ на колѣни, склонился надъ ней, старался успокоить ее, но Эльза, казалось, и не слушала его...

— Дайте мнѣ умереть, наконецъ произнесла она просящимъ тономъ... Одна смерть—только смерть можетъ меня успокоить!...

Но молодой человѣкъ не переставалъ утѣшать ее, уговаривать, просилъ, умолялъ ободриться и — Эльза заплакала... Плачъ этотъ скоро перешелъ въ громкія рыданія; слезы облегчили ее, и дѣвушка стала какъ-то мягче, послушнѣе.

Погода не на шутку разбушевалась, вѣтеръ сталъ неистовѣе, да и дождь зачастилъ. Платэнъ не зналъ что дѣлать... Онъ просилъ дѣвушку встать, пойти съ нимъ, но она лежала и плакала...

— Нѣтъ, нѣтъ, стонала Эльза, я не смѣю показаться въ городъ... Не пойду туда! Знаете-ли, что было со мной сегодня вечеромъ?... Я дебютировала; я выходила на сцену и—и была встрѣчена свистками и шиканьемъ, какъ будто на мнѣ было позорное клеймо... А! и здѣсь видно воображаютъ тоже, что со мной можно *играть*?.. Нѣтъ, довольно!.. Послушайте, вѣдь я серьезно хотѣла зажить самостоятельною жизнью, я думала—

— Постойте, постойте! перебилъ Платэнъ. Выслушайте меня прежде... Противъ васъ *играла* одна только особа—именно—актриса. Она интриговала, она хотѣла, чтобы ангажементъ вашъ не состоялся, и вотъ, кучка шелопаевъ, подкупленныхъ молодцовъ—шикали вамъ... Все это я знаю и самъ все слышалъ.

— Какъ—вы были въ театрѣ? воскликнула Эльза.

— Да, и, какъ видите, бросился за вами... Но, послушайтесь-же меня—идемьте! Здѣсь невозможно оставаться... Вы такъ легко одѣты, а погода такая ужасная.. Ну, я обѣщаю вамъ, что васъ никто не увидитъ, никто!..

И онъ попробовалъ поднять ее, но усилія его были тщетны...

— Фрейлейнъ Штейнъ, развѣ вы и мнѣ тоже не довѣряете?...

— Я... вѣрю вамъ, проговорила Эльза и оперлась на руку, чтобы приподняться, но силы ей измѣнили; она такъ была слаба, что безъ всякаго сопротивленія позволила Платэну обхватить себя и поднять.

— Дайте вашу руку, сюда... Вотъ такъ! Держитесь... Молодой человѣкъ повелъ ее. Пройдя нѣсколько шаговъ, дѣвушка вдругъ остановилась въ нерѣшимости...

— Но куда-жъ вы меня ведете?...

— Въ ту гостинницу, гдѣ я остановился, отвѣтилъ Платэнъ.

— Ахъ, нѣтъ-же... нѣтъ! Не могу я идти туда... Эти слова она произнесла быстро, торопливо.

— Почему-же не можете?...

Отвѣта не послѣдовало.

— Почему-же? повторилъ Платэнъ и прибавилъ: довѣрьтесь мнѣ вполнѣ; довѣриться мнѣ вы *можете*...

— Но... у меня рѣшительно нѣтъ никакихъ средствъ, я ничего, ничего не имѣю, заговорила Эльза... Я думала—вотъ поступлю на сцену... Я-бы довольна была, если-бы мнѣ хватало на хлѣбъ... Это была послѣдняя моя надежда—и тѣ рухнула?... Зачѣмъ вы помѣшали мнѣ *тамъ*?... Теперь уже все было-бы кончено...

— Позвольте, а несчастная ваша мать?.. Развѣ вы не подумали о ней... Она въ страшномъ горѣ, она тоскуетъ о васъ, почти умираетъ...

Онъ почувствовалъ, какъ рука дѣвушки дрогнула...

— Подумали!... Я давно уже ни о чемъ не думала... Да, кажется, я и думать не могу!.. Тутъ вотъ (она указала на лобъ) такъ невыразимо тяжело... Что-то гнететъ меня, давитъ грудь... Я хотѣла плакать и—не могла; летѣли дни, недѣли... ни одной слезы!... Вотъ, сегодня только—въ первый разъ—я поплакала... Голосъ ея оборвался.

— Идемте-же, идемте! серьезно произнесъ Платэнъ. Вы положительно больны... Да, да! Скорѣе-же!

— Но согласится-ли хозяинъ гостинницы впустить меня?.. Здѣсь уже не одну дверь запирали передо мной, хотя просьбы мои были самыя искреннія...

— Ахъ, оставьте все это! Идите со мной, прошу васъ!.. Говорю вамъ: довѣрьтесь-же мнѣ! Я беру васъ подъ свое покровительство. Положитесь на мою честь и отбросьте всѣ заботы... Отдаю вамъ въ полное распоряженіе все, что имѣю. И такъ, больше—ни слова!

Эльза повиновалась, да у нея уже и не было силы противиться...

По распоряженію Платэна, Эльзѣ была отведена отдѣльная комната. Отозвавъ хозяина гостинницы въ сторону, онъ объявилъ ему, что *та дама* больна, и просилъ, чтобы за ней ухаживали какъ можно лучше. „Труды будутъ щедро вознаграждены", прибавилъ Платэнъ:—„пусть-же жена ваша постарается исполнить все, какъ слѣдуетъ. Но прошу — никому не говорить объ этомъ, а главное—никого, ни души, не допускайте къ ней. Слышите? Въ случаѣ, если-бы о ней сталъ спрашивать директоръ театра, или кто либо другой—отсылайте всѣхъ ко мнѣ. Да, вотъ что еще: я *требую*, чтобы съ этой дамой обращались какъ можно уважительнѣе, осторожнѣе... Вы, конечно, многаго теперь не понимаете изъ всего этого, но на дняхъ я вамъ объясню что нужно... Надѣюсь, вы не пожалѣете о томъ, что исполнили мое желаніе.

Хозяинъ обѣщался строго выполнить данную ему инструкцію.

(Продолженіе будетъ).

Герцеговинское возстаніе.

(Во время боя).

Газеты наши ежедневно сообщаютъ о новыхъ ужасахъ и варварствахъ турецкихъ полчищъ на Балканскомъ полуостровѣ. Положеніе возставшихъ представляется дѣйствительно весьма печальнымъ. Несчастные принуждены, въ самое суровое время года, скитаться по горамъ, терпѣть нужду, переносить всяческія лишенія и, мало того—быть постоянно готовыми къ схваткѣ съ турецкими отрядами. Но какъ ни плохо имъ, они все-таки покориться не хотятъ... Борьба—такъ ужъ борьба до конца! Да и сами усмирители—турки—охотно укрѣпляютъ инсургентовъ въ необходимости продолжать борьбу: своими безчинствами, поджогами, гнусными убійствами женщинъ и дѣтей даже вамъ, гдѣ христіане еще не примкнули въ возстанію—эти полчища «правовѣрныхъ» раздражили герцеговинцевъ до того, что о примиреніи между враждующими сторонами нечего и думать. Турецкіе христіане въ мирное время были въ огнѣ, а теперь попали въ полымя... Стоитъ-ли возвращаться въ огонь?

Библиотека "Руниверс"

Не все-ли равно: изъ огня да въ полымя или—обратно?.. Тѣ, которые принуждены были искать снесенія въ бѣгствѣ и перебѣжали австрійскую границу, разсказывали, что они и не думали принимать участія въ возстаніи,—и вдругъ, среди мирныхъ занятій, на нихъ обрушивается гроза: въ селенье ворвались баши-бузуки, засвистали въ воздухѣ ятаганы и началась бойня, да какая! Имъ мало убить гяура (невѣрнаго), они заживо разрубаютъ его на куски! Конечно, не многимъ удалось спастись и пробраться черезъ горы. Одному изъ корреспондентовъ католическій священникъ въ пограничномъ австрійскомъ мѣстечкѣ говорилъ: «Здѣсь всего-то около сотни домиковъ, а бѣглецовъ явилось двѣ тысячи слишкомъ... Ну, какъ всѣхъ размѣстить? Какъ не укрыть женщинъ съ малыми, грудными ребятами?.. Сердце разрывается, глядя на этихъ несчастныхъ, озябшихъ, голодныхъ, лишенныхъ всего... Конечно, дѣлаешь все, что можешь».

Обратимся теперь къ картинкѣ І. Гуттари, помѣщенной въ настоящемъ № нашего журнала. Она не нуждается въ пространномъ описаніи. Довольно взглянуть на эту группу женщинъ и дѣтей, да на лѣвый уголокъ картины, чтобы понять, что заставило ихъ взобраться на горныя вершины. Тамъ, внизу—турки, тамъ совершается нѣчто ужасное... Посмотрите на крайнюю женскую фигуру, съ лѣвой стороны, всмотритесь въ выраженіе лица молодой женщины, прижавшейся къ старухѣ (можетъ быть матери своей)—не олицетвореніе ли это ужаса, испуга, изступленія и безсильной угрозы?.. А та, что кормитъ младенца грудью? Она сидитъ въ нѣмомъ отчаяніи, она какъ бы замерла, и только по временамъ страшная жгучая боль судорожно искривляетъ ея лицо... Онѣ—раззорены, лишены пристанища, куска хлѣба; все потеряно, все погибло. Имъ хорошо извѣстно, что турки *въ плѣнъ не берутъ*, плѣнныхъ у нихъ *не бываетъ*, потому что они уносятъ съ собой только одни головы «невѣрныхъ», дерзнувшихъ обнажить оружіе... Сколько вдовъ, сколько сиротъ!.. Подъ вліяніемъ этой высоко-драматической сцены, представьте себя на этой горной площадкѣ... до слуха долетаютъ дикіе крики, вопли проклятія, стоны и трескотня ружейныхъ выстрѣловъ... Тутъ слышны рыданія матери и тихій плачъ младенца, и тяжело, больно станетъ у васъ на душѣ!.. Въ заключеніе, просимъ обратить вниманіе еще на одну характеристичную фигуру—на единственнаго «защитника» этихъ измученныхъ, испуганныхъ женщинъ, юнаго храбреца съ пистолетомъ въ сжатомъ кулачкѣ. Пистолетъ у него навѣрно заряженъ, и вы можете быть увѣрены, что маленькій славянинъ (если бы его только пустили внизъ) не струситъ передъ звѣроподобнымъ баши-бузукомъ!..

ГРЁЗЫ.

Блѣдное зимнее утро, лѣниво борясь съ ночнымъ туманомъ, глядитъ въ окно. По угламъ комнаты еще лежатъ глубокія тѣни. Уже замеръ слабый шорохъ, неопредѣленные звуки ночи, и невозмутимая тишина царитъ кругомъ. Молоденькая дѣвушка поднялась съ постели — ей не спится; но обрывки сновъ еще носятся надъ нею, переходъ къ дѣйствительной жизни изъ міра фантазіи совершается медленно и не хочется торопить его. Она плотно запахнулась въ мягкую ткань длиннаго утренняго платья, прислонилась къ высокой спинкѣ стариннаго кресла, опустила голову и сидитъ не шевелясь, чутко прислушиваясь къ чему-то странному, къ какому-то сну на яву, который на нее наплываетъ и все вокругъ нея окутываетъ волшебнымъ туманомъ. Ея густые волосы въ безпорядкѣ и спускаются на лобъ темной прядью, рѣзко оттѣняющей нѣжную бѣлизну кожи. Большіе глаза смотрятъ не мигая далеко за предѣлы комнаты, въ широкую фантастическую безпредѣльность.

Эта дѣвушка еще такъ недавно была совсѣмъ ребенкомъ. Она и теперь незнаетъ жизни, она еще не испытала настоящаго горя и настоящаго счастья. Ея горе, ея счастье неопредѣленны, приходятъ внезапно, по причинамъ, неуловимымъ для посторонняго глаза, быстро чередуются, вызываютъ горькія слезы, разрѣшающіяся беззавѣтнымъ смѣхомъ и исчезаютъ безслѣдно, какъ будто ихъ никогда и не бывало. Вслѣдъ за ними появляется какая-то лѣнивая скука, трепетное желаніе чего-то, а чего?—она и сама сказать себѣ не можетъ. Потомъ начинаетъ мерещиться, вотъ какъ и здѣсь, совсѣмъ другая, волшебная жизнь, неимѣющая ничего общаго съ окружающимъ.

Ее смущали странныя мечты. *)
Порой, она, среди пустого зала,
Сіянье, роскошь, музыку, цвѣты,
Толпу гостей и шумъ воображала;
Кипѣла кровь отъ душной тѣсноты.
На платьицѣ чудесные узоры
Виднѣлись ей—и вотъ гремѣли шпоры:
Къ ней кавалеръ незримый подходилъ
И въ мнимый вальсъ съ собою уносилъ;
И вотъ она кружилась въ вихрѣ бала,
И, утомясь, на кресла упадала...

*) «Сказка для дѣтей», Лермонтова.

Да, она видитъ, она чувствуетъ какъ кругомъ все измѣняется, какъ все становится непохожимъ на тихую, съ дѣтства знакомую комнату, слабо освѣщенную зимнимъ разсвѣтомъ. Ярко горятъ безчисленныя свѣчи, озаряя бронзу, бархатъ, золото и драгоцѣнные камни, отражаясь въ огромныхъ зеркалахъ, уходящихъ къ высокому, причудливо украшенному лѣпной работой куполу. Старое бабушкино кресло, къ спинкѣ котораго она прислонилась, сіяетъ новизною. Откуда то несутся звуки чудной музыки, то нѣжные и тихіе, будто о чемъ-то молящіе, къ чему то зовущіе, то будто страстные, словно созданные изъ огня, свѣта и вѣчнаго, могучаго порыва. На встрѣчу этимъ звукамъ вся душа просится, отъ нихъ то замираетъ, то сильно бьется сердце, по жиламъ пробѣгаетъ мучительно сладкій трепетъ... А подъ самымъ ухомъ, сливаясь съ волшебной музыкой, звучитъ другой шопотъ, такой же странный, такой же сладкій, шопотъ «незримаго» собесѣдника.

И тутъ она, склонивъ лукавый взоръ
И выставивъ едва примѣтно ножку,
Двусмысленный и темный разговоръ
Съ нимъ завести старалась понемножку.
Сначала былъ онъ веселъ и остеръ,
А иногда и черезчуръ небреженъ;
Но подъ конецъ за то какъ милъ и нѣженъ!.
Что дѣлать ей? Притворно-строгій взглядъ
Его, какъ громъ, отталкивалъ назадъ,
И сердце билось въ ней такъ шибко, шибко..
И по устамъ змѣилася улыбка...

А между тѣмъ зимнее солнце пронизало морозный паръ и подымается выше. Вотъ его лучъ ударился въ покрытое причудливымъ ледянымъ узоромъ стекло, скользнулъ по стѣнѣ и упалъ на лицо дѣвушки. Она очнулась. Кругомъ шумъ, голоса, дѣятельные признаки жизни... Сердце еще бьется и замираетъ... на губахъ улыбка... грёзы улетѣли...

W—d.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По желанію многихъ изъ нашихъ подписчиковъ, которые затрудняются работать по уменьшеннымъ выкройкамъ, даннымъ нами до сихъ поръ мы прибавляемъ къ **Декабрьскому № „Модъ“** (который вскорѣ выйдетъ) **выкройки въ полную величину** на **большомъ листѣ, такъ что, по нимъ можно кроить прямо.**

Въ будущемъ **1876** году мы будемъ точно такимъ-же образомъ прилагать къ каждому № **ежемѣсячно такія выкройки въ полную величину.** Это новое приложеніе въ теченіе года будетъ стоить намъ нѣсколько тысячъ руб. но вѣрные своей цѣли—постоянно улучшать журналъ—мы не жалѣемъ ни трудовъ ни издержекъ для достиженія этой цѣли. Къ этому прибавимъ, что **Декабрскій № „Модъ“** будетъ уже **вдвое болѣе прежняго**, чтобы дать нашимъ подписчикамъ болѣе значительный выборъ **зимнихъ костюмовъ.** Такимъ образомъ мы надѣемся удовлетворить самымъ взыскательнымъ требованіямъ нашихъ читательницъ.

Библиотека "Руниверс"

Грёвы. Картина И. Г. Жаке, рисов. Жюль Лаве, гравир. Роберъ. Съ разрѣшенія Гупиля и К°.

Библиотека "Руниверс"

Экспедиція профессора Норденшельда въ Новой Землѣ.

I.
Шпицбергенъ.

Передъ нами міръ льда и вѣчныхъ снѣговъ. Смертью вѣетъ отъ этой страшной ледяной пустыни, погруженной большую часть года въ непроглядный мракъ арктической ночи. Шпицбергенъ, лежащій между 76° 30′ и 70° 40′ сѣверной широты, считая до послѣднихъ открытій австрійской сѣверо-полярной экспедиціи, самой сѣверной извѣстной землей (Новооткрытая земля, по опредѣленію г. Пайера, начальника вышеупомянутой экспедиціи, простирается отъ 69° 54′ слишкомъ до 83° сѣв. широты). Группа островов Шпицбергена представляется глазамъ мореплавателя огромной массой остроконечныхъ горъ, хребтовъ и скалъ, поднимающихся какъ волшебные призраки изъ холодныхъ волнъ Ледовитаго океана. Со льдами Шпицбергенъ не разстается никогда; въ мимолетное полярное лѣто, онъ окруженъ пловучими глыбами льда, зимой запертъ твердыми его массами, образующими вокругъ него сплошную стѣну, иногда въ нѣсколько сотъ футовъ вышивы. Главные острова этого пустыннаго архипелага высоки и круты; нѣкоторые отдѣльные остроконечные пики поднимаются до 4,000 футовъ вышины. Главная горная порода гранитъ; вулкановъ или вулканическихъ остатковъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ. Не смотря на всю ужасающую суровость климата, онъ можетъ еще назваться легкимъ, въ сравненіи съ арктическими странами сѣверной Америки, что слѣдуетъ приписать вліянію гольфштрема. Въ пользу сравнительно меньшей суровости климата говоритъ то, что на Шпицбергенѣ можетъ перезимовать олень. Растительность на Шпицбергенѣ крайне ничтожна, такъ какъ земля всего на нѣсколько недѣль освобождается отъ сковывающей ее ледяной коры. За то быстрота развитія растительности изумительна. Подъ лучами не заходящаго солнца большая часть растеній выростаютъ и отцвѣтаютъ впродолженіе четырехъ, шести недѣль. Изъ деревьевъ здѣсь встрѣчается только малорослая береза да ива, и тѣ не достигаютъ больше нѣсколькихъ вершковъ вышины; кромѣ этого виднѣются тамъ и сямъ тощій лютикъ съ золотистымъ цвѣткомъ, да пятна исландскаго мха и разноцвѣтныхъ лишаевъ или стебли ложечной травы. Изъ млекопитающихъ здѣсь изобилуютъ сѣверные олени, бѣлые медвѣди; попадается также арктическая лисица и леммингъ. Единственное найденное здѣсь насѣкомое была небольшая зеленая муха, а вдоль берега кишатъ безчисленные слизняки (Clio baliaris), маленькія веселыя гренели и массами лѣпятся водоросли. Но что больше всего оживляетъ пустынные берега, это безчисленныя стаи морскихъ птицъ; онѣ сидятъ сплошной линіей на протяженіи нѣсколькихъ миль по берегу, и взлетая затемняютъ свѣтъ. Богатство береговыхъ водъ Шпицбергена составляютъ моржи, тюлени, а въ особенности киты, которыми изобилуютъ западные берега этихъ островов.

Нѣкоторые приписываютъ открытіе Шпицбергена англійскому полярному мореплавателю сэру Гюго Іиллойби, въ 1553 г., но мнѣніе это не имѣетъ за себя положительныхъ фактовъ. Достовѣрно извѣстно то, что голландцы Баренцъ, Гемскеркъ и Ринъ, отправившіеся на двухъ корабляхъ съ цѣлію открыть черезъ сѣверъ ближайшій путь въ Восточную Индію, 16-го іюня 1506 г., нечаянно напали на неизвѣстную горную страну, и дали ей имя Шпицбергенъ, которое сохранилось за ней и по сіе время.

Обильная добыча стала привлекать на эту крайнюю точку земнаго шара китоловов и авантюристовъ со всѣхъ концовъ Европы. Тамъ гдѣ прежде раздавался только крикъ морскихъ птицъ, засуетились люди, отважная энергія которыхъ пренебрегала всѣми опасностями суровой природы и труднаго промысла. Когда въ 1813 г., англійская компанія по торговлѣ съ Москвой снарядила 7 кораблей для отправки на Шпицбергенъ исключительно для ловли китовъ, то они нашли тамъ уже 8 испанскихъ и 6 голландскихъ судовъ. Нерѣдко въ одной и той же бухтѣ стояло до 40 кораблей. Вскорѣ между разными націями стали возникать ожесточенные споры за пользованіе Шпицбергеномъ. Онъ переходилъ то къ англичанамъ, то къ голландцамъ, наконецъ всѣ партіи рѣшили мирно раздѣлить его между собой. Англичане завладѣли Белль-Зундомъ и другими превосходными бухтами, голландцы выбрали себѣ островъ Амстердамъ. Между обоими помѣстились датчане и норвежцы, которые, считая Шпицбергенъ за продолженіе Гренландіи, предъявляли свои претензіи на всю землю. Въ XVII столѣтія, англійская компанія, заключившая при Іоаннѣ Грозномъ торговый договоръ съ Москвой, дѣлала попытки основать промысловыя колоніи на необитаемомъ Шпицбергенѣ. Охотникамъ перезимовать здѣсь предлагалась высокая плата; не смотря на это таковыхъ не находилось, и англійское правительство обѣщало помилованіе преступникамъ, которые согласятся на эти условія. Нѣкоторые приняли предложеніе, но когда увидѣли здѣшнюю пустыню, мысль быть заживо погребенными въ этой ледяной гробницѣ навела на нихъ такой ужасъ, что они предпочли свои цѣпи свободѣ необозримыхъ ледяныхъ полей и умоляли о возвращеніи въ ихъ смрадныя тюрьмы.

Къ какому времени слѣдуетъ отнести первое знакомство русскихъ съ Шпицбергеномъ и вообще начало мореходства нашего по Сѣверному Ледовитому океану, неизвѣстно. Мореплаватели XVI и XVII столѣтій, заходили въ отдаленнѣйшихъ краяхъ, куда только заѣзжали, кресты съ славянскими надписями, развалины жилищъ и прочее. Русскіе мореходцы, имъ встрѣчавшіеся, указывали имъ путь, давали наставленія. Все это доказываетъ, что русскимъ въ половинѣ XVI вѣка, всѣ берега Сѣвернаго Ледовитаго океана были подробно извѣстны, и что, слѣдовательно, мореходствовать по оному начали нѣсколькими вѣками раньше. Къ сожалѣнію за отсутствіемъ письменныхъ документовъ, до насъ не дошло никакихъ положительныхъ свѣдѣній о первыхъ нашихъ мореходцахъ въ этихъ высокихъ широтахъ. Извѣстно, что уже съ XVII столѣтія, русскіе на своихъ нехитрыхъ ладьяхъ, отъ 60 до 160 тонъ вмѣстимости, объѣзжали берега Шпицбергена и охотились за тюленями, бѣлухами и въ особенности за моржами. Между тѣмъ какъ англичане и голландцы оставили всякую мысль о перезимовкѣ на Шпицбергенѣ, не проходитъ почти года, что бы въ какой нибудь изъ шпицбергенскихъ бухтъ не зимовало нѣсколько русскихъ промышленниковъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ выѣзжаютъ они изъ гаваней Архангельска, Мезени, Онеги, Колы и другихъ, и направляются въ далекія полярныя воды. Съ наступленіемъ осени, они оставляютъ свои суда въ льду, а сами ѣдутъ на землю, гдѣ строятъ изъ привезенныхъ бревенъ маленькія хижины на разстояніи нѣсколькихъ верстъ другъ отъ друга. Въ большой хижинѣ, которая строится близь судна, хранятся припасы, заготовляемые мѣсяцевъ на восемьнадцать. Бывали примѣры, что иныя по нѣскольку лѣтъ сряду переживали страшную шпицбергенскую зиму. Но первое мѣсто среди этихъ героевъ занимаетъ Шаростинъ, который по свидѣтельству Петермана провелъ въ этихъ широтахъ 39 зимъ, и въ томъ числѣ 15 лѣтъ сряду на Шпицбергенѣ.

Нигдѣ человѣкъ такъ вполнѣ не проявляетъ своей силы въ борьбѣ съ природой, какъ на этомъ дальнемъ сѣверѣ. Воображеніе отказывается представить себѣ всѣ ужасы полярной зимы съ ея вѣчной ночью. Холодъ доходитъ до 40° Р. Испаренія отъ поверхности тѣла, покрываютъ слоемъ тотчасъ же замерзающаго пара всѣ обнаженныя части тѣла; при продолжительномъ вдыханіи ощущается сухость въ дыхательныхъ путяхъ, дыханіе медленно и болѣзненно. Металъ прилипаетъ въ пальцамъ какъ клей; отъ рѣзкаго воздуха обнаженныя мѣста покрываются пузырями. Много осталось грустныхъ повѣстей страданій этихъ отважныхъ людей, и мы съ благоговѣніемъ преклоняемся передъ тѣми мучениками, которые рѣшаются переносить всѣ эти неимовѣрные ужасы не изъ какихъ-либо корыстныхъ цѣлей, но изъ одной чистой любви къ наукѣ.

Кромѣ леденящаго дыханія арктической зимы, гибельнаго вліянія долгой темноты, опасности отъ мятель и ледяныхъ вьюгъ, самымъ страшнымъ врагомъ заключенныхъ на зиму въ этихъ высокихъ широтахъ, является убійственная болѣзнь, цынга. Хотя этой болѣзнью поражаются мореплаватели во всѣхъ моряхъ, но нигдѣ такъ скоро не заболѣваютъ ею и не свирѣпствуетъ она такъ сильно, какъ во время перезимовокъ въ арктическомъ поясѣ, гдѣ въ высочайшей степени соединены всѣ условія, благопріятствующія этой болѣзни: исключительно мясная пища, дурной воздухъ, грязь, отсутствіе движенія и дѣятельности, нерѣдко лишенія голода, упадокъ духа—однимъ словомъ все, что портитъ кровь и нарушаетъ правильное отправленій нервной системы. Если даже сильный человѣкъ заболѣетъ цынгой, то чувствуетъ страшную слабость, ноги подъ нимъ подламываются, дыханіе затрудняется. Его клонитъ ко сну, но сонъ не подкрѣпляетъ его. Сине-багровыя пятна отъ выступающей крови появляются на кожѣ. Десна размягчаются, дѣлаются губчатыми, покрываются легко точащими кровь язвами, издавая невыносимый запахъ. Ноги пухнутъ, скорчиваются; въ конечностяхъ, внутренностяхъ и спинѣ ощущаются страшныя боли. Если не наступитъ благопріятной перемѣны во внѣшнихъ условіяхъ, признаки увеличиваются все болѣе и болѣе; слабость съ каждымъ днемъ увеличивается, язвы разъѣдаютъ дальше вокругъ себя, начинается кровотеченіе деснами и кишечнымъ каналомъ, что еще увеличиваетъ слабость; боли увеличиваются и наконецъ несчастный умираетъ отъ упадка силъ, удушенія и чрезмѣрной потери крови. Берега Шпицбергена покрыты тысячами могилъ, почти все это жертвы цынги. Лучшимъ противодѣйствіемъ ей служитъ движеніе; употребляютъ также какъ противоцынготное средство здѣсь же растущую ложечную траву, которой собираютъ большіе запасы и ѣдятъ сырую или пьютъ какъ чай. Однакоже не всегда удается избѣжать страшной болѣзни. Такъ въ 1837 г. на южномъ мысѣ погибло 22 русскихъ. Въ слѣдующемъ году, у Тысячи островов стала на якорѣ ладья съ 18 человѣками, а шесть мѣсяцевъ спустя на ладьѣ и въ хижинахъ царила смерть. Въ 1771 г. присталъ къ плоскому мысу въ Царской бухтѣ Стевардъ изъ Уитбы, чтобы набрать здѣсь плавучаго лѣ-

Библиотека "Руниверс"

са, и нашелъ здѣсь русскую хижину. Войдя въ нее онъ увидѣлъ на полу трупъ, лицо котораго было покрыто зеленой плѣсенью. Вѣроятно этотъ несчастный, похоронивъ своихъ товарищей, умеръ послѣдній; такъ что некому было отдать ему послѣдняго долга.

Мы останавливались до сихъ поръ на мрачныхъ картинахъ далекаго сѣвера, но взглянемъ теперь на тамошнюю природу, когда она пробуждается отъ тягостнаго зимняго сна. Лишь только блеснули первые лучи солнца, всѣ эти ледяныя и гранитныя массы, остроконечныя бойницы, зубчатыя стѣны, причудливыя, фантастическія—засверкаютъ такимъ великолѣпіемъ, какого не передастъ никакая кисть, никакое перо. Блескъ и игра брильянтовъ при самомъ яркомъ огнѣ, ничто въ сравненіи съ безчисленными переливами цвѣтовъ тающихъ ледяныхъ громадъ. На обширной поверхности ихъ образуются голубыя озера чистѣйшей воды, перемежающіяся ледяными и снѣжными полями, то ослѣпительно бѣлыми, то изумрудно-зелеными, иногда голубыми или розовато-фіолетовыми, иногда совершенно прозрачными какъ хрусталь. Картины, которые представятся мореплавателю въ это благопріятное время года, полны величія и дивной красоты.

Въ настоящее время, промысловыя экспедиціи на Шпицбергенъ, далеко не имѣютъ тѣхъ размѣровъ какъ прежде. Но можетъ быть въ будущемъ, минеральныя богатства архипелага привлекутъ къ его берегамъ еще много кораблей. Въ Царской бухтѣ найдевъ превосходный мраморъ и огромные залежи каменнаго угля, который легко можетъ быть разработанъ.

II.

Полуночное солнце.

Наши сѣверныя, такъ называемыя «бѣлыя ночи», даютъ намъ нѣкоторое, хотя слабое понятіе о лѣтней полярной ночи. У насъ только не наступаетъ темноты, и все освѣщено ровнымъ, какимъ-то холоднымъ свѣтомъ, который дѣйствуетъ раздражительно на нервы болѣе южнаго жителя, не привычнаго къ такому явленію. Но на далекомъ сѣверѣ, солнце свѣтитъ ночью такъ же ярко, съ такимъ же блескомъ какъ днемъ. Уже въ Петербургѣ, во время лѣтняго солнцестоянія, солнце, въ самую полночь, опускается только на 6°35′ ниже горизонта. Въ холодныхъ странахъ, по мѣрѣ приближенія къ полюсамъ, непрерывный день длится по нѣскольку недѣль, даже по нѣскольку мѣсяцевъ, смѣняя собою такую же непрерывную полярную ночь. На сѣверномъ полюсѣ солнце не сходитъ съ горизонта съ 9-го марта по 11-е сентября. Въ широтѣ 70° солнце не заходитъ 65 дней; въ широтѣ 80° солнце свѣтитъ ночью, точно также ослѣпительно ярко какъ днемъ, въ теченіе 134 сутокъ.

Такое полуночное солнце освѣщаетъ пустынные берега Новой земли, представленные на нашей картинѣ. Гладкая поверхность воды между обоими берегами — Маточкинъ Шаръ. Это проливъ, отдѣляющій сѣверный островъ Новой Земли отъ Южнаго и соединяющій Сѣверное съ Карскимъ моремъ. По описанію Пактусова, начальствовавшаго одной изъ экспедицій для изслѣдованія Карскаго моря, проливъ отъ мыса Столбоваго до мыса Выходнаго, имѣетъ 95 верстъ; ширина западнаго устья 7 верстъ и восточнаго 4 версты; самое же узкое мѣсто, около середины, имѣетъ всего 300 саженъ. Западное устье Маточкина Шара очищается отъ льда скорѣе всѣхъ мѣстъ на Новой Землѣ. Происхожденіе названія Маточкинаго шара неизвѣстно. Подъ словомъ *шаръ* разумѣется во всѣхъ мѣстахъ посѣщаемыхъ новоземельскими мореходцами, проливъ, текущій поперекъ какого-нибудь острова или земли, или соединяющій между собою два моря. Маточкою по всей Архангельской губерніи называютъ маленькіе деревянные компасики, употребляемые тамошними рыболовами.

Маточкинъ Шаръ въ прежнія времена былъ посѣщаемъ промышленниками; зимовать здѣсь они оставались весьма неохотно, развѣ по какому нибудь особенному случаю, потому что въ проливѣ нѣтъ удобныхъ для зимовки гаваней, и въ зимнее время жестоко свирѣпствуютъ вѣтры.

Едва ли есть на землѣ мѣста болѣе пустынныя, унылыя, чѣмъ скудные берега Новой Земли, омываемые Маточкинымъ Шаромъ. Нигдѣ на безжизненной землѣ нѣтъ сплошнаго, покрытаго травою пространства, какое можно было бы назвать лугомъ, даже нѣтъ мѣста, сплошь покрытаго мхомъ, такъ мало теплоты развиваетъ земля, не смотря на то, что солнце нѣсколько мѣсяцевъ непрерывно свѣтитъ надъ ней днемъ и ночью. Даже листовидные лишаи, столь роскошные въ Лапландіи, прозябаютъ здѣсь скудно. Сухіе горные склоны, покрытые только кое-гдѣ желтоватымъ дерномъ, на которомъ растетъ мѣстами снѣжный лютикъ, непривѣтливое растеніе, цвѣтущее когда почва не согрѣлась еще до 1°.

За то богатства моря уже нѣсколько столѣтій привлекаютъ къ пустыннымъ берегамъ Новой земли предпріимчивыхъ промышленниковъ. Самый важный звѣрь для промысла есть моржъ, потомъ бѣлуха. Другой важный продуктъ Новой земли есть горный лосось, который осенью поднимается въ горные озера, и въ иные года ловится въ огромномъ количествѣ.

Но уѣдутъ баркасы и ладьи промышленниковъ, и опять все погружается въ мертвую тишину, изрѣдка нарушаемую шорохомъ какого-нибудь звѣря или крикомъ кружащейся въ воздухѣ чайки. Развѣ забытая гдѣ одинокая лодка говоритъ о томъ, что здѣсь была нога человѣка. Все кругомъ мертво, неподвижно, безмолвно какъ въ могилѣ, и невольно вспоминаются слова поэта:

И мнится, жизни въ той странѣ
Отъ вѣка не бывало...

Русское правительство снаряжало нѣсколько ученыхъ экспедицій для изслѣдованія Новой земли. Знаменитый кругосвѣтный путешественникъ Литке четыре раза пытался пробраться вдоль ея восточнаго берега, но напрасно; всѣ усилія обращались въ ничто передъ бурями и холодомъ льда, и казалось, что эти страны вѣчной зимы навсегда должны оставаться въ неизвѣстности для человѣка. Но неудачи предшествовавшихъ опытовъ не удержали отъ новыхъ попытокъ энергическихъ изслѣдователей, какъ Пактусовъ, Циволка, академикъ Беръ, который уже въ старости, пользуясь вполнѣ заслуженнымъ почетомъ, рѣшился подвергнуть себя всѣмъ опасностямъ арктическаго плаванія, чтобы въ этой пустынѣ собрать плоды для науки.

Еще графъ Румянцевъ въ 1806 г. снарядилъ на свой счетъ судно для изслѣдованія Новой Земли, вслѣдствіе распространившихся слуховъ о существованіи на ней драгоцѣнныхъ металловъ. Но горный чиновникъ Лудловъ, завѣдывавшій экспедицей, ничего не нашелъ кромѣ слюды и сланца. Драгоцѣнныхъ металловъ не было и признаковъ. Такимъ образомъ совершенно опроверглись показанія разныхъ промышленниковъ, утверждавшихъ о существованіи тамъ въ изобиліи золота и серебра. Слухи эти, по словамъ Лудлова, обязаны своимъ происхожденіемъ обманчивой наружности берега, состоящаго изъ тальковаго сланца и слюды. На сѣверномъ берегу Маточкина Шара онъ нашелъ сѣру и мѣдный колчеданъ въ такомъ количествѣ, что со временемъ, по его мнѣнію, могла бы развиться обработка этихъ рудъ. Думаютъ также, основываясь на нѣкоторыхъ показаніяхъ, что на берегахъ Маточкина Шара есть малахитъ.

Но ни одна изъ этихъ экспедицій не увѣнчались такимъ успѣхомъ, какъ настоящая поѣздка Норденшельда—ученаго профессора, совершившаго множество геологическихъ и метеорологическихъ поѣзд-докъ по Финляндіи, Швеціи, Норвегіи, Германіи, Франціи и Англіи, издавшаго много ученыхъ сочиненій, переведенныхъ на разные европейскіе языки и удостоенныхъ лучшихъ наградъ Шведской Академіи, членомъ которой и самъ Норденшельдъ избранъ въ 1861 г. за удачно совершенную имъ въ этомъ году Шведскую экспедицію на Шпицбергенъ, предпринимавшуюся сверхъ того еще два раза, именно, раньше—въ 1858—1859 и позже—въ 1865. подъ непосредственнымъ начальствомъ почтеннаго профессора. Примѣромъ того, что онъ не ищетъ внѣшнихъ отличій, разсказываютъ какъ Норденшельдъ отказался принять отъ Карла XV орденъ, предназначенный ему за услуги дѣлу науки въ полярныхъ экспедиціяхъ 1853, 1872—1871 года, такъ что Карлъ XV, принимая впослѣдствіи отъ Норденшельда какую-то рѣдкость, сказалъ ему: «Iad är icke så högfardig som du» (я вѣдь не такъ гордъ какъ вы и отъ подарковъ не отказываюсь).

Что же касается научнаго и промышленно-торговаго значенія послѣдней экспедиціи Норденшельда въ Карское море, начавшейся у береговъ Норвежскаго королевства и окончившейся въ устьѣ Енисея, то для оцѣнки ея обильныхъ послѣдствій могутъ служить письма г. Норденшельда къ снарядителю и патрону экспедиціи г. Оскару Диксону, напечатанныя въ «Готерборгской Торговой Газетѣ», посланные г. Норденшельдомъ 16-го августа съ яхты «Проба», стоявшей въ то время въ устьяхъ Енисея.

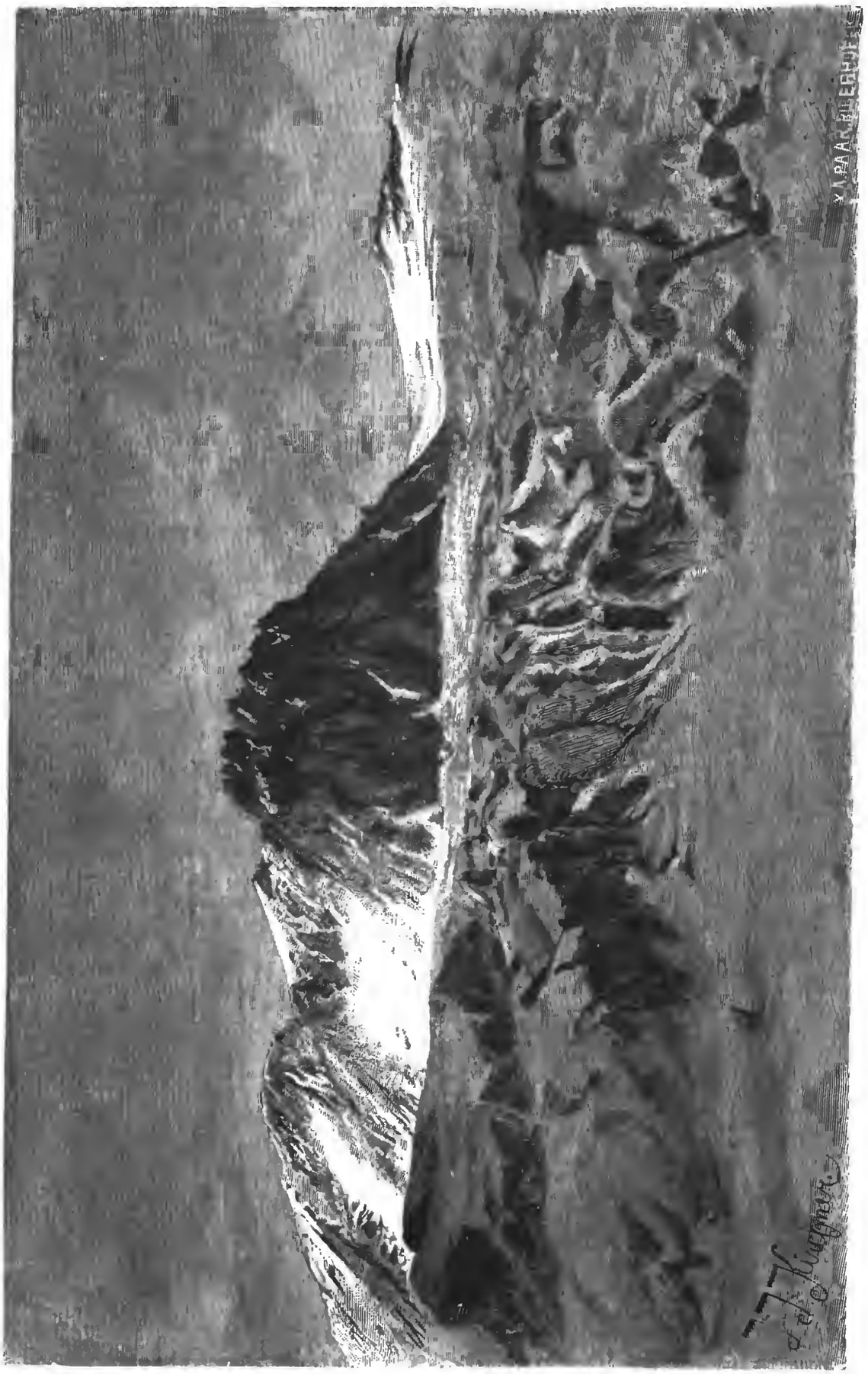
Приводимъ здѣсь въ переводѣ одно изъ важнѣйшихъ писемъ профессора Норденшельда къ купцу Оскару Диксону.

«Послѣ того какъ судно наше 8-го іюня было отъ гавани Тромсе безплатно буксировано маленькимъ пароходомъ того же имени, противный вѣтеръ принудилъ насъ 5 дней простоять на мѣстѣ между Карлсе и Рено. Наконецъ 14-го числа мы опять могли поднять якорь и черезъ Фугло-Зундъ выдти въ открытое море. Мы направили нашъ курсъ мимо Нордкапа, который прошли 17-го, на южную часть Новой Земли.

Весной и въ началѣ лѣта западный берегъ этого двойнаго острова окруженъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ земли, сплошнымъ, почти нигдѣ непроходимымъ ледянымъ поясомъ, который потомъ исчезаетъ и въ которомъ, какъ извѣстно по опыту, часто еще раньше образуется два прохода. Эти послѣдніе бываютъ покрыты лишь слабымъ льдомъ и соединяютъ свободное отъ льда пространство воды вдоль берега съ океаномъ. Одинъ изъ этихъ проходовъ идетъ обыкновенно вдоль Маточкина Шара, и обусловливается сильными теченіями, господствующими въ этомъ проливѣ. Другой проходъ приходится приблизительно на высотѣ сѣверо-гусинаго мыса. Я избралъ послѣдній, и 22-го іюня мы прошли его безъ особенныхъ затрудненій. Такимъ образомъ черезъ недѣлю послѣ отплытія изъ Карлсе, экспедиція въ первый разъ бросила у Новой Земли якорь, въ маленькой, мало защищенной бухтѣ къ сѣверу отъ Гусинаго мыса.

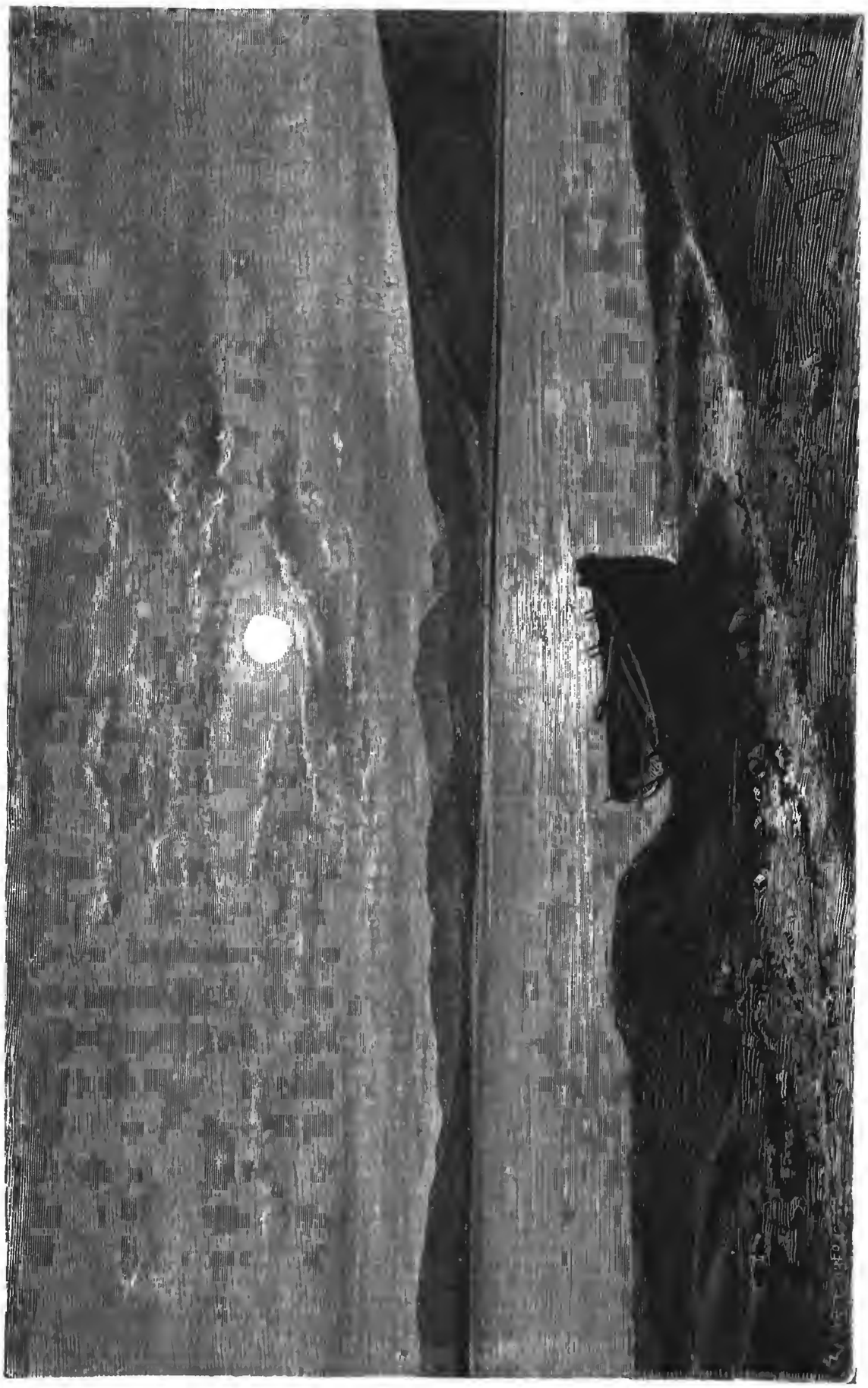
Во время этого переѣзда, насколько позволяла погода, были

Библиотека "Руниверс"



Страна острова Шпицбергена. Рис. И. Кирхнеръ, грав. Паръ.

Библиотека "Руниверс"



Новая земля Маточкинъ шаръ во время полуночнаго солнца. Рисов. И. Кирхнеръ, гравер. Б. Царь..

Библиотека "Руниверс"

производимы усердныя измѣренія дна и изслѣдованія животной жизни, температуры воды на различныхъ глубинахъ и т. п. Часто мы были вознаграждаемы богатой добычей, доказывавшей, что здѣсь можно разсчитывать на большія жатвы въ области естественно-историческихъ открытій.

Проведя два дня на нашей первой якорной стоянкѣ, мы пустились дальше къ сѣверу, и гдѣ обстоятельства благопріятствовали тому, бросали то тамъ, то снимъ, около береговъ, якорь: отъ 25—28 іюня въ маленькомъ Кармакульскомъ заливѣ, отъ 2—6 іюля въ Безъименномъ заливѣ, отъ 7—13 въ различныхъ мѣстахъ Маточкина Шара. До сихъ поръ море вдоль берегоиъ было почти свободно отъ льда, но къ сѣверу отъ этого пролива, соединяющаго Карское море съ моремъ между Новой Землей и Шпвцбергеномъ, ледяныя массы проствpались почти до самой земли, такъ что, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, нельзя было слѣдовать вдоль берега дальше на сѣверъ, какъ было первоначально предложено въ планѣ экспедиціи. Въ западной же части Маточкина Шара, льда, напротивъ, не было, и сначала казалось, что этимъ путемъ мы очень скоро попадемъ на восточную его часть. Проѣхавъ для этой цѣли до Чиракина, я предпринялъ оттуда поѣздку на шлюпкѣ внутрь пролива, чтобы изслѣдовать свойство льда. Въ это же время доцентъ Люндстремъ поднялся на близь лежавшую гору, имѣвшую больше 3,000 футовъ вышины, откуда открывался обширный видъ. Оказалось, что восточная часть пролива покрыта непрерывной ледяной массой, которая казалась настолько прочной, чтобы еще долго не уступать вліянію полярнаго лѣта. Поэтому я не счелъ благоразумнымъ оставаться здѣсь въ ожиданіи возможности прохода, а такъ какъ зимній путь къ сѣверу также былъ запертъ, то и рѣшилъ попытать счастья на одномъ изъ двухъ проливовъ Карскомъ или Югорскомъ, которые ведутъ въ Карское море по обѣимъ сторонамъ большаго острова Вайгачъ.

Мы оставили Маточкинъ Шаръ 13-го іюля, и, пройдя 14-го числа мимо залива Скодде, 16-го мимо сѣвернаго Гусинаго мыса, 18-го мимо южнаго Гусинаго мыса, и бросивъ 21-го якорь у Костина Шара, 25-го іюля, въ бурную погоду, прибыли къ Карскому проливу. Этотъ послѣдній былъ сплошь затертъ льдомъ, кромѣ того вѣтеръ былъ слишкомъ силенъ, чтобы можно было стать на якорь. Вслѣдствіе этого и поѣхалъ дальше и имѣлъ счастіе у юго-западнаго берега острова Вайгача защитить судно отъ свирѣпствовавшаго здѣсь отъ 26—30-го іюля необыкновенно сильнаго сѣвернаго штурма. 26-го іюля мы бросили якорь у мыса Гребеньго. Буря все еще продолжалась съ такой силой, что хотя мы стояли на якорѣ совсѣмъ вблизи берега и были хорошо защищены, но не раньше 30-го іюля могли спустить лодку, чтобы на островѣ Вайгачѣ высадиться на берегъ. Здѣсь мы сдѣлали богатыя находки окаменѣлостей верхняго силурійскаго слоя, особенно интересныхъ для шведскихъ геологовъ, такъ какъ онѣ очень походятъ на окаменѣлости Готланда. Здѣсь же мы въ первый разъ встрѣтились съ самоѣдами, которые увидѣвъ наши лодки, подъѣхали къ намъ на берегъ въ странныхъ, высокихъ, приспособленныхъ столько же для лѣта какъ и для зимы саняхъ, запряженныхъ 3-мя или 4-мя оленями. Когда они объяснили знаками, что хотятъ ѣхать къ нашему кораблю, мы тотчасъ же взяли ихъ съ собой, и угостили ихъ на славу.

Во время нашего пребыванія у западнаго берега Новой Земли, мы, разумѣется, прилежнѣйшимъ образомъ занимались изслѣдованіями посѣщаемыхъ нами мѣстъ въ отношеніи геологическаго ихъ строенія, животной, растительной жизни, и т. д. Въ многихъ мѣстахъ, куда мы заходили, ученому отдѣлу экспедиціи представилась возможность собрать такой матерьялъ для изслѣдованія природы этихъ странъ, который по своей полнотѣ превосходитъ все, что до сихъ поръ дѣлали въ этомъ отношеніи наши предшественники. Но, вслѣдствіе сильныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, которые дули здѣсь послѣдніе дни и какъ надо было предполагать, погнали ледъ внизъ къ южной части Карскаго моря, плоха была надежда, еще въ этомъ году, проникнуть дальше на востокъ. Тѣмъ не менѣе я рѣшился по возможности скорѣе сдѣлать эту попытку; поэтому 31-го іюля мы опять снялись съ якоря, чтобы идти на Югорскій проливъ. Едва достигнувъ устья, вслѣдствіе затишья, я принужденъ былъ стать на якорь, недалеко отъ мѣстечка, куда на лѣтніе мѣсяцы пріѣзжаетъ изъ Пустозерска много русскихъ и самоѣдовъ для рыбной ловли и для охоты, и которое поэтому норвежцы называютъ самоѣдскимъ городомъ. На слѣдующій день и поѣхалъ на лодкѣ дальше, отдавъ приказаніе чтобы корабль какъ можно скорѣе слѣдовалъ за мной. Уже 2-го августа можно было сняться съ якоря, и при помощи слабаго вѣтра и сильнаго теченія переѣхать на другую сторону, къ тому мѣсту, гдѣ была поставлена моя палатка. Я тотчасъ же сѣлъ на корабль, и мы продолжали наше плаваніе къ Карскому морю, при помощи одного сильнаго сѣверо-западнаго теченія. Проливъ былъ пройденъ благополучно, и прибывъ въ Карское море, мы нашли его совершенно свободнымъ отъ льда. Мы направили нашъ курсъ къ средней части полуострова, отдѣляющаго Карское море отъ Обскаго залива и называемаго самоѣдами «Іальмалъ». Вѣтеръ былъ крайне слабъ, мы подвигались впередъ очень медленно, подвергая наше терпѣніе сильному испытанію, но это имѣло ту хорошую сторону, что плавая по этимъ водамъ, которыя не посѣщала еще ни одна научная экспедиція, мы каждый день закидывали неводъ и занимались гидрографическими изслѣдованіями. Неводъ доставлялъ намъ неожиданно богатую добычу разнообразнѣйшихъ морскихъ животныхъ, изъ которыхъ я здѣсь назову нѣкоторые роды колоссальныхъ размѣровъ, причудливые кумацеи, массу амфиподовъ, необыкновенно большіи красиво разрисованныи морскіи звѣзды, молюсковъ и прое. Замѣчательно особенное свойство здѣшней воды: на поверхности моря, вслѣдствіе изліянія въ него большихъ рѣкъ, она почти не имѣетъ соленаго вкуса, и обращается въ смертельный ядъ для животныхъ, которыи живутъ въ соленой водѣ на глубинѣ моря. Поэтому большая часть животныхъ, доставаемыхъ вами изъ моря, умирали въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, если были положены въ воду, взятую съ поверхности моря.

Здѣсь, точно также какъ на западномъ берегу Новой Земли, при помощи термометра системы Негретти, Забры и Казелла, были дѣланы измѣренія температуры моря, не только на поверхности, но и на различныхъ глубинахъ. Изслѣдованія эти дали весьма интересный результатъ и рѣшили много спорныхъ вопросовъ на счетъ морскихъ теченій, направленіе которыхъ, за невмѣніемъ другихъ данныхъ, преимущественно опредѣлялись по температурѣ воды на поверхности. Изъ многочисленныхъ наблюденій, сдѣланныхъ вдоль западнаго берега Новой земли отъ Маточкина Шара до Югорскаго пролива, оттуда, мимо Гребеньго мыса до 75½° сѣверной широты и 82° восточной долготы и дальше до устья Енисея, я получилъ несомнѣнныя доказательства того, что въ этомъ морѣ температура воды на поверхности подвержена весьма частымъ измѣненіямъ, что обусловливается температурой воздуха, сосѣдствомъ льда и притокомъ теплой прѣсной воды изъ Оби и Енисея. Напротивъ того, температура воды на глубинѣ 10 саженей держится почти постоянно на одной точкѣ—между 1 и 2° Цельсія *). Теплыхъ морскихъ теченій, которыя проникали въ глубину, здѣсь вовсе не существуетъ. Профессоръ Экманъ, посредствомъ взобрѣтеннаго имъ для этой цѣли превосходнаго аппарата, произвелъ множество пробъ воды на глубинѣ, и и убѣжденъ, что на днѣ и содержаніе соли постоянно.

На сѣверо-западной сторонѣ Іальмала, 8-го августа ты вышли на нѣсколько часовъ на берегъ, гдѣ было предпринято астрономическое опредѣленіе мѣстности **). На берегу мы увидѣли слѣды самоѣдскихъ саней и босыхъ человѣческихъ ногъ. На самомъ краю берега стоялъ жертвенникъ, состоящій штукъ изъ 50 сложенныхъ въ кучу бѣлыхъ медвѣдей, китовыхъ, оленьихъ костей и проч. Посрединѣ этой груды костей стояло два идола, грубо вырѣзанныхъ изъ дерева; глаза и ротъ просто были намазаны кровью. Возлѣ жертвенника были воткнуты палки съ крючками, на которыхъ висѣли кости оленей и медвѣдей. Тутъ же видны были слѣды костра и еще кучка оленьихъ костей; послѣднія очевидно были остатками происходившаго здѣсь жертвеннаго пира. Пробывъ на этомъ берегу нѣсколько часовъ, я опять поплылъ на сѣверъ, пока у 75° 30′ сѣверной широты и 70° 30′ восточной долготы, сплошныя массы большихъ ледяныхъ полей сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшее плаваніе въ этомъ направленіи. Итакъ, я слѣдовалъ по окраинѣ льда къ востоку и наконецъ взялъ курсъ на сѣверную сторону устья Енисея, куда мы и прибыли 15-го августа, и выкинувъ шведскій флагъ, стали на якорь. *Такимъ образомъ мы достигли цѣли, къ которой цѣлыя столѣтія тщетно стремились всѣ большія мореходныя націи.*

Приближаясь къ гавани, мы увидѣли медвѣдя, пасущагося съ нѣсколькими оленями вблизи отъ берега ***) Однако, онъ скоро мѣрнымъ шагомъ удалился отъ оленей и легъ спать на берегу, недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы стояли. Прежде чѣмъ мы опустили якорь, др. Тэель поѣхалъ въ лодкѣ на берегъ, чтобы убить звѣря. Выйдя на землю, Тэель ползкомъ сталъ приближаться къ медвѣдю. Но черезъ нѣсколько минутъ звѣрь замѣтилъ охотника и тотчасъ же бросился на него, ко былъ встрѣченъ на разстояніи 20 шаговъ пулей, попавшей въ середину лба; впрочемъ она не прошла сквозь черепъ, а только сдѣлала въ немъ долевую трещину между глазъ. Медвѣдь обратился въ бѣгство; вторая пуля, разорвавшая ему легкіи и верхнюю часть сердца, положила его на мѣстѣ. Для меня этотъ случай послужилъ предзнаменованіемъ того, что скоро должно въ этихъ странахъ кончиться тысячелѣтнее господство медвѣдей, и что мѣста эти оживятся многочисленными судами, посредствомъ которыхъ Европа будетъ сообщаться съ громадной рѣчной областью Иртыша, Оби и Енисея.

Отсюда экспедиціи раздѣлится сообразно предначертанному плану. Я, въ сопровожденіи Лундстрема, Штукеберга и трехъ матросовъ, намѣревался идти на парусахъ или на веслахъ въ нарочно привезенной для этой цѣли норвежской лодкѣ, вверхъ по Енисею, чтобы черезъ Туруханскъ и Енисейскъ вернуться

*) Если въ сѣверной части Карскаго моря, гдѣ вода на поверхности почти не имѣетъ соленаго вкуса и довольно тепла въ это время года, бутылку наполненную водой опустить на глубину 10 саженей, то вода въ бутылкѣ замерзаетъ до степени льда.

**) Таковыя же опредѣленія мѣстности дѣлались еще раньше на западномъ берегу Новой Земли и на Югорскомъ проливѣ.

***) Желудокъ и кишечный каналъ убитаго медвѣдя содержали одну траву. Нашъ охотникъ объяснилъ намъ, что это былъ старый «король», слишкомъ лѣнивый, чтобы ходить на охоту.

Библиотека "Руниверс"

въ Европу, между тѣмъ какъ «Проба» должна была отсюда пуститься въ обратный путь въ Норвегію, и, если окажется возможнымъ, взять курсъ на сѣверный берегъ Новой Земли. Распоряженіе на этотъ счетъ я передалъ при прощаньи др. Кьельману, который уже участвовалъ въ экспедиціи 1872—1873 гг. и знакомъ съ плаваніемъ въ арктическихъ водахъ».

Въ другомъ письмѣ къ г. Диксону, болѣе частнаго характера, профессоръ Норденшельдъ выражаетъ, между прочимъ, что по его мнѣнію экспедиціи увѣнчалась необычайнымъ успѣхомъ, такъ какъ ей удалось проникнуть до устья Енисея, что служило цѣлью большихъ русскихъ, голландскихъ и англійскихъ экспедицій, но тщетно, потому что онѣ неудачно выбирали время года для плаванія въ этомъ морѣ. «Что касается до меня, то и питаю живѣйшее убѣжденіе», говоритъ дальше г. Норденшельдъ, «что теперь откроется новый торговый путь, о значеніи котораго легко можно составить себѣ понятіе, если обозначить на картѣ отдѣльной краской область, занимаемую Иртышемъ, Обью, Енисеемъ и ихъ притоками».

Докторъ Струсбергъ.

Въ одномъ изъ мелкихъ предмѣстій Нейнбурга у бѣднаго еврея переплетчика Іохима Струсберга въ 1823 году родился сынъ, котораго назвали Борухъ Гиршъ. Каково было воспитаніе маленькаго Боруха, проведшаго первые годы своей жизни на улицѣ въ тавернахъ, между темными личностями, карманными ворами и мошенниками, представить себѣ не трудно, тѣмъ болѣе, что мать и сестры его пользовались очень незавидной репутаціей, а отецъ пилъ постоянно запоемъ. Оставшись круглымъ сиротою на двѣнадцатомъ году, безо всякой поддержки и матеріальныхъ средствъ, Гиршъ Струсбергъ поступилъ юнгой на коммерческій бригъ, шедшій въ Лондонъ и черезъ нѣсколько дней прибылъ въ столицу Англіи. Оставивъ свою морскую службу и прошатавшись нѣсколько мѣсяцевъ между пресловутыми лондонскими ворами, отыскалъ онъ наконецъ какого-то дальняго родственника, къ которому и поступилъ въ услуженіе, гдѣ жилъ, работая на хозяина; ночью онъ учился всему чему могъ, и черезъ годъ крестившись превратился въ Бартеля Гейнриха. Претендуя на энциклопедическое образованіе, на 18 году онъ отказался отъ мѣста у своего родственника и поступилъ хроникеромъ въ одну изъ мелкихъ газетъ. Присутствуя въ качествѣ репортера на засѣданіяхъ парламента, молодой Бартель Гейнрихъ по воспріимчивости своей натуры, весь предался вопросамъ парламента и возмечталъ во что бы то ни стало пробить себѣ дорогу и потому недовольствуясь своимъ отчасти обезпеченнымъ положеніемъ, а напротивъ желая нажиться, оставилъ редакцію газеты и 20 лѣтъ уже ѣхалъ въ Америку. Фатумъ повидимому покровительствовалъ предпріимчивому юношѣ. Корабль, на которомъ онъ ѣхалъ, потерпѣлъ крушеніе и затонулъ. Въ числѣ немногихъ спасшихся, совершенно случайно находился и Струсбергъ, Судьба хотѣла, чтобы, спасшись лично, онъ волей-неволей спасъ и другаго. Когда морскія волны уже затопляли палубу корабля, и всѣ лодки были уже спущены, Струсбергъ, умѣвшій хорошо плавать, бросился въ воду къ одной изъ ближайшихъ лодокъ. Но въ этотъ моментъ онъ почувствовалъ, что кто-то крѣпко вцѣпился ему въ спину, причемъ этотъ человѣкъ оказался, когда они были вытащены на лодку, дряхлымъ, слабымъ старикомъ по фамиліи Свэнъ, американцемъ и директоромъ народныхъ училищъ въ штатѣ Колорадо. Понятно, что въ Свэнѣ Струсбергъ пріобрѣлъ себѣ преданнѣйшаго друга и опытнаго наставника въ новой жизни, которая открылась ему въ Америкѣ.

Задаваясь грандіозными планами, Струсбергъ, подпавъ подъ вліяніе Свэна по пріѣздѣ въ Новый Свѣтъ, вмѣсто предполагаемой экспедиціи на берега Миссури за поисками золота, удовольствовался скромнымъ званіемъ клерка и вскорѣ затѣмъ женился на дочери своего друга, хорошенькой 18-лѣтней Мери Эпь, которая благодаря своей энергіи, своему уму и чисто американской дѣловой практичности, впослѣдствіи играла весьма важную роль въ жизни нашего героя. Открывши школу и получивъ черезъ два года усидчивой работы степень доктора философіи въ Филадельфіи (какъ неизвѣстно) Струсбергъ бросилъ свои менторскія занятія и обратился къ компаніи лѣсопромышленниковъ, затѣмъ сталъ заниматься торговлею хлопкомъ, но обанкрутившись на обѣихъ предпріятіяхъ, по смерти Свэна въ концѣ 1848 года отправился съ женою снова въ Европу. Несмотря на первые два неудачные опыта, спекулятивный духъ не упадалъ въ докторѣ философіи и по пріѣздѣ своемъ въ Лондонъ, онъ сперва пустился снова въ репортерскую часть а затѣмъ, благодаря своей энергіи и ловкости, сталъ и самъ издателемъ-редакторомъ довольно распространеннаго биржеваго листка «London Magasine» и вдался въ биржевую игру, и въ концѣ концовъ дѣло снова лопнуло и онъ, спасши самыя малыя крохи оставилъ Англію, и переѣхалъ въ Берлинъ, сопутствуемый своею супругою, неуступавшею ему въ твердости характера. Но и Берлинъ былъ въ началѣ не болѣе благосклоненъ къ Струсбергу, чѣмъ Лондонъ и Америка и открытый имъ журналъ «Der Mustrirte bennibus» не выдержалъ и полугода, вооруживъ противъ него всю берлинскую прессу за нахальный и циническій тонъ журнала и свойственный доктору шантажный тонъ, проявлявшійся еще въ «London Magasine». Повидимому счастье вполнѣ отвернулось отъ своего столь ревностнаго преслѣдователя, но онъ не падалъ духомъ и наконецъ переименовавшись изъ Бартеля Генриха Струсберга нѣмца, въ Бель Генри—англичанина, онъ получилъ агентуру одного большаго англійскаго страховаго общества «Ватерлоо». Держась постоянно англійскаго кружка а слѣдовательно и англійскаго посольства, Струсбергъ черезъ него взошелъ въ кругъ крупныхъ капиталистовъ и финансовыхъ дѣятелей, а затѣмъ разными негласными происками и своими открытыми связами получилъ концессію на тильзитъ-инстербургскую желѣзную линію, наживъ съ этого предпріятія около милліона талеровъ, и въ то же время заслуживъ репутацію честнаго и хорошаго строителя. Удвоивъ кушъ заработка выгоднымъ помѣщеніемъ его въ товарищество строившейся тогда юго-восточной прусской дороги, Струсбергъ входитъ въ славу, его ищутъ, ему вѣрятъ и въ самое непродолжительное время онъ, кромѣ упомянутыхъ двухъ дорогъ, уже самостоятельно сооружаетъ: берлинъ-гарлицкую, праваго берега Одера, познанскую, галле-губенскую, гановеръ-альтенбургскую, сѣверную венгерскую, сѣть румынскихъ и нашу граево-бѣлостокскую линіи желѣзныхъ дорогъ, получивъ въ общественномъ мнѣніи значеніе желѣзно - дорожнаго короля. Къ концу шестидесятыхъ годовъ въ его распоряженіи состояло около 600,000,000 талер. и около 200,000 рабочихъ. Имя его гремитъ по всей Европѣ, кредитъ открытъ повсюду неограниченный, барыши считаются милліонами, онъ доволенъ, счастье обернулось къ нему, мечты его осуществились.

Но самолюбіе разбогатѣвшаго доктора не унималось и вспомнивъ свое репортерство въ англійскомъ парламентѣ ему кромѣ богатства хотѣлось пріобрѣсти извѣстность и политическаго дѣятеля. Случай представился.

Въ одинъ изъ іюльскихъ дней памятнаго 1870 года король прусскій Вильгельмъ, собравъ сѣверо-германскій рейхстагъ въ «Бѣломъ Залѣ» сообщилъ, что наполеоновская Франція объявила войну сѣверо-германскому союзу. Уже задолго до начала торжественнаго акта собрались депутаты, и важность грядущаго тяжелаго событія была напечатлѣна на ихъ лицахъ. Въ отдѣльной группѣ особенно вліятельныхъ и почетныхъ депутатовъ, къ которымъ князь Бисмаркъ и его многочисленные сателлиты относились съ исключительнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, болѣе другихъ интересовалъ собою стороннюю публику рейхстага одинъ—это былъ «высокоуважаемый докторъ Бетль Генри Струсбергъ». Имя его звучало повсюду и было не менѣе знакомо, любимо и популярно чѣмъ имя Бисмарка. Онъ фамильярно болталъ съ грандами Германіи: графами и князьями, Плессами и Ратиборнами. По всему было видно, что они ему—свои равные люди. Онъ говорилъ тихо, плавно, но съ достоинствомъ и какою-то желѣзною твердостью. Это былъ необыкновенно крѣпкаго сложенія, широкоплечій и немного сутуловатый блондинъ съ большими мохнатыми усами и эспаньолкою. Съ перваго взгляда видѣлся въ немъ человѣкъ обширнаго ума и рѣдкой энергіи. Онъ являлся героемъ дня и былъ извѣстенъ всей Германіи подъ именемъ «желѣзнодорожнаго короля», о несмѣтныхъ богатствахъ котораго ходили сказочныя легенды. Въ голодный, памятный для восточной Пруссіи 1869 годъ, онъ посылалъ нуждающимся городамъ цѣлые поѣзда съ хлѣбомъ, въ Берлинѣ закупилъ для бѣдныхъ—дровъ на 12,000 талеровъ, и ежедневно выдавалъ изъ своей кухни до 10,000 даровыхъ порцій. Дворецъ Струсберга на Wilhemstrasse извѣстенъ былъ берлинцамъ подъ именемъ «маленькаго рая». Самъ «король» говорилъ о немъ: «это скромное жилище генія труженика». Въ этихъ покояхъ перебывали у него всѣ германскіе государственные люди и полководцы, имена которыхъ принадлежатъ исторіи. Постройкой дворца завѣдывалъ королевскій архитекторъ Ортъ. Дѣйствительно царскій вестибюль, освѣщенный сверху изящнымъ хрустальнымъ куполомъ, замѣнившимъ плафонъ, раскинулся на два этажа. Широкая лѣстница изъ бѣлаго мрамора съ золоченою орнаментовкою вела въ залы. Струсберговскій рабочій кабинетъ, вмѣщавшій въ себѣ драгоцѣнности живописи и скульптуры стоилъ до 500.000 талеровъ. Зала поражала художественными гобеленами прошлаго столѣтія. Зимній садъ былъ дѣйствительно садомъ съ волшебною обстановкою: съ фонтанами, водопадами, ручьями, мостиками, глухими бесѣдками и мраморными статуями работы Бегоса. Музыкальный залъ обладалъ рѣдкою акустикою: одна стѣна была въ немъ подвижная и открывала сцену для домашнихъ спектаклей и музыкальныхъ вечеровъ, въ которыхъ охотно (за громадныя платы) принимали участіе всѣ знаменитости, гостившіе въ Берлинѣ. Наконецъ слѣдовала библіотека въ 12,000 томовъ и картинная галлерея съ 2,000 экземпляровъ, въ числѣ которыхъ были лучшія работы современныхъ художниковъ.

Библиотека "Руниверс"

Здѣсь жилъ желѣзнодорожный король—бывшій нейнбургскій еврейскій мальчишка, безъ дома, безъ крова, безъ семьи и безъ куска хлѣба, теперь же меценатъ, почти захлебывающійся волнами счастія. Но «ничто не вѣчно подъ луною». Докторъ философіи, обладатель «маленькаго рая», «крезъ милліонеръ» дошелъ до апогея своей славы и—рухнулъ. Крушеніе его было ужасно какъ для него, такъ и для тѣхъ, кто былъ заинтересованъ въ его дѣлахъ. Онъ объявленъ несостоятельнымъ въ Германіи и у насъ почти на 30,000,000 и самъ изъ своего волшебнаго замка попалъ въ душную камеру московской ямы. Выбраться ли ему оттуда, преодолѣть ли и это банкротство, какъ онъ преодолѣвалъ многія трудности въ своей жизни, сказать весьма трудно. По поводу его можно только примѣнить латинскую пословицу «Sic transit gloria mundi».

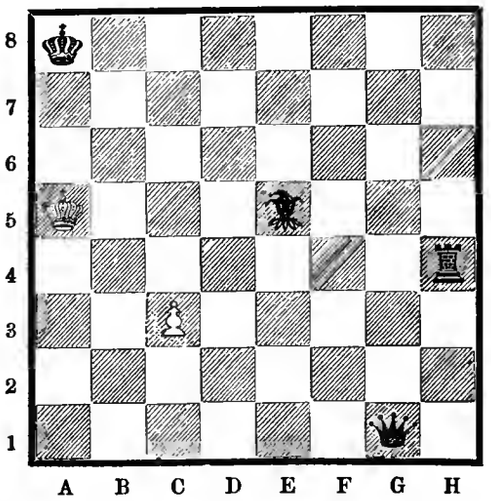
Для того чтобы болѣе ясно очертить то участіе г. Струсберга въ дѣлахъ Московскаго коммерческаго ссуднаго банка, которое въ значительной мѣрѣ повліяло на всю банковую катастрофу, считаемъ не лишнимъ привести показаніе самаго виновника о его сношеніяхъ съ этимъ учрежденіемъ. Струсбергъ разсказываетъ, что отношенія его къ банку, сначала только косвенныя, возникли съ весны 1874 года. Въ это время отъ имени его поѣхалъ въ Петербургъ г. Минчикъ, чтобы получить за счетъ Струсберга извѣстную сумму въ правленіи Бресто-Граевской желѣзной дороги. Какъ послѣ узналъ Струсбергъ, г. Минчикъ воспользовался при этомъ знакомство съ г. Лавдау, въ то время уже директоромъ коммерческаго ссуднаго банка и вступилъ съ нимъ въ значительныя дѣла за собственный счетъ и впослѣдствіи имѣя въ рукахъ значительныя суммы и бумаги банка помогъ Струсбергу, ссудивъ его значительной суммой для антверпенскаго дѣла. За это г. Струсбергъ заплатилъ этимъ господамъ, кромѣ процентовъ, большую комиссію и былъ вынужденъ принять въ счетъ ссуды бумаги, принадлежавшія будто бы банку, по слишкомъ высокой цѣнѣ. Антверпенское дѣло было окончено раньше чѣмъ ожидалось и такъ какъ проценты, уплаченные имъ за эту ссуду оказались совершенно несоразмѣрными со временемъ, въ теченіе котораго онъ ею пользовался, то г. Минчикъ предложилъ ему дальнѣйшую ссуду въ милліонъ двадцать тысячъ талеровъ подъ начинающееся тогда збировское дѣло. По случаю этого дѣла г. Минчикъ доставилъ Струсбергу случай вступить въ прямыя письменныя и офиціальныя сношенія съ коммерческимъ ссуднымъ банкомъ. Ссудный банкъ разрѣшилъ банкиру Струсберга, Іосифу Жаку въ Берлинѣ кредитъ, и разрѣшилъ самому Струсбергу трассировать на банкъ черезъ контору Жака и непосредственно. Между тѣмъ осенью прошедшаго года, г. Струсбергъ отправился, по приглашенію одного изъ высшихъ вѣдомствъ—въ Петербургъ, чтобы принять тамъ участіе въ различныхъ предпріятіяхъ, касающихся этого города. Во время его пребыванія въ Петербургѣ, онъ познакомился съ директоромъ ссуднаго банка г. Лавдау и, имѣя переговоры съ г. Поляковымъ относительно поставки 2,000 товарныхъ вагоновъ для курско-харьково-азовской дороги, воспользовался знакомствомъ съ г. Ландау и привлекъ его къ участію въ этомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе этого сношенія г. Струсберга съ банкомъ достигли мало по малу такихъ размѣровъ, что банкъ въ собственныхъ интересахъ долженъ былъ помогать ему и далѣе. Передъ выдачей послѣдней ссуды, Ландау былъ лично въ Збировѣ. Струсбергъ въ то время нуждался въ большой суммѣ, но ему была доставлена помощь только въ половину, такъ что полученныхъ денегъ не достало и г. Струсбергъ очутился тотчасъ же въ безденежьѣ. Послѣ этого онъ послалъ въ Москву одного своего друга, чтобы выяснить правленію положеніе дѣла и убѣдить, что интересы банка слишкомъ связаны съ собственными его Струсберга интересами, что банку нельзя теперь покинуть его въ нуждѣ, и что напротивъ гораздо выгоднѣе помогать ему. Если бы банкъ отказалъ ему во время—показывалъ Струсбергъ — то онъ попробовалъ бы другія средства и, можетъ быть, ему удалось бы выждать время. Вмѣсто того банкъ офиціально подалъ ему надежду на помощь, вызвалъ въ Москву и самымъ хитрымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ для Струсберга такъ и для себя вредвымъ образомъ довелъ его до раззоренія». Струсбергъ послѣ узналъ, что г. Ландау до знакомства съ нимъ велъ операціи съ иностранными бумагами отъ имени банка. Потери на этихъ бумагахъ были бы чрезвычайно значительны, если бы Струсбергъ не принялъ ихъ отъ банка. Такъ что для г. Ландау все заключалось въ томъ, что бы свалить эту потерю съ своихъ плечъ, къ чему дѣла съ Струсбергомъ и представили удобный случай. Итакъ въ концѣ концовъ, по показаніямъ Струсберга, оказывается, что не онъ ввелъ банкъ въ раззореніе а напротивъ, самъ былъ жертвой и козлищемъ очищенія. Въ заключеніе г. Струсбергъ высказалъ мѣнніе, что въ настоящую минуту нѣтъ другаго средства успокоить русскую публику относительно банковскаго дѣла, какъ правительству заплатить текущія долги коммерческаго ссуднаго банка!

Портретъ Бетеля Струсберга.

ЗАДАЧА

Н. ЕРМИЛОВА

Посвящается **М. Я. Протопопову**



Бѣлые.

Черные начинаютъ и заставляютъ бѣлыхъ сдѣлать матъ въ 5 ходовъ.

Рѣшеніе задачи въ слѣдующемъ № «Нивы».

Разныя извѣстія и объявленія въ отдѣльно прилагаемомъ листѣ.

„При этомъ № прилагается для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ прейсъ-курантъ отъ Торговаго дома Германа Корпуса въ С.-Петербургѣ и листъ объявленій“.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 22 Ноября 1875 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морская, д. № 3. Тип. Вольфа, Адмиралт. № 10.

Библиотека Гриф

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Марія Александровна, Герцогиня Единбургская, разрѣшилась отъ бремени принцессою, въ Иствель-Паркѣ, въ 10 съ половиною часовъ утра 17-го (29-го) октября сего 1875 года.

Дѣйствія правительства.

Отъ Высочайше утвержденной организаціонной коммисіи, состоящей подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника цесаревича, по участію Россіи на международной выставкѣ и конгрессѣ въ Брюсселѣ 1876 г.

Коммисія имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, утвержденное Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, положеніе о русскомъ отдѣлѣ международной выставки 1876 года въ Брюсселѣ, по предметамъ гигіены и спасенія погибающихъ.

Общая программа брюссельской международной выставки, система классификаціи предметовъ, на нее допускаемыхъ, а также общій регламентъ относительно участія въ означенной выставкѣ иностранныхъ государствъ, изданные совѣтомъ администраціи анонимнаго общества, уже обнародованы въ №№ 219 и 220 „Правительственнаго Вѣстника“ и въ №№ 259 и 260 «Journal St.-Pétersbourg».

Настоящее положеніе о русскомъ отдѣлѣ брюссельской международной выставки, совокупно съ вышеупомянутыми публикаціями, отпечатано отдѣльными оттисками, и желающіе могутъ получать ихъ безвозмездно въ отдѣленіи коммисіи, помѣщающемся въ зданіи музея прикладныхъ зданій (въ Соляномъ Городкѣ, входъ съ Пантелеймоновской) откуда выдаются также бланки предварительныхъ объявленій о желаніи участвовать въ русскомъ отдѣлѣ брюссельской международной выставки (см. § 18 положен. о русск. отдѣлѣ) и фактуръ, при коихъ назначаемые на выставку предметы должны быть доставляемы въ означенное отдѣленіе коммисіи (см. § 21 того же положен.).

Дѣла церкви.

Святѣйшій синодъ, согласно заключенію учебнаго при немъ комитета, усмотрѣвшаго, что на нѣкоторыхъ общеепархіальныхъ и окружныхъ училищныхъ съѣздахъ духовенства нерѣдко избирались и нынѣ избираются какъ въ депутаты, такъ и въ предсѣдатели съѣздовъ лица, состоящія, въ то же время, членами консисторіи, которые, своимъ положеніемъ и вліяніемъ, не могутъ иногда не стѣснять подчиненное имъ духовенство въ свободномъ обсужденіи мнѣній по училищнымъ дѣламъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы впредь члены консисторій не избирались ни въ предсѣдатели, ни въ депутаты съѣздовъ духовенства.

Военное дѣло.

Въ «Турк. Вѣд.» пишутъ: Въ то время, когда, въ Андиджанѣ, Автобачи со своими соумышленниками снова готовился объявить газаватъ (войну за вѣру), изъ Маргелана отправился въ Шариханъ, Ассаке и Андиджанъ находившійся при русскомъ отрядѣ ориенталистъ А. Л. Кунъ. Цѣлью поѣздки г. Куна было собраніе статистическихъ свѣдѣній о восточной части коканскаго ханства. А. Л. Куна сопровождалъ топографъ, шт.-капитанъ Петровъ. и нѣсколько вольнонаемныхъ джигитовъ. На третій день послѣ пріѣзда въ Андиджанъ г. Куна, въ городѣ вспыхнуло возстаніе. Какъ кажется, причиною, ускорившею взрывъ возстанія, было объявленіе ханскаго приказа о сборѣ въ Коканъ нукеровъ. Всѣ, кому приходилась очередь идти въ ханское войско, бѣжали въ горы, присоединяясь къ скопищамъ Автобачи, еще въ то время скрывавшагося внѣ Андиджана, то на хуторѣ (раббатъ) своего тестя, то въ своемъ родномъ кипчакскомъ кишлакѣ, въ 24-хъ верстахъ отъ Андиджана, за Кара-Дарьею. По всему городу раздался крикъ: «газы-газы», и толпы народа, вооруженнаго чѣмъ попало, бросились на джигитовъ, находившихся при бекахъ шариханскомъ и андиджанскомъ. Другая толпа кинулась на домъ, гдѣ остановились гг. Кунъ и Петровъ. Ворота успѣли, однако, во время затворить; джигиты г. Куна и серкера (хозяина дома, гдѣ остановился т. Кунъ) заслонили собою толпѣ входъ въ узкую улицу, угрожая ружьями и револьверами, и заставили отхлынуть толпу, всегда готовую на грабежъ, но очень неохотно встрѣчающуюся лицомъ къ лицу съ дѣйствительною опасностью. Джигиты бековъ также успѣшно отбили первое нападеніе. Когда толпа и здѣсь отхлынула, беки прискакали со своими джигитами къ дому, гдѣ были гг. Кунъ и Петровъ, и усиленно просили ихъ немедленно же уѣхать изъ города, увѣряя, что чрезъ нѣсколько минутъ уже поздно. Дѣйствительно, крики по городу не умолкали, а по временамъ слышались уже выстрѣлы. Собравшись наскоро, гг Кунъ и Петровъ выѣхали изъ города съ револьверами наготовѣ, съ трудомъ пробираясь сквозь волнующуюся толпу и выбирая менѣе населенныя улицы. Все время пока гг. Кунъ и Петровъ собирались въ путь, беки шариханскій и андиджанскій стояли у воротъ дома, затѣмъ поѣхали—одинъ по правую, другой—по лѣвую русскихъ гостей, окруживъ ихъ густою толпою своихъ джигитовъ. «Вы наши гости», говорили беки, «мы отвѣчаемъ и передъ Богомъ, и передъ ханомъ за вашу безопасность», Медленно проѣхали беки городъ, спустились въ Андиджанъ-сай, и, только отъѣхавъ верстъ 20 отъ города, объявили, что теперь можно ѣхать скорѣе, не опасаясь преслѣдованія горожанъ андиджанцевъ. Въ 2 ч. ночи, гг. Кунъ, Петровъ и сопровождавшіе ихъ беки благополучно прибыли въ русскій лагерь, расположенный у Намангана, сдѣлавъ въ одинъ день болѣе 30 верстъ трудной дороги, отъ Андиджана до Намангана.

СОДЕРЖАНІЕ: Сербскій Князь Миланъ VI, Сербская Княгиня Наталія Петровна (съ портретами). — Кто выигралъ?.. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха (продолженіе). — Герцеговинское возстаніе (съ рисункомъ). — Грёзы (съ рисункомъ). — Заявленіе. — Экспедиція профессора Норденшельда въ Новой Землѣ (съ 2-мя рисунками). — Докторъ Струсбергъ (съ портретомъ). — Шахматы. — Разныя извѣстія.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗЪ БУМАГИ.

Воротники дамскіе: въ 15, 25, 30, 35 и 40 за дюж.

Воротники мужскіе: въ 25, 30 и 35 коп. за дюж.

Манжеты мужскія и дамскія: въ 40, 45, и 60 коп. за 12 паръ.

Манишки мужскія, смотря по величинѣ отъ 25 до 80 коп. за дюж.

Депо бумажнаго бѣлья, въ Москвѣ, Газетный переул., магазинъ **„Городъ Нюрнбергъ“.**

Отправка по мѣркѣ во всѣ города, но не менѣе, чѣмъ на 5 руб.

ДЕШЕВЫЕ САХАРНЫЕ ЗАВОДЫ.

Нижеподписавшійся можетъ предложить полные, почти новаго устройства нѣсколько сахарныхъ заводовъ въ Австраліи, которые по причинѣ финансоваго кризиса продаются—или оптомъ, или отдѣльно — на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Онъ же принимаетъ на себя устройство новыхъ сахарныхъ заводовъ. Имѣетъ долголѣтнюю, частью тоже въ Россіи, практику.

Особенно рекомендуется за 40,000 рублей почти новое заводское устройство, по системѣ дижузіи, производившее ежедневно 3500 пудовъ свекловичнаго сахара.

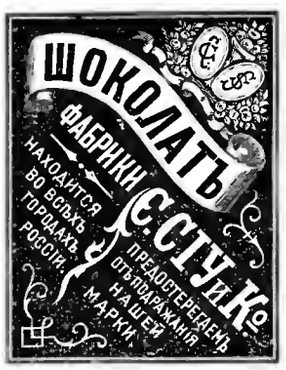
Тоже предлагается машины и аппараты всякаго рода и системъ.

Самыя лучшія рекомендаціи имѣются

Г. Кригеръ.

Инженеръ для сахарныхъ заводовъ въ Вѣнѣ IX округъ, Порцеллангассе № 40.

2—2



45—18

СПЕЦІЯЛЬНОСТЬ

ЕДВАРДЪ'СЪ КОЛЬДКРЕМЪ.

По Екатеринскому каналу у Казанскаго моста, домъ Устинова № 12. 4—1

26—2

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова*. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы“ 1875 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Шпильгагена*. Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 г. 1 р. съ пересылкой.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1876 ГОДУ

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО СБОРНИКА

„ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ".

ВТОРОЙ ГОДЪ.

Въ 1876 году сборникъ **«Древняя и Новая Россія»** будетъ издаваться по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ текущемъ году, но **безъ предварительной цензуры.** Такое облегченіе, полученное сборникомъ, послужитъ, разумѣется, къ существенному расширенію и улучшенію его историко-литературнаго отдѣла; что же касается внѣшности изданія, то въ ней произойдетъ лишь одна перемѣна: рисунки будутъ помѣщаться не въ текстѣ, а на отдѣльныхъ листахъ. Редакція не можетъ опредѣлить количества художественныхъ приложеній къ каждой книжкѣ, такъ какъ это зависитъ отъ содержанія статей, но въ теченіи года будетъ дано не менѣе 40—50 гравюръ на деревѣ, литографій и хромолитографій.

Въ историко-литературномъ отдѣлѣ сборника «Древняя и Новая Россія», въ 1876 году, будутъ принимать участіе слѣдующія лица, большею частію, уже доставившія въ редакцію обѣщанныя имъ статьи:

Проф. **Н. Я. Аристовъ.**—**А. П. Барсуковъ.**—Проф **Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ.**—**Н. Г. Богословскій.**—Проф. **А. Г. Брикнеръ.**—Баронъ **Ѳ. А. Бюлеръ.**—**Е. А. Бѣловъ.**—Проф. **В. Г. Васильевскій.**—**Ѳ. А. Витбергъ.**—**В. П. Гаевскій.**—Проф. **В. И. Герье.**—**П. А. Гильтебрандтъ.**—Акад. **Я. К. Гротъ.** — Проф. **М. П. Драгомановъ.**—**П. Я. Дашковъ.**—**М. Ѳ. Де-Пуле.**—**Г. В. Есиповъ.**—**И. Е. Забѣлинъ.**—Проф. **Е. Е. Замысловскій.**—Проф. **В. С. Иконниковъ.** — Проф. **Д. И. Иловайскій.** — **Е. П. Карновичъ.**—Проф. **Г. Ѳ. Карповъ.**—Проф. **В. О. Ключевскій.**—Проф. **Д. А. Корсаковъ.**—Проф. **Н. И. Костомаровъ.**—**А. М Лазаревскій.**—Проф. **В. И. Ламанскій.**—**Л. Н. Майковъ.**—**В. Н. Майновъ.**—**П. К. Мартьяновъ..**—Проф. **О. Ѳ. Миллеръ.**—**Д. Л. Мордовцевъ.**—Проф. **И. С. Некрасовъ**—**В. И. Немировичъ-Данченко.**—**П. Н. Петровъ.**—**П. Н. Полевой.**—Проф. **Н. А. Поповъ.**—**А Н. Поповъ.**—**В. П. Поповъ.**—**П. А. Ровинскій.**—Проф. **А. В. Романовичъ-Славатинскій.**—**А. И. Савельевъ.**—Проф. **Д. Я. Самоквасовъ**—**В. М Свирѣлинъ.**—Акад. **С. М. Соловьевъ.**—**В. В. Стасовъ.**—**Н. П. Степановъ.**—**А. А. Сонцовъ.**—Акад. **М. И. Сухомлиновъ,**—**И. А. Тихоміровъ.**—**К. Н. Тихонравовъ.**—**Л. Н. Трефолевъ.**—**Ѳ. М. Уманецъ.**—**И П. Хрущовъ.**—**Н. А. Чаевъ.**—Проф. **С. М. Шпилевскій.**

Кромѣ того, въ сборникѣ 1876 года будутъ напечатаны посмертныя сочиненія академика **Н. Г. Устрялова** (Неизданная глава изъ 5 тома «Исторія царствованія Петра Великаго» и «Воспоминанія») и **М. Д. Хмырова.**

Въ художественномъ отдѣлѣ сборника будутъ принимать участіе художники и гравюры: **П. Ѳ Борель, И. И. Ваулинъ, Н. А Гоголинскій, Г. В. Глушковъ, И. А. Космаковъ, И И. Матюшинъ, А. А. Шлиперъ.**

Къ первой книжкѣ сборника 1876 года будетъ приложена, между прочимъ, большая литографія на тону съ картины проф. **В. И. Якоби «Волынскій въ засѣданіи кабинетъ-министровъ»,**

Сборникъ **«Древняя и Новая Россія»** выходитъ ежемѣсячно книжками, въ размѣрѣ отъ **десяти до двѣнадцати** печатныхъ листовъ большаго формата, in 4, въ два столбца печати на страницѣ, съ **нѣсколькими портретами и рисунками въ приложеніи,** такъ что, по окончаніи года, составятся три большихъ тома, отъ 120 до 150 печатныхъ листовъ, съ 40—50 гравюрами на деревѣ, литографіями и хромолитографіями.

Подписная цѣна на годовой экземпляръ сборника, состоящій изъ **двѣнадцати книгъ: для гг. городскихъ подписчиковъ,** въ С.-Петербургѣ: съ доставкою на домъ 12 р. 50 к., безъ доставки 12 р. **Для иногородныхъ:** 1) въ Москвѣ, съ доставкою на домъ 13 р. 50 к., безъ доставки 12 р. 50 к. 2) въ губерніи: съ пересылкою 13 р. 50 к. **Для заграничныхъ:** вся Европа (кромѣ Франціи) 14 р. Франція 16 р.

Подписка на 1876 годъ принимается въ Петербургѣ, въ конторѣ редакціи сборника, при **хромолитографіи и типографіи издателя В. И. Граціанскаго,** Невскій пр. д. № 46, рядомъ съ Пассажемъ; **въ Москвѣ,** въ кн. маг. И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алексѣева.

Иногородные исключительно обращаются въ контору редакціи.

Разсрочка платежа подписной суммы для частныхъ лицъ допускается по соглашенію съ конторою редакціи, для служащихъ — черезъ посредство ихъ казначеевъ.

Подписка на 1875 годъ продолжается.

Сборникъ „Древняя и Новая Россія" за 1875 годъ, состоящій изъ трехъ томовъ, по четыре книжки въ каждомъ, и заключающій около 150 печатныхъ листовъ большаго формата, in 4°, въ два столбца печати на страницѣ, съ 65 гравюрами на деревѣ, литографіями и хромолитографіями, можно получать въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ: въ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, 15 р., въ папкѣ 13, въ бумажной обложкѣ 12 р.

О подпискѣ на 1876 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ,

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ"

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Подписка въ Россіи.

МѢСЯЦЫ.	Городскіе. Безъ доставки. Р. К.	Городскіе. Съ доставкою. Р. К.	Иногородные. Съ пересылкою. Р. К.	МѢСЯЦЫ.	Городскіе. Безъ доставки. Р. К.	Городскіе. Съ доставкою. Р. К.	Иногородные. Съ пересылкою. Р. К.
12	14 50	16 —	17 —	6	8 50	9 50	10 —
11	13 75	15 —	16 —	5	7 —	8 —	9 —
10	13 —	14 —	15 —	4	5 50	6 40	7 20
9	12 —	12 70	14 —	3	4 10	4 70	5 70
8	10 75	11 50	13 —	2	2 80	3 20	3 80
7	9 50	10 50	12 —	1	1 50	1 70	2 —

Подписка за границею съ пересылкою.

МѢСЯЦЫ.	Всѣ европейскія государства и Сѣверная Америка. Руб.	Коп.	Южная америка. Руб.	Коп.	Австралія, Китай и Японія. Руб.	Коп.
12	23	—	32	—	40	—
6	12	—	17	—	22	—
3	6	20	9	—	11	50
1	2	40	3	—	4	—

Подписка открыта въ главной конторѣ **„Биржевыхъ Вѣдомостей"**, въ С.-Петербургѣ, по Литейному проспекту, въ домѣ № 42, въ книжныхъ магазинахъ Базунова, Вольфа, Исакова; Колесова и Михнна, Мелье и Черкесова и К°; въ Москвѣ у Н. А. Мейера, на Солянкѣ, д Бабурина.

Подписка принимается не иначе какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ—по третямъ чрезъ ихъ казначеевъ; для не служащихъ—по личному или письменному соглашенію съ редакціею, для чего необходимо обращаться въ главную контору «Биржевыхъ Вѣдомостей».

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ, за годовой экземпляръ съ пересылкою въ губерніи, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 7 руб., въ концѣ марта 6 руб. и въ началѣ августа 4 руб.; а съ доставкою въ Петербургѣ—уплачиваютъ въ конторѣ при самой подпискѣ 5 руб., въ концѣ марта 5 и въ концѣ іюня 6 руб

2—2

О подпискѣ на 1876 годъ

НА

„ВЕЧЕРНЮЮ ГАЗЕТУ"

ПОЛИТИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ И СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ ГУБЕРНІИ.

На 12 мѣсяц. 8 р. — к.	На 8 мѣсяц. 6 р. — к.	На 4 мѣсяц. 3 р. 50 к.
» 11 » 7 » 50 »	» 7 » 5 » 50 »	» 3 » 2 » 50 »
» 10 » 7 » — »	» 6 » 5 » — »	» 2 » 1 » 70 »
» 9 » 6 » 50 »	» 5 » 4 » 20 »	» 1 » — » 90 »

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи **„Вечерней Газеты"**, въ С.-Петербургѣ, по Литейному проспекту, домъ № 42, не иначе какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ—по третямъ чрезъ ихъ казначеевъ; для не служащихъ—по личному или письменному соглашенію съ редакціею, для чего необходимо обращаться въ главную контору «Вечерней Газеты.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ, за годовой экземпляръ съ пересылкою въ губерніи и доставкою въ Петербургѣ,—высылаютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 3 руб., въ концѣ марта 3 руб. и въ началѣ августа 2 руб.

2—2

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1876 ГОДУ

„БУДИЛЬНИКА",

сатирическаго журнала съ хромо-литографичвсними рисунками и каррикатурами.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

на годъ.		на полгода.	
Безъ доставки	6 р. — к.	Безъ доставки	3 р. 50 к.
Съ доставкою	7 р. — к.	Съ доставкою.	4 р. — к.
Съ пересылкою въ города	7 р. 50 к.	Съ пересылкою	4 р. 50 к.

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 20 коп. сер.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Москвѣ—въ редакціи (на большой Никитской) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ Москвы подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: въ С.-Петербургѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Курскѣ, Орлѣ, Мценскѣ и Воронежѣ.

Объявляя о продолженіи изданія «Будильника» въ 1876 году, редакція честь имѣетъ честь заявить, что съ 1-го января 1876 года она намѣрена увеличить число красокъ въ хромолитографическихъ рисункахъ и вообще число каррикатуръ число юмористическаго, а въ особенности бытоваго и политическаго содержанія. Въ текстѣ журнала будутъ значительно усилены отдѣлы: 1) иногородныхъ корреспонденцій, 2) юмористическихъ телеграммъ, передающихъ событія дня и 3) политическаго, провинціальнаго и столичнаго фельетоновъ.—Вообще задача редакціи—постоянно не щадя никакихъ усилій, заботиться объ улучшеніи литературной и художественной стороны журнала.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ присылатьсвеи требованія заблаговременно, дабы предотвратить могущую быть несвоевременную высылку нумеровъ журнала.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 22 Ноября 1875 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морск., № 9. Тип. Воглина, Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 49 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 8 Декабря 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА" на 1876 годъ.

Въ виду приближенія времени подписки на 1876 г., мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ.**

Приготовленіе около 14.000 печатныхъ адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ требуетъ весьма большой работы и времени такъ что намъ гораздо легче если подписчи теперь уже благоволятъ выслать свои требованія ибо въ концѣ Декабря когда всѣ требованія поступятъ вдругъ, большое количество адресовъ трудно съ разу приготовить.

При возобновленіи подписки просимъ покорно **высылать печатные редакціонные адреса отъ бандеролей,** въ которыхъ подписчики получаютъ „НИВУ" въ нынѣшнемъ 1875 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжный магазинъ *И. Гр. Соловьева, А. Лангъ* и *А. Живарева* . . . . . 4 р. 50 к.

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.*)

*) ПОЧТОВЫХЪ МАРОКЪ *НЕ* ПРИНИМАЕТСЯ, а просимъ высылать этотъ полтинникъ серебромъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи «НИВЫ» въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

ПОДПИСКА на 1875 г. продолжается на тѣхъ же самыхъ условіяхъ. Издатель „НИВЫ" А. Ф. МАРКСЪ.

Устройство волшебныхъ фонарей и аппаратовъ для туманныхъ картинъ, при различныхъ источникахъ свѣта, а также способъ приготовленія прозрачныхъ картинъ на стеклѣ.

Хотя волшебный фонарь и былъ изобрѣтенъ въ исходѣ XVI столѣтія (іезуитомъ Кирхеромъ), но очень долгое время онъ употреблялся только вызывателями тѣней, странствующими фокусниками и проч. и затѣмъ уже появился въ продажѣ какъ игрушка.

Въ настоящее время, въ особенности заграницею, волшебный фонарь вошелъ въ большое употребленіе. Для высшихъ учебныхъ заведеній и школъ онъ служитъ отличнымъ образовательнымъ средствомъ, а въ семействахъ, какъ полезное и пріятное препровожденіе времени, въ особенности въ длинные зимніе вечера.

Усовершенствованія въ фотографическихъ процессахъ, дали возможность получать на стеклѣ увеличенные микроскопическіе препараты, которые посредствомъ волшебнаго фонаря могутъ быть увеличены до громадныхъ размѣровъ, смотря по качеству фонаря и силѣ свѣта. Изображенія эти гораздо яснѣе и отчетливѣе, чѣмъ получаемыя даже посредствомъ другихъ микроскоповъ. При нѣкоторыхъ приспособленіяхъ можно посредствомъ волшебнаго фонаря наблюдать интереснѣйшія явленія поляризаціи свѣта, хроматизмъ, слѣдить за жизнью инфузорій въ каплѣ воды, корки сыра и проч., а также производить опыты надъ кристализаціею солей.

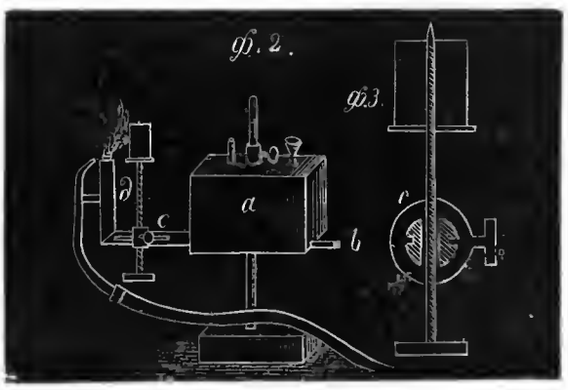
Жестяной волшебный фонарь.

Обыкновенные волшебные фонари, продаваемые въ игрушечныхъ магазинахъ и у нѣкоторыхъ оптиковъ (дешевые) имѣютъ много недостатковъ:

Во 1-хъ. Оптическія стекла въ нихъ не всегда бываютъ даже настолько хороши, чтобы можно было получить хотя ясное изображеніе.

2. Источникъ свѣта,—простая масляная лампа, съ дурнымъ жестяннымъ рефлекторомъ, даетъ весьма слабо освѣщенныя, и мѣстами покрытыя пятнами, темныя изображенія.

Керосиновая же лампа со стекломъ, и лучшимъ рефлекторомъ, хотя и даетъ возможность получать довольно сильно освѣщенныя изображенія, но употребленіе этихъ лампъ не безопасно, потому что сильный жаръ, въ особенности въ фонаряхъ небольшихъ размѣровъ, можетъ довести керосинъ до кипѣнія, причемъ очень легко можетъ произойти взрывъ.



Спирто-кислородная лампа.

3. Металлическій фонарь (по большей части окрашенный масляною или лаковою краскою) за недостаткомъ надлежащей тяги воздуха, производитъ невыносимый чадъ въ комнатѣ.

Простой волшебный фонарь (*фиг. 1*) состоитъ обыкновенно изъ жестянаго ящика съ дверцами и трубою для тяги воздуха; въ передней части ящика находится плоско-выпуклое собира-

Библиотека "Руниверс"

тельное стекло, на которое падаютъ отраженныя рефлекторомъ лампы лучи, и производятъ усиленное освѣщеніе прозрачной картины, вставленной въ пазъ, впереди которой находится другое собирательное двояко выпуклое стекло, посредствомъ котораго и получается на экранѣ или стѣнѣ увеличенное, но обратное изображеніе; а потому чтобы картина отражалась въ настоящемъ видѣ, должно ее вставлять въ пазъ на оборотъ. Трубка заключающая въ себѣ двояковыпуклое стеклое вставляется въ другую трубку, такъ чтобы это стекло можно было удалять и приближать къ картинѣ, что необходимо для полученія отчетливаго изображенія.

Фонарь ставится въ совершенно темной комнатѣ на столѣ, противъ натянутой на стѣну простыни; лампа зажигается и устанавливается противъ задняго стекла такимъ образомъ, чтобы на холстѣ образовался правильный и возможно сильно и равномѣрно освѣщенный кругъ. Затѣмъ закрываютъ дверцы фонаря, вставляютъ въ пазъ барисованную на стеклѣ картину и движеніемъ трубки съ переднимъ стекломъ доводятъ отраженное изображеніе до возможной отчетливости.

Величина изображенія зависитъ отъ разстоянія фонаря отъ стѣны. Чѣмъ болѣе удаляютъ фонарь отъ стѣны, тѣмъ больше дѣлается изображеніе, но за то оно будетъ темнѣе и менѣе отчетливо. Изъ этого слѣдуетъ, что чѣмъ болѣе желаютъ получить изображеніе, тѣмъ сильнѣе долженъ быть свѣтъ въ фонарѣ.

Источниками свѣта для волшебныхъ фонарей служатъ: масляныя и керосиновыя лампы, свѣтильный газъ, спиртово-кислородная лампа и друмондовъ свѣтъ. Самое слабое освѣщеніе получается отъ свѣтильнаго газа, а самое сильное отъ друммондова свѣта.

Сила свѣта напримѣръ: свѣтильнаго газа, въ сравненіи со свѣтомъ парафиновыхъ свѣчей (8 на фунтъ) равняется 16 свѣчамъ; масляной лампы которую мы опишемъ далѣе=30 свѣчамъ; спиртово-кислородной лампы=150, а друммондова свѣта =427 свѣчамъ. Для масляныхъ и керосиновыхъ лампъ, а также и свѣтильнаго газа, необходимы рефлекторы, но не простыя а обложенныя чистымъ серебромъ, потому что такой рефлекторъ отражаетъ 90% лучей, между тѣмъ какъ композиція отражаетъ ихъ только около 56%.

Самая лучшая масляная лампа съ значительною силою свѣта, есть обыкновенная солнечная лампа, съ обложеннымъ чистымъ серебромъ рефлекторомъ, на стативѣ, для пониженія и повышенія лампы.

Въ деревянное масло, употребляемое для этой лампы, кладутъ нѣсколько кусковъ растолченной камфоры, такъ чтобы на 10 частей масла приходилось 2 части камфоры. Для растворенія ее въ маслѣ, ставятъ бутылку въ теплое мѣсто, и каждый разъ передъ употребленіемъ разогрѣваютъ, потому что теплое масло жиже и горитъ.

Передъ употребленіемъ зажигаютъ лампу, ненадѣвая на нее стекла, а оставляютъ горѣть нѣсколько минутъ; затѣмъ обрѣзаютъ свѣтильникъ ровно, острыми ножницами, зажигаютъ лампу, надѣваютъ стекло, ставятъ въ фонарь и увеличиваютъ насколько возможнт пламя. Иногда лампа начинаетъ коптить вслѣдствіе недостатка тяги воздуха (чего никогда не случается при фонарѣ, устройство котораго описано ниже) въ такомъ случаѣ приотворяютъ немного дверцы фонаря, и затѣмъ устанавливаютъ ее въ центрѣ собирательнаго стекла (конденсатора). Эта лампа даетъ возможность получать на холстѣ ясное изображеніе до 2½ аршинъ.

Спиртово - кислородная лампа даетъ ослѣпительный бѣлый свѣтъ и допускаетъ отбрасывать на стѣну изображенія большихъ размѣровъ, но приготовленіе кислорода и обращеніе съ лампою требуютъ большаго навыка. Для желающихъ употреблять этотъ прекрасный свѣтъ, мы опишемъ весьма практичное устройство лампы, которая употребляется въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Обращеніе съ нею просто и спиртъ въ резервуарѣ никогда не нагрѣвается.

Четырехугольный, сдѣланный изъ латуни резервуаръ *a ф. 2.* вмѣщающій въ себѣ бутылку спирта, двигается по стержню статива и укрѣпляется на мѣстѣ боковымъ винтомъ. На верхней части резервуара придѣлана съ одной стороны стержня не большая мѣдная воронка, служащая для вливанія спирта, а по другую сторону помѣщается тоненькая трубочка въ 1½ дюйма вышиною, для выпуска воздуха во время наполненія резервуара. У задней стѣнки на равнѣ съ дномъ находится небольшая трубка b снабженная пробкою, для выпуска остатковъ спирта послѣ представленія. Къ передней стѣнкѣ придѣлана мѣдная трубка с въ ½ дюйма діаметромъ и около 4 дюймовъ длины. Къ ней припаяна подъ прямымъ угломъ трубка d, высотою на ½ дюйма болѣе противъ высоты резервуара, въ ¾ дюйма діаметромъ. Трубка эта раздѣлена пополамъ мѣдною пластинкою, входящею въ трубку на 1 дюймъ. Въ каждую половину вставляется плоскій фитиль и слегка разводится въ стороны. Образовавшійся такимъ образомъ промежутокъ необходимъ для свободнаго пропуска кислорода. Къ трубкѣ d припаивается обыкновенная паяльная трубка, изогнутая такъ, какъ показано въ рисункѣ. Верхній конецъ ея находится на одномъ уровнѣ съ трубкою, и противъ пластинки раздѣляющей трубку. Длинная трубка с имѣетъ прорѣзъ около 2-хъ дюймовъ длиною, въ которомъ ходитъ стержень съ нарѣзкою, для подыманія и опусканія надѣваемаго на него известковаго цилиндра, а для того чтобы стержень не уклонялся въ стороны, онъ имѣетъ кольцо съ внутренними цапфами, что ясно видно изъ разрѣза (*фиг. 3*). Наполнивъ резервуаръ спиртомъ, ставятъ лампу въ фонарь, расправляютъ на обѣ стороны фитиль и зажигаютъ лампу. На стержень надѣваютъ сдѣланный изъ негашеной извести цилиндръ и приближаютъ его къ пламени, поворачивая кругомъ, дабы дать ему возможность равномѣрно прогрѣться. Затѣмъ нижній конецъ паяльной трубки сообщаютъ посредствомъ каучуковой трубки съ мѣшкомъ или газометромъ, заключающимъ кислородный газъ. На мѣшокъ кладутъ тяжесть, а въ резервуаръ газометра вливаютъ воды, и затѣмъ постепенно открываютъ газовый кранъ. Струя кислорода, проходя черезъ пламя горящаго спирта, образуетъ гремучій газъ, который постепенно раскаляетъ известковый цилиндръ до такой степени, что онъ отдѣляетъ ослѣпительно-бѣлый свѣтъ. Сила его зависитъ отъ разстоянія между цилиндромъ и струею газа, отъ количества притекающаго кислорода, и отъ доброкачественности цилиндра, а потому цилиндръ приближается настолько къ горѣлкѣ, чтобы получился возможно сильный свѣтъ. Если кислорода отдѣляется слишкомъ много и сильно, то свѣтъ слабѣетъ и слышится шипѣніе; закрывая слегка кранъ получаютъ яркій и совершенно спокойный свѣтъ. Цилиндры приготовляются изъ негашеной извести и такъ какъ они очень гигроскопичны, т. е способны притягивать въ себя влагу изъ воздуха, то ихъ нужно сохранять въ плотно закупоренныхъ сосудахъ, между опилками той же извести. При покупкѣ нужно выбирать цилиндры самые легкіе и сухіе. Они продаются у оптиковъ, имѣющихъ аппараты для туманныхъ картинъ. Въ провинціи, гдѣ ихъ нельзя достать готовыми, можно приготовить ихъ самому. Выбравъ самыя легкія и сухія куски негашеной извести, на любомъ токарномъ станкѣ вытачиваютъ цилиндры въ 1¼ дюйма высоты и около ¾ дюймовъ въ діаметрѣ; въ середнѣ просверливаютъ каналъ для надѣванія его на стержень, кладутъ ихъ въ жестянку, пересыпаютъ каждый рядъ тѣми же опилками и плотно закупориваютъ. Послѣ представленія, еще горячій цилиндръ кладутъ въ жестянку и тотчасъ же закрываютъ крышку. При такихъ предосторожностяхъ известковый цилиндръ можетъ быть нѣсколько разъ употребленъ въ дѣло.

При представленіи цилиндръ черезъ нѣсколько времени слегка поворачиваютъ, чтобы струѣ газа дать новую поверхность для раскаливанія, иначе въ выгорѣвшей части образуется углубленіе и свѣтъ будетъ слабѣе. Съ этою же цѣлью сдѣлана нарѣзка на стержнѣ для повышенія и пониженія цилиндра. Ручку у винта стержня, и у винта кольца съ цапфами, нужно сдѣлать изъ дерева или кости, потому что металлическія очень сильно нагрѣваются. Резервуаромъ для кислорода, какъ мы сказали выше, служитъ или каучуковый мѣшокъ или цинковый газометръ. Газъ въ каучуковомъ мѣшкѣ долго нельзя сохранять. Его приготовляютъ обыкновенно за нѣсколько часовъ до представленія; между тѣмъ какъ въ газометрѣ намъ приходилось его сохранять болѣе мѣсяца. Каучуковый мѣшокъ можно заказать во всякомъ магазинѣ резиновыхъ издѣлій, только нужно приказать сдѣлать его изъ тройной матеріи съ плотно спаянными швами.

Газометры бываютъ различныхъ устройствъ. Находящіеся въ продажѣ, съ резервуаромъ для воды надъ вмѣстилищемъ газа, или съ воронкою, очень непрактичны. Первые нехороши потому, что тяжесть наполненнаго водою резервуара дѣлаетъ сильный напоръ на верхнюю крышку газометра и со временемъ до того сдавливаетъ ее, что образуются трещины, черезъ которые газъ легко можесъ выходить. Въ воронку же нужно постоянно подливать воду ковшомъ, у нижней трубки съ винтомъ, всегда діаметръ несоразмѣрно малъ, и нѣтъ лотка для стока воды, вслѣдствіе чего, во время добыванія газа сильно вытѣсняемая вода будетъ литься черезъ ведро на полъ. Газометръ же предлагаемый нами имѣетъ совершенно другое устройство и и стоитъ гораздо дешевле.

Газометръ.

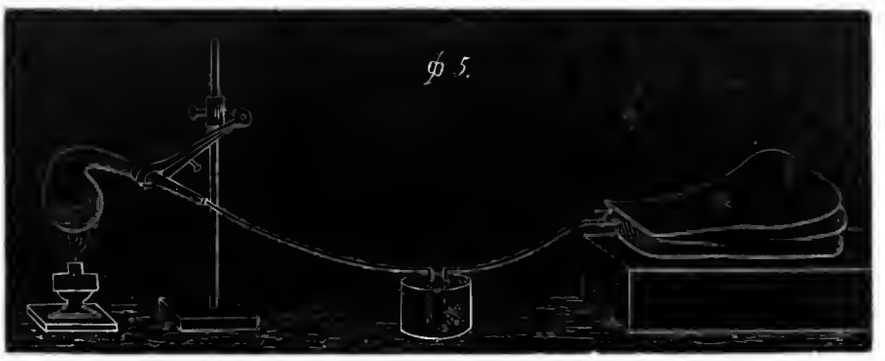
Онъ состоитъ изъ 2-хъ совершенно отдѣльныхъ частей: цинковаго газометра (*фиг. 4*) и желѣзнаго резервуара для воды *c*.

Библиотека "Руниверс"

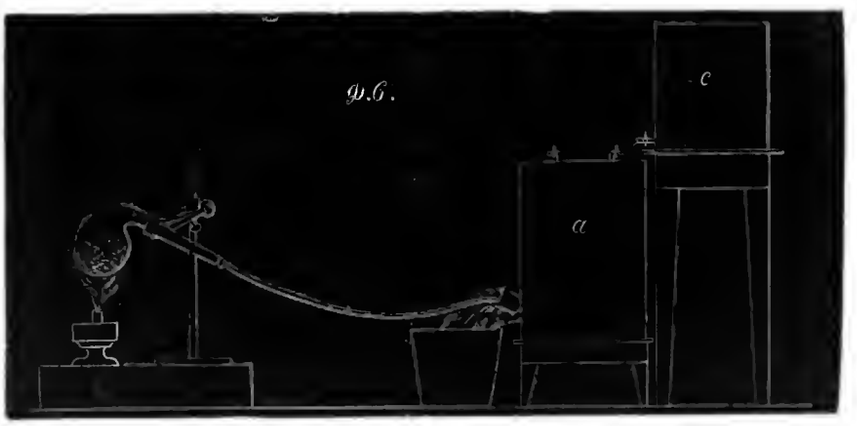
Цинковый газометръ состоитъ изъ окрашеннаго внутри и снаружи глухаго цилиндра, 18 дюймовъ въ діаметрѣ и 23 дюйма высотою. Черезъ внѣшнюю его крышку, пропущены 2 мѣдные трубы *bb* съ короткими колѣнами. Одна изъ нихъ служащая для выпуска газа входитъ въ газометръ не болѣе какъ на 1/4 дюйма. Другая же служащая для пропуска воды, съ цѣлью сдавить газъ, должна проходить черезъ весь цилиндръ, и не доходить до дна только на одинъ палецъ. Внизу почти у самаго дна вставляется короткая, выходящая въ наружу не болѣе какъ на 1 1/2 дюйма мѣдная трубка. діаметромъ не менѣе 2 дюймовъ. Въ ней сдѣлана винтовая нарѣзка; къ трубкѣ этой привинчивается крышка съ каучуковымъ кольцомъ. На одной изъ сторонъ придѣлывается *прямая* стеклянная водомѣрная трубка *d*, служащая для опредѣленія количества газа въ газометрѣ. На обоихъ мѣдныхъ трубкахъ *dd* придѣлываютъ краны, для впуска воды и выпуска газа. Резервуаръ *c* изъ листоваго желѣза тоже имѣетъ кранъ; во время дѣйствія его ставятъ на 1/4 аршина выше газометра и наполняютъ водою.

Добываніе кислорода. Изъ всѣхъ разнообразныхъ способовъ добыванія кислорода, нужно предпочесть добываніе его изъ хлорноватисто-кислаго кали (Бертолетовой соли) съ примѣсью марганца, который самъ отъ себя не отдѣляетъ кислорода, но только помогаетъ скорѣйшему и болѣе регулярному выдѣленію его изъ бертолетовой соли.

Приготовленіе кислорода дѣйствительно, какъ многіе находятъ, представляетъ опасность взрыва. Намъ приходилось читать объ подобныхъ случаяхъ, но всегда они происходили отъ неосмотрительности оперирующаго: металлическая реторта, предназначенная для добыванія кислорода, была употреблена для другаго дѣла, и затѣмъ въ наскоро и дурно отмытой отъ постороннихъ органическихъ веществъ ретортѣ добывали кислородъ. Понятно что бертолетова соль въ смѣси съ органическими веществами произведетъ взрывъ (подобный случай былъ не очень давно въ Германіи). Частицы пробокъ, соломы, бумаги и прочихъ органическихъ веществъ въ бертолетовой соли, примѣсь къ порошкообразному марганцу каменнаго угля бываетъ причиной взрыва, и наконецъ металическая реторта съ плотно привинченною верхнею частію, при быстромъ отдѣленіи газа, вслѣдствіе сильнаго жара всегда можетъ взорваться. При избѣжаніи всего вышесказаннаго. добываніе кислорода есть одна изъ самыхъ простыхъ операцій. При принятыхъ нами предосторожностяхъ, мы добываемъ газъ почти ежедневно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, безъ всякаго опасенія относительно взрыва. Способъ этотъ мы сообщимъ читателямъ.



Добываніе кислорода въ мѣшокъ.



Добываніе кислорода въ газометръ.

Отвѣсивъ 4 унца бертолетовой соли, высыпаютъ ее на совершенно чистый листъ бумаги, и устраняютъ всѣ видимыя органическія частицы. Затѣмъ отвѣсивъ 2 унца марганца, смѣшиваютъ его на листѣ бумаги съ бертолетовою солью руками. Мы никогда не употребляемъ продажнаго толченаго чернаго марганца, въ которомъ, какъ сказано выше, могутъ быть примѣси, но покупаемъ у гг. Штоля и Шмита марганецъ въ кристаллическихъ кускахъ, разбиваемъ его на куски величиною съ грѣцкій орѣхъ и прокаливаемъ въ печкѣ до тѣхъ поръ, пока вынутый на пробу кусокъ, въ изломѣ приметъ темно-коричневый цвѣтъ. Очистивъ тщательно куски отъ приставшихъ къ нимъ золы и угольной пыли, толкутъ въ ступкѣ до мелкаго порошка и просѣиваютъ черезъ тонкое сито. Такимъ образомъ обработанный марганецъ всегда безопасенъ, и притомъ при добываніи кислорода не требуется такого сильнаго жара, какъ при обыкновенномъ марганцѣ.

Металическихъ ретортъ мы никогда не употребляемъ, но беремъ обыкновенную стеклянную фунтовую реторту безъ тубулуса (въ С.-Петербургѣ у Гардера по 20 к.), всыпаемъ черезъ горло всѣ 6 унцовъ смѣси и укрѣпляемъ ее въ щемилкѣ деревяннаго ретортодержателя, какъ видно изъ рисунка (*фиг. 5 и 6*). Реторта передъ употребленіемъ тщательно промывается водою и высушивается.

Въ горло реторты вставляютъ *не очень плотно* пробку, съ пропущеннымъ въ серединѣ кусочкомъ стеклянной трубки, на одинъ конецъ которой натянута каучуковая трубка. Пробку нужно вставлять неплотно для того, чтобы при случайно быстромъ выдѣленіи кислорода, не могла лопнуть реторта а только бы выскочила пробка, что тоже можетъ случится только тогда, когда сразу уцоаребленъ очень сильный жаръ.

Если кислородъ собираютъ въ мѣшокъ (*фиг. 5*), то сначала открываютъ у него кранъ, свертываютъ его и сдавливаютъ, для удаленія воздуха, послѣ чего закрываютъ кранъ.

Зажигаютъ спиртовую лампу, обводятъ пламенемъ вокругъ дна реторты, пока перестанетъ на стѣнкахъ образовываться паръ и потомъ уже ставятъ подъ дно. Горло реторты сообщаютъ съ промывальнымъ аппаратомъ, который служитъ для охлажденія газа, иначе бы рячій кислорогодъ дѣйствовалъ разрушительно на составныя части мѣшка. Аппаратъ этотъ, какъ видно изъ рисунка очень простъ. Онъ состоитъ изъ цинковаго маленькаго цилиндра въ 8 дюймовъ высотою и такого же діаметра, съ 2-мя колѣнчатыми трубками. изъ которыхъ одна, сообщающаяся съ мѣшкомъ, доходитъ только до внутренней поверхности крышки. Передъ употребленіемъ, промывальный аппаратъ наполняютъ холодною водою. При выдѣленіи кислорода слышится легкій шумъ отъ образующихся пузырьковъ въ водѣ, и когда этотъ шумъ начнетъ усиливаться, то положивъ мѣшокъ немного выше промывалки, сообщаютъ его съ другою трубкою и открываютъ кранъ. Мѣшокъ начнетъ быстро наполняться кислородомъ. Если отдѣленіе пузырьковъ уменьшится, лампу подвигаютъ ближе къ дну реторты, и если затѣмъ масса въ ретортѣ будетъ кипѣть и вздуваться безъ отдѣленія кислорода, закрываютъ кранъ у мѣшка, лампу тушатъ, и разъединивъ мѣшокъ и реторту, даютъ ретортѣ совершенно охладиться, и если мѣшокъ еще не полонъ, берутъ другую реторту со смѣсью и повторяютъ туже операцію до совершеннаго наполненія мѣшка. Хотя этотъ способъ и немного медленъ, но за то, въ особенности для начинающаго оператора, не представляетъ никакой опасности. Остывшія реторты промываютъ теплою водою, выливая остатки прочь, или сливая ихъ на большую воронку, въ конецъ которой вставленъ кусокъ губки. Оставшійся въ воронкѣ марганецъ еще нѣсколько разъ промываютъ теплою водою, давъ стечь которой, высушиваютъ марганецъ; онъ можетъ служить безчисленное количество разъ для приготовленія кислорода и даже онъ еще лучше чѣмъ свѣжій. Только при сушкѣ нужно наблюдать, чтобы въ него не попало золы, сажи и проч.

При собираніи кислорода въ газометръ, (*фиг. 6*), его ставятъ на скамейку и нѣсколько выше ставятъ резервуаръ, наполненный водою; черезъ кранъ *c* впускаютъ воду и когда она въ водомѣрной трубкѣ дойдетъ до верху, закрываютъ всѣ краны совершенно... Конецъ трубки реторты опускаютъ въ стаканъ съ водою, и когда начнутъ часто отдѣляться пузырьки, подставляютъ подъ лотокъ трубки *b* пустое ведро и осторожно

Библиотека "Руниверс"

отвинчиваютъ крышку. Сначала вода хлынетъ сильною струею но сейчасъ перестанетъ вытекать изъ трубки. Въ нее вкладываютъ находящійся въ стаканѣ конецъ трубки. Газъ, входя въ газометръ, будетъ вытѣснять воду, которую можно собирать въ резервуарѣ. Когда воды въ стеклянной трубкѣ будетъ не болѣе какъ пальца на два отъ дна, каучуковую трубку удаляютъ и плотно завинчиваютъ крышку. Такимъ образомъ собранный газъ сохраняютъ весьма долго, конечно при условіи, чтобы краны и крышка съ винтомъ плотно закрывались.

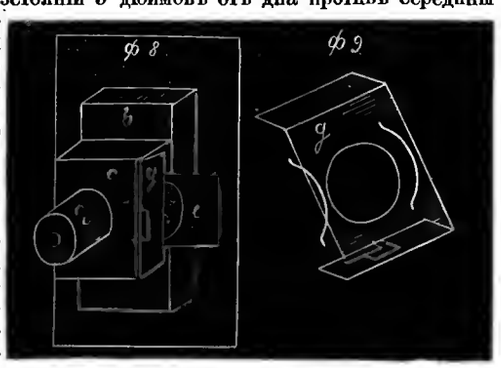
Для друммондова свѣта, кромѣ кислорода нуженъ еще и водородъ, добываніе котораго не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія. Въ оловянную реторту кладутъ около 4-хъ фунтовъ разрубленнаго кусками цинка, наливаютъ въ него воды и около 6 фунтовъ простой сѣрной кислоты (купороснаго масла) и сообщаютъ съ освобожденнымъ отъ воздуха мѣшкомъ, на которомъ дѣлаютъ надпись, чтобы не перемѣшать его съ кислородомъ. Подобная ошибка можетъ быть причиною взрыва. На небольшомъ штативѣ укрѣпляютъ двѣ мѣдныя трубки съ кранами, одна для кислорода, а другая для водорода; на одномъ концѣ есть колпачекъ, черезъ который проходитъ трубка отъ кислорода, водородная же трубка пропускаетъ газъ прямо въ колпачекъ, такъ что газы смѣшиваются при самомъ выходѣ, и образуютъ гремучій газъ, раскаливающій известковый цилиндръ. Сначала зажигаютъ водородъ, прогрѣваютъ имъ цилиндръ и за тѣмъ уже открываютъ кранъ съ кислородомъ. Хотя этотъ свѣтъ значительно сильнѣе предъидущихъ, но требуетъ большой осторожности и опытности отъ оперирующаго, а потому, въ особенности начинающему, совѣтуемъ довольствоваться спирто-кислородною лампою, какъ безопасною и съ достаточною силою свѣта для изображеній болѣе сажени въ діаметрѣ.

Въ заключеніе статьи о приготовленіи кислорода, мы должны замѣтить, что если и послѣ принятыхъ предосторожностей при составленіи смѣси будутъ сомнѣваться въ ея безопасности, то для большей увѣренности посовѣтуемъ взять щепотку этой смѣси и положить въ чистый и сухой пробирный цилиндръ, который держатъ надъ спиртовою лампою до краснаго каленія стекла. Если при этомъ газъ будетъ отдѣлятся спокойно, не разорвавъ цилиндра, то уже съ стеклянною ретортою навѣрно не случится никакого несчастія. Познакомившись съ источниками свѣта перейдемъ къ фонарю.

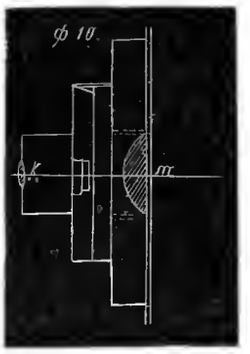
Нами было уже сказано выше, что большая часть продажныхъ волшебныхъ фонарей имѣетъ весьма много недостатковъ, и такъ какъ фонарь весьма нетрудно устроить самимъ, то и объяснимъ какъ это нужно сдѣлать.

Во 1-хъ заказавъ ящикъ изъ какого угодно *сухого дерево* 15 дюймовъ длины, 18 дюймовъ высоты и 12 дюймовъ ширины, съ двумя дверцами по сторонамъ, прибиваютъ вмѣсто верхней доски кусокъ тонкаго желѣзнаго листа, на который въ разстояніи около 5 дюймовъ отъ передней стѣнкѣ придѣлываютъ большаго діаметра желѣзную колѣнчатую трубку (*фиг. 7*); въ днѣ ящика просверливаютъ дырки въ шахматномъ порядкѣ. Близь задней стѣнки съ обѣихъ боковъ просверливаютъ 2 овальныя отверстія, въ которыя, въ случаѣ употребленія спирто-кислородной лампы, пропускаютъ въ одно изъ нихъ каучуковую трубку отъ газометра или мѣшка. По 4-мъ угламъ придѣлываются ножки въ $1\frac{1}{2}$ высотою, для свободнаго пропуска воздуха черезъ дно въ трубку. Такого рода фонарь никогда не нагрѣвается и не чадитъ. Внутри онъ окрашивается черною клеевою краскою. Стѣнки для большей прочности стягиваются винтами. Въ разстояніи 5 дюймовъ отъ дна противъ середины передней стѣнки дѣлается круглый прорѣзъ въ $4\frac{1}{2}$ дюйма въ діаметрѣ. Противъ этого отверстія привинчивается вся наружная часть *a*. Она дѣлается изъ бѣлой жести (*фиг. 8*). На листѣ жести немного менѣе передней части фонаря припаивается коробка *в*, шириною въ 6 дюймовъ, длиною въ 8 дюймовъ, высотою 2 дюйма. Какъ видно изъ разрѣза (*фиг. 10*), къ ней, съ внутренней стороны припаяно кольцо діаметромъ на толщину жести, болѣе противъ другаго кольца, въ которое вставлено плоско выпуклое стекло *m*. Кольцо со стекломъ вдвигаютъ въ первое на столько, чтобы оставалась края для вынимания стекла для чистки. На коробку *b* припаивается часть *c*, въ которой вставлена часть *d*. Между *d* и *b* вкладываютъ картину. Часть *c* имѣетъ слѣдующія размѣры: длина и ширина 5 дюймовъ, высота $1\frac{3}{4}$ дюймовъ. Частица *d* имѣетъ по бокамъ 2 пружины, какъ видно изъ фиг. 9; Пружины даютъ возможность вставлять картины въ рамкахъ различной толщины и всегда будутъ ихъ твердо удерживать на мѣстѣ. На коробку *c* напаивается трубка *d*, діаметромъ въ 4 дюйма, а длиною $3\frac{1}{2}$ дюйма *). Въ эту трубку вставляется другая съ собирательнымъ двояковыпуклымъ стекломъ *k* (*фиг. 10*). Переднюю часть нужно сдѣлать настолько аккуратно, чтобы центры обоихъ собирательныхъ стеколъ и картины находились на одной линіи. Впереди на трубку надѣваютъ колпакъ, плотно прилегающій къ стеклу *k*; въ немъ сдѣлано круглое отверстіе, діаметромъ не много менѣе двояковыпуклаго стекла (діафрагма). Этотъ кружокъ служитъ для приданія рисунку большей отчетливости. Стекло *m* должно быть не менѣе 4 дюймовъ въ діаметрѣ, а стекло *k* около $1\frac{1}{2}$ дюймовъ. Ихъ можно пріобрѣтать у всѣхъ оптиковъ, только стекло *k* нужно спрашивать съ короткимъ фокусомъ. Считаемъ долгомъ замѣтить, что такъ оба оптическія стекла не ахроматическія, то края линій изображенія всегда будутъ окрашены, а слѣдовательно абсолютной отчетливости отъ изображеній нельзя и требовать. Если вмѣсто передняго стекла къ трубкѣ *d* пристроить фотографическій объективъ съ короткимъ фокусомъ, употребляемый для снятія визитныхъ карточекъ, то проэктирующіяся изображенія на стѣнѣ будутъ очень отчетливы. Вообще если желаютъ имѣть такую систему оптическихъ стеколъ, которая бы дала возможность получать совершенно отчетливыя, безъ окраски краевъ изображенія, необходимо нужно, чтобы оба оптическія стекла были ахроматическія, т. е. состоящія: 1-е изъ 2-хъ или 4-хъ стеколъ, а второе изъ 2-хъ оптическихъ стеколъ. Тогда изображенія получаются до такой степени отчетливыя, что посредствомъ описаннаго нами фонаря можно получать увеличенныя фотографическія изображенія какъ на стеклѣ, такъ и на бумагѣ **).

Деревянный фонарь.



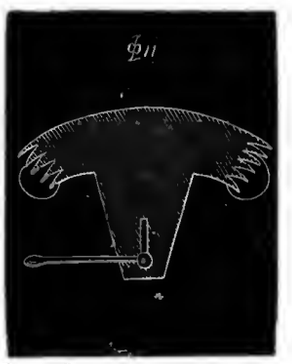
Металическая часть фонаря.



Разрѣзъ металической части фонаря.

Аппараты для туманныхъ картинъ состоятъ изъ двухъ фонарей, съ одинаковою системою стеколъ, и съ подвижною переднею частью, ибо тутъ требуется, чтобы кругъ отъ перваго фонаря совершенно совпадалъ съ кругомъ 2-го, что только и достигается сближеніемъ или удаленіемъ фонарей и подвижностью передней части въ вертикальномъ направленіи.

Передъ объективами помѣщается особаго рода лапчатая заслонка, посредствомъ которой закрывается тотъ или другой фонарь; вслѣдствіе чего, если въ обоихъ фонаряхъ вставлены различныя картины, то прикрывая медленно одинъ фонарь и открывая другой, на полотнѣ зрителямъ будетъ казаться, что одна картина выходитъ изъ другой. Этимъ же двойнымъ фонаремъ можно дѣлать переходъ дневнаго ландшафта въ ночной,— закрывая фонарь съ дневнымъ ландшафтомъ и открывая ночной. Для изображенія же радуги, молніи и проч. появляющихся на пейзажѣ, открываютъ постепенно оба фонаря. Радуга должна быть сдѣлана на совершенно черномъ фонѣ, такъ что весь свѣтъ того фонаря гдѣ она находится, сосредоточивается только на ней, а потому она и дѣлается видима на отраженномъ пейзажѣ. Для болѣе сложныхъ картинъ употребляютъ нѣсколько фонарей, которые устанавливаются иногда на столикъ съ колесами, обтянутыми сукномъ, для того чтобы не было слышно шума отъ ихъ движенія, какъ напр. при фантасмагорическихъ аппаратахъ, гдѣ на полотнѣ сначала видна свѣтящаяся точка, переходящая постепенно въ какую нибудь фигуру огромныхъ раз-



Лапчатый заслонъ для туманныхъ картинъ.

*) Впрочемъ размѣръ трубки зависитъ отъ фокуса стекла. Фокусомъ называется точка, въ которой сходятся преломляющіяся лучи.

**) Такіе фонари пригодные какъ для туманныхъ картинъ, такъ и для увеличенія фотографій можно получать у автора этой статьи. Подробный адресъ можно узнать въ редакціи «Нивы». Они сравнительно не дороги, а для чтенія лекцій съ туманными картинами признаны Постоянной Коммисіей по техническому образованію при Русскомъ Техническомъ обществѣ вполнѣ удовлетворительными.

Библиотека "Руниверс"

Въѣздъ Іоанна Грознаго во Псковъ, въ 1570 году. Рис. Медвѣдевъ, грав. О. Шмидтъ.

Библиотека "Руниверс"

мѣровъ. Для достиженія этого ставятъ фонарь очень близко отъ полотна и затѣмъ его постепенно отодвигаютъ, постоянно дѣйствуя передними трубками, для того чтобы изображеніе съ увеличеніемъ не потеряло бы отчетливости.

Картины на стеклахъ дѣлаютъ или посредствомъ фотографіи, или просто рисуютъ. Первымъ, конечно, по ихъ тонкости рисунка нужно отдать преимущество, въ особенности если фотографіи сняты съ натуры. Стекла для этихъ картинъ нужно выбирать бѣлыя, чистыя и тонкія. Лучше всего употреблять для этой цѣли такъ называемыя жидовскія стекла. Если для раскраски имѣется фотографическій отпечатокъ, то его нужно облить предварительно теплымъ растворомъ желатины въ водѣ, давъ стечь которой, ставятъ стекло на кусокъ протечной бумаги на ребро, въ мѣстѣ защищенномъ отъ пыли. При облитіи стекла желатиномъ, оно тоже должно быть слегка согрѣто. Высушенное стекло утверждаютъ кусочками воска, на рамкѣ со стекломъ, которая укрѣпляется на столѣ въ наклонномъ положеніи; на столѣ противъ этой рамки кладутъ листъ бѣлой бумаги и столъ ставятъ противъ окна, такъ что рефлективный свѣтъ отъ бумаги падаетъ на стекло. Если же рисунокъ приходится дѣлать отъ руки, то сначала, въ размѣрѣ стекла, дѣлаютъ рисунокъ на бумагѣ, накладываютъ на него стекло и рисуютъ контуры перомъ, обмокнутымъ въ разведенную на лакѣ краску, и по просушкѣ контуровъ приступаютъ къ иллюминовкѣ рисунковъ. Краски для этой цѣли употребляются прозрачныя. напр. для голубаго цвѣта—Берлинская лазурь (Bleu de Prusse) и ультра-маринъ темный (Outremer foncé), для краснаго—лаки гарансъ и кошениль. Для желтаго—желтые лаки и гумми-гутъ. Эти краски разводятся въ спиртѣ. Соединенные по 2 они даютъ еще 3 краски: оранжевую, фіолетовую и зеленую, но зелени Шеле (vertde-Schéele), еще лучше, составленная изъ берлинской лазури съ гумми-гуттомъ. Для черныхъ и коричневыхъ цвѣтовъ употребляютъ копоть или битюмъ. Краски эти разводятся по мѣрѣ надобности спиртовымъ или копальнымъ лакомъ. Въ послѣднемъ случаѣ краски нужно сначала растереть на маслѣ, или купить готовыя, тертыя, въ свинцовыхъ флаконахъ. Разрисовка картинъ на спиртовомъ лакѣ дѣлается скорѣй; онъ очень скоро сохнетъ, но за то часто случается, что со временемъ слой краски отскакиваетъ отъ стекла, а потому лучше употреблять для этой цѣли бѣлый копаловый лакъ и сушить рисунки, не на солнцѣ, или въ печкѣ, а медленно въ тѣни, и мѣстѣ совершенно защищенномъ отъ пыли. По высушенному рисунку можно еще разъ проходить красками для усиленія нѣкоторыхъ частей. Кисти нужно употреблять самыя тонкія, англійскія, и краски сразу не брать много на кисть, иначе при наклоненномъ положеніи стекла, она легко можетъ потечь и испортить рисунокъ.

Широкія плоскости, какъ напр. спокойную воду, небо, довольно трудно покрыть ровно, а потому когда слой начнетъ слегка сгущатся, разбиваютъ краску равномѣрно по стеклу.

Разрисовка лица, въ особенности маленькаго размѣра, весьма затруднительна, а потому лучше всего покрыть его общимъ тономъ. и не давъ еще засохнуть краскѣ, другою кистью съ красною краскою дотрогиваться противъ середины щеки Краска слегка расплывается и образуетъ румянецъ. Вообще же по невысохшему стеклу нельзя трогать кистью, иначе образуются мазки, которыя иногда впрочемъ можно задѣлать, разбивая слой, какъ сказано выше мизинцемъ.

Луну и блики осторожно процарапываютъ уже на сухомъ стеклѣ. По совершенной просушкѣ рисунка, накладываютъ на него кусокъ черной бумаги съ соотвѣтствующимъ вырѣзомъ для картины, сверхъ бумаги кладутъ чистое тонкое стекло и сжавъ все вмѣстѣ плотно, оклеиваютъ края черною бумагою и вставляютъ въ деревянную рамку, соотвѣтствующую окладу въ фонарѣ. Недавно заграницею вошли въ употребленіе американскія краски для иллюминовки на стеклѣ, которыми, какъ говорятъ, очень просто и удобно работать.

В. Ва—скій.

Кто выигралъ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

Платэнъ, не медля ни минуты, послалъ двѣ телеграммы — одну къ г-жѣ Штейнъ, другую — фрейгерру, увѣдомляя ихъ о томъ, что Эльза найдена. Отправивъ депеши, молодой человѣкъ поспѣшилъ въ свой номеръ, чтобы успокоиться, отдохнуть; онъ сильно былъ взволнованъ, возбужденъ... Да, *она* найдена! Послѣ столькихъ тщетныхъ поисковъ—найдена, но при какой обстановкѣ, въ какомъ положеніи!... Платэну хотѣлось ликовать, на него пахнуло чѣмъ-то праздничнымъ, свѣтлымъ, веселымъ, но онъ боялся отдаться радости... А что если онъ ошибается?.. Вѣдь Эльза кажется, серьезно больна... Болѣзнь души—страшный недугъ... Какъ знать, что ей пришлось пережить, перенести за все это Въ самомъ дѣлѣ, рядъ неудачъ, мысль, что она—почти нищая—могли глубоко потрясти ея душу... И эта гордая дѣвушка *сама* созналась ему въ этомъ, пошла за нимъ, какъ за покровителемъ — ужъ одно это показываетъ, что она нынесла... Чтобы дойти до такой покорности, униженія, безсилія—нужно не мало прострадать, перенести ни одну пытку... Какой она была свѣжей, цвѣтущей дѣвушкой — и куда все это дѣвалось? Эльза постарѣла лѣтъ на десять... Неужели прежняя ея прелесть не вернется?...

Было уже поздно. Платэнъ узналъ отъ хозяйки, что Эльза, какъ легла, такъ и уснула сейчасъ-же. Она слишкомъ изнемогла. Но молодой человѣкъ и не думалъ ложиться—онъ ходилъ по комнатѣ и никакъ не могъ совладать съ своимъ сердцемъ. Да и какъ тутъ справиться съ собой?... Онъ теперь подъ одной крышей съ *той*, которую такъ искренно любилъ и любитъ!.. Онъ спасъ ее, она шла съ нимъ, была такъ близко къ нему, и что-же — Боже мой, и вѣдь это не сонъ, все это было!.. Сердце его переполнено было надеждами розовыми и хотя Платэнъ сознавалъ, что пока вовсе не слѣдуетъ питать подобныхъ надеждъ, однако ничего не могъ сдѣлать съ сердцемъ... Чудесныя картины вставали передъ нимъ, исчезали и снова, освѣщенныя яркимъ солнцемъ, являлись и уплывали... Онъ смотрѣлъ на нихъ, любовался, давъ полную волю воображенію, и только подъ утро кое-какъ заснулъ.

На другой день, когда уже Платэнъ проснулся, къ нему явился хозяинъ гостинницы.

— Онѣ просятъ васъ пожаловать къ себѣ, сказалъ онъ и прибавилъ: — очень ужъ онѣ, кажется, несчастны... Вотъ и сегодня — весьма даже плакали. А жена мнѣ говорила, что бѣдняжечка вчера цѣлый день ничего не ѣла... Какъ тутъ не отощать! Что мудренаго, ежели онѣ чувствуютъ себя совсѣмъ слабою?.. Не ѣсть цѣлый день—прошу покорно!...

— Ну, похлопочите, постарайтесь все сдѣлать, что можете! Пусть и жена наша позаботится о ней... Вѣдь надо-же силы ея подкрѣпить, говорилъ Платэнъ, оканчивая свой туалетъ.

— Ужъ это первое дѣло! Ужъ мы съ женой постараемся. Хозяинъ былъ человѣкъ словоохотливый.

— Какже въ такомъ-то дѣлѣ не постараться? Всѣ силы употребимъ. А вчера-то, ужъ поздно это было, явилчя сюда театральный директоръ... Н-да-съ! Ну ужъ и сердитъ-же онъ былъ на несчастную актрису! Искалъ онъ ее, былъ у нея на квартирѣ, наконецъ—сюда пожаловалъ...

— Надѣюсь, вы не сказали ему, что она здѣсь?

— Боже сохрани! воскликнулъ хозяинъ почти обиженнымъ тономъ. Какъ можно! Да вѣдь я ужъ давно разглядѣлъ, что это за человѣкъ—Вуллэнъ... Ему и талера я не далъ-бы въ долгъ! Да!... Говорилъ онъ, что несчастная, должно быть, покончила съ собой... Ну, и эта мысль очень его злила, потому что люди, непонимающіе дѣла, пожалуй станутъ упрекать его этимъ, а онъ ужъ какъ старался сдѣлать изъ этой дѣвушки хорошую актрису!... Еще говорилъ онъ, что она явилась

Библиотека "Руниверс"

къ нему совсѣмъ нищей и онъ сейчасъ-же далъ ей большущую сумму денегъ... „Я, говоритъ, не могу допустить, чтобы *мои* жили какъ нибудь, а чтобъ все у нихъ было прилично... Лучше я самъ поголодаю, а ужъ не допущу, чтобъ кто нибудь изъ моихъ артистовъ нуждался!"...

Платэну надоѣла эта болтовня. Онъ ловко выпроводилъ хозяина, наказавъ ему все по прежнему хранить втайнѣ.

Сердце молодаго человѣка сильно билось... Онъ идетъ къ *ней*, онъ опять увидитъ ту, которую любитъ такъ страстно, горячо.!.. Вчера онъ былъ въ возбужденномъ состояніи, почти не помнилъ себя... Но сегодня — оба они навѣрно поуспокоились, очнулись, яснѣе смотрятъ на вещи... Ну, какъ тутъ скрыть то, что волнуетъ сердце?.. Да она просто въ глазахъ его прочтетъ все, все...

И, однако-же, Платэнъ не смѣлъ и думать о томъ, чтобы признаться ей въ любви, онъ даже боялся выдать себя, обнаружить какъ какъ нибудь нечаянно свои чувства.. Эльза была въ такомъ положеніи, что подобнаго рода признаніе съ его стороны было-бы дѣломъ крайне неумѣстнымъ, даже грубымъ... Не то время теперь, не тѣ обстоятельства!

Онъ отправился къ ней, твердо рѣшившись оставаться совершенно спокойнымъ, ничѣмъ не обнаруживать душевнаго волненія, держать сердце *на замкѣ*.

Эльза сидѣла у окна, блѣдная, усталая... При входѣ Платэна, она поднялась, хотѣла пойти къ нему навстрѣчу, но ноги ея задрожали, и она принуждена была опереться на стулъ, чтобы не упасть. Молодой человѣкъ быстро подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и довелъ до дивана... Онъ чувствовалъ, какъ рука дѣвушки дрожала въ его рукѣ.

— Сядьте... тутъ, проговорила Эльза, указавъ ему на кресло противъ дивана.

Платэнъ сѣлъ. Воцарилось молчаніе. Она, казалось, собиралась съ силами; глаза ея глядѣли куда-то впередъ; взглядъ этотъ былъ неподвиженъ.

— Ну, какъ вы сегодня себя чувствуете—получше? спросилъ Платэнъ, желая прервать наконецъ тяжелое молчаніе и думая завязать непринужденный разговоръ.

Эльза вѣроятно не слышала вопроса. Она задумалась, ушла въ себя и сидѣла не шевелясь.

— Какой контрастъ! мелькнуло въ головѣ его. Неужели эта жалкая, безпомощная, приниженная женщина—та самая, которая когда-то смотрѣла такъ горделиво спокойно, свѣтло-самоувѣренно?... О, не такой я видѣлъ ее въ послѣдній разъ...

— Г. ф. Платэнъ, заговорила вдругъ Эльза слегка дрожащимъ голосомъ и не поднимая глазъ: разъ вы уже явились моимъ защитникомъ, вступившись за честь мою, а теперь... вчера вы спасли мнѣ жизнь... Благодарю васъ! Да, я благодарна вамъ, хотя, быть можетъ, вы могли-бы оказать мнѣ бо́льшую услугу, если-бы не помѣшали мнѣ вчера... Я не умерла, я живу, дышу теперь, но, право, не знаю, на долго-ли хватитъ силъ переносить... терпѣть такую жизнь!..

— Ахъ, не говорите такъ! произнесъ молодой человѣкъ тономъ успокоенія. Въ душѣ вашей многое еще не улеглось, вы находитесь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавнихъ непріятностей... Но вѣдь это все пройдетъ, вы успокоитесь и, право, будете тогда думать иначе... Знаете, бываетъ, что небо заволокивается тяжелыми, грозными тучами, и кажется тогда, что наступаетъ вѣчная тьма, непроглядная... Но—вдругъ свѣтлая голубая полоска является на горизонтѣ; проходитъ полчаса—и золотой, радостный лучъ вырывается изъ разорванныхъ тучъ... Такъ и въ жизни нашей! Иной разъ мы и не ждемъ такъ скоро животворящаго луча, а онъ вдругъ и сверкнетъ!...

Эльза тихо покачала головой, какъ-бы говоря: „Нѣтъ, я не вѣрю этому" и потомъ сказала:

— Окажите мнѣ еще одну услугу: напишите моей матери, что я здѣсь... Сама я не хочу этого сдѣлать потому... потому что я убѣжала отъ нея! Я думала тогда, что съумѣю пробиться, зажить самостоятельною жизнью, но я совсѣмъ не знала, что такое жизнь... Я теперь упала духомъ, такъ страшно унижена... Я не въ состояніи ничего написать матери!.. Но... я рвусь къ ней... Мнѣ такъ хочется прижаться къ ея груди!... Вѣдь я теперь такая безпомощная, жалкая, какъ ребенокъ, у котораго отняли отца, мать и вытолкнули на шумную улицу... А куда онъ пойдетъ?...

— Я еще вчера вечеромъ увѣдомилъ вашу матушку, что *наконецъ* нашелъ васъ, отвѣтилъ Платэнъ.

Дѣвушка бросила на него пристальный испытывающій взглядъ... Можетъ быть, ее удивило, что онъ искалъ ее?...

— Что-жъ, писали вы ей, чтобы она пріѣхала сюда? Писали вы это?

— Да. И она пріѣдетъ... Вѣдь я знаю, какъ она мучится, дрожитъ за васъ...

Эльза сидѣла неподвижно. Опять умолкла... Но вотъ, глубоко вздохнувъ и медленно проведя рукой по лбу, дѣвушка снова заговорила:

— Я вижу—вы меня не понимаете, но я постараюсь объяснить вамъ, почему поступила такъ, а не иначе... Впрочемъ, я, кажется, сама ужъ перестала понимать себя... Да я все утратила: смыслъ жизни для меня потерянъ! Все какъ-то пусто, мертво... На чемъ остановиться, за что ухватиться—и сама не знаю!...

Тутъ она разсказала Платэну все, что лежало у нея на душѣ. Она говорила о первой любви своей—любви къ Зельдитцу, о томъ, какъ она была счастлива и какъ счастье это разлетѣлось въ дребезги... Первая любовь — затѣмъ внезапное разочарованіе и вмѣсто любви чувство ненависти, презрѣнія... Гнусная игра барона глубоко оскорбила молодое, любящее сердце... Любовь можно было вырвать, но нельзязабыть тяжкаго оскорбленія!...

— Я не могла этого перенести и заболѣла, продолжала Эльза... Я не знаю, что было тогда со мною, но одна мысль преслѣдова меня: *будь я мужчиной—меня не оскорбили-бы такъ*! И вотъ, я возненавидѣла всѣхъ мужчинъ и рѣшила во чтобы то ни стало вырваться на свободу, стать такой-же независимой, какъ и вы... Но этого мало: мнѣ захотѣлось прославиться, сдѣлаться знаменитой—и тогда-то, въ сіяніи славы, осыпанная почестями, какъ гордо, съ какимъ холоднымъ презрѣніемъ оттолкнула-бы я каждаго, кто-бы осмѣлился приблизиться ко мнѣ!... Но... я не знала—жизни. Я думала, что довольно одного страстнаго желанія и силы воли, чтобы достигнуть желанной цѣли. Я убѣжала... Одна изъ моихъ пансіонскихъ подругъ поступила на сцену и—это мнѣ было извѣстно—довольно хорошо устроилась. Я—къ ней. Отыскала ее... Она приняла меня радушно, дала даже нѣсколько уроковъ, чтобы познакомить со сценой, но не сказала мнѣ, что у меня *нѣтъ* таланта... Я угадала это по ея лицу, однако-же не отказалась отъ своего намѣренія. Разумѣется, я жила подъ чужимъ именемъ, потому что такъ удобнѣе было скрыться, но, въ случаѣ удачи, успѣха—передъ публикой явилась-бы Эльза Штейнъ... Благодаря моей подругѣ, мнѣ, для перваго дебюта, дали маленькую роль. Я вышла и — провалилась... Надо было искать другой сцены, гдѣ нибудь подальше. Вернуться домой—я не могла: это значилобы слишкомъ скоро доказать свою неспособность, неумѣнье составить себѣ карьеру... Но и второй мой дебютъ былъ также неудаченъ... Я очутилась здѣсь. Тутъ уже пришлось ухватиться за соломенку: это была моя послѣдняя надежда!... Я почти все продала, что у меня было... Не стану и говорить, что мнѣ пришлось вынести за послѣднее время. Цѣлыми днями я голодала, но это-бы еще ничего: во сто разъ хуже для меня бы-

Библиотека "Руниверс"

ло то, что надежды мои рушились... Какихъ униженій не перенесла я!.. Наконецъ, силы мнѣ измѣнили, я потеряла все мужество и рѣшилась разомъ все покончить... Но и тутъ—неудача!... А умереть—право, былобы лучше всего: самое вѣрное, полное успокоеніе...

Эльза умолкла и въ изнеможеніи прислонилась къ спинкѣ дивана.

Платэна глубоко потрясло такое откровенное признаніе.

— Нѣтъ, вы положительно больны, и вамъ необходимъ покой, совершенный покой, проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Да, я больна... Я это чувствую... Хочу думать и не могу... Не могу поймать мысли; это меня еще больше мучитъ, и при этомъ голова болитъ, болитъ сердце...

Она смотрѣла куда-то вдаль и, казалось, была въ полузабытьи.

— Мысль, что я была только игрушкой—преслѣдуетъ меня, и кромѣ того мнѣ кажется, что всѣ, все знаютъ про это!... Я была вещичкой для пари — и вотъ, потому-то меня и встрѣчали вездѣ свистками и шиканьемъ!.. Въ самомъ дѣлѣ, вчера я даже не играла, я только вышла... За что-же это?.. Вѣдь я никому не сдѣлала зла...

Платэнъ снова принялся успокоивать, утѣшать ее, что стоило ему не малаго труда, такъ какъ больная почти не слушала его.

— Вернуться къ матери?! воскликнула Эльза. И вы думаете—я тамъ успокоюсь?.. Нѣтъ, я не могу къ ней вернуться...

— Но, послушайте, почему-же...

— Почему?.. А люди?... Я не вынесу любопытствующихъ взглядовъ... Куда дѣваться отъ знакомыхъ?.. Они знаютъ-же, что я убѣжала... Что-жъ, мнѣ все и разсказать имъ? Разсказывать о томъ, какъ баронъ, чтобы только не жениться на мѣщанкѣ, отказался отъ богатаго наслѣдства?... Говорить всѣмъ и каждому, что я такъ *легко* дала выиграть ему пари, что была ослѣплена, глупа, безумна?.. Развѣ я не должна была знать, что онъ не могъ унизиться до того, чтобы назвать меня своей женой?!...

— Фрейлейнъ, остановитесь!..

— И о томъ имъ говорить, что я хотѣла утопиться и что вы помѣшали мнѣ исполнить это?.. Да вѣдь если я и стану молчать, то что-же изъ этого? И такъ все узнаютъ... Все! Насмѣшкамъ конца не будетъ... На улицу не выйдешь—пальцами станутъ указывать!...

— Позвольте, фрейлейнъ, замѣтилъ Платэнъ, вѣдь о томъ, что случилось вчера вечеромъ... тамъ у рѣки, знаемъ только вы да я... И никогда, ни единаго слова не пророню я объ этомъ!...

Дѣвушка взглянула на молодаго человѣка и секунды двѣ-три не спускала глазъ съ него.

— Вы—благородный чоловѣкъ, наконецъ проговорила она... Я это знаю!... Единственное мое желаніе теперь—жить въ полнѣйшемъ уединеніи... Я хочу, чтобы меня никто не видѣлъ.

— Такой тихій уголокъ найдется для васъ, сказалъ Платэнъ и всталъ, желая прекратить разговоръ, чтобы не утомлять ее.—Успокойтесь, прогоните всѣ мрачныя мысли... Прошу васъ объ этомъ! Не тревожьте себя понапрасну!...

(Продолженіе будетъ).

Въѣздъ царя Іоанна IV Васильевича Грознаго во Псковъ.

Время царя Ивана IV и самая личность этого царя у большей части читателей рисуются въ воображеніи въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ начертала рука Карамзина въ VIII и IX томахъ его безсмертнаго произведенія.

Новыя изслѣдованія, какъ и вообще новая мысль, медленно проникаютъ въ общество и обыкновенно становятся его достояніемъ въ то время, когда наука поднялась еще на нѣсколько ступеней выше. Нынѣ личность Грознаго и его время все болѣе и болѣе выясняются. Казни его и остаются ужасными казнями, хотя и преувеличенными въ числѣ и въ личности жертвъ; но уже указаны причины этихъ казней, онѣ получили нѣкоторое объясненіе, которое многіе приняли за оправданіе. Уже при Иванѣ III началась у великихъ князей московскихъ борьба съ боярами, которая при Иванѣ IV достигла грозныхъ размѣровъ и породила тѣ эпохи казней, о которыхъ писалъ Карамзинъ. Боярство боролось за старое дружинное право отъѣзда и такъ какъ оно свои притязанія опирало на отжившемъ началѣ, неумѣло, по выраженію нашего историка С. М. Соловьева, принаровить свои требованія къ требованіямъ времени, оно было побѣждено. Къ этому надобно присоединить и другую причину пораженія боярства, именно разладъ въ средѣ его, вражда между потомками удѣльныхъ князей, рюриковичей и гедиминовичей съ потомками старыхъ бояръ московскихъ. Король Польскій и В. князь Литовскій Сигизмундъ II Августъ, пользуясь такими отношеніями Ивана IV къ боярамъ, всѣми средствами зазывалъ къ себѣ послѣднихъ на службу и между прочимъ осыпалъ милостями князя А. Курбскаго, переписка котораго съ царемъ выясняетъ смыслъ исторіи того времени.

Но не только бояръ, Иванъ заподозрилъ въ сношеніяхъ съ Литвою и цѣлый городъ, именно Великій Новгородъ.—Новгородъ уже сто лѣтъ до этого потерялъ самостоятельность; но, по выраженію Карамзина, сохранялъ еще какую то величавость, основанную на воспоминаніяхъ старины, именовался все еще Великимъ и заключалъ договоры съ шведскимъ королемъ.—Имѣло ли подозрѣніе Ивана IV какое нибудь основаніе сказать трудно; но отрицать справедливость онаго тоже не возможно. Надъ Новгородомъ разразилась гроза, ужасныя казни обагрили кровью берега Волхова. Изъ Новгорода, въ 1570 г., Иванъ IV пошелъ ко Пскову. Но городъ Ольги никогда невыказывалъ противъ московскихъ князей такого сопротивленія, какъ Новгородъ и поэтому гроза его миновала и на этотъ разъ.

Карамзинъ спасеніе Пскова приписываетъ совѣту князя Токмакова, по которому псковичи встрѣтили Грознаго царя съ колѣнопреклоненіемъ и хлѣбомъ съ солью и смѣлости юродиваго Николы, извѣстнаго подъ именемъ Николы Салоса. Псковская Лѣтопись говоритъ, что блаженный же поучи его (т. е. царя Ивана IV) ужасными словесы, еже престати отъ велія кровопролитія...

Отъ этого поученія Иванъ IV бѣжалъ въ ужасѣ. Проще же и естественнѣе пощада Пскова объясняется, какъ мы замѣтили сами, его прежними отношеніями къ великимъ князьямъ московскимъ и въ особенности къ отцу Грознаго къ Василію III, передъ которымъ Псковъ сложилъ свою вѣчевую волю безъ всякаго сопротивленія.—По этому Иванъ IV и смиреніе Псковичей въ день его вступленія во Псковъ, незаподозрилъ въ лицемѣріи и бѣда миновала этотъ городъ.

Время покоренія Пскова было грознымъ временемъ въ царствованіи Ивана IV.

Раздражаясь неудачами своихъ войскъ въ Литвѣ и Ливоніи, по мѣрѣ того какъ получались худыя вѣсти, раздраженіе Ивана Васильевича, противъ бояръ все усиливалось, розыски и ссылки увеличивались, а съ ними вмѣстѣ ропотъ и неудовольствіе бояръ на самого Іоанна. Мѣстомъ куда бѣжали недовольные была Литва и неудачи нашихъ войскъ именно въ этотъ походъ раздражали царя дѣлая его все болѣе и болѣе жестокимъ. Побѣгъ князя Курбскаго—героя Казани и письмо его къ Грозному, и затѣмъ и извѣстіе о потерѣ Полоцка довели раздраженіе царя противъ бояръ до крайнихъ предѣловъ, и онъ рѣшилъ вести съ ними борьбу систематически. Къ ужасу народа въ 1564 году 3-го декабря отслушавъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ и простившись съ народомъ, царь Иванъ выѣхалъ изъ Москвы съ своими любимцами. За нимъ отправился огромный поѣздъ, въ которомъ увезено было и все имущество дворцовое, даже сосуды и утварь изъ придворныхъ храмовъ. Онъ ѣхалъ черезъ село Тайнинское и Троицкій посадъ въ Александровскую слободу. Оттуда прислалъ, 3-го января 1565 года грамату, которую митрополитъ долженъ былъ прочесть передъ боярами. Въ ней онъ объяснялъ, что его заставляетъ покинуть царство своеволіе бояръ, при которомъ онъ не можетъ ни устроить внутренняго управленія государствомъ, но вести дѣла внѣшнія.— «Не хотя терпѣть вашихъ измѣнъ заключалъ онъ, мы отъ великой жалости сердца оставили государство и поѣхали куда Богъ укажетъ намъ путь. Другая грамота прислана была къ сельскимъ людямъ. Въ ней Царь увѣрялъ ихъ въ своей милости, говоря, что гнѣвъ и опала его на нихъ не простирается. Царскіе дьячки прочли ее народу. Всюду были ужасъ и горе. Одни говорили: пусть Царь укажетъ своихъ лиходѣевъ—другіе прибавляли «мы сами истребимъ ихъ». Наконецъ рѣшено было

Библиотека "Руниверс"

Эль-Чако. Страна Боливо, изъ путешествія въ Боливіи. Рис. Э. Моссбая, грав. Штрасбергеръ.

Библиотека "Руниверс"

отъ всѣхъ чиновъ и классовъ общества отправить съ митрополитомъ посланныхъ и просить царя снова принять царство. 5-го января 1565 года посланные были приняты царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Александровской слободѣ. Онъ согласился возвратиться въ Москву и принять снова царство. Москва съ нетерпѣніемъ ждала царя и наконецъ 2-го февраля Іоаннъ торжественно въѣхалъ въ столицу и на другой же день созвалъ духовенство, бояръ и знатнѣйшихъ чиновниковъ. Снова исчисливъ вины бояръ и подтвердивъ согласіе свое остаться царемъ, Іоаннъ много разсуждалъ о должности вѣнценосцевъ, о измѣнахъ кругомъ него происходящихъ и въ виду этого предложилъ всѣмъ уставъ опричнины—тѣлохранителей для безопасности своей и государственной. Такая мысль никого не удивила: всѣ знали его недовѣрчивость, боязливость и потому предложеніе было принято, между тѣмъ какъ потомъ всѣ дрожали передъ этими тѣлохранителями, всѣ боялись этой опричнины и память о ней еще долгое время будетъ жить въ нашемъ народѣ въ легендахъ, сказкахъ, съ ея героями Малютой Скуратовымъ и др.

Учрежденіемъ опричнины царь Иванъ Васильевичъ ставилъ себя въ тѣ отношенія, въ какихъ находились прежніе князья русскіе къ землѣ, напр. Рюрикъ въ Новгородѣ. Этимъ учрежденіемъ онъ показывалъ боярамъ, что если они мечтаютъ о возобновленіи правъ древней земщины, къ которой себя причисляютъ, то непонравится имъ возобновленіе правъ древней дружины.

Дни представительства ихъ земщинъ, какъ думали между ними всякіе выходцы, прошли, когда народъ имѣлъ выборное представительство въ его учрежденіяхъ. Если же они хотятъ быть дружиною—совѣтчиками князя, то они позабываютъ, что теперь вмѣсто великаго князя, только что призваннаго въ чужую землю, какъ Рюрикъ, они имѣютъ князя владѣльца удѣльнаго, окруженнаго равноправными ему государями и чужими земщиками, передъ ними находится царь всей земли русской, который самъ прямо можетъ обращаться къ народу. Словомъ учрежденіемъ опричнины царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ на опытѣ доказать боярамъ несовременность и невозможность того положенія, въ которое они хотѣли поставить себя среди народа и тѣхъ отношеній, въ какихъ хотѣли быть къ нему, опираясь на прежнія отношенія дружины къ князю и земскихъ бояръ къ народу. Бояре должны были отыскать свое настоящее положеніе, какъ слуги царю.

Учредивши опричнину, царь Иванъ Васильевичъ повелъ нѣчто въ родѣ войны съ земщиною, или собственно съ боярами. Живя самъ большею частію въ Александровской слободѣ, онъ дѣлалъ наѣзды на вотчины подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ бояръ, или пріѣзжая въ Москву казнилъ ихъ. Особенно жестоки стали казни съ 1567 г., когда къ князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому и Воротынскому, Сигизмундъ король Польскій и Литовскій, и гетманъ Ходкевичъ прислали письма, приглашавшія ихъ перейти на службу къ польскому королю. Хотя они показали письма Царю, но какъ говоритъ Карамзинъ «гражданинъ, дающій врагамъ надежду склонить его къ измѣнѣ, уже отдѣляется какою-то подозрительностью». Неудивительно, если при характерѣ и положеніи Царя Ивана Васильевича подозрительность его въ то время особенно усилилась и начались казни.

Въ это время вступился въ отношенія Царя къ боярамъ святитель Филипъ. Филипъ, происходившій отъ знаменитаго рода бояръ Колычевыхъ, былъ вызванъ изъ Соловецкой обители, гдѣ онъ былъ игуменомъ, въ Москву. При первомъ же свиданіи съ Царемъ онъ объяснилъ, что не приметъ сана митрополичьяго, если не будетъ уничтожена опричнина; Царь отклонилъ тогда это требованіе и святитель Филипъ далъ грамоту за своею подписью, которою онъ объявлялъ, что не будетъ вступать въ государственныя дѣла и въ опричнину. Но съ своей стороны и Царь Иванъ Васильевичъ, уважая новаго архипастыря, запретилъ опричникамъ своевольствовать. Москва и все государство успокоилось на время. Этотъ то архипастырь вступился въ государственныя дѣла теперь, когда перехвачены были письма Сигизмунда. Однажды въ воскресный день, когда Царь, послѣ казней поэтому дѣлу, вошелъ въ Успенскій соборъ съ толпою опричниковъ, одѣтый, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе одѣваться въ минуты тоски, въ платье подобное монашескому и подошелъ къ митрополиту Филипу, чтобы принять благословеніе, святитель не благословилъ его и обратилъ къ нему сильное обличительное слово. Слѣдствіемъ сего было то, что опричники забрали всѣхъ митрополичьихъ сановниковъ, потомъ ворвались въ домы знатныхъ вельможъ и пограбивъ имущество и женъ, выѣхали изъ Москвы, а за ними уѣхалъ и самъ царь. Митрополитъ же былъ сосланъ сперва въ обитель св. Николая и затѣмъ въ Тверской монастырь.

Послѣ казни бояръ, получавшихъ письма отъ Сигизмунда и удаленія Филипа, онъ перенесъ свою вражду на потомковъ удѣльныхъ князей. Казни начались съ главы—удѣльнаго Московскаго князя Владиміра Андреевича. Въ сентябрѣ 1569 года, когда скончалась вторая супруга Ивана Васильевича, князь Владиміръ, тотъ самый, который хотѣлъ быть Царемъ во время болѣзни Ивана Васильевича и который потомъ впродолженіи 16 лѣтъ пользовался ласкою и милостью его, былъ назначенъ военодою войска, собравшагося въ Нижнемъ—для защиты Астрахани, которую вмѣстѣ съ другими татарами волновали и хотѣли взять Турки. Во время проѣзда изъ Москвы къ Нижнему, князя Владиміра встрѣчали съ большими почестями духовенство и народъ. Узнавши объ этомъ, Государь велѣлъ вызвать въ Москву городскихъ начальниковъ, дозволявшихъ такія встрѣчи, гдѣ ихъ и казнили, брата же ласково вызвалъ къ себѣ въ Александровскую слободу. Но еще на дорогѣ онъ встрѣтилъ его съ своими опричниками въ деревнѣ Слотнѣ и объявилъ черезъ Малюту Скуратова, что онъ узналъ, что князь Владиміръ давалъ деньги его повару, чтобы онъ отравилъ царя. Вслѣдствіе сего онъ приказалъ Владиміру со всѣмъ семействомъ принять ядъ.

Вслѣдъ за князьями подверглись государственной опалѣ города тверскіе и новгородскіе. Царю донесли, что новгородцы и ихъ архіепископъ сносятся съ королемъ Сигизмундомъ, подобно тому какъ при дѣдѣ его Иванѣ III сносились они съ королемъ Казиміромъ. Доносщикъ даже указалъ, гдѣ сыскать грамоту, въ которой новгородцы обѣщаются присоединить Новгородскую область къ Литвѣ. Грамоту, можетъ быть подложную, дѣйствительно отыскали за образами въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ. Государь съ полками опричниковъ выступилъ изъ Александровской слободы карать обвиняемыхъ. На дорогѣ, начиная отъ Клина, перваго тверскаго города, онъ велѣлъ опустошать всѣ города и селенія. Въ самой Твери, по его приказу, Малюта Скуратовъ задушилъ святителя Филиппа. Послѣ сего, вступивъ въ Новгородъ, Царь назвалъ измѣнникомъ тамошняго архіепископа Пимена, велѣлъ взять его подъ стражу, опечатать всѣ приходскія церкви и монастыри а затѣмъ и дома знатнѣйшихъ гражданъ. Потомъ началъ судъ надъ обвиненными, который продолжался цѣлые пять недѣль. Въ это время къ Государю и его сыну каждый день приводили отъ 500 до 1000 новгородцевъ, мучили, пытали и топили въ Волховѣ. Въ заключеніе начался общій грабежъ, въ которомъ были опустошены всѣ домы, истребленъ весь хлѣбъ и скотъ, причемъ Царь самъ ѣздилъ изъ улицы въ улицу и смотрѣлъ какъ хищные воины ломились въ палаты, убивали, грабили. Насытившись зрѣлищемъ казней и ужасовъ, 12-го февраля Царь Иванъ Васильевичъ созвалъ всѣхъ оставшихся именитыхъ новгородцевъ и сказалъ имъ, что прощаетъ ихъ, считая городъ достаточно наказаннымъ и ихъ отпускаетъ съ миромъ.

Покончивъ такимъ образомъ съ Тверью и Новгородомъ, Іоаннъ двинулся на Псковъ.

Іоаннъ немедленно удалился отъ Новгорода по дорогѣ къ Пскову, отправивъ несмѣтную добычу святотатства и грабежа въ Москву. Некому было жалѣть о похищенномъ богатствѣ; кто остался живъ, благодарилъ Бога или не помнилъ себя отъ страха и ужаса. По свидѣтельству современниковъ, гражданъ и сельскихъ жителей погибло около 60,000 и быстрый Волховъ, запруженный мертвыми, обезображенными тѣлами, долго не могъ пронести ихъ въ Ладожское озеро, а голодъ и болѣзнь довершили козни Іоанновы. Покончивъ такимъ образомъ съ Тверью и Новгородомъ, Царь двинулся къ Пскову, которому онъ готовилъ такую же участь. Тамъ начальствовалъ добрый князь Юрій Токмаковъ и жилъ блаженный отшельникъ Салосъ Никола. Въ суботу второй недѣли Великаго поста Царь ночевалъ въ монастырѣ св. Николая на Любутѣ, видя Псковъ, гдѣ въ ожиданіи приближающейся грозы никто не смыкалъ глазъ, всѣ люди были въ движеніи, ободряли другъ друга и прощались съ жизнью, отцы съ дѣтьми, жены съ мужьями. Въ полночь царь услышалъ благовѣстъ и звонъ церквей Псковскихъ, «сердце его, какъ пишутъ современники—чудесно умилилось, онъ вообразилъ живо, съ какими чувствами идутъ граждане къ заутренѣ, въ послѣдній разъ молить всевышняго о спасеніи ихъ отъ гнѣва царскаго, съ какимъ усердіемъ, съ какими слезами припадаютъ къ святымъ иконамъ—и мысль, что господь внемлетъ гласу сердецъ сокрушенныхъ, тронула душу столь ожесточеннаго! Въ какомъ то неизъяснимомъ порывѣ жалости Іоаннъ сказалъ воеводамъ своимъ—иступите мечи о камень! да престанутъ убійства!»

На другой день, вступивъ въ городъ, онъ съ изумленіемъ увидѣлъ на всѣхъ улицахъ передъ домами столы съ приготовленными яствами—и граждане, ихъ жены и дѣти, держа хлѣбъ соль въ рукахъ, преклоняли колѣна, благословляли, привѣтствовали царя и говорили ему; «Государь Князь Великій! мы, вѣрные твои подданные, съ усердіемъ предлагаемъ тебѣ хлѣбъ соль, а съ нами и животами нашими твори волю свою, ибо все что имѣемъ, и мы сами твои, самодержецъ великій». Эта неожиданная покорность и встрѣча устроенная княземъ Токмаковымъ была пріятна Іоанну и вполнѣ смягчила его. Игуменъ Печерскій, Корнилій, съ духовенствомъ встрѣтилъ его на площади у церкви св. Владиміра и Спаса. Царь слушалъ молебенъ въ храмѣ Троицы, поклонился гробу св. Всеволода-Гавріила, съ удивленіемъ разсматривалъ тяжелый мечь сего древняго князя и зашелъ въ келью къ старцу Салосу Николѣ, который подъ защитою юродства не убоялся обличить его въ кровопійствѣ и святотатствѣ. По свидѣтельству Псковскаго лѣтописца, Салосъ предложилъ Іоанну въ даръ кусокъ сыраго мяса и когда Царь замѣтилъ, «я христіанинъ, и не ѣмъ мяса въ Великій постъ», то

Библиотека "Руниверс"

пустынникъ отвѣтилъ «ты дѣлаешь хуже, питаешься человѣческою плотію и кровію, забывая не только постъ но и Бога», грозилъ ему, предсказывалъ несчастія и такъ настращалъ Іоанна, что онъ немедленно выѣхалъ изъ города, затѣмъ отправился въ Москву, помиловавъ такимъ образомъ Псковъ и псковитянъ отъ уготованной имъ участи.

Эль-Чаке. Изъ путешествія въ Боливію.

Провинція Ингасъ въ Боливіи, это вѣчно-зеленый фруктовый и цвѣточный садъ, поражающій путешественника еще сильнѣе своимъ рѣзкимъ контрастомъ съ горными степями Пунаса и Пампаса. Тамъ вѣчная осень и зима, здѣсь вѣчная весна съ вѣчнымъ солнцемъ. Однако проникнуть въ этотъ садъ не совсѣмъ легко, такъ какъ природа оградила его второй гигантской стѣной, которую долженъ прежде перейти путешественникъ.

Здѣсь подымается близъ границъ провинцій Омасуйосъ и Унгасъ, высочайшій гребень Восточныхъ Кордильеровъ, съ горой Илимани, имѣющей 21,000 футовъ вышины и Иламну, или Черро-де-Сорото, имѣющей 22,000 футовъ. Это двѣ высочайшія горы Америки. Между этими двумя боковыми верстами, остается свободный узкій проходъ, точно пробитая брешь въ стѣнѣ.

Проходъ этотъ лежитъ на 14,000 футовъ надъ поверхностью моря. Послѣ береговыхъ Кордильеровъ, вышина эта кажется еще довольно сносной; притомъ же нужно всего нѣсколько часовъ, чтобы изъ ея рѣдкаго воздуха перейти въ атмосферу, болѣе благопріятную для дыханія.

Дорога настолько искуственно усовершенствована частію прорубленными въ скалахъ, частію возведенными изъ камня лѣстницами, что мы могли довѣрить себя вѣрному шагу муловъ; но само собою разумѣется, при этомъ необходимо одно условіе, чтобъ не кружилась голова отъ бездонной пропасти, зіяющей съ одной стороны дороги.

Видъ, открывающійся съ восточнаго склона этихъ Кордильеръ, неописанно хорошъ. Влѣво и вправо снѣговыя горы, надъ которыми ходятъ клубы облаковъ, закутывающіе насъ по временамъ, и опять разрывающіеся, чтобы показать намъ всю бездонную глубину подъ нашими ногами; внизу съ обѣихъ сторонъ крутыя, нависшія скалы растреснутаго гранита и гнейса, а впереди—первыя зеленыя волны лѣсистыхъ долинъ Ундуави.

По мѣрѣ того какъ дорога спускается внизъ, видъ становится менѣе грандіознымъ, и принимаетъ болѣе идиллическій характеръ; долина съ ея шумнымъ ручьемъ постепенно съуживается, пряча въ своей свѣжей зелени три маленькихъ мѣстечка, Сорго, Понго и Ундуави, населенныхъ всего нѣсколькими семьями индѣйцевъ.

До Ундуави, которое утонувъ въ фуксіяхъ и розахъ, лежитъ на кругомъ горномъ склонѣ, Ла Паца, мы сдѣлали отъ прохода спускъ на 6,000 футовъ.

Здѣсь отъ дороги въ Кулумани, главнаго города провинціи Унгасъ, спускается вѣтвь въ долинѣ Сандиллани. Послѣдняя раздѣляетъ Куеста де Нибласъ, горный хребетъ покрытый вѣчнымъ снѣгомъ, отъ долины Ундуави; въ концѣ ея высоко на горѣ, лежитъ Коропко, второй по значенію городъ Унгаса.

Въ тѣни густаго лѣса, лишь отъ времени до времени открывающаго свободный видъ на группы горныхъ великановъ, дорога вьется футовъ на 1000 вверхъ. Мы вступаемъ въ море тумана, который нерѣдко сгущается въ мелкій дождь, и ложится прозрачными слоями надъ долиной и надъ лѣсами, оживляя ихъ своимъ влажнымъ дыханіемъ, дающимъ вѣчную свѣжесть вѣчно-зеленому ихъ покрову.

Затѣмъ дорога, пробитая смѣлыми зигзагами на три леги по склону горы и обвитая ліанами, пальмовыми папоротниками, опять ведетъ насъ внизъ въ дѣйствительно райскія мѣста.

Изъ за зелени выглядываютъ вездѣ хорошенькіе домики изъ пальмовыхъ вѣтвей и тростника; это здѣшнія гасіенды. Въ окружающихъ ихъ садахъ, мелькнули намъ первые апельсины и лимоны и бѣлоснѣжные цвѣты кофейныхъ деревьевъ. Едва, повидимому шевеля крылышками, порхаютъ вокругъ цвѣтовъ нѣжнѣйшія созданія тропическихъ странъ, колибри, переливающіяся на солнцѣ всѣми цвѣтами драгоцѣнныхъ каменьевъ; стаи желтыхъ просянокъ, зеленыхъ лоросовъ и пестрыхъ попугаевъ, испуганныя приближеніемъ муловъ, вспархиваютъ съ маисовыхъ полей и заглушаютъ своими криками тѣсячеголосный концертъ органистовъ этихъ, неутомимыхъ музыкантовъ съ ранняго утра до поздней ночи оглашающихъ воздухъ своей своеобразной музыкой.

Отъ начинающейся здѣсь собственно тропической долины Цедро-Майо, главный хребетъ подымается еще футовъ на 300, и буквально покрытъ хлѣбными и маслянными деревьями, такъ что въ полномъ смыслѣ слова хлѣбъ съ масломъ растетъ на деревьяхъ; недостаетъ только жареныхъ голубей, чтобы вполнѣ превратить эту землю въ сказочное царство. Да и этому легко пособить, если дать себѣ трудъ настрѣлять лѣсныхъ голубей, которые прилетаютъ на плантаціи огромными стаями. Вообще въ этой благословенной странѣ, гдѣ еще неизвѣстны охотничьи законы, можно имѣть богатую добычу; козули и разныхъ вкусныхъ птичекъ не обобраться здѣсь. Если у кого явится желаніе поохотиться за болѣе дикими обитателями этихъ лѣсовъ, тому стоитъ только довѣриться опытному проводнику — индѣйцу; тогда онъ подстрѣлитъ не одну дикую кошку или ягуара, не подвергаясь опасной рукопашной схваткѣ съ ними, которыми обыкновенно такъ любятъ хвастать охотники.

Въ болѣе дикихъ, непроходимыхъ дѣвственныхъ лѣсахъ, слышатся крики ревуновъ и мартышекъ, и жалобныя ноты маленькой обезьянки. Индѣйцы очень любятъ этихъ обезьянокъ и умѣютъ выманивать ихъ изъ чащи въ разставленные западни. Въ болѣе низменныхъ болотистыхъ мѣстностяхъ по берегамъ рѣкъ живетъ анта, этотъ боязливый тапиръ Южной Америки; его также индѣйцы мастерски умѣютъ перехитрять и убиваютъ стрѣлами.

Какъ ни многочисленны хищные звѣри тропическихъ странъ, и какіе ужасы ни разсказываются объ нихъ въ большинствѣ путешествій, но собственно для людей они совсѣмъ не такъ страшны. Случается что ягуаръ дѣлаетъ ночные визиты на скотный дворъ, душитъ куръ, овецъ и даже коровъ и муловъ, но на человѣка онъ не нападаетъ такъ легко, а скорѣе самъ убѣжитъ отъ него. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что можно цѣлые мѣсяцы прожить въ гасіендѣ, не видавъ ни одного изъ этихъ хищниковъ: ихъ надо самому отыскать, чтобы увидѣть.

Другое дѣло нѣкоторыя амфибіи и насѣкомыя; особенно много водится здѣсь гремучихъ змѣй, скорпіоновъ и стоножекъ. Эти гады какъ будто сами отыскиваютъ человѣка, Въ хорошихъ домахъ отъ нихъ еще можно защититься, но въ воздушныхъ индѣйскихъ постройкахъ, или подъ открытымъ небомъ, это не всегда возможно. Много погибаетъ жертвъ отъ укушенія этихъ гадинъ, если не подана быстрая помощь. Водится здѣсь еще два маленькихъ насѣкомыхъ, укушеніе которыхъ не будучи смертельно, составляетъ тѣмъ не менѣе величайшее мученіе для людей и скота. Первое изъ нихъ—песчаная блоха; она забирается между пальцами, и кладетъ тамъ свои яйца, что вызываетъ болѣзненныя опухоли. Второе, самая маленькая изъ мухъ, москитъ, отъ укушенія котораго вскакиваютъ на рукахъ и лицѣ мучительные волдыри. Отъ этихъ злодѣевъ нѣтъ никакого спасенія, развѣ что день и ночь не снимать вуаля и перчатокъ, что при здѣшней жарѣ было-бы такъ-же несносно, какъ сами москиты.

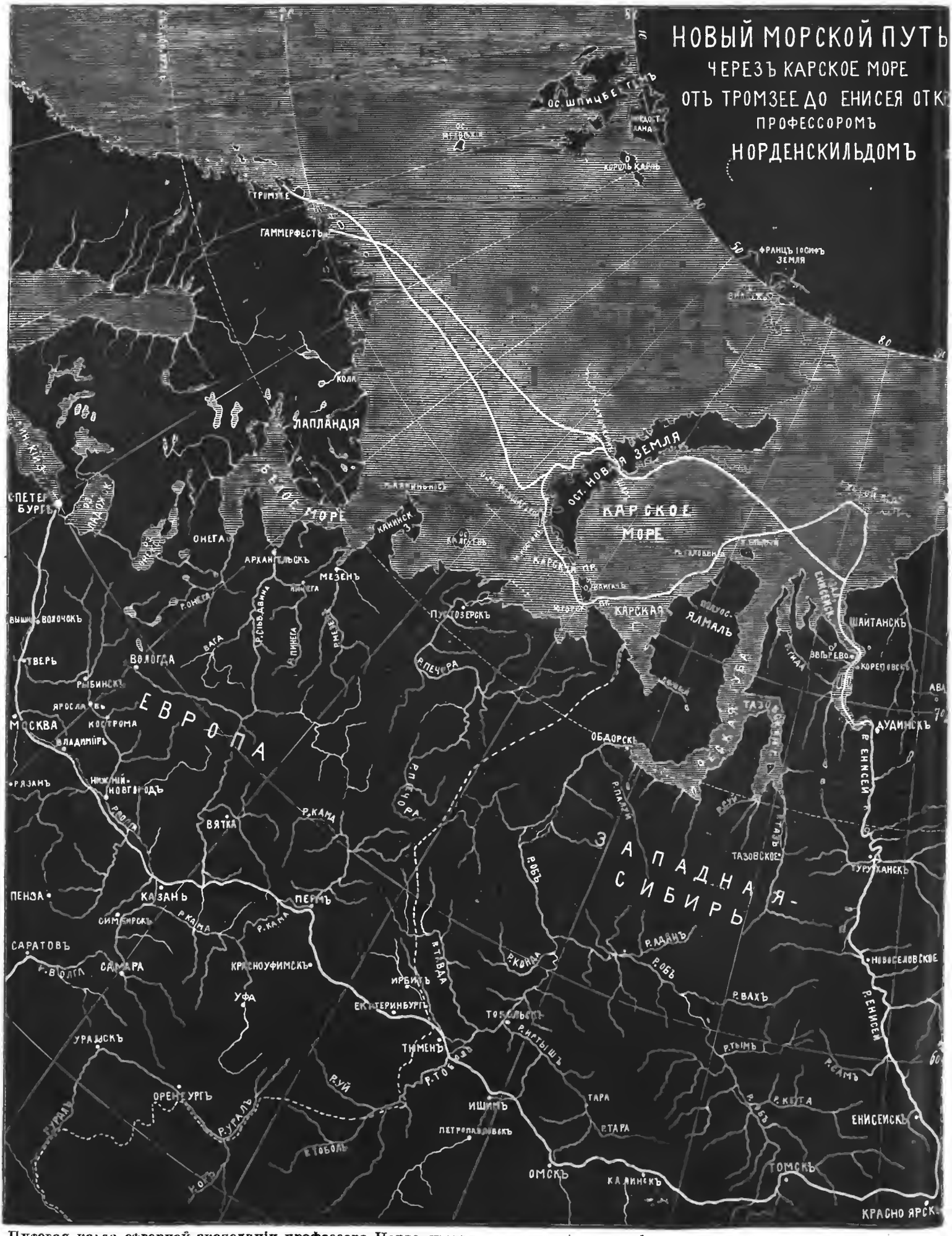
Съ наступленіемъ сумерекъ, тысячи большихъ летучихъ мышей, извѣстныхъ подъ названіемъ «вампировъ», оставляютъ уголки, гдѣ онѣ спали днемъ. Всю ночь онѣ летаютъ около домовъ, въ которые иногда влетаютъ и неслышно опускаются своими холодными крыльями на спящаго. Укушеніе ихъ не опасно, но отъ него выходитъ очень много крови. Хотя отъ этого обыкновенно сейчасъ-же просыпаются, но ужъ одного страха и отвращенія чувствовать у себя на шеѣ такую гадину, достаточно чтобъ не уснуть больше. У муловъ и лошадей онѣ нерѣдко высасываютъ такое количество крови, что послѣ этого бѣдныя животные, совсѣмъ обезсиленныя, дня два не могутъ быть употребляемы на работу.

Все это, а равно и неизбѣжный врагъ, перемежающаяся лихорадка, которая, правда, рѣже встрѣчается въ горахъ, но за то тѣмъ сильнѣе свирѣпствуетъ по время дождей въ долинахъ, составляетъ темную сторону прекрасной тропической страны. Но несмотря на эти непріятности, всякій кто разъ пожилъ въ ней, вспоминая ея великолѣпный климатъ, роскошную, величественную растительность, чудныя ночи, будетъ чувствовать страстное желаніе снова вернуться туда.

Для какой-же собственно цѣли служатъ гасіенды съ ихъ висячими садами? Для однихъ апельсиновъ и лимоновъ не развели-бы этихъ дорогихъ садовъ, потому что названныя деревья растутъ здѣсь безъ всякаго ухода за ними; ихъ сажаютъ даже только въ такихъ мѣстахъ гдѣ хотятъ получить тѣнь или гдѣ на растетъ ничего другаго. Даже кофейныя деревья, юки, маисъ и различнѣйшіе овощи, скрывающіе въ своей роскошной зелени гасіенду, обремененныя цвѣтами и плодами, были здѣсь посажены или посѣяны, и потомъ предоставлены одной волѣ Божіей; затѣмъ остается лишь трудъ два три, иногда четыре раза въ годъ снять съ нихъ плоды. Кокосовое дерево и сахарный тростникъ требуютъ нѣкоторыхъ работъ, которыя впрочемъ также состоятъ единственно въ правильномъ выборѣ мѣста и удаленіи сорныхъ травъ и вредныхъ животныхъ.

Растеніе, исключительно для котораго разводятся эти дорогія висячія плантаціи, и которое есть главный двигатель торговыхъ оборотовъ провинціи Унгасъ,—это неламѣтное кустарнообразное деревцо и еще менѣе замѣтными цвѣтами и плодами, въ добавокъ неупотребляемыми здѣсь вовсе. Растеніе это кока. Листья его два или три раза въ году собираютъ, сушатъ на солнцѣ на мощеныхъ дворахъ, упаковываютъ въ мѣшки отъ 25 до 50 фунтовъ; въ такомъ видѣ они поступаютъ въ торговлю

Библиотека "Руниверс"



Путевая карта сѣверной экспедиціи профессора Норденшильдъ, съ указаніемъ изслѣдованнаго имъ морскаго пути къ устью рѣки Енисея и обратнаго пути въ Европу внизъ по Енисею чрезъ Сибирь. Составл. по свѣдѣніямъ г. Норденшильда, грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

О Шведской экспедиціи въ новую землю къ устьямъ Енисея «Ночь на берегу Енисея у Мыса Шайтайнск.
по наброску членъ экспедиціи г. Лундштромъ, Рис. Бролингъ, грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

внутрь страны къ индѣйцамъ и смѣшаннымъ цвѣтнымъ расамъ, для которыхъ сдѣлались необходимымъ предметомъ удовольствія, и даже пищи.

Процвѣтаніе этого капризнаго балованнаго растеньица зависитъ отъ извѣстныхъ мѣръ предосторожности въ уходѣ; именно, оно требуетъ постояннаго тепла и сырости. Хотя эти главныя условія даются уже самимъ климатомъ страны и частыми дождями, но въ большихъ гасіендахъ все-таки устраивается искуственное орошеніе террасообразныхъ аллей кока, для чего выдолбленные стволы пальмъ служатъ имъ превосходными трубами.

Изъ сортовъ кока, разводимаго въ Перу и Боливіи, самымъ лучшимъ считается кока Ингаса. Будутъ-ли посылать его также въ Европу для изслѣдованія его чудотворныхъ свойствъ? Начало кажется уже сдѣлано пилюлями изъ кока.

Путь мой шелъ черезъ Коропко и Кулумани обратно въ Ла Пацъ. Въ Кулумани мы познакомились въ домѣ префекта съ многими чиновными особами города, поразившими насъ особенно своей точностью, качество не часто встрѣчаемое въ этихъ жаркихъ странахъ. Каждый день получали мы приглашенія то къ одному, то къ другому изъ нихъ, и я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ смѣха и вмѣстѣ съ тѣмъ ужаса о томъ количествѣ резикадо, двойной дистиллированной, очень похожей на аракъ водки, какое выпивалось во время и послѣ стола. Толстяки вливали ее въ себя стаканъ за стаканомъ, какъ будто это была вода, и удивлялись, что мы пасовали уже послѣ втораго стакана.

Къ этому надо прибавить еще превосходнѣйшій кофе, какой я когда либо пилъ въ своей жизни, но онъ здѣсь такъ крѣпокъ, что въ вискахъ у насъ заколотило точно молотками; мы часто должны были выходить на открытыя веранды, чтобы освѣжить наши пылавшія лица. Хорошо еще что это опьяненіе скоро проходило при постоянной испаринѣ въ сырой атмосферѣ.

У стараго Жура, достойнаго члена нашей новой компаніи, задавшаго намъ великолѣпный обѣдъ, былъ поданъ кофе, считающійся лучшимъ во всей Боливіи. Послѣ обѣда, нашъ любезный хозяинъ повелъ насъ къ источнику знаменитаго напитка—кладбищу. На давно развалившихся могилахъ, росли кофейныя деревья обремененныя цвѣтами и плодами, безъ устали перерабатывающія человѣческіе останки въ кофейные бобы. Вѣтеръ снесъ съ нихъ половину цвѣтовъ, которые, словно бѣлымъ саваномъ покрывали могильныя насыпи, но ихъ довольно еще оставалось еще на деревьяхъ для употребленія пастора и его друзей.

Жаль что въ Унгасѣ, цвѣты кофейныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, которые огромнѣйшими массами сносятся вѣтромъ, даромъ теряютъ свой ароматъ, сгнивая на землѣ. Никому и въ голову не приходитъ собирать ихъ и продавать, или самимъ извлекать изъ нихъ эфирныя масла; между тѣмъ это могло-бы дать значительный доходъ. Сколько богатствъ теряется здѣсь такимъ образомъ!

Въ день вашего отъѣзда, префектъ съ большинствомъ нашихъ новыхъ знакомыхъ, проводилъ насъ до подошвы горы, Вега де Кулумани, гдѣ мы простились, выпивъ за здоровье другъ друга по стакану резикадо.

Послѣ полудня мы достигли нижней части долины Ундуави; по ея постепенному повышенію, ясно было что мы опять приближаемся къ подошвѣ Кордильеровъ. Переночевали мы въ хорошенькой гасіендѣ. Это былъ единственный домъ, встрѣченный нами на всемъ длинномъ пути отъ Уанакахе. Гасіенда лежала въ расширенномъ мѣстѣ долины, называемомъ здѣсь Эль-Чаке. Кромѣ апельсиновъ, насъ угощали здѣсь сочными чиримоями, которые росли вокругъ гасіенды. Вверхъ отъ Чако, горы снова сводятся ближе и образуютъ узкое ущелье; подъ нимъ по крутымъ утесамъ и высокимъ уступамъ, смѣло извивается дорога, имѣющая видъ гигантской лѣстницы.

Когда на слѣдующее утро мы проходили это ущелье, съ Кордильеровъ спускались въ долину нѣжные, прозрачные слои тумана. Изъ долины неслись къ намъ ароматы тропическихъ цвѣтовъ; органисты перекрикивали и попугаевъ и всѣхъ остальныхъ птицъ, а горный ручей внизу, казалось хотѣлъ заглушить шумъ водопадовъ, длинными хребетными полосами величественно спускавшихся съ громадной высоты по крутымъ утесамъ.

Къ вечеру мы были опять въ Ундуави

Кто любитъ горы и лѣса, найдетъ что лучше этого уголка нѣтъ во всей Боливіи—можетъ быть даже на всемъ земномъ шарѣ.

Путевая карта сѣверной экспедиціи профессора Норденшильда, съ указаніемъ, изслѣдованнаго имъ морскаго пути къ устью рѣки Енисея и обратно въ Европу вверхъ по Енисею черезъ Сибирь.

Карта эта составленная нами на основаніи данныхъ самаго профессора Норденшильда, начальника экспедиціи, можетъ служить нашимъ читателямъ для разъясненія и болѣе яснымъ представленія слѣдованія экспедиціи.

Побудительною причиною составленія этой карты было то серьезное значеніе экспедиціи для нашего отечества и для науки и тѣ результаты къ которымъ пришла экспедиція открывъ морской путь къ Сибири.

И дѣйствительно труды экспедиціи 18 мая ихъ важность были вполнѣ оцѣнены Россіею и учеными обществами, члены которыхъ, во всѣхъ мѣстахъ гдѣ проходила экспедиція, встрѣчали съ тріумфомъ какъ самаго Норденшильда, такъ и его сотоварищей.

Для болѣе яснаго представленія пути экспедиціи, мы помѣщаемъ полную карту съ обозначеніемъ какъ пути плаванія, такъ и путешествіе по сушѣ.

На сѣверѣ Норвегіи, отъ города Тромзе экспедиція отправилась $^{8}/_{6}$ 1875 года по направленію къ Новой землѣ, и прибывъ къ ней пробовала пройти черезъ проливъ, раздѣляющій Новую землю на два острова, что однако не удалось по случаю сильнаго скопленія льдовъ. Пройдя немного южнѣе черезъ Югорскій проливъ въ Карское море. Послѣ изслѣдованія, по разнымъ направленіямъ послѣдняго—экспедиція подошла къ истокамъ Енисея и между тѣмъ какъ большая часть ея, черезъ свободный отъ льда проходъ между Новою землею, отправилась обратно въ Норвегію, самъ Норденшильдъ съ лейтенантомъ А. Стукбергомъ и 3-мя матросами въ маленькой лодочкѣ пустились вверхъ по Енисею. Съ большими усиліями гдѣ на парусахъ, гдѣ на веслахъ удалось Норденшильду подняться вверхъ по Енисею. Вторая картина помѣщенная нами въ настоящемъ номерѣ представляетъ ночлегъ экспедиціи на мысѣ Шайтанскѣ.

Послѣ нѣсколькихъ недѣль плаванія сопряженныхъ со всѣми неудобствами подобнаго путешествія въ маленькой лодочкѣ, удалось наконецъ Норденшильду и его товарищамъ, около Дудинска, встрѣтить русскій пароходъ, который и принялъ измученныхъ, усталыхъ путешественниковъ. Съ этого времени путешествіе стало болѣе удобно и представители экспедиціи подымались все выше по Енисею и все углублялись въ Сибирь, причемъ пройдя черезъ городъ Туруханскъ, Енисейскъ, Красноярскъ, Томскъ, Каинскъ, Омскъ, Ишемъ, Тюмень, Екатериненбургъ, Пермь, Казань, Нижній-Новгородъ, Москву и наконецъ Петербургъ, откуда экспедиція, черезъ Выборгъ и Гельсингфорсъ—отправилась обратно въ Штокгольмъ.

О шведской экспедиціи въ Новую Землю и къ устьямъ Енисея

Ночь на берегу Енисея (мысъ Шайтанскъ).

Помѣщая въ настоящемъ номерѣ сцену изъ этой экспедиціи, возбудившей всеобще вниманіе, какъ объясненіе къ рисунку приводимъ замѣтку одного изъ участниковъ экспедиціи доктора Зундстрема, написанную имъ собственно для насъ.

„15-го августа (по новому стилю) вечеромъ достигли мы, послѣ долгихъ ожиданій, устья Енисея и выбравъ удобное мѣсто на лѣвомъ берегу, бросили якорь. Мѣсто стоянки въ честь учредителя всей экспедиціи было названо Норденшильдомъ „Портъ Диксонъ“.

Библиотека "Руниверс"

Уже 19-го августа оставили мы корабль и вшестеромъ Норденшильдъ, Стуксбергъ я и три матроса, въ небольшой лодкѣ двинулись вверхъ по Енисею, продолжая путешествіе черезъ Сибирь въ Европейскую Россію.

Это путешествіе въ лодкѣ по водамъ Енисея оставило въ нашей памяти много интересныхъ воспоминаній о своеобразности природы этой сѣверной окраины, интересныхъ намъ, какъ естествоиспытателямъ и такъ путешественникамъ.

Величавый Енисей при своемъ истокѣ походитъ скорѣе на большой заливъ чѣмъ на рѣку, такъ что когда туманъ нависнетъ надъ нимъ съ одного берега даже не видно другаго. Своеобразны берега Енисея, громадное количество бревенъ и деревьевъ, наваленныхъ впродолженіи цѣлыхъ столѣтій, масса древесныхъ стволовъ этихъ покрыта легкимъ и мягкимъ слоемъ наносной земли, что даетъ возможность берегамъ покрываться растительностью.

У устья рѣки намъ попадались горы и скалы, далѣе же вверхъ по теченію берега становились все площе и площе и превращались наконецъ въ низкіе песчаные.

Такъ какъ мы не имѣли ни малѣйшаго понятія о фарватерѣ, между тѣмъ какъ берега были очень топки то намъ никакъ не удавалось пристать къ берегу. Къ тому же дулъ довольно сильный сѣверякъ и мы были вынуждены проводить ночи на нашей лодкѣ. Наконецъ таки послѣ долгихъ но напрасныхъ усилій удалось намъ, промоченнымъ до костей и измученнымъ добраться до сухой земли. Картинка представляетъ ночь съ 20 на 21-е августа, проведенную нами на мысѣ Шайтанскѣ. Большія бревна, стволы деревьевъ, служили намъ вмѣсто ложа, а осушенныя вѣтромъ сучья дали пищу большому огню, около котораго мы отогрѣвали наши окоченѣлые члены, ожидая горячаго кофе. Пообогрѣвшись, мы вытянули на берегъ нашу лодку и забрались въ раскинутую тѣмъ временемъ палатку, чтобы немного отдохнуть и возстановить наши истощенныя силы.

Многія мѣста, которыя мы посѣщали въ дальнѣйшемъ путешествіи, были когда-то обитаемы, но въ настоящее время единственнымъ свидѣтельствомъ пребыванія человѣка остались лишь почти сгнившія, полуразрушенныя хижины.

12 дней проплыли гдѣ подъ парусами, гдѣ на веслахъ по водамъ Енисея и 31-го августа, невдалекѣ отъ Дудинска встрѣтили пароходъ, который и принялъ насъ.

Членъ экспедиціи докторъ **Акселъ Н. Лундштремъ.**

На шведскомъ оригиналѣ написано: «точность вышеизложенныхъ свѣдѣній удостовѣряю». «Профессоръ А. Е. Норденшильдъ».

Судебная хроника

Разсматривая судебную хронику за послѣднее время, мы встрѣчаемъ нѣсколько выходящихъ изъ ряду процессовъ иногда характеризующихъ мѣстные нравы и обычаи.

Къ числу подобныхъ дѣлъ можно отнести дѣло, разсматривавшееся въ бакинскомъ окружномъ судѣ. На скамьѣ подсудимыхъ появился 19-лѣтній красивый армянинъ, обвинявшійся въ нанесеніи раны кинжаломъ другому армянину, явившемуся вмѣстѣ съ судебнымъ приставомъ описывать за незаплаченный долгъ лавку его отца. Рана, полученная кредиторомъ, хотя и значительна, но не опасна. Судъ приговорилъ обвиняемаго къ заключенію на полтора года въ арестантскихъ ротахъ. Послѣ прочтенія приговора, неожиданно для всѣхъ присутствующихъ, къ обвиняемому приблизился тотъ самый армянинъ, которому нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ нанесъ рану. Не успѣли принять никакихъ мѣръ, какъ подошедшій уже выхватилъ изъ рукава кинжалъ и ударивъ имъ обвиняемаго сзади въ шею, опасно ранилъ. Произошло всеобщее смятеніе и паника. Пользуясь этимъ преступникъ скорымъ шагомъ вышелъ изъ залы, очищая себѣ путь размахиваніемъ по сторонамъ бывшимъ въ его рукахъ окровавленнымъ кинжаломъ. Впрочемъ въ первую минуту никто и не подумалъ останавливать преступника, и всѣ съ ужасомъ сторонились отъ него. Преступникъ между тѣмъ пробѣжалъ по всему базару до той лавки, въ которой былъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ самъ раненъ, и воткнулъ остріе кинжала въ землю, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была пролита его собственная кровь. Послѣ того онъ безъ сопротивленія позволилъ себя арестовать и на первые вопросы отвѣчалъ только, что онъ сдѣлалъ свое дѣло и отплатилъ кровью за кровь.

Небезъинтересно дѣло о солдатской дочери Аграфенѣ Постновой, 11 лѣтъ, обвиняемой въ 11 кражахъ и о матери ея Костроминой, обвиняемой въ подстрекательствѣ. Дѣло это разбиралось въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ и сущность его состоитъ въ слѣдующемъ: жена ремесленника Е. Радзевичъ заявила полиціи, что проживающая у ней въ услуженіи 11-лѣтняя дѣвочка Аграфена Постнова созналась въ совершеніи нѣсколькихъ кражъ денегъ изъ кармановъ платья, изъ портмоне, комода и запертаго на замокъ сундука. На предварительномъ слѣдствіи Елизавета Родзевичъ, ея мужъ и дочь показали, что со времени поступленія къ нимъ для присмотра за ребенкомъ дѣвушки Аграфены, они стали замѣчать, что у нихъ пропадаютъ деньги небольшими суммами, и даже изъ запертаго на замокъ сундука, ключъ отъ котораго обыкновенно прятали подъ тюфякъ постели; изъ этого же сундука пропала и брошка, а всѣхъ случаевъ пропажи было замѣчено 11, на сумму всего около 40 рублей. Сначала они не знали кого заподозрить въ этихъ кражахъ, но послѣ пропажи изъ портмоне 1 р. 25 к. Постнова созналась при дворникѣ, что послѣ подтвердила и у слѣдователя, въ совершеніи 11 кражъ, которыя она по ея свидѣтельству совершила по приказанію и вслѣдствіе угрозъ своей матери, которой и передавала накраденное, когда она приходила навѣщать ее. Нѣсколько разъ она крала деньги изъ запертаго сундука, для чего брала ключъ изъ-подъ постели; до передачи похищенныхъ вещей матери, она обыкновенно прятала ихъ въ наволочку подушки. Солдатка Сигклитія Костромина не признавала себя виновною ни въ подстрекательствѣ своей дочери, ни въ кражѣ, ни въ принятіи отъ нея завѣдомо краденаго и объявила, что дочь оговариваетъ ее, вѣроятно, по наущенію Родзевичей.

На вопросы предсѣдателя при судоговореніи, маленькая Постнова объяснила, что красть ее учила мать, которая говорила, что будетъ копить эти деньги ей на приданое, когда она выростетъ большою. Послѣ каждой покражи она отдавала деньги матери; мать иногда давала ей 2—3 к-, а иногда только покупала ей ситникъ съ чаемъ. Что значитъ приданое, дѣвочка не знаетъ. При обыскѣ у матери ничего найдено не было, когда же Родзевичъ заявила ей о показаніяхъ дочери, то она стала дочь бранить и сказала, я тебя убью. Присяжные обвинили мать и дочь, признавъ вторую заслуживающею снисхожденія. Судъ постановилъ: мать, по лишеніи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, заключить въ рабочій домъ на полтора года, дочь же признать по суду оправданною.

Въ томъ же судѣ разбиралось дѣло сына надворнаго совѣтника К. Келлера, судившагося за дуэль. Обстоятельства этого дѣла состоятъ въ томъ, что 18-го ноября 1874 г., К. Келлеръ явившись въ камеру судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ при С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, принесъ повинную, въ которой заявилъ, что проживая въ Карлсруэ, въ октябрѣ 1874 года, онъ имѣлъ съ товарищемъ своимъ по политехнической школѣ г. Валовскимъ поединокъ, послѣдствіемъ котораго была смерть Валовскаго. Поединокъ возникъ по вызову Валовскаго, вслѣдствіе обоюдной ссоры въ гостинницѣ и происходилъ въ присутствіи секундантовъ и врача. Уѣхавъ тотчасъ послѣ поединка изъ Карлсруэ, онъ, по совѣту своихъ знакомыхъ, по прибытіи въ Петербургъ, счелъ долгомъ явиться съ повинною. Обстоятельства дѣла, выясненныя въ повинной Келлера, вполнѣ подтвердились изслѣдованіемъ баденскаго окружнаго суда въ Карлсруэ.

При производствѣ дѣла въ окружномъ судѣ, Келлеръ, объясняя причины дуэли его съ Валовскимъ разсказалъ, что зналъ послѣдняго какъ студента заведенія, въ которомъ онъ самъ находился и встрѣчался съ нимъ у общихъ знакомыхъ, но особенной дружбы между ними не было. Сидя однажды въ гостинницѣ съ товарищами за кружкою пива, Келлеръ разговаривалъ съ ними, когда находившійся тутъ же Валовскій вмѣшался въ разговоръ и предложилъ тостъ за здравіе «веселья»; тостъ этотъ былъ принятъ Келлеромъ, который въ свою очередь предложилъ другой — чтобы присутствующіе вмѣстѣ съ тѣмъ могли и уважить честь женщины (que nous soyons en état de respecter l'honneur des femmes). Слова высказанныя безъ малѣйшаго намѣренія оскорбить Валовскаго были приняты имъ какъ намекъ на скандальную исторію, въ которой онъ былъ замѣшанъ и слухи о которой ходили по городу.

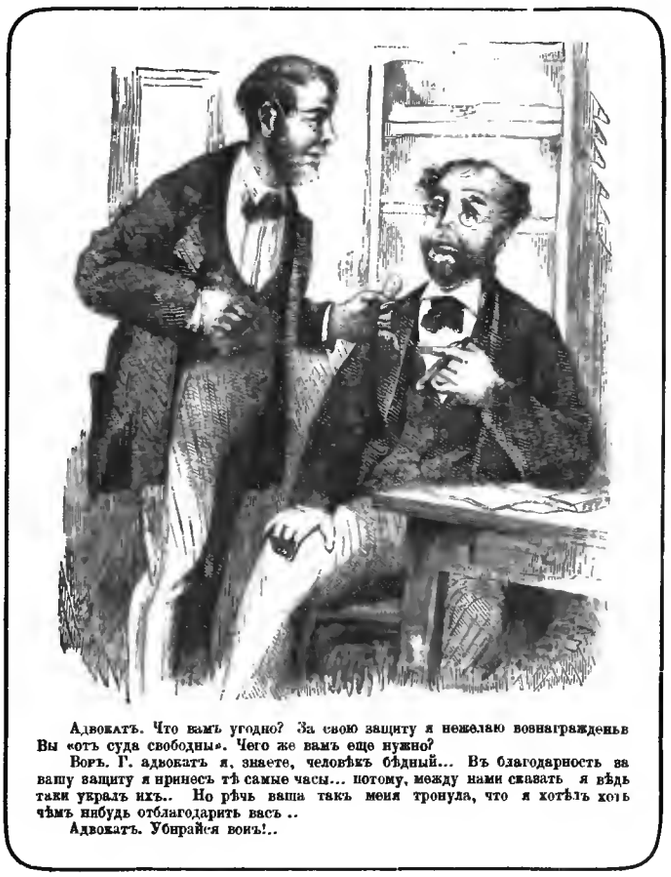
Тогда Валовскій обратился къ нему съ вопросомъ, принима-

Библиотека "Руниверс"

етъ ли онъ его за труса, послѣ чего заявилъ, что онъ желаетъ съ кѣмъ нибудь стрѣляться. Находя подобное заявленіе весьма страннымъ, Келлеръ шутя замѣтилъ ему, что если онъ желаетъ дратьcя съ кѣмъ нибудь, то и още всего попросить о томъ находящагося тутъ кельнера и удовлетворить такимъ образомъ своему желанію. Вслѣдъ за этими словами Валовскій вызвалъ на дуэль Келлера, которому въ виду всего общества, ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ принять вызовъ. Узнавъ что Валовскому только 19 лѣтъ и что онъ, не смотря на все желаніе Келлера, не хочетъ помириться, послѣдній желая кончить курсъ въ политехнической школѣ, до чего оставалось всего нѣсколько мѣсяцевъ, предложилъ Валовскому отложить дуэль до его совершеннолѣтія, но тотъ отвергъ это предложеніе. Дуэль происходила въ присутствіи секундантовъ и врача. Стрѣляли на двѣнадцать шаговъ, пистолеты были не нарѣзные и заряжены одною пулею. Исходъ дуэли былъ несчастный: Валовскій палъ, Келлеръ же получилъ небольшую контузію. Валовскій оставилъ завѣщаніе, переданное его матери, которая, въ свою очередь, просила передать Келлеру, что она противъ него ничего не имѣетъ, такъ какъ сынъ ея самъ напросился на дуэль. Замѣчательно, что братъ умершаго также убитъ на дуэли.

Окружный судъ постановилъ: подсудимаго Келлера подвергнуть заключенію въ крѣпости на два года; но, не приводя означеннаго постановленія въ исполненіе, ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о замѣнѣ опредѣленнаго ему наказанія заключеніемъ въ крѣпости на одинъ мѣсяцъ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.



Адвокатъ. Что вамъ угодно? За свою защиту я нежелаю вознагражденья. Вы «отъ суда свободны». Чего же вамъ еще нужно?

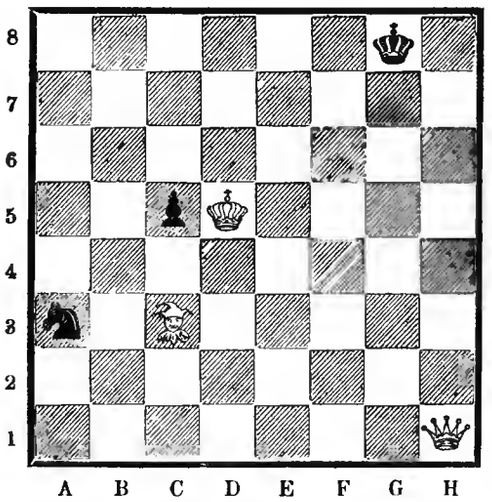
Воръ. Г. адвокатъ я, знаете, человѣкъ бѣдный... Въ благодарность за вашу защиту я принесъ тѣ самые часы... потому, между нами сказать я вѣдь таки укралъ ихъ.. Но рѣчь ваша такъ меня тронула, что я хотѣлъ хоть чѣмъ нибудь отблагодарить васъ ..

Адвокатъ. Убирайся вонъ!..

ЗАДАЧА

Н. ЕРМИЛОВА

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ 2 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задача въ «Ниву» № 48.

Черные.	Бѣлые.
1) g1 — c 5 +	1) a5 — a6
2) e5 — b 8	2) c3 — c4
3) c5 — b 4	3) c4 — c5
4) h4 — h 5	4) c5 — c6
5) b4 — b 7 +	5) c6 — b7

Смѣсь.

Литературныя бесѣды г-на Сюзора начнутся въ этомъ году въ послѣднихъ числахъ настоящаго мѣсяца; мы съ радостью сообщаемъ читателямъ эту новость.

Ораторъ въ своихъ рѣчахъ коснется самыхъ интересныхъ литературныхъ вопросовъ. Билеты достаются у главнѣйшихъ книгопродавцевъ, а также и у швейцара института глухо-нѣмыхъ въ залѣ, назначенной для бесѣдъ.

По американски. Одна нью-йоркская газета пишетъ: Въ Невадѣ живетъ фотографъ, который ради эстетической стороны своихъ произведеній, усаживая своихъ кліентовъ передъ фотографическимъ аппаратомъ, обращается къ нимъ съ слѣдующими словами: «Вотъ, милостивый государь, заряженный револьверъ со взведеннымъ курокомъ, который я навожу на васъ. Поэтому прошу васъ сидѣть спокойно, не моргать и стараться придать своему лицу пріятное, покойное выраженіе, обративъ взоръ на дуло револьвера; въ противномъ случаѣ я выстрѣлю вамъ въ лобъ. Я ставлю на карту мою репутацію, а потому вы понимаете, какъ для меня важно, чтобы портретъ вышелъ чисто, безъ лишнихъ прибавленій, которыя являются вслѣдствіе нетерпѣливости фотографируемаго». Нужно отдать справедливость, говоритъ помянутая газета, что фотографическія произведенія этого энергическаго мастера отличаются отчетливостью.

Обѣдъ изъ саранчи. Практическіе американцы съумѣли извлечь выгоду даже изъ саранчи. Они употребляютъ это народное бѣдствіе въ пищу, и говорятъ, что это необыкновенно лакомое блюдо. Въ Миссури данъ былъ банкетъ, на которомъ состояли всѣ блюда изъ саранчи. Тутъ былъ супъ изъ саранчи, пирожное изъ саранчи, жареная саранча, саранча съ соусомъ, съ медомъ и проч. Всѣ остались довольны.

Разныя извѣстія

Придворныя извѣстія.

На происходившемъ 26-го ноября въ Зимнемъ дворцѣ парадномъ обѣдѣ, по случаю торжествованія праздника ордена св. Георгія Побѣдоносца, были произнесены слѣдующія рѣчи:

I.

Рѣчь Его Императорскаго Величества.

«Пью за здравіе Моихъ друзей и союзниковъ, императора Вильгельма, какъ кавалера ордена св. Георгія 1-й степени, коего крестъ 4-й степени украшаетъ его грудь съ 1814 года, и императора Франца-Іосифа, котораго Мы также съ гордостью считаемъ въ числѣ кавалеровъ нашего военнаго ордена болѣе 26 лѣтъ. Я счастливъ, что могу удостовѣрить при этомъ случаѣ, что задушевный союзъ между Нашими тремя государствами и Нашими тремя арміями, основанный Авгу-

Продолженіе на 785 и 786 стр.

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленія отъ книжнаго магазина Печаткина.

Библиотека "Руниверс"

стѣйшими предшественниками нашими на защиту одного и того же дѣла, существуетъ неприкосновеннымъ въ настоящій часъ, не имѣя иной цѣли, какъ сохраненія спокойствія и мира въ Европѣ. Я вполнѣ уповаю, что, съ помощію Божіею, Наши усилія достигнутъ миролюбивой цѣли, которую Мы имѣемъ въ виду, которой вся Европа желаетъ и въ которой всѣ государства нуждаются. Да сохранитъ Господь Богъ ихъ величества для счастія ихъ народовъ!»

II.

Рѣчь его императорскаго высочества эрцгерцога Альберта.

„Позвольте мнѣ, Государь, поблагодарить Ваше Величество за благосклонныя слова; Вами произнесенныя, поблагодарить отъ имени двухъ государей, Вашихъ Августѣйшихъ союзниковъ, которые вполнѣ и глубоко раздѣляютъ чувства, выраженныя Вашимъ Величествомъ, а также поздравить Васъ, какъ кавалера ордена Маріи-Терезіи, отъ имени австрійской арміи, столь гордой тѣмъ, что она 37 лѣтъ считаетъ Ваше Величество въ своихъ рядахъ.

„Удостойте меня, Ваше Величество, дозволеніемъ выразить Вамъ моими устами, отъ имени всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ кавалеровъ Вашего военнаго ордена св. Георгія, ихъ почтительнѣйшія поздравленія, по случаю двадцатипятилѣтней годовщины вступленія Вашего Величества въ число кавалеровъ этого достославнаго ордена, заслуженнаго блистательнымъ военнымъ подвигомъ.

„Соединяясь въ пожеланіяхъ и общихъ молитвахъ о сохраненіи драгоцѣнной жизни Вашего Величества, мы всѣ горячо желаемъ, чтобы, по истеченіи другой четверти вѣка, Вы могли торжествовать этотъ прекрасный праздникъ подъ такими же, какъ и нынѣ, счастливыми предзнаменованіями.

«За здравіе Его Величества Государя Императора, Ея Величества Государыни Императрицы, Августѣйшаго Императорскаго Семейства! Доблестной арміи русской!»

III.

Рѣчь Его Величества Государя Императора.

„За здравіе его императорскаго высочества эрцгерцога Альберта и его королевскаго высочества принца Карла Прусскаго, которыхъ Мы имѣемъ счастіе видѣть между Нами, и всѣхъ кавалеровъ ордена св. Георгія Нашихъ трехъ храбрыхъ армій!“

— На томъ-же военномъ торжествѣ, Его Величество Государь Императоръ при пріемѣ георгіевскихъ кавалеровъ передъ выходомъ къ молебствію, изволилъ осчастливить ихъ слѣдующими царственными словами:

«Съ особеннымъ чувствомъ радости поздравляю, сегодня, всѣхъ кавалеровъ Нашего славнаго военнаго ордена, вспоминая, что, 25 лѣтъ тому назадъ, Я въ первый разъ въ этотъ день удостоился чести, по милости покойнаго Государя, Моего Родителя, праздновать день этотъ съ бывшими тогда на лицо георгіевскими кавалерами. Многихъ изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ, но память о нихъ заслугахъ жива въ Моемъ сердцѣ, и Я счастливъ, что могу благодарить васъ, господа, за вашу молодецкую службу. Да сохранитъ васъ Богъ еще на многія лѣта!»

Военное дѣло.

— Въ «Турк. Вѣд.» пишутъ: Городъ Коканъ, какъ утверждаютъ пріѣзжающіе въ Ходжентъ туземцы, занятъ отъ имени Пулатъ-бека, отрядомъ въ 500 человѣкъ, подъ предводительствомъ бѣжавшаго изъ Ташкента бывшаго ура-тюбенскаго бека Абдулъ-Гарафа. Вообще положеніе дѣлъ въ Кокапскомъ ханствѣ весьма тревожное, и чѣмъ окончится эта анархія — покажетъ будущее. Въ виду смутъ въ Коканѣ и возможности появленія мелкихъ шаекъ грабителей на нашей границѣ, командующій войсками генералъ Кауфманъ призналъ необходимымъ снова занять русскимъ отрядомъ Махрамъ, уже взятый русскими войсками 22-го августа и затѣмъ, при передвиженіи отряда въ Наманганъ, переданный признанному генераломъ Кауфманомъ коканскому хану Насыръ-Эддину. Махрамъ занятъ безъ боя, 23-го октября, отрядомъ изъ 2 ротъ, 1 сотни и 2 орудій подъ начальствомъ маіора Родзянко. Съ занятіемъ Махрама, пограничные кишлаки Ходжентскаго уѣзда совершенно обезпечены отъ вторженій коканскихъ шаекъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Устройство волшебныхъ фонарей и аппаратовъ для туманныхъ картинъ, при различныхъ источникахъ свѣта, а также способъ приготовленія прозрачныхъ картинъ на стеклѣ (съ 9-ю рисунками). — **Кто выигралъ?..** (Изъ современной уголовной хроники). Романъ **Ф. Фридриха** (продолженіе). — Въѣздъ царя **Іоанна IV** Васильевича Грознаго во Псковъ (съ рисункомъ). — **Эльчано.** Изъ путешествія въ Боливію (съ рисункомъ). — Путевая карта сѣверной экспедиціи профессора **Норденшильда**, съ указаніемъ изслѣдованнаго имъ морскаго пути къ устью рѣки Енисея и обратно въ Европу вверхъ по Енисею черезъ Сибирь (**съ картою**). — О шведской экспедиціи въ Новую Землю и къ устьямъ Енисея (съ рисункомъ) - Судебная хроника. — Юмористическіе очерки (съ рисункомъ). — Шахматы. — Смѣсь. — Разныя извѣстія. — Приложеніе объявленій. — **Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за Декабрь съ 18 рисунками и большой листъ выкроекъ.**

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

ЖУРНАЛЪ ТОРГОВЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ и ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

Программа слѣдующая; 1. *Источники народнаго богатства:* руководящія статьи, какъ и изъ чего извлекать наибольшій доходъ. 2. *Торговый отдѣлъ*, гдѣ что можно выгодно купить и продать; вывозы къ торгамъ, подрядамъ, аукціонамъ и конкурсамъ; адресы лучшихъ фабрикъ и оптовыхъ складовъ съ указаніемъ цѣнъ товара; ярмарки, биржи и проч. и проч. 3. *Техническій отдѣлъ.* Статьи и цѣлыя руководства по всѣмъ ремесламъ и фабричнымъ производствамъ. 4. *Земледѣліе*, сельское хозяйство со всѣми его отраслями, какъ-то: скотоводство, птицеводство, садоводство, огородничество, сельская архитектура, механика и проч. 5. *Правительственныя распоряженія* и постановленія, относящіеся преимущественно къ промышленности и сельскому хозяйству. 6. *Народная медицина и ветеринарія.* 7. *Научныя обозрѣнія* (хроника всѣхъ открытій и усовершенствованій. 8. *Библіографія* и критическая оцѣнка книгъ и періодическихъ изданій. 9. *Статьи по естествознанію* изъ зоологіи, ботаники, астрономіи, химіи и физики въ общедоступномъ, популярномъ изложеніи. 10. *Путешествія* и небольшіе разсказы изъ жизни промышленниковъ, охотниковъ и торговыхъ людей.

«Русское Богатство» будетъ выходить 1-го 10 и 20-го числа каждаго мѣсяца, тетрадями большаго формата.

Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ «Русскаго Богатства» будутъ слѣдующія лица: *Инженеръ-Технологи:* М. И. Мѣшалинъ, С. П. Плотниковъ, А. Н. Десятовъ и М. И. Ларіоновъ; *инженеръ-механикъ:* П. В. Калачевъ, И. П. Ивановъ; *инженеръ-архитекторъ:* А. Ф. Савичъ и Э. К. Бауеръ; *профессора:* гг. Никитинъ, Васильевъ и Раздольскій; *агрономы:* Ф. П. Беклешевъ, Л. П. Глѣбовъ, С. Н. Осташевъ, магистръ-технологіи В. Хлюзинскій и приватъ-доцентъ Московскаго университета баронъ фонъ деръ Врюгенъ; *доктора-медицины:* А. П. Коропчевскій, П. В. Холмскій и многіе другіе.

Всѣхъ же сотрудничествующихъ цѣли изданія «Русскаго Богатства», мы покорнѣйше просимъ присылать въ редакцію всевозможныя торговыя и промышленныя извѣстія, а также и статьи по всѣмъ отдѣламъ журнала, за которыя, равно какъ и за торговыя извѣстія, будетъ уплачиваться по 5 коп. сер. за каждую напечатанную строку, а по уговору съ авторами статей, отъ 50 до 150 р. сер. за печатный листъ въ 8 страницъ.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ

1) **Четыре приложенія «Парижскихъ Модъ»**, съ модными картинками, выкройками и ковровыми узорами. Приложенія эти разовьются въ январѣ, апрѣлѣ, іюнѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ и такимъ образомъ избавятъ гг. подписчиковъ отъ затратъ на выписку модныхъ журналовъ.

2) **12 поясныхъ**, кабинетныхъ **портретовъ** современ. **русскихъ литераторовъ**, гравированныхъ на сталь въ Лондонѣ изв. худож. Дезы. № 1 «Русскаго Богатства» разошлется 10 Декабря.

ЦѢНА годовому изданію *«Русскаго Богатства»* со всѣми приложеніями (всего 40 тетрадей въ годъ, болѣе 2.000 столбцовъ текста и 300 рисунковъ машинъ, мельницъ, сельскихъ построекъ, портретовъ русскихъ литераторовъ, художниковъ и снимковъ съ ихъ картинъ), съ пересылкой во всѣ города имперіи пять рублей, безъ доставки четыре рубля.

Подписывающимся на журналъ «Русское Богатство», предлагаются по уменьшенной цѣнѣ слѣдующія изданія: 1. **Справочная книга** для сельскихъ хозяевъ и ремесленниковъ въ 2-хъ частяхъ съ 30 рисунками (вмѣсто 1 руб.) **за 50 копѣекъ. 2. Винодѣліе**, приготовленіе всевозможныхъ винъ изъ русскихъ ягодъ въ 2-хъ частяхъ (вмѣсто 1 р. 50 к.) **за 50 копѣекъ. 3. Ремесленная Газета** за 1874 годъ, полное сброшюрованное изданіе (вмѣсто 3 руб.) **за 1 руб. 4. Листокъ** Сельскаго Хозяйства и Естествознанія 1874 года (вмѣсто 3 руб.) **за 1 руб 5. Листокъ** Сельскаго Хозяйства и Естествознанія за 1875 годъ (вмѣсто 3 руб.) **за 2 руб.**

Требованія адресовать: *въ Москву Редактору-Издателю «Русскаго Богатства» Н. Ф. Савичу* (у Спасскихъ казармъ, Спасская улица, домъ Виноградской).

2—1

26—3

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова.* Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы“ 1875 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 г. 1 р. съ пересылкой.

!!Подарки къ Рождеству!!

ВЪ ГЛАВНОМЪ ДЕПО ВСѢХЪ АЛЛЕГОРИЧЕСКИХЪ КАРТИНЪ

Э. Г. ДЕЗЛЕРА преемн. ГЕРОЛЬДА.

20 Невскій просп. д. Голладской церкви, во 2-мъ этажѣ.

Не смѣшивать съ нижнимъ магазиномъ эстамповъ.

14¾×20½ верш.	Фирвальдшт. озеро и Вацманъ	по 8½	руб.
12½×16¾ »	Рейнскія и Швейцарск виды	» 4½	»
13 ×10½ »	Русск. крестьянск дѣвушка	» 6½	»
12¾×10½ »	Крестьянск. дворъ и Панланъ	» 4	»
7½× 9½ »	2 Швейцар. виды, 4 врем. г.	» 2½	»
6¾× 8⅝ »	8 различн. сценъ изъ жизни		
8¼× 6½ »	50 разныхъ » » »	» 2	»

Фабрика рамъ роскошныхъ и новѣйшихъ фасоновъ и багетъ волоченныхъ орѣховыхъ и палисандровыхъ.

Принимаютъ вставленіе въ рамъ картины каждаго рода.

Каталогъ съ эскизами высылается гг. иногороднымъ по полученіи 3 и 8 копѣечн. почт. марокъ.

Библиотека "Руниверс"

Вышла и продается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы

МИСТРИССЪ ФОУСЕТТЪ

Начальныя основанія политической экономіи

Цѣна 1 р.; перес. за одинъ фунтъ.

3—1

СКЛАДЪ РОЯЛЕЙ

въ 350, 375, 415, 435, 525, 550, 675, 750, 825, 875, 1200, 1300, 1400, 1700, рублей и дороже.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

П. И. Юргенсона.

Москва, Петровка, № 6.

6—5

ВНОВЬ ВЫШЕДШАЯ КНИГА

Руководство къ изученію часоваго мастерства

составленное часов. д. мастеромъ **И. М. Гусевымъ.**

Съ 70-ю гравированными рисунками.

Нижній-Новгородъ 1870 года.

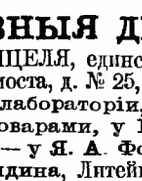
ЦѢНА 1 Р. 50 К.

Книга эта будетъ полезна не только желающимъ изучать часовое мастерство но и для всякаго любознательнаго человѣка; въ ней объясняются способы: обращаться съ часами при повѣркѣ, прибавленіе и убавленіе хода, повѣрка часовъ по солнцу; устройство солнечныхъ часовъ и электромагнитныхъ, вычисленіе, относительной равности мѣстностей и времени; составленія припоевъ и паяніе, каленіе стали, шлифованіе и полированіе металовъ, окрашиваніе мѣди, золоченіе и серебреніе. По этому книга можетъ быть полезна вообще для начальнаго механическаго обученія, а также для слесарей, паяльщиковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, въ особенности же для проводящихъ мастерство въ небольшихъ городахъ и селеніяхъ, гдѣ для ремесленника вовсе нѣтъ средства для пріобрѣтенія научныхъ познаній. Продается: **въ Нижнемъ Новгородѣ, въ часовомъ магазинѣ И. М. Гусева, въ Москвѣ въ редакціи Ремесленной Газеты и у всѣхъ книгопродавцевъ.—Пересылка безплатно.**

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА НЕСТЛЕ,



ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко перевариво, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицѣ,

2) при отниманіи ребенка отъ груди и

3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмидта, въ Спб. — химической лабораторіи, русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рулковіуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохтса, — у Каушмана, Вас. остр.,—у В. Баландина, Литейная, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговляхъ Россійской имперіи.

26—14

„ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ“,

издаваемый **Императорскимъ** Обществомъ правильной охоты подъ редакціей **Л. П. Сабанѣева**, выходитъ ежемѣсячно, книжками около 5 печатныхъ листовъ убористой печати, на **веленевой** бумагѣ, съ **хромолитографированнымъ** или **фотолитографированнымъ** (на стеклѣ) рисункомъ въ каждой книгѣ и политипажами въ текстѣ. Втеченіе года будутъ выданы гг. подписчикамъ, въ видѣ **преміи**, нѣсколько **хромолитограф.** рисунковъ лучшихъ собакъ первой **очередной** выставки Общества.

Подписная цѣна: на годъ 8 р. съ перес. 9 р; на полгода 4 р 50 к. съ перес. 5 р.

Съ 6 книгами, вышедшими въ 1874 году (съ 1-го Іюля) 12 р. съ перес. 13 р. 50 к. Въ трехъ книгахъ, вышедшихъ по настоящее время, между прочимъ помѣщены слѣдующія статьи.

Замѣтки стараго провинціальнаго псоваго охотника **П. М. Мачеваріанова.** Травля волка. **А С. В—ева.** Воспитательное значеніе охоты. **С. Л—аго.** Охота на тигровъ на р. Сыръ-Дарьѣ. **Г. Иванова.** Лицинскій лѣсъ (изъ записокъ кавказскаго охотника). **Н. Г. Вучетича.** Записки объ охотѣ въ Сѣверозападномъ краѣ. **И Алмазова.** Токъ чернышей. **А. Ходнева.** Сѣрая Куропатка. **Н. Г. Вучетича.** Приморская и степная охота въ Астраханской губ. **И. Явленскаго.** Первая очередная выставка охотничьихъ собакъ и лошадей. **А. Е. Корша.** Удочка и уженье рыбы. **А. К—ева.** (съ 32 полит.) Соловей, его ловъ и содержаніе. **Е. Кавелина.** и мн. др.

Подписчики журнала охоты за пересылку сборника **„Природа“** не прилагаютъ.

Подписка принимается: въ Москвѣ—**въ редакціи Сборника „Природа“ и „Журнала охоты“** (Петровка, д. Самариной), въ книжныхъ магазинахъ Соловьева, Васильева и въ Центральномъ книжномъ магазинѣ: въ Петербургѣ — у Базунова и Черкесова: въ Кіевѣ — въ Южнорусскомъ книжномъ магазинѣ. **Иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію.** Подписка въ разсрочку по соглашенію съ редакціей.

„ПРИРОДА“

(годъ третій).

Популярный естественно-историческій сборникъ, издаваемый подъ редакціей проф. **С. А Усова** и **Л. П. Сабанѣева.** Роскошное изданіе на **веленевой** бумагѣ, съ **хромолитографіями, фотолитографіями** (на стеклѣ) и политипаж. въ текстѣ. Съ 1874 г. выходитъ 4 раза въ годъ книгами большаго формата, около 25 печатныхъ листовъ. **1 и 2 книги 1873 года и 2 книга 1874 одобрены Министерствомъ Нар. Просв. для библіотекъ учебныхъ заведеній и наградъ ученикамъ**

Подписная цѣна 12 р. съ перес. 13 р. 50 к.

Подписчики, подписавшіеся въ **редакціи** (Москва, Петровка. д. Самариной) одновременно на 1874 и 1875 г. платятъ по 12 р. за годъ, съ 2 книгами 1873 г. (10 книгъ) 30 р. съ пересылкой.

Вышла и продается 1-я книга Сборника **„Природа“** на 1875 г.

Содержаніе: Законы движенія. **Проф. Карстена.** Автоматы-ли животныя? **проф. Гексли.** съ полит. Жизнь въ мірѣ животныхъ и растеній. **Л. К. Попова.** Съ 36 полит. Вулканы. проф. **К. Фохта.** съ 26 полит. Уродство. проф. **Бертильона.** въ 13 полит. Окраска лепестковъ. **Ф. Маевскаго.** съ 2 хромолиграфіями. Сазанъ **В. Е. Яковлева.** Падающіе камни. **Менье.** съ 8 полит. Скорость ощущенія, мысли и воли человѣка. **Д-ра Б. С. Розенберга** съ 5 полит. Монголы. **Н. М. Пржевальскаго.** Страна Моибутту. **Г. Швейнфурта.** съ ксилогр. табл. и 18 полит. Отдаленность звѣздъ. **К. Фламмаріона.** съ 6 полит. Дятлы и ихъ значеніе въ лѣсоводствѣ. **Б. Альтума.** съ хромолитографіей. Кабаны. съ фотолитографіей. Чайки. съ фотолитографіей. Вальдшнепъ. съ фотолитографіей.

Цѣна 4 р. (выписывающіе изъ редакціи, за пересылку не прилагаютъ). Вышли и продаются новыя книги, изданныя редакціей Сборника **„Природа“.**

РЫБЫ РОССІИ

Жизнь, ловля и уженье нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ Л. П. **Сабанѣева.** (650 стр.) съ 6 **рисунками** и 433 политипажами рыбъ и снарядовъ для ловли и уженья рыбы. Цѣна за всѣ три выпуска 4 р. каждый выпускъ отдѣльно 1 р. 50 к.

ФЛАММАРІОНЪ. „НЕБЕСНЫЯ СВѢТИЛА“

Популярное изложеніи Астрономіи. съ 75 полит. цѣна 1 р. 50 к.

Выписывающіе изъ редакціи, за пересылку не прилагаютъ. Подписчики Журнала охоты и Сборника **„Природа„** пользуются уступкой 20%.

3—1

У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ПРОДАЕТСЯ КНИГА

НАСЛѢДНИКИ.

Повѣсть въ двухъ частяхъ **Д. И. Стахѣева.**

2 тома, болѣе 700 стран. Цѣна 3 руб. 50 коп. 4—4

Опытъ русско-украинскаго словаря, сост. М. ЛЕВЧЕНКО.

Цѣна съ перес. 1 руб. 30 коп.

КІЕВЪ. Книготоргонля **ЛЕВЧЕНКИ и ИЛЬНИЦКАГО.** 3—2

Дозволено цензурою 8 Декабря 1875 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб. Большая Морская, д. № 9. Тип. Веймута, Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 50 — 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 15 Декабря 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА" на 1876 годъ.

Въ виду приближенія времени подписки на 1876 г., мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ.**

Приготовленіе около 14.000 печатныхъ адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ требуетъ весьма большой работы и времени такъ что намъ гораздо легче если подписчи теперь уже благоволятъ выслать свои требованія ибо въ концѣ Декабря когда всѣ требованія поступятъ вдругъ, большое количество адресовъ трудно съ разу приготовить.

При возобновленіи подписки просимъ покорно **высылать печатные редакціонные адреса отъ бандеролей,** въ которыхъ подписчики получаютъ „НИВУ" въ нынѣшнемъ 1875 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжный магазинъ *И. Гр. Соловьева, А. Ланъ* и *А. Живарева* . . . . . 4 р. 50 к.

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.*)

*) ПОЧТОВЫХЪ МАРОКЪ *НЕ* ПРИНИМАЕТСЯ, а просимъ высылать этотъ полтинникъ серебромъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи «НИВЫ» въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

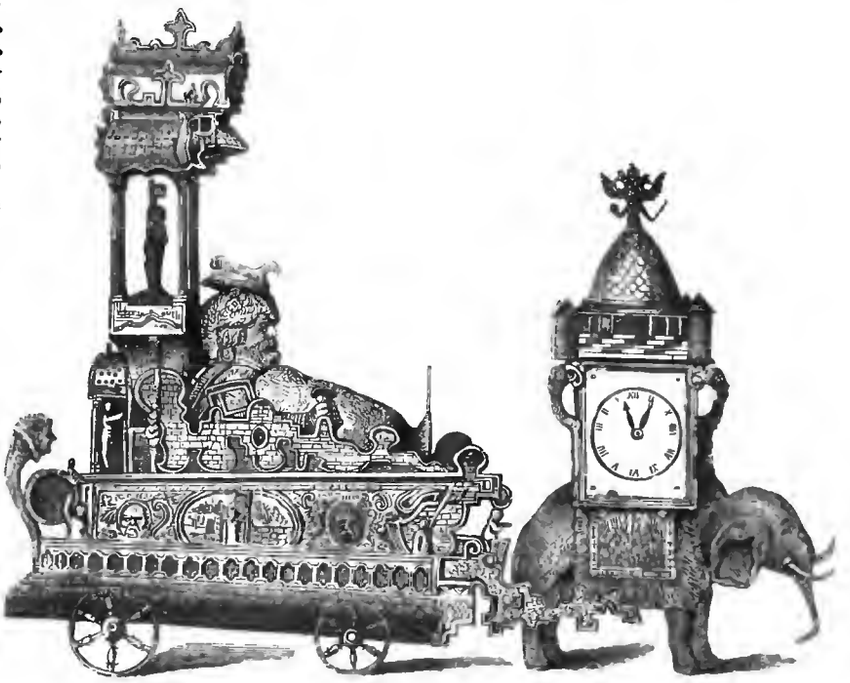
ПОДПИСКА на 1875 г. продолжается на тѣхъ же самыхъ условіяхъ. Издатель „НИВЫ" А. Ф. МАРКСЪ.

Подарки, подносимые Русскимъ царямъ иностранными послами.

Общій дипломатическій обычай, издавна существовавшій между владѣтельными особами: посылать другъ другу съ послами подарки,—за время Царей въ Москвѣ, оставилъ много блистательныхъ доказательствъ дружественнаго расположенія къ владыкамъ русскаго народа. Дары иностранцевъ, сохраняемыя въ Московской Оружейной Палатѣ, самою изысканностью своей даютъ понять, что за Царями Московскими усердно ухаживали—особенно торговые города и народы, въ томъ числѣ и англичане.

По искусству выдѣлки превосходятъ другіе —*поминки* коронованныхъ главъ золотыя чеканныя вещи, привезенныя изъ Англіи и Даніи въ XVII вѣкѣ, отъ Королей Англійскихъ Якова I Карла I и Дат-

Кубокъ потѣшн. Царя Алексѣя Михайловича. Рис. Коверзневъ гр. Бергъ.



Часы съ боемъ, «походные» на слонѣ, Царя Феодора Іоанновича 1590 г. Рис. Коверзневъ грав. Езерскій.

Библиотека "Руниверс"

скихъ — Христіана IV и Вольдемара — Царю Михаилу Ѳеодоровичу.

Отъ Якова I въ 1621 году посолъ Джонъ Мерикъ поднесъ двѣ сулеи 15-го декабря, какъ значится въ приходной книгѣ этого года за № 730. Сынъ этого короля спустя 15 лѣтъ прислалъ *стопы*, отличающіяся особенною изысканностью формы и по роду изображеній одна изъ нихъ извѣстна подъ именемъ «Коня». Испанскимъ дворомъ или Нидерландами испанскими поднесенъ «Корабль». Корабль—трехмачтовое судно, съ парусами, вымпелами и людьми на реяхъ, держитъ на головѣ атлантъ, стоящій по образцу Колосса Родосскаго на двухъ концахъ гавани, въ которую входитъ одномачтовая галера. Атлантъ опирается на якорь, а другіе два якоря меньшей величины на проволокахъ, замѣняющихъ здѣсь канаты, опущены съ судна въ пространство. Всѣ эти фигуры помѣщены на плоской кровлѣ, выступающей надъ стопкою съ четырехстороннимъ въ формѣ креста орнаментированнымъ поддономъ. Вся группа высотою $37^1/_2$ англійскихъ дюймовъ вѣсомъ, чистаго серебра, безъ позолоты, $21^1/_2$ англійскихъ фунтовъ. На большомъ парусѣ гербъ съ орденомъ золотаго руна. Конь—это на стопѣ, служащей подножіемъ Конная статуя Короля Карла I англійскаго съ жезломъ въ правой рукѣ, въ суперевстѣ, латахъ, шарфѣ и круглой шляпѣ безъ пера. Тоже серебряная вызолоченная группа. Вмѣстѣ съ нею присланныя двѣ стопы; внесены въ опись 1640 года въ слѣдующихъ терминахъ: «двѣ стопы серебрены золочены, чеканные съ кровлями на одно дѣло (т. е. одного рисунка, парные). На стопѣхъ и на кровлѣхъ чеканены *личины* съ крыльями, (т. е. крылатыя головки или полуфигуры) да люди на рыбахъ (т. е. Тритоны классическаго богословія съ рыбьимъ плесомъ); у рукоятей по человѣку съ крылы (т. е. полныя фигуры окриленныхъ геніевъ), Вѣсу одной 6 фунтовъ 22 золотника, въ другой 6 фунтовъ 5 золотниковъ. Цѣна по 11 рублевъ фунтъ. Присланъ Государю въ дарѣхъ, англинской Карлусъ Король въ (7) 144 (1636) году». Подносилъ посолъ Симонъ *Дагбей* и пріемъ его въ царскихъ выходахъ 14-го декабря 1636 года записанъ». Былъ Государь въ Золотой (Палатѣ) и у него Государя былъ ерусалимскаго патріарха игуменъ, да англинской земли посолъ. И на Государѣ былъ нарядъ большіе казны (т. е. полный парадный): крестъ, діадима, скипетръ, платно пятаго наряду, кафтанъ четвертаго наряду, шапка Ефимова дѣла, башмаки низаны жемчугомъ по черевчатому (сиреневому) бархату, сорочка вторая».

Нарядъ *большія казны*, т. е. полный нарядъ надѣвалъ Царь Михаилъ въ торжественные дни, являясь народу въ процессіяхъ духовныхъ. Вслѣдъ за принятіемъ Дагбей, Государь возлагалъ корону и крестъ—въ день 1-го января 1633 года на поставленіи крутицкаго митрополита, 6-го января идя *на ердань* (на Іордань), 30-го января при пріемѣ Литовскаго посла, 3-го февраля по другой аудіенціи того же лица, 2-го апрѣля (въ тотъ годъ въ этотъ день пришлось вербное воскресенье) въ шествіи патріарха на осляти, 9-го апрѣля—въ день пасхи за позднею обѣднею; 23-го апрѣля—принимая переидскихъ пословъ, іюня 27-го по 2-е іюля, 20-го августа и 3-го сентября—давая аудіенціи литовскимъ посламъ. Для ганзейскихъ пословъ и крымскихъ гонцовъ этого нарада не дѣлалось.

Такъ соблюдался этикетъ дипломатическій нашими Государями.

Не одни впрочемъ стопы да кубки составляли предметы присылокъ въ поминки Царямъ Московскимъ отъ братьевъ по трону, властителей востока и запада, и опахала, и курильницы (въ видѣ горъ съ готическими замками) и барсы, и чарки, и братины, и тарелки, и блюда, и щипцы, и подсвѣчники, и лохани, и лебеди. и орлы, и кувшины, и стопцы, и вазы для цвѣтовъ, и етавцы, и купальни, и воронки, и столовое бѣлье, и корабли, и львы, и верблюды: и олени, и страусъ, и пѣтухи, и часы карманные и столовые,—сохраняются въ оружейной палатѣ, присланные съ послами въ Москву.

Часы боевые на слонѣ — рисунокъ въ этомъ № «Нивы» — сохранились отъ XVI столѣтія. Они были въ употребленіи при послѣднемъ Царѣ изъ дома Рюрикова, такъ богомольномъ, «скорбномъ главою», Царѣ Федорѣ, на поминъ души котораго жена Царица соорудила пышное кадило въ Архангельскій соборъ (рисунокъ мы уже помѣстили въ «Нивѣ»). Въ 1590 году, при пріемѣ пословъ Персидскаго шаха, стояли часы въ Грановитой Палатѣ, по правую сторону царскаго стола, во время пышнаго обѣда, слонъ, на которомъ уставлены часы въ видѣ бесѣдки увѣнчанной орломъ съ тремя коронами надъ двумя головами, — везетъ тяжелую колесницу. Колесница эта служитъ ложемъ великана, подкорчившаго ноги. На головѣ великана сидитъ павлинъ, а изголовьемъ и задкомъ колесницы служитъ основаніе пышнаго балдахина, подъ которымъ стоитъ стражникъ со знаменемъ. Возница-пигмей помѣщенъ подъ ногами великана и тяжелая колесница установлена на большіе четыре колеса, которые давали возможность передвигать слона и колесницу. Отъ этого часы на слонѣ и назывались *походными*, т. е., будто бы по объясненію покойнаго А. Ѳ. Вельтмана *катающимися*, хотя такого значенія слову «походный» никто не даетъ изъ русскихъ людей нашего времени.

У царя Алексѣя Михайловича была вещь потѣшная съ большимъ смысломъ. Это *потѣшный кубокъ*, устроенный на другой годъ по рожденіи его (въ 1630 году). Онъ по описи 1663 года описывался такъ: «кубокъ серебрянъ, золоченъ, съ мельницею, ложчатъ (т. е. обдѣланъ въ видѣ ложекъ архитектурныхъ, низъ поддона на колесахъ), на трехъ колесахъ безъ кровли. Середь водяного выводу лебедь серебрянъ, бѣлъ; у кубка ва столбѣ чапля бѣлажъ, литые; вѣсу 2 фунта 39 золотниковъ».

Собственно цѣнность и потѣшность кубка этого — помѣщеннаго въ этомъ № «Нивы—составлялъ механизмъ, заставлявшій его перекувыркиваться, какъ только брались за поддонъ, также поставленный на колески. Отъ поддона выдвигались вверхъ тонкія полосы. поддерживавшія самый сосудъ, но отходившія въ сторону на бокъ съ прикосновеніемъ къ нимъ, отчего вино проливалось на неловкаго, неумѣвшаго браться какъ слѣдуетъ за верхній сосудъ прямо.

Кромѣ этого потѣшнаго кубка, для юнаго Царевича Алексѣя Михайловича сдѣлана была серебряная чарка, именная, по всей вѣроятности для собственнаго его употребленія.

Невѣстѣ его, за два дня до вѣнчанія, послѣ уже объявленія о предстоящемъ бракѣ,—поднесъ кубокъ чеканный (14-го января 1648 г.) дядя ея будущаго супруга-государя, бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ, слывшій у современниковъ за большаго любителя иностранныхъ издѣлій, тонкой работы. Кубокъ имъ поднесенный и извѣстный подъ его именемъ, сохраненнымъ въ обстоятельной надписи времени и случая приноса, также нѣмецкаго дѣла. Орнаменты чеканные представляютъ въ клеймахъ фигуры Минервы, Марса и Діаны. Кровля украшена грифомъ, держащимъ щитъ съ изображеніемъ всадника и буквами *К*, *Х*. *К*. Вѣсомъ этотъ кубокъ 11 фунтовъ 58 золотниковъ. Есть еще три кубка, поднесенные первой супругѣ Царя Алексѣя послѣ свадьбы ихъ, при поздравленіяхъ, а отъ приносовъ второй супруги этого Государя, въ Оружейной Палатѣ 14 ковшей и ставецъ. Отъ голландскихъ штатовъ поднесено Царю Алексѣю въ 1645, 1648 и 1665 годахъ нѣсколько блюдъ, кувшиновъ, лаханей и подсвѣчниковъ. Впрочемъ, пересчитывать всѣ подарки иностранные, сохраняемые въ Оружейной Палатѣ, нѣтъ никакой возможности.

П. Петровъ.

Кто выигралъ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

Онъ оставилъ Эльзу. Радостное чувство охватило его при мысли, что она вполнѣ довѣрилась ему, но, пораздумавъ о судьбѣ несчастной дѣвушки, Платэнъ невольно загрустилъ... Въ самомъ дѣлѣ, какъ было не опасаться, что душа ея останется, можетъ быть, навсегда омраченною?...

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, все думая объ Эльзѣ, какъ вдругъ кто-то стукнулъ въ дверь и, секунду спустя, передъ Платэномъ стоялъ директоръ театра—г. Вуллэнъ. Хитрые глазки его такъ и бѣгали, онъ рыскалъ ими по всей комнатѣ...

Молодой человѣкъ поморщился и, взглянувъ на непрошеннаго гостя, довольно рѣзко спросилъ:

— Вамъ что угодно?

— Вчера вечеромъ вы были въ моемъ театрѣ, заговорилъ директоръ, слѣдовательно вамъ извѣстно, что нѣкая молодая особа, по имени и фамиліи Габріэль Бальманъ, потерпѣла рѣшительное фіаско... Затѣмъ, когда она вышла изъ театра—вы послѣдовали за ней... Вотъ-съ, мнѣ и желательно было-бы задать вамъ вопросъ: не знаете-ли, куда дѣвалась эта особа? Въ квартиру свою она не возвращалась...

— А вамъ зачѣмъ именно нужно это знать?

— Зачѣмъ? Довольно дерзко повторилъ Вуллэнъ. Да вотъ такъ захотѣлъ. Вотъ и все! Я не намѣренъ объяснять вамъ причины.

Библиотека "Руниверс"

— А,-ну, въ такомъ случаѣ и я не намѣренъ вамъ отвѣчать, отрѣзалъ Платэнъ.

Вуллэнъ почти зажмурилъ глаза, причемъ жилы на лбу его рѣзко обозначились...

— Вы эту особу знаете? продолжалъ онъ свои разспросы.

— Знаю, отвѣтилъ молодой человѣкъ, немного помолчавъ.

— Откуда она? Кто ея отецъ?

— Оставьте, пожалуста, всѣ эти вопросы! Я, знаете, къ подобнымъ выспрашиваніямъ не привыкъ, особенно если это дѣлаютъ такіе господа, права которыхъ на вопросы такого рода мнѣ неизвѣстны.

— Хорошо-съ, значитъ вы не желаете мнѣ отвѣчать?

— Я, кажется, ясно выразился насчетъ этого,..

— Прекрасно! Ну, въ такомъ случаѣ, я заявлю полиціи... Можетъ быть права полиціи вы и нейдете нужнымъ признать, когда она обратится къ вамъ съ вопросами такого рода?...

Платэнъ вспыхнулъ, кровь бросилась ему въ лицо... Слова Вуллэна взбѣсили его, но онъ себя сдержалъ. Въ данномъ случаѣ вмѣшательство полиціи слѣдовало отстранить, не доводить дѣла до скандала, такъ какъ Эльза могла подвергнуться тутъ новымъ непріятностямъ. Онъ быстро овладѣлъ собой и отвѣтилъ спокойнымъ тономъ:

— Ошибаетесь. Я, можетъ быть, не найду нужнымъ признать тутъ и полицейскихъ правъ... Позвольте, у васъ есть какія нибудь претензіи относительно этой дамы?

— Разумѣется — есть, заговорилъ директоръ самоувѣренно: вчера вечеромъ она самовластно, во время самаго спектакля, оставила сцену, убѣжала изъ театра—слѣдовательно разстроила все представленіе!

— А я былъ случайнымъ свидѣтелемъ вотъ чего: она, какъ только вышла — сейчасъ-же была встрѣчена громкими свистками.

— Это ужъ не моя вина! Не виноватъ-же я, что публика не долюбливаетъ ее въ такой степени...

— Тутъ не въ публикѣ дѣло, замѣтилъ Платэнъ, тутъ всему причиной—интрига, которая была заранѣе состряпана, чтобы повредить этой молодой особѣ... Шикальщики, свистуны были подкуплены.

— Да?.. Ну, я полагаю, что это вамъ трудненько будетъ доказать...

— Если придется доказывать—докажу. Я самъ слышалъ, какъ сзади меня какіе-то молодцы сговаривались свистать... Представленіе, вы говорите, разстроилось,— что́-жъ, потерпѣли вы вслѣдствіе этого убытковъ?

— Конечно потерпѣлъ. Во-первыхъ, репутація моего театра пострадала: публика станетъ удивляться, недоумѣвать, какъ могло все это случиться подъ управленіемъ такого дѣльнаго, распорядительнаго директора, какимъ она привыкла меня считать... Ну, а во-вторыхъ, сія молодая особа нарушила правила, существующія на моемъ театрѣ, за что и подлежитъ она штрафу.

— Она знала о существованіи этихъ правилъ?

— Это мнѣ неизвѣстно, да это до меня и не касается. Всякій поступающій въ мою труппу, обязанъ безпрекословно подчиняться дѣйствующимъ правиламъ... Впрочемъ, объ этомъ упоминается въ контрактѣ...

Платэнъ понялъ, что господину директору просто хотѣлось что нибудь содрать—и съ кого-же? съ несчастной дѣвушки!.. Такое нахальство, безсердечіе возмущали его, и ему сильно хотѣлось вытолкать вонъ Вуллэна, но ради Эльзы онъ сдержалъ себя и спросилъ:

— Какже великъ убытокъ по вашему разсчету?

— Да таки не маловатъ! Репутація театра, наконецъ, моя собственная репутація, какъ директора—говорю вамъ—пострадали... Ну-да ужъ такъ и быть! На все это я рукой махаю... Не такой я человѣкъ, чтобы пользоваться подобными обстоятельствами. Другіе антрепренеры ужъ не дали-бы тутъ маху, ну, а я настолько гордъ, что не хочу... Что-же касается штрафа за нарушеніе правилъ — то́ ужъ этого я простить не могу, ибо примѣръ такой заразителенъ... Соблазнъ! Только строгостью и могу я поддерживать у себя порядокъ, который—

— Какъ великъ штрафъ? перебилъ Платэнъ.

— У меня назначено за подобные проступки десять талеровъ.

— Хорошо-съ, эту сумму я вамъ заплачу за Габріэль Бальманъ, сейчасъ даже... Потрудитесь дать мнѣ росписку въ полученіи денегъ?

— Съ удовольствіемъ!

Вуллэнъ никакъ не ожидалъ такъ легко получить десять талеровъ.

— Можетъ быть, вы имѣете еще какія нибудь претензіи на госпожу Бальманъ?

Директоръ призадумался... Ему, кажется досадно было, что онъ такъ мало запросилъ.

— Н-нѣтъ, не имѣю, проговорилъ онъ потомъ.

— Такъ потрудитесь и объ этомъ упомянуть въ роспискѣ.

— Это зачѣмъ-же?

— Я такъ желаю, иначе не получите денегъ.

Вуллэнъ презрительно дернулъ плечомъ, но—желаніе Платэна исполнилъ. Глазки его какъ-то особенно сверкнули, когда онъ опускалъ въ карманъ „штрафные" талеры.

— А вы, кажется, любите эту даму, заговорилъ директоръ,—ну, что-жъ, пока она была у меня, могу васъ увѣрить, ничего дурнаго нельзя было сказать о ней... Ничего такого... эдакого, хотя она—прехорошенькая!...

Тутъ уже Платэнъ вышелъ изъ терпѣнья.

— Довольно! Я зналъ это и безъ васъ, и въ увѣреніяхъ вашихъ не нуждаюсь... Я даже не хочу спрашивать: имѣетъ-ли эта дама, *съ своей стороны*, какія либо претензіи на васъ? Если и имѣетъ—то вы свободны отъ удовлетворенія. Ну-съ, полагаю, что теперь между нами все кончено!...

И, отвернувшись отъ директора, онъ подошелъ къ окну. Вуллэнъ достигъ того, чего хотѣлъ, а потому тоже повернулся и вышелъ.

Платэнъ съ нетерпѣніемъ ждалъ пріѣзда матери Эльзы, надѣясь, что ей удастся хоть сколько нибудь успокоить несчастную дѣвушку, отогнать отъ нея гнетущія мысли,—и онъ дождался: уже было далеко за полночь, когда г-жа Штейнъ и фрейгерръ пріѣхали въ гостинницу.

Маленькій фрейгерръ, прямо отправился къ Платэну и какъ только увидѣлъ его, не вытерпѣлъ и воскликнулъ:

— Ну, вотъ — вѣдь зналъ я, что вы ее найдете! А теперь, такъ и быть, ужъ скажу вамъ, что я и къ полиціи обращался, но полицейскому чиновнику неудалось напасть на слѣдъ бѣглянки... Что было дѣлать? Я положилъ тогда на васъ всѣ мои надежды, ибо былъ увѣренъ, что вы будете неутомимы... Человѣкъ, истинно любящій, никогда не потеряетъ мужества, не упадетъ духомъ!..

— И, однако-же, я не разъ падалъ духомъ, замѣтилъ Платэнъ съ улыбкой... Если я нашелъ ее, то это только благодаря простой случайности, счастью, а заслуги—увы, я не вижу тутъ никакой...

— Хорошо, хорошо! Гдѣ-же Эльза?

— Здѣсь, въ гостинницѣ.

— Здѣсь?! Она тутъ!.. О, я долженъ сейчасъ-же ее видѣть! закипятился Маннштейнъ. Непремѣнно сію-же минуту... Ахъ, надо-же сообщить объ этомъ ея матери!... Какъ она, бѣдная, обрадовалась, получивъ отъ васъ такую депешу! Идемте-же къ ней!...

Платэнъ удержалъ его.

— Нѣтъ, погодите... Намъ не слѣдуетъ сегодня тре-

Библиотека "Руниверс"

вожить ни ту, ни другую. Подождемъ до утра. фрейлейнъ Эльза такъ еще разстроена, что нуждается въ полнѣйшемъ покоѣ... Вы себѣ и представить не можете, въ какомъ она теперь положеніи...

— Что вы говорите!... Но... что-же съ ней?..

Лицо „маленькаго фрейгерра" омрачилось.

— Она не можетъ забыть своего несчастья, своихъ неудачъ... Нервы ея разстроены такъ, что... Я боюсь, не останется-ли она на всю жизнь мрачной, задумчивой...

— Неужели?... Ахъ, Боже мой!.. Но, позвольте, вѣдь надо-же дать знать г-жѣ Штейнъ, что дочь ея тутъ, въ этомъ самомъ домѣ!.. Она жаждетъ ее увидѣть... Она— знаете-ли?—сама говорила мнѣ, что оплакивала Эльзу, какъ умершую — и вдругъ — дочь ея жива!.. Поймите это... Ну, какже ей не сообщить сейчасъ-же?!..

— Нѣтъ, отложимъ ужъ это до завтра... Такъ какъ ей сегодня все равно нельзя видѣть дочери, то зачѣмъ-же ее понапрасну тревожить? Пусть лучше г-жа Штейнъ спокойно проведетъ остатокъ ночи...

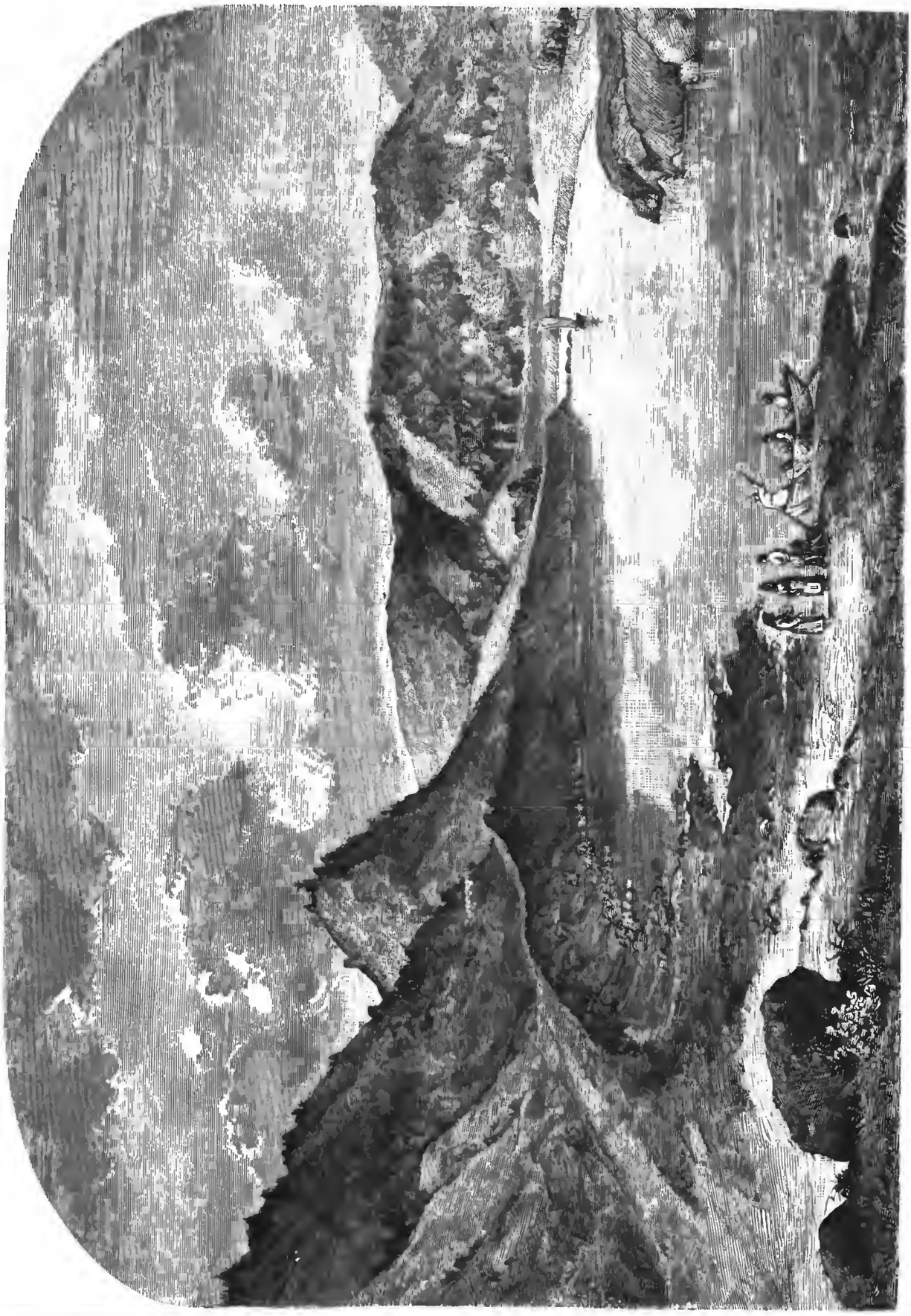
Платэну удалось наконецъ урезонить фрейгерра.

— Да и вамъ пора-бы отдохнуть, прибавилъ онъ.

— Мнѣ-то? Спать?! возразилъ Маннштейнъ. Ну, нѣтъ — благодарю-съ! Во-первыхъ, я совсѣмъ не знаю усталости, а, во-вторыхъ, люди моихъ лѣтъ вообще ску-

Аделина Патти въ роли «Гретхенъ». Рис. Вольдо, грав. Грабе.

Библиотека "Руниверс"



Берега Нѣмана. Рис. съ натуры Горницкій, грав. Е. Ничт.

Библиотека "Руниверс"

пеньки на сонъ... Я. знаете, теперь считаю потеряннымъ каждый проспанный часъ!.. Разскажите-ка мнѣ лучше, какъ вы обрѣли Эльзу и какія трудности пришлось вамъ преодолѣть?..

Молодой человѣкъ разсказалъ ему все, скрывъ разумѣется то, что не нашелъ нужнымъ передавать, помня обѣщаніе данное имъ любимой дѣвушкѣ.

— Ну-съ, а знаетъ Эльза, что вы ее искали?

— Не знаетъ, да я и не желалъ-бы, чтобы она это знала *теперь*... Когда нибудь послѣ — пожалуй; пусть прежде поправится.

— Гм! Но почему-же послѣ?..

— А потому, что теперь это обнаружило-бы мою... мою любовь! Ужъ слишкомъ-бы ясно вышло...

— Тѣмъ лучше!

— Ну, нѣтъ... Я знаю въ какомъ она теперь состояніи. Сердце ея не способно теперь откликнуться ни на какую любовь... Мнѣ удалось снискать ея довѣріе— довольствуюсь и этимъ. Быть можетъ, со временемъ, это чувство превратится въ любовь,.. Ну, тогда я буду счастливѣйшимъ въ мірѣ!... Правда, трудно справиться съ сердцемъ, но, если разсудокъ говоритъ: „Не торопись!" я долженъ ему повиноваться... И я твердо рѣшился поступить такъ, а не иначе.

Фрейгерръ покачалъ головой. Онъ не совсѣмъ хорошо понялъ Платэна, но не сталъ ему противорѣчить. Тутъ они разстались.

Утромъ, на другой день, Эльза увидѣла свою мать... Описывать-ли эту трогательную встрѣчу? Дѣвушка не могла удержать слезъ и, не смотря на всѣ ласки матери, долго-долго не успокоивалась. Она разсказала ей все, что пережила за это время, что выстрадала... Такая исповѣдь нѣсколько облегчила ее.

Фрейгерръ терялъ терпѣніе, но вотъ, наконецъ, г-жа Штейнъ вошла въ его комнату. Онъ бросился къ ней навстрѣчу.

— Ну, что? Какъ вы ее нашли?..

— Бѣдная моя дѣвочка сильно потрясена, отвѣтила она: я не думала, что увижу ее такою разстроенной... И мнѣ кажется, что она потеряла всякую энергію; если и оправится, то не скоро... не скоро!.. Я серьезно опасаюсь... По мнѣнію Маннштейна, путешествіе куда нибудь далеко, всевозможныя развлеченія могутъ благодѣтельно повліять на больную, и онъ сталъ было настаивать на этомъ, но г-жа Штейнъ прямо объявила, что Эльза боится людей, свѣтъ ей противенъ... Она хочетъ скрыться гдѣ нибудь въ глуши, никого не видѣть...

— Я знаю ее, прибавила г-жа Штейнъ: то, чего она хочетъ теперь — едва-ли не самое лучшее для нея. Покой, уединеніе, — вотъ вѣрнѣйшія цѣлительныя средства, къ которымъ она *сама* желаетъ прибѣгнуть.

Маленькій фрейгерръ совсѣмъ просіялъ; глазки его радостно заблестѣли... Надежда улыбнулась ему, надежда, такъ давно лелѣемая имъ!

— А не говорила она о томъ, куда-бы именно хотѣлось ей отправиться... то есть гдѣ-бы она желала скрыться?...

— Нѣтъ. Да это все равно; она готова уйти куда угодно, лишь-бы жить только въ уединеніи.

— Да?.. Ну, можетъ быть, ко мнѣ... въ мое помѣстье?... Вотъ, если-бы вы уговорили...

— И уговаривать не нужно! Эльза безъ малѣйшаго колебанія согласилась ѣхать къ вамъ. Съ моей стороны довольно было одного вопроса...

— Ну, скажите пожалуста! воскликнулъ Маннштейнъ.—И вы только теперь сказали мнѣ это?!... Да вѣдь это мое единственное желаніе!..

— Но я не знала, что вы по прежнему...

— Ахъ, Боже мой! Да, да! Конечно, по прежнему... Идите-же, скажите ей...

— Подите къ ней сами—она зоветъ и васъ, и Платэна.

Маленькій фрейгерръ убѣжалъ...

— Вы—мнѣ—въ тягость?! говорилъ онъ Эльзѣ. Какъ это можно! Вы только подумайте, какая у меня тамъ тишина, глушь... Чудо!.. Лучшаго уединенія вамъ и не найти!.. Вотъ развѣ, весною, птички, соловьи начнутъ пѣть, шумѣть... Комната ваша будетъ окнами въ садъ... Ну да это пріятный шумъ! Не будемъ-же медлить!...

Г-жа Штейнъ думала удержать Эльзу хоть дня на два, чтобы дать ей окрѣпнуть, поуспокоиться, но это ей не удалось, потому что Эльза и старый фрейгерръ просто рвались туда—въ „чудную глушь".

Маннштейнъ телеграфировалъ своему дворецкому, чтобы тотъ немедленно приготовилъ комнаты для гостей. Утромъ, на другой день, г-жа Штейнъ съ дочерью, фрейгерръ и Платэнъ летѣли въ экипажѣ по направленію къ ближайшей станціи желѣзной дороги.

Скверная была погода, дождливая, холодная, мрачная, но на душѣ маленькаго фрейгерра было и свѣтло, и тепло... Онъ былъ убѣжденъ, что Эльзѣ понравится у него и она будетъ счастлива, а это счастье освѣтитъ, можетъ быть, послѣдніе, доживаемые имъ дни.

Платэнъ, отклонивъ предложеніе фрейгерра погостить у него, уѣхалъ въ столицу. Ему хотѣлось, чтобы Эльза осталась одна, такъ какъ онъ все-таки былъ для нея еще *чужимъ*, постороннимъ лицомъ... „Пусть она поуспокоится", думалъ отставной поручикъ и чувствовалъ, что любовь его къ ней превратилась уже въ страсть, и что безъ Эльзы ему и не видать счастья.

Сама судьба столкнула ихъ... Неужели это только игра случая?.. Изъ за этой дѣвушки онъ руки лишился, въ отставку вышелъ, карьеру испортилъ и—все-таки случилось такъ, что *ему* пришлось спасти Эльзу, удержать ее на краю гибели... „Ты спасъ ее для себя!" говорилъ ему внутренній голосъ.

Платэнъ вѣрилъ этимъ словамъ, какъ слову пророчества.

Найти Эльзу—это было его завѣтной мечтою, а потомъ онъ думалъ отправиться въ свое помѣстье, хорошенько заняться хозяйствомъ, словомъ — устроиться, но... исполненіе этого плана было имъ отложено. „Ѣхать туда далеко", а главное ему не хотѣлось надолго разставаться съ любимою дѣвушкою. Живя въ столицѣ, онъ могъ чаще посѣщать фрейгерра... До усадьбы старичка всего-то какихъ нибудь пять — шесть часовъ ѣзды... Соблазнительно, чортъ возьми!.. И онъ остался, а тутъ еще кстати изъ Италіи вернулся братъ Эльзы, съ которымъ Платэнъ и познакомился, даже — подружился. Бесѣдуя частенько съ молодымъ художникомъ, онъ чувствовалъ, какъ въ немъ пробуждалась страсть къ рисованью. Штейнъ старался поддерживать въ Платэнѣ эту страсть, увѣряя его, что можно съ успѣхомъ заниматься живописью, обладая и одной рукою. И дѣйствительно, Платэнъ, усердно принявшись за этотъ трудъ, скоро пріобрѣлъ навыкъ справляться съ помощью одной руки, конечно, благодаря врожденному таланту къ живописи. Дѣло пошло на ладъ. Отдохновеніе отъ трудовъ своихъ онъ находилъ въ домѣ Маннштейна, куда пріѣзжалъ иногда вмѣстѣ съ молодымъ своимъ другомъ. Фрейгерръ радушно встрѣчалъ молодыхъ людей. Пріѣздъ такихъ гостей развеселялъ его.

А что-же Эльза?... Сначала она жила затворницей, избѣгала людей, но, мало по малу, благодаря тишинѣ, уединенію, стала оживать и сближаться съ матерью и фрейгерромъ. Лицо ея уже не имѣло прежняго болѣзненнаго выраженія, что приводило въ восторгъ старичка-хозяина, зорко слѣдившаго за выздоровленіемъ своей дорогой гостьи. Онъ заботливо ухаживалъ за ней, оказывалъ ей кучу маленькихъ услугъ и постоянно ловко отстранялъ благодарность.

— Пожалуста, будьте здѣсь какъ дома! говорилъ фрейгерръ. Вѣдь я—эгоистъ... За что-же вы будете ме-

Библиотека "Руниверс"

ня благодарить? Ну, я просто *для себя* пригласилъ васъ сюда... Если вы меня оставите — правс, не знаю, что тогда будетъ со мною... Одиночества я не вынесу теперь!..

Эмми ф. Мальтэнъ довольно часто посѣщала своего опекуна. Обѣ дѣвушки скоро подружились и полюбили другъ друга. И у той, и у другой было горе; если Эльза избѣгала людей, то и Эмми искала уединенія... Это ихъ сблизило.

А время шло своимъ обычнымъ порядкомъ. Вотъ наступили и рождественскіе праздники. „Маленькій фрейгерръ" затѣялъ устроить ёлку и горячо принялся за это дѣло. „Послѣ столькихъ лѣтъ — въ первый разъ у меня теперь будетъ ёлка!" говорилъ онъ самъ себѣ и радовался, какъ ребенокъ. Приготовленія къ „Елкѣ„ дѣлались въ глубочайшей тайнѣ, потому что старичокъ хотѣлъ порадовать всѣхъ такимъ сюрпризомъ: онъ даже скрылъ это отъ г-жи Штейнъ, которую называлъ своимъ „старымъ другомъ".

Платэнъ и молодой Штейнъ были приглашены фрейгерромъ провести у него всѣ праздники. Старикъ просилъ г-ку Мальтэнъ и Эмми пожаловать къ нему на ёлку (конечно, это сказано было имъ по секрету); сначала онѣ отговаривались, но потомъ согласились... Что́-жъ, вѣдь и для нихъ эта ёлка была *первою* послѣ того страшнаго удара.

Въ самый сочельникъ Платэнъ и Штейнъ выѣхали вмѣстѣ изъ города и полетѣли по направленію къ помѣстью Маннштейна.

Платэнъ молчалъ, задумчиво глядя на кружившіяся въ воздухѣ снѣжинки. „Вотъ, думалъ онъ, скоро... скоро увижу я *ее*!" Сердце у него чувствительно постукивало и губы сохли... „Вы едва-ли узнаете Эльзу (вспомнилъ онъ слова фрейгерра, когда тотъ былъ у него въ городѣ)- такъ она за послѣднее время перемѣнилась къ лучшему! На щекахъ — розы!.. Понимаете?.. Тиха она еще, молчалива, но ужъ не дичится людей, не прячется... Она рада празднику и... и нашему пріѣзду рада, если не ошибаюсь!... Конечно, въ сердце дѣвушки трудненько заглянуть, но ужъ если что туда попало—кончено: крѣпко засядетъ тамъ!"...

— Неужели это правда?.. Неужели *она рада* его пріѣзду? спрашивалъ себя молодой человѣкъ... Если это такъ, то тогда вѣдь... Что́-же тогда?... Нѣтъ, лучше объ этомъ не думать... Надо отогнать эти дерзкія мысли, потому что смѣетъ-ли онъ надѣяться на такое счастье?...

А молодой другъ его, не обращавшій вниманія на кружившіяся въ воздухѣ снѣжинки, былъ, напротивъ, въ самомъ веселомъ настроеніи духа и не подозрѣвалъ даже того, что творится въ сердцѣ его спутника.

— Платэнъ! Да ты это что́-же? крикнулъ Штейнъ. Платэнъ вздрогнулъ.

— Я? А что?...

— Какъ что! У тебя такой видъ, какъ будто насъ за содѣянное уголовное преступленіе везутъ на казнь!.. Ну, нѣтъ, я такъ думаю превесело провести время... Знаешь, этотъ Маннштейнъ—чудесный старичокъ, скажу я тебѣ! Во первыхъ, онъ радуется, когда другіе радуются, во-вторыхъ—въ погребѣ у него винцо... А-ахъ, какое винцо!... Жалѣю я, братецъ, очень даже жалѣю, что мѣсто дворецкаго у фрейгерра уже занято... Согласись, не можетъ-же онъ держать двухъ дворецкихъ!

Тутъ Платэнъ окончательно очнулся и даже спросилъ шутливымъ тономъ:

— А мастерскую тогда цѣликомъ въ погребъ, да?..

— А то куда-же? Самое прохладное мѣсто. И знаешь, я тогда только и изображалъ-бы „питейныя сцены", картины попоекъ... А?.. Отлично удались-бы, канальство!.. Нѣтъ, кромѣ шутокъ, этотъ фрейгерръ—чудакъ. Вѣдь самъ-то едва-едва па́ру стакановъ выпьетъ, а погребище какой содержитъ—страсть!.. Въ послѣдній разъ, помнишь, когда онъ повелъ насъ въ эту „страсть"— я... ну, почувствовалъ къ нему особенное уваженіе, просто—благовѣніе!...

— Въ послѣдній разъ... Да?.. Платэнъ прищурилъ глаза. — Тебѣ, кажется, тогда *вообще* было пріятно... Намъ пришлось встрѣтить въ домѣ фрейгерра, именно въ тотъ день, Эми ф. Мальтэнъ?..

— Будто?.. Не помню что-то...

Щеки живописца слегка покраснѣли при этомъ.

— Что-то не помнишь? Неужели забылъ?

— Ахъ, да́—да̀! Дѣйствительно... Она вѣдь съ матерью своей тогда была... Вспомнилъ!

— Хотя ты и ловко притворяешься, но меня вѣдь не проведешь, проговорилъ Платэнъ съ улыбкой... Отвѣчай: дѣвушка эта не произвела на тебя ни-ка-ко-го впечатлѣнія?.. Не пожиралъ ты ее глазами—а?...

— Н-да, то есть... видишь-ли, я, какъ художникъ, собственно съ... художественной точки зрѣнія пожиралъ! Хорошенькое личико всегда привлекаетъ вниманіе... Вѣдь ты не скажешь-же, что фрейлейнъ дурна?... Развѣ вотъ бюстъ ея немножко, не сложился... Ну-да это ничего: подростетъ она еще, сформируется!...

— И сердце твое—молчитъ?

— Ну, другъ любезный, что касается сердца моего, то оно у меня примѣрнаго поведенія... Благоразумнѣйшее сердце! воскликнулъ Штейнъ: — Никакой такой штуки оно со мной не сыграетъ... Да и кчему-бы это повело?... Живопись еле-еле прокармливаетъ собственную мою персону, а женись я—вотъ и двѣ персоны на лицо!

— Да, но ты забылъ: Эмми—богатая невѣста.

— Извини не—забылъ. Вотъ это-то обстоятельство и представляетъ главную помѣху... Я былъ-бы глупъ, еслибы влюбился въ богатую дѣвушку, потому что... Ну, скажи, развѣ Эмми *фонъ* Мальтэнъ пойдетъ за бѣдняка—живописца, да еще за человѣка, не имѣющаго этой частички—„фонъ?"...

— Художникъ—никогда не бѣднякъ! У него бездна сокровищъ, которыя онъ черпаетъ—

— Прекрасныя словечки! перебилъ Штейнъ смѣясь. Эхъ, другъ, вотъ то-то и горе, что векселя, выданные подъ эти сокровища — не имѣютъ почти никакой цѣнности на рынкѣ. Нѣтъ, намъ, художникамъ, никогда не попасть въ разрядъ богатыхъ!... Что-жъ, это, пожалуй, даже и хорошо, ибо, въ противномъ случаѣ, мы перестали-бы тогда быть настоящими художниками... А— а̀! Вонъ оно—помѣстье-то старичка! Льщу себя пріятной надеждой, что тамъ уже ждетъ насъ бутылочка... Я, знаешь, того... маленько какъ будто прозябъ!

Платэнъ пропустилъ все это мимо ушей—онъ устремилъ глаза на темнѣвшую вдали массу строеній... Все ближе, ближе—вотъ и домъ фрейгерра! Въ которомъ-же окнѣ *она*? Гдѣ?.. Ничего не видно... А сердце-то какъ стучитъ! Платэнъ боялся, какъ бы Штейнъ не услышалъ этой сокровенной стукотни... Неужели-же Эльза... въ самомъ дѣлѣ... *рада* его пріѣзду?!...

Карета подъѣхала къ крыльцу. Самъ „маленькій фрейгерръ" вышелъ и воскликнулъ:

— Добро пожаловать!

Еще лошади не остановились, а ужъ Платэнъ выскочилъ и, крѣпко пожимая руку старику, поглядывалъ по сторонамъ, какъ-бы ища кого-то.

Эльза съ матерью въ комнатѣ у г-жи Мальтэнъ, которая пріѣхала съ Эмми четверть часа тому назадъ, проговорилъ съ улыбкой Маннштейнъ: — ну-съ, пожалуйте въ отведенную для васъ комнату! Да вы, господа, никакъ прозябли?

— Брр! Да-съ, маленько прохватило, замѣтилъ молодой художникъ.

Фрейгерръ повелъ ихъ наверхъ.

Штейнъ, очутившись въ теплой комнатѣ, сейчасъ-же увидѣлъ на столѣ пару бутылочекъ. Хозяинъ еще разъ

Библиотека "Руниверс"

привѣтствовалъ гостей.

— Прошу освѣжиться, оправиться, господа! Оставляю васъ однихъ, чтобы не мѣшать, прибавилъ фрейгерръ: — а какъ согрѣетесь — милости просимъ внизъ. Мы будемъ тамъ ожидать васъ! и онъ ушелъ.

— О, Платэнъ! Зачѣмъ я не родился поэтомъ?! воскликнулъ Штейнъ. — Я-бы воспѣлъ этого почтеннаго старца!

Подойдя къ столу, онъ наполнилъ виномъ два стакана.

— Удивительно, какъ этотъ „маленькій фрейгерръ" знаетъ, что именно благотворно дѣйствуетъ на замерзшую душу смертнаго!. Иди-же бери и—чокнемся!.. Да здравствуютъ всѣ благоразумные люди! На многая лѣта!

Оба выпили. Платэнъ подошелъ къ окну и сталъ обозрѣвать садъ.

— Эхъ, братецъ, куда-жъ ты ушелъ? Нѣтъ, ты къ столу-то сядь... Тутъ—чудесно!

— Неужели тебя не тянетъ повидаться скорѣе съ матерью и сестрой? спросилъ Платэнъ.

— Конечно—тянетъ, но... я не могу-же выйти отсюда, не осушивъ до капли этихъ бутылокъ. Пойми; другъ: одна капля въ состояніи задержать меня здѣсь! Винцо прелесть! Ты взгляни, какъ оно поблескиваетъ... играетъ... У! какое великолѣпіе!

— Значитъ, и Эмми ф. Мальтэнъ не—

— Ахъ, Платэнъ! Я практичнѣе тебя, подхватилъ Штейнъ: видишь-ли, я беру то, что даетъ минута. Теперь, вотъ, виномъ наслаждаюсь, потомъ другимъ буду наслаждаться — лицезрѣніемъ *ея*... Здѣсь навѣрно уютнѣе, чѣмъ тамъ! Тутъ мы и сигарочку воскуримъ— а?...

Платэнъ терпѣлъ, кое-какъ крѣпился: онъ зналъ, что товарищъ его до тѣхъ поръ не выйдетъ изъ комнаты, пока обѣ бутылки не будутъ опорожнены, а потому, чтобы скоротать время, подошелъ къ столу, налилъ стаканъ до краевъ и разомъ осушилъ его. Минутъ черезъ десять въ бутылкахъ и капли вина не осталось.

— Ну, теперь иду съ тобой, произнесъ Штейнъ, вставая:—видишь-ли, дружище, я вѣдь собственно для тебя такъ долго тутъ сидѣлъ!—Онъ улыбнулся и прибавилъ:

— Выпилъ ты малость, а винцо-то окрасило твои ланиты! Вишь какой здоровякъ на видъ! Право, такимъ цвѣтущимъ я тебя никогда не видалъ... А это... гм!... понравится дамамъ... Ну, маршъ!

Платэнъ постарался даже отвернуться отъ Штейна, чтобы скрыть волненіе, и пошелъ впередъ. Вотъ они и внизу.

Когда художникъ здоровался съ матерью своей, Платэнъ подошелъ къ Эльзѣ. Еще на порогѣ комнаты онъ замѣтилъ, что глаза дѣвушки радостно блеснули... Теперь-же она ихъ опустила, а рука ея слегка дрожала въ рукѣ молодаго человѣка.

— Вы долго заставили себя ждать, тихо проговорила Эльза.

Въ это время къ нимъ подошелъ фрейгерръ и, избавивъ Платэна отъ отвѣта, сказалъ;

— Ну, что. не правъ я? Посмотрите-ка, какая она теперь цвѣтущая, здоровая!

— Этимъ я вамъ обязана, вамъ, отвѣтила дѣвушка и подала руку Манштейну—„лучшему своему другу".

— Мнѣ?.. О, нѣтъ! Скорѣе — себѣ самой да тихой, покойной жизни. Я былъ увѣренъ, что здѣсь ты выздоровѣешь и что счастье снова вернется къ тебѣ!...

Старикъ, желая уклониться отъ благодарности со стороны Эльзы, поспѣшилъ оставить ихъ.

— Надѣюсь, что фрейгерръ правъ, замѣтилъ Платэнъ: вы чувствуете себя здѣсь счастливой—да?..

— Я не думала, что мнѣ будетъ тутъ такъ хорошо, отвѣтила Эльза нѣсколько смущеннымъ голосомъ, потому что осталась съ нимъ наединѣ. и. не поднимая глазъ, прибавила: — да, на душѣ у меня поспокойнѣе, многое уже предано забвенію, но... развѣ этого довольно для счастья?..

— Конечно, нѣтъ... Однако-же, это, такъ сказать, фундаментъ, на которомъ построится ваше счастье... У васъ опять есть уже надежды, вы веселѣе глядите впередъ, и я думаю, что будущее васъ не обманетъ. Вамъ теперь—

Штейнъ помѣшалъ этому разговору. Онъ сталъ здороваться съ сестрой, совсѣмъ и не подозрѣвая, какъ сильно огорчилъ своего друга, не во время подойдя къ нимъ.

„Маленькій фрейгерръ" не могъ дождаться вечера и горѣлъ нетерпѣніемъ, такъ ему хотѣлось поскорѣе распахнуть дверь въ гостиную—порадовать всѣхъ сюрпризомъ! А въ гостиной стояла уже ёлка—самимъ имъ разукрашенная; на столикахъ, около елки, лежали подарки... И наступила желанная минута: старикъ растворилъ настежъ двери и пригласилъ гостей своихъ войти въ гостиную. Надо было видѣть его лицо! Онъ, можно сказать, весь сіялъ и казался моложе лѣтъ на двадцать. Подводя каждаго къ назначенному ему подарку, „маленькій фрейгерръ" старался увильнуть отъ всякой благодарности и сейчасъ-же отбѣгалъ къ другому столику, но Эльзѣ удалось таки поймать старичка и развернуть передъ нимъ коверъ. Коверъ этотъ она вышила съ помощью матери въ подарокъ фрейгерру.

— Это вамъ къ письменному столу, сказала Эльза, отдавая ему свою работу.

Манштейнъ съ чувствомъ пожалъ руку дѣвушки. Онъ былъ взволнованъ, растроганъ, хотѣлъ скрыть это, но сердце взяло вверхъ...

— О много, много лѣтъ прошло со дня смерти моей жены, заговорилъ фрейгерръ, и вотъ, только сегодня, въ первый разъ, я опять, наканунѣ праздника, получилъ подарокъ!...

Вспомнилъ онъ тутъ о своемъ дѣтствѣ, о годахъ юности, вспомнилъ и о свѣтлыхъ радостныхъ дняхъ, проведенныхъ съ женою... Все это кануло въ вѣчность! Онъ остался одинокимъ, забытымъ... Длинный сѣренькій день утомилъ его, а между тѣмъ богатство его росло...

— Да, я все могъ купить себѣ—и все таки былъ бѣднякомъ! Какой нибудь маленькій, ничтожный подарокъ доставилъ-бы мнѣ великую радость: я-бы зналъ, что вотъ есть существо, которое подумало обо мнѣ съ любовью... Съ сегодняшняго вечера я ужъ больше не бѣднякъ! Я чувствую, вѣрю, что этотъ подарокъ—предвѣстникъ новаго счастья, которое войдетъ въ мой домъ!..

„Маленькій фрейгерръ" чувствовалъ себя такъ хорошо, что готовъ былъ обнять всѣхъ разомъ и каждаго поочередно.

Весело прошелъ вечеръ. Г-жа Мальтэнъ и Эмми поздно вернулись домой. Маленькое общество также разошлось, потому что старичекъ—хозяинъ порядкомъ таки утомился.

Платэнъ былъ что-то не въ духѣ... Сначала ему показалось, что Эльза его дѣйствительно *любитъ*. Онъ вслушивался въ тонъ ея голоса, взвѣшивалъ каждое ея слово, находилъ, что она говоритъ какъ-то особенно задушевно, а потомъ... сомнѣнія стали одолѣвать его... Отчего-же *она* была такой молчаливой почти весь вечеръ?... Что это значитъ? Почему-же встрѣча имѣла другой характеръ?.. Да, наконецъ, не дерзко-ли съ его стороны искать руки этой прелестной дѣвушки?.. Развѣ она не стала еще лучше съ тѣхъ поръ, какъ румянецъ снова заигралъ на ея щекахъ?... А онъ-то что?... По прежнему калѣка, человѣкъ лишенный карьеры... бѣднякъ.. Доходы его слишкомъ малы для того, чтобы содержать жену такъ, какъ-бы ему хотѣлось... Штейнъ замѣтивъ, что другъ его не думаетъ ложиться спать, полюбопытствовалъ узнать о причинѣ безсонницы. Пла-

Библиотека "Руниверс"

Аида. Картина Шаплера, грав. Паннемакеръ сынъ.

Библиотека "Руниверс"

тэнъ что-то ему отвѣтилъ и попросилъ оставить его въ покоѣ.

— Я вижу—ты разстроенъ, не унимался художникъ... Послушай, ты, можетъ быть, на меня сердишься за то, что я... ну, особенно занимался фрейлейнъ Эмми?.. Она была сегодня очар-ровательна!.. Если ты заинтересованъ ею—ну, скажи мнѣ, откройся, какъ другу... Что́-жъ поговоримъ, объяснимся... а?...

— Ты ошибаешься насчетъ этого, заговорилъ Платэнъ;—я отношусь къ фрейлейнъ Эмми также, какъ и ко всякой дѣвушкѣ; открываться мнѣ не въ чемъ, а потому—покойной ночи! Я спать хочу.

Штейнъ покачалъ головой и порѣшилъ, что ужъ если приходится молчать и ничего не дѣлать —такъ самое лучшее—спать, и онъ минутъ черезъ пять уснулъ богатырскимъ сномъ.

Рано утромъ проснулся Платэнъ, хотя и провелъ тревожную ночь. Въ комнатѣ ему было душно; онъ одѣлся, накинулъ плащъ и, тихонько спустившись съ лѣстницы, пробрался въ садъ. Кругомъ все было тихо. Деревья, разукрашенныя за ночь инемъ, какъ-то празднично блестѣли подъ лучами утренней зари; ни одна вѣтка не шевелилась, ни одинъ звукъ не нарушалъ торжественнаго безмолвія природы... Чудное утро для перваго дня Рождества!

Платэнъ невольно взглянулъ на окно комнаты Эльзы и увидѣлъ тамъ только спущенную штору... Медленнымъ шагомъ, опустивъ голову, пошелъ онъ по аллейкѣ въ глубь сада.

— Нѣтъ, говорилъ онъ самъ себѣ, это свыше моихъ силъ! Лучше вернуться поскорѣе въ городъ... И зачѣмъ я пріѣхалъ сюда? Зачѣмъ не отправился я тогда-же въ свое имѣнье?... Тамъ, можетъ быть, сердце давно успокоилось-бы и исчезъ-бы навсегда мой великолѣпный за̀мокъ...

Повернувъ въ боковую аллею, онъ вдругъ услышалъ чьи-то шаги, подпялъ голову и — остановился. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла Эльза...

Оба были изумлены и не двигались съ мѣста. Изъ подъ большаго платка, который былъ накинутъ на голову дѣвушки, выбивались ея роскошные волосы, обрамляя свѣженькое, слегка зарумянившееся личико.

Платэнъ приблизился къ ней.

— Ахъ, фрейлейнъ! Вотъ никакъ уже не ожидалъ, что встрѣчу васъ здѣсь! воскликнулъ онъ. Вѣдь теперь еще такъ рано... Я былъ увѣренъ, что вы спокойно спите...

Эльза глубоко вздохнула и, повидимому, старалась овладѣть собой.

— Я люблю гулять въ такое время... Утренняя тишина мнѣ особенно нравится...

— Да, утро прелестное! Оно и меня выманило изъ комнаты.. Тамъ мнѣ было тѣсно, душно, но... я не зналъ, не думалъ, что помѣшаю вамъ... здѣсь...

— Чѣмъ-же помѣшаете? Нисколько.

Голосъ ея при этомъ слегка дрогнулъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ — позвольте быть вашимъ спутникомъ?...

Они пошли рядомъ.

. . . . . .

— О, Эльза! Милая, повтори эти слова!..

— Да, я давно тебя люблю! проговорила дѣвушка и быстро обвила руками шею Платэна...

А время летѣло, но они не думали о времени (счастливые часовъ не наблюдаютъ!), они забыли весь міръ, даже не слышали праздничнаго благовѣста... У нихъ въ сердцѣ былъ свой праздникъ! Сколько надо было передать другъ другу мыслей, былыхъ впечатлѣній и просто обмѣняться задушевными словами. Конечно, отсутствіе ихъ было скоро замѣчено, и вотъ самъ фрейгерръ устремился въ садъ, чтобы отыскать тамъ бѣглецовъ. Сердце его билось, предчувствуя что-то радостное... Онъ боялся вѣрить этому предчувствію—и вдругъ, на поворотѣ въ одну изъ аллеекъ, увидѣлъ Платэна и Эльзу—шедшихъ рука объ руку...

Не прошло и двухъ секундъ, какъ Эльза была уже въ объятіяхъ своего *втораго отца*.

— Наконецъ-то, наконецъ! могъ только воскликнуть „маленькій фрейгерръ" и потомъ, нѣсколько оправясь отъ волненія, весело произнесъ:

— А вѣдь я зналъ давно, что онъ любитъ тебя, но не рѣшался сказать тебѣ объ этомъ... Я даже ужъ отчаявался—думалъ, что никогда вамъ не соединиться!.. Ну, теперь, значитъ, все пошло на ладъ... Идемте-же, идемте! Надо всѣмъ объявить о такой радости. Сегодня двойной для меня праздникъ!...

И старикъ почти побѣжалъ къ дому, таща за руку Эльзу, которая въ свою очередь не выпускала руки Платэна.

Дѣйствительно, праздничный выдался денекъ! У всѣхъ были такія радостныя, веселыя лица, а хозяинъ—сіялъ и чувствовалъ себя въ наиріятнѣйшемъ расположеніи духа. Послѣ обѣда, желая переговорить съ Платэномъ наединѣ, онъ утащилъ его въ садъ. „Маленькій фрейгерръ" началъ съ того, что сталъ торопить *жениха* поскорѣе сдѣлаться *мужемъ* Эльзы... „Что тутъ откладывать? Вѣнчайтесь и—баста!"—

— Нѣтъ, придется пообождать, отвѣчалъ Платэнъ: вѣдь мнѣ надо дѣла свои устроить; вотъ, въ имѣнье необходимо съѣздить, кое-что привести въ порядокъ, вообще похлопотать о томъ, о семъ...

— Да зачѣмъ-же?

— Какъ зачѣмъ? Имѣнье мое даетъ мнѣ теперь слишкомъ мало... Я хочу, чтобы Эльзѣ жилось у меня хорошо. Домъ, напримѣръ, нужно будетъ почти за̀ново отдѣлать.

— Домъ? За̀ново?... Неужели вы полагаете, что я когда нибудь отпущу Эльзу, разстанусь съ ней?.. Хе-хе-хе!.. Какъ-бы не такъ!

(Продолженіе будетъ).

Аделина Патти въ роли „Гретхенъ", въ Фаустѣ.

Трудно сказать что либо новое объ Аделинѣ Патти,—всѣ похвалы ей давно уже истощены. Слава «единственной», «несравненной», недосягаемой» дивы обошла весь свѣтъ, прибавить что нибудь еще къ ея безчисленнымъ лаврамъ невозможно. Каждое ея появленіе на сцену есть новое торжество для нее. Публика съ одинаковымъ восторгомъ принимаетъ свою любимицу во всякой роли, въ какой только она ни появляется. На нашей картинкѣ мы видимъ Патти въ роли «Гретхенъ», въ третьемъ актѣ Фауста. Въ невинномъ сердцѣ Маргариты, послѣ первой же ея встрѣчи съ прекраснымъ юношей, западаетъ искра какого-то невѣдомаго ей чувства. Мысли о немъ преслѣдуютъ Гретхенъ, чтобы разсѣять ихъ, она садится за прялку и поетъ пѣсню о Ѳулійскомъ королѣ.

«Жилъ въ Ѳулѣ царь; онъ до могилы
Былъ вѣренъ пламенной душой,
Предсмертный даръ отъ дѣвы милой,
Хранилъ онъ кубокъ золотой».

«Ни съ чѣмъ тотъ кубокъ не равнялся,
И каждый разъ, какъ на пирахъ
Къ нему устами онъ касался,
Отъ слезъ туманилось въ глазахъ».

Чувствуя приближеніе смерти, царь отдалъ сыну все свое царство, оставивъ себѣ одинъ завѣтный кубокъ. Онъ пировалъ въ этотъ день съ своей дружиной въ прадѣдовскомъ замкѣ, уподножія котораго чернѣлась морская пучина.

«И вотъ онъ, выпивъ кубокъ полный
Съ послѣдней жизненной струей,
Металлъ священный бросилъ въ волны
Съ невыразимою тоской.

Библиотека "Руниверс"

Когда же мутною волною
Онъ скрылся, бездной поглощенъ,
Глаза царя покрылись тьмою,
Сомкнулъ на вѣкъ ихъ смерти сонъ».

Не вдаваясь въ подробности исполненія роли Маргариты г-жею Патти, скажемъ только, что игра ея создаетъ именно тотъ чистый, благоуханный образъ, какимъ рисуется Гретхенъ въ нашемъ воображеніи. Каждое движеніе артистки тонко оттѣнено, каждый жестъ обдуманъ, выразителенъ и вполнѣ отвѣчаетъ духу музыкальной драмы.

Аделина Патти, или маркиза Ко, уже пережила свою юность, но къ счастію въ ея голосѣ не замѣчается еще ни малѣйшаго упадка. Таже серебристая чистота, таже мягкость тембра, таже легкость въ исполненіи самыхъ трудныхъ пассажей, удивлявшіе въ артисткѣ при первыхъ ея дебютахъ, во всей силѣ сохранились и теперь. Что же мудренаго, что всѣ такъ рвутся хоть разъ услышать Патти, что, какъ говорится, яблоку негдѣ упасть въ театрѣ или концертѣ, когда поетъ знаменитая примадонна, а такъ хорошо сохранившаяся свѣжесть голоса артистки обѣщаетъ ей еще много лѣтъ самыхъ блестящихъ успѣховъ.

Стихотворенія.

1.

Здѣсь тѣнь и прохлада надъ тихой рѣкою,
Подъ сводомъ душистыхъ вѣтвей,
И близко, незримый за частой листвою,
Послѣдній поетъ соловей.

* * *

Забудь же о зноѣ пройденной дороги,
Не думай о новомъ пути —
Довольно найдешь еще думъ и тревоги,
И много придется идти!

* * *

Спѣши освѣжиться прохладой и тѣнью,
И пѣснею страстно-живой,
И будь благодаренъ душой провидѣнью
За этотъ нежданный покой.

2.

Все тихо! какъ призракъ туманный
Ночь блѣдная въ окна глядитъ...
Въ груди молотокъ неустанный
Слабѣй и слабѣе стучитъ.

* * *

Куда-то, безслѣдно теряясь,
Обрывками мысли плывутъ,
Куда-то во мглу погружаясь
И страсти и слезы не жгутъ...

* * *

Далеко и страсти и слезы!
Вся жизнь—ужъ промчавшійся стонъ!
Лишь мигъ, и душистыя грезы
Посыплетъ спасительный сонъ...

Вс. С—въ.

Берега Нѣмана.

Нѣманъ беретъ свое начало въ Минской губерніи, въ Игуменскомъ уѣздѣ, при деревнѣ Заблоцѣ. Протекая черезъ Минскую, Виленскую и значительную часть Гродненской губерніи, онъ служитъ границей между литовскими и польскими областями, течетъ южной частью Ковенской губерніи; отсюда оставляя Россію позади, несетъ свои быстрыя волны въ прусскія владѣнія, гдѣ извѣстенъ подъ именемъ Мемеля. Близъ Тильзита, раздѣлившись на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ главные: Руссе и Гилье—онъ вливается въ Куришт-Гофъ.

Въ Россіи Нѣманъ протекаетъ 830 в. а судоходенъ только на протяженіи 730, вся же длина его 912. Ширина подъ Юрбургомъ достигаетъ 135 саженъ, а разливъ доходитъ до 8 верстъ.

Теченіе Нѣмана очень быстро, такъ что русло его часто мѣняется. Благодаря песчаному дну и этому быстрому теченію, образуются большіе наносы и мели, вслѣдствіе чего онъ пробиваетъ себѣ другое русло, а слѣдами стараго остаются заливы и озера по берегамъ.

Отъ этихъ наносовъ рѣка сильно мелѣетъ. Прежде судоходство по Нѣману производилось весьма дѣятельное, теперь же оно только возможно весной и осенью. Кромѣ мелей онъ представляетъ для судоходства и другія неудобства: Нѣманъ изобилуетъ порогами, особенно въ среднемъ теченіи: такъ между Ковной и Гродной насчитываютъ ихъ больше пятидесяти. Они извѣстны въ тѣхъ мѣстахъ подъ именемъ быстринъ, а самые опасные—*бичей*.

Для торговаго пути, каковъ Нѣманъ, подобное русло представляетъ очень много неудобствъ, вслѣдствіе чего не разъ пытались исправлять его. Подобныя попытки были еще при Ягеллонахъ и при Сигизмундѣ Августѣ. Хотя онѣ и заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, но принесли сравнительно очень немного пользы. Въ XVIII в. принялся за эту работу Нарвоинъ и благодаря различнымъ техническимъ приспособленіямъ, значительно улучшилъ русло, чѣмъ оказалъ большую услугу Нѣманскому судоходству. Насколько значительна услуга Нарвоина можно судить потому, что было предположено воздвигнуть ему памятникъ изъ камней, вынутыхъ со дна Нѣмана.

Перейдемъ теперь къ берегамъ этой быстрой и, такъ сказать капризной рѣки. Правый берегъ, какъ у большинства рѣкъ, выше лѣваго; послѣдній болѣе отлогъ, хотя мѣстами также утесистъ какъ и правый

Составъ нѣманскихъ береговъ песчанъ и каменистъ. Мѣстами встрѣчаются наслоенія красной глины, изъ которой мѣстные жители выдѣлываютъ кирпичъ и домашнюю посуду, что и составляетъ одинъ изъ прибрежныхъ промысловъ. Кромѣ глины на берегахъ Нѣмана добывается много мѣла, предполагаютъ даже, что и ложе его мѣловое. Въ значительномъ количествѣ, напримѣръ, ломается онъ близъ Гродно и доставляется оттуда въ Ковно. По обѣ стороны Нѣмана тянутся хвойные лѣса съ роскошнымъ чернолѣсьемъ, тучными лугами и богатой береговой растительностью. Песокъ, которымъ изобилуетъ Нѣманъ, причиняетъ ей однако большой вредъ; терпятъ отъ него и жители. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наносится его такъ много, что заноситъ дома по самыя окна, заставляя жителей переселяться въ другія мѣста. Такіе случаи не рѣдки въ западной части Гродненской губерніи. Глубина наноснаго песку принудила отмѣнить желѣзную дорогу, проектированную изъ Гродно въ Вильно черезъ Меречь и проложить ее черезъ Лиду.

За то въ той же Гродненской губерніи, гдѣ такіе грустные, безжизненные ландшафты съ кучами наноснаго песку, есть и другіе, составляющіе имъ яркую противоположность.

Въ сѣверо-западномъ углу этой губерніи, при впаденіи Ротничанки въ Нѣманъ, лежитъ мѣстечко Друскеники, получившее свое названіе отъ литовскаго слова drusca—соль. Оно расположено на крутыхъ берегахъ Нѣмана и рѣзной Ротничанки, покрытыхъ кустарникомъ и тѣнистыми садами изъ тополей, каштановъ, березъ и липъ.

Видъ на эти двѣ рѣки изъ Друскеникъ открывается на нѣсколько верстъ, тогда какъ съ южной и восточной стороны даль заслонена сосновымъ лѣсомъ, то рѣдкимъ на песчаныхъ холмахъ, то густымъ въ долинахъ, орошаемыхъ пропадающимъ въ чащѣ ручьемъ. Лѣсъ, сбѣгающій къ Нѣману, расчищенъ для гулянья.

Природа какъ будто нарочно позаботилась о развлеченіи больныхъ, отведя имъ мѣсто въ такомъ живописномъ уголкѣ.

Друскеники—минеральныя воды, пользующіяся большой популярностью. Отъ 15-го мая до 15-го сентября на нихъ съѣзжается до полуторы тысячи больныхъ. Обстроены они очень мило: отъ устья Ротничанки, подъ острымъ угломъ къ Нѣману, протянулась на востокъ главная улица—Нѣманскій проспектъ, обсаженный тополями и каштанами. По направленію къ песчанымъ холмамъ, на ровной мѣстности построены ряды хорошенькихъ домиковъ съ садиками для посѣтителей минеральныхъ водъ. По другую сторону Нѣманскаго проспекта выстроенъ вокзалъ въ готическомъ вкусѣ съ галлереей и башенными часами, тутъ же и тѣ девять соленыхъ ключей, отъ которыхъ это мѣстечко получило свое названіе. Купальни отдѣлены отъ мѣстечка обширнымъ бульваромъ. На берегахъ Нѣмана много другихъ минеральныхъ водъ; Друскеники изъ нихъ только самыя извѣстныя. Обиліе соли по берегамъ рѣки замѣтно во многихъ другихъ мѣстахъ гдѣ и нѣтъ значительныхъ источниковъ.

Красивое мѣстоположеніе Друскеникъ не составляетъ исклю-

Библиотека "Руниверс"

За серьезнымъ дѣломъ. Картина Тульмума, гравир. Дюмонъ.

Библиотека "Руниверс"

ченія на берегахъ Нѣмана. Крутыя скалы, высокія горы самыхъ затѣйливыхъ формъ, бѣлоснѣжныя вершины мѣловыхъ возвышенностей, ущелья покрытыя разнороднымъ лѣсомъ и кустарниками, прорѣзанныя множествомъ водостоковъ, озера и рѣчные заливы, вотъ картины Нѣманскихъ береговъ.

Немало легендъ и историческихъ фактовъ связано съ этими живописными берегами. Такъ напримѣръ въ Ковно существуетъ одно преданіе, которое, всего вѣроятнѣе, обязано своимъ происхожденіемъ красотѣ той мѣстности, въ которой оно сложилось. Недалеко отъ Ковно есть гора и теперь извѣстная подъ именемъ Алексоты. Преданіе говоритъ, что на ней въ древности находился алтарь съ капищемъ, посвященнымъ богинѣ любви Алексотѣ или Мильдѣ. Какъ видно эта богиня была у литовцевъ въ особенномъ почетѣ. Одно изъ предмѣстій Ковно и теперь носитъ ея имя. До сихъ поръ мѣстные колдуны зовутся у крестьянъ mildawnikas. Остатковъ древности по Нѣману вообще много. Жаль только, что ихъ неберегутъ время и люди. Такъ въ шести верстахъ отъ Друскеникъ, не особенно давно провалился большой замокъ Райгродъ, и теперь на его мѣстѣ лежитъ болотистая долина. Самъ Нѣманъ какъ будто старается объ уничтоженіи своихъ историческихъ памятниковъ, подмывая изъ года въ годъ свой правый берегъ.

АИДА.

Мы уже имѣли случай знакомить нашихъ читателей съ талантливыми картонами французскаго художника Шаплена.

Чувствительная потеря. Рис. Зюсъ, грав. Руффъ.

«Аида», которую мы помѣщаемъ въ нынѣшнемъ номерѣ «Нивы», была обязана своимъ происхожденіемъ одному изъ чудеснѣйшихъ образовъ Байроновской музы. Это одна изъ героинь знаменитой поэмы Байрона «Донъ Жуанъ». Она спасаетъ Жуана, когда тотъ во время кораблекрушенія бросается въ волны и опѣ приносятъ его къ незнакомымъ берегамъ. Онъ находится въ Греціи. Спасительница его, дочь морскаго разбойника Ламбро. Молодая гречанка страстно влюбляется въ Донъ-Жуана; она нѣсколько недѣль скрываетъ его въ пещерѣ, гдѣ они проводятъ много счастливыхъ часовъ. Какъ только отецъ уѣзжаетъ на разбой, она ведетъ своего возлюбленнаго въ свой домъ. Вдругъ приходитъ извѣстіе, что Ламбро погибъ въ пути, и тутъ Донъ-Жуанъ съ Аидой, въ упоеніи счастья, забываютъ все на свѣтѣ. Теперь имъ не для чего прятаться въ пещерѣ, они свободны... дни летятъ быстро, пиры, одинъ другаго безумнѣе, больше и больше туманятъ голову страстной дочери юга. Вдругъ во время одного изъ такихъ пировъ, возвращается считавшійся погибшимъ Ламбро. Онъ хочетъ убить Жуана; Аида, со всѣмъ жаромъ любви защищаетъ его, но Ламбро, не внемля ея просьбамъ, велитъ слугамъ схватить Донъ-Жуана; послѣдній умерщ-

Библиотека "Руниверс"

вляетъ нѣсколькихъ человѣкъ, однако его связываютъ, тащатъ на корабль и отправляютъ въ далекій край, откуда бы онъ не могъ больше нарушать мира въ домѣ Ламбро.

Но тщетно старается Ламбро утѣшить дочь. Съ ней дѣлается горячка; двѣнадцать дней и двѣнадцать ночей борется она со смертію. Ламбро призываетъ арфиста, чтобы онъ развеселилъ Аиду; но веселые звуки еще сильнѣе раздражаютъ ея горе, и она, во всемъ блескѣ молодости и красоты, умираетъ въ тоскѣ по своемъ возлюбленномъ.

За серьезнымъ дѣломъ.

(Изъ большаго письма Зины А**. къ вѣрѣ Б**).

...Я не шучу, ma chère Vèra, я сдѣлала ужасное открытіе... Представь; я ничего не знаю, ну, совсѣмъ ничего! А вѣдь всего-то годъ, какъ мы оставили пансіонъ. Развѣ мало мы учились? Помнишь, какую громадную кипу тетрадокъ исписали? Неужели для того только и трудились писать и переписывать, чтобы всю эту массу исписанной бумаги подарить потомъ дѣвицамъ, перешедшимъ въ старшій классъ?...

Какъ только кончились экзамены и я очутилась дома — изъ головы все вылетѣло, а если что и удержалось — перепуталось, перемѣшалось ужасно! Александръ Македонскій,.. Маріинская система... Какой-то Вестфальскій миръ... Васко де Гама... Димитрій Самозванецъ... Азотъ... Кислородъ... Давалагири... Съ тобой тоже самое было — да?... Но это меня не безпокоило и я чувствовала себя хорошо, даже полагала, что мнѣ, какъ дѣвицѣ взрослой, образованной, остается только читать романы и повѣсти, да брянчать на рояли... Теперь все это—прочь!...

Вообрази: пришлось опять учиться! Да, да! Не смѣйся. Bien riga, qui riga le dernier, ma chèrie! Вотъ ужъ никакъ не думала, что въ моихъ рукахъ снова очутится серьезная, скучная книга... Но... Знаешь-ли? Странное дѣло! То, что я *теперь* прочитываю (замѣть: не зубрю!)—остается у меня въ головѣ, прекрѣпко держится. Это, можетъ быть, потому, что въ пансіонѣ мнѣ задавали выучить, а тутъ я сама себѣ задаю... Не такъ-ли? И цѣль ужъ другая: я хочу то и то *знать*, а не выучить. Это большая разница. Ахъ, какъ мнѣ это нужно!...

Ты, пожалуй, спросишь: «что-же такое случилось съ тобой, бѣдная Зина? Откуда все это?»..

Я всегда была съ тобою откровенна, ma chèrie, а потому и теперь не стану секретничать... Все, все разскажу! И ты, смотри, ничего отъ меня не скрывай, помни: мы дали другъ другу клятву ничего не утаивать. Ну, читай дальше.

Помнишь, я тебѣ какъ-то писала, что *онъ* сталъ чаще являться въ нашъ домъ, т. е. каждую пятницу (это наши jours fixes). Сначала я думала, что онъ дѣлаетъ это ради Анны Андреевны (племянницы папа) и, признаться, немножко волновалась, завидовала ей... Но въ послѣдній разъ — убѣдилась, что... Ну да однимъ словомъ—поздравь меня съ *новымъ* чувствомъ! Я—счастлива. Чувствую, что живу, и главное—хочу жить! Прежде мнѣ какъ-то и въ голову не приходили вопросы: живу-ли *я*? Хочу-ли жить? А теперь... Какъ-бы это тебѣ объяснить?.. *Я сама себя чувствую*. Кругомъ какъ-то все измѣнилось... къ лучшему... блеску въ глазахъ стало больше. Мама даже замѣтила и спросила: «Что это, Зина, у тебя глаза искрятся? Не лихорадка ли?».. Не помню, что я ей отвѣтила, но только если это отъ лихорадки... то—о, какая это пріятная лихорадка! Отъ души желаю тебѣ, chère Vèra, заболѣть такъ!

Ну, вотъ, какъ только я убѣдилась, что *онъ* только ради меня бываетъ у насъ по пятницамъ—сейчасъ же не взлюбила Анну Андреевну. Она, видишь ли, умѣетъ заставить обратить на себя вниманіе, умѣетъ поддержать разговоръ, даже—споритъ *съ нимъ*, а я—нѣтъ. Конечно, я въ десять разъ красивѣе ея, но она всегда меня перещеголяетъ, потому что начитаннѣе, знаетъ больше... Ты, можетъ быть, подумаешь, что Анна Андреевна кокетка? О, нѣтъ же, нѣтъ! Кокетства у нея столько же, сколько у коровы... Я вижу, что ему съ нею скучно... Конечно, онъ старается отдѣлаться отъ этой особы и подсѣсть ко мнѣ, но... я вѣдь не могу быть такой занимательной!.. На прошлой недѣлѣ, въ пятницу (во время контреданса) я съ *нимъ* разговаривала и—къ ужасу увидѣла, что не могу поддержать разговора—знаешь, серьезнаго разговора, напр. о политикѣ... Говорилъ онъ, а я слушала, впрочемъ, на вопросы, по неволѣ, давала отвѣты... такіе маленькіе отвѣты! У меня даже стали уши горѣть. Я рѣшилась употребить всѣ старанія, чтобы быть не хуже Анны Андреевны относительно causerie. Но какой это трудъ!.. Заговоривъ о герцеговинцахъ, *онъ* спросилъ меня: сочувствую ли я имъ, слѣжу ли за событіями на Балканскомъ полуостровѣ? Я, разумѣется, отвѣтила утвердительно—и только. Вообрази: ну, знаю. гдѣ-то тамъ вспыхнуло возстаніе, а кто эти герцеговинцы, чьи они, сколько ихъ—ничего не знаю. Балканскій полуостровъ! Знакомыя слова.. «Законы Литурга»—тоже слова знакомыя, а какіе именно законы—хоть убей, не помню! Вотъ Италію знаю, она въ видѣ большаго сапога съ кривымъ каблукомъ, а Балканскій полуостровъ?.. Въ Азіи или въ Европѣ? Ужасное положеніе!.. Нечего дѣлать, спросила у брата Ѳедя (онъ гимназистъ),.. Смѣется противный мальчишка! «Ты, говоритъ, если хочешь заняться современной политикой—читай газеты, а если знаніями запастись желаешь—совѣтую покороче познакомиться съ нашимъ книжнымъ шкафомъ».

Ну, я и завязала знакомство со шкафомъ. Вотъ уже шестой день серьезно занимаюсь чтеніемъ разныхъ полезныхъ книгъ. На свои деньги купила брошюрку «Герцеговина»... Прочла и теперь отлично знаю, въ чемъ дѣло. Герцеговинцы—это жители турецкой провинціи, они - славяне.

Ахъ, Vèra, но сколько въ этомъ шкафу книгъ! Есть такія заглавія, что, право, только плечами пожмешь... Напримѣръ: «Теорія и практика банковаго дѣла», «Языкъ чувствъ». Непремѣнно прочту.

Ну, однако, до свиданья, ma chère! Отправляюсь къ новому своему знакомцу—большущему книжному шкафу. Надо посмотрѣть, нѣтъ-ли тамъ чего о ссудныхъ коммерческихъ банкахъ? Всѣ говорятъ о какомъ-то Струсбергѣ, сорвавшемъ въ Москвѣ ссудный банкъ... Ничего не понимаю!.. А завтра вѣдь пятница .. Пожалуй, и *онъ* заговоритъ со мной объ этой исторіи... Что-жъ—глазами мнѣ хлопать?.. Я увѣрена, что прелестная Анна Андреевна знаетъ все, рѣшительно все и о Струсбергѣ, и о всякихъ ссудныхъ банкахъ. Ни за что ей не уступлю!

Позволь поцѣловать тебя 350 разъ!

Твоя Зина А.

PS. Совѣтую тебѣ не терять времени и на *всякій случай* заняться серьезнымъ чтеніемъ. Ахъ—да! У меня новая шляпка. Прелесть что такое! Но если бы ты видѣла мое новое выѣздное платье—ты бы ахнула! Оно—стальнаго цвѣта, съ вышивкой, и представь... Нѣтъ, въ слѣдующій разъ опишу его тебѣ, а теперь, честное слово, некогда... Бѣгу къ книжному шкафу!

Съ подлиннымъ вѣрно.

В.

Политическое обозрѣніе.

Въ прошлый разъ, указавъ на перемѣну, происшедшую въ принятомъ европейскими державами положеніи относительно событій на Балканскомъ полуостровѣ, мы привѣтствовали въ ней новый, болѣе серьезный, фазисъ, въ который повидимому, вступилъ восточный вопросъ. До сихъ поръ, однако, къ сожалѣнію, поворотъ этотъ, кромѣ чисто внѣшняго значенія, не лишеннаго, конечно, извѣстной доли важности, ни къ какимъ еще практическимъ результатамъ не привелъ. Результаты эти, по нашему мнѣнію, находятся въ прямой зависимости отъ степени рѣшимости кабинетовъ приступить къ чему нибудь дѣйствительному, выйдти изъ очарованнаго, но безплоднаго круга, въ которомъ вся дѣятельность ограничивается «заявленіями», «внушеніями», «представленіями» и т. п. Пока-же этого не будетъ, то дипломатіи и остается лишь переходить отъ одного бѣднаго послѣдствіями «фазиса» къ другому, настолько-же богатому ими. Если первый былъ фазисомъ колебаній, то, настоящій можетъ быть названъ фазисомъ проектовъ реформъ. Дѣйствительно, въ то время, какъ льется кровь, гибнетъ отъ холода и голода почти цѣлое населеніе страны, разыгрывается вопросъ «быть или не быть» большаго государства, и наступаетъ моментъ, отъ котораго будутъ зависѣть будущія отношенія... Все, что предпринимается, въ виду надвигающейся грозы—сводится къ полумѣрамъ, къ созданію проектовъ, одинъ непримѣнимѣе и несообразнѣе другаго. Готовитъ проекты Порта и ея различные сановники, какъ Серверъ-Паша и другіе. Нечего и говорить о томъ, что эти реформы, игнорируя то, что одно составляетъ цѣль возставшаго народа — независимость, не выходятъ изъ предѣловъ такихъ широкихъ благодѣяній, какъ «отмѣна десятины» и замѣна ея денежною податью, справедливое распредѣленіе поземельнаго налога, ограниченіе произвола мусульманскихъ землевладѣльцевъ надъ христіанскимъ, сельскимъ населеніемъ, участіе христіанъ (въ родѣ Констана-эффенди, вѣроятно) въ дѣлахъ «управленія» и т. д. Насколько все это заключаетъ въ себѣ залогъ дѣйствительнаго благосостоянія, насколько представляетъ гарантій—можно видѣть изъ уроковъ прошлаго. Не отстаетъ, по извѣстіямъ европейской печати, въ дѣлѣ «приготовленія» проектовъ и Австрія. «Daily telegraph» знакомитъ и съ произведеніемъ графа Андраши, которое, по сво-

Библиотека "Руниверс"

ей сущности, не далеко ушло отъ своего турецкаго собрата: «полное равенство христіанъ въ правахъ съ мусульманами; допущеніе первыхъ къ военной службѣ, взиманіе податей съ христіанъ христіанами-же, суды, составленные на половину изъ мусульманъ» вотъ главныя основанія плана составленнаго Австрійскимъ министромъ. Странно какимъ образомъ можетъ не бросаться въ глаза вся «теоретичность» подобнаго рода предложеній? Нельзя-же предполагать, чтобы, при этомъ, съ намѣреніемъ отворачивались отъ дѣйствительныхъ потребностей. Мы предпочитаемъ, скорѣе, отнестись съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ газетному сообщенію, хотя оно идетъ по словамъ органа, изъ положительнаго и достовѣрнаго источника. Изъ всѣхъ слуховъ о реформистскихъ предложеніяхъ, проектахъ и планахъ, наибольшаго вниманія заслуживаетъ, конечно, сообщенное такимъ серьезнымъ органомъ, какъ берлинская «національная газета» извѣстіе относительно соглашенія между державами заявить Портѣ требованіе, чтобы нынѣшній визирь Махмудъ-Паша сохранилъ свой постъ на 5 лѣтъ, чтобы на Балканскомъ полуостровѣ были образованы новыя полу-самостоятельныя, по образцу Сербіи и Румыніи, государства, платящія дань Турціи, или чтобы нѣкоторые министры назначались изъ христіанъ, и, наконецъ, чтобы представители державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ, участвовали въ важныхъ случаяхъ, въ совѣщаніяхъ константинопольскаго кабинета. Воздерживаясь отъ подробнаго разбора всѣхъ этихъ проектовъ, и ограничиваясь только указаніемъ на большую или меньшую удаленность ихъ отъ истинныхъ потребностей христіанъ и громко заявленныхъ ими желаній и стремленій, мы не можемъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что изъ сопоставленія дѣятельности дипломатіи съ прогрессивнымъ ходомъ событій, только вывели то утѣшительное заключеніе, что событія эти, такъ сказать, ведя за собой дипломатію на буксирѣ, заставятъ ее, самою силою вещей, придти къ тому, къ чему стремятся неуклонно христіанъ Турціи. Нельзя не придти къ этому взгляду при одномъ только сравненіи первыхъ нерѣшительныхъ шаговъ европейскихъ кабинетовъ съ теперешними заявленіями ихъ... А жизнь, дѣйствительность, между тѣмъ, идутъ своимъ путемъ, не обращая вниманія ни на какія искуственныя комбинаціи. Успѣхъ инсургентовъ въ сраженіяхъ, такая побѣда, какъ дѣло при Муратовичахъ (31-го октября и 1-го ноября) упорно держащійся и все болѣе и болѣе распространяющійся слухъ о сношеніяхъ Сербіи и Черногоріи, въ видахъ общаго и рѣшительнаго образа дѣйствій, соотвѣтствующаго желаніямъ населеній этихъ княжествъ—все это имѣетъ свое важное значеніе... Что касается впрочемъ великихъ державъ и ихъ намѣренія сохранить принятое относительно другъ друга положеніе, то въ этомъ отношеніи достаточнымъ указаніемъ служитъ послѣднее сообщеніе нашего Правительства, разсѣявшее всѣ слухи о мнимыхъ вооруженіяхъ Россіи.

Нельзя не упомянуть о другомъ крупномъ фактѣ послѣдняго времени, не лишенномъ связи съ восточнымъ вопросомъ. Мы говоримъ о покупкѣ Англіею у хедива принадлежавшихъ ему 177 тысячъ акцій компаніи Суэзскаго канала, на сумму 100 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Сколько бы ни старалось англійское правительство смягчить значеніе этого пріобрѣтенія, придавая ему смыслъ исключительно экономической мѣры, не заключающей въ себѣ никакой угрозы для будущаго, но—неопредѣленность разрѣшенія восточнаго вопроса, худо скрывавшійся прежде и уже открыто вышедшій наружу въ настоящее время страхъ за Константинополь, наводятъ на ту мысль, что Англія, руководясь соображеніями дальновидной политики, считаетъ, быть можетъ, нужнымъ обезпечить себя отъ всякихъ случайностей.

Кабинетъ Бюффе, выйдя побѣдителемъ изъ борьбы по поводу способа голосованія, потерпѣлъ полную неудачу при выборахъ въ Сенатъ. Шесть министровъ, предложенные въ сенаторы, не имѣли успѣха, который въ настоящую минуту вполнѣ на сторонѣ лѣвой партіи, успѣвшей до сихъ поръ добиться избранія 15 своихъ кандидатовъ, тогда какъ правой удалось провести только двухъ.

Библіографія.

Наши чудодѣи. Лѣтопись чудачествъ и эксцентричностей всякаго рода. Составилъ Касьянъ Касьяновъ. I. Графъ Хвостовъ. II. Ганинъ. III. Брызгаловъ. IV. Боярскій шутъ. V. Савва Яковлевъ. VI. Добавленіе къ монографіи «Графъ Хвостовъ».—С.-Петербургъ. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою 1 р. 80 к. Продается у книгопродавца И. Л. Тузова (Б. Садовая, д. Пажескаго Корпуса, № торговли 9).

Составитель этой книги задался мыслью представить портреты нѣкоторыхъ особъ, заявившихъ себя особенно оригинально. Книжка эта вѣроятно представляетъ только *первый* выпускъ. Сборникъ Касьяна Касьянова — это яркая иллюстрація къ исторіи нашей общественной жизни. У насъ вообще плохо знаютъ исторію и эти отдѣльныя портреты и картинки кое-что объясняютъ желающимъ *получить объясненія* и отвѣтятъ имъ на нѣкоторые вопросы. Къ сожалѣнію, люди, имѣющіе досугъ и желающіе «что-нибудь почитать» мало интересуются нашимъ прошлымъ. Любой фактъ, любая «злоба дня» имѣютъ непремѣнно связь съ прошедшими фазами развитія общества. Такія личности какъ «драматургъ» Ганинъ, поэтъ графъ Хвостовъ и богачъ-садомуръ Савва Яковлевъ во многихъ отношеніяхъ интересны. Составитель, обнаруживъ умѣнье группировать факты, разсказывать довольно живо и занимательно о русскихъ эксцентрикахъ, къ сожалѣнію, не совсѣмъ спокойно отнесся къ описываемому: мѣстами, увлекшись, онъ восклицаетъ, напр. «умора»! Какъ бы желая этимъ пособить читателю воскликнуть послѣ прочтенія именно такихъ-то и такихъ строкъ.

Наша библіотека. I. Среди природы. II. Въ своемъ кругу. А. Острогорскаго. Цѣна обоимъ выпускамъ по 1 р. 50 к. Книга «Среди природы» рекомендована для чтенія воспитанницъ среднихъ и высшихъ классовъ институтовъ и женскихъ гимназій и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній признана полезною для возрастныхъ библіотекъ военныхъ гимназій и прогимназій. Хорошихъ книжекъ для юношества у насъ вообще мало, а между тѣмъ спросъ на нихъ увеличивается съ каждымъ днемъ. За исключеніемъ книгъ Н. Вагнера, сказокъ Андерсена, Гофмана, Жоржъ Занда, да еще двухъ-трехъ—нѣтъ почти ни одной порядочной, стоющей своей цѣны. Въ самомъ дѣлѣ, гг. издатели дѣтскихъ книжекъ назначаютъ такія увѣсистыя цѣны, что просто приступу нѣтъ. Что касается этихъ двухъ выпусковъ «нашей библіотеки», г. Острогорскаго, то, не смотря на солидную цѣну ихъ, первый—«Среди природы» заслуживаетъ одобренія. Нѣкоторыя изъ статеекъ, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ, положительно хорошо написаны (*Куда дѣвался дождь.—Свѣтъ.—Электричество.—Громъ и молнія*), и, полагаемъ, заинтересуютъ дѣтей. О второй книжкѣ, «Въ своемъ кругу», можно сказать, что и она не безъ достоинствъ. Укажемъ на лучшія статейки въ ней: *Колюшки, Моя бѣлка, Няня, Голубиная почта, Старыя книги.*—Рисунки, приложенные къ обоимъ выпускамъ, очень хороши, что, можетъ быть, и обусловливаетъ высокую стоимость этихъ книжекъ. «Наша библіотека» можетъ служить прекраснымъ подаркомъ на елку,

Кола ди-Рієнзи, послѣдній римскій трибунъ. Историческій романъ Эдуарда Литтонъ Бульвера. Переводъ съ англійскаго, цѣна 2 рубля.

Имя Э. Л. Бульвера хорошо извѣстно русской читающей публикѣ. Вышеозначенный романъ относительно достоинствъ и недостатковъ мало отличается отъ другихъ произведеній этого англійскаго романиста «старой школы», до конца своей жизни оставшагося вѣрнымъ своимъ традиціямъ и взглядамъ на искуство. Обладая творческою силою и поэтичностью, Э. Л. Бульверъ былъ блестящимъ представителемъ англійской беллетристики «аристократическаго» оттѣнка. Книга эта можетъ доставить много удовольствія тѣмъ, которымъ особенно нравятся «историческіе романы». Переводъ довольно удаченъ, хотя мѣстами и тяжеловатъ.

Герцеговина въ историческомъ, географическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Спб 1875 г.. стр. 60, Ц. 75 к. *съ пересылкою.* Брошюрка эта даетъ довольно подробныя свѣдѣнія о той странѣ, которая въ настоящее время обратила на себя вниманіе всей Европы. Составлена она добросовѣстно, и можетъ познакомить читателя съ характеромъ положенія вообще христіанъ въ Турціи. Особенно интересна статья о податяхъ и налогахъ, платимыхъ герцеговинцами. Къ книжкѣ этой приложена опрятно-изданная карта Герцеговины.

Смѣсь.

Чувствительная потеря.

Обратите вниманіе на двухъ воробьевъ, схваченныхъ, какъ видно, съ натуры талантливымъ художникомъ Зюссъ. Пара сѣренькихъ супруговъ отправились позавтракать. Скоро они замѣтили небольшую кучку зеренъ, разсыпанныхъ подъ кустомъ, и тутъ же какое-то странное орудіе... Супругъ, можетъ быть, предостерегалъ супругу, указывая на эту странную штуку, но супруга не обратила вниманія на воробьиныя фразы своего сожителя и... и дорого поплатилась! Въ «странной штукѣ» остался весь ея хвостикъ!.. Чортъ возьми! Потеря чувствительная!.. Скорѣе домой... Она летитъ и жалобно пи-

Библиотека "Руниверс"

щитъ, а супругъ (замѣтьте, какая у него ехидная физіономія?) стоитъ, растопыривъ ножки, и кричитъ ей вслѣдъ на своемъ воробьиномъ языкѣ: «Что взяла? Вѣдь говорилъ—а? Вотъ тебѣ и сюрпризъ!».. И вы думаете, что объ этомъ печальномъ событіи не будетъ извѣстно всѣмъ прочимъ воробьямъ этой мѣстности?..

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

Высочайшее повелѣніе.

О правахъ состоянія вдовъ священно-служителей и церковныхъ причетниковъ православнаго и армяно-григоріанскаго исповѣданій. Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе оберъ-прокурора святѣйшаго синода о правахъ состоянія вдовъ священно-служителей и церковныхъ причетниковъ православнаго и армяно-грегоріанскаго исповѣданій, и согласаясь въ существѣ съ заключеніемъ Высочайше утвержденнаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Въ измѣненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановить: вдовы непринадлежащихъ къ потомственному дворянству священно-служителей и церковныхъ причетниковъ православнаго и армяно-грегоріанскаго исповѣданій, если и сами онѣ не имѣютъ, по происхожденію, правъ высшаго состоянія, пользуются: вдовы священно служителей—правами личнаго дворянства, а вдовы церковныхъ причетниковъ правами личнаго почетнаго гражданства.

II. Права вдовъ священно-служителей и церковныхъ причетниковъ на пособія отъ епархіальныхъ попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія, или на другіе существующіе по духовному вѣдомству способы призрѣнія—оставить безъ измѣненія.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 11-го октября 1875 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Дѣла церкви.

Бесѣды съ старообрядцами Кишеневской епархіи, открытыя 5-го октября, какъ передаетъ газета „Современность", непрерывно продолжаются и бываютъ каждое воскресенье. 12-го октября бесѣдовали о клятвахъ собора 1667 года; 19 октября—о книжномъ исправленіи; 26—о достопоклоняемомъ имени: Іисусъ; 2 ноября—о формѣ креста и о печати на просфорахъ; 9 ноября—о седмипросфоріи. Старообрядцы, опасавшіеся вначалѣ, что за высказанныя ими мнѣнія они могутъ быть подвергнуты отвѣтственности, робко выступали съ своими возраженіями. Теперь старообрядцы поняли, что къ нимъ относятся искренно и съ сердечнымъ участіемъ, и не боятся не только говорить откровенно, но и приносятъ на бесѣду свои книги и читаютъ изъ нихъ для доказательства справедливости своихъ мнѣній. Съ православной стороны ведутъ пренія священникъ о. Григорій Милкинъ и наставникъ семинаріи І. М. Пархомовичъ; а со стороны старообрядцевъ купецъ Ѳ. П. Малинниковъ. возбуждающій сочувствіе къ себѣ и разумностію и умѣренностію своихъ разсужденій и взглядовъ и своею скромностію Преосвященный Павелъ, епископъ кишиневскій и хотинскій, каждый разъ самъ несетъ трудъ разъясненія старообрядцамъ церковныхъ истинъ и опроверженія ихъ неправильныхъ мнѣній. Православные присутствуютъ на бесѣдахъ не только изъ любопытства, но и для религіознаго наученія.

Военное дѣло.

По словамъ „Турк. Вѣд.», въ Коканѣ, въ настоящее время, господствуетъ сильное волненіе; народъ раздѣлился на партіи, враждебныя между собою. Одни хотятъ призвать Пулата-бека и поставить его ханомъ, другіе—стоятъ за Султана-Мурата, бывшаго бека мар-енланскаго (брата Худояра-хана)

— «Русск Инв.» пишетъ, что на дняхъ въ крѣпости Брестъ-Литовскѣ происходила ночная стрѣльба изъ крѣпостныхъ орудій при магнито-электрическомъ освѣщеніи. Стрѣльба производилась на 550 саженъ по неокрашенной мишени. Результатъ стрѣльбы превзошелъ всякія ожиданія: изъ 16-ти выпущенныхъ снарядовъ попало 8, т. е. 50%; мишень повреждена весьма сильно. Такой блестящій результатъ произошелъ отъ вполнѣ яснаго освѣщенія мишени; она была видна положительно лучше, чѣмъ днемъ. Такое, повидимому странное, явленіе объясняется весьма просто: поле, въ настоящее время все покрыто снѣгомъ и потому мишень днемъ не вполнѣ ярко выдѣляется отъ снѣга. тогда какъ въ темную ночь весь свѣтъ, лежащій впереди мишени, способствуетъ увеличенію силы свѣта фонаря, а сзади мишени не видно ничего, и вслѣдствіе этого, мишень выдѣляется еще лучше. какъ бы на темномъ фонѣ.

— О значеніи, которымъ пользовались кипчаки въ коканскомъ ханствѣ, въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ слѣдующее: кипчаки, со времени Магедъ-Али-хана (около 1840 года), имѣли въ ханствѣ огромное, рѣшающее вліяніе. Это вліяніе началось съ того времени, когда племянникъ Магедъ-Алихана, Ширъ-Али-ханъ, спасаясь отъ мести своего дяди, убѣжалъ къ кипчакамъ. Кипчаки радушно приняли изгнанника и, пользуясь своимъ вліяніемъ на выросшихъ въ ихъ средѣ сыновей Ширъ-Али-хана: Сарымсакъ-хана, Молля-Хана, Суфи-бека, Худояра и Султанъ-мурата, начали вмѣшиваться въ дѣла ханства. Они стали поддерживать права на престолъ сыновей Ширъ-Али: Молля-хана и Худояръ-хана, и пользуясь то малолѣтствомъ, то неспособностью ихъ, мало по малу, прибрали къ своимъ рукамъ верховную власть въ ханствѣ. Старшіе, наиболѣе выдающіеся по своему уму и способностямъ люди, были обыкновенно регентами ханства (какъ напр., Мусульманъ-кулъ и Алимъ-кулъ). Чтобъ пріобрѣсти себѣ сильныхъ приверженцевъ, составить свою партію, они всегда замѣщали главныя должности въ ханствѣ людьми своего рода, кипчаками. Устанавливалась кипчакская гегемонія въ ханствѣ, пока протестъ и волненіе въ народѣ не свергали на время кипчакскаго господства. Но должно замѣтить, что воинственные кипчаки чаще господствовали надъ мирными и невоинственными таджиками, аборигенами всего здѣшняго края. Такимъ образомъ, кипчаки привыкли, въ теченіе 30-тилѣтнихъ, почти безпрерывныхъ, смутъ, считать себя племенемъ господствующимъ въ ханствѣ. Когда, послѣ махрамской побѣды, все ханство заявило свою покорность главному начальнику войскъ, генералу Кауфману, только одни кипчаки, «господствующее» въ Коканѣ племя, не изъявили покорности и не прислали въ русскій лагерь своихъ старшихъ людей. Волненія въ Коканѣ (лѣтомъ нынѣшняго года), имѣвшія послѣдствіемъ бѣгство Худояръ-хана и провозглашеніе газавата—священной войны во имя ислама, возбудилъ, какъ извѣстно, кипчакъ Абдуррахманъ-Автобачи (сынъ Мусульманъ-кула), подстрекаемый другимъ такимъ-же фанатикомъ, муллою Исса-ауліе.

Петербургъ и Москва.

— Главное управленіе общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія списокъ тѣхъ предметовъ, которые особенно желательно получить, какъ добровольное приношеніе дѣлу помощи жертвамъ возстанія и раненымъ въ Босніи и Герцеговинѣ.

1) Всякаго рода цѣльное бѣлье, мужское, женское и дѣтское, носильное, постельное, столовое.

2) Суконныя и фланелевыя издѣлія, какъ-то: халаты, одѣяла, фуфайки, капоты, валеные сапоги, туфли.

3) Мѣховыя издѣлія: шубы, полушубки.

4) Сукна, фланель, бумазея, клеенка 2-хъ сторонняя, полотно въ кускахъ.

5) Всякаго рода мѣдная и жестяная посуда, кухонная, столовая, походная.

6) Предметы довольствія и госпитальные матеріалы: чай черный, кофе, сахаръ, песокъ сахарный, шоколадъ, виноградное вино, водка, спиртъ, ромъ, коньякъ; консервы и экстракты разные, швейцарское молоко, мука Нестли, табакъ, сигары, папиросы, сухари, свѣчи стеариновыя.

Пріемъ поименованныхъ и всякихъ другихъ пожертвованій, матеріальныхъ и денежныхъ, открытъ въ помѣщеніи главнаго управленія, по Большой Морской, въ домѣ № 46, отъ 12 до 3 часовъ пополудни, ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней.

Упаковка предметовъ, посылаемыхъ въ Черногорію, начнется 9 сего декабря.

— 29 ноября содержавшійся подъ арестомъ въ городскомъ частномъ домѣ, директоръ коммерческаго ссуднаго банка Ландау, въ виду его болѣзни, какъ передаетъ „Рус. Міръ", переведенъ изъ одиночнаго заключенія подъ домашній арестъ, съ примѣненіемъ къ нему узаконенныхъ правилъ для содержимыхъ подъ стражей.

— «Русск. Міръ» передаетъ, что, въ виду открывшейся возможности для женщинъ заниматься адвокатурою, нѣкто г. Танѣевъ предполагаетъ ходатайствовать о разрѣшеніи ему открыть въ Москвѣ женскіе юридическіе курсы. Сверхъ того, одно изъ частныхъ московскихъ женскихъ учебныхъ заведеній предполагаетъ съ будущаго года ввести въ общій курсъ преподаваемыхъ предметовъ курсъ права для двухъ старшихъ классовъ и, въ непродолжительномъ времени, намѣрено поручить выработать программу курса одному, принадлежащему къ судебному вѣдомству, лицу, которому будетъ поручено и самое преподаваніе.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Неизвѣстному въ с. Лысково: доставленные въ пользу жертвъ возстанія въ Герцеговинѣ 4 р. 50 коп., сданы 2 сего Декабря въ Главное Управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ подъ квитанцію за № 35. **Г. Бровъ въ Кіевѣ:** доставленные Вами 50 коп., въ пользу жертвъ возстанія въ Герцеговинѣ, сданы въ то-же Главное Управленіе 2 сего Декабря подъ квитанцію за № 35.

СОДЕРЖАНІЕ: Подарки, подносимые Русскимъ царямъ иностранными послами (съ 2-мя рисунками). — **Кто выигралъ?..** (Изъ современной уголовной хроники). Романъ **Ф. Фридриха** (продолженіе). — Аделина Патти въ роли «Гретхенъ», въ Фаустѣ (съ рисункомъ). — Стихотворенія **Вс. С—въ.** —Берега Нѣмана (съ рисункомъ) — Аида (съ рисункомъ). — За серьезнымъ дѣломъ (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе. — Библіографія. — Смѣсь. — Разныя извѣстія.— Почтовый ящикъ.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

При этомъ № прилагается для гг. иногор. подписч. два объявл. отъ книжныхъ магазиновъ: 1) Колесова и Михина въ СПБ. 2) отъ Земскаго въ Москвѣ.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 8 Декабря 1875 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб. Больш. Морская, д. № 8. Тип. Безобразова, Адмиралт. пр. № 10.

Библиотека-Универс

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 51 — 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Вышелъ 17 Декабря 1875 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжный магазинъ *И. Гр. Соловьева, А. Ланзъ* и *А. Живарева* . . . . . 4 р. 50 к.

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечка Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.*)

*) ПОЧТОВЫХЪ МАРОКЪ *НЕ* ПРИНИМАЕТСЯ, а просимъ высылать этотъ полтинникъ серебромъ.

Попъ Богданъ Зимоничъ.

Фамилія Зимоничей въ Герцеговинѣ весьма извѣстна и уважаема. Она происходитъ изъ Гацко и члены ея всегда были «кнезами», т. е. начальниками или предводителями племени и пользовались даже у турокъ уваженіемъ. Несмотря на то, при всякомъ взрывѣ мусульманскаго фанатизма, Зимоничамъ первымъ, какъ кнезамъ и приходилось терпѣть и больше другихъ чувствовать тяжесть турецкаго ига, потому что они тотчасъ же являлись на защиту своихъ.

На нихъ обрушивалась фанатическая ярость герцеговинскихъ ренегатовъ и мусульманъ.

Заслуги Зимоничей весьма важны. По смерти кнеза Луки Зимонича (1780) въ концѣ прошлаго столѣтія, когда турки строго запретили христіанамъ въ Герцеговинѣ строить новыя и поправлять старыя церкви и колокольни, сынъ кнеза Луки—Іованъ Зимоничъ отправился самъ изъ Гацка въ Константинополь и выпросилъ у султана фирманъ. Онъ построилъ въ Гацко 7 православныхъ церквей. И вотъ потомъ въ отмщеніе, турки все больше придирались къ кнезу Іовану и успѣли наконецъ вызвать его изъ Гацка въ Травникъ, тогдашнее мѣстопребываніе боснійскихъ визирей. Тамъ его и убили. Послѣ этого туркамъ нетрудно уже было овладѣть цѣлымъ Гацкомъ.

Такъ дѣла продолжались до Измаилъ-Ченгичъ-аги, при которомъ возрасло вліяніе Ачима Зимонича. Ачиму наслѣдовалъ въ 1852 году сынъ его Богданъ, попъ, который еще въ молодости отличался храбростью и благоразуміемъ, такъ что привлекъ къ себѣ не только народъ, избравшій его воеводою но и Али-Пашу - Ризвинбеговича, утвердившаго это избраніе. Послѣ войны съ Черногоріею въ 1851 — 53 годахъ, попъ Богданъ успѣлъ испросить амнистію бѣжавшимъ въ Черно-

Попъ Богданъ Зимоничъ, одинъ изъ вождей Герцеговинскаго возстанія. Гравир. И. Гуттари.

Библиотека "Руниверс"

горію гачанамъ. Впрочемъ, самъ онъ въ 1859 году попалъ въ турецкую тюрьму за то, что гачане подожгли въ Крестцѣ нѣсколько турецкихъ домовъ. Князь Черногорскій Даніилъ выхлопоталъ ему освобожденіе. Пользовался свободой Зимоничъ не долго и въ 1860 году Дервишъ паша, тогдашній главнокомандующій оттоманскими войсками въ Герцеговинѣ, во время своихъ неистовствъ въ Босніи, снова заключилъ его въ темницу въ Мостарѣ, гдѣ его даже приковали къ стѣнѣ. Но черногорскій князь Николай I хлопоталъ за него. Богданъ получилъ свободу, благодаря этому покровителю и ходатайству русскаго консула Безобразова въ Мостарѣ. Во время герцеговинскаго движенія (1861—62 года), попъ Богданъ предводительствовалъ своими храбрыми гачанами въ сраженіяхъ при Пивѣ и въ Дужскихъ ущельяхъ при Никшичахъ. Послѣ черногорской войны въ 1862 г., когда Гацко все еще оставалось подъ властью турокъ, попъ Богданъ жилъ въ Черногоріи и пользовался вниманіемъ и благоволеніемъ князя Николая. Когда вспыхнуло нынѣшнее возстаніе въ Невесиньскомъ округѣ, попъ Богданъ принялъ въ немъ живое участіе, былъ поставленъ во главѣ гачанъ, которымъ велѣлъ взяться за оружіе, занялъ съ ними Метохію, столицу Гацко, сильный турецкій фортъ Крестецъ и нѣсколько турецкихъ блокгаузовъ, Корыто, Церницу и проч. и былъ въ Косіеровскомъ собраніи вождей выбранъ верховнымъ вождемъ всего возстанія. Его отрядъ находится въ центрѣ Герцеговины, занимая дороги съ одной стороны—между Крестцомъ и Билечемъ, гдѣ онъ сильно безпокоилъ турокъ, преграждая имъ сообщеніе между крѣпостями Никшичемъ, Билечемъ и Доброю. Попу Богдану около 56 лѣтъ, онъ крѣпокъ и силенъ, высокъ ростомъ и хорошо сложенъ; носитъ черные длинные волосы; сѣдина тронула только его длинную, густую бороду. Держитъ онъ себя очень скромно, но охотно говоритъ, только къ сожалѣнію слишкомъ тихо, такъ что надо внимательно слушать, чтобы его понять. Эта привычка вѣроятно образовалась отъ чтенія молитвъ. Его игра «узъ гусле» (сербскій національный инструментъ) давно несомнѣнно пользуется заслуженною извѣстностью. Подъ аккомпаниментъ тихихъ звуковъ меланхолическихъ «гусле» поютъ сербы свои народныя думы и своимъ дѣтямъ передаютъ въ героическихъ пѣсняхъ славныя дѣянія отцовъ своихъ. Попъ Богданъ дѣйствительно замѣчательный пѣвецъ. Пока онъ жилъ между своими въ Гацко, онъ уже былъ извѣстенъ далеко этимъ искуствомъ. Народъ собирался толпами къ нему и со слезами и бурнымъ одушевленіемъ слушалъ прекрасныя пѣсни и разсказы о славныхъ подвигахъ черногорцевъ при владыкѣ Даніилѣ I, о подвигахъ и побѣдахъ великаго воеводы Мирко Петровича, о владыкѣ Петрѣ... «Надо было видѣть, (говоритъ корреспондентъ «Русскаго Міра», знакомый лично съ Зимоничемъ), какъ горѣли его черные глаза, когда онъ пѣлъ въ полутемныхъ хатахъ своего народа, котовый жадно слушалъ его. Этотъ народъ его высоко чтитъ и горячо любитъ. Этотъ народъ знаетъ, что за него попъ Богданъ много вытерпѣлъ, что за него онъ шелъ въ цѣпяхъ въ турецкія темницы».

Б—ъ.

Кто выигралъ?...

(Изъ современной уголовной хроники)

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

Глазки старика засверкали. Заложивъ руки за спину, онъ проговорилъ съ разстановкой:

— Здѣсь будетъ ваша свадьба, здѣсь вы и останетесь. Вѣдь Эльза богата... Вы и не знаете еще, какая она невѣста!... Ни слова! И слушать васъ не хочу!.. А вы вотъ что: пока ничего не говорите ей объ этомъ... Мнѣ хочется сдѣлать ей сюрпризъ!.. Только торопите ее—понимаете—торопите!... Это уже будетъ ваше дѣло. Пиръ... свадьба... „молодые“ въ моемъ домѣ... О, я и самъ помолодѣю!..

Платэну такъ и не удалось сдѣлать ни одного возраженія.

Дня черезъ два „маленькій фрейгерръ“ уѣхалъ въ городъ, не сказавъ никому, зачѣмъ онъ отправляется туда. Пріѣхавъ въ резиденцію, онъ пошелъ прямо къ нотаріусу, къ тому самому нотаріусу, который уже два раза составлялъ для него духовное завѣщаніе.

— Ну-съ, вотъ я и опять къ вамъ явился! весело заговорилъ Маннштейнъ. Я хочу уничтожить послѣднюю мою духовную, замѣнивъ ее новой. Эта новая, по счету—третья, будетъ уже *окончательной*, послѣдней... Понимаете?

— Хорошо-съ. Значитъ, вы примирились съ вашимъ племянникомъ? спросилъ нотаріусъ.

— Съ племянникомъ?... При-ми-рился?...

— Ну-да, я хотѣлъ сказать...

— Какъ могла придти вамъ въ голову подобная мысль?.. Вѣдь вы-же знаете, что я лишилъ его наслѣдства?.. Какъ я рѣшилъ—такъ и должно быть. Между мною и *этимъ* племянникомъ ничего нѣтъ общаго. Все порвано.

Фрейгерръ произнесъ эти слова самымъ рѣшительнымъ тономъ.

Нотаріусъ помолчалъ съ секунду, потомъ кашлянулъ и сказалъ:

— Вашъ племянникъ терпитъ въ настоящее время крайнюю нужду. Положеніе его весьма критическое...

Старикъ равнодушно пожалъ плечами.

— Самъ онъ виноватъ. Что посѣялъ, то пожнешь.

— Все это такъ, но... мнѣ-бы хотѣлось уговорить васъ не покидать его совсѣмъ...

— Что-же побуждаетъ васъ просить за него?

— Онъ писалъ мнѣ, представлялъ свое бѣдственное положеніе и просилъ меня постараться смягчить васъ, чтобы вы были къ нему по возможности милостивѣе... Онъ—въ страшномъ отчаяніи, что и видно изъ письма. Пишетъ, что у него даже нѣтъ средствъ—утолить голодъ!...

— Просилъ васъ постараться? повторилъ фрейгерръ.

— Да, настоятельно просилъ...

— Онъ вѣдь и ко мнѣ писалъ нѣсколько разъ, но... только ни разу не обращался съ просьбою: напротивъ, въ письмахъ своихъ онъ грозитъ мнѣ!... А такъ какъ я отношусь равнодушно къ его угрозамъ, то письма эти и остались безъ отвѣта.

— Но, г. фрейгерръ, баронъ Александръ ф. Зельдитцъ — *послѣдній* представитель одной изъ древнихъ фамилій, замѣтилъ нотаріусъ:—неужели-же вы не протянете руки погибающему?... Неужели имя,бывшее вамъ столь дорогимъ, будетъ затоптано имъ въ грязь, въ конецъ осрамлено, опозорено?...

Фрейгерръ выпрямился, брови его сдвинулись, а лицо приняло выраженіе такой рѣшимости, что можно было впередъ сказать, что всѣ попытки поколебать старика смягчить его будутъ тщетны.

— Вы не совсѣмъ во время напомнили мнѣ объ этомъ, заговорилъ Маннштейнъ. Не потому я наслѣдства его лишилъ, отрекся отъ него, что онъ лично противъ меня провинился, а потому, что онъ запятналъ свое имя, замаралъ свою честь! Да, баронъ Зельдитцъ забылъ, что онъ послѣдній представитель древней фамиліи, всегда высоко державшей знамя чести. Знаю я, что нынче многіе считаютъ дворянство явленіемъ отжившимъ; говорятъ, что все это вздоръ... Что-жъ, дворянство само виновато тутъ, оно само себя побиваетъ! Что касается меня, то я крѣпко держусь за него и горжусь имъ, однако-же говорю: если представители этого сословія хотятъ имѣть значеніе, то пусть непрестанно заботятся о пріобрѣтеніи такого значенія, указываютъ на свои заслуги. Вѣдь дворянское имя *само по себѣ* не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ мѣщанскимъ?.. И вотъ, я требую отъ того, кто носитъ „благородное“ имя, двойной осторожности, осмотрительности, чтобы ни малѣйшаго пятнышка не было на немъ... Тотъ,

Библиотека "Руниверс"

кого я называю своимъ племянникомъ, объ этомъ-то именно и забылъ! Онъ злоупотреблялъ своимъ именемъ, совершилъ безчестные поступки, пользуясь дворянствомъ, знатностью рода... Этого я никогда, никогда ему не прощу! Завѣтной мечтой моей было оставить племяннику все состояніе, передать ему и имя мое... Онъ разрушилъ и эту надежду. Я хочу теперь, по возможности, загладить содѣянное имъ зло, искупить его грѣхъ: все имущество мое должно перейти къ той, которую онъ такъ глубоко оскорбилъ... *Эльза Штейнъ* будетъ моей наслѣдницей. Прошу васъ написать завѣщаніе въ этомъ смыслѣ.

Нотаріусъ медлилъ... Эта новость совершенно поразила его. Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ почти воскликнулъ:

— Г. фрейгерръ! И вы хотите все, рѣшительно все завѣщать — мѣщанкѣ?! Извините, я... я не могу еще опомниться!

— Какъ я порѣшилъ—такъ и будетъ. Никто не въ состояніи измѣнить моего рѣшенія! произнесъ старикъ. Я полагаю, что поступаю вполнѣ благородно, стараясь уничтожить то зло, которое *дворянинъ* причинилъ *мѣщанкѣ*. Очень можетъ быть, что нѣкоторые, узнавъ объ этомъ, станутъ качать головой, но... я привыкъ поступать такъ, какъ нахожу справедливымъ. Порицанія, одобренія, похвалы *другихъ* никогда не имѣли на меня вліянія... Ну-съ, и такъ, потрудитесь приняться за составленіе духовной!

Нотаріусъ исполнилъ желаніе Маннштейна. Фрейгерръ прочелъ бумагу съ чрезвычайнымъ вниманіемъ, потомъ твердой рукой подписалъ свое имя и попросилъ нотаріуса изготовить сейчасъ-же копію съ завѣщанія.

— Подпись ваша, конечно, должна быть засвидѣтельствована на этой копіи. Скажите вашему помощнику, чтобы онъ не забылъ приложить печать. Когда все будетъ готово—прошу васъ обѣ бумаги эти доставить мнѣ въ гостинницу. Мнѣ хочется сегодня-же представить въ судъ мое новое завѣщаніе. Еще разъ прошу васъ исполнить мою просьбу!

Нотаріусъ обѣщалъ не задержать въ городѣ Маннштейна, и дѣйствительно, не прошло и четырехъ часовъ, какъ „маленькій фрейгерръ" летѣлъ уже въ свою усадьбу. Копія духовной лежала у него въ карманѣ. Онъ то и дѣло что ощупывалъ ее, причемъ представлялъ радость Эльзы, когда она получитъ отъ него эту бумагу...

Г-жа Штейнъ, Эльза, братъ ея и Платэнъ встрѣтили фрейгерра въ гостиной.

— А я вѣдь привезъ тебѣ кое-что!... Ну-съ, пожалуйте-ка сюда, къ окошечку, пригласилъ онъ Эльзу. Она подошла къ нему.

— Вотъ, прочти-ка это! Сначала я имѣлъ намѣреніе поднести тебѣ этотъ листикъ въ день твоей свадьбы, какъ свадебный подарокъ, но... раздумалъ: такъ будетъ лучше!

Эльза принялась читать завѣщаніе и вдругъ, поблѣднѣвъ, а потомъ покраснѣвъ, воскликнула:

— О, нѣтъ... нѣтъ! Ужъ это слишкомъ много! Я не могу... не могу принять отъ васъ этого!

— Э, пустяки, дитя мое! и „маленькій фрейгерръ" весело улыбнулся.—Я вѣдь обѣщался искупить грѣхъ моего племянника, загладить зло, причиненное имъ тебѣ. Онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы жениться на мѣщанкѣ—ну, такъ вотъ пусть-же наслѣдство его и перейдетъ къ Эльзѣ Штейнъ!

Дѣвушка наконецъ пришла въ себя, бросилась на грудь „маленькаго фрейгерра" и зарыдала... Мать Эльзы, молодой Штейнъ и Платэнъ подошли къ нимъ... Описывать-ли ихъ изумленіе?... Трогательная вышла сцена.

— Пóлно-же, пóлно, дитя мое! Успокойся! упрашивалъ старикъ. Вѣдь это я для себя сдѣлалъ, право-же для себя! Мнѣ хотѣлось удержать здѣсь тебя и Платэна, чтобы не остаться опять одинокимъ... Вы, я знаю, люди добрые, вы будете терпѣливо переносить капризы старика!.. Ну довольно-же, довольно!.. Ради Бога—не благодарите меня... Мнѣ, право, это тяжело!..

Онъ вырвался изъ крѣпкихъ объятій и убѣжалъ въ свою комнату... На сердцѣ у „маленькаго фрейгерра" было такъ свѣтло, отрадно, весело, какъ будто самаго его посѣтило великое счастье.

Наступила весна. Зазеленѣла молодая листва. Въ домѣ фрейгерра была таки порядочная суетня, такъ какъ шли приготовленія къ свадьбѣ Платэна и Эльзы. Самъ хозяинъ заправлялъ всѣмъ дѣломъ, и хотя хлопоты эти отнимали у него много времени—онъ, повидимому, находилъ величайшее удовольствіе „безпокоить" себя такимъ образомъ. За послѣднее время старикъ, можно сказать, помолодѣлъ; строгое выраженіе лица его совсѣмъ исчезло; прогуливаясь по своимъ полямъ, онъ останавливался, чтобы поболтать съ рабочими, распрашивалъ ихъ объ житьѣ—бытьѣ и, отходя, молча совалъ имъ въ руки деньги, если узнавалъ, что у нихъ кто нибудь захворалъ или явилась крайняя нужда въ деньгахъ. Такимъ добрякомъ „маленькій фрейгерръ" былъ и прежде, когда еще жена его была жива. То были счастливые дни и вотъ они вернулись къ нему!

Эльза полюбила старика такъ, какъ только можетъ полюбить отца нѣжная дочь. Она ухаживала за нимъ, старалась угадать его желанія, словомъ—няньчилась съ нимъ.

— Охъ, балуешь ты меня, милочка, балуешь! говорилъ „маленькій фрейгерръ" улыбаясь. — Ну, какъ я безъ тебя-то останусь? Вотъ, уѣдете вы послѣ свадьбы путешествовать... Опять тутъ будетъ тихо, пусто!...

— Такъ мы не поѣдемъ — вотъ и все! восклицала Эльза, которой не особенно хотѣлось путешествовать.

Старикъ не соглашался на это: дѣло въ томъ, что ему самому хотѣлось, чтобы „молодые" уѣхали куда нибудь на нѣсколько недѣль, и онъ настаивалъ на этомъ, потому что желалъ воспользоваться ихъ отсутствіемъ и—обновить свой домъ. Парадныя комнаты порядкомъ постарѣли, полиняли — ну, и нужно было все заново отдѣлать. О новой своей затѣѣ онъ сообщилъ только г-жѣ Штейнъ, зная, что она его не выдастъ. Г-жа Штейнъ дала слово молчать и на все время работъ обѣщалась уѣхать погостить къ профессору. Для Платэна и Эльзы готовился новый, великолѣпный сюрпризъ.

Насталъ наконецъ и день дѣвичника.

Все въ домѣ приняло блестящій, праздничный видъ, да и гостей съѣхалось довольно, потому что фрейгерру хотѣлось, вопреки желанію Эльзы, шумно отпраздновать дѣвичникъ, и онъ настоялъ на своемъ. „Этимъ я хочу показать всѣмъ, какъ я люблю тебя и какъ я счастливъ!" говорилъ онъ дѣвушкѣ, потирая весело свои руки.

Платэнъ и Штейнъ уже прикатили изъ города. Молодой художникъ втихомолку, нарисовалъ для сестры портретъ фрейлейнъ Эмми. такъ какъ Эльза однажды какъ-то выразила желаніе имѣть портретъ своей подруги. Когда Штейнъ поднесъ свой трудъ сестрѣ—всѣ были поражены красотой, изяществомъ этого художественнаго произведенія. Дѣйствительно, изъ рамки выглядывало живое личико Эмми, это были ея черты, но—просвѣтленныя, идеализированныя. Въ портретѣ этомъ было что-то такое, что не только доказывало талантъ живописца, но и обнаруживало чувства его къ оригиналу: можно было подмѣтить, что художникъ всю душу свою положилъ въ эту работу, что сама богиня любви водила кистью по полотну...

Платэнъ улучилъ минутку и отвелъ друга своего

Библиотека "Руниверс"

въ сторонку. Штейнъ выслушалъ его и воскликнулъ въ волненіи:

— О, замолчи! Не дразни меня счастьемъ, которое—недостижимо! Если-бы *она* была бѣдной дѣвушкой—я-бы прямо пошелъ къ ней и сказалъ: „Будь моею! Я буду работать, трудиться — и тебѣ хорошо будетъ со мной!"... Но... она—богатая барышня, да еще—дворянка!!... Понялъ?.. Если-бы даже ея сердце и принадлежало мнѣ—что-жъ, развѣ мать согласится отдать мнѣ дочь, мнѣ—пролетарію... живописцу?! Между нами—зіяющая пропасть!...

— А ты попробуй, посовѣтовалъ Платэнъ и прибавилъ: смѣлымъ Богъ владѣетъ!

— Уйти съ носомъ?.. Ну, нѣтъ, братъ, я этого не перенесу! сказалъ художникъ, повернулся и отошелъ отъ него.

Эльза, узнавъ отъ Платэна, что братъ ея влюбленъ въ Эмми, сообщила жениху, что и фрейлейнъ Мальтэнъ весьма даже не равнодушна къ „портретисту"...

— Знаешь, сказала она, я думаю, что если судьба захочетъ соединить ихъ, то и соединитъ, не смотря ни на какія преграды... Я даже увѣрена, Что Эмми будетъ его женой!

— Ты увѣрена?

— Да! Развѣ мы не встрѣтились? Вѣдь нашли-же мы другъ друга!...

— Теперь и я буду вѣрить! воскликнулъ Платэнъ, крѣпко пожимая руку Эльзы.

Глядя на жениха, невѣсту и „маленькаго фрейгерра", трудно было рѣшить: кто изъ нихъ счастливѣе?.. Хозяинъ былъ удивительно веселъ, а глазки его просто даже искрились! Онъ ни на минуту не оставался въ покоѣ, перебѣгалъ отъ одного гостя къ другому, любезничалъ, острилъ, хихикалъ, словомъ — былъ, что называется, въ ударѣ.

Отойдя отъ г-жи Штейнъ, фрейгерръ столкнулся съ лакеемъ, который сталъ ему что-то шептать...

— Что? Кто желаетъ переговорить?..

— Господинъ Питтъ, полицейскій коммисаръ, повторилъ лакей.

Лицо старика помертвѣло.

— Коммисаръ... Питтъ?.. Что ему... нужно?..

Онъ насилу выговорилъ эти слова.

— Не знаю-съ.

— Гдѣ онъ?

— Я провелъ его въ мою комнату. Онъ самъ пожелалъ такъ, то есть, чтобы никто его не увидѣлъ... Ему не желательно разстраивать праздника-съ...

— А—а, ну, хорошо, сказалъ Маннштейнъ, успѣвъ уже оправиться. — Ты изволь-ка насчетъ этого помолчать—слышишь? Ни одна душа не должна знать, что онъ здѣсь. Я пойду къ нему. Если меня будутъ спрашивать—говори: „г. фрейгерръ сейчасъ придетъ". Постой... Кромѣ тебя, видѣлъ-ли кто нибудь коммисара?

— Никто-съ не видѣлъ его. Я одинъ только...

— Оставайся здѣсь.

Фрейгерръ вышелъ изъ гостиной. Подойдя къ лакейской комнаткѣ, онъ уже взялся за ручку замка, но... пріостановился въ нерѣшимости и невольно лѣвой рукой провелъ по лбу... Что привело сюда этого человѣка... сегодня... именно въ этотъ вечеръ? Какія такія дѣла? О чемъ *нужно* ему переговорить?...

Старикъ чувствовалъ, какъ сердце его сжалось, ему стало почему-то страшно... Наконецъ, овладѣвъ собой, что стоило ему не малыхъ усилій, онъ быстро вошелъ въ комнатку камердинера, захлопнулъ дверь и повернулъ ключь въ замкѣ.

Питтъ подошелъ къ нему.

— Сожалѣю, мнѣ чрезвычайно непріятно, заговорилъ онъ, что я принужденъ обезпокоить васъ именно сегодня... знаю, что сегодня осуществилось ваше горячее, завѣтное желаніе; по настоящему, мнѣ не слѣдовало-бы являться, но...

— Говорите-же, говорите! перебилъ его нетерпѣливо фрейгерръ.—Что вы имѣете сообщить мнѣ?

— Вашъ племянникъ вернулся.

Старикъ вздрогнулъ... Такого сюрприза онъ никакъ не ожидалъ и воскликнулъ:

— Быть не можетъ!! Развѣ ему неизвѣстно, какому наказанію будетъ онъ подвергнутъ, если его узнаютъ и схватятъ?... Позвольте... Вы навѣрно это знаете?

— Навѣрно. Я самъ видѣлъ его.

— Сами?! Гдѣ-же... гдѣ?

— Въ настоящее время я преслѣдую одного преступника, и вотъ мнѣ пришлось, по дорогѣ, завернуть въ трактирчикъ подъ вывѣской „Лѣсной источникъ". Заведенье это отстоитъ отсюда на нѣсколько часовъ ѣзды... Да вамъ, конечно, извѣстно о существованіи „Лѣснаго источника"?

Фрейгерръ молча кивнулъ головой.

— Ну, я, разумѣется замаскировался, нарядился въ костюмъ чернорабочаго, продолжалъ Питтъ, и вошелъ въ такомъ видѣ въ трактирчикъ, зная очень хорошо, что заведеньице это пользуется дурной славой. Въ комнатѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ. Въ одномъ изъ нихъ я сейчасъ-же узналъ вашего племянника, не смотря на то, что онъ былъ почти въ лахмотьяхъ и отростилъ себѣ большую бороду.

— Хорошо, но увѣрены-ли вы, что не ошиблись? замѣтилъ Маннштейнъ... Что-жъ, вѣдь случайное сходство могло ввести васъ въ заблужденіе...

— Я не ошибаюсь. Голосъ этого человѣка походилъ совершенно на голосъ барона Зельдитца, да наконецъ, то, что онъ говорилъ — вполнѣ подтвердило мое предположеніе. Когда я вошелъ — онъ пытливо поглядѣлъ на меня, но потомъ пересталъ интересоваться мною, такъ какъ преспокойно усѣлся у другаго стола; я сдѣлалъ видъ, что не обращаю на него ни малѣйшаго вниманія. Вся эта компанія, и баронъ въ томъ числѣ, была уже порядкомъ на-веселѣ, но онъ продолжалъ тянуть водку, требовалъ еще и сейчасъ-же расплачивался. Изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ словъ мнѣ удалось понять, что Зельдитцъ старается подбить этихъ людей на какое-то дѣльце... Упоминалъ онъ тутъ и ваше имя. Противъ барона, на стѣнкѣ, висѣло зеркало, а потому мнѣ было весьма удобно наблюдать за его физіономіей... Ну, откровенно вамъ скажу: выраженіе его лица не предвѣщало ничего добраго...

— Гм... Что-же онъ замышляетъ?

— Ему извѣстно, что сегодня вечеромъ въ домѣ у васъ празднуется дѣвичникъ. Одинъ изъ сидѣвшихъ съ нимъ за столомъ разсказывалъ объ этомъ, причемъ сообщилъ барону, что фрейгерръ Маннштейнъ все состояніе свое завѣщалъ фрейлейнъ Штейнъ. Я слышалъ, какъ Зельдитцъ захохоталъ (много горечи было въ этомъ смѣхѣ!) и сталъ потомъ угрожать вамъ... Какъ кажется, онъ замышляетъ противъ васъ какое-то насиліе...

— Когда-же онъ думаетъ исполнить это? спросилъ фрейгерръ спокойнымъ тономъ.

— Когда именно—не знаю, но полагаю, что въ эту ночь... Я торопился оставить „Лѣсной источникъ" чтобы какъ можно скорѣе отправиться къ вамъ, отвѣтилъ слѣдователь.

Старикъ молчалъ, обдумывая что-то.

— Очень вамъ благодаренъ, наконецъ проговорилъ онъ.—Ну-съ, что-же вы намѣрены дѣлать теперь?

— Это отчасти отъ васъ зависитъ.. Вамъ извѣстно, какое наказаніе ждетъ барона, если я его арестую.

— Ахъ, нѣтъ... нѣтъ! Этого не должно быть!.. Пощадите имя моей сестры—его несчастной матери!

— Хорошо. Для этого собственно я къ вамъ и явился, т. е. чтобы посовѣтоваться. Вторичный арестъ барона произвелъ-бы на многихъ весьма непріятное впе-

Библиотека "Руниверс"

Въ осадномъ положеніи. Рис. А. Бодемиллеръ, грав. А. Л. Руффъ.

Библиотека "Руниверс"

чатлѣніе, а потому... Но вѣдь намъ слѣдуетъ принять мѣры противъ вторженія его въ вашъ домъ: не забудьте — человѣкъ, находящійся въ возбужденномъ состояніи, да еще въ нетрезвомъ видѣ — способенъ на все... Онъ пойдетъ на проломъ, очертя голову!...

— Да, онъ мнѣ-бы отлично отомстилъ, если-бы ему удалось испортить, омрачить сегодняшній день!.. пробормоталъ фрейгерръ и, обратившись къ коммисару, спросилъ:

— А вы боитесь встрѣчи съ нимъ?..

Питтъ улыбнулся.

— Профессія моя давно уже отъучила меня бояться подобныхъ столкновеній.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я попрошу васъ найти его... Я дамъ вамъ денегъ; деньги эти вы передайте ему подъ условіемъ, чтобы онъ тотчасъ-же оставилъ не только эти мѣста, но и самую Германію, даже—уѣхалъ-бы совсѣмъ изъ Европы... навсегда! Пригрозите арестомъ... Вѣдь онъ знаетъ, какой подвергается участи, если вы вторично схватите его и отдадите въ руки правосудія.

— Готовъ исполнить вашу просьбу, только, право, уже не знаю—гдѣ-же мнѣ его искать? Въ трактирчикѣ? тамъ господина барона, конечно, уже нѣтъ... Знаете, я даже опасаюсь вотъ чего: прежде чѣмъ я его найду— онъ явится сюда и... въ раздраженіи, пожалуй, натворитъ чортъ знаетъ какихъ штукъ! Нѣтъ нужно какъ нибудь предотвратить это, напримѣръ — разставить караульныхъ... Найдется-ли у васъ столько людей, чтобы можно было—

— О, да, найдется, подхватилъ фрейгерръ: у меня и управляющіе есть, и изрядное число батраковъ.

— Вотъ и прекрасно. Я сейчасъ-же пойду въ людскую, сдѣлаю нужныя распоряженія, самъ тоже останусь здѣсь... Надѣюсь, что праздникъ вашъ пройдетъ благополучно, спокойствіе не будетъ нарушено!...

— Распоряжайтесь, приказывайте только устроить все это, а ужъ я оцѣню ваши труды, съумѣю отблагодарить васъ!... Да, Эльза сегодня такъ счастлива, такъ беззаботно весела, а вѣдь если она узнаетъ, что этотъ злосчастный человѣкъ тутъ... близко — все счастье ея разлетится, какъ дымъ... Нѣтъ, она не должна знать этого, да и никому не слѣдуетъ сообщать объ этомъ! Я васъ попрошу не говорить даже управляющимъ моимъ и рабочимъ о появленіи *его*... Ну, сочините тамъ какую нибудь другую фамилію, если ужъ любопытство станетъ ихъ разбирать!...

Слѣдователь обѣщалъ все исполнить — очень ужъ ему стало жаль „маленькаго фрейгерра". Въ самомъ дѣлѣ, старикъ былъ сильно взволнованъ: щеки его были блѣдны, губы дрожали, онъ даже осунулся въ лицѣ.

— Успокойтесь, г. фрейгерръ, сказалъ Питтъ. Какъ видите, я не могъ избавить васъ отъ такой непріятности, я долженъ былъ увѣдомить объ этомъ, потому что, помимо васъ, мнѣ нельзя было-бы сдѣлать надлежащихъ распоряженій. Ну, оставьте-же всѣ заботы, не думайте ни о чемъ! Я употреблю всѣ усилія, чтобы не допустить сюда вашего племянника. Мнѣ и самому было-бы весьма пріятно, избавить васъ отъ всѣхъ этихъ безпокойствъ.

Манштейнъ протянулъ слѣдователю руку.

— Я буду чрезвычайно доволенъ, если никто не узнаетъ объ этой исторіи, проговорилъ онъ и прибавилъ:— мой языкъ хорошо мнѣ повинуется, смолчать я съумѣю, ну, а относительно того, что вотъ и сегодня мнѣ не удалось вполнѣ отдаться радости, то я ужъ столько перенесъ въ своей жизни непріятностей, что мирюсь и съ этой... Вы сколько-же времени пробудете здѣсь?

— Не знаю еще, но во всякомъ случаѣ — останусь до самаго утра. Племянникъ вашъ однажды избралъ дорожку сюда—черезъ садъ, чтобы совершить то преступленіе, вотъ поэтому-то все мое вниманіе и будетъ обращено на эту именно часть вашей усадьбы. Я заберусь въ садъ и буду тамъ сидѣть всю ночь.

— Слуга мой принесетъ вамъ вина въ садовую бесѣдку, и я прошу васъ — чего-бы вы не пожелали потребовать отъ него. Я сейчасъ-же прикажу ему безпрекословно исполнять всѣ ваши приказанія.

Питтъ поблагодарилъ фрейгерра и отправился на квартиру управляющихъ. Распорядившись какъ слѣдуетъ насчетъ караула, воспретивъ впускать во дворъ и въ садъ постороннихъ, онъ скрылся въ саду.

Манштейнъ прошелъ прямо въ свою комнату ему необходимо было побыть одному, поуспокоиться и уже потомъ вернуться къ гостямъ. Заложивъ руки за спину, устремивъ куда-то взглядъ, онъ принялся ходить взадъ и впередъ. Его маленькая фигура, казалось, стало еще меньше, какъ-то съежилась подъ бремепемъ этихъ новыхъ заботъ.

— Какъ могъ племянникъ его — послѣдній представитель столь гордой и знатной фамиліи — пасть такъ низко?...

Старикъ часто задавалъ себѣ этотъ вопросъ, и никогда отвѣтъ на него не представлялся ему такимъ яснымъ, убѣдительнымъ, какъ въ эту минуту.

— Да, его погубило именно то, что онъ (и сотни ему подобныхъ!) считалъ преимуществомъ своимъ передъ другими. Когда Александръ Зельдитцъ былъ еще ребенокъ, окружающіе старались развивать въ немъ мысль, что онъ, какъ сынъ барона, сотканъ изъ лучшей, болѣе благородной матеріи, чѣмъ та, которая идетъ на производство толпы. Дворянская гордость его постоянно разжигалась; онъ хвастался „породистою кровью", не понимая, конечно, что это значитъ... Этотъ несчастный предразсудокъ положительно мѣшалъ ему наблюдать за собой, обуздывать себя, бороться со своими отрастями, и вотъ то, что онъ считалъ своимъ преимуществомъ — стало для него камнемъ преткновенія, проклятіемъ... Оно-то и довело его до настоящаго положенія, въ конецъ погубило!...

Когда Александръ Зельдитцъ, по свойственному его легкомыслію, лишился главной своей опоры и очутился передъ лицомъ закона, „простымъ" человѣкомъ — тогда — какъ страшно-неумолимо сама жизнь показала ему всю эфемерность его заблужденія!.. Къ работѣ, онъ оказался неспособнымъ; зажить самостоятельно, пробиться своими силами на новую дорогу—онъ рѣшительно уже не могъ... и—погибъ! Онъ—отщепенецъ, общество его отвергло, и нѣтъ ему спасенія...

Старикъ, въ изнеможеніи, опустился въ кресло, совсѣмъ забывъ о томъ, что въ гостиной легко можетъ быть замѣчено его отсутствіе.

Въ эту минуту въ комнату „маленькаго прейгерра" вошла г-жа Штейнъ. Она искала его и, наконецъ, нашла.

Манштейнъ, почти въ испугѣ—вскочилъ съ кресла и, повидимому, растерялся.

— Что съ вами? спросила она.

— О, ничего... ничего! Это я такъ! отвѣтилъ старикъ торопливо... Видите-ли, я ушелъ на короткое время... захотѣлось побыть одному. Вы и сами знаете, что иногда, среди самаго веселаго общества, вдругъ этакъ взгрустнется; ну, и является желаніе остаться наединѣ съ самимъ собою—хоть двѣ-три минутки!...

— Двѣ-три минутки? Нѣтъ, я васъ долго искала.

— Что-жъ, здѣсь мнѣ было такъ спокойно... Я и не замѣтилъ, какъ время пролетѣло! Пойдемте-же, пойдемте! Вернемся къ нашимъ гостямъ.

И онъ направился къ дверямъ.

Г-жа Штейнъ удержала его за руку.

— Вамъ было тутъ спокойно, а почему-же лицо у васъ такое блѣдное?

— Да... ну, это... потому, что я чувствую себя не совсѣмъ хорошо... Только, пожалуста, никому не говори-

Библиотека "Руниверс"

те объ этомъ! Мнѣ не хотѣлось-бы смущать гостей ничѣмъ... Праздникъ—такъ ужъ праздникъ!

— Да?.. А я думала, что вы имѣете ко мнѣ болѣе довѣрія!... Доброта ваша въ отношеніи Эльзы и меня даетъ мнѣ право быть участницей и въ радостяхъ вашихъ, и въ печаляхъ... Скажите-же, что васъ огорчило, встревожило?

— О довѣріи нечего и говорить: вамъ извѣстно, какъ я отношусь къ вамъ! И вы все, все узнаете, только—не сегодня... Можетъ быть, рѣчь моя омрачитъ и ваше лицо, а мнѣ, повторяю, не хочется теперь никого смущать... Радость — рѣдкая гостья! Ну-съ, идемте-же въ гостиную! Я вамъ докажу, что духъ веселья не оставилъ еще меня... О, вы вѣдь знаете, какъ я ждалъ сегодняшняго дня!

Манштейнъ подалъ руку г-жѣ Штейнъ и почти увлекъ ее за собою.

Гости были въ такомъ веселомъ настроеніи духа, что никто изъ нихъ даже не замѣтилъ блѣдности лица фрейгерра. Что касается Эльзы и Платэна, то они смотрѣли только другъ на друга; впрочемъ, была и еще парочка, которая тоже не обращала вниманія на окружающее... Фрейлейнъ Эмми и Штейнъ стояли въ сторонкѣ, у стола, на которомъ былъ поставленъ портретъ Эмми. Глаза у нихъ блестѣли, щеки раскраснѣлись—оба они, повидимому, были чѣмъ-то взволнованы. Эмми, въ раздумьи, теребила вѣтку съ цвѣткомъ, а молодой художникъ что-то говорилъ ей въ полголоса... Серьезная бесѣда, ихъ была прервана появленіемъ г-жи ф. Мальтэнъ. Штейнъ, отойдя отъ Эмми, по дорогѣ поймалъ Платэна за руку и почти насильно утащилъ его въ смежную комнату.

— Что̀ это съ тобой? воскликнулъ Платэнъ.

Вмѣсто отвѣта, художникъ обнялъ его и крѣпко сжалъ въ своихъ объятіяхъ.

— Охъ, отпусти!.. Да что̀ такое?

— Экой ты, братецъ, недогадливый! На лицо-то мое посмотри... Ну, развѣ не видно, что я сейчасъ совершилъ глупость и... и все-таки чувствую себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ!..

Платэнъ взглянулъ на своего друга и, улыбнувшись, спросилъ:

— Ну, постой: какже примирить такое противорѣчіе?

— Какое?.. Эхъ!.. Понимаешь ты—я люблю Эмми! Я только что открылся ей въ любви... Да будто этого по моимъ глазамъ не видно?

— Вонъ оно что̀! Значитъ, любовь твоя зажглась вдругъ, внезапно? пошутилъ Платэнъ. — Вѣдь ты нѣсколько часовъ тому назадъ самъ-же—

— Ахъ, да пойми-же: ну, я не хотѣлъ тогда, чтобы ты зналъ объ этомъ! А теперь... Знаешь, я вѣдь давно ее люблю — съ перваго раза, съ первой встрѣчи! Она, братъ, сразу засѣла вотъ тутъ—въ сердцѣ, и какъ крѣпко засѣла! На вѣки-вѣчные!

— Эмми сказала тебѣ *да*?

— Сказала, братецъ, сказала! зашепталъ Штейнъ. Она тоже любитъ меня... Слова эти она проговорила тихо, совсѣмъ тихо, потомъ украдкой пожала мнѣ руку, а потомъ—взглянула... Творецъ, какъ взглянула! Сколько любви, искренности, счастья было въ этомъ взглядѣ!.. Пойми — мнѣ теперь тутъ душно, тѣсно, потому что счастью нѣтъ мѣста въ груди... Я-бы схватилъ и прижалъ къ сердцу Европу вмѣстѣ съ Азіей—пол-міра обхватилъ-бы!...

— Ну, а въ чемъ-же собственно состоитъ глупость?..

— Какъ въ чемъ? Еще спрашиваетъ! Да въ томъ она и состоитъ, что я, свистунъ-пролетарій, дерзнулъ открыться въ любви ей — *фрейлейнъ ф Мальтэнъ*! Да, братъ, такая минутка ужъ выдалась—увлекся, чортъ побери! А то-бы я ни гу-гу... никогда!.. Самъ посуди: Эмми богата, ей по наслѣдству перейдетъ громадное состояніе, да кромѣ того—имя... Древняя фамилія... Ну, и неужели ты думаешь, что мать ея согласится назвать меня своимъ зятемъ?!..

— А почему-же нѣтъ?

— Что̀?... Ни-ког-да она ни за что не согласится!!... отрѣзалъ Штейнъ.—Я прошу тебя обо всемъ этомъ молчать... Госпожѣ Мальтэнъ не слѣдуетъ знать о нашихъ чувствахъ. Пусть она такъ и останется въ невѣдѣніи относительно нашей любви!

— И ты даже не хочешь сдѣлать попытки, добиться ея согласія?...

— Не хочу.

— Да ты развѣ не желаешь, чтобы Эмми была твоею?

— Еще какъ-желаю-то!.. Видишь-ли, другъ ты мой, я намѣренъ похитить ее, тайно увезти... Мы убѣжимъ въ Италію и совьемъ тамъ себѣ гнѣздо среди миртъ и лавровыхъ вѣтвей. Голубыя небеса будутъ свидѣтелями нашего счастья. Тамъ раскину я шатеръ, устрою мастерскую и буду работать *только для нея*, т. е. понимаешь, буду бить на то, чтобы доставить ей отрадную, беззаботную, счастливую жизнь!.. А *она* — она будетъ вдохновлять меня, поддерживать во мнѣ священный огонь, воспламенять воображеніе!...

— Ну, и что̀-жъ, Эмми сочувствуетъ этимъ планамъ? Насчетъ похищенія-то ей ужъ извѣстно?

— Н-нѣтъ, она еще ничего не знаетъ объ этомъ. Но она *должна* идти за мной, если дѣйствительно любитъ меня!.. А вѣдь Эмми сама-же призналась мнѣ въ своей любви?... Ты и представить себѣ не можешь, что это за восхитительный будетъ побѣгъ! Знаешь, темная ночь, луна въ тучахъ... ну, потомъ *она* выходитъ переодѣтая, закутанная, чтобы навсегда оставить отчій домъ... Я поджидаю ее въ саду, затѣмъ — восторженно принимаю ее въ объятія. Около сада стоитъ нашъ экипажъ... Мы идемъ, или — лучше сказать—я веду Эмми, которая крѣпко прижимается ко мнѣ. Вотъ, мы и сѣли въ карету—трбга-ай!... Летимъ! Лошади мчатъ насъ туда—туда—въ благословенную Италію!.. Эмми—моя!!. До самой границы я буду зорко смотрѣть за своимъ сокровищемъ, заботиться о немъ, оберегать и, въ случаѣ нужды — защищать его. Только перевалить-бы черезъ Альпы!

Платэнъ не могъ удержать улыбки и проговорилъ, чуть не фыркнувъ:

— А не лучше-ли будетъ, другъ мой домчаться до Италіи по желѣзной дорогѣ, оставивъ карету у первой станціи?...

Штейнъ прищурилъ глаза.

— Ты ничего не смыслишь въ поэзіи, да и романтикъ ты плохой. Это я давно зналъ! воскликнулъ онъ полусердито и, махнувъ рукой, быстро отошелъ отъ своего друга.

Платэнъ вернулся къ Эльзѣ и сообщилъ ей о счастьѣ ея брата, а также и о задуманномъ имъ похищеніи Эмми...

— Не знаю, какъ Эмми, но я, сказала Эльза, послѣдовала-бы за тобою всюду!...

Счастливый женихъ крѣпко пожалъ руку своей невѣсты.

(Окончаніе будетъ).

Въ осадномъ положеніи.

Собака—вѣрный другъ человѣка, она—наилучшій сторожъ. Правдивость такой аттестаціи подтверждается ежедневно. О вѣрности псовъ есть много разсказовъ и анекдотовъ. Люди, посягающіе на чужую собственность, не такъ боятся обы-

Библиотека "Руниверс"

кновенныхъ караульныхъ, какъ этихъ четвероногихъ сторожей —большихъ или маленькихъ—все равно. Комнатныя собаченки обладаютъ поразительнымъ чутьемъ: малѣйшій шорохъ гдѣ-нибудь—и онѣ заливаются такимъ невыносимо-звонкимъ лаемъ, который непремѣнно заставитъ проснуться человѣка, если бы онъ спалъ самымъ крѣпкимъ сномъ. Большія собаки, и особенно великаны-псы, ведутъ себя важно. Они серьезны, повидимому даже лѣнивы, лаютъ рѣдко, но если заворчатъ—то ужъ не даромъ. Ворчанье какого-нибудь силача-водолаза можетъ заставить попятиться человѣка и не трусливаго десятка.

Помѣщенная нами картинка «Въ осадномъ положеніи» дѣйствительно представляетъ безвыходность нарушителя правъ собственности, попавшаго черезъ окно въ чужую комнату. Онъ никакъ не думалъ встрѣтить тутъ такого страшнаго, мохнатаго, безсловеснаго сторожа! Коварный песъ немѣшалъ ему пролѣзть: пропустилъ онъ его, но *съ тѣмъ, чтобы ужъ не выпустить.* И не выпуститъ! Воръ, можно сказать, пригвожденъ къ стѣнѣ, связанъ по рукамъ и по ногамъ невидимыми крѣпкими веревками.

Приласкать, соблазнить чѣмъ нибудь или пугнуть такого пса, заставить его отступить — дѣло несбыточное. Эти «вѣрные друзья» неподкупны и, въ этомъ отношеніи, отличаются высокою нравственностью. Борьба съ такимъ сторожемъ невозможна, даже еслибы попавшій въ такую западню и имѣлъ при себѣ палку или ножъ: побѣда будетъ не на сторонѣ человѣка, И такъ, что лучше: быть заживо растерзаннымъ или сидѣть, не шевелясь, и спокойно ожидать ареста?.. Воръ въ такихъ случаяхъ обыкновенно выбираетъ изъ двухъ золъ меньшее, старается сидѣть неподвижно.

Щ—въ.

Помпеянка за туалетомъ.

При первомъ взглядѣ на нашу картину, представляющую молодую женщину, граціозно приподымающую прядь роскошныхъ волосъ передъ зеркаломъ, которое держитъ, опрокинувшійся къ ней на колѣни, прелестный ребенокъ, воображеніе наше переносится въ другой міръ. Это помпеянка сидѣла такъ восемнадцать столѣтій тому назадъ, когда еще стѣны ея дома не были затоплены волнами горячей лавы и засыпаны пепломъ. Но именно благодаря этому жизнь древней Помпеи, извѣстна намъ до мельчайшихъ подробностей. Везувій не уничтожилъ Помпеи, онъ сохранилъ ее грядущимъ вѣкамъ. На воздухѣ отрытыя зданія портятся въ нѣсколько мѣсяцевъ, больше чѣмъ онѣ испортились, пролежавъ восемнадцать вѣковъ подъ пепломъ. Выходя изъ подъ земли, разрисованныя стѣны, встаютъ передъ нами живыя и яркія, какъ будто живопись эта была сдѣлана вчера. Каждая перегородка становится иллюстрированной страницей археологіи, раскрывая какую нибудь черту нравовъ, обычаевъ, домашнихъ привычекъ, вѣрованій, преданій. Картина античной жизни возстановляется передъ нами во всей своей полнотѣ. Мебель, художественные предметы, принадлежности хозяйства, знакомятъ насъ со всѣми подробностями домашней обстановки. Каждая плита, если всмотрѣться въ нее, разскажетъ намъ что нибудь. Вотъ столбъ; на немъ сохранилась надпись, нацарапанная кончикомъ пера празднаго помпейца; вотъ часть стѣны, испещренная объявленіями; однѣ изъ нихъ, большими буквами извѣщаютъ о спектаклѣ, другія прокламируютъ такого-то кандидата на ту или другую должность. Для того кто умѣетъ видѣть, каждый шагъ въ развалинахъ древняго римскаго городка, есть находка, бросающая новый свѣтъ на его общественную и частную жизнь. Всѣ эти камни, нѣмые съ перваго взгляда, скоро начинаютъ говорить живымъ языкомъ, и мало по малу разсказываютъ намъ все, что происходило на этой самой мостовой, подъ этимъ самымъ небомъ, когда оно еще ярко сіяло надъ веселымъ городомъ.

Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о Помпеѣ, надо представить маленькій городъ съ низкими домами, узкими улицами, который сгорѣлъ въ одну ночь, и вы пошли взглянуть на него на другой день послѣ пожара. Верхніе этажи исчезли, потолки провалились; все что было деревяннаго, рамы балки, превратились въ пепелъ; все открыто—крышъ нѣтъ; во всѣхъ этихъ зданіяхъ, принадлежавшихъ частнымъ людямъ или общественнымъ учрежденіямъ, вы гуляете подъ открытымъ небомъ. Вы отыскиваете среди нихъ древніе форумы, храмы, театры, памятники. Здѣсь кипѣла общественная жизнь, отъ этихъ развалинъ вѣетъ дыханіемъ великаго Рима; античный міръ охватываетъ васъ со всѣхъ сторонъ, и по мѣрѣ того какъ вы, шагъ за шагомъ, ближе знакомитесь съ нимъ, интересъ ростетъ съ каждой минутой.

Общій видъ этихъ древнихъ улицъ покажется унылымъ если представлять себѣ, что на нихъ смотрѣли однѣ глухія стѣны домовъ, обращенныхъ окнами на внутренніе дворы. Но все говоритъ противъ этого. Во первыхъ лавки выходили на улицу и двери ихъ были постоянно открыты; широкій прилавокъ изъ мрамора, былъ на виду у прохожихъ. Не нужно большаго усилія воображенія, чтобы наполнить улицы живой, пестрой толпой. Вездѣ движеніе, говорятъ шумныя и оживленныя группы. Южный житель не можетъ говорить спокойно, онъ любитъ жестикулировать, охотникъ поторговаться, поспорить, говоритъ громко и скоро, съ звучной бѣглостью рѣчи: все это вы увидите и теперь въ худшихъ кварталахъ Неаполя, во многихъ отношеніяхъ напоминающихъ узенькіе закоулки Помпеи.

Лавки эти теперь не болѣе какъ развалины, но живопись и скульптура, сохранившіяся на нѣкоторыхъ мѣстахъ служатъ вывѣсками; по которымъ узнаемъ, что тутъ продавалось. Такъ овечка изъ обозженной глины, обозначаетъ молочную лавку; мельница, приводимая въ движеніе осломъ—лавку мельника; два человѣка, несущіе за оба конца палку, съ висящей по серединѣ ее анфорой, близость виннаго погреба. Недалеко отъ форума, открыли лавку цирюльника, который мылъ, причесывалъ, брилъ, стригъ, выщипывалъ волосы, натиралъ душистыми мазями помпейцевъ. Что касается торговца мыломъ, духами, и разными косметиками, то произведенія его служили не только для женскаго туалета, но и для религіозныхъ и похоронныхъ церемоній; надушивъ живыхъ, они бальзамировали мертвыхъ. На одной изъ такихъ лавокъ три, уже стершіяся картины, изображали жреца, ведущаго къ жертвеннику быка, четверыхъ людей несущихъ огромный ящикъ, вокругъ котораго виситъ нѣсколько вазочекъ, и наконецъ мертвое тѣло, вымытое и приготовленное къ бальзамированію: понимаете бы значеніе этой мрачной вывѣски? Косметистъ занимался также трупами, и публично заявлялъ объ этомъ.

Другіе магазины (торговца красками, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, мастерская скульптора) открыли намъ нѣкоторые способы работъ древнихъ; мы узнаемъ напримѣръ, что краски приготовлялись почти исключительно изъ минеральныхъ веществъ, каковы мѣлъ, охра, сурикъ, киноварь, и т. п. Растительное царство давало только черную углевую краску, а животное пурпуръ. На врядъ ли кто изъ семейства торговца красками спасся во время несчастія; въ его лавкѣ нашли четырнадцать труповъ.

Скульпторъ былъ по горло занятъ во время катастрофы, въ его мастерской осталось много неоконченныхъ или только что намѣченныхъ мраморныхъ статуй; всѣ онѣ, вмѣстѣ съ принадлежностями его искусства, хранятся, какъ всѣ помпейскія вещи въ Неаполитанскомъ музеѣ.

Представьте себѣ теперь всѣ эти лавки, всѣ эти мастерскія открытыми и убранными, покупателей, толпящихся передъ выставкой товаровъ, торговцевъ прохожихъ, весь гвалтъ городской жизни, — и городъ перестаетъ быть мертвымъ. Прибавьте къ этому что двери домовъ запирались только на ночь, слѣдовательно прохожіе могли видѣть всю перспективу внутреннихъ дворовъ. Мало этого: верхніе этажи домовъ имѣли сообщеніе съ улицей; то тамъ то сямъ въ открытое окно показывалась красивая головка. Послѣднія раскопки открыли существованіе закрытыхъ балконовъ, въ родѣ наружныхъ висячихъ коррридоровъ. Помпеянки навѣрное часто пользовались этими балконами; хозяйка свѣшивалась изъ него въ окно, чтобы спустить корзину разнощику, расхаживавшему по городу съ своей передвижной лавочкой, и не одна красавица, стоя у окна, прикладывала свои пальцы къ губамъ, какъ-бы для того, чтобы сорвать съ нихъ поцѣлуй, который она посылала (древній обычай), молодому помпейцу, спрятавшемуся тамъ, за угломъ стѣны. Воскресивъ такимъ образомъ передъ собой картину этихъ улицъ, мы увидимъ что онѣ были веселѣе нашихъ; разрисованные дома, стѣны испещренныя афишами и всевозможными надписями въ стихахъ и прозѣ, монументы, фонтаны—придавали всей картинѣ яркій блескъ, слишкомъ ослѣпительный для нашихъ глазъ.

Чтобы ознакомиться съ внутренностью античнаго дома, пройдемъ черезъ улицу Бань въ домъ Пансы, послѣдняго эдиля, то есть градоначальника Помпеи.

Чѣмъ-же отличался помпейскій домъ отъ современнаго палаццо или простаго современнаго дома? Во всѣхъ отношеніяхъ—что мы увидимъ сейчасъ—а главное въ томъ, что онъ весь былъ обращенъ внутрь. Верхніе этажи, какъ мы это уже видѣли, не были чужды уличной жизни, но нижніе, занимаемые богатыми людьми, оборачивались къ улицѣ стѣной; въ нихъ жилыя комнаты группировались вокругъ двухъ внутреннихъ дворовъ, *атріума* и *перистиля.* Первый былъ такъ сказать, доступной частью дома, второй, предназначался собственно для семейства. Это расположеніе соотвѣтствовало раздѣленію греческаго дома на андронитисъ и гинекеумъ—мужскую и женскую половины. Вокругъ атріума расположены были комнаты для гостей и кліентовъ, перистиль сосредоточивалъ вокругъ себя домашнюю жизнь.

Къ атріуму вела длинная аллея, *протирумъ*, дверь которой отворялась на улицу, и стояла весь день открытой. Войдемъ, по римскому обычаю, правой ногой (войти лѣвой считалось

Библиотека "Руниверс"

Помпеянка за туалетомъ. Картина Кумансъ, гравир. И. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

дурнымъ предзнаменованіемъ); поклонимся прежде всего порогу гдѣ мы прочитаемъ себѣ привѣтствіе, *salve*! Ложа привратника находилась обыкновенно въ аллеѣ; должность эту исполнялъ рабъ, котораго иногда держали на цѣпи. Вмѣсто привратника, входъ часто караулила собака или даже просто изображеніе собаки: въ Неаполитанскомъ музеѣ можно видѣть отлично сохранившіяся экземпляръ съ знаменитой надписью: берегись собаки! (cave canem).

Атріумъ не былъ собственно говоря дворомъ, а скорѣе большой залой, покрытой крышей съ большимъ четвероугольнымъ просвѣтомъ посерединѣ. Такимъ образомъ воздухъ и свѣтъ свободно проникали въ эту обширную залу, а дождь съ неба и вода съ четырехъ склоновъ крыши, капала въ большой мраморный бассейнъ посерединѣ, называвшійся *имплювіумъ*, откуда она переходила въ цистерны. Крыши покоились обыкновенно на поперечныхъ балкахъ; это былъ старинный тосканскій стиль атріума, и такой именно мы находимъ въ домѣ Пансы.

Встаньте у входа въ аллею, спиной къ улицѣ, и окиньте взглядомъ этотъ дворъ съ его отдѣленіями. Нечего и говорить, что крыша исчезла; Везувій сжегъ балки, украшенія въ видѣ пальмовыхъ листьевъ или львиныхъ головъ, извергавшихъ воду въ имплювіумъ, разбились при паденіи. Остался одинъ бассейнъ да простѣнки, обозначающіе планъ нижняго этажа, который состоялъ изъ одной парадной, двухъ пріемныхъ залъ, библіотеки и шести спалень для рабовъ и гостей, крошечныхъ комнатокъ, гдѣ помѣщалась только одна кровать: все это было расположено вокругъ освѣщенной сверху залы съ мозаичнымъ поломъ изъ бѣлаго и чернаго мрамора, и мраморнымъ бассейномъ: это атріумъ Пансы.

Перистиль былъ уже настоящимъ дворомъ или садомъ, окруженнымъ колоннами въ видѣ портика. По середнѣ двора находился обширный бассейнъ (*piscina*), — вокругъ портика или, слѣва, три спальни, справа — столовая, *triclinium*, что означаетъ тройное ложе: древніе, какъ извѣстно, обѣдали лёжа. Въ глубинѣ, большая зала, между другой такой, поменьше и кухней,— такими представляется намъ перистиль, самая роскошная и веселая часть дома.

Мы начертили только планъ дома. Хотите меблировать его? Въ Неаполитанскомъ музеѣ есть все необходимое для этого: въ коллекціяхъ бронзъ мы найдемъ достаточно кроватей для спаленъ, достаточно рѣзныхъ скамеекъ, столовъ, консолей, драгоцѣнныхъ вазъ, артистическихъ статуэтокъ, лампъ и канделябровъ, чтобы украсить залы. Разстелите ковры на эти драгоцѣнные, мозаичные полы, возстановите потолки и крыши, потомъ двери и драпировки, и наконецъ, главное, воскресите на всѣхъ стѣнахъ, отъ самыхъ роскошныхъ до самыхъ скромныхъ, яркую живопись, которая теперь стерлась. Сколько свѣта и жизни!

Стѣнная живопись составляла одно изъ любимыхъ украшеній помпейскаго дома; штукатурныя стѣны, по тщательности отдѣлки почти не уступающія мрамору, раздѣлялись на три и на пять площадокъ, занимавшихъ пространство между цоколемъ и фризомъ; цоколь былъ болѣе темнаго цвѣта, фризъ болѣе свѣтлаго, промежутокъ между ними обыкновенно окрашивался какимъ нибудь яркимъ цвѣтомъ, (напримѣръ краснымъ или желтымъ, при бѣломъ фризѣ и черномъ цоколѣ). Въ небогатыхъ домахъ, гладкія площадки стѣнъ раздѣлялись простыми ободками, но чѣмъ богаче домъ, тѣмъ больше находило себѣ простора воображеніе декоратора; ободки превращались въ роскошныя рамы, гирлянды, пилястры. Самыя площадки сначала разрисовывались просто: фруктами, цвѣтами, потомъ перешли къ пейзажу, затѣмъ къ фигурамъ, группамъ наконецъ къ большимъ историческимъ или религіознымъ картинамъ.

Картины эти никогда не перестанутъ быть предметомъ изученія; онѣ служатъ драгоцѣнными документами не только относительно искуства, но относительно всего, что касается древнихъ нравовъ, обычаевъ, церемоній, костюмовъ, домашней жизни и проч.

Таковы были помпейскія стѣны; взглянемъ на полы—они удивятъ насъ еще болѣе. Въ домѣ Фавна, напримѣръ, полъ былъ цѣлымъ музеемъ мозаикъ. Одна изъ нихъ считается драгоцѣннѣйшимъ образцомъ древняго искуства. Она представляла знаменитую Арбельскую битву: отрядъ грековъ нападаетъ на персовъ. Александръ, во главѣ своихъ воиновъ, врывается въ середину враговъ; въ горячей схваткѣ, онъ потерялъ свой шлемъ, волосы его развѣваются по вѣтру, длинное копье пронзило персидскаго полководца; опрокинутые персы обращаются въ бѣгство; окружающіе побѣжденнаго Дарія думаютъ только объ его спасеніи, но Дарій, простеревъ руку къ убитому полководцу, забываетъ о себѣ, и кажется самъ готовъ сейчасъ умереть. Вся сцена: порывъ побѣдителей, смятеніе побѣжденныхъ, опрокинутая конница царя, гнѣвъ, ужасъ, состраданіе, все это глубоко прочувствовано и передано такъ живо, что оставляетъ въ памяти неизгладимое впечатлѣніе. И это чудо не больше какъ кусокъ пола изъ залы помпейскаго дома! «Древніе ходили ногами по тому, на что мы теперь кладемъ руки», сказалъ одинъ англичанинъ, и это сущая истина: самые прекрасные столы въ Неаполитанскихъ дворцахъ, вырѣзаны изъ половъ Помпеи.

Посмотримъ теперь на образъ жизни помпейцевъ. У богатаго и зватнаго помпейца было много друзей, кліевтовъ, просителей, каждое утро осаждавшихъ атріумъ. Отдѣлавшись отъ этихъ утреннихъ посѣтителей, онъ молился передъ домашнимъ алтаремъ, гдѣ стояли его боги и затѣмъ на цѣлый день уходилъ изъ дому: политическіе и общественные интересы поглощали всю его жизнь; онъ проводилъ все свое время на форумѣ, на биржѣ, въ базиликѣ, въ цирюльняхъ и баняхъ, гдѣ помпейцы справлялись о спектакляхъ, о новостяхъ дня, читали римскую газету.

Женщина была полновластной госпожей дома; въ ея распоряженіи были слуги и рабы, она наблюдала за всѣмъ домашнимъ порядкомъ; кромѣ того римская женщина пользовалась значительной долей свободы внѣ дома. Но главнымъ занятіемъ помпеянки, какъ вообще древней римлянки, если она была знатна и богата, ея настоящимъ важнымъ дѣломъ, былъ туалетъ, особенно если красавица начинала увядать. Всѣ тайны ея кокетства дошли до насъ. Просыпаясь, она щелкала пальцами, чтобы позвать рабынь; тѣ и немедленно появлялись и начиналась колоссальная работа. Во первыхъ спеціалистка по части косметиковъ должна была снять съ лица малѣйшіе признаки морщинъ, потомъ, приготовить румяны; далѣе, она тонкой кисточкой чернила рѣсницы и брови своей госпожи. Потомъ она чистила ей зубы, и наконецъ покрывала все лицо бѣлилами, бывшими въ большомъ употребленіи древнихъ римлянъ.

Является другая спеціалистика, орнатрикса, парикмахерша. Высокая прическа укрѣплялась булавками отъ семи до восьми вершковъ длины. Наконецъ прическа кончена: пошлите боги вашу милость, чтобы госпожа осталась довольна ею, и въ гнѣвѣ не воткнула одну изъ этихъ длинныхъ булавокъ въ обнаженное плечо орнатриксы. Теперь приходитъ другая раба обрѣзывать ногти, такъ какъ ни одинъ римлянинъ или римлянка, уважающіе себя, не рѣшились бы исполнить эту операцію собственными руками. Теперь остается только одѣть госпожу, но это уже ничто въ сравненіи съ предъидущей работой. Послѣ цѣломудренной наготы первыхъ временъ создавія, ничего не могло быть проще древняго костюма: римлянки носили родъ рубашки изъ очень тонкой шерстяной ткани; длинный, широкій рукавъ схватывался на плечѣ аграфомъ, оставляя открытой прекрасныя формы рукъ; поясъ, называвшійся *strophium*, опоясывалъ эту одежду; сверху надѣвалась туника. У женщинъ легкаго поведенія или у простыхъ мѣщанокъ, эта одежда была очень коротка, едва доходя до колѣнъ и открывая богатыя браслеты на ногахъ. Но у матронъ туника удлинялась бордюромъ, который былъ иногда вышитъ золотомъ и пурпуромъ; въ такомъ видѣ онъ назывался *stola*, и доходилъ до ногъ. Выходя на улицу, женщины надѣвали длинную тогу, завертываясь ею съ правой стороны и перебрасывая другой конецъ черезъ лѣвое плечо.

Важную часть женскаго туалета, составляли также сандаліи, украшавшіяся иногда драгоцѣнными камнями и стоившія огромныхъ денегъ. Но вотъ туалетъ оконченъ, остается выбрать украшенія. Одна изъ залъ Неаполитанскаго музея, наполнена вырытыми драгоцѣнностями: это змѣи, свернувшіеся въ видѣ перстней и браслетовъ, серьги, въ видѣ вѣсовъ, кистей жемчуга, и т. п. ожерелья, сплетенныя изъ золотыхъ нитей, богатые аграфы для застегиванія туника, камеи тончайшей работы, достойной Греціи; однимъ словомъ все, что роскошь и искуство могутъ придумать самаго удивительнаго. Помпеянки, какъ провинціалки, разумѣется доводили до крайности любовь къ золотымъ украшеніямъ, стоившимъ такъ дорого; онѣ носили ихъ въ волосахъ, на шеѣ, на плечахъ, на рукахъ, на ногахъ, на щиколкахъ, но особенно на рукахъ: всѣ пальцы, кромѣ средняго, были покрыты кольцами, до третьяго сустава.

Окончивъ свой туалетъ, помпеянка выходила въ перистиль гдѣ ее ожидали, между четвертымъ и пятымъ часомъ пополудни, къ ужину, обычные гости дома, не болѣе девяти, по числу музъ, и не менѣе трехъ, по числу грацій, и день заканчивался среди звона чашъ и веселой бесѣды.

Мы возстановили богатый помпейскій домъ, представлявшій миніатюру тѣхъ римскихъ палаццо, роскошь которыхъ дошла до баснословныхъ размѣровъ во времена цезаризма.

Кокарда Наполеона.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ одномъ изъ лучшихъ домовъ Парижа, у почтеннаго и заслуженнаго генерала временъ Наполеоновскихъ, собралось вечеркомъ небольшое общество короткихъ знакомыхъ. Въ то время какъ всѣ сидѣли въ кружокъ около камина и дружески бесѣдовали, человѣкъ доложилъ хозяйкѣ о пріѣздѣ г-на Жака, и вслѣдъ за нимъ вошелъ въ комнату молодой офицеръ морской службы. Простая и даже нѣсколько грубая фамилія его странно противорѣчила его ловкости и бла-

Библиотека "Руниверс"

городнымъ пріемамъ и особенно тому вниманію и тѣмъ ласкамъ, съ которыми встрѣтили его старый генералъ и его супруга. Молодой морякъ съ первой минуты своего появленія невольно обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Г-нъ Жако былъ молодой человѣкъ 22-хъ лѣтъ не болѣе и очень пріятной наружности. Загорѣлый цвѣтъ лица его показывалъ, что онъ свыкся съ бурною стихіею и не даромъ носилъ названіе моряка; черные, большіе глаза, благородный и проницательный взглядъ придавали физіономіи его особенный характеръ. Костюмъ его не менѣе былъ замѣчателенъ. Мундиръ сидѣлъ на немъ прекрасно и такъ граціозно обрисовывалъ гибкую его талію, что нельзя было не обратить на него вниманія; но скоро по какому то странному случаю взоры всѣхъ остановились на одной вещи изъ его костюма, слишкомъ рѣзко отличавшейся отъ всего остальнаго. Къ новой, прекрасной шляпѣ, которую офицеръ держалъ въ рукѣ, была прикрѣплена старая, запачканная и измятая кокарда. Вниманіе всѣхъ гостей, обращенное, по видимому, на такую ничтожную вещь, не укрылось отъ наблюдательности стараго генерала, который шепнулъ что-то на ухо своей женѣ, а та отвѣчала ему кроткою улыбкою. Г-нъ Жако замѣтилъ это движеніе и бѣдняжка покраснѣлъ до ушей; но эта краска, покрывавшая пурпуромъ прекрасное лицо молодаго офицера, не была признакомъ стыда или слѣдствіемъ замѣшательства, но доказывала только похвальную черту его характера—скромность. Генералъ замѣтилъ его смущеніе, дружески протянулъ ему руку и сказалъ: «Ты славный малый, Людвигъ». Жена генерала также подала ему руку, которую молодой морякъ почтительно поцѣловалъ.

Появленіе офицера и маленькая сцена, которую мы сейчасъ изобразили, такъ сильно заинтересовавшая всѣхъ присутствующихъ, прервала какой-то занимательный для гостей разсказъ хозяина, и какъ ни живо было неудовлетворенное любопытство слушателей, однакожъ, никто, казалось, не рѣшался попросить докончить начатое. Вдругъ одинъ старый офицеръ, молчавшій въ продолженіи почти цѣлаго вечера, всталъ и голосомъ годнымъ только для команды въ полѣ, сказалъ генералу: «Такъ это-то вашъ Жако, генералъ. и эта та самая кокарда!?» И не дождавшись отвѣта, взялъ шляпу изъ рукъ молодаго человѣка, и принялся очень внимательно разсматривать ее: по выраженію его физіономіи и по какимъ-то невольнымъ движеніямъ, можно было подумать, что онъ хочетъ поцѣловать ее, и между тѣмъ изъ глазъ его выкатилась слеза и упала на посѣдѣвшіе усы стараго воина. Это новое обстоятельство еще болѣе увеличило общее любопытство. Всѣ встали съ своихъ мѣстъ и поочередно разсматривали таинственную кокарду, а нѣкоторые изъ присутствующихъ подошли къ генералу и просили его объяснить имъ, что все это значило.

— «Эта очень простая исторія», сказалъ генералъ.

— «Это чудесная исторія!» прибавилъ старый офицеръ, обращаясь къ гостямъ; «если бы генералъ разсказалъ вамъ ее, то я увѣренъ, что вы бы расплакались»..-

Тогда просьбы дождемъ посыпались со всѣхъ сторонъ. Генералъ согласился удовлетворить любопытство своихъ посѣтителей, и молодой офицеръ выставленъ былъ такимъ образомъ на сцену. Генералъ началъ:

Въ 181... году Наполеонъ имѣлъ свиданіе съ русскимъ Императоромъ Александромъ. Нечего говорить, что Наполеону хотѣлось пощеголять передъ Русскимъ Царемъ своею исполинскою гвардіею, и по этому случаю назначенъ былъ смотръ войскамъ нашимъ.

— «Помню, помню этотъ смотръ», перебилъ старый офицеръ, отирая платкомъ слезы, которыя подъ старость были неразлучными спутниками всякаго воспоминанія о Наполеонѣ, подъ знаменами котораго протекла молодость его. «Въ то время я еще считался первымъ ѣздокомъ въ нашемъ полку, а теперь хожу на деревяшкѣ».

— «Которая служитъ скромнымъ пьедесталомъ вашей славы, капитанъ», прибавила привѣтливая хозяйка, съ улыбкою смотря на стараго офицера.

— «Да, да, капитанъ, вы и на деревянной ногѣ впередъ всѣхъ насъ уйдете при первомъ зовѣ вашего отечества», сказалъ одинъ изъ гостей.

Капитанъ самодовольно улыбнулся и обтянулъ мундиръ.

— «Браво, браво», закричали всѣ гости и громкими аплодисментами благодарили острякa за находчивость. Но желая скорѣе узнать развязку этой занимательной исторіи, слушатели обратились къ генералу.

Онъ продолжалъ:

— «И такъ Наполеонъ проходилъ съ Императоромъ Александромъ между рядами своей гвардіи. Я былъ въ числѣ офицеровъ, составлявшихъ его свиту, и потому слышалъ всякія его замѣчанія, на которыя онъ не былъ скупъ, когда бывалъ въ счастливомъ расположеніи духа; а въ этотъ день онъ не могъ пожаловаться на сплинъ: личное знакомство съ первымъ монархомъ Европы воодушевило Государя, и онъ особенно былъ веселъ въ этотъ день. Проходя мимо полка своихъ гренадеръ, онъ остановился передъ однимъ солдатомъ, у котораго на лицѣ начиная со лба до половины щеки былъ глубокій шрамъ. Гордо посмотрѣлъ онъ на него съ минуту, и потомъ указывая на него Императору Александру, спросилъ:

— «Что вы скажете, Ваше Величество, о солдатахъ, которые бодро переносятъ подобныя раны?»

— «Тоже, что вы скажете о тѣхъ, которые ихъ наносятъ», отвѣчалъ Александръ съ своею обыкновенною находчивостію.

Наполеонъ не ожидалъ такого отвѣта и казалось, немного смутился.

— «Они давно уже умерли», сказалъ старикъ гренадеръ важнымъ голосомъ, вмѣшиваясь такимъ образомъ въ разговоръ двухъ знаменитѣйшихъ монарховъ въ мірѣ.

Александръ, желая вывести Наполеона изъ такого затруднительнаго положенія, сказалъ:

— «Государь, вы вездѣ остаетесь побѣдителемъ!»

— «За это я обязанъ моей гвардіи», отвѣчалъ Наполеонъ, дѣлая знакъ благодарности своему гренадеру, и пошелъ далѣе.

Прошло нѣсколько дней послѣ этого смотра; Наполеонъ прогуливался однажды мимо казармъ, въ которыхъ расположена была его гвардія, и думалъ, можетъ быть, о завоеваніи Испаніи, а, можетъ быть, и о старомъ гренадерѣ, который такъ удачно вывелъ его изъ замѣшательства, какъ вдругъ увидѣлъ его въ трехъ шагахъ отъ себя. Онъ сидѣлъ на камнѣ, скрестивши ноги, на которыхъ качалъ малютку одного года, не болѣе. Императоръ остановился передъ солдатомъ. Но старый гренадеръ не вставалъ съ своего мѣста, и когда Наполеонъ поравнялся съ нимъ, гренадеръ сказалъ:

— «Извините, Государь, что я сижу, но еслибы я всталъ, то мой Жако завизжалъ бы какъ немазанныя колеса, и вѣроятно это было бы непріятно Вашему Величеству».

— «Хорошо, сказалъ Наполеонъ, тебя зовутъ Жакъ?»

— «Да, Государь, Жакъ, потому то и малютку зовутъ Жако».

— «Это твой сынъ?»

— «Гм! Государь, мать его была жена нашего шинкаря. Славная была женщина! Два мѣсяца тому назадъ какой-то сорванецъ уланъ далъ ей по затылку саблею въ то время, какъ она наливала водку старому мужу, доброму моему товарищу, которому незадолго до того оторвало ногу въ дѣлѣ подъ..... Она умерла, а за два дня до ея смерти и старикъ нашъ умеръ въ лазаретѣ; и вотъ малютка остался сиротою».

— «И ты принялъ этого ребенка къ себѣ» спросилъ Государь

— «Я и другіе товарищи. Мы нашли его возлѣ трупа матери Онъ былъ голоденъ и желудокъ его былъ также пустъ какъ сундуки Испанскаго Короля. Больная, говорятъ, просила нашихъ солдатъ поберечь ребенка, если она умретъ, за службу мужа Вашему Величеству. Тогда всѣ мы приняли этого малютку, и такъ какъ я первый увидѣлъ его, то на меня и возложили обязанность воспитать его».

Наполеонъ, смотря на гренадера, который продолжалъ давать Жако урокъ верховой ѣзды на своей ногѣ, сказалъ:

— «Я у тебя въ долгу, Жакъ».

— «У меня, Государь? Вы мнѣ дали крестъ за эту царапину, такъ значитъ, что я вамъ долженъ».

— «Я тебѣ долженъ за твой умный отвѣтъ Императору Александру», возразилъ Наполеонъ.

— «Я ничего дурнаго не сказалъ Его Величеству, развѣ онъ на меня жаловался?»

— «Вѣрно нѣтъ», отвѣчалъ Наполеонъ, «потому что я хочу наградить тебя: скажи, чего ты хочешь?»

— «Говоря откровенно», отвѣчалъ Жакъ, «я не имѣю нужды ни въ чемъ, но если Вашему Величеству угодно оказать мнѣ милость, такъ дайте что нибудь этому малюткѣ: это, можетъ быть, составитъ его счастіе».

— «Очень охотно», сказалъ Государь.

Тогда Жакъ всталъ, взялъ дитя на руки и поднесъ его къ Наполеону въ то время, какъ тотъ искалъ въ своихъ карманахъ чего-нибудь, чтобы дать ребенку. Онъ только нашелъ нѣсколько золотыхъ монетъ, которыя тотчасъ же и отдалъ ему; но не этою монетою пріобрѣталъ онъ расположеніе своихъ солдатъ. Онъ снова перешарилъ свои карманы и не нашелъ однакожъ ничего кромѣ бумагъ, какъ вдругъ попалась ему въ руки табакерка, лежавшая въ жилетномъ карманѣ. Онъ подалъ ее гренадеру. Жакъ посмотрѣлъ на нее, улыбнулся и сказалъ:

— «Зачѣмъ ему табакерка, Государь, онъ не курритъ и не нюхаетъ».

Императоръ хотѣлъ что-то сказать, какъ вдругъ почувствовалъ, что его тянутъ за шляпу, и увидѣлъ, что малютка, сидя на рукахъ гренадера, протянулъ свои рученки къ шляпѣ и игралъ его кокардею.

— «Вотъ видите, Государь», сказалъ солдатъ, «малютка-то хитеръ; онъ дѣлаетъ также, какъ Ваше Величество, беретъ то, что ему прилично».

— «Ну, такъ пусть онъ оставитъ ее у себя», сказалъ Императоръ, и сорвавъ кокарду съ шляпы своей, подалъ ее дитяти, которому Жакъ сказалъ, качая его на рукахъ:

— «Ну, покажи-ка Его Величеству, что ты умѣешь говорить».

И дитя смѣясь и хлопая рученками, пробормотало тихонько: Vive l'empereur!

Съ этого дня старый гренадеръ дѣлалъ еще много, много путешествій: онъ былъ въ Мадритѣ, въ Вѣнѣ, въ Москвѣ и наконецъ сопровождалъ Наполеона на островъ Эльбу. Жако ни-

Библиотека "Руниверс"

Сѣверная экспедиція Норденшильда. Профессоръ Норденшильдъ и докторъ Лундштремъ передъ самоѣдскимъ, языческимъ алтаремъ, близъ устья рѣки Енисея. По наброску члена экспедиціи доктора Лунштрема, рисов. Броллингъ, грав. Вейерманъ.

гдѣ не покидалъ своего воспитателя; но путешествуя подлѣ стараго воина, маленькій Жако воображалъ и себя не менѣе военнымъ человѣкомъ, и не рѣдко, прислушиваясь къ разговору солдатъ, грозилъ врагамъ отечества своею маленькою саблею. Да, у него также была сабля, также и онъ носилъ на головѣ тяжелую каску, и у него была флейта, какой онъ насвистывалъ какъ соловей.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько лѣтъ и Жако было уже лѣтъ шесть. Не нужно говорить, что старый Жакъ почиталъ и любилъ Наполеона какъ любятъ свою мать и свое отечество; онъ научилъ и Жако любить и почитать его также. Одно только постоянно безпокоило гвенадера—это мысль, какимъ образомъ онъ заставитъ малютку носить кокарду. Долго онъ ломалъ надъ этимъ голову, наконецъ придумалъ спрятать ее въ медальонъ.

Однажды послѣ большаго перехода, продолжавшагося почти цѣлые сутки, гренадеры сдѣлали привалъ въ одной деревнѣ. Усталые солдаты, сбросивъ съ себя тяжелые ранцы и прочую аммуницію, скоро заснули богатырскимъ сномъ. Въ избѣ, гдѣ расположился старый гренадеръ съ нѣсколькими товарищами и малюткою Жако, все спало; не спали только они двое. Гренадеру давно хотѣлось поговорить съ Жако серьозно объ драгоцѣнномъ подаркѣ, сдѣланномъ Императоромъ его воспитаннику, и для этого онъ выбралъ минуту, когда ихъ никто не слышалъ и ничто не мѣшало ему перелить въ сердце ребенка еще нѣсколько капель той безпредѣльной любви и преданности къ монарху, которыми полна была душа посѣдѣвшаго въ бояхъ солдата, и онъ началъ такъ:

— «Послушай, Жако, что я тебѣ буду говорить, да смотри не забудь этого, а то я тебя заставлю ѣсть твою кашицу не подувши на нее. Я старъ. и можетъ быть, мнѣ недолго остается жить, но когда я умру, то у тебя останется вещь, съ которою ты не пропадешь; только покажи ее добрымъ людямъ и они тебя не оставятъ».

Тутъ онъ вынулъ изъ своего ранца медальонъ, въ которомъ спрятана была кокарда Наполеона, велѣлъ Жаку стать на колѣна предъ иконою и послѣ краткой молитвы которую Жако повторялъ за нимъ слово въ слово, повѣсилъ ему на шею этотъ медальонъ.

Аппаратъ Нибергa для изслѣдованія морскаго дна употребленный профессоромъ Норденшильдомъ въ Сѣверной экспедиціи, по наброску членъ экспед. Лундштремъ, рисов. Броллингъ, грав. Вейерманъ.

— «Носи эту священную вещь всегда съ собою, не снимай ея никогда, и каждый день утромъ и вечеромъ молись надъ нею за своего государя».

Тутъ онъ обнялъ малютку, благословилъ его крестнымъ знаменіемъ и велѣлъ ложиться спать. Сказано и сдѣлано: въ продолженіи 4-хъ лѣтъ утромъ и вечеромъ, Жако становился на колѣна передъ кокардою, молясь за своего отца Жака и за Императора.

Въ это время, въ эти четыре года, Франція много претерпѣла переворотовъ: она была на верху славы и могущества, и потомъ испытала много несчастій. Наконецъ Наполеонъ былъ сосланъ на островъ св. Елены, и гвардія его была распущена. Бѣдный Жакъ вмѣстѣ съ другими былъ отправленъ съ острова обратно съ тремя своими нашивками на рукавѣ, своимъ крестомъ и бѣднымъ своимъ Жако. Людвигу тогда было 10 лѣтъ. Я узналъ его тогда, когда онъ уже начиналъ понимать свое несчастіе; онъ часто говорилъ мнѣ, что его всего болѣе печалитъ то, что бѣдный отецъ его, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ дѣлалъ по 15 и 20 верстъ въ день, съ ружьемъ, съ ранцемъ и съ сумкою за спиною, теперь, послѣ нѣсколькихъ часовъ дороги, падалъ почти замертво отъ усталости. Онъ съ каждымъ днемъ становился слабѣе и слабѣе. Часто они принуждены были ночевать въ хлевѣ; Жако собиралъ клочки соломы, для того чтобы покрыть ею стараго гренадера. По цѣлымъ ночамъ Жако просиживалъ надъ нимъ и дѣлился съ нимъ кусками хлѣба, собраннаго милостынею отъ содержателей гостинницъ. Наконецъ слабость Жака до того увеличилась, что они принуждены были остановиться въ одной ветхой хижинѣ. Несчастный гренадеръ, истомленный болѣзнію и голодомъ, не говорилъ ни слова почти цѣлые сутки. Наконецъ онъ обратилъ умоляющій взоръ къ мальчику и сказалъ:

— «Жако, дай мнѣ немножко водки, или я умру».

Бѣдный Жако, заливаясь слезами, побѣжалъ на дорогу, и съ часъ просилъ у прохожихъ милостыню, но ничего не получилъ. Онъ былъ въ совершенномъ отчаяніи; какъ вдругъ пришла ему мысль, мысль—которую, можетъ быть, внушило ему несчастіе. Онъ сталъ на колѣни, снялъ съ шеи медальонъ и рыдая кричалъ:

Библиотека "Руниверс"

— «Господи! Господи! дай мнѣ водки для моего несчастнаго отца Жака!» и онъ безпрестанно повторялъ эти слова, задыхаясь отъ слезъ: «Господи! Дай мнѣ водки для отца Жака!»

Въ эту минуту какой-то господинъ подошелъ къ Жако, и началъ распрашивать о причинѣ его слезъ. Малютка разсказалъ ему въ короткихъ словахъ свою исторію и кончилъ такъ:

— «Отецъ Жакъ приказалъ мнѣ никогда не разлучаться съ этою кокардою, онъ мнѣ сказалъ, что она мнѣ будетъ покровительствовать, что въ ней заключается все мое благосостояніе и счастіе. Я скорѣй позволю отрубить себѣ руку, нежели отдамъ этотъ медальонъ; впрочемъ если вы мнѣ дадите за нее грошъ, такъ возьмите ее; я куплю водки отцу Жаку».

Незнакомецъ былъ тронутъ этими словами и отвѣчалъ ребенку:

— Тотъ, кого ты сейчасъ умолялъ, оставилъ во Франціи еще нѣсколько старыхъ и добрыхъ солдатъ, которые охотно раздѣлятъ его благодѣянія со своими товарищами. Сведи меня къ Жаку». И этотъ человѣкъ...

— «Этотъ добродѣтельный человѣкъ», сказалъ молодой морякъ, прерывая разсказъ генерала, «этотъ добродѣтельный человѣкъ взялъ меня къ себѣ, меня, бѣднаго сироту. Онъ велѣлъ перенести Жака въ свой замокъ и возвратилъ его къ жизни. Онъ обезпечилъ его существованіе, и воспиталъ меня, сироту, какъ своего сына, и каждый день осыпалъ меня новыми благодѣяніями!»

При послѣднихъ словахъ молодой офицеръ не могъ удержаться отъ слезъ. Генералъ и его супруга держали его за руки; слезы текли по прекрасному лицу его; генералъ въ свою очередь сказалъ:

— «Ты не кончилъ своей исторіи, Людвигъ; ты забылъ сказать, что я обѣщалъ отдать тебѣ кокарду въ тотъ день, когда ты надѣнешь эполеты, и вы видите, я сдержалъ слово: кокарда на его шляпѣ. Людвигъ былъ при взятіи Алжира, послѣ чего

Странники (богомольцы). Съ натуры снималъ Мордвиновъ, гравир. Наперъ.

Библиотека "Руниверс"

капитанъ прислалъ ко мнѣ моего милаго Людвига прапорщикомъ».

Послѣ этихъ словъ добрый генералъ обнялъ своего пріемыша. Всѣ были тронуты, и старый офицеръ, отирая глаза и расправляя усы, проговорилъ:

— «Я вамъ сказалъ правду, господа, что вы зальетесь слезами».

Сѣверная экспедиція Норденшильда.

Профессоръ Норденшильдъ и докторъ Лундштремъ передъ самоѣдскимъ языческимъ алтаремъ близь устья рѣки Енисея.

Во время своихъ странствованій по берегамъ Енисея, Норденшильдъ и его товарищъ по путешествію др. Лундштремъ, наткнулись на самоѣдскій алтарь, помѣщавшійся на одной изъ прибрежныхъ возвышенностей. Самоѣдскія божества всѣ грубо вырѣзаны изъ дерева съ насѣчками вмѣсто глазъ и носа и вымазаны кровью бѣлыхъ медвѣдей.

На мѣстности вокругъ алтаря лежало около 60 или 80 череповъ сѣверныхъ оленей и бѣлыхъ медвѣдей, что свидѣтельствовало, что здѣсь были мѣста стоянки самоѣдовъ, которые съѣдая животныхъ, приносили въ то же время и жертвы своимъ божествамъ.

Господинъ въ очкахъ, изображенный на лѣвой сторонѣ нашей картинки, самъ профессоръ Норденшильдъ, другой же ботаникъ др. Лундштремъ. По серединѣ изображенъ лисій капканъ.

Аппаратъ Ниберга для изслѣдованія морскаго дна.

Аппаратъ Ниберга употреблялся во время путешествій профессора Норденшильда и рисунокъ его доставленъ намъ однимъ изъ членовъ экспедиціи, докторомъ Алекс. Лундштремомъ:

Для большей ясности считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ его употребленіи.

Извѣстно какія трудности представляетъ изслѣдованіе морскаго дна, иногда на глубинѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ и доставаніе оттуда песку, камней, растеній, животныхъ и раковинъ, на основаніи которыхъ можно было бы дѣлать заключенія о флорѣ, фаунѣ и геологической формаціи. Цѣлые десятки лѣтъ трудились естествоиспытатели надъ изобрѣтеніемъ какого либо инструмента, удовлетворяющаго всѣмъ этимъ требованіямъ, долгіе годы должны были они довольствоваться шурфовальными ящиками, могущими дѣйствовать только при движеніи корабля и захватывающими землю не на желанномъ мѣстѣ, причемъ половина захваченнаго пропадала изъ ящика при вытягиваніи его со дна, пока наконецъ былъ изобрѣтенъ великолѣпный аппаратъ. При изобрѣтеніи аппарата Ниберга устранилась неточность наблюденій, столь вредная при серьезныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, такъ какъ изысканія могутъ дѣлаться на всякомъ желаемомъ мѣстѣ.

Какъ видятъ читатели на рисункѣ, этотъ простой, но въ то же время очень удобный аппаратъ состоитъ изъ бруса ББ, на верхнемъ концѣ котораго привинчено большое желѣзное кольцо А. Къ кольцу этому привязывается желѣзный канатъ, на которомъ и производится опусканіе. Благодаря тяжести камней, наложенныхъ въ ящикѣ Д, аппаратъ опускается на дно очень скоро, причемъ отъ толчка, происходящаго отъ углубленія острія рогатины Ф въ морской илъ—пружины НН спускаются и створчатыя полушарія плотно закрываются, захватывая въ себя илъ, растенія, животныхъ, камни и раковины. Въ это время ящикъ съ камнями, круглое отверстіе въ серединѣ котораго по діаметру больше поперечнаго разрѣза закрывшихся полушарій упадаетъ на дно, и аппаратъ совершенно легко подымается на верхъ, безъ всякаго усилія, только благодаря удѣльному вѣсу бруса Б. Во время своихъ изслѣдованій въ Карскомъ морѣ профессоръ Норденшильдъ и его спутники нашли такимъ образомъ на морскомъ днѣ новые виды растеній. До сихъ поръ полагалось, что въ этихъ сѣверныхъ широтахъ на морскомъ днѣ нѣтъ никакой растительности.

Странники-богомольцы.

Кому не случалось встрѣчать ихъ съ котомкой и посохомъ; идутъ они въ свой далекій и трудный путь. Съ удивленіемъ узнаешь имя его роднаго уѣзда. Онъ не за одну тысячу верстъ отъ цѣли его путешествія. Идутъ они по обѣщанью, по усердію. Идутъ и кормятся тѣмъ, что добрые люди подадутъ. Всѣ охотно имъ подаютъ: «прими—помолись за меня». Идутъ они къ Соловкамъ, въ Кіевъ, за море въ Іерусалимъ. Другіе такъ всю жизнь странствуютъ...

Вотъ напримѣръ что говоритъ немощная, сгорбленная старуха. Разсказъ ея мы заимствуемъ изъ очерковъ *) одного изъ нашихъ талантливыхъ беллетристовъ.

— Бродяжка я, голубчики, бродяжка съ измальства. По градамъ и весямъ странствую, святое имя Христово прославляю. Отца не помню, а матушка-то далеко отсюда на большой рѣкѣ, въ большомъ городу—мѣщанкой была. И какой городъ, и какая рѣка—не вѣдаю... Помню избушку, помню она, что калѣка старая, перекосилась сердечная... Еще матушку помню—добрая.., А потомъ дорога какая-то, старцы убогинькіе. Тамъ опять пути дороженьки. Ну—и перепутала все. Давно это было. Все одна я странствовала. Всю землю крещеную обошла и вездѣ Божіимъ угодничкамъ молилась. Въ Ерусалимѣ градѣ была, гробу Господню поклонялась. Турку тамъ устрѣла, а турка добрый, головы христіанской не рубитъ, а самъ еще тебѣ и хлѣбушка подаетъ. Хлѣбъ у нихъ бѣлый и тонкій, что лепешка... Еще я тамъ много городовъ видѣла и всѣ на припекѣ, на солнышкѣ... Таково-ли паритъ—страсть! Море знаю—какъ къ Ерусалимъ-граду ѣхать... Много насъ тамъ было и померло много. Монаховъ-эллинскихъ на горѣ Афонѣ-святой тоже помню. И въ Кіевѣ была... Тамъ въ пещерахъ тысящи праведниковъ лежатъ и всѣ въ вѣнцахъ осіянныхъ, у всѣхъ въ ручеькахъ вѣтвь пальмовая... И идешь ты по пещерамъ этимъ и свѣту нѣтъ—а все видно, потому отъ вѣнцовъ сіяніе изливается...»

Безвѣстно странствуютъ они, свершая свой подвигъ, безвѣстно и умираютъ...

«Четыре послушника, говорится тамъ же, выносили изъ кладбищенской церкви деревянный гробъ, еще не закрытый.

Хоронили богомольца, умершаго на первый день своего пріѣзда въ монастырь. Онъ лежалъ въ чистомъ бѣльѣ, покрытый саваномъ. Монастырь на свой счетъ одѣлъ его во все новое...

— Кто это?

— Господь его вѣдаетъ... Рабъ Божій Василій.

— И больше о немъ ничего не извѣстно?

— Ничего.

Привезли его на пароходѣ больнаго отъ дурной пищи, холода и сырыхъ ночлеговъ во время дороги. Несчастный, прошедшій цѣлые тысячи верстъ, питаясь подаяніемъ, умеръ у порога тѣхъ святынь, которымъ думалъ поклониться. Умеръ въ забытьи, не сознавая гдѣ онъ. Говорятъ, бредилъ, звалъ жену, дѣтей, ласкалъ ихъ, говорилъ съ ними,..

На монастырскомъ кладбищѣ одной могилой больше; гдѣ нибудь въ далекой глуши, въ захолустьи однимъ кормильцемъ меньше. И долго будетъ ждать осиротѣвшая семья хозяина и часто будетъ выходить на дорогу жена его—не покажется ли милый странникъ въ далекѣ, покрытый пылью и грязью.

Изъ могилы поднимутся цвѣтики алые, покосится черный крестъ надъ нею; а родимая семья все не будетъ знать, что сдѣлалось съ ея кормильцемъ. И цѣлыя ночи будутъ плакать дѣти и жена... Какъ горячи ихъ молитвы!..

А надъ нимъ—тяжелая земляная насыпь и эта темная, мозолистая рука не будетъ ласкать никогда бѣлокурыя головенки дѣтей»...

*) Соловки. Нем.-Данч, 1875 г. Спб.

Библиотека "Руниверс"

Смѣсь.

Плащъ пророка. Перваго октября, въ магометанскомъ мірѣ начался великій постъ, Рамазанъ, который продолжается обыкновенно цѣлый мѣсяцъ, до 1-го ноября. Во все время этого поста ни одинъ изъ поклонниковъ Магомета не смѣетъ взять въ ротъ ни крошки хлѣба, ни капли какого бы то ни было напитка, въ теченіе цѣлаго дня, съ восхода солнца до заката, а если онъ нарушитъ эту заповѣдь пророка, то теряетъ надежду попасть въ рай послѣ смерти. За то ночью онъ можетъ предаваться всѣмъ наслажденіямъ жизни и не только въ столицахъ магометанскаго міра, Константинополѣ и Каирѣ, но даже въ священныхъ городахъ Меккѣ и Мединѣ; во время этихъ ночей происходятъ самыя дикія, необузданныя оргіи. Въ текущемъ году, 15-го октября, въ день, раздѣляющій постъ Рамазанъ на двѣ половины, въ Константинополѣ праздновалось торжество выставленія на показъ вѣрующимъ настоящаго плаща пророка, плаща, который Магометъ носилъ во время своихъ военныхъ походовъ. Этотъ обычай установился со временъ калифа Ситта. Правовѣрнымъ позволяется подходить къ плащу пророка и цѣловать его край. Въ прежніе годы его выставляли въ одной изъ мечетей, а съ 1849 года онъ показывается въ императорскомъ кіоскѣ Танъ-Кану. Въ текущемъ году самъ султанъ первый приступилъ къ цѣлованію реликвіи, вслѣдъ за нимъ подошелъ наслѣдникъ престола Юсуфъ-Иззединъ, потомъ великій визирь. За ними послѣдовали одинъ за другимъ глава магометанской церкви, Шейкъ-Уль-Исламъ, министры, улемы или ученые богословы, коронные богословы и высшіе военные чины. Только послѣ всѣхъ этихъ лицъ вошли въ кіоскъ Танъ-Кану, тоже съ цѣлью поклониться плащу, мать Султана, султанша Валидэ, съ своимъ дворомъ и рабынями.

Подземный лѣсъ. Подъ русломъ Темзы, недалеко отъ мѣстности, носящей названіе Чиви-Гардолъ-Пэйэръ, въ окрестностяхъ Лондона, открытъ недавно подземный лѣсъ. Это интересное открытіе возбуждаетъ всеобщее вниманіе англійскихъ археологовъ. Этотъ доисторическій лѣсъ состоялъ изъ дуба, ольхи и ивы, которыя сохранили до настоящаго времени свои растительныя свойства. По различнымъ признакамъ можно заключить, что этотъ лѣсъ относится ко времени существованія сѣвернаго оленя въ Англіи.

Соперница капитана Уэбба. Молодая англичанка, дѣвица Алиса Беккунтъ, подержала пари, что проплыветъ по Темзѣ пространство въ 6 километровъ. Для мущины зрѣлыхъ лѣтъ было бы не слишкомъ трудно исполнить, но для нѣжной молодой дѣвушки это казалось задачей не по силамъ. Миссъ Беккунтъ едва минуло 14 лѣтъ и она, съ 4-хъ лѣтняго возраста, училась плавать подъ руководствомъ своего отца, учителя плаванія. Недавно, въ видѣ опыта, она проплыла отъ Беттерси до Уэстминстера и вышла изъ воды, не обнаруживая никакихъ признаковъ утомленія. Отецъ и братъ сопровождали смѣлую плавательницу въ лодкѣ. Лондонскій мостъ, набережныя и многія корабельныя палубы были переполнены зрителями; когда миссъ Беккунтъ бросилась въ воду, раздался громъ рукоплесканій.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, два англичанина держали пари на значительную сумму, кто изъ нихъ прибудетъ ранѣе въ Іокагаму, 25-го сентября, въ 2 часа пополудни. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ отправиться въ Японію черезъ Америку, другой —черезъ Суэзскій каналъ. Тотъ, путь котораго лежалъ черезъ Америку, сѣлъ на пароходъ, долженствовавшій прибыть, по росписанію, въ Іокагаму къ 25 сентябрю; но пароходъ опоздалъ въ пути на сутки. Другой англичанинъ совершилъ поѣздку на пароходѣ, потерпѣвшемъ крушеніе 18-го сентября у береговъ Японіи, но пассажиры были спасены и прибыли въ Іокагаму 25-го сентября въ 1½ ч. пополудни. Между ними былъ англичанинъ, выигравшій пари, такъ какъ онъ прибылъ получасомъ ранѣе опредѣленнаго срока.

Куриный городъ. Въ Колорадо два брата Гоффъ устроили громадный курятникъ, занимающій 4 акра и разделенный, какъ городъ, на улицы и переулки. Курамъ съ ихъ семействами отведены особые домики, и замѣчено, что онѣ очень скоро привыкаютъ къ своимъ квартирамъ. Населеніе этого куринаго городка достигло почтенной цифры—20,000 обитателей.

Собачій квартетъ. Любители страностей могутъ теперь видѣть въ Парижѣ музыкальный квартетъ изъ собакъ. Одинъ австріецъ, Гансъ Таммеръ, выучилъ четырехъ собакъ пѣть или вѣрнѣе, лаять ритурнель одного нѣмецкаго вальса и арію изъ «Риголетто». Каждая собака поетъ по два тона; одна C и G, другая E и H, третья D и A, четвертая F и Fis. Четвероногіе пѣвцы даютъ свои концерты въ театрѣ.

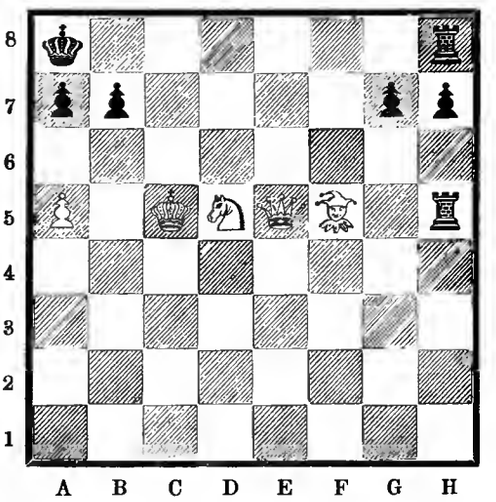
Англійская «Weecky Gazette» сообщаетъ слѣдующій анекдотъ, за достовѣрность котораго ручается: зимой 1818 года вспыхнулъ пожаръ въ одномъ женскомъ монастырѣ, въ Лиможѣ, во Франціи. Огонь распространился такъ быстро, что всѣ боялись за жизнь бывшихъ въ монастырѣ пансіонерокъ. Вдругъ разнесся слухъ, что одна маленькая дѣвочка забыта въ своей комнатѣ. Между тѣмъ какъ трепетавшіе зрители начинали уже молиться за несчастное дитя, сквозь толпу протѣснилась молодая дѣвушка высокаго роста, съ прекрасными волосами, спадавшими въ безпорядкѣ на ея ночное платье, я съ крикомъ: я спасу ее», бросилась къ пылавшему зданію. Крикъ ея былъ услышанъ толпою, не смотря на трескъ горѣвшихъ балокъ, и стѣны рушились въ ту минуту, когда мужественная дѣвушка вбѣгала въ выходную дверь зданія. Черезъ нѣкоторое время молодая дѣвушка появилась снова, перебѣгая черезъ пожарище и держа на рукахъ испуганное дитя. Нѣсколько дней спустя король Людовикъ-Филиппъ прислалъ героинѣ золотую медаль за ея доблестный подвигъ, а одинъ ариейскій капитанъ, бывшій свидѣтелемъ мужества молодой дѣвицы, попросилъ позволенія быть ей представленнымъ. Этотъ капитанъ нынѣ президентъ французской республики, а мужественная молодая дѣвица стала герцогиней Макъ-Магонъ.

Внутри вулкана. Въ цѣпи мексиканскихъ Кордильеровъ, одна изъ высшихъ горъ называется Попокапетль и достигаетъ 17,884 англ. фут. У подножія этой горы растутъ сосны; выше идутъ разные кустарники, а на высотѣ 14,000 фут. начинаются вѣчные снѣга. Въ 1827 году англичане Геленни и Тайлоръ первые взошли на вершину вулкана, а въ текущемъ году полковникъ Грости изъ Вергиніи и Стевенсъ изъ Клевелента спустились въ самый кратеръ. Вотъ что между прочимъ пишетъ Стевенсъ въ одну изъ американскихъ газетъ: «Достигнувъ края кратера, мы могли измѣрить его обширность; въ окружности онъ имѣетъ англійскую милю а глубина его 4,500 футовъ. Спускаясь по весьма крутой тропинкѣ, мы добрались до небольшой площадки, гдѣ живутъ 40 рабочихъ, добывающихъ сѣру и очень рѣдко выходящихъ изъ кратера. Мы у нихъ переночевали. Тамъ на веревкахъ спускаются къ глубокимъ пластамъ сѣры, видъ этихъ пропастей и красивъ, и страшенъ. Расплавленная сѣра течетъ потоками и клубы дыма поднимаются вверхъ. Мы спустились по веревкѣ, и это путешествіе намъ казалось дантовскимъ сномъ».

ЗАДАЧА

Н. ЕРМИЛОВА

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ 4 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задача въ «Нивѣ» № 49.

Бѣлые.	Черные.
1) d5 — e6	1) Ad libitum.
2) h1 — h8 ✕ ✕	(какъ угодно).

Библиотека "Руниверс"

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

Именной высочайшій указъ министру путей сообщенія.

Разрѣшивъ обществу ботн-тифлисской желѣзной дороги сооруженіе кутаисской вѣтви, повелѣваемъ: сдѣлать нужныя распоряженія къ отчужденію изъ частнаго владѣнія земель и другихъ имуществъ, которыя потребуются подъ устройство означенной желѣзнодорожной вѣтви и ея принадлежностей; въ вознагражденіи же владѣльцевъ за отчужденную отъ нихъ собственность поступить на точномъ основаніи существующихъ общихъ для Имперіи узаконеній объ имуществахъ, отходящихъ изъ частнаго владѣнія по распоряженію правительства.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ Ливадіи,
25 октября 1875 г.

— Введеніе судебной реформы въ Привислянскомъ краѣ отсрочено до 1 (13) сентября 1876 года.

Дѣла церкви.

„Русскій Міръ» передаетъ, что въ будущемъ 1876 году, по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, на содержаніе греко-уніатскаго духовенства въ губерніяхъ Привислянскаго края предположено ассигновать къ отпуску всего только 21,393 р. Содержаніе это до настоящаго года, по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, исчислялось ежегодно по 165,473 руб., но по случаю совершившагося возсоединенія съ православною церковью холмскаго епархіальнаго духовенства и 241 греко-уніатскаго прихода изъ означеннаго кредита, отпускавшагося прежде по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, перенесено въ нынѣшнемъ году въ смѣту святѣйшаго синода 144,080 руб., а остальные затѣмъ 21,393 р., на основаніи Высочайшаго повелѣнія 19-го іюня 1875 года, съ будущаго года будутъ подлежать исчисленію по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Морское дѣло.

При входѣ въ бременскую гавань, 29-го ноября прошлаго мѣсяца, случилось одно изъ тѣхъ ужасныхъ судовыхъ несчастій, при которыхъ спасеніе людей почти невозможно. Въ то время, какъ пароходъ сѣверо-германскаго общества «Lloyd»—«Мозель» принималъ своихъ пассажировъ, на другомъ пароходѣ «Симсонъ», стоящемъ нѣсколько впереди «Мозеля», разорвало большой паровой котелъ, причемъ убито до 50 человѣкъ пассажировъ обоихъ пароходовъ и множество ранено; причину этого несчастнаго случая приписываютъ неисправности предохранительныхъ клапановъ въ котлахъ парохода «Симсонъ».

— Бывшій главный корабельный инженеръ Англіи, извѣстный г. Э. Ридъ, представитель отъ Пемброка, говорилъ недавно своимъ избирателямъ рѣчь, въ которой касался преимущественно флота; такъ, говоря о корабляхъ, построенныхъ по образцу броненосца «Inflexible», онъ, между прочимъ, замѣтилъ, что два подобныхъ судна значительной величины, строющіяся въ настоящее время заграницею (гдѣ именно—не сказано), обладаютъ такими свойствами, что въ первомъ же сраженіи, по всей вѣроятности, опрокинутся. Англійскіе же корабли этого рода не обладаютъ подобными недостатками.

— Устроенная недавно въ Италіи аукціонная продажа военныхъ кораблей въ первый разъ дала весьма неудовлетворительные результаты, такъ какъ изъ большаго числа продаваемыхъ судовъ покупателями были торгованы самыя незначительныя изъ нихъ, а именно: канонерская лодка «Монтебелло» и небольшой пароходъ «Рома». Правительство Италіи, приписывая первую неудачу аукціонной продажи тому, что большая часть капиталистовъ не знала объ этой продажѣ,—назначило въ непродолжительномъ времени вторую аукціонную продажу военныхъ судовъ.

Разныя извѣстія.

Изъ напечатанной въ «Правит. Вѣстникѣ» вѣдомости о пожарахъ въ теченіи ноября мѣсяца этого года видно, что всего пожаровъ было 2.046, причинившихъ убытка на 2,402,630 р. Въ томъ числѣ отъ поджога произошло 329 пожаровъ, отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ 517, отъ молніи 6 и по неизвѣстнымъ причинамъ 1,194. Особенно пострадали губерніи: Московская (убытка 284,807 р.), (Саратовская (148,810 р.), Гродненская (139,808 рублей), Ярославская (124,665 р.), Волынская (78,089 р.), Кѣлецкая (70,117 р.), Калужская (66,952 р.), Владимірская (62,103 р.) и Курская (61,175 р.).

— Въ газету «Сибирь» пишутъ изъ Омска: «Наши мечты объ окружномъ судѣ въ Омскѣ, повидимому, близки къ осуществленію. Надняхъ въ коммисіи по устройству степей получено извѣщеніе изъ министерства юстиціи, что проектъ устройства окружнаго суда для степей министерствомъ одобренъ и уже переданъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Расходъ на содержаніе суда исчисленъ приблизительно въ 200 тысячъ рублей ежегодно.

— Въ началѣ декабря въ засѣданіи уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, объявлена резолюція по дѣлу гг. Ватсона и Суворина съ г. Голубевымъ. Правительствующій сенатъ опредѣлилъ: за неправильнымъ примѣненіемъ 1535 статьи улож. о наказ., приговоръ судебной палаты отмѣнить и дѣло передать въ другой департаментъ той же палаты для новаго разсмотрѣнія.

С.-Петербургская биржа.

— Выигрышные займы подъ вліяніемъ спроса окрѣпли и заключились на 233 р.—1 и 223½ р.—2 заемъ. Остальные фонды также пользовались сдѣлками, но оставались въ прежнихъ цѣнахъ. Рента утвердилась на 104¼ рубля.

Изъ ипотечныхъ бумагъ окрѣпли: заемъ г. СПБ.—98¾ р., закладн. листы земельн. банковъ: харьковскіе—94, 94¾ и 95 р.; саратовско-симбирскіе – 93¼ и 92¼ р. Остальные попрежнему.

На банковыя акціи явился порядочный спросъ: изъ нихъ были сдѣланы: Спб. учетный по 330 р. Международный по 128 р.

По желѣзнодорожнымъ акціямъ покупателей много. Въ особенности спрашивались: акціи главнаго общества, сдѣланныя по 161½, 172½ и 162 р. Рыбинско-бологовскія — по 83½, 84 и 83¾ р. Кинешма-ивановскія по 48 и 48½ р. Грязе-царицынскія по 59¾ р.

Акціи вѣнскаго пивовареннаго завода покупали по 106 р.

Некрологъ.

Въ понедѣльникъ, 8-го декабря, скончался въ Москвѣ Михаилъ Петровичъ Погодинъ. Пресѣклось свыше пятидесятилѣтнее неустанное трудолюбіе, посвященное изслѣдованію русской исторіи и русской жизни. Его семь томовъ изслѣдованій останутся навсегда замѣчательнымъ памятникомъ его серьезныхъ трудовъ по научной разработкѣ источниковъ русской исторіи. Его служеніе идеѣ сближенія славянъ дѣлало его самымъ виднымъ въ Россіи представителемъ этого вопроса. Многія изъ его политическихъ статей и брошюръ имѣли большую популярность.

Приговоръ по дѣлу Овсянникова.

Въ засѣданіи (вечернемъ) 6-го декабря, по окончаніи преній, предсѣдателемъ въ 9 часовъ 30 минутъ былъ врученъ присяжнымъ засѣдателямъ вопросный листъ.

Ровно въ 12 часовъ ночи судъ вынесъ резолюцію, сущность которой состоитъ въ слѣдующемъ:

1875 года, декабря 6 дня, по указу Его Императорскаго Величества, с.-петербургскій окружный судъ, по 2 отдѣленію, выслушавъ дѣло о коммерціи совѣтникѣ Степанѣ Тарасовѣ Овсянниковѣ, ржевскомъ 2-й гильдіи купцѣ Андрѣе Петровѣ Левтѣевѣ и ржевскомъ мѣщанинѣ Дмитріи Артемьевѣ Рудометовѣ, признанныхъ рѣшеніемъ гг. присяжныхъ засѣдателей виновными въ поджогѣ, по предварительному соглашенію, мельницы, принадлежащей коммерціи совѣтнику Кокореву, въ то время, когда въ ней жили служащіе на мельницѣ, и въ магазинномъ отдѣленіи находились жизненные припасы, а въ отношеніи Левтѣева и Рудометова, признанныхъ заслуживающими снисхожденія, на основаніи 1606 и 2 пун. 1607 ст. улож. о наказ., постановилъ: подсудимаго ком. сов. Овсянникова, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, какъ имѣющаго болѣе 70 лѣтъ, на основаніи 74 ст. улож., сослать въ отдаленныя мѣста Сибири; подсудимаго ржевскаго 2-й гильдіи купца Левтѣева, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 9 лѣтъ; подсудимаго ржевскаго мѣщанина Рудометова, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на 8 лѣтъ. Въ отношеніи подсудимаго Овсянникова приговоръ представить чрезъ министра юстиціи, на основаніи 945 ст. уст. угол. судопр., на Высочайшее Государя Императора усмотрѣніе. Признать «Варшавское страховое общество» и страховое общество „Якорь» необязанными уплачивать страховую премію за сгорѣвшую мельницу; признавъ искъ гражданскаго истца Кокорева подлежащимъ удовлетворенію, взыскать съ Овсянникова 700,000 руб. Затѣмъ судъ постановилъ, въ виду состоявшагося приговора по отношенію Овсянникова, измѣнить мѣру пресѣченія уклоняться отъ суда, подвергнувъ его предварительному тюремному заключенію. Приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ 20-го декабря 1875 г. Въ 1 часовъ 20 минутъ засѣданіе было закрыто и Овсянниковъ былъ арестованъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Попъ Богданъ Зимовичъ (съ портретомъ).—**Кто выигралъ?..** (Изъ современной уголовной хроники). Романъ **Ф. Фридриха** (продолженіе). — Въ осадномъ положеніи (съ рисункомъ).—Помпеянка за туалетомъ (съ рисункомъ).—Кокарда Наполеона.—Сѣверная экспедиція профессора Норденшильда: профессоръ Норденшильдъ и докторъ Лундштремъ передъ самоѣдскимъ языческимъ алтаремъ близь устья рѣки Енисея (съ рисункомъ).—Ашаратъ Нюберга (съ рисункомъ).—Странники-богомольцы (съ рисункомъ).—Смѣсь.—Шахматы.—Приложеніе объявленій.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

При этомъ нумерѣ прилагается листъ объявленій на стр. 819 и 820.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 12 Декабря 1875 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб. Больш. Морская, № 9. Тип. Безлина, Анич. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЕЛКА. ЕЛКА.

ВЪ МАГАЗИНѢ БУМАГЪ

КОНСТАНТИНА ЧЕРНОХВОСТОВА.

Въ Ростин. дворѣ, по Зеркальн. лин. № 35, въ СПБ.

ПОЛУЧЕНЫ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ

БОНБОНЬЕРКИ.

Въ самомъ разнообразномъ выборѣ и хлопушки съ сюрпризами и полными костюмами отъ 5 к. с.

Елки отъ 20 к., свѣчи парафиновыя 20 к. пачка, металъ магніи, бенгальскія огни всѣхъ цвѣтовъ, зажигательныя нитки, блестящія украшенія для елокъ.

Цвѣты фарфоровыя въ натуральномъ видѣ.

Фигуры и каррикатуры изъ гипса и бютеня.

Абажуры всѣхъ величинъ и фасоновъ.

Писчая и почтовая бумага какъ французск., такъ и здѣшн. лучш. фабр. а также и всѣ проч. сорта бумаги, канцелярскія, чертежныя и классныя матеріалы, **поставка бумаги по контрактамъ съ залогомъ принимается съ уступкой.**

Вещи для письменнаго стола, бювары, портфели, чернильницы на мраморѣ, бронзѣ и чугунѣ, вѣчныя чернил. отъ 40 к. штуа, карандаши копировальныя и для мѣтки бѣлья, ручки съ чернилами.

Предметы для учащихся: глобусы, готовальни, пиналы, тетради графленыя въ сѣтку отъ 4 коп. сер., ранцы, сумки и проч. предметы, вещи изъ папье-маше съ живописью изъ русскаго быта, портъмоне и прочіе предметы.

Альбомы отъ 60 к., большой выборъ вещей для подарковъ изъ николя, бронзы, чугуна и хрусталя. Вѣнская гнутая мебель братьевъ **Тонетъ**, всѣ сорта обыкновенной и дѣтской. 3—1

ЕЛКА. ЕЛКА.

НОВЫЙ СПОСОБЪ РИСОВАНІЯ

Этимъ способомъ каждый можетъ съ чрезвычайною точностью копировать всевозможные рисунки фотографическія карты и пр. безъ предварительной подготовки съ приложеніемъ **„Новый способъ умноженія посредствомъ сложенія“** Цѣна 1 руб. Иногородные благоволятъ обратится въ контору объявленій Невскій пр. № 4 и прилагать за три фунта вѣса.

ЗОДЧІЙ,

АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

С.-Петербургскимъ Обществомъ Архитекторовъ.

1876 годъ.

Цѣна за годъ, въ С.-Петербургѣ безъ доставки 13 руб. Съ доставкою 14 руб. Съ пересылкою во всѣ города Россіи 15 руб.

Журналъ выходитъ въ количествѣ 12 выпусковъ въ годъ; каждый выпускъ, въ форматѣ большой четвертки, заключаетъ въ себѣ 5 листовъ чертежей и не менѣе 1-го печатнаго листа текста, кромѣ того, политипажи и приложенія по мѣрѣ надобности.

ПРОГРАММА.

1) *Отдѣлъ сельскохозяйственный* посвященъ сельской архитектурѣ.
2) *Историческій отдѣлъ.*—изслѣдованіе отечественныхъ древнихъ памятниковъ.
3) *Отдѣлъ русскаго стиля.*—Старинныя и новейшія постройки, а также утварь, мебель и проч.
4) *Отдѣлъ современныхъ зданій.*—Постройки отечественныя и другихъ странъ.
5) *Отдѣлъ техническій.*—Разработка вопросовъ по строительной техникѣ и по конструкціи замѣчательныхъ сооруженій, разсчеты устойчивости.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, при магазинѣ А. Беггрова, Невскій проспектъ. домъ № 4.

Тамъ-же можно получать оставшіеся экземпляры изданій 1872, 1873 и 1874 гг. по 10 руб. за годъ и 1875 г. 13 р за пересылку 1 руб. 50 коп.

Для гг. служащихъ въ подписной платѣ допускается разсрочка по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; для прочихъ лицъ—по соглашенію съ редакціей.

Съ января 1876 г. предполагается издавать ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ прибавленіе къ журналу подъ названіемъ „Листокъ Журнала Зодчій“, въ которомъ будутъ помѣщаться:

1) Извѣстія о подрядахъ и обо всѣхъ предлагаемыхъ и утвержденныхъ постройкахъ и перестройкахъ зданій въ С.-Петербургѣ.

2) Вызовы на производство строительныхъ работъ и техническихъ приспособленій.

3) Справочныя цѣны на строительныя работы и матеріалъ.

4) Объявленія заводчиковъ, фабрикантовъ, подрядчиковъ, мастерскихъ и пр.

Вслучаѣ разрѣшенія подписка на Листокъ журнала «Зодчій» будетъ приниматься и отдѣльно подписка на журналъ.

Отвѣтственный редакторъ инженеръ Архитекторъ.

И. Мерцъ.

НЕ НАДО ПОРОШКА и СОСТАВА.

Паровой ручной аппаратъ.

Для истребленія клиновъ, таракановъ и проч. насѣкомыхъ, которыя водятся въ щеляхъ, стѣнахъ подъ обоями, кроватяхъ, матрацахъ, и проч. Аппаратъ этотъ, при своемъ полезномъ назначеніи, имѣетъ свойство пріятное, можетъ такъ-же съ успѣхомъ служить для куренія въ комнатахъ, и очищать воздухъ въ различныхъ помѣщеніяхъ. При аппаратѣ прилагается наставленіе; для торговцевъ дѣлается уступка. Магазинъ А. Штейнберга. Невскій просп. д. Казанскаго Собора № 25.

Изданія Г. ГЕССЕЛЯ въ Лейпцигѣ:

РУЧНОЙ СЛОВАРЬ Русско-Нѣмецкій и Нѣмецко-Русскій. HANDWÖRTERBUCH der russischen u. deutschen Sprache. Zum Hand- u. Schulgebrauch nach den neuesten und besten Quellen bearbeitet von *Fr. Booch, Ad. Frei* u. *Fr. Messer.*

I. Deutsch-Russisches Wörterbuch	2 Руб. 50 коп
въ переплетѣ	3 » 25 »
II. Russisch-Deutsches Wörterbuch	4 » — »
въ переплетѣ	4 » — »

Нѣмецко-Русскій и Русско-Нѣмецкій КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ. Deutsch-Russisches und Russisch-Deutsches Taschenwörterbuch von *Ad. Frei.*

I. Deutsch-Russ. Taschenwörterb.	— Руб. 90 коп.
въ переплетѣ	1 » 40 »
II. Russ.-Deut- Taschenwörterb.	1 » 10 »
въ переплетѣ	1 » 60 »

УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ Русско-Нѣмецкій и Нѣмецко-Русскій. Schulwörterbuch der russischen und deutschen Sprache von *Ad. Frei* . . . . 2 Руб. 50 коп.

въ переплетѣ . . . . . 3 » 25 »

Эти изданія можно выписывать черезъ книжный магазинъ:

К. Риккера въ С.-Петербургѣ, по Невскому проспекту № 16.

Г. Гессель, въ С.-Петербургѣ, по Невскому проспекту № 13.

Колесова и Михина, въ С.-Петербургѣ, № 13. въ Гостиномъ Дворѣ.

М. О. Вольфа въ С.Петербургѣ въ. Гост. Двор.

4—1

ПОДПИСКА НА „ДОНСКУЮ ГАЗЕТУ“

въ 1876 году.

„Донская Газета“ въ **1876** году будетъ издаваться по прежней программѣ и выходить 2 раза въ недѣлю, въ размѣрѣ печатнаго листа. Годовая цѣна изданія остается прежняя (8 руб. съ пересылкою и доставкою), а полугодовая—4 руб. 50 коп. Для училищъ и гимназій Области войска Донскаго, выписывающихъ каждое не болѣе одного экземпляра, цѣна изданія: годовая—6 руб. и полугодовая—3 руб. 50 коп. Мѣсячные подписчики платятъ 1 руб.—Въ **1876** году „Донской Газетѣ“ будутъ помѣщаемы телеграммы Русскаго Телеграфнаго Агентства о важнѣйшихъ явленіяхъ нашей и иностранной политики.

Подписка принимается въ г. Новочеркаскѣ, по Платовскому проспекту, домъ Карасева (бывшій Ильина).

3—1

СЪ ЯНВАРЯ 1876 ГОДА

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

безъ предварительной цензуры

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„МОЛВА“

На ряду съ общественными и политическими вопросами, нашей внутренней жизни, такъ и жизни иностранныхъ государствъ, въ газетѣ предполагается дать мѣсто:

Статьямъ научнаго содержанія, въ общедоступномъ изложеніи, по разнымъ вопросамъ знаній, а также литературнымъ произведеніямъ нашей отечественной и иностранной беллетристики.

Библіографическимъ и критическимъ замѣткамъ, статьямъ юридическаго содержанія и фельетону.

Подписныя цѣны: на годъ безъ пересылки и доставки *6* руб, на полгода *3* руб. *50* коп.; съ пересылкою и доставкою на годъ *7* руб., на полгода *4* руб.

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ въ редакцію газеты „МОЛВА“, Эртеловъ переулокъ, д. № 5 кв. № 4.

Редакторъ князь *В. Оболенскій.*
Издатель *А. Жемчужниковъ.*

3—2

45—20

СПЕЦІЯЛЬНОСТЬ

ЕДВАРДЪ СЪ КОЛЬДКРЕМЪ.

По Екатеринскому каналу у Казанскаго моста, домъ Устинова № 12. 4—3

VORTHEILHAFT!!

Ein solides Haus (Galanteribranche) sucht in allen Städten thätige Verkäufer gegen hohe Provision. **Franco** Offerten in **deutscher Sprache** mit **C. R. an die Redaction dieses Blattes.**

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—24

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА НА 1876 ГОДЪ
ЖЕНСКІЙ РУКОДѢЛЬНО-МОДНЫЙ, ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
„АВРОРА".

Съ 1-го января 1876 года, будетъ выходить въ томъ же объемѣ и по той-же программѣ какъ въ настоящемъ году, 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, тетрадями большаго формата.

Въ теченіи года подписчики получатъ:

40 большихъ печатныхъ листовъ текста,
до **1500** оттиснутыхъ въ Парижѣ политипажныхъ рисунковъ,
до **200** литограф. выкроекъ на 12 большихъ листахъ,
24 раскрашенныя модныя, большія картинки (Парижской работы),
24 вырѣзныя выкройки, натур. величину,
6 раскрашенныхъ узоровъ для вышивокъ въ русскомъ стилѣ.
6 раскрашенныхъ канвовыхъ узоровъ,
до **30** листовъ съ рисунк. для **дѣтскихъ работъ и игръ**, съ объяснительнымъ текстомъ; множество узоровъ для бѣлыхъ работъ самыхъ новыхъ образцовъ.

Согласно желанію, заявленному многими изъ нашихъ подписчиковъ, съ 1-го же номера будетъ помѣщено **ШКОЛА КРОЙКИ ПО МѢРКѢ** *дамскихъ нарядовъ, мужскаго и дѣтскаго бѣлья, съ пояснительными рисунками на отдѣльныхъ листахъ.*

СЮРПРИЗЪ:
Къ № 1-му будетъ приложенъ Календарь на 1876 годъ.
Къ № 6-му—салонная пьеса для фортепіано.

ПРЕМІЯ 1876 года состоится изъ ШЕСТИ РАБОТЪ:

1. Сонетка 2¼ арш. длины, 5 верш. шир. (Матерьялы: цвѣтная канва и 43 тѣни шерсти). **2. Подушка** большая. (Матерьялъ: канва бѣлая, 24 тѣни шерсти и фонъ). **3. Кашъ-петръ**, величина почтоваго листа. (Матерьялъ: цвѣтная канва и 37 тѣней шерсти). **4. Портъ-сигаръ.** (Матерьялъ: бумажная канва и 29 тѣней шелку). **5. Кружево** (миньярдизъ) для бѣлья. (Матерьялъ: 5 арш. тесьмы миньярдизъ и 100 ярд. бумаги). **6. Шарфъ** кисейный на шею, вышивка гладью. (Матерьялъ: кисея и бумага). Къ канвовымъ и шелковымъ работамъ всѣ узоры цвѣтные большаго формата.

Успѣхъ журнала «АВРОРА» въ первый годъ существованія и опредѣлившаяся цифра подписчиковъ настоящаго года, дала Редакціи возможность въ этомъ году приступить къ заготовкѣ премій для 1876 года. Вслѣдствіе этого, всѣмъ иногороднымъ подписчикамъ, высылавшимъ подписныя деньги до 1-го января—премія будетъ выслана въ январѣ, высылавшимъ до 1-го февраля—въ февралѣ и т. д. Городскимъ подписчикамъ внесшимъ деньги до 1-го января, премія будетъ выдана вмѣстѣ съ № 1 журнала; подписавшимся послѣ 1-го января—съ № 4.

Съ 1-го января 1876 года ежемѣсячно подписчики получатъ литературное приложеніе (переводн. романы и повѣсти), въ размѣрѣ печатнаго листа, равняющагося 32 страницамъ обыкновеннаго книжнаго формата.

«АВРОРА» САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ЖУРНАЛЪ!

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ премій: { На годъ 6 руб. (безъ пересылки и дост. 5 руб.) / На ½ года 4 руб. » » » 3 руб.) } Съ премій- 5 руб. дороже.

Цѣна премій отдѣльно отъ журнала съ 4-мя раскрашенными и 2 черными узорами—8 руб.

Желающіе убѣдится въ полнотѣ, красотѣ и изяществѣ премій, могутъ видѣть ее въ Редакціи готовою.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Конторѣ Редакціи—**въ С.-Петербургѣ, Бол. Царскосельскій просп. д. № 26**, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Гг. иногородные благоволятъ свои требованія и деньги адресовать *исключительно* въ Контору Редакціи.—Для служащихъ допускается разсрочка за поручительствомъ гг. казначеевъ

Редакторъ **К. Заика.**—Издательница **С. Лепковская.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
„РУССКОЕ БОГАТСТВО"
ЖУРНАЛЪ ТОРГОВЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ и ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

Программа слѣдующая; 1. *Источники народнаго богатства*: руководящія статьи, какъ и изъ чего извлекать наибольшій доходъ. 2. *Торговый отдѣлъ*, гдѣ что можно выгодно купить и продать; вызовы къ торгамъ, подрядамъ, аукціонамъ и конкурсамъ; адресы лучшихъ фабрикъ и оптовыхъ складовъ съ указаніемъ цѣнъ товара; ярмарки, бирки и проч. и проч. 3. *Техническій отдѣлъ*. Статьи и цѣлыя руководства по всѣмъ ремесламъ и фабричнымъ производствамъ. 4. *Земледѣліе*, сельское хозяйство со всѣми его отраслями, какъ-то: скотоводство, птицеводство, садоводство, огородничество, сельская архитектура, механика и проч. 5. *Правительственныя распоряженія* и постановленія, относящіеся преимущественно къ промышленности и сельскому хозяйству. 6. *Народная медицина и ветеринарія*. 7. *Научныя обозрѣнія* (хроника всѣхъ открытій и усовершенствованій. 8. *Библіографія* и критическая оцѣнка книгъ и періодическихъ изданій. 9. *Статьи по естествознанію* изъ зоологіи, ботаники, астрономіи, химіи и физики въ общедоступномъ, популярномъ изложеніи. 10. *Путешествія* и небольшіе разсказы изъ жизни промышленниковъ, охотниковъ и торговыхъ людей.

«Русское Богатство» будетъ выходить 1-го 10 и 20-го числа каждаго мѣсяца, тетрадями большаго формата.

Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ «Русскаго Богатства» будутъ слѣдующія лица: *Инженеръ-Технологъ*: М. Н. Мѣшалинъ, С. Н. Плотниковъ, А. П. Десятовъ и М. П. Ларіоновъ; *инженеръ-механикъ*: П. В. Калачевъ, И. П. Ивановъ; *инженеръ-архитектора*: А. Ф. Савичъ и Э. К. Бауеръ; *профессора*: гг. Никитинъ, Васильевъ и Раздольскій; *агрономы*: Ф. П. Бекленевъ, Л. П. Глѣбовъ, С. И. Осташевъ, магистръ-технологъ В. Хлюдзинскій и приватъ-доцентъ Московскаго университета баронъ фонъ деръ Брюгенъ; *доктора-медицины*: А. Н. Коропчевскій, Н. В. Холмскій и многіе другіе.

Всѣхъ же сочувствующихъ цѣли изданія «Русскаго Богатства», мы покорнѣйше просимъ присылать въ редакцію всевозможныя торговыя и промышленныя извѣстія, а также и статьи по всѣмъ отдѣламъ журнала, за которыя, равно какъ и за торговыя извѣстія, будетъ уплачиваться по 5 коп. сер. за каждую напечатанную строку, а по уговору съ авторами статей, отъ 50 до 150 р. сер. за печатный листъ въ 8 страницъ.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ

1) **Четыре приложенія «Парижскихъ Модъ»**, съ модными картинками, выкройками и канвовыми узорами Приложенія эти разошлются въ январѣ, апрѣлѣ, іюнѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ и такимъ образомъ избавятъ гг. подписчиковъ отъ затратъ на выписку модныхъ журналовъ.

2) **12 поясныхъ**, кабинетныхъ **портретовъ** современ. **русскихъ литераторовъ**, гравированныхъ на стали въ Лондонѣ изв. худож. Дезьи. № 1 «Русскаго Богатства» разошлется **10 Декабря.**

ЦѢНА годовому изданію *«Русскаго Богатства»* со всѣми приложеніями (всего 40 тетрадей въ годъ, болѣе 2,000 столбцовъ текста и 300 рисунковъ машинъ, мельницъ, сельскихъ построекъ, портретовъ русскихъ литераторовъ, художниковъ и снимковъ съ ихъ картинъ), съ пересылкой во всѣ города имперіи пять рублей, безъ доставки четыре рубля.

Подписывающимся на журналъ «Русское Богатство», предлагаются по уменьшенной цѣнѣ слѣдующія изданія: **1. Справочная книга** для сельскихъ хозяевъ и ремесленниковъ въ 2-хъ частяхъ съ 30 рисунками (вмѣсто 1 руб.) **за 50 копѣекъ. 2. Виноделіе**, приготовленіе всевозможныхъ винъ изъ русскихъ ягодъ въ 2-хъ частяхъ (вмѣсто 1 р. 50 к.) **за 50 копѣекъ. 3. Ремесленная Газета** за 1874 годъ, полное сброшюрованное изданіе (вмѣсто 3 руб.) **за 1 руб. 4. Листокъ** Сельскаго Хозяйства и Естествознанія 1874 года (вмѣсто 3 руб.) **за 1 руб 5 Листокъ** Сельскаго Хозяйства и Естествознанія за 1875 годъ (вмѣсто 3 руб.) **за 2 руб.**

Требованія адресовать: *въ Москву Редактору-Издателю «Русскаго Богатства» Н. Ф. Савичу* (у Спасскихъ казармъ, Спасская улица, домъ Виноградской).

2—2

„РУССКІЙ МІРЪ"
ВЪ 1876 ГОДУ
съ пересылкой и доставкой

За годъ . 10 р.
» полгода 5 »

Меньше полугода за каждый мѣсяцъ 1 р.

3—1

26—3

БАНКИРСКІЯ КОНТОРЫ
Д. Н. БОГДАНОВИЧА,

№ 46. Невск. прос., напротивъ Гостин. | В. О., уг. 1-й и Средн. пр., № 14/46.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ПОКУПАЮТЪ и ПРОДАЮТЪ: фонды, облигаціи, серебро, золото.

ПРОДАЮТЪ 5% выигрышные билеты 1 и 11 займа съ разсрочкою платежей. Съ полученіемъ задатка выигрышъ принадлежитъ покупателю.

ВЫДАЮТЪ подъ нихъ ССУДЫ и такъ же подъ другіе % бумаги.

ПРИНИМАЮТЪ деньги до востребованія изъ 7% годовыхъ; на сроки отъ 7½ д. 8½% годовыхъ; на долгіе сроки по обоюдному соглашенію.

СТРАХУЮТЪ билеты по 50 к. с., для гг. иногородныхъ по 60 к. с., и совершаютъ всякаго рода банкирскія операціи, программу которыхъ выдаютъ и высылаютъ безплатно.

Всякія извѣщенія по операціямъ конторъ публикуются въ столичныхъ періодическихъ изданіяхъ.

На отвѣтъ слѣдуетъ прилагать 16 к. марками.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 12 Декабря 1875 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб. Больш. Морск., д. № 9. Тип. **Вольфа.** Ал. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,

№ 52 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 28 Декабря 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна втого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА" на 1876 годъ.

Въ виду приближенія времени подписки на 1876 г., мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ.**

Приготовленіе около 14.000 печатныхъ адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ требуетъ весьма большой работы и времени такъ что намъ гораздо легче если подписчи теперь уже благоволятъ выслать свои требованія ибо въ концѣ Декабря когда всѣ требованія поступятъ вдругъ, большое количество адресовъ трудно съ разу приготовить.

При возобновленіи подписки просимъ покорно **высылать печатные редакціонные адреса отъ бандеролей,** въ которыхъ подписчики получаютъ „НИВУ" въ нынѣшнемъ 1875 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжный магазинъ *И. Гр. Соловьева, А. Ланзъ* и *А. Живарева* . . . . . 4 р. 50 к.

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.*)

*) ПОЧТОВЫХЪ МАРОКЪ *НЕ* ПРИНИМАЕТСЯ, а просимъ высылать втотъ полтинникъ серебромъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи «НИВЫ» въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

ПОДПИСКА на 1875 г. продолжается на тѣхъ же самыхъ условіяхъ. Издатель „НИВЫ" А. Ф. МАРКСЪ.

Серебрянный тронъ Царей Петра I и Ивана V.

Двоецарствіе, устроенное царевною Софіей при помощи стрѣльцовъ, создало потребность въ двойственномъ престолѣ для братьевъ Царей, и устройство его заняло мѣсяцъ времени, чѣмъ и объясняется отложеніе коронаціи двоецарственниковъ до конца іюня 1682 года.

Серебряный тронъ невольно приводитъ на память бурное время, приготовившее невиданное въ Россіи зрѣлище — разомъ двухъ головъ единаго нераздѣльнаго царства.

Послушаемъ же очевидца — Ивана Афанасьевича Желябужскаго, начинающаго свой разсказъ со смерти Царя Ѳедора Алексѣевича.

«Въ 7190 году (т. е. по нашему теперешнему счету отъ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра, какъ тогда,—1682-мъ) учинилась на Москвѣ всемірная печаль: не стало Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца. И въ томъ же году, послѣ сего преставленія, маія въ 15 день, *въ 9 часу дня* (т. е. отъ разсвѣта считая часу во 2-мъ—3-мъ пополудни), учинилось на Москвѣ смятеніе великое всему Московскому Государству и всему народу, бунтъ великой. Собрався всѣ приказы Московскихъ стрѣльцевъ со всякимъ ружьемъ, и пришли съ нелѣпымъ гласомъ въ царскіе чертоги, и въ томъ вышевисанномъ числѣ побили до смерти бояръ: князь Юрія Алексѣевича Долгорукова съ сыномъ Михаиломъ, Князь Григорія Григорьевича Ромодановскаго, Ивана Максимовича Языкова, Артамона Сергѣевича Матвѣева, Ивана Кириловича Нарышкина съ братомъ Афанасіемъ, да напредъ того, вмѣсто Ивана Кирилловича убили стольника Петра Михайловича Салтыкова сына, да думныхъ дьяковъ: Ларіона Ивановича съ сыномъ, Аверкія Кирилова, да Ѳомпна сына Нарышкина; полковниковъ: Андрея Дохтурова, другаго Григорья Горюшкина, да дохтура Данила Жидовина съ сыномъ».

Серебряный тронъ царей Петра I, и Ивана V.
Рисов. Коверзневъ, грав. Пуцъ.

Избраніе Царя Петра, несмотря на десятилѣтній возрастъ его, больше казалось надежнымъ и обезпечивающимъ цѣлость державы, чѣмъ признаніе 16-ти лѣтняго, но болѣзненнаго Ивана, дѣйствительно и дожившаго до 30 лѣтъ, но остававшагося ребенкомъ въ дѣлахъ, почти недоступныхъ его слабымъ способностямъ, при вѣчной головной боли и слабомъ зрѣніи. Дочери Царя Алексѣя Михайловича не видѣли, между тѣмъ, для себя ничего хорошаго при управленіи своей мачихи, въ случаѣ воцаренія ея сына Петра, и самаи предпріимчивая изъ царевенъ, двадцатипятилѣтняя Софья, одаренная не женскимъ умомъ, съумѣла подобрать сильную партію честолюбивыхъ служилыхъ людей, при обыкновенномъ правильномъ порядкѣ вещей не могшихъ ожидать себѣ желаемыхъ ими повышеній. Нужно ли прибавлять намъ, что всѣ принимавшіе сторону интриги царевенъ, заботились больше всего о своихъ личныхъ разсчетахъ, готовые тотчасъ же бросить ихъ партію для другой, если посулятъ тамъ больше. Низшіе чины, придворные, стрѣлецкіе головы — не выше

Библиотека "Руниверс"

подъячихъ и подходящій къ нимъ по степени значенія людъ —составляли надежды честолюбивой Софьи.

Законное правительство между тѣмъ дремало, какъ будто не желая вслушиваться въ раздававшіяся по улицамъ возмутительныя подговоры подготовителей мятежа, для котораго мѣстное современное положеніе стрѣлецкихъ полковъ (приказовъ) размѣщенныхъ въ столицѣ слободами на постоянномъ жительствѣ —представляло достаточно горючій матерьялъ, ожидавшій искры для взрыва и запаленія. Легко воспламеняемымъ матеріаломъ назвать мы хотимъ накопившуюся въ умахъ, въ памяти, избалованнаго щедростью царскою своевольнаго войска — бездна несправедливостей и корыстныхъ придирокъ къ вымогательству взятокъ со стороны его непосредственнаго начальства, все себѣ позволявшаго, ради безнаказанности. Уже въ послѣднее время царствованія Ѳедора Алексѣевича начали заявляться потерявшими терпѣніе стрѣльцами жалобы на своихъ полковниковъ-лихоимцевъ, но защитники ихъ изъ-за получаемой корысти, съумѣли выставить передъ слабымъ государемъ подобныя заявленія неосновательными клеветами и не дѣлая разслѣдованія, гибельнаго для виновныхъ защищаемыхъ, покончили наказаніемъ жалобщиковъ, будто бы за клевету и нарушеніе подчиненности. Эта несправедливость окончательно раздражила стрѣльцовъ, а избраніе въ цари дитяти, хотя и много обѣщавшаго въ будущемъ, требовавшаго опекунскаго управленія изъ лицъ, обвинившихъ правыхъ, оправдывая виновныхъ, было неутѣшительно для озлобленныхъ.

Состояніемъ легковѣрія и раздраженія обманувшихся въ ожиданіи царской защиты отъ притѣсненій, воспользовались, правду сказать за едино—очень искусно сторонники царевны Софіи, какъ дѣвушки царевны невидимой и потому могшей дѣйствовать рѣшительно, ничего не теряя при неудачѣ. Ея клевреты обѣщали полное удовлетвореніе обиженныхъ съ наступленіемъ ихъ управленія, душою котораго будетъ Царевна подъ именемъ брата, обойденнаго при избраніи, ясно съ нарушеніемъ его права старшинства, которое тогда еще имѣло силу непреложной законности, все заставлявшей умолкнуть; и выгоды государственные, и негодность къ правленію старшаго сына Царя Алексѣя—еще не вполнѣ въ массахъ народа понимаемую въ добавокъ. Объявленіе состава правителей, когда возьметъ верхъ ихъ партія, является дѣйствительно аксіомой, прямо говорящею за непремѣнность осуществленія, а этого только прежде всего и добивались недовольные Правда новое правительство Царя-ребенка Петра нарядило слѣдствіе по жалобамъ на стрѣлецкихъ полковниковъ, но обвинило не всѣхъ и сдѣлало только въ половину свое дѣло, вооруживъ и угрожаемыхъ смѣною и требовавшихъ этой смѣны. Такой порядокъ веденія дѣлъ слѣдовательно представлялъ возможнымъ ожидать отъ него и во всѣмъ другомъ: только посулы да пошевеливанье вмѣсто грозы для зла и милости добру—говорили начинавшіе возмущать людскіе умы злоумышленники. И они казались правыми, не желавшими входить въ обсужденіе, что можно сдѣлать было и что еще не представлялось возможнымъ даже благонамѣреннымъ людямъ, которыхъ было большинство въ партіи Царицы.

Кто выигралъ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Окончаніе).

Вечеръ прошелъ благополучно. Хозяинъ былъ веселъ, улыбался, такъ что никто изъ гостей и подозрѣвать не могъ того, что происходило въ душѣ „маленькаго фрейгерра“, который, можетъ быть, ежеминутно вздрагивалъ... Когда, наконецъ, гости разъѣхались и все въ домѣ стихло, старикъ вышелъ потихоньку изъ своей комнаты, пробрался на веранду и спустился въ садъ. Ему хотѣлось поговорить съ Питтомъ. Не долго онъ его искалъ: слѣдователь сидѣлъ на одной изъ садовыхъ скамеекъ и, завидя фрейгерра, всталъ и пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Вы ничего такого не замѣтили... подозрительнаго? спросилъ Манштейнъ.

— Ничего, отвѣтилъ Питтъ: — все, такъ сказать, „обстояло благополучно“, и я даже увѣренъ въ томъ, что сегодня ночью онъ и не явится сюда... Посмотрите вонъ ужъ и заря занимается.

— Да. Но вотъ что: не ошиблись-ли вы, принявъ кого либо другаго за моего племянника—тамъ, въ трактирчикѣ? *Неужели-же* онъ дерзнулъ вернуться сюда?!...

— Повторяю: я не ошибся. Позвольте, да чѣмъ-же ему рисковать теперь?... Будущаго у него нѣтъ, настоящее—борьба за существованіе, а между тѣмъ терпѣть нужду, лишенія онъ положительно *не можетъ*, не въ силахъ... Вѣдь я-же видѣлъ его! Глаза, даже самое лицо его выражаютъ полнѣйшее отчаяніе... Фигура мрачная и вмѣстѣ съ тѣмъ — жалкая. Скажите: чего бояться человѣку въ такомъ положеніи? Тюрьмы?... Но вѣдь тюрьма — пріютитъ его, накормитъ, избавитъ отъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ... Свободою дорожитъ тотъ, кто можетъ пользоваться ею. Не такъ-ли?

Фрейгерръ молчалъ...

— О комъ... о комъ это говорятъ? спрашивалъ онъ самъ себя... *О баронѣ—Александрѣ ф. Зельдитцѣ*!! О сынѣ родной его сестры... Въ какую яму слетѣлъ гордый потомокъ древней фамиліи!..

— Послушайте, г. Питтъ, заговорилъ старикъ, не хотите-ли вы теперь отдохнуть?

— Нѣтъ, не имѣю еще такого желанія. Да вѣдь я привыкъ не спать по ночамъ; это мнѣ не въ диковинку; а вотъ васъ я попросилъ-бы вернуться въ домъ и поуспокоиться.

— И вы полагаете, что я тамъ успокоюсь? возразилъ Манштейнъ. Да, правда, я вамъ какъ-то говорилъ, что между мною и этимъ несчастнымъ ничего, ничего уже нѣтъ общаго, всякая связь порвана... Чужой онъ для меня!... Дѣйствительно, сердце мое относится къ нему безучастно, но... развѣ могу я уничтожить и самыя воспоминанія?... Какъ забыть, что онъ когда-то такъ былъ близокъ ко мнѣ? Какая блестящая будущность ожидала его, если-бы онъ самъ, собственными руками, не разбилъ ее?... Въ моей-ли власти предать все это забвенію? Станешь стараться позабыть — хуже еще сдѣлаешь: память этого не любитъ и поставитъ на своемъ!.. Да и не одни воспоминанія терзаютъ меня... Упреки совѣсти тоже не даютъ мнѣ покою... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ и я не виноватъ въ печальной судьбѣ моего племянника? Слишкомъ слабъ я былъ, слишкомъ много дѣлалъ я ему снисхожденія въ то время, когда, быть можетъ, его можно было-бы еще исправить... Не такъ-бы мнѣ слѣдовало тогда отнестись къ его слабостямъ! Ну, и что-же вышло?... Все это и пало на мою голову... Наказанъ я, и ничѣмъ, ничѣмъ не вернуть прошлаго!...

Питтъ старался утѣшить, успокоить „маленькаго фрейгерра“, и ему, наконецъ, удалось уговорить его возвратиться въ домъ.

Проводивъ старика, слѣдователь снова углубился въ садъ, гдѣ и провелъ остатокъ ночи.

Вотъ, и утро наступило, и день опять прошелъ а ничего такого особеннаго не случилось въ усадьбѣ Манштейна. „Все обстояло благополучно“, какъ выразился полицейскій коммисаръ.

„Молодые“ — Платэнъ и Эльза — тотчасъ-же, послѣ вѣнчанья, уѣхали изъ помѣстья „маленькаго фрейгерра“. Они отправились путешествовать.

Старикъ сначала храбрился, скрывалъ свою грусть, но когда гости одинъ за другимъ разъѣхались, когда даже и г-жа Штейнъ съ профессоромъ укатили въ М* чтобы провести тамъ нѣсколько недѣль — онъ снова и еще сильнѣе, чѣмъ прежде, почувствовалъ свое одиночество... Опять остался онъ одинъ въ этомъ большомъ

Библиотека "Руниверс"

домѣ! Веселые голоса, шумъ, смѣхъ — все это разомъ исчезло... Пусто, тихо вездѣ!..

Фрейгерръ удалился въ свою комнату и тамъ, въ изнеможеніи, опустился въ кресло. Онъ чувствовалъ себя слабымъ, безпомощнымъ; суета, заботы, треволненія послѣднихъ дней подѣйствовали на него сильнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ... Но не прошло и четверти часа, какъ старикъ живо поднялся съ кресла, стряхнулъ съ плечъ всю слабость и воскликнулъ:

— Какъ? Развѣ я все кончилъ? Зачѣмъ-же мнѣ было уговаривать Платэна, Эльзу, г-жу Штейнъ отправиться путешествовать, если я стану сидѣть сложа руки?... Надо воспользоваться временемъ и приняться поскорѣе за отдѣлку дома!

Ему хотѣлось устроить для „молодыхъ" возможно-удобное, хорошенькое гнѣздышко, а такъ какъ онъ привыкъ заправлять всякимъ дѣломъ самъ, то и въ этомъ случаѣ вознамѣрился всѣ хлопоты принять на себя.

И еще одно дѣльце было у него, которое тоже непремѣнно слѣдовало обдѣлать: Штейнъ откровенно признался фрейгерру въ любви своей къ фрейлейнъ Эмми и просилъ его замолвить о немъ „теплое словечко" г-жѣ Мальтэнъ. Старикъ обѣщалъ похлопотать, не думавъ о томъ, увѣнчаются-ли хлопоты его успѣхомъ? Теперь онъ почти сомнѣвался въ удачѣ своего ходатайства: г-жа ф. Мальтэнъ, во-первыхъ, гордилась дворянствомъ, раздѣляла фамиліи на благородныя и неблагородныя, а во-вторыхъ, ему было извѣстно, что она готовила для единственной своей дочери блестящую будущность, желая выдать Эмми непремѣнно за аристократа.

Это, конечно, озабочивало фрейгерра, заставляло его задумываться, а тутъ еще другая мысль тревожила его, покою не давала—мысль о несчастномъ племянникѣ. Въ самомъ дѣлѣ — гдѣ-же онъ теперь?... Слѣдователь выѣхалъ изъ усадьбы рано утромъ, имѣя твердое намѣреніе отыскать „падшаго барона" и вручить ему довольно кругленькую сумму денегъ—подъ условіемъ: немедленно покинуть Германію навсегда.

Удалось-ли ему устроить это?

Ну, а вдругъ Зельдитцъ, въ порывѣ отчаянія, злобы и раздраженія, не согласится на такое условіе? Не слѣдуетъ-ли опасаться этого?...

Старикъ впадалъ въ раздумье, мучился и какъ ни старался—ничѣмъ не могъ разогнать мрачныхъ мыслей.

Въ комнату вошелъ лакей и доложилъ о пріѣздѣ слѣдователя.

— Проси его сюда! Живѣе!

Фрейгерръ ободрился, вздохнулъ свободнѣе... Не избавитъ-ли его Питтъ отъ всѣхъ заботъ и тревогъ? Съ какою вѣстью явился онъ?...

— Ну, что̀ нашли вы его? На все онъ согласился? Если-бы Маннштейнъ попристальнѣе взглянулъ на лицо вошедшаго то, вѣроятно не обратился-бы къ нему съ этими вопросами... Питтъ былъ мраченъ.

— Нѣтъ, я не нашелъ его, отвѣтилъ олицпейскій коммисаръ.

— И въ трактирѣ были? Нѣтъ тамъ его?

— Нѣтъ.

— Куда отправился—тоже неизвѣстно... не знаете?

— Не могъ этого узнать.

Старика это сильно встревожило... Опять рушились надежды!... Вѣдь „несчастный можетъ явиться сюда завтра... сегодня—словомъ—когда ему вздумается! Каждую минуту ожидай и—бойся... Въ своемъ собственномъ домѣ—и быть въ такой опасности!... Это, наконецъ, невыносимо!..

— Въ трактирчикѣ томъ все-таки были?

— Былъ. Хозяинъ этого заведенія сказалъ мнѣ, что еще вчера вечеромъ *тотъ* человѣкъ ушелъ изъ трактира. Уходя, онъ пытался уговорить другихъ двухъ послѣдовать за собою, но тѣ отказались.

Питтъ молчалъ и прибавилъ;

— Зельдитцъ оставилъ трактиръ, а куда отправился—неизвѣстно. Говорятъ, онъ былъ очень взволнованъ, ожесточенъ и—порядкомъ таки пьянъ... Хозяинъ передалъ мнѣ, что оборванецъ этотъ, уходя, проговорилъ: „Ну, ладно! Я и одинъ справлюсь... Ничего, какъ разъ во̀-время явлюсь на свадьбу!"...

— Кто-же были тѣ—другіе, бывшіе съ нимъ въ трактирѣ? спросилъ фрейгерръ.

— Хозяину они неизвѣстны. Черезъ часъ или два и эти бродяги ушли куда-то.

— Что̀-жъ, вы старались разузнать, куда отправился тотъ... несчастный?

— Да, разузнавалъ, но не могъ напасть на его слѣдъ. Никто его не видѣлъ; и ни въ одной изъ окрестныхъ деревень онъ не просилъ ночлега.

— Гм!.. Значитъ, мнѣ все еще слѣдуетъ опасаться его мести?...

— Я нарочно завернулъ къ вамъ, чтобы сообщить о моей неудачѣ и предложить вамъ быть на сторожѣ. Еще одну ночь я, пожалуй, проведу здѣсь, но не думаю, чтобы онъ явился сюда... Я, знаете, даже убѣжденъ, прибавилъ Питтъ, что съ барономъ вчера вечеромъ, на пути въ ваше помѣстье, приключилось какое нибудь несчастье... Оно-то и помѣшало ему сюда добраться. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ нарочно приходитъ издалека съ *единственною* цѣлью—отомстить—и вдругъ *отказывается* отъ своего намѣренія!? Развѣ это правдоподобно? Обыкновенно, въ послѣднюю минуту желаніе мести сильнѣе разжигаетъ кровь... А можетъ быть и такъ: подумавъ о своемъ отчаянномъ положеніи, онъ не порѣшилъ-ли съ собой?..

— Нѣтъ, произнесъ фрейгерръ, покачавъ головой:— у него не хватило-бы на это мужества! Если-бы онъ не былъ трусомъ — такъ порѣшилъ-бы съ собою раньше... Помните, я предлагалъ ему это тогда, когда преступленіе его было уже открыто?.. Онъ предпочелъ—бѣжать.

— Да, но въ то время онъ еще не зналъ, что значитъ нужда и каково терпѣть всяческія лишенія. У него были кой-какія средства, наконецъ, баронъ надѣялся счастливо скрыться... А что дѣйствительно ему очень плохо пришлось—это было видно по его лицу—страшно похудѣвшему, истомленному.

— Что̀-жъ, я-бы желалъ, чтобы правда была на вашей сторонѣ... Можетъ быть, я кажусь вамъ жестокимъ человѣкомъ, желая смерти бывшаго моего ближайшаго родственника, но если-бы онъ наложилъ на себя руки— это было-бы единственнымъ средствомъ (хотя отчасти) примирить меня съ нимъ... Я увидѣлъ-бы тогда, что чувство чести не совсѣмъ еще оставило его, что есть въ немъ еще хоть капля благородной крови его предковъ!... Увы, и все-таки я не могу питать такой надежды!...

Слѣдователь старался успокоить старика, и ему удалось, наконецъ, уговорить его отправиться въ спальню и заснуть. Было уже поздно.

— Ужъ вы предоставьте мнѣ позаботиться о вашемъ спокойствіи! Сторожить, караулить я умѣю. Идите-же и ложитесь спать.

Но и эта ночь прошла совершенно спокойно. Рано утромъ слѣдователь уѣхалъ въ городъ. Обязанности службы не позволяли ему оставаться болѣе въ усадьбѣ Маннштейна. Здѣсь никто не зналъ, зачѣмъ въ эти двѣ ночи разставляли караульныхъ, кого именно сторожили, а управляющіе не смѣли спросить объ этомъ фрейгерра. Старикъ, повидимому, былъ спокоенъ, какъ ни въ чемъ не бывало расхаживалъ по своимъ полямъ, только брови его были сдвинуты, да морщинки около губъ обнаруживали тихую печаль его.

Наступилъ полдень. Лакей доложилъ фрейгерру, что прибылъ нарочный отъ старосты ближайшаго мѣстечка и желаетъ видѣть самого барина.

Библиотека "Руниверс"

— Позови его сюда.

Нарочный пришелъ и прямо сталъ просить фрейгерра поѣхать въ мѣстечко (оно отстояло отъ усадьбы на нѣсколько часовъ ѣзды), чтобы взглянуть тамъ на мертвое тѣло, найденное наканунѣ вечеромъ въ лѣсу.

— Староста полагаетъ, что покойникъ этотъ, кажется самъ баронъ ф. Зельдитцъ, закончилъ свою рѣчь нарочный.

этотъ ничего такого баронскаго не имѣетъ—значитъ, по виду... Одёжа на немъ плохенькая, почитай—лохмотья одни.

— Хорошо, я поѣду, проговорилъ фрейгерръ послѣ короткаго раздумья... Да, вотъ что, любезный: здѣсь, въ домѣ, никому не говори о томъ, зачѣмъ послалъ тебя сюда староста... Тутъ что-то не такъ! Какое нибудь недоразумѣніе... ошибка!..

Герцеговинское возстаніе. Лука Петковичъ, одинъ изъ начальниковъ Герцеговинскихъ. Рис. Мукаровскій, грав. Патоцкій.

Старикъ вздрогнулъ и, не смотря на всѣ усилія, не могъ скрыть волненія.

— Мой племянникъ?! пробормоталъ онъ... Но какже... кто-же его узналъ?..

— А самъ староста.

— А ты видѣлъ покойника?

— Видѣлъ, только я-то не знавалъ барона. Сдается мнѣ, что нашъ староста ошибся, потому какъ мертвецъ

Онъ отпустилъ нарочнаго, давъ ему на чай, и затѣмъ приказалъ сѣдлать себѣ верховую лошадь.

Старикъ почувствовалъ нѣкоторую слабость въ тѣлѣ и охотнѣе поѣхалъ-бы въ экипажѣ, но ему не хотѣлось брать съ собою кучера, который слишкомъ хорошо зналъ въ лицо Зельдитца.

— Не велѣть-ли лучше заложить карету? спросилъ лакей, посматривая на фрейгерра.

— Зачѣмъ это?

Библиотека "Руниверс"

Холодно! Съ оригинальной картины фотогр. На деревѣ рѣзалъ Барановскій

Библиотека "Руниверс"

— Да вы такъ уставши, слабы... Верхомъ-то ѣхать затруднительно будетъ.

Маннштейнъ выпрямился.

— Вели сѣдлать лошадь, повторилъ онъ.

Минутъ черезъ десять къ крыльцу подвели верховаго коня. Старикъ взобрался на сѣдло, однако долженъ былъ собрать всѣ силы, чтобы какъ слѣдуетъ усидѣть на немъ, и все-таки со двора выѣхалъ галопомъ. Потомъ, когда никто изъ прислуги не могъ уже его видѣть, онъ пустилъ лошадь шагомъ.

Губы „маленькаго фрейгерра зашевелились.

— Можно-ли сомнѣваться въ томъ, что найдено мертвое тѣло—тѣло его племянника?.. Что́-жъ вѣдь и слѣдователь полагалъ, что, вѣроятно, несчастный умеръ на дорогѣ... Гм! его нашли въ лѣсу... Но что было причиною смерти? Не самъ-ли онъ покончилъ съ собой?...

Вопросы эти волновали фрейгерра, когда онъ ѣхалъ лѣсомъ шажкомъ, такъ что наконецъ нетерпѣніе заставило его погнать лошадь.

Прибывъ въ мѣстечко, Маннштейнъ направился къ дому старосты. Староста то-же сообщилъ ему, что и нарочный, причемъ прибавилъ:

— Кто такой покойникъ—никому неизвѣстно; при немъ нѣтъ никакого документа; но какъ только я его увидѣлъ — меня сразу поразило сходство его съ вашимъ племянникомъ—барономъ Зельдитцемъ.

— Барона Зельдитца нѣтъ здѣсь... Онъ — за границей, замѣтилъ фрейгерръ.

— Да вѣдь я знаю, что онъ бѣжалъ куда-то, возразилъ староста:—ну, а развѣ не могъ онъ вернуться?... Правда, по одеждѣ-то не похоже, чтобы это былъ баронъ—ужъ больно она не казиста, за то руки покойника—сейчасъ это видно — барскія, не знавшія никогда работы.

— Кто нашелъ покойника?

— Двое рабочихъ. Возвращались они лѣсомъ домой, съ работы, ну, и увидѣли мертвое тѣло.

— Когда-же это было?

— Вчера вечеромъ.

— Вамъ неизвѣстно, что было причиною смерти этого человѣка? спросилъ фрейгерръ.

— Какъ только тѣ работники сказали мнѣ, что нашли въ лѣсу мертвое тѣло—я тотчасъ-же отправился туда. Придя на указанное мѣсто, а это былъ оврагъ, я увидѣлъ тутъ лежащаго человѣка уже безъ признаковъ жизни. Надо такъ полагать, что онъ свалился съ обрыва: тамъ, наверху, по самому крайчику вьется тропинка. Несчастный, видно, оступился—ну, и полетѣлъ внизъ, да такъ ударился головой объ острый камень, что сейчасъ и духъ вонъ. Какъ это онъ упалъ, растянулся — такъ и остался лежать... Сразу, значитъ, кончился!

Старикъ не сталъ больше распрашивать.

— Проведите меня къ нему... Гдѣ онъ лежитъ?

— А тутъ вотъ въ хлѣву.

Староста повелъ Маннштейна въ хлѣвъ и указалъ ему на покойника, лежавшаго на соломѣ. Свѣтъ изъ отворенной двери прямо падалъ на искаженное лицо мертвеца...

„Маленькій фрейгерръ“ бодро дошелъ до хлѣва, но у самой двери невольно схватился за косякъ... Онъ чувствовалъ, какъ силы его слабѣютъ...

Да, передъ нимъ лежалъ трупъ его племянника!

Не смотря на страшно измѣнившееся лицо, Зельдитца, старикъ все-таки сразу узналъ его. Какъ ни желалъ онъ смерти этого человѣка, но тутъ сердце его болѣзненно сжалось...

Потомокъ древней, благородной фамиліи—и гдѣ-же?! Въ хлѣву... на грязной соломѣ!.. Вотъ они—плоды высокомѣрія! Онъ считалъ безчестьемъ жениться на мѣщанкѣ, а теперь — куда попалъ?... Рожденье барона Александра ф. Зельдитца было многими встрѣчено съ восторгомъ... Умеръ онъ—и некому даже поплакать объ немъ!... Кончилъ жизнь хуже нищаго!...

— Что́-жъ, покойникъ-то́—вашъ племянникъ! спросилъ староста.

Фрейгерръ не слышалъ этого вопроса. Онъ невыразимо страдалъ, не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ и... однако-же долженъ былъ убѣдиться въ дѣйствительности факта... Ему хотѣлось громко крикнуть: „Нѣтъ, это не онъ, не онъ!“ но языкъ у него не шевелился...

— Чье-жъ это тѣло? Не барона Зельдитца? снова спросилъ староста.

Маннштейнъ очнулся, выпрямился.. Трудно было ему солгать, но, собравшись съ силами, онъ, наконецъ, произнесъ:

— Нѣтъ, это не онъ.

— Н-да, а сходство поразителное!

— И все-таки—не онъ. Черты лица не его... Да и быть этого не можетъ! Васъ просто обмануло сходство.

Дрожь пробѣжала по тѣлу „маленькаго фрейгерра“... „Даже и послѣ смерти—отринутъ!“ прозвучалъ въ немъ внутренній голосъ...

Могъ-ли старикъ поступить иначе?

Ему мерещилось печальное, грустное лицо его родной сестры... Запятнать его имя? Какой стыдъ... позоръ!.. Нѣтъ, этого онъ не сдѣлаетъ!..

— Тѣло это не моего племянника, проговорилъ фрейгерръ въ послѣдній разъ и вышелъ изъ хлѣва.

Староста захлопнулъ дверь.

— Такъ-съ; ну, значитъ, покойника этаго придется похоронить какъ бродягу, какъ лицо *никому неизвѣстное.*

— На комъ-же лежитъ эта обязанность?

— На общинѣ, потому какъ на нашей землѣ найденъ трупъ... Вонъ тамъ—въ уголочкѣ кладбища, мы его и похоронимъ. Двое тамъ ужъ зарыты: одинъ-то, Богъ его знаетъ, кто́ онъ былъ, замерзъ около нашего мѣстечка—пять-шесть лѣтъ тому назадъ; другой—самъ на себя руки наложилъ, не хотѣлъ дождаться настоящей смерти.

Старикъ опять вздрогнулъ и отвернулся, чтобы скрыть волненіе... Баронъ ф. Зельдитцъ... будетъ зарытъ... въ *уголочкѣ* кладбища! Да какже это такъ?!

— Неужели члены здѣшней общины такъ жестоки, что способны отказать „неизвѣстному“ покойнику въ приличномъ погребеніи, т. е. похоронить его такъ, какъ другихъ хоронятъ?

Староста пожалъ плечами и проговорилъ:

— Что́-жъ, это мертвое тѣло и безъ того будетъ сто́ить намъ издержекъ...

— Ну, я принимаю всѣ расходы на себя, торопливо объявилъ фрейгерръ... Въ самомъ дѣлѣ, кто́ *онъ* былъ—никому неизвѣстно! Зачѣмъ-же предполагать непремѣнно дурное?.. О жизни умершаго мы ничего не знаемъ,.. Прошу васъ распорядиться похоронить это тѣло на общемъ кладбищѣ, наравнѣ съ другими. Не откажите-же отдать послѣдній долгъ ближнему, какъ подобаетъ христіанину... Вотъ вамъ—берите!

И Маннштейнъ подалъ старостѣ кошелекъ, наполненный талерами.

— Если этого не хаатитъ—я еще дамъ, не безпокойтесь, только исполните все, какъ слѣдуетъ. Какъ видно, судьба этого несчастнаго была довольно плачевна... И такъ вѣдь ни одной слезы не упадетъ на его могилу!

Староста, взявъ кошелекъ, обѣщалъ, что все будетъ исполнено „въ лучшемъ видѣ“.

Фрейгерръ сѣлъ на лошадь и пустилъ ее шагомъ. Онъ ощущалъ такую слабость въ своемъ тѣлѣ, что елееле держался въ сѣдлѣ и, доѣхавъ до лѣсной опушки, остановился, слѣзъ и опустился на первый попавшійся камень.

Закрывъ лицо руками, старикъ просидѣлъ тутъ нѣсколько часовъ...

Библиотека "Руниверс"

Когда онъ, наконецъ, поднялся—лицо его было гораздо спокойнѣе, но за то щеки были поразительно блѣдны.

Манштейнъ направился прямо къ помѣстью г-жи ф. Мальтэнъ.

Г-жа ф. Мальтэнъ сама встрѣтила гостя и, испуганная его видомъ, стала распрашивать: что съ нимъ случилось? Здоровъ-ли онъ?

Не отвѣчая на эти вопросы, фрейгерръ обратился къ ней съ просьбою остаться съ нимъ на-единѣ.

— Мнѣ нужно кое о чемъ переговорить съ вами... безъ свидѣтелей, прибавилъ онъ.

— Такъ пойдемте въ мою комнату, предложила хозяйка и повела его туда.

Опустившись на стулъ, въ изнеможеніи, старикъ вздохнулъ и проговорилъ:

— Пріѣхалъ я просить у васъ руки Эмми для человѣка, который глубоко, искренно любитъ ее, — просить устроить счастье ихъ...

Г-жа Мальтэнъ удивленно взглянула на него.

— Для кого-же это... для кого просите вы руки Эмми?...

— Развѣ вы не подозрѣваете, не знаете, кто полюбилъ ее?

— Нѣтъ, не знаю, отвѣтила она, помолчавъ немного.

— Ну-такъ я скажу: братъ Эльзы признался мнѣ, что любитъ фрейлейнъ Эмми и что фрейлейнъ Элми любитъ его. Вотъ, за него-то я и прошу.

Почтенная дама быстро поднялась съ кресла.

— Братъ Эльзы... Штейнъ!? воскликнула она. — О, никогда, никогда!... Это... невозможно! Эмми не можетъ быть его женою!

— А почему-же не можетъ? спросилъ спокойно фрейгерръ.

— И вы еще спрашиваете? Да ужъ не говоря о томъ, что онъ бѣденъ... Я, конечно, не думаю, что онъ хочетъ жениться на моей дочери ради денегъ... изъ за приданаго... я уважаю его, но... Эмми не можетъ выйти за-мужъ за человѣка не дворянскаго рода!

Горькая улыбка шевельнула губы старика.

— Не дворянскаго рода... Гм!... Такъ вы полагаете, что этотъ Штейнъ *хуже* дворянина, что онъ *не способенъ* осчастливить вашу Эмми—только потому, что онъ *не* дворянинъ?

— Позвольте! До сихъ поръ фамилія наша не имѣла кровной связи съ мѣщанами... Неужели-же я должна такъ унизить мою единственную дочь?... А вы сами?... Развѣ вы не заботились о томъ, чтобы ваше имя ничѣмъ не было запятнано? Вѣдь вы всегда гордились этимъ! не такъ-ли?...

„Маленькій фрейгерръ" тяжело вздохнулъ, вспомнивъ о своемъ племянникѣ, но сейчасъ-же смѣло поднялъ голову и воскликнулъ:

— Выслушайте-же и вы меня! Вы узнаете, откуда я теперь пріѣхалъ... Я вамъ разскажу о томъ, какъ кончилъ жизнь *одинъ дворянинъ*, гордившійся своимъ дворянствомъ. Да, онъ тоже относился съ презрѣніемъ къ мѣщанской крови!... Онъ не понималъ, что значитъ *честь*, заблуждался и—погибъ, какъ послѣдній бродяга!

Тутъ старикъ разсказалъ г-жѣ Мальтэнъ о смерти своего племянника, и объяснилъ ей въ краткихъ, сильныхъ словахъ причину его гибели.

„Предразсудокъ столкнулъ въ бездну барона Зельдитца!"...

— Если-бы я не зналъ, что Штейнъ—благородный, честный человѣкъ, заключилъ свою рѣчь фрейгерръ,— я никогда не просилъ-бы за него.

Г-жа ф. Мальтэнъ молчала, задумчиво глядя куда-то вдаль... Видно было, что слова старика произвели на нее глубокое впечатлѣніе.

Наконецъ, вздохнувъ, она проговорила:

— Согласился-ли бы на это Мальтэнъ?... Можетъ быть, я покажусь вамъ странной, но... я всегда спрашиваю себя, прежде чѣмъ рѣшиться на что нибудь: какъ *онъ* поступилъ-бы въ такомъ-то случаѣ?... Онъ былъ не только мужемъ моимъ, но и лучшимъ другомъ, добрымъ совѣтникомъ.

— Это заставляетъ меня еще сильнѣе, искреннѣе уважать васъ! воскликнулъ Манштейнъ. О, что касается Мальтэна — онъ навѣрно былъ-бы одного со мною мнѣнія. Въ этомъ я твердо убѣжденъ! Покойный другъ мой отличался такимъ прямодушіемъ, что не могъ называть бѣлое—чернымъ и черное—бѣлымъ. Онъ, какъ и я, навѣрно сказалъ-бы: „освобождаясь отъ предразсудковъ, которые, можетъ быть, милы, дороги нашему сердцу, мы въ тоже время сами становимся выше и лучше, чѣмъ были!"...

— Ну, въ такомъ случаѣ—я согласна, сказала г-жа Мальтэнъ и протянула руку „маленькому фрейгерру".

— Отъ души благодарю васъ!.. Раскаяваться вы не будете... Не только имъ будетъ хорошо, но и вы тихо, безмятежно, счастливо проведете вечеръ вашей жизни!

— Я позову Эмми, чтобы объявить ей—

— Нѣтъ! перебилъ фрейгерръ: — дайте мнѣ уѣхать... Скажите ей это безъ меня!.. Сегодня я въ грустномъ настроеніи—ну, и, пожалуй, ничего веселаго не въ состояніи буду сказать вашей милой дочери... Завтра пріѣду и—поздравлю ее!

Онъ быстро вышелъ изъ комнаты, а черезъ минуты двѣ-три уже скакалъ по направленію къ своей усадьбѣ.

Отогнавъ мрачныя думы, „маленькій фрейгерръ" чувствовалъ себя особенно хорошо: онъ былъ доволенъ собою, даже счастливъ, потому что и самъ избавился отъ „дворянскаго предразсудка". Улыбка играла на его губахъ, глазки сверкали, и какимъ молодцомъ сидѣлъ онъ на конѣ!..

Г-жа ф. Мальтэнъ сдержала свое слово: фрейлейнъ Эмми вышла замужъ за Штейна.

Лука Петковичь

Лука Петковичъ—начальникъ одного изъ главныхъ отрядовъ Мичо Любибратича, одинъ изъ героевъ Герцеговинскаго возстанія на ряду съ Пейко Павловичемъ, попомъ Богданомъ Зимоничемъ, Лазаремъ Сочицею и др. Уже въ Грязовской битвѣ Лука выказалъ отчаянную храбрость и Черногорскій князь Даніилъ I отличилъ его, наградивъ медалью. Въ 1860 году онъ участвовалъ во всѣхъ извѣстныхъ дѣлахъ вмѣстѣ съ сердаремъ Щепаномъ Радоевичемъ, капитаномъ Радовымъ. Въ отрядѣ Зубцовскаго воеводы (1861—62) Луки Вукаловича, Петковичъ отличился въ битвѣ противъ Махмедъ-Паши, который атаковалъ тогда Зубцы и Суторму, гдѣ Лука Петковичъ построилъ батарею и удерживалъ дня три Махмедъ-Пашу съ четырьмя батальонами, такъ что въ это время Лука Вукаловичъ успѣлъ устроить и сосредоточить силы славянъ, чтобы отбросить турокъ къ самому Требинью.

Лукѣ Петковичу теперь около 52 лѣтъ. Молодецкая фигура, высокій ростъ и отважный воинственный видъ. Волоса и усы съ легкою просѣдью, На его груди красуются черногорскіе знаки за храбрость, пожалованные ему князьями Даніиломъ и Николаемъ и крестъ независимости Черногоріи

Въ настоящемъ возстаніи онъ дѣйствуетъ вмѣстѣ съ Пейко Павловичемъ, Мичо Любибратичемъ и особенно отличился при защитѣ Дужскаго монастыря. Въ Черногоріи онъ былъ прежде «перяникомъ», а потомъ офицеромъ гвардіи князя Даніила.

Библиотека "Руниверс"

Холодно!

Сѣрое морозное утро—еще весь «high life» по домамъ въ ожиданіи часа, когда можно будетъ укутавшись ѣхать на модное зимнее гулянье въ паркъ, теперь пустой. Но этотъ ранній часъ избирается для утренней прогулки по «приказанію доктора». Передъ нами широкая дорога парка, съ виднѣющимися въ разныхъ мѣстахъ группами деревьевъ, покрытыхъ инеемъ. Вдали за поворотомъ, остановилось изящное ландо, у дверецъ котораго чопорно стоитъ «выѣздной»—и, сидящій по всѣмъ правиламъ спорта на высокихъ козлахъ грумъ, едва сдерживаетъ коченѣющими руками пару степеровъ. Дѣвочка лѣтъ шести капризничаетъ, не хочетъ идти дальше, ей холодно—приходится ее тащить за рученку гувернанткѣ, которая наклонившись къ ребенку увѣщеваетъ его и говоритъ свое обычное «shoking» — которое на этотъ разъ не производитъ дѣйствія. Дѣвочка пятится назадъ. Нѣсколько дальше двѣ дѣвушки быстро идутъ на встрѣчу вдругъ рванувшемуся вѣтру. Немного подавшись плечами впередъ и закрывъ лица муфтами, они храбро идутъ на встрѣчу морозному вѣтру. Скоро веселыя съ свѣжимъ румянцемъ здоровья на щекахъ, вернутся онѣ домой и часа черезъ два, три опять появятся здѣсь. Но тогда онѣ не будутъ такими одинокими путницами. Экипажи, пѣшеходы заснуютъ и задвигаются по всѣмъ дорогамъ моднаго парка...

Переходъ артиллеріи и обозовъ черезъ хребетъ „Аристанъ-бель-тау".

(Хивинскій походъ, движеніе туркестанской колонны).

Событіе совершилось. Оно занесено уже на страницы исторіи, объ немъ много писали, много толковали, имъ живо интересовались, оно составляло вопросъ дня, живой вопросъ, не сходившій со сцены почти въ продолженіи цѣлаго года; но мало по малу новыя явленія, новыя событія заслонили собою впечатлѣніе прежняго, обратили на себя вниманіе общества.

Это не значитъ еще, что первое событіе совершенно забыто,—не лишаетъ насъ права вспомнить когда нибудь еще разъ о немъ, да и не одинъ разъ вспомнить, и почтить добрымъ словомъ его дѣятелей, не однихъ видныхъ, руководящихъ единицъ, но массу, темную толпу честныхъ тружениковъ-героевъ, безъ содѣйствія которыхъ безсильны были бы и сами руководители...

Къ числу вотъ этихъ-то событій, достойныхъ вѣчной памяти, мы относимъ и хивинскій походъ, къ числу этихъ, достойныхъ глубокаго уваженія тружениковъ-героевъ мы относимъ и горсть „бѣлыхъ рубахъ" нашихъ солдатъ, блистательно свершившихъ свое дѣло, одолѣвшихъ непобѣждаемую до сихъ поръ, грозную, мертвую природу,..

Воспоминаніе это навѣяно намъ видомъ военно-походнаго альбома Н. Н. Каразина,—этимъ роскошнѣйшимъ изданіемъ, которыя когда-либо выходили въ свѣтъ, покрайней мѣрѣ у насъ въ Россіи.

Передъ нашими глазами одинъ рисунокъ изъ этого альбома „перевалъ верблюжьяго обоза черезъ горный хребетъ „Аристанъ-бель-тау".

Тяжелый путь выпалъ на долю туркестанскаго отряда, ему одному пришлось переваливать съ артиллеріей и обозами скалистыя кряжи Аристанъ-бель-тау; кряжи, рѣдко видѣвшіе даже одинокаго всадника на своихъ тропинкахъ,—ему одному пришлось идти мертвыми, сыпучими песками, лишенными всякой растительности, лишенными капли живительной влаги...

Дѣйствительно, только нашъ русскій солдатъ, безропотный, вѣрный и все переносящій, могъ одолѣть такія препятствія. А этотъ отрядъ состоялъ мало того что изъ русскихъ солдатъ, онъ состоялъ изъ испытанныхъ, боевыхъ, старыхъ туркестанскихъ батальоновъ, изъ этихъ грозныхъ „акъ-кульмакъ".

Эту горсть храбреповъ велъ генералъ, съумѣвшій заставить полюбить себя, съумѣвшій вселить въ своихъ солдатъ такую слѣпую вѣру, что мысль о неудачѣ или неуспѣхѣ ни разу не могла прійти имъ въ голову.

Достаточно припомнить страшные минуты стоянки у колодцевъ „Алта-кудукъ", достаточно припомнить переходъ отъ Адамъ-крылгана—гдѣ на протяженіи двадцати верстъ, пало отъ изнуренія и погребено подъ горячимъ пескомъ до четырехъ тысячъ верблюдовъ, чтобы судить о томъ, что это были за люди.

Не даромъ Хивинскій ханъ, на парадѣ въ Хивѣ, послѣ празднествъ, сопровождавшихъ блестящіе результаты похода,—съ такимъ живымъ любопытствомъ просилъ ему показать поближе „именно тѣхъ солдатъ, которые прошли песками". И надо было видѣть, съ какимъ суевѣрнымъ благоговѣніемъ проходилъ онъ мимо рядовъ этихъ скромныхъ героевъ, не сознававшихъ даже всей грандіозности совершеннаго ими подвига, видѣвшихъ въ немъ не болѣе какъ исполненіе своего обыденнаго, служебнаго долга.

Да, этотъ походъ не забудется никогда—и оставитъ въ лѣтописяхъ военной исторіи блестящую, живую страницу.

Альбомъ Н. Н. Каразина представляетъ намъ цѣлый рядъ сценъ этого похода. Здѣсь вы видите и выступленіе отрядовъ, и ихъ походы, то по залитымъ жидкою грязью солонцамъ, эфектно освѣщеннымъ луннымъ свѣтомъ,—то по сыпучимъ пескамъ, нагроможденнымъ отъ дѣйствія вѣтра безпорядочными, высокими барханами... Самыя схватки нашихъ съ хивинскими войсками и наконецъ—заключительные эпизоды: парады и празднества въ побѣжденной, занятой нашими батальонами, когда то недоступной Хивѣ.

Представляя собою живыя и эффектныя картины боевой жизни, альбомъ этотъ знакомитъ насъ и съ картинами дикой, мало изслѣдованной природы. Разсматривая рисунки, исполненные талантливымъ художникомъ-оріеанталистомъ, прямо переносишься мыслью въ эти дикія страны, и будто самъ во очію присутствуешь при всѣхъ этихъ подвигахъ борьбы человѣка съ негостепріимною природою.

Рисунокъ, помѣщенный нами, взятъ изъ этого альбома—и, хотя онъ лишенъ красокъ, такъ какъ самъ альбомъ акварельный, но все таки даетъ нѣкоторое понятіе объ изданіи, пріобрѣвшемъ уже такую извѣстность не только у насъ, но и заграницею, особенно въ Германіи и Англіи.

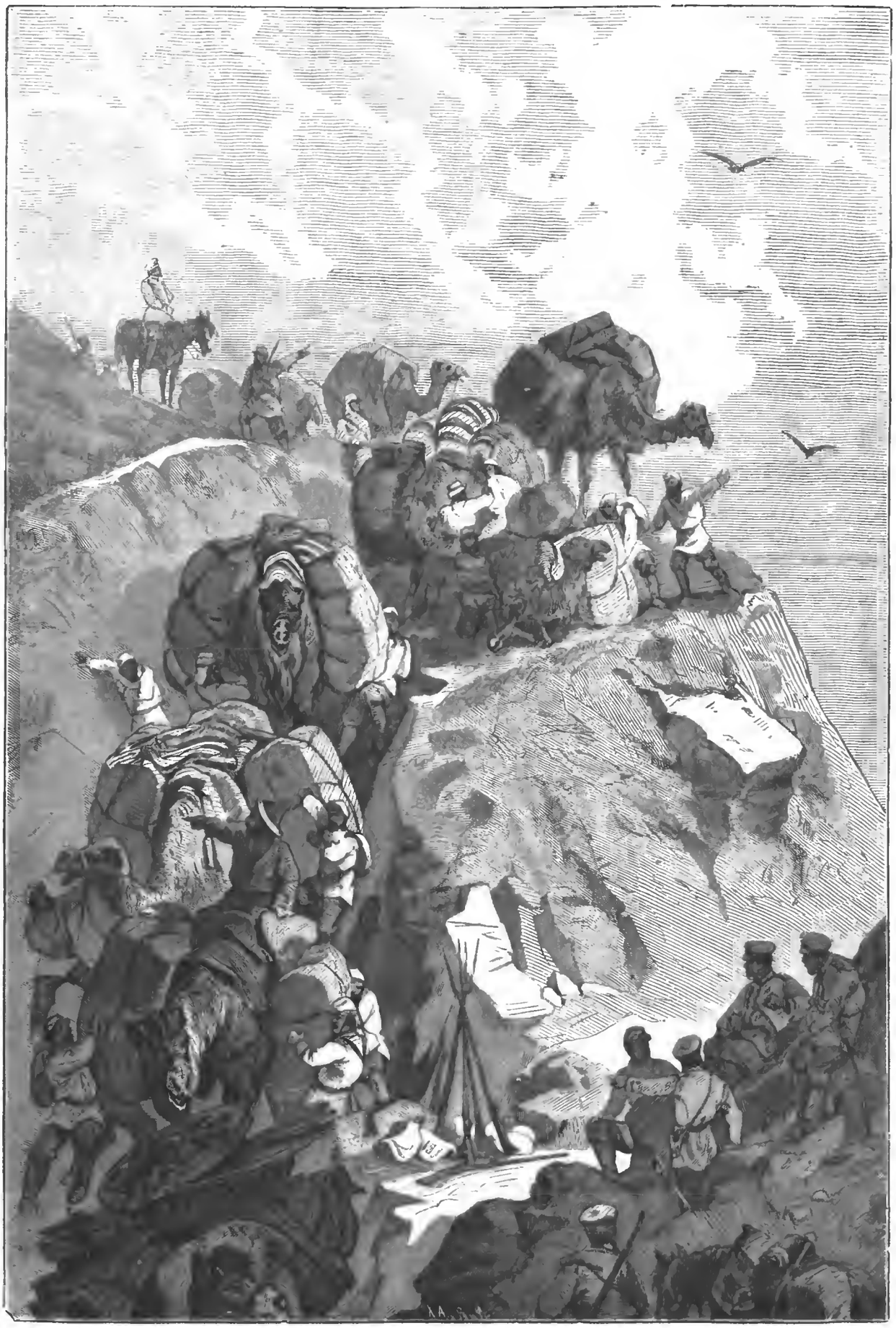
Скалистый горный кряжъ „Аристанъ-бель-тау", пролегая по совершенно ненаселенной мѣстности, прорѣзывая собою мертвую пустыню, почти не переходимъ, особенно въ тѣхъ пунктахъ, которые загородили путь туркестанцамъ.

Воспользовавшись водомоинами и рытвинами, расчистивъ кое какъ и расширивъ тропинки, протоптанныя разбойничьими партіями, пробѣгавшими здѣсь время отъ времени—нашъ отрядъ тронулся въ путь!

Тамъ, гдѣ съ трудомъ проходила цѣпкая горная лошадка, гдѣ человѣкъ часто долженъ былъ прибѣгать къ помощи рукъ и ползти чуть не на четвереньках, тамъ теперь предстояло провезти тяжелыя орудія съ зарядными ящиками, провести весь вьючный обозъ, состоящій чуть не изъ восьми тысячъ навьюченныхъ верблюдовъ.

Пушки спускались на лямкахъ, съ выпряженными

Библиотека "Руниверс"



Переходъ артиллеріи и обозовъ чрезъ хребетъ Аристанъ-бель-тау. Съ акварели Н. Н. Каразина, рисов. Владиміръ Фридрихъ, грав. Ротъ.

Библиотека "Руниверс"

лошадьми, грозя ежеминутно оборваться и увлечь за собою въ пропасть удерживающихъ ихъ солдатъ. Верблюды спускались другимъ способомъ: по бокамъ тропинки, крутой и извилистой, были разставлены солдаты и поддерживали вьюки, передавая ихъ другъ другу, по мѣрѣ того какъ верблюды проходили мимо.

Нечего и говорить, сколько риска было въ подобномъ нисхожденіи, нечего и говорить, сколько усилія и энергіи потребовалось, чтобы это нисхожденіе совершилось болѣе или менѣе благополучно.

— „Тысячу верстъ крюкъ дать легче бы было, чѣмъ эти три версты проклятыя", говорили солдаты... и они говорили не преувеличивая.

Этотъ эпизодъ и представленъ на нашемъ рисункѣ.

Н. Каразинъ.

Бука.

Маленькая дѣвочка, съ очень плутовскимъ и хорошенькамъ личикомъ, проснулась раньше своей младшей сестрицы. Она замѣтила на столѣ, между ихъ игрушками, какой-то новенькій и очень красивый деревянный ящичекъ. Навѣрное это новыя игрушки, подумала дѣвочка; но что такое въ немъ можетъ быть?..

— „Спи, Маня, спи! обратилась она къ кровати сестренки;—а вотъ я раньше тебя узнаю, что въ этомъ ящичкѣ".

И она, какъ была, въ одной рубашенкѣ вскочила съ постели, подбѣжала къ столу и взяла ящикъ.

— Онъ запертъ крючечкомъ! Ну, крючечекъ—что-жь ты—отпирайся!.. Ай! Ай!

Дѣвочка въ ужасѣ выронила ящикъ и остолбенѣла на мѣстѣ. Она уже хотѣла бѣжать изъ комнаты и косо поглядывала на ящикъ. Что же такъ ее испугало? Дѣло въ томъ, что когда крючечекъ поддался подъ напоромъ ея пальца—крышка вдругъ быстро отхлопнулась сама собою и изъ ящика во весь ростъ вытянулся.... *бука*! Да, бука—маленькій, но ужасно страшный, съ огромнымъ носомъ, торчащими волосами и козлиной бородою.

Однако бука не шевелился и дѣвочка успокоилась. Она поняла, что это игрушка, а не настоящій бука, взяла ящикъ опять въ руки, хорошенько осмотрѣла его. Потомъ пригнула буку, который выпрямлялся и сгибался на витой пружинкѣ, и захлопнула надъ нимъ крышку, застегнувъ крючекъ.

Въ это время Маня зашевелилась и выглянула изъ-за высокой спинки кровати.

— Маня! Скорѣй, скорѣй иди сюда!

— Что тебѣ нужно? Отозвалась курчавая Маня, широко раскрывая послѣ сна свои большіе, голубые глаза.

— А вотъ посмотри... вотъ видишь—у насъ новыя игрушки! И она издали показывала ящикъ, улыбаясь самой плутовской, хитрой улыбкой.

Маня успѣла надѣть только одинъ чулокъ и выпрыгнула изъ кровати.

— Покажи, покажи, что такое?

— Смотри!

Плутовка поднесла ящикъ близко къ лицу Мани и нажала крючечекъ. Бука выскочилъ.

Глаза у Мани стали совсѣмъ круглые, руки такъ и остались протянутыми — она какъ будто застыла на мѣстѣ отъ испуга.

А плутовка хохотала.

W—d.

Живыя игрушки.

Мими больна. Она едва ходитъ, не играетъ съ своей маленькой хозяйкой и вотъ уже почти цѣлый день лежитъ въ корзинкѣ. Дѣвочка спрашиваетъ всѣхъ, что это значитъ и не собралась ли Мими умирать. Ей отвѣчаютъ, чтобъ она не боялась — Мими скоро будетъ здорова, а дѣвочка получитъ очень хорошенькія и „живыя", совсѣмъ живыя игрушки.

Откуда же возьмутся эти живыя игрушки? думаетъ ребенокъ. И зачѣмъ это говорятъ объ игрушкахъ, когда она спрашиваетъ только, чтобъ ей сказали, что сталось съ Мими. Нѣтъ, тутъ что-то не ладно — и эта мысль не даетъ дѣвочкѣ покою.

Вотъ и вечеръ. Дѣти напились чаю, простились со старшими и няня ведетъ ихъ спать. Но наша маленькая дѣвочка чувствуетъ, что не заснуть ей спокойно, если она не заглянетъ въ уголъ корридора, гдѣ стоитъ корзинка Мими, и не убѣдится своими глазами, что ея любимая собака жива и здорова.

Воспользовавшись минутой когда няня вышла изъ дѣтской, дѣвочка тихонько пробирается въ корридоръ, довольно блѣдно освѣщенный лампой. Она на цыпочкахъ подбирается къ корзинкѣ Мими и чутко прислушивается. Вдругъ ей начинаетъ казаться, что въ корзинкѣ что-то пищитъ, только вовсе не такъ, какъ обыкновенно пищитъ Мими.

— Что это такое? Дѣвочка осторожно подходитъ къ корзинкѣ и заглядываетъ въ нее. Пискъ раздается явственнѣе, какіе-то крошечные звѣрьки копошаться кругомъ Мими. Мими виляетъ хвостомъ, не трогаясь съ мѣста и ласково глядитъ на свою хозяйку большими, свѣтящимися въ полутьмѣ глазами.

— Мими! Мими!—дѣвочка наклоняется ниже, всматривается, и даже духъ у нея захватываетъ отъ радости. Передъ нею пять маленькихъ, необыкновенно маленькихъ собачекъ, похожихъ на Мими, съ удивительно смѣшными, милыми мордочками, длинными, мягкими ушами и совершенно бархатной, нѣжной шерстью.

Дѣвочка, не помня себя отъ восторга, забираетъ ихъ въ свой передникъ и, не обращая вниманія на отчаянный лай и визгъ Мими, бѣжитъ въ дѣтскую.

Какъ сумасшедшая врывается она въ комнату и кричитъ, задыхаясь отъ волненія: „Смотрите! смотрите!.. вотъ... живыя игрушки!".

W—d.

Движеніе растеній.

Извѣстно, что каждое болѣе или менѣе высоко организованное растеніе состоитъ изъ множества различной величины и формы мѣшковъ, называемыхъ клѣтками. Если нѣсколько такихъ однородныхъ клѣтокъ соединяются вмѣстѣ, то онѣ образуютъ ткань. Слѣдовательно, растенія состоятъ изъ тканей. Въ молодыхъ, прорастающихъ растеніяхъ ткань представляется однообразною и мягкою, какъ тѣсто; но съ возрастомъ растенія эта первичная однообразная ткань дифференцируется на нѣсколько различныхъ тканей, отличающихся другъ отъ друга величиною, формою, толщиною стѣнокъ своихъ клѣтокъ, ихъ содержимымъ и жизнедѣятельностью. Однѣ изъ этихъ тканей, какъ напр. сердцевидная паренхима, древесина, занимаютъ централь-

Библиотека "Руниверс"

ная часть растенія, другія же, напр. паренхима коры, лубъ, косица, располагаются по окружности. Такимъ образомъ, каждое растеніе состоитъ изъ наружныхъ и внутреннихъ клѣточныхъ слоевъ, которые характеризуются тѣмъ, что хотя и растутъ по одному и тому же направленію, но съ неодинаковою быстротою; именно, внутреннія ткани всегда растутъ быстрѣе наружныхъ. Этимъ обусловливается то весьма важное обстоятельство, что внутреннія клѣточныя ткани задерживаются въ своемъ ростѣ, сжимаются наружными клѣточными слоями, а послѣднія, какъ медленно растущія, растягиваются внутренними. Вслѣдствіе такого отношенія другъ къ другу неодинаково растущихъ и обладающихъ неодинаковою упругостью наружныхъ и внутреннихъ клѣточныхъ слоевъ, по крайней мѣрѣ у молодыхъ растеній, или въ молодыхъ органахъ растеній, такъ называемая напряженность тканей. Послѣдняя существуетъ до тѣхъ поръ, пока продолжается ростъ растенія, съ прекращеніемъ же роста она исчезаетъ. Напряженность ткани имѣетъ очень важное значеніе, такъ какъ она одна въ состояніи объяснить намъ механизмъ движенія, совершаемаго различными органами растеній; только тѣ органы способны производить движенія, въ которыхъ существуетъ напряженность тканей.

Для того чтобы доказать существованіе напряженія въ тканяхъ, стоитъ только отдѣлить клѣточныя ткани другъ отъ друга, или же просто расщепить стебель растенія крестообразнымъ разрѣзомъ на четыре части; тогда каждая часть загибается вогнутою стороною къ наружи. Это зависитъ оттого, что внутреннія ткани, не сдерживаемыя болѣе наружными, становится длиннѣе, тогда какъ наружныя ткани, будучи прежде растянутыми, въ силу своей упругости сокращаются; понятно, что при такихъ условіяхъ внутренняя сторона должна сдѣлаться выпуклою, а наружная—вогнутою. Кромѣ того, въ существованіи напряженности тканей можно убѣдиться также на нѣкоторыхъ шляпныхъ грибахъ, носки которыхъ представляютъ скопленіе множества нитей; нити, расположенныя внутри, такъ сильно разростаются, что наружныя, ростъ которыхъ слабѣе, разрываются въ поперечномъ направленіи, отчего носки такихъ грибовъ обыкновенно бываютъ покрыты трещинами.

Подобно клѣточнымъ тканямъ, напряженіе существуетъ также и въ каждой отдѣльной клѣткѣ. Здѣсь оно развивается вслѣдствіе неравномѣрнаго роста наружныхъ и внутреннихъ слоевъ клѣтчатой оболочки. Обыкновенно, внутренніе слои еще продолжаютъ рости въ то время, какъ наружные уже прекратили свой ростъ; вслѣдствіе этого, наружные слои клѣтчатой оболочки, на сколько позволяетъ ихъ упругость, растягиваются внутренними. При этомъ нужно замѣтить, что въ различныхъ мѣстахъ клѣтчатой оболочки сила напряженія бываетъ различна. Такъ напр. въ тѣхъ клѣткахъ, которыя удлиняются своею верхушкою, въ этой послѣдней напряженіе между внутренними и наружными слоями клѣтчатой оболочки не существуетъ; но по мѣрѣ удаленія отъ верхушки, вслѣдствіе того, что здѣсь наружные слои клѣточной оболочки раньше устарѣли, антагонизмъ между ними и внутренними слоями возрастаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается также и напряженіе и достигаетъ своей наибольшей силы въ томъ мѣстѣ нити, гдѣ происходитъ наибольшій ростъ въ ширину. Кромѣ этого напряженія, вызываемаго неравномѣрнымъ ростомъ наружныхъ и внутреннихъ слоевъ клѣточной оболочки, должно отличать то напряженіе, которое обусловливается давленіемъ клѣточнаго сока на стѣнки клѣтки. Внутри каждой клѣтки заключается жидкій клѣточный токъ, который по мѣрѣ своего накопленія, производитъ изнутри давленіе на клѣточную оболочку и такимъ образомъ растягиваетъ ее. Этого рода напряженіе, вызываемое давленіемъ клѣточнаго сока, называется тургоромъ и существуетъ независимо отъ тканеваго напряженія. Само собою разумѣется, что въ клѣткахъ, обладающихъ сквозными порами, не можетъ быть и рѣчи о тургорѣ.

Такимъ образомъ, тургоръ и тканевое напряженіе обусловливаютъ большую или меньшую упругость растущаго органа; если напряженіе ослабѣваетъ, то органъ становится вялымъ, дряблымъ и тѣ органы, которые прежде направлялись кверху, при ослабленіи напряженія свѣшиваются внизъ. Полная потеря напряженія обусловливаетъ совершенное увяданіе растенія. Если присоединить ослабленіе или усиленіе напряженія на одной какой либо сторонѣ растенія, вслѣдствіе того, что здѣсь ростъ усиливается, то послѣднее изгибается и притомъ изгибается въ ту сторону, гдѣ ростъ, а слѣдовательно и напряженіе, слабѣе. Такимъ образомъ, если усиленіе роста будетъ происходить попеременно то на одной, то на другой сторонѣ, то и растущій органъ будетъ изгибаться попеременно то въ ту, то въ другую сторону. Но если точка сильнѣйшаго роста передвигается вокругъ растенія по одному и тому же направленію, то свободно висящая часть изогнутаго органа, въ такомъ случаѣ, производитъ вращательное движеніе. Природа надѣлила способностью производить такія движенія тѣ растенія, стебель которыхъ слишкомъ слабъ и не можетъ, поэтому, рости въ отвѣсномъ направленіи. Если вьющееся растеніе, напр. хмѣль, одаренное способность производить вращательныя движенія, встрѣчаетъ какую нибудь твердую опору, то оно тотчасъ же начинаетъ обвиваться вокругъ послѣдней. Тѣ растенія, которыя не обладаютъ ни достаточно сильнымъ напряженіемъ, чтобы самостоятельно подниматься вверхъ, ни достаточною степенью раздражительности, которая дала бы имъ возможность обвиваться вокругъ другихъ растеній, снабжены особенными раздражительными придатками —усиками. Назначеніе усиковъ состоитъ въ томъ, чтобы, закручиваясь вокругъ постороннихъ предметовъ, поддерживать растеніе въ отвѣсномъ направленіи. Полезность такого приспособленія, какъ показалъ Дарвинъ, у различныхъ растеній имѣетъ различную степень совершенства. У нѣкоторыхъ растеній, напр. у Bihnonia, растущей въ тропической Африкѣ, усики имѣютъ второстепенное значеніе и служатъ только вспомогательными органами слабо вьющемуся стеблю; у другихъ же растеній, какъ напр. тыквенныя, устройство усиковъ доведено до высшей степени совершенства. Здѣсь многочисленные усики покрываютъ собою стебель, который, производя вращательныя движенія, направляетъ ихъ въ различныя стороны и такъ какъ самые усы тоже вращаются, то, вслѣдствіе этого, принимаютъ самыя разнообразныя положенія и такимъ образомъ получаютъ возможность навѣрное встрѣтить какую нибудь твердую опору, будетъ ли то листъ, вѣтка, или стебель какого нибудь растенія, такимъ образомъ растеніе какъ бы ищетъ вокругъ себя опоры. Встрѣтивъ послѣднюю, усикъ плотно обвивается вокругъ нея нѣсколькими кольцами и, закручиваясь спиралью, притягиваетъ стебель къ опорѣ. Такое закручиваніе усиковъ обусловливаетъ ихъ большую прочность; замѣчено, что въ началѣ нѣжные усики, закручиваясь вокругъ опоры, становятся деревянистыми. Самое совершенное устройство представляютъ усики дикаго винограда (Ampeboplis hederacea), который живетъ въ лѣсахъ Стараго и Новаго свѣта, но разводится также и у насъ для изгородей. Усики этого растенія не способны обвиваться вокругъ тонкихъ предметовъ, но приходя въ прикосновеніе со стѣною или скалою, по поверхности ихъ, прикасающейся къ опорѣ, образуются вздутія—присоски, которыя такъ плотно вростаютъ во всѣ углубленія опоры, и вдобавокъ еще приклеиваются помощью особеннаго клейкаго сока, что нужны очень большія усилія, чтобы оторвать ихъ. По Дарвину, одеревенѣвшій усикъ, снабженный 5-ю присосками, могъ выдержать десять фунтовъ, не разрываясь и не отклеиваясь. Помощью такихъ усиковъ, растеніе взбирается на скалы болѣе ста футовъ вышины.

Другой дѣятель, вліяющій на измѣненіе напряженія тканей —это свѣтъ. Каждому извѣстно, что многія растенія изгибаются въ ту сторону, съ которой они наиболѣе освѣщены и только небольшая часть растеній изгибаются въ противоположную сторону. Это явленіе извѣстно подъ именемъ геліотропизма. Въ первомъ случаѣ геліотропизмъ называется положительнымъ, а во второмъ—отрицательнымъ. Французскій ботаникъ де-Кандель объясняетъ это явленіе тѣмъ, что сторона слабѣе освѣщенная сильнѣе растетъ въ длину, вслѣдствіе чего сторона болѣе освѣщенная, а потому слабѣе растущая, становится вогнутою; такимъ образомъ все растеніе изгибается по направленію къ свѣту. Почему свѣтъ дѣйствуетъ такимъ образомъ, еще неизвѣстно, да и вообще явленія геліотропизма еще мало изучены. Особенно полезенъ для растеній отрицательный геліотропизмъ; имъ обладаютъ преимущественно вьющіеся растенія и усики. Въ началѣ, вьющіеся стебли и усики наклоняются и принимаются къ опорѣ вслѣдствіе отрицательнаго геліотропизма, такъ какъ со стороны опоры на нихъ падаетъ меньше свѣта, и только послѣ прикосновенія къ опорѣ начинается завиваніе вокругъ послѣдней.

Особенный интересъ представляютъ тѣ раздражительныя растенія, у которыхъ движенія происходятъ вслѣдствіе ослабленія напряженности тканей подъ вліяніемъ механическихъ сотрясеній. Однакоже должно сознаться, что не всѣ относящіеся сюда явленія могутъ быть объяснены напряженіемъ тканей. Это зависитъ оттого, что неизвѣстно еще, какимъ образомъ различныя внѣшнія условія вліяютъ на измѣненіе напряженія. Мы разсмотримъ сначала движеніе листьевъ мимозъ, какъ наиболѣе изученныя.

Mimosa pudica уже издавна обращала на себя вниманіе физіологовъ. Это однолѣтнее растеніе живетъ въ Бразиліи, гдѣ часто покрываетъ огромныя степныя пространства. Подъ вліяніемъ солнечнаго жара его листья пріобрѣтаютъ такую сильную степень раздражительности, что вслѣдствіе толчка, или какого-либо другаго механическаго раздраженія мгновенно измѣняютъ свое положеніе. Путешественники увѣряютъ, что галопа лошади или даже шаговъ человѣка достаточно для того, чтобы возбудить раздражительность этого растенія и заставить его листья сомкнуться. Листъ мимозы сложный и состоитъ изъ общаго черешка, къ которому прикрѣпляются четыре вторичныхъ; на каждомъ вторичномъ черешкѣ помѣщаются супротивные листики. У основанія главнаго черешка находится утолщеніе, называемое подушечкой; такія же подушечки, только меньшей величины находятся и при основаніи каждаго вторичнаго черешка. Движеніе листа состоитъ въ томъ, что подъ вліяніемъ какого либо механическаго раздражителя онъ мгновенно принимаетъ то положеніе, которое свойственно ему, обыкновенно, ночью: весь листъ опускается книзу, вторичные черешки сближаются между собою, а сидящіе на нихъ супротивные листочки складываются своими верхними поверхностями, приподымаясь въ то же время по направленію къ верхушкамъ тѣхъ череш-

Библиотека "Руниверс"

Буква. Рис. на дереѣ Гогбишовъ, грав. Трятонъ.

Библиотека "Руниверс"

Живыя игрушки. Рисор. П. Шпехтъ, гравир. Паннемакеръ.

Библиотека "Руниверс"

ковъ, къ которымъ они прикрѣпляются. Такое состояніе обыкновенно длится не долго и, по устраненіи раздражающей причины, листочки и вторичные черешки выпрямляются, общій черешокъ приподымается кверху и весь листъ принимаетъ свое обычное положеніе.

Опыты показали, что всѣ разнообразныя движенія листочковъ и черешковъ мимозы производятся при помощи вышеупомянутыхъ подушечекъ, которыя дѣйствуютъ на подобіе шарнира. Въ движеніи участвуетъ не только часть листа, но и весь листъ, смотря по силѣ раздраженія. Слабое сотрясеніе приводитъ въ движеніе только тотъ листочекъ, вмѣстѣ съ противоположнымъ ему, на который сотрясеніе подѣйствовало непосредственно. Немного болѣе сильное раздраженіе вызываетъ движеніе нѣсколькихъ паръ листочковъ; еще болѣе сильное раздраженіе дѣйствуетъ на всѣ листочки вторичнаго черешка, распространяется даже на сосѣдніе черешки и на цѣлый листъ. Наконецъ слишкомъ сильное сотрясеніе не ограничивается однимъ только листомъ, но распространяется также и на сосѣднія листья. Что касается направленія, по которому происходитъ распространеніе раздраженія, то послѣднее можетъ распространяться какъ сверху внизъ, такъ и снизу вверхъ; иногда раздраженіе проходитъ сначала сверху внизъ и потомъ возвращается въ обратномъ направленіи.

Если раздраженія листа повторяются слишкомъ часто, то листъ привыкаетъ (если только это выраженіе можно примѣнить къ растительнымъ организмамъ) къ этимъ раздраженіямъ и становится къ нимъ нечувствительнымъ. Фактъ этотъ случайно былъ открытъ Дефкетеномъ. Онъ взялъ съ собою въ карету горшокъ съ посаженною въ немъ здоровою вѣткою мимозы. Когда карета катилась по мостовой, то вслѣдствіе толчковъ, испытываемыхъ растеніемъ, всѣ листья его сомкнулись и опустились; но при дальнѣйшей ѣздѣ листья, какъ бы привыкнувъ къ сотрясеніямъ, вновь приняли свое нормальное положеніе. Послѣ этого карета остановилась на нѣсколько времени и затѣмъ снова отправилась въ путь. Растеніе, раздражительность котораго возстановилась въ этотъ промежутокъ покоя, снова сомкнуло и опустило свои листья, которые вторично пришли въ нормальное состояніе при дальнѣйшемъ повтореніи толчковъ.

Но листья мимозы чувствительны не только къ механическимъ сотрясеніямъ, но также и къ быстрымъ перемѣнамъ температуры. Если на листочекъ направить лучи солнечнаго свѣта посредствомъ зажигательнаго стекла, то черезъ нѣсколько секундъ движеніе уже начинается, а спустя 1—2 минуты, всѣ листья приходятъ въ движеніе. Послѣ этого листья снова возвращаются къ своему нормальному состоянію только спустя 4, 5 и даже 9 часовъ; такимъ образомъ теплота солнечныхъ лучей оказываетъ гораздо болѣе продолжительное дѣйствіе, нежели всѣ другіе раздражители. Подъ вліяніемъ низкой температурѣ движеніе листьевъ мимозы прекращается—листья приходятъ въ состояніе оцѣпенія. Такое состояніе наступаетъ уже при 15° С; если только эту температуру поддерживать довольно долгое время; съ повышеніемъ температуры движеніе снова возобновляется. Но и при высокихъ температурахъ листья также впадаютъ въ оцѣпенѣніе. Если листья мимозы находятся въ воздухѣ, нагрѣтомъ до 40° С., то движеніе ихъ прекращается черезъ часъ, при 45°—черезъ полчаса, при 50°—черезъ нѣсколько минутъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, если дѣйствіе высокой температуры было непродолжительно, движеніе снова возобновляется; но если температуру повысить до 52°, то наступаетъ продолжительное оцѣпенѣніе и наконецъ смерть. Влажная теплота увеличиваетъ чувствительность мимозы въ раздраженію, поэтому мимозы бываютъ очень чувствительны въ закрытыхъ парникахъ, или въ сырую погоду при температурѣ 16°—20°, тогда какъ въ сухомъ, хотя и нагрѣтомъ, воздухѣ ихъ раздражительность гораздо слабѣе. Если почву, на которой растетъ мимоза, нагрѣть до 20°—25°, то листья совершенно утрачиваютъ свою раздражительность. Что касается электричества, то послѣднее дѣйствуетъ точно также, какъ и механическія сотрясенія.

Замѣчательны также періодическія движенія, производимыя листьями. Hedysarum gyrans. Это травянистое растеніе, изъ семейства бобовыхъ, растетъ въ Бенгаліи. Каждый листъ его тройной и состоитъ изъ умѣренной длины общаго черешка, оканчивающагося удлиненно-овальнымъ листочкомъ; у основанія послѣдняго, по бокамъ, располагаются другъ противъ друга два меньшихъ листочка. Всѣ три листочка подъ вліяніемъ раздраженія совершаютъ различныя движенія. Первыя наблюденія надъ раздражительностью листьевъ Hedysarum были сдѣланы одною англичанкою, лэди Монсонъ, путешествовавшею по Индіи для изученія естественныхъ наукъ. Послѣ нея этимъ растеніямъ занимались многіе другіе ученые, между которыми первое мѣсто занимаетъ знаменитый нѣмецкій ботаникъ Гуфеландъ. Казалось, что листья Hedysarum производятъ неодинаковыя движенія и при томъ подъ вліяніемъ неодинаковыхъ раздражителей. Большой непарный листокъ весьма чувствителенъ къ вліянію свѣта и то опускается, то подымается, смотря по степени освѣщенія; такимъ образомъ онъ измѣняетъ свое положеніе почти въ каждый часъ дня. Подъ вліяніемъ свѣта онъ приподнимается и въ полдень становится въ одномъ направленіи съ черешкомъ, ночью-же, или напр. когда небо покроется тучами, онъ опускается и, при наименьшей степени освѣщенія, принимаетъ такое положеніе, что его нижняя поверхность прилагается къ стеблю.

Иное движеніе совершаютъ два меньшихъ листочка. Ихъ движенія не только происходятъ независимо отъ движеній непарнаго листа, но бываетъ постоянными и днемъ, и ночью; такъ какъ температура остается возвышенной. Такимъ образомъ движеніе парныхъ листочковъ находится въ зависимости не отъ свѣта, а отъ температуры. Гуфеландъ называетъ это движеніе самопроизвольнымъ. Движеніе состоитъ въ томъ, что одинъ листочекъ медленно приподымается, приближаясь своею верхушкою къ стеблю; когда онъ достигнетъ maximum поднятія, то другой листочекъ, противоположный первому, опускается книзу, поворачивается своею верхушкою кнаружи а т. образомъ значительно удаляется отъ стебля. Вслѣдствіе этого, верхушки листочковъ описываетъ эллипсъ, плоскость котораго наклонена къ оси листа. Коль скоро второй листочекъ достигъ maximum своего пониженія, — первый въ свою очередь начинаетъ опускаться. Восходящее движеніе происходитъ гораздо медленнѣе нисходящаго и притомъ не безпрерывно, а скачками, которыхъ иногда можно бываетъ насчитать до 60 въ минуту. По наблюденіямъ лэди Монсонъ, въ Индіи эти листочки совершаютъ полный циклъ движенія въ двѣ минуты, въ оранжереяхъ, они движутся гораздо медленнѣе. Впрочемъ Майенъ утверждаетъ, что и въ нашихъ оранжереяхъ, если воздухъ сильно нагрѣтъ, листочекъ совершаетъ свое движеніе въ одну минуту и затѣмъ, спустя нѣсколько минутъ, начинаетъ обратное движеніе.

Причины, которыя вліяютъ на измѣненіе напряженія тканей и так. обр. обусловливаютъ періодическія движенія парныхъ листочковъ Hedusarum gyrans, совершенно неизвѣстны. Извѣстно только, что теплота и влажность оказываютъ сильное вліяніе на энергію движенія. Приписать какое либо вліяніе свѣту нельзя, потому что движеніе происходитъ и днемъ и ночью. Прежде думали, что движеніе находится въ зависимости отъ воздушнаго электричества; однако-же опыты показали, что электрическіе токи, подобно механическимъ сотрясеніямъ, не вызываютъ движенія. Правда, Кабшъ нашелъ, что боковые листочки Pedysarum gyrans приходитъ въ движеніе подъ вліяніемъ слабыхъ индуктивныхъ токовъ, но здѣсь явленіе можетъ быть объяснено тѣмъ, что какъ растительныя ткани представляютъ значительное сопротивленіе прохожденію электрическихъ токовъ, то вслѣдствіе этого развивается большое количество тепла, которымъ и обусловливается движеніе.

Изъ другихъ растеній, обратившихъ на себя вниманіе ученыхъ, замѣчательны своею раздражительностью нѣкоторые виды Василько въ (Centausea), именно ихъ тычины. Тычины этого растенія характерны въ томъ отношеніи, что нити ихъ свободны, тогда какъ всѣ пять пыльниковъ сростаются между собою въ трубку, окружающую столбикъ. Движеніе тычинокъ состоитъ въ томъ, что они подъ вліяніемъ механическихъ раздраженій укорачиваются, а послѣ прекращенія раздраженія снова удлиняются. Если околоцвѣтникъ отдѣлить отъ тычинокъ, то послѣднія вытягиваются и ложатся вдоль столбика; чѣмъ теплѣе воздухъ, тѣмъ значительнѣе удлиненіе тычинокъ и тѣмъ болѣе они изгибаются выпуклой стороной кнаружи. Если къ тычинкамъ прикоснемся теперь какимъ нибудь твердымъ тѣломъ, то всѣ нити тычинокъ тотчасъ же укорачиваются. Замѣчательно, что раздраженіе одной только тычинки вызываетъ сокращеніе только этой тычинки, причемъ послѣдняя изъ согнутаго положенія приходитъ въ прямое; но спустя короткое время, тычинка эта снова удлиняется и изгибается выпуклою стороною кнаружи. По наблюденіямъ Унгера, если сросшіеся въ трубку пыльники отрѣзать отъ нитей, то послѣднія сначала изгибаются вогнутой стороной кнаружи, а потомъ вогнутой стороной кнутри. Конъ раздражалъ отрѣзанныя отъ пыльниковъ нити, при чемъ послѣднія совершали курьезныя движенія: они сначала наклонялись кнаружи, то извиваясь, внутрь, обвивались другъ около друга и т. д. Сокращеніе витей подъ вліяніемъ механическихъ раздраженій бываетъ такъ велико, что, по изслѣдованіямъ Унгера, доходитъ до 26% длины не раздраженной нити; при этомъ нить становится толще и утолщеніе, какъ показалъ тотъ-же ученый, доходитъ до 18%. Сокращеніе нитей начинается тотчасъ-же; въ моментъ прикосновенія, даже если послѣднее было мгновенное; но за тѣмъ сокращеніе все болѣе и болѣе увеличивается и происходитъ такъ постепенно, что его не трудно прослѣдить глазами. Достигнувъ maximum своего сокращенія, нить снова начинаетъ удлиняться, сначала быстрѣе а потомъ все медленнѣе, пока не достигнетъ maximum удаленія. Электрическіе токи дѣйствуютъ точно также, какъ и механическія раздраженія. Если чрезъ нити тычинокъ пропустить слабый электрическій токъ, то, по наблюденіямъ Кона, они мгновенно укорачиваются; съ прекращеніемъ дѣйствія тока почти вновь удлиняются; новый токъ вызываетъ новое сокращеніе, которое бываетъ значительнѣе, чѣмъ сильнѣе токъ. Сильные электрическіе токи, какъ и вообще всякое чрезмѣрное механическое раздраженіе обусловливаетъ смерть нитей, послѣднія мгновенно сокращаются и уже болѣе не удлиняются.

Библиотека "Руниверс"

Смѣсь.

Оригинальности въ англійской арміи. Обычай задавать таску въ англійской арміи распространялся тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе преслѣдовались и выходили изъ моды дуэли. Какъ извѣстно, нынче англичане совсѣмъ дуэлей не признаютъ, а ихъ законъ признаетъ дуэль убійствомъ. Таска-же и приставанье къ новичкамъ, въ настоящую минуту, такъ-же распространены, какъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Драка между Рикстомъ и Венчемъ произошла по поводу того, что Рикстъ, человѣкъ вообще суровый, нелюбимый товарищами, прибывъ въ Гитъ, куда офицеры изъ всѣхъ полковъ временно высылаются для обученія стрѣльбѣ, заявилъ, что не позволитъ задать себѣ таску безнаказанно, и, получивъ ее, пожаловался начальству. Виновники были легко наказаны, и одинъ изъ нихъ рѣшился отомстить Рикстъ, присталъ къ нему на гуляньѣ и публично поколотилъ.

Происшествіе это надѣлало много шуму, много сраму даже, но, какъ говорятъ военные, къ сожалѣнію, едва-ли ослабитъ непристойный обычай «таски» и приставаньи.

Въ рѣшеніи главнокомандующаго англійскою арміею, герцога Кембриджскаго, по этому дѣлу, проскользнула другая черта англійскихъ военныхъ нравовъ—отвращеніе къ мундиру. Одинъ изъ офицеровъ, подвергнутыхъ наказанію, приговоренъ герцогомъ къ строгому, вполнѣ имъ заслуженному въ теченіи года «to wecir uniforum for sne year». По континентальнымъ, а въ особенности русскимъ нравамъ, такое наказаніе просто кажется чудовищнымъ. Англійскіе граждане, никогда не носившіе мундира, находятъ въ этомъ что-то странное, а мѣстные воины ничего страннаго не замѣчаютъ. Для послѣднихъ носить мундиръ внѣ службы истинное наказаніе. Какъ только кончился парадъ, смотръ или ученье, на которыхъ военные чины обязаны являться въ своихъ пурпурныхъ мундирахъ, всѣ офицеры быстро прячутся въ извощичьи или собственныя кареты и спѣшатъ домой, въ клубъ или казарму, что ближе, чтобы облечься въ клѣтчатые пиджаки или длиннополые черные сюртуки и общегражданскіе цилиндры. Они видимо стыдятся своего мундира, и на улицахъ только нижніе чины и изъ нихъ только тѣ, кто не имѣетъ средствъ на покупку лишней одежды, являются въ форменныхъ красныхъ курткахъ, сильно напоминая ихъ пурпурнымъ цвѣтомъ, мелькающимъ на темномъ фонѣ лондонскаго уличнаго движенія, кошениль въ парникахъ.

Некрологъ.

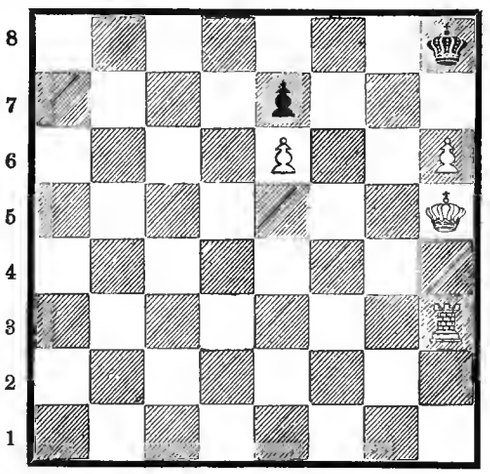
8 декабря въ Москвѣ, на 75 году отъ роду, скончался извѣстный русскій дѣятель, ученый и публицистъ **М. П. Погодинъ** Покойный принадлежалъ по рожденію къ крестьянскому сословію, но благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ и благотворительности, получилъ возможность образовать себя и поступить въ университетъ. По окончаніи курса М. П. вскорѣ получилъ каѳедру всеобщей и русской исторіи въ Московскомъ университетѣ, съ которой и поучалъ юношество, до 1845 года Уже съ 25 года отъ роду М. П. Погодинъ заявилъ себя многими серьезными сочиненіями, кромѣ того драмами, повѣстями и разсказами, которые и были впослѣдствіи имъ изданы отдѣльною книгою; кромѣ того онъ участвовалъ въ нѣкоторыхъ ежедневныхъ и періодическихъ изданіяхъ того времени а впослѣдствіи и самъ сталъ издавать въ Москвѣ журналы. Укажемъ на извѣстный въ свое время ежемѣсячный „Москвитянинъ", отличавшійся, славянофильскимъ направленіемъ; главная цѣль этаго журнала была сблизить русскихъ славянъ съ прочей славянской братіей. Преслѣдованіе этой цѣли покойнымъ не прошло безслѣдно. По его иниціативѣ въ университетахъ введено было изученіе славянскихъ языковъ и древностей. Образованіе славянскихъ комитетовъ, цѣлесообразность которыхъ уже успѣла выясниться, принадлежитъ также иниціативѣ М. П. Погодина. Въ теченіи своей жизни покойный много путешествовалъ по Россіи и заграницею, собирая на пути различные памятники русской древности, которые впослѣдствіи были пріобрѣтены отъ него Императорской публичной библіотекой за 150,000 рублей серебромъ. Самымъ выдающимся трудомъ покойнаго является 7 томовъ его критическихъ изслѣдованій по части древней русской исторіи; кому неизвѣстенъ диспутъ и полемика съ профессоромъ Костомаровымъ, по вопросуо происхожденіи варяговъ, занимавшіе въ то время все русское образованное общество? Ученость и труды М. П. Погодина обратили на него просвѣщенное вниманіе покойнаго Императора Николая Павловича, къ которому въ послѣдствіи М. П. нерѣдко удостоивался обращаться непосредственно. Посвятивъ себя изученію русской исторіи, М. П. Погодинъ велъ непрерывные переговоры и переписку съ извѣстными иностранными учеными. Какъ сторонникъ очень замѣтный извѣстностй идеи М .П конечно пріобрѣлъ немало противниковъ. Заслуги его какъ русскаго историка и публициста ставятъ имя покойнаго М. П. Погодина наряду съ первыми русскими дѣятелями и учеными. Въ слѣдующемъ № «Нивы» будетъ помѣщенъ портретъ **М. П. Погодина** и подробная біографія.

Въ пятницу 12 декабря въ С.-Петербургскомъ, Казанской Божіей матери, Соборѣ, въ присутствіи членовъ С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго комитета, была отслужена панихида по покойномъ М. П. Погодинѣ, причемъ протоіерей отецъ Янышевъ сказалъ теплую рѣчь, сущность которой заключалась въ томъ, что М. П. незарылъ въ землю таланта даннаго ему отъ Бога, а весь его употребилъ на служеніе родной землѣ.

ЗАДАЧА

Н. ЕРМИЛОВА

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задачи въ «Нивѣ» № 51.

Бѣлые.	Черные.
1) d5 — c7 +	1) a8 — b8
2) c7 — a6 +	2) b8 — a8
3) c5 — b8 +	3) h8 — b8°
4) 6 — c7 ×	
×	

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

— По всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, 26 октября сего года, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на созваніе въ С.-Петербургѣ третьяго съѣзда представителей россійскихъ земельныхъ банковъ, для обсужденія вопросовъ по программѣ, утвержденной министромъ финансовъ.

Открытіе съѣзда, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта, статсъ секретаря князя Оболенскаго, послѣдуетъ 10 сего декабря, въ 8 часовъ вечера, въ залѣ совѣта министра финансовъ.

— Генералъ-адъютантъ, генералъ лейтенантъ графъ Сумароковъ-Эльстонъ назначенъ командующимъ Харьковскаго военнаго округа.

— *Объ отсрочкѣ полной оплаты акцій с.-петербургскаго акціонернаго общества: «славянскій пиво-медоваренный заводъ».* Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, 30 октября сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ разрѣшить акціонерному обществу «Славянскій пиво-медоваренный заводъ», ограничиться въ семъ году, согласно постановленію общагособранія акціонеровъ, сборомъ капитала въ семьсотъ пятьдесятъ тысячъ рублей, по семидесяти пяти рублей на акцію, остальные же двѣсти

Библиотека "Руниверс"

пятьдесятъ тысячъ рублей, по двадцати пяти рублей на акцію, внести въ теченіе будущаго тысяча восемьсотъ семьдесятъ шестаго года, въ сроки, какіе опредѣлены будутъ правленіемъ общества, по уполномочію общаго собранія акціонеровъ, съ соблюденіемъ при этомъ изложеннаго въ § 10 Высочайше утвержденнаго 23 октября 1874 г. устава общества правила относительно публикаціи о предстоящихъ взносахъ.

Военное дѣло.

— «Рус. Міръ» передаетъ, слѣдующія новости по военному вѣдомству.

А) Главнымъ артиллерійскимъ управленіемъ предположены слѣдующія работы по ижевскому оружейному заводу: а) капитальное исправленіе каменнаго двух-этажнаго корпуса, въ которомъ помѣщаются: на верху мастерскія для производства ручныхъ работъ, а внизу казенные склады; б) ремонтъ строеній, занимаемыхъ учрежденіями оружейнаго завода, съ приспособленіемъ оныхъ подъ помѣщеніе для артиллерійскихъ чиновъ, и в) постройка десяти домиковъ, по дорогамъ въ разныхъ мѣстахъ лѣсной дачи, для зимняго размѣщенія лѣсной сторожи.

Б) На основаніи заключенныхъ условій съ ижевскимъ и сестрорѣцкимъ заводами, на поставку малокалиберныхъ винтовокъ, по цѣнѣ 27 рублей за винтовку, предполагается къ поставкѣ въ нынѣшнемъ году, сестрорѣцкимъ заводомъ, 35,000 винтовокъ, 40,000 винтовокъ въ 1877 и 1878 годахъ, и вновь 35,000 винтовокъ въ 1879 году, для окончанія полностію наряда; ижевскимъ заводомъ въ 1876, 1877 и 1878 годахъ будетъ поставлено по 30,000 винтовокъ, а въ 1879 году 35,186 винтовокъ.

В) Въ числѣ работъ, проектируемыхъ по Брестъ-Литовску, въ будущемъ году, включены: устройство на оконечностяхъ рвовъ семи каменныхъ впускныхъ и выпускныхъ шлюзовъ; укрѣпленіе фашинными работами и обдѣлка булыжнымъ камнемъ крутостей плотинъ и береговъ рѣкъ Буга и Мухавца; въ будущемъ же году предполагается окончить сооруженіе 24 казематовъ подъ валгангами 2-хъ куртинъ Кобринскаго укрѣпленія.

Б) *Петербургскому*: перекрыть новымъ желѣзомъ ветхія крыши надъ зданіемъ парусной и такелажной мастерскихъ въ новомъ адмиралтействѣ; б) устроить новыя обсерегательныя палы въ правомъ рукавѣ рѣки Фонтанки по Галерному островку и передѣлать деревянную обдѣлку части берега Невы, отъ малыхъ эллинговъ до лѣваго рукава Фонтанки.

В) *Ревельскому*: устроить въ адмиралтействѣ желѣзную дорогу въ механическія мастерскія и кладовыя оныхъ.

Г) *Николаевскому*: а) окончить исправленіе угольнаго склада съ перестройкой дома для пріемной коммисіи и постройкою въ складѣ новаго навѣса для кокса; б) устроить желѣзныя дороги внутри и снаружи мастерской броненоснаго судостроенія и в) приспособить фундаменты для установки въ мастерской станковъ.

Д) *Севастопольскому*: а) возобновить бывшій шлюбочный сарай подъ магазинъ; съ устройствомъ пристани и ограды для склада угля, и б) окончить работы по сооруженію верхней церкви храма св. Владиміра, съ устройствомъ церкви въ подвальномъ этажѣ.

и Е) *По портамъ Восточнаго океана*: а) построить во Владивостокѣ вчернѣ зданіе, для управленія портами Восточнаго океана; б) капитально исправить казарму въ Николаевскѣ, и въ оградить палами зимующія во льдахъ суда.

Петербургскія извѣстія.

— Во вторникъ, 9 декабря, Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великому Князю Владиміру Александровичу и Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ имѣли честь быть представленными турецкій посолъ Кабулн-паша, первый секрекарь посольства Наумъ-эффенди и состоящіе при турецкомъ посольствѣ Махмудъ-Недимъ-бей и Раллимъ-эффенди.

— Въ настоящее время въ Петербургѣ находится Ида Вальфридъ, прибывшая въ нашу столицу съ цѣлію открытія здѣсь женской ксилографической мастерской. Г-жа Вальфридъ обучалась гравированію на деревѣ у лучшихъ германскихъ граверовъ и достигла въ граверномъ дѣлѣ высокаго искусства: гравюры ея работы, примѣчательны своею художественностію. Г-жа Вальфридъ имѣетъ въ виду открыть при своей мастерской отдѣленіе для обученія ксилографическому искусству какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ.

Морское дѣло.

— Строящійся казенными средствами на Галерномъ островкѣ желѣзный клиперъ «Джигитъ» (длиною 207½ фут. шир. 32 фут. 11 дюймъ.; водоизмѣщенія тоннъ 133,402; механизмъ въ 250 нарицательныхъ силъ) предполагается приготовить къ плаванію въ будущую навигацію. По технической смѣтѣ на постройку корпуса клипера исчислено 477,527 рублей, изъ числа коихъ предоставлено по настоящее время въ распоряженіе порта 271,370 рублей.

— Морскимъ министерствомъ предполагаются къ производству въ 1886 году слѣдующія новыя постройки, перестройки и капитальныя исправленія зданій и сооруженій по порту:

А) *Кронштадтскому*: проектировано къ ассигнованію: а) 127,000 р. на углубленіе канала къ новому доку; б) 100,000 р. на перестройку стѣнки, ограждающей гавани, и в) 75,000 руб. въ счетъ 2.297,000 рублей, исчисленныхъ по составленному въ 1861 году соображенію на сооруженіе двухъ новыхъ доковъ; г) построить новую казарму со службами для чиновъ гвардейскаго экипажа въ Петергофѣ; д) окончить работы по устройству новаго желѣзнаго разводнаго моста, деревяннаго «Синяго».

Слухи и извѣстія.

— Въ главномъ управленіи общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ получены въ пользу переселившихся въ Черногорію герцеговинцевъ отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Сергія и Павла Александровичей 1,000 руб. и собранныхъ Ихъ Высочествами для той же цѣли 378 руб.

— Изъ Лукова, Сѣдлецкой губерніи, пишутъ, что работы на строющейся вѣтви привислянской желѣзной дороги, на протяженіи отъ Лукова (станція варшавско-тереспольской желѣзной дороги) до крѣпости Ивангорода подвинулась уже настолько успѣшно впередъ, что только что оконченный телеграфъ на всей этой линіи уже началъ дѣйствовать пока по дѣламъ строителей.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Кружку читателей журнала „Нива" въ г. Калязинѣ. Ваше предложеніе, изложенное въ письмѣ отъ 5 сего Декабря будемъ имѣть въ виду.

СОДЕРЖАНІЕ: Серебряный тронъ Царей Петра I и Ивана V (съ рисункомъ) **П. Петрова.**—**Кто выигралъ?..** (Изъ современной уголовной хроники). Романъ **Ф. Фридриха** (окончаніе). — Лука Петковичъ (съ портретомъ). — Переходъ артиллеріи и обозовъ чрезъ хребетъ «Аристанъ-бель-тау» (съ рисункомъ) **Н. Каразина.**— Бука (съ рисункомъ).—Живыя игрушки (съ рисункомъ).— Движеніе растеній.—Смѣсь. — Некрологъ.—Шахматы.— Разныя извѣстія.—Почтовый ящикъ. — Заявленіе. — Отдѣльный листъ объявленій.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Этимъ нумеромъ заканчивается 1875 или **шестой годъ** существованія нашего журнала. Дорогія преміи, выданныя въ нынѣшнемъ году, увеличеніе размѣра (до натуральной величины) выкроекъ въ приложеніи „Моды" и расширеніе этого отдѣла — все это всякаго, кто только пожелаетъ вникнуть въ дѣло, должно убѣдить въ томъ, что въ Россіи, при извѣстной нормѣ читающей публики, за эту скромную цѣну **ни одинъ журналъ больше дать не можетъ.** Мы надѣемся видѣть въ числѣ абонентовъ на 1876 годъ—нашихъ прошлогоднихъ подписчиковъ.

Къ 1-му № 1876 г. будетъ приложенъ **большой стѣнной календарь**, напечатанный черной и синей красками; кромѣ того „Моды" **за Январь** съ 21 рисункомъ и большой листъ выкроекъ въ натуральную величину. Съ 1-го № 1876 г. начнется печатаніемъ послѣднее произведеніе г. Всеволода Крестовскаго (автора „Петерб. Трущобъ") **разсказъ „Кто лучше".**

О повѣстяхъ, романахъ, разсказахъ и проч. которые мы будемъ печатать въ теченіе наступающаго 1876 г. было уже нами сказано въ объявленіи нашемъ объ изданіи „Нивы" приложенномъ нами при № 46. Кромѣ того намъ обѣщана большая **историческая повѣсть** однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ литераторовъ. Сюжетъ повѣсти взятъ изъ русской исторіи XVII вѣка. Число сотрудниковъ „Нивы" какъ по художественному такъ и по литературному отдѣлу постоянно увеличивается такъ что въ будущемъ 1876 г. мы надѣемся улучшить эти отдѣлы.

Преміи на 1876 годъ уже приготовляются и конечно еще болѣе удовлетворятъ чѣмъ выданныя въ настоящемъ году, за которыя наши подписчики уже удостоили насъ столькими благодарностями.

При этомъ нумерѣ прилагается листъ объявленіи на стр. 837 и 838.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 15 Декабря 1875 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морской, д. № 9. Тип. Лесснера, Англ. пр. № 10.

Библиотека Руниверсал